

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ, МОЛОДЕЖИ И СПОРТА
УКРАИНЫ

Днепропетровский национальный университет
имени Олеся Гончара

На правах рукописи

РОМАШКО Владимир Андреевич

УДК 903'14(477.5)"6377"

НАСЕЛЕНИЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО
ВЕКА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ
(по материалам богуславско-белозерской культуры)

Исторические науки – 07.00.04 – археология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Киев – 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6
РАЗДЕЛ 1. Очерк истории исследования памятников богуславско-белозерской культуры. Историография проблемы культуры племен постсрубного времени Левобережной Украины	17
1.1. История исследования памятников богуславско-белозерской культуры. Этапы формирования источниковой базы.....	17
1.2. Историография проблемы культуры племен постсрубного времени Левобережной Украины.....	29
1.2.1. Динамика представлений о верхних хронологических рамках срубной культуры и постсрубных новообразованиях заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины.....	29
1.2.2. Вопросы определения пространственно-временных рамок контактного региона общности КВК и взаимодействия богуславско-белозерских племен с носителями сопредельных культур степной и лесостепной зон Восточной Европы.....	51
РАЗДЕЛ 2. Методология, методы и методика исследования, характеристика источниковой базы.....	71
2.1. Методология, методы, методика исследования.....	71
2.2. Характеристика источниковой базы.....	78
РАЗДЕЛ 3. Вопросы периодизации, относительной и абсолютной хронологии богуславско-белозерской культуры.....	101
3.1. Стратиграфия памятников и горизонтов богуславско-белозерской культуры.....	103
3.2. Хронология памятников этапа прото-ББ.....	115
3.3. Хронология памятников этапа ББ1.....	132
3.4. Хронология памятников этапа ББ2.....	155
РАЗДЕЛ 4. Хозяйство богуславско-белозерских племен.....	172

4.1. Ландшафтные и климатические особенности Среднего Поднепровья и Левобережной Украины в позднем бронзовом веке.....	172
4.2. Отрасли хозяйства, связанные с обеспечением продовольственной базы.....	179
4.2.1. Земледелие.....	179
4.2.2. Скотоводство.....	184
4.2.3. Охота и рыболовство.....	192
4.3. Ремесленное производство.....	194
4.3.1. Керамическое производство.....	195
4.3.2. Металлообработка и особенности формирования комплекса металлических изделий.....	200
4.3.3. Кожевенное производство.....	212
4.3.4. Косторезное производство.....	215
4.3.5. Ткачество и прядение.....	218
4.3.6. Обработка камня и кремня.....	219
4.4. Домостроительство племен богуславско-белозерской культуры.....	222
4.4.1. Жилища и хозяйственные постройки богуславско-белозерской культуры.....	225
4.4.2. Особенности домостроительства богуславско-белозерских племен.....	232
4.4.3. Домовые формы.....	239
4.4.4. Домовые ландшафты и ландшафты домовых форм.....	251
РАЗДЕЛ 5. Духовная культура и погребальная обрядность богуславско-белозерских племен. Общеиндоевропейские, иранские и индоарийские культовые элементы в срубной и богуславско-белозерской культурах.....	255
5.1. Культовые комплексы поселений срубной и богуславско-белозерской культур.....	256
5.2. Погребальный обряд богуславско-белозерских племен.....	268
5.3. Общеиндоевропейские, иранские и индоарийские культовые элементы в срубной и богуславско-белозерской культурах.....	286

РАЗДЕЛ 6. Историко-культурные процессы на территории Левобережной Украины на заключительном этапе позднего бронзового века.....	303
6.1. Генезис богуславско-белозерской культуры. Богуславско-белозерские племена на этапе прото-ББ	303
6.2. Историко-культурное развитие богуславско-белозерских племен на этапе ББ1	317
6.3. Деструкция и трансформация богуславско-белозерской культуры на этапе ББ2. Исторические судьбы богуславско-белозерских племен лесостепного и степного вариантов	348
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	373
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение А. Список поселений богуславско-белозерской культуры.....	382
Приложение Б. Список жилищ и хозяйственных построек богуславско-белозерской культуры.....	403
Приложение В. Список святилищ и жертвенников срубной и богуславско-белозерской культур Украины	413
Приложение Д. Список погребений богуславско-белозерской культуры	417
Приложение Ж. Материальная культура богуславско-белозерских племен..	421
Приложение З. (Табл. 1-14). Статистические таблицы	446
Приложение К. (Табл. 15). Синхронизация культур заключительного этапа позднего бронзового века Восточной Европы и Казахстана	492
Приложение Л. Список иллюстраций.....	493
Приложение М. Иллюстрации	505
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ, ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ	631
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	774

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АК – археологическая культура

Б – банки

ББ1 – богуславско-белозерский этап 1

ББ2 – богуславско-белозерский этап 2

ББК – богуславско-белозерская культура

БВ – банковидные сосуды

БМСК – бережновско-маевская срубная культура

В – вазы

Г – горшки

КВК – культуры валиковой керамики

КИО – культурно-историческая общность

КИОМК – культурно-историческая общность многоваликовой керамики

ККИО – катакомбная культурно-историческая общность

КМК – культура многоваликовой керамики

К – кубки

КП – кубки на поддоне

КР – корчаги

М – миски

МС – миски-сковороды

Прото-ББ – прото-богуславско-белозерский этап

СТ – стаканы

Ч – черпаки

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Заключительный этап позднего бронзового века Евразии характеризуется началом сложения новых культурно-хозяйственных типов, возросшей активностью взаимодействия между племенами и их объединениями и, как следствие, формированием новых культурно-исторических общностей, ведущее место среди которых принадлежало общности культур валиковой керамики (КВК). Ее территория разделена Е.Н. Черных на западную, контактную и восточную зоны [Черных Е.Н., 1983, с.82, 86, рис.1]. Степень изученности отдельных археологических культур общности неравномерна. К группе недостаточно изученных с полным правом возможно отнесение культуры, сложившейся в XIII в. до н. э. на территории Левобережной Украины на основе бережновско-маевской срубной культуры (далее БМСК) и просуществовавшей до конца эпохи бронзы. В литературе эта культура контактной зоны общности КВК до сих пор не получила общепризнанного терминологического определения. Т.А. Шаповаловым ее комплексы выделены во II сабатиновский и финальный горизонты срубной культуры Северского Донца [Шаповалов, 1976; 1983/№ 620]. В.Р. Иваницким материалы этой культуры определены термином «финальносрубные» [Иваницкий, 2005]. С.И. Берестневом они включены в третий, заключительный этап лесостепной срубной культуры. Позже этим же исследователем часть памятников постсрубного времени отнесена ко второму этапу срубной культуры, часть – к раннему железному веку [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; 1994; 2001]. В.Н. Горбовым памятники культуры рассматриваются в рамках IV–V горизонтов срубной культуры Северо-Восточного Приазовья [Горбов, 1993; 1994; 1995; 1996; 1997]. Я.П. Гершковичем она определена термином «постсрубная» [Гершкович, 1998]. Распространен в историографии и термин «позднесрубная» культура [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; 1994; Горбов, 1993; 1994; 1995; 1996; 1997]. В.В. Отрощенко памятники Левобережной Украины этого периода отнесены к культурному полю белозерских древностей [Отрощенко, 1998, s.353–360; Отрощенко, 2001; 2003]. Эти же памятники Ю.И. Колевым рассматриваются в качестве эталонных проявлений ивановской культуры [Колев, 2000; 2008].

Термин «позднесрубная культура» скорее применим для определения заключительного периода БМСК, на основе которой формируются новые культурные образования заключительного этапа позднего бронзового века. Использование термина «постсрубный» правомерно только для определения хронологической ниши существования этих культурных новообразований. Нами предложен термин «срубно-белозерская культура» [Ромашко, 2000а, с.134–142; 2000, с.19; 2001а, с.50–52; 2002, с.91–99; 2006, с.7–11], который, как нам казалось, с одной стороны отражает генетическую связь культуры постсрубного времени со срубной, с другой – определяет ее хронологическое положение как особого культурного феномена в системе общности КВК. Однако и этот термин оказался не вполне удачным, так как формально предполагает трактовку «втягивания» срубной культуры в круг культур заключительного этапа позднего бронзового века. Поэтому в контексте предложенного нами положения о существовании в Северном Причерноморье белозерской группы культур КВК [Ромашко, 1996б, с.66–69] для обозначения культуры постсрубного времени Левобережной Украины в дальнейшем употребляется термин богуславско-белозерская культура (ББК). Предложенное наименование культуры правомерно исходя из того, что стратифицированные материалы Богуславского поселения наиболее полно отражают своеобразие постсрубных памятников Левобережной Украины, реально соответствующих культуре поселения на Белозерском лимане [Горбов, 1995, с.52–72; Ромашко, 1996б, с.66–69; 2013].

Богуславско-белозерский феномен по основным характеристикам в полной мере соответствует традиционной для археологической науки трактовке понятия «археологическая культура» (АК), как совокупности археологических памятников, объединенных одним временем, единой территорией и артефактами с общим набором признаков. Оставляя в стороне терминологический аспект продолжительной дискуссии по проблеме АК, отметим, что в современной историографии последняя рассматривается как данность, за которой может стоять этнос или группа этносов, или же непосредственно как материальные остатки отдельных этносов или этнических общностей [Гаврилюк, 1996, с.16–17 (там же основная литература по вопросу)].

Уровень современных знаний о заключительном этапе позднего бронзового века Восточной Европы позволяет конкретизировать представления о пространственно-временных границах контактной зоны общности КВК и ее культурном содержании. В условиях установления факта принадлежности сабастиновской и белозерской культур западной зоне общности [Шарафутдинова И.Н., 1982; Черняков, 1985; Ванчугов, 1990, Гершкович, 1993/№ 739; 1997; 1998; 2002а; Отрощенко, 2001; 2003] необходимость такой корректировки вполне обоснована.

В археологии понятие «контактная зона» понимается как территория, на которой, во-первых, осуществляется связь двух или большего количества носителей культурного феномена, во-вторых, как некая особая культурная функция, возникшая в результате этой связи [Дергачев, 1991, с.77]. Этому определению в Северном Причерноморье вполне соответствует район лесостепного и степного Днепро-Северско-днепровского междуречья и Северо-Восточного Приазовья, занятый ББК, сформировавшейся на основе местной БМСК и впитавшей культурные составляющие западной и восточной зон общности КВК, а также сопредельного лесостепного компонента. В этом контексте территорию ББК правомерно рассматривать как контактную зону второго уровня, то есть контактный регион, отражающий культурно-исторические процессы и явления, протекающие в поле взаимодействия конкретных археологических культур [Дергачев, 1991, с.79].

В последнее время сложилось представление о территории, рассматриваемой нами в качестве контактного региона общности КВК, как о своеобразном «котле», в котором в XII–X вв. до н. э. отразились проявления восточного, северо-восточного и западного происхождения [Гершкович, 1998, с.84].

В этой связи отметим, что принципиальным отличием нашего исследования является то, что Левобережная Украина рассматривается не столько с позиций внешних проявлений этнокультурных связей между Нижним Поднепровьем, Подонцовьем и Северо-Восточным Приазовьем [Гершкович, 1998, с.61–92], сколько с позиций установления характера и направленности взаимосвязей проживавших здесь постсрубных племен с инокультурным населением сопредельных территорий. Последнее позволило определить генезис ББК (культурной функции по В.А. Дерга-

чеву [Дергачев, 1991, с.77]) как части целостной системы взаимодействия нескольких этнокультурных компонентов, обусловивших историко-культурное развитие юга Восточной Европы не только в позднем бронзовом, но и в начале раннего железного веков. Еще раз подчеркнем, что древности ББК рассматриваются как самостоятельное культурное явление, таксономически равное Ноуа, Кослодженъ, сабашиновской, белозерско-тудоровской, белогородовско-чернолесской, ивановской, отрадненской, кобяковской, саргаринско-алексеевской и другим культурам общности КВК Евразии, некоторые из которых, как и ББК, имеют срубную генетическую основу.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что актуальность темы диссертации определяется отсутствием обобщающего исследования контактного для общности КВК региона Левобережной Украины и одной из его основных культурных составляющих – ББК.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Исследование выполнено на кафедре историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара в рамках кафедральных научно-исследовательских тем: «Теоретико-методологічні проблеми археології, джерелознавства та архівознавства» госрегистрационный № ІФ-21-10; «Регіональна історія модерного часу, воєнна історія України XV–середини XVII ст., та культура давнього населення України» госрегистрационный № 0113U003032.

Цель и задачи исследования. Целью работы является создание концепции историко-культурного развития племен ББК в контексте взаимодействия поликультурного и полиэтничного населения Левобережной Украины и культур сопредельных территорий в соответствии с современным состоянием источниковой базы и ее интерпретационными возможностями.

Указанная цель предопределяет необходимость постановки и решения следующих конкретных задач:

- создание очерка истории исследования памятников ББК; определение этапов формирования источниковой базы; историографический анализ проблем культуры населения постсрубного времени Левобережной Украины, включающий вопросы

динамики представлений о верхних хронологических рамках срубной культуры, новообразованиях заключительного этапа позднего бронзового века и определения пространственно-временных рамок контактного региона общности КВК;

- обобщение данных о топографии, размерах и планировке поселений, особенностях домостроительства племен лесостепного и степного вариантов ББК; определение пространственных границ домовых ландшафтов и их места в ландшафтах домовых форм Евразии;

- обобщение данных о материальной культуре и хозяйстве племен ББК в контексте физико-географической зональности и динамики климатических условий позднего бронзового века;

- систематизация данных о культовых комплексах поселений и погребальной обрядности богуславско-белозерских племен; выявление универсальных для срубного и постсрубного ираноязычного мира черт духовной культуры и культов; сопоставление их с семантикой ритуальных действий иранцев и индоариев доэроастрийского, раннеэроастрийского и ведийского времени с привлечением соответствующих аналогов из архаических религиозно-мифологических и космогонических схем других индоевропейских этносов;

- установление места памятников ББК в системе синхронных культур заключительного этапа позднего бронзового века Евразии; создание схемы периодизации богуславско-белозерских древностей; определение их относительной и абсолютной хронологии;

- характеристика историко-культурных процессов на территории Левобережной Украины на заключительном этапе позднего бронзового века в контексте взаимоотношений племен ББК с малобудковско-студенокско-бондарихинскими и племенами сопредельных культур Восточной Европы; решение вопросов генезиса ББК, ее развития, деструкции и трансформации на рубеже бронзового и раннего железного веков; установление исторических судеб богуславско-белозерских племен лесостепного и степного вариантов на фоне общевразийских историко-культурных тенденций, предопределивших возникновение и исчезновение общности КВК.

Объектом исследования являются историко-культурные процессы заключительного этапа позднего бронзового века на территории Левобережной Украины в контексте формирования, развития, деструкции и трансформации ББК как составляющей части общности КВК.

Предметом исследования выступают археологические памятники ББК лесостепной и степной Украины – контактного региона общности КВК.

Методологическая основа, методы исследования. Методологической основой работы является совокупность общенаучных (аналитического и синтетического, индуктивного и дедуктивного), специально-исторических (сравнительно-исторического, сравнительно-этнографического или этноархеологического и др.) методов, которые основываются на привлечении базовых принципов научного познания (историзма, многофакторности, всесторонности, системности, объективности, междисциплинарного и др.).

Эмпирические обобщения материалов и выявление эмпирических закономерностей опирается на традиционные для археологической науки методы – стратиграфический, сравнительно-типологический, формально и функционально-типологический, картографический, планиметрический и др.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в украинской археологии предпринято обобщающее исследование, посвященное постсрубному горизонту древностей заключительного этапа позднего бронзового века Украины. Представляющая его ББК рассматривается как культурный феномен, таксономически соответствующий позднесабатиновской, белозерско-тудоровской, белогрудовско-раннечернолесской, кобяковской, ивановской, саргаринско-алексеевской, амиробадской и другим культурам общности КВК Евразии, некоторые из которых, как и ББК имеют срубную генетическую основу. Уточнены критерии отбора и систематизации памятников ББК, обоснована необходимость их локальной дифференциации. Разработана периодизация культуры, уточнена относительная и абсолютная хронология конкретных памятников, стратиграфических и культурно-хронологических горизонтов. С привлечением широкого круга аналогов впервые проведен системный анализ всей совокупности предметов богуславско-белозерского материаль-

ного комплекса, рассмотрена динамика направленности хозяйственной племен ББК в разнящихся физико-географических и природно-климатических условиях. Предметом специального изучения явились также вопросы духовной культуры и погребальной обрядности богуславско-белозерского общества, большинство аспектов которых имеют авторский приоритет и обобщены в диссертации с учетом наработок других исследователей. С новых позиций рассмотрены сложные по содержанию и форме процессы историко-культурного развития Левобережной Украины как целостной системы взаимодействия нескольких этнокультурных компонентов, формирующих археологические реалии не только финального бронзового, но и начала раннего железного веков значительной части Восточной Европы.

Хронологические рамки исследования охватывают 350-летний период, соответствующий времени формирования, развития, деструкции и трансформации ББК, синхронной культурам второй фазы общности КВК [Черных Е.Н., 1983, с.95]. Относительная и абсолютная хронология памятников ББК позволяет определить время существования этого культурного феномена серединой XIII–X вв. до н. э. и выделить периоды, характеризующиеся доминированием в контактном регионе влияния тех или иных культурных образований сопредельных территорий. Это обусловило специфику ББК на общем фоне этнокультурного пространства Восточной Европы заключительного этапа позднего бронзового века. Единая терминология для обозначения временных границ этого этапа в литературе не сложилась. Исследователями используются такие термины как «финальный бронзовый век», «заключительный период эпохи поздней бронзы», «заключительный этап позднего бронзового века». В схеме хронологии культур и металлоносных комплексов Восточной Европы, предложенной В.А. Дергачевым и В.С. Бочкаревым, этот этап соответствует IV и V периодам позднего бронзового века [Дергачев, Бочкарев, 2000, рис.1]. В.В. Отрощенко предлагает рассматривать культуры Восточной Европы XII–X вв. до н. э. как переходные от бронзового к раннему железному веку [Отрощенко, 2001, с.15–16]. Я.П. Гершкович считает начало белозерского периода условной нижней хронологической границей позднейшего предскифского периода [Гершкович, 1998, с.89]. Некоторыми авторами археологические культуры XII–X вв. до н. э. рассматри-

ваются уже в рамках раннего железного века [Чмыхов, Черняков, 1988, с.135–140; Берестнев, 2001, с.116, 149].

Территориальные рамки исследования ограничены зоной распространения памятников ББК, которая в целом совпадает с одним из ее пяти административно-территориальных образований – Левобережной Украиной, включающей Донецкую, Луганскую, Полтавскую, Харьковскую области и южную часть Сумской, а также с восточными районами областей Запорожья и Правобережной Украины – Днепропетровской, Запорожской, Кировоградской, Херсонской, Черкасской. В физико-географическом отношении она совпадает с двумя ландшафтными зонами – Лесостепью и Степью [Артюшенко, 1970; Заставный, 1994; Мильков, 1964; 1967; Чижов, 1961], а также Предстепьем и Донецкой интрозональной лесостепью [Докучаев, 1953; Березанская, 1982, с.116; Ромашко, 1986, с.120–136; Ковалева И.Ф., 1987/№ 653].

Источниковую базу исследования составляют данные о 138 бытовых памятниках, 79 жилых и хозяйственных помещениях, 24 святилищах и жертвенниках, 22 погребениях, а также литейных мастерских, кладках и случайных находках орудий и предметов вооружения заключительного этапа позднего бронзового века.

Значительная часть этих материалов получена в результате работ экспедиций Днепропетровского национального университета (ДНУ). В частности, группа поселений с материалами постсрубного времени выявлена И.Ф. Ковалевой в 1960-х гг. при проведении разведок в бассейнах Орели и Самары. С 1976 г. археологические исследования ДНУ осуществляются при участии или под руководством диссертанта. В плане направленности исследования интерес представляют раскопки и разведки поселений заключительного этапа позднего бронзового века с постсрубными или поликультурными материалами – Богуслава-1, 2, Бузовки, Залинейного, Павлограда, Старой Игрени, Шолохово и др. Уровень информативности материалов полевых исследований позволил включить Предстепье в постсрубную культурную зону, что ликвидировало «белое пятно», разделявшее поселение на Белозерском лимане от однокультурных ему поселений левобережной Лесостепи, Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья.

Вторая часть источников представлена опубликованными, архивными и фондowymi материалами других археологических центров и организаций. В частности, использованы данные о памятниках, исследованных в первой половине XX в. В.А. Городцовым, Днепрогэсовской экспедицией Наркомпроса УССР (1927–1932), сотрудниками Харьковского исторического музея. В количественном отношении в выборке преобладают памятники из разведок и раскопок, осуществленных во второй половине XX–начале XXI вв. Краснолиманской, Северско-Донецкой, Днепро-Донбасской, НПК «Археолог» и другими экспедициями Института археологии НАН Украины, экспедициями Донецкого, Луганского Восточнoукраинского, Харьковского, государственных университетов, Донецкого краеведческого и Харьковского исторического музеев, Донецкой, Харьковской областных, Енакиевской городской организаций Украинского общества охраны памятников истории и культуры, Луганской археологической инспекции, Харьковской областной станций юных техников, Донецкого областного Дворца пионеров и школьников и др.

Информативность некоторых памятников невысока в силу плохой сохранности культурного слоя, разведовательно-осмотрового характера полевых изысканий, утраты документации и фондовых коллекций, неполноты публикаций. Однако, во всех рассматриваемых регионах Левобережной Украины, присутствуют и полноценные, хорошо документированные комплексы, которые и составляют основу источниковой базы исследования.

Информационный потенциал материалов ББК расширен за счет привлечения серии палеопочвоведческих, палеоботанических, остеологических анализов, проведенных О.П. Журавлевым, И.В. Ивановым, Е.Ю. Лебедевой, Г.А. Пашкевич.

Практическая ценность полученных результатов заключается в возможности использования ее результатов при создании обобщающих исследований по археологии и древней истории Украины, Восточной Европы и Евразии, составлении соответствующих разделов Сводов памятников истории и культуры, учебных пособий и курсов лекций для вузов, школьных учебников, музейных экспозиций.

Теоретическая ценность исследования заключается в создании новых перспективных подходов к изучению археологических культур заключительного этапа

позднего бронзового века Левобережной Украины. Введение в процесс научного познания историко-культурных процессов последней трети II тыс. до н. э. в Восточной Европе и, в целом Евразии, нового этнокультурного компонента (ББК) позволило конкретизировать представление о механизме формирования, условиях функционирования и деструкции общности КВК.

Личный вклад соискателя. С 1976 г. автор работает на раскопках разновременных памятников археологии (от эпохи нео-энеолита до XVIII–XIX вв.) в Днепропетровской области, в том числе связанных с проблематикой культур заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины. В 1982–1993 гг. возглавлял Самарский и Левобережный отряды археологической экспедиции ДГУ, с 1999 г. руководит Целевой археологической экспедицией ДНУ и иными экспедициями, связанными с проведением археологических работ на новостройках. Автор исследовал или принял участие в исследовании группы погребений и 11 поселений заключительного этапа позднего бронзового века (Богуслав-1 и 2, Бузовка, Залинейное, Лобойковка-1, Лоцманская Каменка, Морозовское, Павлоград, Песчанка, Старая Игрень, Шолохово). Большая часть этих материалов нашла отражение в публикациях. В монографии, статьях и докладах на научных конференциях диссертантом основаны или получили дальнейшее развитие такие направления в изучении постсрубных древностей как топография и планировка поселков, домостроительство, территориальные и архитектурные особенности домовых ландшафтов и ландшафтов домовых форм, духовная культура и погребальная обрядность, генезис ББК, периодизация и хронология [Ромашко, 1982, с.54–59; 1983, с.54–60; 1985, с.90–97; 1986, с.120–136; 1993, с.79–91; 1994, с.161–163; 1995, с.64–65; 1995а, с.114–134; 1995б; 1996, с.150–152; 1996а, с.46–51; 1996б, с.66–69; 1997, с.61–62; 1999а, с.119–138; 2000а, с.134–142; 2001, с.167–177; 2001а, с.50–52; 2001б, с.132–145; 2002, с.91–99; 2006, с.7–11; 2011, с.101–104; Ромашко, Марина, 1993, с.120–121]. В работе, написанной совместно с З.П. Мариной, нашли отображение авторские представления о культурно-хронологической характеристике керамических комплексов поселения Богуслав-1. В других созданных в соавторстве работах

диссертанту принадлежат стратиграфические интерпретации поселений заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины.

Апробация результатов диссертации осуществлена в форме докладов, которые обсуждались на заседаниях кафедры историографии, источниковедения и архивоведения ДНУ, Отдела энеолита–бронзового века ИА НАН Украины, Первом Всесоюзном полевом семинаре, проведенном в 1990 г. в Днепропетровске и Южноукраинске, научных конференциях в Запорожье (1994, 1996), Днепропетровске (1995, 1999), Донецке (1996), Харькове (1997), Самаре (2001), Тирасполе (2002), Оксфорде (2004), Алчевске (2011).

Публикации. По теме работы диссертантом опубликовано 39 научных работ. Среди них одна монография, 23 статьи в научных специализированных (фаховых) изданиях; 3 – в сборниках научных трудов и журналах, 12 – в тезисах и материалах научных конференций международного, украинского и регионального уровней.

Объем и структура работы. Рукопись диссертации состоит из списка сокращений, вступления, шести разделов и заключения, которые составляют основной текст работы (381 стр.). Приложение (394 стр.) включает список использованных источников, литературы и архивных материалов, которые насчитывают 1332 позиции; список памятников, содержащий краткие сведения о поселениях, погребениях, жилищах, хозяйственных постройках и культовых сооружениях ББК; формально-типологическую характеристику вещевого комплекса; 14 статистических таблиц и таблицу синхронизации культур заключительного этапа позднего бронзового века Восточной Европы и Казахстана; 126 рисунков, сопровождаемых подрисуночными подписями. Общий объем рукописи – 775 страниц.

РАЗДЕЛ 1

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ БОГУСЛАВСКО-БЕЛОЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ ПЛЕМЕН ПОСТСРУБНОГО ВРЕМЕНИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

1.1. История исследования памятников богуславско-белозерской культуры. Этапы формирования источниковой базы

Историю исследования памятников ББК можно разделить на четыре этапа. Они отражают процесс формирования источниковой базы и последовательность определения районов распространения поселений и погребений культуры (список памятников ББК см. в Приложениях А, Б, В, Д).

Первый этап. Выделение этого этапа (начало XX в.–конец 1940-х гг.) достаточно условно, так как в этот период раскопки памятников ББК носили эпизодический характер.

В частности В.А. Городцовым в начале XX века проведены небольшие по объему раскопки поселения у оз. Чернецкое на Северском Донце. Памятник синхронизирован с погребениями срубной культуры в срубках [Городцов, 1907]. Серия постсрубной керамики найдена И.Ф. Левицким в 1937 г. при раскопках многослойного поселения Безлюдовка-1 [Буйнов, 1977, с.214; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99].

В рамках работ Днепрогэсовской экспедиции Наркомпроса УССР А.К. Тахтаем в днепровском Надпорожье проведены раскопки поселения у с. Федоровка [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.26–33, рис.36], на котором присутствует серия обломков посуды, характерной для ББК и общности КВК восточной зоны. В общей массе погребальных памятников, исследованных Днепрогэсовской экспедицией 1927–1932 гг. также представлены несколько погребений [Фабрициус, 1927, с.8–9, рис.26, 6–8; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.74–77], обрядность которых, по нашему мнению, соответствует нормам ББК [Ромашко, 1999а, с.119–138].

Второй этап (конец 1940-х–середина 1960-х гг.) характеризуется началом формирования археологической базы источников ББК и первоначальным их осмыс-

лением. Среди полевых работ этого периода особое значение имеют раскопки в 1946–1947 гг. О.А. Кривцовой-Граковой поселения на Белозерском лимане (экспедиция МГУ) [Кривцова-Гракова, 1949, с.76–85, рис.30–33; 1955, с.117, 119–122, рис.27, 1–15], комплекс керамики которого синхронизирован с хвалынскими (позже переименованными в ивановские) древностями Поволжья.

Экспедициями ИА АН УССР в 1950–1960-е гг. под руководством Д.Я. Телегина, О.Г. Шапошниковой, В.А. Ильинской, А.В. Бодянского в Нижнем Поднепровье исследована группа поселений, которые в культурно-хронологическом отношении были сопоставлены с Белозерским лиманом. Речь идет о таких памятниках, как Ушкалка, Васильевка, Верхняя Тарасовка, Капуловка, Михайловка [Телегин, 1954/26; 1961, с.3–4; Шарафутдинова И.М., 1961, с.12–25; 1982, с.14; Гершкович, 1998, с.63; Gerškovič, 1999; Дровосекова, 2002, с.131–154].

Еще одно поселение заключительного этапа позднего бронзового века в Поднепровье открыто в 1956 г. В.А. Мизиным на п-ве Игрень [Мізін, 1970 с.214–216]. Дальнейшими работами на памятнике [Ромашко, 1985, с.90–97] выявлены материалы, в настоящее время рассматриваемые нами в качестве позднейших проявлений культуры богуславско-белозерских племен.

Информативными в контексте проблематики являются поселения южного лесостепного Поднепровья – Мошны, Чикаловка, Максимовка [Кухаренко, 1963, с.248–249; Ильинская, 1960, с.50–57; Березанская, 1972, с.129; 1976, с.215; Куштан, 2005, с.105–106; 2006, с.259–272; 2007/№ 864, с.190; Митрофанова, Телегин, Шмаглий, 1962, с.98; Шарафутдинова И.Н., 1964, с.153–169; Даниленко В.М., 1958/1г], выявленные и исследованные в этот период Днепродзержинской, Кременчугской, Первобытно-скифской экспедициями ИА АН УССР, руководимыми В.Н. Даниленко, В.А. Ильинской, Д.Я. Телегиным, А.И. Тереножкиным и др. Под руководством А.И. Тереножкина экспедицией ИА АН УССР при участии МГУ при раскопках Суботовского¹ и Чернолесского городищ выявлена группа постсрубной керамики, сопоставленная со «срубной» Нижнего Поднепровья [Тереножкин, 1952, с.117–135; 1961, с.54–55; Граков, Тереножкин, 1958, с.154–178].

¹ Мы пользуемся таким написанием, учитывая уточнение Я.П. Гершковича [Гершкович, 2005].

В лесостепной Левобережной Украине в результате работ экспедиций ИА АН УССР, ХГУ, ХИМа, возглавляемых Г.Т. Ковпаненко, И.Ф. Левицким, И.Н. Лункевичем, И.И. Ляпушкиным, А.А. Потаповым, Е.В. Пузаковым, Д.Я. Телегиным и др., культурно-хронологические горизонты и серии керамики ББК выявлены на таких памятниках как Андреевка [Пузаков, 1955/14а], Артюховка-6 [Берестнев, 2001], Васищево [Кривцова-Гракова, 1955, с.94–95, 111, рис.20], Клугино-Башкировка [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99], Мерефа [Левицкий, 1948/17], Ницаха [Ковпаненко, 1967, с.22–31, рис.7–11], Новодоновка-1 [Телегин, Пузаков, Михеев, 1959/3а], Терновая-1, Чугуев-2 [Пузаков, 1959/21], Тополи [Берестнев, 2001]. Поселение Васищево долгое время считалось эталонным лесостепным позднесрубным памятником. Исходя из типологической близости керамики поселения хвалынской (ивановской) посуде, О.А. Кривцовой-Граковой оно отнесено ко второму периоду срубной культуры Дона. Тогда же исследовательницей впервые в историографии позднего бронзового века был поставлен вопрос о необходимости выделения харьковских и изюмских памятников в особую культурную группу, отличную от синхронных древностей второго периода срубной культуры Подонья и Поволжья [Кривцова-Гракова, 1955, с.94–95, 111].

В 1950-х–1960-х гг. появляются обобщающие работы по срубной проблематике Северного Причерноморья. Первым таким исследованием является монография О.А. Кривцовой-Граковой [Кривцова-Гракова, 1955], выделившей на материалах памятников этой территории два этапа срубной культуры – ранний, белозерский, и поздний, сабастиновский. Дальнейшее уточнение относительной и абсолютной хронологии привело к формированию в историографии представления о трехступенчатой схеме периодизации срубной культуры Украины, представленной ранне-срубным, сабастиновским и белозерским этапами. Известные к тому времени памятники ББК рассматриваются в общей массе сабастиновских и белозерских древностей [Телегин, 1961, с.3–4; Тереножкин, 1965, с.63–85; Лесков, 1967, с.34–178].

Третий этап (вторая половина 1960-х–начало 1980-х гг.) характеризуется значительным расширением территории исследования. Памятники ББК выявлены не

только в Нижнем Поднепровье и лесостепной зоне, но и в Донецкой интразональной лесостепи, степном Подонцовье, Предстепье.

В Левобережной Лесостепи раскопки разнокультурных памятников позднего бронзового века осуществлены экспедициями ДонГУ и ХГУ, Харьковского исторического и Донецкого краеведческого музеев, Донецкого и Харьковского областных обществ охраны памятников истории и культуры под руководством С.И. Берестнева, Ю.В. Буйнова, А.А. Моруженко, В.Е. Радзиевской, Т.А. Шаповалова, Б.А. Шрамко и др. На многих из них выявлены постсрубные культурно-хронологические горизонты и комплексы.

В середине–второй половине 1970-х гг. харьковскими археологами исследованы поселения Веселое-1, Голубовка-3, Любовка, Поляны-1 [Буйнов, Дьяченко, Шрамко Б.А., 1978, с.303–304; Берестнев, 1979, с.91–97; Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, с.100–109], Бельск-5 [Буйнов, 1981/№ 600; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; 2001, с.76; Шрамко Б.А., 1975, с.374–375; 1987, с.24–25], Малая Рублевка-1 [Берестнев, 1979/109; Воловик, 1991, с.16], Богодухов-1 [Андриенко, 1970/77]. Материалы ББК обнаружены также на ряде лесостепных памятников, открытых в 1970-х гг. при проведении разведок [Шрамко Б.А., 1971/46; 1972а, с.328–329; Бородулин, 1976/52; 1978, с.301–302; Берестнев, 1979/109].

С 1977 г. целевые исследования памятников культур срубного и постсрубного времени проводятся С.И. Берестневым. Среди исследованных им в конце 1970-х–начале 1980-х гг. памятников наибольший интерес представляет поселение Таранцево, на котором выявлены два культурно-хронологических горизонта – срубный и ББК или, в интерпретации С.И. Берестнева, «отложения начала раннего железного века». Важные материалы ББК получены экспедицией ДонГУ под руководством А.А. Моруженко при проведении раскопок скифского поселения у с. Лихачевка в Поворсклье [Моруженко, 1977/87; Горбов, Литвиненко, 1998, с.69–79]. Керамика ББК и бондарихинской культуры выявлена на поселении Луговое, исследованном экспедициями Харьковского и Донецкого университетов [Михеев, Моруженко, Шрамко Б.А., 1975, с.324–325].

Перечень памятников ББК лесостепной зоны следует дополнить поселением Шоссейное в Белгородской обл., расположенным в верховьях Северского Донца, которое было раскопано А.Н. Смирновым и А.С. Сорокиным в конце 1970-х гг. [Смирнов А.Н., Сорокин А.С., 1984, с.138–139].

Начало системного изучения интересующих нас памятников в Донецкой интрональной лесостепи положено раскопками в конце 1960-х–начале 1970-х гг. экспедицией ДонГУ под руководством Т.А. Шаповалова многослойного поселения Ильичевка. На вскрытом большой площадью памятнике выделены культурно-хронологические горизонты ББК, обозначенные автором как позднесабатиновский и белозерский или финальный срубный [Шаповалов, 1976, с.150–172; 1983/620]. Постсрубная керамика представлена в комплексах еще одного поселения Ильичевско-Ямпольского археологического микрорайона – Усово озеро, которое с незначительными перерывами исследовалось экспедициями ДонГУ и Краснолиманской экспедицией ИА АН УССР в 1973–1983 гг. Работы возглавлялись А.П. Рудаковым, Т.А. Шаповаловым, В.Ф. Клименко, С.С. Березанской. Материалы памятника обобщены в монографии С.С. Березанской [Березанская, 1990]. Экспедициями ДонГУ, Донецкого краеведческого музея, Енакиевской городской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры разведки и относительно небольшие по объему раскопки проведены также на поселениях Старый Караван [Шаповалов, Клименко, Духин, 1978, с.399], Рай-Стародубовка [Клименко, 1978/74а; 1981, с.255–256; 1999, с.86–88], Ямполь [Дегерменджи, Татарин, Ковалева Л.Г. и др., 1977, с.288–289] и других памятниках [Шаповалов, 1976; Шаповалов, Духин, 1977, с.388–389], в поликультурных комплексах которых, по нашему мнению, представлена и керамика ББК.

В начале 1980-х гг. экспедицией Ворошиловоградского (Луганского) краеведческого музея под руководством В.Н. Горбова и А.Н. Усачука исследовано поселение Орехово-Донецкое-4, подтвердившее, по мнению авторов раскопок, присутствие в Подонцовье в конце позднего бронзового века выразительного бондарихинского культурного элемента [Усачук, 1985, с.26–27; Горбов, Усачук, 1990, с.120–122;

2001, с.15–45]. В нашем понимании материалы этого и подобных ему памятников в равной степени отражают и культуру позднейших племен ББК.

В степных районах Подонцовья и в Северо-Восточном Приазовье памятники ББК исследуются с середины 1970-х гг.

Важные результаты получены при раскопках Донецким краеведческим музеем и Областным обществом охраны памятников истории и культуры однослойного поселения у с. Николаевка [Привалова, Привалов, 1987, с.94–107]. Керамика поселения, типологически близкая представленной на памятниках постсрубного времени Левобережной Украины и сопредельных территорий, позволяет считать его одним из эталонных памятников ББК. Материалы, которые, по мнению О.Я. Приваловой, в культурно-хронологическом отношении сопоставимы с комплексами Николаевского поселения, выявлены также в балках Юрина и Тарама у с. Стыла [Привалова, 1976, с.379–380; 1983, с.309–310]. Концом сабастиновского–началом белозерского времени датировано поселение, исследованное Т.А. Шаповаловым при проведении разведок у с. Романовка [Шаповалов, 1975, с.372].

Важное значение для понимания уровня развития металлообработки у срубных племен Украины имели исследования древних рудников и поселений на рудопроявлениях Донецкого бассейна, с начала 1970-х гг. осуществляемые С.И. Татариновым [Татаринов, 1993; 2003]. Как показывают материалы Дроновки, Клинового и некоторых других памятников региона [Копыл, Татаринов, Меценко, 1976, с.341; Татаринов, 1980, с.280–283; 1980а, с.343–345; 1993, с.29, 44–45], база Донецкого горно-металлургического центра использовалась не только срубными, но и ранними племенами ББК.

В Предстепье значительная группа поселений бронзового века, многие из которых на уровне современных представлений могут рассматриваться в качестве памятников ББК, исследована во второй половине 1960-х гг. в бассейнах Орели и Самары разведками экспедиции ДГУ, возглавляемой И.Ф. Ковалевой, – Александрополь, Бажаны-2, 4, Гупаловка-5, Котовка-1, 16, Кохановка, Краснополье, Левонтовка, Мало-Николаевка, Озерное, Павловка-2, Петропавловка, Самарское-1, Хорошее [Ковалева И.Ф., 1963–1964/20; 1965/59; 1969/101; 1972, с.332–336]. Эти работы пос-

лужили прологом масштабных археологических исследований в Приорелье, проведенных в 1970–1975 гг. экспедицией ИА АН УССР «Днепр-Донбасс» при участии отряда экспедиции ДГУ. Общее руководство работами экспедиции осуществлялось Д.Я. Телегиным. Такие памятники, как Гупаловка, Иваново-Яризовка, Сомовка и, особенно, Осиповка [Телегин, Ковалева И.Ф., Беляев и др., 1970/41; Клименко, Цимбал, 1975, с.290; Бородулин, 1976/52; Беляев, Кравец, 1976, с.304; Беляев, 1977, с.40–48; 1984, с.73–79, рис.2, 3; 5], дополнили источниковую базу заключительного этапа позднего бронзового века региона. В начале 1980-х гг. в Среднем Приорелье экспедицией ДГУ исследованы поселения у с. Бузовка и Залинейное, материалы которых рассматривались как проявление синкретической культуры, сложившейся в зоне контактов бондарихинских и степных белозерских племен [Ромашко, 1982, с.54–59; 1983, с.54–60]. С современных позиций их значительную часть правомерно соотнести с кругом древностей ББК.

Формирование источниковой базы ББК в рассматриваемый период совпало со становлением в отечественной историографии принципиально новой концепции культурно-хронологической дифференциации древностей позднего бронзового века Северного Причерноморья, согласно которой последние представляют собой не этапы срубной, а обособленные срубную, сабатиновскую, белозерскую культуры [Шарафутдинова И.Н., 1968; 1982; 1986; Черняков, 1975; 1985; Березанская, 1982; Чередниченко, 1986; Ванчугов, 1990; Отрощенко, 2001 и др.]. В значительной степени именно это обусловило значимость исследования и ввода в научный оборот памятников, наполняющих конкретным археологическим содержанием образовавшуюся источниковую лакуну хронологических горизонтов постсрубного времени.

В свою очередь, интенсивное накопление данных обусловило необходимость их теоретического осмысления. В 1983 г. С.И. Берестневым и Т.А. Шаповаловым защищены кандидатские диссертации, посвященные срубной проблематике, в которых немаловажное место отведено поздним этапам культуры. В своих культурно-хронологических построениях С.И. Берестнев опирается преимущественно на материалы поселения Таранцево и некоторых других памятников лесостепной зоны, Т.А. Шаповалов – на памятники Донецкой интрозональной лесостепи, прежде всего

поселение Ильичевка, являющееся на то время наиболее полно исследованным многослойным поселением позднего бронзового века Левобережной Украины [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; Шаповалов, 1983/№ 620]. При существенных различиях авторских периодизаций и этнокультурных схем, общим положительным моментом является то, что в них впервые аргументируется положение о присутствии на заключительных этапах эпохи бронзы лесостепного Левобережья не только памятников бондарихинской культуры, но и хронологически близких им позднейших срубных (по терминологии авторов).

Четвертый этап. Начало четвертого, или современного, этапа соотносится с серединой 1980-х гг. Его отправной точкой следует считать обобщение данных о культурах финального бронзового века степной Евразии и выявление общих закономерностей в их материальной культуре, позволивших Е.Н. Черных поставить вопрос о существовании здесь особой культурно-исторической общности, названной им общностью КВК [Черных Е.Н., 1983]. Одним из слабо изученных регионов общности оказалась Левобережная Украина. Количественные и качественные характеристики известных к тому времени памятников были недостаточны для осмысления постсрубных древностей как самостоятельного культурного явления.

В значительной степени этим объясняется повышение интенсивности целевых исследований, направленных на поиск и раскопки бытовых памятников ББК, уровень информативности которых не уступает таким поселениям, как Белозерский лиман, Ильичевка и Таранцево.

Такая направленность, в частности, отличает работы Самарского отряда экспедиции ДГУ, проводимые под руководством автора в Предстепье. В 1986–1996 гг. при системном исследовании Богуславского археологического микрорайона в среднем течении р. Самара материалы ББК выявлены в трех пунктах – Богуслав-1, 2, Павлоград [Ромашко, Марина, 1993, с.120–121; Ромашко, 1993, с.79–91; 1994, с.161–163; 1995, с.64–65; 1995а, с.126–129; 1996а, с.46–51; 1997а, с.61–62; 2006, с.7–11]. В первое десятилетие текущего столетия источниковую базу раннего горизонта ББК в регионе пополнили поселения, выявленные разведками ДНУ и Днепропетровского областного центра охраны историко-культурных ценностей. Одно из них обнару-

жено у пгт. Перещепино в Среднем Приорелье [Ромашко, Тесленко, Векленко и др., 2004/б. н.], два – у с. Васильевка и Знаменовка в Присамарье [Голубчик, Яровой, 2005/162]. Наиболее перспективным для дальнейшего исследования представляется поселение, открытое экспедицией ДНУ в 2010 г. у с. Морозовское в Богуславском археологическом микрорайоне [Фещенко, Ромашко, Тесленко, 2010/б. н.].

Немаловажное значение имеют исследования поселений с материалами ББК в Надпорожье и Нижнем Поднепровье, позволившие уточнить западные и юго-западные границы культуры. В частности, экспедицией ДНУ и автором исследуются поселения с поликультурными материалами финала бронзового века у с. Старая Игрень на Игреньском п-ве, у пос. Лоцманская Каменка (г. Днепропетровск) [Ромашко, 1985, с.90–97; 2001, с.169–177], с. Шолохово [Ромашко, 2002, с.91–99].

Представление о культурной составляющей населения Нижнего Поднепровья пополнены в результате обнаружения рядом с поселением Белозерский лиман еще одного однокультурного ему памятника. Его материалы введены в научный оборот Н.А. Гаврилюк [Гаврилюк, 2003, с.77–80]. Представляется целесообразным обозначить его как Белозерский лиман-2.

Ряд новых поселений, в которых представлены материалы ББК и других культур заключительного этапа позднего бронзового века, выявлен в конце прошлого–начале текущего столетий в южном лесостепном Поднепровье.

Значительные по объему раскопки проведены О.В. и Т.Л. Битковскими в 1900–1991 гг. на поселении Волковка [Осташков, 1995, с.44]. Черкасской Лесостепной археологической экспедицией и Д.П. Куштаном обследована группа поселений, размываемых водами Кременчугского водохранилища. Среди них Липовское, Чапаевка-8, Червонохиженцы-2 [Куштан, 1996/36; 1998/74; 2002, с.28–30], Самовица-остров-1 [Куштан, Дяткин, 2000, с.69–86]. Исследователем также систематически осматривались остатки поселений Леськи-3а и 3б, выявленных в 1981 г. экспедицией ИА АН УССР «Славутич» [Куштан, 2003а, с.154–157]. В 1998 г. им небольшой площадью раскапывается поселение Белозорье [Куштан, 1999], в 2008 г. – поселение на территории замчища Б. Хмельницкого в Суботове [Куштан, 2010, с.58–64]. Круг памятников конца бронзового века этого региона, содержащих материалы ББК,

расширен также в результате проведенного этим автором повторного культурно-хронологического анализа материалов поселения Чикаловка [Куштан, 2006].

Интерес в плане уточнения культурного содержания раннего горизонта Суботовского городища представляют раскопки, проведенные на памятнике в 1994–1995 гг. совместной украинско-немецкой экспедицией [Клочко, Гершкович, Мотзенбеккер, 1995/108; Гершкович, 2007, с.58–60]. Публикация материалов памятника, подготавливаемая Я.П. Гершковичем, существенно дополнит наши представления о характере этнокультурных процессов на территории лесостепи Правобережной Украины на заключительных этапах позднего бронзового века.

Несколько поселений с материалами ББК (Биланы-1, Низы-2) выявлено в южном лесостепном Поднепровье и западных районах левобережной Лесостепи работами Полтавской археологической экспедицией под руководством А.Б. Супруненко [Супруненко, Шерстюк, 2006а, с.50–58, 127–129].

Постсрубные древности продолжают исследоваться и в бассейне Северского Донца.

Археологами ХНУ и Слобожанской археологической службы – Ю.В. Буйновым, С.И. Берестневым, С.И. Воловиком, И.Б. Шрамко, А.В. Корохиной и др. – материалы ББК выявлены на таких многослойных поселениях эпохи бронзы, как Горбанщина, Мерефа-4, «Песочин-Мобиль», Снежковка-7, Студенок-6 и др. [Воловик, 1984/77; Дегтярь, Буйнов, 1985/122; Буйнов, Дегтярь, 1987/101; Берестнев, 1987/102; 1988/211; 1995/29; 1996/18; 1997а, с.84–95, рис.1–3; 1997, с.153–154, рис.6–11; Буйнов, 1987, с.310–311; 1994, с.6–14; 1994а, с.7–9; 2008, с.42–55; Буйнов, Михеев, 1989, с.87–95; Шрамко И.Б., Корохина, 2007, с.436–439; Пеляшенко, Буйнов, 2008, с.225–227].

Группа новых поселений постсрубного времени исследована в Подонцовье, в Ильичевско-Ямпольском археологическом микрорайоне, чем подтверждается тезис о высокой плотности заселенности этой территории в позднем бронзовом веке.

Так М.Л. Швецовым при раскопках многослойного поселения у хут. Зливки, расположенного на берегу оз. Чернецкое, на площади, примыкающей к раскопам В.А. Городцова, зафиксирован стратиграфический горизонт с «позднесрубными»

материалами [Швецов, 1983/58; 1985/132; 1987, с.433–434; Швецов, Котова, 1986/163]. Экспедицией НПК «Археолог» при ИА АН УССР, которую возглавлял Я.П. Гершкович, керамические серии «позднейшего срубного (хвалынского) облика» выделены в слоях позднего бронзового века поселений Диброва и Глубокое озеро-2 [Гершкович, 1990, с.59–61; 1995, с.37–38; 1997, с.120–144; 1998, с.61–92, рис.8, 1–3; 9, 1, 2; 12, 1–3; 13; 14; Колесник, Гершкович, 1996, с.8–13]. Керамика ББК найдена и в других пунктах микрорайона, исследованных археологами Донецкого краеведческого музея – поселение Брусовка-2 [Дегерменджи, Полидович, Цимиданов, 1994/111], Глубокое озеро-1 [Полидович, 1991/78а], Новоселовка [Цимиданов, 1989/178].

Компактно расположенная группа поселений с поликультурными малобудковскими, бондарихинскими и ББК комплексами исследована луганскими археологами в южной зоне Донецкой интрозональной лесостепи – Озеро Клешни Второе-1 [Телиженко, Манько, Ковалева Л.Г., 1999, с.19, 25–27, рис.14–17], Озеро Клешни Второе-4, Черниково озеро, Клешня-1 (Клешня Первая-1) [Супрун, 1999, с.70–71, рис.1, 2; 2, 3; 4; 1999а, с.94–96, рис.1; Иваницкий, 2005, с.274–278, рис.1], Темино [Супрун, Черных Е.А., Прынь, 2000, с.145, рис.17], Клешня-3 [Телиженко, Черних С.О., 2006, с.91–121], Борькин ручей [Иваницкий, 2010, с.200–212], Давыдово-Никольское [Пробейголова, 2008, с.243–244; 2009, с.126–132].

Не менее интенсивно с 1980–1990 гг. происходит накопление источниковой базы ББК в степном правобережье Северского Донца и Северо-Восточном Приазовье. Экспедицией Донецкого областного Дворца пионеров и школьников под руководством В.Н. Горбова и А.Н. Усачука раскапываются поселения Безыменное-1, Безыменное-2, Широкая Балка-2 с выразительными постсрубными горизонтами [Горбов, Усачук, 1986/46; 1987/96; 1992/81; 1993/136; 1996/50; Горбов, Усачук, Гриб, 1988/201; Горбов, Усачук, Клименко, и др., 1991/41; Горбов, 1988, с.269–270; 1993, с.90–93; 1994, с.70–74; 1995, с.52–72; 1996, с.13–21; 1997, с.145–161]. В конце прошлого и в первое десятилетие нового столетия В.Н. Горбовым и А.Н. Усачуком на р. Камышеватая исследовано еще несколько поселений с материалами заключительного этапа позднего бронзового века [Горбов, Усачук, Гриб, 1988/201;

Горбов, 1990, с.59–61; 1994, с.70–74; Колесник, Горбов, Усачук и др., 1991/165; Горбов, Подобед, 1996, с.96–99; Горбов, Кабанова, 2011, с.83].

Интерес представляют и материалы некоторых других поселений региона, исследованных в конце XX в., среди которых Новоселовка-1 [Постников, 1991/44], Рубежное [Дегерменджи, Полидович, Цимиданов, 1994/111], Старая Ласпа [Привалов, 1999, с.31–35, рис. на с.34; Привалова, 2000, с.105–107, рис.1], Шевченко-1 [Дегерменджи, Кузин, Подобед и др., 1993/32].

Третий и частично четвертый этапы исследования древностей ББК совпадают с проведением в Украине масштабных археологических новостроечных работ в зонах мелиоративного и иного строительства, в результате которых было раскопано большое количество подкурганых и грунтовых погребений культур бронзового века, среди которых представлены и погребения ББК [Ромашко, 1999а, с.119–138].

Конец XX–начало XXI веков характеризуется снижением темпов и объемов полевых исследований памятников, что может быть объяснено двумя причинами.

Первая причина заключается в сложности организации и финансирования масштабных целевых раскопок поселенческих памятников в условиях нестабильной экономической ситуации в государстве. Поселения позднего бронзового века, в том числе его заключительного этапа, продолжают выявляться, однако раскопки на них имеют скорее эпизодический характер. Вторая – в необходимости теоретического осмысления накопленных в 1980–1990-х гг. XX в. материалов в свете новых концепций истории племен позднего бронзового века степной и лесостепной Евразии, ведущее место среди которых занимает дальнейшее развитие проблематики общности КВК и решение вопросов формирования культур постсрубного времени в контексте положений о двух линиях развития срубной КИО и их пространственно-хронологических границах [Отрощенко, 2001, с.113–162; 2003, с.68–96]. В течение последних полутора десятка лет появляется серия работ, посвященных генезису, хронологии и периодизации, культурным связям, домостроительству, религиозным представлениям племен ББК (постсрубных, позднесрубных, белозерских по терминологии других исследователей) [Ромашко, 1993; 1996; 1996а; 1999а; 2000; 2000а; 2001б; 2006; Горбов, Литвиненко, 1998; Горбов, Мимоход, 1999; Горбов,

1995; Гершкович, 1998; 2005; Gerškovič, 1999; Берестнев, 2001; Отрощенко, 2001, 2002/№ 818; Romashko, 2004, p.111–117 и др.].

1.2. Историография проблемы культуры племен постсрубного времени Левобережной Украины

1.2.1. Динамика представлений о верхних хронологических рамках срубной культуры и постсрубных новообразованиях заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины.

Представление о конкретном археологическом содержании культуры позднейших срубных и постсрубных племен неоднократно изменялось в связи с постоянным приростом фонда источников и общим прогрессом знаний о позднем бронзовом веке Восточной Европы. В современной историографии сформировались два концептуальных подхода к решению вопроса о хронологии и культурной составляющей заключительных этапов существования срубной КИО. Согласно первому, срубная культура доживает до заключительного этапа позднего бронзового века. Согласно второму – до раннего железного века. Исходя из этого, считаем возможным в дальнейшем использовать термины «короткая» и «длинная» концепции периодизации срубной культуры.

Основы «длинной» концепции начали складываться в самом начале становления срубной проблематики. Выделение срубной культуры связано с исследованиями курганов, проведенными В.А. Городцовым в 1901 и 1903 гг. в Изюмском и Бахмутском уездах Харьковской и Екатеринославской губерний, и теоретическом осмыслении их результатов при подготовке материалов XII и XIII Археологических съездов. Срубная культура отнесена к позднему бронзовому веку и датирована второй половиной II тыс. до н. э. Погребения в ямах со срубами с одной стороны, на горизонте и в насыпи с другой, рассматриваются как разновременные и разнокультурные. Вторые в этнокультурном отношении сопоставлены с историческими киммерийцами [Городцов, 1905; 1907; 1927; 1928; Сафонов И.Е., 2001, с.17]. Таким

образом, В.А. Городцову принадлежит первая попытка определения культурного содержания срубного и постсрубного горизонтов [Городцов, 1910].

Дальнейшее развитие представлений о верхних хронологических рубежах срубной культуры связано с работами археологов Поволжья. В известной степени этому способствовало то, что в украинской (и отчасти, российской) археологии периодизация, предложенная В.А. Городцовым, длительное время не имела признания [Ковалева И.Ф., 1981, с.17; Отрощенко, 2002/№ 818, с.18–21; 2003, с.68–96; Пряхин, Сафонов И.Е., 2003, с.16]. В 1920–1930-е гг. на материалах позднего бронзового века Поволжья П.С. Рыковым была выделена хвалынская культура, отличная, по его мнению, от северскодонецкой срубной. Определенное единство культуры двух территорий признается только для ранних стадий их развития. Поздние стадии срубной культуры Поволжья представлены Сосново-Мазинским кладом и подкурганскими погребениями, характеризующимися специфическими, «хвалынскими», чертами обрядности. К последним отнесены богатые погребения Покровского могильника с кубками на поддоне [Рыков, 1927; 1936]. На материалах памятников позднего бронзового века Среднего Поволжья В.В. Гольмстен приходит к выводу о необходимости разделения хвалынских древностей на два периода – срубно-хвалынский и, собственно, хвалынский [Гольмстен, 1928, с.131–133], что следует рассматривать как начало формирования представлений о срубном субстрате сложения хвалынской (ивановской) культуры финала бронзового века Поволжья.

В историографии середины XX в. сформировались концепции, постулирующие не только доживание срубной культуры до раннего железного века, но и ее трансформацию в скифскую и савроматскую культуры.

Формирование представлений о срубной генетической основе скифской культуры получило обоснование в работах О.А. Кривцовой-Граковой. Сложная задача определения хронологического соотношения памятников срубной культуры автором была решена путем создания двух синхронизированных периодизаций для Поволжья и Северного Причерноморья. Срубная культура Поволжья разделена на два периода. Первый датирован XV–XIII вв. до н. э., второй (хвалынский) – последними столетиями II–началом I тыс. до н. э. Верхний хронологический рубеж

периода совпадает с началом раннего железного века. Время появления срубной культуры в Северном Причерноморье отнесено к началу хвалынского этапа и датировано XIII–XII вв. до н. э. Развитие срубной культуры Украины представлено как последовательная смена трех этапов – белозерского (XI–X вв. до н. э.), сабастиновского (IX–VIII вв. до н. э.), обиточненского (VII в. до н. э.). Первые два этапа синхронизированы со II периодом срубной культуры Поволжья, третий рассматривается как наиболее раннее проявление скифской культуры. Основываясь на морфологическом анализе разновременных керамических комплексов позднего бронзового века, автор пишет о существовании в Северном Причерноморье линии развития культуры единой этнической группы, «появившейся в Нижнем Поднепровье в конце II тысячелетия до н. э., а в VII в. до н. э. называвшей себя скифами» [Кривцова-Гракова, 1955, с.38, 155, 161–162].

Установление в 1960–1970-х гг. прошлого столетия фактов присутствия на территории Украины раннесрубных памятников [Березанская, 1957, с.28–35; 1959, с.85–90; Лесков, 1967а, с.15–19], иного стратиграфического соотношения между сабастиновскими и белозерскими древностями, ошибочности отнесения обиточненских памятников к раннему железному веку не изменило представления об этих этапах, как о звеньях развития единой культуры [Телегин, 1961; Тереножкин, 1965; 1976; Лесков, 1967: 1970; 1971; Чередниченко, 1973/№ 543; 1977; Отрощенко, 1981/№ 598 и др.].

Концепция, предложенная Б.Н. Граковым, учитывает факт более позднего стратиграфического положения белозерского этапа относительно сабастиновского, но в целом может рассматриваться как модификация положений О.А. Кривцовой-Граковой [Граков, 1971, с.134–136; 1977, с.110–140].

Происхождение культур скифского времени лесостепной зоны Украины в историографии 1960–1970-х гг. ставилось в прямую генетическую связь с культурами позднего бронзового века и другими авторами. Одним из первых исследователей, отстаивающих это положение, был П.Д. Либеров [Либеров, 1962, с.71], усматривавший типологическую близость некоторых форм северскодонецкой керамики скифского времени и керамики предшествующих культур – катакомбной, срубной,

бондарихинской. В.А. Ильинской происхождение скифской культуры лесостепного Правобережья связывается с белогрудовской и чернолесской культурами. Происхождение юхновской культуры исследовательница непосредственно связывает с бондарихинской [Ильинская, 1961, с.26, 43–45; 1969, с.95–96]. Близких позиций в отношении участия бондарихинских племен в формировании юхновской культуры придерживаются М.И. Артамонов [Артамонов, 1972, с.64], М. Гимбутас [Gimbutas, 1965, р.440–441], О.Н. Мельниковская [Мельниковська, Симонович, 1975, с.75–83], Б.А. Рыбаков [Рыбаков, 1979, с.162–164], в настоящее время – Д.В. Каравайко [Каравайко, 2007, с.12–15] и др.

Тезис о доживании срубной культуры до скифского времени принимается и Б.А. Шрамко. Им в качестве основы сложения культуры раннего железного века Левобережной Украины рассматриваются местные срубные и бондарихинские племена, а также переселившиеся на рубеже VIII–VII вв. до н. э. из Правобережья группы раннежаботинского населения [Шрамко Б.А., 1972, с.153–163; 1983, с.88–91; 1983а, с.17, 24; 1987, с.18–19]. К близким выводам приходит А.А. Моруженко, посвятившая специальную статью вопросу об этнокультурной принадлежности памятников раннего железного века бассейна Ворсклы [Моруженко, 1989, с.33–52].

Концепция Б.А. Шрамко нашла дальнейшее развитие в работах С.И. Берестнева. Предложенная им периодизация лесостепной срубной культуры подчинена доказательству ее существования на протяжении всего позднего бронзового и в начале раннего железного веков. Памятники срубной культуры разделены на три этапа. Ранний этап датирован XV–XIV вв. до н. э., средний – XIII–XII вв. до н. э., поздний – XI–VIII–началом VII вв. до н. э. Поздний этап разделен на две ступени – раннюю (XI–X вв. до н. э.) и позднюю (IX–VIII–начало VII вв. до н. э.) [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; 1994]. Раскопки поселения Таранцево [Берестнев, 1994, с.121–138] и ввод его материалов в научный оборот реально показали культурную многокомпонентность населения лесостепной зоны Левобережья и участие постсрубного компонента в этнокультурных процессах заключительного этапа позднего бронзового века региона. Однако в попытке обозначить хронологический стык между срубными и раннескифскими памятниками автор, во-первых, опирается на недостаточно

обоснованные датировки некоторых артефактов второго стратиграфического горизонта Таранцево, во-вторых, синхронизирует поселенческие комплексы заключительного этапа позднего бронзового века и киммерийские погребения новочеркасской группы. По его мнению, посуда верхнего горизонта Таранцево имеет аналоги в керамических комплексах скифской архаики. Поэтому это поселение и культурно близкие ему поселения (Васищево, Любовка, Поляны-1, Шоссейное) следует рассматривать как последнее звено в развитии срубного населения левобережной Лесостепи, потомки которого приняли участие в формировании лесостепных скифских культур [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; 1994, с.136–137, рис.9]. Предпринятая С.И. Берестневым попытка поднять верхние хронологические рамки срубной культуры вплоть до VII в. до н. э. встретила критику [Ромашко, 1995б, с.11–12], которая не утратила актуальности и в условиях пересмотра исследователем подхода к решению вопросов, связанных с установлением места и роли срубной культуры в историко-культурных процессах конца II тыс. до н. э. [Берестнев, 2001].

Существенное влияние на проблему культурно-хронологического соотношения срубной и культур раннего железного века оказало выделение в 1960–1970 гг. Прошлого века киммерийской культуры [Тереножкин, 1976], в результате чего стало ясно, что между бытованием позднейших срубных и наиболее ранних скифских памятников существует хронологический разрыв не менее чем в 250 лет. С этого времени и до конца XX в. большинство исследователей в хронологических построениях связывают конец срубной культуры с появлением киммерийских погребений раннего железного века.

В 1965 г. А.И. Тереножкиным предложена периодизация культур позднего бронзового века Восточной Европы [Тереножкин, 1965, с.63–85]. Впоследствии им проведена незначительная корректировка абсолютных дат выделенных периодов. Хронологические рамки сабастиновского периода определены 1400–1150 гг. до н. э., белозерского – 1150–900 гг. до н. э. Черногоровский и новочеркасский периоды киммерийской культуры рассматриваются исследователем как заключительные этапы последовательного развития срубных племен и соответственно датированы

IX–первой половиной VIII вв. до н. э. и второй половиной VIII–первой половиной VII вв. до н. э. [Тереножкин, 1976, с.208].

Периодизация А.М. Лескова, так же основанная на трехчленном делении срубных древностей, отличается от построений А.И. Тереножкина иным подходом к определению абсолютных дат сабастиновского и белозерского этапов [Лесков, 1971, с.84–87; 1975]. Окончательное оформление эта периодизация получила в работах, изданных в соавторстве с В.С. Бочкаревым [Бочкарев, Лесков, 1978, с.23–26; Wościkow, Leskov, 1980]. Предсабастиновская ступень датирована XV–XIV вв. до н. э., раннесабастиновская XIII в. до н. э., позднесабастиновская XII в. до н. э., раннебелозерская XI–X вв. до н. э., позднебелозерская IX–началом VIII вв. до н. э.

Со схемой А.И. Тереножкина согласовывалась периодизация курганных погребений позднего бронзового века степного Поднепровья, предложенная В.В. Отрощенко. Погребения старшей и младшей сабастиновской ступени срубной культуры датированы им XIV–XII вв. до н. э., белозерской – XII–X вв. до н. э. [Отрощенко, 1981, с.17].

В 1970–1980-х гг. получает признание разделение памятников эпохи поздней бронзы Украины на сабастиновские и срубные [Погребова, 1960, с.88–90; Рыбалова, 1961, с.81; Шарафутдинова И.Н., 1968, с.16–18; Черняков, 1985; Березанская, 1997, с.4–6]. В свою очередь, и белозерские древности стали рассматриваться в качестве отдельной культуры [Шарафутдинова И.Н., 1968, с.16–34; 1982, с.141–157; Черняков, 1975; 1985, с.148–151; Ванчугов, Черняков, 1984, с.14–17; Отрощенко, 1985, с.519–526; 1986, с.117–152; Ванчугов, 1990, с.13, 123–137]. Новое представление о позднем бронзовом веке Северного Причерноморья обострило вопрос о хронологических рамках срубной культуры и ее месте в схемах периодизации культур Восточной Европы. При этом срубные памятники достаточно надежно синхронизировались с сабастиновскими. Однако памятники, в хронологическом отношении сопоставимые с белозерскими Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья, на территории Левобережной Украины были представлены только небольшой группой поселений и случайно найденных литейных форм [Отрощенко, 1986, рис.34].

В этих условиях сторонниками «длинной» концепции для культурно-хронологических построений используются преимущественно материалы многослойных поселений позднего бронзового века, в которых реально присутствуют горизонты белозерского времени. Их построения в известной степени являются дальнейшим развитием традиционного представления (О.А. Кривцова-Гракова, П.Д. Либеров, А.И. Тереножкин, Б.А. Шрамко, С.И. Берестнев и др.) о срубной культуре, как об этнокультурном образовании, существовавшем в Восточной Европе на протяжении второй половины II тыс. до н. э. и доживающим до раннего железного века, только не до скифского, как считалось ранее, а до киммерийского времени.

Важный вклад в разработку проблематики внесен Т.А. Шаповаловым, которым предложена периодизация срубной культуры бассейна Северского Донца. Она основана на материалах Ильичевского поселения, на котором выделено пять горизонтов: абашевско-многоваликовый XVI–XV вв. до н. э., раннесрубный XV–XIV вв. до н. э., два сабашиновских XIII–XI вв. до н. э., белозерский X–IX вв. до н. э. В рамках X–IX вв. до н. э. датирована и серия керамики, культурная принадлежность которой определена как бондарихинская. По мнению Т.А. Шаповалова, на поселении Ильичевка в течение около 500 лет до начала раннего железного века обитало одноэтническое население. [Шаповалов, 1976, с.150–172]. Позже исследователем предложена несколько иная культурно-хронологическая интерпретация поздних горизонтов памятника [Шаповалов, 1983/№ 620]. Ранний и поздний этапы сабашиновского горизонта отнесены к XIII–XII вв. до н. э., финальный срубный, керамика которого сочетает сабашиновские и белозерские черты, – к XI в. до н. э., бондарихинский – к X–IX вв. до н. э. Если не брать во внимание абсолютные датировки, первоначальная культурная интерпретация поздних культурно-хронологических горизонтов памятника представляется более правомерной. Проведенный донецкими археологами анализ керамики бондарихинского горизонта показывает, что собственно бондарихинская посуда в нем представлена относительно небольшой серией. Не менее 73 % посуды горизонта является «обычными срубными формами», сходными с позднесрубными (то есть ББК – *В.Р*), что позволяет считать бондарихинский и финальный срубный горизонты аналогичными и синхронными. Вполне

логично выглядит и синхронизация их с белогрудовско-раннечернолесскими, белозерско-тудоровскими и бондарихинскими древностями [Горбов, 1996, с.20; Дубинец, 2003, с.279, 287]. В.Н. Горбовым [Горбов, 1996, с.19] и О.В. Дубинцом [Дубинец, 1996, с.53–58; 2003, с.278–288] предпринята попытка ревизии культурно-хронологических построений Т.А. Шаповалова. По их мнению, материалы II сабаатиновского горизонта и финального срубного синхронны. Оба отнесены к «поздне-срубному» горизонту, представленному жилищами № 6а, 7–13, хозяйственными постройками № 1а, 2. Образовавшаяся в результате такого объединения хронологическую лакуну между развитым срубным и финальным срубным горизонтами В.Н. Горбов объясняет тем, что поселение не было заселено непрерывно [Горбов, 1996, с.19]. Этот аргумент, как и отмеченное авторами присутствие во II сабаатиновском горизонте отдельных образцов керамики «белозерско-тудоровского и поздне-чернолесского облика», представляются недостаточно убедительными ввиду неоднозначности возможных культурных определений и преобладанием в выделенных Т.А. Шаповаловым позднесабаатиновских комплексах серий относительно ранней посуды, сопоставимой с БМСК, что отличает их от комплексов финального срубного горизонта, в которых преобладает посуда новационных форм.

В.Н. Горбовым предложена периодизация срубной культуры Северо-Восточного Приазовья, которая включает пять стратиграфических горизонтов, отражающих, по мнению исследователя, все этапы ее развития в регионе. Поздние этапы культуры представлены IV и V горизонтами. В горизонт IV включены соответствующие материалы поселений Безыменное-2, Николаевки, Ляпинской Балки, синхронизированные с позднесабаатиновскими древностями. Горизонт V, представленный материалами Безыменного-2, группой поселений на р. Камышеватая (Камышеватая-8, 14, 16), синхронизирован с евразийскими культурами общности КВК и датирован XII–X вв. до н. э. Хронологические рамки некоторых поселений камышеватской группы, например поселения Камышеватая-16, определены XI–X вв. до н. э. [Горбов, 1990, с.60–61; 1991, с.121–122; 1993, с.90–95; 1994, с.70–74; 1996, с.13–21; 2004, с.28; 2005, с.3]. Автор считает возможным синхронизацию комплексов V горизонта с раннебелозерской культурой. В связи с этим, им предпринята попытка выде-

ления еще одного, постбелозерского, хронологического горизонта, непосредственно предшествующего предскифскому периоду. Аргументация предлагаемых хронологических определений заключается в присутствии в сериях керамики камышеватовских поселений орнаментированных мисок и крышек, аналоги которым В.Н. Горбов находит в позднечернолесских, гава-голиградских, лужицких памятниках [Горбов, 1990, с.59–61; Горбов, Подобед, 1996, с.96–99]. Отметим, что ни миски, ни крышки не являются надежным хронологическим показателем, так как получают распространение еще в срубной и сабатиновской среде [Черняков, 1985, с.50–86, рис. 18, 33; 25, 23, 25; 27, 4, 9, 11; Березанская, 1990, с.83, рис.22, 1, 2; Бровендер, 1993, рис.15, 23; Берестнев, 1994, с.125, рис.2, 13; Ромашко, 2007а, с.216, рис.6, 20].

Понимание срубной культуры как феномена, непосредственно предшествующего культурам раннего железного века, обосновывается и в работах других авторов.

По мнению В.И. Клочко, «поселения позднесрубной культуры» в Левобережной Украине, Приазовье и Донбассе могут быть датированы в хронологических рамках XII–IX вв. до н. э. В его понимании эти памятники оставлены «населением киммерийского времени» [Клочко, 2006, с.276].

Н.Я. Мерпертом и А.Д. Пряхиным предложена периодизация северо-западного (украинского) варианта срубной КИО, включающая пять этапов. Первый (протосрубный) представлен горизонтом полтавкинских памятников, Синташты, Утевки; второй (раннесрубный) синхронизирован с бережновскими памятниками; третий (развитой) – с покровскими; четвертый (позднесрубный) с памятниками, содержащими валиковую керамику. Пятый этап определен как финальный срубный [Мерперт, Пряхин, 1979, с.20]. В.В. Отрощенко справедливо отмечает противоречивость рассматриваемой периодизации. В частности, указывается на необоснованность выделения второго этапа и необходимость рассмотрения памятников третьего этапа как наиболее ранних в рамках срубных древностей [Отрощенко, 2002/№ 818, с.56–57]. К сказанному следует добавить и гипотетичность пятого, или финального срубного, этапа, памятники которого, как отмечают сами создатели схемы, еще должны быть выделены. Отсутствие в 1970-х гг.

реальной источниковой базы позволяет считать правомерным выделение этого этапа скорее на уровне постановки вопроса об исторических судьбах срубных племен.

Срубная культура Нижнего Подонья рассматривается Э.С. Шарафутдиновой в рамках непрерывной линии развития от раннесрубных до позднесрубных памятников, доживающих до IX в. до н. э. Позднейшие «срубные» поселения и погребения региона отнесены к четвертому периоду срубной культуры и в хронологическом отношении сопоставлены с памятниками белозерского этапа [Шарафутдинова Э.С., 1976, с.63–65; 1983, с.29–34; 1985, с.146–183; Шарафутдинова Э.С., Каминский, 1988, с.220]. Совершенно справедливо В.В. Отрощенко рассматривает эту группу памятников в рамках постсрубных культур [Отрощенко, 2002/№ 818, с.348–349].

Вариант «длинной» концепции, в котором за памятниками постсрубного времени Волго-Уралья и Волго-Донья признается статус особой культуры, одновременно входящей в рамки срубной культурно-исторической области, предложен Н.М. Маловым. В тезисной форме она выглядит следующим образом. Срубная культурная область включает три последовательно сменяющих друг друга культурных типа или культуры – покровскую, срубную и хвалынскую, причем последняя наследует ряд существенных «позднесрубных» компонентов. Начальный этап срубной КИО, в формировании которой принимают участие покровские и потаповско-синташтинские племена, датирован XVII–XVI вв. до н. э. Срубная культура, разделенная на ранний, развитый и поздний периоды, помещена в хронологические рамки XV–XIII вв. до н. э. Хвалынская культура, датированная XIII–X вв. до н. э., разделена на два этапа – срубно-хвалынский и кайбельско-танавский. Отмечается целесообразность выделения третьего этапа, однако его характеристики и хронологическое положение не конкретизированы. Позднесрубные и раннехвалынские памятники рассматриваются как одновременные и синхронизируются с предсабатиновскими Северного Причерноморья. Особенностью срубно-хвалынских комплексов является присутствие в них керамики черкаскульско-межовского и федоровского облика [Малов, 1994, с.8–13]. В других работах Н.М. Маловым и М.А. Изотовой хвалынские комплексы синхронизированы с саргаринско-алексеевскими, таза-

багьябскими, межовскими, позднеприказанскими, сабашиновскими, белозерскими, трушниковскими и малокрасноярскими древностями [Изотова, Малов, 1992, с.111].

Особенностью вариантов «короткой» концепции начала 1980-х гг., является то, что большинство их основывается преимущественно на стратиграфии погребальных памятников срубной культуры. Отсутствие срубных погребений, синхронных с белозерскими, в значительной мере способствовало утверждению положения о прекращении существования срубной культуры в XIII–XII вв. до н. э. В построениях, основывающихся на поселенческих материалах, использованы только памятники лесостепной зоны, Предстепья и Донецкой интрозональной лесостепи, что связано с попытками установления культурно-хронологического соотношения срубных и бондарихинских древностей.

Большинство сторонников «короткой» концепции разделяют срубную культуру на два этапа. В частности, Н.Н. Чередниченко срубные памятники Левобережной Украины разделены на архаический (XVI–XIV вв. до н. э.) и позднесрубный (XIV–XII вв. до н. э.) этапы, каждый из которых, в свою очередь, подразделяется на старшую и младшую ступени [Чередниченко, 1986, с.44–82]. На два этапа разделяет срубную культуру восточных районов Украины И.А. Писларий. По его мнению, для комплексов раннего этапа, характерны реминисценции КМК¹ и абашевской культуры, в то время, как комплексы позднего этапа рассматриваются как классические срубные [Писларий, 1983, с.16–18]. С.С. Березанской памятники срубной культуры лесостепного Левобережья разделены на ранний (XV–XIV вв. до н. э.) и поздний (XIII–XII вв. до н. э.) периоды [Березанская, 1982, с.39–40]. Опираясь на культурно-хронологические построения Н.Н. Чередниченко, А.С. Беляев рассматривает срубные памятники Приорелья в качестве юго-западной периферии донецкого варианта срубной культуры. Раннесрубный этап датирован им XVI–XIV вв. до н. э., сабашиновский – XIV–XII вв. до н. э. [Беляев, 1980/№ 590].

¹ В современной литературе оформилась тенденция при обозначении памятников КМК XVII–XVI вв. до н. э. использовать термин «бабинская культура» [Братченко, 1977, с.21–42; Литвиненко, 2009/№ 879]. Возражений против такой терминологической новации нет, однако в данной работе мы продолжаем использовать традиционный термин «КМК».

Недостаточная обоснованность предложенных С.С. Березанской и А.С. Беляевым верхних дат позднейших срубных погребений убедительно показана И.Ф. Ковалевой [Ковалева И.Ф., 1981, с.16–32], выделившей в периодизации погребальных памятников Предстепья пять стратиграфических горизонтов. Абсолютные даты раннесрубных погребений (третий и четвертый стратиграфические горизонты) определены 1550–1400 гг. до н. э., срубных (пятый стратиграфический горизонт) – 1400–1300 гг. до н. э. Погребения четвертого горизонта синхронизируются с раннесрубными горизонтами поселений Северского Донца. Погребения пятого горизонта, соответствуют времени старшей сабастиновской ступени. Отмечено, что они немногочисленны, а их инвентарь не позволяет «существенно отделить их от погребений четвертого стратиграфического горизонта», что, по нашему мнению, свидетельствует об их хронологической близости и ставит под сомнение целесообразность самого выделения пятого стратиграфического горизонта. Выделение И.Ф. Ковалевой и С.С. Волкобоем маевского локального варианта [Ковалева И.Ф., Волкобой, 1976, с.3–21] и разработка И.Ф. Ковалевой периодизации срубной культуры Предстепья стали весомым вкладом в проблематику. Следует согласиться с мнением В.В. Отрощенко, который особо выделяет эту схему среди других региональных периодизаций как первую, построенную с широким привлечением и анализом фактов курганной стратиграфии [Отрощенко, 2001, с.148].

Некоторые варианты «короткой» концепции предусматривают разделение срубной культуры на три этапа. Такая периодизация была первоначально предложена Н.Н. Чередниченко. Покровский этап датирован XVI–XV вв. до н. э., сабастиновский – XIV–XII вв. до н. э. и белозерский – XI–X вв. до н. э. Покровский и сабастиновский этапы разделены на старшую и младшую ступени. Старшая сабастиновская ступень датирована XIV–XIII вв. до н. э., младшая – XIII–XII вв. до н. э. [Чередниченко, 1977, с.3–21].

Три периода в развитии срубной культуры Северо-Восточного и Восточного Приазовья выделены Р.А. Литвиненко [Литвиненко, 1994/№ 750; 1999, с.4–23]: ранний (конец XVII–XVI вв. до н. э.), развитый (XV–начало XIV вв. до н. э.), поздний (XIV–XIII вв. до н. э.). В понимании исследователя, памятники развитого гори-

зонта в хронологическом отношении соответствуют раннему и позднему сабастиновским горизонтам срубной культуры Нижнего Поднепровья (по В.В. Отрощенко), второй и третьей группам памятников срубной культуры Предстепья (по И.Ф. Ковалевой). Погребения развитого горизонта характеризуются признаками (срубы, восточная ориентация погребенных, валиковая керамика и т. д.), которые считаются культуурообразующими для БМСК [Отрощенко, 1994а, с.150–153; 2001, с.155]. В поздний горизонт включены погребения в каменных ящиках, в обрядности и инвентаре которых присутствуют федоровско-черкаскульские элементы, что позволило Р.А. Литвиненко синхронизировать горизонт с этими культурами.

Как уже отмечалось, принципиально важным моментом в истории изучения позднего бронзового века Украины явилось обоснование генетической и территориальной обособленности сабастиновской культуры от срубной [Погребова, 1960; Рыбалова, 1961; Погребова, Елагина, 1962; Шарафутдинова И.Н., 1968; 1982; 1986; Черняков, 1975; 1985]. Наиболее полно этот вопрос получил освещение в работах Я.П. Гершковича [Гершкович, 1997; 1998; Gerskovic, 1999], которым на широком сопоставительном материале показан процесс сложения культуры на основе западных и юго-западных вариантов КМК, длительное время контактировавших в Подунавье и Попрутье с культурами Монтеору и Тей. Сложение срубной культуры связывается с восточными вариантами КМК, входившими в зону позднеабашевских влияний. Разная генетическая подоснова впоследствии обусловила вхождение сабастиновской культуры в блок культур Ноуа–Кослоджень–Сабастиновка, срубной – в срубную КИО. Если не брать во внимание иное понимание культурного содержания процесса сложения срубной КИО за счет выделения покровской срубной культуры (ПСК), ранний этап которой синхронизируется с поздней КМК, то следует отметить отсутствие принципиальных разногласий по рассматриваемому вопросу между предлагаемыми Я.П. Гершковичем и концептуальными построениями В.В. Отрощенко [Отрощенко, 2001; 2002/№ 818].

Результаты разработок в 1970–1980-е гг. региональных периодизаций срубной культуры Среднего Поволжья, в том числе определения ее верхних хронологических рубежей, нашли отражение в ряде обобщающих работ самарских археологов

[Агапов, Васильев, Кузьмина и др., 1983, с.6–58; Семенова, 1983, с.59–80; Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985, с.60–94]. Предложенная ими схема включает три периода. Первый датирован XVII–XVI вв. до н. э., второй – XV–началом XIV вв. до н. э., третий – второй половиной XIV–XIII вв. до н. э. К XIII вв. до н. э. относят конец существования срубной культуры в Поволжье, Нижнем Подонье и Прикубанье также А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова, С.Р. Тохтасьев, В.В. Потапов [Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993, с.66; Потапов, 1997, с.128–130]. В.В. Отрощенко считает, что столь позднее определение верхнего хронологического рубежа срубной культуры Поволжья недостаточно корректно. Так как на основе срубной культуры здесь складывается ивановская культура, которую следует датировать XIII–XII вв. до н. э., для третьего этапа не остается места [Отрощенко, 2002/№ 818, с.62].

Существенное влияние на становление «короткой» концепции оказало формирование в первой половине 1980-х гг. проблемы общности КВК¹, тесно связанной с кругом вопросов, касающихся культурного содержания постсрубных образований финала бронзового века Евразии. Стало очевидно, что между срубными и киммерийскими древностями существует мощный пласт постсрубных культурных образований, в результате чего круг сторонников «короткой» концепции значительно расширился.

Новым археологическим реалиям, сформировавшимся в условиях выделения постсрубных и постандроновских культур, подчинены построения Н.К. Качаловой,

¹ Общность КВК выделена Е.Н. Черных в начале 1980-х гг. [Черных Е.Н., 1983]. Этот термин закрепился в литературе, хотя и вызвал возражения теоретического порядка. В.В. Отрощенко, например, считает неправомерным на основании подобности отдельных типов керамики и некоторых общих тенденций в металлообработке объединение в рамках одной общности памятников культур столь огромной территории. Более обоснованным, по его мнению, было бы использование термина «блок культур» (по В.С. Бочкареву). В.В. Отрощенко отмечает, что общность КВК охватывает два блока культур: ранний, сабатиновского, и поздний, белозерского времени. С другой стороны, выделение общности или блока КВК поднимает проблему поступательного развития срубной КИО, с которой многие культуры заключительного этапа позднего бронзового века Восточной Европы связаны генетически [Отрощенко, 2002/№ 818, с.68]. В связи с этим следует отметить, что характеристики общности КВК полностью соответствуют признакам, присущим любой КИО. О.В. Бондарец выделяет четыре таких признака: общности формируются на базе нескольких археологических культур; общности состоят из нескольких археологических культур; территория общностей занимает несколько природно-географических зон; общности имеют этапы развития [Бондарец, 1990, с.3]. Учитывая вышеизложенное, считаем целесообразным использование терминологии и определений феномена общности КВК, предложенные Е.Н. Черных.

посвященные периодизации срубной культуры Нижнего Поволжья. На материалах стратифицированных курганных могильников ею выделены четыре этапа. Хронологические рамки первого этапа определены XVI–XV вв. до н. э., второго – XV–XIV вв. до н. э., третьего – XIII в. до н. э. В отношении четвертого, заключительного, этапа, исследовательница пишет, что в связи с отсутствием датирующих показателей его хронология определяется ориентировочно. «Верхняя граница третьего этапа означает одновременно начало четвертого – видимо, на рубеже XII в. до н. э. Что же касается конца этого периода, то его верхняя граница пока остается открытой». Условно он датирован XI в. до н. э. [Качалова, 1989, с.34]. Отрицая генетическую связь так называемых переходных погребений киммерийского времени со срубной культурой, Н.К. Качалова заполняет хронологическую нишу между ними памятниками ивановского типа. Именно они, по мнению Н.К. Качаловой и других исследователей, однокультурны переходным и, в какой-то степени, составляли базовую основу сложения культуры савроматов и саков или культуры киммерийско-савроматского типа [Агапов, Васильев, Кузьмина и др., 1983, с.28; Качалова, 1985, с.28–59; 1989, с.33–47; Колев, 2000, с.260].

Одновременно группой самарских археологов предложена трехчленная периодизация срубной культуры лесостепного Поволжья [Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985, с.60–94], по которой первый период датирован XVII–XVI вв. до н. э., второй – XV–началом XIV вв. до н. э., третий – второй половиной XIV–XIII вв. до н. э. Срубную культуру региона сменяют новые культурные образования ивановско-саргаринского и межовско-позднеприказанского типов финального бронзового века, сложившихся в результате контактов между позднесрубным и поздним федоровско-алакульским населением.

Дальнейшее накопление данных о культурах постсрубного времени внесло коррективы в срубные и постсрубные схемы периодизации и в понимание процессов культурогенеза в Поволжье [Малов, 1987; Колев, 1988, с.103–118; 1991, с.162–206; 2000, с.242–301; Колев, Ластовский, Мамонтов, 1995, с.50–110; Изотова, 1999, с.155–156; Семенова, 2000, с.152–208; Седова, 2000, с.209–241]. Обобщенная схема культурного развития Поволжья в позднем бронзовом веке приводится в работе

Ю.И. Колева [Колев, 2000]. В лесостепном Поволжье на смену срубной приходит генетически не связанная с ней сусканская культура с выраженными чертами андроновского облика в керамическом комплексе и отличным от срубного металлургическим производством, получившим в середине II тыс. до н. э. мощный сейминский импульс, выразившийся в формировании дербеневого металлургического очага. Верхний хронологический рубеж сусканской культуры маркирует появление сформировавшихся на основе местных, волго-камских, традиций памятников атабаевско-кайбельского типа, керамику которых характеризует воротничковое оформление венчиков сосудов. Появляются и новые элементы орнамента – «жемчужины», ряды вдавлений, валики, помещенные в основании шейки. Процесс сложения атабаевско-кайбельского комплекса завершился в XIII–XII вв. до н. э. В конце II тыс. до н. э. Волго-Камье переживает новую волну урало-западносибирской миграции, в результате чего складываются культурные образования предананьинской эпохи, такие как, например, маклашеевская [Колев, 2000, с.244–251, 257–259]. В степном Поволжье срубная культура продолжает существовать до третьей четверти II тыс. до н. э., когда на смену ей приходит ивановская. Отмечается генетическая связь последней со срубной и влияние андроновских традиций, которые могли проникнуть в ивановскую среду из лесостепного Волго-Камья и с востока, через саргаринско-алексеевскую культуру. Наличие смешанных сусканско-ивановских комплексов приводит Ю.И. Колева к выводу о сложении ивановской культуры на рубеже XV–XIV или XIV–начале XIII вв. до н. э. Время бытования ивановской культуры определено хронологическими рамками XIII–XII вв. до н. э., после чего, к рубежу II–I тыс. до н. э., она бесследно исчезает. Финал бронзового века в степной зоне Поволжья представлен памятниками нурского типа, которые демонстрируют «один из моментов становления раннекочевнической культуры киммерийско-савроматского типа» [Колев, 2000, с.251–260; 2008, с.222–226].

Наиболее обоснованная современная концепция происхождения, развития и исчезновения культур срубной КИО, основанная на принципах «короткой» концепции, предложена В.В. Отрощенко. Она воспроизведена в контексте периодизации

культур средней и поздней бронзы Восточной Европы и, в том числе, освещает вопросы формирования и хронологии культур постсрубного времени.

Основываясь на выводах самарских археологов о покровской и бережновской линиях развития культур срубной общности [Мыськов, 1991, с.29; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1993, с.66–68], выделении Н.К. Качаловой памятников бережновского типа [Качалова, 1976, с.58–61], И.Ф. Ковалевой и С.С. Волкобоем – маевского локального варианта [Ковалева И.Ф., Волкобой, 1976] и анализе огромного массива срубных погребений, В.В. Отрощенко формулирует тезис о необходимости их разделения на две культуры – покровскую (лесостепную) и бережновско-маевскую (степную). Генетической подосновой первой, сложившейся в лесостепном междуречье Дона и Волги, являются памятники типа Синташты–Потаповки–Утевки–Власовки и Доно-Волжской абашевской культуры. В формировании второй приняли участие племена КМК и ПСК [Отрощенко, 1994а; 2001; 2002/№ 818; 2003].

Территория распространения ПСК определена преимущественно лесостепными районами европейской части России. По наличию в ее комплексах металлических изделий сейминского типа культура датирована XVII–XV вв. до н. э. [Отрощенко, 2001, с.159]. В XIV в. до н. э. в Поволжье ПСК сменяется сусканской и ивановской культурами, в которых сейминский металл отсутствует [Колев, 1991, с.162–206]. С концепцией В.В. Отрощенко в целом согласуются выводы некоторых российских археологов, рассматривающих срубную культуру Поволжья в рамках одного периода, датируемого XVI в. до н. э. [Иванов А.Ю., Колев, 1993, с.98] или двух периодов, относимых к XVI–XV вв. до н. э. [Семенова, 2000, с.152–208; Седова, 2000, с.209–241].

К памятникам ПСК первого периода (XVII–XVI вв. до н. э.) В.В. Отрощенко отнесены Покровский могильник, ранний горизонт Мосоловского поселения, а на территории Украины – покровский горизонт могильников Северского Донца и соответствующие горизонты поселений Капитаново-1, Ильичевка, Черниково озеро [Отрощенко, 2001, с.156]. Второй период ПСК (XVI–XV вв. до н. э.) сопоставляется со вторым горизонтом периодизации Р.А. Литвиненко. Это время, когда ПСК прекращает существование, а БМСК формируется, то есть время сосуществования двух

срубных культур – второго периода покровской и первого бережновско-маевской [Отрощенко, 2001, с.156]. В зону БМСК (XV–XIII вв. до н. э.) включены Левобережное Поднепровье, Восточное Приазовье, Нижний Дон и Нижнее Поволжье [Отрощенко, 2001, с.123–124]. Характерные для нее металлические изделия послесейминского времени отнесены В.С. Бочкаревым к лобойковско-дербенеvской зоне металлообработки [Бочкарев, 1990, с.4–5]. Исходя из того, что изделия этой зоны исчезают в раннегальштатское время, а так же из датировок аналогов металлу Лобойковского клада в Карпатском бассейне, В.В. Отрощенко находит возможным отнести финал БМСК к XIII–XII вв. до н. э. [Отрощенко, 2001, с.160–162].

Недостатком предложенной схемы является то, что разница в обрядовых элементах и инвентаре двух периодов БМСК фиксируется только на уровне неординарных, элитных, комплексов (Комсомольское, Высокое, Верхняя Маевка), в то время как определение хронологического положения ординарных погребений культуры вызывает затруднение. Группа элитарных погребений, по мнению В.В. Отрощенко, также маркирует финал БМСК [Отрощенко, 2001, с.161–162]. Эти погребения в срубном контексте действительно достаточно специфичны, что оставляет возможность разночтений их культурной атрибуции. В частности, Ю.И. Колев считает их либо ивановскими, либо постсрубными времени становления ивановской погребальной обрядности под влиянием андроновских традиций [Колев, 2008, с.213].

Предложенная В.В. Отрощенко периодизация срубной КИО успешно апробирована Ю.М. Бровендером на материалах поселений среднего течения Северского Донца [Бровендер, 2000/№ 810], Д.П. Куштаном – на материалах поселений Среднего Поднепровья [Куштан, 2007/№ 846].

Нами древности постсрубного времени Левобережной Украины первоначально рассматривались в рамках предложенной А.И. Тереножкиным схемы непрерывного развития срубной культуры, завершившегося формированием черноговровской группы памятников. При обозначении памятников заключительного этапа позднего бронзового века использовался термин «позднесрубные», что формально соответствовало принципам построения периодизаций «длинной» концепции. Позже мы пришли к пониманию того, что постсрубные памятники Украины представляют со-

бой не только переходный этап между срубной и киммерийской культурами, но являются новообразованием – одной из культур общности КВК XIII–X вв. до н. э., сформировавшихся на срубной и андроновской основе [Ромашко, 2000, с.19; 2000а, с.134–142; 2002, с.91–99; 2002а, с.167–169; 2006, с.7–11, 2007, с.322–326; Romashko, 2004, s.111–117].

Весомый вклад в разработку вопросов срубной и постсрубной культур Украины внесен Я.П. Гершковичем. Они решаются в контексте этнокультурных связей и хронологического соотношения памятников трех регионов Украины – Нижнего Поднепровья, Северо-Восточного Приазовья и Подонцовья. В основу хронологических построений положена авторская периодизация сабастиновской культуры Нижнего Поднепровья. Первый период, датируемый XV в. до н. э., характеризуется формированием сабастиновской культуры на местной основе КМК без ощутимого участия срубного компонента. Второй и третий периоды контактов сабастиновской и срубной культур помещены исследователем в хронологические рамки – XIV–XIII вв. до н. э. Четвертый период соответствует заключительному этапу бронзового века, концу существования сабастиновской и срубной культур и началу формирования «котла» с восточными, северо-восточными и западными проявлениями. Период «котла» синхронизирован с белозерской культурой, его хронологический диапазон определен от начала XII в. до н. э. В это время «на историческую арену выходят совершенно новые, скорее всего многокомпонентные, этнические образования», закладывающие основы этнокультурной близости скифо-сарматско-сакского мира. Начало белозерского периода Я.П. Гершкович предлагает считать «условной нижней хронологической границей позднейшего предскифского периода» [Гершкович, 1998, с.72–81; 2005, с.21–23]. Обращает на себя внимание, что исследователь избегает попыток культурной атрибуции древностей заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины, заменив его абстрактным понятием «котел».

Разделение постсрубной территории на три зоны означает отказ исследователя от восприятия памятников Левобережья как целостного культурного явления. Между тем территория, разделяющая памятники Нижнего Поднепровья с одной стороны, Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья с другой, также заполнена па-

мятниками, однокультурными как Белозерскому лиману, так и Безыменному-1 и 2, Глубокому озеру-2, Диброве, Ильичевке, Николаевке. Речь, в частности, идет о Богуславе-1, 2, Морозовском, Павлограде, Песчанке и других поселениях Предстепья и левобережной северной Степи [Ковалева И.Ф., 1972, с.332–336; Ромашко, Марина, 1993, с.120–121; Ромашко, 1993, с.79–91; 1994, с.161–163; 1995, с.64–65; 1995а, с.126–129; 1996а, с.46–51; 1997а, с.61–62; 2006, с.7–11; Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100; Фещенко, Ромашко, Тесленко, 2010/б. н.].

Культурная многокомпонентность характеризует материальный комплекс всех памятников ББК, а различия в удельном весе тех или иных инокультурных элементов вполне объяснимы с позиций доминантной направленности внешних контактов отдельных регионов.

Достоинства и недостатки предложенной Я.П. Гершковичем схемы в полной мере нашли отражения в диссертационном исследовании его ученика Д.П. Куштана [Куштан, 2007/№ 864], в котором анализируются памятники позднего бронзового века южной части лесостепного Поднепровья. Хронологические рамки существования срубной культуры в лесостепной зоне, как и в периодизации, предложенной В.В. Отрощенко, определены XV–XIII вв. до н. э. (БМСК I – 1500–1350 гг. до н. э., БМСК II – 1350–1200 гг. до н. э.). Следующий, белогородовско-белозерский этап датирован XII–X вв. до н. э., (раннебелозерский – 1200–1050 гг. до н. э., позднебелозерский – 1050–900 гг. до н. э.). По мнению автора, памятники региона раннебелозерского времени объединяют черты белогородовской, малобудковской, раннелебедовской культур. На них присутствует также керамика хвалынской (ивановской) и саргаринско-алексеевской культур. Для памятников позднебелозерского времени характерны раннечернолесские, позднебелозерские, бондарихинские и лебедовские черты [Куштан, 2007/№ 864, с.72, 158–163, 174–175]. Признав субстратную роль срубной культуры в сложении малобудковской, автор даже не ставит вопрос о сохранении в лесостепной зоне постсрубного населения и его участия в формировании культурного облика памятников южного лесостепного Поднепровья. Отсутствует также попытка культурного сопоставления керамических комплексов приднепровских памятников с представленными в лесостепных и северостепных

памятниках ББК сопредельных территорий, таких, как, например, Таранцево, Богуслав-1, Белозерский лиман и др. Поиск аналогов только в территориально отдаленных восточных культурах постсрубного и постандроновского круга не создает условий для объективного понимания культурогенеза в сложной контактной зоне, какой является южное лесостепное Поднепровье. Отметим, что в свою очередь, эту территорию правомерно рассматривать как северо-западную часть контактного региона общности КВК, основной район которого в нашем понимании соответствует Левобережной Украине.

В последних работах С.И. Берестневим предложено разделение срубной культуры левобережной Лесостепи на ранний (середина XVI–XV вв. до н. э.) и поздний (XIV–XII вв. до н. э.) этапы [Берестнев, 2001, с.109–118, 175], что соответствует принципам «короткой» концепции. В отношении постсрубного времени исследователь считает, что распад в конце XII в. до н. э. срубной КИО и проникновение в Лесостепь инокультурных группировок вызвало формирование памятников типа Бузовки, Васищево, Веселого-1, Дроновки, Залинейного, Любовки с синкретическими «срубно-бондарихинскими и пережиточно-срубными» комплексами. На всех них в большей или меньшей степени присутствует «позднесрубный компонент». В тоже время подчеркивается, что пережиточно-срубные памятники типа верхнего горизонта Таранцево «отражают иную культурно-историческую ситуацию и иную линию развития, отличающуюся от прежней по существу культурообразующих признаков» [Берестнев, 2001, с.108]. Но, формально отказавшись от утверждения доживания срубной культуры до VII в. до н. э., С.И. Берестнев, тем не менее, сохранил идею участия поздних срубников в этнокультурных процессах раннего железного века, вследствие чего «пережиточно-срубные» памятники соотносятся с его началом [Берестнев, 2001, с.116].

Несколько неопределенными выглядят культурные определения пространственно-хронологического пласта заключительного этапа позднего бронзового века О.Р. Дубовской, которая, приходя к выводу о местной генетической основе сложения памятников черногоровского типа, усматривает ее в «позднесрубной (белозерской)» культуре [Дубовская, 1993, с.137, 145]. Даже если понимать под термином

«позднесрубная» культуру постсрубного времени, то и тогда отождествление двух различных культур общности КВК (белозерской и ББК) не может считаться обоснованным.

Положение о существовании обособленной культуры, занимающей промежуточное положение между срубной и киммерийской культурами принимается С.В. Махортых [Махортых, 2005, с.275–282]. Исследователь справедливо определяет в качестве подосновы киммерийской культуры две культурные составляющие – белозерскую и постсрубную. По его мнению, и черногоровские и новочеркасские захоронения объединяют с белозерскими такие преемственные черты обрядности, как южная ориентация, присущая части киммерийских погребений, скорченность на боку и вытянутое на спине положение, использование тризн и жертвенной пищи, в которой преобладал мелкий рогатый скот, ямы с деревянным и камышовым перекрытием, угловые ямки на дне могил, обшивка стен ям или дна досками, редкое использование огня в погребальном ритуале, посыпка дна мелом или краской, устройство шатровых конструкций над могилами, кольцевых глиняных валов вокруг могил, ямы с уступами, сходство некоторых разновидностей инвентаря. Следует отметить, что значительная часть выделяемых признаков, присуща не только белозерской культуре, но и другим культурам позднего бронзового–начала раннего железного веков Восточной Европы, в том числе срубной.

Более обоснованным представляется сопоставление черногоровского погребального обряда с постсрубным, основывающееся, прежде всего, на доминировании в обеих группах памятников восточной ориентации погребенных. Однако, под «постсрубными» погребениями С.В. Махортых понимает только группу погребальных памятников заключительного этапа бронзового века Нижнего Подонья и степного Предкавказья [Шарафутдинова Э.С., 1991; Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996; Потапов, 1997; 1998; Отрощенко, 1999, 2001; Калмыков, Потапов, 2004]. Как считает автор, соединение белозерской и постсрубной составляющих могло произойти только в двух зонах контакта. Первая – Предкавказье, где «белозерское население Крыма контактировало с постсрубным и кобяковским через Керченский полуостров». Вторая – Западное Приазовье, где «белозерцы Поднепровья соседствовали

с постсрубным населением» [Махортых, 2005, с.280]. Это положение, ограничивающее зону формирования черногоровского феномена узкой полосой Приазовья, Нижнего Подонья и степного Предкавказья, представляется спорным. Существенно не меняет этот вывод и предположение С.В. Махортых о возможном проникновении перешедших к кочевому скотоводству групп постсрубного населения в долину Днепра в его степном течении, где они могли вытеснить и ассимилировать белозерцев [Махортых, 2005, с.280]. Заметим, что зона формирования черногоровских древностей охватывает значительно большую территорию и далеко выходит даже за пределы Северного Причерноморья [Тереножкин, 1976, рис.1]. Вне внимания исследователя [Махортых, 2005, с.276] остался основной массив древностей ББК степной Левобережной Украины и Предстепья, где, так же, как и в Нижнем Подонье и Предкавказье, проходили процессы культурогенеза киммерийцев. Речь идет о группе погребений постсрубного времени, основным признаком которых является именно восточная ориентация скелетов [Ромашко, 1999а, с.119–138].

Сказанное правомерно и в отношении позиции В.В. Отрощенко, по мнению которого в формировании черногоровской группы памятников приняла участие только группа носителей «белозерской культуры» Доно-Волжского междуречья, откуда погребения черногоровского типа распространились на запад [Отрощенко, 1994б, с.103–117].

1.2.2. Вопросы определения пространственно-временных рамок контактного региона общности КВК и взаимодействия богуславско-белозерских племен с носителями сопредельных культур степной и лесостепной зон Восточной Европы.

Среди вопросов проблематики особое место занимает историография культурных связей лесостепного и степного населения Украины конца II тыс. до н. э. Не случайно именно территория ББК, керамические комплексы которой содержат многочисленные образцы посуды, характерной для сопредельных и достаточно удаленных культур финала бронзового века, в последнее время вызывает пристальное внимание исследователей. Вне зависимости от их отношения к вопросу о правомерности выделения контактной зоны общности КВК и определению ее пространст-

венно-временных границ, культурная многокомпонентность представленных здесь памятников и возможность их использования при рассмотрении культурного взаимодействия, взаимовлияний и направленности миграций не вызывает сомнения. Два вектора контактов ББК – широтный и меридиональный – предопределили тематику ряда исследований украинских и российских археологов. Широтный вектор связан с определением места ББК в системе восток–запад общности КВК. Меридиональный – с вопросами контактов племен ББК с инокультурным населением лесостепной зоны.

Особое место в вопросе о широтных контактах племен ББК занимают концептуальные разработки Е.Н. Черных. Однако на уровне современных археологических реалий предложенная им схема разделения культур общности КВК Евразии на три зоны требует корректирования. Сам автор считает, что многие ее положения «должны считаться предварительными, требующими более развернутых доказательств и, зачастую, существенных уточнений» [Черных Е.Н., 1983, с.81]. Речь, прежде всего, идет о географических и культурных границах контактной зоны, занимающей, по мнению Е.Н. Черных, практически всю степную зону Украины.

Исходя из современных археологических реалий, включение в контактную зону районов Северо-Западного Причерноморья представляется неправомерным. Занимающая их сабастиновская культура входит в блок родственных культур Ноуа–Сабатиновка–Кослодженъ и других культурных образований Балкано-Карпатского региона [Morintz, 1978, p.120–121; Черняков, 1985, с.152; 2002, с.40; Гершкович, 1998, с.69; Gerskovic, 1999, s.92; Отрощенко, 2001; 2002/№ 818; 2003]. Сложившаяся на ее основе белозерская, или белозерско-тудоровская культура, также связана с кругом западных культур финала бронзового века [Ванчуг, 1990 с.123–137].

В отношении восточных районов определяемой Е.Н. Черных контактной зоны, соответствующей территории Левобережной Украины, следует отметить следующее. В современной историографии памятники финала бронзового века степной зоны Украины разделены на две обособленные культуры – белозерско-тудоровскую (белозерскую) и, по терминологии разных авторов, «постсрубную» или «позднесрубную» (ББК – *В.Р.*), географическая граница между которыми проводится по

Поднепровью. Отметим, что, вне зависимости от авторских культурных определений, большинством исследователей подчеркивается культурное своеобразие самого поселения на Белозерском лимане и его отличие от других поселений Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья, представляющих белозерскую культуру. В частности А.И. Тереножкин пишет, что при сопоставлении белозерских комплексов между ними обнаруживаются значительные культурные отличия, что объясняется разновременностью памятников, обусловленной длительным существованием белозерской ступени срубной культуры [Тереножкин, 1976, с.91]. В.В. Отрощенко считает присутствие в керамическом комплексе поселения на Белозерском лимане посуды срубного типа признаком его раннего положения в рамках белозерской культуры [Отрощенко, 1986, с.134, 151–152]. Культурные особенности некоторых белозерских памятников Поднепровья, в том числе «большие землянки Белозерского поселения», баночные сосуды, орнаментированные штриховкой или «елочкой», В.П. Ванчугов рассматривает как свидетельство контактов со срубными племенами Левобережья [Ванчугов, 1990, с.13]. Наиболее достоверной в контексте новых источников, представляющих культуру позднего бронзового века Левобережной Украины, выглядит точка зрения И.Н. Шарафутдиновой, сформулированная в работе, посвященной выделению сабаатиновской культуры. Белозерский лиман и синхронные ему поселения, расположенные к востоку от Днепра, отнесены к срубной культуре. Белозерские памятники, расположенные на территории, прежде занятой сабаатиновскими, рассматриваются как непосредственное развитие «собственно Сабаатиновки» [Шарафутдинова И.Н., 1968, с.19]. Предложенная исследовательницей дифференциация белозерских памятников Поднепровья в последнее время получила подтверждение в результате исследования в Левобережной Украине новых памятников, близких по культуре поселению на Белозерском лимане. В частности, к выводу об однокультурности комплексов поздних горизонтов поселений Северо-Восточного Приазовья и Белозерского лимана приходит В.Н. Горбов, что позволяет ему рассматривать его как «позднесрубное» [Горбов, 1993, с.90–93], то есть, в нашем понимании, богуславско-белозерское.

Нами уже отмечалось [Ромашко, 1996б, с.66–69], что необходимость подобной дифференциации памятников заключительного этапа бронзового века степной Украины не вызывает сомнений. Однако включение В.Н. Горбовым тудоровских памятников в западный круг культур общности КВК, а белозерских в восточный, не оставляет места для контактной зоны и лишает термин культурного содержания. Исследователь считает возможным все памятники заключительного этапа позднего бронзового века, известные на территории от р. Молочная на западе до Волги на востоке, рассматривать как позднесрубные белозерского времени. Сказанное в полной мере справедливо и в отношении концепции Ю.И. Колева, который включает огромный массив памятников заключительного этапа позднего бронзового века Нижнего Поволжья, Подонья и Левобережной Украины в рамки единой ивановской культуры [Колев, 2000, с.251; 2008, с.208–240].

Вероятно, позиция В.Н. Горбова может быть объяснена особенностями источниковой базы исследования, которая представлена преимущественно поздними «срубными» горизонтами поселений Северо-Восточного Приазовья (Безыменное-1 и 2, Камышеватая-16, Широкая Балка-2 и др.) [Горбов, 1988, с.269–270; 1993, с.90–93; 1995, с.52–72; 1996; Горбов, Подобед, 1996, с.96–99]. Материалы памятников заключительного этапа позднего бронзового века других районов Левобережной Украины, прежде всего лесостепных и северостепных, учтены в недостаточной степени. Их принадлежность к восточной зоне культур общности КВК определена ссылкой на присутствие в их комплексах посуды «восточного облика». Между тем, на таких памятниках как Богуслав-1 [Ромашко, Марина, 1993, с.120–121; Ромашко, 1993, с.79–91; 1995, с.64–65; 1996а, с.46–51; 1996б, с.66–69; 1997а, с.61–62], Таранцево [Берестнев, 1994, с.121–138], Ильичевка [Шаповалов, 1976, с.150–172; 1983/№ 620] и др., обычна и керамика, характерная для западных культур, в том числе позднесабатиновской и белозерской. Наиболее восточные проявления морфологически близкой посуды присутствуют на памятниках кобяковской культуры [Шарафутдинова Э.С., 1980]. Отметим, что керамика «западного облика» известна и в материалах IV и V горизонтов памятников Северо-Восточного Приазовья [Горбов, 1995, с.52–72] и на поселении Белозерский лиман [Кривцова-Гракова,

1949, с.76–85, рис.30–34; 1955, с.118–119, рис.27]. Ю.И. Колев, включая памятники постсрубного времени Левобережной Украины в круг ивановских, основывается только на положениях о том, что они возникли на месте срубной КИО и на их керамике присутствует валиковый орнамент, характерный для свиты культур общности КВК степной Евразии [Колев, 2000, с.215; 2008, с.208–240]. При отсутствии сопоставительного анализа ивановского и ББК комплексов, содержащих выразительные элементы культур западной зоны, подобные культурные определения представляются недостаточно убедительными.

Необходимость культурной сепарации постсрубных памятников Украины и расположенных к востоку от Приазовья районов Восточной Европы подчеркивается В.В. Потаповым. Им отмечена культурная близость «поздневаликовых» поселений Нижнего Подонья поселениям восточной зоны общности КВК. Этим, а также культурной близостью финальнобронзовых погребений восточного Приазовья, левобережья и прирусловой полосы правобережья Дона, степного Ставрополя и Прикумья, Доно-Кубанского междуречья и Закубанья, степных районов Калмыкии и Астраханской области, аргументируется выделение отрадненской культуры, памятники которой отличны от хвалынских, кобанских, кобяковских, бондарихинских, нурских и, что особенно важно в контексте рассматриваемого вопроса, от «поздневаликовых восточнукраинских» [Потапов, 2010, с.16–17].

Таким образом, в лесостепной и степной Левобережной Украине достаточно отчетливо выделяется пространственно-временной пласт памятников заключительного этапа позднего бронзового века, на которых фиксируется присутствие как восточных, так и западных разновидностей керамических форм и орнаментации, чем подтверждается правомерность выделения контактного региона общности КВК. Его границы соответствуют на западе Поднепровью, на востоке – бассейну Северского Донца и Северо-Восточному Приазовью [Ромашко, 1996б, с.66–69].

К несколько иным выводам приходит Я.П. Гершкович, также рассматривающий означенную территорию в качестве одной из наиболее выразительных контактных зон позднего бронзового века Восточной Европы. Исследователь, определив западные и восточные пределы контактной зоны, тем не менее, отрицает ее

целостность. Она рассматривается в контексте контактов Нижнего Поднепровья, Северо-Восточного Приазовья и Подонцовья [Гершкович, 1998, с.61–92].

Даже если признать правомерность такого подхода в отношении южных степных районов, то территорию северостепной и лесостепной Левобережной Украины, представляющую собой в позднем бронзовом веке единый срубный, а в его конце такой же массив ББК, разделить таким образом невозможно. Показательно, что самим исследователем признается присутствие на всей этой территории (как в Поднепровье, так и в Северо-Восточном Приазовье и Подонцовье) археологически фиксируемых свидетельств контактов между сабатиновской и срубной культурами, а для заключительного этапа позднего бронзового века – между белозерской и постсрубными культурами восточной зоны общности КВК.

Я.П. Гершкович не ограничивается только констатацией этих контактов, а излагает авторское понимание их динамики. По его мнению, время раннего сабатиновского периода характеризуется спорадическим глубоким проникновением более подвижных по сравнению с сабатиновскими групп срубного населения на запад, вплоть до Подунавья. Свидетельства обратного, сабатиновского, влияния на восток для этого периода отсутствуют. Для сабатиновских комплексов Поднепровья второго периода, синхронных II–III горизонтам Безыменного-2 и второй фазе мосоловского горизонта, также характерно наличие срубных типов сосудов и орнаментов. Однако главным показателем периода является широкое проникновение на восток, в Подонцовье и Северо-Восточное Приазовье, сабатиновских керамических форм и бронзовых изделий, что маркирует начало воздействия сабатиновских традиций на срубную культуру. Третий период развития сабатиновской культуры синхронизирован с IV горизонтом Безыменного-2, в связи с тем, что, наиболее яркие сабатиновские элементы проявляются именно на приазовских памятниках. Речь идет о сосуде с вертикальным выступом по верхнему краю венчика и так называемых котловидных горшках, аналоги которым усматриваются в позднесабатиновской культуре, культурах Ноуа и Кослодженъ. Другое, восточное, направление связей определяется появлением в Северо-Восточном Приазовье, Подонцовье, Поднепровье и более западных районах федоровской и саргаринско-алексеевской керамики, что отражает

процессы сложения новой этнокультурной ситуации после продолжительного периода относительно стабильного развития срубной и сабашиновской культур. Дальнейшее развитие эти процессы получают в белозерском периоде, который характеризуется сочетанием групп керамики, не имеющей прототипов в сабашиновской и срубной среде. Таких групп выделено три.

К первой группе отнесена посуда западного происхождения – белозерская (тудоровская) и белогрудовско-чернолесская (балтская). В самом начале формирования этих культур посуда специфических форм и орнаментации попадает в Северо-Восточное Приазовье и Подонцовье.

Вторая группа представлена сериями посуды восточного, поволжско-приуральско-казахстанского, происхождения, сопоставимой с керамикой восточной зоны общности КВК (черкаскульской, межовской, тазабагыябской, федоровской, саргаринско-алексеевской, сусканской и др.). По мнению Я.П. Гершковича, она преимущественно распространена в Подонцовье и Северо-Восточном Приазовье, но известна на юге лесостепной и в степной зоне Поднепровья [Гершкович, 1998, с.76; 2007, с.58–60]. Соглашаясь с устанавливаемыми исследователем векторами культурных сопоставлений, считаем возможным заметить, что на некоторых памятниках ББК лесостепной зоны и Поднепровья (Богуслав-1, Лихачевка, Таранцево, Шолохово и др.) керамика этой группы образует серии не менее (а иногда и более) выразительные по сравнению с северскодонецкими и приазовскими.

Третья группа включает керамику малобудковского и бондарихинского облика «северо-восточного происхождения», представленную на памятниках юга лесостепной зоны (Донецкой интразональной лесостепи – *В.Р.*), таких как Диброва-Б, Глубокое Озеро-2 и Ильичевка, а также в украинской Лесостепи (Лихачевка), верхнего течения Северского Донца (Шоссейное), лесостепного Подонья (Шиловское), и даже нижнего Поднепровья (Верхняя Тарасовка) и Северо-Восточного Приазовья (Безыменное-2). Отметим, что малобудковско-бондарихинское происхождение керамики с «жемчужинами» и наколами (речь идет, прежде всего, о посуде неспецифичных для Бондарихи форм), представленной на ББК и культурах позднего бронзового

века широких территориальных рамок, весьма спорно. Собственно говоря, не забывать об этом призывает и сам Я.П. Гершкович [Гершкович, 1998, с.81].

Остановимся на историографическом аспекте культурной принадлежности поселений ББК лесостепной зоны и Донецкой интрозональной лесостепи. То, что на формирование их культурного облика оказали влияние оба вектора контактов с инокультурными образованиями, установлено в самом начале их изучения. Т.А. Шопаловым отмечено, что в керамических комплексах поздних горизонтов Ильичевки проявляются как западные, так и восточные, «андроновские» влияния. На заключительном этапе жизни поселения, с XI в. до н. э. начинаются контакты местного срубного населения с малобудковским и бондарихинским, также нашедшие отражение в формах и орнаментации керамики, отнесенной к бондарихинскому горизонту [Шопалов, 1983/№ 620, с.101–102, 110–117, 122–127]. Как уже отмечалось, С.И. Берестневым лесостепные памятники ББК определены как позднейшие срубные или пережиточно-срубные, иллюстрирующие проявления срубной культуры в раннем железном веке [Берестнев, 1994; 2001, с.109–118]. Культурная взаимосвязь с белозерскими древностями этими исследователями отрицается, что обосновывается такими показателями, как сохранение в керамическом комплексе лесостепных памятников Левобережной Украины архаических срубных форм, штрихованность внешней поверхности посуды зубчатым штампом, отсутствие лощения, расчлененность валика и др. При этом упускается из вида, что все перечисленные характеристики, действительно не присущие основной массе белозерских памятников, составляют базовые черты культурного облика поселения на Белозерском лимане [Кривцова-Гракова, 1949, с.76–85; 1955, с.111–119].

Исследование поселения Богуслав-1, давшее массовый и наиболее «чистый» материал интересующего нас горизонта, позволяет сопоставить в культурном отношении всю группу памятников постсрубного времени левобережной южной Лесостепи и северной Степи с поселением на Белозерском лимане. То есть, с не меньшим основанием, чем Приазовские, эти памятники можно считать однокультурными.

В.И. Клочко в рамках концепции развития культурных процессов в Украине в позднем бронзовом веке предложено рассматривать БМСК в качестве культурного

компонента, принявшего участие в формировании восточных культур общности КВК. В понимании исследователя, начало заключительного этапа позднего бронзового века Восточной Европы характеризует цепь последовательных миграционных подвижек обитавшего здесь разнородного населения. Первичным импульсом этих процессов стала экспансия на рубеже XIII–XII вв. до н. э. на территорию Ноуа носителей южнокарпатских культур Пилини и Гава, в результате чего ноическое население оттесняется на север и северо-восток, что усилило демографический потенциал белогрудовской культуры. В результате она расширяет свою территорию, создав белозерскую культуру и оттеснив сабастиновскую на юг, а БМСК на восток, где восточнукраинские культурные элементы приняли участие в сложении приказанской, федоровской, саргаринской культур в Поволжье и Западном Казахстане. Отмеченное В.И. Ключко присутствие в Подонье, Поволжье, Закамье, Казахстане и даже в Зауралье таких кладовых комплексов с металлом лобойковского типа, как Терешковский, Перелюбский, Кармановский, Ильдеряковский, Дербеневский и др. подтверждает, по его мнению, тезис о восточной инвазии носителей лобойковской металлургической традиции в конце сабастиновского и начале белозерского времени. Лобойковская группа вооружения датирована XVI–XIII вв. до н. э. Распространение лобойковской традиции на восток, повлекшее за собой формирование в Поволжье и Казахстане «валиковых» культур, синхронизируется с сабастиновским нашествием в Среднее Средиземноморье, исчезновением на рубеже XIII–XII вв. до н. э. сабастиновской и Ноуа культур в Украине, возникновением белозерской культуры, резким сокращением ареала БМСК [Ключко, 1994; 2006, с.192–198; 251–253; Ключко, 2001].

Одно из положений нашего исследования заключается в попытке внутрикультурной дифференциации памятников ББК. В нашем понимании она представлена двумя вариантами – лесостепным, территория которого соответствует лесостепному Поднепровью, левобережной Лесостепи, Предстепью, Донецкой интразональной лесостепи, и степным, территория которого включает северные районы Нижнего Поднепровья и Северо-Восточное Приазовье. В сложении первого в качестве интеркультурного субстрата выступили племена БМСК Предстепья и Лесостепи, второго – племена БМСК степной зоны. Оба варианта культуры формировались при

участии широкого круга инокультурных компонентов. Не исключено участие в формировании ББК Лесостепи и каких-то остатков позднейших племен ПСК.

Необходимо отметить, что такое разделение характерно не только для постсрубного, но и для предшествующего, срубного, времени. Лесостепные и степные варианты срубной культуры выделены на всей территории КИО [Качалова, 1977; Мерперт, Пряхин, 1979; Беляев, 1980/№ 590; Ковалева И.Ф., 1981; 1987/№ 653; Березанская, 1982; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; 1994; 2001; Пряхин, Матвеев, 1987; Обыденнов, Обыденнова, 1992; Чередниченко, 1997]. Выделение В.В. Отрощенко двух линий развития срубной КИО с новых концептуальных позиций обусловило необходимость разделения памятников срубной КИО на лесостепные и степные, из которых первые составляют основной массив ПСК, вторые – БМСК. Исторические судьбы носителей этих культур существенно разнятся, в связи с чем исследователем при освещении вопросов этнокультурного и историко-культурного уровней сохранены принципы зонального разделения [Отрощенко, 2002/№ 818, с.345–395; 2003, с.73].

В историографии получили распространение два подхода к определению роли срубного или постсрубного компонента в этнокультурных процессах заключительного этапа позднего бронзового века левобережной лесостепной Украины. В известной степени они опираются на хронологические схемы «короткой» и «длинной» концепций, но не всегда тождественны им. Основные моменты дискуссии уже рассматривались в работах В.А. Ромашко, В.Н. Горбова и Р.А. Литвиненко [Ромашко, 1995б; Горбов, Литвиненко, 1998].

Согласно первому подходу срубная культура в лесостепной зоне прекращает существование в конце сабашиновского времени. Ее дальнейшую историческую судьбу предопределило либо субстратное участие в формировании малобудковской и бондарихинской культур, либо уход ее носителей из Лесостепи, либо оба фактора вместе.

В частности, тезис об участии срубной культуры в генезисе малобудковско-бондарихинской формируется Б.Н. Граковым, С.И. Воловиком [Граков, 1971, с.134; Воловик, 1996, с.25]. Сложную трансформацию претерпели взгляды Ю.В. Буйнова.

Первоначально исследователь поддерживает идею «чересполосного» проживания на одной территории бондарихинских и срубных племен [Буйнов, 1981, с.17]. Позже он склоняется к мысли о полной смене в Лесостепи срубного населения малобудковско-бондарихинским [Буйнов, 1994, с.12]. Затем исследователь вновь меняет мнение о культурно-хронологическом положении срубных и малобудковско-бондарихинских древностей. Согласно ему, этнокультурные взаимоотношения между племенами срубной и протобондарихинской культуры, представленной памятниками типа Студенок-5, установлены не позднее XIII в. до н. э., а возможно, и ранее, в период существования марьяновской культуры. Определяющими чертами этих взаимоотношений было сосуществование «позднесрубного и раннебондарихинского населения» и завершившаяся в XII в. до н. э. ассимиляция остатков срубного населения малобудковским [Буйнов, 1999, с.6–14]. Еще один вариант генезиса бондарихинской культуры связывается с синтезом БМСК с поздняяковской и приказанской культурами, носители которых продвинулись в Подонцовье под натиском племен ранней сетчатой керамики [Буйнов, 2001, с.15].

С концепцией Ю.В. Буйнова в последних работах соглашается В.В. Отрощенко. Отступая от ранее принятого им положения об «исходе» позднего срубного населения из украинской Лесостепи, исследователь приходит к заключению, что, вероятно, южное продвижение носителей БМСК в степные районы было, однако оно не имело тотального характера. Оставшееся в Лесостепи срубное население стало самым важным компонентом субстрата бондарихинской культуры при решающей роли в этих процессах постороннего лесного населения, генетически связанного с поздняяковской культурой [Отрощенко, 2002/№ 818, с.356,]. Принимает этот подход к исторической судьбе срубного населения лесостепной Украины и Д.П. Куштан [Куштан, 2007/№ 864, с.171]. Такие концептуальные построения базируются на отрицании присутствия в «чистом» виде в Лесостепи постсрубного населения и его самостоятельной линии этнокультурного развития, с чем сложно согласиться. В тоже время В.В. Отрощенко не исключает сохранения в лесостепной зоне Восточной Европы части населения ПСК, которое после ее исчезновения, приняло

участие в формировании новых археологических культур, связанных с общностью КВК [Отрощенко, 2002/№ 818, с.352–355].

Авторы, считающие, что дальнейшее развитие срубная культура получила не в Восточноевропейской Лесостепи, а в степной зоне, куда в конце сабатиновского–начале белозерского времени уходит срубное население, обычно относят начало этого процесса к XII–XI вв. до н. э. [Либеров, 1962, с.74; Ильинская, 1977, с.83–84; Березанская, 1977, с.12, 13; 1982, с.33–41; Мерперт, Пряхин, 1979, с.20; Пряхин, Тихонов, 1979, с.64–66; Мамонтов, 1979, с.67–68; Екимов, Беседин, 1980, с.93–94; Шаповалов, 1983/620; Агапов, Васильев, Кузьмина и др., 1983, с.28; Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985, с.81; Чередниченко, 1986, с.44–82; Отрощенко, 1986, с.117, 151–152; Пряхин, Матвеев, 1988, с.161; Буйнов, 1989; Обыденнов, Обыденнова, 1992, с.161; Семенова, 2000, с.160; Колев, 2000, с.250]. Такую позицию первоначально занимал и автор настоящей работы, также считавший, что в сабатиновское и раннебелозерское время плотность срубного населения в лесостепной зоне и Предстепье резко сокращается и на освободившееся после их ухода место мигрируют племена бондарихинской культуры [Ромашко, 1990/№ 697; 1995б, с.74–75]. Впоследствии мы пришли к выводу об ошибочности этого положения [Ромашко, 1996, с.150–152]. При этом мы не отрицаем очевидного факта смещения к югу границ расселения лесостепных и лесных племен, речь идет только об отрицании вытеснения ими срубного и ББК населения.

Возможными причинами, вызвавшими переселение срубных племен в степные районы, некоторые исследователи считают различную направленность хозяйства носителей срубной культуры в степной и лесостепной зонах – преимущественно скотоводческого в первой и комплексного, с преобладанием земледелия, во второй [Мерперт, Пряхин, 1979, с.11]. «Исход» срубников связывается с дестабилизацией хозяйства лесостепных племен и переходом к подвижным формам скотоводства, для которого более благоприятны открытые степные пространства [Либеров, 1962, с.74].

Само разрушение основ земледельческого хозяйственного уклада в историографии обычно рассматривается в связи с изменениями экологической обстановки в конце II–начале I тыс. до н. э. [Чередниченко, 1977, с.18; 1986, с.80; Отрощенко,

1981, с.19–20; 1986, с.144; Ромашко, 1986, с.120–136; 1990/№ 697; 1995б, с.74–75; Берестнев, 1994, с.137; Обыденнов, Обыденнова, 1992, с.161]. В качестве еще одной причины Н.Н. Чередниченко называет явления социально-экономического порядка, в частности, накопление в левобережной Лесостепи избыточного населения [Чередниченко, 1986, с.80]. С.С. Березанской высказано предположение, что срубные племена покидают лесостепную Украину в конце XII вв. до н. э., «потеряв по неизвестным причинам интерес к донецким рудникам, возможно, исчерпав доступные для того времени запасы медной руды» [Березанская, 1982, с.207]. Наконец, имеет место мнение о непосредственном «выдавливании» срубных племен малобудковскими или бондарихинскими [Отрощенко, 1986, с.151].

Положения второго подхода определены П.Д. Либеровым и Б.А. Шрамко, которые, разделяя мысль об уходе срубников из Лесостепи, приходят к выводу о том, что не вся масса срубного населения покидает Лесостепь. Часть их принимает непосредственное участие в сложении лесостепной скифской культуры [Либеров, 1962, с.74; Шрамко Б.А., 1972, с.160]. С.И. Берестнев считает, что в последние столетия II тыс. до н. э. численность срубного населения в Лесостепи заметно уменьшается в связи с «отходом» значительной его части. Оставшееся население концентрируется в северных районах бассейна Северского Донца и по левым притокам р. Ворскла, где известны памятники заключительных этапов культуры. На освободившееся место с севера приходят племена бондарихинской культуры. Со ссылкой на Ю.В. Буйнова, отмечающего присутствие в южных лесостепных районах малобудковских памятников, процесс вклинивания бондарихинских племен в срубную среду датирован XIII вв. до н. э. С.И. Берестнев считает, что на заключительном этапе бронзового и в начале раннего железного веков в левобережной Лесостепи чересполосно сосуществовали и самостоятельно развивались две разнокультурные группы населения – бондарихинская и срубная [Берестнев, 1976, с.57–58; 1983/№ 61:84-7/99; 1994, с.137]. Тезис о частичном сосуществовании племен «срубной», «финальной срубной» или «позднесрубной» культуры с бондарихинской с известными оговорками разделяется и другими исследователями [Шаповалов, 1983/620; Березанская, 1990, с.98; Горбов, Литвиненко, 1998, с.69–79; Куштан, 2007/№ 864]. Я.П. Гершко-

вич отмечает, что чересполосное сосуществование могло иметь место, но только им нельзя объяснить интенсивный характер взаимодействия «населения различной культурной окраски» [Гершкович, 1998, с.78].

В последней из работ, посвященных этногенезу племен бондарихинской культуры [Буйнов, 2009, с.7–17], Ю.В. Буйновым предложена еще одна концепция взаимодействия срубного, постсрубного, малобудковского, студенокского и бондарихинского компонентов, констатирующая признание факта их частичного сосуществования. Она включает три основных положения. Первое заключается в признании исчезновения БМСК в XIII в. до н. э., после чего на прежде занятую ею территорию приходят бондарихинские племена. При этом он оговаривается, что никогда не отрицал факта продолжения функционирования какой-то части «срубных» поселений и в белозерское время, которые, исходя из современных представлений о финале бронзового века Восточной Европы, определены термином «постсрубные». Второе положение констатирует синхронизацию в хронологических рамках XII–XI вв. до н. э. постсрубных, раннебондарихинских (малобудковского периода), студенокских памятников. Третье положение отрицает возможность сосуществования постсрубных и собственно бондарихинских племен (бондарихинского периода), поскольку ассимиляция первых, как и студенокских, малобудковцами завершилась до середины XI в. до н. э. Серьезные возражения вызывает только третье положение. По мнению Ю.В. Буйнова, в памятниках позднего бронзового века днепровского Левобережья середины XI–X вв. до н. э. совместно постсрубная и бондарихинская керамика не встречаются. Как единственное исключение рассматривается поселение Лихачевка. Однако материалы этого памятника определяются как открытые, разнокультурные и нестратифицированные. Акцентируем внимание на том, что, кроме Лихачевки, именно бондарихинская, а не малобудковская, керамика присутствует в комплексах некоторых других поселений XII–XI вв. до н. э. – Васищево, Богуслав-1, Темино. Особенно показательны в этом отношении памятники X в. до н. э., содержащие как бондарихинскую керамику, так и постсрубную, в том числе с синкретическими признаками, – Борькин ручей, Бузовка, Давыдово-Никольское, Залинейное и др., что позволяет ставить вопрос о

сосуществовании ББК и бондарихинской культуры вплоть до конца бронзового века.

Важное место в историографии заключительного этапа позднего бронзового века Восточной Европы занимает вопрос об участии в этнокультурных и историко-культурных процессах днепровского Левобережья белогрудовских и чернолесских племен.

В 1950–1960-х гг. на материалах, полученных при исследовании Ницахи и Хухры, Г.Т. Ковпаненко приходит к выводу о смене в Поворсклье бондарихинской культуры, доминирующей в левобережной Лесостепи вплоть до IX в. до н. э., чернолесской. В связи с тем, что чернолесская культура в Левобережье не имеет местных корней, ее появление здесь объяснено переселением отдельных групп населения к востоку от Днепра [Ковпаненко, 1957, с.104–105; 1967, с.49, 162].

Это положение получило поддержку В.А. Ильинской [Ильинская, 1961, с.45] и других исследователей, установивших, что арена расселения правобережных племен не ограничивалась бассейном Ворсклы. По мнению А.С. Беляева, уже на раннечернолесском этапе выходцы из Правобережья расселились в Приорелье и впоследствии перешли на Ворсклу [Беляев, 1977, с.47]. Нами начало освоения районов Левобережной Украины правобережным населением отнесено к еще более раннему, белогрудовскому, времени [Ромашко, 1978, с.70–71; 1982, с.54–59; 1983, с.54–60; 1995б, с.45–62, 71–80]. Я.П. Гершкович, опираясь на материалы поселения Диброва, в котором представлены комплексы, содержащие «позднесрубную», малобудковскую и «чернолесскую» керамику, приходит к выводу о том, что не позднее XII–начала XI вв. до н. э. одна из первых волн чернолесского колонизационного потока достигает бассейна Северского Донца [Гершкович, 1990, с. 59].

Вопрос о причинах, вызвавших в конце эпохи бронзы продвижение правобережного населения в Левобережье, специально рассматривался С.С. Березанской, которая основной причиной переселения значительной группы чернолесских племен в бассейны Ворсклы и Орели считает давление со стороны активизировавшихся в IX–VIII вв. до н. э. фракийских племен [Березанская, 1982, с.200].

Следует отметить, что не все исследователи разделяют мнение о переселении в Левобережную Украину белогрудовско-чернолесских племен. Так Б.А. Шрамко считает, что наиболее ранние правобережные группы появляются в бассейне Ворсклы только на жаботинском этапе, то есть в VII в. до н. э., и, во всяком случае, не ранее второй половины VIII в. до н. э. [Шрамко Б.А., 1983, с.90; 1983а, с.24; 1987, с.12, 18]. Ю.В. Буйнов также отвергает возможность освоения правобережными племенами бассейна Ворсклы в позднечернолесское время, относя его к жаботинскому этапу [Буйнов, 1981, с.18–19; 2005, с.246–254; 2006, с.39–50].

В исследованиях конца XX–начала XXI в., посвященных вопросу восточной миграции правобережного белогрудовско-чернолесского населения, формируется несколько новых подходов, отрицающих факт такого переселения, во всяком случае в конце позднего бронзового века.

Основываясь на сопоставлении столовой посуды, известной в памятниках бондарихинской культуры и ББК, с белогрудовско-раннечернолесской, нами установлены существенные различия между ними в орнаментальных элементах и композициях, что поставило под сомнение саму идею восприятия их из среды правобережных лесостепных племен. В результате, мы пришли к выводу о том, что лесостепные районы левобережной Украины правомерно рассматривать как зону формирования особой группы столовой посуды с преимущественно ей присущей орнаментацией. Ранее поддерживаемое и развиваемое нами представление о Правобережье как центре, откуда столовая керамика с «чернолесской» орнаментацией распространилась в культурах Левобережной Украины признано не соответствующим археологическим реалиям. Еще одним важным выводом является установление факта более раннего, по сравнению с Правобережьем, появлением в малобудковских и богуславско-белозерских комплексах образцов столовой посуды со сложными многозональными орнаментальными композициями. На уровне этнокультурных реконструкций это означает, что длительное время доминировавшая в историографии концепция экспансии белогрудовско-чернолесских племен в восточные районы Украины остается без основных аргументов [Ромашко, 1998, с.79–95].

В появившихся почти одновременно статьях, посвященных вопросам бондарихинско-чернолесских взаимосвязей и историческим судьбам бондарихинских племен, Ю.В. Буйнов [Буйнов, 2005, с.246–255; 2006, с.40–48] продолжает отстаивать тезис о необходимости включения позднебондарихинского горизонта в культурно-хронологическую структуру раннего железного века. Автор считает, что в левобережной Лесостепи нет позднечернолесских памятников. В Поворсклье известны только бондарихинские поселения, содержащие керамику синкретического бондарихинско-чернолесского типа и столовую посуду, аналоги которой усматриваются в позднечернолесской культуре и сахарна-солонченских древностях. Вторая группа бондарихинских памятников, относимых Ю.В. Буйновым к началу раннего железного века, концентрируется в бассейне Северского Донца. Их появление здесь связывается с колонизацией правобережными племенами на раннежаботинском этапе в середине VIII в. до н. э. бассейна Ворсклы, в результате которой бондарихинское население было вынуждено покинуть эту территорию и переселиться в сопредельные районы, в том числе на Северский Донец, где также известны поселения середины–второй половины VIII в. до н. э. с керамикой синкретического бондарихинско-чернолесского типа. Отметим, что автором признается наличие в Приорелье раннечернолесских комплексов. Однако реальность схемы, согласно которой эта территория могла быть плацдармом экспансии правобережного населения в Левобережье, ставится под сомнение, что аргументируется присутствием в более ранних, по сравнению с приорельскими, памятниках Северского Донца посуды «чернолесского типа», сопровождаемой малобудковской керамикой [Буйнов, 2005, с.246].

В целом, следует констатировать, что вопрос об участии чернолесских племен в этнокультурных процессах заключительного этапа позднего бронзового века лесостепного Левобережья остается дискуссионным и требует дальнейшего освещения.

Историография вопросов, связанных со степным вариантом ББК не столь обширна.

Позиция сторонников «длинной» концепции по вопросу генезиса культуры заключительного этапа позднего бронзового века степной зоны и, прежде всего Северо-Восточного Приазовья, уже излагалась. Представления сторонников «короткой»

концепции сложения культуры постсрубного населения Степи Левобережной Украины наиболее полно сформулированы В.В. Отрощенко. Исследователь приходит к заключению, что в отличие от Лесостепи, здесь в срубное время смены населения не произошло. Племена БМСК, впитавшие в себя отошедшую к югу часть племен ПСК, сохранили господствующие позиции, хотя избежать инокультурных проникновений не удалось и им. В.В. Отрощенко предпринята попытка решения вопросов исторической судьбы степных срубных племен и степени их участия в формировании постсрубных новообразований путем поднятия их на уровень этнокультурных обобщений. Носители БМСК рассматриваются как группа древнего североиранского этноса – репрезентантов иранской линии развития индоариев. История племен БМСК отождествляется с первым самостоятельным этапом истории иранцев в евразийских степях. С исчезновением культуры она не заканчивается, а переходит в новый этап, связанный с общностью КВК. Связывая появление валиковой орнаментации с кругом ираноязычных народов, исследователь отмечает, что БМСК в культурном отношении, с одной стороны, входит в срубную общность, с другой – имеет формальные показатели (одинарные валики, набор металлических изделий), характерные для общности КВК. Направленность и содержание постсрубного культурогенеза в степной зоне Украины сопоставлены В.В. Отрощенко с имевшими место в Нижнем Поволжье и Подонье. Опираясь на разработки археологов Поволжья [Малов, 1987; Колев, 1988; Мыськов, 1992; Изотова, Малов, 1992; Дьяченко, 1992 и др.], он констатирует, что сложение на рубеже XIII–XII вв. до н. э. ивановской культуры фиксирует завершение развития культур срубной общности и переход ее носителей в иное культурное качество.

В плане направленности культурного взаимодействия населения постсрубного времени степной Украины позиция В.В. Отрощенко заключается в следующих положениях. Широкий вектор связей явился важным фактором формирования белозерской культуры Причерноморья и Крыма, а также Прикубанья и Предкавказья, куда мигрировала часть срубников Украины. Он проявился в западном, карпатском, и восточном, ивановском, импульсах, под влиянием которых и сложились основные черты белозерской культуры, отличные от собственно срубных. Широкие связи с

востоком имели и обратную направленность, проявившуюся в распространении белозерских памятников в Подонье и Поволжье. Как белозерские или культурно близкие белозерским рассматриваются погребения с «белозерским» инвентарем [Шарафутдинова Э.С., 1991, с.184–188; Потапов, 1993, с.218–221; Белинский, Березин, Калмыков, 2000, с.15–18 и др.] и ряд поселений – Батайское-1, Малаховский Ерик, Терешковское [Чалый, 1983, с.282–285; Прокофьев, Потапов, 2000, с.45–55; Синюк, 1996, с.257–258], представленные в этих регионах.

Используя предложенный нами генетический принцип культурной дифференциации памятников белозерского времени Украины [Ромашко, 1996б, с.66–69], В.В. Отрощенко считает целесообразным включение их в рамки безыменско-белозерской культуры, сформировавшейся на основе степной срубной. Нам представляется, что вопрос о культурной принадлежности упомянутых и подобных им комплексов следует рассматривать несколько уже – в рамках выделения степного варианта ББК. Меридиональный (северо-восточный) вектор по В.В. Отрощенко проявился в проникновении в пограничные с Лесостепью и северные степные районы Левобережья финно-угорских племен бондарихинской культуры, занявших Орельско-Самарское междуречье вплоть до Днепра и бассейн Северского Донца до устья р. Айдар, вытеснив или подчинив себе постсрубное население. Меридиональный вектор проявился также в продвижении с юга кобяковских племен, в результате чего белозерцами была потеряна дельта Дона [Отрощенко, 2002/№ 818, с.358–384].

Анализ материалов постсрубных (ББК) памятников Левобережной Украины, как лесостепной, так и степной, позволяет с иных позиций обратиться к вопросам генезиса постсрубных культурных новообразований заключительного этапа позднего бронзового века, определения их места в системе общности КВК, периодизации и хронологии, участия племен ББК в этнокультурных процессах Восточной Европы последней трети II тыс. до н. э.

Предпринятый историографический обзор отражает сложность проблемы культур постсрубного времени в целом и ББК в частности. Несмотря на значительный объем научных разработок, следует признать, что культурно-хронологическая характеристика памятников заключительного этапа позднего

бронзового века контактного региона общности КВК в современной историографии остается остро дискуссионной.

Почти столетнее накопление данных о постсрубных памятниках Левобережной Украины и динамика интерпретационных подходов привели к формированию в современной историографии нескольких концепций, определяющих их культурную составляющую.

1. Памятники заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины рассматриваются в контексте единой линии развития срубной культуры как ее «поздний», «позднейший» или «пережиточно-срубный» этапы [Шарафутдинова Э.С., 1985; 1991; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; 1994; 2001; Горбов, 1990; 1991, 1994; 1997; Дубинец, 1996; 2003].

2. Памятники заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины и Подонья рассматриваются как однокультурные ивановским Поволжья [Колев, 2000; 2008].

3. Памятники заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины отнесены к белозерской культуре, восточные границы которой достигают Поволжья [Отрощенко, 2001; 2002/№ 818; 2003].

4. Поднепровье и территория Левобережной Украины рассматриваются как поликультурный «котел», в котором в результате восточных, западных и северных инноваций переплавляются и исчезают срубная и сабастиновская культуры. Постсрубные памятники культурно не атрибутируются или их материальные комплексы сепарируются на инновационные составляющие, сформировавшиеся за пределами контактного региона в среде сопредельных и достаточно удаленных в территориальном отношении культур [Гершкович, 1998; Куштан, 2007/ № 864].

На этом фоне попытки осмысления культурного содержания памятников постсрубного времени контактного региона общности КВК могут рассматриваться как своевременные и актуальные. Несомненно, определение направления научных поисков вряд ли возможно без подведения итогов творческого наследия нескольких поколений археологов, работавших и продолжающих работать в проблематике позднего бронзового века Украины и сопредельных территорий Восточной Европы.

РАЗДЕЛ 2

МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ, ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

2.1. Методология, методы, методика исследования

Методологическая проблематика в системе современного исторического познания представляет собой разветвленную подсистему. В социо-интеллектуальном измерении эта подсистема функционирует как своего рода «круглый стол» по проблемам исторической эпистемологии. В этой сфере при формировании методологического каркаса собственной научной работы археологу, чье исследование в целевом и предметном отношении не направлено на решение задач теоретико-методологического характера, приходится утилитарно-прагматически подходить к теоретическим разработкам.

Для нашего диссертационного исследования наиболее адекватными стилю авторского научного мышления оказались подходы к пониманию методологии, характерные для позднесоветской литературы по методологии истории, представленные в трудах акад. И.Д. Ковальченко [Ковальченко, 2003, с.183–208]. Именно его сциентистское понимание методологии истории, на наш взгляд, отвечает идеалам научности, реализующимися во всей структурной полноте научно-археологического исследования: от археологической эвристики через герменевтику конкретного материала к его синтезу в виде исторических реконструкций. И если система исторической методологии И.Д. Ковальченко выполняла в нашем исследовании функцию общеметодологическую, то в конкретно-методологическом измерении на уровне селекции методов и методик для решения аналитических и синтетических задач по мере возможности переосмысливался опыт теоретической и эмпирической археологии. И на этом уровне для исследования характерен методологический плюрализм. Иначе говоря, самый широкий комплекс идей, почерпнутых из специальной археологической литературы, способствовал формированию конкретных методологических подходов, реализованных в диссертационном исследовании

[Монгайт, 1973; Клейн, 1978; Авдусин, 1980; Гарден, 1983; Щапова, 1988; Мартынов, Шер, 1989; Классификация в археологии, 1990; Кениг, 2010 и др.].

Исходя из этого, нормативно-постулативными требованиями к диссертационному исследованию выступает совокупность общенаучных (аналитического и синтетического, индуктивного и дедуктивного), специально-исторических (сравнительно-исторического, сравнительно-этнографического или этноархеологического и др.) методов, которые основываются на привлечении базовых принципов научного познания (историзма, многофакторности, всесторонности, системности, объективности, междисциплинарного и др.) [Ковальченко, 2003; Смоленский, 2008].

Принцип историзма требует рассмотрения материала в логической и хронологической последовательности с учетом взаимосвязи и взаимообусловленности всех его составляющих элементов. Одним из постулатов историзма является требование рассмотрения любого явления в развитии, понимание сущности которого требует выхода за его хронологические рамки. Его использование позволяет определить особенности генезиса ББК и ее развития, выявить механизмы и направления историко-культурных процессов последней трети II тыс. до н. э. на территории Левобережной Украины в контексте закономерностей этнокультурного развития населения позднего бронзового века Евразии.

Принцип научной объективности предусматривает всесторонний анализ фактического материала, составляющего источниковую базу исследования. В нашем случае речь идет о комплексной характеристике памятников ББК, хозяйства, материальной и духовной культуры, что создает предпосылки для определения места ББК в системе древностей общности КВК и культур заключительного этапа позднего бронзового века Восточной Европы и Евразии в целом. Соблюдение принципа объективности возможно только в случае учета всех существующих в проблематике точек зрения и концептуальных построений, сопоставления их аргументации и определения наиболее оптимальных версий. Это положение в полной мере реализовано в диссертации как в специальном разделе, посвященном историографии проблематики, так и в других разделах работы, связанных с решением конкретных вопросов ББК и сопредельных культур Восточной Европы.

Принцип многофакторности предусматривает учет всего комплекса факторов, характеризующих предмет исследования. В контексте проблематики этот принцип использован при рассмотрении ББК как этнокультурной функции со всеми присущими ей характеристиками.

Принцип системности позволяет рассматривать ББК в качестве составной части более широкого культурного феномена – общности КВК.

Междисциплинарный (проблемно-комплексный) подход подразумевает рассмотрение сложного объекта с помощью разных наук с целью достижения единой цели. Его использование позволяет при решении вопросов, связанных с хозяйственной деятельностью, проявлениями духовной культуры, историко-культурным развитием племен ББК, абсолютным датированием ее этапов и отдельных комплексов, наряду с археологическими, привлекать данные гуманитарных и естественных наук – лингвистики, религиоведения, географии, геологии, физики, палеоклиматологии, палеопедологии, палинологии, палеоботаники, палеозоологии.

Структура исторического познания при решении конкретных исследовательских задач предполагает вычленение трех уровней их реализации: методологию, методы и методику.

Под методами исторического (в том числе археологического) исследования понимаются все общие методы изучения исторической реальности. К числу общеисторических методов научного исследования относятся историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-системный. При использовании того или иного метода применяются и другие общенаучные методы (анализ и синтез, дедукция и индукция, описание и измерение и др.) [Ковальченко, 2003, с.183–208].

Эмпирические обобщения материалов и выявление эмпирических закономерностей опирается на традиционные для археологической науки методы – сравнительно-исторический, стратиграфический, типологический, картографический, топографический, этноархеологический и др.

Сравнительно-исторический или сравнительный метод – основной прием археологической науки, позволяющий установить взаимосвязи культур и их проис-

хождение [Монгайт, 1973, с.90]. Этот, а также стратиграфический метод [Монгайт, 1973, с.64–66; Авдусин, 1980, с.32; Мартынов, Шер, 1989, с.15–16] применяются при установлении хронологического положения горизонтов и комплексов ББК относительно иных культур позднего бронзового века Восточной Европы и его заключительного этапа.

Типологический метод предполагает расчленение систем объектов и их группировок с помощью обобщенной идеализированной модели или типа. В археологии этим термином называется результат типологического сопоставления. Он состоит в установлении систематических соответствий между внутренними свойствами объектов и их внешними характеристиками [Монгайт, 1973, с.30–33, 64–65; Гарден, 1983, с.115–150; Щапова, 1988, с.45; Классификация в археологии, 1990, с.10]. В диссертационном исследовании этот метод используется при классификации и типологической характеристике топографии, планировки поселений ББК, жилых и хозяйственных построек, святилищ, жертвенников, однократных жертвоприношений, керамического и вещевого комплексов.

Картографический метод дает возможность наглядно представить распространение признака или признаков, видов археологических памятников, типов вещей [Брей, Трамп, 1990, с.103; Монгайт, 1973, с.35–42]. В диссертации он применен для определения границ распространения поселений ББК разных хронологических этапов, святилищ и жертвенников, типов сооружений, маркирующих зоны домовых ландшафтов и ландшафтов домовых форм, погребальных памятников.

Топографический метод направлен на определение типов ландшафтов [Гарден, 1983, с.39; Щапова, 1988, с.138–145], в которых сооружались стационарные поселки ББК, и в которых протекала хозяйственная деятельность обитавших в них производственных коллективов.

Этноархеологический метод предусматривает использование этнографической информации в экспериментальных археологических реконструкциях [Кениг, 2010, с.34]. В работе этот метод используется при графических реконструкциях домовых форм лесостепного и степного вариантов ББК и при характеристике некоторых сторон хозяйства богуславско-белозерских племен.

Соглашаясь с принятыми в исторической науке определениями методики как совокупности правил и процедур, приемов и операций, позволяющих на практике реализовать идеи и требования, на которых основан метод [Ковальченко, 2003, с.44], или как технику исторического исследования, звено конкретно-исторического анализа, посредством которого реализуется методология [Смоленский, 2008, с.216], констатируем, что решение большинства поставленных в диссертационном исследовании задач осуществлено на основании междисциплинарного (проблемно-комплексного) подхода.

На этом фоне важной методической посылкой является необходимость изучения внешней среды как фактора технологического, экономического, историко-культурного развития племен заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины. Последнее предполагает реконструкцию древних ландшафтов, природных ресурсов региона, климатической обстановки, которая основывается на данных естественных наук – палеопедологии, палеоботаники, палинологии, палеоклиматологии [Кириков, 1959; 1979; 1983; Виленкин, Никитин, 1968; Демченко, 1968; Хотинский, 1977; 1989; Атлас почв Украинской ССР, 1979; Генсерук, Цемко, Гайдарова, 1981; Генсерук, Шевченко, Бондарь и др., 1981; Иванов И.В., 1985; 1996; Ромашко, 1986; Веклич, 1987; Кременецкий, 1991; Иванов И.В., Васильев, 1995; Ахтырцев А.Б., Ахтырцев Б.П., Пряхин, 1996 и др.]. Особое значение имеют ландшафтно-палеоклиматические построения, базирующиеся на материалах археологических памятников позднего бронзового века Северского Донца, Северо-Восточного Приазовья и Среднего Поднепровья [Березанская, 1990; Герасименко, Гершкович, 1996; Герасименко, Горбов, 1996; Герасименко, 1997] и палеогидрологических данных об иловых отложениях Сакского озера и уровнях стока Днепра [Шостакович, 1934; Швец, 1978; Раунер, 1981].

Полученные данные об экологической обстановке позднего бронзового века и его заключительного этапа использованы при классификации бытовых памятников ББК по топографическому признаку, в основу которой положена типология ландшафтов, разработанная Ф.Н. Мильковым для юга Русской равнины [Мильков, 1986, с.130–135]. Систематизированные ландшафтно-климатические и топографи-

ческие данные стали составной частью методики исследования основных направлений хозяйства племен ББК лесостепного и степного вариантов. Динамика последнего прямо зависит от климатических колебаний и, в свою очередь, находит отражение в топографии поселений, то есть в занятой ими ландшафтной нише, которая должна обеспечивать «максимальную эксплуатацию природных ресурсов с наименьшей затратой сил» [Щапова, 1988, с.139].

Использованы также этноархеологический метод, методы функциональной типологии орудийного комплекса, данные палеозоологических, палеоботанических анализов, полученные на материалах памятников ББК О.П. Журавлевым, Г.А. Пашкевич, Е.Ю. Лебедевой и другими специалистами [Ромашко, 1986; Черных Е.Н., Агапов, Кравцов и др., 1991; Černych, Antipina, Lebedeva, 1998; Журавлев, 2001; 2013; Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005], иных «экофактов» [Гарден, 1983, с.39]. Методика исследования хозяйственной деятельности племен ББК предполагает рассмотрение комплекса связанных с ней вопросов в двух тематических направлениях. Первое характеризует отрасли хозяйства, связанные с обеспечением продовольственной базы (земледелие, скотоводство, охота, рыбная ловля), второе – с непищевой сферой производства (керамическое, металлургическое, кожевенное, косторезное, камнеобрабатывающее производства, ткачество и прядение) [Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с.4].

При характеристике материальной культуры богуславско-белозерских племен особое место занимает формально-типологический метод. В предлагаемых типологических схемах вещевого комплекса ББК в качестве эталона использованы принципы морфологической классификации В.А. Городцова [Городцов, 1927]. Понятия и термины соответственно адаптированы. При выделении уровней иерархии типологической схемы использованы также элементы функционально-типологического метода. Комплекс материальной культуры ББК разделен на группы по материалу, из которого изготовлены артефакты. Группы соответственно разделены на категории функционально близких предметов. Категории подразделяются на отделы и подотделы. Наиболее важная ступень классификации представлена типами, выделяе-

мыми по морфологическим признакам. В свою очередь, типы включают подтипы и отдельные виды артефактов.

Методику изучения духовной культуры племен ББК определила необходимость критического отбора и систематизации данных о местах отправления культов на поселениях срубной и богуславско-белозерской культур, которые осуществлялись на основе функционально-типологического, формально-типологического, картографического методов, что позволило выделить основные типы жертвенников, святилищ и однократных жертвоприношений. При изучении погребальной обрядности племен ББК привлекаются сравнительный, типологический, аналоговый, стратиграфический, картографический методы, позволившие выделить погребения заключительного этапа позднего бронзового века, отличные по культуuroобразующим признакам от синхронных белозерских, белогрудовских, малобудковских, бондарихинских. Сравнительно-исторический метод обусловил возможность привлечения для реконструкции духовной культуры срубных и богуславско-белозерских племен письменных свидетельств о древних культах народов восточной ветви индоевропейской языковой семьи, прежде всего ведийских, языческих дозораастрийских, зороастрийских (Ригведа, Яджурведа, Малая Авеста) [Маковельский, 1960; Эрман, 1980; Снесарев, 1981; Бойс, 1987; Елизаренкова, 1989], а также исторических и этнографических данных о языческих верованиях иных индоевропейских народов [Рыбаков, 1981; Ардзинба, 1982; Зеленин, 1991; Пономарьев, 1994; Шапарова, 2001; Войтович, 2002; Русанова, 2002; Иванов В.В., 2003].

Выделение культурно-хронологических горизонтов (прото-ББ, ББ1, ББ2), их периодизация и синхронизация, установление места ББК в системе древностей позднего бронзового века Евразии обосновано относительной и абсолютной хронологией ее памятников. Решение этих задач обеспечено комплексным использованием стратиграфических наблюдений и данных других традиционных для археологии методов: аналогового, типологической и хронологической классификации [Классификация в археологии, 1990, с.14–15; 19]. Важное значение приобретает разделение керамических серий на архаические и новационные группы, ставшие основой синхронизации ББК с культурами общности КВК и иными культурами заключи-

тельного этапа позднего бронзового века Евразии. Не менее эффективно применение аналогового метода в отношении представленных в стратифицированных и нестратифицированных комплексах ББК изделий из бронзы, камня, кости и иных материалов, выступающих хроноиндикаторами для многих культур Евразии заключительного этапа позднего бронзового века. Использование данных естественных наук ограничено привлечением радиоуглеродных дат из комплексов горизонтов Ia, Ib, II поселения Глубокое озеро-2 [Гершкович, 1998, с.86–87, табл.1; 2] и радиоуглеродных дат белозерского могильника «Степной» [Otroshenko, 2003, s.336–364].

Методика исследования историко-культурных процессов на территории Левобережной Украины на заключительном этапе позднего бронзового века определяется задачами конкретно-исторического анализа суммы данных археологического универсума [Классификация в археологии, 1990, с.8], полученных при рассмотрении всей совокупности видов памятников (источников) ББК и определении их пространственно-временного положения специально-научными методами, речь о которых шла выше.

2.2. Характеристика источниковой базы

Специфика источниковой базы определяется особенностями хронотопа диссертационного исследования, связанного с изучением заключительного этапа позднего бронзового века лесостепной и степной зон Левобережной Украины. В этом контексте ее основу составляют археологические источники или археологические памятники, которые в археологической литературе часто отождествлялись, что привело к формированию проблемы их понятийного соотношения. Разведки в области теоретической археологии показывают, что по отношению к этим терминам закрепились определенные коннотации. В современной науке сформировалось понимание отсутствия тождества между ними. А.И. Мартынов и Я.А. Шер подчеркивают, что памятник может существовать вне рамок науки (до того, как он стал объектом исследования), а источник вне науки немислим [Мартынов, Шер, 1989, с.17–19]. Л.С. Клейн также отмечает, что непременным условием трансформации памятника в

источник является «открытие» археологизированных объектов древней материальной культуры [Клейн, 1978, табл. III]. Иными словами археологический источник возможно рассматривать как памятник, в той или иной степени прошедший процедуру научного исследования. Речь идет о том, что без исследовательских процедур затруднительна сама квалификация объекта как археологического памятника, так как в доисследовательском состоянии – это потенциальный или гипотетический памятник. И только после проведения археологической деконструкции или, как минимум, археологической экспертизы и вовлечения в исследовательский оборот он приобретает соответствующий статус и становится археологическим памятником.

Л.С. Клейн отмечает использование в археологической науке семи синонимичных друг другу терминов и соответственно семи родственных понятий: археологические объекты (археологический материал); материальные древности; археологические останки; археологические памятники; археологические находки; археологические экспонаты; археологические источники. Если рассматривать эти понятия в векторной системе от общих и наименее специфичных к более специализированным, то понятие «археологические источники» окажется в конце. В нем отражена главная определяющая функция этих объектов. Источники различаются по закодированности информации и по первичным познавательным возможностям. Критериями этой классификации, по мнению исследователя, «оказываются условия формирования источника, при которых и по которым происходило отложение в нем информации» [Клейн, 1978, с.86–89].

Непосредственное формирование источниковой базы диссертационного исследования обусловлено двумя основополагающими принципами группировки археологических материалов – хронологической классификацией и определением культурной принадлежности. В археологических источниках ББК нашел отображение отбор элементов культуры, созданных в результате практической деятельности богуславско-белозерских племен, что позволяет рассматривать их как «совокупность материальных, территориальных и диапазонных характеристик деятельности» [Клейн, 1978, с.88, 110]. Исходя из принятых в литературе определений видов деятельности древних людей и условий формирования археологических источников

(способов археологизации результатов древней человеческой практики) [Клейн, 1978, с.110–114, табл. IX; X; Мартынов, Шер, 1989, с.5–12], предлагается их разделение на шесть групп (или по Л.С. Клейну – простых категорий классификации археологических источников): бытовые памятники; архитектурные памятники; погребальные памятники; памятники производственной деятельности; памятники культовой деятельности, портативные археологические материалы.

Бытовые памятники. В работе систематизированы данные о 138 поселениях ББК, которые составляют основной блок источниковой базы диссертационной работы.

Более половины из них (52 %) исследованы раскопками. Наиболее информативны поселения, раскопанные значительными площадями (как правило, не менее 500 кв. м), то есть памятники, позволяющие получить достаточно полное представление о пространственно-планометрических характеристиках мест постоянного обитания носителей ББК, относительной и абсолютной хронологии представленных в них комплексов, хозяйстве, материальной и духовной культуре – Безыменное-1 (800 кв. м), Безыменное-2 (более 10000 кв. м), Богуслав-1 (2160 кв. м), Глубокое озеро-2 (1685,5 кв. м), Горбанщина (535 кв. м), Диброва (605 кв. м), Залинейное (1608 кв. м), Ильичевка (1975 кв. м), Камышеватая-14 (1017 кв. м), Лихачевка (530 кв. м), Лоцманская Каменка (956 кв. м), Николаевка (546 кв. м), Орехово-Донецкое-4 (665 кв. м), Снежковка-7 (1026 кв. м), Таранцево (3200 кв. м), Широкая Балка (533 кв. м), Шоссейное (2200 кв. м), Зливки. При этом следует отметить отсутствие прямопропорциональной зависимости между вскрытой на памятнике площадью и информационным потенциалом его материалов. Для решения вопросов исследования важное значение имеют и материалы, полученные на многих памятниках, раскопанная площадь составляет несколько сотен и даже десятков кв. м. Речь идет о поселениях с хорошо документированной стратиграфией, выраженными культурно-хронологическими горизонтами, остатками жилых, хозяйственных и производственных построек ББК – Белозерский Лиман-1 (около 400 кв. м), Борькин Ручей (18 кв. м), Бузовка (380 кв. м), Гупаловка (160 кв. м), Клешня-3 (307 кв. м), Клиновое (80 кв. м), Любовка (336 кв.м), Озеро Клешни Второе-1 (146 кв. м), Оси-

повка (240 кв. м), «Песочин-Мобиль» (430 кв. м), Песчанка (140 кв. м), Поляны-1 (290 кв. м), Старая Игрень (34 кв. м), Мерефа-4 (110 кв. м), Старая Ласпа (100 кв. м), Стыла (130 кв. м), Заозерное-1 (176 кв. м). С другой стороны, на таких достаточно полно исследованных поселениях, как Лобойковка-1 (1078 кв. м), Ляпинская Балка (610 кв. м), Мошны (1100 кв. м), Ницаха (450 кв. м), Павлоград (1740 кв. м), Суботов-2 (621 кв. м), Ушкалка (658 кв. м), Федоровка (800 кв. м), Суботовское и Чернолесское городища, на инокультурном фоне отмечены только немногочисленные серии посуды ББК.

Велика и информационная значимость материалов поселений, исследованных археологическими разведками. Особенно поселений с достоверно установленными стратиграфическими, планиметрическими и культурно-хронологическими параметрами, основывающимися на выразительных сериях вещевого материала – Белозерский лиман-2, Васищево, Верхняя Тарасовка, Клешня-1, Морозовское, Шолохово, Леськи-3а и 3б и др.

подавляющая часть поселений многослойна (87 %). Наиболее представительна группа поселений, на которых присутствуют разновременные и разнокультурные материалы позднего бронзового века и его заключительного этапа. Удельный вес поселений, содержащих материалы БМСК и ББК, составляет 50,7 %; ББК, малобудковские и бондарихинские – 18,8 %; ББК и культур сопредельных с Левобережной Украиной территорий (позднесабатиновской, белозерской, белогрудовской, раннечернолесской и др.) – 12,3 %. На многих поселениях присутствуют также культурно-хронологические и стратиграфические горизонты неолита, энеолита, раннего и среднего бронзового века, скифские и средневековые. Следует отметить, что большинство поселений, содержащих материалы культур позднего бронзового века, не стратифицированы. Прямая и горизонтальная стратиграфия фиксируется только на таких памятниках, как Поляны-1 [Радзіевська, Шрамко Б.А., 1980, с.104–107], Таранцево [Берестнев, 1994, с.121], Ильичевка [Шаповалов, 1976, с.150–172; 1983/№ 620], Усово озеро [Березанская, 1990, с.99], Диброва и Глубокое Озеро-2 [Гершкович, 1998, с.63, 87], Осиповка [Беляев, 1977, с.40–48], Богуслав-1, Широкая Балка-2 [Горбов, Усачук, 1986/46; Горбов, 1988, с.269–270], Камышеватая-14, Безы-

менное-2 [Колесник, Горбов, Усачук и др., 1991/165; Горбов, 1990, с.59–60], Суботов [Тереножкин, 1961, с.55], Червоный Шлях [Буйнов, 1992, с.92; 1994, с.7–8], Студенок-6 [Буйнов, 1994, с.8], Шоссейное [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.148], Борькин ручей [Иваницкий, 2010, с.200–212], что составляет 10 % выборки.

Систематизация данных о топографии поселков ББК (табл.3.1–3), их размерах и планировке, позволяет выявить определенные закономерности, которые, подчиняясь общей тенденции исторического развития [Березанская, 1982, с.99; Рах, 1989, с.144–146], одновременно являются важными культурно-хронологическими индикаторами, позволяющими установить степень сходства и различия как отдельных археологических культур, так и их локальных вариантов.

Традиционным при классификации бытовых памятников культур бронзового века по топографическому признаку является их разделение на две группы – пойменные и террасовые [Беляев, 1980, с.8; Березанская, 1982, с.98; Шаповалов, 1983/№ 620; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99]. Вариантом разделения поселений позднего бронзового века на две группы, выделяемые по уровню их приближенности к водоемам является типология, предложенная Д.П. Куштаном. Первая группа – поселения с высокой топографией, занимающие урочища вторых надпойменных террас. Вторая – поселения с низкой топографией, занимающие мысы первых надпойменных террас и возвышения в поймах [Куштан, 2007/№ 864]. Три топографические группы выделяются Ю.В. Буйновым на материалах бондарихинских поселений – пойменные; на террасах и мысах; на высоких плато и мысах коренных берегов [Буйнов, 1979, с.84–86]. Неоднозначно решается и вопрос об основных ландшафтных нишах срубных, в том числе и «позднесрубных» (постсрубных) поселков. Так, по мнению Т.А. Шаповалова, они, за редким исключением, располагались на мысах и краях левобережных надпойменных террас [Шаповалов, 1983/№ 620]. С.С. Березанская считает наиболее характерной их чертой пойменное, близкое к водоемам положение, что объясняется аридизацией климата второй половины II тыс. до н. э. [Березанская, 1982, с.42, 102]. Н.Н. Чередниченко приходит к выводу, что для срубной культуры характерно расположение поселений только на высоких берегах с оврага-

ми или на мысах и пойменных возвышенностях, а на заключительном этапе – только на высоких обрывистых берегах [Чередниченко, 1976, с.22–23].

Разнообразие ландшафтов в районах обитания лесостепного и степного населения ББК вызывает необходимость более дифференцированного подхода к систематизации поселений по топографическому признаку.

Обращает на себя внимание подход, предложенный Ю.В. Бровендером при анализе топографических характеристик поселений позднего бронзового века Среднего Подонцовья. Автором выделены три основные группы поселений – мысовые, расположенные на пойменных возвышениях и на террасах. При этом учтены такие признаки, как расположение памятника относительно берегов рек и уровень террасы. Полученные данные позволили выявить динамику топографии поселений ПСК и БМСК региона и ее зависимость от климатических и социальных факторов [Бровендер, 1996, с.4–8; 2000/№ 810].

Предлагаемая нами классификация [Romashko, 2004, p.111–117] основывается на типологии лесостепных и степных ландшафтов, разработанных Ф.Н. Мильковым [Мильков, 1986, с.130–135] для юга Русской равнины. Исходя из нее, урочища, в которых расположены поселения ББК, следует отнести к пяти топографическим группам (табл.3.1–3).

Топографическая группа 1 – надпойменно-террасовые поселения, занимающие мысы, мысообразные выступы и края спрямленных участков надпойменных террас. Топографическая группа 2 – приречные поселения, расположенные на краю высоких берегов рек, их останцах, террасированных участках и относящихся к ним мысах, расположенных непосредственно у водотоков. Топографическая группа 3 – плакорные поселения, расположенные на плато. Топографическая группа 4 – пойменные поселения, расположенные в пойме, пойменных возвышениях и дюнах. Подразделяются на левобережную (4а) и правобережную (4б) подгруппы. Топографическая группа 5 – балочные поселения, расположенные на краях и склонах балок, которые с известными оговорками можно рассматривать как разновидность приречных поселений. Необходимость отдельного рассмотрения этих памятников обусловлена локализацией балочных поселений на достаточно узкой

территории Северо-Восточного Приазовья, что обусловлено ландшафтными особенностями речных и балочных систем региона.

Топографическая группа 1 представлена такими поселениями этапа прото-ББ, как Бажаны-2, Белозорье, Богуслав-1, Добрянское, Ильичевка, Левонтовка, «Песочин-Мобиль», Поляны-1, Морозовское, Студенок-6; этапа ББ1 – Бажаны-2, Богуслав-1, Голубовка-3, Диброва, Ильичевка, Клешня-3, Коломак, Любовка, Мало-Николаевка-2, Петропавловка-2, Сухая Гомольша, Снежковка-7, Старый Караван, Студенок-6, Хотомля, Шоссейное; этапа ББ2 – Веселое-1, Волковка, Котовка-16, Ницаха, Орехово-Донецкое-4, Старый Караван. Высота мысов и террас над уровнем поймы или летнего стояния воды в водоемах различна и колеблется от 3 до 8 м.

Поселения топографической группы 2, занимая, так же как и поселения топографической группы 1, возвышающиеся над поймой участки долино-речных ландшафтов, количественно уступают последним. Расположение в «классических» приречных урочищах характерно для поселений прото-ББ – Александрополя, Васильевки; этапа ББ1 – Липцев-1, Крестища-1, 2, Хорошего-2, Чернолесского и Суботовского городищ; ББ2 – Залинейного, Лоцманской Каменки, Рай-Стародубовки. В большинстве случаев приречные поселения расположены на высоких, до 15–20 м над уровнем поймы, мысах, образованных балками. Высота некоторых урочищ, занятых поселениями, еще более значительна. Так, поселение Александрополь находится на вершине останца коренного берега, высота которого достигает 35 м.

Поселения топографической группы 3 единичны. Примером памятников такого типа является поселение, выявленное на территории Большого Бельского городища на водораздельном плато Ворсклы и Сухой Горыни. Береговые кручи в районе городища имеют высоту около 100 м.

Пойменные поселения топографической группы 4 наиболее многочисленны. В ландшафтных условиях пойм расположены поселения этапа прото-ББ – Зливки, Бажаны-1, 4, Богуслав-2, Знаменовка, Иваново-Яризовка, Низы-2, Павлоград, Перещипино, Сомовка, Усово озеро, Чугуев-2. Топографическая группа 4 этапа ББ1 представлена поселениями Бажаны-1, 4, Богуслав-2; Горбанщина, Зливки, Клешня-1, Максимовка, Мошны, Озерное, Самарское-1, Сахновка, Таранцево, Темино, Цирку-

ны, Чапаевка-8, Червонохиженцы-2, Черниково озеро-2; этапа ББ2 – Бузовка, Глубокое озеро-2, Гупаловка, Довбнив о-в, Котовка-1, Кохановка, Краснополье, Мерефа-4, Осиповка. Обычно они занимают урочища с единообразными ландшафтными характеристиками – пойменные дюны и возвышенности. Их высота различна и составляет от 1–3 до 4–6 м. В некоторых случаях поселения группы занимают пойменные острова, как, например, Знаменовка, Краснополье, Максимовка, Мерефа, Озерное, Чикаловка.

Поселения топографической группы 5 в лесостепной зоне, Предстепье и Донецкой интрозональной лесостепи не получили распространения.

Топография относительно немногочисленных поселений степного варианта ББК, расположенных в долино-речных ландшафтах больших рек и части поселений, известных на малых северостепных реках, сходна с топографией памятников лесостепного варианта.

В частности, в ландшафтных условиях топографической группы 1 находятся поселения этапа прото-ББ – Рубежное и Старая Ласпа; этапа ББ1 – уже упомянутое Рубежное и Шолохово.

Более представительны поселения топографической группы 2. Большинство их расположено в «классических» приречных урочищах – на высоких правых берегах рек. Для этапа прото-ББ это поселения Васильевка (Запорожская обл.), Песчанка; для этапа ББ1 – Верхняя Тарасовка, Капуловка-4, 6, Михайловка, Ушкалка, Федоровка, Шевченко-1. В таких же ландшафтных условиях находятся такие левобережные поселения, как Белозерский лиман-1, 2, и, вероятно, Николаевка. Последнее, судя по описанию О.Я. и А.И. Приваловых [Привалова, Привалов, 1987, с.94–95], расположено в основании холма на левобережной террасе Мокрой Волновахи, имеющей глубокую и узкую речную долину и обрывистые скалистые берега. Тип местности по ряду признаков соответствует приречному, более характерному для правых берегов рек, но в некоторых случаях формирующему и левобережные урочища [Мильков, 1986, с.134].

Плакорные поселения ББК топографической группы 3 в степной зоне неизвестны. Практически отсутствуют здесь и пойменные поселения. Исключением, ве-

роятно, является поселение Клиновое, которое, как можно понять из публикации, расположено в пойме [Татаринов, 1993, с.45].

Остальные поселения ББК степной зоны по топографическому признаку существенно отличаются от однокультурных памятников лесостепного варианта. Урочища, в которых они расположены, представлены балочными рельефами топографической группы 5. На склонах балок находятся поселения Безыменное-1, 2, Камышеватая-5, 8, 14, 16, Николаевка (б. Юрина и Тарама), Стыла, Широкая Балка-2.

Систематизация данных о типах местности, в которых находятся поселения ББК, позволяет выявить как некоторые общие закономерности топографии лесостепных и степных памятников, так и отличия, обусловленные особенностями ландшафтов регионов.

Общим для поселений лесостепного и степного вариантов культуры является тенденция возможно близкого их расположения к воде.

Эта закономерность для памятников культур позднего бронзового века Лесостепи получила должное освещение в литературе [Буйнов, 1979, с.84–85; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; Березанская, 1982, с.101–102]. В ББК лесостепного варианта она проявляется в топографии большинства поселений, которые, как правило, расположены либо непосредственно у водотоков, либо у пойменных озер, заболоченных низин стариц, иногда, как, например, Васильевка и Любовка, у родниковых источников. Имеют такие источники и поселения, приуроченные к плакорным типам местности. Родники присутствуют в окрестностях поселения ББК, выявленного на Бельском городище [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99].

Статистический анализ показывает, что все поселения лесостепного варианта этапа прото-ББ, 98,6 % поселений этапа ББ1, 95,5 % поселений этапа ББ2 занимают урочища, относящиеся к топографическим группам 1, 2, 4, то есть надпойменно-террасовым, приречным и пойменным. Удельный вес представляющих эти группы поселений разных хронологических этапов отчетливо фиксирует динамику размещения поселений на протяжении существования культуры. Если поселения топографической группы 1 на этапе прото-ББ составляют 52,4 %, то на этапе ББ1 – 38,1 %, на этапе ББ2 – 27,3 %, что показывает стойкую тенденцию постепенной утраты но-

сителями ББК интереса к надпойменно-террасовым урочищам. Напротив, наблюдается увеличение количества поселений топографических групп 2 и 4 – приречных и пойменных. Поселения топографической группы 2 на этапе прото-ББ составляют 4,8 %, на этапе ББ1 – 19,7 %, на этапе ББ2 – 18,2 %. Поселения топографической группы 4 соответственно составляют 42,8 %, 40,8 %, 50 % (табл.3.3). Эта тенденция отражает влияние климатических изменений на хозяйственно-бытовые условия жизни лесостепного населения пострубного времени. Следует полагать, что приходящаяся на финал бронзового века аридизация климата (см. Раздел 4. 1) привела к иссушению околопойменных участков террас и плакоров и это вызвало необходимость более близкого расположения поселений относительно русел рек и пойменных водоемов.

В отличие от лесостепной зоны Левобережной Украины, степные районы Приазовья относительно бедны водными ресурсами. Однако отмеченная закономерность наблюдается и здесь. Поселения часто занимают не совсем удобные склоны балок, что компенсируется близким к водотокам положением. Процентное содержание балочных поселений этапа прото-ББ равно 55,7 %, этапа ББ1 – 35 % (табл.3.3). Уменьшение удельного веса поселений топографической группы 5 степного варианта ББК происходит за счет увеличения на этапе ББ1 числа поселений топографических групп 1 и 2 в Поднепровье. Удельный вес поселений топографической группы 1 увеличивается с 11 до 24 %, топографической группы 2 – с 16,7 до 41 %, что, с одной стороны отражает процесс расширения территории ББК за счет внутренней миграции ее носителей на запад (см. Раздел 6) и использовании ими на новых приднепровских землях наиболее удобных для обитания участков, с другой – показывает такую же, как и в лесостепной зоне, тенденцию интенсивного заселения урочищ топографической группы 2, что связано с уже отмеченными климатическими изменениями.

Второй закономерностью является то, что большинство поселений рассматриваемого периода так или иначе связаны с долино-речными ландшафтами. Террасы, на которых они расположены, и особенно поймы рек, представляют собой сложные образования, состоящие из разнородных ландшафтных частей [Мильков, 1978,

с.289–296; 1986, с.122, 132]. Именно они являлись главным богатством речных долин, обеспечивающих естественно-природными ресурсами основные потребности обитавших здесь коллективов и создавали наиболее благоприятные условия как для земледельческого, так и скотоводческого хозяйства.

Последнее особенно правомерно в отношении лесостепной зоны и Предстепья, поймы рек которых имеют развитую гидросистему и хорошо увлажнены, то есть были пригодны для выпаса скота на подножном корму в течение всего года или большей его части.

Для лесостепного варианта ББК характерна еще одна закономерность – количество поселений, расположенных на левых берегах рек заметно преобладает над правобережными. На этапах прото-ББ и ББ1 левобережных поселений насчитывается почти в три раза больше по сравнению с правобережными. На этапе прото-ББ правобережные поселения топографических групп 1, 2, 4 составляют 28,4 %, левобережные – 70,6 %, на этапе ББ1 – соответственно 28,1 и 70,5 %. Это пропорциональное соотношение нарушается на этапе ББ2, но и здесь левобережные поселения преобладают над правобережными. Их удельный вес соотносится как 54,6 и 40,9 % (табл.3.3). Вполне очевидно, что левобережные типы местности представлялись носителям ББК более предпочтительными при создании поселков. Причина этого, вероятно, заключается в ландшафтных особенностях бассейнов рек украинской Лесостепи, имеющих, ассиметричные долины. Они характеризуются тем, что возвышенное правобережье находится в «резком контрасте с пологим левобережьем», занятым надпойменными террасами, пологими береговыми склонами и обширными поймами [Мильков, 1978, с.289–296], на которых и концентрируются все или большая часть природных ресурсов.

В отличие от левобережных урочищ, достаточно большие по площади пойменные участки на правых берегах встречаются реже, так как русла рек обычно смещены к последним, отрезая правобережные урочища от основной части речных долин, что значительно сокращало число удобных для устройства поселений мест. Отметим, что в целом топография правобережных поселений также подчиняется общей закономерности, показывающей, что наличие доступных пойменных угодий

являлось одним из условий, учитываемых племенами ББК при выборе мест обитания. Показательно, что ландшафты, окружающие многие правобережные поселения, также приурочены к относительно широким пойменным или низким террасированным участкам, образованным древними оползнями или конусами выносов из балок, «отодвинувшими» русло реки к левому берегу [Мильков, 1978, с.289–296]. Такие ландшафтные особенности характеризуют поселения Любовка, Зидьки, Кохановка-1, Липцы, Малая Рублевка-1, Павловка-2, Сомовка, Хорошее-2 и др. В случаях размещения правобережных поселений в урочищах, где пойменные участки отсутствуют, их жители, вероятно, имели непосредственный выход в левобережную пойму через мелкие броды. Многовековое и многотысячелетнее функционирование бродов через большие, средние и малые реки Украины неоднократно отмечалось в литературе [Ковалева И.Ф., 1981, с.50; 1987/№ 653; 1999, с.31; Мовша, 1993, с.36–51; 1998, с.140–141; 2000, с.40–41; Болтрик, 1999, с.45–47; Гершкович, 2005–2009, с.579; Яворницкий, 1990, т.1, с.68–69]. Броды – выходы в левобережную пойму, которые могли существовать и в древности, известны рядом с такими поселениями, как Васильевка, Веселое-1, Бузовка и Залинейное.

Еще одной особенностью поселений ББК лесостепного варианта является расположение большинства памятников, вне зависимости от принадлежности к той или иной топографической группе, в доминирующих над речными долинами местностях, что должно быть связано с обеспечением безопасности проживавших в них коллективов. В степной зоне эта закономерность выражена менее отчетливо, что объясняется ландшафтными особенностями долино-речных систем и отличиями в формах скотоводства (см. Раздел 4).

Н.Н. Чередниченко, рассматривая топографические особенности поселений позднего бронзового века Подонья и Подонцовья, отмечает стремление срубных племен обосноваться в удобных для обороны местах [Чередниченко, 1976, с.23]. Возможность существования каких-то оборонительных сооружений, например частоколов, дополняющих природные препятствия (русла рек, болота, озера, ложбины), признается Н.Н. Чередниченко, Т.А. Шаповаловым и С.С. Березанской для поселе-

ний Капитаново-1, Ильичевка и Усово озеро [Шаповалов, 1983/№ 620; Березанская, 1990, с.13–14]. Эти наблюдения не нашли дальнейшего подтверждения. Например, Ю.М. Бровендером установлено, что Н.Н. Чередниченко принимал за остатки оборонительного вала на Капитаново-1 развеянную песчаную дюну [Бровендер, 2000/№ 810, с.37]. Особенности местности, которые можно рассматривать в качестве естественных препятствий, характерны для многих поселений, на которых выявлены горизонты и материалы ББК. Среди них Богуслав-1, Студенок-6, Веселое-1, Старый Караван, Рай-Стародубовка, Ницаха, Левонтовка, Бельск-5, Краснополье, Довбнив остров-3, Озерное-1, Александрополь и др., однако ни на одном из этих памятников не выявлено следов искусственных оборонительных сооружений. Последнее ставит под сомнение существование укрепленных поселений у племен ББК. Но не исключено, что площадь поселений и хозяйственно-жилых комплексов огораживалась заборами, служившими скорее преградой для домашних животных или защитой от диких зверей. Остатки заборов зафиксированы на ряде поселений позднего бронзового века Восточной Европы [Горбов, Мимоход, 1999, с.35–37; Горбов, Усачук, 2001, с.30; Дубовская, 1978, с.94–96; Мелюкова, 1961, с.10; Гершкович, 2004, с.107; Березанская, 1970, с.21; Gerškovič, 1999, s.38; Gershkovich, 2003, p.307–317; Рыбалова, 1974, рис.8; Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, рис.3].

Вышесказанное позволяет предположить, что в тактике военных действий племена срубной культуры Украины и ББК непосредственной обороне поселений придавали второстепенное значение. Последнее не означает, что при выборе мест поселения срубное и богуславско-белозерское население полностью игнорировало интересы обороны.

Изучение динамики размеров поселений Северной Украины привело С.С. Березанскую к выводу о том, что, в отличие от более ранних периодов, в позднем бронзовом веке получают распространение поселения значительной площади, в среднем около 2–4 га [Березанская, 1982, с.102–103]. Этот вывод следует признать справедливым. Действительно, многие поселения ББК лесостепной зоны по площади соответствуют наиболее крупным поселениям белогрудовской, лебедовской, бондарихинской культур [Березанская, 1982, табл.3] и в ряде случаев превосходят

их. В то же время следует отметить, что в срубной культуре относительно крупные поселения появляются значительно раньше, чем в синхронных ей культурах Северной Украины. Так площадь, занимаемая жилищами раннесрубного горизонта, только на 50 % меньше размеров позднесабастиновского и финального срубного горизонтов Ильичевки [Шаповалов, 1976, рис.1]. Размеры срубного поселения Усово озеро составляет не менее 3 га [Березанская, 1990, с.11], Капитаново-1 – 1,8 га [Чередниченко, 1970, с.23], Капитаново-2 – 5 га, Рыбенцево-3 – 2,4 га, Лопаскино-4 – 2,4 га, Новоборовое-1 – 2,3 га [Бровендер, 2000/№ 810], Щурово – 1,5 га [Шаповалов, Духин, 1977, с.388–389]. Перечисленные памятники далеко не ограничивают возможную выборку. Представляется очевидным, что наличие значительных по размерам поселений ББК отражает не только отмеченную С.С. Березанской общую тенденцию увеличения размеров поселений в позднем бронзовом веке, но и наследует нормы обустройства мест стационарного обитания носителей срубной культуры.

По занимаемой площади поселения ББК лесостепного варианта условно можно разделить на три группы.

В первую группу включены значительные по размерам поселения, площадь которых составляет от 4–5 до 10 и более гектаров: Богуслав-1 – около 14–15 га, Любровка – 10,8 га, Левонтовка – 4–5 га, Снежковка-7 – 8–9 га, Богодухов-1 – более 5 га.

Поселения средних размеров, площадь которых равна 1–3 га, более обычны. К ним можно отнести поселения: Рай-Стародубовка – 3 га, Усово озеро – 3 га, Морозовское – 2,5–2,75 га, Поляны-1 – 1 га, Старый Караван – 1,5 га, Таранцево – 1 га, Веселое-1 – 1,36 га, Богуслав-2 – 1,5 га, Студенок-6 – 1 га, Сомовка – 1,5 га, Котовка-1 – 2,8 га, Ильичевка – 1,5 га.

Многочисленны также поселения третьей группы, площадь которых равна менее 1 га: Глубокое озеро-2 и Диброва – 0,2 га, Горбанщина – 0,85 га, Брусовка-2 – 0,85 га, Хотомля-1 – 0,5–0,6 га, Павлоград – 0,36–0,4 га, Озерное-1 – 0,4 га и др.

Среди поселений ББК степной зоны известны преимущественно средние и небольшие по площади. Первые представлены такими поселениями, как Николаевка – 1 га, Широкая Балка-2 – 3 га, Шевченко-1 – 3,6 га. К этой группе, вероятно, следует отнести поселение Безымянное-2, на котором только исследованная раскопками

площадь превышает 1 га. Вторые представлены поселениями Стыла – 0,2 га, Безыменное-1, Романовка, Камышеватая-5, 8, 14, 16 и др.

Сопоставление размеров поселений ББК с данными топографии показывает известную зависимость первых от особенностей ландшафтных условий.

Большинство поселений лесостепного варианта значительных размеров расположено в надпойменно-террасовых урочищах на левых берегах больших лесостепных и северостепных рек – Северского Донца, Ворсклы, Орели, Самары. Все они имеют непосредственный выход в широкие, богатые травостоями поймы, чем, вероятно, и обусловлена возможность функционирования столь крупных для позднего бронзового века поселков. О проживании в них значительных по численности коллективов свидетельствует относительно большое количество жилищ. Например, на Богуславе-1 их выявлено девять, на Шоссейном – семь.

Поселения средних размеров присутствуют в надпойменно-террасовых, пойменных, приречных урочищах больших и, в меньшей степени, малых рек. Количество выявленных на них жилищ ББК, как правило, не превышает трех (Котовка-1, Таранцево, Усово озеро).

Небольшие по площади поселения присутствуют во всех типах местности долино-речных ландшафтов больших и малых рек. В большинстве случаев следы заселенности участка в позднем бронзовом веке фиксируются по наличию культурного слоя. Часть этих поселений могла быть временными стоянками. Подобным образом интерпретирует небольшие пойменные бондарихинские поселения Ю.В. Буйнов [Буйнов, 1979, с.85].

Данные о планировке¹ поселков ББК все еще остаются недостаточными. Информативны только поселения, на которых вскрыта значительная площадь и

¹ Некоторые типы планировки бытуют на протяжении тысяч лет. В «Своде этнографических понятий и терминов» [Рах, 1989, с.144–146] таких типов выделяется четыре: деревня-шеренга (нем. Zeilendorf), двухрядная деревня-улица (нем. Strassendorf), деревня-поляна (нем. Anderdorf), кучевая деревня (нем. Haufendorf). Все они присущи и племенам бронзового века Украины. В отечественной археологической литературе за ними закрепились термины «рядовая», «уличная или двух-трехрядная», «круговая» планировка. «Кучевая деревня» может пониматься как поселение, состоящее из отдельных «гнезд», то есть отдельных комплексов взаимосвязанных сооружений жилого и хозяйственного назначения.

исследовано достаточное для реконструкции системы планировки количество жилых и хозяйственных построек.

Планировка поселений ББК лесостепного варианта реконструируется по материалам таких поселений, как Чикаловка, Таранцево, Ильичевка, Усово озеро, Павлоград, Богуслав-1, Залинейное, на которых известно от трех до десятка жилых и хозяйственных построек.

Рядовая планировка характеризует расположение построек поселений Усово озеро (рис.10), Таранцево, Котовки-1 и Озерного-1 [Березанская, 1990, рис.3; Берестнев, 1994, рис.1, 1; Ковалева И.Ф., 1963–1964/20; 1969/101]. Во всех случаях линии рядов построек параллельны береговой линии. Принципы уличной организации площади поселения прослежены на Богуславе-1 (рис.11) и Чикаловке [Шарафутдинова И.Н., 1964, с.153–154, рис.1; 1982, с.18, рис.1, 3;].

Круговая планировка характерна для поселений Ильичевка (рис.12) [Шаповалов, 1976, рис.1] и Залинейное (рис.13) [Ромашко, 1995б, с.33, рис.13].

Несмотря на широкий круг инокультурных аналогов, есть основания считать, что принципы устройства поселков лесостепными племенами ББК не были заимствованы, а являлись развитием стандартов, сформировавшихся еще в срубной среде. Подтверждением служит то, что на поселениях срубной лесостепной культуры Украины, Подонья и других территорий отмечены все рассматриваемые разновидности размещения построек [Братченко, 1969, с.221; Писларий, 1971, с.132; Шаповалов, 1976, рис.1; 1983/№ 620, с.27–28; Березанская, 1982, рис.25, 3; 1990, с.11, рис.3; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99, с.10; Пряхин, 1993, с.72; Бровендер, 1998, с.16–31; Воловик, 1993, с.177–187; Берестнев, 2001, с.77].

От памятников лесостепной зоны существенно отличается планировка кучевого или гнездового типа степных поселений ББК. О ней мы можем судить по материалам Николаевки и Безыменного-2. Планировка Николаевского поселения показывает, что уже на раннем этапе ББК в Северо-Восточном Приазовье формируются поселки типа кучевой деревни, разделяющиеся на отдельные блокирующиеся хозяйственно-жилые комплексы [Привалова, Привалов, 1987, с.95–99]. На плане поселения Безыменное-2 (рис.20) [Горбов, 1997, рис.3] отдельные постройки и

хозяйственно-жилые блоки IV культурно-хронологического горизонта образуют три пространственно обособленные группы: помещения 76; 11, 12; 13, 13а, 14, 15, 16. Не менее 6–7 групп образуют постройки V горизонта: помещения 17, 27; 24, 24а, 26; 1, 8, 8а; 2, 29; 22, 23, 23а; 6, 19, 20, 21; 25.

Таким образом, гнездовой тип планировки отличает поселения степного варианта ББК от лесостепного. Он характеризует не только ББК степного варианта, но и культуры широкого пояса южных окраин Восточной Европы, в том числе Северо-Западного Причерноморья, Нижнего Поднепровья, Приазовья, как рассматриваемой эпохи, так и более раннего времени [Ключинцев, 1981, с.45–46; Шарафутдинова, И.Н, 1982, с.17–18, 21–23, рис.2; 6–12; Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.8–11; Фоменко, Ключинцев, 1987, с.423–424; Елисеев, 1997, с.42–43; Ванчугов, Раллев, 1999, с.106–109]. Сходство планировки хозяйственно-жилых комплексов в пространственных рамках поселков свидетельствует о тесных контактах племен позднего бронзового века Приазовья и Северо-Западного Причерноморья.

Архитектурные памятники. К этому виду памятников в археологии обычно относят как сохранившиеся древние сооружения, так и разрушенные, от которых сохранились только фундаменты или нижние ряды кладок [Мартынов, Шер, 1989, с.10–11]. Для эпохи бронзы Восточной Европы с известной степенью условности архитектурными памятниками можно считать остатки нижних объемов построек, сопоставимых с домовыми формами, которые в этнографии определяются как традиционные крестьянские дома [Баумгартен, 1989, с.38–42]. Представление о домостроительстве племен ББК базируется на данных о 79 жилых и хозяйственных постройках. Девять построек исследовано в Богуславе-1 [Марина, Ромашко, 1986/52; Ромашко, Марина, Фещенко, 1987/127а; Ромашко, 1989/237; 1993; 1997; 2000, с.134–142; 2006, с.7–11; Ромашко, Андросов, 1990/97; Ковалева И.Ф., Ромашко, Шалобудов и др., 1991/137; Ромашко, Марина, 1992/86; 1993, с.120–121], 10 – в Ильичевке [Шаповалов, 1976, с.154–156; 1983/№ 620], пять – в Орехово-Донецком-4 [Горбов, Усачук, 2001, с.15–45], две – в «Песочин-Мобиле» [Шрамко І.Б., Корохіна, 2007, с.436–439], по три – в Таранцево [Берестнев, 1994, с.123, рис.13, 4, 5], Усовом озере [Березанская, 1990, с.26, 30–32, табл.VI; X; XI] и Старой Ласпе [Привалова,

2000, с.105, рис.1, 1], пять – в Чикаловке [Шарафутдинова И.Н., 1964, с.153–169], семь – в Шоссейном [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.140–147, рис.1], не менее 18 – в Безыменном-2 [Горбов, 1997, с.145–161, рис.3], пять – в Николаевке [Привалова, Привалов, 1987, с.95–99], по одному – в Бузовке [Ромашко, 1982, с.55, рис.1, 1–3; 1995б, с.20, 23, рис.8, 2, 3], Диброве [Гершкович, 1990, с.58; 1995, с.37], Дроновке [Татаринов, 1980, с.280–283], Лоцманской Каменке [Ромашко, 2001, с.169–177], Любовке [Шрамко Б.А., 1974/49; Радзіевська, Шрамко Б.А., 1980, с.102], Осиповке [Беляев, 1977, с.42, рис.2], Старой Игрени [Ромашко, 1985, с.90–97], Студенке-6 [Буйнов, Дегтярь, 1987/101], Белозерском лимане-1 [Кривцова-Гракова, 1949, с.7–79, рис.1], Камышеватой-8 [Горбов, 1990, с.60; Колесник, Горбов, Усачук и др., 1991/165], Клиновом [Татаринов, 1993, с.44, табл. 6, 2], Песчанке [Тесленко, Ромашко, Фещенко, 2007/100], Стыле [Привалова, 1983, с.309–310].

Памятники производственной деятельности. Под этим определением обычно понимаются следы производственной деятельности древних людей, расположенные за пределами поселений, например, места выработки полезных ископаемых, каменоломни, оросительные каналы [Мартынов, Шер, 1989, с.10]. В нашем случае, к этому виду памятников отнесены комплексы, связанные с любыми формами производственной деятельностью племен ББК вне зависимости от их пространственного положения.

С циклом сельскохозяйственных работ возможно соотнесение остатков девяти сооружений на столбах, в которых, по мнению В.Н. Горбова и А.Н. Усачука, сушили колосья и хранили зерно [Горбов, Усачук, 2001, с.29–30, рис.2, 1]. Находки на поселениях Клиновое и Червонэ озеро-3 обломков посуды заключительного этапа позднего бронзового века позволяют предположительно включить в круг памятников производственной деятельности племен ББК некоторые рудники и поселения горняков-металлургов Донецкого горнометаллургического центра [Татаринов, 1993, с.29, 44–45; Бровендер, 2010, с.15; 2011, с.134–138]. К рассматриваемой группе памятников правомерно отнесение литейной мастерской из Завадовки [Воškarev, Leskov, 1980, taf.9, 178–179; 10, 80–85; Гершкович, Клочко, 1987, с.101–114, рис.1–6] и отдельных находок литейных форм из Солохи [Лесков,

1967, с.149, рис.2, 1–3], Терновой-1, Харьковского исторического музея [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; Татаринов, 1993, с.102, табл.13, 31], Вязовка [Кривцова-Гракова, 1955, рис.34, б], Ильичевки [Шаповалов, 1983/№ 620], Адамовки-Славянска [Татаринов, 1993, с.105, табл.16, 3], Глубокого Озера-2 [Гершкович, 1998, с.78, рис.13, 3], Чикаловки [Шарафутдинова И.М., 1964, с.164, рис.6, 11]. Остатки производственного комплекса с железоплавильным горном выявлены в жилище № 9 и хозяйственной постройке № 6 поселения Дроновка [Татаринов, 1980, с.280–283]. Производственные комплексы по обработке шкур животных и изготовлению орудий из кости присутствуют на поселении Безыменное-2, в районе помещений № 2, 13, 23 и 29 [Горбов, Усачук, 2000, с.97–100]. Следы специализированных кремнеобрабатывающих центров зафиксированы на поселениях Диброва и Глубокое Озеро-2 [Колесник, Гершкович, 1996, с.8–13].

Памятники культовой деятельности. Представленные на срубных и постсрубных поселениях Украины 34 памятника культовой деятельности по функционально-типологическому принципу возможно разделить на святилища, жертвенники и однократные жертвенные комплексы.

Святилища представлены пятью памятниками: святилища Усова озера [Березанская, 1990, с.85–87, рис.23, 1], Капитаново-1 [Отрощенко, Бровендер, Пряхин и др., 1996, с.4–10, рис.1], № 1, 2 Богуслава-1 [Ромашко, 1993, с.82, 84, рис.1, 2], Северо-восточное Безыменного-2 [Мимоход, 1996, с.124–126; Горбов, Мимоход, 1999, с.32–34].

Жертвенников известно 19. Девять выявлены в постройках: жилища № 2, 3, 6а и 7 поселения Ильичевка [Шаповалов, 1976, с.154–155; 1983/№ 620; Березанская, 1982, с.167], № 5, 9 Усова озера [Березанская, 1990, с.24–25, 27, 87–88, табл.IV; VII], № 1 поселения Ушкалка [Телегин, 1961, с.4–5; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.19, 104, рис.39, 1–4], помещения № 24, 25 Безыменного-2 [Горбов, Мимоход, 1999, с.30–34]. Восемь жертвенников являются конструктивными элементами святилищ Усова озера [Березанская, 1990, с.85–87, рис.23, 1], № 1 и 2 Богуслава-1 [Ромашко, 1993, с.84–87, рис.1, 2, 4; 2], Северо-восточного святилища Безыменного-2 [Горбов,

Мимоход, 1999, с.30–34], святилища-постройки Капитаново-1 [Отрощенко, Бровендер, Пряхин и др., 1996, с.6, рис.1].

Следы совершения однократных жертвоприношений в срубных и ББК памятниках зафиксированы в 20 случаях. Они представлены тремя разновидностями. Поверхностные жертвоприношения выявлены на поселениях Лиман [Бровендер, 1993, с.151], Чикаловка [Шарафутдинова И.М., 1964, с.154–155], Богуслав-1, Безыменное-2 [Горбов, Мимоход, 1999, с.35, рис.21, 4], Глубокое Озеро-2 [Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005, с.98]. Жертвоприношения в ямах представлены в жилище № 7-7А «Песочин-Мобиля» [Шрамко И.Б., Корохіна, 2007, с.437], № 8 Богуслава-1, № 24 Безыменного-2 [Горбов, Мимоход, 1999, с.29], № 3, 12 Усова озера [Березанская, 1990, с.88–89], № 2 Ильичевки [Шаповалов, 1976, с.154], № 18 Капитаново-1 [Бровендер, 2000/№ 810]. Жертвоприношения в каменных кладках и под ними выявлены в помещениях № 3, 17 Безыменного-2 и оградах поселения Ляпинская Балка и «Южного святилища» Безыменного-2 [Горбов, Мимоход, 1999, с.35–36].

Погребальные памятники. При характеристике погребальной обрядности племен ББК учтено 22 погребения, представляющие два основных типа древних погребальных памятников – курганные и бескурганные или грунтовые. Их пропорциональное соотношение равно 48 и 52 %. Большинство курганных погребений впущены в насыпи, возведенные в энеолите–раннем бронзовом веке. Досыпки для них не производились. В двух случаях над основными погребениями сооружены небольшие по размеру насыпи (курган на участке А Днепростроя, Лукьяновский) [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.75, 77], что составляет 18 % всех курганных захоронений. Грунтовые погребения по месту захоронения могут быть разделены на две разновидности. Удельный вес погребений, выявленных в площади поселений равен 83 %, в грунтовых могильниках 17 %. Все курганные погребения совершены по обряду ингумации. Среди грунтовых известны и трупосожжения на стороне с последующим захоронением праха умерших в урнах или ямах (могильник Залинейное) [Ромашко, 1983, с.56, рис.1; 2, 1–7]. Удельный вес последних в общей массе погребений ББК составляет 23 %, среди грунтовых – 42 %.

Портативные археологические материалы. Все, что найдено в составе комплекса, именуется инвентарем, а вне комплекса – отдельными находками. По определению Л.С. Клейна, классификация портативных материалов как археологических источников основывается на ценности вещи для живой культуры и стадии жизненного цикла, когда эта вещь поступает в процесс археологизации: «позитив» (сырье, заготовка, полуфабрикат, готовое изделие, сработанное изделие) и «негатив» (шлак, брак, отходы производства, следы применения вещей) [Клейн, 1978, с.112, 114]. Представленные в комплексах ББК и найденные на ее территории вещи отражают большую часть перечисленных выше способов и стадий археологизации. Следует отметить, что в диссертационном исследовании, как и в большинстве работ других авторов, при классификации «позитива», совокупность которого укладывается в понятие «материальная культура», более целесообразным и методически оправданным является применение формально- и функционально-типологического подходов.

Особенности хронотопа диссертационного исследования исключают возможность прямого использования такой важной составляющей современных синтетических исследований, посвященных более поздним археологическим эпохам, как письменные источники. В то же время при решении некоторых исследовательских задач оказалось уместным и эффективным использование информации, почерпнутой именно из документальных и нарративных источников.

Например сведения из документальных источников привлекаются при реконструкции древней (доиндустриальной) ландшафтной обстановки Левобережной Украины, а также некоторых особенностей хозяйственной деятельности племен ББК. Речь идет о таких видах документальных источников, как историко-статистические, историко-топографические, актовые. К историко-статистическим источникам с элементами этнографического описания принадлежит «Опис України» Г.Л. Боплана и сопровождающий его картографический материал (картографические источники) [Боплан, 1990]; к историко-топографическим – составленные в 1627 г. комментарии «Книга большому чертежу» к несохранившейся карте XVI–XVII вв. «Большой чертеж всему Московскому государству» [Книга большому чертежу,

1950]; к актовым – документы XVII–начала XVIII вв. – «Статейный список...» Василия Михайлова, сына Тяпкина и «Роспись, что по осмотру стряпчего Ив. Коломнина и ратных людей, около р. Самары, вверх по той реке...» [Кириков, 1959].

В нарративных источниках (научные труды и нормативно-религиозные тексты) содержится информация о ритуалах и культовых сооружениях древних ирано-язычных народов и сведения, важные для установления древних общеиндоевропейских, иранских и индоарийских культовых элементов в срубной и богуславско-белозерской культурах. Научные труды представлены произведениями античных авторов – «Историей» Геродота (V в. до н. э.) [Геродот, I] и «Географией» Страбона (I в. до н. э.–I в. н. э.) [Страбон, XI]. Нормативно-религиозные источники – ведийскими и зороастрийскими текстами, архивами Хеттского государства – Хаттусы (XVII–XII вв. до н. э.) [Ригведа, I–IV; Яшт, 1–21; Ясна, 1–72; Видевдат, 1–3; Маковельский, 1960; Эрман, 1980; Ардзинба, 1982; Бойс, 1987; Елизаренкова, 1989].

Сказанное правомерно и в отношении информации, привлекаемой из этнографической литературы. В археологической науке за информацией такого типа закрепился термин «этнографические параллели» или «этнографические сопоставления» [Мартынов, Шер, 1989, с.213–215]. Применительно к нашему диссертационному исследованию речь идет о сведениях про домовые формы традиционных «крестьянских» жилищ, строительные материалы, архаические отопительные конструкции, планировку поселков. Этнографические данные привлекаются также при функциональной идентификации некоторых характерных для позднего бронзового века инструментов и производственных циклов [Чижикова, 1987; Баумгартен, 1989; Кожин, Мартин, 1989; Комарова, Мартин, 1989; Материальная культура, 1989; Рах, 1989; Зеленин, 1991; Вовк, 1995; Ключинцев, 1997; Кушнир, 1998]. Эти сведения представляют собой не группу первоисточников, а так называемые «вторичные источники» [Пушкарев, 1975; Воронов, 2003, с.18], которые по своему содержанию представляют сумму первоисточников уже прошедших процедуру научного исследования методами этнографической науки и имеющие соответствующий уровень обобщения. Вторичными источниками являются и большинство использованных данных естественных наук. Речь идет о данных палеопедологии,

палинологии и палеогидрологии [Швец, 1978, с.5–28, табл.5, прил.1; Раунер, 1981, с.6, рис.1; Ромашко, 1986; с.120–136; Березанская, 1990, с.37–40; Герасименко, Гершкович, 1996, с.70–72; Герасименко, Горбов, 1996, с.47–49; Герасименко, 1997]; геологии и географии [Мильков, 1986, с.130–135; Romashko, 2004, p.111–117], физики (радиоуглеродное датирование) [Гершкович, 1998, с.86–87, табл.1; 2; Otroshenko, 2003, s.336–364]; палеоботаники [Ромашко, 1986, с.128–129, табл.1; Черных Е.Н., Агапов, Кравцов и др., 1991, с.159–161; Горбов, Подобед, 1996, с.97; Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005, с.96; Černych, Antipina, Lebedeva, 1998, s.233–252, tabl.1; Лебедева, 2013, с.300]; палеозоологии [Журавлев, 2001; 2013, с.301–347].

Подводя итоги самопрезентации методологических и источниковедческих особенностей диссертационного исследования, отметим, что восприятие системной методологии И.Д. Ковальченко позволило найти связь между общенаучными и общеисторическими методами с собственно археологическими. В свою очередь, существующие теоретические разработки в области методологии археологической науки определили методологический инструментарий решения поставленных исследовательских задач. Уместно подчеркнуть, что категорийно-понятийный аппарат, закрепившийся в отечественной традиции теоретической и прикладной археологии подтвердил свою адекватность на всех этапах избранной темы. Сказанное правомерно и в отношении многократно апробированных в историографии археологии позднего бронзового века Восточной Европы методологических подходов и исследовательских методик. Их использование способствовало формированию научно-исследовательской базы, опора на которую позволила рассчитывать на достижение поставленной цели диссертационной работы.

РАЗДЕЛ 3

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ, ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ БОГУСЛАВСКО-БЕЛОЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

При решении вопросов периодизации и относительной хронологии ББК решающее значение имеет стратиграфия многослойных поселений, проверяемая материалами однослойных памятников. При определении абсолютных дат памятников использовались преимущественно традиционные археологические методы. Учтены также относительно немногочисленные для памятников ББК радиоуглеродные даты.

Анализ керамических серий показывает возможность выделения в их рамках шести групп, включающих посуду, морфология и орнаментация которой близка представленной в культурах позднего бронзового века Евразии и его заключительного этапа. Группы объединены в два раздела – архаический и новационный.

Архаический раздел представлен группами 1–3 (табл.3.11; 3.12; 3.14), керамика которых однотипна или подобна посуде ранних культур позднего бронзового века. Группа 1 включает серии сосудов, украшенных многоваликовыми композициями. Группа 2 включает посуду ББК нескольких типов, по формально-типологическим признакам соответствующую происходящей из Обиточной-12. Речь, прежде всего, идет о посуде с горизонтально срезанным или уплощенным верхним краем венчика с бортиком-закраиной с внешней стороны, который обычно дополнен расположенным под ним одинарным гладким или расчлененным валиком. Группа 3 включает керамику, по качественным характеристикам и орнаментации подобную массово представленной в материалах поселенческих и погребальных памятников срубной КИО – банки и банковидные сосуды, кубки на поддоне, некоторые типы горшков.

Новационный раздел представлен группами 4–6 (табл.3.11; 3.13; 3.14), которые включают керамику, характерную только для культур заключительного этапа позднего бронзового века Восточной Европы. Присутствие в комплексах ББК керамики той или иной группы определяет векторы культурных связей и динамику

этнокультурного развития лесостепной и степной зон Левобережной Украины в последней трети I тыс. до н. э. Группа 4 включает керамические формы и орнаментальные мотивы, характерные для западного круга культур общности КВК. К этой группе могут быть отнесены горшки, украшенные гладкими, расчлененными косыми насечками, пальцевыми или пальцево-ногтевыми вдавлениями валиками, кубки, корчаги, черпаки, вазы, миски, миски-сковороды. Группа 5 включает горшки с воротничковым оформлением венчиков и валиками, расчлененными крестами, зигзагом, «сеточкой», косыми насечками, нанесенными зубчатым штампом. Присутствие керамики с такими признаками в памятниках Украины традиционно связывается с восточным кругом КВК [Кривцова-Гракова, 1955, с.120; Горбов, 1993, с.90–93; 1995, с.58; 1995а, с.89; Горбов, Литвиненко, 1998, с.75; Гершкович, 1998, с.66–78; Горбов, Кабанова, Усачук и др., 1999, с.75; Куштан, 2005а, с.112–117; 2007/№864]. Группа 6 объединяет керамику с орнаментальными элементами лесостепных культур – системными расчесами зубчатым штампом внешней поверхности, наколами и вдавлениями, нанесенными концом стержневидных орудий различной конфигурации или щепок, позитивными и негативными «жемчужинами».

Следует отметить, что группы 4–6 в целом соответствуют трем группам керамики (группа западного; группа восточного или поволжско-приуральско-казахстанского; группа северо-восточного происхождения или группа керамики малобудковского и бондарихинского облика), выделяемым Я.П. Гершковичем на материалах памятников белозерского периода Нижнего Поднепровья, Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья с целью определения направлений проникновения на эти территории внешних культурных традиций и их носителей [Гершкович, 1998, с.72–81]. Отличие нашей схемы заключается в том, что в группу 6 включена только посуда характерных для ББК форм с орнаментацией, подобной известной на посуде лесостепных культур заключительного этапа позднего бронзового века. Эта керамика скорее может рассматриваться в качестве синкретической или гибридной. Серии собственно малобудковской и бондарихинской керамики, представленной на

поселениях ББК лесостепного варианта, выделены в особую группу и при статистических подсчетах рассматриваются отдельно (табл.3.13).

3.1. Стратиграфия памятников и горизонтов богуславско-белозерской культуры

На многих памятниках позднего бронзового века Левобережной Украины присутствуют материалы БМСК и ББК, стратиграфия которых представляет безусловный интерес в плане рассматриваемой проблематики.

Особенностью поселений лесостепного варианта является то, что материалы различных этапов срубной культуры и ББК на них, как правило, расположены отдельными участками и концентрируются в районах остатков сооружений, иногда наслаиваясь. Стерильные прослойки отсутствуют, культурно-хронологические горизонты выделяются по глубине залегания находок и литолого-гранулометрическим характеристикам грунта. Выделение таких культурно-хронологических горизонтов в ряде случаев подтверждается примерами прямой стратиграфии жилых и хозяйственных построек.

В лесостепной зоне, Предстепье и Донецкой интрозональной лесостепи подобные стратиграфические условия отмечена на поселении Поляны-1. Срубная керамика концентрируется в котлованах двух жилищ и связанном с ними культурном слое. Этот участок перекрыт зольником «белозерского этапа позднесрубной культуры» [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, с.104–107]. Горизонтальная стратиграфия культурного слоя поселения Таранцево показывает наличие на нем двух разновременных участков. «Раннесрубный» приурочен к западной части занятого памятником мыса, ББК (слой «раннего железного века» по С.И. Берестневу) – к центральной. На значительной площади поселения они наслаиваются, образуя культурный слой, в верхнем отделе которого преобладают материалы ББК, в нижнем – «раннесрубные» [Берестнев, 1994, с.121].

Несколько поселений с фиксируемой стратиграфией срубных и ББК горизонтов представлено в Донецкой итрозональной лесостепи, в Ильичевско-Ямпольском

археологическом микрорайоне – Глубокое Озеро-2, Диброва, Ильичевка, Усово озеро.

В Ильичевке культурные слои ББК («позднесабатиновский и финальный срубный» по Т.А. Шаповалову) расположены вдоль северного, восточного и южного краев мыса. Они перекрывают отдельные участки многоваликово-абашевского, большую часть раннесрубных участков, котлован раннесрубного жилища № 2. «Позднесабатиновские» жилище № 6а и хозяйственная постройка № 1а занимают котлованы «раннесабатиновских» хозяйственных сооружений № 6 и № 1 [Шаповалов, 1976, с.150–172; 1983/№ 620].

Материалы поселения Усово озеро С.С. Березанской разделены на два хронологических этапа. Периодизация памятника основана не столько на стратиграфических наблюдениях, сколько на типологии керамики. Керамический комплекс жилищ второго этапа синхронизирован с сабатиновским горизонтом Ильичевки (I и II сабатиновские горизонты по Т.А. Шаповалову) [Березанская, 1990, с.99]. Учитывая, что материалы I сабатиновского горизонта характеризуют заключительный этап БМСК, а II сабатиновского относятся уже к ББК, попытка выделения позднейших комплексов на Усовом озере вполне правомерна. Содержащееся в публикации описание стратиграфии памятника и материального комплекса позволяет выделить группу жилищ (№ 8, 12, 14), маркирующих поздний этап его существования. Жилища № 8 и № 14, содержащие постсрубную керамику, частично перекрывают раннесрубные жилища № 9 и № 13. Более сложная стратиграфия отмечена в районе жилищ № 10–12. Котлован раннесрубного жилища № 11 перекрыт котлованом жилища № 10, в который впущен котлован жилища № 12.

Хорошо документирована стратиграфическая ситуация поселений Диброва и Глубокое Озеро-2. На первом памятнике слой, содержащий многоваликовые и срубные материалы (Диброва А), перекрывался слоем (Диброва Б), в котором представлена керамика заключительного этапа позднего бронзового века, в том числе ББК (по Я.П. Гершковичу – «постсрубные») и «инородные материалы различного происхождения». На втором памятнике к нижнему срубному слою отнесены горизонты Ia и Ib. К верхнему, синхронизируемому с Дибровой Б, – горизонты IIa и IIб.

Со слоем I Я.П. Гершковичем связываются жилища № 6, 7, со слоем II – № 2, 3 [Гершкович, 1998, с.63, 87].

В Предстепье стратиграфическое взаимоотношение срубных и ББК горизонтов фиксируется на поселениях Осиповка и Богуслав-1.

На поселении Осиповка жилище № 2, относимое А.С. Беляевым к началу раннего железного века и интерпретируемое как чернолесское, частично перекрывает срубное жилище № 1 [Беляев, 1977, с.40–48].

На поселении Богуслав-1 стратиграфические условия и сопоставление керамических серий позволяет выделить два культурно-хронологических горизонта – срубный (БМСК) и ББК. Материалы культурно-хронологического горизонта БМСК концентрируются на восточной и западной оконечностях занятого поселением мыса, преимущественно в площади святилища № 1 и жилища № 8. Поселение ББК занимает всю площадь мыса и прилегающие к нему участки первой надпойменной террасы. Керамика срубной культуры и ББК представлена на всех уровнях грунтовой толщи культурного слоя. В его верхнем отделе выше удельный вес керамики ББК, в нижнем – БМСК. На памятнике зафиксировано два случая стратиграфического перекрывания срубных комплексов комплексами ББК.

Культурный слой в площади святилища № 1 разделен грязевыми прослойками на два стратиграфических горизонта. Нижний слой содержал преимущественно срубную керамику. Верхний слой насыщен материалами срубной культуры и ББК при существенно большем удельном весе последних. В западной части верхнего стратиграфического горизонта культового сооружения представлена только керамика ББК.

Жилище БМСК № 8 перекрыто богуславско-белозерским жилищем № 7. Заполнение котлованов разделено вымосткой из костей животных, которая фиксирует уровень пола верхнего жилища в площади нижнего (рис.15). Среди срубной керамики жилища № 8 присутствуют отдельные экземпляры посуды, типологически сопоставимой с керамикой ББК (рис.81, 7), вероятно попавшие в него из жилища № 7.

Более позднее хронологическое положение материалов ББК относительно срубных подтверждается также тем, что на многих поселениях со стратиграфически

неразделенным культурным слоем в его верхнем отделе преобладает постсрубная керамика, а в нижнем – срубная. В южных лесостепных и северостепных районах Левобережной Украины такие особенности стратиграфии фиксируются на поселениях Таранцево [Берестнев, 1994, с.121–138], Горбанщина [Берестнев, 1995/29; 1996/18; 1997а, с.153–154, рис.6–11], Сухая Гомольша [Дегтярь, Буйнов, 1985/122; Буйнов, 1987, с.310–311; Буйнов, Михеев, 1989, с.87–95], Зливки [Швецов, 1983/58; 1985/132; 1987, с.433–434], Старый Караван [Шаповалов, Клименко, Духин, 1978, с.339], Глубокое озеро-2 [Гершкович, 1990, с.57–59; 1995, с.37–38; 1998, с.61–92; Колесник, Гершкович, 1996, с.8–13], Гупаловка [Клименко, Цимбал, 1975, с.290; Беляев, Кравец, 1976, с.304; Беляев, 1984, с.73–79, рис. 2, 3; 5; Ромашко, 1995б, с.20, рис.7], Кохановка [Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336], Павлоград [Ромашко, 1995а, с.114–134], Богуслав-2 и др.

Случаи перекрытия срубных горизонтов горизонтами ББК фиксируются и на памятниках степного варианта. На поселении Широкая Балка-2, также как на поселении Поляны-1, над срубным жилищем расположен зольник с «позднесрубными» материалами [Горбов, Усачук, 1986/46; Горбов, 1988, с.269–270]. Горизонтальная и вертикальная стратиграфия срубных и постсрубных отложений отмечена в Камышеватой-14, Безыменном-2 [Колесник, Горбов, Усачук и др., 1991/165; Горбов, 1990, с.59–60].

Подобная стратиграфическая ситуация характерна для поселений с материалами срубного и постсрубного времени Нижнего Дона. Первые В.В. Отрощенко рассматривает как БМСК, вторые – как белозерские [Отрощенко, 2001, с.180–181]. Речь идет о поселении Раздорское, на котором срубный слой 10 с керамикой, в орнаментации которой прослеживаются федоровско-черкаскульские влияния (второй период БМСК по В.В. Отрощенко), перекрывался двумя постсрубными слоями 11 и 12, и о поселении Малаховский Ерик-2, на котором слой 3 (раннесрубный по Р.В. Прокофьеву и В.В. Потапову, первый период БМСК по В.В. Отрощенко) отделен от слоя 2 с постсрубными материалами стерильной песчаной прослойкой [Прокофьев, Потапов, 2000, с.53, рис.1; 2].

На некоторых поселениях левобережной Лесостепи (Любовка, Лихачевка) отмечено перекрытие слоев ББК скифскими [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, с.100–103; Горбов, Литвиненко, 1998, с.75].

В степной зоне подобная стратиграфия отмечена на поселении Белозерский лиман-1, в пределах площади, окруженной валами скифского Каменского городища [Кривцова-Гракова, 1949, с.76–77].

Вышесказанное позволяет в общих чертах установить место ББК в схеме относительной хронологии культур бронзового века Восточной Европы. Ее формирование соотносится с поздним периодом БМСК, определяемым В.В. Отрощенко XIII–XII вв. до н. э. [Отрощенко, 2001, с.160–162], вернее его финалом. Скорее всего, время трансформации БМСК в новую культуру заключительного этапа позднего бронзового века следует ограничить второй половиной XIII–началом XII вв. до н. э. Верхние границы ББК определены рубежом X–IX вв. до н. э., соответствующим появлению культур раннего железного века.

На имеющихся материалах представляется возможным разделить ББК на три этапа – прото-ББ, ББ1, ББ2.

Этап прото-ББ (вторая половина XIII в. до н. э.) может рассматриваться как переходный. Его комплексы включают элементы, в культурно-хронологическом отношении сопоставимые с представленными в позднем периоде БМСК и ранних горизонтах культур второй хронологической фазы общности КВК [Черных Е.Н., 1983, с.95–96]. Этап ББ1, датируемый XII–XI в. до н. э., синхронен культурам второй хронологической фазы общности КВК. Он объединяет группу памятников с набором специфических и универсальных для общности КВК культурных признаков, представляющих ББК в наиболее выраженном или «чистом» виде. Комплексы этапа ББ2, хронологические рамки которого определены X в. до н. э., маркируют процессы деструкции ББК, ее трансформации и интеграции с сопредельными культурами лесостепной и степной Украины.

Выделение этапов ББК обосновано стратиграфией поселенческих комплексов. На поселении Богуслав-1 жилище № 1 (ББ1) частично прорезало котлован жилища № 2 (прото-ББ). На участке северного края мыса, занятого поселением Ильичевка,

котлован жилища «финального срубного горизонта» прорезал культурный слой «позднесабатиновского времени» [Шаповалов, 1976, с.155, 169]. Случаи внутрикультурной стратиграфии комплексов ББК отмечены и на поселении Безыменное-2. В.Н. Горбов сообщает о нарушении котлованов жилищ IV горизонта (прото-ББ – *В.Р.*) срубной культуры Северо-Восточного Приазовья постройками, относимыми им к горизонту Va (ББ1 – *В.Р.*) [Горбов, 1995, с.58–59]. Интерес для установления стратиграфического положения культурно-хронологических горизонтов ББ1 и ББ2 представляют наблюдения, полученные А.И. Тереножкиным при раскопках Суботовского городища. «Чистые» комплексы «позднесрубной» керамики (ББК этапа ББ1 – *В.Р.*) найдены в яме у землянки № 3, в виде маленького скопления у землянки № 6 и в ямах, частично скрытых при сооружении раннечернолесской землянки № 4 [Тереножкин, 1961, с.55]. Заметим, что памятники этапа ББ2 синхронизируются нами с ранним Чернолесьем.

Вопрос о верхних хронологических рамках лесостепного варианта ББК в историографии решается неоднозначно. Это обусловлено тем, что такое же хронологическое положение между срубной и культурами раннего железного века занимают памятники малобудковской и бондарихинской культур [Шрамко Б.А., 1954, с.105–115; 1957, с.17–27; Ильинская, 1961, с.26–45; Ковпаненко, 1967, с.13–43; Буйнов, 1981/№ 600; 1994, с.6–14; 1994а, с.7–9; 2009, с.7–17; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; Воловик, 1996, с.6–30 и др.], географические границы которых в значительной степени совпадают с границами ББК. Очевидно, что решение вопроса о хронологическом соотношении этих культур заключительного этапа позднего бронзового века возможно, прежде всего, на материалах стратифицированных памятников, содержащих комплексы и горизонты этих культур.

Имеющаяся в настоящее время информация о стратиграфии таких памятников достаточно противоречива, что предопределяет ее неоднозначную культурно-хронологическую интерпретацию. Критический подход к источникам позволяет разделить данные стратиграфических наблюдений на две группы. В первую группу включены случаи горизонтальной и вертикальной стратиграфии, во вторую – случаи присутствия в культурном слое или отдельных комплексах стратиграфически не

разделенных материалов ББК, малобудковской или бондарихинской культур. При этом особый интерес представляет стратиграфия срубных, ББК и малобудковских материалов, что связано с фиксацией времени появления на изучаемой территории малобудковских племен, существенно изменивших этническую структуру региона и этнокультурные характеристики проживавшего здесь населения.

Стратифицированные памятники первой группы неоднократно использовалась при аргументации, часто взаимоисключающей, культурно-хронологических построений [Буйнов, 1994, с.6–14; Воловик, 1996, с.6–30; Горбов, Литвиненко, 1998, с.69–79 и др.].

В отношении срубной и бондарихинской культур в историографии утвердилось мнение о том, что данные стратиграфии многослойных поселений левобережной Лесостепи не оставляют сомнений в более позднем хронологическом положении бондарихинской. Нас интересует, прежде всего, стратиграфия памятников, содержащих материалы ББК, ранее определяемые исследователями терминами «срубные» или «позднесрубные». На поселении Червоный Шлях выявлено малобудковское погребение № 30, впущенное в котлован «позднесрубного» жилища [Буйнов, 1994, с.7–8, рис.1, 1, 2] или, по другой версии, в котлован культовой постройки [Буйнов, 1992, с.92]. Три трупосожжения с малобудковскими круглодонными сосудами впущены в культурный слой поселения Студенок-6, датированный Ю.В. Буйновым XIV–XIII вв. до н. э. [Буйнов, 1994, с.8, рис.1, 3–5; 2]. Слой содержал стратиграфически неразделенные срубные и позднесрубные (ББК – *В.Р.*) материалы [Буйнов, 1994, с.8, рис.1, 3–5; 2; Буйнов, Дегтярь, 1987/101; Берестнев, 1988/211]. Такие же стратиграфические условия характеризуют поселение в уроч. Горбанщина (Тымченки-3) [Берестнев, 1995/29; 1997, с.153–154]. На поселении Шоссейное обнаружена хозяйственная яма, прорезавшая заполнение котлована «позднесрубного» жилища № 8. Из ямы происходит керамика, которая, по мнению А.С. Смирнова и А.Н. Сорокина, может быть отнесена к «бондарихинскому типу» [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.148, рис.4, 9–12]. Эта посуда рассматривается Ю.В. Буйновым как малобудковская. Исследователь также считает, что о стратиграфическом перекрытии «позднесрубных» материалов малобудковскими

свидетельствует обнаружение «керамики малобудковского типа» в верхних слоях таких поселений как Любовка, Ильичевка, Старый Караван, Лиманское-1, 2, Клиновое-2, Шиловское, Усово озеро, Таранцево [Буйнов, 1994, с.7; 2009, с.11]. Анализ происходящих из этих памятников керамических комплексов показывает, что в большинстве случаев их культурно-хронологические определения и стратиграфическое положение не столь однозначны. Например, в отношении стратиграфических особенностей поселения Ильичевка В.Н. Горбов и Р.А. Литвиненко отмечают, что бондарихинский горизонт был выделен Т.А. Шаповаловым не на основании вертикальной стратиграфии, а в результате выявления на периферии поселения небольшой керамической серии, в которой присутствует бондарихинская посуда, но преобладает «позднесрубная». Авторы также справедливо подвергают сомнению возможность привлечения в качестве примера вертикальной стратиграфии материалы Шиловского поселения [Горбов, Литвиненко, 1998, с.71]. Отметим, что на всех упомянутых выше поселениях малобудковско-бондарихинские и постсрубные материалы залегают в одном культурном слое и не разделены стерильными прослойками. Сказанное правомерно и в отношении Усова озера. Отмеченный С.С. Березанской факт перекрывания срубных жилищ участками с бондарихинскими материалами только подтверждает более позднее положение малобудковского горизонта относительно срубного [Березанская, 2001, с.13].

Не менее показательны случаи стратиграфических условий второй группы.

Хорошо документированный случай присутствия в одном жилище постсрубной и малобудковской посуды отмечен Я.П. Гершковичем на поселении Диброва [Гершкович, 1990, с.57–59]. Обломки малобудковского сосуда, украшенного бессистемными оттисками крупнозубчатого гребенчатого штампа в сочетании с неглубокими ямчатыми вдавлениями присутствуют в комплексе жилища № 8 Шоссейного [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.144, рис.5, 7], материалы которого могут быть датированы этапом ББ1. Ю.М. Бровендер отмечает, что присутствие в верхних горизонтах поселения Лиман стратиграфически неразделенной срубной и бондарихинской керамики может свидетельствовать либо в пользу их сосуществования, либо наличия незначительного хронологического разрыва между ними [Бровендер, 1993,

с.167]. По определению С.С. Березанской, в жилище № 12 Усова озера представлена срубная (в том числе относимая нами к ББК) и бондарихинская (малобудковская) керамика – тонкостенные высокогорлые профилированные горшки с орнаментом «в виде тычков» [Березанская, 1990, с.98]. На рассматриваемой территории отчетливо выделяется группа поселений, на которых обнаружены немногочисленные, но показательные серии посуды с выраженными синкретическими богуславско-белозерскими и бондарихинскими чертами – Васищево, Лихачевка, Таранцево, Усово озеро [Горбов, Литвиненко, 1998, с.75–76, рис.3; 4; Кривцова-Гракова, 1955, с.94–95, 111, рис.20; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; 1994, с.127–130, рис.5, 3, 9; 6, 6; Березанская, 2001, рис.1], Богуслав-1.

Обращает на себя внимание, что в одной из последних работ Ю.В. Буйнов, в очередной раз проанализировав примеры стратифицированных памятников обеих групп, приходит к убеждению о синхронности постсрубных и малобудковских древностей. В отношении бондарихинской культуры, утверждается, что имеются многочисленные свидетельства контактов ее носителей с племенами белозерской, чернолесской, кобяковской культур, но никак не постсрубной [Буйнов, 2009, с.11–12].

С самого начала изучения малобудковской и бондарихинской культур они рассматриваются как генетически связанные между собой звенья единой этнокультурной цепи. По В.А. Ильинской памятники малобудковского типа занимают промежуточное положение между марьяновскими и бондарихинскими. Малобудковские памятники датированы второй половиной–концом II тыс. до н. э., бондарихинские – началом I тыс. до н. э. (X–VIII или VII вв. до н. э.) [Ильинская, 1961, с.37–38]. С.С. Березанской, воспринявшей концепцию В.А. Ильинской, малобудковские памятники отнесены к XIV–XI вв. до н. э., бондарихинские – к XI–VIII вв. до н. э. [Березанская, 1982, с.46, 73].

Иначе вопросы периодизации бондарихинской культуры решаются Ю.В. Буйновым. Рассматривая памятники малобудковского типа как ранний хронологический период бондарихинской культуры, он выделяет три этапа развития последней. Ранний, малобудковский, датирован XII–XI вв. до н. э., средний X–IX вв. до н. э., поздний VIII–серединой VII вв. до н. э. [Буйнов, 1981, с.18]. В дальнейшем автором

предложена иная культурно-хронологическая схема бондарихинской культуры. Вместо трех она разделена на два этапа – малобудковский и бондарихинский, каждый из которых подразделен на две ступени. Ранняя ступень первого этапа синхронизирована с ранними памятниками белозерской культуры и датирована концом XIII–XII вв. до н. э. Вторая ступень раннего этапа – первой половиной XI в. до н. э. Первая ступень второго этапа, датирована XI–X вв. до н. э. Хронологические рамки второй ступени определены IX–серединой VIII вв. до н. э. [Буйнов, Кузьменко, 1989, с.30–31; Буйнов, 1994, с.6–14; 1994а, с.7–9]. Отметим, что в последних работах памятники типа Студенка-5 рассматриваются автором как особое культурное явление, в этнокультурном плане – как инфильтрат восточного населения в марьяновско-малобудковский массив. Их нижняя хронологическая граница определена XII в. до н. э. [Буйнов, 2004, с.150].

Вопросы периодизации и хронологии бондарихинской культуры рассматриваются также в работах С.И. Воловика. Памятники раннего этапа им подразделяются на две ступени – студенокскую и малобудковскую, датируемые XV–концом XIII и XII–началом X вв. до н. э. [Воловик, 1993, с.177–187; 1996, с.10–12].

Круг памятников, относимых Ю.В. Буйновым и С.И. Воловиком к первой и второй ступеням раннего бондарихинского этапа, в целом совпадает. Однако предлагаемые ими абсолютные датировки существенно отличаются. Разница в определении нижнего хронологического рубежа малобудковской культуры составляет не менее 300 лет. Различен и подход к определению ее верхнего хронологического рубежа, который Ю.В. Буйнов относит к середине XI в. до н. э., а С.И. Воловик – к началу X в. до н. э.

Вариабельность предлагаемых датировок малобудковской культуры, основывающихся на материалах одной и той же группы памятников, в значительной степени объясняется неспецифичностью представленных на них хроноиндикаторов – бронзовых и костяных украшений, кремневых орудий, длительное время бытующих в культурах бронзового и раннего железного веков Восточной Европы. Неоднозначен подход разных авторов и к датировке литейной формы с негативом одноушкового кельта из Студенка-5 [Лесков, 1967, с.143–178; Березанская, 1982, с.46; Буйнов,

1994, с.11, рис.10, 2]. При таком состоянии вопроса, вероятно, следует согласиться с мнением Ю.В. Буйнова, которым хронология первой ступени малобудковского этапа определяется, прежде всего, исходя из стратиграфических условий [Буйнов, 1994, с.6–7]. В этом случае в качестве датирующих возможно привлечение стратиграфически связанных с малобудковскими материалов срубной культуры и ББК. Предложенная исследователем датировка «позднесрубных» горизонтов Студенка-6 и Червоного Шляха-1 в пределах XIV–XIII вв. до н. э. [Буйнов, 1994, с.7–8], по нашему мнению, позволяет констатировать, что ББК в лесостепной зоне Левобережной Украины сформировалась до появления здесь малобудковской.

Следует признать, что стратиграфическое соотношение ББК и собственно бондарихинских древностей остается неясным. Однако возможность их синхронизации, обусловленной присутствием не только малобудковской, но и бондарихинской керамики на поселениях этапов ББ1 и ББ2 не вызывает сомнений. Не менее показательны также присутствие богуславско-белозерской и синкретической керамики в малобудковских, студенокских и особенно бондарихинских памятниках.

Последнее позволяет утверждать, что ББК переживает малобудковскую, сосуществует с бондарихинской на ранней ступени бондарихинского этапа и принимает участие в формировании круга памятников, которые принято рассматривать в качестве позднейших бондарихинских, что в генетическом плане позволяет связывать их не только с малобудковской культурой, но и с ББК. При этом определенная часть племен ББК продолжает самостоятельное развитие. Особенно показательны в этом отношении памятники этапа ББ2, такие как Бузовка, Давыдово-Никольское, Залинейное, Орехово-Донецкое-4, керамический комплекс которых в равной степени сопоставим с посудой ББК, поздней белозерской, раннечернолесской и бондарихинской (средний этап бондарихинской культуры по одной из периодизаций Ю.В. Буйнова, первая ступень бондарихинского этапа по другой) культур. В настоящее время не может вызывать сомнения правомерность определения финала ББК лесостепного варианта рубежом бронзового и раннего железного веков.

Известный интерес, как в плане установления хронологического взаимоотношения горизонтов ББК, малобудковской и бондарихинской культур, так

и в плане периодизации ББК, представляют материалы поселения Борькин ручей в Подонцовье, на котором выявлено два разделенных стерильной прослойкой горизонта – нижний «позднесрубный» и верхний «бондарихинский». На небольшом участке стерильная прослойка прерывается пятном гумусированного грунта, занимающим промежуточное положение между нижним и верхним горизонтами. В нем концентрируются материалы «малобудковского периода бондарихинской культуры». Нижний горизонт датирован XIII, средний – XII–началом XI вв. до н. э. Нижние хронологические рамки верхнего горизонта определены серединой XI в. до н. э. [Иваницкий, 2010, с.200–212]. В культурном отношении нижний стратиграфический горизонт памятника может быть отнесен к ББК. Присутствие в нем профилированных горшков с воротничковым оформлением венчиков, а также с расположенными в основании шейки валиками, расчлененными косыми насечками и горизонтальной елочкой позволяет сопоставить его с памятниками прото-ББ и, возможно, ББ1. Средний стратиграфический горизонт, включающий, по определениям В.Р. Иваницкого, малобудковскую, марьяновскую, позднесрубную и постсрубную керамику [Иваницкий, 2010, с.205], соответствует времени бытования малобудковского этапа (XII–середина XI вв. до н. э. по Ю.В. Буйнову) и ББ1 (XII–XI вв. до н. э.). Верхний горизонт, в комплексе которого отчетливо выделяются серии бондарихинской, ББК и синкретической посуды, в культурном плане сопоставим с кругом памятников ББ2, датируемых нами X в. до н. э.

Верхние хронологические пределы ББК степного варианта устанавливаются исключительно методами аналоговых сопоставлений. Внимание на себя обращает то, что все известные нам поселенческие комплексы степного варианта могут быть датированы только в хронологических рамках этапов прото-ББ и ББ1, что существенно усложняет поиск круга памятников, перекрывающих культурно-хронологическую лакуну между ББК и киммерийской культурой. Попытка рассмотрения в этом качестве памятников камышевахского типа (Камышеватая-5, 8, 14, 15, 16) [Горбов, Подобед, 1996, с.96–99] представляется не совсем убедительной, с чем, собственно, в настоящее время согласны и авторы положения.

3.2. Хронология памятников этапа прото-ББ

К раннему этапу ББК относятся такие комплексы лесостепного варианта, как жилища № 2, 7 поселения Богуслав-1; жилища № 6а, 8–11, хозяйственные постройки № 1а, 2 позднесабаатиновского горизонта Ильичевки; жилища № 8, 12, 14 Усова озера; № 6 и № 7-7А поселения «Песочин-Мобиль»; соответствующие горизонты этих памятников, а также поселений Поляны-1, Павлоград, Голубовка, Студенок-6, Чикаловка, Низы-2.

В ББК степного варианта этап представлен комплексами однослойных поселений Песчанка, Стыла, Николаевка, стратиграфическим горизонтом Б Ушкалки, IV культурно-хронологическим горизонтом Широкой Балки-2, Безыменного-2 (помещения № 7б, 11–13, 13а, 14–16) и Безыменного-1, жилищем № 1 Клинового.

Памятники этапа прото-ББ содержат значительные серии керамики раздела архаических групп (табл.3.11; 3.12; 3.14), подтверждающих не только наличие хронологического стыка между БМСК и ББК, но и документирующих их частичное сосуществование.

Украшенные многоваликовыми композициями (группа 1) банки, банковидные сосуды, горшки (II-Б1, II-БВ1, I-Г3, I-Г4, II-Г1) присутствуют только в памятниках лесостепного варианта ББК – на поселении Червонохиженцы-2, в жилищах № 2–5 Чикаловки, хозяйственных постройках № 1а и 2, жилищах № 7 и 8 Ильичевки, в верхнем отделе культурного слоя у жилища № 2 и верхнем стратиграфическом горизонте святилища № 1 Богуслава-1 (рис.41, 1–11, 15–19). Принадлежность большей части рассматриваемой керамики комплексам постсрубного времени не вызывает сомнений [Шаповалов, 1976, с.150–172, рис.6, 5; 1983/№ 620, рис.34, 17, 25; 35, 35; Куштан, 2002, с.28–30; 2006, с.259–272; 2007/№ 864] и подтверждается не только данными стратиграфии и датировками иных категорий инвентаря, но и присутствием посуды с такой орнаментацией в памятниках других культур заключительного этапа позднего бронзового века Украины [Шрамко Б.А., 1957, с.19, рис.5, 4; 6, 5; Максимов, 1959, с.29–30, рис.3, 1; 4, 11, 12; Ильинская, 1961, рис.3, 7;

Погребова, Елагина, 1962, с.10; Березанская, 1964, с.52, рис.3; Ромашко, 1982, рис.1, 18; Черняков, 1985, с.69, рис.29, 7].

Ранний этап ББК характеризуется наличием незначительного количества банковидных сосудов II-БВ1 и горшков I-Г1, I-Г2 с горизонтально срезанным или уплощенным верхним краем венчика с бортиком-закраиной с внешней стороны и одинарным валиком, расположенным под ним (группа 2). Такая посуда, относимая нами к обиточненско-павлоградскому типу [Ромашко, 1995а], известна в жилищах № 2 и 9 Богуслава-1, жилищах № 2 и 3 Чикаловки, в Голубовке-3, зольнике Полян-1, жилищах № 6а, 7, 8, 10, 11, хозяйственном помещении № 2 Ильичевки, жилище № 1 Песчанки, в Клиновом, Николаевке (рис. 28, 11; 29, 27–29; 30, 1–3, 7, 8, 10, 14, 15, 17, 27; 31, 2, 6, 10–12, 19; 32, 19; 36, 13; 52, 1–3, 5, 7; 52, 10; 53, 22), то есть в хорошо датированных, в том числе стратифицированных, лесостепных и степных комплексах, в которых присутствуют новационные керамические формы и другие артефакты-хроноиндикаторы.

Известное значение для определения хронологического положения памятников прото-ББ имеет керамика «срубных» форм (группа 3), включающая банки типов I-Б1, I-Б2, II-Б1, II-Б2, банковидные сосуды типов I-БВ1, II-БВ1, горшки типов I-Г1, I-Г2, II-Г1, III-Г2, кубки на поддоне.

Посуда баночных форм (табл.3.11) в комплексах прото-ББ лесостепного и степного вариантов присутствует на поселениях Богуслав-1, Поляны-1, Чикаловка, Ильичевка, Песчанка, Николаевка, Безыменное-2 и др. (рис.27, 1, 2, 3, 6–34; 28, 4, 6–10, 13–16, 18, 20, 22–32; 29, 2, 8, 12, 13, 15–17, 20, 22, 24–26; 30, 5, 11, 23, 24; 31, 4, 7, 8, 14; 52, 13–21), что позволяет согласиться с авторами, считающими, что баночные формы сохраняются, по их терминологии, в позднесрубной, постсрубной или финальной срубной среде вплоть до XI/X вв. до н. э. [Горбов, 1995, с.62; Шаповалов, 1976, с.162, 166; 1983/№ 620; Дубинец, 1996, с.56]. Аналогичная ситуация характерна и для большинства культур Восточной Европы заключительного этапа бронзового века [Кривцова-Гракова, 1955, с.38–39, 45–47, 95, рис.8, 3, 4, 6, 7, 9; 9, 11; 21, 6; 22, 2, 4; Погребова, 1960, с.84, рис.6, 3; 8, 1; Бураков, 1961, с.36, рис.2, 4, табл.1, 1, 2, 5; Березанская, 1964, с.52–53, рис.1, 7; 4; Лесков, 1970, с.16, рис.9, 1–6; Дергачев,

1982, с.60, рис.21, 7, 8, 11, 13, 14; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.91–94, рис.32, 10, 11, 17; 36, 2; Черняков, 1984, с.50, рис.1, 9; 1985, с.64, 73, рис. 27, 18, 20, 24; 28, 1; Изотова, Малов, 1992, с.96–115, рис.2, 1–5, 9; Изотова, 1994, с.67–69; 1994а, с.73; Колотухин, 1996, с.37–38, рис.13, 10; 21, 3; Гершкович, 1997, с.131, 137; Колев, 2000, рис.29, 4; Иванова, 2004, рис.1, 9].

Банковидные сосуды в керамических комплексах этапа прото-ББ представлены относительно небольшими сериями. Часть их, учитывая морфологические и орнаментальные особенности, рассмотрена в рамках групп 1 и 2. Остальные экземпляры типов I-БВ1 и II-БВ1 в полной мере отвечают стандартам срубного керамического производства. Сосуды с такими качественными характеристиками, относимые Т.А. Шаповаловым ко второй группе банок, присутствуют во II сабатиновском горизонте Ильичевки, в горизонтах ББК Богуслава-1, Усова озера, Полян-1, в материалах IV горизонта Безыменного-2, на поселениях Николаевка, Песчанка, Клиновое и др. (рис.28, 1 3, 5, 11, 12; 29, 1, 3–7, 9–11, 14, 18, 19, 21, 23, 23, 27–29; 30, 3, 4, 6, 21, 22; 31, 1–3, 5, 6, 9, 11–13, 15, 16; 39, 11; 52, 1–6, 8, 9, 10, 12). Также как и банки, банковидные сосуды таких форм обычны как для западных, так и для восточных культур общности КВК [Кривцова-Гракова, 1948, рис.57, 4; 59, 10, 14, 15, 17–19; 1955, с.38–39, 46, рис.8, 16; 9, 13–16; Погребова, 1960, с.84, рис.6, 1; Бураков, 1961, табл.1, 3, 4, 6; Мелюкова, 1961, с.16, рис.4; Лесков, 1970, с.16, 18, рис.8, 19; 10, 1, 3–5, 7–9, 10; 19, 4; Дергачев, 1982, с.69, рис.21, 9, 12, 20; Черных Е.Н., 1983, рис.2, 5, 13; Черняков, 1984, с.50, рис.1, 5; 1985, с.64, 69, 76, рис.27, 3, 23; 29, 1; 31, 2, 17; 34, 3–5; 36, 12; Гершкович, Клочко, Евдокимов Г.Л., 1987, рис.9, 6; Ванчугов, 1990, с.64–65, рис.17, 1–3; 18, 1]. В памятниках этапа прото-ББ – в культурном слое поселения Чикаловка (рис.38, 18), «Песочин-Мобиль» (рис.40, 13, 18), в жилище № 8 II сабатиновского горизонта Ильичевки (рис.38, 19), в IV культурно-хронологическом горизонте Безыменного-2 (рис.56, 21) присутствуют острореберные горшки III-Г2, восходящие к острореберным мискам срубной культуры. Сохранение таких форм в «позднесрубном» или постсрубном керамическом комплексе памятников Поднепровья и Левобережной Украины неоднократно отмечалось в литературе [Шаповалов, 1976, с.162; Шарафутдинова

И.Н., 1982, рис.32, 14; Привалова, Привалов, 1987, с.102]. На основе орнаментальных особенностей острореберный сосуд из помещения № 25 Безыменного-2 (рис.56, 21) сопоставлен В.Н. Горбовым с позднефедоровскими образцами [Зданович Г.Б., 1988, рис.40], что позволило датировать его концом IV горизонта срубной культуры Северо-Восточного Приазовья [Горбов, 1995, с.58, рис.2, 13; Горбов, Мимоход, 1999, с.32, рис.12, 5].

Среди посуды группы 3 выразительной серией представлены горшки типов I-Г1 и I-Г2. Следует отметить, что даже с учетом экземпляров, которые имеют бортик-закраину с внешней стороны венчика (включены в группу 2), она относительно немногочисленна. Горшки рассматриваемых типов известны на поселении «Песочин-Мобиль», Голубовка, в жилище № 2 Богуслава-1, комплексах II сабаатиновского горизонта Ильичевки, в материалах IV горизонта Безыменного-2, Песчанке, Николаевке и др. (рис.31, 19, 24; 32, 1, 19; 35, 1, 5, 7, 8, 10, 15, 19; 37, 14, 26; 40, 24; 52, 11; 53, 9, 16, 22; 54, 3, 17). Раннее, в рамках ББК, положение комплексов, из которых происходят горшки рассматриваемых типов, кроме многочисленных аналогов в памятниках БМСК, подтверждает горшок типа I-Г2 из Ляпинской балки с орнаментом «федоровского облика». Комплекс, в котором он найден, содержал также обломок сосуда «саргаринского облика». Последнее позволило В.Н. Горбову [Горбов, 1995, с.58, рис.2, 14] синхронизировать его с древностями IV горизонта срубной культуры Северо-Восточного Приазовья.

К формам, продолжающим традиции срубного керамического комплекса, следует также отнести горшки II-Г1.

Серия горшков II-Г1, определяемых О.Я. и А.И. Приваловыми как «горшки с переломом в верхней части», представлена на поселении Николаевка (рис.55, 1–6). Единичные экземпляры однотипных горшков присутствуют в Безыменном-2, Голубовке, Червонохиженцах-2, жилище № 8 Усова озера, верхнем горизонте Ушкалки [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.94, рис.32, 9], II сабаатиновском горизонте Ильичевки, жилище № 2 Чикаловки, нижнем стратиграфическом горизонте святилища № 1 Богуслава-1 (рис. 36, 7 10, 12, 14; 39, 1–4, 6–10, 12–15; 41, 19; 55, 7). В плане определения нижних хронологических рамок этапа прото-ББ интерес представляют

морфологически близкие горшки из Богуслава-1 (рис.36, 10) и Червонохиженцев-2 (рис.36, 12). Оба сосуда украшены одинаковым валиковым узором, состоящим из расчлененного валика, расположенного в основании шейки, и спускающегося от него на плечики и корпус вертикального отрезка. Такая схема орнаментацией характерна для сабастиновских, позднесабатиновских и белозерских памятников Горного Крыма [Колотухин, 1996, с.29, 53, рис. 11, 12; 14; 18, 7, 17; 21, 4]. Стратиграфические условия нахождения богуславского экземпляра маркируют конец этапа БМСК и начало ББК этапа жизни поселения Богуслав-1. Несколько более поздней, в рамках этапа прото-ББ, вероятно, является серия горшков из Николаевского поселения, для которых характерно более высокое расположение плечиков. Украшающие их валики разомкнуты, один из них расчленен зигзагом, что является показателем керамики ББК и культур восточной зоны общности КВК.

Обломки ножек кубков на поддоне известны в зольнике Полян-1 (рис.38, 20), в жилище № 1 Песчанки (рис.56, 18, 19), на поселениях Николаевка (рис.56, 20), Усова озеро [Березанская, 1990, с.81]. Возможно кубками на поддоне являются богато орнаментированные сосуды из жилищ позднесабатиновского горизонта № 6а, 7 и 10 Ильичевки (рис.38, 21–23). Эти находки подтверждают факт бытования кубков на поддоне не только в культурах абашевско-срубно-андроновского круга, но и заключительного этапа бронзового века. С.С. Березанской обломок чернолощеного сосуда на поддоне из Усова озера сопоставлен с однотипной посудой из сабастиновских и позднесабатиновских поселений Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья [Черняков, 1985, с.64, рис.27, 13, с.73, рис.33, 24; Березанская, 1990, с.80; Козачок, 1991, с.87–89; Gerskovic, 1999, taf.48, 9]. Кубковидные сосуды на ножках-поддонах не менее обычны и для памятников восточной зоны общности КВК [Кривцова-Гракова, 1948, с.141, рис.63, 1–3; Кузьмина, 1974, с.16–24]. Особый интерес в плане синхронизации памятников прото-ББ с кругом восточных культур представляют обломки ножек кубков из Песчанки (рис.56, 19) и Ильичевки (рис.38, 21–23), орнаментация которых сходна с сусканской [Колев, 2000, рис.4–6; 11].

В комплексах и горизонтах этапа прото-ББ всех памятников культуры посуда архаических типов сочетается с сериями новационного раздела (табл.3.11; 3.13,

3.14). Речь идет о горшках типов I-Г3–I-Г7, мисках-сковородах, кубках, вазах, черпаках (группы 4–6).

Морфология горшков новационного раздела достаточно вариабельна, отличается наличием переходных форм и, в целом, характерна для широкого круга культур общности КВК. Вследствие этого, особое значение при определении их хронологического положения приобретают такие характеристики, как оформление венчиков и орнаментация.

В группе 4 этапа прото-ББ доминируют горшки типов I-Г3 и I-Г4, орнаментированные гладкими (рис.34, 1–20) и расчлененными пальцевыми вдавлениями (рис.35, 12, 14, 16–18, 21–23; 36, 1–4, 16, 17) или косыми насечками (рис.37, 1–13, 15–25, 27, 28; 38, 1–7) валиками. Такие горшки присутствуют во всех комплексах прото-ББ и продолжают бытовать в памятниках ББ1. Их распространение в ранних комплексах ББК обусловлено тем, что морфологически близкая посуда представлена в памятниках предшествующих культур Северного Причерноморья – погребениях и поселениях второго периода БМСК, сабашиновской, Ноуа, восточно-тшинецкой. Еще более обычна она для позднесабашиновских и раннебелозерских памятников [Березовець, Березанська, 1961, с.43, табл.П, 2, 3, 6–8; Бураков, 1961, с.37, табл.1, 8; Махно, 1961, рис.21, 2, 3; Шарафутдінова І.М., 1961, с.12–25; 1986, с.94–98; Балагурі, 1968, рис.4, 10, 15; 5, 4; Лесков, 1970, с.19–21; Дергачев, 1982, с.69, рис.21, 18; 39, 19; 1986, с.160; Черняков, 1984, рис.1, 8, 12–14; 1985, рис.29, 1, 2, 6; 30, 2; 31, 17; 32, 6, 10, 13, 14; 34, 4, 11, 13; Гершкович, Клочко, Евдокимов Г.Л., 1987, рис.9, 8, 9; Ванчугов, Загинайло, Кушнир, и др., 1991, с.35–37, рис.14, 1, 2; 15, 3; Иванова, 2004, с.39–40, рис.1, 1, 9].

Весомым аргументом в пользу правомерности синхронизации культурно-хронологических горизонтов прото-ББ с соответствующими этапами западных культур общности КВК является неоднократно отмеченная в литературе находка на поселении Широкая Балка-2 обломка сосуда с вертикальным выступом по внешнему краю (рис.53, 15). В.Н. Горбовым и Я.П. Гершковичем [Горбов, 1993, рис.7; 1995, с.58; Гершкович, 1998, с.72] он сопоставлен с сосудами, известными в

позднесабатиновских (третий период сабатиновской культуры по Я.П. Гершковичу) и ноических (Ноуа II) древностях.

В комплексах прото-ББ присутствует относительно немногочисленная серия столовой керамики – кубки, корчаги, черпаки и вазы.

Обломки кубков типов К1 и К2 присутствуют в керамических сериях из жилищ № 2 Богуслава-1, № 5 Чикаловки, № 1 Песчанки, Низов-2, Ушкалки (горизонт Б по Я.П. Гершковичу) (рис.43, 2, 3, 9, 24; 56, 1, 11).

Однотипная посуда получает распространение в Нижнем Поднепровье и Северо-Западном Причерноморье в сабатиновское время, присутствует она и в позднеесабатыновско-раннебелозерских памятниках [Лесков, 1970, с.25–26, рис.15, 1–16; 16, 1; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.99–102, рис.31, 16; 1986, с.97, рис.26, 24, 26; 27, 10; Черняков, 1985, с.55, рис.22, 2, с.64. рис.28, 20, с.69, рис.30, 8; 31, 1, 13; Гершкович, Клочко, Евдокимов Г.Л., 1987, рис.9, 1; Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др. 1991, табл.1].

Для датировки памятников этапа прото-ББ значение имеет столовая посуда, форма и технологические характеристики которой позволят считать их западными импортами. На поселении Чикаловка представлены обломки кубка с канелированной шейкой и кольцевым налепом на плечиках и еще одного – с канелированным корпусом (рис.43, 23), которые Д.П. Куштаном [Куштан, 2006, с.269] сопоставлены со столовой керамикой раннего гальштата Пруто-Днестровского междуречья [Мелюкова, 1972, с.58–60, рис.2, 5; 3, 7, 9]. Импортом является и корчагоподобный сосуд из поселения Широкая Балка-2 с вертикальными налепами на плечиках (рис.56, 13). В.Н. Горбов [Горбов, 1996, с.14, рис.1, 5] аналогии ему усматривает в керамике Болградского поселения [Черняков, 1985, рис.31, 1]. Синхронизируя материалы IV горизонта срубной культуры Северо-Западного Приазовья и третьего периода сабатиновской культуры Поднепровья, Я.П. Гершкович также сопоставляет этот сосуд с «котловидным» сосудом из Новокиевки Б и образцами сабатиновской и кослодженьской металлической посуды [Гершкович, 1998, с.72, рис.3, 4].

Обломки ваз и черпаков происходят из жилища № 9 и культурного слоя Богуслава-1, жилищ № 2 и 3 Чикаловки, № 6а, 7, 9 и культурного слоя II сабатиновского

горизонта Ильичевки, поселения Николаевка (рис.43, 4–7, 11–13, 17–20; 56, 7–9). Керамика этих отделов характерна для всех культур заключительного этапа позднего бронзового века западной зоны общности КВК [Погребова, 1960, с.86, рис.7, 6; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.102–103, рис.27, 7, 8; 34, 3; 37, 11, 12; Черняков, 1985, с.50–86, рис.20, 10–12; 27, 2, 5, 8, 10; 33, 1–3, 5; Ванчугов, 1990, с.74, рис.24, 10; 25, 9, 12; 28, 1, 2, 5; 30, 5; 32, 10 и др.]. Присутствие в рассматриваемой серии керамики обломков ручек черпаков и ваз с выступом в верхней части и пуговицевидными налестками (рис.43, 4, 6, 7, 12, 19; 56, 9, 10) подтверждает правомерность выделения этапа прото-ББ. Сосуды с такими ручками известны в сабастиновских, комаровских, ноических памятниках, причем именно в поздних, датируемых в пределах XIII или XIII/XII вв. до н. э. [Смирнова, 1972, с.20–21; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.103; Куштан, 2006, с.268].

В известной степени для столовой керамики ББК хронологическим показателем могут служить способы обработки ее поверхности. Лощение характерно преимущественно для посуды прото-ББ, синхронной поздней Сабатиновке, в которой этот технический прием был распространен достаточно широко. Например, кубки черного лощения присутствуют в Чикаловке [Шарафутдинова И.М., 1964, с.162], подлощены кубки Николаевского поселения [Привалова, Привалов, 1987, с.101]. Столовая посуда этапа ББ1 чаще всего заглаживалась. Единственный обломок кубка черного лощения (рис.96, 1) найден на поселении Белозерский лиман-1 [Кривцова-Гракова, 1955, с.122, рис.27, 14].

Не противоречит предлагаемым для этапа прото-ББ хронологическим определениям и наличие на некоторых образцах столовой посуды налепов-шишечек (рис.43, 1; 56, 6). Как орнаментальный элемент они известны во многих культурах общности КВК, в том числе позднесабатиновской [Черняков, 1985, с.69; Гершкович, Клочко, Евдокимов Г.Л., 1987, рис.9, 4 и др.].

Миски-сковороды входят в состав керамических комплексов жилища № 2 Богуслава-1, зольника Полян-1, поселения Низы-2, жилищ № 6а, 7, 9 Ильичевки, жилищ № 2, 4 Чикаловки, Николаевки (рис.42, 12, 13–20; 56, 15), Романовки [Шаповалов, 1975, с.372], жилищ № 10, 14 Усова озера [Березанская, 1990, с.87, табл.ХІ,

рис.22, 3]. Для культур позднего бронзового века Северного Причерноморья миски-сковороды выступают в качестве достаточно четкого хронологического показателя, маркирующего границу между культурами срубного и постсрубного времени. Среди синхронных прото-ББ культур они наиболее массово представлены в позднесабатиновской и раннебелозерской культурах [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.96–98, рис.29, 15; 1986, с.97; Черняков, 1984, с.51, рис.1, 22–24; 1985, с.64, 73, 76, рис.27, 25; 28, 2; 30, 12; 32, 22, 24; Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.49, табл.1; Лесков, 1970, с.26, рис.18].

Обломки мисок присутствуют в верхнем культурно-хронологическом горизонте Павлограда, в позднесабатиновском горизонте Ильичевки, зольнике Полян-1, жилище № 5 Чикаловки, в Николаевке (рис.42, 21, 22, 23; 56, 16, 17), на поселении «Песочин-Мобиль» [Шрамко И.Б., Корохіна, 2007, с.438, рис.2, 11]. В сабаатиновской культуре миски широкое распространение получают с позднесабатиновского времени [Черняков, 1985, с.55, 46, 69, 73, рис.22, 8; 26, 11; 27, 18; 31, 16; 33, 11].

Для горшков группы 5, маркирующей восточный вектор синхронизации, датирующим признаком является наличие на горшках типов I-Г3 и I-Г4 воротничковых венчиков, валиков, расчлененных зигзагом, косыми оттисками зубчатого штампа, горизонтальной «елочкой».

Серии и единичные экземпляры горшков с воротничковым оформлением венчика представлены в жилище № 9 и культурном слое Богуслава-1, жилищах № 6а, 7, 11, хозяйственной постройке № 1а Ильичевки, верхнем горизонте Павлограда, на поселениях «Песочин-Мобиль», Лобойковка-1, Николаевка, в материалах IV горизонта Безыменного-2 (рис. 31, 27; 32, 6; 36, 4; 37, 4, 17; 40, 2, 3, 12; 53, 25, 26; 54, 6, 11, 12). Интересен горшок (рис.35, 3) из жилища № 7 Ильичевки, воротничок которого украшен «сеточкой», подобной известной на многих образцах атабаевско-межовской керамики [Колев, 2000, рис.20, 4; 21, 2, 6] или атабаевского этапа приказанской культуры [Халиков, 1980, с.37, табл.58].

Валики, расчлененные косыми оттисками зубчатого штампа, присутствуют на керамике Николаевки, Старой Ласпы, Низов-2, святилища № 1 Богуслава-1, жилищ № 10 Ильичевки, № 4 Чикаловки, № 12 Усова озера, № 1 Песчанки (рис.38, 8, 9, 11–

13; 42, 10; 54, 10–13, 15). Валики, расчлененные зигзагом, украшают горшки из жилищ № 2 Богуслава-1 и № 8 Усова озера, Николаевки (рис.38, 14, 16; 54, 16–18; 55, 6). В материалах IV горизонта поселения Безыменное-2 присутствует сосуд типа II-Г1 с выраженным перегибом плеча, украшенный валиком и «елочным» орнаментом (рис.55, 7). Безваликовая посуда типов I-Г3 и II-Г1 с горизонтальным «елочным» узором известна также на поселениях Чикаловка и «Песочин-Мобиль» (рис.33, 15; 40, 19, 22). Близкие аналогии такой орнаментации известны в сусканских, атабаевско-межовских и ивановских древностях [Колев, 2000, рис.12, 3, 5; 23, 3; 25, 7–9, 12, 14, 15].

По мнению О.А. Кривцовой-Граковой, валики, расчлененные крестами, зигзагом, «сеточкой», косыми насечками, оттисками плоского и зубчатого штампа появляются в срубной культуре Среднего и Нижнего Поволжья на позднем этапе ее развития и являются хронологическим показателем хвалынских (ивановских) комплексов [Кривцова-Гракова, 1955, с.42]. И.Т. Черняков, соглашаясь с точкой зрения О.А. Кривцовой-Граковой в отношении памятников восточных культур позднего бронзового века, подчеркивает, что этот критерий совершенно неприменим для памятников Северного Причерноморья [Черняков, 1985, с.85]. Однако этот вывод не может быть распространен на всю территорию Северного Причерноморья. Валики на керамике ББК Левобережной Украины с орнаментальными элементами, представленными в культурах восточной зоны общности КВК, являются таким же важным хронологическим репером, как, например, в ивановской культуре. В.Н. Горбов относит время появления в Северо-Восточном Приазовье керамики с воротничковым оформлением венчиков и валиками, расчлененными крестами и «сеточкой» к IV горизонту, синхронизируемому на этом основании с ранним этапом хвалынской (ивановской) культуры [Горбов, 1995, с.58]. Д.П. Куштан считает, что керамика ивановского облика появляется на памятниках Среднего Поднепровья в конце срубно-сабатиновского–начале белогрудовско-белозерского времени [Куштан, 2007/№ 864, с.67]. Анализ керамических серий ББК в целом подтверждает выводы этих авторов в отношении времени распространения в Левобережной Украине и Поднепровье валиковой орнаментации с восточными орнаментальными элементами, но хроноло-

гическая дифференциация последних представляется нам несколько иной. Если горшки с валиками, расчлененными косыми оттисками зубчатого штампа и зигзагом известны в ряде комплексов прото-ББ, то орнаментация крестами и «сеточкой» практически отсутствует, появляясь на этой территории только на этапе ББ1. Единственное исключение – небольшой фрагмент горшка (рис.54, 19) из горизонта IV Безыменного-2 [Горбов, 1995, с.58, рис.2, 12].

Керамика группы 6 отражает начало сложения синкретического облика лесостепного варианта ББК, о чем свидетельствуют немногочисленные образцы посуды, орнаментированные системными расчесами зубчатым штампом, позитивными и негативными «жемчужинами». Единичные экземпляры такой посуды известны в культурном слое Павлограда, жилищах № 2, 4, 5 Чикаловки, Голубовке, Червонохиженцах-2, Лобойковке-1, жилищах № 6а, 7, 8, 11 Ильичевки, нижнем стратиграфическом горизонте святилища № 1 Богуслава-1 (рис. 33, 5, 6, 11, 24; 34, 6; 38, 10; 39, 4, 5; 40, 1, 5; 42, 1–6).

Проявления этих и других элементов лесостепных культур в керамике ББК более характерны для этапа ББ1. Однако их присутствие в комплексах прото-ББ вполне согласуется с общим хронологическим фоном распространения рассматриваемых признаков в керамике культур Восточной Европы заключительного этапа позднего бронзового века. Серии керамики с обработанной зубчатым штампом поверхностью присутствуют в лесостепных памятниках культуры Ноуа [Балагури, 1985, с.485], сабаатиновских и позднесабаатиновских Северо-Западного Причерноморья [Черняков, 1985, с.69, рис.30, 3, 9, 11; 31, 7]. Керамика с «жемчужной» орнаментацией и наколами – в восточнотшинецкой [Березанская, 1972, с.122; Молодцов, 1997, с.86, рис.3, 2, 3, 6, 11; Дергачев, 1986, с.151–152], сабаатиновской [Черняков, 1985, рис.25, 3], Ноуа [Балагури, 1968, с.143; Дергачев, 1982, с.69; 1986, с.160] культурах.

Сказанное правомерно и в отношении «жемчужин» и наколов, сочетающихся с валиками, которыми украшены некоторые экземпляры горшков из жилищ № 7, 11 Ильичевки, № 3 Чикаловки, № 12 Усова озера (рис.42, 7, 9–11). Наколы концом круглой в сечении палочки, сочетающиеся с расчлененными пальцевыми вдавлен-

ниями валиками, присутствуют в материалах комаровских поселений Молдовы, датируемых В.А. Дергачевым концом XIV–началом XIII вв. до н. э. Сочетание на посуде валиков и наколов характерно и для керамики синхронных им памятников культуры Ноуа [Балагурі, 1968, с.143, рис.4, 3, 10, 15, 16; Дергачев, 1982, с.69, рис.21, 21; 1986, с.151–152, 160, рис.39, 19; 44, 21].

В комплексах этапа прото-ББ представлена также серия достаточно надежно датируемых артефактов, что предполагает возможность уточнения их абсолютной хронологии.

В этом отношении интерес представляет комплекс стратифицированного жилища № 2 Богуслава-1, в котором найдены кинжал, обломок песта-скипетра, обломки кремневых наконечников дротиков.

Бронзовый кинжал лобойковского варианта кинжалов красномаяцкого типа (рис.50, 10) имеет прямые аналоги на территории, занятой памятниками ББК. Случайные находки кинжалов такой формы известны в хут. Шеховцовка Белгородской обл., с. Вовчик Полтавской обл., Васильевском или Каменско-Днепровском р-нах Запорожской обл. (рис.117, 3–5). В.И. Клочко они рассматриваются в составе Лобойковской группы вооружения XVI–XIII вв. до н. э. [Клочко, 2006, с.192–198]. Предложенные им хронологические определения не исключают возможности изготовления и использования таких кинжалов племенами ББК. Сопоставление времени бытования кинжалов типа 2 не только с БМСК, но и с этапом прото-ББ, подтверждается особенностями технологии их изготовления, подобной красномаяцкой. В.И. Клочко отмечает, что она предусматривала проведение трех операций – отливки клинка, рукояти, закрепления рукояти на клинке. Технология изготовления мечей сосново-мазинского типа отлична от красномаяцкой и включает только одну операцию – отливку. По мнению В.И. Клочко, эта упрощенная технология служит одним из доказательств более позднего времени сосново-мазинских мечей по сравнению с красномаяцкими. Собственно мечи сосново-мазинского типа отнесены В.И. Клочко к черногоровской группе киммерийского периода [Клочко, 2006, с.272]. Отметим, что три из четырех кинжалов типа 2 изготовлены по красномаяцкой типологии (рис.50, 10; 117, 1, 2), один – по сосново-мазинской (рис.117, 3), что можно

расценить как свидетельство длительного сохранения рассматриваемой формы в среде ББК. Во всяком случае, В.И. Ключко предусмотрена возможность датирования этого экземпляра более поздним временем по сравнению с другими кинжалами серии [Ключко, 2006, с.197].

Достаточно надежным хроноиндикатором выступает обломок песта-скипетра, найденного в хозяйственной яме жилища № 2 Богуслава-1 (рис.48, 13). В поликультурных памятниках заключительного этапа позднего бронзового века, содержащих материалы ББК, песты-скипетры присутствуют только в комплексах и горизонтах прото-ББ, например, в жилище № 6 Ушкалки, относимом Я.П. Гершковичем к горизонту В [Гершкович, 1993/ № 739, рис.59, 7], поселениях Чикаловка, Червонохиженцы-2 и Белозорье (рис.48, 10–12; 116, 2).

Песты-скипетры длительное время датировались в широких хронологических рамках – от среднего до заключительного этапа бронзового века включительно [Круглов, Подгаецкий, 1935, с.32, 88; Черняков, 1985, с.91–92, рис.42]. Находки в комплексах позволили аргументировано датировать их поздним бронзовым веком [Шарафутдинова И.Н., 1964, с.165; 1982, с.134]. Наиболее полная сводка евразийских пестов-скипетров приведена в работе Н. Боровки и Е. Савы [Boroffka, Sava, 1998, p.17–113], которыми учтена большая часть этих артефактов, известных от Карпат до Сибири, Центральной и Южной Азии. Песты-скипетры типа Ia, к которому отнесены экземпляры из Чикаловки и Белозорья, определены авторами как изделия западного типа, характерные для культур Восточной Европы 1600–1200 гг. до н. э. Навершие орудия из жилища № 2 Богуслава-1, тип которого не определяется, имеет плоскую поверхность. Наиболее характерно такое оформление наверший для пестов-скипетров III типа, имевших повсеместное распространение, и восточного типа IV. Однако, экземпляры с плоским оформлением верхней части наверший известны и в западных типах I и II [Boroffka, Sava, 1998, abb.2, 8, 4, 8, 9, 7, 1, 2].

Не противоречит предлагаемой датировке жилища № 2 Богуслава-1 еще одна разновидность архаического для заключительного этапа позднего бронзового века инвентаря – кремневые наконечники дротиков листовидной формы (рис.50, 1, 2). Морфологически близкие предметы вооружения известны в синташтинской, сред-

неднепровской, катакомбной, срубной и других культурах XVII–XIV вв. до н. э. [Березанская, 1967, с.127, рис.6; Братченко, 1969, с.220, рис.8, 1; 1990, рис.2, 3; Марина, Ромашко, Фещенко, 1986, с.30, рис.3, 7; Пряхин, Беседин, 1988, с.100, рис.6, 5, 6 и др.; Самойленко, 1991, с.135, рис.2, 4; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, рис.37, 1–4]. Однако необходимо отметить и присутствие кремневых наконечников дротиков в комплексах ББ1 и ББ2 – в верхних горизонтах Таранцево (рис.89, 16), Дибровы [Колесник, Гершкович, 1996, с.12, рис.1, 1, 2], Орехово-Донецком-4 [Горбов, Усачук, 2001, с.37]. Листовидные наконечники дротиков или ножи представлены и в других культурах заключительного этапа позднего бронзового века, например, в малобудковской [Воловик, 1993, рис 5, 4].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о датировке дисковидного псаля, также найденного в комплексе жилища № 2 (рис.48, 1). С момента сообщения об этой находке [Ромашко, 1995, с.64–65], она неоднократно привлекала внимание исследователей, предлагавших достаточно однозначные подходы к определению его хронологического положения [Гончарова, 1996, с.35, 42, рис.1, 15; Усачук, 2001, с.105–111, рис.1; 2005, с.82–83; Литвиненко, 2005, с.41–42, рис.1, 4; Tauffer, 1999, s.86, 133, abb.17, 4]. Следует согласиться с тем, что ставить под сомнение правомерность датирования богуславского и однотипных ему дисковидных псалий варианта ПА1 (по Е.Е. Кузьминой) [Смирнов, Кузьмина, 1977, с.42–43; Кузьмина, 1980, с.8–21] XVI или даже XVII–XVI вв. до н. э., учитывая новые даты, предложенные для шахтовых гробниц Микен [Отрощенко, 1994, с.39–41], некорректно. Очевидно, что они появляются в Евразии одновременно в культурах круга Синташты–Абашево–КМК–Монтеору и неизвестны в более поздних культурах. Однако отметим, что псалий, как и кинжал, были найдены не просто в жилище, а на его полу, сохранившем следы глиняной обмазки и обожженном. Поэтому если и можно говорить о случайном совместном залегании, то только в том смысле, что изделие начала позднего бронзового века было где-то найдено и принесено в жилище жителями поселка заключительного этапа позднего бронзового века. Интересной представляется предложенная В.А. Подобедом, А.Н. Усачуком и В.В. Цимидановым версия

об использовании этого псаляя, более раннего, по сравнению с самим жилищем, времени, в культовой сфере [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2010, с.14–33].

Более определенно с ББК возможно связать бесшипный дисковидный псаляй типа 1 (рис.48, 2), найденный в нижней части зольника поселения Поляны-1, уровнем которого маркируется граница нижнего и верхнего горизонтов памятника. В.Е. Радзиевской и Б.А. Шрамко псаляй отнесен к позднесабатиновскому этапу срубной культуры. По конструктивным особенностям он сопоставлен с желобчатыми псаляями с треугольной планкой типа I по классификации К.Ф. Смирнова, хронология которого определяется в рамках XV–XII вв. до н. э. Керамический комплекс верхнего горизонта зольника синхронизируется харьковскими исследователями с белозерским этапом срубной культуры [Смирнов К.Ф., 1961, с.47–60, рис.1; Радзіевська, Шрамко Б.А., 1980, с.107–108]. Заслуживает внимания точка зрения С.И. Берестнева, считавшего полянский экземпляр более совершенной разновидностью псаляев типа ПБ по Е.Е. Кузьминой [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99, с.133–134] и датировавшего его в хронологических рамках среднего этапа лесостепной срубной культуры временем не позднее XIII в. до н. э. Однако в настоящее время С.И. Берестнев связывает его с нижним, «позднекатакомбным», горизонтом памятника и датирует XVII–началом XVI вв. до н. э. [Берестнев, 1997а, с.94]. Представляется, что сам факт обнаружения дисковидного псаляя в комплексе, более позднем, чем горизонт Синташта–Абашево–КМК–Монтеору, позволяет предположить, что эта разновидность конской упряжи использовалась достаточно длительное время. В связи с этим чрезвычайно интересна находка типологически близкого полянскому псаляю в верхней части культурного слоя поселения Мирный-4 в Челябинской обл. Основная часть керамики памятника представлена обломками сосудов алакульской культуры, присутствует также посуда срубного и петровского типов [Чемякин, Епимахов, 2004, с.106–110]. Вероятно представление об узких хронологических рамках бытования дисковидных псаляев в пределах XVII–XVI вв. до н. э. связано с их присутствием в ярких погребальных комплексах воинов-колесничих этого времени. По мнению Ю.П. Чемякина и А.В. Епимахова, для периода поздней бронзы следует говорить не об утрате колесничных традиций, а об отказе от использования колес-

ничной атрибутики в погребальной обрядности [Чемякин, Епимахов, 2004, с.109]. Последнее подтверждается присутствием дисковидных псалиев не только в памятниках ББК, но и в памятниках других культур общности КВК. В частности, дисковидный псалий обнаружен на поселении Кент¹ в Центральном Казахстане. Оттуда же происходят и псалии других типов [Варфоломеев, 1988, с.86–87, рис.5, 2; 6, 1, 3], подобные представленным в материалах поселений сабатиновской культуры [Шарафутдинова, 1982, с.139, рис.55, 2, 7] и ББК.

Один из псалиев Кента представляет абсолютную аналогию псалию типа 2 из Чикаловки (рис.48, 3). В.В. Евдокимовым и В.В. Варфоломеевым изделие отнесено к среднему (кентскому) этапу бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуры, датируемому XII–X вв. до н. э. [Евдокимов В.В., Варфоломеев, 2002, рис.35, 10]. Отметим, что на поселении Кент представлен и более ранний горизонт, хронологические рамки которого определены XIII в. до н. э. [Евдокимов В.В., Варфоломеев, 2002, с.60]. Д.П. Куштан, со ссылкой на предложенные Е.Е. Кузьминой хронологические определения этого памятника [Кузьмина, 1994, с.188], предлагает датировать псалии рассматриваемого типа в пределах XIII–XI вв. до н. э. [Куштан, 2007/№ 864, с.156].

Позднесабатиновский горизонт Ильичевки содержит псалии типов 3 и 4 (рис.48, 4, 5).

Т.А. Шаповалов псалии типа 3 рассматривает как разновидность псалиев типа Борьяш и датирует их, а соответственно и комплексы позднесабатиновского горизонта памятника, XIII–XII вв. до н. э. [Шаповалов, 1976, с.170]. Однако более правомерно сопоставление ильичевских псалиев типа 3 с венгерскими псалиями типа Мориген [Hüttel, 1981, s.117–121, taf.13, 135–139; 14, 139 A–154; 15, 155–163]. Исходя из этого, В.Н. Горбовым предпринята попытка омоложения ильичевских псалиев, что, по его мнению, позволяет объединить в единую хронологическую группу материалы II сабатиновского и финального срубного горизонта памятника и синхронизировать их с белозерскими древностями [Горбов, 1996, с.19–20]. Заметим, что реви-

¹ В данном случае не имеет значения, что кентский псалий типологически отличается от полянского. Важен сам факт присутствия бесшипного дисковидного псалия в комплексе заключительного этапа позднего бронзового века.

зия предложенной Т.А. Шаповаловым стратиграфии Ильичевки вряд ли правомерна на основании передатировки псалиев в связи с тем, что Х.-Г. Хюттель отмечает «слишком неточную хронологию» псалиев типа Мориген – от раннего и среднего этапов урновых полей погребений Центральной Европы вплоть до появления «азиатских» типов узды. В целом псалии этого типа датируются Х.-Г. Хюттелем периодами Vz–НаВ. В отношении собственно ильичевских псалиев Х.-Г. Хюттель считает, что они, хотя и демонстрируют принципиальное сходство устройства с типом Мориген, но имеют отличительные черты, которые требуют их выделения в отдельную группу [Hüttel, 1981, s.118–121]. Вышесказанное позволяет констатировать, что центральноевропейские аналогии ильичевским псалиям могут служить только подтверждением правомерности отнесения последних к постсрубному времени.

Ильичевский псалий типа 4 (рис.48, б) подобен представленному в материалах Сусканского поселения (тип Сускан I по Х.-Г. Хюттелю) [Hüttel, 1981, s.117, taf.13, 129], что подтверждает предлагаемую нами датировку этапа прото-ББ. Согласно хронологическим построениям Ю.И. Колева, верхние рубежи существования сусканской культуры лесостепного Поволжья определяются появлением здесь керамических комплексов с воротничковым оформлением венчиков сосудов. Эти комплексы окончательно оформились под влиянием степной валиковой культуры в XIII–XII вв. до н. э. за счет постепенной утраты сусканской и родственной ей балымско-карташихинской культурами наиболее архаичных андроновских черт [Колев, 2000, с.250–251].

В качестве хронологических реперов горизонта прото-ББ возможно рассматривать и некоторые другие категории инвентаря, представленные на памятниках ББК, например, гладильники-утюжки. Серии и отдельные экземпляры этих орудий происходят из поселений Биланы-1 (рис.48, 1б), Николаевка [Привалова, Привалов, 1987, с.102–103; 1988, рис.10, 11], хозяйственной постройки № 2 и позднесабатиновского горизонта Ильичевки (рис.48, 1а) [Шаповалов, 1976, рис.7, 17; 1983/№ 620], жилища № 2 Зливок [Швецов, 1987, с.433]. Эти орудия известны в памятниках широкого территориального и культурного диапазона, причем преимущественно в материалах заключительного этапа позднего бронзового века, кото-

рые синхронизируются с этапом прото-ББ [Фабрициус, 1929, с.37, табл.V, 8; Бодянский, 1952, с.169–175; Мелюкова, 1961, с.27, рис.11, 13; Шарафутдинова И.Н., 1972, с.68–73; 1982, с.134, рис.54; Швецов, 1987, с.433; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с.103, рис.35, 3; Сазонов, 1996, с.116, рис.1, 10 и др.].

3.3. Хронология памятников этапа ББ1

Лесостепной вариант ББК этапа ББ1 представлен комплексами жилищ № 1, 3, 5, 6; святилищ № 1 (верхний стратиграфический горизонт) и № 2 Богуслава-1; жилищ № 12, 13 «финального срубного горизонта» Ильичевки; жилищ верхнего стратиграфического горизонта № 2, 3, 5 Таранцево; жилища № 1 Любовки-1; материалами поселений Горбанщина, Студенок-6, Лихачевка, Васищево, Новодоновка, Тополы, Липцы, Снежковка-7, Биланы-1, Шоссейное. Материалы этапа ББ1 присутствуют в культурных горизонтах постсрубного времени поселений Чернолесского и Суботовского городищ, Клешни-3, Дибровы, Глубокого озера-2, Червонохиженцев-2, Усова озера, Мереры-4 и др. Среди памятников степного варианта к этапу ББ1 относятся материалы поселений Белозерский лиман-1, 2, Шолохово, V культурно-хронологического горизонта Безыменного-2, представленного по В.Н. Горбову помещениями №1–3, 6, 8 и 8б, 17, 19–21, 23 и 23а, 24 и 24а. Керамика ББК присутствует в стратиграфическом горизонте В Ушкалки (по Я.П. Гершковичу), на поселениях Федоровка, Капуловка, Михайловка, Верхняя Тарасовка.

Керамические комплексы памятников этапа ББ1 так же, как и предшествующего, включают посуду архаического и новационного разделов при существенной количественной и типологической доминанте последней.

Среди керамики архаического раздела (табл.3.11; 3.12; 3.14) незначительными сериями представлена посуда группы 1, к которой возможно отнесение горшков III-Г1 и банковидных сосудов I-ББ1. В частности, такая керамика присутствует в материалах этапа ББ1 Богуслава-1 (рис.82, 1–10), в слое финального срубного горизонта Ильичевки (рис.82, 11). На поселении Богуслав-1 установлена достоверная принадлежность горшка II-Г1 из жилища № 5 (рис.82, 10) и банковид-

ных сосудов (рис.82, 5, 8) из жилищ № 3, 5 к комплексу ББ1, что подтверждает мнение о сохранении традиций многоваликовой орнаментации в культурах финала бронзового века. В частности, образцы посуды, украшенной двумя и большим количеством валиков, иногда формирующих сложные геометрические композиции, известны в позднесабатиновско-раннебелозерской, белогрудовской, бондарихинской, чернолесской культурах [Шрамко Б.А., 1957, с.19, рис.5, 4, рис.6, 5; Максимов, 1959, с.29–30, рис.3, 1, рис.4, 11, 12; Ильинская, 1961, рис.3, 7; Березанская, 1964, с.52, рис.3; Черных Е.Н., 1983, рис.3, 14; Черняков, 1985, с.69, рис.29, 7; Оленковський, 2007, рис.37 и др.].

Характерное для группы 2 оформление края венчика в виде бортика в керамических комплексах ББ1 почти полностью выходит из употребления. На этот факт исследователи уже обращали внимание. В частности, Т.А. Шаповалов отмечает полное исчезновение бортиков-закраин на керамике финального срубного горизонта Ильичевки [Шаповалов, 1983/№ 620]. Бортики-закраины, присутствующие на единичных экземплярах банок и банковидных сосудов из Таранцево, жилищ № 1, 5, 7, верхнего стратиграфического горизонта святилища № 1 Богуслава-1, финального срубного горизонта Ильичевки, горшках I-Г2 и I-Г2 Богуслава-1 и Белозерского лимана-1 (рис.59, 1; 60, 8; 61, 2, 3, 5, 6, 7; 62, 19, 20; 94, 2), в большинстве случаев выражены менее отчетливо по сравнению с образцами посуды из горизонтов БМСК и прото-ББ. В тоже время, отмечены случаи подобного оформления венчиков на горшках новационных типов, происходящих из жилища № 3 и верхнего стратиграфического горизонта святилища № 1 Богуслава-1 и Лихачевка (рис.69, 23; 71, 12; 81, 19, 20).

Такая же динамика оформления венчиков бортиками-закраинами характеризует позднесабатиновские и белозерские комплексы Нижнего Поднепровья [Березовець, Березанська, 1961, табл.ІІ, 13].

Посуда срубных форм группы 3 преимущественно представлена банками типов I-Б1, I-Б2, II-Б1, II-Б2, банковидными сосудами типов I-БВ1, II-БВ1, горшками типов I-Г1, I-Г2, II-Г1, III-Г2, кубками на поддоне.

Банки и банковидные сосуды являются неотъемлемой частью большинства поселений лесостепного и степного вариантов этапа ББ1. Они известны на поселениях Богуслав-1, Васищево, Лихачевка, Таранцево, Шоссейное, Горбанщина, Студенок-6, Снежковка-7, Любовка-1, Тополи, Липцы, Новодоновка, Ильичевка, Червоножиженцы-2, Клешня-3, Белозерский лиман-1, 2, Безыменное-2 и др. (рис.58, 1–30; 59, 1–22, 23–26; 60, 1–29; 61, 1–18, 22–33; 62, 1–10; 78, 21; 91, 1–5, 8).

Как уже отмечалось, керамика рассматриваемых отделов достаточно обычна для культур заключительного этапа позднего бронзового века [Шаповалов, 1976, с.162, 166; Горбов, 1995, с.62; Дубинец, 1996, с.56].

Вывод правомерен и в отношении остросереберной посуды типов III-Г1, III-Г2, представленной в стратифицированных и культурно-хронологически определяемых комплексах ББ1, таких, как верхний стратиграфический горизонт святилища № 1 и жилище № 5 Богуслава-1, Лихачевка, Горбанщина, финальный срубный горизонт Ильичевки, жилище № 4 Шоссейного, V горизонт Безыменного-2 (рис.66, 1; 76, 15; 82, 16–20, 23; 96, 16, 23).

Хронологическим признаком комплексов этапа ББ1 следует считать отсутствие или единичность экземпляров посуды, подобной горшкам I-Г1, I-Г2, II-Г2 (рис.62, 18, 19; 64, 5; 66, 23; 76, 16; 91, 16; 93, 9, 25; 94, 2).

Находка ножки кубка на поддоне (рис.82, 12) в закрытом комплексе – хозяйственной яме № 29 жилища № 3 Богуслава-1, совместно с развалом горшка типа I-Г6, орнаментированного системными вертикальными волнистыми расчесами и расчлененным косыми оттисками мелкозубчатого штампа валиком (рис.71, 2), стратиграфически подтверждает факт бытования этой посуды не только на этапе прото-ББ, но и ББ1. Вероятно, в хронологические рамки этапа ББ1 следует помещать ножки кубков из раскопа 2 Ильичевки и Белозерского лимана-1 (рис.82, 13; 96, 30).

Важным материалом, определяющим хронологическое положение комплексов ББ1 в системе древностей Евразии заключительного этапа позднего бронзового века, выступает керамика групп новационного раздела, включающая горшки типов I-Г3, I-Г4, I-Г5, I-Г6, I-Г7, отделы корчаг, кубков, черпаков, мисок-сковород, цедилок (табл.3.11; 3.13; 3.14).

Керамика группы 4 этапа ББ1 включает горшки I-Г3, I-Г4, I-Г6, украшенные гладкими валиками, валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями и вдавлениями концом овального в сечении стержня, кубки, корчаги, черпаки.

Гладкие валики присутствуют на горшках из жилищ № 3, 5, 6, верхнего стратиграфического горизонта святилища № 1 и культурного слоя Богуслава-1, Лихачевки, жилища № 13 и культурного слоя финального срубного и бондарихинского горизонтов Ильичевки, поселений Биланы-1, Белозерский лиман-1, 2, Шолохово и др. (рис.68, 1–13, 15–17, 25; 80, 13; 81, 13; 93, 1–6). Гладкие валики являются одной из характерных особенностей орнаментации керамики позднесабатиновско-раннебелозерских и белозерских комплексов Поднепровья, Северо-Западного Причерноморья, Крыма [Кривцова-Гракова, 1955, с.128; Березовець, Березанська, 1961, с.43; Шарафутдінова І.М., 1961, с.12–25; Ванчугов, 1981, с.72, 75, рис.1, 4; 3, 2, 9; Черняков, 1984, рис.1, 6, 7, 11, 15–21; 1985, рис.33, 10, 15, 17, 23; 34, 2, 3, 5, 7, 9, 10, 16; Отрощенко, 1986, с.135, рис.36; Ванчугов Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.35–37; Горбов, 1993, с.90; Колотухин, 1996, с.39, рис.11, 4, 7, 9–12; 12, 6, 9; 14; 15, 1, 5, 6; 16, 1, 6; 17, 2, 5, 14; 18, 6, 7, 14, 17; 19, 3; 20, 1, 5, 6, 13 и др.]. Доминируют гладкие валики на белогрудовских горшках, обычны они и для керамики каннелированного и прочерченного гальштата [Мелюкова, 1961, с.39, рис.16, 20–24; Березанская, 1964, с.52, рис.1, 4, 5; 1985, с.506, рис.137, 1, 3, 4; Levički, 1994, fig.11, 9, 10; 20, 12, 16; 29, 2, 3; 34, 13; 37, 6; 44, 8, 9]. В памятниках общности КВК восточной зоны посуда с гладкими валиками присутствует в меньшем количестве, однако она известна в ивановской культуре Поволжья [Кривцова-Гракова, 1955, с.44, рис.8, 14; Агапов, Васильев, Кузьмина, 1983, рис.17, 4; Дьяченко, 1993, рис.3, 19; Колев, 2002, рис.5], «поздневаликовых» памятниках Подонья [Кривцова-Гракова, 1955, рис.22, 9; Синюк, 1996, рис.68, 7, 8], в бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуре Восточного Казахстана [Черных Е.Н., 1983, рис.7, 1, 2], в синкретических алексеевско-замараевских комплексах лесостепного Притоболья [Потемкина, 1985, с.53, рис.12, 6]. В некоторых культурах, например, амиробадской [Черных Е.Н., 1983, рис.8, 1–11, 13], гладкие валики заметно доминируют над расчлененными. Ска-

занное правомерно и в отношении керамики поселений финальной бронзы Северного Прикаспия [Васильев, Колев, Кузнецов, 1986, с.133–135, рис.17, 1–4, 6, 7, 10].

Горшки с валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями или концом круглых и овальных в сечении стержней, встречаются в керамических комплексах ББ1 в относительно небольшом количестве. Они известны в жилище № 7 и верхнем стратиграфическом горизонте святилища № 1 Богуслава-1, в слое финального срубного горизонта Ильичевки, Суботовском городище, на поселениях Студенок-6, Биланы-1, Лихачевка, Клешня-3, Липцы, Белозерский лиман-1, Шолохово и др. (рис.67, 9, 10, 11–17, 19–25; 75, 12; 92, 12–14, 16).

Такая орнаментация валиков характерна для керамики позднесабатиновско-раннебелозерских, белогрудовских, раннегальштатских памятников [Березовец, Березанська, 1961, с.43, табл.П, 2, 3, 6–8; Мелюкова, 1961, с.39, рис.16, 16, 18; Шарафутдінова І.М., 1961, с.12–25; Березанская, 1964, с.53, рис.1, 2, 3; Лесков, 1970, с.21; Ванчугов, 1981а, с.72, 75, рис.1, 1, 5; 3, 4; 4, 7; Никулице, 1981, с.77, рис.2, 4; 5; Черных Е.Н., 1983, рис.3, 13, 16; Черняков, 1985, рис.34, 1, 6, 10, 12; Ванчугов, Загинайло, Кушнир, и др., 1991, с.35–37, рис.14, 1; 15, 3; Колотухин, 1996, с.39, рис.11, 3; 12, 7; 13, 2, 11; 14; рис.16, 5; 17, 9; 20, 17, 20; Махнева, 1996, с.85–89, рис.1, 1; 4, 4, 6; Иванова, 2004, с.39–40, рис.1, 9; Кравченко, 2004, с.56–58, рис.3, 1–3; 4, 2, 3, 5–7, 11–13; Левинский, Романчук, 2006, рис.2, 2; Levitki, 1994, fsg.14, 1–7; 15, 15, 16; 17, 1, 4–6, 19; 18, 11; 20, 22, 23; 22, 6, 7; 29, 1, 5; 34, 14; 37, 4, 5; 40, 21; 44, 2, 5–7, 10; 45, 4, 6, 7]. Единичные экземпляры горшков с валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями, присутствуют в материалах ивановской [Дьяченко, 1993, рис.3, 8] и саргаринско-алексеевской культур [Кривцова-Гракова, 1949, рис.25, 2; Варфоломеев, 1988, с.87, рис.8, 3]. К этой группе можно отнести керамику белозерского облика поселения Терешковский Вал в лесостепном Подонье [Синюк, 1996, рис.68, 1–3].

Правомерность синхронизации комплексов ББ1 с культурами западной зоны общности КВК иллюстрирует сопоставление отделов столовой посуды.

В керамических сериях из памятников рассматриваемого этапа присутствуют кубки типов К1, К2, К3.

Отдельные экземпляры посуды отдела известны в жилищах № 1, 3, 6 Богуслава-1, жилище № 2 и верхнем стратиграфическом горизонте Таранцево, в финальном срубном и бондарихинском горизонтах Ильичевки, на поселениях Белозерский лиман-1, Шолохово, Капуловка, Ушкалка, в горизонте V Безыменного-2 (рис.84, 1–6, 8–10, 19, 27, 28; 96, 1–4, 10–14, 16, 17). Типологически близкие кубки происходят и из погребальных памятников, относимых нами к ББК (рис.124, 1; 125, 2, 11) [Ромашко, 1999, с.119–138]. Кубки всех трех представленных в ББК типов присутствуют в материалах позднесабатиновских, белозерских, белогрудовских поселений [Березанська, Тітенко, 1954, с.128, рис.6, 4; Лесков, 1970, с.25–26, рис.15, 1–16; 16, 1, 2, 3–9; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.99–102, рис.37, 9, 13, 20; 1986, с.97, рис.26, 24, 26; 27, 10; Ромашко, 1985, с.93, рис.2, 10; Черняков, 1985, с.55, рис.22, 2, с.64. рис.28, 20, с.69, рис.31, 1, с.76, рис.36, 2; 37, 12, 14, 18, с.69, рис.30, 8; 31, 13; Отрощенко, 1986, с.135–136; Гершкович, Клочко, Евдокимов Г.Л., 1987, рис.9, 1; Ванчугов, 1990, с.66, рис.17, 8, 9, 14, 18; 23, 7; 24, 17; 25, 10, 11, 19; 27, 7 и др.]. Некоторые из них представляют собой близкие аналоги богуславско-белозерским. Например кубок типа К1 из жилища № 1 Богуслава-1 (рис. 22. 8), морфологически и орнаментально подобен кубкам из поселений Змеевка [Бураков, 1961, табл.П, 8], Грибовка-4 [Иванова, 2004, с.39–40, рис.1, 2], относимых к кругу белозерских памятников.

В культурах западной зоны общности КВК получила значительное распространение столовая посуда еще одного отдела – черпаки [Погребова, 1960, с.86, рис.7, 6; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.102–103, рис.27, 7, 8; 34, 3; 37, 11, 12; Черняков, 1985, с.50–86, рис.20, 10–12; 27, 2, 5, 8, 10; 33, 1–3, 5; Ванчугов, 1990, с.74, рис.24, 10; 25, 9, 12; 28, 1, 2, 5; 30, 5; 3, 10 и др.]. Присутствуют они и в богуславско-белозерских памятниках. В частности, черпаки с петельчатой ручкой найдены в жилище № 1 Богуслава-1 и в Верхней Тарасовке (рис.84, 17; 96, 8). Форма ручек подтверждает позднее хронологическое положение посуды этого отдела как в белозерских древностях [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.103], так и древностях ББК.

Прочерченные или нанесенные мелкозубчатым штампом орнаментальные элементы и композиции, украшающие столовую посуду этапа ББ1 (рис.84, 2, 4, 6, 7, 22; 96, 1–3, 6, 14, 15), сопоставимы с орнаментами на посуде белозерской культуры

Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья, белорудовско-ранне-чернолесской и бондарихинской культур лесостепной Украины, отрадненской и кобяковской культур Подонья [Ромашко, 1998, с.79–95], что подтверждает правоту мерность предлагаемых хронологических определений.

Столовая керамика этапа ББ1 из памятников лесостепного и степного вариантов иногда украшалась налепами-шишечками. Такие сосуды представлены в верхнем горизонте Таранцево, жилище № 13 и финальном срубном и бондарихинском горизонтах Ильичевки, в материалах поселений Клешня-3, Шолохово, верхнего стратиграфического горизонта Ушкалки, V горизонта Безыменного-2 (рис.84, 12–14, 16, 21, 24, 25; 96, 4, 13, 18). Как уже отмечалось, такие налесты известны в позднесабатиновской культуре, но широкое распространение получают в белорудовской [Ильинская, 1975, с.129–133; Гаврилюк, 1979, с.23] и, особенно, в белозерской культурах [Ильинская, 1975, с.130, рис.14, 2, 4; Гаврилюк, 1979, с.23, рис.1, 1, 4, 8, 10; Ванчугов, 1981, с.78, рис.4, 2; 5, 6–8; Черняков, 1985, рис.33, 20, 21; 36, 1, 2; 37, 9, 12, 13, 15, 16; Махнёва, 1996, рис.1, 15; Agulnikov, 1996, fig.8, 2, 3; 12, 4; 18, 8; 19, 2; 21, 3]. Многочисленна посуда с круглыми и овальными в плане налестами в комплексах памятников каннелированного гальштата [Levički, 1994, fig.13, 3, 11, 15; 14, 1, 10, 12; 15, 14; 16, 3, 5, 16; 17, 2, 7, 13, 20; 19, 6; 21, 9, 12, 14; 22, 10, 11; 23, 1; 25, 4, 7, 10, 18 и др.]. По мнению О.Г. Левицкого, именно гальштатскими традициями следует объяснять распространение этого орнаментального элемента в белозерской культуре [Levički, 2000, p.177–209]. В свою очередь, относительно немногочисленные экземпляры посуды с налестами, происходящие из памятников культур заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины, обычно интерпретируются как белозерские [Шаповалов, 1983/№ 620; Бровендер, 1993, с.167, рис.18, 9; Дубинец, 1996, с.56, рис.1, 6, 8; Ромашко, 2002, рис.3, 8]. В плане хронологических определений с этим, вероятно, следует согласиться. Необходимо также отметить присутствие шишечек-налепов на керамике саргаринско-алексеевской [Кривцова-Гракова, 1955, рис.55, 1; 60; Варфоломеев, 1988, с.87, рис.2, 2; 8, 1] и ивановской [Колев, 2002, с.155, рис.6] культур.

Миски-сковороды типов I-МС1 и II-МС1 происходят из комплексов и культурно-хронологических горизонтов ББ1 многих памятников, таких как жилище № 3, верхний стратиграфический горизонт святилища № 1, жертвенник святилища № 2 Богуслава-1, верхние стратиграфические горизонты Таранцево и Горбанщины, жилище № 13 и финальный срубный горизонт Ильичевки, поздние комплексы Усова озера [Березанская, 1990, с.87, табл.ХI, рис.22, 3], поселения Студенок-6, Биланы-1 [Супруненко, Шерстюк, 2006а, рис.66, 26], Червонохиженцы-2 [Куштан, 2008, с.190], Чапаевка-8 [Куштан, 1996/36; 1998/74], Ушкалка, Шолохово, Белозерский лиман-1 (рис.83, 1–15; 96, 24, 28, 29). Керамика отдела широко представлена в культурах западной зоны общности КВК, в том числе и синхронных памятникам ББ1 [Березовець, Березанська, 1961, с.43, табл.II, 4; Березанская, 1964, с.53–54, рис.5; Лесков, 1970, с.26, рис.18; Ромашко, 1985, с.93, рис.1, 4, 5; Черняков, 1985, с.76, рис.36, 5, 7; Ванчугов, 1990, с.66, рис.17, 10; 18, 19, 20; 19, 7; 20, 8, 9; 21, 11; 22, 23; 24, 4; Оленковський, 1993, с.12, 21, 26, 43, 44, 48, 63; Колотухин, 1996, с.37, рис.14, 13, 15; 17, 6–8; 20, 4, 10, 11, 15; Махнева, 1996, с.84–91]. Отдельные экземпляры мисок-сковород известны на некоторых поселениях ивановской культуры [Изотова, Малов, 1992, с.101, рис.5, 6–8]. Так же, как и в культурах Северного Причерноморья, в Поволжье они выступают в качестве хроноиндикатора памятников заключительного этапа позднего бронзового века [Изотова, Малов, 1992, с.110, 111].

Миски небольшими сериями представлены в верхних стратиграфических горизонтах памятников лесостепного варианта ББК, таких как Таранцево, Горбанщина, святилище № 1 Богуслава-1, жилище № 1 Любовки-1, Снежковка-7, Студенок-6, Белозерский лиман-2 (рис.83, 16–26; 96, 25–27). Они являются одной из ведущих форм керамики белогрудовской, раннечернолесской [Березанская, 1964, с.55, рис.8, 1, 5, 6, 8; Тереножкин, 1961, с.50, рис.26, 3, с.57–58, рис.32, 1–3], белозерской [Дергачев, 1973, с.98–99; 1981, с.77, рис.4, 3–5; Мелюкова, 1979, рис.10, 8–10; Ванчугов, 1990, с.71–73, рис.19, 8; 28, 10; Agulnikov, 1996, fig.16, 3; 11, 8] культур.

Керамика группы 5 этапа ББ1 включает горшки с воротничковым оформлением венчиков и валиками, расчлененными крестами, зигзагом, «сеточкой», насечками, нанесенными зубчатым штампом. Специфичны для культур заключительного этапа

позднего бронзового века восточной зоны общности КВК и некоторые элементы врезного геометрического орнамента – косо заштрихованные ромбы и треугольники без основания (рис.65, 5; 92, 7, 8, 11) [Горбов, 1995, с.62–63; Гершкович, 1998, с.75–76 и др.].

Горшки типов I-Г3, I-Г4, I-Г5, I-Г7, III-Г1 и банковидные сосуды I-БВ1 с воротничками нескольких разновидностей наиболее массово представлены в материалах жилищ № 1, 3, 5–7 и культурном слое Богуслава-1 (рис.62, 15; 63, 4, 16; 65, 5, 7; 67, 9; 68, 1; 69, 2, 3; 71, 1, 2, 6, 8; 73, 5, 10). Представительные серии и единичные экземпляры известны в Лихачевке, в жилище № 13, финальном срубном и бондарихинском горизонтах Ильичевки, Диброве, Червонохиженцах-2, Васищево, жилищах № 4, 8 Шоссейного, Клешне-1, Ушкалке, Белозерском лимане-1, 2, Безыменном-2 (рис. 64, 31; 67, 21; 68, 11, 17; 70, 21; 71, 11, 16; 72, 12, 16; 73, 21, 23, 24, 34; 74, 27; 76, 15; 78, 18; 80, 7; рис.93, 11, 14, 21, 23; 94, 3, 8, 15, 17; 95, 5, 7, 18). Как правило, воротнички сочетаются с валиками, иногда с позитивными «жемчужинами». Один из горшков из Богуслава-1 с воротничковым оформлением венчика украшен прочерченным фризом из вписанных треугольников (рис.65, 7), соответствующих орнаментальному элементу 15, представленному на столовой посуде белозерской, белогрудовской, бондарихинской культур и ББК [Ромашко, 1998, с.82–83, рис.2], другой – «сеточкой» (рис.65, 5), подобной орнаментальным элементам, известным на горшках атабаевско-межовского облика и ивановских [Колев, 2000, рис.20, 3, 7; 21, 2; 28, 6]. Воротничковое оформление венчиков является одним из наиболее специфичных признаков керамики восточной зоны общности КВК, синхронных этапу ББ1, в частности ивановской и саргаринско-алексеевской культур [Кривцова-Гракова, 1948, с.134, рис.58, 8; 1955, с.39, рис.8, 13, 18, с.47, рис.9, 12; Агапов, Васильев, 1976, с.120, рис.13, 6, 13, 14; 14, 12, 15, 17, 18; Евдокимов В.В., 1982, с.13, рис.7, 3; 8, 6, 7; Евдокимов В.В., Ломан, 1982, с.35, рис.6, 7–9; 7, 9; Агапов, Васильев, Кузьмина, 1983, рис.17, 14, 16; Черных Е.Н., 1983, рис.7, 5; Потемкина, 1985, с.53, рис.12, 8; 13, 2, 8; Варфоломеев, 1988, рис.1, 3; 2, 3; Зданович Г.Б., 1988, рис.10, 1; Дьяченко, 1992, рис.3, 4; 1993, рис.3, 3, 6; Малов, 1992, с.112, рис.3,

7; 4, 3, 6; Изотова, 1994, с.68; Евдокимов В.В., Варфоломеев, 2002, рис.22, 1, 7; 24, 9, 10; Колев, 2002, рис.6].

Важным хроноиндикатором керамики рассматриваемой группы этапа ББ1 являются «восточные» орнаментальные элементы расчленения валиков.

К этой группе возможно отнесение посуды, валики которой расчленены косыми насечками и оттисками плоского штампа, являющихся ведущей разновидностью орнаментации горшков ББК, что подтверждается их присутствием в большинстве культурно-хронологических горизонтов ББ1, например в жилищах № 1, 3, 5–7, 10, верхнем стратиграфическом горизонте святилища № 1, культурном слое Богуслава-1, Лихачевке, жилище № 2 и верхнем стратиграфическом горизонте Таранцево, жилищах № 12, 13, финальном срубном и «бондарихинском» горизонтах Ильичевки, Любровке-1, Горбанщине, Студенке-6, Снежковке-7, Липцах, Тополях, Диброве, Глубоком озере-2, Червонохиженцах-2, Черниковом озере-2, Клешне-1, Темино, Шоссейном, Белозерском лимане-1, 2, Верхней Тарасовке, Шолохово и др. (рис. 68, 19–24; 69, 1–4, 6–22, 24–27; 70, 1, 2, 6, 9–14, 16–18, 20–31; 74, 1, 21; 75, 1, 3, 16; 76, 10; 80, 1, 3, 4, 6, 9, 11; 93, 10–17, 21, 22). Косые насечки, которые О.А. Кривцова-Гракова называет «вдавнениями незубчатого штампа», являются обычным элементом декорирования валика в большинстве культур восточной зоны общности КВК [Кривцова-Гракова, 1948, рис.57, 14; 1955, с.44, рис.9, 10; Агапов, Васильев, Кузьмина, 1983, рис.17, 3; Васильев, Колев, Кузнецов, 1986, с.133–135, рис.17, 5; Зданович Г.Б., 1988, рис.10, 3; 20, 4; Изотова, Малов, 1992, рис.2, 2; 3, 7, 8; Юдин, 2001, с.26–27, рис.6, 4, 6, 8; 8, 6, 7; Колев, 2002, рис.5]. Такие валики присутствуют и на керамике памятников позднесабатиновско-раннебелозерского и белозерского времени Поднепровья, Северо-Западного Причерноморья и Крыма [Березовец, Березанська, 1961, с.43, табл.II, 1; Махно, 1961, рис.21, 6–9; Шарафутдінова І.М., 1961, с.12–25; Лесков, 1970, с.21; Черняков, 1985, рис.34, 4, 11, 13; Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, рис.14, 2; Махнева, 1996, с.85–89, рис.1, 9; 3, 5; 4, 8]. О.А. Кривцовой-Граковой отмечена близость такого орнаментального элемента, как косые оттиски штампа, на валиковой керамике памятников Поднепровья и хвалынских (ивановских) Поволжья [Кривцова-Гракова, 1955, с.120]. Это

наблюдение, подчеркивающее хронологическое соответствие ББК и восточных культур общности КВК, многократно подтвердилось впоследствии.

Валики, расчлененные косыми оттисками зубчатого штампа, известны на керамике большинства поселений ББК. Орнаментированные подобным образом горшки типов I-Г3 и I-Г4 присутствуют в жилищах № 1, 3, 5–7 этапа ББ1 Богуслава-1, в Лихачевке, Любовке-1, Биланах-1, жилище № 13, финальном срубном и бондарихинском горизонтах Ильичевки, Снежковке-7 [Берестнев, 1997, с.89], Мощнах [Куштан, 2005, с.104, рис.1, 2, 3], Темино, Белозерском лимане-1, Белозерском лимане-2, Шолохово, Верхней Тарасовке, Федоровке, Ушкалке [Гершкович, 1993/№ 739] (рис.69, 5, 23; 71, 1–12, 14–16, 18, 19; 75, 2; 80, 5, 7; 92, 15; 94, 3, 4–12). Орнаментация валиков косыми оттисками зубчатого штампа показательна для синхронных ББ1 культур восточной зоны общности КВК – ивановской Поволжья [Кривцова-Гракова, 1955, с.44, рис.9, 9; Агапов, Васильев, 1976, с.120; Дьяченко, 1993, с.25, рис.3, 3, 20; Юдин, 2001, с.26–27, рис.6, 3, 5, 7; Колев, 2002, рис.5], «позднесрубной» Подонья [Кривцова-Гракова, 1955, с.95, рис.21, 11; Ларенок, 1998, с.56, табл.XLVII, 13], бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) Восточного Казахстана, амирабадской Южного Приаралья [Черных Е.Н., 1983, рис.7, 4; 8, 12]. На основании этого признака возможна и синхронизация ББ1 с белозерскими древностями Крыма и Северо-Западного Причерноморья, в которых также в незначительном количестве присутствует посуда с валиками, расчлененными оттисками зубчатого штампа [Лесков, 1970, с.19, 21, рис.10, 18; 11, 7; Иванова, 2004, с.39–40].

Расчленение валиков зигзагом известно на горшках I-Г3, I-Г4 горизонтов ББ1 таких памятников, как Богуслав-1, Таранцево, Лихачевка, Ницаха, Диброва, Ильичевка, Белозерский лиман-1, Белозерский лиман-2, Безыменное-2 (рис.72, 5, 7, 9, 11, 16, 17, 20; 80, 8; 94, 15, 18; 95, 8). Валики с зигзагом представлены на горшках ивановских поселений Нижнего Поволжья [Юдин, 2001, с.26–27, рис.6, 1], лесостепного бассейна Волги [Агапов, Васильев, 1976, с.120; Колев, 2002, рис.5], саргаринско-алексеевской [Кривцова-Гракова, 1948, рис.25, 3; Черных Е.Н., 1983, рис.7, 15] культуры. Присутствуют они и на посуде белозерских поселений Нижнего Поднепровья [Махно, 1961, рис.21, 10; Оленковський, 2005, рис.18], белогрудовских

правобережной Лесостепи [Куштан, 2008/№ 864, рис.32, 4], поселений Горного Крыма, который рассматривается В.А. Колотухиным в качестве периферийной области единого сабашиновского и белозерского этнокультурного массива [Колотухин, 1996, с.39, 87, рис.17, 15; 20, 12].

Горшки I-Г3, I-Г4 с валиками, расчлененными крестами и «сеточкой», известны в жилищах № 1, 3, 5 и культурном слое Богуслава-1, верхнем стратиграфическом горизонте Таранцево, Чикаловке, Васищево, Суботовском городище, Биланах-1, жилище № 1 Любовки-1, финальном срубном горизонте Ильичевки, Чапаевке-8 [Куштан, 2008/№ 864, рис.30, 2], Белозерском лимане-1, 2, Шолохово, верхнем горизонте Ушкалки, Безыменном-2 (рис.72, 1–4, 6, 8, 10, 12–15, 18, 19; 80, 2, 10; 94, 14, 16, 17; 95, 1–5, 7, 9, 10, 12).

В меньшей степени в керамическом комплексе ББК нашло применение расчленение валиков «елочкой». В частности, горшки с такой орнаментацией представлены в материалах Клешни-1 и V горизонта Безыменного-2 (рис.75, 10; 95, 11).

Орнаментация валиков крестами, «сеточкой», «елочкой» может рассматриваться в качестве одного из наиболее выразительных показателей культур восточной зоны общности КВК. Такие валики присутствуют на горшках поселений саргаринско-алексеевской культуры [Кривцова-Гракова, 1948, рис.56, 10, 13; 59, 14, 16, 18; Евдокимов В.В., 1982, с.3–20, рис.8, 2, 6; Евдокимов В.В., Ломан, 1982, рис.6, 8; 7, 11; Черных Е.Н., 1983, рис.6, 6, 8, 11–14; 7, 3, 6, 7; Мартынюк, Зданович С.Я., 1985, рис.4, 6; Варфоломеев, 1988, рис.2, 3; Зданович Г.Б., 1988, рис.10, 1, 4, 6, 8, 10, 11; 11, 4; 20, 7, 9; 21, 3, 4; 23, 6; Евдокимов В.В., Варфоломеев, 2002, рис.22, 7; 24, 10], синкретических алексеевско-замараевских комплексов поселений лесостепного Притоболья [Потемкина, 1985, с.51, 53, рис.11, 1]. Представительные серии и отдельные экземпляры горшков с такой орнаментацией представлены в памятниках ивановской культуры [Кривцова-Гракова, 1955, рис.8, 15; 9, 1, 2, 7, 8; Агапов, Васильев, 1976, рис.14, 6, 18; Агапов, Васильев, Кузьмина, 1983, рис.17, 1, 2, 13; Колев, 1991, с.194, рис.10, 3; 2002, рис.25; 26; Изотова, Малов, 1992, рис.2, 6, 8; 3, 1; 4, 3, 5, 7; 5, 5, 9; ; Дьяченко, 1993, с.25, рис.3, 11, 15, 19; Изотова, 1994, с.68; Юдин, 2001,

с.26–27, рис.5, 1–7; 7, 1–3; 8, 8; 25, 5], в постсрубных поселениях Нижнего Подонья [Кривцова-Гракова, 1955, рис.21, 12; 22, 8; Бойков, 1988, с.95, рис.3, 10].

Не менее важными орнаментальными элементами, позволяющими синхронизировать комплексы ББ1 с культурами XII–XI вв. до н. э. восточной зоны общности КВК, являются кресты, «сеточка», горизонтальная «елочка», расположенные на месте валиков и имитирующих их. Такая орнаментация обычна для посуды ивановской [Изотова, Малов, 1992, рис.3, 2; Дьяченко, 1993, рис.3, 4; Колев, 2000, рис.25, 7–9, 12, 15; 27, 8; 28, 6; Юдин, 2001, рис.7, 4; 9, 4; 25, 6] и саргаринско-алексеевской [Кривцова-Гракова, 1955, рис.56, 12; Черных Е.Н., 1983, рис.6, 3; Мартынюк, Зданович С.Я., 1985, рис.4, 4, 6; Зданович Г.Б., 1988, рис.11, 1–3, 5, 8; 20, 2, 3, 8, 9; 21, 3; 23, 2, 9, 10, 13, 14;] культур.

Горшки типов I-Г3, I-Г4 I-Г5, III-Г1, орнаментированные крестами или «сеточкой», известны на таких памятниках ББК, как жилище № 5 Богуслава-1, Васищево, верхний стратиграфический горизонт Таранцево, финальный срубный горизонт Ильичевки, Горбанщина, Новодоновка, Шоссейное, Клешня-3, Червонохиженцы-2, Чапаевка-8 [Куштан, 2008, рис.30, 10], Капуловка, Верхняя Тарасовка, Мерефа-4 [Пеляшенко, Буйнов, 2008, с.227, рис.2, 6] (рис.65, 5, 16, 22; 66, 1, 4, 8; 67, 4; 70, 7, 8; 72, 19; 73, 21; 76, 8; 77, 5; 78, 5; 81, 12; 92, 3, 6). Подобная орнаментация украшает и некоторые образцы посуды архаического раздела из комплексов этапа ББ1 – Снежковки-7 (рис.59, 24), Лихачевки (рис.58, 28).

Горизонтальная «елочка», составленная из двух-трех рядов косых насечек, украшает отдельные экземпляры горшков I-Г3, I-Г4 из верхних стратиграфических горизонтов Таранцево и Горбанщины, Суботовского городища, Клешни-3, Шоссейного, Капуловки, Михайловки (рис.65, 28, 29, 30; 66, 2; 67, 5, 7; 77, 7, 13, 20; 92, 4, 10). Такая же орнаментация присутствует на банках и банковидных сосудах из жилища № 3 и верхнего стратиграфического горизонта святилища № 1 Богуслава-1, Клешни-1, жилища № 13 и финального срубного горизонта Ильичевки, Червонохиженцев-2, Шоссейного, горизонта V Безыменного-2 (рис.58, 12, 17, 30; 60, 3, 6; 62, 4; 75, 11; 78, 18; 91, 1).

Правомерность синхронизации памятников этапа ББ1 с восточными культурами общности КВК подтверждается также при сопоставлении других орнаментальных элементов керамического комплекса. Например, один из горшков горизонта V Безыменного-2 украшен рядом прочерченных, косо заштрихованных ромбов (рис.92, 11). Аналогичная орнаментация, продолжающая традиции андроновской культуры [Зданович Г.Б., 1988, рис.27, 7; 33, 1, 3, 13; 34, 9; 43, 10; 44, 7, 10 и др.], известна на саргаринско-алексеевской и ивановской посуде [Зданович Г.Б., 1988, рис.20, 8; Изотова, Малов, 1992, рис.5, 10].

К андроновским традициям восходят также орнаментальные композиции, основу которых составляют направленные вершинами вниз косоугольные, иногда равнобедренные заштрихованные треугольники. Чаще всего они дополнены «бахромой» из вдавлений и наколов, обрамляющих треугольники с внешней стороны. Наиболее массово керамика с такой орнаментацией представлена в жилищах № 4, 5, 8 поселения Шоссейное (рис.76, 12; 77, 8; 78, 11, 19) и на поселении Таранцево (рис.65, 19, 20). Известна она и на поселении Глубокое Озеро-2 [Гершкович, 1998, рис.12, 2]. Посуда с подобной орнаментацией обычно рассматривается как один из источников для согласования хронологической шкалы волго-уральских древностей позднего бронзового века и хронологических схем Северного Причерноморья [Гершкович, 1998, с.76; Колев, Седова, 2004, с.211–122]. Согласно приведенной Ю.И. Колевым и М.С. Седовой сводке, аналогичные известным в Шоссейном и Таранцево орнаменты присутствуют на посуде сусканских (Нижняя Орлянка-2, Сусканское-1, Русская Сельтьба-2, Луговское-1), атабаевско-межовских (Русская Селитьба-2, Нижняя Орлянка-2), ивановских (Ерзовка-1, Ново-Покровка-2, Алексеевское городище) памятников лесостепного и степного Поволжья [Колев, Седова, 2004, рис.4, 3–5, 7, 8, 10, 12, 13, 15; 5, 1–3, 5, 6, 13–14]. Особое место в построениях упомянутых исследователей принадлежит погребальному комплексу из поселения Шигоны-3, в котором совместно с горшком, украшенным заштрихованными косоугольными треугольниками найден наконечник копья типа 2 (тип П-16 по Е.Н. Черных). На основании сопоставления наконечника с красномаяцкими и дремайловскими образцами памятник синхронизирован с сабатиновскими древностями, датирован

XIV или XIV–XIII вв. до н. э., что, по представлениям авторов, соответствует концу сусканской или началу атабаевской культур [Колев, Седова, 2004, с.215–217]. В связи с этим следует отметить утвердившуюся в современной литературе тенденцию датирования наконечников копий с листовидным пером, зауженные крылья которых переходят на бока втулки, в более узких хронологических рамках XIII вв. до н. э. [Клочко, 2006, с.178–179], что позволяет сопоставить в хронологическом плане погребальный комплекс из поселения Шигоны-3 с позднесабатиновскими древностями и этапом прото-ББ. В отношении керамики с орнаментами из косоугольных треугольников с «бахромой», представленной в памятниках этапа ББ1 лесостепного варианта ББК, отметим ее наибольшую близость ивановским образцам. Правомерность их синхронизации подтверждается поликультурным обликом комплексов Шоссейного и Таранцево, хорошо датированных XII–X вв. до н. э. ножами с параллельными лезвиями (рис.90, 3, 4). В них, помимо горшков с рассматриваемой орнаментацией, представлена посуда с белозерскими и ивановскими чертами [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, рис.6; 7, 3; Берестнев, 1994, рис.5; 6, 8, 23]. Оставляя в стороне вопрос о правомерности предлагаемой поволжскими коллегами датировки ивановской культуры рубежом XV/XIV–XII вв. до н. э. [Колев, 2008, с.222–226], отметим, что в периодизациях украинских археологов белозерская культура обоснованно рассматривается в хронологических рамках XII–X вв. до н. э. Сказанное не исключает, что определенная часть материалов Шоссейного и Таранцево синхронна древностям прото-ББ. Во всяком случае, в отношении материалов Шоссейного попытка такой хронологической дифференциации А.С. Смирновым и А.Н. Сорокиным предпринималась [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.147–148].

На поселениях этапа ББ1 значительно шире по сравнению с этапом прото-ББ представлены серии посуды группы 6, приемы орнаментации которой позволяют синхронизировать их с керамикой лесостепных культур заключительного этапа позднего бронзового века.

Посуда с системными расчесами поверхности зубчатым штампом известна в памятниках лесостепного и степного вариантов. Подобным образом декорированы некоторые экземпляры горшков I-Г4 и реже I-Г7, происходящие из комплексов жи-

лиц № 1, 3, 7, верхнего стратиграфического горизонта святилища № 1 Богуслава-1, Таранцево, Горбанщины, Новодоновки, Суботова, Червонохиженцев-2, финального срубного горизонта Ильичевки, Усова озера [Березанская, 1990, с.79–81, табл.VI], Черникова озера-2, Белозерского лимана-1, Шолохово и др. (рис.65, 4, 9, 13, 17, 24, 25; 66, 3, 9; 71, 2, 4; 72, 6, 13; 73, 1, 35; 74, 2; 91, 17, 21–23; 92, 13).

Как уже отмечалось, системная штрихованность посуды характерна для ряда лесостепных культур позднего бронзового века Восточной Европы, в том числе является признаком керамики малобудковского периода бондарихинской культуры [Буйнов, 1981; 2005, с.110], что позволяет синхронизировать комплексы ББК этапа ББ1 с малобудковскими, которые датируются Ю.В. Буйновым рубежом XIII/XII–серединой XI вв. до н. э. [Буйнов, 1994, с.12]. Обращает на себя внимание распространённость керамики с вертикальными расчесами в синхронизируемых с ББ1 западных культурах финального бронзового века, входящих в группу раннего орнаментированного гальштата [Романчук, 2001–2002, с.41–42].

Выразительна серия горшков типов I-Г3, I-Г4, I-Г5, I-Г6, орнаментированных позитивными и негативными «жемчужинами». Большая часть такой керамики известна на памятниках лесостепного варианта – жилища № 1, 3, 5–7, верхний стратиграфический горизонт святилища № 1 и культурный слой Богуслава-1, Богуслав-2, Лихачевка, Студенок-6, Червонохиженцы-2, Васищево, верхний стратиграфический горизонт Таранцево и Горбанщины, Новодоновка-1, Биланы-1, жилище № 1 Любовки-1, Шоссейное, финальный срубный горизонт Ильичевки (рис.73, 1, 2, 4–29, 31–35; 76, 6, 13; 77, 18, 20, 21, 23–25; 79, 6, 7, 9, 11; 80, 1, 2, 4–9, 11, 13). Единичные экземпляры присутствуют на памятниках северной Степи, например на поселении Верхняя Тарасовка (рис.95, 13, 16).

«Жемчужная» орнаментация характерна для посуды синхронных с этапом ББ1 культур, таких, как малобудковская [Ильинская, 1961, с.29; Буйнов, 1981/№ 600; 2004, с.141, рис.2, 2, 4, 5, 8, 10, 15; 4, 1, 5, 9 – 11; 2005, рис.2, 3, 4; 3, 1, 2, 7, 9; Гершкович, 1998, рис.14, 1, 4, 6 и др.], лебедовская [Березанская, 1976, рис.4], белогрудовская [Лысенко С.Д., Лысенко С.С., 2007, с.261, рис.8, 1]. На более восточных территориях отмечено присутствие «жемчужного» орнамента на керамике иванов-

ской, нурской, саргаринско-алексеевской, межовской, ирменской и некоторых других культур, хронологические рамки бытования которых определяются в пределах XII–VIII вв. до н. э. [Агапов, Васильев, 1976, рис.13, 12; 14, 13; Евдокимов В.В., Ломан, 1982, рис.6, 7; 7, 2; Васильев, Колев, Кузнецов, 1986, рис.20, 3, 9; Кузнецова, Скупова, 1987, с.14; 13, 4; Изотова, Малов, 1992, рис.6]. Не исключено и более раннее распространение этого орнаментального элемента в культурах восточной зоны общности КВК [Колев, 2008, с.222–226].

Синхронизация этапа ББ1 с малобудковско-бондарихинскими древностями подтверждается также тем, что некоторые экземпляры банок и горшков, стандартных для ББК типов (II-Б1, I-БВ1, I-Г3, I-Г4), украшены наколами и вдавлениями, которые по технике нанесения и форме аналогичны представленным на малобудковской и бондарихинской керамике. Показательна, в частности, керамика, украшенная оттисками щепки, представленная в Лихачевке, Васищеве, жилищах № 1, 3, 6 Богуслава-1, Любовке-1, Темино и др. (рис.59, 9; 61, 16, 17; 75, 5; 79, 1, 6, 9, 11, 26, 27). Не менее отчетливо устанавливается синхронность памятников ББ1 со студенокскими. В частности, среди обломков керамики из тризны студенокских погребений Студенка-6 представлены образцы, на которых сочетаются малобудковско-студенокские элементы орнаментации и валики, расчлененные крестами и зигзагом [Буйнов, 2008, рис.5, 10, 15]. Нижний хронологический рубеж студенокской группы памятников Ю.В. Буйнов определяет XII в. до н. э. Вопрос о верхнем рубеже остается открытым [Буйнов, 2004, с.150]. Не определены они и в последней работе автора, посвященной древностям студенокского типа [Буйнов, 2008, с.48–52].

Таким образом, очевидно, что памятники ББ1 сосуществуют с памятниками студенокского типа и малобудковскими. Это не противоречит предлагаемым в нескольких работах Ю.В. Буйнова датам студенокских и малобудковских памятников в пределах XII–первой половины XI вв. до н. э. [Буйнов, 1994а, с.6–14; 1994б, с.7–9; 2004, с.150; 2008, с.48–52] или XII–XI вв. до н. э. [Буйнов, 2009, с.11]. Вероятно, памятники ББ1 частично сосуществуют и с начальной фазой собственно бондарихинской культуры.

Синхронность богуславско-белозерских памятников этапа ББ1 и культур Восточной Европы XII–X вв. до н. э., привлекаемых при аналоговом поиске керамических форм и орнаментов, устанавливается также присутствием в комплексах ББК посуды с синкретическими чертами.

В этом отношении особый интерес представляет серия горшков I-Г4, украшенных композициями, составленными из валиков с «восточными» элементами орнаментации, сочетающимися с «жемчужинами». Небольшие серии и отдельные экземпляры такой посуды содержатся в материалах памятников лесостепного варианта – в жилище № 1 Богуслава-1, Богуславе-2, верхнем стратиграфическом горизонте Таранцево, Лихачевке, Мошнах [Куштан, 2005, с.104, рис.1, 8] (рис.80, 1, 2, 4–9, 11). К этой группе относятся и горшки, в орнаментации которых сочетаются валики с наколами и вдавлениями различной конфигурации, представленные в жилище № 6 Богуслава-1, жилище № 2 и верхнем стратиграфическом горизонте Таранцево, Мошнах [Куштан, 2005, с.104, рис.1, 3, 7, 10], жилище № 4 Шоссейного (рис.76, 3, 10; 80, 3, 10, 12).

В памятниках степного варианта представлены только образцы горшков, на которых валики сочетаются с наколами – Безыменное-2 (рис.95, 18, 19), Капуловка (рис.95, 17). Особо отметим, что валики, расчлененные крестами, сочетающиеся с наколами концом круглой в сечении палочки известны в материалах ивановской, саргаринско-алексеевской и других культур восточной зоны общности КВК [Кривцова-Гракова, 1948, рис.57, 12; Васильев, Колев, Кузнецов, 1986, с.133, рис.17, 8; Дьяченко, 1992, рис.2, 4; Горбов, 1995, с.63, рис.2, 8].

Уточнение абсолютных датировок горизонтов и комплексов ББ1 основывается на происходящих из них артефактах, специфических для культур заключительного этапа бронзового века.

К группе изделий, с узкими хронологическими рамками бытования принадлежат псалии типов 5–8.

В частности, верхний культурно-хронологический горизонт поселения Шолохово достаточно хорошо датируется по находке обломка псалия типа 5 (рис.57, 19). Х.-Г. Хюттелем подобные восточноевропейские псалии выделены в тип Скельки,

отнесенный к горизонту Сабатиновка–Ноуа и датированный XIII–XII вв. до н. э. [Hüttel, 1981, s.112, taf.13, 125, 126]. При датировании шолоховского псаля для нас определяющим является присутствие однотипного экземпляра вместе с малобудковской керамикой на поселении Воинская Гребля, которая может быть датирована в хронологических рамках XII–XI вв. до н. э. [Буйнов, 1981, с.18] или первой половины XI в. до н. э. [Буйнов, 1994, с.6–14; 1994а, с.7–9]. Последнее служит еще одним подтверждением синхронности памятников ББК этапа ББ1 и малобудковских.

Обломок псаля типа 6 из Ушкалки (рис.97, 22) позволил Я.П. Гершковичу датировать верхний слой поселения (горизонт В), в котором присутствуют белозерские и ББК материалы, периодом НаА1, то есть XII в. до н. э. Исследователем изделие сопоставлено с псалями разновидности Циокловина-Хохле горизонтов Уриу-Доманешти и Цинку-Сусени периода Урновых полей погребений [Гершкович, 1998, с.84, рис.9, 3; Hüttel, 1981, s.79–80, taf.7, 64, 65].

В материалах поселений Усово озеро (рис.88, 11) и Зливки [Швецов, 1985/132] присутствуют псалии типа 7 (тип V по К.Ф. Смирнову) [Смирнов К.Ф., 1961, с.65–67]. Аналогичные псалии представлены в памятниках многих культур заключительного этапа позднего бронзового века Евразии – белозерской, белогрудовско-ранне-чернолесской, черкаскульской, маклашеевской, саргаринско-алексеевской, кобанской и др. [Тереножкин, 1961, с.97, рис.62; Пикуль, 1967, с.120, рис.3, 6; Шарафутдинова И.Н., 1968, с.60, рис.3, 3; Лесков, 1971, с.85, 86, рис.4, 4, 7, 9, 14; Халиков, 1980, с.50, табл.55, 15–17; Кузьмина, 1994, с.187–189 и др.].

В пределах XII–XI вв. до н. э. могут быть датированы и псалии типа 8 из Безыменного-2 (рис.97, 21) и Глубокого Озера-2 (рис.88, 12), подобные по системе расположения отверстий и их конфигурации псалям типа 7, но выполненные на отрезках трубчатых костей животных. На это уже обращалось внимание. В.Н. Горбов отмечает, что разновеликие отверстия на безыменском псалии сближают его с дереивскими. Безыменский экземпляр отнесен исследователем к горизонту Va Безыменного-2. Он найден в культурном слое ниже подошвы кладки помещения № 8а, отнесенного к периоду Vб [Горбов, 1995, с.59]. Я.П. Гершкович находки однотипных псаляев в Глубоком Озере-2 и Безыменном-2 рассматривает как

подтверждение синхронности постсрубных горизонтов памятников Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья [Гершкович, 1998, с.78].

Достаточно надежными хронологическими индикаторами можно считать ножи с параллельными лезвиями, относимые Е.Н. Черных к типам Н-14 и Н-18 [Черных Е.Н., 1976, с.116, 117]. Они найдены в жилище № 1 Богуслава-1, в Белозерском лимане-1, верхнем горизонте Таранцево, Усовом озере, жилищах № 2, 4 поселения Шоссейное (рис.90, 2–5; 98, 8, 9). В Северном Причерноморье они представлены в погребениях белозерских грунтовых и подкурганых могильников, исследованных у с. Первомаевка, Верхняя Тарасовка, Васильевка, Казаклия, Дивизия, Буджель, Кочковатое, Компанийцы и др. [Махно, Шарафутдинова И.Н., 1972, с.73, рис.2, 3; Черных Е.Н., 1976, с.116, 117, табл.XXXV, 9, 10; Агульников, 2005, с.79], в поздне-сабаатиновских и белозерских поселениях Змеевка [Бураков, 1961, с.39, рис.4–6], на Кишиневском поселении в Молдове [Мелюкова, 1961, рис.17, 5], на литейной форме из Ново-Александровки [Лесков, 1967, рис.3, 10], в бондарихинском поселении Оскол [Ильинская, 1961, с.37, рис.6, 2], в культурном слое Суботовского городища [Тереножкин, 1961, с.151, рис.102, 1–3]. В хронологическом отношении они близки ножам с параллельными лезвиями других типов, что дает возможность датирования всей группы подобных изделий периодом ВД–НаА1 по Карпато-Дунайским ножам типа Н-20 [Черных Е.Н., 1976, с.117; Гершкович, Клочко, 1987, с.110; Patek, 1968, s.77, 132, taf.XLVI, 3; Petrescu-Dimbowita, 1977, s.99–100, p.164, 18, 20, 24].

Еще одним хроноиндикатором для памятников этапа ББ1 Среднего Поднепровья выступает находка на поселении Мошны обломка серпа с кнопкой на рукояти [Куштан, 2000/20] типа Косидер культурно-хронологического горизонта Гава–Кишинэу–Корлатень (НаА1–НаВ3). Присутствие отдельных экземпляров серпов типа Косидер в некоторых кладах (Томешти, Илишени) горизонта Ноуа–Сабатиновка (ВД–НаА1) позволили В.А. Дергачеву и В.С. Бочкареву определить время их сокрытия периодом НаА1 [Дергачев, Бочкарев, 2002, с.293–294, рис.56].

К группе датирующих артефактов, вероятно, следует отнести железные ножи из Любовки и Таранцево (рис.90, 23–25) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, с.120, рис.2, б; Берестнев, 1994, с.133, 135, рис.8, 24–26]. Общепризнано, что железные изделия

появляются в Северном Причерноморье еще в сабастиновское время, но получают относительно широкое распространение именно с XII в. до н. э. [Бидзиля, Вознесенская, Недопако и др., 1983, с.18]. Ю.В. Буйнов [Буйнов, 2009, с.10] обращает внимание на типологическую близость ножа из жилища Любовки ножу из кургана 31 Гордеевского могильника, датируемого 1200–1100 гг. до н. э. [Ключко, 1998, р.237–348; Metzner-Nebelsick, 2005, s.313] или 1100–1000 гг. до н. э. [Березанська, Клочко, 2011, с.71, рис.58, 1].

Серия датирующих артефактов представлена в комплексах ББ1 Северо-Восточного Приазовья. В.Н. Горбовым они выделены в V культурно-хронологический горизонт, датиромый XII–X вв. до н. э. Более осторожного подхода требует аргументация автора, предложившего разделить материалы горизонта на две ступени.

К ступени Va отнесены предметы, позволяющие, по мнению В.Н. Горбова, синхронизировать ее с раннебелозерскими древностями.

В частности, трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис.97, 17) из помещения № 24 Безыменного-2 [Горбов, 1995, с.59, рис.1, 8] правомерно сопоставлен с экземплярами из переходного и белозерского слоев Кировского поселения [Лесков, 1970, с.36, 46, рис.29, 9, 10].

Не вызывает возражений привязка к горизонту Va уже упомянутого выше псаля типа 7 и бронзовых однолезвийных ножей типов 11 и 12. Один из ножей с отверстием, расположенным на переходе от черенка к клинку (рис.98, 14), найден на Безыменном-1, второй с изогнутым клинком (рис.98, 12) – в помещении № 26 Безыменного-2. Оба ножа датированы НаА1 по аналогам в памятниках культур финальной бронзы Евразии, в том числе карпато-трансильванских кладах [Горбов, 1995, с.59–60, рис.1, 6, 7].

Другие изделия, например костяные пуговицы (рис.97, 19, 20), менее специфичны. Они представлены и в более ранних, срубных, горизонтах поселений Левобережной Украины [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99, с.125, табл.33, 10], что уменьшает их датирующий потенциал. Правомерно и аналоговое сопоставление с некоторыми разновидностями блях из памятников начала раннего железного века [Тереножкин,

1961, с.101, рис.67, 7–10; 1976, с.44, 49, рис.14, 12, 13; 20, 7]. В.Н. Горбов в качестве аналога конической в сечении пуговицы из культурного слоя Безыменного-2 (рис.97, 19) [Горбов, 1995, с.59, рис.1, 2] привлекает изделие из кобяковского поселения Красногвардейское-2 [Шарафутдинова Э.С., 1991, рис.6, 9]. Я.П. Гершкович обращает внимание на однотипность безыменской пуговицы экземпляру из Глубокого озера-2, что, по его мнению, подтверждает синхронизацию этого памятника и Дибровы Б с V горизонтом Безыменного-2 [Гершкович, 1998, с.75, рис.9, 1].

В целом, предложенное В.Н. Горбовым определение хронологического положения ступени Va представляются вполне обоснованными, чего нельзя сказать о материалах ступени Vб. Она датирована на основании образцов керамики, аналога которой усматриваются в культуре Бабадаг I (середина XI–середина X вв. до н. э.), псаля из клыка кабана, костяной пяты стрелы, миниатюрного «рогового молоточка», оселка с опоясывающим желобком для подвешивания [Горбов, 1995, с.60–64; 1996, с.14]. Я.П. Гершковичем уже поднимался вопрос об адекватности предлагаемых датировок археологическим реалиям [Гершкович, 1998, с.75]. Наши наблюдения в целом согласуются с его выводами о хронологическом положении этих артефактов [Ромашко, 2013, с.200–201].

Таким образом, материалы поселений Северо-Восточного Приазовья, невзирая на некоторые стратиграфические наблюдения В.Н. Горбова, не представляют надежных реперов для разделения горизонта V на две ступени. Скорее всего, их следует рассматривать в рамках единого этапа, хронологические рамки которого определяются XII–XI вв. до н. э. Отметим также, что хронологическое положение культуры Бабадаг I, материалы которой привлекаются В.Н. Горбовым в качестве обоснования даты горизонта Vб срубной культуры Северо-Восточного Приазовья, определяются неоднозначно. В частности, Б. Хенсель синхронизирует Бабадаг I и Трою VIIв2 [Смирнова, 1985, с.49].

В рамках XII–XI в. до н. э. датированы нами и памятники лесостепного варианта этапа ББ1. Отметим, что эти же памятники в культурно-хронологических схемах С.И. Берестнева датируются значительно более поздним временем. Их верхняя граница определяется рубежом бронзового и раннего железного веков или даже нача-

лом раннего железного века, что, вероятно, обусловлено стремлением закрыть лауну, отделяющую позднейшие срубные или «пережиточно-срубные» поселения от киммерийских и раннескифских древностей. Так как в нашем понимании финал бронзового века в лесостепной зоне Левобережной Украины представлен иными археологическими памятниками, целесообразен анализ аргументации упомянутых хронологических построений.

Определение С.И. Берестневым абсолютных датировок «пережиточно-срубных» поселений лесостепной зоны в пределах XI–VIII вв. до н. э. главным образом основывается на присутствии в материалах верхнего горизонта Таранцево глиняной формы для отливки крестовидных подвесок и бронзового ножа с параллельными лезвиями [Берестнев, 1994, с.135, рис.7, 22].

По мнению С.И. Берестнева, ножи с параллельными лезвиями «позднейших лесостепных срубных памятников» по формальным признакам сопоставимы с «классическими» белозерскими кинжалами, но меньшая массивность и отсутствие осевого утолщения не позволяют согласиться с типологическим тождеством изделий. Руководствуясь этим, нож из Таранцево отнесен к «постбелозерскому времени», то есть к IX в. до н. э. [Берестнев, 1994, с.121–134]. Как отмечено выше, однотипные таранцевскому ножи датируются временем не позднее XIII–X вв. до н. э.

Литейная форма по аналогам из памятников раннего железного века Кавказа, Центральной и Юго-Восточной Европы отнесена к VIII–VII вв. до н. э. [Уварова, 1900, с.69, табл. XXX, 8; XXXIX, 22; Козенкова, 1975, с.55–56, рис.1, 5, 6; Черняков, 1977, с.30–31, рис.1, 8; Vukovski, 1976, с.90, табл. XII, 22–27 и др.]. Однако хронологические рамки бытования подобных украшений значительно шире, с чем, собственно, согласен и С.И. Берестнев [Берестнев, 1994, с.135]. В частности литейная форма для отливки крестовидных подвесок происходит из раннеалакульского поселения Камышное-1 в Притоболье, надежно датированном по керамике и обломку литейной формы ножа XVI–XV вв. до н. э. Морфологически близкая подвеска, но с дополнительными выступами на концах, отлитая в односторонней форме, найдена в связанном с поселением могильнике [Потемкина, 1982, с.44–52, рис.2, 13, 16; 1985, рис.39, 3, 7]. Таким образом, вполне вероятно, что литейную форму из Таранцево

следует связывать не с поздним, а с ранним горизонтом, хронологические рамки которого С.И. Берестневым определяются серединой–третьей четвертью II тыс. до н. э. или XV в. до н. э. [Берестнев, 1980, с.104; 1994. с.134–135].

3.4. Хронология памятников этапа ББ2

Поселения этапа представлены только в южной лесостепной зоне, Предстепье и Донецкой интразональной лесостепи, что позволяет рассматривать их как дальнейшее развитие ББК лесостепного варианта. К этой группе относятся поселения Бузовка, Залинейное, Осиповка, Гупаловка-1, 5, Котовка-1, 16, Кохановка, Озерное, Старая Игрень, Лоцманская Каменка, Орехово-Донецкое-4, Рай-Стародубовка, Волковка, Леськи-3а, 3б и др.

Достаточно надежными хроноиндикаторами выступает керамика поселений со специфическими морфологическими и орнаментальными признаками.

Прежде всего обращает на себя внимание единичность в комплексах ББ2 посуды архаических типов (табл.3.11; 3.12; 3.14), например банок и банковидных сосудов (рис.99, 1–12). Отсутствие или немногочисленность такой посуды характеризует и позднебелозерские памятники Северо-Западного Причерноморья, хронологические рамки бытования которых определяются второй половиной XI–X вв. до н. э. [Ванчугов, 1990, с.119].

На поселениях Залинейное (рис.99, 3) и Орехово-Донецкое-4 (рис.105, 13) присутствуют образцы горшков и сосудов баночной формы, украшенные сквозными проколами под краем венчика, характерными для позднечернолесской посуды. Однако, по наблюдениям А.И. Тереножкина, сквозные проколы появляются на керамике правобережных лесостепных памятников уже на первой ступени чернолесской культуры [Тереножкин, 1961, с.57], датирование которой по Г.И. Смирновой соответствует X в. до н. э. [Смирнова, 1985, с.33–36]. Подтверждением более раннего, чем позднее Чернолесье, происхождения традиции орнаментации шейки сосудов сквозными проколами является их присутствие на позднеднестровской керамике, в том числе и представленной на поселениях Леськи-3а и 3б (рис.105, 1, 3,

10). Выявленная на этих (рис.105, 1–6, 9, 10) и других поселениях Среднего Поднепровья (Чапаевка-8, Самовица-остров-1) позднедонецкая керамика рассматривается Д.П. Куштаном в качестве переходной от позднедонецкой к раннебелозерской, синхронной раннебелозерской культуре [Куштан, 2007/№ 864, с.162].

Керамика группы 4 (табл.3.11; 3.13; 3.14) с признаками культур финала бронзового века западной зоны общности КВК на памятниках ББ2 наиболее выразительна. На горшках I-Г3 и I-Г4, типологически сопоставимых с керамикой ранних этапов ББК, присутствуют гладкие и расчлененные глубокими круглыми вдавлениями валики. Отметим значительное уменьшение в комплексах ББ2 валиковой керамики по сравнению с этапом ББ1, что, вероятно, следует рассматривать в качестве хронологического признака. Во всяком случае, такая динамика прослежена В.П. Ванчуговым в отношении белозерско-тудоровских памятников [Ванчугов, 1990, с.85].

Гладкие валики украшают горшки из Бузовки, Залинейного, Старой Игрени, Лоцманской Каменки, Лесек-3а и 3б, Орехово-Донецкого-4, Давыдово-Никольского (рис.102, 1–13, 21). Именно гладкие валики доминируют на валиковой керамике раннечернолесской культуры [Тереножкин, 1961, с.57, рис.30, 2–4]. Горшок из Бузовки украшен разомкнутым валиком с заходящими концами (рис.102, 1), что является характерной чертой позднечернолесской валиковой посуды [Тереножкин, 1961, с.63]. Не менее характерны гладкие валики для белозерской керамики [Черняков, 1985, рис.34, 2, 5, 8, 9, 15; Ванчугов, 1990, с.65, рис.17, 1–5; 18, 1, 2, 3, 4, 7; 26, 1; 27, 10; 31, 3; Оленковский, 2007, с.36 и др.].

Валики, расчлененные вдавлениями, нанесенными отпечатками пальца или круглого в сечении стержневидного орудия, присутствуют на горшках Бузовки и Залинейного, Старой Игрени, Лесек-3а, Давыдово-Никольского (рис.101, 1–5, 11–13; 102, 23). На горшках из Осиповки известны преимущественно такие валики (рис.101, 7–9). Обращает на себя внимание то, что на этих памятниках присутствуют также серии горшков как традиционных для ББК, так и новых типов, украшенных в зоне предполагаемого расположения валика рядом глубокими пальцевыми вдавлениями (рис.101, 6; 103, 1, 2, 4, 6–18). Валики, расчлененные вдавлениями, обычны для

раннечернолесской культуры правобережной лесостепной Украины [Тереножкин, 1961, с.57, рис.31]. На посуде второй ступени чернолесской культуры они абсолютно преобладают, вытесняя гладкие [Тереножкин, 1961, с.62–63]. Известны подобные валики в белозерских комплексах, в том числе и поздних, Нижнего Поднепровья [Оленковский, 2007а, с.36, рис.23] и Северо-Западного Причерноморья [Черняков, 1985, рис.34, 1, 6, 10, 12; Ванчугов, 1990, с.65, рис.17, 6; 21, 2, 4; 26, 2; 27, 9, 11].

Корчаги из памятников ББ2 представлены тремя типами – КР1–КР3. Выразительные серии корчаг происходят из жилища № 1 Осиповки, жилища № 1 и культурного слоя Бузовки, Залинейного, Орехово-Донецкого-4, Старой Игрени, Лоцманской Каменки, Ницахи, Лесек-3б (рис. 107, 3, 4, 6, 8, 16, 26; 108, 1–4, 10, 14; 109, 1, 3, 5, 9). Единичными экземплярами корчаги представлены и в комплексах ББ1 (рис. 56, 3–5; 96, 5, 7), однако, несомненно, их массовое появление на территории ББК приходится на финал бронзового века, соответствующий этапу ББ2. Многочисленные аналогии корчагам из памятников ББК, близкие по форме, но разнящиеся по орнаментации, известны в белозерских и раннечернолесских памятниках [Тереножкин, 1961, с.58–59, рис.30, 3; 35, 1–6; Ванчугов, 1990, с.73, рис.18, 16; 19, 15; 20, 10; 22, 22; 24, 20; 25, 8, 20; 30, 9, 17 и др.].

Как и на этапе ББ1 (рис.84, 1–6, 8–10, 19, 27, 28; 96, 1, 10–14, 16, 17), кубки в комплексах ББ2 представлены тремя типами. Однако, в отличие от предшествующего этапа, среди посуды отдела резко возрастает удельный вес кубков с высокой цилиндрической шейкой типа К3. В частности, кубки К1 и К2 присутствуют в Ницахе и Бузовке (рис.107, 2, 10), кубки К3 – в Старом Можарово, Бузовке, Залинейном, Лоцманской Каменке (рис.107, 9, 14, 15, 18, 24, 27). Такая динамика вертикальных пропорций кубков характерна для белогрудовской и раннечернолесской столовой посуды [Тереножкин, 1961, с.58]. Наличие цилиндрошейных кубков также рассматривается в качестве хронологического показателя позднебелозерских могильников и поселений X в. до н. э. [Ванчугов, 1990, с.120]. Отметим, что образцы столовой керамики, имеющей прямые аналогии в белозерской культуре, в памятниках этапа ББ2 очень немногочисленны и, вероятнее всего, являются импортами. Например, кубок из Бузовки (рис.107, 9), украшенный прочерченной композицией,

состоящей из трех горизонтальных линий в основании шейки и спускающихся на корпус вписанных треугольников (ОК-15 [Ромашко, 1998, с.82, рис.3]), аналогичен кубкам из Широчанского могильника, кургана у с. Балабаны. Такая же орнаментация известна на столовой керамике поселения Калфа [Мелюкова, 1979, рис.10, 7, 12; 13, 10, 12; Ванчугов, 1990, рис.24, 3, 8].

Орнаментированная ленточная ручка черпака из Бузовки (рис.107, 13) находит аналоги в ранних слоях Магалы [Смирнова, 1976, рис.5, 1–4]. На поселении Залинейное найдены фрагменты чернолощеного сосуда, обработанного термохимическим способом с кирпично-красной внутренней поверхностью, характерной для гальштатских культур финала бронзового века Карпато-Дунайского бассейна [Березанская, 1982, с.141, 143; Крушельницька, 1985, с.47].

В достаточно узких хронологических рамках возможно датирование миски с лепестковидными краями (рис.126, 7) из погребения № 1 могильника Залинейное, аналогичной мискам гава-голиградской культуры, датируемых XII–IX вв. до н. э. или XI–VIII вв. до н. э. Причем миски с лепестковидными краями преимущественно представлены в ее ранних комплексах [Свешніков, 1964, с.62–64; Смирнова, 1965, с.117–118; 1969, с.32; 1990, с.13–17; Крушельницька, 1985, с.40–54].

Отличительными признаками керамики ББ2 выступают способы обработки поверхности кухонной и столовой посуды. Поверхность кухонной посуды тщательно заглаживается, образцы, декорированные характерными для этапа ББ1 расчесами гребенчатым штампом, в поздних комплексах ББК отсутствуют или единичны (рис.104, 18). Среди столовой керамики этапа ББ2, по сравнению с этапом ББ1, значительно увеличивается количество кубков и корчаг с лощеной поверхностью, что также подтверждает синхронизацию памятников, из которых они происходят, с поздними белозерскими, в которых, по подсчетам В.П. Ванчугова, лощеная посуда составляет около 20–25 % керамических комплексов [Ванчугов, 1990, с.66, 119].

Отделом керамики, подтверждающим правомерность синхронизации этапа ББ2 с культурами заключительного этапа позднего бронзового века лесостепной зоны, являются цедилки. Они появляются еще в керамическом комплексе этапа ББ1. Их единичные обломки известны на поселениях Таранцево, Клешня-1, Белозерский

лиман-2, Безыменное-2, Верхняя Тарасовка (рис.75, 15; 82, 21; 95, 6, 20, 21). Однако, именно на этапе ББ2 цедилки становятся обычной разновидностью керамики, о чем свидетельствует их обнаружение в Бузовке, Залинейном, Лоцманской Каменке, Леськах-3а, 3б (рис.105, 16–22).

Цедилки являются выразительным хронологическим показателем лесостепных культур заключительного этапа позднего бронзового века. Они широко представлены в восточнотшинецких, белогрудовских, бондарихинских памятниках лесостепной Украины [Телегин, 1956, рис.4, 7; Шрамко Б.А., 1957, с.24; Покровська, Петровська, 1961, с.142, рис.9; Березанская, 1972, табл.XXXVI, 1–3; 1990, с.47], предскифских памятниках Молдовы [Мелюкова, 1961, с.18, рис.5, 21, 23, рис.6, 5, 6], в поселениях позднесабатиновского и белозерского времени Горного Крыма [Колотухин, 1996, рис.14; 20, 2; 26, 21, 22; 35, 10; 36, 5; 45, 2]. Единичные экземпляры цедилок известны в позднесабатиновских и белозерских памятниках Северо-Западного Причерноморья и Надпорожья [Бураков, 1961, рис.38, табл.Ш, 3, 4; Петрунь, 1962, рис.2, 5; Лесков, 1970, с.26, рис.18, 1; Черняков, 1985, с.64, рис.26, 18].

В керамических комплексах памятников ББ2 отсутствует посуда с признаками анвлоговой группы 5 – воротничковым оформлением венчика, валиков, расчлененных косыми оттисками зубчатого штампа, «елочкой», крестами и «сеточкой» (табл.3.11; 3.13; 3.14). Единственный экземпляр горшка, венчик которого сформирован в виде воротничка, представлен в материалах поселения Орехово-Донецкое-4 (рис.100, 28). С керамикой более ранних этапов ББК этой группы может быть сопоставлена только относительно небольшая в количественном отношении серия горшков, украшенных валиками, расчлененными косыми насечками или оттисками плоского штампа, представленная в Бузовке, Залинейном, Леськах-3а и 3б, Орехово-Донецком-4 (рис.102, 14, 15, 17–20). Рассматривать ее как показатель культур общности КВК восточной зоны для памятников ББ2 вряд ли правомерно, учитывая наличие горшков с такими валиками в раннечернолесских памятниках X в. до н. э. [Тереножкин, 1961, с.57], а также то, что валики, расчлененные косыми насечками, являются общим орнаментальным элементом, как для культур восточной, так и западной зон общности КВК.

В плане определения хронологического положения памятников этапа ББ2 важно присутствие на них керамики бондарихинской культуры. Наиболее выразительны широкооткрытые горшки с прямыми стенками, слабо обозначенной шейкой, резким перегибом на середине высоты корпуса и пропорционально небольшим дном. В.А. Ильинской они отнесены к первой форме сосудов бондарихинской посуды [Ильинская, 1961, с.27, рис.1, 1, 5, 7, 9, 13]. Небольшие серии горшков этого типа, орнаментированные одним, реже двумя рядами оттисков плоской щепки, представлены в Бузовке и Залинейном (рис.106, 1, 2) [Ромашко, 1995, с.38]. Не менее показательна группа горшков ББК, условно отнесенных к группе 6 (табл.3.11; 3.13; 3.14). Они морфологически подобны горшкам I-Г4 и I-Г7 более раннего этапа ББК, белозерским и раннечернолесским, но украшены характерными для бондарихинской культуры оттисками плоской или раздвоенной щепки, двойными пальцевыми защипами-«бантиками». Такие сосуды с выраженными гибридными чертами представлены в поселении и могильнике Залинейное, поселениях Бузовка, Лоцманская Каменка, Старая Игрень, Орехово-Донецкое-4, Давыдово-Никольское, Леськи-3а и 3б (рис.104, 7, 10–15, 17, 18; 106, 3–9, 12; 127, 9, 10).

Уточнение хронологического положения поселений этапа ББ2 возможно на основании находок в памятниках южного лесостепного Поднепровья и Предстепья специфических изделий из бронзы, рога, кремня и камня.

На разрушенном поселении Леськи-3б найдены обломки двух бронзовых серпов, булавки с кольцевидной и петельчатой головками.

Бронзовые серпы (рис.113, 34, 35) могут быть сопоставлены с центральноевропейскими серпами типов Косидер или Печ культурно-хронологического горизонта Гава–Кишинеу–Корлэтеь (НаА1–НаВ3), известных преимущественно в ареале культуры Гава группы Голиграды и группы Границешти [Дергачев, Бочкарев, 2002, с.285, 294].

Булавки с кольцевидной головкой типа 1, подобные происходящей из Лесек-3б (рис.113, 38), отнесены В.С. Бочкаревым ко второму типу, имеющему узкую хронологическую привязку к памятникам Северного Причерноморья XII–X вв. до н. э., прежде всего, белозерским и белогрудовским [Бочкарев, 2010, с.176].

Булавки типа 3 (рис.113, 37) с загнутой в кольцо петельчатой головкой имеют широкий хронологический диапазон и в качестве надежного хроноиндикатора использованы быть не могут. Однако находка такого украшения на поселении Леськи-3б не противоречит предлагаемому отнесению представленных на нем материалов ББК к этапу ББ2. Одним из подтверждений возможности такого датирования является присутствие однотипной булавки в погребении № 2 кургана 5 могильника «Степной», новые радиоуглеродные даты погребений которого помещаются в рамки $1092 \pm 83 - 895 \pm 64$ гг. до н. э. [Отрошченко, 2003, р.344, tabl.2, fig.10, 6].

Отметим присутствие булавки типа 3 и в материалах поселения этапа ББ2 Самовица-остров-1 [Куштан, Деткін, 2000, с.71, рис. 3, 7]. Поздняя, в рамках ББК, датировка этого памятника подтверждается также находкой многовитковой спиралевидной пронизи типа 2 (рис.113, 26). Такие украшения известны в поселенческих и кладовых комплексах культур заключительного этапа позднего бронзового века Восточной Европы – белозерской, кобанской, Гава-Голиградской [Техов, 1977, с.169, рис.113, 33–47; Ванчугов, 1990, с.97, рис.36, 4, 37,1, 2; Mozsolics, 1985, s.83, taf.216, 17, 18, 218, 74–90].

В комплексах культур, синхронных ББК, например белозерской [Лесков, 1971, с.83, рис.2, 25; Отрощенко, 1986, с.141; Ванчугов, 1990, с.97, рис.37, 3–8], присутствуют украшения, аналогичные цилиндрическим трубочкам-пронизям типа 1 (рис.113, 31, 32) из Лоцманской Каменки. Следует, однако, заметить, что они не специфичны для финальной бронзы, так как известны в Восточной Европе от энеолита до раннего железного века [Даниленко В.М., 1956, табл.11, 41; Березанская, 1972, с.88, рис.18, 2; Тереножкин, 1976, с.73, 82, 85, рис.40, 9–11; 52; 57, 11–14; Патрушев, Халиков, 1982, табл.3, 48; 8, 1а; 12, 1а; 13, 1б; 20, 3д; Ковалева И.Ф., 1984, с.37–38; Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с.44, рис.16, 13; Евдокимов Г.Л., Рассемакин, 1988, с.89; Кашуба, Гольцева, 1991, рис.1, 2; Марина, 1998, с.49 и др.].

Более надежными хронологическими индикаторами являются тальковая литейная форма, роговые псалий и наносник из Старой Игрени.

На литейной форме (рис.113, 1) помещены негативы кинжала и кельта [Мізіт, 1970, с.215–216, рис.2, 1–3; Voškarev, Leskov, 1980, taf.14, 142]. Черенковый кинжал

с параллельными лезвиями и ребром по клинку типа 10 (тип Н-20 по Е.Н. Черных) имеет аналогии в комплексах XII–X вв. до н. э. – на матрицах литейных мастерских Кардашинка I, II, Раденск, Птаховка, Николаев [Воѝкарев, Leskov, 1980, taf.11, 88, 90; 14, 148; 15, 149, 151], в материалах белозерских поселений Деревка, Каланчак, Кишиневское [Отрощенко, 1986, рис.42, 2, 3; Агульников, 2005, табл. II, 8, 7], в погребениях курганных могильников Любимовка, Казакля, Кочковатое, Кальчево [Отрощенко, 1986, рис.42, 4; Агульников, 2005, с.86, 88, табл. II, 7, 7, 8, 6; 9, 6; III, 14, 6, 15, 4]. Некоторые из этих комплексов укладываются в узкие, достаточно поздние хронологические рамки: могильник Казакля – конец XII–XI вв. до н. э., Кальчево – конец XI–начало X вв. до н. э. [Агульников, 2005, с.86, 88]. Сочетание в одном комплексе литейных форм черенковых ножей с параллельными лезвиями и двушковых кельтов типа 5 (типы К-66, К-68, К-70, К-72 по Е.Н. Черных) известно не только в Старой Игрени. Матрицы этих изделий присутствуют также в комплексах Новоалександровки, Кардашинки I, II [Воѝкарев, Leskov, 1980, taf.9, 73, 74; 10, 84, 86; 11, 88, 90], что свидетельствует об их синхронности.

Наносник (рис.111, 2) аналогичен изделию, найденному в грунтовом погребении № 186 Брилевского могильника белозерской культуры [Евдокимов Г.Л., 1999, с.99–103, рис.3, 76]. Заготовка такого же наносника, но отличающегося наличием в центральной части боковых выступов прямоугольной формы, происходит из укрепленного поселения «Дикий Сад», верхняя дата которого определяется концом X–началом IX вв. до н. э. [Горбенко, 2008, с.85, 88, рис.17; Горбенко, Гребенников, Смирнов А.И., 2009]. Возможность определения позднего положения этих изделий в хронологических рамках заключительного этапа позднего бронзового века подтверждается тем, что подобные предметы конской упряжи продолжают использоваться и в раннем железном веке [Папин, Шамшин, 1999, с.141–144, рис.2, 2; Вальчак, 2001, с.30–32, рис.2, 1].

Псалий из Старой Игрени (рис.111, 1), как и псалии этапа ББ1 из Усова озера и Зливок, однотипны (тип 7). Как уже отмечалось, они широко представлены в культурах XII–X вв. до н. э. Восточной Европы.

На поселениях Бузовка и Залинейное найдены бронзовые однотипные втульчатые наконечники стрел с треугольной головкой и опущенными вниз концами лопастей (рис.113, 19, 20). В Северном Причерноморье наконечники рассматриваемого типа немногочисленны и известны преимущественно в степной зоне. Один найден в хозяйственной яме позднесабаатиновского поселения Суворово-6, второй – в белозерском погребении № 3 кургана 3 Васильевского могильника. Оба комплекса датированы авторами раскопок XII–X вв. до н. э. [Черняков, Ванчугов, Кушнир, 1986, с.48, 51, рис.3, 16; Ванчугов, Субботин, 1989, с.54–65, рис.3, 6]. В Лесостепи аналогичный наконечник найден в погребении кургана 35 позднего горизонта Гордеевского могильника, датируемого в хронологических рамках 1200–900 гг. до н. э. Сам наконечник датирован 1100–1000 гг. до н. э. [Клочко, 2006, с.205; Березанська, Клочко, 2011, с.34, 53, рис.69, 2; Berezanskaja, Kločko, 1998, taf.69, 2].

Такие наконечники обычны для памятников финала бронзового века Центральной и Юго-Восточной Европы HaA1–HaB2 (XII–IX вв. до н. э.) [Müller-Karpe, 1959, abb.15]. Например, они присутствуют в материалах поселения на горе Сачхель, датируемого E. Патеком HaA2–HaB1 [Patek, 1968, p.78–80, t.XXXV, 1–3; XVIII, 6], в кладках горизонта Чинку–Сусень [Petrescu-Dimbowita, 1977, s.108–112, pl.165, 3–5; 202, 8–14; 251, 19], в памятниках XII–X вв. до н. э. лужицкой культуры [Kostrzewski, Chmielewski, Tazdzewski, 1965, s.149, fig.6, 9–11], могильниках XI–X вв. до н. э. культуры полей погребальных урн (HaA2–HaB1 по П. Рейнеке) [Ванчугов, 1990, с.92, 112–114]. Аналогами приорельским могут также служить втульчатые наконечники из Минусинской котловины [Аванесова, 1975, с.36], поселений Мало-Красноярка [Черников, 1960, с.36], Кайрак-Кумы [Литвинский, Окладников, Рамов, 1962, с.348, табл.54], которые, по мнению В.И. Клочко, датируются временем не позднее IX в. до н. э. [Клочко, 1979, с.46].

Близкий по форме бронзовый наконечник, но с черешковым насадом, представлен в материалах поселения Волковка (рис.113, 23). Д.П. Куштаном [Куштан, 2007/№ 864, с.159] приводится круг аналогов, укладывающихся в хронологические рамки XII–X вв. до н. э.: курган 34 Гордеевского могильника, саргаринско-алексеевское поселение Кент, поселение Яз-тепе-1 [Массон, 1958, с.56–58, рис.5, 18, 20;

Евдокимов В.В., Варфаломеев, 2002, рис.27, 7; Березанська, Клочко, 2011, с.33, 53, рис.66, 5; Berezanskaja, Kločko, 1998, taf.66, 5]. Авторы публикации Гордеевского могильника сопоставляют наконечник из кургана 34 с наконечниками стрел, известными в комплексах Центральной Европы периода Урновых полей погребений [Березанська, Клочко, 2011, с.53]. Отметим также, что двулопастные черешковые наконечники стрел с треугольной головкой и приостренными концами лопастей (Пс, IV тип по И.Н. Медведской) появляются на территории Ирана в период ЖВІ (1300/1250–1000 гг. до н. э.) и продолжают существовать до конца IX в. до н. э. (период ЖВІІ; 1000–800 гг. до н. э.). Концом II тыс. до н. э. датируются наконечники рассматриваемого типа, найденные в Анатолии (период МБІІ, 1450–1100 гг. до н. э.) и Сирии (период I, 1200–1075 гг. до н. э.) [Медведская, 1980, с.23–37].

Приведенный круг аналогов подтверждает выводы одесских археологов, считающих, что подобные втульчатые и черешковые наконечники присутствуют в культурах Евразии достаточно широкого хронологического диапазона [Черняков, Ванчугов, Кушнир, 1986, с.51]. Но это не исключает правомерности привлечения экземпляров из Бузовки, Залинейного и Волковки для определения хронологических рамок памятников заключительного этапа ББК в пределах X в. до н. э.

На поселении у с. Бузовка найдены бронзовый нож с параллельными лезвиями, две пуговицы, кремневый серп, каменные грузила, имеющие аналогии в достаточно узко датированных памятниках заключительного этапа позднего бронзового века.

Бесчеренковый нож (рис.113, 21) типа 7 с параллельными лезвиями без ребра по клинку (тип Н-14 по Е.Н. Черных) однотипен ножам, найденным в комплексах ББ1 (рис.90, 3, 5; 98, 8, 9). Хронологические рамки их бытования соответствуют XIII–X вв. до н. э., что объясняет присутствие таких ножей как в памятниках ББ1, так и ББ2. Нож из Бузовки находит аналогии не только в белозерских, но и в памятниках группы Кишинев–Корлатэнь, карпато-трансильванских памятниках периода НаА–НаВ [Мелюкова, 1961, с.43; Смирнова, 1985, с.42, 45, 47].

Пуговицы (рис.113, 29, 30) аналогичны представленным в позднесабатиновских, белозерских, раннегальштатских, висоцких комплексах [Добровольский, 1950, с.165, табл.5, 4; Тереножкин, 1964, с.204, рис.1, 15; Смирнова, 1969, с.22, рис.7, 14;

Sulimirski, 1931, fig.24, 7; 25, 40, 41; Шарафутдинова И.Н., 1987, с.83, рис.1, 2, 3]. По присутствию типологически близких пуговиц в кладах Белень [Dragomir, 1967], Улми-Литень [Florescu, 1961, fig.3, 13; 4] их можно датировать периодом ВД–НаА1. Известны они и в более поздних памятниках финального бронзового–начала раннего железного веков [Тереножкин, 1976, рис.2, 7; 12, 6].

Концевой кремневый вкладыш серпа (рис.113, 9) близок клювовидным серпам белозерской [Лесков, 1970, с.33–34, рис.27, 4, 5; 28, 1–8], белогородовской и ранней чернолесской культур [Тереножкин, 1961, с.84, рис.54].

Каменные с перетяжками на концах грузила (рис.111, 16) аналогичны найденным на кобяковских поселениях Нижнего Дона [Шарафутдинова Э.С., 1980, с.57–58, 69–70, табл.ХХХIV; ХХХVI; ХХХVII].

Предлагаемая хронология этапов ББК в целом подтверждается имеющимися на сегодняшний день радиоуглеродными датами памятников позднего бронзового века Восточной Европы. Собственно для ББК известна только колонка из 11 дат комплексов горизонтов Ia, Ib, II поселения Глубокое озеро-2 [Гершкович, 1998, с.86–87, табл.1; 2]. В нашем понимании горизонт Ia может быть синхронизирован со вторым периодом БМСК, горизонт Ib – с прото-ББ, горизонт II – с ББ1. Использование дат ВС (в значении 2σ) позволило Я.П. Гершковичу предложить два варианта сужения хронологических диапазонов горизонтов памятника, из которых, по его мнению, наиболее удачен вариант 2, согласно которому жилище А из слоя Ia датируется не позднее последней четверти XIV в. до н. э., жилище № 7 из слоя Ib – концом XIV–началом XIII вв. до н. э., жилища № 2 и 3 горизонта II – не позднее четвертой четверти XIII в. до н. э., что позволило отнести их заполнение к XII в. до н. э.. При этом исследователем на основе литолого-гранулометрических особенностей почв, к которым приурочены жилища, пришел к выводу о том, что между ними был какой-то временной интервал. На этом основании им предложен вариант 3, предусматривающий некоторое смещение вверх дат горизонтов Ib и II, чем достигается совпадение с археологическими датировками. Согласно этому варианту, как следует из приведенной Я.П. Гершковичем таблицы [Гершкович, 1998, табл.2], жилище А горизонта Ia датировано 1325–1190 гг. до н. э., жилища № 6 и 7 горизонта Ib – соответст-

венно 1275–1160 гг. до н. э. жилища № 2 и 3 горизонта II – 1220–1125 гг. до н. э. Заполнение жилища № 6 датировано 1250–1125, жилищ 2 и 3 – 1200–1100 гг. до н. э.

Для датирования памятников этапа ББ2 известное значение имеют новые радиоуглеродные даты белозерского могильника «Степной» [Отрошенко, 2003, с.336–364]. Как уже отмечалось, в погребении 2/5 памятника присутствует булава типа 3, аналогичная происходящим из поселений Самовица-остров-1 [Куштан, Дяткин, 2000, с.71, рис.3, 7], Леськи-3б (рис.113, 37) [Куштан, 2003а, с.155, рис.4, 4] с поликультурными, в том числе ББК, материалами. Радиоуглеродные даты этого погребения отсутствуют, но даты ВС других погребений не противоречат предложенному ограничению этапа ББ2 X в. до н. э. Во всяком случае, даты C14 трех из пяти погребений достаточно четко ложатся в его хронологические рамки: погребение 1/9 – 1016±89; 3/11 – 962±76; 1/2 – 895±64.

Подводя итоги обзору материалов стратифицированных и нестратифицированных комплексов ББК, отметим, что морфологические и орнаментальные характеристики керамики, специфические изделия из бронзы, кости и иных материалов, служащие хроноиндикаторами для многих культур Евразии, подтверждают правоту предложенной нами периодизации.

Наиболее надежно памятники этапа прото-ББ синхронизируются с сабатиновскими третьим этапом, в материальном комплексе которых сочетаются сабатиновские и белозерские черты [Черняков, 1985, с.145–148; Шарафутдинова И.Н., 1986, с.115–116; Гершкович, 1998, с.72]. Такая ситуация характерна и для комплексов прото-ББ, для которых характерно присутствие керамики, типологически близкой как представленной в материалах второго этапа БМСК, так и в культурах постсрубного времени Восточной Европы, хронологически соответствующих поздней сабатиновской и, отчасти, ранней белозерской культурам. Выделение этапа прото-ББ не может рассматриваться как попытка искусственного «затягивания» позднейшей срубной культуры в белозерское время [Отрошенко, 2001, с.175]. Речь идет о первой фазе существования нового культурного образования заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины, формирующегося на основе БМСК параллельно и синхронно с позднесабатиновской и белозерской культурами. Синхрон-

ность региональных групп памятников прото-ББ (II сабастиновского горизонта срубной культуры Подонцовья, IV горизонта срубных памятников Северо-Восточного Приазовья, памятников «конца развитого этапа позднего бронзового века» лесостепного Поднепровья) с позднесабатиновскими древностями неоднократно отмечалась исследователями [Шаповалов, 1976, с.165, 170; 1983/№ 620; Горбов, 1995, с.58; 1996, с.13–21; Гершкович, 1998, с.72; Куштан, 2007/№ 864]. При выделении позднесабатиновского периода И.Т. Черняковым предложена дата от середины XII до XI вв. до н. э. [Черняков, 1985, с.149]. Несколько позже, на основании присутствия керамики сабастиновского типа в микенских памятниках периода Ш-В–Ш-С1 по А. Фурумарку (1300–1230, 1230–1200 гг. до н. э.) им и Н.А. Чмыховым дата Сабастиновки III определена второй половиной XIII в. до н. э. [Чмыхов, Черняков, 1988, с.118–119]. В.П. Ванчугов [Ванчугов, 1990, с. 118] датирует позднесабатиновский этап XIII в. до н. э., отмечая согласование этой даты с предложенным Е.Н. Черных удревнением нижнего хронологического рубежа позднего бронзового века Балкано-Кавказской зоны европейской металлургической провинции [Черных Е.Н., 1978, с.257–261; 1981, с.25].

По мнению Я.П. Гершковича, третий период сабастиновской культуры в абсолютных датах соответствует второй половине XIII–началу XII вв. до н. э. [Гершкович, 1993/№ 739; Gerskovic, 1999, s.62]. Именно предложенные этим исследователем хронологические рамки представляются нам наиболее приемлемыми в плане синхронизации двух культурных феноменов заключительного этапа позднего бронзового века Северного Причерноморья – позднесабатиновского (третьего периода) и раннего богуславско-белозерского (прото-ББ). Еще раз оговоримся, что появление в Днепро-Северскодонецком междуречье группы поселений, в комплексе которых наряду с бережновско-маевскими материалами, относящимися к горизонту культур первой хронологической фазы общности КВК, присутствуют новационные, характерные для культур второй хронологической фазы [Черных Е.Н., 1983, с.95–96], вовсе не означает исчезновения самой БМСК, просуществовавшей, по мнению В.В. Отрощенко, по крайней мере, до конца XIII в. до н. э. [Отрощенко, 2001, с.162;

2009, с.114–126]. Процесс ее трансформации в новое культурное образование, вероятно, был достаточно продолжительным и охватывал не одно десятилетие.

Прямо или косвенно материалы прото-ББ синхронизируются с такими хронологически близкими позднеسابатиновской культурами, как поздняя Ноуа, Кослодженъ, сосницкая, сусканская, черкаскаскульско-федоровская, частично, с атабаевско-кайбельской группой памятников Поволжья, ранними горизонтами культур восточной зоны общности КВК, в частности с ранним этапом саргаринско-алексеевской культуры, что также указывает на правомерность предложенной датировки раннего этапа ББК. Их положение в общих чертах подтверждает и обращение к центрально-европейской, малоазийской и элладской шкалам периодизации, позволяющее синхронизировать памятники культур позднеسابатиновского времени Украины с кладами горизонта Уриу–Доманешти (BrC–BrD по П. Райнеке), культурой курганных погребений Подунавья и Венгрии, микенским периодом ШШВ, Троей VIIa [Балагури, 1968, с.144; Мелюкова, 1972, с.58; Смирнова, 1972, с.20–21; Черных Е.Н., 1976, с.134–139, 150–158; 1983, с.82; Крушельницка, 1985, с.42; Черняков, 1985, с.146; Шарафутдинова И.Н., 1986, с.115–116; Археология Венгрии, 1986, т.2, с.37–138; Чмыхов, Черняков, 1988, с.114; Ванчугов, 1990, с.110–122, рис.44; Гершкович, 1993/№ 739; Горбов, 1995, с.64; Колев, 2000, с.250–256; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с.60; Куштан, 2007/№ 864]. Отметим, что такой же хронологический этап, как прото-ББ, сочетающий признаки культуры срубного и постсрубного времени и отражающий становление хвалынской (ивановской) культуры, выделяется поволжскими археологами. Он определен как срубно-хвалынский и датирован XIII–XII вв. до н. э. [Малов, 1987, с.159–160; Изотова, Малов, Слонов, 1993, с.129] (Приложение К).

Памятники ББ1 датируются XII–XI вв. до н. э. Показательно хронологическое тождество комплексов ББ1 и ранних памятников белозерской культуры. В большинстве современных хронологических схем белозерская культура датирована XII–X вв. до н. э. [Отрощенко, 1975, с.202–204; 2001, с.178–193; Тереножкин, 1976, с.196; Смирнова, 1985, с.42–44; Ванчугов, 1990, с.110–122, рис.44; Гершкович, 1998, с.84–89]. В историографии вопроса представлены и иные подходы к определению абсолютных датировок культуры [Лесков, 1971, с.82–86; Шарафутдинова И.Н.,

1982, с.154–156; Гершкович, Клочко, 1987, с.111–112], однако, если исключить попытки выделения переходного от сабатиновской к белозерской культуре этапа, соответствующего прото-ББ, во всех предлагаемых схемах белозерские древности разделены на ранние и поздние. Наиболее обоснованной представляется периодизация В.П. Ванчугова [Ванчугов, 1990], датирующего раннюю группу белозерских памятников в хронологических рамках XII–первой половины XI вв. до н. э. Датировка основана на синхронизации раннебелозерских памятников с первым горизонтом культуры полей погребальных урн Венгрии периода BrD–HaA1 (по П. Райнеке), в котором присутствуют предметы, однотипные северопричерноморским [Кеменцеи, 1986, с.53, рис.23, 11]. В последнее время исследователями белозерской культуры предлагаются схемы периодизации, предусматривающие выделение трех ее этапов, соответствующих предлагаемой нами периодизации ББК, но несколько отличной в определении абсолютных дат. Такая схема, в частности, разработана С.М. Агульниковым [Агульников, 2005, с.77–91] на материалах белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья. Первый (раннебелозерский) период датирован концом XIII–первой половиной XII вв. до н. э. (BrD–HaA1 по Мюллеру-Карпе). Время второго (собственно белозерского) периода определено рамками второй половины XII–XI вв. до н. э. (HaA1–HaA2), третьего (позднебелозерского) – концом XI–первой половиной X вв. до н. э. (HaA2–HaB1).

Аналоговая база позволяет синхронизировать этап ББ1 с белогрудовской культурой XII–XI вв. до н. э. и первым этапом бондарихинской культуры, датированной Ю.В. Буйновым концом XIII–первой половиной XI вв. до н. э. [Смирнова, 1985, рис.4; Буйнов, 1994, с.6–14; 1994а, с.7–9]. В круг синхронных культурных образований входят ранние горизонты лебедовской, лужицкой, висоцкой культур лесостепной Украины, кобьяковской культуры Нижнего Подонья, горизонт кладов Чинку–Сусень, культура полей погребальных урн I, Бабадаг I, Гава I, Магала IIв и III Карпато-Балканского региона, группа памятников Кишинеу-Корлетень XII–XI вв. до н. э. в Молдове, Троя VIIa–VIIв1, микенский (SHIIIС) и субмикенский периоды [Тереножкин, 1965, с.63–85; Смирнова, 1985, с.33–51, рис.4; Археология Венгрии, 1986, т.2, с.37–138; Отрощенко, 1986, с.148–150; 2001, с.178–183; Чмыхов,

Черняков, 1988, с.119–124; Ванчугов, 1990, с.110–122, рис.44; Куштан, 2007/№ 864; Morintz, 1980, s.62–62]. В плане датирования памятников этапа ББ1 особое значение приобретает их синхронизация с культурами восточных и северо-восточных районов Восточной Европы и Казахстана. Именно этот этап ББК характеризуется керамическими сериями с выраженными чертами атабаевско-межовской, ивановской, саргаринско-алексеевской (кентский этап) и других культур общности КВК. А.Х. Халиков памятники атабаевского этапа приказанской культуры датирует XII–XI вв. до н. э. [Халиков, 1980, с.53, табл.60]. В понимании Ю.И. Колева, атабаевско-кайбельская группа памятников лесостепного Поволжья и межовская культура Приуралья формируются в XIII–XII вв. до н. э. К этому же времени отнесен основной хронологический пласт ивановской культуры степной зоны [Колев, 2000, с.251–260; 2008, с.225]. Согласно выводам Н.М. Малова и других поволжских археологов этот пласт представляет собой поздний, кайбельско-танавский, этап хвалынской (ивановской) культуры, датируемый XI–X вв. до н. э. [Малов, 1987, с.159–160; Изотова, Малов, Слонов, 1993, с.129]. В рамках XII–X вв. до н. э. датирован кентский этап бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуры [Евдокимов В.В., Варфоломеев, 2002, с.60]. Тожественность признаков ивановской, саргаринско-алексеевской и части ББК керамики не вызывает сомнений, что свидетельствует о синхронности культур. В этом контексте ивановская культура, также, как и ББ1, может быть датирована XII–XI вв. до н. э., учитывая, что в керамических комплексах памятников ББ2 посуда с признаками культур восточной зоны общности КВК (воротничковые венчики, валики, расчлененные крестами, «сеточкой», зигзагом) отсутствует. В целом этот вывод подтверждает концептуальное положение об исчезновении ивановской культуры в конце II тыс. до н. э. и ее смене в степных районах нурскими памятниками финала бронзового века [Колев, 2000, с.256, 259].

Этап ББ2 датируется X в. до н. э. Характерными чертами керамического комплекса памятников этапа является сочетание посуды групп 4 и 6, типологически близкой раннечернолесской, поздней белозерской и бондарихинской, при почти полном отсутствии посуды групп архаического раздела, малобудковского и восточного облика.

Керамика группы 4 по морфологическим и орнаментальным особенностям близка раннечернолесской, хотя и не тождественна ей. Следует согласиться с замечанием В.В. Отрощенко, который, синхронизируя белозерскую культуру с белогрудовской и раннечернолесской, отмечает отсутствие четкого разграничения между последними. Однако не вызывает сомнений, что раннечернолесский горизонт формируется позже белогрудовского и раньше позднечернолесского. Начальные даты белогрудовской и позднечернолесской культур соответственно относятся к XII и IX вв. до н. э., что позволяет принять предложенную Г.И. Смирновой датировку раннего Чернолесья X в. до н. э. [Смирнова, 1985, с.33–35, рис.4].

Не менее обоснованной представляется синхронизация памятников ББ2 с позднебелозерскими, датируемыми В.П. Ванчуговым второй половиной XI–концом X вв. до н. э. [Ванчугов, 1990, с.119]. Сопоставление инвентаря и керамики группы б с посудой бондарихинских поселений позволяет синхронизировать этап ББ2 с первой ступенью второго этапа бондарихинской культуры, которая датирована Ю.В. Буйновым XI–X вв. до н. э. [Буйнов, 1994, с.6–14; 1994а, с.7–9], или, если опираться на трехступенчатую схему периодизации исследователя, с ее средним периодом, отнесенным к X–IX вв. до н. э. [Буйнов, 1981, с.18] (Приложение К).

Этап ББ2 в хронологическом отношении сопоставим с горизонтами культур финальной бронзы Восточной, Юго-Восточной Европы и Малой Азии, включающими поздние этапы лебедовской, лужицкой, висоцкой, кобяковской, кизил-кобинской культур, ранний этап кобанской культуры, Бабадаг II, Трою VIIв2, протогеометрический период, Гава II, Голиграды, культуру полей погребальных урн II [Тереножкин, 1965, с.63–85; Смирнова, 1985, с.33–51, рис.4; Археология Венгрии, 1986, с.37–138; Отрощенко, 1986, с.148–150; 2001, с.178–195; Чмыхов, Черняков, 1988, с.119–124; Ванчугов, 1990, с.110–122, рис.44; Буйнов, 1994, с.6–14; 1994б, с.7–9; Куштан, 2007/№ 864] (Приложение К).

РАЗДЕЛ 4

ХОЗЯЙСТВО БОГУСЛАВСКО-БЕЛОЗЕРСКИХ ПЛЕМЕН

4.1. Ландшафтные и климатические особенности Среднего Поднепровья и Левобережной Украины в позднем бронзовом веке

Территория Украины, занятая памятниками ББК, соответствует двум ландшафтными зонам – левобережной Лесостепи и Степи. Западная граница проходит по Днепру, захватывая участок правобережной Лесостепи и северной части Нижнего Поднепровья. Южная граница проходит по северо-восточному побережью Азовского моря и ландшафтному рубежу, разделяющему северные и южные степи, проводимому по линии – Днепр несколько южнее г. Запорожье и далее на Орехов–Черниговку–Бердянск. Северная и северо-западная границы выходят за пределы нижнего и среднего течения Ворсклы, Псла, Сулы, освоенных еще срубными племенами [Берестнев, 2001, рис.87; 95; Отрощенко, 2002/№ 818]. Восточная граница включает бассейн Северского Донца (рис.1–9).

Вопрос о границе между Лесостепью и Степью на исследуемой территории географами и почвоведомы решается неоднозначно [Чижов, 1961, с.5; Генсерук, Шевченко, Бондарь и др., 1981; Атлас почв Украинской ССР, 1979; Мильков, 1951; 1964; Краткая географическая энциклопедия, 1964, т. 4, с.192; Берг, 1947 и др.]. Размытость ландшафтных границ предполагает выделение более или менее широких «переходных полос» [Мильков, 1986, с.106]. Такими «полосами» являются Предстепье и Донецкая интрозональная лесостепь.

В физико-географическом отношении исследуемая территория включает районы Среднего Поднепровья, левобережной Лесостепи, Предстепья, Донецкой интрозональной лесостепи, северостепного Левобережья и Северо-Восточного Приазовья [Атлас почв Украинской ССР, 1979; Демченко, 1968, Виленкин, Никитин, 1968; Генсерук, Шевченко, Бондарь и др., 1981; Заставний, 1994; Чижов, 1961; Мильков, 1964; 1967; Герасименко, 1997; Бровендер, 2000/№ 810 и др.].

Ландшафтные характеристики Среднего Поднепровья, лесостепного и степного Левобережья в позднем бронзовом веке достаточно сильно отличались от современных. По мнению почвоведов и ботаников в историческом прошлом на исследуемой территории лесов было значительно больше. На Левобережье почвами, свидетельствующими, что некогда на занятых ими участках росли леса, являются оподзоленные черноземы, оподзоленные оглеенные почвы на лессе и глинах, частично реградированные типичные и обычные черноземы. Их картографирование (рис.9) [Генсерук, Цемко, Гайдарова, 1981, рис.2] показывает, что еще в I тыс. н. э. сплошные массивы лесов занимали Днепро-Донское междуречье, их южная граница проходила по р. Самара. В степной зоне леса росли главным образом вдоль рек, по балкам и оврагам.

С середины XII и до конца XV вв. степная и значительная часть лесостепной зоны являлась районом половецких и татарских кочевий. Воздействие номадов на природную среду было незначительным и сводилось главным образом к выжиганию степей во время военных действий и достаточно умеренному выбиванию травостоя при перекочевках и выпасе скота [Кириков, 1979, с.23]. Сведение лесов началось только в XVI в. в результате освоения Левобережья казаками и москвитями. Однако еще в середине XVI в. большая часть лесостепных земель была практически безлюдной [Кириков, 1959, с.16]. Земли в степной зоне и Предстепье не распахивались запорожскими и донскими казаками до конца XVII и даже в XVIII вв. Интересны документы XVI–XVIII вв. [Кириков, 1959; 1979, с.53–54; 1983, с.21–27; Воссоединение Украины с Россией, 1953, т. 1; Книга большому чертежу, 1950 и др.], фиксирующие наличие здесь как целинных степных участков, так и лесных массивов. На карте Г. Боплана [Боплан, 1990] в Приднепровской низменности леса показаны по Пслу и Суле. Большие массивы лесов занимали бассейн Ворсклы, включая Коломак и Мерлу. Облесенным был бассейн верхнего течения Северского Донца. Непроходимыми считались леса у городов Чугуев и Змиев. В их составе преобладал дуб, клейменный для корабельного строительства. В делах Разрядного приказа упоминаются также большие по площади леса в бассейнах рек Гомольша, Мжа, Мерефа, Водолага, Уды. Наиболее значительные лесные массивы располагались по

берегам Орели и Самары. В XVIII в. орельские леса простирались на 149 км в длину и на 17 км в ширину, самарские соответственно на 194 и 21 км. По свидетельству стряпчего Ивана Коломнина присамарские земли представляли собой «дубравы и леса немалые», «сосняк, березняк, редкодуб». Сама же пойма была сильно увлажнена, вдоль реки тянулись «великие камыши» и настолько обширные болота, что характеризовались как «крепости болотные от неприятельского приходу». Современниками отмечалось резкое отличие северных районов Левобережья от южных, при этом прямо указывалась их граница. Например, московские посланники Тяпкин и Зотов, направлявшиеся в Крым, замечали, что дубовые леса и «прочие дровяные уголья» исчезают только южнее Самары. В «Книге большому чертежу» указано, что «лесу с тех мест до Перекопи нет» [Книга большому чертежу, 1950, с.65]. Значительные лесные массивы были известны и в Донецкой интразональной лесостепи. Дубовые леса, пригодные для «корабельного и другого судового наземного строения» в изобилии росли на Северском Донце, опускаясь вплоть до Луганской станицы. Леса и заросли камыша занимали значительную площадь бассейнов Белой и Айдара. Дубовые леса росли в окрестностях г. Бахмут, по берегам р. Кальмиус. Яркую выраженность лесостепных черт Предстепья и Донецкой интразональной лесостепи в древности демонстрирует карта-реконструкция распространения лесов на Украине в I тыс. н. э. (рис.9) [Генсерук, Цемко, Гайдарова, 1981, рис.2].

Приведенная выше информация позволяет уточнить состояние ландшафтов Левобережной Украины до их активной трансформации под влиянием хозяйственной деятельности. Однако для моделирования ландшафтных условий, на фоне которых в позднем бронзовом веке развивались культурно-хозяйственные и этнокультурные процессы, ее использование без данных палеоклиматологии не может быть корректным.

Бронзовый век соответствует суббореальному периоду (SB) голоцена, к концу которого относится время существования ББК (SB3 по схеме Н.А. Хотинского) [Хотинский, 1977; 1989].

Единой точки зрения на климатические условия суббореала в палеоклиматологии Восточной Европы не сложилось [Пидопличко, 1963, с.9–30; Хотинский,

1977; 1989; Борисов, 1975; Кошкарева, 1989; Берг, 1947; Нейштадт, 1957; Шнитников, 1957; 1969; Бучинский, 1963; Артющенко, 1970; Косарев, 1984; Веклич, 1987, с.161–162]. Их критику оставим специалистам, неоднократно отмечавшим, что ни по одному из периодов голоцена не проводилось столько дискуссий, как по суббореалу [Иванов И.В., Васильев, 1995, с.146]. Важно то, что в последнее время в палеоклиматологии Евразии возобладало мнение о суббореале как эпохе частых климатических колебаний. Различается только количество выделяемых исследователями фаз увлажнения, аридизации и их абсолютное датирование [Хотинский, 1977; 1989; Иванов И.В., 1985; 1996; Иванов И.В., Васильев, 1995; Кошкарева, 1989; Борзенкова, 1992; Ахтырцев А.Б., Ахтырцев Б.П., Пряхин, 1996, с.79; Спиридонова, 1991; Кременецкий, 1991 и др.]. В частности М.Ф. Веклич подразделяет суббореал на шесть микроэтапов [Веклич, 1987]. Эта хроноклиматическая шкала использована Н.П. Герасименко при реконструкции среды обитания древнего человека на юго-востоке Украины. Палеоклиматические построения исследовательницы, изложенные в нескольких статьях, в том числе и написанных в соавторстве со специалистами-археологами, представляют для нас наибольший интерес, так как в них использованы данные памятников поздней бронзы бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья – Глубокое озеро-1, 2, Безыменное-1, 2, Новоселовка-1, 2 и др., содержащих и горизонты ББК [Герасименко, Гершкович, 1996, с.70–72; Герасименко, Горбов, 1996, с.47–49]. Анализ палеоклиматических схем упомянутых и других авторов позволяет констатировать, что большинством исследователей в той или иной степени признается наличие в конце позднего бронзового века отрезка засушливого климата различной интенсивности и протяженности. Признаки иссушения фиксируются в горизонтах конца II–начала I тыс. до н. э. многих археологических и экологических памятников исследуемого региона, сопредельных территорий Восточной Европы и Евразии в целом. Однако определение хронологических рамок явления остается, и вероятно еще длительное время будет оставаться дискуссионным. Так, по мнению Н.П. Герасименко, Я.П. Гершковича, В.Н. Горбова, в восточных районах Украины они соответствуют второй половине XI–X вв. до н. э. [Герасименко, Горбов, 1996; Герасименко, Гершкович, 1996; Герасименко, 1997].

Концом XIII–началом XII вв. до н. э. датирует начало ксеротермической депрессии в Северном Причерноморье В.П. Золотун [Золотун, 1974], концом XIII–XII вв. до н. э. Е.А. Спиридонова [Спиридонова, 1991], временем ранее X в. до н. э. А.А. Борисов [Борисов, 1975], ранее XII в. до н. э. – И.В. Иванов [Иванов И.В., 1989]. К.В. Кременецкий для территории Нижнего Дона датирует его XII–XI вв. до н. э. [Кременецкий, 1991].

Дата ксеротермической депрессии позднего бронзового века, предложенная Н.П. Герасименко, Я.П. Гершковичем и В.Н. Горбовым, находит подтверждение и в палеогидрологических данных. Речь, прежде всего, идет об иловых отложениях Сакского озера и уровнях стока Днепра. Геохронологическая шкала Сакского озера (близ г. Евпатория) позволяет проследить ежегодные иловые отложения в течение 4100 лет [Шостакович, 1934, с.95–140]. Их мощность непосредственно зависит от количества атмосферных осадков и уровня стока Днепра. Опираясь на геохронологическую шкалу и инструментальные данные за XIX–XX вв. Г.И. Швец реконструировал общую картину динамики стока Днепра и составил таблицу ежегодного уровня стока у пос. Лоцманская Каменка (ныне в черте г. Днепропетровск) за 4124 года. За весь указанный период самым маловодным был 1002 г. до н. э., «входивший в исключительно маловодное пятилетие (1004–1000 гг. до н. э.)». Мощность отложений в Сакском озере в эти годы имела такие значения: 1004 г. – 0,2 мм; 1003 г. – 0,4 мм; 1002 г. – 0,2 мм; 1000 г. – 0,8 мм. Показательно, что за многовековой период минимальные величины отложений, равные 0,2 мм, отмечены только в 1871, 1410, 1004, 1002, 996 гг. до н. э., 1492 г. н. э. Для этих лет характерен наименьший уровень стока Днепра – 640 м³/с. Для сравнения приведем максимальное значение стока – 3040 м³/с, что соответствует 5,0 мм иловых отложений в Сакском озере [Швец, 1978, с.5–28, табл.5, прил.1]. Построенный Ю.Л. Раунером [Раунер, 1981, с.6, рис.1] на основании таблиц Г.И. Швца график динамики стока Днепра за исторический период, по его мнению, достаточно согласуется с суббореальной и субатлантической эпохами и объективно отражает общие изменения климата в Северном Причерноморье в позднем голоцене. Таким образом, почти десятилетие, на рубеже

XI–X вв. до н. э. (1004–996 гг. до н. э.), климат Украины характеризовался необычной даже для условий позднего бронзового века засушливостью.

Исходя из вышесказанного, правомерным может быть принятие палеоклиматической модели, согласно которой ксеротермические явления в южной части Восточной Европы достигают пика в XI–X вв. до н. э., что нашло проявление в трансформации хозяйства белозерских и ББК племен [Ромашко, 1986, с.120–136; Gershkovich, 2003].

Не менее дискуссионным является вопрос о влиянии климатических колебаний суббореала на изменения физико-географической границы между Лесостепью и Степью. Вероятно, правы исследователи, считающие, что смещение ландшафтных зон было незначительным или они были относительно стабильными при соответствующей климатическим изменениям динамике видового состава растительности [Нейштадт, 1957; Мильков, 1964; Артюшенко, 1970, с.159; Золотун, 1974; Хотинский, 1977; Серебряная, 1982 и др.]. Последнее с полным основанием дает возможность предположить, что в древности лесостепной характер южной Лесостепи, Предстепья и Донецкой интрозональной лесостепи проявлялся более отчетливо по сравнению с современным.

Этот вывод подтверждается и на материалах археологических памятников второй половины II тыс. до н. э. рассматриваемой в работе территории. Интерес представляют прежде всего данные о динамике видового состава растительности ландшафтных зон Левобережной Украины и Среднего Поднепровья в SB3, полученные при раскопках бытовых памятников, содержащих горизонты срубной культуры и ББК.

Так, для Донецкой интрозональной лесостепи археологические, палеопедологические и палинологические данные подтверждают тезис о значительной облесенности в срубное время. Споро-пыльцевые анализы, полученные на поселении Усово озеро, показывают, что удельный вес древесной растительности (преимущественно широколиственных пород: вяза, ольхи, ивы, дуба, березы) составляет от 2 до 12 %; трав, среди которых доминируют луговые, в том числе пасквальные виды, – от 77 до 83 %; спор – от 11 до 14 % [Березанская, 1990, с.37–40]. Палеопедологические и

споро-пыльцевые анализы нижнего горизонта Глубокого Озера-2, в целом синхронного срубному горизонту Усова озера, также показывают присутствие здесь древесной растительности с высоким участием широколиственных пород при господстве разнотравных степей [Герасименко, Гершкович, 1996, с.70–72]. Материалы верхнего постсрубного горизонта Глубокого Озера-2 показывают снижение в регионе роли лесов и повышение роли степей по составу близких современным, что по мнению Н.П. Герасименко и Я.П. Гершковича, подтверждает аридизацию климата этого времени [Герасименко, Гершкович, 1996, с.70–72].

Такая же направленность изменений растительности характеризует степные районы Северо-Восточного Приазовья, биоцинозы которых более уязвимы по сравнению с Подонцовьем. По наблюдениям Н.П. Герасименко и В.Н. Горбова, последствия иссушения климата оказали весьма ощутимое влияние на характер растительности. Если в XV–XIII вв. до н. э. здесь господствовали степные ландшафты более мезотического ряда, с большей облесенностью, по сравнению с современной, то с XIII в. до н. э. древесная растительность постепенно исчезает, в X–VIII вв. до н. э. получают распространение близкие современным степи и кустарники [Герасименко, Горбов, 1996, с.47–49].

Для южных районов лесостепной зоны климатические изменения финала позднего бронзового века не были столь значимыми. Во всяком случае, Н.П. Герасименко и Я.П. Гершковичем на палинологических и палеопочвенных материалах Суботовского городища отмечено, что в Среднем Поднепровье и днепровском Правобережье процесс аридизации не имел столь ярко выраженного характера, как в Подонцовье и Северо-Восточном Приазовье [Герасименко, Гершкович, 1996, с.72].

Таким образом, следует признать, что на заключительном этапе позднего бронзового века значительных подвижек границ физико-географических зон не произошло. Но следствием ксеротермической депрессии стали существенные изменения видового состава растительности в степной зоне при относительной стабильности лесостепной, что привело к формированию более разнящихся по сравнению со срубным временем биоцинозов двух физико-географических зон.

Наличие в Левобережной Украине двух физико-географических зон с существенно отличающимися ландшафтными и климатическими условиями, предопределило различия в направленности хозяйственной деятельности проживавшего здесь в позднем бронзовом веке населения и, как следствие, во многом обусловило фиксируемые на археологическом материале культурные отличия оставленных им памятников.

4.2. Отрасли хозяйства, связанные с обеспечением продовольственной базы

4.2.1. Земледелие.

До недавнего времени в историографии существовало мнение о том, что земледелие играло важную роль в хозяйственной деятельности срубных племен Левобережной Украины [Березанская, Чередниченко, 1985, с.471; Чередниченко, 1986, с.44–83; Березанская, 1982, с.118–126; 1990, с.37–43; Пашкевич, 2000, с.416]. Однако сейчас есть основания утверждать, что роль пашенного земледелия у них сводилась к минимуму. В частности, это подтверждает незначительный удельный вес бронзовых серпов из Левобережной Украины по сравнению с другими территориями Северного Причерноморья и Восточной Европы [Черных Е.Н., 1976, с.88–97, рис.40–44; Дергачев, Бочкарев, 2002]. В комплексах БМСК исключительно редко присутствуют и кремневые серпы [Кравец, 1990, с.72–73; Березанская, 1990, с.41]. Сказанное не менее правомерно и в отношении хозяйства племен ББК. В горизонтах прото-ББ и ББ1 лесостепного варианта единичные экземпляры кремневых серпов представлены в Мошнах [Куштан, 2007/№ 864], Червонохиженцах-2, Ильичевке и Богуславе-1 (рис.89, 18, 23, 25) Однако мы располагаем свидетельствами того, что на этапе ББ1 кремневые серпы могли не только использоваться, но и изготавливаться срубно-белозерскими племенами. В частности, заготовки и готовые серпы найдены в постсрубном горизонте Дибровы [Колесник, Гершкович, 2001, с.107, рис.8, 2, 3, 6–8]. Прямому отождествлению этой серии орудий с хозяйственной деятельностью срубно-белозерского населения поселения препятствует наличие на памятнике

керамики малобудковской культуры, свидетельствующей в пользу совместного проживания здесь носителей ББК и малобудковской культуры, в материальном комплексе которой кремневые серпы занимают значимое место [Ильинская, 1961, с. 35–37; Буйнов, 1980, с.93–100; 1981/№ 600; Березанская, 1982, с.72]. Еще в меньшей степени кремневые серпы получают распространение в памятниках прото-ББ и ББ1 степного варианта. Небольшой вкладыш серпа найден в Николаевке [Привалова, Привалов, 1987, с.104], обломок – в Белозерском лимане-2 [Гаврилюк, 2003, с.79]. Обломок бронзового серпа найден в Мошнах [Куштан, 2000/20]. Принадлежность прото-ББ и ББ1 обломков бронзовых серпов из Ильичевки (рис.50, 13) и Старой Ласпы (рис.57, 22) [Привалова, 2000, с.107, рис.1, 9] проблематична.

Несколько более выразительной группой представлены орудия рассматриваемых отделов в материалах памятников этапа ББ2. Показательны обломки бронзовых серпов типа Косидер или Печ [Дергачев, Бочкарев, 2002, с.285] на поселении Леськи-3б (рис. 113, 34, 35). Кремневые серпы присутствуют в материалах Бузовки, Самовицы-острова-1, Волковки, Рай-Стародубовки (рис.113, 2–6, 9–11). К немногочисленным орудиям, которые могли использоваться племенами ББК в различных циклах сельскохозяйственных работ и обработки продуктов земледелия, возможно отнесение лопат (рис.46, 18; 86, 11–13), мотыг (рис.45, 19, 21, 24, 26, 27; 86, 1, 3) и зернотерок (рис.49, 9; 89, 8; 98, 1) [Привалова, 1983, с.309–310; 2000, с.107; Привалова, Привалов, 1987, с.102–103; Кривцова-Гракова, 1949, с.85; Шарафутдінова І.М., 1964, с.161].

Следует отметить, что рассмотренный орудийный набор не является абсолютным доказательством того, что племена ББК этапов прото-ББ и ББ1 имели развитую систему земледелия. В литературе неоднократно акцентировалось внимание на том, что все разновидности так называемых «земледельческих» орудий культур бронзового века Евразии неотличимы от орудий собирательства [Косарев, 1984, с.56; Черных Е.Н., Агапов, Кравцова и др., 1991, с.161].

В контексте вопроса особое значение приобретают палеоботанические исследования, проведенные в 1990 г. в Богуславском археологическом регионе Волго-Уральской комплексной экспедицией ИА АН СССР под руководством Е.Н. Черных.

На поселениях Богуслав-1 и Павлоград методом флотации отобрано шесть образцов [Лебедева, 2013, с.300]. Только один из них, взятый в нижней части заполнения жилища № 1 Богуслава-1, датируемого этапом ББ1, содержал два зерна проса обыкновенного (*Panicum miliaceum* L.) и один неопределимый фрагмент разрушенной зерновки злака. Полученные данные позволяют констатировать ограниченное использование жителями ББК поселков микрорайона продуктов земледелия в пищевом рационе.

Этот вывод подтверждается и на материалах памятников ББК Северо-Восточного Приазовья и Северского Донца. В Северо-Восточном Приазовье Волго-Уральской экспедицией также выявлены единичные зерна злаковых: на Безыменном-2 – пшеницы, ячменя, проса, на Камышеватой-8 – проса [Горбов, Подобед, 1996, с.97]. Крайне низкими оказались и результаты археоботанических исследований, проведенных в 2004 г. сотрудниками ИА НАНУ, ИА РАН и Донецкого краеведческого музея на поселениях Глубокое Озеро-2, Диброва, Ильичевка, Усово озеро. Из 24 промывок результаты дали две. В Глубоком озере-2 найдена зерновка проса обыкновенного (*Panicum miliaceum* L.), в Ильичевке – неопределимый фрагмент зерновки злака. Обе пробы приурочены к верхним горизонтам постсрубного времени [Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005, с.96].

Результаты отбора проб методом флотации на поселениях ББК согласуются с данными, полученными Волго-Уральской экспедицией в 1989–1990 гг. на нескольких десятках поселений срубной КИО обширного географического района – от Зауралья до Левобережной Украины. На большинстве из них палеоботанические остатки domesticированных растений либо отсутствовали, либо были представлены в небольшом количестве [Черных Е.Н., Агапов, Кравцов и др., 1991, с.159–161; Černych, Antipina, Lebedeva, 1998, s.233–252, tabl.1]. Таким образом, рассматриваемый метод палеоботанических исследований позволяет констатировать идентичность основ хозяйственной деятельности срубных племен и племен ББК степной зоны и Предднестрпья этапов прото-ББ и ББ1, выражающуюся в минимальном развитии земледелия.

Этот вывод подтверждается еще одним продуктивным способом получения информации о видовом составе культурных растений – анализом отпечатков зерновок на поверхности керамики и кусках глиняной обмазки.

С целью отбора материалов для определения видового состава культурных растений по отпечаткам автором просмотрены куски глиняной обмазки и 1600 фрагментов сосудов из Павлограда и Богуслава-1. Среди керамики срубного культурно-хронологического горизонта выявлено шесть обломков сосудов с отпечатками половы и пять с нечеткими отпечатками зерновок, вероятно, проса. На керамике культурно-хронологических горизонтов прото-ББ и ББ1 отпечатки зерновок злаковых отсутствовали.

Более информативна керамика с отпечатками зерновок из Дибровы. В 2004 г. Е.Ю. Лебедевой проанализировано 119 обломков керамики из этого памятника, на которых присутствовало 269 оттисков злаков. Культурная принадлежность керамической серии определена Я.П. Гершковичем. На срубной керамике выявлено три отпечатка зерновок проса и два отпечатка колосовых чешуек. На постсрубной керамике выявлено 26 отпечатков зерновок проса (*Panicum miliaceum* L.). На бондарихинской керамике – 215 проса обыкновенного (*Panicum miliaceum* L.), девять – ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare* L.), пять – зерновок и колосков пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccum* Schübl L.), два – мягкой пшеницы (*Triticum aestivum* Schübl L.), семь – злаковых неопределенной видовой принадлежности [Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005, с.96]. Обращает на себя внимание, что и на этом памятнике, датируемом нами этапом ББ1, количество отпечатков зерновок на постсрубной (ББК – *B.P.*) посуде минимально, особенно по сравнению с отпечатками на синхронной студенокской.

На этом фоне интересны результаты работы с керамикой поселений этапа ББ2 Приорелья [Ромашко, 1986, с.128–129, табл.1], итогом которой стал отбор 148 фрагментов керамики, на 102 из которых Г.А. Пашкевич (табл.3.9) определены отпечатки зерновок domesticiрованных и дикорастущих растений. Подавляющее количество отпечатков (81) принадлежат просу обыкновенному (*Panicum miliaceum* L.). На керамике приорельских поселений представлены также отпечатки девяти

зерновок ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare* L.) и одной – ячменя голозерного (*Hordeum vulgare* L.), более богатого белками, но менее урожайного. Отпечатки зерновок злаковых других видов единичны: двух – пшеницы двузернянки (*Triticum dicocum* Schübl L.), одной – пшеницы карликовой (*Triticum compactum* Horst L.), трех – дикорастущих злаков, трех – ржи (*Stale cereale* L.). О знакомстве позднейших племен ББК с огородничеством свидетельствуют выявленные на керамике из Залинейного и Бузовки отпечатки гороха (*Pisum sativum* L.) и семян конопли (*Cunnadis cunnadis* L.).

В контексте рассматриваемого вопроса интерес представляют зафиксированные на поселении этапа ББ2 Орехово-Донецкое-4 приподнятые над поверхностью земли остатки девяти сооружений на столбах, интерпретированные В.Н. Горбовым и А.Н. Усачуком как хозяйственный комплекс, связанный с просушкой колосьев и хранением зерна [Горбов, Усачук, 2001, с.29–30, рис.2, 1].

Следует подчеркнуть, что интерпретация данных агробиологических анализов и видового определения отпечатков зерновок на керамике из памятников заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины требует известной осторожности. В частности, участники комплексного исследования в 2004 г. поселений позднего бронзового века Ильичевско-Ямпольского микрорайона отмечают парадоксальную ситуацию, которую «трудно как-либо комментировать». Ее суть заключается в том, что на таких поселениях как Диброва и Усово озеро при обилии отпечатков зерен злаков на керамике, в культурном слое зерновки отсутствуют или единичны. По мнению исследователей, сами отпечатки зерновок злаков на керамике вовсе не являются исчерпывающим доказательством того, что жители поселений, откуда эта керамика происходит, были земледельцами, так как «отпечатки могут присутствовать на импортной керамике, на принадлежащей другой этнической группе, проживавшей на том же самом поселении или по соседству» [Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005, с.97].

Приведенная выше информация позволяет предположить, что у племен ББК, обитавших в лесостепной и, особенно, в степной зоне Левобережной Украины на этапах прото-ББ и ББ1, земледелие, в лучшем случае, носило вспомогательный

характер. Пашенное возделывание злаковых культур и огородничество в среде ББК получает известное развитие только в пограничных районах степной и лесостепной зон на этапе ББ2, вероятно, в результате деструкции сезонного перегонно-отгонного скотоводства и под влиянием лесостепных племен бондарихинской культуры, которые даже в условиях нарастающей аридизации сохранили основы традиционного земледельческо-скотоводческого хозяйства. То, что земледелие богуславско-белозерских и бондарихинских племен левобережной Лесостепи, Предстепья и Донецкой интрозональной лесостепи развивалось именно в достаточно выраженных ксеротермических условиях, но более мягких по сравнению со степью (см. Раздел 4. 1), находит подтверждение в преобладании на их памятниках зерновок проса и ячменя, выявленных в результате промывок и анализа отпечатков злаков на керамике (табл.3.9). Последнее объясняется его засухоустойкостью и вегетационными особенностями¹.

4.2.2. Скотоводство.

Ведущей отраслью хозяйства племен ББК было скотоводство, успешное развитие которого обеспечивалось богатыми природными ресурсами занимаемой ими территории. Особенно благоприятными природно-климатическими условиями отличались южные лесостепные районы, Предстепье и северная Степь. Они характеризуются наличием значительных степных участков, покрытых гидрофильной и мезофильной травяной растительностью, кустарниками, обилием степных озер-«блюдец», широкими развитыми поймами, наличием пойменных, байрачных и плакорных лесов, способствующих лучшей урожайности лугового и степного травяного покрова [Докучаев, 1953, с.70–80; Мильков, 1964, с.131–133]. Территория южной Степи с ксерофильным и петрофильным разреженным травостоем при зна-

¹ Мы заранее принимаем возможную критику предложенного нами тезиса о повышении роли земледелия в хозяйстве позднейших племен ББК пограничной между Лесостепью и Степью зоны в условиях аридизации климата. Соглашаемся и с тем, что аргументация этого положения требует большей доказательной базы. Однако, имеющиеся в нашем распоряжении данные по памятникам этапа ББ2, констатирующие незначительное увеличение количества связанных с земледельческим циклом орудий труда, присутствие отпечатков зерновок злаков и огородных культур на посуде богуславско-белозерских и синкретических типов из поселений Бузовка и Залинейное, изменения удельного веса животных в составе стада жителей этих поселений (см. § «Скотоводство»), наличие специальных сооружений для сушки и хранения урожая в Орехово-Донецком-4, скорее свидетельствуют в пользу нашего положения, а не против него.

чительной площади плакорных пастбищ качественно уступала более северным районам Левобережной Украины. Однако если в Лесостепи и Предстепье природно-климатические условия в позднем бронзовом веке обеспечивали возможность развития любых форм хозяйства, то в южных степных районах скотоводство должно было быть более эффективным по сравнению с земледелием.

Наиболее полные данные о составе стада племен ББК этапов прото-ББ и ББ1 получены О.П. Журавлевым при анализе остеологических коллекций поселений Николаевка, Ильичевка, Диброва [Журавлев, 2001] и Богуславского археологического микрорайона (табл.3.10). На материалах последнего археозоологом проанализированы кости животных, происходящие как из ББК, так и из срубных (БМСК второго этапа) комплексов.

В БМСК горизонтах Павлограда и Богуслава-1 удельный вес особей домашних животных соответственно составляет: бык домашний – 48 и 49 %, овца домашняя – 7 и 8 %, коза домашняя – 2 и 3 %, овца и коза – 12 и 13 % (в целом по мелкому рогатому скоту – 21 и 27 %), свинья домашняя – по 10 %, лошадь домашняя – 17 и 10 %, собака домашняя 2 и 1 %. На поселении Павлоград найдены кости осла домашнего (2 %), на Богуславе-1 – кота домашнего (1 %).

В верхнем горизонте Богуслава-1 удельный вес особей домашних животных составлял: бык домашний – 59 %, овца домашняя – 6,4 %, коза домашняя – 3,2 %, овца и коза – 3,8 % (в целом по мелкому рогатому скоту – 13,4 %), свинья домашняя – 7,8 %, лошадь домашняя – 14,7 %, осел домашний – 1,3 % и собака – 3,8 %. По наблюдениям О.П. Журавлева, культурно-хронологический горизонт ББК Богуслава-1 характеризуется увеличением в составе стада доли крупного рогатого скота и лошади домашней при уменьшении доли мелкого рогатого скота и свиньи домашней, что связывается с возможно имевшими место климатическими изменениями, сказавшимися на динамике кормовой базы, или усилением внешней военной угрозы. В то же время у исследователя не вызывает сомнений преемственность животноводческой практики жителей срубного и богуславско-белозерского поселков Богуслава-1, проявляющаяся в сохранении пород разводимых ими животных. На основании анализа метрических характеристик остеологических материалов О.П. Жу-

равлев приходит к выводу о высоком уровне практических знаний местных скотоводов, соответствующих общим стандартам животноводства эпохи бронзы, и, возможно, превосходящих их в опыте селекционной работы с породами крупного рогатого скота и лошади.

Сопоставление данных о составе стада поселений ББК этапов прото-ББ и ББ1 лесостепного варианта показывает достаточно выраженное единообразие удельного веса тех или иных видов животных (табл.3.10). Существенное расхождение отмечено только для крупного и мелкого рогатого скота Богуслава-1. Бык домашний в остеологических сериях «позднесрубного слоя» Ильичевки, «срубного и бондарихинско-чернолесского слоев» Дибровы (терминология О.П. Журавлева) соответственно составляет 41,4; 46,2; 53 %, овца и коза – 28,1; 34,6; 21,3 % [Журавлев, 2001]. В остеологической серии Богуслава-1 удельный вес особей быка домашнего максимален и равен 59 %, в то время как мелкого рогатого скота – только 13,4 %. Вероятно, эти отличия обусловлены богатой кормовой базой, характеризующей в позднем бронзовом веке территорию Среднего Присамарья и, в целом, Предстепья.

По мнению О.П. Журавлева, скот в Богуславском археологическом микрорайоне, во всяком случае в зимнее время, содержали на поселениях или рядом с ними, что невозможно без наличия стабильной кормовой базы, которую могло обеспечить только оседлое хозяйство, основанное на развитом земледелии [Журавлев, 2013, с.320]. Этот тезис вызывает возражения, так как не подтверждается палеоботаническими и археологическими материалами поселений позднего бронзового века Среднего Присамарья. Данные палеоботаники, как уже отмечалось, констатируют низкий удельный вес продуктов земледелия как в пищевом рационе жителей срубных и ББК поселений микрорайона, так и в обеспечении кормами разводимых ими животных. Вероятно, местное животноводство обеспечивалось пассивным способом добычи кормов [Отрощенко, 1991, с.127; Гаврилюк, 1999].

Такая модель скотоводческого хозяйства, вероятно, основывалась на динамике эксплуатации пастбищных угодий и была стандартной для всех коллективов ББК Лесостепи, Предстепья и примыкавших к ним районов северной Степи. Физико-географические условия этой территории в доиндустриальное время были само-

достаточны для обеспечения любых форм скотоводства, в том числе и такого, при котором в качестве летних пастбищ могли использоваться разнотравно-типчаково-ковыльные степи на плакорах, в качестве зимних – краткопойменные и долгопойменные участки речных долин, непосредственно приуроченные к поселениям. В степной зоне, в районах имеющих реки с развитыми поймами, формы скотоводства были подобны лесостепным [Дополнительная литература по вопросу: Косарев, 1984; Ромашко, 1986; 1990/№ 697; Бунятян, 1994; Гаврилюк, 1999]. Этнографической иллюстрацией подобного годового цикла содержания скота может служить описанный В.Н. Ключинцевым способ выпаса овец в Бессарабии в XVIII–XIX вв. [Ключинцев, 1997, с.97].

Степная зона Левобережной Украины характеризуется относительной бедностью водных источников, необходимых для водопоев, и наличием неограниченных, но менее продуктивных, по сравнению с Лесостепью, степных участков. Это, а также отсутствие здесь развитых широких речных пойм с богатыми травостоями, предопределило особенности скотоводческого хозяйства южных степных срубных племен. Срубное население Северо-Восточного Приазовья, поселения которого привязаны к обводненным балкам, в качестве пастбищ могло использовать только плакорные (топографическая группа 3) участки – летом дальние, зимой ближние. Сказанное правомерно и в отношении Днепро-Молочанской степной области, население которой также селилось по берегам скудно обводненных балок и использовало в качестве пастбищ расположенные в безводной степи заболоченные низины, прежде всего Томашевскую падь, в районе которой концентрируется группа курганов, большая часть которых возведена в срубное время. В белозерское время строительство курганов в регионе прекращается [Отрощенко, Болтрик, 1982, с.39, 41]. Формы скотоводческого хозяйства южных степных срубных племен, вероятно, не отличались от сабашиновских, находящихся в близких природно-климатических условиях. В степной Правобережной Украине на археологических материалах зависимость топографии поселений от нужд скотоводства проявляется еще более отчетливо. Речь идет о плакорных сабашиновских поселениях Поднепровья и Южного Буга типа Новокиевского [Гершкович, 1997, с.125–144; Гершкович, Журавлев,

1999, с.49–59; Гершкович, Ключко, Евдокимов, 1987, с.142–158] и Балабановского [Клюшинцев, 1997, с.97], расположенных в открытой, в настоящее время безводной степи. Выбор места строительства таких стационарных поселений всецело подчинен нуждам скотоводческого хозяйства. Они приурочены к так называемым подам, в эпоху суббореального оптимума увлажненным, и имеющим озера [Gerškovič, 1999, s.40; Gershkovich, 2003, p.307–317].

Можно предположить, что в годичном цикле подвижного скотоводства степные поды, низины и пади Северного Причерноморья, характеризующиеся сложным сочетанием лугово-степной, луговой и лугово-заливной растительности, также как поймы Лесостепи и Предстепья, служили местом зимнего содержания скота на подножном корму. Показательно, что эти урочища эксплуатировались только в XIV–XIII вв. до н. э. в условиях климатического оптимума. В XII в до н. э., с началом фазы аридизации и иссушением подов и низин, население их покидает. В то же время, поселения степной зоны, расположенные у постоянных водотоков, продолжают существовать и в постсабатиновское и постсрубное время. Примером таких памятников ББК могут служить поселения топографической группы 5 Северо-Восточного Приазовья. Оскудение степных пастбищ не могло не сказаться на интенсивности и дальности перегонов стад.

Для ББК южной степной зоны мы располагаем только остеологическими материалами поселения Николаевка, которые убедительно свидетельствуют о большей, по сравнению с лесостепным, подвижности скотоводства его обитателей. При вполне сопоставимом с поселениями лесостепного варианта удельном весе костей быка домашнего и мелкого рогатого скота, соответственно равному 48,2 и 25,9 %, доля костей свиньи домашней минимальна – 3,7 %, а лошади – максимальна – 18,5 % (табл.3.10).

Орудийный комплекс, функционально связанный с уходом за скотом, на поселениях ББК представлен еще менее выразительно, чем «земледельческий».

Возможно, к орудиям, связанным с уходом за скотом, относятся костяные трубочки с залощенными краями из Богуслава-1, Ильичевки, Полян-1, Усова озера (рис.47, 24–27, 30, 33; 87, 21), Николаевки [Привалова, Привалов, 1987, с.105], Уш-

калки [Гершкович, 1993/№ 739], Стылы [Привалов, Привалова, 1981/82], Червоного Шляха [Буйнов, Дегтярь, 1988/60]. Такие изделия достаточно многочисленны в срубных погребальных и бытовых памятниках на всей территории их распространения [Малов, 1992, с.41; Памятники срубной культуры, 1993, рис.42, 11; 50, 33; 51, 19; Усачук, Бровендер, 1993, с.181; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с.64; Килейников, Екимов, 1996, с.160, рис.1, 20–22 и др.]. Не менее широко они представлены в других культурах позднего бронзового века Восточной Европы [Кривцова-Гракова, 1949, с.125, рис.22; Мелюкова, 1961, с.27, рис.9, 3; Лесков, 1970, с.37, рис.31, 8–13]. Единого мнения по поводу их назначения не сложилось. Изделия рассматривают как украшения-пронизи, игольники, детали конской упряжи [Кривцова-Гракова, 1949, с.125; Килейников, Екимов, 1996, с.160]. Высказано также предположение, подкрепленное этнографическими параллелями, что с целью повышения удоев через такие трубочки вдувался воздух во влагалище или прямую кишку животного. Метод, вероятно, был достаточно эффективным, так как зоологами установлена функциональная зависимость молочной железы и половой системы животных [Галкин, 1975, с.186–192].

Отсутствуют или малочисленны специфические «животноводческие» орудия и в комплексах культур энеолита–раннего железного века Евразии, в том числе и эталонных скотоводческих или номадических. С одной стороны это объясняется использованием в циклах скотоводческого хозяйства универсальных орудий, с другой – тем, что большая часть инструментов и приспособлений, связанных с выпасом, повседневным уходом и врачеванием, изготавливалась из недолговечных материалов.

Несомненным свидетельством развитого животноводства являются орудия, связанные с обработкой его продукции. Именно они составляют большую часть орудийного набора комплексов срубного и постсрубного времени. Набор таких орудий достаточно стандартен [Отрощенко, 1973, с.77–81; Семенов, Коробкова, 1983; Шрамко Б.А., 1984а, с.142–156; Килейников, 1988, с.97–110; 2009, с.96–113; Усачук, 1989, с.125–127; 1993, с.135–147; 1994а, с.63–69; 1996а, с.66–71; Березанская, 1990; Березанская, Цвек, Клочко, и др., 1994, с.77–81; Панковский, 1999, с.196–201; 2000,

с.95–97; 2003, с.134–144 и др.]. Условно их можно разделить на две функциональные группы. Первая включает орудия, связанные с забоем скота, свеживанием, разделкой туш. Вторая – орудия, используемые при подготовке сырья для нужд ремесленного производства, и орудия ремесленного производства: кожевенного, шерстопрядильного, косторезного.

Орудийные наборы первой группы из комплексов и горизонтов ББК отражают большую часть циклов утилизации продуктов животноводства. При забое скота и свеживании туш, удалении с внутренней поверхности кожи остатков мяса и жира использовались бронзовые и кремневые орудия – кинжалы и ножи, скребки (рис.50, 3–5, 9, 10, 11; 89, 13, 14, 20, 21, 24; 90, 1–7, 23–25; 98, 8, 9, 12–14; 113, 7, 12–14, 21, 24, 25).

Согласно мнению большинства исследователей, с обработкой продуктов животноводства связаны так называемые цедилки или дуршлаги, в которых отцеживали и отжимали творог. Отметим, что такие сосуды в материалах прото-ББ отсутствуют, в горизонтах ББ1 представлены единичными экземплярами, найденными на поселениях Клешня-1, Таранцево, Безыменное-2, Белозерский лиман-2 и Верхняя Тарасовка (рис.75, 15; 82, 21; 95, 6, 20, 21). Неизвестны они и в культурах общности КВК восточной зоны. Единичны случаи их обнаружения на сабаатиновских и белозерских памятниках степного Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья – Змеевка и Ильинка (уроч. Вершина) [Бураков, 1961, с.38. табл.Ш, 3, 4; Петрунь, 1962, рис.2, 5]. Очевидно, что по сравнению с носителями культур лесостепной Украины и Горного Крыма, в среде степных племен позднего бронзового века керамика рассматриваемого отдела имела ограниченное распространение. Последнее могло бы найти объяснение в возможном различии направленности скотоводства – мясомолочном в лесостепных и предгорных районах, мясном в степных. Однако О.П. Журавлевым на материалах горизонта ББК Богуслава-1 отмечено уменьшение удельного веса молодых особей домашних животных, употребляемых в пищу, и преобладание коров над быками, что, по его мнению, свидетельствует именно о развитии молочного скотоводства. В связи с этим, немногочисленность находок цедилок в ББК требует иного объяснения. По версии С.С. Березанской, дурш-

лаги являются устойчивым этнографическим показателем племен Правобережной Украины и Карпато-Дунайского бассейна, где они известны с энеолитического времени. Иранцам такая посуда чужда. Предположительно, они могли изготавливать творог иным способом, например, в тканевых мешочках [Березанская, 1990, с.47].

Обращает на себя внимание тот факт, что на позднейших памятниках (ББ2), содержащих материалы ББК и бондарихинской культуры, находки цедилок более обычны. Они представлены в керамических сериях Бузовки, Залинейного, Лоцманской Каменки, Лесек-3а и Лесек-3б (рис.105, 16–22). Сказанное, также как и данные палеоботаники, может рассматриваться в числе свидетельств, подтверждающих серьезные изменения в направленности хозяйственной деятельности племен ББК лесостепного варианта в конце их существования.

Орудия второй группы, связанные с кожевенным и иными ремесленными производствами, сырьевая база которых обеспечивалась скотоводством, рассматриваются ниже в соответствующих параграфах.

Опираясь на разработанную К.П. Бунятян классификацию и типологию скотоводства [Бунятян, 1994, с.73–101], хозяйственную деятельность племен ББК этапов прото-ББ и ББ1 следует рассматривать как скотоводческую первого варианта. То есть такую форму хозяйства, в котором скотоводство является ведущим видом деятельности. Основными чертами этой формы скотоводства являются его экстенсивность, подвижность и сезонный характер перегонов и отгонов. Последним обусловлено и формирование способа жизни племен ББК, который, по классификации К.П. Бунятян, определяется как полукочевой и полuosедлый. Скотоводческая форма хозяйства эпохи бронзы в условиях открытых просторов, технологических и социально-экономических изменений на рубеже I тыс. до н. э. достигает высшей, кочевнической, ступени развития. В значительной степени этому способствовала динамика климатических условий этого времени.

Как уже отмечалось, в хозяйстве племен ББК, сконцентрировавшихся на этапе ББ2 в пространственном поле левобережного пограничья Лесостепи и Степи, несмотря на усилившуюся аридизацию, увеличивается роль земледелия, что, в свою очередь, не могло не отразиться и на формах скотоводства.

Доступные нам данные о составе стада позднейших племен ББК ограничены материалами из Бузовки¹ [Ромашко, 1982, табл.1]. Сопоставление их с остеологическими данными поселений этапов прото-ББ и ББ1 (табл.3.10) показывает выразительные отличия, проявившиеся в заметном уменьшении удельного веса мелкого рогатого скота и увеличении удельного веса свиньи домашней, что традиционно рассматривается как показатель стабильной оседлости населения. Вероятно, в лесостепной зоне Украины на заключительном этапе позднего бронзового века вне зависимости от этнокультурной принадлежности групп населения складываются одинаковые формы скотоводческого хозяйства, в котором увеличилось значение придомного содержания животных. В этой связи показательны данные о составе стада бондарихинских племен из Оскола, Бондарихи, Брусовки, в целом совпадающие по процентным показателям с материалами Бузовки. Крупный рогатый скот составляет 25–40 %, свинья домашняя – 28–37 %, мелкий рогатый скот – 13–21 %, лошадь – 10 % [Ильинская, 1961, с.38; Буйнов, 1980, с.96].

4.2.3. Охота и рыболовство.

Достаточно важное значение в обеспечении продуктами питания и сырьем производственных коллективов ББК занимала охота, хотя основную часть продукции давало животноводство.

Обычно удельный вес костей диких млекопитающих на поселениях срубной, сабастиновской, позднесабастиновско-раннебелозерской культур составляет от 2–3 % до 13–15 % [Журавлев, 2001, с.65–66; 2002, с.76; Бибилова, 1970, с.97–98, табл.1; 2; Гершкович, Журавлев, 1999, с.60–65, табл.1–3; Gershkovich, 2003]. Не составляют исключения и памятники ББК, в том числе Богуславского археологического микро-района (табл.3.10). По подсчетам О.П. Журавлева, в остеологических материалах Павлограда дикие млекопитающие составляют 12,5 % от общего числа особей млекопитающих, в нижнем горизонте Богуслава-1 – 11 %, в верхнем – 10 %. Достаточно стандартен и видовой состав животных, служащих объектом охоты. В остеологической коллекции горизонта прото-ББ и ББ1 Богуслава-1 присутствуют

¹ Остеологические материалы из поселения Бузовка проанализированы сотрудницей Института зоологии АН УССР Н.А. Логвиненко

кости восьми видов диких животных. Основными объектами охоты был дикий кабан, составлявший 2,9 % остатков всех млекопитающих, тур – 1,7 %, заяц-русак – 1,7 %. Единичными особями представлены олень благородный, кулан, лисица, кот камышовый – по 0,5 %, барсук – 1,1 % [Журавлев, 2013, с.318–321].

О.П. Журавлев отмечает, что в охотничьем промысле населения Восточной Европы прослеживается два направления – мясное и пушное. Osteологические материалы не могут дать ответ на вопрос, какое из них преобладало, так как шкурки с пушных зверей снимаются сразу после добычи животного, иначе испортится мех. Тушки, как правило, выбрасывались в местах охоты и кости этих животных на поселения не попадали [Журавлев, 2013, с.317–318].

Что касается орудий охотничьего промысла, то специфические приспособления типа силков и ловушек, изготавливаемые из ремней, веревок, прутьев и дерева, не сохранились, а известное по находкам в комплексах ББК оружие (копья, топоры, кинжалы, стрелы) в равной степени пригодно и для гомицида и для охоты на животных.

Рыболовство у племен ББК носило вспомогательный характер, что подтверждается малочисленностью на их памятниках рыболовных орудий и костей рыб. Глиняные грузила, которые предположительно, могли быть деталями сетей, найдены в Богуславе-1, Бузовке, возможно, в Орехово-Донецком-4 (рис.85, 28; 110, 1, 23, 24). К орудиям рыбного промысла, вероятно, следует причислить гарпуны, подобные представленному на негативе Солохинской мастерской (рис.115, 8) [Лесков, 1967, с.149, рис.2, 1; Воцкарев, Leskov, 1980, taf.8, 72]. Кости карповых присутствуют в материалах поселения Залинейное¹ [Ромашко, 1990/№ 697]. Кости осетровых найдены в котловане жилища № 1 поселения Лоцманская Каменка². Стратиграфические условия не позволяют уверенно сопоставить их с комплексом жилища и горизонтом заключительного этапа позднего бронзового века памятника. Возможно, они связаны с жизнедеятельностью населения пеньковской культуры

¹ Определение В.Н. Шалобудова

² Определение В.Н. Шалобудова

[Ромашко, 1999/35; 2001, с.169–177]. Глоточная кость вырезуба¹ найдена в верхнем горизонте Богуслава-1. Эта находка, а также высокий удельный вес костей вырезуба на сабашиновских поселениях Южного Буга [Секерська, 2001, с.122; Давня історія України, 1997, т.1, с.453], свидетельствует о том, что рыбным промыслом племена заключительного этапа позднего бронзового века занимались преимущественно в зимнее время. Вывод основан на особенностях миграционного цикла этого вида рыб Черноморо-Азовского и Каспийского бассейнов. Косяки вырезуба заходили в реки поздней осенью, нерестились и весной возвращались в море [Сабанеев, 1984, т.2, с.230–238]. Предположение о зимнем рыбном промысле кажется правомерным и в связи с тем, что именно в это время года, коллективы скотоводов концентрировались в стационарных поселках. Выпас стад на близлежащих пойменных угодьях требовал значительно меньшего числа пастухов, чем при весеннее-летне-осенних перекочевках. Свободная часть производственных коллективов могла быть использована для удовлетворения иных, чем разведение и содержание скота, витальных потребностей, в том числе в охотничьем и рыболовном промыслах, ремесленном производстве.

Еще раз подчеркнем, что рыбный промысел у носителей ББК, как и других культур позднего бронзового века Степи и Лесостепи Восточной Европы, не получил развития. Вероятно, к рыбной ловле как способу пополнить продуктовые запасы обращались в крайних случаях (эпизоотии, затянувшаяся зима и т. д). Не исключено и существование определенных пищевых табу.

4.3. Ремесленное производство

Оставляя в стороне дискуссии о правомерности употребления термина «ремесло» в отношении производства предметов материальной культуры населением бронзового века Восточной Европы, мы соглашаемся с авторами коллективной монографии «Ремесло эпохи энеолита–бронзы на Украине», отождествляющих это понятие с понятием «непищевой сферы производства» [Березанская, Цвек, Ключко и

¹ Определение О.П. Журавлева

др., 1994, с.4]. При характеристике ремесленного производства племен ББК использован функционально-типологический метод, позволяющий определить сферы применения классифицированных по формально-типологическим признакам орудий из глины, металлов, кости, рога, камня и кремня (см. Приложение Ж). Их функциональная интерпретация в значительной степени упрощается в связи с появлением в историографии последних десятилетий серии специальных и обобщающих работ, посвященных технологическим особенностям производств древности [Семенов, Коробкова, 1983; Шрамко Б.А., 1984а; Килейников, 1984; 1988; 1989; 1996; 1997; 2005; 2009; Березанская, 1990; Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994; Усачук, 1989; 1994; 1994а; 1997; Панковский, 2000 и др.].

4.3.1. Керамическое производство.

Керамические комплексы культурно-хронологических горизонтов и поселений ББК отличаются значительно большим типологическим разнообразием по сравнению с комплексами БМСК. Этот показатель следует рассматривать в качестве общей закономерности, проявляющейся в большей части евразийских культур конца позднего бронзового века [Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993, с.111].

При рассмотрении особенностей керамического производства ББК этапов прото-ББ и ББ1 преимущественно привлекаются материалы поселения Богуслав-1, позволяющие уточнить как технологические, так и некоторые культурно-хронологические аспекты гончарного производства его жителей.

Большая часть посуды культурно-хронологического горизонта ББК памятника изготовлена из пластинчатой глины с примесью средне- и мелкозернистого песка. Около 80 % обломков керамики содержит также примеси шамотной крошки. В единичных случаях фиксируется наличие в формовочной массе дресвы и органики. Вся керамика лепная, технологические приемы ее изготовления соответствуют стандартам культур финала бронзового века Восточной Европы. Судя по отсутствию в стратифицированных комплексах сосудов с закраинами, дно вкладывалось изнутри и примазывалось. Черепок плотный, компактный, что обусловлено достаточно однородной гранулометрической структурой ингредиентов, составляющих формовочные массы. Общей закономерности не подчиняется незначительная часть посуды,

представленной в отделах Б, Г, МС, отличающейся относительно легко разрушаемой механическим воздействием структурой формовочной массы, что объясняется меньшей пластичностью глины или наличием большого количества фракций шамота и дресвы. Наиболее плотный черепок характерен для столовой посуды малых объемов и отдельных экземпляров тонкостенных «парадных» горшков типов I-Г3, I-Г4, I-Г5, I-Г6. Керамика большинства отделов на изломе имеет трехслойную структуру. В отличие от срубного, в керамическом комплексе ББК обычна и посуда с однородным черным цветом излома и поверхностей, то есть с равномерным прокалом толщи черепка. Она составляет около 10 % идентифицируемой посуды, представленной в типологических сериях I-Г3, I-Г4, I-Г6, К2. Показательно, что почти обязательными элементами орнаментации рассматриваемой группы горшков являются позитивные и негативные «жемчужины», а также системные расчесы поверхности корпуса зубчатым штампом, иногда совмещаемые с расчлененными валиками (рис.33, 3–5, 24; 65, 4; 71, 2; 73, 1, 5, 11, 15; 80, 1 и др.). Это и особенности формовочной массы (глина + мелкозернистый песок без иных примесей) позволяет выделить по отмеченному признаку в отдельную группу разнотипную посуду, технология изготовления которой может рассматриваться как новационная. При этом следует подчеркнуть, что орнаментация «жемчужинами» и расчесами не менее характерна и для посуды, которая по формовочной массе и трехслойной структуре обжига не отличается от основной группы керамики культурно-хронологических горизонтов прото-ББ и ББ1. Известна и посуда с однородным черным прокалом толщи черепка, орнаментированная стандартными для ББК гладкими валиками и валиками, расчлененными косыми насечками или оттисками косо поставленного зубчатого штампа (рис.58, 13; 69, 20; 71, 9, 10 и др.).

Способы обработки внешней поверхности керамики достаточно разнообразны. Определено не менее пяти технологических приемов, используемых как самостоятельно, так и комплексно.

Основным приемом является заглаживание, в результате которого поверхность сосудов становилась ровной и гладкой. Качество заглаживания обычно определялось принадлежностью посуды конкретному отделу. Так, следы выравнивания

внешней поверхности пучком травы, широкой щепкой или иными материалами, оставляющими характерные бессистемные слаборельефные расчесы (полосчатое сглаживание), фиксируется только на незначительной части посуды отдела Б. В этом отделе и в отделе МС присутствуют также экземпляры с грубо сформированными бугристыми стенками. Однако, в количественном отношении их значительно меньше, чем в комплексах горизонта БМБК Богуслава-1. Наиболее аккуратно и тщательно заглажена поверхность «парадных» горшков и столовой посуды. Заглаживание обычно завершало дообжиговый цикл керамического производства. Однако, оно могло быть и подготовительным этапом более сложных способов обработки поверхностей. Речь идет о расчесах зубчатым штампом, механическом и термохимическом лощении, ангобировании.

Техника нанесения расчесов зубчатым штампом специфична для гончарного производства ББК. На керамике этапа ББ2, за редким исключением (рис.104, 18), этот прием обработки поверхности не применялся. На этапе прото-ББ и, особенно, ББ1 такие расчесы представляют собой важный, иногда главный, элемент орнаментации многих сосудов. Прочерченные полосы аккуратные, глубокие борозды очищены от мелких комков глины. По вертикали, горизонтали, диагонали длинные прямые или волнистые полосы пересекают всю поверхность корпуса, оформляя системно декорированное поле. Как правило, такие расчесы представлены на горшках типов I-Г3, I-Г4, реже других типов (рис.33, 4–6, 11, 24; 34, 6; 37, 9; 38, 10; 39, 4, 5; 40, 1; 53, 3; 65, 4, 9, 24, 25; 66, 3, 9; 68, 7; 69, 12; 71, 2, 4, 13; 72, 6, 13; 73, 1, 35; 91, 17, 21–23; 92, 13; 95, 4). Расчесы на них обычно сочетаются с тщательным заглаживанием шейки и верхней части плечиков, что предполагает следующую технологическую последовательность обработки поверхности. Первоначально она заглаживалась, затем наносились расчесы и иные элементы орнамента. Штрихованная расчесами керамика в комплексах культурно-хронологического горизонта ББК Богуслава-1 составляет 4,4 % идентифицированной, 5,6 % типологически определяемой керамики.

Ангобированная керамика немногочисленна. Применение этого приема гончарного производства отчетливо фиксируется только на некоторых сосудах ти-

пов I-БВ1 (рис.82, 5, 8) и II-Б1 (рис.58, 12). Удельный вес ангобированных сосудов среди идентифицируемой посуды горизонта ББК Богуслава-1 равен 1 %, среди типологически определяемой – 1,2 %. Эти наблюдения согласуются с данными поселений других территорий и подтверждают мнение о недостаточном развитии рассматриваемого технологического приема в срубном [Березанская, 1990, с.77], а позже и в постсрубном керамическом производстве.

Керамика с лощеной поверхностью достаточно обычна для комплексов некоторых памятников этапа прото-ББ. Например, подлощена большая часть столовой посуды Чикаловки (рис.43, 6–8, 23, 24) [Шарафутдінова І.М., 1964, с.161], серия лощеной посуды представлена в Николаевке (рис.56, 6–8) [Привалова, Привалов, 1987, с.101]. Техникoй лощения механическим способом, подобной «восточному» лощению обработана поверхность отдельных экземпляров кухонной и столовой посуды поселений заключительного этапа позднего бронзового века Северо-Восточного Приазовья [Чубатенко, Горбов, 1994, с.58–59].

Следует отметить, что на этапе ББ1 при значительном увеличении количества столовой посуды, лощение почти не применялось. Техникoй лощения механическим способом, подобной «восточному» лощению обработана поверхность отдельных экземпляров кухонной и столовой посуды поселений заключительного этапа позднего бронзового века Северо-Восточного Приазовья [Чубатенко, Горбов, 1994, с.58–59]. В горизонте ББК Богуслава-1 лощеная посуда (рис.71, 5; 72, 1; 84, 3) составляет 1,6 % идентифицированной, 2 % типологически определяемой керамики. В Белозерском лимане-1 лощеная керамика представлена единственным обломком кубка (рис.96, 1) [Кривцова-Гракова, 1949, с.84]. Еще в меньшей степени для керамики ББ1 характерна обработка посуды способом термохимического лощения. Нам известны только два горшка типа I-Г7 с таким лощением, происходящих из жилища № 7 Богуслава-1 – позднейшего комплекса памятника (рис. 62, 12, 14). Очевидно, что в керамическом производстве ББК лощение широкого распространения не получает. Удельный вес лощеной механическим и термохимическим способом керамики увеличивается только на этапе ББ2 (рис.107–109) [Ромашко, 1995б, с.40; Горбов, Усачук, 2001, с.36, 43].

Керамический комплекс Богуслава-1 и других поселений заключительного этапа позднего бронзового века показывает преемственность богуславско-белозерского гончарного производства от срубного, что находит проявление в сохранении традиций составления формовочных масс, обработки поверхности, орнаментации типологически близкой посуды. С другой стороны, большая часть керамических комплексов ББК характеризуется появлением новых типов посуды, изготовленных из формовочных масс как традиционных, так и новых гранулометрических составов, иных способов обработки поверхности, орнаментальных элементов и композиций. Типологическое разнообразие керамики, широкий географический и культурный ареал аналогов позволяют предположить, что часть посуды может являться импортом. Последнее позволяет согласиться с авторами, предполагающими существование в позднем бронзовом веке специализированных центров керамического производства, обслуживающих значительные территории [Черняков, 1985, с.50; Чубатенко, Горбов, 1994, с.57–62]. Единственным, но основным изъяном гипотезы, является отсутствие в культурах общности КВК достоверных археологических комплексов, подтверждающих ее положения. Недостаточно информативны для ее аргументации даже единичные находки на поселениях позднего бронзового века остатков гончарных печей и помещений, в которых производился обжиг керамики [Дергачев, 1973, с.100; Шарафутдинова Э.С., 1980, с.43; Чубатенко, Горбов, 1994, с.60; Лукьяшко, 1999, с.12, 14], так как остаются неясными границы зон, количество и численность коллективов, пользующихся их продукцией.

Свидетельством наличия керамического производства на большей части памятников ББК являются находки хорошо привязанных к комплексам специфических гончарных инструментов. Среди них наиболее показательны костяные штампы, изготовленные из обрезков ребер и расколотых вдоль костей животных. Они найдены на поселениях Николаевка [Привалова, Привалов, 1987, с.104], Ушкалка В [Гершкович, 1993/№ 739], Ильичевка, Богуслав-1 (рис.45, 11–13; 87, 22, 23). Находки таких инструментов на памятниках позднего бронзового века Левобережной Украины свидетельствуют о длительной местной традиции их использования [Горбов, Усачук, 1993, с.38–41, рис.8а; Татаринев, 1979, рис.2, 8, 10; Радзієвська, Шрам-

ко Б.А., 1980, с.107, рис.6, 6; Лесков, 1970, 34, 39, рис.34, 4; 36, 23, 24; Тереножкин, 1961, с.104, рис.68, 3]. На материалах Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья установлено, что штампы применялись гончарами КМК и срубной культуры для декоративного огрубления поверхности сосудов, преимущественно баночных [Горбов, Усачук, 1993, с.38–41, рис.8а]. Штампы использовались также при нанесении углубленных орнаментов (рис.39, 4, 5; 42, 2; 43, 3, 8, 24; 53, 3; 65, 4, 8, 9, 13, 17, 20, 24, 25; 71, 2, 4, 13; 72, 6, 13; 73, 1, 35; 74, 12, 13, 20; 84, 2, 4, 7, 22–24; 91, 21–23; 92, 13; 96, 2, 3, 21; 107, 1, 4, 5, 7, 10, 15, 16, 25; 108, 5–12, 14, 15, 19), расчленении валиков косыми насечками (рис.38, 8–13; 42, 10; 54, 10–12, 15; 71, 1–16, 18; 75, 2; 80, 5, 7; 92, 15; 94, 3–7, 9, 10–12), зигзагом, крестом или сеточкой (рис.72, 1, 6; 94, 15, 16, 18). Не исключено, что в керамическом производстве использовались и иные инструменты из кости и рога – так называемые шпатели и стило [Усачук, 1989, с.126–127; Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с.158].

4.3.2. Металлообработка и особенности формирования комплекса металлических изделий.

Известные на поселениях ББК инструменты, связанные с изготовлением изделий из цветных металлов, представляется целесообразным разделить на три группы в соответствии с тремя основными циклами бронзолитейного производства – горнодобывающим, бронзолитейным и металлообрабатывающим.

К первой группе относятся орудия, применяемые при добыче, дроблении и обогащении руды – каменные привязные кувалды, молоты, молотки, песты, рудотерки и др. На поселениях ББК такие инструменты, обычные для орудийных наборов из срубных памятников Северского Донца и Дона [Килейников, 1984, с.115–118; 1996, с.3–4; 1997, с.103–105; 2005, с.30–35; Березанская, 1990, с.58–59; Татаринев, 1993, с.70–72; Пряхин, 1996, с.80–94 и др.], отсутствуют. На территории Украины в срубное время их наибольшая концентрация отмечена на рудниках и поселениях горняков-металлургов Донецкого горнометаллургического центра, активно функционировавшего в XIV–XIII вв. до н. э. [Татаринев, 1977, с.192–207; 1979, с.258–265; 1993, с.36–38, 107–108; 2003, с.38–44, 86–88, 109–110; Килейников, 1996, с.3–4; 1997, с.103–105; 2005, с.30–35; Бровендер, 2001, с.18–23; 2005, с.11–23; 2009, с.77–

81; Бровендер, Загородняя, 2007, с.52–68; Бровендер, Загородняя, Ключнева, 2008, с.12–14]. Вопрос об использовании Бахмутского месторождения племенами ББК в настоящее время трудно разрешим ввиду отсутствия здесь выразительных комплексов постсрубного времени. В этой связи интерес представляют материалы из жилища поселения Клиновое и поселения Червонэ озеро-3 Картамышского комплекса горнометаллургических памятников, на которых представлены относительно немногочисленные, но достаточно показательные серии посуды заключительного этапа позднего бронзового века, в том числе с гладким валиком, расположенным под шейкой или на плечиках, и воротничковым оформлением венчика (рис.52, 7, 8; 53, 19, 20, 24) [Татаринов, 1993, с.29, 44–45; Бровендер, 2010, с.15; 2011, с.134–138]. Предложенные Ю.М. Бровендером предварительные датировки этой группы посуды, и, соответственно, верхнего хронологического рубежа функционирования Донецкого горно-металлургического центра XIII–XII вв. до н. э. [Бровендер, 2010, с.15; 2011, с.134–138] представляются обоснованными. В связи с тем, что эти материалы не образуют самостоятельных стратиграфических горизонтов, выделение из общей массы горнодобывающих инструментов орудий, используемых рудокопами ББК, остается проблематичным, Вероятно, типологически и функционально они не отличались от срубных.

Ко второй группе относятся орудия, связанные с выплавкой металла и литьем изделий: тигли, льячки, литейные формы. В ББК они присутствуют на памятниках более значительной территории по сравнению с горнодобывающими орудиями.

В Среднем Поднепровье известна литейная форма из поселения Чикаловка (рис.50, 8), в Нижнем Поднепровье – Завадовская (рис.114, 1–8; 115, 1–6), и Солохинская (рис.115, 8) мастерские, в днепровском Надпорожье – литейная форма из поселения Старая Игрень (рис.113, 1), в Предстепье – форма из с. Вязовок (рис.115, 7), в Лесостепи – форма из поселения Терноватая-1 и формы, хранящиеся в Харьковском и Сумском исторических музеях [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; Татаринов, 1993, с.101, табл.11, 4], в Донецкой интронзональной лесостепи – формы из Ильичевки (рис.50, 7) и Глубокого озера-2 (рис.89, 12), в Приазовье – литейная форма из с. Адамовка [Татаринов, 1993, с.105, табл.16, 3]. Приведенная сводка

показывает, что свидетельства развития бронзолитейного производства на поселениях ББК относительно немногочисленны. Однако находки ложек-льячек и форм для отливок слитков в Таранцево (рис.85, 36), Черниковом озере-2 (рис.85, 4, 5), Безыменном-2 (рис.97, 1, 2), Зливках [Швецов, 1985/132], Бузовке (рис.110, 2–6) показывают, что изготовление изделий из бронзы производилось и на этих поселениях. На некоторых памятниках – Богуславе-1, Залинейном [Ромашко, 1990/№ 697] – выявлены бронзолитейные шлаки, на Залинейном – литник (рис.113, 22), в Орехово-Донецком-4 – кусок бронзовой крицы [Горбов, Усачук, 2001, с.37].

Отсутствие в постсрубное время поселений, подобных срубным поселениям мастеров-литейщиков [Березанская, 1990; Пряхин, 1996; Татаринов, 2003, с.61], позволяет прийти к выводу, что бронзолитейное производство в хозяйстве жителей большинства поселков ББК не получило существенного развития. Находки на поселениях ББК орудий второй группы скорее свидетельствуют об эпизодичности плавки металла и литья изделий, вероятно, осуществляемых под заказ «бродячими» профессиональными металлургами-торговцами [Черных Е.Н., 1978, с.284; Березанская, 1990, с.74]. В этом контексте заслуживает внимания позиция Я.П. Гершковича, объясняющего присутствие в Среднем Поднепровье более раннего, по сравнению с рассматриваемыми, Днепровокаменского комплекса проникновением в Предстепье ингуло-красномяцких мастеров [Гершкович, 2005–2009, с.588].

Систематизация данных о бронзолитейном производстве племен ББК позволяет связать его с кругом изделий позднеобойковских и завадовских типов. Этот вывод не противоречит выводам Е.Н. Черных, отмечающего, что основной ареал распространения продукции мастеров завадовско-обойковского очага металлообработки включает Поднепровье и восточные районы Украины [Черных, 1976, с.190–195]. Это положение, с учетом необходимости хронологической и типологической дифференциации обойковского и завадовского металла, разделяется И.В. Клочко. Исследователь, датируя завадовскую группу восточноукраинской группы вооружения в хронологических рамках XII–XI вв. до н. э., отмечает, что она представлена небольшим количеством памятников в днепровском Левобережье (Завадовская мастерская, литейная форма из уроч. Солоха, Бондарихинское поселение, несколько

случайных находок). По набору основных категорий и типов вооружения завадовская группа вооружения является прямым продолжением лобойковских традиций. Немногочисленность металлических изделий, происходящих из «позднесрубных» и бондарихинских памятников, объясняется тем, что здесь и после XII в. до н. э. какое-то время продолжалось производство вооружения по традициям, которые происходят из Лобойковского центра металлообработки [Ключко, 2001, р.260–275; Ключко, 2006, с.212–215].

Действительно, в комплексах этапа прото-ББ присутствуют предметы вооружения и орудия морфологически идентичные или подобные лобойковским. Речь идет о кинжале типа 6 (тип Н-8 по Е.Н. Черных) из позднесабатиновского горизонта Ильичевки (рис.50, 11), кинжалах типа 2 из с. Шеховцовка, Вовчик, жилища № 2 поселения Богуслав-1 и Запорожской обл. (рис.50, 10; 118, 3, 4, 5), рассматриваемых В.И. Ключко в качестве лобойковского варианта кинжалов красномаяцкого типа [Ключко, 2006, с.197–198], негативе бритвы типа 5 с вырезом на острие (тип Н-42 по Е.Н. Черных) на литейной форме из с. Вязовок (рис.115, 7). Местными богуславско-белозерскими мастерами этапов прото-ББ и ББ1 изготавливались плоские и втульчатые тесла (типы Т-8 и Т-22 по Е.Н. Черных). Форма для отливки плоских тесел представлена в верхнем слое поселения Глубокое Озеро-2 (рис.89, 12), для отливки втульчатых – на негативах Завадовской (рис.114, 2, 4) и Солохинской (рис.115, 8) мастерских. Плоские тесла, однотипные отливавшимся в форме из Глубокого Озера-2, также присутствуют в Лобойковском кладе [Leskov, 1981, taf.4, 14–15]. Вероятно, на протяжении всего периода существования ББК, ее носители изготавливали и использовали наконечники стрел типа 4 (рис.118, 19, 21–23), однотипные наконечнику Лобойковского клада [Leskov, 1981, taf.3, 43; Ключко, 2006, с.212].

Этап ББ1 характеризуется распространением в среде племен конца бронзового века Левобережной Украины (ББК и бондарихинских) изделий Завадовской группы. Негативы выполненных в лобойковских традициях кельтов типа 2 присутствуют на литейных формах Завадовской и Солохинской мастерских (рис.114, 4, 5; 115, 8). Типологически близок лобойковским кельт типа 4 Балаклеи (рис.116, 9). Возможно,

к богуславско-белозерской культуре относится кинжал из Харьковской обл., рукоять которого, по мнению В.И. Клочко, может считаться проявлением позднеобойковской традиции прорезных рукоятей [Клочко, 2006, с.215]. К изделиям Завадовского очага металлообработки правомерно отнесение наконечников копий типа 4 (тип П-10, П-12 по Е.Н. Черных), известных по негативам Завадовской (рис.115, 1, 3) и Солохинской (рис.115, 8) мастерских, находкам в с. Козинцы (рис.118, 7), Стецовка (рис.118, 9), Келеберда (рис.118, 5), Хмельна (рис.118, 10), в Днепропетровской области (рис.118, 17). В.И. Клочко, приходит к выводу о том, что рассматриваемые наконечники из Поднепровья и Левобережной Украины сочетают черты центральноевропейских пламевидных и прорезных наконечников копий златопольского типа лобойковской металлургической традиции и, в целом, являются прямым продолжением лобойковских традиций на этой территории [Клочко, 2006, с.194, 213, 215].

В ББК и на территории распространения ее памятников представлены бронзовые изделия позднейших ингуло-красномаяцких литейщиков, которые, вероятно, следует рассматривать в качестве позднесабатиновских импортов. Речь может идти об ориентации определенной части поздних производственных коллективов ингуло-красномаяцкого очага на удовлетворение спроса богуславско-белозерских племен на металлические орудия и оружие. Такие хозяйственные и культурные связи, вероятно, сложились еще в сабатиновское время. Показателем проникновения в среду БМСК мастеров, связанных с Ингуло-Красномаяцким очагом металлообработки, может служить Днепровокаменная мастерская. Как считает Я.П. Гершкович, они обслуживали местное, несабатиновское население и объединялись с ним для решения неких хозяйственных и производственных задач [Гершкович, 2005–2009, с.588].

С кругом западных культур, вероятно, следует связывать кинжалы типа 1 (тип Н-36 по Е.Н. Черных), известные по негативам литейных форм из с. Вязовок (рис.115, 7) и Харьковского исторического музея (рис.115, 6), случайным находкам в Черкасской обл. (рис.117, 7; 118, 8) и г. Новоазовск Донецкой обл. (рис.117, 6). Свидетельством широкого использования племенами ББК этапа прото-ББ бронзовых изделий позднейших ингуло-красномаяцких типов являются также нако-

нечники копий типа 1 (тип П-16 по Е.Н. Черных) с зауженными крыльями, переходящими на бока втулки из с. Милорадово (рис.118, 1), п-ва Игрень, с. Романково (рис.118, 2, 3), кургана у с. Раздольное (рис.118, 4); кинжалы типа 4 с кольцевым упором, выделенной нервюрой и пропорционально узким клинком с параллельными или зауженными лезвиями (тип 38/40 по Е.Н. Черных) из с. Богородичное (рис.117, 11). Ингуло-красномайские традиции прослеживаются и в ассортименте бронзовых изделий, используемых племенами ББК этапа ББ1. На негативе литейной формы из Солохи присутствует гарпун с двумя жалами (рис.115, 8), ближайшей аналогией которому является орудие, вырезанное на негативе литейной формы из сабашиновского поселения Дудчаны-2 [Gerškovič, 1999, taf.49, 2, 7]. У г. Кременчуг Полтавской обл. найден наконечник копья (тип 5) позднего варианта типа «Дремайловка». Наконечники этого типа получают распространение еще в сабашиновской культуре и продолжают использоваться белозерскими, белогрудовскими [Клочко, 2006, с.178, 207; Клочко, Козыменко, 2011, с.79, 168, рис.124] и, как свидетельствует кременчугская находка, богуславско-белозерскими племенами вплоть до начала раннего железного века.

В литературе также неоднократно отмечались тесные контакты литейщиков Завадовского очага металлообработки с кардашинскими и центральноевропейскими [Черных Е.Н., 1976, с.189; Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с.128].

Так, на территории ББК по находкам на поселении Леськи-3б (рис.113, 38), пгт. Градизк (рис.118, 13, 14) Полтавской обл., с. Диброва на Северском Донце (рис.118, 12) известны булавки с кольцевидной головкой, характерные для Ноуа, белозерской белогрудовской, лебедовской, висоцкой культур [Черных Е.Н., 1976, с.128–129; Шарафутдинова И.Н., 1987, с.75]. Однако формы для их отливки пока присутствуют только в Поднепровье – в литейных мастерских Завадовского очага металлообработки (Завадовка и Солоха) (рис.115, 3, 8) и в Николаевской мастерской [Voškarev, Leskov, 1980, taf.15, 151]. Булавка, найденная у г. Пивиха Полтавской обл. (рис.118, 15), аналогична булавам Гордеевского могильника, рассматриваемого С.С. Березанской и В.И. Клочко в контексте отдельной, наиболее восточной группы центральноевропейского курганного культурного круга [Березанська, Клоч-

ко, 2011, с.70, 86–89, рис.20, 8; 28, 1, 2; 49, 1, 3]. На многих памятниках ББК Поднепровья и днепровского Левобережья – Белозерском лимане-1 (рис.98, 8, 9), Хитцах (рис.117, 8), Шоссейном (рис.90, 3), Усовом озере (рис.90, 5), Бузовке (рис.113, 21), Самовице-острове-1 (рис.90, 1), Леськах-3б (рис.113, 24), Богуславе-1 (рис.90, 2), Таранцево (рис.90, 4) присутствуют бесчеренковые и черенковые ножи с параллельными лезвиями. Два ножа хранятся в Харьковском историческом музее [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99], несколько экземпляров найдены у с. Адамовка [Татаринов, 1993, с.102, табл.13, 32] и пгт. Градизк (рис.117, 12). Не менее широко ножи с параллельными лезвиями представлены в белозерских и гальштатских памятниках [Бураков, 1961, с.39, рис.4–6; Мелюкова, 1961, рис.17, 5; Тереножкин, 1961, с.151, рис.102, 1–3; Махно, Шарафутдинова И.Н., 1972, с.73, рис.2, 3; Черных, 1976, с.115–117; Ванчугов, 1990, с.89, рис.33, 1–14; Агульников, 2005, с.79; Patek, 1968, s.77, 132, taf.XLVI, 3; Petrescu-Dimbowita, 1977, s.99–100, p.164, 18, 20, 24 и др.]. Производство ножей рассматриваемых типов, судя по концентрации литейных форм с их негативами, связано с Поднепровьем. Особенно показательны в этом отношении ножи типов 9 и 10 (типы Н-18 и Н-20 по Е.Н. Черных), отливавшиеся как в кардашинских, так и в завадовских мастерских. Первые представлены Старой Игренью (рис.113, 1), Кардашинкой I, II, Цюрюпинском, Раденском, Птаховкой, Николаевым) [Vockarev, Leskov, 1980, taf.11, 88, 90, 93; 14, 148; 15, 149, 151], вторые – собственно Завадовкой (рис.114, 4; 115, 3).

На литейных формах Завадовской мастерской помещен негатив одноушкового кельта типа 3 (тип К-40 по Е.Н. Черных) (рис.114, 5). В.И. Клочко считает его одним из типов кельтов, характерных для Красномаяцкой металлургической традиции, доживающих до XI–X вв. до н. э. [Клочко, 2006, с.214]. В Завадовке представлен также распиленный негатив наконечника копья (рис.115, 1) центральноевропейского типа с тройной нервюрой (тип П-26 по Е.Н. Черных). Экземпляр такого же наконечника найден недалеко от Завадовской мастерской в Запорожском р-не Запорожской обл. (рис.118, 18). В Завадовской мастерской отливались колоколовидные подвески (рис.115, 1) типа 3 (тип У-26 по Е.Н. Черных), являющиеся одной из показательных разновидностей белозерского инвентаря [Чер-

ных Е.Н., 1976, с.129–130; Отрощенко, 1986, с.141; Ванчугов, 1990, с.97]. Несколько подвесок выявлено в погребении у с. Лукьяновки (рис.124, 4), относимом нами к ББК [Ромашко, 1999а, с.123–124]. Использование племенами ББК этапа ББ1 западных бронзовых изделий (кардашинских и центральноевропейских) подтверждается находками центральноевропейского меча с «язычковой» рукоятью на Бельском городище (рис.117, 9); обломков серпов типа 1 (типы Косидер или Печ по В.А. Дергачеву и В.С. Бочкареву) [Дергачев, Бочкарев, 2002, с.275–294, табл.93–98, 1311–1436] на поселениях Мошны [Куштан, 2000/20] и Леськи-3б (рис.113, 34, 35); двуушковых кельтов типа 5 (типы К-66, К-68, К-70, К-72 по Е.Н. Черных, «Дремайловский» тип по В.И. Клочко) у с. Адамовка (рис.116, 13) и г. Кременчуг [Клочко, Козыменко, 2011, с.82, 168, рис.132], литейных форм с негативами таких кельтов у с. Старая Игрень (рис.113, 1). Распространение связанных с кардашинским очагом кельтов типа 5 в Левобережной Украине вполне соответствует общей тенденции их проникновения на восток вплоть до Волго-Уралья [Черных Е.Н., 1976, с.188–189]. Племенами ББК на протяжении всего существования культуры использовались также подвески типа 1 или так называемые «височные кольца белозерского облика» (У-30, 32 по Е.Н. Черных) [Отрощенко, Шевченко, 1987, с.141, 142; Черных Е.Н., 1976, с.130, 131], известные в материалах поселений Николаевка [Привалова, Привалов, 1987, с.105], Чикаловка (рис.50, 15), Самовица-остров-1 (рис.90, 17, 18), Богуслав-1 (рис.90, 16), в погребении участка А Днепростроя (могила 35) (рис.124, 3), погребении № 9 кургана 4 у с. Атманай (рис.124, 9).

Этап ББ2 характеризуется почти полным исчезновением металла Завадовского очага металлообработки и распространением изделий центральноевропейских типов. Так, карпато-подунавское происхождение, вероятно, имеет кельт типа 7, найденный в с. Ольховатка у г. Енакиево (рис.116, 14) [Дергачев, 2010, с.114–115]. Показательно, что именно Левобережная Украина рассматривается В.И. Клочко как восточная граница влияний лужицкой культуры [Клочко, 1992, с.182–188; 2006]. Так называемые «лужицкие и чернолесские» кельты типа 6 (тип К-14 по Е.Н. Черных) найдены в Полтавской обл. (рис.116, 11, 12). Наконечники стрел (тип 2) центральноевропейского типа («лужицкого» по В.И. Клочко) [Клочко, 2006, с.212–213] с

короткой втулкой, треугольной головкой и опущенными вниз концами лопастей найдены на поселениях Бузовка и Залинейное (рис.113, 19, 20). Еще один наконечник с опущенными вниз концами лопастей, но черешковый (тип 3), представленный в материалах поселения Волковка (рис.113, 23), предположительно, также может быть сопоставлен с аналогичными предметами вооружения западного происхождения, хотя подобные наконечники известны в культурах позднего бронзового века значительной части Евразии (см. Приложение Ж).

С кругом западных культур связаны и представленные в памятниках этапа ББ2 бронзовые спиральные височные кольца с петлей-ушком на внешнем витке типа 2 (тип У-34 по Е.Н. Черных), булавки типа 3 с петельчатой головкой, многовитковые спиралевидные пронизи типа 2, пуговицы. Спиральные височные кольца, известные по находкам на поселении Леськи-3б (рис.115, 39), в погребении участка А Днепростроя (могила 35) (рис.124, 2), на Каховском водохранилище [Бокий, 1968, с.124, рис.2, 1, 2], показательны для финальнобронзовых культур Лесостепи и северной Степи Восточной Европы. Наиболее плотная концентрация их находок характерна для Правобережной Лесостепи, занятой белогрудовско-раннечернолесскими племенами [Макаревич, 1940, с.466; Березанская, 1982, рис.20, 7; 22, 14, 26; Шарафутдинова И.Н., 1987, с.80; Лысенко С.С., 2001, с.119–121 и др.]. Булавки с петельчатой головкой из Самовицы-острова-1 (рис.90, 21), Лесек-3б (рис.113, 37) известны в культурах позднего бронзового века Карпато-Трансильванского бассейна, Правобережной Украины, Крыма, Северного Кавказа [Черных Е.Н., 1976, с.126–127; Шарафутдинова И.Н., 1987, с.72–73]. Е.Н. Черных подчеркивает, что при столь широкой распространенности таких булавок для Волго-Уралья они не характерны [Черных Е.Н., 1976, с.127]. Сказанное правомерно и в отношении многовитковых спиралевидных пронизей из поселений Леськи-3б (рис.113, 26) и Самовица-остров-1 (рис.90, 20), аналоги которым известны в памятниках белозерской, малобудковско-бондарихинской, кобанской, Гава-Голиградской культур [Техов, 1977, с.169, рис.113, 33–47; Ванчугов, 1990, с.97, рис.36, 4, 37, 1, 2; Mozsolics, 1985, s.83, taf.216, 17, 18, 218, 74–90]. Литейные формы для отливки пуговиц и сами пуговицы, подобные найденным на поселении Бузовка (рис.113, 29, 30), на территории Поднепровья,

Правобережной Украины, Карпато-Трансильванского бассейна известны в комплексах XIII–XII вв. до н. э. и более поздних [Добровольский, 1950, с.165, табл.5, 4; Тереножкін, 1964, с.204, рис.1, 15; 1976, рис.2, 7; 12, 6; Смирнова, 1969, с.22, рис.7, 14; Sulimirski, 1931, fig.24, 7; 25, 40, 41; Шарафутдинова И.Н., 1987, с.83, рис.1, 2, 3; ; Florescu, 1961, fig.3, 13; 4; Dragomir, 1967]. В культурах заключительного этапа позднего бронзового века более восточных территорий Европы подобные изделия распространения не получают.

На территории ББК известна и продукция литейщиков восточной зоны общности КВК. В частности у г. Новописков Луганской обл. найден кельт типа 3 с лобным и боковым ушками, орнаментированный рельефными горизонтальными линиями со спускающимися вниз заштрихованными треугольниками с точечными выступами на вершинах (рис.116, 10), аналогичный кельтам заключительного этапа позднего бронзового века Поволжья [Черных Е.Н., 1970, рис.48, 22; Археологический альманах, 1993, с.38, рис.47, 1]. С восточной традицией металлообработки предположительно можно связать наконечники копий типа 2 с остролистным пером (тип П-6 по Е.Н. Черных), представленные на территории ББК находками у с. Талакнянка (рис.118, 6), пос. Обуховка (рис.118, 16), с. Петровка Полтавской обл. (рис.118, 11). Однако этот тип не специфичен, так как известен в культурах позднего бронзового–начала раннего железного веков огромной территории Евразии – от Тихого до Атлантического океанов [Черных Е.Н., 1976, с.98, 100]. Не специфичны и бляхи, отливавшиеся в литейной форме из поселения Глубокое Озеро-2 (рис.89, 12), аналогичные, по мнению Я.П. Гершковича, известным в саргаринско-алексеевской культуре [Гершкович, 1998, с. 78]. В.И. Клочко считает, что круг аналогий им значительно шире, подобные бляхи представлены в ряде памятников позднего бронзового века Карпатского региона и Правобережной Украины (см. Раздел 3).

В отличие от орудий первой и второй групп, металлообрабатывающие орудия третьей группы известны на многих памятниках с культурно-хронологическими горизонтами ББК, в том числе поселениях, на которых следы бронзолитейного производства выявлены не были. Очевидно, что населению поселков ББК были необходимы преимущественно орудия, применяемые при ковке, заточке, удалении

заусениц, пришлифовке, полировке, то есть при профилактическом уходе за изделиями из металла – абразивы и оселки (рис.49, 1–3; 50, 6; 89, 3–7, 9, 10; 97, 6, 7; 98, 3, 7; 111, 14, 15, 17; 112, 3, 8, 11, 13), отбойники (рис.49, 8, 11, 13; 57, 4; 88, 22, 24–27, 32, 33; 97, 8, 9; 111, 18; 112, 14, 15 и др.), наковальни (рис.49, 12, 14; 57, 3; 88, 28, 30, 31; 110, 16). Обращают на себя внимание также находки в комплексах ББК обломков каменных проушных топоров архаических типов (рис. 49, 5, 7; 88, 33, 35; 112, 7, 12). Это явление характерно и для срубной культуры. С.С. Березанской оно объясняется использованием вышедших из употребления боевых топоров раннего и среднего бронзового веков в качестве кузнечных [Березанская, 1990, с.59]. В этом качестве использовались и относительно небольшие привязные молоты (рис.48, 15; 49, 4, 6; 98, 4–6; 112, 2).

Сужение ассортимента изделий из бронзы и уменьшение их размеров, отмечаемое в финале бронзового века обычно связывается с двумя факторами, универсального для населения Восточной Европы характера. Первый заключается в оскудении доступных для того времени запасов медных и оловянистых руд или прекращении доступа к ним, второй – в освоении племенами позднего бронзового века технологий железоделательного производства [Березанская, 1982, с.207; Отрощенко, 1986, с.141; Бочкарев, 1991, с.25–26; Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с.128; Татаринцов, 2003, с.86–88; Дергачев, Бочкарев, 2002, с.306–308; Корякова, Кузьминых, Бельтикова, 2011, с.10–16]. В.И. Клочко главную причину уменьшения количества предметов вооружения из бронзы усматривает в прогрессе металлургии железа, что привело к замене крупных бронзовых изделий железными [Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с.128; Клочко, 2006, с.259]. Применительно к ББК последнее подтверждается примерами находок на поселениях железных изделий и фиксации следов обработки железной руды. Особый интерес представляет находка железоделательного горна в жилище № 9 и хозяйственной постройке № 6 поселения Дроновка [Татаринцов, 1980, с.280–283]. Железные ножи найдены на поселениях Любовка [Берестнев, 2001, рис.101, 13] и Таранцево (рис.90, 23–25). По сообщению С.И. Берестнева, в верхнем горизонте поселения Таранцево неоднократно встречались куски подсушенной болотной руды [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99, с.179].

Железные шлаки присутствуют в культурном слое и заполнении некоторых жилищ ББК горизонта Богуслава-1.

Таким образом, анализ совокупности изделий из металла и литейных форм, происходящих из комплексов ББК и белозерско-богуславской культурной территории, позволяет сформулировать следующие выводы.

Металлообработка населения заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины (богуславско-белозерского и бондарихинского) связана с Завадовским очагом металлообработки, являющимся дальнейшим развитием Лобойковского. Последнее проявляется не только в сохранении лобойковских традиций в металле Завадовского очага, но и в присутствии в комплексах ББК, особенно ранних, изделий, типологически близких собственно лобойковским, на что уже обращал внимание В.И. Клочко при характеристике Восточнукраинской группы вооружения позднего бронзового века Украины. Для обозначения серии подобных предметов, которые продолжают использоваться в «позднесрубной» и бондарихинской культурах, им предложен термин «позднелобойковская группа» [Клочко, 2006, 212–215].

Потребность племен ББК в металлических изделиях в значительной степени удовлетворялась и за счет импортов, среди которых превалирует металл западных центров металлообработки: на этапе прото-ББ – позднего Ингуло-Красномаяцкого, на этапе ББ1 – Кардашинского, на этапе ББ2 – Центальноевропейских.

Изделия Волго-Уральских центров металлообработки в памятниках ББК встречаются значительно реже. Обычно они приурочены к горизонтам ББ1, что, также как и присутствующие в них образцы керамики с воротничковым оформлением венчиков и валиками, расчлененными крестами, зигзагом, «сеточкой», косыми насечками, свидетельствует о имевшем место в этот период расширении культурных связей Левобережной Украины с восточной зоной общности КВК. Относительная немногочисленность таких находок на территории Левобережной Украины объясняется общим кризисом металлопроизводства в Волго-Уральском регионе, начавшимся в XIII, и наиболее ярко проявившимся в XII–X вв. до н. э. (IV и V

периоды бронзового века по В.А. Дергачеву и В.С. Бочкареву) [Дергачев, Бочкарев, 2002, с.302–307, рис.1].

4.3.3. Кожевенное производство.

О развитом кожевенном производстве свидетельствуют находки на поселениях ББК типологически разнообразных орудий, которые, по мнению большинства исследователей, применялись племенами бронзового века при обработке шкур животных и изготовлении изделий из кожи [Отрощенко, 1973, с.77–81; Семенов, Коробкова, 1983; Шрамко Б.А., 1984а, с.142–156; Килейников, 1988, с.97–110; 2009, с.96–113; Усачук, 1994а, с.63–69; 1996а, с.66–71; Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с.167–172; Панковский, 1999, с.196 – 201; 2000, с.95–97; 2003, с.134–144 и др.].

При первичной обработке сырья (мездрение и волососгонка) использовались так называемые струги и скобели из ребер животных (рис.57, 17; рис.86, 2). Подкожно-жировой слой удалялся также скребками из третьих копытных фаланг лошадей, использовавшихся как племенами ББК (рис.46, 8–11; 57, 6; 86, 17–19), так и других культур позднего бронзового века Восточной Европы [Лесков, 1970, с.39, рис.34, 5; Черняков, 1985, с.86, рис.40, 1, 13, 14; Березанская, 1990, с.49; Килейников, 2009, с.107–110, рис.8]. С этой же целью использовались скребки-диски из трубчатых костей животных (рис.47, 2, 4), метаподии со специально обработанными гранями (рис.57, 7; 88, 3, 4). В.В. Килейниковым [Килейников, 2009, с.100–101, рис.3] установлена возможность использования срубными племенами для мездрения периферийных участков шкур скребков, изготовленных из стенок сосудов. Такие скребки обычны и для ББК (рис.57, 1; 85, 9, 31–35; 110, 30–32, 34, 35, 37, 38).

Более универсальными орудиями являлись присутствующие на многих поселениях ББК тупики из нижних челюстей крупного рогатого скота и лошади, используемые при волососгонке и мездрении, а также для разминания ремней (рис.48, 7–9; 57, 10, 21; 86, 4–7; 97, 23; 111, 13) [Швецов, Цимиданов, Дубовская и др., 1984/102; Усачук, 1994а, с.63–64; 1996а, с.66–71; Горбов, Мимоход, 1999, с.31]. Находки тупиков обычны в памятниках общности КВК: сабатиновской и белозерской [Шарафутдинова И., 1961, с.165; Лесков, 1970, с.39, рис.34, 9], «позднесрубной» Подонья [Килейников, Екимов, 1996, с.158, рис.1, 13–15; Килейников, 2009, с.101–107, рис.4–7],

саргаринско-алексеевской [Кривцова-Гракова, 1949, с.123–124, рис.24], культурах финала бронзового–начала раннего железного века Молдовы [Мелюкова, 1961, с.24, рис.1], белогрудовской и чернолесской днепровского Правобережья [Тереножкин, 1961, с.104, рис.61, 5]. Аналоговый поиск показывает, что тупики из челюстей животных появляются в культурах хронологического среза Синташты–Абашево–КМК и продолжают бытовать в срубно-андроновское время [Шаповалов, 1976, с.158; Татаринов, 1977, рис.3, 5; 1979, с.83, рис.2, 12; Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, с.107, рис.6, 10; Березанская, 1990, с.49, табл.XV, 3; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с.107, рис.39, 1–4, 11; Дремов, 1992, рис.2, 14; Усачук, 1993, с.137, 138, рис.2, 1; Усачук, Бровендер, 1993, с.177, рис.2, 1; 4, 6; Килейников, 2009, с.101–107]. На некоторых памятниках они составляют весьма представительные серии, что свидетельствует о важном месте этих инструментов в хозяйстве. Например в Поволжье на «покровском» поселении Вишневатое обнаружено более 10 экземпляров таких орудий [Дремов, 1992, с.74], на «позднесрубном» поселении Садовое-6 – восемь [Килейников, Екимов, 1996, с.158], в Подонцовье на Усовом озере – 19 [Березанская, 1990, с.49], в Северо-Восточном Приазовье в срубных и ББК горизонтах Николаевки, Широкой Балки-2, Безыменного-2 – соответственно – 6, 12, 115 [Привалова, Привалов, 1987, с.104; Усачук, 1994а, с.63]. По подсчетам А.Н. Усачука, удельный вес тупиков в костяном инвентаре некоторых срубных поселений достигает 42,8 % [Усачук, 1994а, с.64].

По мнению многих исследователей, с кожевенным производством связаны лопатки крупных животных с прорезями-зубцами по краю (рис.46, 1–7; 86, 14) [Бодянский, 1952, с.175; Кривцова-Гракова, 1955, с.131; Отрощенко, 1973, с.77–79; Шаповалов, 1983/№ 620; Привалова, Привалов, 1987, с.104; Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с.168]. В.Б. Панковский на основании данных этнографии и технологии кожевенного и мехового производства пришел к выводу о том, что зубчатые лопатки представляют собой части стационарных орудий для разбивки овчин. Им предложено их новое терминологическое определение – «разбивальники» [Панковский, 1993, с.134–144].

Завершением механической обработки кожи являлось ее разминание, разглаживание, уплотнение и лощение. Для этих целей использовались лоцила из ребер животных, гладилки на диафизах трубчатых костей (рис.44, 30–34; 45, 9, 23–25, 28; 57, 12, 16; 86, 16; 111, 5, 12, 21) [Шаповалов, 1983/№ 620], «коньки» (рис.57, 11, 18; 87, 1–5) [Мимоход, 1996, с.125; Панковский, Усачук, 1996, с.33–37], каменные и керамические гладильники-утюжки (рис. 44, 16; 48, 14, 16; 116, 5) [Привалова, Привалов, 1987, с.102–103; 1988, рис.10, 11; Швецов, 1987, с.433]. По мнению И.Н. Шарафутдиновой и других исследователей, последние могли быть самыми древними утюгами, используемыми населением позднего бронзового века юга Восточной Европы [Шарафутдинова И.М., 1972, с.71; Ильюков, 2000, с.237–240].

Орудия, используемые при изготовлении изделий из кожи, – бронзовые и костяные шилья, проколки, иглы – представлены на всех достаточно полно исследованных памятниках ББК (рис.44, 28, 36–41; 45, 1–8, 14–18, 20, 31; 50, 14, 16–20; 57, 14, 15; 87, 7–19; 90, 8–11, 14; 98, 10, 11; 111, 6–11; 113, 28, 36) [Березанская, Цвек, Ключко и др., 1994, рис.47, 8, 13, 14, 18; Усачук, 1996, с.24; Привалова, Привалов, 1987, с.104]. С орудиями типа проколки и шильев, вероятно, технологически связаны метаподии с просверленной или пробитой спинкой, используемые в качестве упоров. Они представлены на поселениях Николаевка [Привалова, Привалов, 1987, с.105] и Богуслав-1 (рис.88, 14). Такие изделия иногда встречаются на памятниках культур позднего бронзового–раннего железного веков Восточной Европы [Тереножкин, 1952, с.120, табл.II, 13; Шарафутдинова И.Н., 1961, с.15, табл.II, 3; Ильинская, 1961, рис.6, 14; Памятники срубной культуры, 1993, табл.42, 14]. Еще одной разновидностью упоров, вероятно предназначенных для работы с инструментами, предназначенными для перфорирования отверстий большого диаметра, является орудие из Богуслава-1, изготовленное из дистального конца бедренной кости крупного копытного животного (рис.47, 1).

В плане определения особенностей организации ремесленного производства у племен ББК интересны производственные комплексы по обработке кожи и кости из Безыменного-2, выявленные в районе помещений № 2, 13, 23 и 29. В.Н. Горбовым и А.Н. Усачуком они соответственно отнесены к горизонтам IV, Va и Vб. Предложен-

ная интерпретация основывается на необычной концентрации здесь костяных орудий кожевенного производства. На участке, приуроченном к помещению № 29, найдено 32 % всех костяных изделий памятника, общее количество которых составляло 1028 экз. В этих производственных комплексах осуществлялись наиболее трудоемкие операции по утилизации туш животных и изготовлению из шкур кожи. Производившееся на месте изготовление костяных орудий, главным образом, было подчинено нуждам кожевенного производства. Не исключено, что работавшие здесь мастера подготавливали и сырье для косторезного производства. Высказано предположение, что работы производились «на заказ» (забой, снятие шкур, их первичная обработка, добыча компакты). Полученный «полуфабрикат», то есть кожа, дорабатывались заказчиками за пределами производственных комплексов, «на уровне домашних промыслов» [Горбов, Усачук, 2000, с.97–100].

4.3.4. Косторезное производство.

Животноводство обеспечивало сырьем еще одну отрасль ремесла – косторезную. Многочисленные публикации, посвященные косторезному производству культур позднего бронзового века Восточной Европы, прежде всего срубному [Даниленко Т.А., 1985, с.34–47; Килейников, 1988, с.97–110; 1997, с.103–105; Усачук, 1989, с.125–127; 1993, с.135–147; 1994, с.184–186; 1994а, с.63–69; 1996, с.21–27; 1996а, с.66–71; 1997, с.81–84; 2000, с.107–110; 2001, с.105–111; 2005, с.78–85; Усачук, Бровендер, 1993, с.175–186 и др.; Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с.152–166; Панковский, Усачук, 1996, с.33–37; Килейников, Екимов, 1996, с.155–161; Панковский, 1999, с.196–201; 2000, с.95–97; 2003, с.134–144; Горбов, Усачук, 2000, с.97–100], позволяют использовать содержащиеся в них наблюдения и положения при характеристике этого направления хозяйственной деятельности богуславско-белозерских племен. Так же, как и в других культурах позднего бронзового века, основная масса инструментов из кости изготавливалась в домашних условиях, о чем, в частности, свидетельствуют находки в поселениях ББК отходов косторезного производства – обрезков эпифизов трубчатых костей и симфизов нижних челюстей крупных копытных животных (рис.45, 29; 86, 9, 10; 111, 3).

Косторезное производство обеспечивало инструментарием земледелие и землеройные работы, подтверждением чего является присутствие в памятниках культуры лопат, изготовленных из лопаток крупных копытных животных (рис.46, 18; 86, 11–13), костяных и роговых мотыг (рис.45, 19, 21, 24, 26, 27; 86, 1, 3). Особое место занимали мастера-косторезы в обеспечении многочисленными и разнообразными орудиями кожевенного производства, ткачества и прядения, изготовления одежды и других изделий из кожи, растительных и шерстяных тканей. Речь идет о стругах, скобелях (рис.57, 17; 86, 2), скребках и «штампах» на лопатках животных (рис.46, 1–11; 57, 6; 47, 2, 4; 86, 14, 17–19), тупиках (рис.48, 7–9; 57, 10, 21; 86, 4–7; 97, 23; 111, 13), ложилах (рис.44, 30–34; 45, 9, 23–25, 28; 86, 16; 57, 12, 16; 111, 5, 12, 21), «коньках» (рис.57, 11, 18; 87, 1–5), проколках, иглах, шильях (рис.44, 28, 36–41; 45, 1–8, 14–18, 20, 22; 57, 14, 15; 87, 6–19; 111, 6–11), пряслах (рис.44, 26; 46, 13–16; 47, 5, 6; 87, 24; 124, 11, 14, 16). Из кости изготавливались и инструменты, связанные с гончарством (рис.45, 11–13; 87, 22). Большая часть этих орудий достаточно просты и неспецифичны, что позволяло их изготавливать по мере надобности любому члену производственного коллектива.

Более специализированным, вероятно, могло быть изготовление предметов вооружения, в частности, луков и стрел.

Археологические данные, позволяющие получить представление о типах луков позднего бронзового века, недостаточны. Судя по находке в позднесабатиновском горизонте поселения Ильичевка роговых обкладок концов луков (рис.47, 22, 23), они имели сложную конструкцию и, вероятно, были достаточно мощными. Роговая деталь лука, аналогичная ильичевским, происходит из ивановского комплекса поселения Григорьевка-1 в лесостепном Поволжье [Колев, 2002, с.156, рис.7, 6], что, вероятно, свидетельствует о распространенности конструктивно сложных луков на всей постсрубной территории.

Составными были и стрелы, состоящие из древка, наконечника и пяты с яблочком. Пяты, вероятно, изготавливались из дерева, реже – из кости, о чем свидетельствуют находки выполненных в этом материале втульчатой и черешковой пят в Ильичевке (рис.47, 21) и Безыменном-2 (рис.97, 16).

Обращает на себя внимание, что все известные нам наконечники стрел из комплексов прото-ББ изготовлены из кости. В частности, наконечники типов 1 и 2 присутствуют в опорных памятниках ББК раннего этапа – в «позднесабатиновском» горизонте поселения Ильичевка, в Чикаловке, Николаевке (рис.47, 13–15; 57, 20; 88, 19). В.И. Ключко подобные пулевидные и трехгранные наконечники из Кировского поселения, морфологически близкие бронзовым скифским, отнесены к восточно-украинской группе вооружения [Ключко, 2006, с.212]. Характерны для прото-ББ и черешковые наконечники стрел (типы 3–5), известные по находкам в позднесабатиновском горизонте поселения Ильичевка, IV горизонте Безыменного-2, Студенке-6 (рис.47, 7–12, 16–20). Втульчатые трехгранные (тип 2) и черешковые (тип 4) костяные наконечники продолжают изготавливаться и на этапе ББ1, что подтверждает их присутствие в хорошо датированных комплексах финального срубного горизонта Ильичевки (рис.88, 18) и V горизонта Безыменного-2 (рис.97, 17).

Еще более серьезных навыков в работе с костью и рогом, и, вероятно, использования специализированных инструментов, требовало изготовление деталей конской упряжи – псалиев и наносников (рис.48, 2–6; 58, 19; 88, 11, 12; 97, 21, 22; 111, 1, 2), которые, судя по тщательности обработки и наличию богато орнаментированных экземпляров, принадлежали к группе престижных предметов материальной культуры. Это, а также широкое территориальное распространение в среде КВК Евразии типологически однородных изделий из кости и рога, показывает наличие определенных стандартов, соблюдение которых было возможно только при условии присутствия в производственных коллективах профессиональных мастеров-резчиков.

Вероятно, правомерно утверждение, что косторезное производство ББК базируется на местной, срубной, традиции. По мнению А.Н. Усачука, при всем сходстве костяного инвентаря сабаатиновской и срубной культур, в том числе ББК (поздне-срубной по терминологии донецких археологов), специфика последнего проявляется достаточно отчетливо. Сабатиновское косторезное производство ориентировано на запад – к культурам Ноуа и Кослодженъ, срубное – на восток, к памятникам андроновского круга. Правомерными представляются выводы этого исследователя относи-

тельно необходимости пересмотра устоявшегося в историографии мнения о более высоком уровне развития сабастиновского косторезного производства по сравнению со срубным [Усачук, 1994, с.186]. Этот вывод правомерен и при сопоставлении позднесабастиновского и белозерского косторезного производства с богуславско-белозерским.

4.3.5. Ткачество и прядение.

При изготовлении тканей и полотна, используемых для шитья одежды и изделий домашнего обихода богуславско-белозерскими племенами, вероятно, использовались растительные материалы и шерсть. Высокий удельный вес мелкого рогатого скота в составе стада (табл.3.10) подтверждает наличие стабильной сырьевой базы. На археологических материалах отчетливо фиксируется только один из технических приемов обработки шерсти – спрядение или ссучение нитей [Комарова, Мартин, 1989, с.22–24; Кожин, Мартин, 1989, с.139–144]. С ним связаны глиняные (рис.44, 19–25, 27; 85, 16–22, 24, 25, 27, 29, 30; 97, 4; 110, 12–22), костяные (рис.44, 26; 46, 14–16; 47, 5, 6; 87, 24; 124, 11, 14, 16; 125, 8) и каменные (рис.49, 10) прясла. Разнообразие форм, размеров, материалов из которых они изготовлены, свидетельствует о широком ассортименте качественных характеристик пряжи и соответственно сотканного из него полотна. Значимость этой отрасли ремесленного производства подтверждается тем, что среди погребений ББК, инвентарь которых позволяет судить о профессиональной ориентации умерших, доминируют погребения «пряж», сопровождаемые пряслами (рис.124, 11, 14, 16; 125, 8). Эта закономерность прослеживается и на примере погребальных памятников постсрубного времени Доно-Волжского междуречья [Потапов, 1997, с.128–130]. При шитье использовались бронзовые и костяные иглы, также присутствующие в материалах Ильичевки, Клешни-1, Богуслава-1 (рис.50, 18; 87, 17, 19; 90, 11).

В плане выделения инструментов, связанных с такой отраслью обработки растительных волокон и шерсти как свивание веревок, интерес представляет вопрос о функциональном назначении так называемой «кошки», найденной в верхнем стратиграфическом горизонте святилища № 1 Богуслава-1 (рис.88, 1). В литературе известно несколько достаточно гипотетичных точек зрения в отношении функци-

онального назначения рассматриваемой разновидности орудий: инструмент, предназначенный для зацепа или извлечения из воды различных предметов (ведер, сетей и т. д.) [Старо-Оскольский район..., 1941, с.168; Качалова, 1974, с.9]; предмет конской упряжи [Пряхин, 1996, с.111], навершия жезлов (клейнодов) [Отрощенко, 1993, с.103, рис.2]. Нам представляется, что «кошки» могли использоваться в качестве основы для свивания веревок и шнуров. Самый простой инструмент, используемый в этих целях и в настоящее время, представляет собой прямоугольную или квадратную в плане доску с четырьмя сквозными отверстиями в углах. Процесс свивания обеспечивается приданием доске вращательного движения. Использование «кошек» в качестве подобного инструмента вполне возможно. Если согласиться с такой интерпретацией, четырехшипные «кошки» могли входить в набор инструментария мастеров позднего бронзового века, специализирующихся на обработке шерсти и сырья растительного происхождения. Небезинтересна также версия, что эти изделия могли использоваться как крюки для подвешивания детской колыбели [Ромашко, 2011, с.101–103].

4.3.6. Обработка камня и кремня.

Обобщая данные о камнеобрабатывающем производстве в Украине, С.С. Березанская отмечает существенные изменения в его организации в начале позднего бронзового века, вызванные тем, что потребность в орудиях из камня и кремня значительно сократилась. Потребность в них удовлетворялась за счет мастеров высокого класса, работавших на заказ и обслуживавших определенные территории [Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с.51, 54]. Таким же образом, вероятно, было организовано и камнеобрабатывающее производство племен ББК.

Некоторые разновидности изделий из камня, изготовление которых не требовало значительных трудозатрат, специальных инструментов и сырья, продолжали изготавливать в каждом поселке или даже семье. Речь идет об абразивах аморфных и простых форм, отбойниках, наковальнях. О распространенности таких форм обработки камня у племен БМСК и ББК свидетельствуют материалы поселений Богуславского археологического микрорайона. На поселениях Павлоград и Богуслав-1, кроме орудий, изготовленных из камня, найдено около 600 аморфных кам-

ней, различных размеров и пород. Большинство камней доставлено в регион из достаточно отдаленных мест, поскольку в Среднем Присамарье отсутствуют естественные выходы коренных и осадочных пород. Исключением является геологическая формация мелового периода, расположенная в 40–50 км выше по течению Самары. Реальным свидетельством развитого камнеобрабатывающего производства у местных БМСК племен является компактное скопление отбойников, кремневых отщепов и осколков камней различных пород, выявленное на полу жилища № 1 поселения Павлоград [Ромашко, 1995а, с.116]. Несколько противоречит устоявшемуся в литературе мнению об угасании камнеобрабатывающей отрасли ремесла в позднем бронзовом веке [Березанская, Цвек, Ключко и др., 1994, с.28] количественное и типологическое преобладание каменных орудий в материалах культурно-хронологического горизонта ББК по сравнению с горизонтом БМСК поселения Богуслав-1. Последнее еще раз подтверждает практику изготовления племенами заключительного этапа позднего бронзового века простейших инструментов, необходимых для удовлетворения текущих хозяйственных потребностей в бытовых условиях.

Однако изготовление многих орудий требовало профессиональной подготовки, необходимой при работе с кварцитами, гранитами, диоритами, диабазами и другими твердыми породами камня. Морфологическое единообразие пестовскипетров, ступок, цилиндрических растиральников, гладильников-утюжков, представленных в памятниках ББК (рис.48, 10, 11, 13, 14, 16; 89, 2; 116, 1–8) и других культур позднего бронзового века Восточной Европы, может быть объяснено именно существованием специализированных центров по их производству. Вероятно, они располагались непосредственно в местах геологических обнажений необходимых горных пород. Изделия работающих в них мастеров расходились на очень значительные расстояния, что подтверждается их находками на памятниках многих культур позднего бронзового века Евразии.

Сказанное правомерно и в отношении обработки кремня. На большей части поселений ББК она не производилась, так как находки на них изделий группы А [Телегин, 1978] – аморфных отщепов, сколов, чешуек, ножевидных пластин – не менее редки, чем группы Б – орудий и предметов вооружения. Например, на поселении

Богуслав-1 на 12 изделий группы Б (рис.50, 1–5; 89, 13, 14, 20, 21, 24, 25) приходится только девять сколов, отщепов и чешуек (рис.89, 19, 26). В публикациях и отчетной документации большинства поселений ББК отмечается единичность или полное отсутствие отходов обработки кремня. Показательно, что в более ранних археологических культурах, характеризующихся развитой кремневой индустрией, соотношение изделий групп А и Б было совершенно иным. По данным Д.Я. Телегина, для мезо-неолитической эпохи оно соответственно составляло 94,2–97,4 % и 5,8–2,6 % [Телегин, 1978, с.36–37], что является неоспоримым свидетельством налаженного процесса обработки кремня в местах обитания.

Существование специализированных кремнеобрабатывающих центров заключительного этапа позднего бронзового века на территории Левобережной Украины подтверждается материалами некоторых поселений Северского Донца, расположенных в непосредственной близости от кремненосных меловых осыпей. На поселениях Диброва и Глубокое Озеро-2 найдено соответственно 646 и 885 кремней, большая часть которых связана с постсрубными горизонтами памятников, что свидетельствует об оживлении кремнеобработки на этапе ББ1 [Колесник, Гершкович, 1996, с.8–13]. Еще большее развитие изготовления кремневых орудий племенами ББК получает на этапе ББ2. Наиболее выразительно это проявляется в распространении кремневых серпов (рис.113, 2–6, 9, 10, 11), что связано с переходом позднейших племен ББК Среднего Поднепровья, Предстепья и Донецкой интразональной лесостепи к земледелию и заимствованием в бондарихинской среде характерных для нее земледельческих орудий.

Данные об основных направлениях хозяйственной деятельности населения заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины свидетельствуют, что эта территория входила в зону распространения комплексного земледельческо-скотоводческого и экстенсивного скотоводческого хозяйства в его отгонной (без стойлового содержания животных) форме с элементами земледелия. Первое было присуще малобудковско-бондарихинским племенам лесостепной зоны, второе – племенам ББК этапов прото-ББ и ББ1 лесостепного и степного вариантов. На этапе ББ2, в условиях деструкции и трансформации ББК, происходит и

изменение форм хозяйства ее носителей. Остатки степного населения переходят к перегонному типу скотоводства с его кочевым бытом. Оставшиеся в южной Лесостепи и пограничье двух физико-географических зон местные и продвигнувшиеся из степных районов группы ББК (см. Раздел 6) заимствуют у земледельческих бондарихинских племен новые, земледельческо-скотоводческие, формы хозяйственной деятельности.

Формально-типологический и функционально-типологический анализ предметов материальной культуры показывает стандартный для общности КВК уровень технологического развития населения ее контактного региона.

4.4. Домостроительство племен богуславско-белозерской культуры

Комплекс вопросов, связанных с древним домостроительством, в том числе и ББК, предусматривает необходимость двух уровней исследования – сравнительно-типологического и интерпретационного. Целью первого является типологизация остатков сооружений и аналоговый поиск их прототипов в предшествующих и синхронных культурах бронзового века. Второго – реконструкция верхних объемов сооружений, определение границ домовых ландшафтов и их места в ландшафтах домовых форм¹ эпохи бронзы Евразии, выявление генетических векторов традиций домостроительства. В большинстве существующих типологических схем сооружения культур бронзового века дифференцируются на наземные, полуземлянки и землянки. Такое разделение стало почти хрестоматийным и опирается, прежде всего, на этнографическую классификацию традиционных крестьянских жилищ полных архитектурных объемов (домовых форм). Необходимо признать, что в археологической

¹ В этнографии термины «домовой ландшафт» и «ландшафты домовых форм» соответственно означают распространение одного типа домов в пределах определенной местности и определенную местность со всеми встречающимися на ней типами домов [Баумгартен, 1989, с.41]. Необходимо отметить, что в отличие от этнографии, объектом исследования которой являются архитектурно полные объемы (домовые формы) сооружений, археологическая наука может использовать только источники, представляющие их частично сохранившиеся нижние объемы. Последнее не исключает правомерности употребления этих терминов и методической обоснованности их использования в тех случаях, когда предлагается не только классификация археологически фиксируемых остатков сооружений, но и графическая реконструкция их верхних объемов.

науке эта типология более условна и основывается исключительно на данных о глубине котлованов, а остальные признаки, в том числе характеристика несущих конструкций и кровли по дихотомическому принципу¹, в большинстве случаев является допущениями.

Вышесказанное наглядно иллюстрируют критерии типологии античных сооружений Северного Причерноморья, разработанные С.Д. Крыжицким и принятые исследователями культур иных археологических периодов, в том числе эпохи бронзы [Gerškovič, 1999, s.41]. По мнению С.Д. Крыжицкого, разделение на типы возможно «исходя из характера несущих конструкций, их пространственного положения и общего принципа решения объемов». К наземным постройкам отнесены сооружения, объем которых находится выше уровня дневной поверхности или углубленные в грунт на 0,1–0,3 м, но при условии, что высота стен в наземной части будет достаточной (порядка 1,9–2 м) для устройства нормального наземного входа под наиболее низко расположенным карнизом крыши. К полуземлянкам отнесены сооружения, котлованы которых углублены более чем на 0,3 м, несущие стены выступают выше уровня окружающей дневной поверхности. Они образованы бортами котлована и наземной конструкцией. Наземные части стен могут быть сооружены из любого материала. Карниз кровли размещается выше уровня дневной поверхности. К землянкам отнесены сооружения, углубленные ниже уровня дневной поверхности на всю высоту несущих стен, которыми являются борта котлована. Карниз кровли (в случае его наличия) размещается на уровне дневной поверхности или немного выше [Крыжицкий, 1982, с.12].

Нам представляется, что такой подход, надежно зарекомендовавший себя при классификации построек античного времени, на материалах ББК срabатывает не столь эффективно, что обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, все сооружения ББК углублены в грунт более чем на 0,3 м (табл.3.4; 3.5), что, в соответствии с вышеприведенными определениями С.Д. Крыжицкого, затрудняет выделение такого типа построек как наземные. Вероятно, это

¹ Дихотомический принцип типологизации дома заключается в определении поверхностей и несущих конструкций, на которые опирается кровля [Баумгартен, 1989, с.39]

не означает, что наземных построек богуславско-белозерские племена не возводили, просто отсутствуют надежно документированные свидетельства этого. Условно к наземным можно отнести остатки построек с несохранившимися котлованами, например, постройки поселения Залинейное.

Во-вторых, среди сооружений ББК отсутствуют землянки, то есть котлованы построек, углубленные в грунт более чем на высоту человеческого роста, что предполагает размещение карниза (потолка, плоской кровли) на уровне древнего горизонта. Максимальные глубины котлованов построек ББК соответствуют 1,6–1,8 м от современной поверхности (табл.3.4; 3.5). При этом следует учесть, что почти все они имеют корытообразный пол, приобретший такую форму в результате вытаптывания. То есть первоначальная глубина таких построек была намного меньше. Она определяется глубиной пола по краям котлована, которая на несколько десятков сантиметров (до 0,7–0,8 м) меньше, чем в центре. Единственным исключением является жилище № 1 Любовки, имеющее ровный пол и глубину 1,8 м.

В третьих, при характеристике построек ББК их глубину (и соответствующие ей заключения о дихотомических особенностях) затруднительно рассматривать в качестве основного типологообразующего признака в связи с тем, что одни и те же конструктивные особенности выявлены как в котлованах, углубленных в грунт на 0,4 м, так и на 1,6–1,8 м. Речь, например, идет о расположении столбовых ям, свидетельствующих об аналогичном оформлении верхних объемов построек с разной глубиной котлованов.

Исходя из этого, сооружения, пол которых находится ниже уровня дневной поверхности, определены нами терминами «углубленные жилища или хозяйственные постройки».

Не соответствует современному состоянию источниковой базы и типология, разработанная Н.Н. Чередниченко для жилищ срубной культуры Подонья и Северского Донца. Исходя из размеров котлованов, им выделяются два типа сооружений – большие и маленькие [Чередніченко, 1976, с.24–25]. Подобный подход использован и другими авторами [Сальников, 1967; Обыденнов, Обыденнова, 1992, с.54–55; Потемкина, 1985, с.322–330].

Увеличение количества исследованных на территории Украины сооружений срубной культуры и ББК, а также накопление данных о сооружениях иных культур позднего бронзового века Евразии показывает значительную варибельность сочетания конструктивных элементов, в равной степени характерных как для больших, так и для незначительных по размерам построек, отнесение которых к одним типам не вызывает сомнений.

Источниковую базу составляют данные о 48 жилых и хозяйственных сооружениях лесостепного и 31 – степного вариантов ББК (Приложение Б; табл.3.4; 3.5). При систематизации этих материалов в качестве типологообразующих признаков рассматриваются горизонтальная планировка, наличие столбовых ям, система их расположения, строительный материал.

4.4.1. Жилища и хозяйственные постройки богуславско-белозерской культуры.

Сооружения, исследованные на поселениях лесостепного варианта, представлены типами 1–5.

К типу 1 отнесены углубленные в грунт сооружения, на дне котлованов которых отсутствуют столбовые ямы (рис.14). На некоторых поселениях они составляют более половины жилищ горизонта ББК.

Например, на поселении Ильичевка из восьми жилищ «позднесабатиновского и финального срубного» горизонтов [Шаповалов, 1976, с.154–155; 1983/№ 620] к типу 1 относятся пять: № 6а, 8–11. На поселении Богуслав-1 из семи полностью исследованных жилищ ББК к рассматриваемому типу принадлежат четыре: № 1–3, 5. На этих же памятниках присутствуют и однотипные хозяйственные постройки – № 1а на Ильичевке и № 4 на Богуславе-1. Не обнаружено столбовых ям и в пяти из семи жилищ поселения Шоссейное: № 4, 6, 7 раскопа I; № 2, 3 раскопа II [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.141–147, рис.1]. К этому же типу правомерно отнесение жилищ № 1–3, 5 Чикаловки [Шарафутдінова І.Н., 1964, с.154–155, рис.2; 1982, с.20, рис.5], № 6 и 7–7А поселения «Песочин-Мобиль» [Шрамко І.Б., Корохіна, 2007, с.436–439], № 2 поселения Осиповка [Беляев, 1977, с.42, рис.2], № 1 Лоцманской

Каменки [Ромашко, 2001, с.169–177, рис.1], № 1 Старой Игрени [Ромашко, 1985, с.90–97, рис. 1, 1].

Сооружения типа 1 обычны для срубной культуры лесостепной зоны Украины [Митрофанова, 1960, с.63–64, рис.1; Татаринев, Копыл, Колесник и др., 1976/107; Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, с.104; Берестнев, 1981, с.231; 1988/211; 1995/29; 1996/18, 1997, с.153; 1997а, с.84–86, рис.1; Швецов, 1985/132; 1987, с.433–434; Татаринев, 1988, с.96–102; Бровендер, 1993, с.151–163, рис.4–6] и др. Они известны также в восточных срубных и андроновских памятниках [Памятники срубной культуры, 1993, с.71, табл.42, 17; Лопатин, 1996, с.150, рис.5, 1; 6, 1; Матвеева, Васильев, 1972, с.248, рис.7; Обыденнова, Обыденнов, 1992, с.49–57 и др.].

В украинской Лесостепи остатки подобных сооружений также представлены в восточнотшинецких, сосницких, белогрудовских, малобудковских и бондарихинских памятниках [Березанская, 1957а, с.90–91, рис.1; 1972, с.21–43, рис.4, 10; Покровська, Петровська, 1961, с.132–135, рис.3; Буйнов, 1977а, с.273–274; Воловик, 1984/77; 1986, с.224–225; Буйнов, Дегтярь, 1988/60].

В Северо-Западном Причерноморье жилища типа 1 появляются только в конце бронзового века, в белозерско-тудоровской культуре [Мелюкова, 1961а, с.116–123; Федоров, 1968, с.286–287; 1969, с.391–392; Ванчугов, 1979, с.312; Черняков, 1985, с.40].

К типу 2 отнесены сооружения, на дне котлованов которых выявлены бессистемно расположенные столбовые ямы (рис.15), конструктивно не связанные с сооружением верхних объемов постройки, то есть стен и кровли. Таких жилищ в ББК известно два: жилище № 14 поселения Усово озеро [Березанская, 1990, с.32, табл.ХІ] и жилище № 7 поселения Богуслав-1. Возможно, к этому типу следует отнести жилища № 2 и 3 Орехово-Донецкого-4 [Горбов, Усачук, 2001, с.17, 20, рис.2; 4].

В материалах предшествующих культур и хронологических периодов позднего бронзового века Левобережной Украины подобные сооружения достаточно обычны [Телегин, 1959, с.74, 78–80, рис.1; 3; Шаповалов, 1976, с.153–154; 1983/№ 620; Березанская, 1990, с.24–29, табл.IV, V, VII, VIII; Воловик, 1993, с.180–181, рис.1, 2].

Углубленные однокамерные жилища с бессистемно расположенными столбовыми ямами известны на многих поселениях срубно-андроновского круга [Кривцова-Гракова, 1948, с.77, табл.Ш, IV; Зданович Г.Б., 1988, с.26–57, 132; Горбунов, 1989, с.70].

Тип 3 включает сооружения, столбовые ямы, в которых расположены по периметру, вдоль стен котлована (рис.16). Представлен жилищами ББК № 12 Усова озера [Березанская, 1990, с.30–31, табл.X], № 5, 8 Шоссейного [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.140–141, 144, рис.1], № 1 Бузовки [Ромашко, 1982, с.55, рис. 1, 1–3], № 2, 3, 5 Таранцево [Берестнев, 1994, с.123, рис.13, 4, 5], помещение № 5 Орехово-Донецкого-4 [Горбов, Усачук, 2001, с.27–28, рис.6].

На срубных поселениях лесостепной зоны сооружения типа 3 немногочисленны [Либеров, 1961, с.53–58, рис.1; Швецов, 1987, с.433–434]. Более распространены такие сооружения в иных культурах эпохи поздней бронзы лесостепной зоны [Ковпаненко, 1967, с.23–25, рис.8; Березанская, 1972, с.37; 1974, с.27–29, табл.IV; Буйнов, 1977а, с.273–274; 2008а, с.10–11, рис.3, 1; 4, 1; Синюк, 1981, с.111, 113, рис.1]. Обычны сооружения типа 3 и для культур восточных территорий, в частности абашевской и срубной Подонья, Поволжья и Приуралья [Грязнов, 1953, с.137–141, рис.59; Горбунов, 1986, с.31, табл.VII; 1989, с.64–65, табл.Ш, 6; IV, 11 и др.].

Тип 4 представлен жилищами со столбовыми ямами, расположенными в один или несколько рядов вдоль осевой линии котлована (рис.17; 18). К нему возможно отнесение некоторых жилищ ББК: № 4 Чикаловки [Шарафутдинова I.M., 1964, с. 155, рис. 2], № 8 Усова озера [Березанская, 1990, с.26, табл.VI], № 1 Любовки [Радзіевська, Шрамко Б.А., 1980, с.102; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99], № 1 Студенка-6 [Буйнов, Дегтярь, 1987/101], № 6 Богуслава-1, хозяйственной постройки № 2 Ильичевки [Шаповалов, 1983/№ 620].

Наиболее ранними аналогами сооружениям типа 4 в Левобережной Украине являются срубные жилища № 1, 2 поселения Рубцы [Березанская, 1959, с.85–90], а также № 1 Таранцево [Берестнев, 1994, с.122, рис.1, 2]. В рассматриваемом регионе они представлены и в бондарихинской культуре [Буйнов, Дьяченко, Шрамко Б.А., 1978, с.303–304].

Известны такие сооружения и на срубных поселениях других территорий [Артамонов, 1933, с.51–55], в андроновских [Потемкина, 1985, с.323–328], саргаринско-алексеевских памятниках [Кривцова-Гракова, 1948, с.80, табл. VI].

Сооружения типа 5 характеризуются наличием системы столбовых ям, расположенных как по периметру котлованов, так и по осевой линии (рис.19), то есть сочетают признаки построек 3 и 4 типов. В Ильичевке таковыми являются жилища № 7, 12, 13 позднесабатиновского и финального срубного горизонтов [Шаповалов, 1983/№ 620]. К типу 5 возможно отнесение жилища поселения Диброва [Гершкович, 1990, с.58; 1995, с.37], жилищ № 9 поселения Дроновка [Копыл, Татаринов, 1975, с.357–358; Копыл, Татаринов, Меценко, 1976, с. 341; Татаринов, 1980, с.280–283], № 1–3 Волковки [Осташков, 1995, с.44], № 1, 4 Орехово-Донецкого-4 [Горбов, Усачук, 2001, с.15, 21, 25, 27, рис.2; 5].

Также как и сооружения типов 1–4, жилища рассматриваемого типа в лесостепном Левобережье известны в студенокских, малобудковских и бондарихинских поселениях [Буйнов, Грубник-Буйнова, Воловик и др., 1979, с.309–310; Буйнов, 1981/№ 600; 2008, рис.1].

Сооружения типа 5 широко распространены в памятниках срубной КИО [Трубникова, 1958, с.183–185, рис.2; Качалова, 1974, с.5, рис.1; Шаповалов, 1983/№ 620; Горбунов, 1989, с.66–67, табл. VI, 16; X, с.67, 69, 70, 72, табл. VIII, 11; Березанская, 1990, с.16–23, 29, 30, рис.5–7, табл. I, II, IX; Памятники срубной культуры, 1993, с.75, 87, табл.51, 11; 68, 1; Лопатин, 1996, с.140–158, рис.4, 1; 8, 1]. Близкие по конструктивным особенностям постройки представлены на абашевских поселениях Приуралья [Горбунов, 1986, с.29–27, 31; 1989, с.62] и федоровских [Зах, 1995, с.68–69, рис.43]. Сооружения этого типа обнаружены и на некоторых поселениях позднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья [Ванчугов, 1977, с.275–276; 1978, с.306].

Остатки сооружений, выявленных на поселениях степного варианта ББК, в большинстве случаев типологически отличаются от лесостепных.

С ними сопоставима только небольшая группа жилых и хозяйственных построек, по конструктивным особенностям соответствующая сооружениям типов 1 и 5.

Сооружения типа 1 в Нижнем Поднепровье представлены «большой землянкой» поселения на Белозерском лимане-1 [Кривцова-Гракова, 1949, с.78–79, рис.1], в Северо-Восточном Приазовье жилищем поселения Камышеватая-8 [Горбов, 1990, с.60; Колесник, Горбов, Усачук и др., 1991/165], хозяйственной постройкой № 3 Николаевского поселения [Привалова, Привалов, 1987, с.98]. К сооружениям типа 5 относится жилище № 1, исследованное на поселении у с. Песчанка [Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100].

Остальные разновидности сооружений ББК степного варианта имеют каменные конструкции. Выделяются три типа, различающиеся количеством камер и планировкой (типы 6–8): однокамерные, многокамерные и блочные (рис.20). Предлагаемая нами типология несколько отличается от типологии, разработанной С.Д. Крыжицким для сооружений с элементами каменного домостроительства позднего бронзового и раннего железного веков Северного Причерноморья [Крыжицкий, 1982, с.121–128], и используемой многими авторами [Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991; Ключинцев, 1993; Горбов, 1997; Gerškovič, 1999]. По мнению С.Д. Крыжицкого, в домостроительстве сабатиновских племен прослеживаются две ведущих системы планировки – мегаронная и многокамерная блокирующая [Крыжицкий, 1982, с.125]. Близка этой типологии и схема, согласно которой постройки сабатиновской и других культур эпохи бронзы Украины, имеющие каменные фундаменты и облицовку, разделяются на однокамерные и многокамерные [Шарафутдинова И.Н., 1982; 1986; Черняков, 1985; Привалова, Привалов, 1987].

Представляется целесообразным типологическое разделение многокамерных и блокирующихся сооружений. По нашему мнению, основное различие между ними заключается в том, объединены ли соседние помещения внутренними проходами или изолированы. В первом случае их следует относить к категории многокамерных, во втором – блокирующихся. Отметим также, что значение употребляемого нами понятия «блок» не совпадает с содержащимся в работах В.Н. Горбова [Горбов, 1997, с.145–161], который обозначает этим термином группу расположенных вплотную друг к другу помещений.

К типу 6 отнесены углубленные однокамерные сооружения с облицованными камнем стенами котлованов (рис.25, 1). Таковыми являются жилище № 5 и хозяйственная постройка № 4 поселения Николаевка [Привалова, Привалов, 1987, с.97–98], жилище поселения Стыла [Привалова, 1983, с.309–310], жилище № 2 и хозяйственная постройка поселения Старая Ласпа [Привалова, 2000, с.105], помещения № 3, 6, 10, 16, 22, вероятно, 15 и 76 Безыменного-2 [Горбов, 1997, с.145–161, рис.3].

К типу 7 отнесены многокамерные сооружения (рис.25, 2). Сообщающиеся камеры разделены сложными из камня перегородками, стены котлованов облицованы каменными плитами. Таковыми сооружениями являются жилище поселения у с. Клиновое [Татаринов, 1993, с.44, табл.6, 2], жилище № 1 поселения Старая Ласпа [Привалова, 2000, с.105, рис.1, 1], помещение № 17 поселения Безыменное-2, и, возможно, № 23 и 23а, площадь которых исследована не полностью [Горбов, 1997, с.156–157, рис.3].

Сооружения типа 8 представляют собой углубленные, сложные в плане блокирующиеся постройки, каждая из которых имеет отдельный вход (рис.26). Объединенные в блочную конструкцию помещения могут быть одно- или многокамерными, то есть по формальным признакам соответствовать сооружениям типов 6 и 7, отличаясь тем, что имеют с соседними помещениями общие стены.

Судя по приводимому в публикации О.Я. и А.И. Приваловых описанию, две такие блочные конструкции исследованы на Николаевском поселении. Одна из них состояла из жилищ № 1, 2, вторая – из жилищ № 3, 4 и хозяйственных помещений № 1, 2 [Привалова, Привалов, 1987, с.95–99].

На поселении Безыменное-2, как нам представляется, возможным выделение не менее восьми блокирующихся сооружений, состоящих из помещений № 2; 1–8а–8б; 11–12; 13–13а–14; 19–20–21; 24–24а–26; 25; 29 [Горбов, 1997, с.145–161, рис.3].

Сооружения типов 6–8 характеризуют домостроительство не только племен ББК Северо-Восточного Приазовья. В.Н. Горбовым [Горбов, 1997, с.146–159] приводится достаточно полный перечень сооружений с облицованными камнем стенами котлованов, показывающий, что они долгое время бытуют в культурах срубно-андроновского круга [Шапошникова, 1970, с.147–148; Дубовская, 1978,

с.94–95; Бровендер, 1990, с.48–51; Цимиданов, Кравченко, 1993, с.140–141; Посредников, 1994, с.138; Горбов, 1997, с.148]. Аналогичные сооружения представлены на памятниках восточных районов срубной КИО [Братченко, 1969, с.221–222; Ильюков, Флеров, 1980, с.56–58; Потапов, 2000, с.23–26, рис.1, 2; Ларенок, 2000, с.26–28] и в андроновской культуре [Кузьмина, 1964, с.103; Зданович Г.Б., 1988, с.141]. Как конструктивно близкие приазовским В.Н. Горбовым [Горбов, 1997, с.154–156] рассматриваются остатки жилищ Кировского поселения [Лесков, 1970, с.48–59] и некоторых поселений кизил-кобинской культуры Крыма [Колотухин, 1990, с.137–138; 1997, с.151–153].

Круг аналогов может быть дополнен. Котлованы с каменными кладками известны также на поселениях Отрадовка [Волошко, Татаринов, Копыл, 1978, с.308–309], Пилипчатино [Татаринов, 1988, с.96–97, рис.1], Червонэ озеро-1, 3 [Бровендер, 2007, с.71–87; 2010а, с.203–221, рис.1; Бровендер, Загородняя, Ключнева, 2008, с.12–14; Бровендер, Загородняя, 2011, с.47–48]. Остатки «землянок», стены которых облицовывались камнем, обычны и для поселений кобяковской культуры [Шарафутдинова Э.С., 1980, с.13–44].

Суммируя вышесказанное, отметим следующее. По планиграфии нижних объемов и археологически фиксируемым конструктивным элементам выделяется восемь типов сооружений ББК (табл.3.4–7). Их картографирование показывает, что сооружения типов 2–4 представлены только в левобережной Лесостепи, Предстепье и Донецкой интрозональной лесостепи, типы 6–8 специфичны для Северо-Восточного Приазовья, то есть географические рамки их распространения в целом соответствуют территории либо лесостепного, либо степного вариантов культуры. Общими для них являются сооружения типов 1 и 5, доминирующие на памятниках лесостепного варианта, но известные и в степной зоне, преимущественно в Нижнем Поднепровье.

Аналоговый анализ остатков сооружений ББК показывает их близость наиболее распространенным типам сооружений многих евразийских культур эпохи бронзы, в том числе срубной, андроновской и сложившихся на их основе культур общности КВК. Важно, что сооружения всех рассматриваемых типов представлены на

срубных поселениях соответствующих районов Украины. Последнее свидетельствует о сохранении в среде срубных племен традиций домостроительства вплоть до времени деструкции этого этнокультурного феномена позднего бронзового века и сложения на его основе ББК.

4.4.2. Особенности домостроительства богуславско-белозерских племен.

Котлованы сооружений лесостепного варианта ББК всех типов в большинстве случаев имеют прямоугольную или близкую к ней форму. Исключения единичны. Овальную форму, например, имел котлован хозяйственной постройки № 4 Богуслава-1.

Расположение входов в жилые и хозяйственные сооружения в большинстве случаев не фиксировалось. Входы-тамбуры или коридоры отмечены только в жилище № 7 Ильичевки, жилищах № 4, 7, 8 Шоссейного, помещении № 3 Орехово-Донецкого-4. По мнению Т.А. Шаповалова, входы целесообразно было устраивать на южной или юго-восточной стороне жилищ, где они были прикрыты от господствующих на Левобережной Украине в зимнее время северных и северо-восточных ветров [Шаповалов, 1985, с.22–23].

Полы в постройках ровные или корытообразные, плавно понижающиеся к центру котлованов. Удельный вес жилищ ББК с ровными полами составляет 42,9 %, с корытообразными – 57,1 %. Корытообразные полы более характерны для сооружений значительных размеров, прежде всего бесстолбовых жилищ типа 1. Корытообразность полов в постройках эпохи бронзы вполне обосновано объясняется их «изнашиванием» [Грязнов, 1953, с.144–145]. Вероятно, неровность полов и постоянное образование пылевого слоя создавали определенные неудобства для проживания. В некоторых случаях отмечены следы попыток предотвращения их разрушения. Различаются несколько способов профилактики и ремонта полов.

Одним из них является обмазка поверхности пола жидкой глиной. Такой способ отмечен в жилищах ББК № 1, 2, 6, 7 Богуслава-1, № 8 Усова озера. Он имеет давние традиции. Глиняные и грязевые обмазки выявлены в ряде срубных жилищ Левобережной Украины [Либеров, 1961, с.53–58; Березанская, 1990, с.33; Берестнев, 1994, с.122; Акулов, Бойцова, 1996, с.64–66]. Подобное оформление пола характер-

но для сооружений многих культур позднего бронзового века Восточной Европы [Покровська, Петровська, 1961, с.129–144; Ковпаненко, 1967, с.23; Березанская, 1974, с.63; Шарафутдинова Э.С., 1980, с.15, 21, 34, 42].

Вторым способом являлось преднамеренное насыщение слагающего пол грунта твердыми материалами, за счет чего образовывался уплотненный слой. Известны случаи, когда такой «предохранительный» слой имел вид выкладок из костей животных и камней, как, например, в жилище № 7 поселения Богуслав-1. Подобное укрепление полов отмечено в жилищах Сержень-Юрта [Козенкова, 1977, с.13] и кобьяковских [Шарафутдинова Э.С., 1980, с.40], где в качестве уплотнительного материала использованы обломки керамики. По мнению Т.А. Шаповалова для предотвращения образования пылевого слоя полы могли устилаться какими-то без остатка истлевшими материалами, например, хвоей, камышом, корой [Шаповалов, 1983/№ 620, с.55]. Возможно в некоторых жилищах, особенно тех, в площади которых отмечено большое количество столбовых ям, могли сооружаться деревянные полы [Кривцова-Гракова, 1948, с.79; Морозов, 1983, с.29–31; Зданович, 1988, с.57; Горбов, 1988, с.269–270; Усачук, 1985, с.26–27; Горбов, Усачук, 1990, с.120–121; 2001, с.15–30].

Достаточно редко в жилищах ББК присутствует такой конструктивный элемент, как материковые возвышения, расположенные вдоль стен котлованов. Большинство исследователей считает их остатками нар-лежанок. Такие нары выявлены в жилищах № 1 Любовки и № 1 Студенка-6. Известны они и в сооружениях ББК степного варианта, например, в жилищах № 1 Песчанки, № 1 Белозерского лимана, № 2 Николаевки. Присутствие нар в сооружениях ББК, вероятно, следует рассматривать как сохранение традиций срубного домостроительства, что подтверждается их наличием и в срубных жилищах Левобережной Украины [Березанская, 1990, с.16, 20, 22, 26, 28, 35; Шаповалов, 1983/№ 620, с.55–56; Бровендер, 1993, с.151, рис.4; Берестнев, 1987/102; 1997, с.84, рис.1, II]. В более восточных районах земляные нары известны в срубных, андроновских, саргаринско-алексеевских жилищах [Грязнов, 1953, с.138–140; Синицын, 1949, с.196–244; Трубникова, 1953, с.22–24; Кривцова-Гракова, 1948, с.76; Памятники срубной культуры, 1993, с.79 и др.].

В большинстве жилищ присутствовали очаги. Их типология для срубной культуры и ББК не разработана.

Систематизация данных о 53 очагах из жилищ лесостепного варианта ББК показывает их значительное конструктивное разнообразие. По формально-типологическим признакам выделяется пять типов.

Очаги типа 1 представляют собой открытые кострища, от которых сохранились прокалы пола и скопления углей. Такие кострища присутствуют в жилищах поселений всех этапов ББК, например, Ильичевки, Чикаловки, Усова озера, Таранцево, Богуслава-1, Осиповки, Лоцманской Каменки и др. Удельный вес открытых кострищ составляет 51 % всех очагов, известных в жилищах лесостепного варианта культуры. Их форма круглая или овальная, размеры от 0,35 x 0,35 до 1,9 x 1,5 м.

Простотой устройства отличаются и очаги типа 2 – углубленные в полы жилищ ямы, заполненные продуктами горения. Их форма круглая, овальная, иногда неопределенная. Размеры ям овальной формы составляют 0,3 x 0,7 – 0,8 x 1,4 м, диаметры круглых – 0,75–1,2 м, глубины не превышают 0,15–0,3 м. Такое оформление имеют 26,4 % очагов выборки (жилища № 7, 9, 10 Ильичевки, № 12, 14 Усова озера, № 2 Таранцево, № 2 Волковки, № 1 Старой Игрени, № 4 Орехово-Донецкого-4).

Очаги типа 3 также сооружались в ямах. Их отличительной особенностью является наличие так называемого «уступа» – меньшей по размерам, а иногда и глубине ямы, за счет чего очаг в плане приобретал грушевидную или восьмерковидную форму. Стены обеих ям обожжены, могут быть обмазаны глиной. В жилищах ББК лесостепного варианта известно два очага такой конструкции, что составляет 3,8 %. Один из них присутствовал в жилище № 2 поселения Богуслав-1, второй, судя по приведенному в отчете о полевых исследованиях чертежу, – в жилище № 1 поселения Студенок-6 [Буйнов, Дегтярь, 1987/101].

Тип 4 представлен очагами со специально оформленной площадкой, для сооружения которой использовалась глина, глиняные вальки, камень, песчано-меловая масса. Очажные площадки-поды присутствуют в жилищах № 1, 5 Богуслава-1, № 13 Ильичевки, № 2, 5 Шоссейного, № 1–3 Чикаловки, № 9

Дроновки. Они достаточно компактны, их диаметр не превышает 1 м. Удельный вес очагов типа среди известных в жилищах лесостепного варианта ББК равен 15,0 %.

Представляется целесообразным выделение в отдельный тип 5 очагов, площадь которых ограничена бортиком, сложенным из глиняных вальков или камней. В ББК лесостепного варианта они присутствуют в жилище № 5 Таранцево и № 1 Любовки (3,8 %). По форме и размерам они близки очагам типа 4.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные об остатках сооружений позволяют проследить некоторые закономерности динамики домостроительства племен ББК.

Основной разновидностью сооружений лесостепного варианта этапа прото-ББ являются жилища и хозяйственные постройки типа 1, составляющие 66,7 %. На этапе ББ1 их удельный вес сокращается до 41,2 %, а на этапе ББ2 – до 23,1 %. Соответственно, на поздних этапах ББК увеличивается удельный вес других типов сооружений (табл.3.6), особенно типа 5, который на этапе прото-ББ равен 4,7 %, ББ1 – 15,8 %, ББ2 – 46,1 %.

Существенные изменения отмечены и при сопоставлении размеров жилищ, фиксирующих стойкую тенденцию к их уменьшению к концу существования ББК. На этапе прото-ББ наименьшая площадь в пределах 30–45 кв. м характеризует жилища № 6 поселения «Песочин-Мобиль», № 12 Усова озера, № 1 Чикаловки, хозяйственную постройку № 2 Ильичевки. Однако площадь большей части построек этапа составляет 73–96 кв. м. В некоторых случаях она превышает 100 кв. м. Площадь жилища № 8 Усова озера равна 107 кв. м, № 2 Богуслава-1 – 158 кв. м. Близкие размеры характеризуют и постройки этапа ББ1. Площадь жилищ № 3, 5, 7 Богуслава-1, № 2, 5 Таранцево, № 13 Ильичевки составляет от 67 до 98 кв. м. Максимальные размеры имеют жилища № 8 Шоссейного (121 кв. м), № 1 Богуслава-1 (125 кв. м), № 1 Любовки (213 кв. м). На этапе ББ2 размеры сооружений всех типов значительно уменьшаются. Их площадь обычно составляет 25–60 кв. м.

Как уже отмечалось, с лесостепными сооружениями в степной зоне сопоставимы постройки типов 1 и 5. Однако они немногочисленны. Удельный вес построек типа 1 в общей массе степных сооружений на этапе прото-ББ равен 5,6 %,

ББ1 – 14,3 %. По метрическим характеристикам наиболее близким лесостепным является жилище № 1 Белозерского лимана (200 кв. м). Площадь однотипных сооружений Северо-Восточного Приазовья, незначительна (табл.3.5). Незначительна и площадь жилища № 1 Песчанки (36 кв. м.), относящегося к типу 5 (5,9 %).

Специфику домостроительства степных племен определяют сооружения типа 6, и, в большей степени, типов 7 и 8.

Большая часть построек типа 6 (этап прото-ББ – 52,9 %, ББ1 – 28,6 %) имеет прямоугольную или близкую к прямоугольной форму, углы кладок и облицовок закруглены. Обычны для рассматриваемого типа и аморфные в плане постройки. Площадь котлованов равна 25–65 кв. м, в некоторых случаях (хозяйственная постройка № 4 Николаевки, помещения № 22 и 27 Безыменного-2) – более 80 кв. м. Их глубина составляет от 0,25 до 1 м (табл.3.5). Сопоставление размеров этих сооружений с размерами однотипных срубных построек степной зоны Украины и Подонья [Братченко, 1969, с.221–222; Дубовская, 1978, с.94–95; Татаринцов, 1988, с.96–97] показывает близость стандартов, которыми руководствовались при их строительстве.

Контурные сооружения типа 7 (этап прото-ББ – 11,8 %, ББ1 – 14,3 %) могут представлять собой единый прямоугольный объем, что сближает их с сооружениями типа 6 (жилище № 1 Клинового, № 17 Безыменного-2), или, так же как в блокирующихся сооружениях типа 8, объединять помещения различной площади и конфигурации, образующие неупорядоченные аморфные в плане многокамерные структуры (помещение № 2 Безыменного-2). Общая площадь сооружений типа составляет от 30 до 126,5 кв. м. Близкие или несколько большие размеры отмечены для однотипных сооружений срубной культуры [Цимиданов, Кравченко, 1993, с.140–141, Дубовская, 1978, с.95].

Блокирующиеся сооружения типа 8 (этап прото-ББ – 23,5 %, ББ1 – 42,8 %) появляются, вероятно, в результате развития принципов «гнездового» планирования степных поселков. Группы компактно расположенных построек типов 6 и 7, образующих хозяйственно-жилые комплексы, характерны уже для поселений срубной культуры [Дубовская, 1978, с.94–96; Писларий, Гераськова, Дубовская и др., 1979,

с.388–389]. В это же время для соединения входящих в «гнезда» срубных построек начали сооружаться коридоры [Бровендер, 1990, с.49–51; Горбов, 1997, рис.2; Швецов, 1987, с.433; Памятники срубной культуры, 1993, с.87, табл.68, 1]. Вероятно, блокирующиеся сооружения являются завершением поиска наиболее целесообразной архитектуры хозяйственно-жилых комплексов. Вместо отдельно стоящих однокамерных и многокамерных сооружений, соединенных коридорами, получают распространение объемы, имеющие общие стены, что при сохранении их функционального назначения, значительно снижало трудозатраты при их строительстве и количество используемых материалов.

Одним из наиболее ранних сооружений типа 8 Левобережной Украины является срубное жилище площадью 15,2 кв. м и примыкавшие к нему постройки Отрадного [Волошко, Татаринов, Копыл, 1978, с.308–309]. Однако только в ББК блокирующиеся сооружения становятся основной разновидностью оформления хозяйственно-жилых комплексов – «гнезд». Судя по материалам Николаевки и Безыменного-2, для этапа прото-ББ характерно неупорядоченное размещение блокирующихся камер со входами, ориентированными в разные стороны. Сооружения, помещения которых расположены в ряд, то есть образуют единый «длинный дом», единичны. Примером может служить блок помещений № 13–13а–14 Безыменного-2, относимый В.Н. Горбовым к IV горизонту [Горбов, 1997, с.150, рис.3]. На этапе ББ1 этот принцип планировки сооружений типа 8 становится доминирующим. Наиболее наглядно его иллюстрирует блок помещений № 19–20–21 Безыменного-2, расположенных в одну линию по оси восток–запад. Все три помещения имеют единообразно оформленные и ориентированные фронтальные входы.

Входы в сооружения типов 6–8 фиксируются в 26 случаях, то есть в 83,9 % жилых и хозяйственных помещений с каменными конструкциями степного варианта ББК.

Оформление входов представлено двумя вариантами. Около 51,6 % из них – проемы, образованные разрывами в кладках облицовки стен котлованов. Входы второго варианта (32,3 %) более сложные в плане, оформлены в виде тамбуров или коридоров с пандусом или ступеньками, ведущими в котлован. Облицованные кам-

нем стены параллельны, иногда, как, например в помещении № 11 Безыменного-2, расширены к внешнему проему. На этом же памятнике зафиксированы коридоры, направленные не наружу, а внутрь помещений (№ 1, 22). По мнению В.Н. Горбова, такие коридоры на поселениях Северо-Восточного Приазовья появляются в жилищах III горизонта срубной культуры [Горбов, 1997, с.190].

Такой конструктивный элемент, как коридоры, являясь одной из характерных черт домостроительства ББК степного варианта, тем не менее, не может рассматриваться в качестве специфической региональной особенности. Коридоры-пандусы с облицованными камнем стенами известны в позднесабатиновской и белозерской культурах Северо-Западного Причерноморья [Ванчугов, 1990, с.30–31, рис.9, 10; Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.12–29, рис.4; Черниенко, 1994, с.125–127; Елисеев, 1994, с.128–129] и Северо-Западного Крыма [Колотухин, 1990, с.138–139, рис.2]. Аналогичные коридоры характерны для сооружений кобьяковской [Шарафутдинова Э.С., 1980, с.34, 37, рис.17], андроновской [Кузьмина, 1964, с.103, рис.29] и саргаринско-алексеевской [Евдокимов В.В., Варфоломеев, 2002, с.42, рис.11] культур. Еще более широко в культурах эпохи бронзы Восточной Европы представлены сооружения, имеющие входы-коридоры без каменной облицовки. Как уже отмечалось, они присутствуют в некоторых жилищах лесостепного варианта ББК. Они известны в срубной культуре Украины [Березанская, 1959, с.86; 1990, с.27–28, табл. VIII; Шаповалов, 1976, с.154, рис.2, В; 1983/№ 620; Воловик, 1993, с.180–181, рис.1, I; Берестнев, 1994, с.122, рис.1, 2], Подонья, Поволжья и Волго-Уралья [Грязнов, 1953, с.140–141, рис.59; Мерперт, 1958, с.107–113, рис.13; Горбунов, 1989, с.9–80, табл. II; IV; VI; VII; Лопатин, 1992, с.55–68, табл. на с.68; Памятники срубной культуры, 1993, с.71–72, 87, табл.40, 2; 68, I]. Входы-коридоры известны в жилищах таких культур позднего бронзового века, как малобудковская и бондарихинская [Телегин, 1959, с.74, рис.1; Буйнов, 1981/№ 600], сосницкая [Березанская, 1974, с.33, табл.VI], поздняяковская [Екимов, 1992, с.62–72, рис.1, I], приказанская [Халиков, 1980, с.9–11, рис.4; 8; 9; 13; табл. 1–3], саргаринско-алексеевская [Кривцова-Гракова, 1948, с.77–78, табл.II; Зданович, 1988, с.26–41, 57, рис.4–6, рис.22, I], белозерско-тудоровская [Ванчугов, 1990, с.26–28, рис.7; 8, I, 2].

Судя по материалам таких поселений Северо-Восточного Приазовья, Донецкого кряжа и Нижнего Подонья, как Провалье, Степановка, Раздольное, Ливенцовка, Старая Ласпа, Николаевка, Безыменное-1 и 2 и др. технические приемы, применяемые срубными и богуславско-белозерскими племенами при облицовке стен котлованов и коридоров сооружений типов 6–8 не изменялись на протяжении нескольких сотен лет. Они анализировались О.Я. и А.И. Приваловыми на материалах Николаевского и Староласпинского поселений [Привалова, Привалов, 1987, с.99, 105; Привалова, 2000, с.105, рис.1, 1] и В.Н. Горбовым, которым была учтена большая часть известных в степной зоне Украины построек с каменными конструкциями [Горбов, 1997, с.146–159]. Во всех сооружениях облицовка выполнена однорядной кладкой. Углы помещений закруглены, контрфорсы отсутствуют. Различаются орфостатная и иррегулярная постелистая системы кладок. В большинстве случаев они комбинировались. Кладка производилась всухую, без применения связывающих материалов, пространство между крупными камнями заполнялось мелкими. В качестве строительного материала использовались местные породы камня, преимущественно известняк, или привозные. Специально проведенными геологическими изысканиями установлено, что камень, облицовывающий котлованы построек поселений Безыменное-1 и Безыменное-2, доставлялся с побережья Азовского моря [Петрунь, 1997, с.161–162].

4.4.3. Домовые формы.

Предлагаемые реконструкции сооружений выделенных типов ББК лесостепного и степного вариантов ориентированы на решение двух основных задач, являющихся традиционными в исследованиях подобной направленности. Первая заключается в попытке воссоздания основных элементов верхних объемов, вторая – в определении дихотомических характеристик распределения нагрузок кровли. Они опираются на общепризнанные методические посылки, предполагающие использование в качестве исходных данных планиметрию, размеры, глубину котлованов, систему расположения столбовых ям, то есть метрические характеристики остатков нижних объемов сооружений.

Особенностью графических реконструкций (рис.21–26) является то, что на чертежах отмечены только основные элементы конструкции: несущие стены, облицовки котлованов, опорные столбы. Отмечены также стропила и князевые следи, количественные характеристики которых, как и в реконструкциях других авторов, являются допущениями.

Опыт восстановления полных домовых форм сооружений ББК лесостепного варианта ограничен реконструкциями отдельных типов жилищ и хозяйственных построек поселений Таранцево, Любовка [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99] и Ильичевка [Шаповалов, 1983/№ 620]. Полнее представлены реконструкции сооружений срубной культуры Украины [Чередниченко, 1976, с.24–25; Беляев, 1980/№ 590; Березанская, 1982, с.104–105; Берстнев, 1983/№ 61:84-7/99; Шаповалов, 1983/№ 620; Березанская, 1990]. Еще более многочисленны исследования, характеризующие домостроительство других территорий срубной КИО, а также культур андроновского круга [Кривцова-Гракова, 1948, с.73–81; Грязнов, 1953, с.137–148; Мерперт, 1958, с.115–118, рис.13; Трубникова, 1958, с.183–185, рис.2, 3б; Сальников, 1959, с.35–36; 1967, с.152–153; Викторова, 1960, с.60; Кузьмина, 1961, с.9–15; Сорокин В.С., 1962, с.53–55; Синюк, 1981, с.111; Морозов, 1983, с.29–30; Потемкина, 1985, с.322–330; Гетманский, 1986, с.104–112; Зданович Г.Б., 1988, с.132–133, 140–141, 145–146, 150–152; Горбунов, 1989, с.63–80, табл.Х, 1, 2; Лопатин, 1992, с.55–74; 1996, с.140–158; Седова, 1993, с.68–70. рис.1–5; Зах, 1995, с.88–70, рис.43, 1, 2].

Остатки сооружений типов 1 и 2 принадлежат домовой форме, в конструкции кровли которой не использовались опорные столбы. В историографии срубной КИО возможные архитектурные решения подобных комплексов представлены двумя вариантами.

Один из них, сформулированный М.П. Грязновым, занимает особое место в истории изучения домостроительства срубных племен, так как является первой научно обоснованной попыткой воссоздания внешнего облика их жилищ. Исходя из отсутствия столбовых ям в центре котлованов жилищ Ляпичева хутора он приходит к выводу о том, что единственно возможной конструкцией построек срубной

культуры был опирающийся на края котлованов пирамидальный сруб с плоским верхом [Грязнов, 1953, с.144–145, рис.63; 1965, с.99–103]. Это положение получило развитие и в работах других исследователей [Сальников, 1959, с.35–36; Кузьмина, 1961, с.104; Сорокин В.С., 1962, с.53–55].

Согласно другой точке зрения, отсутствие в жилищах столбовых ям предполагает обязательное наличие возвышающихся над уровнем дневной поверхности деревянных стен в виде сруба, на который опирались края плоской или односкатной крыши. С.И. Берестневым такая конструкция предложена для жилищ поселений Янохино и Поляны-1 [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99].

В связи с тем, что не только в срубных и богуславско-белозерских, но и в сооружениях типов 1 и 2 синхронных культур Восточной Европы отсутствуют какие-либо свидетельства существования выполненных в виде сруба несущих стен, нам представляется предпочтительнее точка зрения М.П. Грязнова, предполагавшего, что кровля опиралась на края котлованов. Однако в устройстве самой кровли, вероятно, применялась не система пирамидального сруба, а более конструктивно целесообразная стропильная шатровая, обычная для традиционного домостроительства многих древних и современных народов Восточной Европы.

Графическое построение верхних объемов сооружений типа 1 основывается на метрических характеристиках котлована жилища № 3 поселения Богуслав-1 (рис.14), размеры которого равны 9,2 x 7,6 м, глубина у стен составляла около 1 м, в центре – 1,2 м. Реконструкция этого сооружения, как и сооружений всех типов лесостепного ландшафта домовых форм, предусматривает два допущения. Первое заключается в том, что кровля вероятно должна была опираться на поверхность грунта несколько в стороне от непосредственного края котлована. Условно расстояние установки стропил от края котлована определено в 1 м. Второе допущение касается возможного угла боковых скатов крыши, определяемого нами в 45°, что соответствует фиксируемым по этнографическим данным традиционным параметрам оформления двух-, трех- и четырехскатных крыш стропильной конструкции¹.

¹ Разумеется, угол боковых скатов крыши мог быть меньше. В этом случае, соответственно уменьшались как высота сооружения, так и длина стропил, используемых при его строительстве.

Следовательно, размеры жилища № 3 по внешнему периметру должны были составлять 12,2 x 9,6 м, высота кровли над уровнем древнего горизонта 4,8 м, у стен котлована – 5,8 м, в центральной его части – 6 м. Для его сооружения могло быть использовано не менее 13 стропил, длина которых, как показывает простой математический расчет, составляла от 4,8 до 6,7 м, и князевая слега длиной около 5 м (рис.21, 1). Жилище № 3 Богуслава-1 среди сооружений типа отличается относительно небольшими размерами. Подобная графическая реконструкция жилищ максимальной площади, например № 2 того же поселения или № 6а Ильичевки (соответственно 15,5 x 10,2 и 16 x 10 м) показывает, что для их строительства понадобились бы стропила длиной не менее 8,5 м.

Аналогичным образом возводились и сооружения типа 2. Длина стропил, используемых при строительстве жилища № 7 Богуслава-1 должна была составлять от 5,6 до 7,6 м, длина князевой слего – 5,3–5,5 м (рис.15; 21, 2).

Сооружения типа 3 в историографии домостроительства культур эпохи бронзы – срубной, восточнотшинецкой, бондарихинской и др. обычно рассматриваются в качестве одной из разновидностей построек, отнесенных нами к типу 5 [Березанская, 1974, с.49–54; 1990, с.32–36; Буйнов, 1979, с.87–89; Лопатин, 1992, с.55–74]. С.И. Берестневым возможная конструкция жилищ ББК поселения Таранцево интерпретируется следующим образом. На расположенные вдоль стен котлована столбы, служившие каркасом стен, возвышающихся над дневной поверхностью, опирались края двухскатной кровли [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99]. Существуют и иные подходы к реконструкции верхних объемов сооружений типа 3. Т.А. Синюк считает, что небольшое по площади жилище (22,5 кв. м) из поселения Копанище-2 с шестью столбовыми ямами, расположенными по три вдоль противоположных стен котлована, имело односкатную кровлю. В сооружении стен и кровли использовались тонкие жерди, прутья, камыш, о чем свидетельствует найденное в котловане большое количество мелких углей, золы и пепла [Синюк, 1981, с.111, рис.1]. Вслед за Т.А. Синюком, такой же вариант реконструкции принят Ю.В. Буйновым для жилищ типа 3 поселения Великая Тополяха [Буйнов, 2008а, с.13, рис.3, 1; 4, 1].

В нашем представлении столбы, устанавливаемые по периметру котлованов сооружений рассматриваемого типа, связаны только с облицовкой стен и не выполняли опорных функций. Таким образом, по конструкции кровли эти сооружения, вероятно, полностью соответствовали сооружениям типов 1 и 2, что нашло отражение в соответствующей графической реконструкции (рис.22, 1), для которой использованы данные о размерах и расположении столбовых ям жилища № 2 Таранцево (рис.16). Внешние размеры этого жилища должны были составлять 11,3 x 10 м, высота над уровнем поверхности – 5 м. Длина стропил, необходимых для его строительства, должна быть не менее 5–7 м, князевой слеги – 5–5,2 м.

Наиболее близкими этнографическими аналогами сооружениям типов 1–3 могут считаться некоторые разновидности хозяйственных построек, например поливники, в которых хранят топливо в южных степных районах, клуни, предназначенные для сушки сена и необмолоченных снопов, сохранившиеся во многих местностях Украины до наших дней [Зеленин, 1991, с.295; Вовк, 1995, с.118–120; Кушнир, 1998, с.94].

Известные нам реконструкции построек типа 4, предполагают наличие двухскатной или четырехскатной крыши. Отличия между ними заключаются в существовании нескольких вариантов конструкции кровли и различном понимании дихотомических характеристик сооружений.

Наибольшее распространение получили разработки, предполагающие наличие цельных стропил, верхний край которых опирается на князевую слегу, покоящуюся на центральных столбах, или на две слеги, поддерживаемые двумя параллельными рядами столбов. Нижние концы стропил опираются непосредственно на края котлована. Впервые такое архитектурное решение было предложено Н.Я. Мерпертом на материалах жилищ Сусканского поселения. По мнению исследователя, именно стропильные крыши, а не пирамидальные срубы (по М.П. Грязнову), доминировали в домостроительстве племен срубной культуры [Мерперт, 1958, с.107–118, рис.13]. Подобным образом Т.М. Потемкина представляет внешний вид группы алакульских сооружений лесостепного Притоболья (тип 1 по ее классификации) [Потемкина, 1985, с.323–327, 329]. Интерес представляет попытка математического расчета рас-

смаатриваемой модели сооружеий типа 4, предпринятого М.С. Седовой по данным срубного жилища № 2 поселения Шигонское-1 [Седова, 1993, с.68–78, рис.1–5].

Разновидностью подобных реконструкций можно считать модели, предполагающие наличие каркаса усеченно-пирамидальной формы, являющегося основой крыши с плоским верхом и боковыми скатами. Верхние концы боковых стропил опираются на горизонтальные слeги, лежащие на столбах, образующих два параллельных ряда вдоль длинной оси жилища [Зданович Г.Б., 1988, рис.22, III]. Второй вариант реконструкций сооружеий типа 4 основывается на допущении, что возведенная на столбах двускатная кровля нижним краем опирается не на края котлованов, а на стены, частично возвышающиеся над дневной поверхностью [Кривцова-Гракова, 1955, с.75; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; Шаповалов, 1983/№ 620].

По тем же причинам, что и для сооружеий типов 1–3, первая модель представляется предпочтительней. Предлагаются графические реконструкции всех трех разновидностей сооружеий типа 4, имеющих соответственно один, два и три ряда опорных столбов.

Графическое решение сооружеий первой разновидности основывается на метрических данных жилища № 6 Богуслава-1, в котором выявлены три столбовые ямы, расположенные вдоль осевой линии котлована (рис.17). Их размещение позволяет предложить единственно возможный вариант оформления кровли – стропильная четырехскатная (рис.22, 2). Внешние размеры сооружеия должны были составлять 16,3 x 13,5 м, высота кровли над уровнем дневной поверхности – 6,8 м, длина стропил – от 7 до 9,5 м, князевой слeги – 8–8,2 м, высота опорных столбов – 8,3–8,5 м. Вторая разновидность сооружеий типа 4 реконструируется по метрическим данным жилища № 1 Любовки, столбовые ямы в котором образуют два параллельных ряда, расположенных вдоль осевой линии. Для подобных построек в равной степени представляется возможным сооружеие как стропильной четырехскатной усеченно-пирамидальной, так и шатровой четырехскатной кровли (рис.23). Внешние размеры моделируемого жилища равны 23,6 x 11,9 м. Оба варианта оформления кровли предусматривают использование тринадцати опорных столбов, не менее пятнадцати стропил, двух горизонтальных слeг, опирающихся на столбы и,

в свою очередь, служащих опорой для верхних концов стропил. Высота столбов составляет около 6,6–6,8 м, длина горизонтальных слег – не менее 15 м, однако густота расположения опорных столбов допускает возможность их изготовления из нескольких соединенных частей. Высота усеченно-пирамидальной кровли над уровнем дневной поверхности составляет не менее 4,5–4,6 м, шатровой – около 6 м. Длина стропил, необходимых для возведения таких конструкций в первом случае равна 5,8 и 6,6 м, во втором – 7,6 и 8,4 м. Князевая слега длиной 13,5–14 м, при наличии двух боковых слег и опирающихся на них стропил, также могла быть составной.

При графической реконструкции сооружений третьей разновидности типа 4 привлекаются данные жилища № 12 Ильичевки (рис.18), в котором зафиксированы три ряда столбов, что предполагает необходимость возведения над котлованом так называемой полушатровой кровли, в которой поддерживаемые столбами князевая и боковые слегы служат опорой двум ярусам стропил. Внешние размеры сооружения составляют 10 x 8 м, высота над уровнем дневной поверхности – 4,2 м. Максимальная длина стропил равна 4–4,4 м, высота боковых опорных столбов 4–4,5 м, центральных – 5,4–5,6 м (рис.24, 1).

Разногласия в определении характеристик сооружений типа 5 так же обусловили формирование в историографии вопроса двух мнений.

Сторонники первого считают наиболее вероятным возведение над ними полушатровой кровли, конструктивно близкой предлагаемой нами для третьей разновидности сооружений типа 4. Составные стропила уложены в несколько ярусов, в зависимости от количества рядов столбовых ям. В этих моделях крайние ряды столбовых ям, расположенные под стенами, рассматриваются не как остатки каркаса внешних стен, а только как опорные. Для срубной культуры Украины такие реконструкции предложены С.С. Березанской [Березанская, 1990, с.34, рис. 6; 7]. Подобным образом реконструируют жилища эпохи бронзы Притоболья Т.М. Потемкина [Потемкина, 1985, с.327–329] и В.А. Зах [Зах, 1995, с.68–69, рис.43].

Второе мнение основывается на допущении возведения над сооружениями типа 5 двухскатных крыш, стропила которых опирались на столбы, расположенные по краям котлована, или на лежащие на них слегы. Столбы одновременно являлись

основой бревенчатых или плетневых стен, частично возвышающихся над дневной поверхностью. Как уже отмечалось, впервые предположение о подобной конструкции срубных построек высказано О.А. Кривцовой-Граковой. В отношении остатков сооружений типа 5 оно было развито К.В. Сальниковым [Сальников, 1959, с.35–36], Т.А. Шаповаловым и С.И. Берестневым [Шаповалов, 1983/№ 620; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99], С.Д. Горбуновым [Горбунов, 1989, с.62, 64, табл.Х, 1, 2], В.А. Лопатиным [Лопатин, 1996, с.140–158, рис.2, 1; 4, 32; 7, 36; 8, 16]. Не только в историографии культур срубно-андроновского круга, но и многих культур эпохи бронзы Восточной Европы (абашевской, восточнотшинецкой, сосницкой, белогрудовской, бондарихинской, поздняяковской и др.) наибольшее распространение получило мнение о соответствии остатков сооружений типа 5 домовым формам, имеющим каркасные стены с опорными столбами и стропильную двухскатную крышу [Березанская, 1972, с.47–49; 1974, с.49–51, рис.14; 1982, с.106–115, рис.31; 33; 35; Буйнов, 1979, с.87–88; 1981/№ 600; Лопатин, 1992, с.55–74, рис.3].

Столбовые ямы, расположенные вдоль стен котлованов, по нашему мнению, так же как и в сооружениях типа 3 следует рассматривать как следы крепления облицовки стен котлованов. В этом случае конструкция сооружений типа 5 не должна отличаться от конструкции сооружений 4 типа. То есть она представляла собой установленную над котлованом четырехскатную крышу, стропила которой верхними концами опирались на помещенную на центральные столбы князевую слегу, нижними – на края котлована. Отметим, что аналогичный подход к реконструкции домовых форм на материалах Мосоловского поселения апробирован С.А. Гетманским [Гетманский, 1986, с.104–112, рис.4].

При графической реконструкции сооружений типа 5 используются метрические характеристики жилища № 7 поселения Ильичевка (рис.19). В его площади выявлено 16 столбовых ям, предназначенных для крепления облицовки стен котлована, и пять для установки опорных столбов князевой слуги. Внешние размеры сооружения могли составлять 14 x 10 м, высота кровли над уровнем дневной поверхности – 5 м, длина стропил – 6,5–7 м, длина князевой слуги – 5,5–6 м, высота центральных столбов – 6–6,2 м (рис.24, 2).

Реконструкция сооружений типов 1–5 лесостепного варианта ББК показывает, что они представляли единую по экстерьеру разновидность жилых и хозяйственных построек, представленных одной домовой формой (домовая форма I), в которой роль стен выполняли борта котлована, на которые опирались края четырехскатной кровли. Основным различием, определяющим многообразие типов, выделяемых по остаткам нижних объемов, является техника оформления кровли, исходя из которой сооружения домовой формы могут быть разделены на два варианта. Вариант Ia объединяет сооружения типов 1–3, имеющих кровли бесстолбовой конструкции, вариант Ib – сооружения типов 4 и 5, кровли в которых возводились с использованием опорных столбов.

Пропорциональное соотношение сооружений ББК Ia и Ib вариантов составляет на этапе прото-ББ – 76,3 и 23,7 %, на этапе ББ1 – 73,7 и 26,3 %, на этапе ББ2 – 53,9 и 46,1 %, что убедительно показывает доминанту первых. Не исключено, что их удельный вес был более значительным, так как столбовые ямы в части сооружений типов 4 и 5 могли появиться в ходе текущих ремонтов. Возможность подобного происхождения многих столбовых ям, фиксируемых в площади жилищ срубной культуры, уже рассматривалась в литературе [Гетманский, 1986, с.105].

Размеры столбов, стропил и слег, используемых в конструкции кровель, варьировались в зависимости от размеров сооружений. Как правило, их длина должна была составлять от 4 до 6 м, однако в значительных по площади сооружениях требовалось применение бревен и слег длиной не менее 8,5 м. В историографии имеет место мнение, что значительные по размерам элементы деревянных конструкций не могли применяться в домостроительстве срубных племен «из-за неизбежных и труднопреодолимых сложностей с доставкой и креплением стропил длиной в 4–5 м» [Грязнов, 1953, с.144; Березанская, 1990, с.34]. Подобный подход, как нам представляется, несколько недооценивает технические возможности племен срубной культуры и ББК, обитавших на территории, где традиция использования тягловой силы животных насчитывала не менее полутора тысяч лет. Районы их проживания характеризуются наличием развитой речной сети, по которой также была возможна доставка строительного леса необходимых размеров. Отметим, что В.Ф. Петрунем

высказано предположение о том, что жителями поселений ББК Северо-Восточного Приазовья строительный камень, добываемый на Азовском побережье, доставлялся на плотах по небольшим степным рекам [Петрунь, 1997, с.161–162]. Наконец, целесообразным представляется постановка вопроса о том, насколько более эффективными техническими средствами могли быть вооружены строители мегалитических сооружений Средиземноморья энеолита–бронзового века или, например, племена уэссекской культуры в Великобритании (1650–1400 гг. до н. э.), доставлявшие по пересеченной местности в Стоунхендж каменные блоки весом 50 т из пунктов, удаленных от памятника на 40 и более километров [Вуд, 1981, с.12–15; Брей, Трамп, 1990, с.233–234]. Показательны размеры лесоматериалов, используемых скифами при сооружении погребальных курганных конструкций, подтверждающих, что доставка на большие расстояния бревен длиной 7–8 м [Ромашко, Скорый, 2009, с.14–15; Romasko, Skorõi, 2011, 169–224] для древнего населения Северного Причерноморья не представляла неразрешимой проблемы.

В литературе неоднократно отмечался высокий уровень обработки дерева, достигнутый срубными племенами, который, вероятно, сохранился и в постсрубное время. Судя по остаткам деревянных склепов, выявленных в срубных и белозерских погребениях, плотникам эпохи бронзы была известна большая часть приемов соединения деревянных деталей, практикуемых и современными мастерами [Агапов, 1976, с.70; Ковалева И.Ф., 1981, с.58, рис.13; Березанская, 1990, с.33; Березанская, Цвек, Клочко и др., 1994, с.134–139, рис.40], что также косвенно подтверждает возможность возведения в позднем бронзовом веке кровель предлагаемых в наших реконструкциях разновидностей, доступных, судя по этнографическим данным, любым коллективам, имеющим элементарные навыки деревообработки.

Общепризнано, что наиболее вероятным материалом оформления крыш сооружений срубной и других культур бронзового века лесостепной зоны могли быть плетневая обрешетка, перекрытая ветками, соломой, камышом, иными материалами растительного происхождения. Можно предположить, что население ББК как Лесостепи, так и Степи Левобережной Украины, в хозяйственной деятельности которого преобладала скотоводческая направленность, использовало для этих целей преиму-

щественно камыш, а не солому. В Украине, как в древности [Кириков, 1959; 1979; 1983], так и в настоящее время, последний в изобилии произрастает по берегам рек, что, в частности, нашло отражение в гидронимах изучаемой территории [Словник гідронімів України, 1979, с.266–267, 406, 466–467]. Показательно, что районы Предстепья и степной зоны Левобережной Украины и в историческое время входили в имеющую четкие границы зону (юг Украины и Бессарабии, Кубань, Терек, Пинские болота Белоруссии), где кровельным материалом традиционных жилых и хозяйственных сооружений служил именно камыш [Чижикова, 1987, с.231].

Данные об устройстве входов в жилища и хозяйственные помещения лесостепного ландшафта домовых форм отсутствуют. На чертежах графических реконструкций они условно изображены в виде двухскатных шалашевидных навесов, опирающихся на боковые скаты торцевой части кровли и на землю (рис.21–24).

Попытка воссоздания внешнего вида построек, близких по конструктивным особенностям однокамерным и многокамерным сооружениям типов 6 и 7 степного варианта ББК, предпринята Э.С. Шарафутдиновой [Шарафутдинова Э.С., 1980, с.16–17, 40–46, рис.8] на кобяковских материалах. По ее мнению, конструкция кровли в жилищах кобяковской культуры соответствовало предложенной М.П. Грязновым, то есть представляла собой пирамидальный сруб. Э.С. Шарафутдинова допускает возможность того, что в некоторых жилищах кровля могла иметь не срубно-пирамидальную, а стропильную, двухскатную конструкцию. Каменная облицовка стен не выполняла опорных функций.

На материалах срубной культуры и ББК степной Украины оригинальный вариант возможной конструкции верхних объемов сооружений типов 6–8 предложен В.Н. Горбовым. В его интерпретации, облицовка котлованов камнем выполняла только изолирующую, а не несущую функцию. Стены возводились из дерновых пластов, уложенных на края котлованов. На стены, в свою очередь, опиралась кровля [Горбов, 1997, с.145–161].

При графической реконструкции сооружений типа 6 нами использованы данные о размерах и планировке помещения № 27 (рис.25, 1), типа 7 – помещения № 2 (рис.25, 2), типа 8 – блокирующихся помещений № 19–20–21 (рис.26) поселения Бе-

зыменное-2. Основное положение, заимствованное нами в построениях В.Н. Горбова, заключается в том, что опирающиеся на края котлована стены в сооружениях ББК Северо-Восточного Приазовья могли сооружаться из дерновых блоков.

Маловероятно, что над сооружениями типов 7 и 8 с неупорядоченной многокамерной или блокирующей планировкой, обуславливающей аморфность внешних контуров построек, могли возводиться стропильные шатровые или двухскатные кровли. Наиболее целесообразной для подобных сооружений является односкатная крыша, непосредственно опирающаяся на дерновые стены. Угол ската условно определен нами в 10° – 15° , что предполагает высоту фронтальных стен в пределах 3,1–3,6 м. Не исключено, что крыши в таких домах не имели ската, то есть были плоскими. Такие же крыши перекрывали и однокамерные сооружения типа 6, для которых, впрочем, при сохранении общего дихотомического принципа, возможны и другие варианты оформления. Для покрытия использовались какие-то легкие материалы, вероятнее всего камыш. На чертежах (рис.25–26) крыши показаны схематично, без уточнения вариантов укладки слег и обрешетки. Входные коридоры-пандусы, вероятно, также имели дерновые стены и перекрывались односкатной крышей.

В обоснование возможности строительства срубным и ББК населением сооружений со стенами, сложенными из блоков дерна, В.Н. Горбовым проводится параллель с жилищами крымских греков, переселившихся в Приазовье в XVIII в. [Горбов, 1997, с.152]. Вероятно, идея использования дерновых блоков греками была воспринята у местного населения. Этнографы отмечают, что в качестве строительного материала они издревле применялись в Украине и Кубани [Вовк, 1995, с.98].

Все реконструируемые типы сооружений ББК Северо-Восточного Приазовья характеризуются аналогичными приемами строительства, строительным материалом, экстерьером, дихотомическими особенностями, что позволяет отнести их к единой домовой форме (домовая форма II), имеющей три варианта. Вариант IIa представлен однокамерными сооружениями типа 6 (рис.25, 1), вариант IIб – многокамерными сооружениями типа 7 (рис.25, 2), вариант IIв – блокирующимися сооружениями типа 8 (рис.26).

4.4.4. Домовые ландшафты и ландшафты домовых форм.

Суммируя выводы, полученные при изучении домостроительства племен ББК, отметим следующее.

Анализ остатков сооружений ББК фиксирует их близость наиболее распространенным типам построек многих евразийских культур эпохи бронзы, в том числе срубной, андроновской и сложившихся на их основе культур общности КВК. Важно, что сооружения всех рассматриваемых типов представлены на срубных поселениях Украины. Последнее, а также совпадение размеров и конструктивных элементов сооружений срубной культуры и ББК, свидетельствует о длительном развитии местных традиций домостроительства.

Стандарты домостроительства племен ББК лесостепного варианта изменяются только на этапе ББ2, что нашло отражение в уменьшении размеров построек и резком увеличении удельного веса построек типа 5, при сооружении которых возможно использование деревянных конструктивных элементов меньшей длины, чем в бесстолбовых постройках типов 1–3. Представляется, что оба археологически фиксируемые явления могли быть связаны с уменьшением количества пригодного для строительства дерева, вызванного сведением близко расположенных к поселкам лесов и климатическими изменениями конца бронзового века.

Реконструкция верхних объемов сооружений позволяет установить, что они представляют две домовые формы. Домовая форма I включает однокамерные сооружения типов 1–5 с опирающимися на края котлованов стропильными шатровыми бесстолбовыми или возведенными на столбах кровлями (рис.21–24), домовая форма II – многокамерные, блокирующиеся, реже однокамерные сооружения типов 6–8, с односкатными или плоскими кровлями, опирающимися на стены, сложенные из дерновых блоков (рис.25–26). Сооружения этих домовых форм принципиально отличаются по дихотомическим особенностям, планиметрии, конструкции кровель, экстерьеру, строительным материалам и имеют только один общий признак. Их нижние объемы представляют собой углубленные в грунт котлованы с облицованными стенами. В первом случае (домовая форма I) деревом, плетнем,

иными материалами растительного происхождения, во втором (домовая форма II) – камнем.

На интерпретационном уровне исследования возможна констатация существования в рамках ландшафта домовых форм ББК двух домовых ландшафтов. Первый, представленный сооружениями домовой формы I, совпадает с территорией лесостепного варианта и, частично, степного. Второй, с сооружениями домовой формы II, охватывает относительно узкую территорию южных районов степного варианта (рис.4–6).

Рассматриваемые домовые ландшафты являются только частью двух суперландшафтов, в которых длительное время сохранялись традиции домостроительства, выработанные еще в неолите и раннем бронзовом веке. Е.Е. Кузьминой выделяются сооружения центральноевразийского типа, распространенные в умеренном климатическом поясе от Западной Европы до Казахстана, и индо-переднеазиатские. К центральноевразийским отнесены наземные и углубленные в грунт однокамерные сооружения со стропильными двухскатными, четырехскатными или «пирамидально-ступенчатыми» крышами. Одним из вариантов таких сооружений является так называемый срубно-андроновский тип дома. К индо-переднеазиатскому – «могокомнатные глинобитные или кирпичные дома с плоской крышей», во многих культурах образующие кварталы сплошной застройки [Кузьмина, 1986, с.44–55; 1988, с.31–45], то есть блокирующиеся архитектурные структуры.

Признавая правомерность подобной дифференциации евразийских сооружений неолита–бронзового века, следует согласиться с необходимостью разделения на две зоны и ландшафта домовых форм общности КВК. В восточной зоне господствуют срубно-андроновские домовые формы, к которым относятся и сооружения домовой формы I ББК. В западной зоне, соответствующей территории сабатиновской и белозерской культур, получают распространение однокамерные, многокамерные, блокирующиеся наземные или углубленные в грунт сооружения с каменными двухпанцирными фундаментами и глинобитными, глинобитно-каменными, каменными стенами [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.16–37; Крыжицкий, 1982, с.121–126; Черняков, 1985, с.20–44; Ванчугов, 1990, с.22–37; Ванчугов, Загинайло,

Петренко и др., 1991; Черниенко 1991, с.60–64; 1994, с.125–127; Ключинцев, 1993; Елисеев, 1994, с. 128–129; Ванчугов, Раллев, 1999, с.107–108; Филатов, 2011, с.356 и др.]. Графические реконструкции таких сооружений [Черняков, 1985, рис.10; 11; Ванчугов, 1990, рис.6], предполагают наличие у них односкатных кровель.

Дихотомические особенности и конструкция кровли, многокамерность, строительный материал, элементы квартальной застройки, проявляющиеся в планировке поселений Вороновка-2, Октябри-1, Ташлык-4 [Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.7–11; Елисеев, 1997, с.42–43; Ванчугов, Раллев, 1999, с.106–109], справедливо сопоставляются исследователями с «гнездами» или инсулами Микенской Греции и Эгейско-Балканской зоны в целом [Черняков, 1985, с.44; Елисеев, 1997, с.113; Ключинцев, 1997а, с.52; Шарафутдинова И.Н., Балушкин, 1997, с.36; Ванчугов, Раллев, 1999, с.108], что позволяет рассматривать сабастиновские и значительную часть белозерских домовых форм в качестве наиболее северного проявления индо-переднеазиатского домостроительства.

Граница между этими двумя суперландшафтами домовых форм Старого Света в Северном Причерноморье соответствует линии разделения позднесабастиновской, белозерской культур и ББК, проходящей по Западному Приазовью и Нижнему Поднепровью.

В связи с вышесказанным особый интерес представляет определение зональной принадлежности сооружений домовой формы II степного варианта ББК.

В.Н. Горбову принадлежит мнение о существовании в позднем бронзовом веке степной зоны Украины двух традиций домостроительства с применением камня – западной (сабастиновской) и восточной (срубной). Для Северо-Восточного Приазовья и Крыма отмечается доминанта срубно-андроновских домостроительных черт. Автор считает, что известные на этой территории сооружения отличаются от сабастиновских преобладанием углубленных жилищ, возведением дерновых стен на горизонте без каменных фундаментов, изолирующей, а не несущей функцией облицовки стен котлованов и коридоров, аморфной в плане формой помещений, скругленностью углов, отсутствием контрфорсов [Горбов, 1997, с.145–161].

Построения В.Н. Горбова достаточно аргументированы. Однако, на наш взгляд, решение вопроса не столь однозначно. Действительно, наземные жилища в сабатиновской и позднесабатиновской культуре преобладают, но удельный вес углубленных сооружений с каменными конструкциями также достаточно велик [Погребова, 1960, с.76–90; Бураков, 1961, с.26–39; Погребова, Елагина, 1962, с.14; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.35, 39; Крыжицкий, 1982, с.123–124; Черниенко, 1990, с.111–112; 1994, с.125–127; Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.14–29, 60], что не может быть объяснено только восточным влиянием [Горбов, 1997, с.158].

Обращает внимание, что среди срубных и ББК сооружений типов 6 и 7, только имеющие прямоугольную или овальную в плане форму могут рассматриваться в качестве аналогов жилищам с каменными конструкциями восточного срубно-андроновского круга. Многокамерные сооружения типа 7 и блокирующиеся типа 8 с неупорядоченной планировкой восточнее Приазовья неизвестны. Зато, как это уже отмечалось, многокамерные и блокирующиеся постройки обычны для сабатиновской культуры. Наличие в сооружениях Северо-Восточного Приазовья несущих стен (материал – глина, камень, дерновые блоки – имеет второстепенное значение) и односкатных кровель также отвечает критериям сабатиновского домостроительства и на общем евразийском фоне – индо-переднеазиатского.

Таким образом, сооружения ландшафта домовой формы II Северо-Восточного Приазовья органически сочетают признаки, характеризующие домостроительство как восточной, так и западной зон общности КВК при явной доминанте последних, что позволяет рассматривать их в качестве периферийного проявления индо-переднеазиатского суперландшафта домовых форм. Сходство типов построек домовой формы II и планировки хозяйственно-жилых комплексов Северо-Восточного Приазовья и Северо-Западного Причерноморья свидетельствует о тесных контактах племен степного варианта ББК с позднесабатиновскими и белозерскими. При этом отличия в технике домостроительства и строительных материалах позволяет рассматривать северо-восточный приазовский домовой ландшафт в качестве достаточно специфичного признака местных племен срубной культуры и ББК.

РАЗДЕЛ 5

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ БОГУСЛАВСКО-БЕЛОЗЕРСКИХ ПЛЕМЕН. ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ, ИРАНСКИЕ И ИНДОАРИЙСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СРУБНОЙ И БОГУСЛАВСКО-БЕЛОЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРАХ

При рассмотрении вопросов духовной культуры племен срубной культуры и ББК к решению поставлены три основные задачи. Первой является критический отбор и систематизация сведений о местах отправления культов. Малочисленность культовых комплексов как в ББК, так и в срубной культурах, а также тождество многих формальных признаков определяет целесообразность разработки для них общей типологии. Именно подобный подход характеризует работы последнего времени [Ромашко, 1993, с.79–91; 2006, с.7–11; Горбов, Мимоход, 1999, с.24–96; Мимоход, 2000, с.86–93]. Их результатом стало введение в научный оборот основной части интересующих нас материалов, что позволяет уточнить существующие типологические схемы. Вторая задача заключается в изучении погребальной обрядности племен ББК. Третья предусматривает воссоздание в рамках информативности источников некоторых сторон духовной культуры срубного и ББК обществ, установление общеиндоевропейских, иранских и индоарийских элементов в их культовой практике.

Культовые места до последней четверти XX в. на срубных и постсрубных поселениях Украины известны не были, в то время, как на восточнотшинецких, белогрудовских [Березанская, 1982, с.151–180], сабашиновских [Телегін, 1961, с.4–5] поселениях они присутствовали в достаточно большом количестве. Открытие на поселении Усово озеро жертвенников и святилищ [Березанская, 1990, с.85–91] показало, что в этом отношении племена срубной культуры не отличались от носителей других культур Восточной Европы. С.С. Березанская приходит к выводу о существовании поселенческих (общинных) и домашних (семейных) культовых сооружений на всех поселениях срубной культуры. Выделены два типа культовых мест, названных ею «костища» и «глинобитные». Первые автор связывает со срубно-андроновской

скотоводческой культурной общностью, вторые – с земледельческой сабастиновской культурой [Березанская, 1989, с.118–120].

Позже типологически и функционально близкие «костищам» комплексы выявлены на поселениях Богуслав-1 [Ромашко, 1993, с.81–89] и Безыменное-2 [Мимоход, 1996, с.124–126; Горбов, Мимоход, 1999, с.24–26]. В.Н. Горбовым и Р.А. Мимоходом выделена также группа однократных культовых комплексов [Горбов, Мимоход, 1999, с.25–30; Мимоход, 1999, с.175–181]. Культовые места известны и на бытовых памятниках срубной культуры восточных территорий [Изотова, 1997, с.91–93].

Важным событием явилось выделение группы погребальных памятников постсрубного времени как в восточном, так и в западном ареалах расселения постсрубных племен [Шарафутдинова Э.С., 1991, с.184–196; Потапов, 1997, с.128–130; 2010, с.14–19; Ромашко, 1999, с.119–138].

Заметно увеличившаяся источниковая база позволила дополнить наши представления о духовной культуре срубных и ББК племен на всех этапах их существования.

5.1. Культовые комплексы поселений срубной и богуславско-белозерской культур

Наметившаяся историографическая традиция позволяет разделить поселенческие культовые комплексы на две группы. К первой возможно отнесение стационарных комплексов: жертвенников и святилищ, ко второй – однократных жертвоприношений.

Стационарные культовые комплексы. Под термином «стационарные культовые комплексы» понимаются специально оформленные места, предназначенные для многократного отправления ритуальных действий (Приложение В). Типология культовых объектов этой категории уже предлагалась С.С. Березанской [Березанская, 1990, с.85–88], нами [Ромашко, 1993, с.79–91], В.Н. Горбовым и Р.А. Мимоходом [Горбов, Мимоход, 1999, с.24–96; Мимоход, 2000, с.86–93]. Определенные

расхождения типологических схем предопределили необходимость дальнейшей систематизации сведений о подобных культовых объектах [Ромашко, 2006, с.7–11].

Святылища¹. По особенностям архитектурного оформления пространства святылища можно разделить на две группы: открытые и закрытые, то есть имеющие кровлю. Первая группа, в свою очередь, представлена тремя типами: тип 1 и тип 2 – односекционные, тип 3 – многосекционные. Закрытые святылища представлены одним типом (тип 4).

Святылища типа 1 (открытые, односекционные) характеризуются наличием жертвенника или системы жертвенников, расположенных в центральной части культовых площадок, внешние контуры которых не маркированы оградами или рвами. В известной степени выделение этого типа условно, так как вполне вероятно, что ограды не прослежены при полевых исследованиях, или их остатки, если они были сружены из дерева (частокол, плетень), не сохранились. В этом случае по формальным признакам они могут быть сопоставлены со святылищами типа 2. Известно два таких памятника – срубное святылище Усова озеро [Березанская, 1990, с.85–87, рис.23, 1] и ББК святылище № 2 Богуслава-1 (рис.123, 2) [Ромашко, 1993, с.82, 84, рис.1, 2].

Святылища типа 2 (открытые, односекционные) представлены культовыми местами, границы которых специально отмечены и выделены. Такой комплекс, отличающийся сложной системой жертвенников, кострищ и других конструктивных элементов, выявлен на поселении Богуслав-1. Площадь святылища № 1 окружена рвом, заполненным костями животных (рис.120). Святылище, вероятно, функционировало на протяжении всего времени существования поселков БМСК и ББК. Неординарность комплекса не означает, что он уникален для памятников ираноязычных народов

¹ Святылища по общепринятым определениям могут быть естественными (например, пещера) или искусственными («особые постройки или огороженные участки земли с разными постройками»). Это место совершения религиозных обрядов, место пребывания божества [БСЭ, 1976, т.23, с.95] или, как формулирует В. Даль, «святое место; дом, здание, посвященное святому делу; храм, церковь» [Даль, 1989, т.IV, с.131]. Применительно к рассматриваемому культурно-хронологическому кругу памятников, представляется возможным предложить следующее определение: святылище – обособленное от жилых и хозяйственных построек место, имеющее специально оформленную площадь, в пределах которой находится жертвенник или система жертвенников, а также иные объекты, свидетельствующие о систематическом совершении культовых действий.

позднего бронзового века Евразии. В плане аналоговых сопоставлений, кроме несомненной близости святилищам типа 1, интерес представляет ограниченная ровом площадка, известная на Алексеевском поселении [Кривцова-Гракова, 1948, с.96–99, табл.VIII]. Так как на ней не было найдено «ничего, что связывало бы это место с какими-либо ритуальными процессами», сооружение интерпретировано как загон для скота. Современная источниковая база позволяет поставить вопрос о культовом назначении площадки, подтверждением чему может служить форма, размеры, способ оформления границ, аналогичные или близкие отмеченным на святилище № 1 Богуслава-1 (см. Приложение В).

Святилища типа 3 (открытые, многосекционные) представлены Северо-восточным святилищем Безыменного-2, состоящим из двух углубленных площадок, котлованы которых облицованы камнем или имеют каменную ограду (рис.121) [Мимоход, 1996, с.124–126; Горбов, Мимоход, 1999, с.32–34]. Аналоги этому сооружению в культурах бронзового века Восточной Европы нам неизвестны.

Святилища типа 4 (закрытые, односекционные). Отнесение объектов, выявленных на поселениях позднего бронзового века, к группе закрытых святилищ, основывается, прежде всего, на нестандартности их метрических и планиметрических характеристик в сравнении с постройками жилого и хозяйственного назначения. Такой, в частности, является одна из срубных построек поселения Капитаново-1, в которой яма-жертвенник занимает большую часть сооружения, что исключает возможность его использования в утилитарных целях (рис.122) [Отрощенко, Бровендер, Пряхин и др., 1996, с.4–10, рис.1]. Близкие по конструктивным особенностям святилища известны в культурах позднего бронзового века лесостепной Украины, в частности в восточнотшинецкой [Березанская, 1982, с.159, рис.57, 1] и малобудковской [Буйнов, 2005а, с.110–112].

Закрытым культовым сооружением В.Н. Горбов и Р.А. Мимоход также считают «Южное святилище» Безыменного-2, которое датируют позднебелозерским временем [Горбов, Мимоход, 1999, с.38]. Оставляя за исследователями право подобной интерпретации, отметим, что приводимые ими аргументы в пользу «неординарности» конструктивных элементов комплекса [Горбов, Мимоход, 1999, с.37] не

настолько убедительны, чтобы однозначно рассматривать его в предлагаемом качестве. В равной степени он может быть определен как один из наиболее полно и тщательно раскопанных комплексов хозяйственно-бытового назначения позднего бронзового века Восточной Европы, в котором зафиксированы не только жилые и хозяйственные помещения, но и площадь подворья с оформляющей его оградой. Такое предположение подтверждается тем, что подобные комплексы-«дворы» известны и на других поселениях позднего бронзового века. Речь, в частности, идет о четырех комплексах-«дворах», выявленных на поселении Вороновка-2 в Северо-Западном Причерноморье [Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др. 1991, с.9, рис.4].

Жертвенники¹. По особенностям оформления известные нам жертвенники срубной культуры и ББК Левобережной Украины можно разделить на две группы. Первая включает жертвенники-алтари, то есть приподнятые площадки, что по справедливому замечанию В.Н. Горбова и Р.А. Мимохода [Горбов, Мимоход, 1999, с.25] соответствует классическому пониманию термина. В переводе с латинского (*altare*,

¹ Термин «жертвенник» в энциклопедическом понимании соответствует термину «алтарь» [Даль, 1989, т.1, с.12, 535; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1894, т.II, с.303, т.XI, с.898; Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, 1910, т.2, с.303, т.20, с.186; БСЭ, 1970, т.1, с.463]. В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона «алтарь» определен как жертвенное место или жертвенный очаг, первоначально сооружаемый из земли или дерна, впоследствии, когда начали возводить храмы, из камня или металлов. Отмечается, что алтари-жертвенники у древних народов находились не только в храмах, но и на открытых пространствах, «на улицах, площадях, в священных рощах и у священных ручьев», различались по форме и архитектуре в зависимости от характера и направленности ритуальных действий [Энциклопедический словарь, изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1894, т.II, с.482–483]. Таким образом, жертвенник – специально оформленное культовое место, предназначенное для ритуальных подношений божествам и духам предков-покровителей продуктов животного и растительного происхождения или заменяющих их имитаций, изготовленных из глины или иных материалов. В зависимости от таксономического ранга обрядов, в которых использовались жертвенники, они могли быть составной частью более сложных культовых комплексов, например святилищ, или являться самостоятельным культовым объектом. Применительно к рассматриваемым материалам, к последним следует отнести жертвенники, расположенные в площади хозяйственно-жилых помещений. Их пространственная и культово-функциональная обособленность не вызывает сомнений. В связи с этим вряд ли правомерна точка зрения В.Н. Горбова и Р.А. Мимохода, рассматривающих жертвенники и святилища в качестве одной разновидности культовых мест [Горбов, Мимоход, 1999, с.25]. Действительно, домашние святилища существовали в древности и известны у многих современных народов [Сарианиди, 1962, с.44–56], однако конструктивно они всегда отделены от остальных помещений многосекционных домов. Так как на срубных и ББК памятниках идентификация подобных помещений и святилищ остается проблематичной, то в отношении культовых мест, выявленных в жилищах, более правомерным представляется термин «домашний жертвенник».

altaria, alta are) он означает «высокий жертвенник» [Энциклопедический словарь, изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1894, т. II, с. 482; Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, т. 2, с. 303; БСЭ, 1970, т. 1, с. 463]. Ко второй группе отнесены жертвенники, устроенные в ямах или так называемые ямы-жертвенники. Всего на памятниках рассматриваемого круга известно 19 жертвенников, которые по особенностям устройства можно отнести к четырем типам (см. Приложение В).

Жертвенники первой группы, то есть жертвенники-алтари, представлены двумя типами.

Жертвенники типа 1 – приподнятые на 0,1–0,2 м над уровнем пола площадки-вымостки прямоугольной и овальной в плане формы, сложенные из глины или песчано-меловой массы, реже из глиняных вальков или камней. Их функциональная принадлежность не всегда определяется однозначно. Например, Т.А. Шаповаловым и С.С. Березанской они разделяются на две разновидности. Находящиеся непосредственно у очагов, интерпретируются как кухонные столики; расположенные в центральной части жилищ – как алтари или жертвенники, особенно в тех случаях, когда на них или рядом с ними выявлены предметы культового назначения [Шаповалов, 1983/№ 620; Березанская, 1990, с. 34].

Жертвенники этого типа представлены в раннесрубных жилищах № 2 и 3, жилищах позднесабатиновского горизонта № 6а и 7 поселения Ильичевка [Шаповалов, 1976. с. 154–155; 1983/№ 620; Березанская, 1982, с. 167], срубном жилище № 5 Усова озера [Березанская, 1990, с. 24–25, 87–88, табл. IV], в жилище № 1 поселения Ушкалка [Телегин, 1961, с. 4–5; Шарафутдинова И.Н., 1982, с. 19, 104, рис. 39, 1–4].

Систематизация данных показывает, что 50 % возвышений-вымосток, обнаруженных на срубных и ББК памятниках, сопровождались глиняными «хлебцами», «яйцами», зооморфными фигурками, охрой, мелом, порошком гематита. Уровень взаимовстречаемости признаков, по нашему мнению, позволяет отнести всю группу таких конструкций к остаткам культовых мест – домашних жертвенников, тем более что такие же вымостки, при которых найдены глиняные votivные предметы, представлены на поселениях сабатиновской и белозерской [Шарафутдинова И.Н., 1964, с. 155,

169–178; 1982, с.104, рис.39. 1–4; Ванчугов, 1977, с.275–276; 1978, с.306; Березанская, 1990, с.88], белогрудовской культур [Тереножкин, 1961, с.34, 37; [Куштан, 2005а, с.112–117]. В восточном ареале культур эпохи поздней бронзы вымостки, сопоставимые с рассматриваемыми, встречаются значительно реже [Зданович, 1988, с.28].

На территории Левобережной Украины известно восемь жертвенников типа 1, что составляет 42,1 % всех срубных и ББК жертвенников региона. В подавляющем большинстве они присутствуют в жилищах, то есть являются наиболее распространенной разновидностью домашних алтарей-жертвенников. Единственный случай обнаружения вымостки из камней в площади святилища зафиксирован на поселении Усово озеро, однако хронологическое соотношение конструкции и остальных элементов культового места осталось неустановленным [Березанская, 1990, с.87]. Вероятно, жертвенники типа 1 сооружались во многих срубных и богуславско-белозерских жилищах, о чем косвенно свидетельствуют находки votивных предметов в жилищах поселений Зливки [Швецов, 1985/132; 1987, с.433–434], Степановка [Бровендер, 2000/№ 810], в жилище № 8 Ильичевки [Шаповалов, 1983/№ 620], № 3 Николаевки [Привалова, Привалов, 1987, с.102], на поселениях Любовка и Таранцево [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, с.102; Берестнев, 1994, с.130, рис.4, 16–18; 7].

Жертвенники типа 2 сложены из костей животных, образующих вымостки прямоугольной и овальной в плане формы. Они сооружались непосредственно на грунте или на песчано-глиняных основаниях. Как правило, жертвенники типа 2 находились вне помещений, что отличает их от жертвенников типа 1. Единственный случай размещения подобного комплекса в помещении зафиксирован на поселении Усово озеро в срубном жилище № 9 (рис.123, 1) [Березанская, 1990, с.27, табл.VII]. Не исключено, что остатками разрушенного жертвенника является скопление костей животных, выявленное в жилище № 1 Песчанки [Тесленко, Ромашко, Фещенко, 2007/100]. На святилищах представлены пять жертвенников. Два, большой и малый, выявлены на святилище Усова озера (рис.123, 3) [Березанская, 1990, с.85–87, рис.23, 1], два – на двух святилищах Богуслава-1 (рис.123, 2, 4) [Ромашко, 1993, с.84, 87, рис.1, 2, 4]. В степной зоне с ними сопоставимо скопление костей животных, выявленное в центральной части Северо-восточного святилища Безыменного-2 (рис.121) [Горбов, Ми-

моход, 1999, с.32–34]. Судя по центральному жертвеннику святилища Усова озера и жертвенникам святилищ Богуслава-1 (рис.123, 2–4), для жертвенников типа 2 наиболее обычны прямоугольная форма, размеры от 0,8 x 0,6 до 2,35 x 1,1 м, ориентация по длинной оси с северо-востока на юго-запад или реже с востока на запад. Жертвенникам рассматриваемого типа аналогичны некоторые культовые комплексы восточных срубных и андроновских поселений. Показательна, например, вымостка из костей животных подпрямоугольной формы из поселения Мартышкино в Поволжье [Изотова, 1997, с.91–93; Мимоход, 2000, с.88, рис.2, 5; 3, 1].

Углубленные жертвенники или жертвенники-ямы также возможно разделить на два типа.

Тип 3 – прямоугольные ямы размерами до 3,8 x 1,5 м, ориентированные по сторонам света. Стены ям облицованы камнем. Выявлены только на поселении Безыменное-2, в помещениях № 24, 25 и на Северо-восточном святилище [Горбов, Мимоход, 1999, с.30–34]. По конструктивным особенностям они более всего близки очагам кобьяковской культуры Нижнего Дона, сложенным из поставленных на ребро камней [Шарафутдинова Э.С., 1980, с.42], однако отсутствие в ямах из помещений Безыменного-2 следов горения, находка в одной из них глиняной «лепешки» (рис.97, 3) позволяет согласиться с интерпретацией В.Н. Горбова и Р.А. Мимохода [Горбов, Мимоход, 1999, с.33, 34], рассматривающих объекты в качестве жертвенников.

Тип 4 – неглубокие ямы круглой или овальной в плане формы значительных размеров, содержащие остатки кострищ, черепа и кости животных, охру. Такие жертвенники выявлены на святилище № 1 Богуслава-1 (рис.120) [Ромашко, 1993, с.85–87, рис.2] и в постройке-святилище Капитаново-1 (рис.122) [Отрощенко, Бровендер, Пряхин и др., 1996, с.6, рис.1]. В качестве аналогов жертвеннику из Капитаново-1 возможно привлечение комплексов восточных культур позднего бронзового века. В петровском жилище № 4 поселения Кулевчи-3 в Южном Зауралье на дне неглубокой ямы прямоугольной формы находились ребра и позвонки животных, в углах лежали челюсти лошадей и череп коровы [Виноградов, 1982, с.96]. Упорядоченное положение последних сближает комплекс с жертвенниками типа 2, на что уже обращалось внимание Р.А. Мимоходом [Мимоход, 2000, с.88].

Один такой культовый комплекс известен также на бондарихинском поселении у с. Родной Край. Он представлял собой неглубокую яму диаметром 1 м, на дне которой лежали 12 нижних челюстей, лопатки, ребра, обломки конечностей мелких копытных животных, небольшой сосуд тюльпановидной формы. Ю.В. Буйновым комплекс интерпретируется как однократная жертва, связанная с семейной обрядностью [Буйнов, 2005а, с.111, рис.1, 4]. По нашему мнению, расположение комплекса вне жилищ и приведенный круг аналогов позволяют сопоставить его с жертвенниками рассматриваемого типа.

Однократные жертвенные комплексы. В практике изучения духовной культуры срубных и ББК племен Левобережной Украины однократные жертвенные комплексы анализировались С.С. Березанской [Березанская, 1990, с.88–89], В.Н. Горбовым и Р.А. Мимоходом. Этими исследователями на материалах Северо-Восточного Приазовья выделяются четыре разновидности однократных жертвоприношений: строительные, оставления жилища, закопанные и жертвы-захоронения людей при святилищах [Горбов, Мимоход, 1999, с.25–26].

Представляется, что только на уровне допущения приемлем тезис о погребениях на поселениях как о неких «жертвенных комплексах». Приводимые В.Н. Горбовым и Р.А. Мимоходом примеры человеческих жертвоприношений, связанных со святилищами культур Восточной Европы [Калинин, Халиков, 1954, с.205–212; Сальников, 1967, с.35–36; Пряхин, 1976, с.23; Гребенников, 1994, с.28–29], большинством исследователей рассматриваются либо в качестве «погребений почетных лиц» [Калинин, Халиков, 1954, с.212], либо, как погребения, случайно оказавшиеся в пределах культовых комплексов до их строительства или после завершения их функционирования [Пряхин, 1976, с.23]. То есть, вероятнее всего, они являются такими же грунтовыми захоронениями, как известные на многих поселениях срубной и других культур бронзового века Украины [Телегин, Ковалева И.Ф., Беляев и др., 1970/41; Дубовская, 1978, с.94–96; Татаринев, 1986, с.314–315; Березанская, 1990, с.88–91, рис.24; Пряхин, Бровендер, 1995, с.24; Клименко, 1999, с.88 и др.]. Показательно, что стратиграфическое соответствие погребения ребенка и комплекса «Южного святилища» осталось неустановленным. Как уже отмечалось, нет уверенности и в культовом

характере самого сооружения. Сказанное правомерно и в отношении грунтовых могильников и погребений, исследованных на поселениях позднего бронзового века Нижнего Поволжья – Ерзовке-1, Новой Покровке-1, Танавском городище. В подавляющем большинстве они не связываются авторами раскопок со временем функционирования бытовых памятников [Изотова, 1997, с.92]. Вероятно, следует согласиться с мнением А.А. Формозова, предполагающего возможность практики человеческих жертвоприношений в раннеземледельческих культурах, и ее исчезновение в более позднее время [Формозов, 1984, с.240].

Отметим также, что предложенная В.Н. Горбовым и Р.А. Мимоходом типологическая схема однократных жертвенных комплексов отличается некоторой нечеткостью определения типологообразующих признаков. Термины «строительная жертва, жертва оставления жилища» отражают функционально-ритуальную характеристику объектов, термин «закопанная жертва» – способ совершения жертвоприношения. Поэтому нами при систематизации материальных следов однократных культовых действий на поселениях в качестве основного критерия дифференциации принято их пространственное положение, прямо связанное со способом совершения жертвоприношений, что позволяет выделить три группы последних – помещенные на поверхности, в ямах, в каменных кладках или под ними.

Поверхностные однократные жертвоприношения. К этой группе отнесены жертвоприношения, помещенные на полу жилищ или за их пределами на дневной поверхности. На рассматриваемой территории такие находки относительно немногочисленны.

В одном из срубных жилищ поселения Лиман череп лошади лежал на очаге [Бровендер, 1993, с.151]. На поселении Чикаловка в культурном слое, рядом с жилищем № 1 найден скелет коровы, рядом с жилищем № 3 – скелет коня без ног, на полу этого жилища – скелет козленка [Шарафутдинова И.М., 1964, с.154–155]. На полу жилища № 6 поселения Богуслав-1, у северо-западной стены выявлена анатомически целостная часть туши коровы. Часть скелета овцы лежала на костях уплотнительной выкладки на полу жилища № 7 того же поселения. В одном из блокирующихся помещений (объект № 2) «Южного святилища» Безыменного-2

лежали два неполных скелета овец и обломок крупного сосуда, в котором находилась часть передней конечности овцы. Скелет лошади без конечностей выявлен на полу помещения № 32 [Горбов, Мимоход, 1999, с.35, рис.21, 4].

Несколько культовых комплексов известно на поселении Глубокое Озеро-2. С верхним горизонтом памятника Я.П. Гершковичем связана ритуальная вымостка, сложенная из 700 обломков от 42 панцирей черепах (*Testudo graeca*) в жилище № 1, череп лошади и фрагменты двух черепов собак. С нижним – нижние челюсти крупного рогатого скота со следами очистки их от мягких тканей, обнаруженные на дне котлована жилища № 7. Предварительный характер публикации [Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005, с.98] затрудняет типологическое определение комплексов.

На территории Подонья следы ритуалов, связанных с однократными жертвоприношениями, фиксируются еще в абашевское и срубное время. В частности такое «жертвенное место-святилище» известно на Шиловском поселении [Пряхин, 1976, с.21–22]. Достаточно многочисленные свидетельства преднамеренного помещения в соружения умерщвленных животных и частей туш характерны для таких поселений андроновской культуры как Новоникольское-1 и Петровка-2 [Зданович Г.Б., 1988, с.29–36, рис. 6].

На памятниках западноевропейских культур позднего бронзового века поверхностные жертвоприношения животных не получили распространения.

Однократные жертвоприношения в ямах. Сложность выделения этой группы культовых мест заключается в отсутствии критериев, руководствуясь которыми возможно разделение ям хозяйственно-бытового и культового назначения, которые в большинстве случаев не отличаются формой, размерами, глубиной. Выявленные в них кости животных, в том числе сохранившие анатомическую целостность, обломки и развалы сосудов, целые и пришедшие в негодность орудия в равной степени могли быть забыты обитателями жилищ, зарыты как мусор, использованы в культовых целях. Следовательно, функциональная интерпретация ям из жилищ и площади поселений требует чрезвычайной осторожности. По нашему мнению, к культовым возможно отнести только ямы, специально вырытые для однократного

захоронения в них отдельных черепов, туш или частей туш животных, но и в этом случае необходимо отметить известную условность предлагаемой дифференциации. Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников показывает, что ямы, отвечающие предложенным характеристикам на поселениях срубной культуры и ББК Украины известны в очень небольшом количестве.

Среди древностей ББК с большей или меньшей степенью достоверности к рассматриваемому типу культовых мест возможно отнесение следующих комплексов. В яме № 7А, находившейся в жилище № 7-7А поселения «Песочин-Мобиль» находилось скопление костей неполного скелета лошади [Шрамко І.Б., Корохіна, 2007, с.437]. На дне ямы № 43 жилища № 8 поселения Богуслав-1 обнаружены четыре кости конечности лошади, уложенные попарно крест-накрест. Рядом с помещением № 24 поселения Безыменное-2 обнаружены расчлененный скелет лошади и передняя часть скелета мелкого копытного животного [Горбов, Мимоход, 1999, с.29]. Вероятно, к этой же группе культовых объектов может быть отнесено захоронение собаки, обнаруженное рядом с жилищем № 12 Усова озера [Березанская, 1990, с.88–89]. Срубные горизонты поселений Левобережной Украины представлены двумя однократными жертвоприношениями в ямах в Усовом озере. В одной из ям жилища № 3 находились череп и кости конечностей быка, перекрытые слоем золы. Захоронение двух собак, произведенное в неглубокой яме в основании культурного слоя, находилось на месте предполагаемого загона для скота [Березанская, 1990, с.88–89]. Череп крупного барана найден в яме № 5 жилища № 2 поселения Ильичевка [Шаповалов, 1976, с.154]. В жилище № 18 поселения Капитаново-1 обнаружена яма квадратной формы, на дне которой находился скелет дикой свиньи. Здесь же найден кусок охры и фрагмент сосуда, орнаментированный «свастикой» [Бровендер, 2000/№ 810].

Ямы, содержащие скелеты животных или части туш, традиционно рассматриваемые как жертвоприношения, известны на бытовых памятниках ряда культур энеолита–бронзового века. Сводка таких комплексов приведена А.А. Формозовым. Исходя из хронологических рамок работы, наибольший интерес представляют примеры однократных жертвоприношений на поселениях позднего бронзового века.

Упомянутая сводка достаточно представительна и нуждается лишь в незначительных дополнениях [Формозов, 1984, с.238–240].

В западном ареале общности КВК случаи подобных жертвоприношений единичны. Они известны в позднесабатиновском-раннебелозерском поселении Вороновка-2 [Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991. с.14], восточнотшинецких поселениях Костянцы [Свешніков, 1952. с.134] и Пустынка [Березанская, 1974. с.88; 1982, с.112, 164, 166].

Значительно многочисленнее восточные аналоги рассматриваемой разновидности культовых мест. Речь, прежде всего, идет о срубной, ивановской, андроновской и саргаринско-алексеевской культурах [Изотова, 1997, с.92; Черных, Кузьминых, Лебедева и др., 1999, с.86, рис.4; Зданович Г.Б., 1988. с.27, 38–41, 53; Формозов, 1984. с.238; Кривцова-Гракова, 1948, с.96].

Однократные жертвоприношения в каменных кладках и под ними. Эта разновидность культовых комплексов в Левобережной Украине известна только на срубных и ББК памятниках Северо-Восточного Приазовья. В лесостепной зоне и Предстепье их нет, как нет и сооружений, возведенных с использованием камня.

Данные о жертвоприношениях в кладках под ними обобщены и систематизированы В.Н. Горбовым и Р.А. Мимоходом. К таковым отнесены находки черепов и костей животных из облицовок стен помещений № 3, 17 Безыменного-2 и ограды поселения Ляпинская Балка, привязного топора, зернотерки, терочника и тесла, льячки из помещений № 19, 22, 29, 30 Безыменного-2, сосудов из помещения № 7Б Безыменного-2 и жилища Широкой Балки-2 [Горбов, Мимоход, 1999, с.26–27]. В кладке ограды «Южного святилища», интерпретированного нами как хозяйственно-жилой комплекс, также присутствуют подобные находки – скопления и отдельные кости крупного рогатого скота и лошади, два конька, заготовка тупика. В кладке центрального помещения (объект № 1) – тупик и обломки сосудов, в кладке блокирующегося помещения (объект № 3) – привязной каменный молот [Горбов, Мимоход, 1999, с.35–36, рис.18].

Вероятно, не все предметы из кладок являются жертвоприношениями. Например, некоторые изделия из камня (грубо изготовленные или пришедшие в негодность

в результате повреждений привязные топоры-молоты, обломки зернотерок, терочников) могли использоваться как строительный материал. Учитывая, что на Безыменное-1, 2 и другие памятники региона камень доставлялся из достаточно удаленных регионов Азовского побережья [Петрунь, 1997, с.161–162], такое предположение допустимо. В незначительном количестве каменные орудия встречаются в кладках построек культур позднего бронзового века иных территорий. Так В.Н. Ключинцевым отмечено присутствие зернотерок и терочников в фундаментах и каменных стенах сабашиновских памятников [Ключинцев, 1990, с.40]. Показательно, что на поселениях, расположенных в непосредственной близости от легкодоступных выходов пригодного для строительных нужд камня, а такие памятники доминируют в Северо-Западном Причерноморье [Елисеев, Ключинцев, 1997, с.92], случаи помещения в кладки каменных орудий, как правило, не наблюдаются. В качестве примера сошлемся на материалы позднесабашиновско-раннебелозерского поселения Вороновка-2. Его местоположение приурочено к обнажениям понтического яруса Григорьевского (Аджальского) лимана, из известняков которого сложены стены большинства построек памятника [Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.7–33; Петрунь, 1991 с.70–76].

Вышесказанное позволяет считать однократными жертвоприношениями в кладках преимущественно кости животных и их скопления. Возвращаясь к материалам Вороновки-2, отметим, что при отсутствии в кладках орудий из камня, в них, тем не менее, отмечены находки скоплений костей животных и отдельных астрагалов [Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.18, 21, 29].

5.2. Погребальный обряд богуславско-белозерских племен

Проблема отбора источников. В общей массе археологических источников, привлекаемых для изучения истории населения заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины, удельный вес погребальных памятников, по сравнению с бытовыми, относительно невелик. Современное состояние источниковой базы позволяет выделить погребения белозерской, малобудковской, бондарихинской культур, что, так же как и комплексы поселений, свидетельствует о неоднород-

ности этнического состава населения и сложном характере этнокультурных процессов, имевших место на этой территории в последней трети II тыс. до н. э. [Буйнов, 1977, с.208–216; 1981; 1994, с.6–14; 2006, с.60–68; Ромашко, 1978, с.70–77; 1995б, с.41–45, 47–54, 74–80; Отрощенко, 1981/№ 598; 1986, с.126–134; Березанская, 1982, с.69, 81–84, 197–209; Отрощенко, Шевченко, 1987, с.131–144; Воловик, 1997, с.10; Гершкович, 1998, с.61–92].

Наименее изученным остается погребальный обряд племен ББК. Погребения, инвентарь которых сопоставим с керамикой, орудиями и предметами вооружения, присутствующими в поселениях ББК или культур общности КВК, в большинстве районов постсрубного пространственного поля либо отсутствуют, либо представлены единично.

Это явление было отмечено в самом начале изучения постсрубных памятников Украины. Тогда же были предприняты первые попытки его объяснения.

Так, О.А. Кривцова-Гракова причины явного отличия валиковой керамики нижнеднепровских поселений, в том числе Белозерского лимана, от архаичной (баночной и острореберной) из курганов, видит в том, что «для обряда погребения выбирались наиболее древние формы посуды» [Кривцова-Гракова, 1955, с.116]. Это допущение до сих пор находит приверженцев среди специалистов [Мамонтов, 1991, с.25–28; Махортых, 2005, с.276].

Попытка выделения группы погребений конца сабастиновского времени на материалах Левобережной Украины предпринята Ю.Б. Полидовичем и В.В. Цимидановым, которыми учтены погребения, стратиграфически перекрывающие погребения, сопровождаемые посудой с расчлененными валиками [Полидович, Цимиданов, 1994, с.44–46]. Сопоставительный анализ погребальной «позднесрубной» посуды отсутствует. Ознакомление с этими погребениями, некоторые из которых исследованы автором настоящей работы [Марина, Ромашко, Попков, 1998, с.79–95], убеждает нас в их принадлежности БМСК.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в поселенческих комплексах горизонтов ББК присутствуют некоторые разновидности керамики архаического раздела, однотипной, собственно, срубной. Поэтому не исключена возможность, что

в общей массе срубных погребений могут присутствовать и более поздние. Однако ввиду отсутствия критериев их выделения это допущение представляется достаточно гипотетичным.

Э.С. Шарафутдинова малочисленность «срубных погребений белозерского времени» объясняет распространенностью в этот период безынварных могил, захоронения в которых произведены по канонам срубной обрядности [Шарафутдинова Э.С., 1991, с.192]. Такие погребения действительно обычны для курганов степной бронзы, однако широкий хронологический диапазон скорченных на боку в восточной ориентации захоронений (от среднего бронзового века до начала раннего железного) требует осторожного подхода к их культурной интерпретации. Сама исследовательница рассматривает это положение только как рабочую гипотезу.

Вне сомнения, при реконструкции погребальной обрядности постсрубных племен должны учитываться только памятники, инвентарь которых возможно соотнести с древностями общности КВК. Такие погребения известны в Доно-Волжском междуречье. В частности, В.В. Отрощенко и Н.П. Шевченко [Отрощенко, Шевченко, 1987, с.141] XII–X вв. до н. э. датируются пять погребений из курганов Быковского-1 и Иловатского могильников Нижнего Поволжья. [Смирнов К.Ф., 1960, с.176, 211–212, рис.4, 3-4; 15, 11–14; 1959, с.234, рис.13, 2–3]. Э.С. Шарафутдиновой к «позднейшим срубным» отнесены 10 погребений, исследованных на Нижнем Дону и в степном Прикубанье в курганах могильников Арпачин, Северный-2, Центральный-4, Колдыри, Бессергеньевский, Пролетарский, Батурицкий, Анапский-1, Михайловский [Шарафутдинова Э.С., 1991, с.184–196]. В составе инвентаря этих погребений присутствуют бронзовые ножи с параллельными лезвиями, украшения «белозерских типов», костяные наконечники стрел, столовая посуда. Основываясь на анализе нижнедонских и кубанских захоронений, исследовательница приходит к обоснованному выводу о том, что «позднесрубные» погребения отличаются от белозерских Северного Причерноморья восточной ориентацией скелетов [Шарафутдинова Э.С., 1991, с.191]. К этой же группе В.В. Потапов относит еще несколько памятников, ранее причисляемых к срубным, так называемым переходным или черноголовским. Среди них погребения курганных могильников Лебяжье-1, Подгорный, Донской, Холодный-4, Бара-

новка. Всего в выборке В.В. Потапова первоначально насчитывалось 21 погребение [Потапов, 1997, с.128–130]. Позже исследователем сводка погребений, относимых к белозерскому хронологическому горизонту, была несколько расширена [Потапов, 1998, с.61–63]. В настоящее время для Нижнего Подонья она насчитывает 40 погребений и 22 погребения из сопредельных территорий [Потапов, 2010, с.14–19]. Таким образом, в Доно-Волжском междуречье известно не менее 60 погребений постсрубного времени.

Исходя из существующего опыта, нами предпринята попытка выделения погребальных памятников, оставленных носителями ББК в Левобережной Украине [Ромашко, 1999, с.119–138]. При их отборе учитывались три основных показателя.

Первый – территориальное соответствие конкретных погребений зоне распространения ББК, устанавливаемой при картографировании поселений.

Второй – присутствие в составе погребального инвентаря предметов «белозерского» типа или аналогичных представленным в комплексах поселений ББК, поселений и погребений культур общности КВК Евразии.

Третий – восточная ориентация погребенных. Так же, как Э.С. Шарафутдинова и В.В. Потапов, мы считаем этот признак важным критерием, отличающим обрядность носителей постсрубных культурных образований, в том числе ББК. Особое значение он приобретает при культурно-хронологической дифференциации погребальных памятников Поднепровья, где присутствуют также белозерские и белогрудовские погребения. Заметим, что для постсрубных погребальных памятников этот признак не универсален [Потапов, 2010, табл. на с.15]. Присутствие среди них погребений с иной ориентацией дает возможность интерпретировать как богуславско-белозерские и некоторые погребения заключительного этапа позднего бронзового века Украины, для которых характерно наличие только двух первых признаков.

Погребения богуславско-белозерской культуры. Большая часть памятников, которые, по нашему мнению, представляют обрядность племен ББК, расположена в степной зоне и Предстепье (см. Приложение Д; табл.3.8).

Среди погребений степной зоны наиболее сложным представляется выделение погребений ББК на западных и юго-западных окраинах культуры, то есть в Нижнем

Поднепровье и Северо-Западном Приазовье, где концентрируются значительные группы бытовых и погребальных белозерских памятников. Тем не менее, в массе погребений XII–X вв. до н. э. региона представлены и соответствующие обрядности племен ББК – погребение в кургане у с. Лукьяновка (рис.124, 4–7) [Фабрициус, 1927, с.8–9, рис.6, 7; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.72, рис.26, 6–9], погребение в кургане 35 на участке А Днепростроя (рис.124, 1–3). [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.75], погребение Д кургана 9 могильника Кичкас II [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.77] и, возможно, погребение № 9 кургана 4 у с. Атманай (рис.124, 8, 9) [Отрощенко, Шевченко, 1987, с.137–138, рис.4, 1] Запорожской обл.

В степной зоне к ББК возможно отнесение погребения № 10 кургана 2 у с. Кременевка (рис.125, 9) [Гаврилюк, Гершкович, 1982, с.69, рис.V], погребений из поселений Безыменное-2 (рис.125, 3, 4) [Горбов, Мимоход, 1999, с.35, рис.4, 3, 4] и Клиновое [Татаринов, 1993, с.49] Донецкой обл. В курганах у с. Кременевка присутствуют еще несколько погребений, датируемых авторами публикации финалом эпохи бронзы [Гаврилюк, Гершкович, 1982, с.67–70]. Однако представляется правомерной точка зрения В.В. Отрощенко и Н.П. Шевченко, предполагающих их более позднее хронологическое положение [Отрощенко, Шевченко, 1987, с.140].

В Предстепье, в географических рамках Орельско-Самарского междуречья, к рассматриваемому кругу нами отнесены погребение № 9 кургана 4 группы 18 у с. Верхняя Маевка (рис.125, 1, 2) [Ковалева И.Ф., Волкобой, Марина и др., 1977, с.69–70; Костенко, 1977, с.118–119; Отрощенко, Шевченко, 1987, с.133; Полин, Симоненко, 1990, с.92–93], погребение № 8 кургана 2 у с. Чернетчина (рис.125, 5, 6) [Беляев, 1984, с.76, рис.2, 11; Буйнов, 1999, с.13], погребения № 18 кургана 1 и № 4 кургана 3 у с. Николаевка (рис.124, 10–14) [Ромашко, 1996, с.66–69; Ковалева И.Ф., Ромашко, Андросов, 1979, с.25–44, рис.2, 10, 11], погребение № 5 кургана 13 группы 1 у с. Троицкое (рис.124, 15, 16) [Марина, Ромашко, 1985/52, с.22–23], погребения № 32 и 51 грунтового могильника у с. Осиповка (рис.125, 10 –12) [Беляев, 1981, с.68–70, рис.3, 5, 6; 4], пять трупосожжений из грунтового могильника, исследованного на территории поселения Залинейное (рис.126) [Ромашко, 1983, с.56, рис.1; 2, 1–7; 1995б, рис.19].

В лесостепной зоне и Донецкой интразональной лесостепи большая часть погребений, культурная принадлежность которых может быть определена как богуславско-белозерская, известна на поселениях позднего бронзового века Северского Донца. К таковым относятся погребения из поселений Червоный шлях-1 Харьковской обл. [Буйнов, 1992, с.92; 1999, с.11, рис.2, 1, 4, 8, 10], Шоссейное Белгородской обл. [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.140, 148], Зливки [Швецов, 1983/58], Рай-Стародубовка Донецкой обл. (рис.125, 7, 8) [Клименко, 1981, с.256; 1999, с.88, рис.1, 6, 7].

К кругу лесостепных погребальных памятников ББК возможно отнесение также погребения № 2 кургана 7 группы 4 у с. Солонцы (недалеко от г. Комсомольск) Полтавской обл., культурная принадлежность которого определена С.Б. Супруненко как белозерская [Супруненко, 2007, с.100, 104, рис.109, 5; 105].

Таким образом, на территории Украины с большей или меньшей степенью уверенности к ББК возможно отнести 23 погребения (Приложение Д; табл.3.8). Имеющиеся данные, с одной стороны, позволяют охарактеризовать черты погребальной обрядности племен ББК, с другой – сопоставить их с обрядностью населения постсрубного времени Доно-Волжского междуречья.

Погребения ББК Украины рассеяны на значительной территории. Случаи их обнаружения в пределах одного памятника единичны. В частности, два погребения исследованы в соседних курганах группы 1 у с. Николаевка, еще два – в грунтовом могильнике у с. Осиповка. В восточной зоне случаи выявления компактных групп погребений не менее редки. Например, четыре погребения присутствовали в курганах Быково-1 [Смирнов К.Ф., 1959, с.234; 1960, с.211].

В отличие от племен заключительного этапа позднего бронзового века Подонья, Прикубанья и Поволжья, которые, судя по известным в настоящее время данным, хоронили своих умерших преимущественно в курганах, постсрубное население Украины использовало в качестве мест захоронения также грунтовые могильники и территорию поселений. Пропорциональное соотношение подкурганых и грунтовых погребений составляет 48 и 52 %.

Так же как и в восточных районах, в Украине большая часть подкурганых погребений впущена в насыпи, возведенные в энеолите–бронзовом веке. Однако известны и случаи возведения небольших по размеру насыпей – курган на участке А Днепростроя, Лукьяновский.

Форма и размеры могильных ям достаточно стандартны. Преобладают ямы прямоугольной формы с закругленными углами, реже, как в погребении № 5 кургана 13 у с. Троицкое – овальной. Длина погребальных ям составляет от 1,55 до 1,7 м, ширина – от 0,95 до 1,2 м. Исключением является погребение Лукьяновского кургана, размеры могильной ямы которого равны 3,14 x 2,45 м.

В 15 из 23 погребений зафиксированы положение и ориентация скелетов. Преобладают скорченные на боку – 80 %. Степень скорченности различна, от сильной до умеренной, иногда, как, например, в погребении № 4 кургана 3 группы 1 у с. Николаевка, слабая. В восточной группе удельный вес скорченных погребений постсрубного времени еще более значителен и составляет 95 %. Погребения ББК отличаются от них тем, что среди них заметно преобладают скорченные на правом боку (60 %), в то время как для Донно-Волжского междуречья и Прикубанья более обычны скорченные на левом (95 %). В трех случаях среди погребений Украины отмечено вытянутое на спине положение скелетов (20 %): погребение № 51 Осиповского могильника, погребения курганов Днепрострой (участок А) и Лукьяновский. Возможность отнесения этих памятников к ББК подтверждает открытие в Поволжье погребения № 1 кургана 5 могильника Подгорный, в котором при вытянутом на спине скелете найден выразительный комплекс предметов XII–X вв. до н. э., в том числе костяные стержневидные псалии с тремя отверстиями в одной плоскости [Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996, с.30, рис.5] и наличие «поздневаликовских» или отрадненских вытянутых погребений в Нижнем Подонье [Потапов, 2010, с.15].

В погребениях ББК и восточных постсрубных погребениях отмечена сходная вариабельность положения рук скорченных на боку скелетов.

Ориентация скелетов в погребениях ББК распределяется следующим образом: восток – 54 %, юго-восток и северо-восток – по 6 %, юго-запад – 14 %, северо-запад – 6 %, юг – 14 %. То есть удельный вес скелетов, лежащих головой в восточном

секторе, составляет 66 % (табл.Е.8). Показательно сопоставление ориентации погребений ББК с отрадненскими погребениями Нижнего Подонья [Потапов, 2010, табл. на с.15]. Погребения, произведенные в восточной ориентации, составляли 45 %, юго-восточной – 10 %, северо-восточной – 12,5 %, северной 5 %, южной – 22,5 %, юго-западной – 2,5 %, западной – 2,5 %. Удельный вес погребений в восточном секторе равен 67,5 %.

Таким образом, достаточно аргументированным представляется вывод о том, что рассматриваемые погребения заключительного этапа позднего бронзового века Украины по обрядовым характеристикам близки погребениям постсрубного времени Подонья, Прикубанья и Поволжья. Среди родственных признаков следует выделить следующие: рассеянность погребальных памятников на значительной территории и их немногочисленность; преобладание погребений, впущенных в более древние курганы; преобладание погребений, скелеты в которых лежат скорченно в восточной ориентации; значительная вариабельность в степени скорченности скелетов и положении верхних конечностей, присутствие в погребальном инвентаре керамики, орудий и украшений «белозерских» типов.

Не менее отчетливо определяются и отличия, среди которых, например, следует отметить несоответствие некоторых категорий погребального инвентаря. Так, например, в погребениях ББК Украины пока не выявлены «белозерские» кинжалы с параллельными лезвиями, обычные для погребений Подонья и Прикубанья [Шарафутдинова Э.С., 1991, с.189]. Особенно ярко отличия в обрядности отрадненских и ББК племен фиксируют трупосожжения, представленные погребениями могильника Залинейное, погребением № 1 из поселения у с. Червоный шлях. Обращает на себя внимание также наличие в ББК грунтовых погребений и могильников, в то время как в Нижнем Подонье и Поволжье известны только подкурганые. В ББК распространены как основные, так и впускные подкурганые погребения, в группе отрадненских – только впускные. Среди скорченных на боку постсрубных погребений Нижнего Подонья преобладают лежащие на левом боку, в то время, как среди погребений ББК – на правом. В первом случае удельный вес погребений на левом и правом боку соотносится как 72 к 16,5 %, во втором – как 40 к 60 %.

Отмеченные отличия могут быть объяснены инокультурным влиянием, в связи с чем целесообразно сопоставление погребальной обрядности ББК с обрядностью белозерской, белогрудовской, малобудковской и бондарихинской культур, памятники которых либо соседствуют, либо известны в одних районах с богуславско-белозерскими.

Погребальный обряд белозерской культуры, занимающей степные районы Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Поднепровья, изучен наиболее полно [Лесков, 1971, с.75–91; Отрощенко, 1975, с.193–206; 1981; 1986, с.519–526; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.74–84; Кубышев, Черняков, 1986, с.139–157; Отрощенко, Шевченко, 1987, с.131–144; Евдокимов Г.Л., 1987, с.107–126; Ванчугов, 1990, с.40–58; 1997, с.154–167; 2008, с.91–97; Левицкий, 2002, с.180–205; Агульников, 2005, с.77–91 и др.]. Он характеризуется наличием грунтовых и подкурганых могильников и погребений (в том числе основных), устойчивыми стандартами в устройстве погребальных сооружений, положении скелетов и их ориентации. Доминируют скорченные на боку или спине погребенные, лежащие головой на юг. По подсчетам В.В. Отрощенко в Нижнем Поднепровье (без Надпорожья) и Дунай-Днестровском регионе в 86 случаях скелеты лежали на правом боку, в 78 – на левом, в 30 – на спине [Отрощенко, 1986, с.131]. В.П. Ванчугов отмечает, что из 157 погребений Северо-Западного Причерноморья скорчено на правом боку лежали 76 скелетов (48,4%), на левом 65 (41,4%), на спине – 11 (7%), ничком – 5 (3,2 %) [Ванчугов, 1990, с.51]. Отличных от этих стандартов погребений, например, вытянутых на спине или произведенных по обряду кремации, известны единицы. Отклонения от южной ориентации составляют только 2 % [Отрощенко, 1986, с.131].

Погребальная обрядность племен белогрудовской культуры изучена недостаточно. Имеющиеся данные позволяют констатировать наличие трупосожжений на месте, трупосожжений на стороне с дальнейшим помещением праха в урны, трупоположений, для которых характерна западная ориентация погребенных [Макаревич, 1940, с.463; Березанская, Драгунова, 1970, с.217–219; Березанская, 1982, с.81]. Известны как грунтовые, так и подкурганые захоронения. С.С. Березанской на территории культуры, занимающей значительную часть лесостепной правобережной Украины,

выделяется два локальные варианта – северный и южный. Для первого характерны трупосожжения, для второго – трупоположения [Березанская, 1982, с.81–84]. Использование огня характеризует и погребальную обрядность Гордеевского могильника. Он расположен в южной части белогрудовского массива, но в культурном плане с ним не отождествляется [Березанська, Клочко, 2011, с.47]. Отметим, что в могильнике отсутствуют погребения, которые возможно интерпретировать как трупосожжения – огонь разжигался рядом с погребениями или на их деревянных перекрытиях.

В малобудковской и бондарихинской культурах ведущей разновидностью погребального обряда являются трупосожжения [Буйнов, 1977, с.208–216; 1981, с.10; 1994, с.7–8; 2006б, с.60–67; Левицкий, 1946/35; Воловик, 1997, с.10; Берестнев, 1995/29, 1996/18]. Могильники в большинстве случаев расположены в непосредственной близости или в площади однокультурных поселений. Сожжение трупов производилось на стороне. Оставшийся после кремирования прах, иногда вместе с золой и углями погребального костра, помещался в ямы круглой или овальной формы диаметром 0,2–0,7 м, глубиной 0,4–0,7 м. По способам захоронения остатков кремации рассматриваемые погребения подразделяются на урновые, безурновые и урново-безурновые.

Выделяется и группа погребений, совершенных по обряду трупоположения. Погребения, культурная принадлежность которых Ю.В. Буйновым определяется как бондарихинская, исследованы у с. Соколово, на поселениях Родной Край-3 и Бондариха [Буйнов, 1981/№ 600; Буйнов, 1985, с.263; 2006б, с.60–67]. Как считает С.М. Воловик, к малобудковской культуре возможно отнесение погребения № 2 кургана 2 у с. Авдеевка [Воловик, 1997, с.10]. Положение скелетов скорченное на правом боку, ориентация неустойчивая – юго-западная, юго-восточная, северная.

Сопоставление характеристик погребений белозерской, белогрудовской, малобудковской, бондарихинской культур с погребениями ББК (табл.Е.8) показывает, что особенности обрядности последних обусловлены главным образом наличием тесных контактов со степными белозерскими племенами. Именно в белозерской погребальной обрядности проявляется весь набор черт, которые обусловили и своеобразие погребальных памятников ББК. Среди них наличие как грунтовых, так и подкурганых

захоронений, большой удельный вес погребений, скелеты в которых лежат на правом боку, присутствие погребений, являющихся основными в курганах. Показательно, что именно отсутствие этих признаков отличают постсрубные погребения отрадненской культуры как от белозерских [Потапов, 2010, табл. на с.16–17], так и от собственно ББК.

Особое место занимает вопрос о связываемых нами с позднейшими племенами ББК трупосожжениях. На первый взгляд, фиксируемые на материалах могильника у с. Залинейное черты обрядности – сожжение трупов на стороне, размещение могильника на территории поселения, наличие в нем урновых, безурновых и безурново-урновых погребений, наконец, присутствие в них горшка, орнаментированного оттисками щепки, в полной мере соответствуют нормам, характеризующим обрядность бондарихинских племен [Буйнов, 1977, с.208–216; 2006б, с.60–67]. Исходя из этого, культурная принадлежность памятника и была определена нами как бондарихинская [Ромашко, 1983, с.56; 1995б, с.41–45]. Дальнейшее накопление данных о культурах позднего бронзового века Украины и их теоретическое осмысление показало, что вопрос о культурной принадлежности могильника Залинейное решается не столь однозначно. По мнению В.В. Отрощенко [Отрощенко, 2001, с.181–183], деструкция срубной культуры, относимая им к рубежу XIII–XII вв. до н. э., сопровождалась трансформацией погребального обряда. На смену ингумации приходит кремация. Исследователь опирается на материалы срубного кургана XV–XIII вв. до н. э. у с. Сухая Гомольша в Харьковской обл., в котором исследовано 15 срубных погребений, из которых 11 представляют собой урновые трупосожжения, образующие два ряда [Буйнов, Михеев, 1989, с.87–95]. Сожжение умерших на месте погребения или на стороне для срубной культуры явление достаточно обычное, что неоднократно отмечалось в литературе [Отрощенко, 1976, с.172–190; Волкобой, 1979, с.98–103; Посредников, Кравец, 1992, с.47–56; Клименко, 1996, с.93–96; Цимиданов, 2001а, с.40–41]. По подсчетам В.В. Отрощенко, трупосожжения среди погребений ПСК составляют 3,7 %. В некоторых регионах культуры (Среднее Поволжье, Оренбургское Приуралье) их удельный вес достигает 5,4–7,3 %. Проявление в срубной среде этого ритуала объясняется им влиянием поздняяковских и андроновских племен. Среди пог-

ребений БМСК трупосожжения составляют 4,1 %, причем отмечается их количественный рост на втором этапе культуры, что, по мнению исследователя, связано с активизацией федоровско-черкаскульских влияний [Отрощенко, 2003, с.80, 84]. Несколько иная статистика приводится В.В. Цимидановым. По его информации, удельный вес кремаций в Лесостепи днепровского Левобережья составляет 1,5 %, в днепровском Правобережье – 4,2 %, в Приуралье и Среднем Поволжье – 3,8 %, в Нижнем Поволжье – 2,1 %, на Среднем Дону – 1,1 %, на Нижнем Дону – 0,9 %. В Днепровско-Донецком регионе из 2823 учтенных погребений 68 произведено по обряду трупосожжения, что составляет 2,4 %. При этом в расчет не брались урновые кремации Лесостепи, рассматриваемые исследователем как этнографическая особенность отдельных групп срубного населения конца эпохи бронзы [Цимиданов, 2001а, с.40]. П.В. Ломейко, В.А. Скарбовенко, проанализировавшими 2330 срубных погребений из Среднего Поволжья, отмечено, что 65 из них произведены на стороне, пять – на месте. Обычно пепел и прах высыпались на дно могилы. Однако известны и случаи помещения праха в емкости, в том числе в сосуды-урны [Ломейко, Скарбовенко, 2004, с.166, 174]. Заметим, что срубные безурновые и урновые трупосожжения в левобережной Украинской Лесостепи известны в грунтовых могильниках у с. Червоный Шлях [Буйнов, 1992, с.91–92], Компанийцы [Махно, Шарифутдинова И., 1972, с.76, рис.3, 7, 8], в кургане у с. Сухая Гомольша [Буйнов, Михеев, 1989, с.87–95]. Важна сама констатация присутствия такого способа погребения в срубной культуре на всей территории ее распространения в лесостепной зоне Восточной Европы. Последнее позволяет утверждать, что урновые и безурновые трупосожжения на стороне появляются у срубников лесостепной Украины до сложения здесь малобудковской культуры, а обрядово близкие погребения могильника Залинейное правомерно рассматривать в плане дальнейшего развития традиций, сложившихся в срубной среде, а не только как результат влияния малобудковско-бондарихинской обрядности.

Таким образом, культурное влияние со стороны белогрудовских, малобудковских и бондарихинских племен на погребальную обрядность ББК проявляется достаточно ограничено. Напротив, вполне вероятно, что биритуализм погребального обряда в перечисленных культурах обусловлен влиянием южных соседей. Косвенным

подтверждением этого предположения может служить то, что большинство трупоположений этих культур территориально тяготеют к южным районам Лесостепи и Предстепью [Буйнов, 1981/№ 600; Березанская, 1982, с.84; Ромашко, 1990/№ 697; 1995б, с.45–62].

Не мог рассматриваемый вид погребений быть заимствован постсрубным населением Левобережной Украины и из белозерской среды. Известные белозерские трупосожжения немногочисленны и произведены по другим обрядовым нормам [Ванчургов, 1992, с.29; Оторщенко, 1986, с.131; Левицкий, 2002, с.186]. О.Г. Левицкий характеризует их как неполные трупосожжения на месте. Они являются результатом воздействия очистительных костров разной интенсивности на тела погребенных, совершенных по обряду ингумации. При этом исследователь акцентирует внимание на том, что проявления кремации в белозерской культуре не связано с гальштатскими влияниями [Левицкий, 2002, с.186].

По обрядовым характеристикам урновые, безурново-урновые и безурновые погребения Залинейного более сопоставимы с гальштатскими. Однако на фоне отчетливо фиксируемых срубных традиций кремации, объяснить присутствие трупосожжений в ББК только с позиций возможного проникновения в Приорелье отдельных групп западного фракийского населения (см. Раздел 6) представляется недостаточным.

По мнению В.В. Отрощенко и Н.П. Шевченко, именно погребальные памятники маркируют восточные границы белозерской культуры, проводимые ими в Западном Приазовье по линии Молочный лиман, севернее – по левому берегу Днепровского Надпорожья и низовьям р. Самара [Отрощенко, Шевченко, 1987, с.139, 140]. Имеющиеся в настоящее время данные о погребениях позднего бронзового века Левобережной Украины показывают, что граница между белозерской культурой и ББК выражена не столь отчетливо, а территория, на которой происходили контакты их носителей, была весьма значительной, о чем, в частности, свидетельствует выделение в Западном Приазовье и Надпорожье погребений ББК. Белозерские погребения, напротив, известны гораздо восточнее р. Молочная, в глубинных степных районах [Марина, Ромашко, Попков, 1998, с.19, рис.1, 3–5]. Вероятно, наличие обширной кон-

тактной территории в значительной степени обусловило установление культурных связей между белозерскими и постсрубными племенами. Направленность этих связей определяется широкой полосой, включающей Нижнее Поднепровье, Северное Приазовье, Нижний Дон, Нижнюю и Среднюю Волгу, на которой в позднем бронзовом веке получают распространение белозерские импорты и подражания им [Отрощенко, Шевченко, 1987, с.141–143; Шарафутдинова Э.С., 1991, с.190–194; Отрощенко, 2001, с.178–193].

На общем фоне малочисленности погребальных памятников позднего бронзового века Днепро-Волжского междуречья обращает на себя внимание почти полное отсутствие именно ранних погребений постсрубного времени. В частности, единичны они в поволжской ивановской культуре [Колев, Седова, 2004, с.212–213; Колев, 2008, с.211–213]. Диспропорция между количеством поселений и погребений финальной бронзы характеризует и более восточные регионы Евразии [Колев, 2008, с.212; Евдокимов В.В., Варфоломеев, 2002, с.42–43; Костюков, Епимахов, 2005, с.70–77].

Проблематично выделение погребений сабатиновской культуры [Гершкович, 1993/№ 739; 1993, с.13]. И.Т. Черняковым к ним отнесено только пять памятников [Черняков, 1985, с.140–142]. Положение не изменилось и после публикации статьи В.П. Ванчугова, в которой систематизированы новые данные о погребальной обрядности сабатиновской культуры Северо-Западного Причерноморья [Ванчугов, 2000, с.39–56]. Подавляющее большинство из не менее сотни привлекаемых погребений сопровождается керамикой, аналоги которой известны в культурах многоваликовой керамики и срубной, что не позволяет уверенно сопоставить их с сабатиновской культурой. В литературе неоднократно отмечалось, что в Нижнем Поднепровье, плотно занятом сабатиновскими поселениями, представлены только погребения срубной культуры. Традиционное объяснение этого факта проникновением на принадлежащие сабатиновцам пастбища более подвижных срубников-скотоводов [Чередниченко, 1986, с.50–55; Гершкович, 1998, с. 66] имеет право на существование, но, как справедливо отмечает В.В. Отрощенко, не объясняет отсутствия самих сабатиновских погребений [Отрощенко, 2001, с.176–177].

На этом фоне значимость выделения группы погребений ББК заключается в том, что они хотя бы частично заполняют источниковую лакуну представлений об обрядности постсрубных племен Украины. Хронологические рамки этого «темного» в отношении погребальных памятников периода составляют не менее 300–400 лет – от позднесрубных погребений, которые нет оснований датировать временем более поздним, чем XIII в. до н. э., и до появления в IX в. до н. э. киммерийских погребений черногоровской группы, что соответствует времени существования общности КВК в целом и ББК в частности. Следовательно, сложность заключается не только в проблеме отбора источников, но и в необходимости их хронологической дифференциации. При сохранении вплоть до черногоровского времени основной черты срубной обрядности – восточной ориентации скорченных на боку скелетов, хронологическим показателем может служить только сопровождающий инвентарь. Ввиду присутствия в рассматриваемых погребениях вещей «белозерских» типов у большинства исследователей не вызывает сомнений правомерность их отнесения к XII–X вв. до н. э. и синхронизации с белозерскими древностями. Таким образом датируются как погребения постсрубного времени Нижнего Дона, Прикубанья и Поволжья [Отрощенко, Шевченко, 1987, с.143; Шарафутдинова Э.С., 1991, с.193; Потапов, 1997, с.130; 2007, с.269–273; 2010, с.14–19], так, вне зависимости от их культурной интерпретации, и погребения Украины [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.74–77; Гаврилюк, Гершкович, 1982, с.69; Беляев, 1984, с.76; 1981, с.68–70; Отрощенко, Шевченко, 1987, с.133, 137, 138; Татарин, 1993, с.45; Ромашко, 1999, с.119–138; 2013, с.157–169 и др.]. Принимая эти датировки, приходится признать, что обрядность племен ББК этапа прото-ББ и начала этапа ББ1, синхронных позднесабатиновской и раннебелозерской культурам, остается неясной. С известной степенью уверенности к этому хронологическому горизонту можно отнести грунтовые погребения поселений Шоссейное, Клиновое, Безыменное-2, подкурганное погребение из с. Кременевка, что подтверждается особенностями происходящей из них керамики и стратиграфией.

Учитывая, что в Левобережной Украине курганы исследовались в массовом количестве, отсутствие в них погребений конца XIII–начала XII вв. до н. э. трудно объяснить.

Возможно, в этот период в среде постсрубных племен происходит существенная трансформация идеологических представлений, повлекшая за собой изменения в способах погребения умерших. В течение жизни нескольких поколений захоронения в курганах не производились или были крайне редки. Косвенным подтверждением этого положения являются наблюдения, полученные при исследовании памятников Богуславского археологического микрорайона. Экспедицией ДНУ в среднем течении р. Самара, в районе поселений Богуслав-1 и 2, Павлоград в радиусе 15–20 км раскопаны почти все курганы (более 100 насыпей). Непосредственно рядом с поселением Богуслав-1 исследована группа из 35 насыпей, из которых 32 раскопаны. В них выявлены погребения энеолита–бронзы, в том числе срубные, сопровождавшиеся керамикой, отличной от керамики ББК горизонта поселения. Энеолитические курганы 23 и 24 [Андросов, Марина, Завгородний, 1991, с.44–19] расположены непосредственно на территории поселения. Эти случаи не единичны. Курганы энеолита–бронзового века находятся в площади поселений Терновка-1, Морозовское [Фещенко, Ромашко, Тесленко, 2010/б. н.], Богуслав-2, Песчанка [Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100], Самарское-1 [Ковалева И.Ф., 1969/101], Пески Радьковские [Шрамко Б.А., 1962, с.105; Берестнев, 2001, с.6], Перещепино, Анновка, Орелька [Ромашко, Тесленко, Векленко та ін., 2004/Архів ДОЦОІКЦ. – б. н.], Лобойковка-1 и 2 [Ромашко, 2007а, с. 209–216, рис. 1, рис. 2], Баловка [Яровой, 2006/78]. Курган, содержащий погребения срубной культуры, исследован рядом с поселением Широкая Балка-2 [Горбов, 1988, с.270].

Представляется, что строительство поселков на территории древних курганных могильников или рядом с древними курганами свидетельствует об отсутствии у позднейших срубных и ранних ББК племен представлений о кургане как культовом месте¹. Вполне допустимо, что в это время получает распространение обычай хоронить соплеменников не в курганах, а в грунтовых могильниках, пока еще не выявленных, как, например, не выявлены они в сабатиновской культуре [Черняков,

¹ Курганы на участке А Днепроостроя, Лукьяновский, а также большая часть впускных погребений, датируются более поздним, в рамках ББК, временем, что отражает процесс возрождения подкурганной погребальной обрядности накануне формирования киммерийской культуры.

1985, с.131]. Подобную направленность динамики обрядности фиксируют срубные грунтовые могильники Осиповка, Перещепино, Павловка, Червоный Шлях, Большая Даниловка, Компанийцы, Брянка, Куцеволовка, Крейдянка и др. [Беляев, 1980; 1981, с.67–70; Чередниченко, 1986, с.59; Березанская, 1982, с.37; Буйнов, 1992, с.91, 92; Махно, Шарафутдинова И.Н., 1972, с.70–81; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.45; Митрофанова, Телегин, Шмаглий, 1962, с.98; Отрощенко, 1978, с.85; Клименко, Литвиненко, 2001, с.46–52]. В этом контексте заслуживает внимания точка зрения исследователей, рассматривающих позднесрубные могильники, погребения которых впущены в более древние курганы без конструктивных изменений насыпи, в качестве разновидности грунтовых [Литвиненко, 1990, с.80–83]. Эта же тенденция проявляется в культурах позднего бронзового века других районов Восточной Европы, например Поволжья [Мерперт, 1958, с.146; Попова, 1960, с.278; Синицын, Фисенко, 1972, с.16–19; Колев, 2008, с.211–212], что рассматривается Е.Н. Черных в качестве общего для общности КВК явления, отмечающего «в какой-то мере, отказ от подкурганного обряда захоронения» [Черных Е.Н., 1983, с.93]. В контексте предлагаемого допущения важное значение имеют наблюдения исследователей, отмечающих принадлежность большей части известных в этих регионах грунтовых могильников к позднесрубному времени [Мерперт, 1958, с.150; Шилов, 1975, с.110].

В.В. Отрощенко какая-либо связь между сабастиновским и срубным (БМСК) погребальным обрядом, с одной стороны, и белозерским, с другой, отрицается ввиду отличий в ориентации погребенных (восточная – у БМСК, южная – у белозерцев), инвентаре, отсутствии в белозерских могилах конструкций из камня [Отрощенко, 2001, с.181–183].

Но, как нам представляется, преемственность между обрядностью БМСК и ББК проявляется достаточно отчетливо. Прежде всего, речь идет о сохранении в погребениях ББК восточной ориентации скорченных на боку скелетов. Учитывая, что для культур позднего бронзового века именно ориентация рассматривается в качестве основного культуuroобразующего признака [Отрощенко, 1994а; 2001], этот аргумент представляется нам заслуживающим внимания.

В литературе неоднократно отмечалось, что погребальный обряд срубных племен на протяжении развития культуры последовательно упрощался и унифицировался [Шарафутдинова Э.С., 1976, с.64–65; 1991, с.192; Мерперт, Пряхин, 1979, с.17; Ковалева И.Ф., 1981, с.16–96; Березанская, Чередниченко, 1985, с.467; Чередниченко, 1986, с.62]. Возможно, к началу сложения ББК обрядность срубных племен упростилась (или, напротив, усложнилась) до такой степени, что останки умерших перестали предавать земле, как это практиковалось и практикуется до настоящего времени у некоторых иранских народов, сохранивших элементы архаической доавестийской языческой культуры [Массон, 1985, с.266; Йеттмар, 1986, с.137–143; Бойс, 1987, с.23, 24; Palwal, 1969, s.20–43], или символически погребались черепа, отдельные части тел, как это зафиксировано на поселениях Клиновое, Шоссейное, Зливки, и что также допускается ритуальными нормами язычников-иранцев, зороастрийцев и ведийских ариев [Усманова, Филанович, Кошеленко и др., 1985, с.239; Кузьмина, 2008, с.341]. Подобным образом объясняет отсутствие погребений XIII–XI вв. до н. э. в Поволжье И.И. Дремов, отмечающий, что причина явления, возможно, кроется в замене срубного погребального обряда зороастрийским, предполагающим погребение отдельных, предварительно очищенных от мягких тканей, частей скелета [Дремов, 2000, с.124].

Фиксируемый на материалах БМСК и ББК биритуализм погребальной обрядности, проявившийся в распространении у срубных и постсрубных племен трупосожжений (Сухая Гомольша, Залинейное), вполне соотносится с положением о единых истоках ведийской и зороастрийской религиозных систем. Распространившийся в индоарийской среде обычай сжигать покойников преследовал ту же цель, что и выставление зороастрийцами трупов на растерзание падальщикам – уничтожение тленной плоти. Согласно постулатам обеих религий, прах тленного тела должен восстать и, облекшись новым, бессмертным телом, воссоединиться с душой в раю [Бойс, 1987, с.23, 37–40]. Сказанное не означает непосредственного отождествления ведийской и зороастрийской погребальной обрядности с богуславско-белозерской. Речь идет только о возможной близости происхождения языческих дозороастрийских, доведийских культов и культов, сформировавшихся в среде населения позднего бронзового века степной Евразии.

5.3. Общеиндоевропейские, иранские и индоарийские культовые элементы в срубной и богуславско-белозерской культурах

Систематизация данных о культовых комплексах позволяет утверждать, что в религиозно-идеологических представлениях срубных и постсрубных племен позднего бронзового века Украины нашли отражение две культово-обрядовые традиции – общеиндоевропейская, преимущественно западная, и индоиранская или восточная.

Свидетельством первой являются остатки домашних жертвенников типа 1, с которыми, как уже отмечалось, связаны находки вотивных предметов. В Восточной Европе домашние жертвенники появляются еще в эпоху нео-энеолита в среде ранних земледельцев и скотоводов. Их связь с культом плодородия несомненна [Энеолит СССР, 1982, с.241–252]. Стойкость традиции и форм ее выражения подтверждают материалы бронзового века. Кроме срубных памятников [Шаповалов, 1983/№ 620, с.84–85, рис.22, 7; Швецов, 1987, с.433; 1985/132; Березанская, 1990, с.87–88, рис.23, 2], находки глиняных «хлебцев», «лепешек», зооморфных фигурок, моделей колес известны в комплексах сабастиновской культуры [Мелюкова, 1961, с.22; Шарафутдинова И.Н, 1982, с.104, рис.39, 5–12; Черняков, 1985, с.55, рис.20, 9; 36, 9], белозерской [Лесков, 1970, с.26–28, рис.21; 22, 1–6; Ванчугов, 1977, с.275–276; 1978, с.306; 1990, с.38, рис.23, 9–11; Колотухин, 1996, рис.15, 25–27], восточнотшинецкой и белогрудовско-раннечернолесской [Березанская, 1956, с.49, табл.1, 9; 1982, с.177–180; Тереножкин, 1961, с.52, 54, рис.28, 1–4, 6–9], бондарихинской [Буйнов, 2005а, с.111, рис.7–11]. В культурах позднего бронзового века восточных территорий вотивные глиняные изделия также присутствуют, но в значительно меньшем количестве [Кривцова-Гракова, 1948, с.147; Либеров, 1964, с.26, рис.11, 1; Пряхин, 1973, с.28–29, рис.5, 5; Хоркин, 1999, с.29–30].

Вторая традиция представлена святилищами, жертвенниками типов 2 и 4, однократными жертвоприношениями черепов и частей туш животных (поверхностные и в ямах). Эти комплексы свидетельствуют о существовании у срубных и богуславско-белозерских племен Украины особых религиозно-идеологических представлений, присущих именно этим обществам со скотоводческой направленностью хозяйства.

Аналоговое соответствие культовым объектам восточных культур позднего бронзового века позволяет констатировать близость стандартов их оформления а, следовательно, и определенную близость духовной культуры. Религиозные традиции постсрубного мира получили распространение и в среде сопредельных с ним инокультурных племен. Например, присутствие жертвенника типа 4 на поселении Родной Край [Буйнов, 2005, с.111], вероятнее всего, является свидетельством восприятия бондарихинскими племенами элементов духовной культуры ираноязычного населения Левобережной Украины, с которым первые контактировали на протяжении всей своей истории. В культурах Восточной Европы, более западных по отношению к Днепровскому Левобережью, подобные жертвенные комплексы неизвестны.

Представление об иранской принадлежности срубных, андроновских и сформировавшихся на их основе племен финала бронзового–начала раннего железного веков в современной историографии следует признать устоявшимся. Исходя из этого, при реконструкции культовых действий, проводимых на святилищах, применимы сопоставления с древними индоарийскими и иранскими обрядами, освященными ведийской и особенно авестийской традициями. Целесообразным представляется также привлечение сведений о древних культах других народов восточной ветви индоевропейской языковой семьи, представленных, в том числе, анатолийской группой. В частности, речь идет о «царских» ритуалах, информация о которых содержится в клинописях из архивов Хеттского государства – Хаттусы, датируемых XVII–XII вв. до н. э., а также в клинописях других древних индоевропейских народов Малой Азии – лувийских и палайских. Их религия и ритуалы испытали сильное влияние со стороны автохтонного хаттского и хурритского населения, однако сохранили многие черты культовой практики более древнего типа [Ардзинба, 1982, с.3–6]. Исследователями отмечается также связь хеттской мифологии с мифологическими сюжетами и пантеоном многих древних народов индоевропейской языковой семьи, в том числе индийской и иранской групп [Иванов В.В., 2003, с.590–592].

Интерес представляет, прежде всего, культовая сторона религии древних индоариев и иранцев, включающая способы устройства культовых мест, характер жертвоприношений, их состав, то есть те стороны культово-обрядовых действий, которые

непосредственно контактируют с окружающими реалиями и находят отражение в материальных объектах. Их прямое сопоставление со срубными и богуславско-белозерскими, по всей видимости, вряд ли возможно. Однако совпадение многих черт не может не вызывать интереса в плане констатации общности происхождения религиозных систем индоиранских и, в целом, индоевропейских этносов.

По мнению М. Бойс, обрядность зороастрийцев сохранилась без существенных изменений со времен, предшествующих составлению Заратуштрой Гат, и появлению текстов Малой Авесты. Такие проявления дозороастрийской или, по М. Бойс, «старой религии» [Бойс, 1987, с.10–13], наблюдаются, прежде всего, в устройстве священных (культовых) мест, которые отличались крайней простотой. Последнее характеризует и места отправления культов древних ведийских племен Южной Азии. Их сравнение со святилищами срубно-андроновского круга показывает совпадение многих основных и второстепенных элементов. Среди них отметим следующие.

Даже учитывая относительную немногочисленность известных в настоящее время культовых мест срубной культуры и ББК, очевидно, что и лесостепными и степными племенами святилища обычно сооружались на окраинах поселков, в топографическом отношении соответствующих оконечностям надпойменных мысов или склонам балок. Из четырех святилищ типов 1–3 одно находилось на северном краю поселения, три – на северо-восточном. Устойчивость топографического признака, вероятно, объяснима с позиций, предложенных С.С. Березанской. Она отмечает, что северо-восточный край мыса поселения Усово озеро, на котором находилось святилище, наиболее удобен для наблюдения восхода солнца [Березанская, 1990, с.85].

В этом плане показательное расположение зороастрийских и ведийских священных мест на естественных и искусственных возвышениях [Страбон, XI, 8, 4; Бойс, 1987, с.75; Елизаренкова, 1989, с.453], что отражает тенденцию их максимального приближения к солнцу. Культ солнца, персонифицированный в Сурье, Савитаре, Пушане и других солнечных божествах, занимает важное место в ригведийской религиозной системе [Эрман, 1980, с.53, 59–61]. В авестийской традиции солнечные божества персонифицируются в образах Митры и Хвары [Бойс, 1987, с.14, 15]. Наличие у индоариев ритуалов, посвященных восходу солнца, подтверждают гимны «Ригве-

ды» богине зари Ушас, которые могли исполняться только на рассвете [Ригведа, I, 123, 124, III, 61, IV, 51, 52]. Древнехеттские и новохеттские клинописные тексты прямо указывают на то, что религиозные праздники всегда начинались до восхода солнца. В них содержится также описание какого-то обряда, посвященного божеству Солнца, который проводился не в храмовой постройке, а на ее крыше, то есть на открытом возвышении [Ардзинба, 1982, с.48, с.65].

Окраинное положение святилищ, возможно, связано и с другими причинами. Например со стремлением уберечь обитаемую часть поселения от вредоносного воздействия сконцентрированных в районе святилищ потусторонних сил, которые, безусловно, представлялись более могущественными по сравнению с приуроченными к домашним жертвенникам. Отметим, что традиция размещать культовые объекты в изолированных местах свойственна и другим древним индоевропейским народам [Ардзинба, 1982, с.9; Русанова, 2002, с.16].

Доминирующей разновидностью культовых сооружений срубного, постсрубного и постандроновского круга являются открытые святилища типов 1–3, то есть не имеющие несущих стен и кровли. Дозороастрийские, раннезороастрийские, ведийские святилища-храмы также относятся к категории открытых культовых сооружений. В частности, культовые места «старой религии» представляли собой ровную площадку прямоугольной формы, которая ограничивалась бороздами. Позднее у зороастрийцев она получила название «пави», то есть «чистое место». Древность традиции обозначения площади культовых мест бороздами и рвами подтверждают хеттские клинописные тексты, в которых «царский» обход культовых мест во время праздников передает глагол *irhai*– «идти по кругу», «ограничивать, проводить границы», родственный индоевропейским лексемам со значением «пахать» и производным – «плуг», «вспаханная земля» [Ардзинба, 1982, с.21]. Отсутствовали сложные храмовые сооружения и у индоариев времен составления гимнов «Ригведы». На открытом возвышенном месте расстилалась жертвенная солома и возжигался посвященный богам костер [Бойс, 1987, с.10–13; Елизаренкова, 1989, с.453]. Как свидетельствуют античные источники, персы-зороастрийцы еще в эпоху Ахеменидов считали неприемлемым возводить храмы, так как, по их представлениям, не имело смысла «запирать внутри

стен богов, обителью которых является весь мир» [Бойс, 1987, с.75]. Показательно, что в более позднее время подобным образом объясняли предпочтение открытых святилищ закрытым храмовым постройкам германцы [Русанова, 2002, с.66].

Современные археологические реалии позволяют отнести начало формирования конструктивно-ритуальных норм устройства открытых святилищ в степной и лесостепной Евразии к энеолитической эпохе. С этого времени на огромной территории от Британских островов и Центральной Европы на западе до Зауралья на востоке получают распространение круглоплановые, реже квадратные и прямоугольные в плане святилища [Потемкина, 2001, с.166–256]. Традиция сохраняется и в позднем бронзовом веке. Например, российские археологи предполагают, что население Аркаима совершало ритуалы на близлежащих к поселению холмах, на вершинах которых выявлены столбовые ямы, кострища, каменные выкладки в виде свастик и концентрических окружностей [Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 2002, с.497]. Такая же закономерность в устройстве открытых жертвенных площадок (на возвышенностях) характерна для кельтских племен гальштатского времени Центральной Европы и Британских островов [Русанова, 2002, с.20]. Вышесказанное, вероятно, может свидетельствовать в пользу существования древней общеиндоевропейской традиции устройства открытых святилищ, наиболее ярко проявившейся в эпоху бронзы у иранских и индоарийских народов, и у них же просуществовавшей наиболее длительное время.

Достаточно стандартны форма, размеры и ориентация святилищ типов 1–3. Вне зависимости от количества составляющих их секций они имеют прямоугольные или близкие к прямоугольным очертания, длинной осью ориентированы с северо-востока на юго-запад. Судя по материалам Усова озера, размеры святилищ типа 1 относительно невелики – около 30 кв.м. Площадь святилищ типов 2 и 3 в несколько раз больше и составляет от 102 кв. м (Северо-восточное святилище Безыменного-2) до 220 кв. м (святилище № 1 Богуслава-1).

Ведийская и зороастрийская традиции приписывают квадрату и прямоугольнику особые охранительные функции. Судя по описаниям, содержащимся в «Белой Яджурведе», четырехугольная форма (в том числе прямоугольная – «веди или махаведи») являлась стандартом оформления ведийских культовых мест [Балонов,

1987, с.43]. В первых главах Видевдата («Закон против дэвов»), содержащих сохранившиеся от Авесты остатки эпических и космогонических преданий, повествуется о «варе» – квадратном в плане убежище, возведенном Йимой в стране Арйана Вэджа, мифологической прародине иранцев. В нем все живые существа были спасены от чрезвычайно суровой зимы и всемирного потопа. Вара в иранской мифологии считается также обителью праведников. Показательно, что и в «Ригведе» содержится упоминание о квадратной загробной обители культурного героя Ямы, первого человека, проложившего путь смерти и впоследствии обожествленного [Маковельский, 1960, с.72–73; Эрман, 1980, с.94]. Атрибутация мифических сооружений квадратной формы перволюдям – авестийскому правителю рая Йиме и ведийскому господину царства мертвых Яме устанавливается вполне определенно. Совпадение имен богов и функционально одинаковое место в пантеонах не оставляют сомнений в их дораздельном индоиранском происхождении [Эрман, 1980, с.93–94; Снесарев, 1981, с.14].

Мотив квадратного и прямоугольного ограждения, внутри которого находится упорядоченный мир, противостоящий окружающему хаосу, отчетливо прослеживается в древней мифологической и религиозной традиции индоевропейских народов, что нашло отражение в многочисленных примерах сооружения ими жертвенников, святилищ и храмов прямоугольной в плане формы [Маковельский, 1960, с.72–73; Смирнов К.Ф., Попов, 1969, с.110–116; Бессонова, 1983, с.47; Русанова, 2002, с.23–29; Л.Л., 2003, т.1, с.215]. Именно в виде прямоугольника-квадрата представляло вселенную индоевропейское население позднего бронзового века Малой Азии. Например, клинописный гимн Солнцу из архива Хаттусы гласит: «О бог Солнца! О могущественный царь! Вечно объезжаешь ты четыре угла (мира). Справа от тебя Страхи бегут, слева от тебя Ужасы бегут». Углы символизировали стороны света. В повозку бога впряжены четыре коня, также символизирующие стороны света [Ардзинба, 1982, с.23–24].

В этом контексте обращает на себя внимание то, что жертвенники срубной культуры и ББК в большинстве случаев не только имеют прямоугольную (или подквадратную) в плане форму, но и ориентированы углами по сторонам света, что согласуется с означенными выше принципами организации культовых мест древних иран-

ских и индоарийских народов. В ведийских текстах, посвященных обрядности, связанной с домостроительством, предписывается устройство в жилищах двух очагов – женского и мужского. Женский, круглый в плане, очаг использовался для приготовления пищи, мужской, прямоугольный в плане, считался культовым, то есть алтарем. Последнее согласуется с мнением о том, что в древней индоиранской символике круг означал земной огонь, а квадрат – огонь небесный [Кузьмина, 1986, с.50; Попандопуло, Шмакова, 1999, с.171].

Таким образом, можно предположить общие истоки идеи священного прямоугольника и квадрата, нашедшей отражение в архитектурно-планиметрических характеристиках иранских и индоарийских культовых мест и их срубных, ББК, саргаринско-алексеевских аналогах, представленных святилищами типов 2 и 3.

Святилища типа 2 ограждались неглубокими рвами, типа 3 – стенами, сложенными из камней. Различия в способах фиксации границ не столь принципиальны, так как и рвы и ограды представляют собой воплощение одной и той же идеи пространственного вычленения площади святилища. Обе разновидности этого важного элемента устройства срубных и постсрубных святилищ присущи культовым местам широкого хронологического диапазона.

Показательны курганные погребальные памятники. Ровики, очерчивающие подкурганную площадку, так же, как и очерчивающие открытые святилища, появляются в энеолите [Ковалева И.Ф., 1989, с.36–37; Потемкина, 2001, с.166–256]. Традиция их сооружения прослеживается в культурах Восточной Европы с курганной погребальной обрядностью от эпохи бронзы до средневековья. Известны ровики и в курганах срубной культуры, причем в ряде случаев форма образуемой ими площадки достаточно необычна, в том числе и прямоугольная, как, например, в курганах 2 и 3 группы 2 у с. Терны Днепропетровской обл. [Ковалева И.Ф., Андросов, Шалобудов и др., 1987, с.9, рис.2, 1], кургане 1 группы Петрополье-1 Харьковской обл. [Берестнев, 2001, с.83, рис.62, 1], кургане 5 у с. Новокаменка Херсонской обл. [Генинг В.В., Кубышев, 1990, с.18–19, рис.17, 1], курганах 3 и 6 у с. Овчарное Запорожской обл. [Попандопуло, Шмакова, 1999, с.162, 170, рис.3, 4, рис.6, 6], кургане 2 у с. Заможное Донецкой обл. [Кудлай, 2000, с.93–94, рис.1]. В ровиках срубных курганов отмечены

находки черепов и костей животных [Отрощенко, 1990, с.10–11; Кудлай, 2000, с.93, рис.1], что соответствует зафиксированному на богуславском святилище № 1 помещению в ров черепов и частей туш жертвенных животных. Ровики прямоугольной в плане формы присутствуют и в некоторых белозерских курганах, например, в кургане 2 у с. Широкое [Ванчугов, 1990, с.47, рис.15, 3; Vančugov, 1996, abb. 6, 1], хотя более обычны в них кольцевые ровики, известные в таких памятниках, как курган 1 у с. Александровка в Днепровском Надпорожье [Ромашко, 1979, с.104–110, рис.2; 1980, с.76–82, рис.3], курганы у с. Васильевка, Дивизия и др. в Северо-Западном Причерноморье [Ванчугов Субботин, 1989, рис.2; Ванчугов, 1990, с.55, рис. 14, 2, 3; 15, 1]. Использование ровиков как сакрального объема, куда помещали остатки тризны, обычны и для культур более позднего времени, например скифской и сарматской, племена которых являлись продолжателями культовых традиций ираноязычных народов бронзового века. Интерес в плане аналогового поиска представляют квадратные и прямоугольные в плане ровики сарматской культуры, известные на Северном Кавказе и в степях Восточной Европы от Южного Приуралья до Венгрии. Часть их окружает подкурганные погребения, часть маркирует границы расположенных рядом с могильниками площадок, которые возможно интерпретировать как вместилища душ умерших родственников или поминальные сооружения [Русанова, 2002, с.143–148; Симоненко, 2003, с.148–157; Габуев, Малашев, 2007, с.458–471, рис.3; 4].

Оформление границ священных мест рвами известно в языческой дозороострийской и зороострийской культовой архитектуре. Как уже отмечалось, пави очерчивались бороздами [Бойс, 1987, с.13], сопоставимыми со рвами святилищ типа 2 (рис.120). Так же, как и на открытых святилищах многих других древних индоевропейских народов (кельтов, германцев, славян), окружающие их рвы не имели оборонительного значения, а служили символической защитой. Как и на святилищах Богуслав-1, Усова озера, Безыменного-2, Алексеевки, на этих памятниках культурные остатки – кости животных, обломки посуды, угли, встречаются только на жертвенниках, а также за пределами культовой площадки и во рвах [Русанова, 1992, с.57, 2002, с.64–65].

Ограждения культовых мест камнем имеет не менее древние традиции. Страбон сообщает о зороастрийском храме VI века до н. э. в Зеле, представлявшем собой искусственную земляную насыпь [Страбон, XI, 8, 4]. Так же, как святилища 3 типа (рис.121), он был окружен стеной. Оградами из камня (валами) в Восточной и Центральной Европе окружались многие святилища культур раннего железного века, праславянские и раннеславянские [Рыбаков, 1981, с.285–304].

Кромлехи из вертикально поставленных или лежащих на древнем горизонте и досыпках камней являются одной из характерных особенностей курганного строительства кеми-обинской и ямной культур. Оградки, часто интерпретируемые как курганные святилища, и кромлехи круглой и прямоугольной в плане формы известны и в срубных, преимущественно степных курганах Нижнего Поднепровья, Северо-Восточного Приазовья, Нижнего Подонья, Крыма [Ильюков, 1979, с.132; Писларий, Гераськова, Дубовская и др., 1979, с.388–389; Березанская, Чередниченко, 1985, с.465; Щепинский, 1985, с.333; Отрощенко, 1990, с.10; Ольховский, Отрощенко, 1991, с.111–118, рис.1, 1; 2; Кислый, 1993, с.162–176; Литвиненко, 1993, с.190, 194 – 194, рис.2, 1; Колтухов, Кислый, Тоцев, 1994, с.45, 51, 68–82, рис.21; 34, 8; 35; 37; Плешивенко, 1996, с.6, табл.1, 2 и др.]. Особый интерес представляет погребально-ритуальный ансамбль (святилище) Шахтерского могильника в Донецкой обл., состоящий из нескольких курганов с каменными оградками, среди которых выделяется прямоугольная оградка кургана 3, связанная с основным культовым захоронением домашних животных [Санжаров, Литвиненко, Черных Е.А. и др., 2003, с.139–143, 156–158, рис.12].

Примером сооружения оград на заключительном этапе позднего бронзового века может служить белозерский курган Широкая Могила [Латышев, 1926, с.201–204]. Еще более интересным с точки зрения аналоговых сопоставлений со святилищами срубной культуры и ББК является «каменная аллея», соединяющая белозерские курганы 1 и 3 у с. Баштановка Одесской обл. [Шмаглий, Черняков, 1970, с.68–70, 79–80]. Камни «аллеи» оформляют площадку вытянуто-прямоугольной формы, которую возможно интерпретировать как святилище открытого типа, предназначенное для проведения ритуалов, связанных с погребальной обрядностью. Распространены

«каменные кольца», ограды и в других евразийских культурах бронзового–раннего железного веков, значительная часть которых рассматривается как древнеиранская [Мелюкова, 1989, с.21; 1989а, с.55; Крис, 1989, с.30].

Площадь святилищ типов 1–3 отличается слабой насыщенностью культурными остатками или их полным отсутствием, что неоднократно подчеркивалось их исследователями [Кривцова-Гракова, 1948, с.97–99; Березанская, 1990, с.85–87; Ромашко, 1993, с.84; Горбов, Мимоход, 1999, с.33]. Последнее возможно рассматривать как следствие регулярных уборок и подчисток, что в свою очередь объясняет и углубленность некоторых святилищ по отношению к древнему горизонту (святилище № 1 Богуслава-1, Северо-восточное святилище Безыменного-2). В несколько большем количестве культурные остатки (кости животных, обломки камней, мелкие фрагменты керамики, орудия труда из кремня, кости и бронзы) присутствуют только на святилище № 1 Богуслава-1. Однако следы упорядочивания площади фиксируются и здесь. О них, кроме уже отмеченной углубленности, свидетельствуют грязевые прослойки, нанесение которых выравнивало пол и погребало мелкий мусор.

Известно, что иранцы со времен «старой религии» перед началом культовых действий обязательно выравнивали и окропляли водой площадь пави. Нормы, предписывающие очищение культовых мест и всего комплекса предметов, используемых в ритуалах, аналогичные как у зороастрийцев, так и у брахманов, по мнению специалистов, восходят к индоиранской эпохе. Отметим, что практика жертвоприношений «старой религии» и зороастризма предписывала возлияния ближайшему ручью, реке, озеру [Бойс, 1987, с.10, 13, 55–56]. При допущении наличия в ритуалах срубных и богуславско-белозерских племен очистительных обрядов с использованием воды становится понятной целесообразность уже отмечавшегося расположения святилищ типов 1–3 на окраинах поселений, наиболее приближенных к водоемам.

Практически на всех святилищах срубной культуры и ББК Украины фиксируются следы огненных ритуалов. На жертвенниках святилищ типа 1 – № 2 Богуслава-1 и Усова озера выявлены куски обожженной глины. В площади святилища Усова озера находилось также большое количество золы, пепла, углей. Следы многократного возжигания небольших кострищ отмечены в блюдцевидной западине,

занимающей центральную часть площади святилища типа 2 в Богуславе-1, а также в его западном углу. Обожжено дно жертвенника-ямы Северо-восточного святилища типа 3 Безыменного-2. Рядом с жертвенником-ямой святилища поселения Капитаново-1 находилось кострище.

На поверхностях домашних жертвенников воздействие огня прослеживается реже. Например, обожжена поверхность жертвенника типа 1 в жилище № 5 Усова озера. Вокруг него рассеяны мелкие угли и зола. Немногочисленность подобных примеров не означает неразвитости культа огня в семейно-бытовой обрядности срубных племен. В качестве вместилища жертвенного огня могли использоваться домашние очаги, присутствующие во всех жилищах и в большинстве случаев размещенные рядом с жертвенниками. Свидетельством использования огня и в культовых действиях, связанных с однократными жертвоприношениями, может рассматриваться яма из жилища № 3 Усова озера, в которой череп и кости быка были перекрыты слоем золы.

Как на святилищах, так и в домашних жертвенниках найдена керамика со следами вторичного обжига. Так, на полу святилища № 1 Богуслава-1 обнаружен развал пережженного горшка, раздавленного на мелкие фрагменты и втоптанного в грязевой слой. Остатки двух пережженных сосудов находились в яме-жертвеннике Северо-восточного святилища Безыменного-2. Огонь разводился в одном из четырех сосудов, стоявших рядом с жертвенником в жилище № 2 Ильичевки.

В плане сопоставления обрядности древних иранцев и индоариев со срубной и богуславско-белозерской, подчеркнем, что обожествление огня и использование его очистительной силы в культовых действиях, безусловно, имеют дораздельные, вернее общеиндоевропейские истоки [Даниленко В.Н., 1974, с.129].

Возжигание огня на пави «старой религии», зороастрийских и ведийских культовых местах завершало оформление их площади и одновременно являлось началом церемоний. Не случайно каждая книга «Ригведы», вне зависимости от содержания, начинается с гимнов Агни – богу огня, а понятие жертвенного огня-костра занимает центральное место в ритуальной поэзии этого литературного памятника. Жертвенные костры разводились непосредственно на полу культовых мест или в сосудах, как это археологически фиксируется и в срубных и в ББК культовых комплексах. Использо-

валась посуда бытового назначения, но соответствующим образом очищенная и освященная. Специальные храмовые алтари-подставки у зороастрийцев появляются только при Ахеменидах. Несколько позже ригведийского этапа появляются специальные сосуды для огня и у ведийских племен. В древнейших главах «Яджурведы» («Книга жертвенных изречений») они имеют название «укха» и описываются как главная часть алтаря [Эрман, 1980, с.51, 79, 132; Бойс, 1987, с.13, 21, 56, 75, 79; Елизаренкова, 1989, с.453].

Применение в культовой практике срубных и ББК племен красящих веществ, возможно символизирующих огонь или кровь, подтверждается обнаружением охры и обломков посуды с окрашенной внутренней поверхностью в блюдцевидной западине святилища № 1 Богуслава-1, заполненной охрой ямки рядом с жертвенником из жилища № 5 Усова озера [Березанская, 1990, с.25], гематита и камня для его измельчения у жертвенников жилища № 2 Ильичевки [Шаповалов, 1983/№ 620]. Учитывая широкое применение охры в погребальной обрядности племен энеолита-бронзы Восточной Европы и продуктивность терминов с корнем *rud/rot* в индоевропейских языках [Даниленко В.Н., 1974, с.109], древность культовой традиции использования этого минерального красителя не вызывает сомнений. В Индии ведийского периода красный цвет ассоциировался со смертью и разрушительными силами стихийных явлений, персонифицируемыми в божестве Рудре, имя которого также связано с общеиндоевропейским пластом. Красные и окрашенные в красное предметы были обязательным атрибутом вредоносной ведийской магии [Эрман, 1980, с.73, 74, 202].

Археологически фиксируемые остатки жертвоприношений на срубных и ББК святилищах типов 1–4, на жертвенниках типов 2 и 4, в однократных жертвенных комплексах, свидетельствуют об устоявшейся практике убийства животных в культовых церемониях на протяжении всей истории срубных и ББК племен. Подавляющая часть остеологических материалов из культовых комплексов не анализировалась специалистами-палеозоологами. Однако ясно, что в жертву, как правило, приносился крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, иногда собака, крайне редко дикие животные. Так во рву святилища № 1 Богуслава 1 обнаружена часть черепа и кости кабана, в кладке помещения № 3 Безыменного-2 – череп барсука. Использование в качестве

жертвенного животного барсука – явление исключительное не только для ираноязычных срубников, но и для индоевропейского мира в целом.

Вся туша животного обычно не жертвовалась. Находки полных скелетов единичны. В частности, останки двух собак выявлены в межжилищном пространстве поселения Усово озеро. Нормой ритуала было использование конечностей, тазовых костей, грудины, позвоночного столба, черепов и нижних челюстей. Показательно, что эти же нормы характеризуют и жертвоприношения, связанные с погребальной обрядностью срубных и андроновских племен [Ковалева И.Ф., Волкобой, 1976, с.16; Черденченко, 1986, с.57, 58; Ковалева И.Ф., 1989, с.61; Березанская, 1990, с.87; Сотникова, 2008, с.358–361 и др.]. Обращает на себя внимание археологически фиксируемая культовая значимость нижних челюстей. На наиболее сохранившихся жертвенниках типа 2, сложенных из костей жертвенных животных, они являются обязательным «конструктивным элементом». Так на жертвеннике святилища № 2 Богуслава-1 выявлено 17 челюстей быка домашнего, оформляющих контуры вымостки. В меньшем количестве, но также на краях жертвенника, присутствуют нижние челюсти животных на святилище Усова озера [Березанская, 1990, рис.23, 1]. Аналогичный комплекс известен на поселении Кулевичи-3 в Южном Зауралье, в одном из жилищ которого обнаружена вымостка из костей животных, в трех углах которой лежало по нижней челюсти лошади, в четвертом – череп коровы [Виноградов, 1982, с.96]. Использование нижних челюстей животных в культовых действиях, связанных с жертвоприношениями, прослеживается на материалах лесостепной Украины и в раннем железном веке [Андрієнко, 1974, с.89].

Возможное объяснение столь широкого использования упомянутых частей туш животных и особенно нижних челюстей в культовой практике срубных, ББК, андроновских племен кроется в религиозной сути традиции жертвоприношений, сопоставимой с традициями древних иранских и индоарийских народов. Регулярные кровавые жертвоприношения – «ясна» у иранцев, «яджна» или «яджня» у индоариев были центральным действием дозороастрийских, зороастрийских и ведийских культов. Древние иранцы считали жертвоприношения необходимым условием поддержания существования мира. Согласно их космогоническим мифам, живые существа

были созданы богами в результате тройного жертвоприношения, после которого появилось множество растений, животных и людей. По их представлениям, души животных, убитых при жертвоприношениях и освященных молитвой, поглощаются богами, в частности Гэуш-Урваном («Душа быка»), который, в свою очередь, заботится об изобилии полезных животных на земле [Бойс, 1987, с.11, 21]. Геродот сообщает, что персы жертвуют животных Зевсу, солнцу, луне, земле, огню, воде и ветрам. Описан и ритуал. После молитвы о благополучии царя и всех персов верующий «...расчленяет жертву на части и, сварив мясо, расстилает мягчайшую траву, предпочтительно трилистник, и кладет все мясо на него. Как он так делает, подходит маг и поет над ним песнь о рождении богов, как повествует персидское предание, и ни одно жертвоприношение не может быть совершено без мага. Через некоторое время принесший жертву уносит мясо и использует как пожелает» [Геродот, I, 131, 132]. Мясо жертвенных животных после богослужения делили между его участниками, однако отдельные части туш посвящались богам. В частности, одному из наиболее почитаемых богов – небесному священнослужителю Хаоме, который предотвращал засуху и голод, исцелял скот, покровительствовал воинам, обязательно посвящали и преподносили язык и левую челюстную кость каждого жертвенного животного [Бойс, 1987, с.10]. Подобные ритуальные нормы и правила жертвоприношений животных отражены и в хеттских клинописных текстах [Ардзинба, 1982, с. 65–69].

В «Ригведе» и особенно в «Яджурведе», которая, несмотря на относительно позднее происхождение, в некоторых отношениях архаичнее первой [Эрман, 1980, с.136; Сотникова, 2008, с.358], также господствует представление о жертвоприношении как об акте творения космического уровня, необходимого для поддержания и сохранения упорядоченной вселенной. Особый интерес представляют тексты «Яджурведы», полностью посвященные ритуальной тематике и отражающие систему обрядов древнего брахманизма, в том числе и связанных с жертвоприношениями животных («нирудханашубандха»). В версии «Вадсанейнсакхматы» сведения о них содержатся в главах 4–8, 11–18, считающихся древнейшими в составе литературного памятника. Животные жертвовались разным богам, прежде всего Индре, обряды дли-

лись от одного до нескольких дней и отличались значительной сложностью. Так же, как и у иранцев, туши животных расчленялись.

Аналогичен видовой состав приносимых в жертву животных как срубными и ББК, так и дозораострийскими, зороастрийскими, ведийскими и, в целом, древними индоевропейскими этносами – бык, лошадь, овца, коза, собака. Коров индоарии не убивали, однако в «Ригведе» еще отсутствует прямое запрещение этого [Эрман, 1980, с.89, 130–131, 140; Ардзинба, 1982, с.67–68; Раевский, 1985, с.193–194].

Очень сложным является вопрос о семантике однократных жертвенных комплексов.

Анатомическая целостность частей туш животных поверхностных жертвоприношений свидетельствует, что мясо разлагалось на полу жилых и хозяйственных помещений. Следовательно, длительное время они должны были быть необитаемыми. Вполне возможно, что принесение таких жертв фиксирует момент оставления жилища, например при переселении на другие земли, в новое жилище или по другим причинам. Предположительно, они предназначались душам некогда живших здесь умерших родственников или каким-то божествам, сходным с одним из богов-охранителей индоарийского пантеона ригведийского периода – Вастышпати «Господином жилья» [Кузьмина, 1986, с.49; Елизаренкова, 1989, с.500], ларами и фамильными пенами древних римлян. Последние являются божествами дома и домашнего очага или непосредственно связаны с ними [Штаерман, 2003, т.2, с.38–39; 2003а, т.2, с.299–300]. У славян таким божествам соответствуют домовые, в образе которых сочетаются элементы культа предков и культа очага. В народных верованиях восточных славян домовый часто выступает посредником между домочадцами и их предками. Домового следовало кормить, то есть регулярно жертвовать ему часть блюд, употребляемых семьей, или специально для этой цели приготовленных [Зеленин, 1991, с.412–413; Пономарьев, 1994, с.309; Шапарова, 2001, с.235–241; Войтович, 2002, с.160–162].

Достаточно обоснованной представляется интерпретация костей животных, а возможно и некоторых других находок в каменных кладках Северо-Восточного

Приазовья как жертвоприношений, связанных с культовыми действиями, при постройке жилищ и хозяйственных помещений [Горбов, Мимоход, 1999, с.25–27].

Менее всего поддаются семантической дешифровке жертвоприношения в ямах, которые в равной степени гипотетично могут быть сопоставлены с любым проявлением семейно-бытовой культовой практики.

В плане определения круга артефактов, связанных с культовыми действиями срубных и ББК племен – носителей древних иранских традиций, интерес представляют астрагалы мелкого рогатого скота со спиленными и заполированными боковыми гранями. В наборах или отдельными экземплярами они найдены на поселениях Богуслав-1, Макри-Хая, Чикаловка, Старая Ласпа, Орехово-Донецкое-4 (рис.46, 12; 57, 8, 9; 88, 2, 6–10) [Шарафутдінова І.М., 1964, с.166; Привалова, Привалов, Дегерменджи, 1982/99; Привалова, 2000, с.107, рис.1, 11; Усачук, 2000, с.110, рис.1, 4, 5; Горбов, Усачук, 2001, с.37]. Астрагалы известны в погребениях и бытовых памятниках Украины широкого хронологического диапазона. Традиционно они рассматриваются как принадлежности игральных или гадальных наборов, что подтверждается находками как астрагалов с гравированными знаками на гранях, так и их присутствием в одних комплексах с костяными и каменными фишками [Лесков, 1970, с.42; Ромашко, 1978, с.70; Санжаров, 1988, с.140–159; Чередниченко, Фиалко, 1988, с.149–166; Ковалева И.Ф., 1990, с.67–69; Посредников, Зарайская, 1993, с.165–167, рис.43, 3–5; Бровендер, 1994, с.6–7; Цимиданов, Чаур, 1997, с.50–61]. Свидетельством распространенности игр с применением астрагалов и в среде носителей культур восточной зоны общности КВК являются находки игральных наборов в саргаринско-алексеевских памятниках. Так О.А. Кривцовой-Граковой на Алексеевском поселении их выявлено три: восемь астрагалов овцы лежали под горшком № 48 на жертвенном месте; 20 астрагалов коровы находились в землянке № 1; 33 астрагала овцы, семь из которых имели пришлифованные боковые грани, обнаружены в яме из жилища № 2 [Кривцова-Гракова, 1948, с.125]. Археологические и этнографические источники свидетельствуют о многотысячелетней традиции игр и магических ритуалов, в которых использовались альчики и так называемые «фишки», в среде индоевропейских и иных народов Евразии [Ковалева И.Ф., 1990, с.67–69; Цимиданов,

Чаур, 1997, с.50–61; Цимиданов, 2001, с.215–248]. В частности, о существовании подобных проявлений духовной культуры у индоариев свидетельствует ригведийский «Гимн игрока» [Ригведа, X, 34].

Присутствие на срубных и ББК поселениях разнотипных и разновеликих святилищ, домашних жертвенников и однократных жертвенных комплексов свидетельствует о сложной системе религиозных и космогонических представлений, требующих дифференцированного устройства культовых сооружений, предназначенных для ритуалов различных таксономических уровней.

Вероятно, именно в ираноязычной срубно-андроновской среде и среде племен общности КВК восточной зоны и контактного региона сформировались языческие культы, ставшие основой сложения ведизма в Южной и зороастризма в Юго-Западной Азии. Они могли быть привнесены сюда в позднем бронзовом веке мигрантами из Евразийских степей, свидетельством чему может служить археологически фиксируемое распространение комплексов с валиковой керамикой в Северном Афганистане и Северо-Восточном Иране [Кузьмина, 1964, с.156–158; Сарияниди, 1972, с.21; 2008, с.338–340; Черных Е.Н., 1983, с.97–98].

РАЗДЕЛ 6

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

6.1. Генезис богуславско-белозерской культуры. Богуславско-белозерские племена на этапе прото-ББ

На материалах позднего бронзового века Левобережной Украины установлено, что формирование ББК происходит в XIII в. до н. э. Во всяком случае, в последние десятилетия этого столетия уже существуют памятники новой культуры, отличимые от памятников второго периода БМСК по наличию выразительных серий керамики новационного облика. Характерной особенностью наиболее ранних памятников ББК одновременно является присутствие в их комплексах посуды архаических групп, включающих керамику со сложными валиковыми композициями, с обиточненско-павлоградскими и срубными чертами (табл.Е.11–14), что позволяет рассматривать БМСК в качестве генетической подосновы нового культурного образования [Ромашко, 2011а, с.151–172].

В плане определения генетической основы ББК отметим, что в современной историографии, наконец, сформировалось понимание поликультурности такого признака, как декорирование посуды сложными валиковыми композициями. Так не вызывает сомнения то, что керамика с орнаментами, выложенными налепными валиками, присутствует в горизонтах срубной культуры [Шаповалов, 1976, с.160, рис.6, 8; 1983/№ 620; Беляев, 1977, с.42–44; Ромашко, 1995а, с.125–126, рис.4, 1–8; 2007, с.216, рис.5, 12, 13, 16–19; 6, 15, 16, 19; Гробов, Усачук, 2001а, с.194], что отмечает не только процесс формирования БМСК на основе местных (КМК) компонентов, но и сохранение элементов последних на протяжении существования этого культурного образования. Динамика подхода к культурно-хронологической интерпретации так называемой «многоваликовой керамики» наглядно прослеживается в работах С.С. Березанской, которой такая керамика, со времени выделения

ею КМК и на протяжении 60–80-х гг. XX в., рассматривалась исключительно как культуuroобразующий признак последней [Березанская, 1960, с.26–41; 1986, с.5–43]. В работах конца XX в. исследовательница предлагает рассматривать многоваликовую орнаментацию керамики как «моду» или «керамический стиль» культур позднего бронзового века [Березанская, 1998, с.60–65]. В нашем понимании, орнаментация керамики многоваликовыми композициями, которая в Восточной Европе впервые проявилась в катакомбной культуре и достигла пика использования в керамическом производстве КМК, остается одним из приемов декора посуды культур позднего бронзового–раннего железного веков, в которых валик использовался в качестве орнаментального элемента¹. При этом орнаментация несколькими валиками преимущественно характерна для посуды, морфология которой соответствует стандартам керамики конкретной археологической культуры. Многоваликовые композиции известны на позднесабатиновской, раннебелозерской, белогрудовской, чернолесской, бондарихинской посуде [Шрамко Б.А., 1957, с.19, рис.5, 4; 6, 5; Максимов, 1959, с.29–30, рис.3, 1; 4, 11, 12; Ильинская, 1961, рис.3, 7; Погребова, Елагина, 1962, с.10; Березанская, 1964, с.52, рис.3; Черняков, 1985, с.69, рис.29, 7;], на посуде лесостепных раннескифских памятников [Вязмітіна, Покровська, 1956, с.42; Шовкопляс, 1956, рис.7, 4]. Наиболее поздние известные нам проявления сложной геометрической многоваликовой орнаментации посуды относятся к VI–V вв. до н. э. [Марченко, Доманский, 1991, с.68–71, рис.10, 12; 12, 6–8].

Многие образцы керамики группы 1 с многоваликовой орнаментацией из памятников прото-ББ (рис.41, 1–19) сопоставимы с известными в БМСК и даже КМК сосудами типов I-БВ1, II-БВ1, II-Г1. Часть посуды показывает тенденцию к упрощению многоваликовых композиций, проявляющуюся в появлении бессистемных валиковых узоров (рис.41, 17) и узоров, состоящих из двух, реже трех горизонтальных валиков (рис.41, 6–8, 16, 19). Для этапа ББ1 характерно дальнейшее

¹ Технологические особенности оформления валиков, например их треугольное или овальное сечение, имеющее значение хронологического показателя, в данном случае не учитываются. Более важным представляется сам факт длительного сохранения этой орнаментальной традиции в гончарном производстве населения Восточной Европы, что объясняет и наличие образцов керамики с многоваликовыми композициями в комплексах ББК.

уменьшение удельного веса посуды, орнаментированной многоваликовыми композициями (рис.82, 1–11). Например, в керамике этапа прото-ББ Богуслава-1 она составляет 6 %, этапа ББ1 – 1,7 %. В комплексах ББ2 посуда аналоговой группы 1 отсутствует, остаточные проявления традиции отмечает присутствие нескольких горизонтальных валиков на посуде новационных форм (рис.101, 1; 109, 5).

Представленная на поселениях прото-ББ керамика аналоговой группы 2 подобна обиточненско-павлоградской керамике, являющейся неременной составляющей комплекса предшествующих памятников БМСК¹ [Ромашко, 1995а, с.130–132]. На поселении Ильичевка посуда «с отогнутым наружу краем в виде небольшого бортика» встречается во всех жилищах II сабашиновского горизонта (рис.28, 11; 29,

¹ Культурная атрибуция памятников типа Обиточная-12, а, следовательно, и характерной для них керамики с бортиками-закраинами по внешнему краю венчиков, остается достаточно дискуссионной. Как особое культурное явление они были выделены О.А. Кривцовой-Граковой, отнесены к раннескифскому времени и локализованы в Нижнем Поднепровье и Северо-Западном Приазовье [Кривцова-Гракова, 1955, с.151–155, рис.37; карта на с.164]. Впоследствии большинством исследователей они стали рассматриваться как сабашиновские или как памятники нижнеднепровско-приазовского варианта сабашиновской культуры [Погрехова, 1960, с.88–89; Черняков, 1985, с.156; Шарафутдинова И.Н., 1986, с.86–87, рис.24; Гершкович, 1989, с.53; Gerškovič, 1999, s.30–39]. Исследование Павлоградского поселения позволило нам выделить в Левобережной Украине круг памятников типа Обиточная-12–Павлоград и поставить вопрос об их связи со срубными древностями [Ромашко, 1995а, с.114–134]. Речь идет о том, что территория распространения памятников с выразительными сериями обиточненско-павлоградской керамики далеко выходит за рамки Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Приазовья, традиционно включаемых в зону сабашиновской культуры. Памятники с такой керамикой занимают всю степную зону Левобережной Украины. Ее восточная граница проходит по Северо-Восточному Приазовью [Ильюков, Флеров, 1980, с.58–60; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.99, рис.31, 4, 15]. Северная граница соответствует полосе Предстепья и Донецкой интразональной лесостепи. Удельный вес посуды с бортиками-закраинами в комплексах БМСК памятников Богуславского археологического микрорайона составляет от 22 % (Павлоград) до 24,4 % (Богуслав-1). На поселении Ильичевка она составляет около 5 % всей типологически определяемой керамики [Шаповалов, 1983/№ 620]. Западная граница проходит по Нижнему Поднепровью. Показательно, что в Северо-Западном Причерноморье выразительные образцы обиточненско-павлоградской керамики присутствуют только в Пересадовке-1 [Погрехова, 1960, с.84, рис. 6, 5, 7; 8, 3, 4, 11]. Единичные экземпляры известны в некоторых других поселениях [Черняков, 1985, с.55, рис.20, 1]. Следовательно, если рассматривать Присамарские, Северскодонецкие и Приазовские памятники с обиточненско-павлоградской керамикой как сабашиновские, то следует признать, что последняя занимает всю степную зону Украины, оставляя за срубной культурой только левобережную Лесостепь. А это вступает в противоречие с данными о многочисленных срубных памятниках, известных в степной зоне. Сказанное, а также то, что керамика обиточненско-павлоградского типа на большинстве перечисленных памятников присутствовала в срубных комплексах, позволяет связывать ее происхождение не только с сабашиновской, но и со срубной культурой. Возвращаясь к вопросу о присутствии в богуславско-белозерских керамических комплексах этапов прото-ББ и ББ1 посуды, типологически подобной обиточненско-павлоградской, отметим, что, в контексте вышеизложенного, ее правомерно рассматривать в контексте срубного «следа» в ББК.

27–29; 30, 14, 15, 17, 27; 31, 2, 6, 10–12; 32, 19), исчезая в комплексах финального срубного горизонта [Шаповалов, 1976, с.160; 1983/№ 620]. Показательно присутствие банковидных сосудов с венчиком «в виде закраины или бортика» в комплексах Николаевки (рис.52, 10; 53, 22) [Привалова, Привалов, 1987, с.100], Песчанки (рис.52, 1–5) и других поселений этапа прото-ББ. Анализ керамических серий ББК Богуславского археологического микрорайона позволяет отметить, что посуда аналоговой группы 2 составляет 7,5 % керамики прото-ББ (рис.30, 1–3) и 2,1 % керамики ББ1 (рис.61, 2, 3, 5–7). Уменьшение удельного веса посуды с бортиками-закраинами подтверждает и сопоставление керамических серий других памятников этапов прото-ББ и ББ1 (табл.Е.12). В керамике этапа ББ2 такая посуда отсутствует. Отмеченная динамика свидетельствует о постепенном затухании одной из традиций керамического производства БМСК в культуре постсрубного времени.

Генетическая связь ББК со срубными древностями особенно отчетливо проявляется на материалах третьей аналоговой группы.

Керамические серии из постсрубных памятников характеризуются высоким удельным весом банок и банковидных сосудов (табл.Е.12), которые являются одними из ведущих форм керамики срубной КИО и рассматриваются как наиболее архаичные категории срубной посуды [Качалова, 1978, с.69–79; Ковалева И.Ф., 1981, с.32, рис.1; Шаповалов, 1983/№ 620; Березанская, Чередниченко, 1985, с.467; Березанская, 1990, с.77; Изотова, 1994а, с.75–79; Берестнев, 2001, с.110–111 и др.].

На поселении Богуслав-1 удельный вес банок и банковидных сосудов в горизонте прото-ББ (рис.27, 1–5; 30, 3–5) равен 21,6 %, в горизонте ББ1 (рис.58, 1–17; 60, 1; 61, 1–13; 62, 20) – 11,8 %. Т.А. Шаповалов отмечает, что банки «архаических срубных типов» составляют 50 % керамики II сабастиновского (рис.27, 10–34; 28, 1–32; 29, 1–29; 30, 11–19, 22–27; 31, 1–21) и 20 % финального срубного (рис.60, 3–28; 61, 23–33; 62, 2–7) горизонтов поселения Ильичевка [Шаповалов, 1976, с.162, 166]. По подсчетам О.В. Дубинца, в позднесабатиновских жилищах Ильичевки банки составляют 5–50 %, в жилищах финального срубного горизонта – 10–15 % всей керамики [Дубинец, 1996, с.56]. По нашим подсчетам, на этом памятнике в горизонте прото-ББ присутствует 40,2 % банок и банковидных сосудов. В горизонте ББ1 их

присутствует 29,6 %. Достаточно высокий удельный вес банок и банковидных сосудов в ранних комплексах ББК показывает статистика керамических серий других памятников. Например, в материалах однослойных поселений Песчанка (рис.52, 1–6, 13–16) и Николаевка (рис.52, 9, 10, 17–20) они составляют соответственно 48,9 % и 32,8 % [Привалова, Привалов, 1987, с.100]. На поселении Лихачевка, относимом нами к этапу ББ1, удельный вес банок и слабопрофилированных сосудов не превышает 25 % (рис.58, 18–29; 61, 14–17) [Горбов, Литвиненко, 1998, с.75]. В сериях керамики памятников ББ2 такие формы отсутствуют или единичны (рис.99, 1–13).

Отмеченное для поселений ББК уменьшение удельного веса посуды баночных форм от раннего к позднему этапу (табл.Е.11; Е.12) подтверждает общую для культур общности КВК тенденцию вытеснения банок новационными керамическими формами к финалу бронзового века [Лесков, 1970, с.23; Шаповалов, 1976; 1983/№ 620; Отрощенко, 1986, с.134–135; Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.48; Изотова, Малов, 1992, с.111; Изотова, Малов, Слонов, 1993, с.131; Изотова, 1994а, с.73]. Например, баночные сосуды в Ивановке составляют около 50 %, что позволяет поволжским археологам рассматривать ее в рамках самых ранних памятников срубно-хвалынского этапа хвалынской (ивановской) культуры [Изотова, Малов, Слонов, 1991, с.110–136; Изотова, 1994, с.69]. По их же подсчетам, банки и банковидные сосуды составляют 10 % керамического комплекса более позднего Танавского городища [Изотова, Малов, 1992, с.101, рис.2, 1–5, 9].

В комплексах ББК достаточно выразительны серии других типов посуды третьей аналоговой группы – горшки I-Г1, I-Г2, II-Г1, II-Г2, III-Г1, III-Г2, кубки на поддоне (табл.Е.11; Е.12). Как и банки, они являются культуuroобразующими категориями БМСК и срубной КИО в целом.

В частности, горшки I-Г1 и I-Г2 известны в срубных поселениях и погребениях Украины и Доно-Волжского междуречья [Кривцова-Гракова, 1948, рис.25, 2; 1955, с.152, рис.37, 21, 29; Шаповалов, 1983/№ 620; Березанская, 1990, с.77–79, рис.19, 4, 7; Бровендер, 1993, с.148–174, рис.8, 10; 9, 4, 8, 10, 11; 10, 1, 5; 14, 4, 6, 7, 12, 13, 16, 17; 15, 17–21; Ромашко, 1995а, рис.3, 1–6, 10–15; 2002, с.90–92, рис.2, 2, 4, 6, 8, 14,

16; 2007, с.213–214, рис.4, 3, 5, 7–9, 11, 12, 15; 5, 1–3; 6, 1, 2, 4, 6, 7; и др.]. По сравнению со срубными, горшки этих типов этапа прото-ББ (рис.31, 19, 24; 32, 1, 19; 35, 1, 5, 7, 8, 10, 15, 19; 37, 14, 26; 40, 24; 53, 9, 16, 22; 54, 3, 17, 18) и особенно этапа ББ1 (рис.62, 18, 18; 64, 2; 66, 22, 23; 91, 16; 93, 9, 25; 94, 2) отличаются относительно небольшими размерами, более низким размещением плеча на корпусе, тонкостенностью, плотностью черепка и более тщательным заглаживанием внешней поверхности.

Горшки типа II-Г1, обычные для срубной культуры [Шаповалов, 1976, с.156, 158, рис.3, 1, 15; 1983/№ 620; Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.31, 12, 13 и др.], представлены и в ранних культурно-хронологических горизонтах ББК. Их удельный вес в керамических комплексах прото-ББ (рис.36, 7, 9, 10, 12, 14; 39, 1–10, 12–15; 41, 19; 55, 1–7) обычно невелик. В комплексах ББ1 он еще меньше (рис.81, 17, 18; 82, 10). Так выразительная группа горшков таких форм, определяемых О.Я. и А.И. Приваловыми как «горшки с переломом в верхней части», составляет 5,1 % керамического комплекса поселения Николаевка [Привалова, Привалов, 1987, с.100, рис.2, 1–6]. В позднесабатиновском комплексе Ильичевки их удельный вес равен 5,3 % [Шаповалов, 1976, с.162, рис.7, 12; 1983/№ 620], в комплексе прото-ББ Богуслава-1 – 4,6 %. В материалах этапа ББ1 горшки этого типа представлены единичными экземплярами. Например, в том же Богуславе-1 они составляют 0,4 % керамического комплекса (табл.Е.12).

Морфологически близкая богуславско-белозерским горшкам III-Г2 посуда массово представлена в погребальных памятниках срубной КИО, в том числе и Левобережной Украины [Мерперт, 1962, с.11; Ковалева И.Ф., Волкобой, 1976, с.19–21; Ковалева И.Ф., 1981, с.28–29; Берестнев, 1994, с.134–135; 2001, с.111 и др.]. На срубных поселениях горшки III-Г2 составляют относительно небольшие серии, их удельный вес не превышает 3–5,5 % [Березанская, Чередниченко, 1985, с.467; Березанская, 1990, с.81]. На отдельных памятниках лесостепной зоны он достигает 8 % [Берестнев, 1994, с.125]. В историографии срубной проблематики утвердилось мнение о раннесрубной принадлежности комплексов, содержащих острореберные сосуды с геометрическим орнаментом [Ковалева И.Ф., Волкобой, 1976, с.19–21;

Ковалева И.Ф., 1981, с.28–29; Берестнев, 1994, с.134–135; 2001, с.111; Мерперт, 1962, с.11 и др.].

Новые подходы к определению культурно-хронологического положения срубных памятников позволяют соотнести эту керамику с более поздними этапами культуры. В.В. Отрощенко отмечает распространенность таких горшков в комплексах второго периода покровской срубной культуры, первого и второго периодов БМСК [Отрощенко, 2001, с.143; 2002/№ 818, с.220, 282, 341]. Присутствующие в комплексах ББК немногочисленные образцы остросереберных горшков низких пропорций III-Г2 могут быть рассмотрены в качестве поздних проявлений единого со срубной остросереберной посудой типологического ряда. В керамических сериях прото-ББ и ББ1 со срубными образцами наиболее сопоставимы «архаические» остросереберные горшки II сабашиновского горизонта Ильичевки, украшенные в верхней части геометрическим орнаментом, нанесенным отпечатками шнура (рис.38, 19; 82, 23). Близки срубным остросереберным «мискам» и горшки III-Г2 из Богуслава-1 (рис.82, 16–19), Лихачевки (рис.82, 20), «Песочин-Мобилья» (рис.40, 13, 18). В качестве модифицированных под стандарты керамики культур финального бронзового века Восточной Европы горшков III-Г2 возможно рассматривать сосуды низких пропорций с выраженным перегибом корпуса из поселений Северо-Восточного Приазовья (рис.56, 21; 96, 23), относимых В.Н. Горбовым [Горбов, 1995, с.58, рис.2, 13; 3, 9, 10, 12; Горбов, Мимоход. 1999, с.32, рис.12, 5] к концу IV и V горизонтам. В памятниках ББ2 остросереберные горшки подобных форм уже не встречаются.

Широкий хронологический, культурный и географический ареал имеют кубки на поддоне, известные в абашевской, срубной, андроновской культурах Украины, Подонья, Волго-Уралья и Казахстана.

Сопоставление с ними комплексов из Левобережной Украины, содержащих кубки на поддоне, позволили С.С. Волкобой датировать их XV–XIV вв. до н. э. [Волкобой, 1980, с.69–71, рис.1, 4, 8, 10, 13, 15; 2, 2, 5; 3]. И.Ф. Ковалева считает возможным их датирование XIV в. до н. э. [Ковалева И.Ф., 1981, с.32]. В.В. Отрощенко очерчивает более широкий аналоговый круг кубков на поддоне, отмечая их находки в сабашиновских поселенческих и погребальных комплексах Южного Буга,

в срубно-хвалынских (ивановских) погребениях Нижнего Поволжья, в погребениях сусканско-лебяженского типа Среднего Поволжья, в памятниках черкаскульской культуры Приуралья и Зауралья, малополовецком могильнике и сосницких поселениях украинской Лесостепи. Рассматривая эту разновидность керамики в группе импортной федоровско-черкаскульской посуды, он относит содержащие ее комплексы БМСК ко второму этапу (XIV–XIII вв. до н. э.) [Отрощенко, 2001, с.161, 174]. Не возражая против этого тезиса, отметим, что присутствие обломков кубков на поддоне в более поздних по сравнению с БМСК комплексах прото-ББ и ББ1 (рис. 38, 20–23; 56, 18–20; 82, 12, 13; 96, 30) вероятно уже отражает не столько восточную, сколько ставшую местной гончарную традицию.

На материалах керамических комплексов генетическая связь ББК с БМСК подтверждается также тем, что в последней уже известны некоторые формы посуды, получившие массовое распространение на заключительном этапе позднего бронзового века. Речь, например, идет о горшках I-Г3 и мисках (табл.Е.11; Е.13; Е.14).

Горшки I-Г3 в ограниченном количестве представлены на многих поселениях срубной культуры Левобережной Украины [Березанская, 1990, с.79–81, рис.20, 2–5; Бровендер, 1993, рис.9, 15; Берестнев, 1994, с.125, рис.3, 11–14 и др.]. С.С. Березанская отмечает, что на поселениях Северского Донца горшки таких форм, отнесенных ею к типу I, доминируют среди керамики отдела и являются заимствованием у племен сабашиновской культуры. [Березанская, 1990, с.79–81]. Без дополнительной аргументации с этим положением согласиться сложно, особенно учитывая отсутствие детальной хронологической дифференциации керамического комплекса в монографическом исследовании автора. Однако не вызывает сомнений, что близкая керамика в значительном количестве присутствует на сабашиновских поселениях [Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.31, 10, 11; 37, 2, 8; Черняков, 1985, с. 55, рис.20, 2, 3, 5]. И.Н. Шарафутдинова отмечает значительное увеличение ее удельного веса в поздних сабашиновских комплексах [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.94].

Наиболее ранние находки мисок на территории Левобережной Украины известны в культурно-хронологических горизонтах БМСК [Березанская, 1990, с.83, рис.22, 1, 2; Бровендер, 1993, рис.15, 23; Берестнев, 1994, с.125, рис.2, 13; Ромашко, 2007,

с.216, рис.6, 20]. Миски присутствуют и в хронологически близких срубным тшинско-комаровских [Дергачев, 1986, с.152, рис.39, 7, 9] и ноических [Балагурі, 1961, с.46–47; Смирнова, 1969, с.14–17; Дергачев, 1986, с.160, рис.44, 14–16] памятниках.

Таким образом, присутствие керамики аналоговых групп 1–3 архаического раздела в комплексах ББК свидетельствует о достаточно длительном процессе ее вытеснения новыми формами и преемственности между двумя последовательными культурами Левобережной Украины второй половины II тыс. до н. э. Изменения в керамике этапов ББК (табл.Е.11; Е.12; Е.14) фиксируют затухание срубного генетического импульса и формирование нового культурного образования общности КВК. В памятниках этапа прото-ББ представлено 13 типов керамики архаического раздела, составляющих от 37,9 до 75,5 % их керамического комплекса. В памятниках ББ1 типологическое разнообразие посуды аналоговых групп 1–3 становится беднее, ее удельный вес уменьшается до 17,4–36,1 %. На этапе ББ2 большинство типов керамики архаических аналоговых групп исчезает, в комплексах некоторых памятников сохраняются только банки, удельный вес которых не превышает 5,2–9,9 %. Сохранение архаической керамики в культурах общности КВК может рассматриваться как общая закономерность. Подобные процессы характеризуют культурогенез большинства постсрубных и постандроновских культур восточной зоны. Так, в лесостепном Поволжье ивановская посуда всегда сопровождается керамикой более ранних, срубных, типов. Памятники саргаринско-алексеевской культуры также содержат керамику архаических андроновских типов [Кривцова-Гракова, 1948, с.157–161; Агапов, Васильев, Кузьмина и др., 1983, с.27; Изотова, 1994, с.67–69; Евдокимов В.В., Варфоломеев, 2002, с.56; Колев, 2002, с.155]. Сабатиновские формы обычны для позднесабатиновских и раннебелозерских керамических комплексов Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья [Гершкович, 1997, с.132, рис.1, 1–6].

В плане установления генетических корней ББК немаловажным представляется то, что поселения последней, особенно ранние, расположены в урочищах, в которых ранее существовали поселки срубной культуры. Удельный вес таких поселений на этапе прото-ББ составляет 68 %, на этапе ББ1 – 58 %. Эта закономерность исчезает

только на этапе ББ2, в котором памятники, содержащие как срубные, так и богуславско-белозерские горизонты, составляют 27 %. Вполне допустимо, что жизнь на срубных поселениях, таких, как, например, Богуслав-1, 2, Безыменное-2, не прекращалась и в постсрубное время. В этой связи уместно заметить, что фиксируемый на материалах лесостепного Поволжья факт заселения сусканскими племенами мест, где ранее находились поселения ПСК, интерпретируется как доказательство участия определенного срубного контингента в формировании сусканской культуры [Отрощенко, 2003, с.84]. Еще более показательны данные о топографии поволжских поселений ивановской культуры, которые, как и поселения ББК, чаще всего возникали в урочищах, прежде заселенных срубными племенами [Колев, 2008, с.211].

Сопоставление топографических условий срубных и ББК поселений показывает, что их устройство подчинялось общим закономерностям. В срубной культуре и ББК лесостепной и северостепной зон тождественны принципы планировки поселков и домостроительство. Срубным и богуславско-белозерским населением сружались одинаковые по экстерьеру постройки центрально-евразийского типа, совпадают границы домовых ландшафтов и ландшафтов домовых форм (см. Раздел 4) [Ромашко, 2000, с.19; 2000а, с.134–142; 2002, с.167–169; Romashko, 2004, s.111–117].

По этим параметрам памятники ББК Северо-Восточного Приазовья отличны не только от лесостепных срубных и ББК, но и от северостепных памятников. Здесь получают распространение поселки типа кучевой деревни, разделяющиеся на отдельные блокирующиеся хозяйственные и жилые комплексы [Горбов, 1997].

Генетическая связь срубной культуры и ББК проявляется также в преемственности лобойковской и завадовской традиций бронзолитейного производства [Клочко, 2006, с.215] (см. Раздел 4).

Сопоставимы религиозно-обрядовые традиции срубных и ББК племен, что находит проявление в совпадении стандартов устройства открытых святилищ, сложенных из костей животных жертвенников типов 2 и 4, однократных жертвоприношений черепов и частей туш животных и т. п., что свидетельствует об общности религиозно-идеологических представлений.

Погребальная обрядность племен ББК, вероятно, претерпела серьезные изменения, однако определенная их часть сохранила погребальные нормы БМСК, продолжая хоронить умерших по обряду ингумации скорченно на боку в восточной ориентации [Ромашко, 1993, с.79–91; 1994, с.161–163; 1999, с.37–39; 1999а, с.119–138; 2006, с.134–142] (см. Раздел 5).

Деструкция БМСК и, одновременно, сложение ББК происходит в хронологических рамках этапа прото-ББ (вторая половина XIII–начало XII в. до н. э.), соответствующего формированию заключительного культурно-хронологического горизонта бронзового века Евразии. Направленность процесса культурогенеза, его темпы и динамика материальной культуры отражают общие для племен общности КВК тенденции. Они проявляются в распространении в среде потомков БМСК новых, отличных от срубных форм керамики, орнаментальных элементов и композиций, образцов бронзовых орудий и оружия, изменении погребальной обрядности. Как уже отмечалось, одновременно происходит вытеснение срубных культурных элементов новыми, присущими более поздним культурам заключительного этапа позднего бронзового века. Динамика удельного веса посуды новационного раздела обратно пропорциональна динамике удельного веса посуды архаического раздела. В памятниках этапа прото-ББ керамика новационных типов составляет от 24,5 до 62,1 % , ББ1 – от 45–50 до 82,6 %, ББ2 – от 90,1 до 100 % (табл.Е.13).

В комплексах керамики прото-ББ наиболее отчетливо проявляются компоненты материальной культуры, сопоставимые с позднесабатиновско-раннебелозерскими. Например, на поселении Песчанка посуда аналоговой группы 4 составляет 15,6 %, Ильичевка – 45 %, Богуслав-1 – 55,6 % всей керамики рассматриваемого этапа (табл.Е.13). Как на этих, так и на других памятниках прото-ББ доминируют горшки типов I-Г3, I-Г4 (табл.Е.11; Е.14), украшенные гладкими и расчлененными косыми насечками, пальцевыми или пальцево-ногтевыми вдавлениями валиками (рис.34, 1, 5, 7–20; 35, 14, 16–22; 36, 3, 4, 15–17; 37, 1–10, 15, 16, 18–27; 38, 1, 2, 4–7; 53, 14, 16, 17, 20–26; 54, 4–8). Часть этих орнаментальных элементов характерны как для восточных, так и для западных культур общности [Горбов, 1993, с.90–93; 1995, с.58; 1995а, с.89; Горбов, Кабанов, Усачук и др., 1999, с.75, рис.1]. Однако, применительно к

памятникам ББК, более целесообразным представляется связывать керамику с такими валиками с кругом западных культур. Вывод подтверждается тем, что подобные валики широко представлены на керамике из погребальных и поселенческих памятников второго периода БМСК Левобережной Украины, носители которой, как уже отмечалось, длительное время контактировали с сабастиновскими племенами и имели с ними ряд общих элементов культуры, в том числе и валиковую орнаментацию. То есть, их распространение на горшках новационного раздела этапа прото-ББ может рассматриваться в рамках развития общей северопричерноморской постсрубной и постсабастиновской традиции и продолжающегося влияния западных культур общности КВК. Не менее отчетливо формирование комплексов прото-ББ в условиях этого влияния подтверждает присутствие в них позднесабастиновско-раннебелозерских форм столовой посуды (рис.43, 1–9, 11–13, 17–20, 24; 56, 1, 3–5, 7–11), в том числе явных западных импортов (рис.43, 7, 12, 23; 56, 12, 13). Удельный вес столовой посуды в сериях керамики прото-ББ относительно невелик и составляет от 3,8 до 9,7 % (табл.Е.11; Е.13; Е.14).

Оставляя в стороне дискуссию об инновационных векторах распространения в культурах позднего бронзового века Северного Причерноморья кубковидных форм, корчаг, черпаков и ваз [Тереножкин, 1961, с.78–82; Лесков, 1970, с. 26, 57–58; Ильинская, 1975, с.130, 163–170; Гаврилюк, 1979, с.20–40; Мелюкова, 1979, с.39–59; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.98–102; 1986, с.114; Отрощенко, 1986, с.135–136; Ванчугов, 1987, с.126–127; 1990, с.85–86; Гершкович, 1997, с.141–143; 2003, с.33; Левицкий, 2002, с.180–205 и др.], заметим, что в культурах Левобережной Украины они могли появиться только в результате заимствования у ближайших западных соседей, прежде всего носителей позднесабастиновской, раннебелозерской и белогрудовской культур, в которых эти отделы столовой посуды выступают в качестве одного из культуурообразующих признаков. Так же, как столовая посуда этих культур, посуда прото-ББ либо не орнаментирована, либо украшена в зонах А и Б [Ромашко, 1998, с.79–95] одной-тремя горизонтальными линиями и расположенными под ними треугольниками (рис.43, 8, 24; 56, 1). С западным влиянием целесообразно связать и появление в ранних комплексах ББК единичных

экземпляров кубков с налестами-шишечками (рис.43, 1; 56, 6), известных, например, в позднесабатиновской культуре [Черняков, 1985, с.69; Гершкович, Клочко, Евдокимов Г.Л., 1987, рис.9, 4 и др.]. Вероятно, следует согласиться, что в памятниках ББК этапа прото-ББ доминируют типы кубков и черпаков, которые для белозерской культуры В.П. Ванчугов возводит к сабатиновским образцам [Ванчугов, 1990, с.86]. Последним определяется время их распространения и в Левобережной Украине.

Представляется правомерным и мнение о заимствовании богуславско-белозерским населением Левобережной Украины из сабатиновской среды мисок-сковород [Березанская, 1990, с.83]. Оно находит подтверждение в том, что этот отдел керамики массово представлен в культурах западной зоны общности КВК. В позднесабатиновских и раннебелозерских поселениях миски-сковороды составляют от 18 до 25 % [Черняков, 1984, с.51, рис.1, 22–24; Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.49, табл.1], в белозерских – от 20 до 30 % кухонной керамики [Ванчугов, 1990, с.66, рис.17, 10; 18, 19, 20; 19, 7; 20, 8, 9; 21, 11; 22, 23; 24, 4]. В памятниках ББК процент мисок-сковород значительно меньше, однако динамика их удельного веса аналогична наблюдаемой в позднесабатиновских и белозерских комплексах. На этапе прото-ББ (рис.42, 12–20; 56, 15) он равен 0,8–1,2 %, ББ1 (рис.83, 1–15; 96, 24, 29) – 1,7–2 %, ББ2 (рис.99, 14–19) – 11,8 % (табл.Е.11; Е.13). В культурах восточной зоны общности КВК миски-сковороды также не являются массовой категорией посуды. Однако на отдельных памятниках они присутствуют. В частности, на Танавском городище в Саратовском Поволжье их удельный вес составляет 4,3 % [Изотова, Малов, 1992, с.101, рис.5, 6–8].

Вопрос об инновационных векторах распространения мисок в культурах Северного Причерноморья остается открытым. В.П. Ванчугов считает, что наиболее архаичные миски с загнутыми внутрь краями в Северо-Западном Причерноморье появляются на позднем сабатиновском этапе из Лесостепи [Ванчугов, 1981, с.80]. В памятниках ББК этапов прото-ББ (рис.42, 21–24; 56, 16, 17), ББ1 (рис.83, 16–26; 96, 25–27), ББ2 (рис.126, 7) их количество относительно невелико (табл.Е.11; Е.13). Отметим, что наиболее ранние находки мисок на территории Левобережной

Украины известны в БМСК [Березанская, 1990, с.83, рис.22, 1, 2; Бровендер, 1993, рис.15, 23; Берестнев, 1994, с.125, рис.2, 13; Ромашко, 2007, рис.6, 20]. Это не противоречит предположению о заимствовании мисок местными племенами в конце БМСК–начале ББК вместе с кубками, черпаками, мисками-сковородами из зоны западных культур позднего бронзового века. Последнее может быть подтверждено почти полным отсутствием мисок в восточных культурах общности КВК.

Культурные компоненты аналоговых групп 5 и 6 в керамических комплексах прото-ББ также проявляются достаточно отчетливо.

На некоторых памятниках как лесостепного, так и степного вариантов культуры присутствует керамика с воротничковым оформлением венчиков (рис.31, 27; 32, 6; 34, 15; 35, 3; 36, 4; 37, 4, 17; 40, 2, 3, 12; 52, 23, 24; 53, 25, 26; 54, 6, 11, 12), валиками, расчлененными косыми оттисками зубчатого штампа (рис.38, 8, 9, 11–13; 42, 10; 54, 10–13, 15), зигзагом (рис.38, 14, 16; 54, 16–18; 55, 6), позитивными и негативными жемчужинами (рис.40, 5; 42, 1–6, 9–11), системными расчесами внешней поверхности (рис. 33, 5, 6, 11, 24; 34, 6; 38, 10; 39, 4, 5; 40, 1). Однако, ее удельный вес в керамических комплексах, по сравнению с посудой аналоговой группы 4, относительно незначителен, что в целом подтверждает положение об эволюционном характере сложения ББК, проходившем параллельно и в тесном контакте с позднесабатиновской и раннебелозерской культурами. В частности, керамика с признаками аналоговой группы 5 в комплексах позднесабатиновского горизонта Ильичевки составляет 1,1 %, в горизонте прото-ББ Богуслава-1 – 5 %, на поселении Песчанка – 6,7 %. Керамика аналоговой группы 6 соответственно на этих памятниках составляет 4,5; 1,2; 2,2 % (табл.Е.11; Е.13). Уровень воздействия восточных компонентов на культуру населения Левобережной Украины в рассматриваемое время не превышает стандартов, сложившихся в предшествующие периоды развития БМСК. В этом контексте следует согласиться с мнением Я.П. Гершковича, отмечающего, что распространение в IV горизонте Безыменного-2 керамики федоровского и саргаринско-алексеевского облика фиксирует самое начало процессов, отражающих сложение новой этнокультурной ситуации после продолжительного периода относительно стабильного развития срубной и сабатиновской культур [Гершкович, 1998, с.72].

Остается добавить, что этот вывод правомерен в отношении всей территории контактного региона общности КВК, занятого носителями ранней ББК.

По нашему мнению, появление в комплексах прото-ББ керамики аналоговой группы 6 непосредственно связывать с малобудковско-бондарихинским культурным влиянием нет достаточных оснований. Отсутствие в комплексах прото-ББ керамики студенокского и малобудковского типов свидетельствует, что ББК в лесостепной зоне сформировалась ранее малобудковской культуры. В этом отношении интересны материалы поселения «Песочин-Мобиль». И.Б. Шрамко и А.В. Корохина на основании находок воротничковой керамики относят поселение к позднейшим памятникам второго этапа БМСК и синхронизируют верхний рубеж существования с «поволжско-уральскими», позднесабатиновскими и белозерскими древностями (XIII–XII вв. до н. э.). Авторы публикации особо подчеркивают отсутствие в керамическом комплексе посуды, свидетельствующей о каких-либо контактах с раннебондарихинскими племенами [Шрамко И.Б., Корохина, 2007, с.439]. Не менее показательны материалы поселения Борькин ручей, в котором зафиксировано перекрытие «позднесрубного» (ББК – *В.Р.*) горизонта XIII в. до н. э. остатками жилища «малобудковского периода бондарихинской культуры» XII–начала XI вв. до н. э. [Иваницкий, 2010, с.200–212].

6.2. Историко-культурное развитие богуславско-белозерских племен на этапе ББ1

Керамические материалы памятников прото-ББ и ББ1 лесостепной и степной зон показывают их последовательную преемственность, что находит проявление в сохранении архаических срубных (о чем уже шла речь выше) и развитии новационных традиций (аналоговая группа 4), сформировавшихся на раннем этапе ББК.

С другой стороны, в комплексах ББ1 резко возрастает удельный вес посуды пятой, а для лесостепного варианта и шестой аналоговых групп, что свидетельствует о серьезных этнокультурных изменениях, произошедших в контактном регионе общности КВК в XII в. до н. э.

Это наблюдение подтверждает анализ доступных нам для статистических подсчетов керамических серий из стратиграфически и культурно-хронологически определяемых комплексов (табл.Е.11–14).

Так посуда аналоговой группы 4 в керамике прото-ББ Богуслава-1 и Ильичевки составляет 55,6 и 45 %. В горизонте ББ1 Богуслава-1 ее процентное содержание уменьшается до 30,9 %. В Ильичевке ее удельный вес остается приблизительно на том же уровне – 47,6 %. Напротив, удельный вес посуды аналоговой групп 5 и 6 в этих и других памятниках существенно увеличивается. В материалах прото-ББ Богуслава-1 он соответственно равен 5 и 1,2 %, Ильичевки – 1,1 и 4,5 %. В материалах ББ1 Богуслава-1 он составляет 39,6 и 12,1 %, Ильичевки – 13,8 и 4,2 %.

Очевидно, что носители ББК в XII–XI вв. до н. э. испытали сильное культурное воздействие со стороны степных культур восточной зоны общности КВК и северо-восточных лесостепных культур.

Интенсивность широтных контактов проявилась в распространении в памятниках этапа ББ1 левобережной Степи и южной Лесостепи выразительных серий горшков с воротничковым оформлением венчиков (рис.62, 15; 63, 4, 8, 16; 64, 24, 31; 65, 3, 5, 7; 67, 9, 14, 21; 68, 1, 11, 17; 69, 2, 3; 70, 21, 26; 71, 1, 6, 8, 10, 14, 16; 72, 12, 16; 73, 5, 10, 21, 23, 24, 34; 74, 27; 76, 15; 78, 18; 80, 7; 93, 11, 14, 21, 23; 94, 3, 8, 15, 17; 95, 5, 7, 8, 18), с расположенными в основании шейки и на плечиках горшков валиками, расчлененными косыми оттисками зубчатого штампа (рис.70, 19; 71, 1–16, 18; 75, 2; 80, 5, 7; 92, 15; 94, 3–7, 9–13), зигзагом (рис.72, 5, 7, 9, 11, 16, 17, 20; 80, 8; 94, 15, 18; 95, 8), «елочкой» (рис.75, 10; 95, 11), крестами и «сеточкой» (рис.72, 1–4, 6, 8, 10, 12–15, 18, 19; 80, 2, 10; 94, 14, 16, 17; 95, 1–5, 7, 9, 10, 12), то есть всем набором орнаментальных элементов восточных культур общности КВК. Например, на горшках из комплексов этапа ББ1 Богуслава-1 расчлененные косыми оттисками зубчатого штампа валики составляют 18,8 %, крестами и «сеточкой» – 11,5 %, зигзагом – 5,6 % всех валиков. Вышесказанное, вероятнее всего, свидетельствует о миграции носителей восточных культур общности КВК в Левобережную Украину. К такому выводу, например, приходит Я.П. Гершкович [Гершкович, 1998, с.78].

Отметим, что в историографии позднего бронзового века широтные миграции рассматриваются как периодическое и достаточно часто повторяющееся состояние евразийского населения.

Наиболее отчетливо они фиксируют передвижения этнокультурных групп (синташтинских, абашевских, срубно-абашевских, ПСК) с востока на запад [Чередниченко, 1972, с.149–152; Николаева, 1978, с.29–30; Сафронов, 1978, с.26–29; Березанская, 1987, с.36; Качалова, Васильев, 1989, с.221–223; Кузьмина, 1989, с.118–119; 2008, с.334–343; Матвеев, 1991, с.28; Отрощенко, 1994, с.39–41; 1997, с.70–72; 2001, с.67–68, 129, 150–153; 2003, с.68–96; Литвиненко, 1995, с.73–82; 1998, с.51; Шарафутдинова Э.С., 1995, с.93–115; Санжаров, 1997, с.95–99; 2007, с.184–190; Берестнев, 2001 и др.].

Не менее выразительны и материалы, подтверждающие существование и противоположного, с запада на восток, широтного культурного и миграционного вектора. О западных корнях распространения валиковой орнаментации керамики и сопутствующих ей форм металлических орудий в культурах срубно-андроновского круга пишет Е.Н. Черных. В тоже время у исследователя не вызывает сомнений местный фундамент сложения здесь КВК. Сам процесс формирования валиковых традиций в контактной и восточной зонах КВК, как следует из контекста его работы, рассматривается скорее как проявление культурных влияний, а не миграционных подвижек [Черных Е.Н., 1983, с.96–97]. Более определенно западный вектор миграции обозначен в работах В.И. Клочко, которым отмечено распространение лобойковских металлических изделий БМСК в Подонье, Поволжье, Казахстане и Зауралье. Составленная им сводка таких изделий из кладовых, поселенческих, погребальных комплексов, по его мнению, позволяет утверждать, что именно восточная инвазия носителей лобойковских традиций привела к сложению приказанской культуры и культур общности КВК азиатской части России и Казахстана [Клочко, 2006, с.251–253].

Миграционная активность степных племен общности КВК, вероятно, с возникновения этого культурно-исторического феномена, принимала формы не только

внутренней миграции, приводившей к расширению этнокультурной территории степных племен Евразии, но и внешней.

Одним из проявлений последней, например, могло быть участие населения Северного Причерноморья, прежде всего сабатиновского, в военно-политических событиях 1250–1150 гг. до н. э. Восточного Средиземноморья, получивших название «нашествие народов моря» [Клочко, 1990, с.10–17; 2006, с.247–251]. Еще одним возможным примером внешней миграции носителей культур общности КВК на южных окраинах общности является появление в конце позднего бронзового века комплексов с валиковой керамикой в районах Северного Афганистана и Северо-Восточного Ирана, связываемое с расселением ираноязычных племен на юг через среднеазиатские пространства [Кузьмина, 1964, с. 156–158, 1994, с.240–241; Сарияниди, 1972, с.21; Черных Е.Н., 1983, с.97–98; Виноградова, Кузьмина, 1986, с.127–129; Щетенко, 1999, с.271–278; 1999а, с.333]. В.И. Мамонтовым высказано предположение, что на поздне-срубном этапе, датируемом им XIII–IX вв. до н. э., большая часть срубных племен из районов Доно-Волжского междуречья переселяется на Кубань и в Предкавказье, где, войдя в состав большой орды, уходит в Переднюю Азию [Мамонтов, 1979, с. 68]. Не исключено, что в подобных миграциях принимали участие и племена ББК.

На этом фоне вполне объяснимы попытки исследователей на археологических и географических материалах определить наиболее удобные пути, связывающие отдельные историко-культурные регионы позднего бронзового века Восточной Европы.

В.В. Отрощенко считает, что в эпоху поздней бронзы между Доном и Северским Донцом обмен и передвижения, в том числе миграции раннесрубных (покровских) племен осуществлялись по двум направлениям. Первое связано с путем, проходившим от Дона вдоль р. Богучар с последующим переходом в верховья р. Белая и вдоль нее на р. Айдар. Второй – от Дона вдоль р. Тихая Сосна на Валуй и Оскол [Отрощенко, 1995, с.18–19].

Дальнейшее продвижение срубников к западу, вероятно, шло по направлениям, продолжающим намеченные выше пути.

Первое направление связывало Нижнее Подонцовье и Северо-Восточное Приазовье со степной зоной Левобережной Украины. Этот путь мог проходить вдоль р. Волчьей, на берегах которой разведочные работы показали наличие достаточно густой сети срубных поселений [Буров, 1993, с.231–249]. Этот путь связывал Приазовье и бассейн р. Самары, чем объясняется близость керамических комплексов нижнего горизонта поселений Богуславского археологического микрорайона и Обиточной-12 [Ромашко, 1995а, с.114–134]. Еще один путь мог проходить вдоль северного побережья Азовского моря. По мнению В.П. Копылова, он был частью континентальной магистрали, связывавшей в конце бронзового и в раннем железном веках южные районы Северного Причерноморья с Поволжьем и Приуральем [Копылов, 1994, с.91].

Второе направление предполагает наличие в бронзовом веке путей, проходивших по Орельско-Самарскому междуречью [Ковалева И.Ф., 1981, с.3; Ромашко, 1990/№ 697]. Следует полагать, что эти пути сохранили свое значение и в конце позднего бронзового века. И.Ф. Ковалева рассматривает этот регион как часть магистрального восточноевропейского пути, который, по мнению Н.Я. Мерперта и А.Д. Пряхина, проходил в середине–второй половине II тыс. до н. э. на стыке лесостепной и степной зон, связывая их огромные пространства [Мерперт, Пряхин, 1979, с.13].

Существование двух направлений широтных миграционных подвижек и культурных связей предопределило формирование лесостепного и степного вариантов ББК.

Вероятно, именно по этим традиционным путям бронзового века осуществлялись и торговые связи. Территория общности КВК составляла значительную часть евразийского ядра культур позднего бронзового века, в котором в результате развития горно-металлургического производства сложилось межрегиональное разделение труда, что, в свою очередь, привело к возникновению многотысячекилометровых торгово-обменных связей [Черных Е.Н., 1978а, с.72; 2007, с.138; Кузьмина, 1987, с.65]. Основным предметом обмена были цветные металлы, добываемые в месторождениях Карпат, Донбасса, Кавказа, Приуралья, Казахстана, Алтая и Средней

Азии [Черных Е.Н., 1976, с.17–23; Татаринов, 1993; Кузьмина, 1994, с.149; Молодин, Пряхин, 2005, с.7–10], готовые изделия, каменные литейные формы и сам тальковий сланец, из которого они изготавливались. Центром добычи последнего, вероятно, было Криворожье, где на реках Ингулец и Саксагань известны доступные естественные обнажения этой горной породы [Петрунь, 1967, с.193]. Есть основания предполагать, что на заключительных этапах позднего бронзового века торговые и обменные связи охватывали огромные территории и осуществлялись по путям караванного типа, взаимонаправленность которых осуществлялась по линии Западная Сибирь–Казахстан–Поволжье–Поднепровье. Возможность существования таких подтверждается находками костей верблюда на саргаринско-алексеевских и белозерских поселениях [Кривцова-Гракова, 1948, с.119–120; Гершкович, 2005а, с.25]. По мнению О.П. Журавлева, еще одним показательным, подтверждающим существование широких торговых связей населения Украины заключительного этапа позднего бронзового века является присутствие на некоторых поселениях сабастиновской, белозерской, богуславско-белозерской культур костей осла домашнего (Богуслав-1, Бугское-2, 4, Виноградный Сад, Ташлык-1) и кота домашнего (Богуслав-1, Бугское-2) [Журавлев, 2013, с.313–314]. Меридиональные связи осуществлялись, вероятно, по водным артериям [Шарафутдинова И.Н., Балушкин, 1997, с.36].

Сформировавшаяся в Левобережной Украине в результате миграции и культурного влияния восточных племен культура этапа ББ1 ни в коей мере не может рассматриваться исключительно в рамках восточных культур общности КВК [Горбов, 1995, с.52–72] или непосредственно отождествляться с ивановской культурой Поволжья, западные границы которой определяются Ю.И. Колевым днепровским Левобережьем [Колев, 2000, с.252; 2008, с.208–240.]. Сочетание в одних комплексах ББК посуды с признаками ивановской и саргаринско-алексеевской культур и посуды, сопоставимой с белозерской, а для лесостепной зоны – еще и с признаками культур лесной и лесостепной зон, наличие серий керамики с синкретическими чертами ярко выделяет ее из круга других культур общности КВК. Мы склонны согласиться с авторами, отождествляющими локализацию орнаментальных традиций с опреде-

ленными этнокультурными общностями. М.Ф. Косарев справедливо отмечает, что границы этих общностей неоднократно менялись, имели место взаимопроникновения и частичные перераспределения ареалов, причем на стыке культурных областей обычно возникали «гибридные» культуры, сочетавшие элементы двух или нескольких культурных традиций [Косарев, 1981а, с.79]. В нашем понимании, ББК представляет собой пример такой культуры, сложившейся в контактном регионе общности КВК во второй половине XIII в. до н. э. В этноисторических условиях XII–XI вв. до н. э. она приобретает новые черты. Но при этом следует подчеркнуть, что эти изменения коснулись исключительно керамического комплекса аналоговых групп 5 и 6. Еще раз отметим, что на этапе ББ1 сохраняются присущие БМСК и прото-ББ основные формы посуды срубных типов, по-прежнему отмечается высокое процентное содержание керамики аналоговой группы 4, на археологических материалах прослеживается преемственность культуuroобразующих черт материальной и духовной культуры.

Обращает на себя внимание то, что в комплексах ББ1, при увеличении типологического разнообразия горшков новационного раздела, в количественном отношении продолжают доминировать типы I-Г3 и I-Г4 (табл.Е.11; Е.13). Такие горшки в равной степени могут быть орнаментированы в стиле, характерном для западных и восточных культур общности. Часто западные и восточные орнаментальные элементы на керамике памятников ББК сочетаются.

Сказанное правомерно и в отношении столовой посуды. Отсутствие в комплексах ББ1 высокогорлых кубков (типы 3–5 по В.П. Ванчугову), характерных для белозерской культуры, свидетельствует, что развитие форм столовой посуды проходило уже по внутрикультурной схеме, приведшей к появлению новых, характерных именно для ББК черт, среди которых отметим преобладание кубков низких пропорций К1 (84, 1–6, 10; 96, 1), К2 (рис.84, 19; 96, 12, 13, 17), К3 (вариант кубков с низкой цилиндрической шейкой)¹ (рис.84, 8, 9, 27, 28; 96, 10, 11, 14, 16), заглаженность,

¹ Разумеется, в раннебелозерской культуре присутствуют и кубки низких пропорций, подобных К1 и К3 (типы 1, 2 по В.П. Ванчугову). Некоторые экземпляры такой посуды в памятниках ББ1, как, например, кубки из Капуловки (рис.96, 10, 11), правомерно рассматривать как белозерские импорты.

а не лощение поверхности, начало формирования специфичных, присущих преимущественно культурам Левобережья орнаментальных композиций и некоторых орнаментальных элементов, в частности, широких горизонтальных фризов, расположенных в зоне А [Ромашко, 1998, с.79–95].

Для лесостепного варианта культуры неизменными остаются центральноевропейские домовые формы. В Северо-Восточном Приазовье окончательно формируется индо-переднеазиатская домовая форма многосекционных или блокирующихся сооружений (табл.Е.4–6).

Со срубного времени сохраняются стандарты оформления культовых мест. Миграция в Левобережную Украину восточного постсрубного населения не могла их каким-то образом изменить ввиду фиксируемой на археологических материалах близости духовной культуры родственных в этническом отношении ираноязычных племен срубно-андроновского мира (см. Раздел 5).

Именно на этапе ББ1 богуславско-белозерские племена, усилившиеся в результате установления более тесных этнокультурных связей с восточными постсрубными племенами в результате их миграции в днепровское Левобережье, значительно расширяют границы своей территории, вклиниваясь в инокультурные зоны, расположенные за пределами региона, занятого памятниками этапа прото-ББ. На археологических материалах наиболее отчетливо фиксируется продвижение носителей ББК лесостепного и степного вариантов на запад – в правобережные районы Поднепровья (рис.2).

Так о продвижении племен ББК в правобережное лесостепное Поднепровье свидетельствует характерная керамика с выраженными чертами восточных культур общности КВК. Она выявлена в комплексах таких памятников, как Чернолесское и Суботовское городища (рис.65, 24–28; 72, 13), Мошны [Ильинская, 1960, с.50, 57; Куштан, 2005, с.104–105, рис. 1, 1–14], Червонохиженцы-2 (рис.73, 21) и др. Не исключено, что начало сооружения укрепленных поселений в лесостепной зоне было связано, в том числе, и с этой экспансией³. В частности, дата возникновения Суботовского городища определяется в настоящее время 1300–1200 cal. BC [Клочко, Ковалюх, Мотзенбеккер, 1998, с.96–98; Klocho, Kovaliukh, Skripkin,

Motzenbecker, 1998, p.667–673]. Следы оборонительного рва с напольной стороны зафиксированы на поселении Волковка, содержащем белогрудовско-раннечернолесские и ББК материалы [Куштан, 2007/№ 864, с.76].

О нестабильной обстановке, сложившейся в XIII/XII–XI вв. до н. э. в южных районах лесостепной зоны, на северо-западных границах ББК, убедительно свидетельствуют следы пожаров на представленных здесь поселениях. Известно, что из десяти исследованных в Суботове жилищ, четыре (№ 1, 3, 5, 6) погибли в результате пожара [Граков, Тереножкин, 1958, с.167–169; Тереножкин, 1961, с.34–37]. Эти жилища отнесены А.И. Тереножкиным к раннечернолесской культуре. Варианты культурных и периодизационных подходов к их интерпретации, предложенные С.Д. Лысенко, Я.П. Гершковичем и другими исследователями [Лысенко С.Д., 2004, с.250; Гершкович, 2007, с.58–60; Дараган, Кашуба, Разумов, 2010], в данном случае не принципиальны. Более важно то, что время существования нижнего яруса Суботовского городища в настоящее время ограничивается концом XII–серединой XI вв. до н. э.¹ (радиуглеродные даты жилищ 4 и 4а 1120–1040 cal. BC) [Клочко, Ковалюх, Мотзенбеккер, 1998, с.96] или XII–началом XI вв. до н. э. [Гершкович, 2007, с.59]. Судя по стратиграфии шурфа, заложенного на вершине вала Чернолесского городища, поселение белозерского времени, на месте которого позже были возведены фортификационные сооружения, вероятно, также сгорело [Тереножкин, 1952, с.120; Дараган, Кашуба, Разумов, 2010, с.117]. Пожаром уничтожены все 10 жилищ белогрудовского поселения Большая Андрусовка [Покровська, Петровська, 1961, с.132–135], большинство жилищ позднесабатиновско-раннебелозерского времени Чикаловки [Куштан, 2006, с.270]. Известны такие памятники и лесостепном в Подонцовье, и в Донецкой интрозональной лесостепи. На поселении Шоссейное из семи исследованных жилищ заключительного этапа позднего бронзового века в шести зафиксированы остатки сгоревших деревянных конструкций (жилища № 2–4, 6–8) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.140–147, рис.1]. Следы сгоревшего

¹ Сказанное не исключает и взаимосвязи между появлением укрепленных пунктов в лесостепном Правобережье и угрозой со стороны другой группы степного населения Северного Причерноморья – белозерской [Куштан, 2007/№ 864; Дараган, Кашуба, Разумов, 2010, с.120–121].

перекрытия отмечены в площади жилища № 9 поселения Дроновка [Татаринов, 1980, с.280–283].

Вероятно, не менее активной в XII–XI вв. до н. э. была миграция в западном направлении и степных племен ББК. О заселении ими степного Поднепровья и примыкающих к нему районов Правобережья, занятых белозерскими племенами, свидетельствуют такие памятники, как Белозерский лиман-1, 2, Шолохово, Верхняя Тарасовка, Ушкалка, Федоровка, являющиеся либо эталонными памятниками ББК, либо содержащие выразительные серии керамики, орнаментированной валиками, расчлененными крестами, «сеточкой», зигзагом, оттисками косо поставленного зубчатого штампа (рис.91, 17, 21–23; 92, 1–3, 8, 15; 93, 10–14; 94, 2–12, 14–18; 95, 3–5). Тезис об активизации «позднесрубного» населения и «продвижении небольших групп» в западном направлении, с которыми связано появление поселения Белозерский лиман-1, формулируется В.Н. Горбовым [Горбов, 1996, с.17]. Наличие обломков горшков, украшенных расчесами зубчатого штампа и позитивными «жемчужинами», в позднесабатиновских памятниках [Черняков, 1985, с.83, рис.25, 3; 30, 3, 11] также подтверждает возможность таких миграционных подвижек и влияния ББК на культуру населения Правобережной Украины. Показательны в этом отношении и памятники белозерской культуры Степного и Горного Крыма, на керамике которых, вероятно под влиянием ББК, получают распространение такие не характерные для этого круга памятников орнаментальные элементы, как расчленение валиков зубчатым штампом и зигзагом [Лесков, 1970, с.19, 21; Колотухин, 1996, с.39].

Даже в керамическом комплексе некоторых памятников позднего бронзового века западных районов Северо-Западного Причерноморья присутствует посуда с «восточными» признаками, что свидетельствует либо о проникновении на эту территорию носителей ББК, либо о ее мощном культурном влиянии. Показательно в этом отношении поселение Грибовка-4 в Одесской обл. С.В. Ивановой памятник отнесен к сабаатиновской культуре [Иванова, 2004, с.40–41]. Однако характеристики керамики [Иванова, 2004, рис.1] и круг аналогов в постсрубных памятниках позволяют включить его в группу древностей белозерского времени, синхронных ББ1. Нетипичными для Северо-Западного Причерноморья орнаментальными элементами,

например валиками, расчлененными косыми насечками, отпечатками штампа типа «гусенички», украшена посуда поселения и святилища Ла Юрт (Капланы-1), датированные молдавскими археологами второй половиной XII в. до н. э. [Агульников, Паша, Попович, 2009, с.5–13].

Представляется, что одним из аргументов, свидетельствующим о богуславско-белозерских инновациях в Северо-Западное Причерноморье, выступают изменения в домостроительстве обитавшего здесь населения. Если для сабатиновской культуры характерны наземные и углубленные постройки, в том числе многокамерные, с каменными стенами индо-переднеазиатского ландшафта домовых форм, то в белозерское время здесь появляются и центральноевразийские домовые формы, доминирующие в срубной, андроновской, а в конце позднего бронзового века в ББК и культурах восточной зоны общности КВК [Ромашко, 2000, с.19; 2000а, с.134–142]. В частности, углубленные жилища типов 1 и 2 в Северо-Западном Причерноморье известны на Тудоровском поселении [Мелюкова, 1961, с.116–123; Черняков, 1985, с.40], Криничном [Федоров, 1968, с.286–287; 1969, с.391–392], Зализничном [Ванчугов, 1979, с.312], Комрате-1 [Рафалович, Черняков, 1982, с.53–66], Ялпуге-4 [Ванчугов, 1981, с.91–102], Мирном-2, Татарбунарах, Калфе, Струмке, Желтом Яре [Ванчугов, Тощев, Черняков, 1985, с.25]. Два жилища типа 5 присутствуют на поселении у с. Белино, включенном В.П. Ванчуговым в балтскую группу белозерско-тудоровской культуры [Ванчугов, 1977, с.275–276; 1978, с.306]. Углубленные жилища известны и в культуре Ноуа [Дергачев, 1982, с.64–76, рис.17; 18].

Интерес представляет группа белозерских погребений Северо-Западного Причерноморья с восточной ориентацией погребенных [Агульников, 2002, с.176–181]. Подобное отклонение от стандартов белозерской обрядности также вполне объяснимо с позиций глубокого проникновения традиций ББК, а возможно и их носителей, на территорию западной зоны общности КВК.

Влиянием ББК, возможно, следует объяснять и резкое уменьшение удельного веса лощеной керамики на позднейших сабатиновских и раннебелозерских памятниках. Показателен керамический комплекс Вороновки-2, в котором лощение присутствует только на 1 % посуды. В более ранних, сабатиновских, и более поздних, бело-

зерских, памятниках лощеной керамики значительно больше. Авторами публикации памятника подчеркивается, что близкое количество лощеной керамики (2 %) происходит из поселения Николаевка в Приазовье [Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.50], которое включено нами в круг ранних памятников ББК. Датировка Вороновки-2 позднесабаатиновским-раннебелозерским временем в хронологических рамках XIII–XII вв. до н. э. [Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991, с.52] соответствует моменту завершения формирования ББК и началу миграционного импульса ее носителей.

Отметим, что кубки со сложными геометрическими орнаментами групп Б и Г [Ромашко, 1998, с.79–95], сопоставимыми с известными на кубках поселений ББ1 – Богуслава-1 (рис.84, 2, 4, 6, 7), Белозерского лимана-1 (рис.96, 1), Верхней Тарасовки (рис.96, 6), Ильичевки (рис.84, 20, 22), Шолохово (рис.96, 3), Таранцево (рис.84, 8), в лесостепном и степном Правобережье представлены единичными экземплярами [Тереножкин, 1961, рис.41, 10; 42, 4; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.99, рис.38; Кубышев, Черняков, 1986, рис.6, 6; Ванчугов, 1987, рис.3, 17; Иванова, 2004, с.39–40, рис.1, 2], что также может рассматриваться как восточная инновация.

Судя по присутствию в Поднепровье как белозерских, так и ББК поселений и погребений, в том числе эталонных для обеих культур, их носители проживали здесь чересполосно. Отсутствие в Поднепровье и Северо-Западном Причерноморье археологических подтверждений разрушения белозерских поселений, например следов пожаров, позволяет предположить мирный характер взаимоотношений. Однако, исследование белозерского городища «Дикий Сад» при слиянии Южного Буга и Ингула [Горбенко, 2007, с.139–144; 2008, с.85–90; 2008а, с.26–30; Горбенко, Гребенников, Смирнов, 2009], а также установление Я.П. Гершковичем не скифской, а белозерской принадлежности Репринского городища на Ингульце [Оленковский, 2004, с.13], в известной степени ставит под сомнение этот тезис. Вполне возможно, что одной из причин их возведения являлась угроза со стороны восточных соседей. Городище «Дикий Сад» датируется К.В. Горбенко рубежом II–I тыс. до н. э. (концом XIII–концом X или началом IX вв. до н. э.) [Горбенко, 2007, с.144; 2008, с.85]. По

нашему мнению, происходящие из него материалы хронологически сопоставимы с белозерскими древностями, синхронными памятникам ББК этапа ББ1.

Важной составляющей этнокультурного развития племен ББК лесостепного варианта является их взаимодействие с носителями марьяновско-малобудковской культурной традиции, осложненное тем, что, вероятно, на общей волне западного миграционного импульса из восточных районов Восточной Европы (по Ю.В. Буйнову в XII в. до н. э.) в левобережную украинскую Лесостепь из Волго-Камья инфильтрируются группы приказанского (балымско-карташихинского и атабаевского этапов) и маклашеевского населения, результатом чего стало сложение памятников студенокского типа, для которых характерна круглодонная керамика с воротничковым оформлением венчика, украшенного косыми и кососетчатыми оттисками гребенчатого штампа, ямочно-гребенчатой орнаментацией корпуса, применением «жемчужин» и гребенчатых расчесов. Согласно наблюдениям Ю.В. Буйнова, культурно близкие малобудковским студенокские памятники (Котельва, Лысый Горб, Пинчуковы Горбы, Студенок-5 и др.) присутствуют не только в Поворсклье и лесостепном течении Северского Донца, но распространяются и на Среднее Подонцовье (Диброва)¹ [Буйнов, 2004, с.150–151].

Без преувеличения основным вопросом заключительного этапа позднего бронзового века левобережной лесостепной Украины является определение культурно-хронологического соотношения двух этнокультурных образований – малобудковско-студенокско-бондарихинского с одной стороны и богуславско-белозерского – с другой (см. Раздел 3). Именно на культурно-хронологические построения, отличающиеся в интерпретациях различных авторов, опираются существующие схемы этнокультурного и историко-культурного развития этой территории. Историко-графический анализ проблемы приведен в Разделе 1, где констатируется наличие нескольких подходов к определению роли и места срубного или постсрубного культурного компонента в этих процессах. Напомним, что, по мнению многих исследо-

¹ Ю.В. Буйновым в данном случае принимаются культурно-хронологические определения Я.П. Гершковича, рассматривающего керамику «северо-восточного происхождения» Дибровы как малобудковскую [Гершкович, 1998, с.78]. Среди последней Ю.В. Буйнов усматривает «ближайшие аналогии некоторым сосудам из жилища № 1» Студенка-5 [Буйнов, 2004а, с.150].

вателей, дальнейшую историческую судьбу лесостепного срубного населения предопределило либо субстратное участие в формировании малобудковской и бондарихинской культур, либо его исход из Лесостепи в более южные районы под давлением бондарихинских племен.

В свете современных данных положение о массовом исходе срубного населения из Лесостепи представляется недостаточно обоснованным. Основным ее аргументом является тезис о немногочисленности или полном отсутствии здесь памятников срубной культуры, которые возможно было бы синхронизировать с культурами Восточной Европы позднесабатиновского и белозерского времени. Однако в настоящее время синхронный им культурно-хронологический горизонт лесостепного варианта ББК, генетически связанный со срубной культурой, проявляется достаточно отчетливо. Относительная малочисленность памятников ББК ни в коей мере не может служить подтверждением переселения срубников в южные районы уже хотя бы потому, что в степной зоне их известно еще меньше. Необходимо отметить, что подобное явление характерно для всей постсрубной территории, в том числе Подонья и Поволжья, где количество ивановских бытовых памятников также незначительно. Показательна и культурная дифференциация многочисленных поселений и могильников Нижнего Поднепровья, куда, по мнению В.В. Отрощенко, был направлен основной поток мигрантов [Отрощенко, 1981/№ 598; 1986, с.151], так как, исключая поселение на Белозерском лимане-1 и некоторые другие поселения региона (Белозерский лиман-2, Верхняя Тарасовка, Шолохово), они в культурном отношении более соответствуют кругу собственно белозерских древностей.

В целом трудно представить причины, в том числе природно-климатического порядка, под влиянием которых срубные или богуславско-белозерские племена вынуждены были бы покинуть обширные пространства Лесостепи, обладающей более значительным по сравнению со Степью запасом прочности экосистемы, и сгруппироваться на узкой полосе прибрежных районов Нижнего Днепра.

Попытка объяснения исхода срубного или постсрубного населения из Лесостепи давлением со стороны малобудковско-бондарихинских племен также представ-

ляется недостаточно обоснованной. Для силового развития процесса внутренней миграции носители малобудковской и бондарихинской культур не обладали достаточным военным, экономическим и техническим потенциалом.

Обращает на себя внимание крайняя малочисленность предметов вооружения в комплексах этих культур [Клочко, 2006, с.212–215]. Бронзолитейное производство, уровень развития которого для позднего бронзового века отражал и возможности милитаризации общества, у малобудковцев и бондарихинцев также уступало по своим масштабам племенам степной зоны Украины. Отмеченная закономерность характерна и для других культур лесной и лесостепной зон с одной, и степной зоны с другой стороны. Так А.И. Тереножкиным подчеркивается слабая вооруженность племен белогрудовской культуры и заимствование чернолесскими племенами типов вооружения, характерных для позднего срубно-андроновского мира (в современном понимании – постсрубного и постандроновского – *В.Р.*). А.И. Тереножкиным также отмечается вторичный характер развития бронзолитейного производства в правобережной Лесостепи относительно металлургических центров степного Причерноморья «позднесрубного времени» [Тереножкин, 1961, с.92, 96–97, 108]. Этот вывод на уровне современных представлений о культурных составляющих позднего бронзового века Украины подтверждают наблюдения В.И. Клочко, которым оружие белогрудовской и раннечернолесской культур рассматривается в одной, центрально-украинской, группе с белозерским. Исследователь приходит к выводу о том, что на всей территории распространения белозерской, белогрудовской и раннечернолесской культур прослеживается продолжение сабатиновских оружейных традиций, а также фиксируется появление центральноевропейских. При этом систематизация данных о предметах вооружения группы показывает их явную количественную доминанту именно в степных районах [Клочко, 2006, с.204–212].

Парадоксальная ситуация складывается при анализе стратиграфических характеристик памятников Левобережной Украины, содержащих разновременные малобудковские, студенокские и бондарихинские, срубные, богуславско-белозерс-

кие горизонты с одной стороны, и определении их абсолютного хронологического положения в системе древностей Восточной Европы с другой.

Стратиграфия памятников лесостепной зоны и Донецкой интразональной лесостепи как будто свидетельствует о более позднем, в рамках относительной хронологии, положении малобудковских и бондарихинских комплексов по отношению не только к срубным, но и богуславско-белозерским. Такие данные систематизированы Ю.В. Буйновым в работе, посвященной вопросам культурно-хронологического положения памятников малобудковского типа [Буйнов, 1994а, с.7–8]. В частности, им привлекаются материалы поселений Ильичевка [Шаповалов, 1976, с.169–171], Старый Караван [Шаповалов, Клименко, Духин, 1978, с.399], Лиманское озеро-1, 2, Клиновое-2 [Татаринов, 1993, с.84–85], Шиловское [Екимов, Беседин, 1980, с.83–88], Шоссейное [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.184], Червоный Шлях, Студенок-6 [Буйнов, 1994а, с.7–8].

Тем не менее, в противоречие данным стратиграфии, в левобережной Лесостепи представлена яркая группа постсрубных памятников этапов прото-ББ и ББ1, культурно и хронологически сопоставимых с поселениями Богуславского археологического микрорайона, горизонтами IV–V «срубных» памятников Северо-Восточного Приазовья [Горбов, 1993, с.13–21, 1994, с.70–74], Белозерским лиманом-1 [Кривцова-Гракова, 1949, с.76–85, рис.30–34; 1955, с.118–119, рис.27; Горбов, 1995, с.52–72] и другими, доживание которых до конца XI в. до н. э. не вызывает сомнений. Мало того, определение абсолютных дат памятников ББК обосновано материалами, в количественном и качественном отношении значительно превосходящими известные в малобудковских и бондарихинских памятниках, что признается и самим Ю.В. Буйновым [Буйнов, 1994, с.11, 2004, с.148].

Сказанное позволяет дополнить аргументацию С.И. Берестнева, Я.П. Гершковича, В.Н. Горбова, Р.А. Литвиненко, В.А. Ромашко, А.С. Смирнова, А.Н. Сорокина, Б.А. Шрамко, утверждающих, что срубное население никуда не уходит из Лесостепи после формирования здесь малобудковской и бондарихинской культур. Следует оговориться, что в свете современного понимания исторических судеб срубных племен речь должна идти собственно не о срубных, а о генетически связанных с ними

постсрубных племенах. Последнее предполагает одновременное проживание их носителей с малобудковско-бондарихинскими на одной территории [Шрамко Б.А., 1983, с.90; Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.147–148; Берестнев, 1994, с.137; Ромашко, 1996, с.150–152; 1996б, с.66–69; Горбов, Литвиненко, 1998, с.69–79]. Показательно, что в последнее время положение о синхронности постсрубных, малобудковских и студенокских памятников активно отстаивается Ю.В. Буйновым [Буйнов, 2009, с.7–17], изменившим предлагаемые ранее подходы к решению вопроса.

Фиксируемые на материалах Левобережной Украины процессы этнокультурного взаимодействия носителей культур позднего бронзового века лесной, лесостепной и степной зон во многом сходны с наблюдаемыми в других регионах Восточной Европы.

О глубоком проникновении белозерского населения в Лесостепь свидетельствуют материалы могильника Вергунка, поселений Самовица-остров-1 и Чапаевка-8 у г. Черкассы [Куштан, Дяткин, 1996/36, с.17–19; 2000, с.68–86; Отрощенко, 2001, с.185]. То, что проявления белозерской культуры в лесостепной зоне Украины являются свидетельством именно миграционных процессов, косвенно подтверждается сформировавшимся в последнее время мнением, исключающим эту территорию из зоны распространения памятников сабатиновской культуры, предшествующей белозерской [Gerškovič, 1999, s.68, karte].

Близкую наблюдаемой в лесостепной левобережной Украине этнокультурную ситуацию демонстрируют также памятники заключительного этапа позднего бронзового века бассейна Среднего и Верхнего Дона. Небольшая группа памятников Подонья, материалы которых сопоставимы с бондарихинскими, также по ряду признаков керамического комплекса, показывают присутствие в регионе постсрубного населения. Например, на поселении Карамышево-2 в «срубном» горизонте преобладают горшки, в том числе украшенные расположенными по шейке валиками, расчлененными насечками и пальцевыми вдавлениями. Значительная часть посуды формирует группу с синкретическими «срубными» и бондарихинскими чертами. В одной из исследованных построек присутствует и собственно бондарихинская, по

определению автора, керамика [Чивилев, 2005, с.116–117]. Воронежские археологи отмечают синкретический характер и других памятников региона, в том числе Шиловского и Тавровского поселений. Их керамика близка бондарихинской, но в культурном отношении не отождествляется с нею. Отдельные горшки и миски-сковороды прямо сопоставляются со срубными. Отмечено также присутствие на некоторых горшках «воротничкового оформления верха» с острым или «притупленным срезом» [Екимов, Беседин, 1980, с.79–94; Матвеев, Екимов, 1980, с.94–102; Тихонов, Екимов, 1983, с.142, 144; Синюк, 1996, с.253–257, рис.66; 67]. «Бондарихинская» группа памятников генетически не связана с местной срубной культурой [Екимов, Беседин, 1980, с.93] и, вне всякого сомнения, оставлена пришлым населением, привнесшим в лесостепное Подонье культуру малобудковского, а впоследствии и бондарихинского типа. Однако, не менее явны свидетельства присутствия в верхнедонском регионе такого же пришлого постсрубного населения, в культуре которого прослеживаются черты западной зоны общности КВК. Вероятно, их распространение здесь хронологически соответствовало времени сложения раннего богуславско-белозерского комплекса (прото-ББ) Левобережной Украины. Участие в этнокультурных процессах конца позднего бронзового века местного срубного компонента пока еще остается недостаточно изученным. Но, по мнению А.Т. Синюка, говорить о серьезных вторжениях бондарихинских племен и смене ими срубного населения нет оснований [Синюк, 1996, с.322–323]. Вероятно прав Ю.В. Буйнов, отмечающий, что некоторые памятники лесостепного Подонья, например поселение Копанице-2, рассматриваемое А.Т. Синюком как позднемарьяновское [Синюк, 1981, с.110–113], С.И. Воловиком как малобудковское [Воловик, 1996, с.11], в культурном отношении следует сопоставлять с памятниками балымско-карташинского этапа приказанской культуры XIV–XIII вв. до н. э. Тем самым подтверждается не западный, а восточный вектор миграции лесостепных племен Восточной Европы, достигший Подонья и Левобережной Украины, где произошло слияние носителей маклашеевской культуры с малобудковцами [Буйнов, 2004, с.151].

Самарскими археологами историко-культурная ситуация конца позднего бронзового века бассейна Волги рассматривается следующим образом. Наличие в

лесостепном течении Волги севернее р. Самара значительной группы памятников межовско-приказанского типа, происхождение которых связывается с восточными и более северными территориями, приводит их к выводу о смещении населения к югу. Однако постсрубные племена не покидают этой зоны, что обусловило существование в этом регионе двух культурных традиций – лесной межовско-приказанской и лесостепной ивановской [Агапов, Васильев, Кузьмина и др., 1983, с.28]. Несколько позже сформировалась иная точка зрения, согласно которой в конце позднего бронзового века в лесостепной зоне региона получает распространение сусканский тип памятников, генетически не связанный со срубной культурой. Ивановская культура рассматривается как чисто степное явление. Однако и сторонниками этого подхода не отрицаются тесные контакты лесостепного сусканско-атабаевского и степного ивановского населения, приведшие к глубокому взаимопроникновению культурных традиций. Присутствие ивановской керамики отмечено на ряде лесостепных поселений заключительного этапа позднего бронзового века Поволжья и Приуралья, таких как Сусканское-1, Шигоны-2, Екатериновка, Нижняя Орлянка-2, Русская Селитьба-2 и др. [Колев, 1991, с.162; 2000, с.253–255; 2008, с.210].

Остатки оборонительных сооружений, которые также, как и в украинской Лесостепи свидетельствуют о достаточно напряженной военно-политической ситуации, сложившейся в последней трети I тыс. до н. э., известны и в лесостепном Поволжье. Речь, например, идет об эпонимном поселении сусканской культуры в Самарском Заволжье [Колев, 1991, с.162–164].

Лесостепное Зауралье на заключительном этапе позднего бронзового века было ареной взаимодействия двух культур – лесной замараевской и степной саргаринско-алексеевской. Присутствие в комплексах алексеевских поселений замараевской керамики рассматривается Т.М. Потемкиной как следствие проникновения лесных традиций в северную периферию алексеевского ареала [Потемкина, 1979, с.19–30]. При этом в стороне остается вопрос происхождения на этой территории, не входившей в зону генезиса андроновской культуры, саргаринско-алексеевских памятников. Согласно заключению Г.Б. Здановича, в качестве подосновы саргаринско-алексеевской культуры может рассматриваться федоровская. Во второй половине

XIV–начале XIII вв. до н. э. ее носители значительно расширяют андроновскую территорию, в том числе и на севере, проникая в пределы лесной (таежной) зоны по бассейнам Иртыша и Тобола. Федоровская, а позже и саргаринско-алексеевская культуры оказали влияние на сложение и развитие лесных и лесостепных андронидных сузгунской и еловской культур на северо-востоке, черкаскульской культуры на северо-западе [Зданович Г.Б., 1988, с.144].

Таким образом, на всей территории восточноевропейской и западносибирской Лесостепи в конце позднего бронзового века в той или иной форме происходят процессы активных контактов носителей степных, лесостепных и лесных культур.

Основным археологическим материалом, позволяющим установить направленность этнокультурных процессов в левобережной украинской Лесостепи в XII–XI вв. до н. э., определяемых взаимоотношениями между студенокскими, малобудковскими и богуславско-белозерскими племенами этапа ББ1, традиционно считается керамика.

В комплексах этапа присутствуют серии горшков новационного раздела (типы I-Г3, I-Г4, I-Г5, I-Г6), орнаментированных системными расчесами и «жемчужинами», выделенные нами в аналоговую группу б. Многими исследователями культурная принадлежность такой керамики в богуславско-белозерских («срубных», «позднесрубных», «постсрубных») комплексах и горизонтах рассматривается как малобудковская или бондарихинская.

Действительно, системная штрихованность (вертикальные борозды, покрывающие всю поверхность сосуда) является стойким признаком керамики малобудковского периода бондарихинской культуры [Буйнов, 1981; 2005а, с.110]. Однако, сам вопрос о происхождении такого приема декорирования керамики позднего бронзового века остается открытым. С.С. Березанская справедливо полагает, что декорирование керамики расчесами является не культурным, а хронологическим показателем, возникшем в середине II тыс. до н. э. и присущим широкому кругу культур – от предлужицкой и гавско-голиградской на западе до штрихованной и текстильной керамики на северо-востоке [Березанская, 1990, с.76]. По мнению О.А. Кривцовой-Граковой, «сглаживание поверхности зубчатым штампом», зафиксированное на

керамике Белозерского лимана-1, следует рассматривать в рамках традиции, сохранившейся с раннего бронзового века [Кривцова-Гракова, 1955, с.119, рис.27, 4, 12, 13]. В другой работе О.А. Кривцова-Гракова объясняет присутствие керамики с обработанной зубчатым штампом поверхностью на этом памятнике сохранением срубных традиций [Кривцова-Гракова, 1949, с.81, рис.32, 6; 33, 13]. Такого же мнения в отношении керамики с декорированной зубчатым штампом поверхностью верхнего горизонта Таранцево и синхронных ему памятников лесостепной зоны придерживается С.И. Берестнев [Берестнев, 1994, с.126–127]. То, что и полосчатое сглаживание, и штрихованность поверхности керамики гребенкой и зубчатым штампом являются характерными чертами срубной культуры как степного, так и лесостепного вариантов отмечалось неоднократно [Горбов, Усачук, 1993, с.40; Берестнев, 1994, с.125, рис.2, 12; Березанская, 1990, с.76; Литвиненко, 1994, с.52]. В.В. Отрощенко акцентирует внимание на том, что именно такой прием декорирования поверхности является одним из основных признаков посуды ПСК [Отрощенко, 2001, с.153]. Упорядоченное зональное декорирование корпуса сосудов расчесами характеризует серии «финальноабашевской» посуды поселений Перебойное Озеро и Сухарев Городок на Северском Донце [Санжаров, 2005, с.157–180; 2007, с.184–190]. Заслуживает внимания и замечание А.В. Корохиной о том, что сами малобудковские и одновременно постсрубные и лебедовские племена левобережной Лесостепи заимствуют расчесы и «жемчужины» от носителей культур Верхней и Средней Волги – приказанской, ранней культуры сетчатой керамики, атабаевской, и, особенно, поздняяковской [Корохіна, 2009, с.17].

Присутствие незначительных серий керамики с обработанной зубчатым штампом поверхностью в лесостепных памятниках культуры Ноуа [Балагури, 1985, с.485] и керамических комплексах сабаатиновских и позднесабаатиновских поселений Северо-Западного Причерноморья [Кривцова-Гракова, 1955, с.124; Черняков, 1985, с.69, рис.30, 3, 9, 11; 31, 7] можно было бы объяснять с позиций восточных инноваций, если бы не распространенность керамики с вертикальными расчесами в более западных культурах позднего и финального бронзового века. Речь, прежде всего, идет о культуре Гава, предшествующей ей группе Лэпуш, культуре Холеркань-

Ханска, входящей в группу культур Тэмоань–Холеркань–Ханска–Балта раннего орнаментированного гальштата. В то же время использование такой техники обработки поверхности керамики не характерно для культур Бабадаг, Инсула Банулуй, Козия [Смирнова, 1976, с.30; Романчук, 2002, с.41–42]. Не могут не обратить на себя внимание некоторые образцы керамики каннелированного гальштата, поверхность которых украшена густыми вертикальными бороздами-каннелюрами, подобными расчесам, но нанесенными в иной технике [Leviṭki, 1994, fig.15, 14, 15]. Вероятно, решение вопроса о культурных истоках рассматриваемой традиции выходит за рамки упрощенного подхода, заключающегося в попытке связать ее с конкретной археологической культурой. Но вряд ли вызовет возражение положение о том, что для заключительного этапа позднего бронзового века упорядоченные расчески керамики зубчатым штампом более характерны для культур восточноевропейской лесостепной зоны и их появление на посуде ББК вовсе не обязательно непосредственно связывать с малобудковским влиянием.

Динамика удельного веса посуды с декорированной расчесами зубчатым штампом поверхностью на памятниках срубной культуры и ББК в различных регионах левобережной Украины существенно отличается. В Северо-Восточном Приазовье удельный вес такой посуды в позднесрубных комплексах уменьшается по сравнению с раннесрубными. В IV и V (постсрубных – *В.Р.*) горизонтах она отсутствует вообще [Горбов, Усачук, 1993, с.40]. Напротив, в лесостепной зоне и примыкающих к ней северостепных районах, как показывают материалы Таранцево, Ильичевки, Суботовского и Чернолесского городищ, Мошн, Максимовки, Червонохиженцев-2, Чапаевки-8, Белозерского лимана-1, 2, Шолохово (рис.65, 13, 17, 24, 25; 66, 3, 9; 71, 13; 72, 13; 73, 35; 91, 17, 21–23; 92, 13; 95, 4) и особенно Богуслава-1 (рис.65, 4, 9; 71, 2, 4; 72, 6; 73, 1), расчески гребенчатым штампом не только сохраняются на керамике ББК, но приобретают композиционно сложные декоративные формы.

Украшенная «жемчужным» орнаментом посуда является неотъемлемой частью керамического комплекса таких памятников лесостепного варианта ББК, как Богуслав-1, Лихачевка, Поляны-1, Горбанщина, Студенок-6, Новодоновка, Ильичевка, Зливки, Червонохиженцы-2, Биланы-1. На памятниках ББ1 керамика (банки, горшки

типов I-Г3, I-Г4, I-Г5, I-Г6) с позитивными и негативными «жемчужинами» по количественным показателям формирует вторую после валиковой группу посуды с рельефным орнаментом (рис.61, 17; 73, 1, 2, 4–7, 9–29, 31–35; 77, 18, 20, 21, 23–25; 79, 6, 7, 9, 11; 80, 1, 2, 4–9, 11, 13). Например, на Богуславе-1 в керамическом комплексе ББ1 удельный вес валиковой и «жемчужной» орнаментации соотносится как 28,3 и 13 %.

На керамике степного варианта этот орнаментальный элемент отсутствует, или, как в Верхней Тарасовке (рис. 95, 13, 16), представлен единичными образцами. Не характерен он и для степных культур позднего бронзового века Правобережной Украины. Исключением является обломок горшка с позитивными «жемчужинами» из Сабатиновки [Черняков, 1985, рис.25, 3], вероятно, маркирующий поздний этап жизни поселения. Морфологически он соответствует разновидности горшков I-Г5 с резко отогнутым наружу венчиком.

«Жемчужная» орнаментация в сочетании с иными орнаментальными элементами является отличительным признаком посуды студенокско-малобудковского круга. Однако, как нам представляется, предположение о заимствовании племенами ББК малобудковской орнаментальной традиции не соответствует археологическим реалиям. Речь, прежде всего, идет о разной технике нанесения орнамента, практикуемой гончарами этих культур. «Жемчужины» на керамике малобудковской культуры могли формироваться глубокими вдавлениями концом круглого в сечении стержня, однако в подавляющем большинстве случаев нанесены вдавлениями косо поставленного стержня или так называемыми «тычками», выполненными орудиями самых разнообразных форм [Корохіна, 2009, с.14–15]. В керамике ББ1 известны единичные экземпляры, украшенные в таком стиле. Особенно показательна посуда, «жемчужины» и вдавления на которой нанесены щепкой – одним из наиболее распространенных элементов малобудковско-бондарихинской орнаментации. В этом отношении интересны горшки из жилищ № 3 и № 6 Богуслава-1 (рис.79, 1, 6, 9). Обломок горшка, украшенного негативными «жемчужинами», образованными отпечатками щепки, присутствует среди керамики ББК Лихачевки (рис.80, 5). По мнению В.Н. Горбова и

Р.А. Литвиненко он наиболее ярко представляет серию синкретической посуды памятника [Горбов, Литвиненко, 1998, с.76, рис.1, 5; 2, 5, 6; 4, 3, 17, 18].

Но этим сходство «жемчужной» орнаментации двух культур левобережной Лесостепи и ограничивается. Гончары ББК формировали «жемчужины» исключительно глубокими вдавлениями вертикально поставленного по отношению к поверхности сосуда стержня.

Существует также мнение, что «жемчужины» были восприняты малобудковскими и «позднесрубными» лесостепными племенами из восточнотшинецкой среды [Буйнов, Михеев, 1989, с.95; Отрощенко, 1976, с.184] или сосницкой и раннелебедовской культур [Куштан, 2007/№ 864, с.72].

Вероятно правы исследователи, утверждающие, что жемчужная орнаментация в территориальном и культурном отношении является феноменом, который по масштабам сопоставим с распространением валиковой керамики в позднем бронзовом веке. В частности, к такому заключению приходит С.И. Берестнев [Берестнев, 2001, с.107–108], частично обобщивший культуры позднего бронзового–начала раннего железного веков Евразии, в памятниках которых получает распространение рассматриваемая система орнаментации. К этой группе на территории Украины им отнесены малобудковская, лебедовская культуры, поздний этап сосницкой. Как считает С.И. Берестнев, этот прием орнаментации не получил распространения в днепро-Днепровском Правобережье.

Это мнение следует считать не вполне обоснованным, учитывая широкое распространение керамики, украшенной позитивными и негативными «жемчужинами» в культурах тшинецко-комаровской культурно-исторической общности [Березанская, 1972, с.122; Молодцов, 1997, с.86, рис.3, 2, 3, 6, 11], в Ноуа [Балагурі, 1968, с.136–146] и белогрудовских [Лысенко С.Д., Лысенко С.С., 2007, с.261, рис.8, 1] комплексах.

Показательно, что в такой же технике, как и богуславско-белозерская оформлены «жемчужные» орнаменты культур восточной зоны общности КВК. Они присутствуют на керамике ивановской, нурской, саргаринско-алексеевской, межовской, ирменской и других культур заключительного этапа позднего бронзового века

[Черников, 1960, табл. XXX, 1–3, 10; Агапов, Васильев, 1976, рис.13, 12; 14, 13; Васильев, Колев, Кузнецов, 1986, рис. 20, 3, 9; Кузнецова, Скупова, 1987, с.14, рис.13, 4; Изотова, Малов, 1992, с.112, рис.6; Колев, 2000, с.253]. Последнее не исключает возможности привнесения «жемчужной» орнаментации в ББК в процессе распространения в ней других восточных орнаментальных элементов, характерных для культур общности КВК – воротничковых венчиков, валиков, расчлененных крестами, «сеточкой», зигзагом.

Взаимодействие разнокультурных компонентов в контактном регионе общности КВК привело к формированию синкретических орнаментальных схем, специфичных для посуды ББК. Подтверждением этого положения выступает серия горшков из комплексов ББ1, украшенных композициями, составленными из расчлененных валиков, в том числе восточного типа, и «жемчужин». Такие сосуды известны в Богуславе-1, 2, Таранцево, Лихачевке (рис.80, 1, 2, 4–9, 11). В не меньшем количестве в памятниках ББ1 представлены горшки, орнаментированные такими же валиками, но сочетающимися с рядами наколов и вдавлений. Они известны в Богуславе-1, Таранцево, Мошнах, Шоссейном, Безыменном-2, Капуловке (рис.76, 3, 10; 80, 3, 10, 12; 95, 17–19), Мерефе-4 [Пеляшенко, Буйнов, 2009, рис.2, 5]. Гладкие валики в таких композициях встречается реже. На некоторых горшках из серии керамики ББК восточнотшинецкого поселения Мошны они сочетаются с оттисками косо поставленной палочки. Только на одном горшке валик расчленен оттисками зубчатого штампа восточного типа [Куштан, 2005, с.104, рис.1, 3, 7, 10]. Вероятно, к этой группе следует отнести обломок горшка из Биланов-1, украшенный позитивными «жемчужинами», нанесенными непосредственно по гладкому валику (рис.80, 13).

Орнаментальная схема «валик + жемчужины» и «валик + наколы» появляется в среде ББК еще на этапе прото-ББ, что подтверждается находками отдельных экземпляров такой керамики в достаточно надежно хронологически определяемых комплексах Ушкалки [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.91, рис.32, 18], Чикаловки, Усова озера, позднесабатиновского горизонта Ильичевки (рис.42, 7–11). Сосуд из жилища № 12 Усова озера (рис.42, 10), считающегося самым поздним срубным комплексом памятника [Березанская, 1990, с.99], вероятно, отмечает момент распространения в

ББК нового, непривычного для ее носителей, орнаментального элемента, так как отверстия, формирующие позитивные «жемчужины», тщательно замазаны [Березанская, 1990, с.31].

Керамика, на которой сочетаются наколы, вдавления и негативные «жемчужины» с валиками, достаточно обычна в культурах, синхронных прото-ББ. Негативные «жемчужины», сочетающиеся с гладкими или расчлененными пальцевыми вдавлениями валиками, присутствует среди керамики поселения Островец [Балагурі, 1968, с.143, рис.4, 3, 10, 15, 16]. Сочетание на посуде валиков и наколов характерно и для керамики других памятников культуры Ноуа [Дергачев, 1982, с.69, рис.21, 21; 1986, с.160, рис.44, 21]. Наколы концом круглой в сечении палочки, сочетающиеся с расчлененными пальцевыми вдавлениями валиками, известны в Магале-1 и в комаровских поселениях Молдовы, датированных XIV–XIII вв. до н. э. [Смирнова, 1976, рис.3, 8, 11, 13; Дергачев, 1986, с.151–152, рис.39, 19]. Вероятно, следует согласиться с И.Н. Шарафутдиновой, отмечающей правобережные истоки такого орнамента [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.93–94].

Вместе с тем, выразительные орнаментальные композиции из валиков восточного типа и «жемчужин» присущи посуде относительно узких хронологических (ББ1) и территориальных рамок (Поворсклье, Присамарье, Подонцовье), что позволяет рассматривать ее как один из культуuroобразующих признаков ББК. Она могла сформироваться в результате восприятия ее носителями композиционной идеи, возникшей в среде населения правобережной лесостепной Украины, и использования при ее реализации инновационных орнаментальных элементов, привнесенных сюда мигрантами из восточных и северо-восточных районов Восточной Европы. В пользу такой интерпретации свидетельствует отсутствие керамики с аналогичными композициями не только в культурах, расположенных западнее Днепра, но и крайняя ее малочисленность в памятниках культур восточных территорий. Например, на Алексеевском поселении саргаринско-алексеевской культуры найден горшок, орнаментированный разомкнутым валиком, украшенным тремя рядами косых насечек, ниже которого помещен ряд шишечек, которые, возможно, имитируют «жемчужины» [Кривцова-Гракова, 1948, с.138–139, рис.61]. Из этого же памятника

происходит обломок горшка, украшенного рядом круглых наколов и расчлененным крестами валиком [Кривцова-Гракова, 1948, рис.57, 12]. Обломок горшка, украшенного рядом ямочных вдавлений и расположенным выше валиком, расчлененным косыми насечками, образующими сеточку, найден на поселении финального бронзового века Буровая-22 северо-восточная I в Северном Прикаспии [Васильев, Колев, Кузнецов, 1986, с.133, рис.17, 8].

Таким образом, представляется правомерным вывод о том, что в культурном облике керамических комплексов лесостепного варианта ББК этапов прото-ББ и ББ1 (аналоговая группа б) нашли проявления не только и не столько малобудковско-бондарихинские, сколько общие для восточноевропейских лесостепных культур признаки.

В целом, следует признать, что на фоне имевшего место проживания на этапе ББ1 на одной территории студенокских, малобудковских и богуславско-белозерских племен их влияние на культуру друг друга было минимальным. Некоторые приводимые Ю.В. Буйновым примеры такого взаимовлияния правомерны скорее для времени, предшествующего формированию собственно ББК.

Так, по его мнению, марьяновско-бондарихинским (то есть марьяновским – *В.Р.*) влиянием объясняется присутствие на некоторых образцах срубной керамики погребений кургана у с. Сухая Гомольша и могильника у с. Червоный Шлях гусеничного штампа и ямочных вдавлений различной формы. На керамике марьяновских памятников появляется гребенчатый и зубчатый штамп, валиковая орнаментация [Буйнов, Михеев, 1989, с. 89; Буйнов, 2000, с. 7].

Более выразительно присутствие в студенокских и малобудковских комплексах образцов посуды, на которых вдавления и «жемчужины» сочетаются с валиками восточного типа, расчлененными крестами и зигзагом [Буйнов, 2008, рис.5, 10, 15]. Синкретизм керамических комплексов бондарихинских поселений лесостепного Подонья, таких, как Тавровское, Шиловское, Карамышево-2 и др., а также присутствие в них срубных и постсрубных типов посуды неоднократно отмечались в литературе [Екимов, Беседин, 1980, с.79–94; Матвеев, Екимов, 1980, с.94–102;

Тихонов, Екимов, 1983, с.142, 144; Синюк, 1996, с.253–257, рис.66; 67; Чивилев, 2005, с.116–117].

Как уже отмечалось, на некоторых поселениях ББ1 присутствуют серии богуславско-белозерской керамики, украшенной наколами и вдавлениями, выполненными в малобудковской и бондарихинской технике (рис.59, 9; 61, 16, 17; 75, 5; 79, 1, 6, 9, 11, 26, 27). Однако выделение выразительного пласта гибридной керамики на памятниках ББК XII–XI вв. до н. э. Лесостепи, Предстепья и Донецкой интрональной лесостепи проблематично.

Создается впечатление, что разнокультурные и разноэтничные группы проживавшего здесь населения, являющиеся частями более крупных этнокультурных массивов, стойко сохраняли свою самоидентификацию и традиции. В качестве примера, подтверждающего этот тезис, обратимся к некоторым микрорайонам лесостепной левобережной Украины, отмеченных концентрацией синхронных студенокских, малобудковских и богуславско-белозерских памятников.

Одним из таких микрорайонов являются окрестности с. Тымченки на р. Мже. Здесь находится бондарихинский могильник с трупосожжениями [Буйнов, 1977, с.208–216] и поселение Тымченки (уроч. Шпыли) с малобудковскими и «классическими» бондарихинскими материалами [Буйнов, 2006а, с.42–47]. В 150 м от них расположено срубное и ББК поселение Таранцево (Тымченки-2) [Берестнев, 1994, с.121–138, рис.1–2; 4–8], в 2 км – поселение ББК Горбанщина (Тымченки-3) [Берестнев, 1995/29; 1996/18; 1997, с.153–154, рис.6–11; Буйнов, 2006, с.46]. Показательно, что несмотря на соседство синхронного эталонного малобудковского памятника, в материалах ББК Таранцево отсутствуют образцы малобудковской, бондарихинской или синкретической посуды. Малобудковская керамика присутствует только в северо-восточной части поселения на небольшом участке (раскоп IV). При этом керамики ББК здесь нет. Ю.В. Буйнов отсутствие следов контактов между жителями таранцевского и тымченского поселений объясняет их одновременностью, что противоречит им же постулируемому тезису о синхронности малобудковских и постсрубных древностей [Буйнов, 2009, с.11]. На поселении Горбанщина выявлены погребения с малобудковской керамикой. В срубном и постсрубном культурном слое,

в который впущены упомянутые погребения, найдены немногочисленные фрагменты малобудковской керамики, украшенной рядами горизонтальных вдавлений и расчесами, однако, синкретическая керамика, свидетельствующая о каком-либо культурном взаимовлиянии двух групп населения микрорайона, отсутствует и здесь.

Не менее показательны памятники еще трех микрорайонов в бассейне Северского Донца.

Один из них – окрестности с. Студенок. В плане рассматриваемого вопроса, интерес представляют поселение студенокского типа Студенок-5 и срубное, по определению авторов раскопок, поселение Студенок-6, в материалах которого, как нам представляется, присутствует выразительная серия посуды ББК, не выделенной в отдельный культурно-хронологический горизонт. Поселения Студенок-5 и 6 разделены неглубоким оврагом. В культурный слой эпохи бронзы Студенка-6 впущено несколько студенокских трупосожжений [Телегин, 1956, с.75–84; 1959, с.72–79; Буйнов, Дегтярь, 1987/101; Берестнев, 1988/211; Буйнов, 1994, с.8; 2008, с.42–55]. Ни синкретическая керамика, ни комплексы, содержащие смешанные студенокские или малобудковские материалы с одной стороны, и ББК – с другой, на памятниках микрорайона не зафиксированы.

В Ильичевско-Ямпольском археологическом микрорайоне материалы заключительного этапа позднего бронзового века присутствуют на расположенных в непосредственной близости друг от друга поселениях Ильичевка [Шаповалов, 1976; 1983/№ 620], Усово озеро [Березанская, 1990; 2001, с.11–14], Ямполь [Дегерменджи, Татаринов, Ковалева Л.Г. и др., 1977, с.288–289], Диброва, Глубокое озеро-2 [Гершкович, 1990, с.57–59; 1995, с.37–38; 1998, с.61–92; Колесник, Гершкович, 1996, с.8–13; Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005, с.95–99]. В них представлены серии керамики ББК этапов прото-ББ и ББ1, малобудковской и раннебондарихинской. Удельный вес посуды этих культур на рассматриваемых синхронных памятниках различен, на что уже обращали внимание киевские, донецкие и московские исследователи на материалах Дибровы и Глубокого Озера-2 [Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005, с.96]. Показательно, что богуславско-белозерская и малобудковско-бондарихинская керамика отчетливо дифференцируется по морфологичес-

ким и орнаментальным признакам. Образцы посуды с выраженными гибридными или синкретическими чертами практически отсутствуют. На этом фоне выделяется еще одно поселение микрорайона, но более позднее (нами оно датировано этапом ББ2) – Глубокое озеро-1 [Полидович, 1991/78а], керамические материалы которого отличаются синкретическим обликом с преобладанием бондарихинских черт.

Третий микрорайон – компактная группа многослойных северскодонецких поселений из Кременецкого р-на Луганской обл. – Озеро Клешни Второе-1, Озеро Клешни Второе-4, Клешня-1, 3, Черняково Озеро-2, Темино, Зелена Горница-4, Борькин ручей, Заозерное-1 [Телиженко, Манько, Ковалева, 1999, с.19–43; Супрун, 1999, с.70–76; 1999а, с.94–96; Супрун, Черных, Прынь, 2000, с.145–147; Телиженко, Черных, 2006, с.91–121; Телиженко, Супрун, 2004, с.188–228; Иваницкий, 2010, с.200–212; Стадник, 2011, с.262–271]. На некоторых из них, как, например, на поселении Озеро Клешня Второе-1, Заозерное-1 представлена преимущественно керамика ББК (авторами публикаций определена как керамика «покровского типа раннесрубного времени» в первом, как «позднесрубная» во втором случае) [Телиженко, Манько, Ковалева Л.Г., 1999, с.25–27, рис.14–16; Стадник, 2011, с.262–271, рис.1, 1–7; 2, 1–8; 3, 1–7, 9–11; 4, 1–8; 5, 1–6; 6, 1–9; 7, 3]. На других, например на поселении Зеленая Горница-4, – исключительно малобудковская керамика (рис.51). Авторами публикации она определена как позднемарьяновско-малобудковская [Телиженко, Супрун, 2004, с.220, рис.14–16]. На поселениях Клешня-3, Темино, Черняково Озеро-2 присутствует как малобудковская, так и ББК керамика (по определениям авторов публикаций – марьяновская, бондарихинская «развитого этапа культуры», срубная или позднесрубная).

Эти особенности кременецких памятников уже отмечены археологами Луганщины [Телиженко, Супрун, 2004, с.220–221]. Однако некоторые сомнения вызывает тезис о том, что кроме «бондарихинских и срубных» на перечисленных памятниках представлено и значительное количество синкретических форм [Телиженко, Супрун, 2004, с.221]. Ознакомление с опубликованными материалами показывает, что подавляющая часть сосудов находит аналогии либо в малобудковских и бондарихинских, либо в ББК комплексах. Сказанное наглядно подтверждается материалами

единственного стратифицированного памятника микрорайона – поселения Борькин ручей. Немногочисленные обломки постсрубной керамики из среднего стратиграфического горизонта памятника легко идентифицируются и вычленяются из общей массы малобудковской посуды [Иваницкий, 2010, с.200–212]. Скольнибудь выразительные проявления синкретизма в комплексе горизонта отсутствуют. А.И. Стадником среди керамики позднего бронзового века поселения Заозерное-1 выделен только один фрагмент стенки сосуда, в орнаментации которого, как он считает, сочетаются «малобудковские» наколы и отпечатки зубчатого штампа, характерные для «постсрубной ивановской культуры» [Стадник, 2011, с.270, рис.4, 1]. Ввиду широкого распространения наколов в культурах позднего бронзового века, предложенная культурная интерпретация этого фрагмента нам представляется не столь очевидной, как и интерпретация значительной части «малобудковской» керамики памятника.

В контексте положения о параллельном и относительно самостоятельном развитии в левобережной Лесостепи и интрозональном Подонцовье разнокультурных групп населения – студенокского, малобудковского (малобудковская ступень, конец XIII–первая половина XI вв. до н. э. по Ю.В. Буйнову) и ББК (этап ББ1), интерес представляет мнение С.А. Телиженко и А.В. Супруна, согласно которому слияние марьяновского, студенокского и срубного населения [Буйнов, 2000, с.9] вовсе не привело к образованию монолитной бондарихинской культуры по всему ареалу распространения и на всех этапах развития. При, несомненно, общих элементах керамические коллекции известных к настоящему времени памятников достаточно вариabельны. Отмеченная для раннего этапа обособленность местных и пришлых племен могла выработать в дальнейшем такие отношения, при которых не произошло полного смешивания, и отдельные группы населения достаточно долго сохраняли элементы традиционной культуры [Телиженко, Супрун, 2004, с.223].

Более интенсивные контакты двух этнокультурных групп населения лесостепной зоны Левобережной Украины связаны с поздним этапом их истории, характеризующимся формированием в конце XI–начале X вв. до н. э. нового культурного образования – бондарихинской культуры.

6.3. Деструкция и трансформация богуславско-белозерской культуры на этапе ББ2. Исторические судьбы богуславско-белозерских племен лесостепного и степного вариантов

Исторические судьбы носителей ББК степного и лесостепного вариантов существенно отличаются, что нашло отражение в археологических материалах.

Левобережная Украина в финале позднего бронзового века остается территорией, на которой обитают богуславско-белозерские и бондарихинские племена. Этнокультурная многокомпонентность лесостепного населения позволяет констатировать, что, как и на предшествующем этапе, в X в. до н. э. единое культурное пространство здесь не сформировалось. Однако зоны концентрации разнокультурных памятников приобрели более определенные очертания – бондарихинские занимали преимущественно северные районы рассматриваемой территории, ББК – южные. Керамические комплексы и тех и других поликультурны, в связи с чем их культурная идентификация основывается, прежде всего, на сопоставлении удельного веса бондарихинской и ББК (в том числе и так называемой синкретической посуды). Памятники с преобладанием серий керамики ББК, которая в условиях деструкции степного варианта культуры и усилившегося влияния культур западной зоны общности КВК приобрела новые черты, формируют пространственное поле, вытянутое вдоль южных границ бондарихинского массива. Их картографирование показывает, что территория расселения племен ББК на этапе ББ2 значительно уменьшилась и приобрела вид узкой полосы, которая на западе опирается на Поднепровье (Лоцманская Каменка, Старая Игрень, Волковка, Леськи За, Зб, Самовица-остров-1) [Мізін, 1970, с.214–216; Ромашко, 1985, с.90–97; 2001, с.169–177; Куштан, 2003а, с.154–157; Куштан, Дєткін, 2000, с.69–86], далее на восток простирается по Приорелью (Бузовка, Залинейное, Осиповка, Гупаловка, Довбнів остров-3, Котовка-1, 1б, Кохановка, Краснополье) [Ромашко, 1982, с.54–58; 1983, с.54–60; 1995б, с.12–62; Беляев, 1977, с.40–48; 1980/№ 590; 1984, с.73–79; Телегин, Ковалева И.Ф., Беляев и др., 1970/41; Клименко, Цимбал, 1975, с.290; Беляев, Кравец, 1976, с.304; Ковалева И.Ф., 1963–1964/20; 1965/59; 1969/101; 1972, с.332–336] и далее на юго-восток – по течению Се-

верского Донца вплоть до его низовий (Дроновка, Рай-Стародубовка, Глубокое озеро-1, Орехово-Донецкое-4, Борькин ручей, Давыдово-Никольское) [Татаринов, 1980, с.280–283; Клименко, 1978/74а; 1981, с.255–256; Шаповалов, Клименко, Духин, 1978, с.399; Горбов, Усачук, 2001, с.15–45; Иваницкий, 2010, с.200–212; Пробейголова, 2008, с.243–244; 2009, с.126–132]. В физико-географическом отношении эта полоса соответствует южной части Среднего Поднепровья и Надпорожью, Предстепью и Донецкой интразональной лесостепи. Поселения с достаточно выраженными сериями керамики, сопоставимой с ББК, в северной части лесостепной зоны единичны (Ницаха, Веселое-1, Луговое) [Ковпаненко, 1967, с.22–31; Буйнов, Дьяченко, Шрамко Б.А., 1978, с.303–304; Михеев, Моруженко, Шрамко Б.А., 1975, с.324–325] (рис.3).

В плане понимания характера этнокультурных процессов в левобережной Лесостепи следует обратить внимание на концепцию Ю.В. Буйнова, согласно которой в генезисе ранней бондарихинской культуры принимали участие марьяновские, студенковские и позднесрубные [Буйнов, 2000, с.8] или постсрубные [Буйнов, 2009, с.9] компоненты. Вероятно, такой подход правомерен в отношении малобудковской культуры. В процессе ее формирования действительно могли принять участие позднейшие племена БМСК и часть племен раннего этапа ББК, которая, как следует из контекста настоящего исследования, сформировалась раньше малобудковской. Но судя по тому, что памятники ББК этапа ББ1 сосуществуют на одной территории с малобудковскими, продолжая линию самостоятельного развития, это участие, скорее всего, ограничивалось культурным влиянием, а не субстратным участием богуславско-белозерских племен в малобудковском культурогенезе. Продолжавшееся на протяжении этапа ББ1 параллельное развитие двух этнокультурных групп в конечном итоге завершилось их слиянием и возникновением нового образования – бондарихинской культуры. Этот процесс соотносится с концом этапа ББ1–началом этапа ББ2 (конец XI–начало X вв. до н. э.), или, по Ю.В. Буйнову – с рубежом первого и второго этапов бондарихинской культуры (середина XI в. до н. э.) [Буйнов, 1994, с.6–14; 1994, с.7–9].

Исходя из синкретизма материального комплекса бондарихинской культуры, ее генезис недостаточно объяснять только ассимиляцией богуславско-белозерских племен [Буйнов, 2009, с.14–15]. Речь должна идти и об этнокультурной интеграции и, возможно, межэтнической миксации. Этот вывод, кроме присутствия в материалах поселений второго этапа бондарихинской культуры выразительных серий керамики, формы которой не связаны с малобудковской гончарной традицией, подтверждают изменения в сфере религиозных и идеологических представлений бондарихинцев. Речь, в частности, идет о культовом комплексе, выявленном на бондарихинском поселении Родной Край. Он представлял собой неглубокую яму, в которой находились нижние челюсти и кости животных, сосуд тюльпановидной формы. Ю.В. Буйновым комплекс рассматривается как «закопанная жертва» [Буйнов, 2005, с.111, рис.4]. Расположение комплекса вне жилищ и доминирование среди костей животных нижних челюстей (см. Раздел 5) сближает его с жертвенниками типа 3 и особенно типа 4 срубной культуры и ББК. Известны они и в памятниках культур андроновского круга, о чем свидетельствует жертвенник из петровского жилища № 4 поселения Кулевичи-3 в Южном Зауралье [Виноградов, 1982, с.96]. Таким образом, жертвенный комплекс из поселения Родной Край, вероятнее всего фиксирует привнесение в среду бондарихинских племен новых идеологических представлений, характерных для интегрировавшихся с ними носителей традиций ББК. Влиянием ираноязычных племен заключительного этапа позднего бронзового века правомерно объяснять и появление подобных рассматриваемым культовых мест на поселениях приказанской культуры в Верхнем и Среднем Поволжье [Березанская, 1989, с.119].

Вне интеграционных процессов, приведших к сложению бондарихинской культуры, оказались южные племена лесостепного варианта ББК. При этом следует учесть, что значительная часть занятой ими территории, прежде всего днепровское Надпорожье и Предстепье, никогда не входили в зону бондарихинского культурогенеза, так как здесь отсутствуют марьяновские, студенокские и малобудковские памятники [Ромашко, 1983, с.57; 1995б, с.74]. Вместе с тем, есть основания утверждать, что не менее важной культурной составляющей сложения позднейшего горизонта ББК были племена ее степного варианта. Это положение подтверждается как

контекстом историко-культурных процессов конца бронзового—начала раннего железного веков в Евразии, так и конкретными археологическими материалами.

Формирование в среде общности КВК новых культурно-хозяйственных типов привело к возникновению «переломной» ситуации, приведшей к деструкции и трансформации этнокультурных образований последней трети II тыс. до н. э. Одно из проявлений этой ситуации определяется в литературе термином «запустение степей». Его содержание заключается в значительном уменьшении количества поселений заключительного этапа позднего бронзового века по сравнению с предшествующим сабашиновско-срубно-андроновским периодом.

Особый интерес в плане установления этнокультурной динамики племен ББК представляет исчезновение памятников степной ивановской культуры. Повторно, на рубеже бронзового и раннего железного веков, степи Поволжья заселяют носители культуры нурского типа. Ее памятники представлены преимущественно кратковременными стоянками, свидетельствующими о скотоводческом, подвижном, характере хозяйства оставившего их населения, ставшего основой сложения кочевнических культур киммерийско-савроматского (переходного) типа [Смирнов К.Ф., 1964, с.26–33; Агапов, Васильев, Кузьмина и др., 1983, с.28; Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993; Колев, 2000, с.257–260; 2008, с.226]. По мнению Н.К. Качаловой, присутствие в нурских комплексах немногочисленных образцов валиковой керамики, подобной хвалынской (ивановской), важно для определения времени первых и констатации доживания хвалынской культуры до раннего железного века. При этом какая либо генетическая связь между двумя культурами отрицается [Качалова, 1996, с.53–56].

Обращает на себя внимание то, что археологические материалы Левобережной Украины демонстрируют очень близкую поволжской направленность историко-культурного развития обитавших здесь в X в до. н. э. племен, что проявляется, прежде всего, в исчезновении стационарных поселений. Во всяком случае, у нас нет оснований для датирования известных к настоящему времени поселений степного варианта ББК временем более поздним, чем XII–XI вв. до н. э. (см. Раздел 3). Это не означает, что междуречье Днепра и Северского Донца, Приазовье и более восточные территории превращаются в абсолютно безлюдную пустыню. Этому противоречит присутст-

вие в восточноукраинских, донских, поволжских, прикубанских и казахстанских степях немногочисленных, но достаточно выразительных погребений позднейшего постсрубного и постандроновского времени [Смирнов К.Ф., 1959, с.234, рис.13, 2–3; 1960, с.176, 211–212, рис.4, 3–4; 15, 11–14; Отрощенко, Шевченко, 1987, с.141; Шарафутдинова Э.С., 1991. с.184–196; Потапов, 1998, с.61–63; 2010; Ромашко, 1999, с.119–138; Евдокимов В.В., Варфоломеев, 2002, с.43–54, рис.12–16; Колев, 2008, с.210–213]. Но то, что плотность населения на этих территориях и в контактном регионе общности КВК незначительная уже на этапе ББ1, на этапе ББ2 сокращается до минимума, сомнений не вызывает.

Вероятно, степные племена исчерпали демографический ресурс миграционного импульса, в результате которого произошло переселение большей их части в экологически более благоприятные физико-географические зоны, приуроченные к лесостепным и пограничным с ней северостепным районам, в том числе в Среднее Поднепровье, Предстепье, Донецкую интрозональную лесостепь. Отсутствие или немногочисленность синхронных погребальным памятникам поселений X в. до н. э. может свидетельствовать, что население, оставшееся в степной зоне на территории от Днепра на западе до южного Приуралья на востоке, уже в это время переходит к подвижному скотоводству и принимает участие в сложении раннекочевнических культурных образований раннего железного века.

Нами уже отмечалось, что в отличие от поселений лесостепного варианта ББК этапов прото-ББ и ББ1, которые в большинстве случаев устраивались на местах срубных селищ, продолжая их существование в новых историко-культурных реалиях, поселения этапа ББ2 обычно возникали в урочищах, свободных от поселений предшествующего времени. Многослойные поселения, содержащие срубные и богуславско-белозерские горизонты этапа ББ2 составляют всего 27 %. Вероятно, это наблюдение, как и концентрация богуславско-белозерских памятников X в. до н. э. вдоль пограничья Лесостепи и Степи (рис.3), подтверждает предположение о том, что они оставлены пришлым из степной зоны населением, которое смешалось с остатками племен лесостепного варианта ББК. Передвижение в южную и Донецкую интрозональную Лесостепь, вероятно, осуществлялось из примыкавших к ним районов север-

ной степи. В памятниках ББ2 региона известны только остатки построек центральноевразийской домовой формы I, представленной постройками типов 1–3, 5, доминирующих на территории ББК лесостепной и северостепной зон на этапах прото-ББ и ББ1. Постройки индо-переднеазиатской домовой формы II, характерные для южных (Приазовских) районов степного варианта, в позднейших памятниках ББК распространения не получают (рис.6; табл.Е.4; Е.5).

Керамические комплексы поселений ББ2 отражают существенные изменения в культуре богуславско-белозерских племен (табл.Е.11–14).

Одним из них является почти полное изживание наследия срубной культуры, что проявляется в том, что в памятниках этапа ББ2 нет архаических форм посуды типов II-Б1, II-БВ1, II-Г1 (аналоговая группа 1) с многоваликовой орнаментацией, характерной для БМСК и встречающейся в материалах прото-ББ и ББ1. Немногочисленна и посуда новационных форм, украшенная несколькими валиками. Она представлена горшком I-Г4 из жилища № 1 Бузовки, украшенного по плечикам и корпусу двумя горизонтальными валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями (рис.101, 1), корчагой типа КР3 из Орехово-Донецкого-4, на корпусе которой расположены четыре гладких горизонтальных валика (рис.109, 5).

Керамика аналоговой группы 2 с венчиками, имеющими бортики-закраины, на позднем этапе развития ББК выходит из употребления, как выходит из употребления и большая часть типов посуды аналоговой группы 3 – банки, банковидные сосуды, горшки типов I-Г1, I-Г2, II-Г1, II-Г2, III-Г1, III-Г2, КП (табл.Е.11–14). Единичные экземпляры банок и банковидных сосудов известны в Бузовке (рис.99, 1, 2) и Залинейном (рис.99, 3), Лоцманской Каменке (рис.99, 4, 5), небольшие серии – на поселениях Орехово-Донецкое-4 (рис.99, 6–13), Гупаловка [Беляев, 1984, с.74]. Многие из них отличаются от банок из комплексов прото-ББ и ББ1 большей тонкостенностью, плотностью черепка, тщательным заглаживанием поверхности, что сближает их с образцами столовой посуды. На поселении Лоцманская Каменка удельный вес банок равен 9 %, Залинейное – 9,9 %, Бузовка – 5,2 % (табл.Е.12).

В тоже время, сопоставление ряда керамических форм новационного раздела этапа ББ2 с посудой этапов прото-ББ и ББ1 демонстрирует их типологическую пре-

емственность, подтверждающую дальнейшее развитие богуславско-белозерских гончарных традиций на заключительном этапе существования культуры. Сказанное наглядно подтверждается относительно высоким процентным содержанием в сериях посуды поселений этапа ББ2 горшков I-Г3 (рис.100, 2, 7–10, 12, 28, 29; 101, 2, 7–9; 102, 1, 4, 6; 103, 4, 6; 104, 1–4, 6) и I-Г4 (рис.100, 1, 14, 13, 16, 18, 23, 27; 101, 6; 102, 2, 3, 11; 104, 13; 105, 7, 8; 106, 11), которые составляли основу керамических комплексов ББК предшествующих этапов. В комплексах прото-ББ он соответственно достигает 29–32,1 % и 10,6–13,6 %, в комплексах ББ1 – 10,4–25,5 % и 25,9–30,5 %, в комплексах ББ2 – 5,9–10,2 % и 20,4–22,7 % (табл.Е.13; Е.14).

Горшки типа I-Г7, представленные немногочисленными сериями и единичными экземплярами в горизонтах этапа ББ1 Богуслава-1, Таранцево, Ильичевка, Верхняя Тарасовка, Безыменное-2, Черниково озеро-2, Клешня-1 (рис.62, 11–15, 17; 64, 4; 74, 14, 18, 25; 91, 7; 95, 13–16), на этапе ББ2 становятся значимой составной частью керамических комплексов большинства поселений (рис. 100, 4–6, 15, 19–21, 24, 26; 101, 10, 14–16; 102, 10, 13; 103, 9, 13; 104, 10, 15, 17, 21; 105, 14, 15; 106, 3, 4, 7–10, 12, 13; 109, 18, 20, 22). Если в Богуславе-1 их удельный вес составляет 3,9 %, то в Бузовке – 12,8 %, в Залинейном – 13,3 %, в Старой Игрени – 17,6 %, в Лоцманской Каменке – 27,5 % (табл.Е.11; Е.13).

Новационным для этапа ББ2 можно считать горшки типа II-Г3, известные в Залинейном, Осиповке, Орехово-Донецком-4 (рис.103, 2, 5, 18). В марьяновских, студенокских, малобудковских памятниках такие формы отсутствуют. Не исключено, что их происхождение связано с богуславско-белозерской средой, о чем свидетельствуют находки близких по качественным признакам горшков в материалах этапа ББ1 Богуслава-1 (рис.81, 19, 20).

В меньшей степени преобладание культуры позднейших богуславско-белозерских племен от культуры более ранних этапов, прослеживается в типах столовой керамики (речь, в данном случае, не идет об орнаментации). Однако, несомненно, что представленные в памятниках ББ2 кубки типов К1 и К2 (рис.107, 2, 10), морфологически подобны известным в горизонтах прото-ББ и ББ1 (рис.43, 2, 3, 9; 56, 11; 84, 1–6, 10, 19; 96, 1, 12, 13, 17).

Отражением изменения историко-культурной ситуации финала позднего бронзового века в Восточной Европе, одним из проявлений которой стало исчезновение ББК и ивановской культуры степной зоны, является почти полное отсутствие на посуде памятников ББ2 восточных морфологических и орнаментальных элементов. Но сохранение некоторых традиций предшествующего времени фиксируют находки на поселениях Бузовка, Залинейное, Леськи-3а, 3б, Старая Игрень, Орехово-Донецкое-4 обломков горшков, валики которых расчленены косыми насечками (рис.102, 14–20, 23) – одним из наиболее обычных орнаментальных элементов керамики ББ1. Удельный вес горшков с расчлененными косыми насечками валиками достаточно велик – 20 % валиковой керамики Бузовки, 25 % Старой Игрени, 16,7 % Залинейного. Единственный экземпляр горшка с воротничковым оформлением венчика представлен в материалах Орехово-Донецкого-4 (рис.100, 28). Выразительными восточными орнаментальными элементами – горизонтальной «елочкой» и зигзагом – украшен один из горшков Лесек-3б (рис.105, 7).

Прекращение существования ивановской культуры и культуры степного варианта ББК обусловило то, что на формирование культуры позднейших богуславско-белозерских племен оказали влияние преимущественно два фактора. Первый – взаимоотношения с сопредельными белозерскими и раннечернолесскими племенами, второй – взаимоотношения с местными бондарихинскими племенами.

Белозерская культура в условиях деструкции культур восточной зоны общности КВК становится основным фактором историко-культурных процессов в степной зоне Восточной Европы. В отличие от районов контактной и восточной зон общности, в Северо-Западном Причерноморье и Нижнем Поднепровье не происходит столь резкого исчезновения культур заключительного этапа бронзового века. Во всяком случае, у большинства исследователей не вызывает сомнений, что белозерская культура доживает до конца X в. до н. э. [Отрощенко, 1981/№ 598; 1985, с.519–526; 2001, с.163–193; Смирнова, 1985, с.42–43; Ванчугов, 1990, с.112] или, по крайней мере, до середины X в. до н. э. [Агульников, 2005, с.77–91]. Белозерские племена дольше, чем носители ББК, ивановской, отрадненской культур, сохраняли основные культурообразующие характеристики и традиционный хозяйственный уклад, то есть дольше

имели возможность ведения комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, что обеспечило более плавный переход к кочевому скотоводству.

Тем не менее, характерные для других территорий восточноевропейских степей закономерности проявляются и здесь. Достаточно резкое уменьшение населения в степях Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья в белозерское время отмечают В.В. Отрощенко [Отрощенко, 1981, с.19], Я.П. Гершкович [Гершкович, 1993, с.13], В.Г. Кушнир [Кушнир, 1991, с.88], И.В. Бруяко [Бруяко, 2005, с.77] и другие исследователи. О характере процессов, приведших к относительному «запустению степей» в Северном Причерноморье свидетельствуют антропологические материалы, на основании которых установлено, что количество мужских белозерских погребений значительно уступает количеству женских, то есть уменьшение населения степной зоны происходило, прежде всего, за счет мужчин [Отрощенко, 1981, с.19]. Возможно, этот факт следует рассматривать именно в свете миграционных и колонизационных подвижек, основную роль в которых играла наиболее мобильная половозрастная группа степных сообществ. В качестве аргументации тезиса о миграционной активности белозерских племен целесообразно упомянуть также наблюдения В.А. Колотухина, которым отмечена обратно пропорциональная связь между количеством сабашиновских и белозерских поселений в степной зоне и лесостепном Горном Крыму. В Степи удельный вес белозерских поселений уменьшается, в Горном Крыму резко возрастает. По мнению автора, связанный с ухудшением климатических условий кризис земледельческо-скотоводческого хозяйства степного населения вынудил отдельные общины, не сумевшие перейти к кочевому скотоводству, мигрировать в горы [Колотухин, 1996, с.87]. И.В. Бруяко приходит к выводу о том, что население белозерской культуры к началу I тыс. до н. э. в связи с ухудшением природно-климатических условий покидает пределы Степи, переселившись на север, в Лесостепь, и на запад, за Дунай. Часть белозерских племен могла переселиться и в Крым, где приняла участие в сложении кизил-кобинской культуры. Аргументация исследователя, подтверждающая факт переселения носителей белозерской культуры на север, опирается на антропологические заключения С.Г. Ефимовой, отмечающей типологическое сходство «средиземноморских» черепов белозерских степных

могильников с краниологической серией лесостепных раннескифских погребений [Бруяко, 2005, с.77–79]. Продвижение белозерских племен в районы лесостепного Правобережья и Поднепровья отмечается В.В. Отрощенко, Д.П. Куштаном [Отрощенко, 2001, с.185; Куштан, 1996/36, с.17–19; 1998/74, с.11–12]. По мнению М.Н. Дараган, М.Т. Кашубы и С.Н. Разумова, именно в X в. до н. э. в Днепровской правобережной Лесостепи племена чернолесской культуры вдоль р. Тясмин возводят целую серию городищ. Возникновение этой оборонительной системы прямо связывается авторами с белозерской угрозой [Дараган, Кашуба, Разумов, 2010, с.92–93, 98, 120–12; Дараган, 2010, с.85–113].

Более продолжительное сохранение по сравнению с другими культурами общности КВК белозерского этнокультурного массива не могло не вызвать изменения широтного вектора культурного влияния с западного, как это наблюдалось на этапе ББ1, на восточный, что стало возможным прежде всего в результате археологически фиксируемой деструкции ББК и ивановской культуры и образования на их территориях демографической лакуны. На этапе ББ2 ее стали заполнять отдельные группы носителей белозерской культуры, смешиваясь с остатками местного населения.

Наличие среди погребальных памятников постсрубного времени степной зоны Левобережной Украины, Подонья и Поволжья не только захоронений, совершенных в восточной, но и в южной ориентации, предполагает заимствование этого обрядового признака у носителей белозерской культуры [Ромашко, 1999, с.119–138; Отрощенко, 2001, с.186]. Мало того, в Левобережной Украине известны и погребения, белозерская культурная принадлежность которых не вызывает сомнений. Например, к таковым нами отнесено погребение № 2 кургана 1 у с. Дубовики Днепропетровской обл. [Марина, Ромашко, Попков, 1998, с.18–20, 26, рис.1]. По мнению В.В. Отрощенко, исследование этого погребения и погребения на поселении Безыменное-2, наличие в Восточной Украине и Доно-Волжском междуречье погребений, сопровождаемых инвентарем белозерских типов, например бронзовыми кинжалами с параллельными лезвиями [Шарафутдинова Э.С., 1991, с.189; Лукьяшко, 1999, с.78, рис.65, 1–2],

позволяет поставить вопрос о выделении восточного локального варианта белозерской культуры [Отрощенко, 2001, с.182–183, 186].

В этой связи заметим, что культурная интерпретация безыменского погребения не столь однозначна [Горбов, Мимоход, 1999; Ромашко, 1999]. Недостаточно обоснованной представляется и сама постановка вопроса о белозерской культурной принадлежности большей части погребений заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины и более восточных территорий ввиду существенных отличий их погребальной обрядности от белозерской [Шарафутдинова Э.С., 1991, с.184–196; Потапов, 1998, с.61–63; 2001, с.225–226; 2010; Ромашко, 1999, с.119–138].

В тоже время, следует признать, что удельный вес погребений, ориентация которых приурочена к южному сектору, достаточно велик. По нашим подсчетам [Ромашко, 1999, с.122, 129–130, рис.1], такие погребения в Левобережной Украине составляли 35 % (14 % – юго-западная, 14 % – юго-восточная, 7 % – южная ориентация), в Подонье и Поволжье – 36 % (31 % – юго-восточная, 5 % – южная ориентация). Влияние белозерской культуры на культуру населения левобережной Лесостепи фиксируется и на материалах погребений бондарихинской культуры, совершенных по обряду ингумации скорченно на боку в южной ориентации. Ю.В. Буйновым их появление здесь прямо связывается с инфильтрацией носителей белозерской культуры в бондарихинскую среду [Буйнов, 2006б, с.64–65, рис.5].

В отношении культурной интерпретации погребений с южной ориентацией скелетов Поволжья заслуживает внимания точка зрения Ю.И. Колева. На материалах грунтового могильника Утевка-4 исследователь приходит к выводу о том, что для погребального обряда ивановской культуры одним из основных признаков выступает юго-восточная ориентация. Еще одним показателем ивановских погребений он считает скорченное положение скелетов, уложенных на правый бок [Колев, 2008, с.212, табл.2, 1–3]. Напомним, что в белозерской культуре удельный вес погребений на правом боку составляет не менее 48,4 % [Ванчугов, 1990, с.51]. Однако Ю.И. Колев связывает эти проявления ивановской погребальной обрядности не с влиянием белозерской культуры, а лесостепных сусканской и родственных ей черноозерско-томской и черкаскульской андронидных культур. Отмечается также практика захоро-

нения умерших на правом боку племенами атабаевской и саргаринско-алексеевской культур [Колев, 2008, с.212]. Аргументация исследователя, позволяющая объяснить распространение в погребальном обряде ивановских племен рассматриваемых признаков не только с позиций белозерского влияния, представляется достаточно обоснованной. Вместе с тем, она не исключает и правомерности положения о достаточно глубоком проникновении белозерского населения к востоку от Днепра [Отрощенко, Шевченко, 1987, с.131–144; Отрощенко, 2001, с.187]. В этом отношении показательны присутствие горшков с гладкими валиками на таких южных лесостепных бондарихинских памятниках, как Оскол и Бондариха [Ильинская, 1961, рис.3, 1, 2, 3, 7; Буйнов, 1981, с.12], керамики белозерской, кобяковской и бондарихинской культур (по определению А.Т. Синюка) в медеплавильном комплексе уроч. Терешковский Вал на Среднем Дону. По мнению А.Т. Синюка, комплекс отражает достаточно сложный путь продвижения на Дон населения из юго-западных районов в XII–X вв. до н. э. [Синюк, 1996, с.257–258]. В.В. Отрощенко прямо связывает памятник с белозерской культурой [Отрощенко, 2001, с.187].

Включение степного Левобережья Украины в зону влияния и расселения племен белозерской культуры не могло не отразиться и на культурном облике материального комплекса памятников ББК южных лесостепных районов и Предстепья. Например, обращает на себя внимание то, что по сравнению с предшествующими этапами в комплексах этапа ББ2 уменьшается удельный вес керамики с валиковой орнаментацией. Такая же закономерность характеризует белозерскую культуру Северо-Западного Причерноморья. На белозерских материалах это особенно ярко проявляется в памятниках ее позднего горизонта. В.П. Ванчугов подчеркивает, что на керамике таких поселений, как Комрат-1, Мирное-2, Ялпуг-4 валиковая орнаментация отсутствует вовсе. Со ссылкой на А.М. Лескова, который рассматривает процентное соотношение валиковой и безваликовой керамики в качестве хронологического признака [Лесков, 1971, с.85], исследователь разделяет белозерские памятники Северо-Западного Причерноморья на ранние и поздние [Ванчугов, 1990, с.85]. Показательно также то, что на многих богуславско-белозерских горшках этапа ББ2, как и на позднебелозерских, валик едва намечен и представляет собой оттянутое слаборель-

ефное утолщение (рис.101, 5, 6, 7, 10; 102, 2, 3, 7, 12, 16, 21). На посуде этапа ББ2 валик часто заменен имитирующим его рядом глубоких пальцевых вдавлений, наколами концом стержневидных орудий различного сечения, прочерченным зигзагом (рис.103, 1, 2, 4–14; 104, 1–5, 7, 10, 11, 13; 105, 7). Статистические подсчеты керамических серий из позднейших памятников ББК показывают, что удельный вес горшков с валиковой орнаментацией в них действительно относительно низок. Например, в Старой Игрени он равен 16,6 %, Бузовке – 15,3 %, Залинейном – 10 %, Лоцманской Каменке – 4,5 %,

Большая часть валиков представлена двумя разновидностями – гладкие (рис.102, 1–13, 21, 22) и расчлененные пальцевыми вдавлениями или оттисками, нанесенными концом овального в сечении стержня (рис.101, 1–13). О третьей разновидности валиков, расчлененных косыми насечками, упоминалось выше. В количественном отношении преобладают гладкие валики. Например, соотношение гладких и расчлененных пальцевыми вдавлениями валиков в валиковой посуде Залинейного распределяется как 50 к 33,3 %, Бузовки – как 60 к 20 %, Известны и исключения. На поселениях Лоцманская Каменка, Волковка присутствуют только гладкие валики. Горшки поселения Осиповка преимущественно украшены валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями. Более обычна посуда с таким оформлением валиков для поселений районов ББК, непосредственно примыкающих к территории белозерской и раннечернолесской культур – Среднего Поднепровья, Надпорожья, Предстепья, что вполне объяснимо ввиду того, что гладкие и расчлененные пальцевыми вдавлениями валики характерны именно для западной зоны общности КВК [Тереножкин, 1961, с.57, рис.30, 2–4; Черняков, 1985, рис.34, 2, 5, 8, 9, 15; Ванчугов, 1990, с.65, рис.17, 1–5; 18, 1, 2, 3, 4, 7; 26, 1; 27, 10; 31, 3; Оленковский, 2007, с.36 и др.]. Напомним, что в керамике этапа ББ1 посуда, украшенная гладкими валиками, по сравнению с расчлененными относительно немногочисленна. В сериях керамики из лесостепных памятников этого времени (Таранцево, Снежковка-7 и др.) известна только посуда с орнаментированными валиками [Берестнев, 1994, с.127–130; 1997, с.89]. Более обычны гладкие валики для комплексов ББ1 поселений степной зоны, прежде всего Нижнего Поднепровья, что также объясняется контактным с культурами западной

зоны общности КВК положением региона. Речь идет о таких памятниках, как Белозерский лиман-1, 2, Капуловка, Шолохово (рис.93, 1–8).

Обращает на себя внимание также присутствие в памятниках ББ2 (Бузовка, Залинейное, Лоцманская Каменка, Старое Можарово) морфологически подобных белозерским корчаг КР1 и кубков с цилиндрическим горлом КЗ (рис.107, 9, 14, 15, 18, 24, 26, 27), украшенных характерным для белозерской культуры [Ильинская, 1975, с.130, рис.14, 7, 9, 17; Ванчугов, 1990, с.71, рис.24, 3, 5; 26, 12, 17, 18; 28, 3, 7] прочерченным геометрическим орнаментом в виде одной-двух горизонтальных линий и расположенных под ними вписанных треугольников.

Не менее сложным представляется вопрос о вкладе в формирование ББК этапа ББ2 раннечернолесских племен. Как уже отмечалось в Разделе 1, положение об участии правобережного лесостепного населения в этнокультурных процессах финала бронзового–начала раннего железного веков Левобережной Украины имеет достаточно продолжительную историографическую традицию. Здесь еще раз напомним, что в последней трети XX в. сложилось мнение о переселении на заключительном этапе позднего бронзового века белогрудовско-раннечернолесских племен в Приорелье, Поворсклье и среднее течение Северского Донца [Беляев, 1977, с.47; Ромашко, 1978, с.70–71; 1982, с.57; 1995б, с.76; Гершкович, 1990, с.59]. Основным аргументом этого положения является наличие на ряде поселений этой территории столовой керамики, сопоставляемой в типологическом и культурном отношении с раннечернолесской. Такой подход, по крайней мере в отношении поселений финала бронзового века Приорелья, сохраняется до сих пор [Буйнов, 2005, с.246].

Предложенная нами классификация узоров на столовой посуде культур заключительного этапа позднего бронзового века лесостепной Украины основана на различиях в заполненности зон поверхности сосудов [Ромашко, 1998, с.79–95]. При определении критериев, позволяющих дифференцировать орнаменты, представляется правомерным использование типолого-хронологической схемы их динамики на белогрудовской и чернолесской посуде, принадлежащей А.И. Тереножкину [Тереножкин, 1961, с.78, 80] и В.А. Ильинской [Ильинская, 1975, с.130]. Она учитывает отличия в оформлении узоров горизонтального пояса под шейкой и на плечиках сосудов,

которые в большинстве случаев составляют основу композиции, вне зависимости от степени заполненности остальных зон. Орнаменты разделены на четыре группы. Группы А и Б представлены композициями, состоящими из двух частей, положение которых на корпусе соответствует горизонтальному поясу под шейкой сосуда и спускающихся на плечики треугольников или бахромы из косо поставленных линий. К группе А отнесены орнаменты, горизонтальный пояс которых состоит из одной-трех линий. К группе Б – орнаменты, горизонтальный пояс которых оформлен в виде широких, композиционно сложных фризов. Для композиций группы В характерна заполненность не только двух первых зон, но и третьей – шейки сосуда в верхней, привенчиковой, части. К группе Г отнесены орнаменты, представляющие собой один широкий горизонтальный пояс, расположенный под шейкой или на плечиках сосудов.

Сопоставление орнаментальных элементов и композиций керамики Левобережья с белогрудовской и раннечернолесской [Ромашко, 1998, с.79–95] позволяет определить его как зону формирования особых разновидностей орнаментации столовой посуды. Орнаментальные элементы из малобудковских и бондарихинских (вторая степень первого и второй этап по Ю.В. Буйнову) и ББК (этапы ББ1 и ББ2) памятников либо отсутствуют на Правобережье, либо совпадают с белогрудовско-раннечернолесскими лесостепного Правобережья не более, чем на 50 %. Причем их рассмотрение в контексте конкретных археологических памятников свидетельствует, что, являясь базовыми для орнаментов одной из двух культурных зон, достаточно редко встречаются в другой. Эта же закономерность проявляется и при сопоставлении малобудковской, бондарихинской и ББК керамики со степной белозерской.

Систематизация орнаментов столовой посуды двух зон украинской Лесостепи и учет новых материалов определяет несколько положений, корректирующих традиционные представления о историко-культурном развитии Левобережья в конце II тыс. до н. э.

Во-первых, узоры на столовой белогрудовско-раннечернолесской посуде отличаются «скромностью и простотой» оформления горизонтального пояса (одна или несколько горизонтальных линий), что неоднократно подчеркивалась еще А.И. Тереножкиным [Тереножкин, 1961, с.52, 79]. Орнаментация столовой посуды малобудков-

ской, бондарихинской культур и ББК этапов ББ1 и ББ2 значительно более вариабельна. Для нее характерно наличие сложных многоплановых композиций с использованием разнообразных орнаментальных элементов и дополнительных декоров в виде так называемой «бахромы». В белогрудовской культуре такие композиции отсутствуют, в раннечернолесской – единичны. То есть на посуде левобережных памятников доминируют композиции группы Б, В и Г (рис.51, 20, 21, 26; 84, 2, 4, 6–8, 15, 20, 23; 96, 1, 3, 6; 107, 1–6, 14, 15, 22, 23; 108, 1, 5 – 8, 10–12, 14, 15, 24, 26; 109, 3), на правобережной – группы А. Уже одно это ставит под сомнение не только возможность признания однокультурности образцов столовой посуды из правобережных и левобережных памятников заключительного этапа позднего бронзового века, но и ее заимствования населением левобережной Лесостепи из Правобережья.

Во-вторых, столовая керамика со сложными многоплановыми орнаментальными композициями, основу которых составляет широкий, богато и разнообразно украшенный пояс (группы Б, В, Г), появляется в левобережной Лесостепи в более ранних, чем раннечернолесские, комплексах. Она известна как в лесостепных, так и в степных памятниках ББК этапа ББ1, например в Богуславе-1 (рис.84, 2, 4, 6, 7), Таранцево (рис.84, 8), Ильичевке (рис.84, 23), Белозерском лимане-1 (рис.96, 1), Шолохово (рис.96, 3), Верхней Тарасовке (рис.96, 6). Показательна столовая посуда из Дибровы Б, сопровождаемая малобудковскими и ББК материалами (рис.84, 15) [Гершкович, 1998, с.75, рис.8, 3], и, особенно, серия столовой посуды из малобудковского поселения Зеленая Горница-4 (рис.51, 20, 21, 26) [Телиженко, Супрун, 2004, с.210, рис.11, 6, 7, 9]. Важным с точки зрения определения культурной среды, в которой происходило формирование системы орнаментации столовой керамики ББК, представляется присутствие посуды, украшенной близкими элементами и композициями не только в междуречье Днепра и Северского Донца, но и в более восточных районах. В этом отношении информативны материалы поселений Шиловское, Чижевское-4 в лесостепном Подонье [Екимов, Беседин, 1980, с.79–94; Екимов, 1986, с.124–133]. На них выявлены представительные серии горшков и кубков, украшенных типичными для культур заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины узорами – широкими, сложно оформленными поясами и расположенными под ними

треугольниками. Известны орнаменты групп Б и Г и на горшках из памятников общности КВК Поволжья и Казахстана [Черников, 1960, табл. LV, 3, 12, 13; Варфоломеев, 1988, рис.8, 2; Зданович Г.Б., 1988, рис.11, 2; 20, 6; Колев, Ластовский, Мамонтов, 1995, рис.23, 1, 3–5; 25, 14; Колев, 2000, рис.20, 4, 6; 21, 6; 23, 4; 27, 4; 28, 9; Евдокимов В.В., Варфоломеев, 2002, рис.17, 7]. Несомненная близость левобережным орнаментам и удаленность Подонья и, тем более Поволжья и Казахстана, от белогрудовско-раннечернолесского и белозерского ареалов делает проблематичной саму постановку вопроса о причастности племен Правобережной Украины к появлению подобных узоров на посуде этих памятников.

В-третьих, столовая керамика из ББ1 и малобудковских комплексов имеет определенные орнаментальные отличия. Сопоставление с ней посуды из поселений ББК этапа ББ2 показывает, что представленные в ее узорах элементы орнамента продолжают как постсрубные, так и малобудковские традиции. Показательны орнаменты корчаг и кубков из Бузовки, Гупаловки, Орехово-Донецкого-4 (рис.107, 5, 7, 15; 108, 5–8), украшенные сложными композициями группы В, в которых, также, как и на образцах из Дибровы Б и Зеленой Горницы-4, орнаментированы не только плечики, но и шейка.

Наконец, в-четвертых. Посуда с геометрическим орнаментом, основная композиционная идея которого заключается в помещении в основании шейки и на плечиках горизонтальной полосы с расположенными ниже направленными вершинами вниз треугольниками, является таким же историко-культурным явлением, как, например, валиковая или «жемчужная» керамика. Она представлена в культурах заключительного этапа позднего бронзового века огромной территории – от Подунавья и Прикарпатья на западе до Волго-Уралья на востоке. Известные на столовой и кухонной керамике белозерской, белогрудовской, раннечернолесской, малобудковской, бондарихинской, кобяковской, ивановской культур и культур прочерченного гальштата орнаментальные композиции достаточно специфичны. Они отличаются особенностями используемых в них орнаментальных элементов и их сочетаний, техникой нанесения узоров. Наличие этих особенностей вполне объяснимо с позиций разной генетической основы упомянутых культур и присущих им гончарных традиций. Из выше-

изложенного следует, что представление о Правобережье как центре, откуда столовая керамика со сложными геометрическими орнаментами распространилась в культурах заключительного этапа позднего бронзового века Северного Причерноморья и, в том числе Левобережной Украины, по нашему мнению, не находит подтверждения.

В керамических комплексах ББ2 присутствуют обломки посуды, украшенной еще одним орнаментальным элементом, характерным для чернолесской культуры – сквозными проколами под венчиком. В частности, такая керамика известна в Бузовке (рис.99, 3), Орехово-Донецком-4 (рис.105, 13). Вероятно, ее присутствие в памятниках ББК может рассматриваться как проявление чернолесского культурного влияния, а не как свидетельство миграции на Левобережье правобережного населения. Показательно, что к такому же выводу приходит Ю.В. Буйнов при анализе позднебондарихинской керамики, украшенной сквозными проколами [Буйнов, 2005, с.246–255].

На уровне этнокультурных реконструкций все вышесказанное означает, что длительное время доминировавшая в историографии концепция экспансии белогрудовских и раннечернолесских племен в восточные районы Украины остается без основного и главного аргумента, который заключается в культурном отождествлении столовой керамики заключительного этапа позднего бронзового века Правобережья и Левобережья. Вероятно, правы исследователи [Шрамко Б.А., 1983, с.24; Моруженко, 1989, с.33–52; Буйнов, 2005, с.246–255; 2006, с.40–48], относящие широкое расселение здесь правобережных племен к жаботинскому времени.

Скорее всего, непосредственные контакты белогрудовско-раннечернолесских племен с богуславско-белозерскими этапами ББ1, ББ2, малобудковскими и бондарихинскими ограничивались Средним Поднепровьем, где представлены поселения, содержащие выразительные серии керамики всех трех этнокультурных образований [Куштан, 2007/№ 864; Гершкович, 2007, с.59]. Похоже, что Днепр действительно в XII–X вв. до н. э. служил стабильным рубежом, разделяющим западную и восточную части украинской Лесостепи. Во всяком случае, на правобережных памятниках известны только единичные находки малобудковской и бондарихинской керамики [Тереножкин, 1961, с.63; Гершкович, 2007, с.59]. В свете новых подходов к культурно-хронологической интерпретации памятников Предстепья следует признать и

отсутствие в Левобережье раннечернолесских поселений. Напомним, что речь идет о группе памятников Приорелья, рассматриваемых в историографии 1970–1990-х гг. как белогородовские и чернолесские [Беляев, 1977, с.40–48; 1980/№ 590; 1981, с.67–70; Ромашко, 1978, с.70–77; 1982, с.54–59; 1983, с.54–60; 1984, с.106–110; 1990/№ 697; 1995б; Березанская, 1982, с.200; Буйнов, 2005, с.246–254].

О контактах населения лесостепного Левобережья с гальштатскими племенами могут свидетельствовать немногочисленные, но достаточно выразительные материалы.

На поселении Залинейное найдены фрагменты чернолощеного сосуда, обработанного термохимическим способом. Их внутренняя поверхность имела кирпично-красный цвет, характерный для гальштатской керамики. С.С. Березанская отмечает, что такая посуда получает распространение в Правобережье в результате влияния культур Карпато-Дунайского бассейна [Березанская, 1982, с.141, 143]. В качестве гальштатского импорта, вероятно, следует рассматривать орнаментированную ручку черпака из этого же памятника (рис.107, 13), аналоги которым, например, присутствуют в Магале [Смирнова, 1976, рис.5, 1–4].

Еще более интересны обломок миски с лепестковидными краями (рис.126, 7) и ритуальная урна (рис.126, 8), происходящие из погребения № 1 могильника Залинейное. Миски и другие разновидности посуды с лепестковидно оформленными краями являются ярким проявлением раннегальштатских культур [Смирнова, 1965, с.104–118; 1976а, с.32, 129; Крушельницка, 1985, с.40–59]. Сосуд-урна – один из немногих примеров изготовления специальной погребальной посуды в культурах лесостепной Украины позднего бронзового века. Подобный сосуд, также изготовленный из гумусированного грунта, известен в бондарихинском могильнике у с. Тымченки [Буйнов, 1977, с.210]. Обычно малобудковские, бондарихинские, сосницкие, лебедовские, белогородовские, богуславско-белозерские трупосожжения сопровождалась керамикой бытового назначения. Использование специальных урн – одна из характерных черт европейских культур полей погребений. Помещение пепла сожженных умерших в урны – явление, охватывающее культуры огромной территории. С IV периода бронзы (по Т. Малиновскому), соответствующему 1100–900 гг. до н. э. этот

обряд становится господствующим в Европе. Культуры полей погребений в различных вариантах занимают территорию от Карпатской котловины до Британских островов и Пиренейского полуострова [Монгайт, 1974, с.70; Никитина, 1974, с.5–33]. Распространение урновых погребений в лесостепной Украине, расширяет область, охваченную культурами с близкими чертами погребального обряда далеко на восток, включая левобережную Лесостепь. Однако ставить в прямую связь с культурами полей погребальных урн появление урновых трупосожжений в бондарихинской культуре и ББК нет оснований. Следует учесть, что они известны здесь раньше, чем сформировалась сама общность европейских культур погребальных урн. В частности, урновые погребения присутствуют в срубных памятниках XV–XIII вв. до н. э. – грунтовых могильниках у с. Червоный Шлях [Буйнов, 1992, с.91–92], Компанийцы [Махно, Шарафутдинова И.Н., 1972, с.76, рис.3, 7, 8], в кургане у с. Сухая Гомольша [Буйнов, Михеев, 1989, с.87–95]. Однако погребение № 1 могильника Залинейное отличается от других трупосожжений ББК, а также от погребений бондарихинской культуры выраженными гальштатскими чертами. Мало того, подобные комплексы отсутствуют в территориально более близких гальштатскому миру белогрудовско-раннечернолесских памятниках Правобережья.

Это погребение, а также присутствие в материалах поселения Залинейное образцов керамики, подобной керамике культур фракийского гальштата, позволяет предположить проникновение в Левобережье какой-то группы их носителей, которая ввиду малочисленности не оказала существенного влияния на этнокультурную обстановку в регионе. Это предположение вполне согласуется с наблюдениями исследователей, связывающих изменения в культуре правобережной Лесостепи в конце бронзового и начале раннего железного веков с влиянием культур фракийского гальштата [Мелюкова, 1979, с.72–88; Березанская, 1982, с.200–201]. Я.П. Гершковичем [Гершкович, 2007, с.58–60] отмечено сочетание в чернолесском комплексе позднего бронзового века Суботовского городища (Суботов II) белогрудовских и карпато-дунайских элементов каннелированного и прочерченного гальштата при преобладании последних. С.С. Березанская прямо связывает эти изменения с проникновением в Правобережье фракийских племен [Березанская, 1982, с.200–201]. Вероятно, в этом

контексте Среднее Приорелье правомерно рассматривать как крайний рубеж восточного продвижения фракийских племен. Это положение подтверждается также тем, что, начиная с конца XII–XI вв. до н. э., интенсивное гальштатское влияние прослеживается не только на материалах правобережной Лесостепи, но и Северо-Западного Причерноморья. Причем распространение в белозерской среде грубой и лощеной посуды «фракоидного облика» и погребений с трупосожжениями непосредственно связывается с восточным продвижением фракийских этнических элементов [Ванчугов, 1990, с.138].

В отношении бондарихинского компонента в ББК этапа ББ2 акцентируем внимание на нескольких моментах.

Как уже отмечалось, памятники ББ2, в материальном комплексе которых представлена синкретическая керамика, сконцентрированы в Надпорожье, южном лесостепном Поднепровье, Предстепье, Донецкой интрозональной лесостепи. В основном это стандартные для ББК горшки I-Г3, I-Г4 и более характерные для этапа ББ2 горшки I-Г7, украшенные одним-двумя рядами наколов концом щепки или стержней различной конфигурации, двойными защипами-«бантиками» (рис.102, 13; 104, 7, 10, 17, 18; 106, 3–10, 12) – орнаментальными элементами, наиболее показательными для бондарихинской культуры. На материалах поселений Бондариха и Оскол сосуда рассматриваемых типов с подобной или валиковой орнаментацией отнесены В.А. Ильинской ко второй форме бондарихинских горшков [Ильинская, 1961, с.29, рис.1, 2; 2, 7, 10, 11, 13, 19; 3, 1–3, 5, 6, 11–13]. Учитывая пограничное по отношению к территории ББК положение этих эталонных бондарихинских памятников, присутствие в их комплексах серий синкретической посуды вполне объяснимо.

Из группы синкретической керамики следует исключить горшки, украшенные оттисками ногтя или скользящими пальцево-ногтевыми вдавлениями, образующими с одной из сторон наплывы глины (рис.103, 1–4, 6–17; 104, 1–6; 8, 9). Происхождение этих новаций в керамике ББ2 остается неясным, так как подобная орнаментация неизвестна ни в керамике предшествующих этапов ББК, ни в малобудковской и бондарихинской.

Рассматриваемая керамика ББК с элементами орнаментации, сходными с бондарихинскими, включена нами в аналоговую группу 6. Ее процентное содержание в керамических комплексах ББ2 Надпорожья и Предстепья прямо зависит от удаленности памятника от этнокультурной зоны Лесостепи, занятой памятниками бондарихинской культуры. Так на поселениях Лоцманская Каменка и Старая Игрень в Надпорожье, ее удельный вес соответственно равен 9,1 и 11,8 %, на поселениях Залинейное и Бузовка в Среднем Присамарье – 13,3 и 25,4 %, в керамике могильника Залинейное – 28,6 % (табл.Е.13).

Собственно бондарихинская керамика со специфическими морфологическими и орнаментальными характеристиками представлена относительно небольшой в количественном отношении группой. Наиболее показательны орнаментированные рядами оттисков щепки широкооткрытые горшки с прямыми стенками, слабо обозначенной шейкой, резким перегибом на середине высоты корпуса и пропорционально небольшим дном из Бузовки и Залинейного (рис.106, 1, 2), Борькиного ручья [Иваницкий, 2010, рис.3, 1, 2] и др. В.А. Ильинской они отнесены к первой форме сосудов бондарихинской посуды [Ильинская, 1961, с.27, рис.1. 1, 5, 7, 9, 13]. Присутствуют в комплексах ББ2 и иные типы посуды [Ильинская, 1961, рис.1, 12, 15], широко распространенные в бондарихинской культуре, например горшки с расширенным на середине высоты корпусом биконических очертаний [Ромашко, 1995б, рис.10, 12; Иваницкий, 2010, рис.7, 2].

Количественные характеристики бондарихинской керамики на памятниках западной части территории ББ2 подчинены уже отмеченной закономерности. В надпорожских памятниках она отсутствует, в керамике поселений Среднего Приорелья (Бузовка и Залинейное) составляет 7,7 и 13,4 % (табл.Е.13). В северскодонецких ее удельный вес еще значительнее. Северскодонецкие памятники отличаются также несколько большим типологическим и орнаментальным разнообразием бондарихинской керамики, что объяснимо как с позиций раннего освоения Донецкой интрозональной лесостепи малобудковскими племенами, так и территориальной близостью Среднего Подонцовья основному бондарихинскому массиву.

На имеющихся материалах прекращение существования ББК надежно соотносится с концом X в. до н. э. На большинстве достаточно полно исследованных поселениях ББ2 Предстепья и Донецкой интрозональной лесостепи (Бузовка, Залинейное, Осиповка, Орехово-Донецкое-4) фиксируются следы пожаров, что может свидетельствовать об их захвате и разрушении в результате военных нападений. Особый интерес представляют находки в площади сожженных жилищ Бузовки и Залинейного бронзовых наконечников стрел типа 2 (рис.113, 19, 20), причем наконечник из Бузовки застрял в куске обгоревшего дерева, вероятно, остатке опорного столба жилища. Эта находка рассматривается нами и другими исследователями именно в контексте гибели поселения в результате вражеского нападения [Ромашко, 1982, с.56; 1995б, с.20, 69; Клочко, 2006, с.255].

Вопрос о культурной принадлежности племен, разрушивших позднейшие поселения ББК, остается открытым. В свое время нами высказывалось предположение, что это могли быть позднебелозерские или киммерийские племена [Ромашко, 1995б, с.80]. В.И. Клочко рассматривает находки в Бузовке и Залинейном центральноевропейских наконечников как свидетельство экспансии носителей чернолесской культуры, которая, фактически, была продолжением экспансии западных лужицко-белогрудовских племен на восток [Клочко, 2006, с.255; 2011, с.72]. Учитывая пограничное со Степью положение территории памятников ББ2 и установленный на археологических материалах факт продвижения поздних белозерцев в опустевшие после ухода носителей ББК и ивановской культуры степные районы Приазовья, Подонья и Поволжья, представляется правомерным связать гибель поселений ББК в X в. до н. э. с белозерскими племенами. Это положение подтверждается тем, что втульчатые наконечники стрел с треугольной головкой известны не только в центральноевропейских и юго-восточноевропейских памятниках конца бронзового века [Ванчугов, 1990, с.92, 112–114; Березанська, Клочко, 2011, с., рис.69, 2; Müller-Karpe, 1959, abb.15; Kostrzewski, Chmielewski, Tazdzewski, 1965, s.149, fig.6, 9–11; Patek, 1968, p.78–80, t.XXXV, 1–3; XVIII, 6; Petrescu-Dimbowita, 1977, s.108–112, pl.165, 3–5; 202, 8–14; 251, 19], но и в белозерских, например, в погребении № 3 кургана 3 Васильевского могильника в Одесской обл., у с. Златополь Запорожской

обл. и в Херсонской обл. [Ванчугов, 1990, с.91–92, рис.35, 3; Клочко, 2006, с.205, рис.96, 2, 3]. Обращает на себя внимание и то, что бронзовые втульчатые наконечники стрел с треугольной головкой и опущенными вниз концами лопастей в Северном Причерноморье известны еще в сабастиновских комплексах (хозяйственная яма поселения Суворово-6). В сабастиновских поселениях Слободка и Суворово-6 присутствуют также литейные формы для отливки подобных наконечников, отличающихся черешковым оформлением насада [Черняков, Ванчугов, Кушнир, 1986, с.48, 51, рис.3, 16; Ванчугов, Субботин, 1989, с.54–65, рис.3, 6; Ванчугов, 1990, с.92–93, рис.34, 1, 2; Ванчугов, Черняков, 1991, с.24–37], что свидетельствует о достаточно давней традиции их использования белозерским населением Северо-Западного Причерноморья.

В контексте вопроса целесообразно отметить позицию Д.П. Куштана, связывающего гибель поселений заключительного этапа позднего бронзового века Среднего Поднепровья именно с белозерскими племенами [Куштан, 2007/№ 864]. М.Н. Дараган, М.Т. Кашуба, С.Н. Разумов, также рассматривают разрушение памятников времени нижнего горизонта Суботова в Приорелье в русле взаимоотношений с белозерской культурой. При этом совершенно справедливо отмечается, что металлические наконечники, аналогичные найденным в Приорелье, в Северном Причерноморье наиболее типичны для белозерской культуры. По мнению исследователей, в XI в. до н. э. юго-восточноевропейский импульс и дальнейшее развитие белозерского общества, выразившееся в выделении в его среде социальной верхушки, способствовали усилению военной активности населения, особенно на границах традиционных территорий проживания – в результате чего могли быть совершены отдельные походы в Лесостепь к северу и востоку, что и привело к сожжению поселений местных культур (нижний горизонт Суботова, Большая Андрусовка, Бузовка, Залинейное) [Дараган, Кашуба, Разумов, 2010, с.119–121]. Нами разрушение этих памятников отнесено к X в. до н. э. Представляется, что в событиях, связанных с гибелью пограничных и южных лесостепных поселений, особенно приорельских, могли принимать участие и остатки степного населения ББК, которое

к этому времени смешалось с продвинувшимися в Днепро-Северскодонецкие степи белозерскими группами.

На этом заканчивается 350-летняя история ираноязычных племен ББК. Часть потомков носителей этой культуры, отойдя в глубинные лесостепные районы, вероятно, была поглощена бондарихинцами, с которыми на тот момент они уже были достаточно близки по хозяйственному укладу, некоторым особенностям материальной и духовной культуры. Другая часть – остатки степного населения ББК – вместе с продвинувшимися в левобережную Степь белозерцами, приняли участие в формировании племен черногоровской группы киммерийской культуры. Представляется, что только с этих позиций можно объяснить сохранение в черногоровской среде ведущих черт срубной и богуславско-белозерской погребальной обрядности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертация является попыткой обобщения материалов заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины и создания концепции этнокультурного развития постсрубных племен в контексте взаимодействия поликультурного и полиэтничного населения контактного региона общности КВК. Содержащиеся в ней положения являются отражением современного состояния источниковой базы и уровня разработанности проблем позднего бронзового века Восточной Европы.

В рамках предлагаемой концепции памятники заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины выделены в особую богуславско-белозерскую археологическую культуру (ББК). Такой подход правомерен в контексте современных тенденций, констатирующих культурное своеобразие отдельных территорий постсрубного мира, что нашло выражение в выделении ивановской культуры для степного Поволжья [Колев, 2000; 2008], отрадненской для Нижнего Подонья [Потапов, 2010]. Отличия в топографии и планировке поселений, домостроительстве, особенностях керамических комплексов из памятников ББК разных территорий обусловили необходимость их разделения на два локальных варианта – лесостепной и степной.

Деструкция БМСК и, одновременно, сложение ББК происходит в хронологических рамках, соответствующих началу формирования заключительного культурно-хронологического горизонта бронзового века Евразии. На имеющихся материалах представляется возможным разделение ББК Украины на три этапа. Ранний этап датируется второй половиной XIII–началом XII в. до н. э., средний – XII–XI вв. до н. э. и поздний – X в. до н. э. (соответственно этапы прото-ББ, ББ1, ББ2). Периодизация обоснована стратиграфией поселений, морфологическими и орнаментальными характеристиками керамических комплексов, сериями изделий из бронзы, кости и иных материалов, служащими хроноиндикаторами для культур заключительного этапа позднего бронзового века Евразии.

Присутствие в комплексах этапов прото-ББ и ББ1 срубной керамики архаических групп 1–3 свидетельствует о достаточно длительном процессе ее вытеснения постсрубными новационными керамическими формами и генетической преемственности между двумя последовательными культурами Левобережной Украины второй половины II тыс. до н. э. – БМСК и ББК. В контексте вопроса о генетических корнях ББК немаловажным представляется то, что поселения последней, особенно ранние, расположены в урочищах, в которых ранее существовали поселки БМСК. Сопоставление топографических условий срубных и богуславско-белозерских поселений показывает их подчиненность общим закономерностям, обусловленным преемственностью форм хозяйственной деятельности, ведущая роль в которой принадлежала скотоводству. Основными характеристиками последнего являются экстенсивность, подвижность и сезонный характер перегонов и отгонов (скотоводство первого варианта по Е.П. Бунятян). В срубной культуре и ББК лесостепного варианта тождественны принципы планировки и домостроительства, в котором доминируют одинаковые по экстерьеру постройки центральноевразийского типа. Совпадают границы домовых ландшафтов и ландшафтов домовых форм. Такая же преемственность характерна для ББК степного варианта, в котором получают распространение поселки типа кучевой деревни, разделяющиеся на отдельные многокамерные и блокирующиеся хозяйственно-жилые комплексы индо-переднеазиатского типа. Сопоставимы религиозно-обрядовые традиции срубных и богуславско-белозерских племен, что нашло проявление в совпадении стандартов устройства культовых мест в местах их стационарного обитания. По формально-типологическим характеристикам они сопоставимы с культовыми сооружениями индоариев и иранцев ведийского, дозораострийского, раннезороострийского времени и других древних индоевропейских этносов.

Вместе с тем основное культурное содержание процесса формирования ББК заключается в распространении в среде потомков носителей БМСК новых, отличных от срубных культуuroобразующих черт, которые и определяют принадлежность новообразования кругу общности КВК.

Одной из таких черт является появление в культурно-хронологических горизонтах этапа прото-ББ выразительных серий керамики новационного раздела (группы 4–6) – горшков, орнаментированных валиками, расположенными в основании шейки или на плечиках, позитивными и негативными «жемчужинами», системными расчесами, а также столовой керамики (кубков, корчаг, мисок, черпаков). Культурный облик постсрубных памятников этапов ББ1 и ББ2 уже полностью определяется новационными типами керамики.

Не менее значимым маркером постсрубного культурного новообразования заключительного этапа позднего бронзового века Левобережной Украины выступает представленный в его памятниках и территории их распространения набор бронзовых изделий, сопоставимых с кругом изделий позднелобойковских и завадовских типов. Этап прото-ББ характеризуется также присутствием металла поздних ингуло-красномаяцких типов, а этапы ББ1 и ББ2 – кардашинских и центральноевропейских. На территории ББК известна и продукция литейщиков восточной зоны общности КВК.

Еще одной чертой ББК, отличающей ее от срубной культуры, выступает присутствие в комплексах первой специфичных для культур заключительного этапа позднего бронзового века, в том числе общности КВК, изделий из кости, рога, камня. Речь идет о пестах-скипетрах, некоторых предметах вооружения, предметах конской упряжи, например наноснике типа Брилево-Старая Игрень, псалях типов Мориген, Сускан I, Скельки, Циокловина-Хохле, Деревка и др.

Серьезные изменения по сравнению со срубной культурой претерпела погребальная обрядность племен ББК, что нашло проявление в распространении в их среде обряда трупосожжения (урновые, безурново-урновые, безурновые), захоронении черепов и отдельных частей скелетов. Однако часть носителей ББК сохранила погребальные нормы БМСК, продолжая хоронить умерших по обряду ингумации скорченно в восточной ориентации.

На этапе прото-ББ постсрубные племена левобережной Лесостепи и Степи представляли собой относительно однородный в этнокультурном отношении массив, в культуре которого сочетались архаические срубные и новационные,

культурообразующие для общности КВК, черты материального комплекса. Этап характеризуется тесными культурными связями носителей ранней ББК с позднесабатиновскими племенами, что может рассматриваться как продолжение общесеверопричерноморской традиции, восходящей к сабатиновской и срубной культурам, генетической основой формирования которых, в свою очередь, выступает КМК. На этапе ББ1 богуславско-белозерские племена испытали мощный импульс со стороны восточных племен, что нашло отражение в появлении в их материальной культуре черт, характерных для культур восточной зоны общности КВК. Однако это не изменило основополагающих характеристик ББК. Меньшее влияние на культуру племен этапа ББ1 оказал еще один фактор – миграция в украинскую Лесостепь из Волго-Камья приказанского (башимско-карташихинского и атабаевского этапов) и маклашеевского населения, результатом чего стало сложение памятников студенокского типа, и, при участии марьяновских племен, малобудковской культуры. Две различные по происхождению и культуре группы населения (малобудковская и студенокская с одной стороны, и богуславско-белозерская с другой) сосуществуют на одной территории, часто в соседних поселках или даже в рамках одних поселений, возможность чего, вероятно, была обусловлена разными эколого-экономическими нишами, занимаемыми ими. Особенностью межэтнических взаимоотношений между этими группами населения Левобережной Украины этапа ББ1 является то, что при столь тесных контактах они продолжили относительно самостоятельное историко-культурное развитие, что нашло проявление в стойком сохранении культурных характеристик керамических комплексов и почти полном отсутствии в них синкретических форм. Интенсивными культурные взаимовлияния становятся только с середины или конца XI в. до н. э., что связано с деструкцией ББК и постсрубных культурных образований восточной зоны общности КВК, обусловленной климатическими изменениями и последовавшим за ними кризисом хозяйственного уклада. В новых этнокультурных и экономических условиях значительная часть племен лесостепного варианта ББК вынуждена заимствовать у малобудковцев традиционные для них формы земледельческо-скотоводческого хозяйства, что неминуемо

привело к этнокультурной интеграции и, возможно, межэтнической миксации двух групп населения. На археологических материалах эти процессы проявились в возникновении нового культурного феномена заключительного этапа позднего бронзового века – бондарихинской культуры. Вне интеграционных процессов остались только носители лесостепного варианта ББК этапа ББ2 пограничных между левобережной Степью и Лесостепью районов, смешавшиеся с переселившимися туда группами степных богуславско-белозерских племен. На рубеже бронзового–раннего железного веков земледельческо-скотоводческие поселения ББК прекращают существование в результате экспансии белозерского и остатков степного богуславско-белозерского населения. Последние, вместе с продвинувшимися в левобережную Степь белозерцами, приняли участие в формировании черногоровской группы памятников киммерийской культуры.

Этнокультурные и историко-культурные аспекты проблематики позволяют констатировать, что в Левобережной Украине на протяжении второй половины XIII–X вв. до н. э. имели место процессы сложного взаимодействия нескольких археологических культур – богуславско-белозерской, малобудковской, студенокской, бондарихинской, позднесабатиновской, белозерской, белорудовской, раннего гальштата и культур восточной зоны общности КВК. Базовыми культурами, носители которых составляли основное население контактного региона, являлись ББК лесостепного и степного вариантов, малобудковская, студенокская и бондарихинская.

Вопрос об этнолингвистической принадлежности племен ББК решается в контексте представлений о племенах срубной культуры. Согласно утвердившимся в историографии определениям, последние были носителями языка или языков, на основе которых впоследствии сформировались языки североиранской группы восточной ветви индоевропейской языковой семьи. Как показывает краткий историографический обзор проблемы, проведенный Е.Ю. Захаровой [Захарова, 1994, с.19–23], это положение нашло должное обоснование в работах археологов [Артамонов, 1950; Тереножкин, 1976, с.20; Смирнов К.Ф., Кузьмина, 1977; Березанская, 1982, с.208–209; Чередниченко, 1986, с.79; Кузьмина, 1994, с.127,

216; 2008, с.322–329; Отрощенко, 2002/№ 818; 2003, с.68–96; 2005, с.222–225 и др.], антропологов [Дебец, 1948], лингвистов [Горнунг, 1963, с.79; Турчанинов, 1971; Абаев, 1981; Трубачев, 1981; Гамкрелидзе, Иванов В.В., 1984], востоковедов [Гусева, 1977; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983]. Отметим, что такой подход к этнолингвистической характеристике срубных племен не является единственно возможным. Ряд исследователей соотносит время появления в Северном Причерноморье ираноязычных племен с приходом сюда в VII в. до н. э. скифов [Седов, 1965, с.52–62; Іллінська, 1966, с.58–91; Медведев, 2000, с.35–39]. А.П. Медведев в качестве одного из контраргументов мнению об ираноязычности срубников отмечает наличие значительного хронологического разрыва между срубной и скифской культурой. В степной Украине он заполнен черноголовскими и новочеркасскими памятниками, в лесостепном днепровском Левобережье и Подонье – бондарихинскими, в Поволжье – нурскими [Медведев, 2000, с.35–39]. Современное состояние источниковой базы показывает, что хронологическая лакуна между срубной и скифской культурами в значительной степени заполняется культурными образованиями постсрубного времени. В частности, ББК доживает до раннего железного века, то есть до формирования киммерийской культуры, ираноязычность носителей которой сомнений не вызывает [Тереножкин, 1976, с.20]. Согласно мнению многих исследователей, иранизация Левобережной Украины, а затем и всего Северного Причерноморья, хронологически совпадает с серединой II тыс. до н. э. – временем становления здесь срубной культуры, которая, как и большинство синхронных и более поздних культур общности КВК, связывается с древнейшими ираноязычными народами [Черных Е.Н., 1983, с.81–99; Ванчугов, 1990, с.139]. Е.Е. Кузьминой окончательное утверждение в степной зоне Евразии различных восточно-иранских диалектов соотносится именно со временем формирования в XIII–IX вв. до н. э. вариантов гомогенной культуры – КВК [Кузьмина, 2008, с.326].

В историографии вопроса об этнической принадлежности малобудковских и бондарихинских племен представлены две точки зрения.

Согласно одной из них, племена бондарихинской культуры являлись носителями языков балтской группы центральной ветви индоевропейской языковой семьи. Она основывается прежде всего на признании балтской принадлежности юхновских племен, за которым автоматически следует признание этнолингвистической близости генетически связанных с ними бондарихинских [Артамонов, 1972, с.64; Рыбаков, 1979, с.162–164; Буйнов, 2004, с.145–158; 2006, с.66; Каравайко, 2007, с.12–14; Gimbutas, 1965, p.440–441]. Однако большинством исследователей этнолингвистическая принадлежность бондарихинцев рассматривается как прафинно-угорская, на основе которой позже сложились языки финно-угорской группы уральской языковой семьи. Во всяком случае, не вызывает сомнений отнесение к прафинно-угорскому пласту маклашеевской, приказанской (башимско-карташихинского и атабаевского этапов), черкаскульской, межовской культур, принявших участие в сложении студенокской, малобудковской и бондарихинской культур в украинской левобережной Лесостепи [Ильинская, 1961, с.44; Буйнов, 1981/№ 600; Березанская, 1982, с.203–206; Воловик, 1991, с.28–30; Отрощенко, 2003, с.84].

Носители остальных культур заключительного этапа позднего бронзового века, прежде всего позднесабатиновской и белозерской, белорудовско-раннечернолесской, каннелированного и прочерченного гальштата, в той или иной степени участвовавших в этнокультурных процессах на территории контактного региона общности КВК, в современной историографии рассматриваются в группе древних индоевропейских народов. В известной степени это подтверждается самим фактом их вхождения в группу этносов, составивших во второй половине II тыс. до н. э. общность КВК [Тереножкин, 1961, с.229–245; Березанская, 1982, с.199–201; 1985, с.14–15; Черных Е.Н., 1983, с.81–99; Ванчугов, 1990, с.139].

Исходя из вышеизложенного, возможна констатация присутствия в степной Левобережной Украине относительно однородного в лингвистическом отношении восточно-иранского населения. Левобережная Лесостепь, напротив, отличалась полиэтничностью. Основными этнолингвистическими составляющими проживавшего здесь населения являлись прафинно-угорские и восточно-иранские племена.

Создание ими совместных поселений, вероятно, объясняется общими для всей территории лесостепной зоны Восточной Европы проявлениями этнокультурной интеграции, ассимиляции и межэтнической миксации, вызванными на заключительном этапе позднего бронзового века экономическими причинами и угрозой со стороны степного скотоводческого населения, находившегося в процессе формирования кочевнического хозяйства.

Выделение богуславско-белозерской культуры позволяет наполнить конкретным археологическим содержанием понятие «контактный регион общности КВК» и уточнить его пространственно-временное положение. Естественными географическими границами контактного региона являются бассейны Днепра на западе и Северского Донца на востоке.

Индикатором западных границ региона является присутствие в комплексах памятников заключительного этапа позднего бронзового века керамики с чертами культур восточной зоны общности КВК, восточных границ – с чертами западных культур общности. Не менее важным показателем выступают особенности комплекса металлических изделий, используемых племенами ББК, который включает как продукцию собственного позднего Лобойковского и Завадовского очагов металлообработки, так и западные (поздние ингуло-красномаяцкие, кардашинские, центральноевропейские) и, в меньшей степени, восточные (волго-уральские) импорты. Домостроительство племен ББК также отражает правомерность отнесения Левобережной Украины к контактному региону общности КВК. Распространенные здесь домовые ландшафты являются частью двух суперландшафтов – центральноевразийского и индо-переднеазиатского. Археологические реалии позволяют провести границу между ними по линии разделения сабатиновской, белозерской культур и ББК, проходящей по Западному Приазовью и Нижнему Поднепровью. В качестве важного показателя контактного характера региона выступает также фиксируемое на археологических материалах БМСК и ББК сочетание общеиндоевропейских (преимущественно западных), иранских, индоарийских, анатолийских (восточных) культовых традиций.

Центральное положение региона в схеме зонального членения культур общности КВК во многом определило его особую роль в археологии Восточной Европы. Являясь составляющей огромного поликультурного евразийского массива, он должен рассматриваться не в качестве локально замкнутой территории, а как связующее звено в этнокультурной системе восток–запад. Представленная здесь в постсрубное время своеобразная культура на генетическом уровне связана с восточноукраинскими бережновско-маевскими и лобойковскими традициями. Их развитие, приведшее на заключительном этапе позднего бронзового века к формированию ББК, подчинялось общеевразийским новационным тенденциям, предопределившим возникновение и исчезновение самого феномена общности КВК.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ, МОЛОДЕЖИ И
СПОРТА УКРАИНЫ

Днепропетровский национальный университет
имени Олеся Гончара

На правах рукописи

РОМАШКО Владимир Андреевич

УДК 903'14(477.5)"6377"

НАСЕЛЕНИЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ПОЗДНЕГО
БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ
(по материалам богуславско-белозерской культуры)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Исторические науки – 07.00.04 – археология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Киев – 2013

ПРИЛОЖЕНИЕ А
Список поселений богуславско-белозерской культуры

Днепропетровская область

с. Александрополь Петропавловского р-на. Поселение (рис.1, 5), выявленное И.Ф. Ковалевой [Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336] в 1969 г., находится в уроч. Молочные лиманы на мысу, являющимся останцем правого коренного берега р. Самара. Высота останца над уровнем поймы составляет 35 м, он соединяется с берегом узким перешейком. Памятник многослойный. Верхний слой содержит материалы салтовской культуры. В верхней части нижнего слоя концентрируется керамика позднего бронзового века, в том числе определяемая нами как ББК, в нижней – неолитическая.

с. Бажаны Петропавловского р-на. Разведками И.Ф. Ковалевой в 1969 г. [Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336] в окрестностях населенного пункта выявлено три поселения с материалами ББК.

Поселение Бажаны-1 (рис.1, 6; 2, 6) находится на левобережной пойменной дюне р. Самара. Культурный слой разрушен. На поверхности собраны обломки банок, горшков, кубков заключительного этапа позднего бронзового века, изделия из кремня, обломок бронзового височного кольца.

Поселение Бажаны-2 (рис.1, 7; 2, 7) занимает участок первой левобережной надпойменной террасы долины р. Самара. Среди собранной на поверхности керамики присутствуют обломки горшков, орнаментированные гладкими или расчлененными валиками, помещенными на плечиках.

Поселение Бажаны-4 (рис.1, 8; 2, 8) расположено в пойме левого берега р. Самара, в 1 км от ее современного русла, на разветвленных дюнах – останцах первой надпойменной террасы, рядом с озером старицы. На поверхности собраны кости животных, печина, керамика эпохи неолита, бронзового века, средневековья. В коллекции керамики позднего бронзового века присутствуют обломки профилированных горшков и нелощеных тонкостенных кубков.

с. Богуслав Павлоградского р-на. В окрестностях населенного пункта Самарским отрядом экспедиции ДГУ в 1986–1996 гг. исследованы два поселения позднего бронзового века.

Поселение Богуслав-1 (рис.1, 9; 2, 9; 11; 14; 15; 17; 30, 1–5; 32, 1–6; 33, 1–8, 24; 34, 7, 8; 36, 7–11; 37, 1–5; 38, 11, 14, 15, 17; 39, 1–3; 41, 1–4; 42, 12; 43, 1–5; 44, 29, 36; 45, 1–3, 9, 29–31; 46, 8–10, 12, 17, 18; 47, 1; 48, 1, 8, 13; 49, 2, 11, 12, 14; 50, 1–5, 10; 58, 1–17; 60, 1; 61, 1–13; 62, 11–16, 18–20; 63, 1–15, 17–30; 65, 1–10; 67, 9, 10; 68, 1–10, 25; 69, 1–21, 23; 71, 1–10; 72, 1–6; 73, 1–19; 79, 1–9; 80, 1–3; 81, 1–7, 9, 10, 19, 20; 82, 1–10, 12, 14–19; 83, 1–6, 23; 84, 1–7, 17, 27, 28; 85, 11, 16, 28, 31, 86, 3, 7–13, 15, 17–19; 87, 1–4, 6, 9–13, 15–17, 19, 21, 23, 24; 88, 1–10, 14, 20, 22, 24–33; 89, 1–5, 10, 13, 14, 19–21, 24–26; 90, 2, 8, 12, 16) находится на северо-западной окраине села на первой левобережной надпойменной террасе, возвышающейся над старицей р. Самара на 7–8 м. Основная часть поселения расположена на мысу, отделенном от плато ложбиной. Занимаемая поселением площадь мыса равна 90 тыс. кв. м. За пределами мыса вдоль края террасы установлено наличие участков культурного слоя различной мощности и насыщенности на протяжении 400–500 м. Последнее позволяет предположить, что общая площадь срубного и ББК поселений, вероятно, составляла около 14–15 га. На поселении заложено 13 раскопов и 102 шурфа общей площадью 2160 кв. м. Выявлены остатки девяти жилищ и хозяйственного сооружения, восемь из которых раскопаны, а также двух святилищ. Толщина культурного слоя равна 0,7–0,8 м. На материалах поселения выделяются два культурно-хронологических горизонта. Ранний (БМСК) представлен комплексами жилища № 8, нижним стратиграфическим горизонтом святилища № 1. Поздний (ББК) – комплексами жилищ № 1–7, 9, 10, святилища № 2 и верхнего стратиграфического горизонта святилища № 1. Зафиксированы случаи прямого стратиграфического перекрытия котлована срубного жилища богуславско-белозерским и раннего богуславско-белозерского жилища более поздним. Коллекция предметов материальной культуры включает

представительные серии керамики, орудия и оружие из бронзы, камня, кости, рога, находящие многочисленные аналогии в культурах общности КВК.

Поселение Богуслав-2 (рис.1, 10; 2, 10; 49, 8; 63, 16; 80, 4; 81, 8) расположено в 7 км к востоку-юго-востоку от поселения Богуслав-1. Оно занимает мыс останца первой надпойменной террасы, представляющий собой пологий холм, возвышающийся над уровнем низкой поймы на 2,5–3 м и на 3,5–4 м над летним уровнем стояния воды. С северной, северо-восточной и северо-западной сторон мыс омывается одним из рукавов современного русла р. Самара, с южной, напольной, стороны примыкает к высокой пойме, ширина которой на участке от поселения до подножья склона первой надпойменной террасы составляет около 2 км. Через броды и острова мыс соединен с низкой поймой правого берега шириной до 4,4–5 км. Площадь памятника, составляющая 1,5 га, определена сборами, зачисткой береговых склонов и шурфами. Толщина культурного слоя равна 0,6–0,8 м. Происходящая из поселения срубная и ББК керамика типологически соответствует материалам Павлограда и Богуслава-1. В площади поселения находится разрушенный курган высотой 3,5 м [Марина, Ромашко, 1986/52; Ромашко, Марина, Фещенко, 1987/127а; Ромашко, 1989/237; 1990/97; 1993, с.79–91; 1994, с.161–163; 1995, с.64–65; 1997, с.61–62; 2006, с.7–11; Ромашко, Андросов, 1990/97; Ковалева И.Ф., Ромашко, Шалобудов, 1991/137; Ромашко, Марина, 1992/86, 1993/71; 1993, с.120–121].

с. Бузовка Магдалиновского р-на. Поселение Бузовка (рис.3, 11; 99, 1, 2; 100, 1–3; 101, 1–3; 102, 1–3, 13, 14; 104, 1–10; 105, 16; 106, 1; 107, 4–13; 110, 1–11, 14, 15, 17; 111, 8, 14–17; 113, 9, 19, 21, 28–30) расположено в пойме левого берега р. Орель на мысе, образованном впадением в реку ее левого притока р. Бузовочка. Памятник исследовался экспедицией ДГУ в 1981 г. На поверхности собраны керамика заключительного этапа позднего бронзового века, бронзовая серьга и наконечники скифских стрел VI–V и IV–III вв. до н. э. Площадь поселения равна 180 x 80 м. Культурный слой толщиной от 0,4 до 1 м содержал обломки керамики, находящей аналогии в ББК, бондарихинской, белозерской культурах. Найдены также обломки глиняных льячек, пряслиц, культовых «хлебцев», абразивных камней, костяных проколов, бронзового шила, пуговицы, наконечники стрел. В нижнем отделе культурного слоя присутствуют отдельные фрагменты неолитической керамики. В площади поселения исследованы остатки котлована сожженного жилища [Ромашко, 1982, с.4–58, рис.1–2; 1995б, с.20–23, рис.8–12].

с. Васильевка Новомосковского р-на. Поселение (рис.1, 12), выявлено в 1999 г. разведками А.Г. Ярового на крутом террасированном склоне правого берега р. Самара в уроч. Родник. Рельеф берега характеризуется изрезанностью склона обводненными балками и оврагами. На трех сформированных ими мысах собрана керамика БМСК и ББК [Голубчик, Яровой, 2005/162].

с. Гупаловка Магдалиновского р-на. В окрестностях населенного пункта известно несколько поселений, материалы которых традиционно связываются с бондарихинской культурой [Телегин, Ковалева И.Ф., Беляев и др., 1970/41; Беляев, 1980; 1984, с.73–79; Ромашко, 1995б, с.30].

Одно из них (рис.3, 13; 103, 3, 7; 108, 5–8) находится в левобережной пойме р. Орель на песчаной дюне, возвышающейся над уровнем реки на 4 м. Памятник исследовался А.С. Беляевым, В.Ф. Клименко, В.И. Цимбалом в 1974–1975 гг. Культурный слой толщиной 1,8–2 м содержит в нижней части керамику срубной культуры, в верхней – керамику, сопоставимую с белозерской и ББК [Клименко, Цимбал, 1975, с.290; Беляев, Кравец, 1976, с.304; Беляев, 1984, с.73–79, рис.2, 3; 5; Ромашко, 1995б, с.20, рис.7].

Поселение Довбнив остров-3 (Гупаловка-5) (рис.3, 14; 107, 20–22) обследовано И.Ф. Ковалевой в 1964 г. Оно расположено в левобережной пойме, на дюнном останце боровой террасы, отделенной от последней старицей. Дюна развеейна, культурный слой сохранился в горизонте гумусированного песка толщиной 0,25–0,3 м, перекрытого наносами. На поверхности собраны кости животных, куски глиняной обмазки, обломки банок и горшков. Около 15 % керамики принадлежит столовой посуде со сложным геометрическим орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом или прочерченным [Ковалева И.Ф., 1963–1964/20].

с. Знаменовка Новомосковского р-на. В пойме левого берега р. Самара на дюнах, окруженных старицей (оз. Гребли), в 2000 г. А.Г. Яровым выявлено несколько разновременных поселений (рис.1, 15). На одном из них собраны обломки профилированных горшков и

тонкостенных кубков, орнаментированных мелкозубчатым штампом [Голубчик, Яровой, 2005/162].

с. Иваново-Яризовка Царичанского р-на. Поселение (рис.1, 16) выявлено в 1970 г. экспедицией ИА АН УССР «Днепр-Донбасс» в уроч. Жаданово, расположенном в пойме левого берега р. Орель. В подъемном материале преобладают обломки керамики ямной культуры и позднего бронзового века, в том числе его заключительного этапа [Телегин, Ковалева И.Ф., Беляев и др., 1970/41].

с. Капуловка Никопольского р-на. В окрестностях населенного пункта разведками экспедиции ИА АН УССР в 1957 г. и многолетними разведками, проведенными в 1950–1960-х гг. А.В. Бодянским, выявлено несколько поселений, разрушаемых водами Каховского водохранилища (рис.2, 17, 18; 91, 25; 92, 4–7, 17, 18; 93, 7, 24; 96, 10–12). Опубликованные материалы сборов [Шарафутдінова І.М., 1961; Дровосекова, 2002; Gerskovic, 1999] показывают присутствие в материалах двух поселений сабастиновской, белозерской и ББК посуды.

Поселение Капуловка-4 находится на пологом склоне правобережной надпойменной террасы, возвышающейся над уровнем летнего стояния воды в Каховском водохранилище на 1–1,5 м.

Поселение Капуловка-6 находится на низком участке правого берега р. Подпольная. Высота берега над уровнем летнего стояния воды в Каховском водохранилище равна 0,5–0,7 м. Культурный слой с материалами позднего бронзового века и его заключительного этапа соответствует нижней части гумусного горизонта.

с. Котовка Магдалиновского р-на. Среди разновременных поселений, выявленных И.Ф. Ковалевой в окрестностях населенного пункта при проведении разведочных работ 1965 г., два содержат материалы ББК.

Поселение Котовка-1 (рис.3, 19) занимает песчаную дюну поймы левого берега р. Орель, расположенную у оз. Лебединка. Его площадь равна 2,8 га. На распаханной поверхности отмечены три расположенные в ряд золистых пятна, являющихся остатками углубленных жилищ. В их площади собраны обломки посуды, кости животных, куски печины, камни со следами пребывания в огне, обломки горшков и кубков, обломки абразивных камней и лоцило из стенки сосуда [Ковалева И.Ф., 1965/59]. В культурном отношении материалы памятника сопоставимы с бондарихинскими и ББК древностями.

Поселение Котовка-16 (рис.3, 20) находится на склоне первой надпойменной левобережной террасы долины р. Орель у оз. Довгеньке. В подъемном материале представлена керамика средневековья и эпохи бронзы [Ковалева И.Ф., 1965/59], в том числе обломки горшков ББК.

с. Кохановка Петропавловского р-на (рис.3, 21). На правом берегу Самары на склоне б. Дремовая и примыкающем к ней пойменном участке в 1969 г. И.Ф. Ковалевой выявлен культурный слой толщиной 0,5–0,6 м [Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336]. Из него происходит керамика срубной культуры и ББК.

с. Краснополье Магдалиновского р-на. Поселение выявлено И.Ф. Ковалевой в 1965 г. на высокой дюне в пойме левого берега р. Орель (рис.3, 22). Дюна со всех сторон окружена озерами Песчаного лимана и представляет собой остров. На дюне собрана керамика заключительного этапа позднего бронзового века [Ковалева И.Ф., 1965/59].

хут. Левонтовка (Протовча, Проточи) Царичанского р-на. Поселение (рис.1, 23) выявлено И.Ф. Ковалевой в 1964 г. на левом берегу р. Орель на склоне уступчатой надпойменной террасы у оз. Бабино. Его площадь, установленная по подъемному материалу, равна 4–5 га. В керамической серии присутствуют обломки керамики, определяемой нами как ББК [Ковалева И.Ф., 1963–1964/20].

с. Лобойковка Петриковского р-на. Поселение Лобойковка-1 (рис.1, 134; 40, 1–11) исследовалось экспедицией ДНУ в 2004, 2005, 2008 и 2009 гг. Оно расположено у озера, на мысу первой левобережной надпойменной террасы, возвышающейся над старицей р. Орель на 3,4–4 м. Занимаемая поселением площадь мыса равна 5000–6000 кв. м. Вскрытая площадь составляет 1078 кв. м., толщина культурного слоя достигает 0,8 м. На памятнике выделяются три культурно-хронологических горизонта. Нижний представлен немногочисленными материалами энеолита. Верхние горизонты содержат стратиграфически неразделенные материалы БМСК и ББК. С культурно-хронологическим горизонтом БМСК связаны два жилища. ББК представлена

единичными обломками горшков с валиками, расположенными в основании шейки и на плечиках, воротничковым оформлением венчика, расчесами поверхности, «жемчужинами» [Ромашко, 2007, с.209–216; Ромашко, Тесленко, Фещенко, 2008/51].

пос. Лоцманская Каменка (г. Днепропетровск). Памятник открыт в 1953 г. А.В. Бодянским. Его материалы интерпретированы как черняховские [Брайчевская, 1960, с.182]. В 1999 г. экспедицией ДГУ проведены раскопки поселения (рис.3, 24; 99, 4, 5; 100, 14–21; 102, 8; 103, 9; 104, 13; 105, 20; 107, 23–26; 108, 25; 110, 22; 111, 3; 112, 5; 113, 7, 13–15, 31, 32). Оно расположено в устье б. Мошино на террасе, образованной древним оплывом высокого правого берега р. Днепр. Высота террасы над современным уровнем стояния воды составляет 7–10 м. Раскопанная площадь равна 956 кв. м. Культурный слой с материалами пеньковской культуры толщиной до 0,4 м перекрыт наслоениями XVIII–XIX вв. Материалы ББК присутствуют только в жилище № 1 [Ромашко, 2001, с.169–177].

с. Мало-Николаевка Петропавловского р-на. Поселение Мало-Николаевка-2 (рис.1, 25), выявленное разведками И.Ф. Ковалевой в 1969 г. [Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336], расположено на левом берегу р. Самары на склоне надпойменной террасы. Культурный слой позднего бронзового века, содержащий керамику срубной культуры и ББК, залегает на глубине от 0,4 до 1 м от современной поверхности.

с. Морозовское (ст. Ароматная) Павлоградского р-на. Поселение (рис.2, 138) выявлено в 2010 г. разведками экспедиции ДНУ. Оно расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Малая Терновка у ее впадения в р. Самара. Высота террасы над уровнем поймы равна 4–5 м. Ширина поймы составляет около 800 м. Она соединяется с поймой р. Самара, ширина которой равна около 4–5 км. Площадь поселения 2500 x 100–150 м, толщина культурного слоя – 0,7–1 м. В площади поселения расположено шесть курганов высотой от 0,3 до 1,2 м. Материалы памятника представляют два культурно-хронологических горизонта – БМСК и ББК. [Фещенко, Ромашко, Тесленко, 2010/б. н.].

с. Озерное Петропавловского р-на. Поселение (рис.2, 26) выявлено в 1969 г. И.Ф. Ковалевой. Оно находится на левом берегу р. Самара на пойменной дюне, отделенной от первой надпойменной террасы протокой старицы. Поверхность дюны распахивается, на ней отмечены пятна 12 жилищ, вытянутых в один ряд вдоль берега протоки. Толщина культурного слоя составляет около 0,4 м [Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336]. Культурная принадлежность происходящей из него и собранной на поверхности керамики, по нашему мнению, определяется как срубная и ББК.

с. Осиповка Магдалиновского р-на. Поселение (рис.3, 27; 100, 7–13; 101, 6–10; 103, 4–6, 8; 108, 1–4) выявлено в 1970 г., раскапывалось в 1971–1974 гг. экспедицией ИА АН УССР «Днепр-Донбасс». Оно расположено на дюне на левом берегу р. Орель у впадения в нее безымянного ручья в уроч. Волчья пасть. В культурном слое А.С. Беляевым выделены три стратиграфических горизонта. Из нижнего происходит многоваликовая и срубная керамика, в среднем концентрируется «чернолесская» керамика, в верхнем славянская. В основании культурного слоя, на глубине 1,7–1,8 м от поверхности, встречались фрагменты неолитической посуды. Отмечено частичное перекрытие жилища срубной культуры жилищем ББК, которое А.С. Беляевым отнесено к чернолесской культуре на основании обнаружения в нем горшков и корчаг, морфология и орнаментация которых, по его мнению, аналогична посуде чернолесских памятников правобережной Лесостепи [Телегин, Ковалева И.Ф., Беляев и др., 1970/41; Беляев, 1977, с.40–48]. Обнаружение подобной орнаментации в богуславско-белозерских и позднебондарихинских комплексах [Ромашко, 1998, с.79–95] ставит под сомнение однозначность предложенных культурных определений.

с. Павловка Петропавловского р-на. Поселение Павловка-2 (рис.2, 28) выявлено И.Ф. Ковалевой в 1969 г. в уроч. Кучугуры в пойме р. Бычок (приток р. Самара) на останцах правого коренного берега [Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336]. В этом пункте найдено несколько обломков мисок-сковород и горшков с характерной для культур общности КВК орнаментацией.

г. Павлоград Павлоградского р-на. Поселение (рис.1, 29; 34, 1–6; 36, 1–6; 42, 21) исследовалось в 1991–1993 гг. З.П. Мариной и В.А. Ромашко. Памятник расположен в пойме левого берега р. Самара (уроч. Кресты) на краю песчаной дюны, высота которой составляет около

3 м. Сохранившаяся площадь поселения равна 0,35–0,4 га. Толщина культурного слоя составляет около 1 м. Исследованы три жилища БМСК. Материалы БМСК доминируют и в культурном слое. Серия керамики ББК относительно немногочисленна [Ромашко, 1995а, с.114–134].

г. Перещепино Новомосковского р-на (рис.1, 30). Памятник выявлен разведками сотрудников ДНУ и ДОЦОИКЦ в 2002 г. Поселение занимает участок пойменной дюны левого берега р. Орель, высота которой над уровнем летнего стояния воды составляет около 4–4,5 м. Дюна с юго-запада граничит с озером старицы, с остальных сторон окружена низкой увлажненной поймой. На дюне расположен курган высотой 6 м. Шурфы, заложенные рядом с курганом, показали, что он окружен культурным слоем, залегающим на глубине 0,3–0,8 м от современной поверхности [Ромашко, 2004/б-н]. Материалы памятника позволяют констатировать присутствие на нем двух культурно-хронологических горизонтов – БМСК и ББК.

с. Песчанка Новомосковского р-на. Поселение (рис.1, 31; 52, 1–6, 13–16; 53, 1–5, 7, 8, 14, 16–18; 54, 1, 2, 10, 15, 20; 56, 1, 2, 18, 19; 57, 4, 6) выявлено и исследовано Д.Л. Тесленко и В.А. Ромашко в 2007 г. Оно расположено на прирусловой возвышенности правого берега р. Подпольная, вплотную к двум курганам раннего бронзового и сарматского времени. Памятник сохранился на площади 200–300 кв. м. Культурный слой слабо насыщен находками, которые концентрируются в районе жилища № 1. Происходящие из него керамические материалы включают образцы поздней посуды БМСК и ББК [Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100].

пгт. Петропавловка Петропавловского р-на. Поселение Петропавловка-2 (рис.2, 32) выявлено И.Ф. Ковалевой в 1969 г. на склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Самара. В коллекции керамики позднего бронзового века, собранной в его площади, преобладают обломки горшков, баночные формы единичны [Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336]. Характеристика керамического комплекса позволяет выделить два культурно-хронологических горизонта – БМСК и ББК.

с. Самарское Петропавловского р-на. Поселение Самарское-1 (рис.2, 33) выявлено И.Ф. Ковалевой [Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336] в 1969 г. в пойме междуречья р. Самара и ее левого притока р. Бычок. Поселение занимает песчаную дюну с развееванной поверхностью. Среди подъемного материала присутствует керамика позднего бронзового века, в том числе, относимая нами к ББК. В площади поселения находятся два кургана высотой 0,4–0,5 м. По свидетельству местных жителей, в 1968 г. в одном из курганов было найдено несколько бронзовых предметов (возможно, кладовый комплекс). Позже И.Ф. Ковалевой удалось отыскать один из предметов – кельт.

с. Старая Игрень (пригород г. Днепропетровск). Поселение (рис.3, 34; 99, 17, 19; 100, 22, 23; 101, 11, 12; 102, 7, 16; 103, 10, 11, 13; 104, 14; 108, 9, 10, 11, 13; 111, 1, 2, 19; 113, 1) расположено на склоне высокого обрывистого берега п-ва Игрень. Его высота над уровнем летнего стояния воды составляет 6–10 м. Береговая кромка разрушается водами Днепра. В 1956 г. В.А. Мизиным на месте случайной находки матрицы для отливки двушкового кельта и кинжала с параллельными лезвиями исследованы остатки гранитных фундаментов жилищ, в которых собраны обломки керамики заключительного этапа позднего бронзового века. В 1982 г. в этом пункте Е. Богушем в размыве берега найдены роговые заготовки стержневидного псаля и наносник. При осмотре места находки В.А. Ромашко исследованы остатки еще одного жилища. Из него происходит серия кухонной и столовой керамики этапа ББ2, первоначально интерпретированной как белозерская и бондарихинская [Мизин, 1970, с.214–216; Ромашко, 1985, с.90–97].

с. Хорошее Петропавловского р-на. Поселение Хорошее-2 (рис.2, 35), выявленное И.Ф. Ковалевой в 1969 г., находится на оплыве высокого правого берега р. Самара. В подъемном материале представлена керамика эпохи бронзы и раннего средневековья [Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336]. Присутствие на памятнике материалов культурно-хронологического горизонта ББК подтверждается находками обломков тонкостенных кубков и черпаков.

с. Шолохово Апостоловского р-на. В 1986 г. экспедицией ДГУ при проведении разведочных работ в правобережном Надпорожье открыто поселение позднего бронзового века (рис.2, 36; 57, 19; 91, 10–13, 15, 23; 92, 16; 93, 4–6, 16; 94, 9; 95, 3, 4; 96, 2–4, 28; 97, 4, 8–10, 12–15, 23). Оно занимает мыс, окруженный водами Шолоховского водохранилища. До его сооружения топогра-

фическое положение памятника соответствовало мысу первой надпойменной террасы левого Берега р. Базавлук. Большая часть поселения разрушена. На берегу и в воде собраны обломки керамики, орудия из кости и камня, кости животных. Площадь поселения составляет около 0,4–0,5 га. Толщина сохранившегося культурного слоя не превышает 0,1–0,2 м. Материалы памятника в культурно-хронологическом отношении формируют две группы. Первая сопоставима с раннесабатиновскими и БМСК древностями, вторая – с белозерскими и ББК [Ромашко, 2002, с.91–95].

Донецкая область

с. Безыменное Новоазовского р-на. В окрестностях населенного пункта с 1987 г. донецкими археологами под руководством В.Н. Горбова и А.Н. Усачука проводятся раскопки поселений позднего бронзового века с выразительными горизонтами срубной культуры и ББК.

Поселение Безыменное-2 (рис.1, 37; 2, 37; 52, 11, 12, 21, 25; 54, 6–8, 14, 19; 55, 7; 56, 12, 21; 91, 1, 2, 7, 8, 14; 92, 11; 93, 9, 21–23; 94, 1, 13; 95, 6–12, 18, 19; 96, 16–20, 22, 23, 31; 97, 1–3, 5, 6, 16–21, 24; 98, 1–7, 12) расположено на мысе левого берега одноименной обводненной балки. Площадь поселения равна 1,5 га, его большая часть исследована раскопами. На материалах поселения В.Н. Горбовым выделено пять срубных культурно-хронологических горизонтов, два из которых (горизонты IV и V) соответствуют древностям ББК. Они представлены остатками построек с элементами каменного домостроительства и нескольких культовых мест. Их керамические комплексы включают серии посуды, аналогии которой известны в культурах как западной, так и восточной зон общности КВК. Многочисленна также коллекция орудий, предметов вооружения, конской упряжи.

Поселение Безыменное-1 (рис.1, 38; 2, 38; 98, 14) расположено рядом с поселением Безыменное-2 в сходных топографических условиях. Совпадают также основные культурно-хронологические характеристики памятников [Горбов, Усачук, 1986/46; 1987/96; 1992/81; 1993/136; 1996/50; Горбов, Усачук, Гриб, 1988/201; Горбов, Усачук, Клименко и др., 1991/41; Горбов, 1993, с.90–93; 1996, с.13–21; Горбов, Мимоход, 1999, с.24–69].

с. Брусовка Краснолиманского р-на. Поселение Брусовка-2 (рис.2, 39) выявлено сотрудниками Донецкого краеведческого музея в 1994 г. Оно расположено на мысообразном выступе террасы левого берега р. Северский Донец. Высота выступа над уровнем поймы составляет 3–4 м, площадь 0,85 га. Среди собранной на поверхности срубной керамики представлены обломки горшков с валиками в основании шейки, расчлененными оттисками мелкозубчатого штампа [Дегерменджи, Полидович, Цимиданов, 1994/111].

с. Дроновка Артемовского р-на. Поселение (рис.3, 40) расположено на правом берегу р. Северский Донец на дюнах в уроч. Лиманское озеро. Оно раскапывалось в 1974–1977 гг. А.Г. Копылом и С.И. Татариновым. На памятнике установлено присутствие культурных слоев эпохи мезолита-неолита и позднего бронзового века. Особый интерес представляет комплекс, состоящий из жилища № 9 и хозяйственной постройки № 6, в которой находился железодельный горн. Их культурная принадлежность определена С.И. Татариновым как бондарихинская [Копыл, Татаринов, Меценко, 1976, с.341; Татаринов, 1980, с.280–283, рис.1–3]. Часть керамического комплекса представлена посудой белозерского облика [Татаринов, 1980, с.280–283, рис.2, 5–7]. Подобные формы присутствуют и в памятниках ББК.

с. Зливки Краснолиманского р-на. Поселение (рис.1, 41) находится в окрестностях с. Ильичевка на дюнном возвышении в пойме левого берега р. Северский Донец у оз. Чернецкое. Раскопки этого памятника проводились в начале XX в. В.А. Городцовым [Городцов, 1905, с.250–260]. В 1982–1985 гг. поселение раскапывалось М.Л. Швецовым. Толщина культурного слоя равна 0,8 м. М.Л. Швецовым на памятнике выделяется несколько культурно-хронологических горизонтов. В верхнем отделе культурного слоя на глубине 0,2–0,35 м присутствует керамика позднего бронзового века и раннего средневековья. Ниже расположен слой, в котором представлена керамика «сабатиновского этапа» и относительно немногочисленные обломки посуды «финального срубного», «белозерского», «бондарихинского» типов; еще ниже – слой «сабатиновского этапа и ранней срубной» культуры. В площади раскопов исследованы три жилища, хозяйственные ямы, два зольника срубного времени [Швецов, 1983/58; 1985/132; 1987, с.433–434; Швецов, Цимиданов, Дубовская и др., 1984/102; Швецов, Котова, 1986/163].

с. Ильичевка и с. Ямполь Краснолиманского р-на. Между двумя населенными пунктами в междуречье рек Бахмут и Красная известно несколько поселений с материалами ББК. Расстояние между селами составляет 4 км.

Поселение Ильичевка (рис.1, 42; 2, 42; 12; 18; 19; 27, 10–34; 28, 1–32; 29, 1–29; 30, 11–19, 23–27; 31, 1–28; 32, 15–28; 33, 17–23; 34, 14–20; 35, 1–23; 37, 15–25; 38, 1–10, 19, 21–23; 39, 8–15; 41, 15–19; 42, 3–6, 8, 9, 11, 16, 18–20, 24; 43, 11–22; 44, 1, 3, 6–12, 16–24, 30–35, 37, 40; 45, 4–8, 10–28; 46, 1–6, 11, 14, 15; 47, 2–13, 21–23, 25, 27–30, 32; 48, 4–7, 9, 14; 49, 1, 3–7, 9, 10, 19; 50, 7, 11, 13, 16–20; 60, 3–29; 61, 23–33; 62, 2–7, 21–27; 64, 23–33; 66, 18–33; 67, 21, 22; 68, 15–17, 19–24; 70, 23–32; 71, 14–16; 72, 17–20; 73, 34, 35; 79, 28, 29; 81, 15, 21; 82, 11, 13, 22, 23; 83, 12–14; 84, 16, 18–24; 86, 1, 2, 5, 14; 87, 7, 8, 22; 88, 15, 16, 18, 19; 89, 23; 90, 10) расположено у с. Ильичевка. Раскопки памятника начаты в 1961 г. и проводились экспедицией ДонГУ под руководством Т.А. Шаповалова более 10 лет. Поселение площадью около 1,5 га находилось на мысообразном выступе левобережной террасы р. Северский Донец, возвышающимся над поймой на 5 м. Культурный слой толщиной от 0,25 до 0,5 м залегает отдельными участками преимущественно в районах жилищ. Он перекрыт стерильным слоем черной гумусированной супеси толщиной 0,4–0,8 м (в центре поселения до 1,5 м). По наблюдениям Т.А. Шаповалова, на памятнике выделяются пять культурно-хронологических горизонтов: многоваликово-абашевский, раннесрубный, сабатиновский (ранний и поздний), финальный срубный, бондарихинский [Шаповалов, 1976, с.150–172, рис.4, 2–4; 7, 5, 12–14, 17–22; 8, 1–11, 15, 16–18, 20; 1983/№ 620]. Горизонты, которые, по нашему мнению, соответствуют ББК (позднесабатиновский и финальный срубный), представлены восемью жилищами и двумя хозяйственными постройками.

Поселение Усово озеро (рис.1, 66; 2, 66; 10; 30, 21, 22; 32, 11, 12; 37, 9, 10; 38, 16; 39, 6; 42, 10; 47, 24, 33; 88, 11; 90, 5, 15) исследовалось экспедициями ДонГУ и Краснолиманской экспедицией ИА АН УССР с 1973 по 1983 гг. В разные годы работы возглавлялись А.П. Рудаковым, Т.А. Шаповаловым, В.Ф. Клименко, С.С. Березанской. Результаты полевых исследований обобщены в монографии и статьях С.С. Березанской [Березанская, 1990; 2001, с.11–14]. Поселение расположено в пойме левого берега Северского Донца на дюнной возвышенности рядом с оз. Усово. Высота дюны около 4 м, площадь поселения составляет 3 га, толщина культурного слоя – 1,6–1,7 м. Поселение многослойное. Исследовательницей выделены материалы энеолитического времени, скопления кухонных остатков абашевской культуры и КМК, срубный и бондарихинский горизонты. Постсрубный горизонт ею не выделяется, однако, судя по опубликованным материалам, в некоторых «срубных» комплексах присутствуют разновидности посуды, известные в ББК. Исходя из этого, представляется возможным отнести три (№ 8, 12, 14) из 17 исследованных на памятнике жилищ не к срубной культуре, а к ББК. На поселении исследованы также срубные святилища и жертвенники, и три жилища, интерпретированные С.С. Березанской как бондарихинские (малобудковские). Отмечено присутствие среди бондарихинской посуды небольшой группы керамики, которая «возможно, является подражанием срубной» [Березанская, 2001, с. 14].

Еще одно поселение у с. Ямполь (рис.1, 67) исследовано в 1976 г. отрядом Артемовской экспедиции Донецкого областного общества охраны памятников истории и культуры. На нем выявлены материалы мезолита, неолита, бронзового века, вскрыты хозяйственные ямы, в заполнении которых найдены керамика ББК и бондарихинской культуры, кремневый серп, обломки глиняной литейной формы. Авторы раскопок отмечают также случай прямой стратиграфии – жилище срубной культуры перекрывается бондарихинским [Дегерменджи, Татаринов, Ковалева Л.Г. и др., 1977, с.288–289]. Материалы памятника не опубликованы, что затрудняет возможность более строгих культурно-хронологических определений.

Два поселения исследованы в 1989–1991 гг. экспедицией НПК «Археолог» при ИА НАН Украины под руководством Я.П. Гершковича.

Поселение Диброва (рис.2, 68; 70, 21; 72, 16; 84, 15) расположено у с. Ямполь на мысообразном выступе левобережной террасы р. Северский Донец. Его площадь составляет около 2 га. Вскрытая раскопом площадь – 605 кв. м. Нижний горизонт культурного слоя содержит материалы срубной культуры, в нем представлены также обломки посуды с многоваликовой орнаментацией. В верхнем горизонте концентрируются материалы заключительного этапа позднего бронзового века. С ними связано углубленное жилище, в котором, по определению Я.П. Гершковича,

выявлена посуда «малобудковского, бондарихинского, чернолесского и позднейшего срубного (хвалынского) облика».

Поселение Глубокое озеро-2 (рис.2, 69; 66, 15, 16; 70, 22; 88, 12, 17) расположено в окрестностях с. Ямполь на расстоянии 0,3 м на восток от поселения Ильичевка и 4 км от Усова озера в «днище ложбины боровой террасы реки». Южные склоны ложбины высотой 10 м служили естественным прикрытием, закрывавшим непосредственный подход к поселению со стороны реки. Площадь поселения составляла около 2 га. Исследовано 1685,5 кв. м. По наблюдениям Я.П. Гершковича, культурный слой так же, как и на поселении Диброва, характеризуется присутствием двух стратиграфических горизонтов – нижнего, с материалами срубной культуры, и верхнего, относящегося к заключительному этапу позднего бронзового века. Отличия от поселения Диброва заключаются в отсутствии посуды КМК в нижнем горизонте и значительно меньшем количестве «белогрудовско-чернолесской и бондарихинской» в верхнем. На памятнике исследовано несколько жилищ срубного и постсрубного времени [Гершкович, 1990, с.57–59; 1995, с.37–38; 1998, с.61–92, рис.8, 1–3; 9, 1, 2; 12, 1–3; 13, 3; 14; Колесник, Гершкович, 1996, с.8–13; Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005, с.95–99].

В микрорайоне представлен еще один памятник. Поселение Глубокое озеро-1 (рис.3, 70) расположено между с. Ямполь и Ильичевка на песчаной дюне первой надпойменной террасы левого берега р. Северский Донец рядом с поселениями Глубокое озеро-2 и 3. Памятник выявлен С.М. Дегерменджи в 1984 г., исследован Ю.Б. Полидовичем в 1991 г. По определению автора раскопок, на поселении представлены материалы неолита, КМК, бондарихинской и салтовской культур [Полидович, 1991/78а]. Керамика «бондарихинской» культуры, по нашему мнению, характеризуется синкретическими бондарихинскими и ББК чертами и отражает культуру населения южных лесостепных районов Левобережной Украины конца бронзового века.

с. Камышеватое Першотравневого р-на. На р. Камышеватая в 1989–1991, 2010 гг. В.Н. Горбовым, А.Н. Усачуком, М.Н. Ключевым, Е.В. Кабановой и др. [Горбов, 1990, с.59–61; Горбов, Усачук, Гриб, 1988/201; Колесник, Горбов, Усачук и др., 1991/165; Горбов, Кабанова, 2011, с.83] обследовано несколько поселений позднего бронзового века с малонасыщенным и маломощным культурным слоем. Все они расположены на мысах правого берега. Наиболее выразительные материалы постсрубного времени получены на поселениях Камышеватая-5, 8, 14, 16.

На поселении Камышеватая-5 (рис.1, 43) выявлен слой, содержащий материалы срубного и постсрубного времени.

Толщина культурного слоя на поселении Камышеватая-8 (рис.1, 44) составляет 0,3–0,6 м. На поселении исследована часть «позднесрубного» жилища (ББК – В.Р.) и хозяйственные ямы.

На поселении Камышеватая-14 (рис.1, 45; 2, 45) вскрыто 1017 кв. м. Культурный слой на различных участках памятника составляет от 0,45–0,6 до 0,9 м. В нем выделено два горизонта. Нижний горизонт содержал материалы срубной культуры, верхний – постсрубные. С последним связаны остатки построек с облицованными камнем котлованами. Исходя из присутствия в керамическом комплексе обломков посуды, отнесенных донецкими исследователями к гальштатскому и алексеевско-саргаринскому типам, горизонт датирован XI–X вв. до н. э. [Горбов, Кабанова, 2011, с.83].

Поселение Камышеватая-16 (рис.1, 46) однослойное. Толщина культурного слоя составляет 0,65–0,75 м.

с. Клиновое Константиновского р-на. Поселение (рис.1, 47; 52, 7, 8; 53, 19, 24, 25) находится рядом с рудником I одноименного рудопроявления. Древние рудники у с. Клиновое были описаны в 1870-х гг. А.А. Носовым. Вторично их местоположение было определено С.И. Татариновым и А.Г. Копылом, зафиксировавшим также остатки поселения рудокопов позднего бронзового века. Культурный слой в площади рудника имеет толщину 0,1–0,25 м, за его пределами до 0,5 м. В 1984 и 1986 гг. С.И. Татариновым исследовано жилище с керамикой «сабатиновско-белозерского» и «протобондарихинского» типов, орудиями и медными шлаками. Рядом обнаружен «зольник» диаметром 0,5 м, содержащий керамику, аналогичную происходящей из жилища. Под зольником выявлены углубления в скале, заполненные кусками медной руды [Татаринов, 1993, с.29, 44–45, табл.6, 2].

с. Крестище Славянского р-на. В 1986 г. Т.А. Шаповаловым и Д.П. Кравцом здесь выявлено два поселения позднего бронзового века – Крестище-1 (рис.2, 48) и Крестище-2 (рис.2, 49), расположенных на мысах правого берега р. Долина. В материалах памятников присутствует керамика срубной культуры [Шаповалов, Кравец, 1985/88], часть которой, по нашему мнению, может рассматриваться как постсрубная.

г. Мариуполь Мариупольского р-на. На восточной окраине города в пойме правого берега обводненной Ляпинской Балки в 1992 г. В.В. Цимидановым и Ю.Б. Полидовичем раскопано многослойное поселение (рис.1, 50). По определению авторов, в верхней части культурного слоя представлены преимущественно средневековые материалы, в нижней, толщина которой составляет около 0,6 м, «позднесрубные». Размеры поселка позднего бронзового века составляют 100 х 30 м. Исследованы остатки трех жилищ с облицованными камнем стенами котлованов. В керамическом комплексе доминируют горшки, среди которых выделяется небольшая серия сосудов, орнаментированных под шейкой расчлененными валиками. В одном из жилищ найден развал «федоровского» сосуда [Цимиданов, Кравченко, 1993, с.140–141].

с. Николаевка Волновахского р-на. В окрестностях населенного пункта известно три поселения с материалами ББК.

Одно из них, поселение Николаевка (рис.1, 51; 52, 9, 10, 17–20, 22–24; 53, 6, 9–13, 21–23, 25, 26; 54, 3–5, 11, 12, 16–18, 21; 55, 1–6; 56, 3–9, 14–17, 20; 57, 1, 2, 10, 11, 20), исследовано в 1971–1975 гг. А.И. и О.Я. Приваловыми. Оно расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Мокрая Волноваха. Подъемный материал представлен обломками посуды эпохи бронзы и салтовской культуры. Культурный слой толщиной на отдельных участках от 0,2 до 0,8 м содержал только материалы заключительного этапа позднего бронзового века. Раскопано пять жилищ и четыре хозяйственные постройки. Авторами раскопок памятник отнесен к сабаатиновской культуре [Привалова, Привалов, 1987, с.94–107, рис.1–4]. Типологические характеристики керамического комплекса, в котором доминирует посуда, представленная на памятниках ББК и других культур общности КВК, позволяет, по нашему мнению, рассматривать Николаевское поселение в качестве одного из эталонных проявлений культуры степных постсрубных племен. С «позднесрубной» атрибуцией памятника в настоящее время соглашается и О.Я. Привалова [Горбов, Привалова, 1989, с.38].

По определению О.Я. Приваловой культурно близкие николаевскому поселения находятся на возвышенных склонах б. Юрина и Тарама (рис.1, 52, 53) в бассейне р. Мокрая Волноваха. Памятники выявлены разведками Донецкого краеведческого музея в 1975 г. [Привалова, 1976, с.379–380].

г. Новоазовск Новоазовского р-на. Поселение Широкая Балка-2 (рис.1, 54; 53, 15; 56, 13; 57, 14, 15) находится на правом берегу одноименной балки. Поселение разрушено, сохранившаяся площадь составляет 0,15 га. Памятник исследован в 1986 г. В.Н. Горбовым и А.Н. Усачуком. Раскопаны срубное жилище и зольник, в котором найдены «позднесрубные» материалы. Площадь зольника около 36 м, толщина слоя золы равна 0,25–0,3 м. Толщина культурного слоя составляет 0,7–1,1 м. В 0,2 км от поселения доисследован разрушенный курган с основным катакомбным и 14 впускными срубными погребениями. В насыпи присутствуют фрагменты посуды, сопоставимой, по мнению исследователей, с поселенческой, что свидетельствует о синхронности памятников [Горбов, Усачук, 1986/46; Горбов, 1988, с.269–270]. Ознакомление с отчетной документацией позволяет считать более правомерным отнесение погребений кургана к кругу обычных срубных, хронологически предшествующих времени появления поселения ББК.

с. Новоселовка Енакиевского р-на (г. Енакиев). Поселение Новоселовка-1 (рис.1, 55) выявлено в 1991 г. С.Н. Постниковым. Оно расположено на первой надпойменной террасе правого берега обводненной б. Рассоховатая. На памятнике собрана керамика эпохи бронзы и салтовская [Постников, 1991/44]. Некоторые фрагменты горшков и мисок-сковород сопоставимы с представленными на памятниках постсрубного времени.

с. Новоселовка Краснолиманского р-на. Поселение выявлено в 1981 г. В.В. Цимидановым, раскапывалось в 1988 г. (рис.2, 56). Оно находилось на боровой террасе правого берега р. Нетриус на расстоянии 2,8 км от ее впадения в Северский Донец. В керамическом комплексе памятника представлена керамика срубных [Цимиданов, 1989/178] и, как нам представляется, ББК типов.

с. Рай-Стародубовка Славянского р-на. Поселение (рис.3, 57) в 1978–1980 гг. раскапывалось В.Ф. Клименко. Оно находится на высоком правом берегу, на мысу, образованном руслом р. Северский Донец и б. «Рыбий хвост». Площадь поселения равна 3 га, толщина культурного слоя 1–1,2 м. Памятник многослойный, материалы позднего бронзового века (КМК, срубной, бондарихинской культур) стратиграфически не разделены. По предварительному сообщению автора раскопок, основная масса керамики относится к срубным (2/3) и бондарихинским типам (1/3) типам [Клименко, 1978/74а; 1981, с.255–256; 1999, с.86–88; Список памятников археологии Украины. Донецкая область, 1988, с.85–86]. Часть керамического комплекса сопоставима с посудой ББК.

с. Романовка Константиновского р-на. При проведении разведочных работ на р. Кривой Торец в 1974 г. Т.А. Шаповаловым осмотрено поселение (рис.1, 58), которое по представленной на нем керамике датировано концом сабатиновского–началом белозерского времени [Шаповалов, 1975, с.372].

с. Рубежное Добропольского р-на. Поселение (рис.1, 59) выявлено разведками С.М. Дегерменджи, Ю.Б. Полидовича, В.В. Цимиданова в 1994 г. на левом берегу р. Грузской. На памятнике выявлена керамика эпохи неолита и срубной культуры [Дегерменджи, Полидович, Цимиданов, 1994/111]. В керамическом комплексе присутствует также серия горшков, которую правомерно соотнести с древностями ББК.

г. Славянск Славянского р-на. Судя по находке тальковой формы для отливки колоколовидных подвесок, горизонт ББК присутствовал на разрушенном поселении (рис.2, 60), выявленном в 1979 г. при проведении разведочных работ на р. Бахмут [Отрощенко, 1986, рис.34; Татаринов, 1993, с.98, табл.12, 14].

с. Старая Ласпа Тельмановского р-на. Поселение (рис.1, 61; 54, 9, 13; 57, 3, 5, 7–9, 12, 13, 16–18) исследовалось в 1999 г. О.Я. Приваловой. Памятник расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Кальмиус, его площадь равна около 350 x 120 м, толщина культурного – 0,3–1 м. Исследованы два жилища и хозяйственная постройка с каменными кладками. В них найдены кости животных, обломок бронзового серпа, срубная керамика [Привалов, 1999, с.31–35, рис. на с.34; Привалова, 2000, с.105–107, рис.1], среди которой присутствуют обломки посуды ББК.

с. Старый Караван Краснолиманского р-на. Поселение (рис.2, 62) исследовано в 1977 г. Т.А. Шаповаловым, В.Ф. Клименко, А.И. Духиным. Оно занимает мысообразный участок первой надпойменной террасы, возвышающийся над поймой на 7 м. Выделяются два стратиграфических горизонта. Нижний горизонт содержит материалы КМК и срубные. Верхний относится к заключительному этапу позднего бронзового века. По мнению авторов раскопок, происходящую из верхнего горизонта керамику по культурной принадлежности можно разделить на две группы – срубную и бондарихинскую, соответственно составляющие 2/3 и 1/3 часть всех находок. Среди срубной керамики около 50 % составляют «архаические типы», вторая половина этой серии сопоставима с керамикой культур заключительного этапа позднего бронзового века [Шаповалов, Клименко, Духин, 1978, с.399].

с. Стыла Старобешевского р-на. В 1981 г. совместной экспедицией Донецкого областного краеведческого музея и Областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры исследовано поселение (рис.1, 63), расположенное в уроч. Макри-Хая на невысоком мысу правого берега б. Щучья. Площадь поселения равна 0,2 м, толщина культурного слоя – 0,4–0,6 м. Частично раскопаны остатки жилища и хозяйственных построек с каменной кладкой. Авторы раскопок рассматривают поселение как однослойное и в культурно-хронологическом отношении сопоставляют с Николаевским [Привалов, Привалова, 1981/82; Привалова, 1983, с.309–310].

с. Шевченко Великоновоселовского р-на. Поселение Шевченко-1 (рис.2, 64) выявлено в 1993 г. сотрудниками Донецкого областного краеведческого музея на возвышенной части правого берега р. Волчья. Его площадь равна 3,6 га. Среди срубной керамики присутствует серия обломков горшков, которые, по нашему мнению, сопоставимы с образцами постсрубной посуды [Дегерменджи, Кузин, Подобед и др., 1993/32].

с. Щурово Краснолиманского р-на. Памятник (рис.1, 65) открыт в 1976 г. Т.А. Шаповаловым. Он расположен на левобережном мысообразном выступе р. Северский Донец. В осыпях соб-

рана срубная керамика, часть которой представлена обломками профилированных горшков с валиками, расположенными на плечиках [Шаповалов, Духин, 1977, с.388–389].

Запорожская область

пгт. Васильевка Васильевского р-на. Поселение Васильевка-1 (рис.1, 1) выявлено разведками экспедиции ИА АН УССР, проводимыми под руководством Д.Я. Телегина и О.Г. Шапошниковой в 1957 г. Памятник находится на берегу Каховского водохранилища в уроч. Лысая гора. Высота берега над уровнем воды составляет 4–5 м. Толщина культурного слоя равна 1–1,2 м. Зафиксированы остатки каменных фундаментов построек и хозяйственных ям. По наблюдениям И.Н. Шарафутдиновой, керамика поселения в культурном отношении близка выявленной на Белозерском лимане. Некоторые экземпляры посуды сопоставлены с сабашиновско-белозерскими формами Змеевки [Шарафутдинова И.Н., 1961, с.19–20].

с. Верхняя Тарасовка Токмакского р-на. Поселение (рис.2, 2; 92, 1–3; 93, 17; 94, 10, 11; 95, 13–16, 21; 96, 6–9) выявлено разведками экспедиции ИА АН УССР, проводимыми в 1957 г. под руководством Д.Я. Телегина и О.Г. Шапошниковой. Оно занимает край правобережной надпойменной террасы, возвышающейся над уровнем Каховского водохранилища на 3 м. До строительства плотин ее высота составляла не менее 7 м над уровнем р. Тарас, протекавшей в пойме Днепра. Площадь поселения составляла около 4 га. Культурный слой позднего бронзового века залегал на глубине 0,6–0,8 м от современной поверхности. В обрыве берега зафиксированы остатки котлованов двух жилищ. В керамическом комплексе представлены обломки сабашиновской, белозерской и постсрубной (ББК – В.Р.) посуды. Найдены также изделия из бронзы и камня [Шарафутдинова И.М., 1961, с.14–16, табл. I, 7–11; II, 1, 5–7; 1982, с.14; Гершкович, 1998, с.63, рис. 7; 10].

пгт. Каменка-Днепровская Каменско-Днепровского р-на. На окраине населенного пункта известно два поселения заключительного этапа позднего бронзового века.

Поселение Белозерский лиман-1 (рис.2, 3; 91, 3, 4, 16–18; 92, 12–15; 93, 1, 10–15; 94, 2–4, 14–17; 96, 1, 5, 21, 24, 30; 97, 11; 98, 8–11, 13) находилось в пределах Каменского городища на высокой первой надпойменной террасе Белозерского лимана. Памятник раскапывался О.А. Кривцовой-Граковой в 1947 г. Культурный слой относительно хорошо сохранился только в нижней части, содержащей материалы срубной (ББК – В.Р.), скифской, сарматской культур и средневековья. Из слоя и котлована исследованного на памятнике жилища происходит представительная серия эталонной керамики ББК (горшки с воротничковым оформлением венчика, орнаментированные в основании шейки валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями, оттисками зубчатого штампа; банки, столовая посуда). Найдены также бронзовые ножи, шилья, кремневый наконечник стрелы [Кривцова-Гракова, 1949, с.76–85, рис.30–34; 1955, с.118–119, рис.27].

Поселение Белозерский лиман-2 (рис.2, 4; 91, 5, 9, 19–22; 93, 2, 3, 24, 25; 94, 5–8, 18; 95, 1, 2, 20; 96, 25–27) расположено в 0,5 км от окраины пгт. Каменка-Днепровская. Оно занимает участок берега за пределами вала Каменского городища. Памятник начал разрушаться водами лимана в начале XXI в., что было зафиксировано местными краеведами. Тогда же поселение было осмотрено Н.А. Гаврилюк. Площадь поселения составляет около 2,5–3 га, толщина культурного слоя – 0,6 м. В культурном слое представлены материалы позднего бронзового века, в его верхней части – скифского времени. Собраны выразительные серии орудий из камня и кости [Гаврилюк, 2003, с.77–80], Керамика подобна посуде соседнего поселения Белозерский лиман-1 и других поселений ББК.

с. Федоровка (хут. Божков) Запорожского р-на. Поселение (рис.2, 130; 93, 19; 94, 12) расположено на правом берегу р. Днепр. В 1930–1931 гг. оно исследовалось А.К. Тахтаем, которым была вскрыта площадь 800 кв. м. Исследованы остатки однокамерных и многокамерных построек с каменными стенами, образующих закрытые хозяйственно-жилые комплексы. В коллекции белозерской керамики присутствуют обломки горшков [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.26–33, рис.36] с орнаментальными элементами, характерными для ББК и культур восточной зоны общности КВК.

Кировоградская область

ст. Хировка Знаменовского р-на. В 1949 г. Правобережной скифской экспедицией ИА АН УССР под руководством А.И. Тереножкина в уроч. Черный лес, на высоком правобережном мысу, образованном Ингульцом и его правым притоком р. Чернолесская исследуется городище. В площади так называемого «круглого укрепления» обнаружены остатки поселения заключительного этапа позднего бронзового века (рис.2, 71), в материалах которого представлены обломки «позднесрубной» (ББК – В.Р.) посуды. Стратиграфические наблюдения показали, что это поселение существовало в естественно укрепленном урочище до возведения в нем оборонительных сооружений [Тереножкин, 1952, с.117–120; 1961, с.17, 20, 30].

Луганская область

с. Давыдово-Никольское Краснодонского р-на. Памятник (рис.3, 104; 101, 14–16; 102, 21–23; 105, 14, 15; 106, 9–13; 109, 18–22) открыт К.И. Красильниковым в 1981 г. В 2007–2008 гг. он исследовался экспедицией Луганского отделения Восточно-украинского филиала ИА НАН Украины. Поселение расположено на правом берегу р. Северский Донец ниже г. Луганск на невысоком мысе надпойменной террасы. Поселение многослойное. По информации А.С. Пробейголовой, его ранний период относится к срубной КИО, второй – к финалу бронзового века, третий – к раннему средневековью. Слой бронзового века, залегающий на глубине 0,6–1,8 м, разделяется на два горизонта – верхний (0,95 м) с материалами заключительного этапа позднего бронзового века и нижний (0,95–1,8 м) – с материалами срубной КИО. Среди керамики второго горизонта присутствуют горшки и кубковидные сосуды, которые А.С. Пробейголовой сопоставлены с бондарихинскими и белозерскими [Пробейголова, 2008, с.243–244; 2009, с.126–132].

с. Кременная Кременского р-на. В окрестностях населенного пункта в 1996–1999, 2004, 2008–2009 гг. исследовано семь поселений позднего бронзового века: Озеро Клешни Второе-1, 4; Черниково Озеро-2; Клешня-1 (Клешня Первая-1), Клешня-3, Темино, Заозерное-1. Два раскапывались экспедицией Луганской археологической инспекции, четыре – экспедицией Восточно-Украинского ГУ. Часть происходящей из них керамики позднего бронзового века близка богуславско-белозерской. Авторами раскопок и публикаций эти материалы рассматриваются как бондарихинские. Еще один памятник – поселение Борькин ручей – исследован сотрудниками археологического центра «Спадщина» Восточно-Украинского ГУ в 2006 г.

Поселение Озеро Клешни Второе-1 (рис.2, 72) расположено на мысообразном выступе левобережной боровой террасы р. Северский Донец. Его высота над уровнем летнего стояния воды составляет 3,5 м. На поселении представлены материалы энеолита, катакомбной, срубной, постсрубной, бондарихинской культур, раннего средневековья. Толщина культурного слоя составляет 0,85 м. Слой, содержащий керамику позднего бронзового века, залегают на глубине 0,2–0,6 м [Телиженко, Манько, Ковалева В.А., 1999, с.19, 25–27, рис.14–17].

Поселение Озеро Клешни Второе-4 (рис.2, 73) расположено в 0,15–0,2 км от поселения Озеро Клешни Второе-1 на первой надпойменной левобережной террасе рядом с одноименным озером. При раскопках памятника найдены единичные обломки «бондарихинской» керамики [Супрун, 1999, с.70–71, рис.5; 1999а, с.94–96, рис.1].

Поселение Черниково Озеро-2 (рис.2, 74; 85, 1–7; 87, 20; 89, 8) расположено в пойме левого берега р. Северский Донец на песчаном возвышении, вытянутом вдоль одноименного озера. Площадь поселения составляет около 1 га. На памятнике представлены материалы неолита, энеолита, катакомбной культуры, позднего бронзового века. «Бондарихинские» материалы залегают в дерне и слое гумусированого песка на глубину до 0,6 м от современной поверхности. Они включают обломки банок, профилированных горшков, орнаментированных расчлененными косыми насечками валиками и рядами косо поставленных прочерченных отрезков, глиняные «хлебцы», льячки, изделия из камня и кости [Супрун, 1999а, с.70, рис.1, 2; 2, 3].

Поселение Клешня-1 (Клешня Первая-1) (рис.2, 75; 74, 16–30; 75, 10–16; 90, 11) расположено в левобережной пойме Северского Донца на мысе боровой террасы. Высота мыса над уровнем летнего стояния воды равна 6 м. Сохранившаяся площадь поселения составляет около 0,03 га. В 1995 г. памятник исследован траншеей, в которой выявлены материалы, аналогичные представленным на поселении Черниково Озеро-2. В 2004 г. работы на поселении были

продолжены. Их результатом стала констатация существования на памятнике двух горизонта – «финально-срубного» и бондарихинского [Супрун, 1999а, с.70, рис.4; Телиженко, Манько, Ковалева В.А., 1999, с.19–43; Иваницкий, 2005, с.274–278].

Поселение Темино (рис.2, 76; 75, 1–9) находится в окрестностях оз. Клешня. Памятник однослойный. Судя по опубликованным материалам [Супрун, Черных Е.А., Прынь, 2000, с.145, рис.17], керамический комплекс сопоставим с представленным на памятниках ББК.

Поселение Клешня-3 (рис.2, 132; 62, 8–10; 67, 1–8, 23, 24; 68, 18; 71, 17; 81, 16; 84, 25, 26, 29) расположено на высокой песчаной надпойменной террасе левого берега р. Северский Донец на склоне берега оз. Клешня Второе. Исследовано С.А. Телиженко и В.А. Манько. Площадь раскопа равна 307 кв. м. Памятник содержит отложения позднего энеолита, позднего бронзового века, средневековья. Горизонт позднего бронзового века представлен керамикой, среди которой выделяются малобудковско-бондарихинская и серия обломков горшков с элементами орнаментов, характерных для посуды восточной зоны общности КВК [Телиженко, Черних Е.О., 2006, с.91–121].

Поселение Борькин ручей (рис.1, 136; 2, 136; 3, 136) расположено между озерами Клешня и Черняково на дюне боровой террасы. Исследовано траншеей площадью 18 кв. м. Стратиграфически выделяются три слоя – нижний «позднесрубный», средний «малобудковский» и верхний «бондарихинский». На большей части траншеи нижний и верхний горизонты разделены стерильной прослойкой [Иваницкий, 2010, с.200–212]. В культурном отношении нижний стратиграфический горизонт памятника может быть отнесен к ББК этапа прото-ББ/ББ1. Керамика ББК присутствует также в среднем и верхнем горизонтах.

Поселение Заозерное-1 (рис.2, 139) расположено на мысообразном участке боровой террасы левого берега р. Северский Донец. Исследовано площадью 176 кв. м. Памятник многослойный, в его культурном слое, толщиной 1 м, присутствуют материалы мезо-энеолита, средней и поздней бронзы, раннего средневековья. Керамика позднего бронзового века, определена А.И. Стадником как позднесрубная и датирована XII–XI вв. до н. э. Культурная принадлежность небольшой серии обломков посуды отнесена к малобудковской культуре [Стадник, 2011, с.262–271].

с. Орехово-Донецкое Славяносербского р-на. Поселение Орехово-Донецкое-4 (рис.3, 77; 99, 6–16; 100, 24–30; 102, 12, 19, 20; 103, 16–19; 104, 19–21; 105, 11–13; 106, 5–8; 108, 16–24; 109, 1–17; 110, 19, 20, 23, 24, 26–38; 111, 5, 6; 112, 1–4, 6–11, 13–15; 113, 16–18) в 1982 и 1984 гг. раскапывалось отрядом экспедиции Ворошиловоградского (Луганского) областного краеведческого музея. Оно расположено на первой террасе левого берега р. Северский Донец. Раскопано 665 кв. м. Толщина культурного слоя достигает 0,8 м. На раскопе 1 исследованы три помещения и четыре хозяйственные ямы. На раскопе 2 – два помещения и четыре хозяйственных ямы. В составе инвентаря, происходящего из жилищ и культурного слоя, представлена керамика, орнаментированная «тычками», наколами концом палочки, пальцевыми защипами-«бантиками», что позволяет В.Н. Горбову и А.Н. Усачуку рассматривать памятник в бондарихинском культурном контексте. Столовая керамика, украшенная сложным геометрическим орнаментом, сопоставляется с белогрудовско-чернолесской [Усачук, 1985, с.26–27; Горбов, Усачук, 1990, с.120–122; 2001, с.15–45]. В последней работе, посвященной описываемому памятнику, авторы частично соглашаются с выдвинутым нами тезисом [Ромашко, 1998, с.79–95] о местных богуславско-белозерских и бондарихинских истоках такой керамики на территории Левобережной Украины [Горбов, Усачук, 2001, с.42–43]. Присутствует в керамическом комплексе поселения и посуда, восходящая к срубным и ББК традициям, что также свидетельствует о его синкретизме и обуславливает сопоставление с памятниками этапа ББ2.

Полтавская область

с. Биланы Кременчугского р-на. Поселение Биланы-1 (рис.2, 78; 66, 12; 67, 18–20; 70, 19; 72, 14; 73, 32; 80, 13; 81, 13, 14) находится на левом берегу р. Рудька, на склоне третьей террасы, высотой 4–4,5 м у заболоченной поймы. Площадь поселения составляет 1,5–1,8 га, толщина культурного слоя – около 0,4 м. Материалы памятника отнесены А.Б. Супруненко и В.В. Шерстюком к срубной культуре [Супруненко, Шерстюк, 2006а, с.50–58]. Представляется, что в культурно-хронологическом отношении памятник сложнее. Значительная часть керамической серии представлена посудой, находящей аналогии в постсрубных памятниках общности КВК.

г. Бельск Котелевского р-на. Материалы ББК выявлены в площади Бельского городища раннего железного века (Бельск-5). Памятник (рис.2, 79) расположен на высоких холмах правого берега Ворсклы, на водоразделе междуречья этой реки и Сухой Груни. Высота береговых круч в районе городища составляет около 100 м. Местность характеризуется наличием системы родников [Шрамко Б.А., 1975, с.374–375; 1987, с.24–25; Буйнов, 1981/№ 600; Берестнев, 2001, с.76].

с. Лихачевка Котелевского р-на. Поселение (рис.2, 80; 58, 18–29; 61, 14–17; 64, 1–3; 65, 11, 12; 68, 11–13; 69, 24–27; 71, 11, 12; 72, 7; 79, 11–16, 30; 80, 5–9; 81, 11, 17; 82, 20), расположенное на правом, коренном, берегу р. Ворскла, раскапывалось экспедицией ДонГУ под руководством А.А. Моруженко в 1977–1983 гг. Основная часть материалов памятника относится к скифской культуре. Керамика заключительного этапа позднего бронзового века выявлена в северо-восточной части раскопа I. Она приурочена к прослойке золистого песка толщиной 0,3 м. По мнению В.Н. Горбова и Р.А. Литвиненко, культурная принадлежность этих материалов может быть определена как позднесрубная [Моруженко, 1977/87; Горбов, Литвиненко, 1997, с.69–79].

с. Максимовка Кременчугского р-на. Поселение (рис.2, 81) расположено на острове в пойме левого берега р. Днепр. Памятник выявлен в 1958 г. разведками Кременчугской экспедиции ИА АН УССР, которую возглавлял В.Н. Даниленко [Даниленко В.Н., 1958/1г; Куштан, 2007/№ 864, с.190, рис.22, 14–20]. На поселении представлены материалы КМК и заключительного этапа позднего бронзового века, в том числе выразительные серии посуды, которая находит аналоги в комплексах позднесабатиновской, белозерской, ББК и культур общности КВК восточной зоны.

с. Малая Рублевка Котелевского р-на. На поселении Малая Рублевка-1 (рис.2, 82) С.И. Берестневым в 1979 г. проведены незначительные по объему раскопки. Памятник расположен на песчаной дюне правого берега р. Мерла. Ее высота над уровнем поймы составляет 3 м. По определениям автора раскопок, в культурном слое содержатся материалы срубной, бондарихинской и скифской культур. Срубный горизонт памятника рассматривается в рамках заключительного этапа лесостепной срубной культуры [Берестнев, 1979/109]. С.И. Воловиком отмечено присутствие на памятнике обломков посуды малобудковского типа [Воловик, 1991, с.16].

с. Низы в окрестностях г. Комсомольск. Поселение Низы-2 (рис.1, 83; 36, 18, 19; 37, 11, 12; 38, 13; 42, 17; 43, 9, 10) находится на левом берегу р. Псел на возвышении пойменного полуострова над оз. Раковское. Его площадь равна 1,5 га. Памятник исследован А.Б. Супруненко и В.В. Шерстюком в 2006 г. По их определениям, на поселении представлены материалы раннего бронзового века, сабатиновской культуры, древнерусского и позднесредневекового времени [Супруненко, Шерстюк, 2006а, с.127–129]. Присутствие на памятнике обломков черпака, миски-сковороды, мисок, лощеной столовой посуды позволяет констатировать наличие на памятнике материалов постсрубного времени.

с. Хитцы Лубенского р-на. И.Н. Кулатовой в 1988 г. при проведении разведочных работ на р. Удай собраны разновременные материалы (рис.3, 84) [Кулатова, 1989, с.57, рис.8, 9]. В коллекции керамики позднего бронзового века присутствуют экземпляры, типологически близкие посуде бондарихинских и ББК памятников сопредельных территорий.

с. Чикаловка Кременчугского р-на. Памятник (рис.1, 85; 27, 9; 30, 7–9, 20; 32, 8–10; 33, 9–16; 34, 10–13; 36, 14–17; 37, 7, 8, 28; 38, 12, 18; 39, 5; 41, 7–14; 42, 1, 7, 14, 15, 23; 43, 6–8, 23, 24; 44, 2, 4, 5, 13, 14, 26, 27, 38, 39; 47, 14, 15; 48, 3, 11, 15; 49, 15–18; 50, 8, 9, 14, 15) расположен на возвышении в правобережной пойме, в 2 км от р. Днепр. В древности возвышение было отделено от первой надпойменной террасы рукавом Днепра. Поселение выявлено в 1959 г. Днепродзержинской экспедицией ИА АН УССР [Митрофанова, Телегин, Шмаглий, 1962, с.98], в 1960–1961 гг. раскапывалось И.Н. Шарафутдиновой [Шарафутдинова И.М., 1964, с.153–169, 1982, с.18, 20–21, рис.3, 1; 5; 33, 1–15]. Площадь поселения составляла 350 x 100 м. На поверхности зафиксировано более двадцати золистых пятен, отмечающих местонахождение котлованов жилищ, пять из которых раскопаны. Исследованная площадь равна 550 кв. м. И.Н. Шарафутдиновой поселение интерпретировано как раннесабатиновское [Шарафутдинова И.М., 1964, с.167–169; 1982, с.143; 1986, с.88], А.М. Лесковым как сабатиновское [Лесков, 1967, с.151], Н.Н. Чередничко как срубное старшей сабатиновской ступени [Чередничко, 1977, с.5]. Более перспективной в плане определения хронологического положения рассматриваемого памятника оказалась позиция

С.С. Березанской, относящей его к белогрудовской культуре [Березанская, 1982, с.80]. Эта точка зрения частично нашла подтверждение в построениях Д.П. Куштана, который приходит к заключению о поликультурном характере поселения. По его определениям, здесь представлены образцы белогрудовской, позднесрубной, раннегалльштатской, Ноуа–Сабатиновка–Кослодженъ, хвальинской (ивановской), саргаринско-алексеевской культур. Датирован памятник позднесабатиновским и раннебелозерским временем (XIII–XII вв. до н. э.) [Куштан, 2006, с.259–272].

Сумская область

с. Добрянское Великописаревского р-на. Поселение Добрянское-1 (рис.1, 105) выявлено С.И. Берестневым в 1979 г. [Берестнев, 1979/109] на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Ворскла. Его материалы первоначально отнесены исследователем к среднему этапу лесостепной срубной культуры [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99], позже – к позднему этапу [Берестнев, 2001, рис.95].

с. Ницаха Тростянецкого р-на. Поселение (рис.2, 86; 3, 86; 72, 11; 107, 1–3) расположено на мысообразном выступе первой надпойменной террасы левого берега Ворсклы. Высота выступа над уровнем поймы составляет 7,5 м. Площадь поселения 4,5 га. Памятник раскапывался Г.Т. Ковпаненко в 1960 г. Ею выделяются два культурно-хронологических горизонта – бондарихинский и чернолесский. В раскопе I и некоторых шурфах в нижней части культурного слоя вместе с бондарихинской найдена малобудковская керамика [Ковпаненко, 1967, с.22–31, рис.7–11]. Культурная принадлежность некоторых образцов керамики заключительного этапа позднего бронзового века может быть определена как ББК.

Черкасская область

с. Белозорье Черкасского р-на. Памятник (рис.1, 87; 48, 10; 49, 13; 50, 6) расположен на краю мыса левого берега р. Ирпень, рядом с ж/д ст. Пионерская. Небольшой площадью он раскапывался Д.П. Куштаном в 1998 г. Толщина культурного слоя 0,3 м. Большая часть материалов памятника интерпретирована автором раскопок как позднесоснинская и позднесабатиновско-раннебелозерская [Куштан, 1999, с.17–19].

с. Волковка Смелянского р-на. Поселение (рис.3, 88; 110, 18; 111, 4, 9, 10, 13, 18; 112, 12, 16; 113, 10–12, 23), раскапывавшееся в 1990–1991 гг. О.В и Т.Л. Битковскими, занимает часть левобережного мыса р. Сребрянки. Площадь раскопа составила около 2 га. Исследовано пять жилищ и хозяйственные ямы. Материальный комплекс памятника представлен керамическими сериями «белогрудовско-чернолесского типа», изделиями из кости, камня, кремня, бронзовым черешковым наконечником стрелы [Осташков, 1995, с.44; Куштан, 2007/№ 864]. По нашему мнению, в керамической серии представлены и образцы постсрубной посуды.

с. Леськи Черкасского р-на. В пойме правого берега р. Днепр, на мысовидных выступах песчаного возвышения, вдоль берега одной из днепровских протоков на расстоянии 2 км друг от друга находятся два поселения позднего бронзового века – Леськи-3а (рис.3, 89; 101, 13; 102, 9, 10, 17; 103, 15; 104, 15; 105, 1–5, 21; 108, 12, 26; 110, 16; 113, 25, 33) и Леськи-3б (рис.3, 90; 99, 18; 102, 11, 18; 104, 16–18; 105, 6–10, 22; 108, 14, 15; 110, 21, 25; 113, 24, 26, 27, 34–39). Памятники выявлены в 1981 г. экспедицией ИА АН УССР «Славутич». В 1999–2001 гг. они обследовались Д.П. Куштаном. Серия собранной на размывах керамики разделена Д.П. Куштаном на четыре группы: керамика тшинецкого типа, малобудковско-бондарихинская, «позднесрубная белозерского времени», белогрудовско-чернолесского типа [Куштан, 2003, с.154–157].

с. Липовское Золотоношского р-на. В окрестностях населенного пункта в 1996 г. Черкасской Лесостепной археологической экспедицией на размывом водами Кременчугского водохранилища поселении (рис.1, 91) собрана коллекция керамики, отнесенная Д.П. Куштаном к позднесабатиновскому времени [Куштан, 1996/36, с.5–8].

с. Мошны Черкасского р-на. В окрестностях села, в междуречье Тясьмина и Роси, в 1958 г. отрядом Первобытно-скифской экспедиции ИА АН УССР под руководством А.И. Тереножкина и В.А. Ильинской исследовано поселение (рис.1, 92, 2, 92), занимающее дню в заболоченной пойме р. Ольшанка. Сохранившаяся часть поселения исследована полностью, вскрытая площадь составила 1100 кв. м. Толщина культурного слоя равна 0,4 м. Культурная интерпретация

памятника оказалась неоднозначной. Исследователями он рассматривался в рамках комаровской, восточнотшинецкой, сосницкой культур [Ильинская, 1960, с.55, 56; Березанская, 1972, с.129; 1976, с.215]. В.А. Ильинской отмечено присутствие в комплексе серий керамики, сопоставимой с КМК, позднесрубной и белозерской [Ильинская, 1960, с.50, 57]. Д.П. Куштаном выделены серии керамики, сопоставимой, по его мнению, с позднесрубной, сусканской, сагаринско-алексеевской [Куштан, 2005, с.104–105, рис.1, 1–14].

с. Самовица Чернобаевского р-на. В 1990-х гг. сотрудниками Черкасской Лесостепной археологической экспедиции выявлены остатки разрушенного водами Кременчугского водохранилища поселения Самовица остров-1 (рис.2, 93; 3, 93; 85, 20; 90, 1, 6, 7, 14, 17–22; 113, 6, 8), расположенного на дюне в левобережной пойме р. Днепр. На нем собрана керамика, культурная принадлежность которой определена как хвалынская (ивановская), малобудковская и белогрудовская. В коллекции представлены также изделия из бронзы и кремня [Куштан, Дяткін, 2000, с.69–86].

с. Сахновка Корсунь-Шевченковского р-на. Поселение (рис.2, 94; 85, 24) находится на краю возвышения в заболоченной пойме левого берега р. Рось. На нем присутствуют материалы [Кухаренко, 1963, с.248–249], сопоставимые с представленными в памятниках ББК.

с. Суботов Чигиринского р-на. В окрестностях населенного пункта известно два поликультурных памятника с материалами ББК.

Суботовское городище занимает участок склона высокого холмистого берега р. Суботь. Памятник исследовался в 1950–1970-х гг. экспедицией ИА АН УССР под руководством А.И. Тереножкина при участии МГУ. Работы на городище проводились также совместной украинско-немецкой экспедицией в 1994–1995 гг. Всего на памятнике исследовано 4500 кв. м. В его материалах А.И. Тереножкиным, кроме белогрудовско-чернолесской керамики, выделена серия «позднесрубной» посуды. Я.П. Гершковичем на городище выделены два горизонта переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку. По его заключению, в горизонте Суботов II присутствует керамика, аналогичная посуде культур каннелированного и прочерченного гальштата Карпато-Подунавья и Поднестровья, в горизонте Суботов III также представлены многочисленные серии посуды западного происхождения, аналогии которой происходят из более поздних памятников штампованного гальштата, таких как Бабадаг II, Инсула-Банулуй, Пшеничево, Козия-Сахарна и др. С обеими горизонтами связаны находки образцов малобудковско-бондарихинской и восточной (саргаринско-алексеевской) керамики, а также «гибридные типы» посуды, сочетающие признаки двух или даже трех керамических групп (рис.2, 95; 65, 23–28; 67, 12; 72, 13) [Тереножкин, 1952, с.117–135; 1961, с.4, 34–37; Граков, Тереножкин, 1958, с.154–178; Клочко, Гершкович, Мотзенбеккер, 1995/108; Клочко, Ковалюх, Мотзенбеккер, 1998, с.96–98; Лысенко С.Д., 2004, с.249–267; Гершкович, 2005, с.22–23; 2007, с.58–60; Klocho, Kovalyukh, Skripkin, Motzenbecker, 1998, p.667–673].

В 2008 г. экспедицией археологической инспекции управления культуры Черкасской областной госадминистрации под руководством Д.П. Куштана при раскопках загородной резиденции Б. Хмельницкого (рис.2, 135) выделено семь культурно-хронологических горизонтов: среднего бронзового века, начала и финала позднего бронзового века, предскифского и скифского времени, райковецкой культуры и позднего средневековья (XVII в.). Стратиграфически они не разделены. Культурная принадлежность материалов финала позднего бронзового века определяется Д.П. Куштаном как белогрудовско-чернолесская, малобудковско-бондарихинская, ивановская и лебедовская [Куштан, 2010, с.58–64].

с. Чапаевка Золотоношского р-на. Остатки размытого водами Кременчугского водохранилища поселения Чапаевка-8 (рис.2, 96) выявлены и обследовались в 1990-х гг. сотрудниками Черкасской лесостепной археологической экспедиции. Поселение расположено в пойме левого берега р. Днепр. В керамическом комплексе присутствует серия посуды [Куштан, 1996/36, с.17–19; 1998/74, с.11–12], находящей многочисленные аналогии в памятниках ББК, а также в белозерской и белогрудовской культурах.

с. Червонохиженцы Чернобаевского р-на. Поселение Червонохиженцы-2 (рис.2, 97; 58, 30; 65, 13–15; 70, 1, 2; 73, 21, 22; 88, 35; 89, 11, 18; 90, 2) расположено на южном краю возвышения в левобережной пойме р. Днепр. В настоящее время полностью размыто Кременчугским

водохранилищем. В 1998–2000 гг. на его площади Д.П. Куштан собрал коллекцию керамики, среди которой, по его мнению, выделяются культурные группы постмноговаликовой «малополовецкого типа», срубной, сабашиновской, тшинцевской посуды [Куштан, 2002, с.28–30]. Значительная часть керамики сопоставима с представленной на лесостепных памятниках ББК и общности КВК восточной зоны.

Харьковская область

с. Андреевка Балаклеевского р-на. Поселение (рис.2, 98) в 1955 г. выявлено Е.В. Пузаковым. На дюне левого берега р. Северский Донец собраны обломки горшков позднего бронзового века [Пузаков, 1955/14а]. Отдельные образцы посуды находят аналоги в бондарихинской культуре и ББК.

с. Артюховка Змиевского р-на. Расположенный в окрестностях населенного пункта памятник (рис.1, 99) неоднократно осматривался в 1960-х гг. Е.В. Пузаковым, в 1977 г. Ю.В. Буйновым и С.И. Берестневым. Поселение расположено на первой надпойменной террасе р. Мжа. Происходящие из него материалы интерпретированы харьковскими археологами как раннесрубные и бондарихинские [Буйнов, Берестнев, 1978, с.302–303]. С.И. Берестневым памятник рассматривается в рамках позднего этапа срубной общности [Берестнев, 2001, рис.95]. Отдельные фрагменты керамики по орнаментации и морфологическим признакам сопоставимы с посудой, представленной на памятниках ББК.

с. Безлюдовка Харьковского р-на. В окрестностях населенного пункта известны два поселения, на которых представлены интересующие нас материалы.

Пункт Безлюдовка-1 (рис.1, 100) выявлен И.Ф. Левицким в 1939 г. на правобережной террасе р. Уды, сформированной из вынесенного балками грунта. По мнению Ю.В. Буйнова памятник бондарихинский [Буйнов, 1977, с.214]. С.И. Берестнев относит его к среднему этапу лесостепной срубной культуры [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99]. В нашем понимании, памятник многослойный, содержит отложения малобудковской, бондарихинской культуры и ББК.

Второе поселение (рис.1, 101) выявлено С.И. Воловиком в 1984 г. на первой надпойменной террасе р. Студенок. Памятник интерпретирован как бондарихинский [Воловик, 1984/77]. Отметим, что в керамической серии представлены обломки горшков с косо расчлененными валиками.

пгт. Богодухов Богодуховского р-на. Поселение Богодухов-1 (рис.2, 102) раскапывалось В.П. Андриенко в 1970 г. Памятник расположен на пологом склоне возвышения левобережной надпойменной террасы р. Мерла. Выявленные на нем материалы позднего бронзового века позволили С.И. Берестневу включить поселение в группу позднейших памятников лесостепной срубной культуры [Андриенко, 1970/77; Берестнев, № 61:84-7/99].

с. Васищево (ныне в черте г. Харьков). В 1950 г. сотрудниками Харьковского исторического музея А.А. Потаповым и И.Н. Лункевичем на р. Уды осмотрено разрушенное поселение (рис.2, 103; 59, 7–9; 61, 18; 65, 22; 72, 12; 73, 23–26; 79, 24). Собранная керамика отнесена к катакомбной и срубной культурам [Кривцова-Гракова, 1955, с.94–95, 111, рис.20]. В коллекции «срубной» керамики преобладает посуда ББК.

с. Залинейное Зачепиловского р-на. Поселение (рис.3, 106; 13; 99, 3; 100, 4–6; 101, 4, 5; 102, 4–6, 15; 103, 1, 2; 104, 11, 12; 105, 17–19; 106, 2–4; 107, 14–19; 110, 12, 13; 111, 7, 11, 12, 20, 21; 113, 20, 22) находится на правом берегу р. Орель, напротив поселения Бузовка. Оно занимает мыс, являющийся останцем высокого коренного берега. С трех сторон мыс окружен руслом реки и ее заболоченными заливами. Общая площадь поселения составляет около 2 га. Культурный слой перекрывал большой могильник нео-энеолитического времени [Ковалева И.Ф., 1984, с.25–43]. Верхняя часть культурного слоя толщиной 1 м разрушена вспашкой и насыщена культурными остатками XVII–XIX вв. В его нижней части концентрировались материалы неолита, в верхней – позднего бронзового века. Происходящая из него керамика представлена обломками посуды, аналоги которой известны в белозерской, бондарихинской культурах, ББК, культурах фракийского гальштата. На памятнике выявлены остатки четырех жилищ. Их культурная принадлежность первоначально определена нами как бондарихинская [Ромашко, 1983, с.54–60, рис.1–2; 1995б, с.23, рис.14; 15], что не вполне адекватно отражает культурное содержание памятника в свете

современных представлений о заключительном этапе позднего бронзового века Левобережной Украины.

с. Клугино-Башкировка Чугуевского р-на. Поселение (рис.1, 107) выявлено Е.В. Пузаковым в 1964 г. на левом берегу р. Великий Бурлук у ее впадения в Северский Донец [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99; 2001, рис.95]. Среди керамики позднего бронзового века представлены и посуда ББК.

пгт. Коломак Коломакского р-на. Поселение Коломак-3 (рис.2, 108) занимает выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Коломак. С.И. Берестневым памятник отнесен к заключительному этапу лесостепной срубной культуры [Берестнев, 1979/109; 2001, рис.95].

с. Липцы Харьковского р-на. Поселение Липцы-1 (рис.2, 109; 59, 22; 66, 10, 11; 67, 16, 17; 70, 17) выявлено на Б.А. Шрамко в 1971 г. Оно расположено на возвышенном участке правого коренного берега р. Харьков [Шрамко Б.А., 1971/46; Берестнев, 2001, с.76, рис.100, 8–13]. Культурный слой толщиной 0,8 м содержит материалы бондарихинской культуры, ББК и средневековые.

с. Любовка Краснокутского р-на. В окрестностях населенного пункта известно два поселения с материалами заключительного этапа позднего бронзового века.

Поселение Любовка-1 (рис.2, 111; 62, 1; 64, 22; 66, 13, 14; 70, 20; 71, 18; 72, 15; 79, 26, 27; 83, 26) раскапывалось в 1974 г. Б.А. Шрамко. Оно расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Мерла. Площадь поселения равна 2 га. На нем выделены два стратиграфических горизонта. Верхний горизонт, толщина которого составляет 0,55–0,6 м, насыщен материалами скифского времени. Нижний горизонт, находящийся на глубине 0,6–0,95 м от современной поверхности, содержит материалы заключительного этапа позднего бронзового века. С нижним горизонтом связаны жилище и хозяйственные ямы [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, с.101–108; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99], В предварительных сообщениях, жилище интерпретировано как бондарихинское [Буйнов, Дьяченко, Шрамко Б.А., 1978, с.303–304]. Часть происходящей из него керамики находит аналоги в памятниках ББК.

Поселение в уроч. Луговое (рис.3, 110) расположено на дюне в правобережной пойме р. Мерла. Оно исследовано в 1974 г. А.А. Моруженко, В.К. Михеевым, Б.А. Шрамко. По их мнению, памятник является однослойным бондарихинским [Михеев, Моруженко, Шрамко Б.А., 1975, с.328–329]. В культурном отношении он более сложен, так как в составе керамического комплекса, кроме обломков бондарихинской посуды, присутствует серия горшков, украшенных позитивными и негативными «жемчужинами», гладкими и расчлененными пальцевыми вдавлениями валиками, расположенными на корпусе или под шейкой.

с. Мерефа Харьковского р-на. В районе населенного пункта известно два поселения с материалами ББК.

Первое (рис.1, 112) выявлено разведочными работами И.Ф. Левицкого в 1948 г. Оно занимает останец правого берега р. Мжа. Толщина культурного слоя достигает 2–2,3 м, в нем представлены материалы неолита, срубной (в том числе ББК – *В.Р.*), бондарихинской, скифской культур. Судя по описанию И.Ф. Левицкого, обломки «позднесрубной» посуды происходят из верхнего горизонта этого слоя [Левицкий, 1948/17].

Второе поселение – Мерефа-4 (рис.2, 137), выявлено в 2008 г. И.В. Голубевой. В том же году исследовалось Слобжанской археологической службой и ХНУ. Оно занимает дюну в левобережной пойме р. Мжа. Площадь памятника составляет 150 x 100 м, площадь раскопа – 110 кв. м. По информации К.Ю. Пеляшенко и Ю.В. Буйнова, культурный слой толщиной 0,25–0,3 м содержит материалы КМК, первого периода БМСК и постсрубной культуры [Пеляшенко, Буйнов, 2009, с.225–227].

с. Новодоновка Волчанского р-на (в настоящее время затоплено водами Печенежского водохранилища). Поселение Новодоновка-1 (рис.2, 113; 59, 18–20; 64, 16; 66, 8, 9; 70, 15; 73, 31; 79, 22, 25; 81, 18) выявлено в 1959 г. разведками Д.Я. Телегина, Е.В. Пузакова, В.К. Михеева. На краю первой надпойменной террасы левого берега Северского Донца собрана керамика позднего бронзового века [Телегин, Пузаков, Михеев, 1959/3а], в том числе ББК.

пгт. Песочин Харьковского р-на. Поселение «Песочин-Мобиль» (рис.1, 114; 40, 12–24; 44, 15, 25) выявлено на окраине микрорайона Мобиль сотрудниками ДП ОАСУ «Слободская

археологическая служба» в 2006 г. Памятник расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Уды. Исследованная площадь поселения равна 430 кв. м. Выделены два культурно-хронологических горизонта – срубный и скифский V–IV вв. до н. э. В площади двух углубленных жилищ (№ 6 и № 7-7А), в трех хозяйственных ямах и культурном слое представлена керамика срубной и постсрубной культур, сопоставимая как с позднесабатиновско-раннебелозерской, так и «поволжско-уральской» [Шрамко И.Б., Корохина, 2007, с.436–439].

с. Рубежное Волчанского р-на. Поселение Рубежное-2 (рис.2, 115) выявлено С.И. Берестневым [Берестнев, 1979/109] в 1979 г. на правом берегу р. Северский Донец. В керамическом комплексе представлены горшки, подобные известным в памятниках ББК.

с. Снежковка Изюмского р-на. Поселение Снежковка-7 (рис.2, 116; 59, 23–26; 64, 19–21; 66, 17; 70, 18; 83, 24, 25) раскапывалось С.И. Берестневым в 1987 г. Оно занимает мысообразный выступ первой надпойменной террасы левого берега р. Северский Донец, возвышающийся над поймой на 7 м. Площадь поселения 2000 x 80–90 м. Перекрытый наносным песком культурный слой содержит материалы катакомбной, срубной культур и ББК. Его толщина составляет от 0,4 до 0,8 м. Выявлены остатки пяти жилищ. Происходящая из них керамика типологически более соответствует срубным, чем постсрубным образцам. Выразительная керамика, сопоставимая в нашем понимании с посудой ББК, представлена в культурном слое. Материалы памятника синхронизированы С.И. Берестневым с позднесабатиновскими и белозерско-тудоровскими древностями [Берестнев, 1987/102; 1997, с.84–95, рис.1–3].

с. Сомовка Зачепиловского р-на. Памятник (рис.1, 117) открыт экспедицией ИА АН УССР «Днепр-Донбасс» в 1970 г. [Телегин, Ковалева И.Ф., Беляев и др., 1970/41]. В 1976 г. он повторно осмотрен В.Г. Бородулиным [Бородулин, 1976/52]. Поселение находится в балке на песчаной возвышенности, с двух сторон окруженной озерами. Его площадь составляет 1,5 га, культурный слой почти полностью разрушен. В коллекции представлена керамика неолита, срубной культуры и ББК.

с. Студенок Изюмского р-на. В окрестностях села на левом берегу р. Северский Донец известна группа разнокультурных поселений бронзового века [Телегин, 1956, с.75–84; 1959, с.72–79; Моруженко, 1974/68; Буйнов, 1994, с.8; 2008, с.42–55; Буйнов, Дегтярь, 1987/101; Берестнев, 1988/211]. Интерес представляет поселение Студенок-6 (рис.1, 118; 2, 118; 47, 16–20, 31; 59, 11–17; 64, 11–15; 66, 5–7; 67, 13–15; 70, 13, 14; 73, 29, 30; 83, 15, 21, 22), расположенное в уроч. Малые Песочки на мысу первой надпойменной террасы р. Северский Донец. В 1986–1991 гг. памятник раскапывался Ю.В. Буйновым и С.И. Берестневым. Площадь поселения составляет около 1 га. В культурном слое присутствует керамика катакомбной, срубной, салтовской культур. Ю.В. Буйновым к срубной культуре отнесены костяные черешковые наконечники стрел и застежка. По нашему мнению, в Студенке-6 кроме срубной представлена серия посуды ББК. В культурный слой эпохи бронзы впущено несколько студенокских трупосожжений.

с. Сухая Гомольша Змиевского р-на. Поселение (рис.2, 119) расположено в уроч. Гомольшанские дачи на краю первой надпойменной террасы р. Сухая Гомольша. В конце 1990-х гг. памятник исследовался Ю.В. Буйновым, В.К. Михеевым, А.К. Дегтярем. Толщина культурного слоя равна 1,1–1,3 м. В верхнем горизонте присутствует керамика постсрубного времени, скифская и черняховская. По определению Ю.В. Буйнова, некоторые экземпляры посуды следует рассматривать как раннебондарихинские. В нижнем горизонте концентрируется преимущественно срубная керамика [Дегтярь, Буйнов, 1985/122; Буйнов, 1987, с.310–311; Буйнов, Михеев, 1989, с.87–95].

с. Терновая Харьковского р-на. Поселение Терновая-1 (рис.2, 120) выявлено Е.В. Пузаковым в 1959 г. в правобережной пойме р. Уды. С.И. Берестневым оно отнесено к заключительному этапу лесостепной срубной культуры [Пузаков, 1959/21; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99].

с. Тополи Двуречанского р-на. Поселение (рис.1, 133; 2, 133; 59, 21; 64, 17, 18; 70, 16) эпохи бронзы и салтовской культуры находится на правом берегу р. Оскол. Исследовалось И.И. Ляпушкиным в 1953 г. [Берестнев, 2001, рис.100, 1–7]. Комплекс позднего бронзового века включает выразительную серию керамики ББК.

с. Тымченки Змиевского р-на. В окрестностях населенного пункта С.И. Берестневым в 1977–1982 и 1995–1996 гг. исследовались два поселения.

Поселение Таранцево (пункт Тымченки-2) (рис.2, 121; 60, 2; 64, 4–9; 65, 16–20; 70, 3–8; 72, 8, 9; 79, 10, 17–21; 80, 10–12; 82, 21; 83, 7–9, 16–19; 84, 8–14; 85, 8, 9, 12–15, 17–19, 21–23, 25, 30, 32–34, 36; 86, 6, 16; 87, 14, 18; 88, 13, 23; 89, 6, 7, 15, 16, 22; 90, 4, 13, 23–25) занимает мыс песчаной возвышенности в левобережной пойме р. Мжа. Материалы эпохи бронзы приурочены к слою толщиной 0,5–0,7 м, перекрытому наносным песком. Материалы ББК концентрируются преимущественно на глубине 0,5–0,6 м от уровня современной поверхности, ниже преобладают раннесрубные. К горизонту постсрубного времени относятся три жилища [Берестнев, 1994, с.121–138, рис.1, 2; 4–8].

Поселение в уроч. Горбанщина (пункт Тымченки-3) (рис.2, 122; 59, 10; 61, 19–21; 64, 10; 66, 1–4; 70, 9–12; 73, 27, 28; 81, 12; 83, 10, 11, 20) расположено на дюне в заболоченной пойме левого берега Мжи. Толщина культурного слоя, перекрытого наносным песком, составляет 0,55–0,65 м. Исследовано два жилища и хозяйственные ямы срубной культуры. В культурном слое присутствуют стратиграфически не разделенные обломки сосудов срубной культуры и керамики, относимой нами к ББК. В площади поселения выявлены также впущенные в культурный слой срубной культуры малобудковские погребения, совершенные по обряду кремации [Берестнев, 1995/29; 1996/18; 1997, с.153–154, рис.6–11].

с. Хотомля Волчанского р-на. Поселение Хотомля-1 (рис.2, 123), обследованное В.Г. Бородулиным в 1976 г., находится на мысе надпойменной террасы левого берега Печенежского водохранилища. Площадь, занятая памятником, составляет 0,5–0,6 га. Толщина культурного слоя на разных участках равна 0,3–1,1 м. По наблюдениям В.Г. Бородулина в его верхнем отделе встречаются фрагменты бондарихинской керамики, в нижнем – срубной [Бородулин, 1976/52]. В керамическом комплексе памятника преобладает посуда, сопоставимая с постсрубной.

с. Циркуны Харьковского р-на. Поселение (рис.2, 124) в 1977 г. выявлено В.Г. Бородулиным в пойме левого берега р. Харьков. На поверхности собрана керамика позднего бронзового века [Бородулин, 1978, с.301–302], среди которой присутствуют обломки посуды малобудковской, бондарихинской культур и ББК.

с. Червона Хвьяля Великобурлуцкого р-на. В окрестностях населенного пункта Б.А. Шрамко в 1976–1977 гг. раскопаны два поселения.

Поселение Веселое-1 (рис.3, 125) занимает мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Великий Бурлук. В нем представлены материалы постсрубного времени, бондарихинской, салтовской культур. С бондарихинской культурой Ю.В. Буйнов связывает остатки городища, выявленного в площади памятника. Стратиграфическое соотношение бондарихинского и постсрубного горизонтов не устанавливается.

Поселение Голубовка-3 (рис.1, 126; 30, 10; 32, 13, 14; 37, 13, 14; 39, 7; 42, 2) расположено на мысу первой надпойменной террасы р. Великий Бурлук. В керамическом комплексе представлены банки, банковидные сосуды, горшки с валиковой орнаментацией [Буйнов, Дьяченко, Шрамко Б.А., 1978, с.303–304; Берестнев, 1979, с.91–97; 1983/№ 61:84-7/99], характерной для культур общности КВК.

г. Чугуев Чугуевского р-на. В 1959 г. Е.В. Пузаковым в пойме левого берега Северского Донца выявлено поселение Чугуев-2 (рис.1, 127). С.И. Берестневым памятник отнесен к позднему этапу лесостепной срубной культуры [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99].

с. Шпаковка Изюмского р-на. Поселение Поляны-1 (рис.1, 128; 27, 6–8; 30, 6; 32, 7, 29; 34, 9; 36, 13; 37, 6; 38, 20; 42, 13, 22; 46, 13; 47, 26; 48, 2; 50, 12), расположенное на первой надпойменной террасе левого берега Северского Донца, раскапывалось В.Е. Радзиевской в 1973–1975 гг. На нем представлены материалы позднего бронзового века и салтовской культуры. В.Е. Радзиевской и Б.А. Шрамко выделены два хронологических периода жизни поселения в позднем бронзовом веке. Остатки раннего концентрировались в культурном слое на глубине от 0,4–0,6 м до 1,1 м, в двух полуземлянках и в хозяйственных ямах, содержащих раннесрубную и многоваликовую керамику. Поздние материалы определены авторами публикации как «позднесрубные» и в хронологическом отношении отнесены к белозерскому этапу срубной культуры. Они происходят в основном из зольника, перекрывающего котлованы срубных жилищ [Радзівська, Шрамко Б.А., 1980, с.100–109].

Херсонская область

с. Ушкалка Верхнерогачинского р-на. Расположенное в окрестностях населенного пункта поселение (рис.2, 129; 91, 24; 92, 8; 93, 8, 18; 95, 5; 96, 13–15, 29; 97, 7, 22) исследовалось Д.Я. Телегиным и В.А. Ильинской в 1954 г. Памятник занимает участок береговой террасы высотой над уровнем р. Днепр 5–8 м. Из верхнего слоя происходит скифская и раннеславянская керамика. Ниже находится зольный слой эпохи бронзы, разделенный на отдельных участках стерильной прослойкой красно-бурой глины. Керамика из верхнего горизонта отнесена Д.Я. Телегиным к белозерскому, из нижнего – к сабаатиновскому этапу срубной культуры. Зольный слой, в свою очередь, подстилался слоем красно-бурой глины и суглинком с редкими находками обломков посуды с примесью толченой раковины. Толщина культурного слоя составляет 1,5–2 м. В площади поселения исследовано семь жилищ позднего бронзового века [Телегин, 1954/26; 1961, с.3–4; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.18–20, рис.4; 32, 1–2]. Стратиграфические условия памятника тщательно проанализированы Я.П. Гершковичем [Гершкович, 1993/№ 739], считающим, что на поселении присутствует единый зольный слой позднего бронзового века, в котором выделяются три последовательных горизонта – А, Б, В. Исходя из хронологических рамок нашего исследования, интерес представляют материалы двух верхних горизонтов – Б и В, в которых наряду с сабаатиновской и раннебелозерской присутствуют некоторые образцы керамики, характерной для культур общности КВК восточной зоны. С горизонтом В, по мнению Я.П. Гершковича, связаны жилища № 6 и № 7.

с. Михайловка Нововоронцовского р-на. Поселение (рис.2, 131; 91, 6; 92, 9, 10, 19; 93, 20) выявлено в 1961 г. разведками О.Г. Шапошниковой и А.В. Бодянского на правом берегу Днепра. На памятнике выявлены прямоугольные однокамерные помещения площадью 20–30 кв. м, внутри которых находились развалы купольных печей. В керамическом комплексе, вместе с посудой сабаатиновско-белозерского облика, присутствуют обломки горшков с восточными орнаментальными элементами [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.21, рис.35].

Белгородская область (РФ)

Поселение Шоссейное Щебекинское р-на. Памятник (рис.2, 134; 76, 1–15; 77, 1–25; 78, 1–27) выявлен разведками Р.Л. Розенфельда в 1969 г. Его раскопки осуществлены в 1978–1979 гг. А.С. Смирновым и А.Н. Сорокиным. Поселение расположено на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Северский Донец. Мыс, высотой над уровнем поймы 4–4,5 м, сформирован впадающим в реку небольшим ручьем. Нижний горизонт культурного слоя содержит отложения «сабаатиновского и белозерско-бондарихинского времени». Исследованы остатки семи жилищ и одного хозяйственного помещения. В незначительном количестве представлена керамика, интерпретированная авторами публикации как малобудковская. Толщина слабо насыщенного находками культурного слоя составляет около 1 м [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.138–149, рис.1–7].

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Список жилищ и хозяйственных построек богуславско-белозерской культуры

Жилища и хозяйственные постройки лесостепного варианта богуславско-белозерской культуры

Поселение Богуслав-1 [Марина, Ромашко, 1986/52; Ромашко, Марина, Фещенко, 1987/127а; Ромашко, 1989/237; 1993, с.79–91; 1997, с.61–62; 2000, с.134–142; 2006, с.7–11; Ромашко, Андросов, 1990/97; Ковалева И.Ф., Ромашко, Шалобудов и др., 1991/137; Ромашко, Марина, 1992/86; 1993, с.120–121].

Жилище № 1 (рис.5, 12) прямоугольной в плане формы, углы закруглены. Котлован длинной осью ориентирован в широтном направлении, его размеры составляли 12,5 x 10 м. Пол неровный, понижался к центру. Глубина котлована в центральной части – 1,8 м, у стен – 0,9–1 м. Поверхность пола утрамбована, в северо-западном углу и вдоль южной стены обмазана глиной. В площади жилища выявлено 12 ям хозяйственного назначения, сконцентрированных в его юго-восточной части.

Жилище № 2 (рис.4, 42) частично прорезалось котлованом жилища № 1. Котлован прямоугольной в плане формы размерами 15,5 x 10,2 м ориентирован с востока-северо-востока на запад-юго-запад, углублен на 1,8 м от современной поверхности. Пол ровный, покрыт слоем плотной глиняной обмазки. В центре жилища находился очаг – заполненная углями и пережженным грунтом яма грушевидной в плане формы, углубленная в пол котлована на 0,25 м. Его длина 1,15 м, ширина 0,8 м. Стены и дно очага прокалены до кирпично-красного цвета. Здесь же концентрировались куски обожженной глины и обломки глиняных вальков. В площади котлована и рядом с ним находилось 10 хозяйственных ям.

Жилище № 3 (рис.5, 13; 14) имело прямоугольную в плане форму, ориентировано продольной осью с северо-востока на юго-запад. Пол понижался к центру. Длина котлована 9,2 м, ширина 7,6 м, глубина от современной поверхности 1,75 м в центральной части, 1 м у стен. В северной части жилища находился очаг – слой прокаленной глины овальной формы размерами 0,9 x 0,7 м. Хозяйственные ямы, которых в жилище выявлено девять, сконцентрированы в центральной и юго-западной частях котлована.

Хозяйственная постройка № 4 (рис.4, 43) овальной в плане формы имела размеры 9,2 x 8 м. Пол корытообразный, глубина котлована в центре равна 1,6 м, по краям – 0,9–1 м от уровня современной поверхности.

Жилище № 5 (рис.5, 14) прямоугольной в плане формы ориентировано с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Длина котлована 11 м, ширина 8 м, глубина в центральной части 1,8 м, у стен 0,9–1 м от современной поверхности. На корытообразном полу, в центре жилища, находилось скопление обожженных глиняных вальков и камней, вероятно, происходящих из разрушенного очага. В южной части жилища находилась хозяйственная яма.

Жилище № 6 (рис.5, 76; 17) прямоугольной в плане формы размерами 14,3 x 10,5 м. По длинной оси оно ориентировано с северо-запада на юго-восток. Пол корытообразный, глубина в центральной части котлована составляла 1,5 м, у стен – 0,9 м. В северо-западной части жилища пол обожжен. Там же лежала передняя часть скелета крупного копытного животного. В площади жилища выявлено восемь ям. Три из них столбовые, образовывали ряд, вытянутый по длинной оси котлована.

Жилище № 7 (рис.5, 20; 15) прямоугольной в плане формы ориентировано с севера-северо-востока на юг-юго-запад. Длина котлована 11,1 м, ширина 8,8 м, глубина от уровня современной поверхности 1,2–1,25 м. Пол в южной части обожжен и обмазан глиной, понижался к центру. В заполнявшем эту часть котлована грунте, на 0,1–0,15 м выше пола, отмечена золистая прослойка мощностью 0,15 м. Пол в северной части котлована расположен над котлованом жилища № 8. Его уровень отмечен по следам обожженности и вымостке из костей животных, которая ввиду

отсутствия твердой материковой основы, вероятно, предохраняла пол от вытаптывания. Площадь вымостки 8,5 x 4,5 м. В южной части жилища выявлены остатки открытого очага, от которого сохранилась прокаленная площадка диаметром 1 м. В площади котлована находились пять ям хозяйственного назначения.

Жилище № 9 не раскапывалось. Глубина котлована составляла 1,8 м от современной поверхности. В нижней части заполнявшего котлован грунта находились обломки керамики и кости животных.

Жилище № 10 не раскапывалось. Глубина котлована от уровня современной поверхности 1,6 м. В шурфах, попавших в его площадь, найдена керамика, кости животных, куски глиняных вальков.

Поселение Бузовка [Ромашко, 1982, с.55, рис.1, 1–3; 1995, с.20, 23, рис.8, 2, 3].

Жилище № 1 (рис.6, 11) прямоугольной в плане формы размерами 7,5 x 4,2 м продольной осью ориентировано с севера-северо-востока на юг-юго-запад. Дно углублено в материковый песок на 0,1 м. Вдоль северо-западной и северо-восточной стен находились четыре столбовые ямы диаметром 0,2 м глубиной до 0,25 м. Грунт, заполнявший котлован и столбовые ямы, насыщен продуктами горения. В северо-восточной части котлована находился открытый очаг – пятно черного золистого песка размерами 1,2 x 0,75 м. Рядом лежало несколько костей овцы. Под южной стеной котлована найдены куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев.

Поселение Волковка [Осташков, 1995, с.44].

В площади поселения исследовано пять жилищ прямоугольной в плане формы со столбовыми ямами, расположенными вдоль осевой линии котлованов и под стенами.

Поселение Диброва [Гершкович, 1990, с.58; 1995, с.37].

Котлован жилища (рис.5, 28) имел подквадратную в плане форму. Размеры котлована равны 8,6 x 7,6 м. Столбовые ямы размещены вдоль стен и в центре.

Поселение Дроновка [Копыл, Татаринев, 1975, с.357–358; Копыл, Татаринев, Меценко, 1976, с.341; Татаринев, 1980, с.280–283].

Жилище № 9 (рис.6, 10) прямоугольной в плане формы площадью 69,6 кв. м ориентировано в широтном направлении. Глубина котлована от поверхности равна 1–1,1 м. Вдоль продольных стен и в центре котлована находились столбовые ямы. На его полу отмечены следы рухнувшего сгоревшего перекрытия. В центре располагалось углубление диаметром 2,5 м с развалами сосудов по краям. В юго-восточном углу вырыта хозяйственная яма, в западном углу находился сложенный из глиняных вальков очаг размерами 0,6 x 0,8 м. С севера к жилищу примыкала пристройка хозяйственного назначения. Сохранились остатки двух столбов, на которые опирался соединявшийся с кровлей навес. В пристройке находился железоделательный горн.

Поселение Ильичевка [Шаповалов, 1976, с.154–156; 1983/№ 620].

Жилище № 6а (рис.4, 44) имело прямоугольную в плане форму с закругленными углами. Его котлован ориентирован по оси северо-запад–юго-восток. Длина котлована 16 м, ширина 10 м. Пол корытообразной формы находился на глубине 1,5–1,6 м. В юго-западной части котлована расположены две хозяйственные ямы и прямоугольная площадка из песчано-меловой массы длиной 2,8 м, шириной 1 м, возвышавшаяся над уровнем пола на 0,1 м. В центре находилась очажная яма диаметром 1,2 м, глубиной 0,05 м, заполненная пережженным песком с вкраплениями древесного угля.

Жилище № 7 (рис.4, 57; 19) прямоугольной в плане формы размерами 12 x 8 м ориентировано по оси северо-запад–юго-восток. Пол котлована ровный, его глубина равна 1,2 м от современной, 0,5 м от древней поверхности. В юго-восточной стене находился входной проем шириной 3,1 м. В центре жилища находилась заполненная углями и черным песком очажная яма диаметром 1 м, глубиной 0,25 м. У ее краев с трех сторон зафиксированы три вырытые под углом ямы диаметром 0,25 м, глубиной 0,3 м. Над этим очагом расположен еще один, подобный описанному. Его диаметр равен 0,75 м. Рядом с очагами находились два песчано-меловых возвышения прямоугольной формы размерами 0,9 x 0,8 x 0,2 м. В площади котлована выявлено 58 ям, 48 из которых столбовые. Они располагались рядами вдоль стен и по осевой линии. Их диаметры равны 0,25–0,45 м, глубина 0,15–0,8 м.

Жилище № 8 (рис.4, 45) прямоугольной формы размерами 13 x 9 м имело глубину 1 м от

современной поверхности, 0,65–0,75 м от древней. Его котлован ориентирован с северо-запада на юго-восток. На полу, у северо-западной стены, находился очаг – скопление древесных углей.

Жилище № 9 (рис.4, 46) сохранилось частично. Форма прямоугольная в плане, размеры 10 x 8 м, глубина от уровня современной поверхности 1,1 м, от древней – 0,65–0,75 м. Оно ориентировано с севера-северо-запада на юг-юго-восток. В центре и в юго-западной части котлована находилось два очага, углубленные в пол на 0,25 м. Один из них, диаметром 1,2 м, имел в плане круглую форму, второй, размерами 1,4 x 0,8 м, – восьмерковидную.

Жилище № 10 (рис.4, 47) прямоугольное в плане с закругленными углами длиной 12 м, шириной 10 м ориентировано с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Пол ровный, находился на глубине 1,1–1,2 от современной поверхности. Выявлены хозяйственная яма и очаг овальной в плане формы размерами 0,7 x 0,4 м, углубленный в пол на 0,2 м.

Жилище № 11 (рис.4, 48) площадью 12 x 8 м имело глубину 1,2 м от современной поверхности. Границы жилища зафиксированы по концентрации культурных остатков. Котлован ориентирован по оси север-северо-запад–юг-юго-восток, в его площади находилась хозяйственная яма.

Жилище № 12 (рис.5, 26; 18) прямоугольной в плане формы размерами 8 x 6 м ориентировано с северо-запада на юго-восток. Глубина котлована составляла 0,9 м от современной поверхности. Пол ровный, в его северо-западной части находился открытый очаг диаметром 0,7 м. Столбовых ям обнаружено 12. Они расположены в три ряда вдоль осевой линии котлована, по четыре в каждом ряду.

Жилище № 13 (рис.5, 27) имело прямоугольную в плане форму, вытянуто по оси северо-запад–юго-восток. Площадь котлована равна 9 x 7,5 м, корытообразный пол находился на глубине 1,05–1,35 м от современной поверхности. Выявлены остатки трех очагов. Один из них представлял собой круглую в плане площадку из обожженной песчано-меловой массы, рядом с которой находились две небольшие столбовые ямы. Два других очага – открытые кострища. Хозяйственных ям обнаружено восемь, столбовых – 25. Столбовые ямы размещены по периметру котлована и вдоль осевой линии.

Хозяйственная постройка № 1а (рис.4, 49) подпрямоугольной формы размерами 9 x 7,5 м ориентирована по оси северо-восток–юго-запад. Пол находился на глубине 1,5 м от современной поверхности. В хозяйственной постройке выявлены три хозяйственные ямы.

Хозяйственная постройка № 2 (рис.4, 55) имела прямоугольную форму, размеры 6 x 5 м, глубину 1,1 м от уровня современной поверхности. Ее котлован по длинной оси ориентирован с северо-запада на юго-восток. Пол ровный, на нем выявлены хозяйственная и восемь столбовых ям, сгруппированных в два ряда.

Поселение Лоцманская Каменка [Ромашко, 2001, с.169–177].

Жилище № 1 (рис.6, 2) прямоугольной в плане формы ориентировано по оси север-северо-запад–юг-юго-восток. Исследовано частично, так как его юго-западная часть была перекрыта бетонированным подворьем. Длина котлована в пределах раскопа равна 7 м, ширина 4,6 м. Котлован на 0,1 м углублен в материковый песок. Пол ровный, на нем фиксировались прокалы и отдельные угли. Очаг открытого типа круглой в плане формы диаметром 0,5 м располагался в северо-восточной части жилища. Рядом лежали шесть гранитных обожженных камней.

Поселение Любовка [Шрамко Б.А., 1974/49; Радзіевська, Шрамко Б.А., 1980, с.102].

Жилище № 1 (рис.5, 77) прямоугольной в плане формы ориентировано с севера на юг. Размеры котлована равны 21,6 x 9,9 м, глубина от уровня современной поверхности – 1,6–1,8 м. Вдоль стен находились выступы материковой лежанки шириной 1,3–1,6 м, высотой от уровня пола 0,4 м. По длинной оси расположены в два ряда 11 столбовых ям. Еще одна столбовая яма расположена у северной, торцевой стены. Выявленный в площади жилища очаг имел диаметр 0,8 м, его стенки сложены из глиняных вальков.

Поселение Орехово-Донецкое IV [Горбов, Усачук, 2001, с.15–45].

Помещение № 1 (раскоп 1) (рис.6, 5) неправильной подпрямоугольной в плане формы размерами 3,5 x 2,5 м ориентировано по оси северо-запад–юго-восток. Углублено в материк на 0,2–0,3 м, котлован заполнен гумусированным песком. На полу зафиксированы связанные с конструкцией кровли четыре столбовые ямы диаметрами 0,1–0,59 м, глубиной от 0,07 до 0,52 м.

Одна из них находилась в центре помещения, остальные – под стенами. Еще две ямы находились вдоль стен за пределами котлована. В его площади присутствовала также хозяйственная яма.

Помещение № 2 (раскоп 1) (рис.6, 4) прорезало западную часть площади помещения № 1. Котлован неправильной в плане формы углублен в материк на 0,4 м, ориентирован по оси север-северо-запад–юг-юго-восток. Максимальные размеры котлована равны 7,5 x 3,5 м. В северо-восточной и юго-западной частях помещения находились ступеньки размерами 1,5 x 2,5 и 1,5 x 2,5 м, углубленные в материк на 0,1 м. Над дном котлована сооружен деревянный настил, который являлся полом помещения. Толщина фрагментарно сохранившихся остатков настила составляла около 0,1 м. Настил сооружался из плах и крепился на бессистемно расположенных опорных столбах. За пределами юго-восточной части котлована находились четыре ямы, связанные, по мнению В.Н. Горбова и А.Н. Усачука, с конструкцией тамбура.

Помещение № 3 (раскоп 1) (рис.6, 78) зафиксировано по небольшому участку сгоревшего настила, частично перекрывавшему пол помещения № 2. Неправильной формы пятно гумусированного черного песка имело размеры 6,5 x 3 м. Комплекс интерпретирован как остатки сооружения на столбах, ямы которых зафиксированы в материке. Конструкция настила сходна с прослеженной в помещении № 2 – большое количество ям от бессистемно расположенных столбов, образующих «сетчатую» конструкцию крепления горизонтальных плах пола. Севернее помещения № 3, встык с его краем, отмечены остатки входа – следы сгоревшей плетневой конструкции, фиксируемой кольями, ямы от которых сохранились в материковом грунте.

Помещение № 4 (раскоп 2) (рис.6, 6) подпрямоугольной в плане формы с сильно закругленными углами размерами 7,8 x 6,5–7,3 м ориентировано по оси север–юг, углублено в материковый песок на 0,3–0,4 м. Дно корытообразное. В западной части помещения расположен выступ, в котором находилась очажная яма овальной в плане формы размерами 2,13 x 1,95 м, глубиной от уровня пола 0,94 м, на дне которой находилась линза черной сажи, в заполнении – глиняные конусы и обломки керамики без следов горения. В северной части помещения находились две хозяйственные ямы, заполненные продуктами горения и культурными остатками. Рядом с ямами помещалось возвышение площадью 2 x 1,6 м. На отдельных участках пол котлована покрыт пятнами золы от сгоревшего дерева. В западной части котлована зафиксированы остатки деревянного настила толщиной до 0,2 м, опиравшегося на столбы, ямы от которых отмечены на полу. Ямы большего диаметра располагались вдоль стен котлована и в центре, вероятно, они связаны с конструкцией стен и кровли.

Западнее помещения находились группы столбовых ям, связываемых авторами раскопок с небольшим хозяйственным помещением.

Помещение № 5 (раскоп 2) (рис.6, 79) прямоугольной в плане формы с закругленными углами размерами 4,5 x 2,9 м ориентировано по оси северо-восток–юго-запад. Углублено в материк на 0,25 м. В заполнении котлована зафиксированы участки сгоревшего дерева. Плахи лежали вдоль помещения, опираясь на стены котлована. В площади котлована находились четыре столбовые ямы, рядом с ним – еще три. В.Н. Горбов и А.Н. Усачук считают помещение № 5 остатками небольшого шатрового сооружения. По их мнению, с кровлей была связана группа из четырех столбов, расположенных в котловане. Один из скатов кровли выходил за пределы сооружения в виде навеса.

Поселение Осиповка [Беляев, 1977, с.42, рис.2].

Жилище № 2 (рис.6, 1) зафиксировано по слою зольного песка, отмеченного на глубине 1,2 м от современной поверхности. Площадь круглого в плане пятна составляла 25 кв. м. В восточной части жилища находились три открытых кострища диаметром 0,5 м, расположенные в одну линию.

Поселение «Песочин-Мобиль» [Шрамко И.Б., Корохина, 2007, с.436–439].

Жилище № 6 (рис.4, 50) круглой в плане формы с полукруглыми выступами в восточной и южной части котлована углублено на 0,4 м от уровня древнего горизонта. Частично разрушено, сохранившаяся площадь составляла 4 кв. м.

Жилище № 7-7А (рис.4, 51) прямоугольной формы углублено на 0,3–0,4 м от уровня древнего горизонта. Частично разрушено, сохранившаяся площадь составляла 8 кв. м. В площади жилища, вплотную к западной стене находилась яма № 7-А диаметром 1,25 м, глубиной 0,7 м от

уровня пола, на дне которой лежал неполный скелет лошади.

Поселение Старая Игрень [Ромашко, 1985, с.90–97].

Жилище № 1 (рис.6, 3) частично разрушено. В сохранившейся части оно имело прямоугольную в плане форму, глубина котлована равна 0,7 м. Длинной осью жилище ориентировано по оси северо-восток–юго-запад. Ширина котлована составляла около 8 м, сохранившаяся длина – 2,1 м. Частично сохранилась вырытая с уровня пола очажная яма неправильной овальной в плане формы размерами 1 x 0,8 м, глубиной 0,15 м.

Поселение Студенок-6 [Буйнов, Дегтярь, 1987/101; Берестнев, 2001, рис.96–97].

Жилище № 1 (рис.4, 54) прямоугольной в плане формы размерами 12 x 8 м, глубиной то современной поверхности 1,2 м, ориентировано по оси северо-восток–юго-запад. Вдоль продольных стен находились нары из утрамбованной глины. По длинной оси в два ряда расположены 10 столбовых ям. В юго-западной части жилища расположены несколько очагов, хозяйственная яма, возвышение подпрямоугольной формы.

Поселение Таранцево [Берестнев, 1994, с.123, рис.13, 4, 5].

Жилище № 2 (рис.5, 21; 16) размерами 9,3 x 8 м ориентировано длинной осью с севера на юг. Пол корытообразный. В северо-западной части котлована находилась очажная яма овальной формы размерами 1,5 x 0,7 м, глубиной 0,3 м. Рядом с ней выявлены три столбовые ямы и комплекс, состоящий из двух неглубоких ям, соединенных полукруглым в плане ровиком, заполненным грунтом с вкраплениями углей и гранул красной охры. По периметру котлована, вдоль стен, расположено 12 столбовых ям.

Жилище № 3 (рис.5, 22) размерами 7,35 x 6,5 м ориентировано с северо-запада на юго-восток. В южной части находился открытый очаг диаметром 0,55 м. По периметру котлована прослежено пять столбовых ям.

Жилище № 5 (рис.5, 23) имело размеры 10 x 7,5 м, пол корытообразный. Ориентировано продольной осью с юго-запада на северо-восток. Очаг находился в восточной части котлована. Форма очага овальная, его размеры равны 1,1 x 0,75 м, бортики сложены из глиняных вальков и обломков песчаника. Вдоль стен котлована располагались столбовые ямы.

Поселение Усово озеро [Березанская, 1990, с.26, 30–32, табл.VI; X; XI].

Жилище № 8 (рис.4, 56) овально-прямоугольной в плане формы размерами 11 x 9,8 м ориентировано по оси север-юг. Глубина котлована составляла 1–0,8 м от современной поверхности. Вход находился со стороны северной стены. Очаг овальной формы размерами 1,9 x 1,5 м располагался у западной стены. Рядом с ним находилось скопление обожженных глиняных вальков. Хозяйственных ям выявлено четыре. По длинной оси жилища проходила линия столбовых ям.

Жилище № 12 (рис.4, 53) ориентировано с востока на запад, имело подпрямоугольную в плане форму, размеры 8 x 3,5–4 м, глубину от современной поверхности 1–1,3 м. Пол корытообразный, покрыт слоем песка, насыщенного продуктами горения. В центре жилища находился очаг – зольное пятно овальной формы размерами 2 x 1,25 м, с мелкими пережженными камнями. Под слоем золы выявлено углубление, перекрытое плоским камнем. Еще один очаг – скопление золы диаметром 1,1 м обнаружен за пределами жилища. В площади котлована зафиксировано 16 хозяйственных и 20 столбовых ям, большая часть которых расположена по периметру.

Жилище № 14 (рис.4, 52) прямоугольной формы размерами 9,5 x 7–7,2 м ориентировано длинной осью с севера на юг. Глубина котлована от уровня современной поверхности равна 0,6–0,75 м. В площади жилища находилось пять хозяйственных и шесть столбовых ям. Очагов выявлено два. Центральный представлял собой углубление овальной формы размерами 1,3 x 0,8 x 0,15 м. Он перекрыт слоем стерильного песка, над которым расположено еще одно кострище площадью 2,2 кв. м. Второй очаг (скопление золы диаметром 1,4 м) находился у южной стены котлована.

Поселение Чикаловка [Шарафутдинова И.Н., 1964, с.153–169; 1982, с.18; Куштан, 2006, с.259–271].

Жилище № 1 (рис.4, 80) прямоугольной в плане формы размерами 9 x 5 м, глубиной от уровня древнего горизонта 0,2 м, ориентировано по оси северо-восток–юго-запад. На полу зафиксированы остатки двух открытых очагов и «столик» размерами 0,3 x 0,35 м, сложенный из

нескольких небольших камней. Среди камней находились глиняные «хлебцы».

Жилище № 2 (рис.4, 81) размерами 12 x 6,5 м имело прямоугольную форму. В его северо-восточной части находился очаг диаметром 0,5 м, сложенный из глиняных вальков, и хозяйственная яма.

Жилище № 3 (рис.4, 82). Размеры и форма котлована не установлены. Выявлены хозяйственная яма и очаг, представляющий собой ровную обожженную площадку диаметром 0,6–0,7 м.

Жилище № 4 (рис.4, 84) прямоугольной в плане формы размерами 10,5 x 6 м, глубиной от уровня современной поверхности 0,8 м ориентировано по оси северо-восток–юго-запад. В южной части жилища находилось скопление кусков печины, вероятно остатки очага. Вдоль длинной оси котлована располагались две столбовые ямы, на уровне пола – остатки нескольких кострищ.

Жилище № 5 (рис.4, 83) прямоугольной в плане формы незначительно углублено в древний горизонт. Ориентировано по оси север-северо-восток–юг-юго-запад. Его размеры, определенные по скоплению глины и мелких камней, равны 6,5 x 5,5 м. В юго-западном углу жилища находился очаг – скопление печины размерами 2,8 x 1 м, в центре – кострище и врытый в пол пифос.

Поселение Шоссейное [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.140–147, рис.1].

Жилище № 2 (раскоп II) (рис.5, 15) имело размеры 5,5 x 3,75 м, углублено в материк на 0,8 м, ориентировано по оси север–юг. Вдоль стен котлована отмечены «остатки деревянных конструкций». Вход расположен с южной стороны. В северной части жилища находился очаг в виде слоя глиняной обмазки, перемешанной с углями и золой, на которой лежало несколько глиняных вальков.

Жилище № 3 (раскоп II) (рис.5, 16) раскопано частично. По замечанию авторов публикации, по конструктивным особенностям оно аналогично описанному выше.

Жилище № 4 (раскоп I) (рис.5, 17) прямоугольной в плане формы размерами 11 x 7 м углублено в материк на 1 м. Ориентировано по оси север–юг. Вход-коридор шириной 1,6 м находился в восточной части котлована. Углистое пятно очага размерами 3,9 x 2 м занимало центральную часть жилища. По периметру котлована и вдоль стен коридора отмечены остатки сгоревшего дерева и куски глиняной обмазки.

Жилище № 5 (раскоп I) (рис.5, 24) прямоугольной в плане формы размерами 7 x 5 м, ориентировано длинной осью с востока на запад. Пол ровный, врезался в склон мыса на 0,2 м. Вдоль стен котлована расположены столбовые ямы. В центральной части жилища находился очаг – пятно прокаленного грунта с кусками обмазки.

Жилище № 6 (раскоп I) (рис.5, 18) прямоугольной в плане формы размерами 11 x 10 м ориентировано по оси северо-запад–юго-восток. Котлован углублен в материк на 0,6 м. По его периметру отмечены остатки сгоревшего дерева. В центральной части находился очаг в виде пятна прокаленного грунта диаметром 1,3 м, рядом с которым компактно лежали глиняные вальки.

Жилище № 7 (раскоп I) (рис.5, 19) квадратной в плане формы. Длина сторон составляла 11 м, котлован углублен в материк на 0,8 м, ориентирован по оси северо-запад–юго-восток. С юго-западной стороны находился вход-пандус шириной 1,4 м. Вдоль стен котлована и коридора зафиксированы остатки сгоревших деревянных конструкций.

Жилище № 8 (рис.5, 25) подквадратной в плане формы размерами 11 x 11 м углублено в материковый грунт на 0,7 м. По периметру и вне котлована находились небольшие столбовые ямы. Вдоль стен котлована и входа-пандуса, расположенного с северо-восточной стороны, отмечены углистые полосы – остатки каких-то сгоревших деревянных конструкций.

Жилища и хозяйственные постройки степного варианта богуславско-белозерской культуры

Поселение Безыменное-2 [Горбов, 1997, с.145–161, рис.3].

Блочное сооружение № 1–8–8а (рис.5, 37; 20), состоящее из шести помещений, продольной осью ориентировано с севера на юг. Помещение № 1 имело неправильную пятиугольную в плане

форму, стены котлована облицованы камнем. С севера, через облицованный камнем коридор оно соединялось еще с тремя частично сохранившимися камерами. Помещение № 8 имело котлован неправильной формы, ориентированный по оси север–юг. Стены котлована не были облицованы камнем. Помещение № 8а неправильной треугольной в плане формы ориентировано по оси северо-восток–юго-запад. Стены котлована облицованы камнем.

Блочное помещение № 2 (рис.5, 38; 20) неправильной овальной в плане формы. Оно ориентировано по оси северо-запад–юго-восток. Состояло из двух больших и маленького помещений, занимающих неглубокий котлован площадью 126,5 кв. м. Входной коридор находился с южной стороны. Стены котлована, коридора и перегородок сложены из камня. Рядом с сооружением № 2 расположены остатки еще одной постройки, сохранность которой не позволяет установить их конструктивную связь с ним.

Помещение № 3 (рис.5, 31; 20). Сохранилось частично. Южная стена котлована облицована камнем. Входной коридор, также облицованный камнем, находился с юго-восточной стороны.

Помещение № 6 (рис.5, 32; 20). В.Н. Горбовым рассматривается в качестве составной части блока жилищ № 6–20–21 [Горбов, 1997, с.156]. Но, исходя из плана поселения, помещения № 20 и № 21 блокируются с помещением № 19, на что автор неоднозначно указывает в другом месте работы [Горбов, 1997, с.158, рис.3]. В связи с этим целесообразно рассматривать помещение № 6 как обособленное, группирующееся с блоком помещений № 19–20–21. Оно имело неправильную прямоугольную форму, ориентировано по оси восток-северо-восток–запад-юго-запад. Стены котлована и входа-коридора, расположенного с южной стороны, облицованы камнем.

Помещение № 7Б (рис.4, 63; 20). По мнению В.Н. Горбова, оно входило в группу помещений, углубленных в материк на 0,25–0,48 м, площадь которых составляла от 25 до 65 кв. м.

Помещение № 10 (рис.4, 64; 20). При его строительстве была облицована камнем часть котлована более раннего срубного жилища № 9. Имело неправильную прямоугольную в плане форму, ориентировано по оси северо-восток–юго-запад. Облицованный камнем входной коридор находился с северо-западной стороны.

Блочное сооружение, состоящее из помещений № 11 и № 12 (рис.4, 71; 20). Помещение № 11 подтреугольной или трапециевидной в плане формы ориентировано по оси запад-северо-запад–восток-юго-восток. Стены котлована и входного коридора, расположенного с южной стороны, облицованы камнем. Одна из стен коридора состыкуется с западной стеной помещения № 12, имеющего неправильную прямоугольную форму. Вход без коридора находился в юго-западном углу облицованного камнем котлована.

Блочное сооружение, состоящее из помещений № 13–13а–14 (рис.4, 72; 20). Два последних очевидно были хозяйственными. Центральное положение занимало помещение № 13. Котлован неправильной прямоугольной формы площадью 107 м и входной коридор, расположенный с северо-западной стороны, облицованы камнем. Помещение № 14 примыкало с юга. Имело прямоугольную форму, по длинной оси ориентировано с востока на запад. Между помещениями кладка отсутствовала. Сохранившееся частично помещение № 13а примыкало к помещению № 13 с севера. Каменная перегородка между ними позволяет предположить, что помещение № 13а имело отдельный вход. В этом контексте весь архитектурный комплекс следует рассматривать как вытянутое с севера на юг блокирующееся сооружение, состоящее из однокамерного (№ 13а) и двухкамерного помещений (№ 13 и 14).

Помещение № 15 (рис.4, 65; 20). Входило в группу помещений, углубленных в материк на 0,25–0,48 м, площадь которых составляла от 25 до 65 кв. м. Исследована восточная часть постройки, что затрудняет установление ее площади и планиметрических характеристик. Судя по приводимому В.Н. Горбовым плану поселения, постройка была однокамерной [Горбов, 1997, рис.3].

Помещение № 16 (рис.4, 66; 20) имело прямоугольную в плане форму, ориентировано с востока-юго-востока на запад-северо-запад. Вход находился в торцевой западной стене. Стены котлована облицованы камнем.

Помещение № 17 (рис.5, 35; 20) имело прямоугольную в плане форму, ориентировано по оси север–юг. Входной коридор находился с западной стороны, пристроен к продольной стене. Стены котлована и коридора облицованы камнем. В южной части помещения расположены две

небольшие камеры.

Блочное сооружение № 19–20–21 (рис.5, 39; 20) состояло из трех стыкующихся боковыми стенами помещений подпрямоугольной формы с закругленными углами. Ориентировано по оси восток–запад. Площадь помещений соответственно равна 23, 60, 65 кв.м. Помещения № 19 и № 20 однокамерные, № 21 двухкамерное. Входы во все три помещения расположены в торцовых северных стенах, коридоры отсутствовали. Котлованы неглубокие, их стены облицованы камнем.

Помещение № 22 (рис.5, 33; 20) имело облицованный камнем котлован прямоугольной формы, ориентированный с северо-запада на юго-восток. Вход, представляющий собой облицованный камнем внутренний коридор, находился в торцевой северо-западной стене.

Помещения № 23 и № 23а исследованы не полностью. Стены котлована облицованы камнем.

Блочное сооружение № 24–24а–26 (рис.5, 40; 20) составлено из трех помещений. Помещение № 24 сохранилось частично. Котлован неправильной прямоугольной в плане формы с закругленными углами и облицованными камнем стенами ориентирован по оси север–юг. Помещение № 24а исследовано частично. Котлован неправильной подпрямоугольной в плане формы находился в площади котлована помещения № 24. Он ориентирован по оси север–юг. Облицовка стен котлована камнем отсутствовала. Помещение № 26 примыкало с севера к помещениям № 24 и № 24а. Имело неправильную овальную в плане форму, ориентировано по оси север–юг. Южная стена котлована облицована камнем.

Блочное сооружение № 25 (рис.5, 75; 20) состояло из двух или трех стыкующихся камер, вытянуто по оси север–юг. Входной коридор большого помещения находился с востока, отдельный вход имела и пристройка треугольной в плане формы. Стены котлованов камер и коридора облицованы камнем.

Помещение № 27 (рис.5, 34; 20) ориентировано по оси восток–запад. Форма котлована прямоугольная, закруглена только восточная стена. Входной коридор расположен со стороны торцевой, западной стены. Стены котлована и коридора облицованы камнем.

Блочное сооружение № 29 (рис.5, 41; 20). Удовлетворительную сохранность имело только одно помещение неправильной овальной в плане формы с входным коридором, расположенным с северной стороны. Стены котлована и входного коридора облицованы камнем. С востока к помещению примыкали остатки еще каких-то каменных конструкций.

Поселение Белозерский лиман-1 [Кривцова-Гракова, 1949, с.7–79, рис.1].

Жилище № 1 (рис.5, 29) ориентировано с северо-запада на юго-восток. Его длина не установлена, ширина равна 11 м. У северо-западной и юго-восточной стен зафиксированы разрушенные уступы, возможно остатки нар. В площади котлована находилось три очага. От очагов № 2 и № 4 сохранилось несколько сдвинутых в сторону камней. Очаг № 3 представлял собой овальный камень размерами 0,3 x 0,22 м, компактно обложенный камнями меньших размеров. Еще один разрушенный очаг (№ 1) выявлен за пределами котлована. Сохранились глиняные вальки, лежавшие вперемешку с обломками керамики и костями животных.

Поселение Камышеватая-8 [Горбов, 1990, с.60; Колесник, Горбов, Усачук и др., 1991/165].

Жилище (рис.5, 30) представляло собой небольших размеров котлован с пологими стенами, углубленный в грунт на 0,2–0,3 м. В его площади выявлена хозяйственная яма.

Поселение Клиновое [Татаринев, 1993, с.44, табл. 6, 2].

Котлован жилища (рис.4, 69) высечен в плотном песчанике, в связи с чем облицовка его стен камнем отсутствует. Имеет вытянуто-овальную форму, размеры 6 x 5 м. Вход в жилище в виде двух ступенек глубиной 0,95 и 1,05 м расположен с западной стороны. В западной и восточной частях жилища находились остатки перпендикулярных перегородок, сложенных из медистого песчаника. Выявлено несколько столбовых ям и три очага – высеченные в полу углубления, заполненные древесным углем.

Поселение Николаевка [Привалова, Привалов, 1987, с.95–99].

Блочное сооружение из жилищ № 1, 2 (рис.4, 73). Двухкамерное жилище № 1 сохранилось частично. В плане имело прямоугольную форму, ориентировано по оси северо-восток–юго-запад. Длина котлована, углубленного в грунт на 1,4 м от современной поверхности, составляла 8 м, ширина – около 5 м. Сохранившаяся высота каменной кладки стен и перегородок 0,4–1,4 м. Вход в жилище предположительно находился с северо-восточной стороны. В камерах выявлены

однотипные очаги-ямы овальной в плане формы, заполненные золой и культурными остатками. В южной камере находились две хозяйственные ямы, в северной – семь столбовых. Четыре столбовые ямы расположены в ряд вдоль северо-западной стены на расстоянии 0,7 м от нее, остальные вне определенной системы. Жилище № 2 вплотную примыкало к юго-западной стене жилища № 1. Котлован прямоугольной в плане формы с закругленными углами имел размеры 6,4 x 3,8 м, глубину 1,1 м от современной поверхности, ориентирован длинной осью с северо-востока на юго-запад. Его стены облицованы камнем, сохранившаяся высота кладки достигала 0,5–0,6 м. Пол ровный. В центре находился очаг – яма овальной в плане формы, заполненная золой, обломками костей животных и керамики. Размеры ямы 0,9 x 0,6 м, глубина 0,08 м. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен расположены земляные «нары» шириной 1 м, высотой 0,2 м.

Блочное сооружение из жилищ № 3, 4 и хозяйственных помещений № 1, 2 (рис.4, 74). Жилище № 3 прямоугольной в плане формы ориентировано по линии северо-запад–юго-восток. Размеры 11,5 x 6,5 м, глубина от уровня современной поверхности 1,2–1,4 м. Стены котлована облицованы камнем, пол ровный, понижался ко входу, расположенному в его юго-восточной части. Очагов выявлено два. Центральный представлял собой заполненную золой яму подквадратной формы длиной 0,8, шириной 0,77, глубиной 0,08 м. Очаг, находившийся в северной части жилища, представлял собой овальное пятно прокаленного грунта размерами 0,8 x 0,6 м и скопление золы. К жилищу вплотную примыкали два помещения, которые О.Я. и А.И. Приваловы считают хозяйственными. Помещение № 1 прямоугольной формы ориентировано с северо-запада на юго-восток. Длина 1,6 м, ширина 1,2 м. Стены котлована облицованы камнем. Пол ровный, находился на глубине 1,4 м от современной поверхности. Помещение № 2 аналогично по конструктивным особенностям. Ориентировано с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Размеры 1,8 x 1,2 м, глубина от уровня современной поверхности 1,4 м. Жилище № 4 исследовано частично. Примыкало к восточной стене хозяйственной постройки № 1. Форма прямоугольная. Ширина котлована 4 м, длина предположительно составляла 6 м. Каменная облицовка стен сохранилась на высоту 0,5–0,6 м. Пол, расположенный на глубине 1,1–1,4 м от современной поверхности, понижался ко входу, находившемуся с юго-западной стороны. У входа выявлен очаг – площадка прокаленного грунта овальной формы размерами 1,2 x 0,7 м.

Жилище № 5 (рис.4, 61) входило в группу компактно расположенных построек, которая состояла из жилищ № 3–5, хозяйственных построек № 1–3. Имело прямоугольную форму, ориентировано с северо-востока на юго-запад. Размеры котлована, стены которого облицованы камнем, равны 7,5 x 5 м, глубина – 1,2–1,4 м. Вход находился в южной части жилища. Выявлено две столбовые и три хозяйственные ямы, одну из которых авторы раскопок считают очажной. В плане она имела круглую форму, диаметр 0,7 м, глубину 0,5 м. Заполнена продуктами горения, обломками костей животных, камнями. Ямы от столбов расположены вдоль центральной оси жилища.

Хозяйственная постройка № 3 (рис.4, 58) имела в плане неправильную прямоугольную форму, ориентирована по оси север–юг. Углублена в материковый грунт на 0,7 м. Площадь котлована составляла около 10 м. В постройке находилась хозяйственная яма.

Хозяйственная постройка № 4 (рис.4, 62) имела подпрямоугольную в плане форму с сильно закругленными углами. Размеры котлована 10 x 8 м, его стены облицованы камнем. По длинной оси он ориентирован с северо-запада на юго-восток. Пол находился на глубине 0,6 м от современной поверхности, что, по мнению О.Я. и А.И. Приваловых, соответствует уровню погребенной почвы и обосновывает отнесение постройки и категории наземных.

Поселение Песчанка [Тесленко, Ромашко, Фещенко, 2007/100].

Жилище № 1 (рис.4, 60), имело котлован трапециевидной в плане формы с закругленными углами. По длинной оси он ориентирован с северо-востока на юго-запад. Его длина равна 7,75 м, ширина в северо-восточной части – 5,6 м, в северо-западной – 4 м. Пол корытообразный, глубина в центральной части котлована составляла 0,9 м, у стен – 0,55–0,6 м. В северной части жилища находилась очажная яма круглой в плане формы диаметром 1,3–1,15 м, глубиной от уровня пола 0,15 м. Пол в районе очажной ямы обожжен. На обожженном участке концентрировалась большая часть обломков костей животных, лежавших на дне котлована. На расстоянии 0,9 м на северо-запад от очажной ямы находилось скопление лежавших в три слоя костей животных диаметром

0,55 м. В южном углу котлована, вдоль его юго-восточной стены, находилась лежанка неправильной прямоугольной в плане формы размерами 2,4 x 1 м, высотой над уровнем пола 0,2 м. В площади котлована и рядом с ним выявлены хозяйственная и 16 столбовых ям. Столбовых ям, связанных с конструкцией верхних объемов жилища, насчитывалось 12. Из них три расположены в центре котлована вдоль длинной осевой линии, остальные – вдоль стен. Четыре ямы окружали лежанку.

Поселение Старая Ласпа [Привалова, 2000, с.105, рис.1, 1].

Жилище № 1 (рис.4, 70) прямоугольной в плане формы, ориентировано с севера на юг. Ширина жилища 4,4 м, длина не установлена. Пол ровный, находился на глубине 1,5–1,7 м от современной поверхности, 0,4 м от уровня древнего горизонта. Состояло из двух помещений, разделенных перегородкой, сложенной из камня. Кладка стен сохранилась на высоту 0,5–0,6 м. В южном помещении выявлен очаг овальной в плане формы размерами 0,3 x 0,4 м. Крупные древесные угли и зола обнаружены также на полу северного помещения, что, по мнению О.Я. Приваловой, позволяет предположить наличие очага и в нем.

Жилище № 2 (рис.4, 67) исследовано частично. Имело прямоугольную в плане форму, ориентировано с севера на юг. Глубина котлована равна 1,5 м. Стены на высоту 0,5 м облицованы камнем. В юго-западном углу жилища находился открытый очаг подпрямоугольной в плане формы размерами 0,6 x 0,7 м – скопление древесных углей и фрагментированных костей животных.

Хозяйственная постройка (рис.4, 59), как считает О.Я. Привалова, была наземной, возведена на древнем горизонте, уровень которого отмечен на глубине 0,8 м от современной поверхности. В плане постройка имела прямоугольную форму. Она ориентирована по линии север–юг, ее ширина равна 4 м. Кладка сохранилась на высоту 0,5 м.

Поселение Стыла [Привалова, 1983, с.309–310].

Жилище (рис.4, 68) с облицованными камнем стенами котлована имело прямоугольную форму, углублено в материковый грунт на 0,4 м. Кладка сохранилась на высоту 0,4–0,9 м.

ПРИЛОЖЕНИЕ В
Список святилищ и жертвенников срубной и богуславско-белозерской культур
Украины

Святилища типа 1

Поселение Богуслав-1. Святилище № 2 (рис.7, 1; 123, 2) [Ромашко, 1993, с.82, 84, рис.1, 2] находилось на северо-восточной окраине мыса, занятого поселком. От святилища сохранился жертвенник, представляющий собой прямоугольную площадку, сформованную из глины коричневого цвета со значительной примесью мелкозернистого песка. Размеры площадки равны 2,35 x 1,1 м, толщина слоя глины – 1 см. Продольной осью площадка ориентирована с востока на запад с незначительным отклонением. На глине находилась вымостка из костей животных, образующая прямоугольник, незначительно уступающий по размерам площадке. Вымостка состояла из одного-двух слоев костей, в числе которых 17 нижних челюстей лошади и быка, которые оформляли контуры вымостки, конечности лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Пространство между крупными костями заполнено мелкими обломками трубчатых костей животных, астрагалами, путовыми и венечными костями, третьими копытными фалангами лошадей. Среди костей находились также несколько кусков печины, мелкие камни (песчаник), обломки миски-сковороды.

В 2 м от жертвенника найдены обломки еще одной миски-сковороды. Рядом с жертвенником найдены также кусок мела, обломок черепа человека. На близлежащих к комплексу участках поселения культурный слой беден находками, отсутствуют следы построек.

Поселение Усово озеро. Святилище Усова озера (рис.7, 2; 123, 3) [Березанская, 1990, с.85–87, рис.23, 1] находилось на северо-восточной окраине поселения, в отдалении от жилищ и хозяйственных построек. От него сохранилась ровная площадка размерами 6 x 5 м, на которой располагалась система жертвенников. В центре находились два разновеликих жертвенника. Большой жертвенник представлял собой вымостку из костей животных, преимущественно быка и лошади, уложенных впритык в четыре-пять рядов. В плане она имела правильную прямоугольную форму, ориентирована по оси северо-восток–юго-запад, ее мощность составляла около 0,1 м. Верхний слой выложен так тщательно, что образовывал ровную горизонтальную площадку с закругленными углами размерами 1,8 x 1,5 м. Вымостку подстилал слой светлого песка, перемешанного с белой глиной, толщиной около 0,1 м. Среди костей найдены три куса обожженной глины, несколько обломков керамики; в центре точильный брусок и два кремневых ножа. Вокруг жертвенника прослежено большое количество золы.

Меньший жертвенник находился рядом с юго-западным краем большего. Он сложен из измельченных костей животных. Его размеры равны 0,2 x 0,5 x 0,4 м. В 3–3,5 м от этих жертвенников, на том же уровне, находились остатки вымостки из камней, которая, предположительно, имела круглую форму радиусом около 1,5 м. Известняковые камни тщательно подогнаны, перекрыты слоем толченого белого известняка. Вокруг вымостки обнаружено большое количество костей животных, уголь, зола.

Святилища типа 2

Поселение Богуслав-1. Святилище № 1 (рис.7, 3; 120; 123, 4) [Ромашко, 1993, с.85–87, рис.2] занимало край мысообразного выступа, образованного береговым склоном и древней ложбиной, отделяющей комплекс от остальной площади поселения. Представляло собой ровную, ориентированную по оси восток-северо-восток–запад-юго-запад площадку, выбранную почти до материка в результате многочисленных подчисток. По периметру она окружена рвом. Внутренние размеры площадки 19 x 11,6 м, ширина рва 0,8–1 м, глубина на всем протяжении неодинакова и составляла от 0,2 до 0,4 м от уровня пола святилища. С северной и южной сторон ров прерывался проходами, ширина которых соответственно равна 1,4 и 1,6 м. Ров заполнен костями животных, лежавших в несколько слоев, которые либо непосредственно следовали друг за другом, либо были разделены прослойками грунта. Максимальная толщина заполнения рва костями наблюдалась в

его северной и северо-западной частях, где достигала 0,5 м. На этом отрезке преобладали не просто разрозненные кости, а черепа, челюсти и части скелетов крупного рогатого скота, лошади, собаки и дикого кабана, сохраняющие анатомическую целостность.

В северной части площадки находилось блюдцевидное в разрезе углубление овальной в плане формы размерами 4,2 x 3,9 м, глубиной 0,15 м, ориентированное по оси юго-восток–северо-запад. Оно заполнено большим количеством обломков костей животных, значительная часть которых мелко раздроблена и кальцинирована; кусками спекшегося грунта; камнями; обломками растиральников и зернотерок. Грунт, заполнявший углубление, местами был окрашен охрой. Ею же окрашена внутренняя поверхность нескольких обломков керамики. В грунте заполнения на разных уровнях отмечены следы шести кострищ, диаметры которых не превышали 0,2–0,4 м. На слабо обожженном дне локализовались 14 прокалов размерами от 0,2 x 0,15 м до 0,9 x 0,4 м. Несмотря на большое количество кострищ, печины и кальцинированных костей, в углублении практически отсутствовали зола и пепел, находки углей единичны.

На расстоянии 2 м на юг от углубления, в центре площадки, находился жертвенник подпрямоугольной формы размерами 0,8 x 0,6 м, представлявшей собой плотный слой мелких кальцинированных костей животных и золы черного цвета. Мощность слоя в центральной части составляла 4 см. Жертвенник ориентирован по оси северо-восток–юго-запад. Следы кострищ отмечены также у западного края святилища. Между полом святилища и перекрывавшим его культурным слоем фиксировались грязевые прослойки толщиной до 6–8 см, насыщенные мелкими обломками кальцинированных костей животных и гранулами пережженного грунта. На полу, в юго-западном углу святилища, находились развалы двух сосудов, в северо-западном углу – еще одного, распавшегося на мелкие фрагменты в результате длительного вторичного обжига и втопанного в грязевой слой.

В обозначенном грязевыми прослойками горизонте, непосредственно связанным с функционированием святилища, кроме обнаруженных на дне сосудов присутствует большое количество обломков керамики. Обращает на себя внимание концентрация в этом слое обломков камней (307 ед.), многие из которых имеют сработанные поверхности, свидетельствующие об их возможной функциональной принадлежности растиральникам, зернотеркам, абразивам, давилкам. Отсюда также происходят бронзовое шило, костяная проколка, кремневые скребки и отщепы.

Святилища типа 3

Поселение Безыменное-2. Северо-восточное святилище (рис.7, 4; 121) [Мимоход, 1996, с.124–126; Горбов, Мимоход, 1999, с.32–34] состояло из углубленного и наземного участков. Находилось на северо-восточной окраине поселения на краю склона балки. Углубленный участок представляет собой врезанный на 0,3–0,4 м в материк котлован размерами 12 x 8,5 м овальной или, судя по приводимым в публикациях чертежам, прямоугольной с закругленными углами формы. По длинной оси он ориентирован с северо-востока на юго-запад. Стенки пологие, в северной части облицованы небольшими камнями методом постелистой кладки. Входы в котлован находятся с восточной и западной сторон. В обоих случаях это коридоры или коридоры-пандусы. Контуры западного входа маркированы с северной стороны рядом камней, лежащих на древней поверхности, одновременно являющихся частью ограды наземного участка, с южной – камнями облицовки котлована. Подобным образом оформлен и восточный вход, ограниченный с двух сторон рядами камней, лежащих на древнем горизонте. Длина коридоров около 8 м, ширина соответственно равна 2 и 2,5–3 м. Наземный участок примыкал к котловану с северо-восточной стороны, окружающие его камни либо врыты в древнюю поверхность, либо лежали на ней. Площадка подпрямоугольной формы с закругленными углами имела размеры 19 x 9,5 м. Небольшим проходом она связана с северным коридором. Культурный слой в районе площадки отсутствовал, в котловане очень беден. Общая площадь сооружения составляла 380 кв. м.

Почти в центре котлована находилась вытянутая по оси север–юг аморфная в плане яма размерами 2,75 x 1,85, глубиной 0,3–0,4 м. В центральной ее части вырыто углубление подпрямоугольной формы размерами 1,2 x 0,7, глубиной 0,07 м, облицованное камнями-орфостатами. В ней находились два развала пережженных горшков. Дно слабо прокалено, камни

незначительно закопчены, на одном из них сажей прочерчены четыре вертикальные линии. Рядом с углублением находилась линза пепла. Жертвенник и прилегающая площадь были засыпаны слоем шлака толщиной 0,2–0,4 м. В 0,5 м к северо-востоку от ямы, в центре котлована, находилось небольшое скопление костей животных – метаподии, фаланги лошадей и коровы, на которых лежал непережженный обломок венчика от одного из обнаруженных в яме сосудов. Неполный развал еще одного горшка найден у северного входа в котлован. Под камнями облицовки восточной части котлована обнаружены две пары коньков из метаподиев и амулет из зуба лошади. Две плюсневых и пястная кости крупного копытного животного выявлены под камнями внешней наземной кладки южного коридора. В нем найден также клык кабана, который В.Н. Горбов считает заготовкой псаляя.

Святылища типа 4

Поселение Капитаново-1. Выявленный на поселении культовый комплекс датирован раннесрубным временем. Размеры ориентированной по оси восток–запад постройки-святылища (рис.7, 5; 122) составляли 9 x 4,5 м. Внутренние контуры сооружения оформляли столбовые ямы, образующие овал, в центре которого расположена яма-жертвенник неправильной овальной формы глубиной 0,2 м. На уровне пола, выше дна ямы, находился череп быка или тура, ориентированный по оси восток–запад, кости конечностей и позвонки животных. Рядом с жертвенником, за пределами ямы, зафиксировано кострище – мощная прослойка пепла и золы. По мнению авторов публикации, вход в святылище находился с западной стороны [Отрощенко, Бровендер, Пряхин и др., 1996, с.6, рис.1].

Жертвенники типа 1

Поселение Ильичевка. В центральной части раннесрубного жилища № 2 поселения Ильичевка находилось возвышение из песчано-меловой массы (рис.7, б) диаметром 0,6 м, высотой 0,3 м. Оно помещено между двумя очагами. Рядом с ним по изогнутой линии были помещены четыре крупных сосуда, из которых два вкопаны в дно котлована до уровня венчиков. В одном из стоявших на полу жилища сосудов разводили огонь, о чем свидетельствует прокаленность его придонной части и следы сажи на внутренней поверхности. Здесь же, в небольшой яме, лежала разбитая в древности на две части шаровидная диоритовая булава.

Подобное возвышение (рис.7, 7) прямоугольной в плане формы находилось между двумя очагами в центре раннесрубного жилища № 3. Оно ориентировано по оси север–юг, площадь равна 1 x 0,9 м, высота 0,3 м.

Песчано-меловые возвышения-вымостики присутствуют и в жилищах, относимых Т.А. Шаповаловым к позднесабатиновскому горизонту памятника.

В юго-западной части жилища № 6а, рядом с хозяйственными ямами, находилась прямоугольная в плане площадка (рис.7, 9) размерами 2,8 x 1,0 м, высотой 0,1 м.

Два прямоугольных в плане возвышения (рис.7, 10, 11) длиной 0,9 м, шириной 0,8 м, высотой 0,2 м выявлены в центральной части жилища № 7, возле очага. Здесь же найдены скопление железной руды (гематита) и плоский камень, на котором эту руду растирали в порошок. Между очагом и юго-западной стеной котлована компактно лежали 11 глиняных «хлебцев» и четыре миниатюрных сосуда полусферической формы. Некоторые «хлебцы» были вложены в сосуды. Обе разновидности вотивных предметов изготовлены из одинаковой глиняной массы, с примесью песка, слабо обожжены. В формовочную массу «хлебцев» добавлены кусочки измельченной железной руды – гематита красного цвета.

В юго-западном углу котлована найден кусок мела подпрямоугольной формы. Одна из сторон куска обработана и имеет плоскую поверхность, на которой вырезан косой крест [Березанская, 1982, с.167; Шаповалов, 1976, с.154–155; 1983/№ 620].

Поселение Усово озеро. В юго-восточном углу жилища № 5 срубной культуры обнаружена вымостка (рис.7, 12) овальной в плане формы длиной 0,8 м, шириной 0,5 м, высотой 0,1 м, представляющая собой песчаное возвышение, обмазанное глиной и обожженное. Вокруг находилась зола и мелкие угли. На площадке-вымостке компактно лежали две зооморфные фигурки, три глиняных предмета яйцевидной формы, два диска со сквозными отверстиями. Рядом

с жертвенником находился развал сосуда и заполненная охрой темно-красного цвета яма, в которой присутствовала также лопатка с обработанным краем [Березанская, 1990, с.24–25, 34, 87–88, рис.23, 2].

Жертвенники типа 2

Поселение Богуслав-1. На поселении выявлено два жертвенника (рис.7, 13, 14; 123, 2, 4) этого типа (см. описание святилища типов 1 и 2).

Поселение Безыменное-2. Жертвенником типа 2, вероятно, является скопление костей животных (рис.7, 15), исследованное в площади Северо-восточного святилища (см. описание святилища типа 3).

Поселение Усово озеро. На святилище поселения выявлено два жертвенника типа 2 (рис.7, 16; 123, 3) – большой и малый (см. описание святилища типа 1).

Жертвенник в срубном жилище № 9 (рис.7, 17; 123, 1) находился в северном углу котлована рядом с небольшим очагом. На ровной площадке размерами 1,6 x 1,5 м помещена прямоугольная в плане вымостка из костей животных (конечности, ребра, лопатки). Ее размеры равны 1,2 x 1 м, толщина в центре – 10–15 см, по краям 3–5 см. Общее количество обломков костей, слагавших вымостку, равно 150. В восточной части вымостки лежал череп быка [Березанская, 1990, с.27, 86, табл.VII].

Жертвенники типа 3

Поселение Безыменное-2. Жертвенники типа 3 представлены в помещениях № 24, 25 памятника и на Северо-восточном святилище.

В помещении № 24, по мнению В.Н. Горбова и Р.А. Мимохода, присутствуют три жертвенника: сосуд (неполный развал), найденный в заполнении хозяйственной ямы № 45; яма № 44, в которой находились остатки кладки, астрагал и тупик; остатки каменной конструкции плохой сохранности размерами 3,8 x 1,5 м, среди камней которой выявлены зернотерка и глиняная форма для отливки бронзовых слитков [Горбов, Мимоход, 1999, с.30–31, рис.2, 5; 10; 11, 1, 2]. Нам культовая принадлежность этих комплексов представляется не столь очевидной, так как если согласиться с подобной интерпретацией, к рассматриваемой категории культовых мест возможно отнесение практически всех хозяйственных ям, содержащих кости животных, керамику или орудия труда. Вероятно, к жертвенникам правомерно отнесение остатков каменной конструкции (рис.7, 18), тем более, что подобный комплекс присутствует в помещении № 25.

В северо-западном углу помещения № 25 находилась ровная углубленная площадка, облицованная камнем (рис.7, 19). Площадка примыкала к стене. Очевидно, камни облицовывали и небольшую нишу в ней. Между мелкими камнями и орфостатом находились крупный обломок сосуда и плоский глиняный «хлебец», орнаментированный по краю вдавлениями и отходящими от них лучами [Горбов, Мимоход, 1999, с.31–32, рис.12].

Жертвенник типа 3 присутствует в Северо-восточном святилище (рис.7, 20) (см. описание святилищ типа 3).

Жертвенники типа 4

Поселение Капитаново-1. К жертвенникам типа 4 относится комплекс из постройки святилища (рис.7, 8; 122) (см. описание святилищ типа 4).

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Список погребений богуславско-белозерской культуры

Днепропетровская область

с. Верхняя Маевка Днепропетровского р-на. В кургане 4 группы 18, возведенном в энеолите–бронзовом веке, экспедицией ДГУ в 1975 г. исследовано впускное погребение № 9 (рис.8, 1; 125, 1, 2). Погребенный лежал скорченно на левом боку головой на восток-юго-восток. Между черепом и вытянутыми по направлению к коленям руками находились кости мелкого рогатого скота, кусок вещества желтого цвета, обломок лепного глиняного сосуда. Нижняя часть скелета разрушена сарматским погребением.

Между рассматриваемым и сарматским погребениями, впущенными на один уровень, находился кубок с короткой шейкой, отделенной от округлого корпуса уступом. На плечиках расположены три налепа-шишечки, между которыми помещены тройные вертикальные линии [Ковалева И.Ф., Волкобой, Марина и др., 1977, с.69–70; Костенко, 1977, с.118–119].

с. Николаевка Новомосковского р-на. В курганах, расположенных в окрестностях села, экспедицией ДГУ в 1977–1978 гг. исследовано два погребения (рис.8, 2; 124, 10–14).

В курган 1 эпохи бронзы впущено погребение № 18. Скелет взрослого лежал скорченно на левом боку головой на восток. За черепом находился развал сосуда с отогнутым наружу венчиком и налипным, треугольным в сечении валиком, расположенным на шейке. У стоп лежало костяное трапецевидное в сечении прясло.

В кургане 3 исследовано впускное погребение № 4. Могила прямоугольной формы размерами 1,65 x 0,95 м ориентирована по оси северо-восток–юго-запад. Скелет взрослого лежал ничком с поворотом на правый бок, с незначительно согнутыми в коленях ногами, черепом на северо-восток.

Погребальный инвентарь представлен костяным трапецевидным в сечении пряслом [Ковалева И.Ф., Ромашко, Андросов, 1979, с.25–44, рис.2, 10, 11].

с. Осиповка Магдалиновского р-на. Среди погребений различных археологических эпох грунтового могильника, исследованного на берегу р. Орель экспедицией ИА АН УССР «Днепр-Донбасс» в 1971–1973 гг., присутствовали два захоронения заключительного этапа позднего бронзового века (рис.8, 3; 125, 10–12).

Погребение № 32 частично разрушено. Судя по сохранившимся костям черепа и рук, скелет взрослого человека был ориентирован на юго-восток. У черепа находился неполный развал подлощенной корчаги с отогнутым наружу венчиком, пропорционально невысоким горлом и округлым корпусом.

Погребение № 51. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. У черепа находился широкооткрытый горшок с небольшим плоским дном, у левого бедра – кубковидный сосуд, орнаментированный геометрическим узором, нанесенным оттисками перевитой шнуром палочки [Беляев, 1981, с.68–70, рис.3, 5, 6; 4].

с. Троицкое Павлоградского р-на. В 1985 г. экспедицией ДГУ в кургане 13 группы 1 (рис.8, 4; 124, 15, 16) исследовано впускное погребение № 5. Могила овальной в плане формы размерами 1,55 x 0,95 м ориентирована по оси юго-восток–северо-запад. На посыпанной мелом растительной подстилке скорченно на левом боку лежал скелет взрослого человека, ориентированный головой на восток-юго-восток. Левая рука вытянута по направлению к бедренным костям, правая согнута, ее кисть покоилась на локтевом сгибе левой.

У колен лежало костяное трапецевидное в сечении прясло [Марина, Ромашко, 1985/52, с.22–23].

с. Чернетчина Магдалиновского р-на. Отрядом экспедиции ИА АН УССР «Днепр-Донбасс» под руководством В.Ф. Клименко в 1972 г. в кургане 2 исследовано впускное погребение № 8 (рис.8, 5; 125, 5, 6). Оно находилось в материковой яме глубиной 0,47 м. Контуры ямы не прослежены. Скелет ребенка лежал скорченно на правом боку головой на юг. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под тупым, в коленях – под острым углом.

У черепа находился тонкостенный подлощенный сосуд низких пропорций, орнаментированный по плечу двумя рядами мелких наколов [Беляев, 1984, с.76, рис.2, 11; рис. 5].

Донецкая область

с. Безыменное Новоазовского р-на. В.Н. Горбовым при раскопках многослойного поселения Безыменное-2 (рис.8, 6; 125, 3, 4), в площади Южного святилища, на глубине 0,4 м от древней поверхности найден скелет ребенка 3–4 лет. Он лежал на правом боку черепом на юго-запад. Одна из рук вытянута вдоль туловища. Перед лицом погребенного стоял горшок, орнаментированный под шейкой налепным валиком, расчлененным косыми насечками [Горбов, Мимоход, 1999, с.35, рис.4, 3, 4].

хут. Зливки Краснолиманского р-на. На поселении Зливки в 1983 г. М.Л. Швецовым при исследовании зольника, содержащего, по его определениям, керамику КМК, срубной и бондарихинской культур, выявлено погребение (рис.8, 7), прорезавшее хозяйственную яму. Могильная яма имела неправильную прямоугольную в плане форму. На ее дне компактно, вне анатомического порядка, лежали череп, часть грудной клетки, плечевая, бедренные и берцовые кости взрослого человека. По мнению М.Л. Швецова, комплекс является остатками перезахоронения [Швецов, 1983/58].

с. Клиновое Артемовского р-на. При раскопках поселения бронзового века С.И. Татаринным выявлено погребение (рис.8, 8), содержащее пропитанный медными окислами череп человека, пять кусков медной руды, обломок баночного сосуда [Татарин, 1993, с.49].

с. Кременевка Володарского р-на. В кургане 2 в 1977 г. Донецкой экспедицией ИА АН УССР выявлено частично сохранившееся погребение № 10. Найдены каменная плита подтреугольной в плане формы размерами 0,58 x 0,68 м, череп человека и развал сосуда с валиком, помещенным в основании шейки. Под валиком сосуд орнаментирован прочерченным зигзагом [Гаврилюк, Гершкович, 1982, с.69, рис.V].

с. Рай-Стародубовка Славянского р-на. В западной части поселения эпохи поздней бронзы В.Ф. Клименко в 1978 г. на глубине 1,07 м от современной поверхности выявлено погребение № 1 (рис.8, 10; 125, 7, 8). Контуры могильной ямы не зафиксированы. Скелет взрослого лежал скорченно на правом боку головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисти покоились перед грудью. Степень скорченности ног умеренная. У левого плеча находились кости животного, у черепа лежало костяное трапециевидное в сечении прясло [Клименко, 1978/74а; 1981, с.256; 1999, с.88, рис.1, 6, 7].

Запорожская область

с. Атманай Акимовского р-на. Погребение № 9 кургана 4 в 1987 г. исследовано Ю.А. Шиловым (рис.8, 11; 124, 8, 9). Могила прямоугольной формы размерами по дну 1,7 x 1,2 м, глубиной 1,35 м, ориентирована по оси восток-юго-восток–запад-северо-запад. В заполнявшем яму грунте на 0,4 м выше дна обнаружено бронзовое височное кольцо с заходящими концами [Отрощенко, Шевченко, 1987, с.137–138, рис.4, 1].

Днепрострой (в черте г. Запорожье, пос. Бабурка). В 1930 г. П. Смоличевым на участке А под небольшой насыпью могилы 35 найден скорченный на левом боку скелет, ориентированный головой на восток (рис.8, 12; 124, 1–3). Левая рука согнута в локте, кисть покоилась на правой половине груди. При погребенном найдены неорнаментированный кубок и две проволочные подвески [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.75].

с. Кичкас (в настоящее время в черте г. Запорожье). В погребении Д кургана 9 могильника Кичкас II (рис.8, 13), исследованного Ф. Сапьяном в 1928 г., найден скелет, лежавший в скорченном положении головой на восток. Сопровождался кубком, орнаментированным по корпусу насечками [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.77].

Полтавская область

с. Солонцы у г. Комсомольска Кременчугского р-на. В 2006 г. Охранной археологической экспедицией Центра охраны и исследования памятников археологии управления культуры Полтавской областной госадминистрации под руководством А.Б. Супруненко в кургане 7 группы 4 исследовано впускное погребение № 2 (рис.8, 15). Могила прямоугольной в плане формы с

закругленными углами ориентирована по оси запад-северо-запад–восток-юго-восток. Скелет женщины разрушен норными животными. Первоначальное положение погребенной А.Б. Супруненко определено как скорченное на боку. Черепом скелет лежал на север-северо-восток. В могиле найдены костяное трапециевидное в сечении прясло, зуб лошади, обломок раковины беззубки [Супруненко, 2007, с.100, 104, рис.109, 5; 105].

Харьковская область

с. Залинейное Зачепиловского р-на. Могильник находился в центральной части одноименного поселения. В 1981–1982 гг. экспедицией ДГУ исследовано пять погребений (рис.8, 16), расположенных в ряд по оси северо-восток–юго-запад.

Погребение № 1 (рис.126, 2, 6–8). Контуры круглой в плане ямы диаметром 0,35 м зафиксированы на глубине 0,4 м от современной поверхности. Стены ямы скошены к ровному дну, расположенному на глубине 0,25 м от уровня обнаружения. В заполнении ямы присутствовали угли и тонкие прослойки золистого грунта. На дне находились мелкие фрагменты кальцинированных костей человека и почти полностью распавшийся, слабо обожженный сосуд, изготовленный из земли или ила. Его размеры и форма не восстанавливаются, однако по сохранившимся обломкам можно установить, что сосуд имел прямые стенки, уплощенный венчик и широкую горизонтальную петлевидную ручку. Кальцинированные кости и земляной сосуд перекрывались тремя крупными обломками керамики, из которых два происходили от горшка, украшенного оттянутым, треугольным в сечении гладким валиком, один – от миски с лепестковидными краями.

Погребение № 2 (рис.126, 3, 9). Круглая в плане яма диаметром 0,27 м зафиксирована на глубине 0,5 м от современной поверхности. Стены скошены к корытообразному дну. Глубина ямы от уровня обнаружения равна 0,1 м. В ней лежал на боку тонкостенный горшок, орнаментированный рядом наколов, нанесенных концом плоской щепки. В горшке находились мелкие пережженные обломки костей человека.

Погребение № 3 (рис.126, 5, 11). На глубине 0,5 м от современной поверхности на площади 1,2 x 1 м рассеяны мелкие фрагменты пережженных костей человека, большое количество углей и обломки крупного горшка с расчлененным косыми насечками краем венчика и рядом глубоких пальцевых вдавлений, помещенных на шейке.

Погребение № 4 (рис.126, 10). Контуры круглой в плане ямы диаметром 0,2 м зафиксированы на глубине 0,45 от современной поверхности. Стены скошены к ровному дну, расположенному на глубине 0,15 м от уровня обнаружения. В яме находилось компактное скопление мелких фрагментов пережженных костей человека и углей, перекрытое крупным обломком тонкостенного горшка, украшенного рядом оттисков концом плоской щепки.

Погребение № 5 (рис.126, 4, 12). Контуры круглой в плане ямы диаметром 0,35 м зафиксированы на глубине 0,4 м от современной поверхности. Яма заполнена однородным золистым грунтом темно-серого цвета, стены отвесные, дно ровное. Глубина ямы от уровня обнаружения равна 0,15 м. На дне лежали мелкие пережженные кости человека, перекрытые стоявшим вверх дном горшком [Ромашко, 1983, с.56, рис.1; 2, 1–7].

с. Червоный Шлях Балаклеевского р-на. На поселении Червоный шлях-1 Ю.В. Буйновым и А.К. Дегтярем в 1988 г. исследовано погребение № 1 (рис.8, 17). Оно находилось на глубине 1 м от современной поверхности, перекрывалось культурным слоем позднего бронзового века и стерильной прослойкой без следов нарушения. Могильная яма прямоугольной в плане формы ориентирована по оси север–юг. Скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку черепом на юг. Погребальный инвентарь представлен орнаментированным косыми крестами горшком с воротничковым утолщением края венчика, костяными пронизью и проколками, абразивным камнем [Буйнов, Дегтярь, 1988/60; Буйнов, 1992, с.92].

Херсонская область

с. Лукьяновка Каховского р-на. В.И. Гошкевич в 1924 г. раскопал курган высотой 1 м, в центре которого находилось погребение (рис.8, 14; 124, 4–7), совершенное в перекрытой накатом из бревен прямоугольной яме размерами 3,1 x 2,75 м, глубиной 1 м. Скелет молодой женщины ле-

жал на спине с согнутыми в коленях ногами головой на восток. В составе погребального инвентаря представлены янтарные и пастовые бусы синего цвета, четыре бронзовые ворварки, смычковая фибула, высокогорлый кубок, орнаментированный налепами-шишечками. Дно кубка уплощено, по центру находится небольшая вмятина [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.72, рис.26, 6–9].

Белгородская область

Шебекинский р-н Белгородской обл. На поселении Шоссейное, которое было исследовано А.С. Смирновым и А.Н. Сорокиным в 1978–1979 гг., на уровне пола «позднесрубного» жилища № 5 обнаружено погребение (рис.8, 18). На дне ямы, в которой оно совершено, лежали «сложенные в кучу» длинные кости скелета, поверх которых находился череп. Инвентарь отсутствовал, антропологическими определениями установлено принадлежность остатков скелета женщине средних лет. Значительная часть могильной ямы уничтожена более поздней хозяйственной ямой «позднесрубного времени», чем, по мнению авторов раскопок, объясняется смещение костей скелета, первоначально ориентированного по оси запад–восток [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.140, 148].

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Материальная культура¹ богуславско-белозерских племен

Группа: изделия из глины. Включает четыре категории изделий, изготавливаемых из глины: посуду, орудия труда, в том числе так называемую техническую керамику, украшения, культовые предметы.

Категория: посуда. Типология основана на анализе керамического комплекса стратиграфических горизонтов ББК поселения Богуслав-1, представленного обломками 315 диагностируемых сосудов. Систематизированы серии керамики других поселений, за счет чего типология дополнена типами и видами сосудов, отсутствующими в богуславском комплексе. Базовой единицей классификации являются целые или достаточно полно реконструируемые сосуды, характеризующиеся всеми или большей частью набора качественных и количественных признаков².

Взаимовстречаемость сосудов разных типов отражена в Табл.3.11. Так же, как Я.П. Гершковичем, составившим подобную таблицу для керамики сабашиновской культуры [Гершкович, 1997, с.137, рис.8], нами в нее включены данные о тех памятниках ББК, в керамических комплексах которых представлены не менее трех типов сосудов.

Группа посуды, не имеющей шейки (табл.3.14).

Отдел: банки (Б). Одночастные и двухчастные сосуды с плоским дном. По особенностям профилированности корпуса банки подразделяются на два подотдела – I-Б и II-Б, включающими по два типа открытых – I-Б1 и I-Б2, и закрытых – II-Б1 и II-Б2 сосудов.

Подотдел I-Б включает одночастные открытые сосуды, у которых максимальное расширение корпуса приходится на края устья.

Тип I-Б1 – открытые сосуды со слабовыпуклыми стенками (рис.27, 6, 8, 15, 16, 18, 19, 22, 26, 31, 34; 28, 2, 13, 15, 16; 29, 8, 13, 24; 30, 11, 20; 31, 14; 52, 14, 15; 58, 7, 15, 17, 24, 27, 29, 30; 59, 2, 3, 10, 11, 16, 17, 19, 22; 60, 5, 17, 19, 28; 61, 15, 26; 62, 1; 74, 4; 91, 2; 99, 3, 4).

Тип I-Б2 – открытые сосуды с усеченно-коническими ровными стенками (рис.27, 5; 52, 18; 58, 13, 14, 23; 59, 1, 12, 15, 20; 62, 8; 99, 10).

Подотдел II-Б – двухчастные закрытые сосуды, у которых максимальное расширение корпуса (плечо) приходится на 1/2–4/5 высоты.

Тип II-Б1 – закрытые сосуды с выпуклобокими стенками и загнутыми внутрь краями устья (рис.27, 1–3, 7, 9–14, 17, 20–22, 24, 25, 27–30, 32, 33; 28, 6–8, 10, 14, 17, 18, 20, 22–32; 29, 2, 12, 15, 16, 17, 20, 26; 30, 23, 24; 31, 4, 7, 8; 40, 20; 52, 13, 16, 17, 19–21; 58, 1, 3, 5, 6, 9, 10, 12, 16, 19–21, 25; 59, 7–9, 13, 14, 18, 21, 23, 24, 26; 60, 4, 7, 10–12, 16, 18, 21, 22, 25; 61, 16–18, 22–25, 27–30, 33; 62, 2, 4–7, 10; 71, 6; 75, 6, 11; 78, 21; 91, 1, 3; 99, 1, 2, 5, 8, 9, 13).

Тип II-Б2 – закрытые сосуды с острым или резко перегнутым плечом и ровными, сужающимися к устью стенками (рис.29, 22, 25; 58, 8, 11; 59, 4–6; 60, 3; 61, 4, 11; 99, 6, 11, 12).

Сопоставление взаимовстречаемости посуды отдела показывает, что она является обязательной составляющей керамических комплексов прото-ББ и ББ1 (табл.3.11; 3.12). Домини-

¹ В археологической науке понятие «материальная культура» в целом соответствует общепринятому этнографическому и рассматривается как «совокупность всех созданных человеческим трудом материальных предметов конкретного общества в их функциональной взаимосвязи; в более узком смысле – как все материальные предметы и связанные с ними навыки, направленные на удовлетворение материальных потребностей общества; в наиболее узком, но традиционно чаще всего употребляемом смысле – как материальные формы культуры, направленные на непосредственное удовлетворение витальных потребностей». Совпадают и методы исследования предметной группы источников материальной культуры, то есть вещевого комплекса отдельных этносов и археологических культур [Арутюнов, Бентцин, Вайнхольд, 1989, с.5–7; Гаврилюк, 1996а, с.156].

² Под качественными признаками понимается наличие у сосудов шейки и плеча, под количественными – абсолютные значения признаков (параметров), которые соответствуют строго определенным точкам, оформляющим «костяк» сосуда [Бобринский, 1988, с.5].

руют банки типов I-Б1 и II-Б1, серии которых известны на большей части поселений. Их удельный вес особенно значителен на поселениях этапа прото-ББ. Банки типов I-Б2 и II-Б2 в памятниках этапов прото-ББ и ББ1 распространены в меньшей степени, но также достаточно обычны. Банки всех типов известны и на этапе ББ2, но представлены в отдельных комплексах единичными экземплярами.

Отдел миски (М). Одночастные и двухчастные сосуды низких пропорций с маленьким дном без закраин. В керамических комплексах ББК отдел представлен двумя подотделами.

Подотдел I-М включает открытые сосуды двух типов.

Тип I-М1 – широкооткрытые одночастные сосуды со слабовыпуклыми или ровными стенками (рис.42, 20–24; 56, 16, 17; 83, 16, 19, 22–24, 26; 96, 25–27) [Куштан, 2006, с.266, рис.5, 5; Ромашко, 1995а, с.126, рис.5, 11, 12; Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, рис.5, 7; Берестнев, 1994, с.130, рис.6, 15, 16, 18; 2001, рис.96, 12; 98, 16; 101, 11; Шаповалов, 1983/№ 620; Привалова, Привалов, 1987, с.102, рис.4, 10; Гаврилюк, 2003, с.79, рис.6, 10].

Тип I-М2 – широкооткрытые двухчастные сосуды с вертикально поставленными стенками в верхней части и перегибом корпуса на 4/5 высоты (рис.83, 18) [Берестнев, 1994, с.130, рис.6, 17, 19].

Подотдел II-М представлен одним типом.

Тип II-М1 – двухчастные сосуды с перегибом корпуса на 4/5 высоты и загнутыми внутрь краями устья (рис.83, 17, 20, 21, 25) [Берестнев, 1994, с.130, рис.6, 16; 2001, рис.94, 9; 96, 13; 98, 13].

Анализ разновременных керамических комплексов ББК (табл.3.11–14) показывает, что миски типа I-М1 получают распространение на раннем этапе культуры и доминируют среди посуды отдела этапа ББ1. Миски типов I-М2 и II-М1 присутствуют только в памятниках этапа ББ1 узкого географического ареала лесостепного течения Северского Донца. Удельный вес мисок в сериях керамики этапа прото-ББ составляет от 0,8 до 4,4 %, этапа ББ1 – от 0,9 до 3,4 %. Для комплексов ББ2 миски не характерны.

Отдел: стаканы (СТ). Пропорционально высокие, узкие сосуды незначительного объема с вертикально или косо поставленными стенками (тип СТ1) (рис.44, 15; 73, 9) [Берестнев, 1994, с.130, рис.4, 8; Шрамко И.Б., Корохіна, 2007, с.438, рис. 2, 7)].

Отдел: миски-сковороды (МС). Круглые, овальные, прямоугольные в плане открытые сосуды с широким плоским дном, низкими стенками-бортиками. По принципу открытости или закрытости устья сосуды отдела подразделяются на два подотдела.

Подотдел I-МС – открытые сосуды.

Тип I-МС1 – круглые или прямоугольные в плане сосуды конического профиля с косо поставленными стенками.

Подотдел II-МС – закрытые сосуды.

Тип II-МС1 – двухчастные сосуды со слабовыпуклободкими, загнутыми внутрь стенками (рис.42, 12–20; 56, 15; 83, 1–15; 96, 24, 28, 29; 99, 14–19) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, рис.5, 6; Берестнев, 1994, с.130, рис.6, 12–14; 2001, рис.94, 3–5; 96, 16; 98, 11; Супруненко, Шерстюк, 2006а, рис.66, 26; Привалова, Привалов, 1987, с.102, рис.4, 1, 2; Куштан, 2003а, с.155, рис.3, 16; 2006, рис.2, 13; 1996/36; 1998/74; Кривцова-Гракова, 1949, с.84, рис.32, 16; Швецов, 1985/132; Шаповалов, 1975, с.372; 1976, с.162, рис.7, 14; 8, 10; 1983/№ 620; Ромашко, 1985, рис.1, 4, 5; 2002, с.92–94, рис.3, 13; Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.32, 6; Березанская, 1990, с.87, табл.ХІ, рис.22, 3; Гобов, Усачук, 2001, рис.13, 23, 24]. Удельный вес мисок-сковород в комплексах раннего и среднего этапов культуры не превышает 1,2 %, в комплексах этапа ББ2 достигает 11,8 % (табл.3.11; 3.13; 3.14).

Группа посуды с намечающейся или ложной шейкой (табл.3.11–14).

Отдел банковидных сосудов (БВ) по качественным признакам близок как банкам, так и горшкам.

Подотдел I-БВ включает открытые сосуды типа I-БВ1, имеющие трехчастный профиль, слабо отогнутый наружу край венчика, за счет чего создается впечатление профилированности. Намечающаяся шейка плавно переходит в слабовыпуклободкий корпус, максимально расширенный на 1/2–2/3 высоты.

Подотдел II-БВ включает закрытые сосуды типа II-БВ1, морфологически близкие II-Б1, но имеющие по внешнему краю венчика бортик-закраину, который создает впечатление наличия шейки и отогнутости края венчика, то есть придает их внешнему профилю трехчастное, характерное для отдела горшков членение (рис.28, 1, 3, 11, 12, 19, 21; 29, 1, 3–7, 9–11, 14, 18, 19, 23, 21, 27–29; 30, 3, 4, 6–10, 12–19, 21, 22, 25–27; 31, 1–3, 5, 6, 9–13, 15, 16, 20, 21; 35, 4, 13; 39, 11; 41, 12, 14, 18; 52, 1–8, 12; 52, 9, 10; 60, 1, 2, 6–9, 13, 15, 20, 23, 24, 26, 27; 61, 2, 3, 5–10, 14, 20, 31; 62, 3, 20; 69, 27; 71, 12; 75, 5; 78, 12, 13, 17; 82, 5, 6, 8; 91, 4–6, 8) [Кривцова-Гракова, 1949, рис.33, 15; Шаповалов, 1976, с.162, рис.7, 2, 7, 9, 11; Берестнев, 1979, рис.1, 6; 1994, рис.2, 19; 2001, рис.93, 2, 3; Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1980, рис.4, 9, 10; 5, 9; Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.35, 3; Привалова, Привалов, 1987, с.100, рис.3, 8, 9, 11; Березанская, 1990, с.31, табл.Х; Горбов, 1996, рис.1, 4; Горбов, Литвиненко, 1998, с.75, рис.1, 3; 3, 11; Горбов, Мимоход, 1999, рис.6, 4, 9; Гаврилюк, 2003, с.78, рис.5, 6, 7; Татаринов, 2003, рис. на с.112; Куштан, 2006, рис.2, 3–5; 3, 5; 5, 3, 4; Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100].

Также как и банки, посуда рассматриваемого отдела является обычной составляющей керамических комплексов прото-ББ и ББ1 (табл.3.11). В материалах этапа прото-ББ таких поселений как Богуслав-1, Ильичевка, Песчанка банковидные сосуды соответственно составляют 5,8; 17,6; 33,3 %. В материалах этапа ББ1 поселений Богуслав-1, Ильичевка, Лихачевка – 4; 16,4; 15,5 %. В керамических сериях памятников этапа ББ2 банковидные сосуды отсутствуют. Исключением, вероятно, является обломок сосуда из поселения Залинейное (рис.102, 15) [Ромашко, 1995б, рис.14, 6].

Группа посуды с выделенной шейкой (табл.3.14).

Отдел горшки (Г). Плоскодонные сосуды трехчастного и четырехчастного профиля, характеризующиеся наличием шейки. На поселениях ББК отдел представлен 12 типами. По морфологическим особенностям корпуса выделены три подотдела (I-Г, II-Г, III-Г). В качестве типобразующих признаков рассматриваются особенности оформления шейки, венчика и корпуса.

Подотдел I-Г включает семь типов горшков с выпуклобоким корпусом.

Тип I-Г1 – сосуды трехчастного профиля со слабо отогнутым наружу венчиком, низкой шейкой, плавно переходящей в вогнутый профиль верхней части корпуса. Плечо с выраженным, но выпуклобоким, перегибом расположено на $2/3$ высоты сосуда.

Тип I-Г2 – сосуды трехчастного профиля с незначительно отогнутым наружу венчиком, низкой шейкой, плавно переходящей в слабо или средневыпуклобокий профиль верхней части корпуса, максимально расширенный на $1/2$ – $2/3$ его высоты.

В памятниках ББК горшки типов I-Г1 и I-Г2 достаточно обычны (рис.30, 1, 2; 31, 19, 23, 24; 32, 1, 19; 35, 1, 5, 7, 10, 15, 19; 36, 13; 37, 14; 40, 24; 53, 9, 16, 22; 54, 3, 17; 61, 12, 19; 62, 18, 19; 66, 22, 23; 74, 21; 91, 16; 93, 9, 25; 94, 2) [Радзівєвська, Шрамко Б.А., 1980, рис.5, 5; Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100; Кривцова-Гракова, 1955, рис.27, 6, 15; Гаврилюк, 2003, с.79, рис.5, 4; Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.35, 2; Привалова, Привалов, 1987, с.100, рис.1, 16–17; 3, 1, 3, 7, 10; Шрамко І.Б., Корохіна, 2007, рис.2, 1; Шаповалов, 1983/№ 620; Берестнев, 1979, рис.1, 8; Горбов, Мимоход, 1999, с.28, 33, рис.11, 3].

Тип I-Г3 – сосуды трехчастного профиля с резко отогнутым наружу венчиком, выраженной низкой шейкой, плавно переходящей в умеренно или сильно выпуклобокий корпус, максимально расширенный на $1/2$ – $2/3$ высоты. (рис.31, 18, 22, 25; 32, 2–18, 22–24, 26, 28, 29; 33, 1, 3, 4, 8, 11, 12, 15, 16, 19–22; 34, 7, 8, 10, 11, 15, 17–19; 35, 2, 3, 6, 9, 14, 16–18, 20, 21, 23; 36, 3, 4, 17; 37, 1–4, 8, 15–21, 27; 38, 2, 4–10, 14–16; 40, 19, 23; 41, 8, 15, 16; 42, 3–11; 53, 1, 2, 7, 15, 20, 25, 26; 54, 4, 6–8, 10–13, 15, 16, 20, 22; 62, 23–27; 63, 1, 2, 4, 5, 7–15, 17–27, 29–31; 64, 1, 6–10, 12–16, 19–20, 22, 24–26, 29–32; 65, 4, 6, 7, 14, 16, 20, 29, 30; 66, 4–6, 11, 18, 20, 21, 24–29, 31; 67, 5, 6, 9, 13–18, 21; 68, 15, 17, 19–24; 69, 2, 3, 5, 9, 13, 14, 20; 70, 2–4, 6, 7, 9, 12, 13, 18, 27, 30–32; 71, 5–8, 11, 14–16; 72, 4, 8, 12, 16–18, 20; 73, 1, 3, 4, 8, 13, 15, 17, 19, 23, 24, 26, 28, 29, 32, 34, 35; 74, 1, 3, 5, 8, 9, 17, 20; 75, 1–3, 8, 13, 14; 76, 5–7, 11, 13; 77, 4, 5, 7, 9–19, 20–23, 25; 78, 1, 4, 6–11, 16, 19, 20, 22–24; 79, 1, 6, 8, 9, 13, 14, 16, 18–21, 25, 26; 91, 9, 11–14, 19, 25; 92, 1–3, 8–10, 12, 15, 18, 19; 93, 1, 2, 4–8, 11, 13, 14, 16–18, 20, 21, 23; 94, 1, 3, 4, 10–12, 14, 15, 17, 18; 95, 1, 2, 7, 9–11, 17, 18, 19; 100, 2, 7–10, 12, 22, 28, 29; 101, 2, 7–9; 102, 1, 4, 6; 103, 4, 6, 7; 104, 1–4) [Куштан, 2006, рис.2, 7, 11, 14, 15; 3, 10; 4, 2, 8, 9; 5, 6; 6, 4, 10; Радзівєвська, Шрамко Б.А., 1980, рис.5, 8; 6, 15; Шрамко І.Б., Корохіна, 2007, рис.2, 2, 3, 8;

Берестнев, 1994, с.128–129, рис.5, 1, 2, 6, 7, 10, 11, 14, 15, 17, 18; 6, 2, 3; 2001, рис.93, 6; 94, 2, 6, 10; 96, 9, 15; 97, 1, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 11; 98, 10, 12, 15; 99, 10, 11; 100, 4, 6, 7, 11–13; 101, 6, 9; Горбов, Литвиненко, 1998, рис.1, 2, 7; 2, 6; 4, 3, 17; Супрун, Черных Е.А., Прынь, 2000, рис.17, 1, 2, 4; Телиженко, Манько, Ковалева, 1999, рис.15, 1, 2; Телиженко, Черних С.О., 2006, рис.10, 4; 12, 1; Супрун, 1999, рис.2, 1–5; Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1980, рис.2, 4–6, 8–12, 14, 16; 3, 3, 6, 8, 9; 4, 1–4, 6, 8; 5, 2–4, 6–8, 13, 15; 6, 2–4, 6, 7; Горбов, Мимоход, 1999, рис.6, 5, 6, 8; 7, 3; 10, 3; Горбов, 1995, с.58, 62–63, рис.2, 6–8, 10, 3, 3, 5; 1996, рис.1, 3; Березанская, 1990, с.31, табл.VI; X; XI; Шаповалов, 1976, с.162, 166, 168, рис.7, 5; 8, 1–3, 11, 20; 1983/№ 620; Гершкович, 1998, рис.6, 6; 7, 1, 4; 8, 1; 10, 2, 3, 5; Привалова, Привалов, 1987, с.100, рис.1, 1, 2, 5, 7, 12, 13, 14, 18; Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100; Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.32, 1, 3, 5, 16, 18; 35, 4, 15, 17, 19; 36, 14; Дровосекова, 2002, рис.11, 5–7; Привалова, 2000, рис.1, 2; Кривцова-Гракова, 1949, с.84, рис.30, 2; 32, 12; 33, 7, 8, 10, 11, 12; 1955, рис.27, 11, 12; Гаврилюк, 2003, с.78–79, рис.5; 6; Ромашко, 1995, рис.5, 3; 1995б, рис.10, 2–6, 11; 11, 3; 14, 11, 14; 2002, с.92–94, рис.3, 1–3, 11, 4, 6, 9; Беляев, 1977, рис.7, 3, 4; 1984, рис.2, 1, 4–7, 10; 3, 3, 4] и др.

Тип I-Г4 – сосуды трехчастного профиля с высокой шейкой, плавно переходящей в средне- или сильно выпуклобокий корпус, максимально расширенный на $3/5$ – $2/3$ высоты (рис. 31, 17, 26–28; 33, 18; 34, 20; 35, 22; 37, 5–7, 22–24; 38, 11; 53, 12–14, 17, 21, 23; 54, 5, 14; 63, 6, 16, 28; 65, 12, 13, 15, 17–19, 21–24, 26–28; 66, 2, 3, 8, 13, 32, 33; 67, 7, 12, 19, 22; 68, 1, 11, 18; 69, 7, 10, 18, 25; 70, 8, 10, 11, 14, 17, 20, 22, 25, 26, 28, 29; 71, 1, 10; 72, 1, 2, 5, 6, 9, 10, 11, 13, 15; 73, 7, 14; 74, 16, 19, 30; 76, 1–4, 8, 10; 77, 1–3; 78, 3, 5, 25, 26; 80, 1, 2, 5–12; 91, 10, 20, 24; 92, 4–7, 17; 93, 19, 22, 24; 94, 6; 95, 3; 100, 1, 13, 14, 16, 18, 23, 27; 101, 6, 13; 102, 2, 3, 11, 18; 104, 13; 105, 5–8; 106, 11) [Куштан, 2003а, рис.2, 6; 3, 1, 6, 7, 11; 2006, рис.5, 8; 6, 13; Радзівєвська, Шрамко Б.А., 1980, рис.5, 9; Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1980, рис.2, 1–3; 4, 7; 5, 1, 10; 6, 5, 8–11 14; Супрун, 1999, рис.4, 4, 5, 8; Телиженко, Черних С.О., 2006, рис.10, 5; 11, 4; Кривцова-Гракова, 1949, рис.32, 13; 33, 6; 1955, с.94–95, рис.20, 9, 12; Гаврилюк, 2003, с.78–79, рис.3, 5, 6, рис.6; Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100; Гершкович, 1998, рис.6, 7; 10, 4; Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.32, 2; 36, 14; Ромашко, 2002, с.92–94, рис.3, 16; Тереножкин, 1961, с.54–55, рис.29, 1–3, 5–9; Привалова, Привалов, 1987, с.100, рис.1, 8, 11, 15; 3, 2, 4, 10; Шаповалов, 1976, с.168, рис.8, 18; 1983/№ 620; Березанская, 1990, с.79–81, рис.20, 6, табл.VI; Берестнев, 1994, с.130, рис.5, 3, 4, 13; 6, 1, 4, 6, 7, 8; 2001, рис.93, 4, 7, 8; 97, 2; 99, 6, 9; 100, 10; 101, 7, 10; Ковпаненко, 1967, рис.10, 9, 10; Горбов, Литвиненко, 1998, рис.1, 11; 2, 2–4; 3, 9; 4, 5, 15, 16; Ромашко, 1985, рис.1, 8; 1995б, рис.10, 5, 10, 15; 2001, рис.2, 2, 7, 10; 3, 3; Горбов, Мимоход, 1999, с.28, 30, рис.6, 7; Горбов, 1995, с.62, 63, рис.3, 1; Дровосекова, 2002, рис.11, 7–9, 11, 12, 17; Пробейголова, 2009, рис.1, 1; Горбов, Усачук, 2001, рис.9, 5; Беляев, 1977, рис.7, 1; 1984, рис.2, 3].

Горшки типов I-Г3 и I-Г4 и переходные между ними формы, отличающиеся различной степенью отогнутости венчика и высотой шейки, образуют основную группу посуды отдела I-Г (табл.3.11; 3.13; 3.14). Процентное содержание горшков рассматриваемых типов в сериях керамики горизонтов этапа прото-ББ таких памятников, как Песчанка равно 11,1 % (8,9 и 2,2 %), Ильичевка – 39,6 (29 и 10,6 %), Богуслав-1 – 45, 7 % (32,1 и 13,6 %). В сериях керамики горизонтов этапа ББ1 Лихачевки оно равно 36,3 % (10,4 и 25,9 %), Ильичевки – 42,2 % (25,5 и 16,7 %), Богуслав-1 – не менее 40,5 % (10 и 30,5 %). В сериях керамики этапа ББ2 Лоцманской Каменки оно равно 27,2 % (4,5 и 22,7 %), Старая Игрень – 17,7 % (5,9 и 11,8 %), Залинейное – 10 % (3,3 и 6,7 %), Бузовка – 30,6 % (10,2 и 20,4 %). Прослеживаемая на материалах этих памятников динамика удельного веса горшков I-Г3 и I-Г4 показывает, что он уменьшается только на этапе ББ2.

Тип I-Г5 – сосуды трехчастного профиля с раструбовидной, или по иной терминологии, Г-видной [Гершкович, 1997, с.13] шейкой. Венчик прямой, резко отогнут наружу, под тупым углом примыкает к выпуклобокому корпусу, максимально расширенному на $1/2$ – $2/3$ высоты (рис.33, 13; 64, 33; 65, 5; 69, 8, 21; 72, 4; 73, 2; 81, 1–16; 91, 15; 95, 12; 100, 3; 106, 6) [Куштан, 2006, рис.2, 9; Супруненко, Шерстюк, 2006, рис.66, 9; 69, 6; Берестнев, 2001, рис. 94, 8; Горбов, Литвиненко, 1997, рис.3, 13; Телиженко, Черных Е.А., 2006, рис.12, 2; Шаповалов, 1983/№ 620; Ромашко, 1995б, рис.10, 13; 2002, рис.3, 7; Горбов, 1995, рис.2, 11; Горбов, Усачук, 2001, рис.9, 3]. Перечень памятников ББК (табл.3.11), в материалах которых присутствуют горшки типа I-Г5, показывает относительную ограниченность их распространения. Наиболее выразительные серии такой посуды

представлены в материалах ББ1, для которых характерен и ее наибольший удельный вес, достигающий 6,5 % (табл.3.11; 3.13; 3.14).

Тип I-Г6 – сосуды четырехчастного профиля с цилиндрической шейкой, умеренно или сильно выпуклободким корпусом, максимально расширенным на 1/2 высоты, плоским дном без закраины (рис.54, 9; 63, 3; 64, 11, 17, 18, 21; 66, 7, 9, 10; 73, 5, 6, 19; 76, 9, 12, 14; 79, 10, 17; 100, 25) [Кривцова-Гракова, 1955, рис.20, 14; Берестнев, 1994, с.126, рис.2, 21, 22; 2001, рис.96, 10, 11; 98, 5; 99, 4; 100, 4, 5, 11; Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, рис.6, 1, 12, 13; Горбов, Усачук, 2001, рис.8, 1; Привалова, 2000, рис. 1, 7]. Удельный вес горшков типа I-Г6 в керамических комплексах этапа ББ1 (табл.3.13), может достигать 3,9 %. В памятниках этапа прото-ББ они не известны. Не характерны они и для комплексов ББ2. Возможным исключением может считаться один из горшков Орехово-Донецкого-4 (рис.100, 25) [Горбов, Усачук, 2001, рис.8, 1].

Тип I-Г7 – тонкостенные горшки с незначительно отогнутым наружу высоким венчиком, слабо выраженной шейкой, плавно, почти по прямой линии переходящей в средневыпуклободкий корпус. Край венчиков закруглен, уплощен или вертикально срезан с внешней стороны, образуя «воротничок». Поверхность горшков темно-серого цвета, тщательно заглажена, на ощупь шероховатая (табл.3.11; 3.13) (рис.62, 11–15, 17; 64, 4; 65, 3; 66, 17; 73, 21; 74, 14, 18, 25; 79, 22; 91, 7; 95, 13–16) [Шаповалов, 1983/№ 620; Берестнев, 1994, рис.2, 23; 2001, рис.98, 8; 99, 8; Куштан, 2002, рис.1, 13; Гершкович, 1998, рис.15, 1, 3–5; Горбов, 1995, рис.3, 8]. Процентное содержание горшков типа I-Г7 в керамических комплексах этапа составляет от 3,9 до 12,1 %. Горшки I-Г7 с тщательно заглаженной, а также с маслянистой на ощупь поверхностью, подлощенной термическим способом, более широко представлены на поселениях ББ2, в керамике которых их удельный вес варьирует от 12,8 до 27,5 % (рис.100, 4–6, 15, 19–21, 24, 26; 101, 10, 14–16; 102, 10, 13; 103, 9, 13; 104, 10, 15, 17, 21; 105, 14, 15; 106, 3, 4, 7–10, 12, 13; 109, 18, 20, 22) [Ромашко, 1985, рис.3, 5; 1995б, рис.10, 6; 11, 7; 14, 2, 4, 5, 8, 15; 2001, рис.2, 4, 6; 3, 2, 5, 10; Куштан, 2003, рис.2, 7, 9; 3, 3; Супрун, 1999, рис.4, 2, 7; Пробейголова, 2009, рис.1, 2–7; 2, 2–4, 9–11; Горбов, Усачук, 2001, рис.7, 5; 8, 2, 3, 5; 9, 2, 6; Беляев, 1977, рис.7, 2].

Подотдел II-Г представлен сосудами, для которых характерно наличие короткой вертикальной шейки и приподнятого выпуклободкого или резко перегнутого плеча. По морфологическим признакам горшки подотдела подразделяются на три типа.

Тип II-Г1 – сосуды трехчастного профиля со слабо отогнутым наружу венчиком, плавно переходящим в прямой или вогнутый профиль верхней части корпуса, выраженным перегибом плеча приблизительно на 2/3 высоты (рис.36, 7, 10, 12, 14; 39, 1–4, 6–10, 12–15; 40, 22; 41, 19; 55, 1–7; 61, 1; 75, 9; 81, 17, 18; 82, 10; 96, 21) [Привалова, Привалов, 1987, с.100, рис.2, 1–6; Куштан, 2002, с.29, рис.1, 5, 11; 2006, рис.2, 6; Березанская, 1990, табл. VI; Берестнев, 1979, рис.1, 7; 2001, рис.99, 7; Шрамко И.Б., Корохина, 2007, рис.2, 15; Шаповалов, 1976, с.162, рис.7, 12; 1983/№ 620; Супрун, Черных Е.А., Прынь, 2000, рис.17, 9; Горбов, Литвиненко, 1998, рис.1, 17; Горбов, 1995, рис.2, 4; Кривцова-Гракова, 1955, рис.27, 7]. Горшки типа II-Г1 представлены в материалах половины памятников этапа прото-ББ и трети памятников этапа ББ1 (табл.3.11). В керамике памятников ББ2 они не известны. Доступные нам для статистического анализа комплексы керамики (табл.3.12) также показывают тенденцию уменьшения удельного веса этого типа горшков в более поздних памятниках ББК, по сравнению с ранними. В керамических сериях этапа прото-ББ он равен 4,6–5,3 %, в сериях ББ1 – 0,4 %.

Тип II-Г2 – сосуды четырехчастного профиля значительных объемов с пропорционально низкой цилиндрической шейкой, высоким приподнятым выпуклободким плечом на 3/4 высоты корпуса и пропорционально маленьким дном. Находки таких горшков связаны только с комплексами этапов прото-ББ и ББ1 (рис.38, 17; 64, 5; 76, 16) [Берестнев, 1994, с.130, рис.6, 9; Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, рис.6, 16]. Анализ керамики горизонтов ББК показывают, что процентное содержание горшков типа II-Г2 не превышает 1,2 % (табл.3.11; 3.12).

Тип II-Г3 – сосуды четырехчастного профиля с высокой цилиндрической шейкой, высоким приподнятым выпуклободким плечом на середине высоты и пропорционально маленьким дном. Наиболее ранние образцы таких горшков известны в материалах этапа ББ1 Богуслава-1 (рис.81, 19, 20). На этапе ББ2 возрастает как количество памятников (рис.103, 2, 5, 18) [Беляев, 1984, рис.3,

1; Ромашко, 1995б, рис.15, 8; Горбов, Усачук, 2001, рис.10, 6], содержащих горшки типа П-Г3, так и их удельный вес, достигающий 6,7 % (табл.3.11; 3.13).

Подотдел III-Г представлен сосудами двух типов с острым или резко перегнутом плечом.

Тип III-Г1 – острореберные сосуды значительных размеров с перегибом плеча на 1/3 высоты корпуса (рис.41, 6; 66, 1; 76, 15) [Куштан, 2002, с.29, рис.1, 4; Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, рис.6, 15; Берестнев, 2001, рис. 94, 1].

Тип III-Г2 – сосуды трехчастного профиля низких пропорций с коротким венчиком и острореберным плечом, расположенным на 1/2–2/3 высоты корпуса. Морфологически они сопоставимы со срубными острореберными «мисками». Удельный вес подобных сосудов в комплексах Песчанки, Богуслава-1, Ильичевки, Лихачевки составляет от 0,8 до 1,7 % (табл.3.11; Е.12; Е.14). Они присутствуют в памятниках этапов прото-ББ и ББ1 (рис.38, 18; 40, 13, 18; 56, 21; 82, 16–20; 96, 23) [Привалова, Привалов, 1987, с.102, рис.4, 14; Горбов, 1995, с.58, рис.2, 13; 3, 10, 12; Горбов, Литвиненко, 1998, рис.1, 18; Горбов, Мимоход, 1999, с.32, рис.12, 5; Куштан, 2006, с.264, рис.6, 8; Шрамко Г.Б., Корохина, 2007, рис.2, 4, 12].

Отдел корчаги (КР). Сосуды с зауженной шейкой, выпуклобоким корпусом и пропорционально маленьким дном (табл.3.11; 3.13; 3.14).

Тип КР1 – сосуды с сильно отогнутым наружу краем венчика, относительно высокой зауженной шейкой, плавно переходящей в выпуклобокий корпус. Дно пропорционально маленькое (рис.56, 3–5; 96, 5; 107, 26) [Привалова, Привалов, 1987, с.100–101, рис.4, 1, 2; Кривцова-Гракова, 1949, с.81, рис.32, 11; Ромашко, 2001, рис.2, 5].

Тип КР2 – сосуды с высокой цилиндрической шейкой, выпуклобоким или шаровидным корпусом и пропорционально маленьким дном (рис.107, 6, 8) [Ромашко, 1995б, рис.9, 1; 10, 3].

Тип КР3 – сосуды с прямым или незначительно отогнутым наружу краем венчика, высокой зауженной шейкой, плавно переходящей в сильно выпуклобокий корпус. Дно пропорционально маленькое (табл.3.11) (рис.96, 7; 107, 3, 4; 108, 1–4, 10, 14; 109, 3, 5, 9) [Ковпаненко, 1967, рис.10, 12; Ромашко, 1995б, с.55–56, рис.9, 3; Беляев, 1977, с.45–46, рис.6, 1–4; Ромашко, 1985, рис.1, 3; Гершкович, 1998, рис.7, 5; Горбов, Усачук, 2001, рис.11, 6, 7; 12, 8, 19; Куштан, 2003а, рис. 3, 14].

Отдел кубки (К). Сосуды небольшого объема трехчастного или четырехчастного профиля с зауженной шейкой, выпуклобоким корпусом и плоским дном без закраины. Вся керамика отдела тонкостенная, внешняя поверхность кубков из горизонтов прото-ББ и ББ1 тщательно заглажена, в единичных случаях подлощена. Поверхность кубков из комплексов ББ2 чаще всего лощеная.

Тип К1 – сосуды трехчастного профиля низких пропорций с отогнутым наружу венчиком, зауженной шейкой, плавно переходящей в приплюснуто-выпуклобокий корпус, максимально расширенный на 1/2 его высоты (43, 9; 84, 1–6, 10; 96, 1; 107, 2) [Супруненко, Шерстюк, 2006а, рис.167, 21; Берестнев, 1994, с.130, рис.4, 12, 14; Ковпаненко, 1967, рис.10, 11; Кривцова-Гракова, 1955, с.122, рис.27, 14].

Тип К2 – сосуды трехчастного профиля высоких пропорций с отогнутым наружу венчиком, зауженной шейкой, плавно переходящей в выпуклобокий, умеренно расширенный на 1/2 высоты корпус (рис.43, 2, 3; 56, 1, 11; 84, 19; 96, 12, 13, 17; 107, 10, 16) [Привалова, Привалов, 1987, с.101, рис.4, 2; Шаповалов, 1983/№ 620; Тесленко, Ромашко, Фещенко, 2007/100; Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.32, 20; Гершкович, 1998, рис.6, 4]; Дровосекова, 2002, с.138, рис.11, 18; Ромашко, 1995б, с.55–56, рис.9, 3, 4; Горбов, 1995, рис.3, 11].

Тип К3 – сосуды четырехчастного профиля с отогнутым наружу краем венчика, относительно высокой выделенной цилиндрической шейкой, приподнятым плечом, расположенным на 1/2 или 2/3 высоты корпуса (рис.84, 8, 9, 27, 28; 96, 10, 11, 14, 16; 107, 9, 14, 15, 18, 24; 108, 13) [Берестнев, 1994, с.130, рис.4, 13, 15; Дровосекова, 2002, с.138, рис.11, 15, 16; Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.32, 8; Гершкович, 1998, рис.6, 3; Ромашко, 1985, рис.2, 10; 1995б, рис.7, 31; 9, 5; 15, 6; 2001, с.170, рис.2, 3; Горбов, 1995, рис.3, 12].

Анализ соотношения типов посуды ББК (табл.3.11; 3.13; 3.14) показывает присутствие кубков в ряде памятников этапа прото-ББ и ББ1. Их удельный вес составляет от 0,7 до 4,4 %. На этапе ББ2 кубки становятся обязательной составляющей комплексов всех его памятников. Соответственно удельный вес этого отдела керамики возрастает до 9,1–18 %.

Отдел вазы (отдел В). Сосуды кубковидных форм с двумя симметричными ручками, верхний край которых может быть овальным, оформленным в виде налепа-«пуговицы» или приостренным. Последние признаки специфичны для посуды отдела, но известны и на черпаках (рис.43, 4, 7; 56, 10) [Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.32, 19; Куштан, 2006, рис.3, 7] (табл.3.11; 3.13; 3.14).

Отдел черпаки (Ч). Сосуды кубковидных форм с овальной (петельчатой) ручкой. В единичных случаях верхний край ручки может быть приостренным (рис.43, 5, 11–13, 17–20; 56, 7–9; 84, 17; 96, 8; 107, 11, 12) [Шаповалов, 1983/№ 620; 1976, с.164, рис.7, 6; Привалова, Привалов, 1987, с.100–101, рис.4, 6, 7, 9; Гершкович, 1998, рис.3, 1; Куштан, 2006, с.266, рис.2, 17; Ромашко, 1995, рис.11, 6, 9, 14] (табл.3.11; 3.13).

Отдел кубки на поддоне (отдел КП). Сосуды четырехчастного профиля с отогнутым наружу венчиком, выраженным или острореберным плечом и ножкой-поддоном. Обломки таких ножек представлены на ряде поселений прото-ББ и ББ1 (рис.38, 20, 22; 56, 18–20; 82, 12, 13; 96, 30) [Кривцова-Гракова, 1949, с.84, рис.32, 10; Шаповалов, 1976, с.162–164, рис.7, 13; 1983/№ 620; Радзівська, Шрамко Б.А., 1980, с.107, рис.5, 10; Привалова, Привалов, 1987, с.102, рис.4, 12; Березанская, 1990, с.81; Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100] (табл.3.11; 3.12; 3.14).

Категория: техническая керамика.

Отдел: льячки и формы для отливок. Глиняные льячки и их обломки выявлены на поселениях Таранцево, Черниково озеро-2, Безыменное-2, Зливки, Бузовка (рис.85, 4, 5, 36; 97, 2; 110, 2–5) [Берестнев, 1994, с.133, рис.7, 19; Супрун, 1999, рис.3, 1, 2; Горбов, Мимоход, 1999, с.27, рис.2, 4; Швецов, 1985/132; Ромашко, 1995б, рис.9, 10; 12, 1–4]. Известна и глиняная посуда прямоугольной в плане формы с ручками или без них, которые, вероятно, использовались в качестве форм для получения слитков (рис.97, 1; 110, 6) [Горбов, Мимоход, 1999, с.31, рис.2, 5; Ромашко, 1995б, рис.9, 10].

Отдел: цедилки. В Лесостепи обломки цедилок найдены в верхнем горизонте поселения Таранцево, Клешне-1, Белозерском лимане-2, Бузовке, Залинейном, Лоцманской Каменке, Леськах-3а, 3б, Безыменном-2, Верхней Тарасовке (рис.75, 15; 82, 21; 95, 6, 20, 21; 105, 16–22) [Берестнев, 1994, с.133, рис.7, 23; Телиженко, Манько, Ковальова В.А., 1999, рис.15, 12; Гаврилюк, 2003, рис.6; Ромашко, 1995б, рис.11, 15; 14, 9, 10; 2001, с.171, рис.2, 1; Куштан, 2003а, с. 154–157, рис.2, 12; 3, 9; Горбов, 1995, с.63, рис.2, 5; Гершкович, 1998, рис.15, 2].

Отдел: скребки. На поселениях ББК найдены орудия треугольной, подпрямоугольной, круглой в плане формы, изготовленные из стенок сосудов. Их края обточены и сработаны (рис.57, 1; 85, 9, 31–35; 110, 30–32, 34, 35, 37, 38) [Ковалева И.Ф., 1965/59; Привалова, Привалов, 1987, с.102, рис.4, 18; Клименко, 1981, с.255–256; Берестнев, 1994, с.131, рис.7, 14, 16–18; Горбов, Усачук, 2001, с.37, рис.13, 1–7].

Отдел: прясла. Одиночные находки и серии этих изделий присутствуют на многих поселениях с горизонтами ББК. По технике изготовления и материалу разделяются на два подотдела.

Подотдел 1. Включает прясла, сформованные из глины и обожженные. По конфигурации сечений выделяются пять типов.

Тип 1 – трапециевидные и полусферические в сечении. Некоторые экземпляры низких пропорций, возможно, являются подражанием костяным пряслам (рис.44, 21, 25; 85, 16, 20–22; 110, 13, 14, 18–20) [Шаповалов, 1983/№ 620; Куштан, Деткін, 2000, рис.2, 10; Осташков, 1995, с.44; Ромашко, 1995б, рис.12, 5; 15, 14; ; Берестнев, 1994, рис.7, 9; Горбов, Усачук, 2001, с.37, рис.13, 9, 10; Куштан, 2007/№ 864; Шрамко І.Б., Корохіна, 2007, с.438, рис.2, 10].

Тип 2 – шаровидные и овальные в сечении (рис.85, 17; 97, 4; 110, 12, 16, 22) [Берестнев, 1994, с.130, рис.7, 6; Ромашко, 1995б, рис.15, 13; 2001, с.171, рис.4, 9; 2002, с.95, рис.4, 10; Куштан, 2003а, рис.2, 15].

Тип 3 – биконические высоких или низких пропорций, максимально расширенные на 2/3 или 1/2 высоты (рис. рис.44, 22; 85, 19) [Клименко, 1981, с.255–256; Шаповалов, 1983/№ 620; Берестнев, 1994, с.130, рис.7, 8]

Тип 4 – дисковидные (рис.44, 19, 23, 27; 85, 24, 25, 27, 29, 30; 110, 21) [Шарафутдінова І.М., 1964; Шаповалов, 1983/№ 620; Берестнев, 1994, с.130, рис.7, 11–13; Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, рис.7, 5; Куштан, 2003а, рис.3, 13; Кухаренко, 1963, с.243–250].

Подотдел 2. Второй подотдел представлен пряслами, изготовленными из обломков сосудов (рис.44, 20, 24; 110, 17) [Шаповалов, 1983/№ 620; Ромашко, 1982, рис. 1, 36; 1995б, рис.9, 6].

Отдел: грузила. По форме эти изделия близки пряслам типа 2, но отличаются большими размерами (рис.85, 28; 110, 1, 24) [Ромашко, 1995б, рис.12, 14; Горбов, Усачук, 2001, с.36–37, 41, рис.13, 13].

Отдел: гладильники-утюжки. Единственный известный экземпляр таких орудий, изготовленный не из камня, а из глины, происходит из Ильичевки (рис.44, 16) [Шаповалов, 1983/№ 620].

Категория: украшения. Находки изготовленных из глины украшений на памятниках ББК единичны.

Отдел: бусы. Бусина овальной формы происходит из Таранцево (рис.85, 23) [Берестнев, 1994, с.132, рис.7, 15], круглой – из Шоссейного [Смирнов А.С., Сорокин, А.Н., 1984, рис.7, 4].

Категория: культовые предметы. Изготавливаемые из глины votivные предметы, выявленные в памятниках ББК, представлены двумя отделами, в которые включены миниатюрные сосуды и так называемые «хлебцы».

Отдел: миниатюрные сосуды. Миниатюрные сосуды, высота которых составляет от 2 до 5 см, диаметр – от 2 до 5,5 см, имитируют формы посуды бытового назначения (рис.44, 7–12, 14; 85, 7, 12–15; 110, 7, 8, 25–29) [Шаповалов, 1976, с.164, рис.16а; 1983/№ 620; Шарафутдінова І.М., 1964, с.162, рис.4, 14; Берестнев, 1994, с.130, рис.4, 16–19; Куштан, 2003а, с. 155, рис.3, 12; Супрун, 1999, рис. 3, 4; Клименко, 1981, с.255–256; Ромашко, 1995, рис.12, 11, 12; Горбов, Усачук, 2001, с.36, рис. 13, 18–21].

Отдел: «хлебцы» и зооморфные фигурки. Культовые изделия круглой, овальной, яйцевидной и иных форм представлены в материалах Ильичевки, Николаевки, Ушкалки, Чикаловки, Таранцево, Черникова озера-2, Шоссейного, Безыменного-2 (рис.44, 1–5; 57, 2; 85, 1–3, 6, 8, 10; 97, 3) [Шарафутдінова І.М., 1964, с.165, рис.6, 12–14; 1982, с.104, рис.39, 1–12; Шаповалов, 1976, с.164, рис.7, 16; Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, рис.7, 6; Привалова, Привалов, 1987, с.102, рис.4, 15–17; Берестнев, 1994, с.133, рис.7, 24; Супрун, 1999, рис.3, 6–9; Гобов, Мимоход, 1999, с.32, рис.12, 3]. В материалах Чикаловки также представлена грубо вылепленная зооморфная фигурка (рис.44, 13) [Шарафутдінова І.М., 1964, рис.6, 15].

Группа: изделия из бронзы и литейные формы. В сводку включены изделия из бронзы, происходящие из поселенческих и погребальных комплексов, а также их случайные находки на территории распространения памятников ББК. Второй группой артефактов, позволяющих судить об уровне металлообработки у богуславско-белозерских племен, ассортименте используемых в их среде орудий, вооружения, украшений, являются литейные формы. В сводку включены бронзовые изделия и каменные литейные формы, которые могут быть датированы в пределах второй половины XIII–X вв. до н. э., происходящие из культурного ареала ББК, вне зависимости от их соответствия металлу позднего Краснояцкого и Лобойковского, Кардашинского и Завадовского очагов металлообработки, Волго-Уральского металлургического очага¹.

Среди известных в Поднепровье литейных мастерских заключительного этапа позднего бронзового века достаточно значительными по количеству одновременно отливавшихся изделий (кельты, кинжалы, наконечники копий, долота, булавки, колоколовидные подвески) являются мастерские Завадовского центра металлообработки [Черных, 1976, с.190–195; Клоčko, 2001, р.260–275; Клоčko, 2006, с.212–215], представленные Завадовкой (рис.114, 1–8; 115, 1–6) [Vočkarov, Leskov, 1980, taf.9, 178–179; 10, 80–85; Гершкович, Клоčko, 1987, с.101–114, рис.1–6] и Солохой (рис.115, 8) [Лесков, 1967, с.149, рис.2, 1–3]. Ассортимент литейных форм, найденных к востоку от бассейна Днепра, значительно беднее. Литейная форма для отливки наконечников копий

¹ Автором используются историко-металлургические определения и термины, предложенные Е.Н. Черных [Черных Е.Н., 1970, с.12–13].

представлена в материалах поселения Терновая-1. Обломок еще одной хранится в Харьковском историческом музее [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99]. С известными оговорками к ББК возможно отнести форму с негативами позднеобойковских кинжала и бритвы из с. Вязовок Днепропетровской обл. (рис.115, 7) [Кривцова-Гракова, 1955, рис.34, б], а так же форму, хранящуюся в Харьковском историческом музее (рис.115, 9) [Татаринов, 1993, с.102, табл.13, 31]. Матрицы для отливки предметов конской упряжи и украшений известны на поселении Ильичевка (рис.50, 7) [Шаповалов, 1983/№ 620] и у с. Адамовка-Славянск Донецкой обл. [Татаринов, 1993, с.105, табл.16, 3]. В верхнем слое Глубокого Озера-2 найдена двухсторонняя форма для отливки тесловидных орудий и блях (рис.89, 12). По мнению Я.П. Гершковича она изготовлена из более старой, о чем свидетельствует присутствие на одной из боковых граней негатива лезвийной части еще какого-то изделия, вероятно, кельта [Гершкович, 1998, с.78, рис.13, 3]. Известняковая литейная форма для изготовления бус или подвесок представлена в Чикаловке (рис.50, 8) [Шарафутдинова I.M., 1964, с.164, рис.6, 11].

Категория: орудия труда.

Отдел: серпы. На территории ББК отдел представлен обломками серпов, найденных на поселениях.

Тип 1 – серпы дуговидно-закругленной формы с кнопочным выступом, расположенным в верхнем крайнем углу рукоятки типа Косидер [Дергачев, 1997, с.35–36; Дергачев, Бочкарев, 2002, с.275–285, табл.93–96, 1311–1403]. Обломок такого серпа представлен в Мошнах [Куштан, 2000/20]. Обломки еще двух центральноевропейских серпов из Лесек-3б (рис.113, 34, 35) [Куштан, 2003а, с.155, рис.4, 1, 2] могут быть сопоставлены с типами Косидер или Печ [Дергачев, Бочкарев, 2002, с.275–294, табл.93–98, 1311–1436].

Обломок серпа с прямым лезвием, дуговидной спинкой и крюком в рукояточной части, отделенной уступом (рис.50, 13) из Ильичевки связывается Т.А. Шаповаловым с позднесабатиновским горизонтом памятника [Шаповалов, 1976, с.164; 1983/№ 620]. Однако у нас нет оснований рассматривать эту находку в группе орудий, характеризующих ББК ввиду его принадлежности к кабаковскому типу Лобойковской металлургической традиции (XVI–XIII до н. э.) [Ключко, 1998, р.343–351]. Типологическое определение серпа из Старой Ласпы (рис.57, 22) [Привалова, 2000, с.107, рис.1, 9] затруднено ввиду его фрагментарности.

Отдел: долота и тесла.

Тип 1 – плоские прямоугольные в сечении тесла (тип Т-8 по Е.Н. Черных) [Черных Е.Н., 1976, с.106]. Небольшого размера тесло найдено на поселении Самовица-остров-1 (рис.90, 22) [Куштан, Деткин, 2000, с.71, рис.3, 4]. Форма для отливки таких орудий происходит из верхнего слоя поселения Глубокое озеро-2 (рис.89, 12) [Гершкович, 1998, с.78, рис.13, 3]. Условно к этому типу отнесено круглое в сечении тесловидное орудие из Орехово-Донецкого-4 (рис.113, 16) [Горбов, Усачук, 2001, с.37, рис. 14, 6].

Тип 2 – втульчатые долота (тип 22 по Е.Н. Черных) [Черных Е.Н., 1976, с.109]. С кругом древностей ББК возможно соотнести долота, отлившиеся в литейных формах Солохи (рис.114, 8) [Vočkarev, Leskov, 1980, taf.8, 72; Лесков, 1967, с.149, рис.2, 1, 3] и Завадовской мастерской (рис.114, 2, 4) [Vočkarev, Leskov, 1980, taf.9, 78; Гершкович, Ключко, 1987, с.103, рис.1, а, в, д, ж; 2, в].

Отдел: шилья. Четырехгранные в сечении шилья с утолщенной средней частью присутствуют в памятниках и горизонтах ББК Николаевки, Белозерского Лимана-1, Чикаловки, Ильичевки, Самовицы-острова-1, Червонохиженцев-2, Лесек-3б, Богуслава-1 (рис.50, 14, 16, 17, 19, 20; 90, 8–10, 14; 98, 10, 11; 113, 28, 36) [Привалова, Привалов, 1987, с.105; Кривцова-Гракова, 1949, с.85, рис.33, 2, 3; Шарафутдинова I.M., 1964, с.162, рис.6, 9; Шаповалов, 1983/№ 620; Куштан, Деткин, 2000, с.71, рис.3, 1–3; Куштан, 2002, с.29, рис.2, 5; 2003а, с.155, рис.4, 6; Ромашко, 1995б, рис.12, 10].

Отдел: иглы. Известны в горизонтах ББК Ильичевки (рис.50, 18) [Шаповалов, 1983/№ 620], Клешни-1 (рис.90, 11) [Супрун, 1999, с.71, рис.4, 9] и Богуслава-1.

Отдел: наконечники гарпунов. По определению А.М. Лескова, такое орудие с двумя жалами отливалось в одной из форм Солохинской мастерской (рис.115, 8) [Лесков, 1967, с.149, рис.2, 1; Vočkarev, Leskov, 1980, taf.8, 72].

Категория: предметы вооружения.

Отдел: ножи, кинжалы, бритвы, мечи. На территории ББК известны находки как ножей, кинжалов, мечей, так и негативов для их отливки. Представлены 14 типами.

Тип 1 – черенковые кинжалы с листовидным клинком, нервюрой и кольцевым упором вокруг черенка. По классификации Е.Н. Черных это кинжалы типа Н-36, по В.И. Клочко – кинжалы «красномаяцкого» типа [Клоцко, 2001, р.218–221; Клочко, 2006, с.185–186]. В нашу сводку включены только кинжалы, отличающиеся наличием листовидного клинка, максимально расширенного в центральной части, аналогичные клинку кинжала из хорошо датированного этапом прото-ББ жилища № 2 Богуслава-1. Речь идет о кинжале, отливавшимся в одном из двух негативов литейной формы из с. Вязовок Днепропетровской обл. (рис.115, 7) [Кривцова-Гракова, 1955, рис.34, 6] и в литейной форме из Харьковского исторического музея (рис.115, 6) [Татаринов, 2003, рис.31 на с.105]. Случайные находки таких кинжалов в зоне распространения памятников ББК известны в Черкасской обл. (рис.117, 7; 118, 8) [Куштан, 2003, с.29, рис.1, 4; 3, 1], у г. Новоазовск (Широкая балка) Донецкой обл. (рис.117, 6) [Археологический альманах, 1993, с.38, рис.46, 2]. По мнению Е.Н. Черных, центр производства кинжалов с кольцевым упором находится в Поднепровье [Черных Е.Н., 1976, с.120, 121]. Действительно, картографирование находок, известных на время выхода работы Е.Н. Черных [Черных Е.Н., 1976, рис.51], подтверждает эту точку зрения и показывает почти полное их отсутствие в Днепроовско-Волжском междуречье. Современная источниковая база позволяет включить в эту зону и Левобережную Украину [Татаринов, 1993, с.102]. Я.П. Гершкович отмечает, что, судя по присутствию таких кинжалов в кладе Белень культуры Ноуа (серия Ришешть-Белень в Молдове), такие ножи существуют уже в период ВД, исчезая в белозерское время [Гершкович, 2005–2009, с.585]. В.И. Клочко наиболее ранними прототипами кинжалам красномаяцкого типа считает наконечники копий из Угарита и раннединастических слоев месопотамского храма бога Ненгриса в Лагаше (2600–2300 гг. до н. э.). Известны такие наконечники копий и на территории Украины. Но основной период существования кинжалов красномаяцкого типа определен хронологическими рамками XV–XIII вв. до н. э. [Клоцко, 1993, р.34–35; Клочко, 2006, с.186; 2011б, с.117].

Тип 2 – кинжалы с лезвиями, соответствующими типу 1, с овальными в сечении, утолщенными в нижней части рукоятями и грибовидными навершиями. Из комплекса происходит только один кинжал. Он найден в жилище № 2 поселения Богуслав-1 (рис.50, 10) [Ромашко, 1996, с.50–55, рис.1, 17]. Три кинжала рассматриваемого типа найдены случайно. Один из них происходит из хут. Шеховцовка Гостищенского р-на Белгородской обл. (рис.117, 4) [Тихонов, 1978, с.92, рис.2, 1]. Второй найден у с. Вовчик Лубенского р-на Полтавской обл. (рис.117, 5) [Кулатова, 1989, с.57, рис.8, 4]. Третий поступил в Запорожский краеведческий музей из Васильевского или Каменско-Днепровского р-нов. В отличие от вышеописанных кинжалов он цельнолитой (рис.117, 3) [Ляшко, 1986, с.248, рис.1]. Все четыре кинжала имеют единую форму, близкие пропорции и размеры. На основании находки в закрытом комплексе поселения Богуслав-1 для этой серии кинжалов нами был предложен термин «кинжалы богуславского типа» [Ромашко, 1996, с.54]. Так как рукояти, такие же, как на богуславском кинжале, присутствуют и на сабашиновских (красномаяцких) мечах и кинжалах, В.И. Клочко отрицает правомерность выделения богуславского типа [Клочко, 2006, с.196–197]. Он считает кинжал из Богуслава-1 лобойковским вариантом кинжалов красномаяцкого типа. У нас нет оснований оспаривать предложенные В.И. Клочко типологические определения. При сопоставлении их морфологических особенностей с красномаяцкими и более поздними соосново-мазинскими (рис.119), очевидно, что форма рукоятей аналогична представленным на первых. Они известны на экземплярах из Ингульского и Лозовского кладов [Сымонович, 1966, с.130, рис.2, 13; Leskov, 1981, taf.10, 96–98, 101, 102], однолезвийном кинжале из Черковны [Черных Е.Н., 1976, табл. IX, 1], матрицах Красномаяцкой [Черняков, 1965, с.82–123; Кривцова-Гракова, 1955, рис.30; Воцкарев, Leskov, 1980, taf.7, 52], Новокиевской [Гершкович, Клочко, Евдокимов Г.Л., 1987, рис.7, 4; 8, 3] мастерских, на литейной форме из с. Ржаное [Сымонович, 1967, рис.16; Воцкарев, Leskov, 1980, taf.15, 154]. Клинки богуславского и подобных ему кинжалов соответствуют рассмотренным выше кинжалам типа 1 (тип Н-36, по классификации Е. Н. Черных, «красномаяцкий» тип по классификации В.И. Клочко), широко представленным в красномаяцких и лобойковских

комплексах. Как уже отмечалось, такие кинжалы могут быть датированы в хронологических рамках XVI–XIII или XV–XIII вв. до н. э. [Клоцко, 1993, р.34–35; Клочко, 2006, с.186]. Это не исключает возможности отнесения таких кинжалов к кругу изготовленных в лобойковской традиции металлических изделий ранней ББК.

Тип 3 – черенковые кинжалы с зауженным листовидным клинком, нервюрой, дуговидным валиком-упором и прямоугольной прорезной рукоятью. Тип представлен единственным экземпляром, происходящим из Харьковской обл. (рис.117, 10). В.И. Клочко условно относит его к белозерскому времени и рассматривает его как проявление местной (позднелобойковской) традиции прорезных ручек [Клочко, 2006, с.215, рис.102, 10].

Тип 4 – кинжалы с четко выраженным кольцевым упором, выделенной нервюрой и пропорционально узким клинком с параллельными или зауженными лезвиями (тип 38/40 по Е.Н. Черных). В.И. Клочко определяет их как кинжалы заградовского варианта краснояцкого типа [Клоцко, 2001, р.206–207]. На территории ББК кинжал этого типа найден в окрестностях с. Богородичное Славянского р-на Донецкой обл. (рис.117, 11) [Археологический альманах, 1993, с.38, рис.46, б]. По В.И. Клочко, кинжалы типа «Заградовка» характеризуют белозерско-белогрудовскую группу вооружения. Им неоднократно отмечается, что эти кинжалы являются наиболее надежно датированными предметами позднего бронзового века. Их дата обоснована присутствием однотипного заградовским кинжала в составе клада из Угарита (Сирия). В клада присутствовал также египетский меч с картушем фараона XIX династии (1314–1200 гг. до н. э.) Сети I. В целом, вся серия кинжалов типа «Заградовка» отнесена исследователем к позднему этапу сабастиновской и раннему этапу белозерской культур и датирована концом XIII–началом XII вв. до н. э. [Клочко, 2006, с.186, 210, 250; 2011б, с.250–251].

Тип 5 – черенковые бритвы с кольцевым упором, нервюрой и клинком, имеющим вырез на острие (тип Н-42 по Е.Н. Черных). Негатив такого изделия представлен на литейной форме из с. Вязовок Павлоградского р-на Днепропетровской обл. (рис.115, 7) [Кравцова-Гракова, 1955, рис.34, б]. Присутствие на этой же форме негатива кинжала типа 1, а также то, что негативы бритв с вырезом на острие известны на литейных формах Кардашинской II, Волошской, Голоуровской мастерских [Лесков, 1967, рис.2, б; 7, 4; Кривцова-Гракова, 1955, рис.34, 11; Шарафутдинова И.Н., 1973, рис.3, 4б], обосновывает отнесение подобных изделий как к позднему бронзовому веку, так и его заключительному этапу. Возможными прототипами, вероятно, являются бритвы из Лобойковского клада [Черных Е.Н., 1976, с.122, табл.XXXVI, 1б; Leskov, 1981, taf.3, 48; Клоцко, 1998, р.343–351].

Тип 6 – черенковые ножи с листовидным клинком без ребра (тип Н-8 по Е.Н. Черных). Такой нож представлен в материалах «позднесабатиновского» горизонта Ильичевки (рис.50, 11) [Шаповалов, 1983/№ 620].

Однотипные ножи-кинжалы появляются в Восточной Европе в энеолите–раннем бронзовом веке, однако известны и в памятниках средней и поздней бронзы [Черных Е.Н., 1976, с.114], в том числе сабастиновских и белозерских [Погрехова, 1960, с.88, рис.7, 4; Тереножкин, 1964, рис.1, 4; Ванчугов, 1990, с.89, рис.33, б; Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.36, 15]. Последнее, а также круг восточных аналогов [Черных Е.Н., 1970, рис.56. 47–50, 54, 57], подтверждают возможность включения изделия в комплекс ББК.

Тип 7 – бесчеренковые ножи с параллельными лезвиями без ребра по клинку (тип Н-14 по Е.Н. Черных). Два экземпляра присутствуют на поселении Белозерский лиман-1. Имеют овальные отверстия для крепления рукояти, образованные при литье (рис.98, 8, 9) [Кривцова-Гракова, 1949, с.85, рис.33, 4, 5]. Однотипные ножи, но без отверстий, в Левобережной Украине найдены на многослойном поселении у с. Хитцы Лубенского р-на Полтавской обл. (рис.117, 8) [Кулатова, 1989, с.57, рис.8, 3], жилищах № 2 и № 4 Шоссейного (рис.90, 3) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1980, с.146, 147, рис.7, 3], в траншее 9 Усова озера (рис.90, 5) [Березанская, 1990, с.68, рис.16, 9] у с. Адамовка Донецкой обл. [Татаринев, 1993, с.102, табл.13, 32], на поселении Бузовка (рис.113, 21) [Ромашко, 1995б, рис.12, 8]. Условно к рассматриваемому типу, вероятно, можно отнести пять ножевидных пластин, найденных в Полтавской обл. совместно с кельтом типа «Кардашинка» (по В.И. Клочко) [Клочко, Козыменко, 2011, с. 82, 168, рис.132].

Тип 8 – бесчеренковые ножи с параллельными лезвиями с ребром по клинку (тип Н-16 по Е.Н.Черных). Экземпляр такого ножа найден на поселении Самовица-остров-1 (рис.90, 1) [Куштан, 2007/№ 864], еще один – на поселении Леськи-3б (рис.113, 24) [Куштан, 2003а, с. 155, рис.4, 5].

Тип 9 – черенковые ножи с параллельными лезвиями, не имеющие ребра по клинку (тип Н-18 по Е.Н. Черных). Найдены в жилище № 1 Богуслава-1 (рис.90, 2) и в Таранцево (рис.90, 4) [Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 23].

Тип 10 – черенковые ножи с параллельными лезвиями, имеющие ребро по клинку (тип Н-20 по Е.Н. Черных). Такие ножи отливались в литейных формах Завадовской мастерской (рис.114, 4; 115, 3) [Гершкович, Ключко, 1987, с.110, рис.2, б; 5, а, б] и Старой Игрени (рис.113, 1) [Мізіп, 1970, с.215–216, рис.2, 1–3; Вошкарев, Leskov, 1980, taf.14, 142]. Два ножа хранятся в Харьковском историческом музее [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99]. Нож с обломанным черенком найден у пгт. Градизк Глобинского р-на Полтавской обл. (рис.117, 12) [Ткаченко, 1995, с.168]. В.И. Ключко рассматривает кинжал из Старой Игрени и однотипные ему изделия (Цюрюпинск, Раденск, Кардашинка I, II, Птаховка, Николаев) [Вошкарев, Leskov, 1980, taf.11, 88, 90, 93; 14, 148; 15, 149, 151] в рамках кинжалов типа «Кардашинка». В отношении кинжалов Завадовской мастерской исследователь отмечает, что они в целом подобны белозерским кардашинского типа, но отличаются расположением нервюры не только по лезвию, но и по рукояти [Ключко, 2006, с.210–211, 214].

Тип 11 – черенковые однолезвийные ножи с изогнутым лезвием (тип Н-4 по Е.Н. Черных). Выявлены на поселениях Леськи-3а (рис.113, 25) [Куштан, 2003а, с.154, рис.2, 1б], в уроч. Гардашинка у пгт. Градизк (рис.117, 14) [Супруненко, Ткаченко, 1995, рис. на с.168]. На поселении Безыменное-1 найден обломок клинка однолезвийного ножа с загнутым кверху концом (рис.98, 12) [Горбов, 1995, с.60, рис.1, 7]. Вероятно, его также правомерно сопоставить с ножами Н-4, как, например, предложено В.П. Ванчуговым в отношении морфологически близких белозерских изделий Северо-Западного Причерноморья [Ванчугов, 1990, с.89]. Типологически близкие ножи имеют широкий территориальный и хронологический диапазон. Входят в состав Райгородского и Новогригорьевского кладов [Лесков, 1967, рис.9; Черных Е.Н., 1976, с.113], известны в памятниках ряда культур позднего бронзового и раннего железного века [Анфимов, 1961, с.103–126; Козенкова, 1968, рис.3, 4]. Условия находок ножей рассматриваемых типов не оставляют сомнений в их принадлежности к ББК, хотя аналоги им могут быть очерчены несколько шире [Черных Е.Н., 1976, с.111, 113].

Тип 12 – бесчеренковые однолезвийные ножи (тип Н-2 по Е.Н. Черных). Нам известны только два экземпляра, происходящих из памятников ББК. Это ножи из Белозерского лимана-1 (рис.98, 13) [Кривцова-Гракова, 1949, с.85, рис.33, 1] и горизонта V Безыменного-1 (рис.98, 14). По мнению В.Н. Горбова [Горбов, 1995, с.59–60, рис.1, 6], последний морфологически близок ножам из кладов горизонта Цинку-Сусень в Румынии [Petrescu-Dimbovița, 1977, pl.125, 7; 134, 23; 164, 8; 200, 3; 243, 17].

Тип 13 – черенковые ножи-кинжалы с подтреугольно-листовидным клинком. Наибольшее расширение приходится на пятку кинжала (тип Н-26 по Е.Н. Черных). На территории ББК известны кинжалы без ребра по клинку и кинжалы с нервюрой. Один кинжал найден на размываемом водами Каховского водохранилища поселении Самовица-остров-1 (рис.90, 7) [Куштан, Деткин, 2000, с.71, рис.3, 5], еще три у с. Стецовка (Стецовское городище) Черкасской обл. (рис.117, 1) [Куштан, 2003, рис.1, 5], с. Обуховка Днепропетровской обл. (рис.117, 15) [Черных Е.Н., 1976, с.117–118, табл. XXXV, 17] и в уроч. 1-й Узвоз в пгт. Градизк Полтавской обл. (рис.117, 2) [Ткаченко, 1995, рис. на с.167].

Тип 14 – прямой двулезвийный центральноевропейский меч с «язычковой» рукоятью на территории ББК найден на Бельском городище в Полтавской обл. (рис.117, 9) [Ковпаненко, 1975, с.47–61; Черных Е.Н., 1976, с.124, табл. XXXVIII, 8; Ключко, 2006, с.214–215, рис.102, 12]. По определению В.И. Ключко, меч относится к распространенному в Центральной Европе типу («Nenzingen» по Д. Коену, «Reutlingen» по П. Шауеру, тип III лужицкой культуры) и может быть датирован временем не позднее XII в. до н. э. (период VzD–HaA1, 1250–1100 до н. э.) [Ключко, 2006, с.214–215].

Отдел: наконечники копий. Представлен пятью типами.

Тип 1 – наконечники копий с удлинённой сомкнутой втулкой, листовидным пером, зауженными крыльями, переходящими на бока втулки (тип П-16 по Е.Н. Черных). В.И. Клочко такие наконечники выделены в краснояцкий тип [Клошко, 2001, р.204]. Они найдены у с. Милорадово Полтавской обл. (рис.118, 1) [Філоненко, 2002], на п-ве Игрень и у с. Романково Днепропетровской обл. (рис.118, 2, 3) [Кривцова-Гракова, 1955, рис.34, 22; Черных Е.Н., 1976, с.102, табл.ХХVІІІ, 4, 6], в кургане у с. Раздольное в Приазовье (рис.118, 4) [Гершкович, 1998, с.69, рис.4]. По мнению В.И. Клочко, северозападнопричерноморские и трансильванские аналоги (Маяки, Лозово, Красна) позволяют датировать такие наконечники в узких хронологических рамках XIII в. до н. э. [Клочко, 2006, с.178–179].

Тип 2 – наконечники копий с относительно длинной сомкнутой втулкой и остролистным пером (тип П-6 по Е.Н. Черных). Их находки известны у с. Талакнянка Новоазовского р-на Донецкой обл. (рис.118, 6) [Археологический альманах, 1993, с.37, рис.45, 5], пос. Обуховка Днепропетровской обл. (рис.118, 16) [Черных Е.Н., 1976, с.98, табл.ХХVІІ, 3], с. Петровка Полтавской обл. (рис.118, 11) [Черных Е.Н., 1976, с.98, табл.ХХVІІ, 2]. Обуховский наконечник В.И. Клочко включен в белозерско-белогрудовскую, из Петровки – в восточнoукраинскую группу вооружения [Клочко, 2006, с.206, 213]. С.В. Кузьминых и Р.И. Саенко наконечник из Талакнянки отнесен к концу бронзового–началу раннего железного веков [Археологический альманах, 1993, с.37].

Тип 3 – наконечники копий центральноевропейского типа с профилированным пламевидным пером с тройной нервюрой (тип П-26 по Е.Н. Черных). С ББК представляется возможным связать наконечник из Запорожского р-на Запорожской обл. (рис.118, 18) [Черных Е.Н., 1976, с.104, табл.ХХVІІІ, 15; Клочко, 2006, с.254, рис.96, 17] и часть распиленного негатива на одной из литейных форм Завадовской мастерской (рис.115, 1) [Гершкович, Клочко, 1987, рис.4, 6; Клочко, 2006, с.255, рис.101, 16]. Распространение вариантов центральноевропейских типов наконечников копий в Северном Причерноморье (Запорожский р-н, Николаев, Новотроицкое, Радионовка, Завадовка), по мнению В.И. Клочко, фиксирует их местное производство в белозерское время, развивавшееся под влиянием карпатских оружейных традиций. Ближайшие аналогии северопричерноморским наконечникам он усматривает во втором горизонте кладов культуры Пилини периодов VzD–HaA1 [Клочко, 2006, с.254–255].

Тип 4 – наконечники копий с удлинённой втулкой и узким прорезным пламевидным или овальным пером (тип П-10, П-12 по Е.Н. Черных). Такие наконечники, отнесенные В.И. Клочко к завадовскому типу [Клошко, 2001, р.271], известны по находкам в с. Козинцы (рис.118, 7) [Клочко, 2006, рис.84, 6], Стецовка Черкасской обл. (рис.118, 9) [Куштан, 2003, рис.3, 2], Келеберда (рис.118, 5), Хмельна (рис.118, 10) [Клочко, 2006, с.213, рис.101, 19, 20], на поверхности кургана у с. Островерховка Харьковской обл. [Вальчак, 1998, с.19, рис.1, 2]. Экземпляр наконечника рассматриваемого типа хранится в Днепропетровском национальном историческом музее (рис.118, 17) [Кривцова-Гракова, 1955, рис. 34, 31]. Негативы таких наконечников на матрицах Завадовской мастерской (рис.115, 1, 3) [Гершкович, Клочко, 1987, с.107–109, рис.4, а, в, з; 5, а] и Солохи (рис.115, 8) [Лесков, 1967, с.149, рис.2, 2] позволяют датировать их XII–XI вв. до н. э. [Клочко, 2006, с.213]. В.И. Клочко приходит к выводу о том, что рассматриваемые экземпляры из Поднепровья и Левобережья сочетают черты центральноевропейских пламевидных и прорезных наконечников копий златопольского типа Лобойковской металлургической традиции [Клочко, 2006, с.194, 213]. Возможно, к постсрубному времени относится и наконечник копья из с. Ласка Донецкой обл. (тип П-14 по Е.Н. Черных) [Кривцова-Гракова, 1955, рис.34, 32; Черных Е.Н., 1976, с.102, табл.ХХVІ]. В.И. Клочко он условно отнесен к златопольскому типу, однако при этом отмечается его отличие и от «златопольских» и более поздних восточных вариантов (поволжских и западноказахстанских), что, возможно, отражает существование местной, восточнoукраинской «постзлатопольской» традиции, отличной от «завадовской» [Клочко, 2006, с.194, 213].

Тип 5 – наконечник копья с граненой втулкой, узким пером с трапециевидной в сечении нервюрой. В основании пера находятся два отверстия. Наконечник найден у г. Кременчуг. В.И. Клочко он отнесен к позднему варианту типа «Дремайловка» [Клочко, Козыменко, 2011, с.79, 168, рис.124]. Однотипные наконечники с отверстиями в основании пера из с. Маяки и Санжейки

Одесской обл., рассматриваются им в рамках белозерско-белогрудовской группы вооружения [Клочко, 2006, с.207, рис.96, 14, 15].

Отдел: наконечники стрел. Бронзовые наконечники стрел из памятников и горизонтов ББК представлены четырьмя типами.

Тип 1 – наконечник стрелы с лавролистным, расширенным в нижней части пером, ромбической в сечении втулкой, в основании которой находится обломанный шип, найден в культурном слое поселения Усова озера (рис.90, 15) [Березанская, 1990, с.69, рис.16, 15]. На основании обнаружения подобного наконечника в могильнике Бегазы, рассматриваемого Н.А. Аванесовой в качестве самой ранней находки втульчатого наконечника с шипом скифо-савромато-сакского типа (тип XVI по Н.А. Аванесовой) [Аванесова, 1975, с.36, табл.2], экземпляр из Усова Озера датирован С.С. Березанской XII или XII–XI вв. до н. э. [Березанская, 1990, с.69, 106–107, рис.16, 15]. В.И. Клочко уточняет, что бегазынский экземпляр является прототипом, прежде всего, малоцимбальских наконечников. В целом этот и аналогичные ему наконечники отнесены исследователем к черногоровскому времени и датированы концом IX в. до н. э. [Клочко, 2006, с.267–268]. Разночтения в определении хронологического положения наконечника стрелы из могильника Бегазы снижают возможность использования наконечника из Усова озера в качестве хроноиндикатора.

Тип 2 – двухлопастные наконечники стрел центральноевропейского или лужицкого типа [Клочко, 2006, с.212–213] с короткой втулкой, треугольной головкой и опущенными вниз концами лопастей. Два таких наконечника происходят из жилища № 1 Бузовки (рис.113, 19) и Залинейного (рис.113, 20) [Ромашко, 1995б, с.69, рис.9, 9; 15, 16].

Тип 3 – двулопастный черешковый наконечник стрелы с опущенными вниз концами лопастей. Найден на поселении Волковка (рис.113, 23) [Осташков, 1995, с.44; Куштан, 2007/№ 864, с.199, рис.36, 31]. Подобные бронзовые наконечники характерны для культур заключительного этапа позднего бронзового века широкого географического ареала Евразии [Массон, 1958, с.56–58, рис.5, 18, 20; Медведская, 1980, с.23 – 37; Черняков, Ванчугов, Кушнир, 1986, с.51; Berezanskaja, Kločko, 1998, taf.66, 5; Евдокимов В.В., Варфаломеев, 2002, рис.27, 7].

Тип 4 – втульчатые наконечники стрел с двулопастной треугольной в плане, ромбической в сечении головкой (тип «Лобойково» по В.И. Клочко) на территории ББК представлены находками в пгт. Ялта Першотравенского р-на (рис.118, 22) и с. Красновка Волновахского р-на Донецкой обл. (рис.118, 20) [Археологический альманах, 1993, с.42, рис.51, 3, 3-А], с. Петровское Харьковской обл. (рис.118, 19) [Шрамко, 1962, рис.82, 9]. Два беспаспортных экземпляра наконечников рассматриваемого типа хранятся в Славянском краеведческом музее (рис.118, 14, 21) [Археологический альманах, 1993, с.42, рис.51, 1, 2].

В.И. Клочко наконечники из Ялты (рис.118, 22) и один из наконечников из Славянского краеведческого музея (рис.118, 14) отнесены к Лобойковской группе вооружения, остальные (рис.118, 19–21) рассматриваются как вариант лобойковского типа белозерского времени [Клочко, 2006, с.193, 212]. Серия таких наконечников достаточно представительна и включает случайные находки широкой территории – от Поднепровья до Волго-Уралья [Дубовская, 1993, с.140, рис.79; Клочко, 2006, с.212, рис.101, 4–12]. Единственный наконечник типа «Лобойково» (по В.И. Клочко), происходящий из комплекса, представлен в погребении № 1 кургана 2 группы 1 у с. Котовка Днепропетровской обл. [Ковалева И.Ф., Ромашко, Никулкин и др., 1983, с.4, рис.1, 4; Ромашко, 1990/№ 697]. Вытянутое на спине положение погребенного и сопровождающий инвентарь позволяет уверенно отнести памятник к кругу новочеркасских древностей [Ромашко, 1990/№ 697]. В свою очередь, это ставит под сомнение правомерность предложенного В.И. Клочко отнесения рассматриваемого наконечника стрелы к XII–X вв. до н. э. [Клочко, 2006, с.212]. С другой стороны, котовская находка фиксирует доживание наконечников лобойковского типа до VIII–первой половины VII вв. до н. э. и одновременно служит весомым аргументом, подтверждающим предположение о том, что именно втульчатые наконечники стрел с двулопастной треугольной в плане, ромбической в сечении головкой являются единственным реальным прототипом наконечникам новочеркасского типа [Дворниченко, 1990, с.49–50].

Отдел: кельты. Кельты, относимые нами к ББК, представлены шестью типами.

Тип 1 – ассиметричные кельты с лобным и боковым ушками, валиком-ободком по устью втулки, арковидной и подтрапещевидной фасками. Кельт такого типа, орнаментированный рельефными горизонтальными линиями со спускающимися вниз заштрихованными треугольниками с точечными выступами на вершинах, найден у г. Новопсков Луганской обл. (рис.116, 10) [Археологический альманах, 1993, с.38, рис.47, 1]. Морфологические и орнаментальные детали кельта указывают на связи с производственными центрами ЕАМП позднесабатиновского и раннебелозерского времени [Археологический альманах, 1993, с.38].

Тип 2 – одноушковые шестигранные в сечении кельты с трапещевидной фаской (тип К-38 по Е.Н. Черных). Негативы таких кельтов представлены на литейных формах Завадовки (рис.114, 4) [Гершкович, Клочко, 1987, с.103, рис.2, в; 6, а] и Солохи (рис.115, 8) [Лесков, 1967, с.149, рис.2, 1]. В.И. Клочко, рассматривает их как свидетельство продолжения традиции лобойковских одноушковых кельтов [Клочко, 2006, с.214].

Тип 3 – одноушковые шестигранные в сечении кельты с трапещевидной фаской, орнаментированные под венчиком зигзагом (тип К-40 по Е.Н. Черных). Негатив таких кельтов представлен на литейных формах Завадовской мастерской (рис.114, 5) [Гершкович, Клочко, 1987, с.109, рис.6, а].

Тип 4 – двушковые шестигранные в сечении кельты с трапещевидной в сечении фаской (типы К-48, К-52 по Е.Н. Черных). Экземпляр такого кельта найден в Балаклее Донецкой обл. (рис.116, 9). В.И. Клочко рассматривает такие кельты в рамках типа «Завадовка-Бондариха» и считает их дальнейшим продолжением линии развития кельтов кабаковского типа Лобойковской металлургической традиции, дожившей до белозерского времени [Черных Е.Н., 1976, табл.VII, 18; Клочко, 2006, с.209, 214, рис.98, 20].

Тип 5 – двушковые овальные в сечении кельты с вогнуто-линзовидной конфигурацией фаски (тип К-66, К-68, К-70, К-72 по Е.Н. Черных, тип «Кардашинка» по В.И. Клочко). Такие кельты найдены у с. Адамовка Славянского р-на Донецкой обл. (рис.116, 13) [Татаринов, 1979, с. 259–260, рис. 4, 1; Археологический альманах, 1993, с. 39, рис. 47, 2], в кладе из Полтавской обл. [Клочко, Козыменко, 2011, с.82, 168, рис.132]. Негатив подобного кельта представлен на литейной форме из Старой Игрени (рис.113, 1) [Мізіп, 1970, с.215–216, рис.2, 1–3; Воѣkarev, Leskov, 1980, taf.14, 142]. Присутствие однотипных кельтов на негативах Кардашинки I и II [Воѣkarev, Leskov, 1980, taf.10, 86; 11, 90] позволяет датировать рассматриваемые экземпляры XII–X вв. до н. э. Негатив кельта из Старой Игрени, рассматриваются В.И. Клочко в составе Кардашинской группы белозерско-белогрудовской группы вооружения [Клочко, 2006, с.208].

Тип 6 – одноушковые овально-шестигранные в сечении кельты вытянутых пропорций (тип К-14 по Е.Н. Черных). Два кельта найдены в Полтавской обл. Первый имеет трапещевидную фаску, орнамент сочетает вертикальные рельефные валики и «елочный» узор, заполняющий пространство между ними (рис.116, 11) [Черных Е.Н., 1976, с.74, табл.IV, 1]. Второй происходит из пгт. Чернухи. Орнаментирован двумя рельефными вертикальными валиками (рис.116, 12) [Приймак, Супруненко, 1995, с.168–169, рис. на с.169]. По особенностям орнаментации кельты рассматриваемого типа представлены двумя разновидностями. Кельты первой разновидности известны преимущественно в Карпато-Трансильванском регионе и Прикарпатье на территории лужицкой, висоцкой, голиградской культур. Их характерной особенностью является наличие продольных валиков или каннелюр. Кельты второй разновидности, концентрирующиеся в зоне распространения чернолесской культуры, отличаются заполненностью пространства между каннелюрами «елочной» орнаментацией. В литературе утвердилось мнение об отождествлении кельтов первой разновидности с лужицкой культурой, второй – с чернолесской [Тереножкин, 1961, с.127, 128; Черных Е.Н., 1976, с.74]. Т. Сулимирским между лужицкими и чернолесскими кельтами усматривается генетическая связь, в связи с чем при обозначении последних им использован термин «лужицко-украинские» [Sulimirski, 1936, s.184]. В.И. Клочко кельты лужицкой культуры отнесены к XII–X вв. до н. э. по их присутствию в карпатских кладах периодов НаА1–НаА2. Кельты чернолесской культуры рассматриваются как продолжение линии развития лужицких и датированы киммерийским временем (IX–VII вв. до н. э.) [Клочко, 2006, с.254, 277–278].

Тип 7 – одноушковые кельты с валиковым оформлением края втулки и арковидными фасками. Такой кельт найден в с. Ольховатка у г. Енакиево. По ушку и в верхней части орнаментирован горизонтальными полосами, заполненными «елочной» штриховкой (рис.116, 14) [Клименко, Цимбал, 1991, с.25, рис.8, 2; Археологический альманах, 1993, с.38, рис.47, 3]. В.А. Дергачевым этот кельт включен в одну из условных групп одноушковых кельтов Карпато-Подунавья. Им отмечено, что немногочисленная серия подобных кельтов по основным морфологическим признакам соответствует кельтам типа Негрешть, но имеют иные пропорции. Рассматриваемые кельты, вобравшие в себя негрештские традиции, датируются исследователем в пределах НаА2–НаВ [Дергачев, 2010, с.214–215].

Отдел: клевцы. По мнению Я.П. Гершковича и В.И. Ключко [Гершкович, Ключко, 1987, с.110, рис.6, 1; Ключко, 2006, с.214, рис.102, 9], клевец с круглой втулкой и трапециевидным в сечении бойком вырезан на негативе Завадовской литейной мастерской (рис.115, 2). Они сопоставляют отливавшееся в нем изделие с клевцом из клада Цинку [Petrescu-Dîmbovița, 1977, s.88–89, pl.129, 1] (НаА1). В.И. Ключко морфологически близкими завадовскому считает также клевцы, известные в белогрудовской культуре и кладах периодов НаА1–НаА2 Венгрии [Ключко, 2006, с.214, рис.102, 9].

Категория: предметы конской упряжи.

Отдел: крючки. Предметами конской упряжи, вероятно, являются крючковидные изделия, отливавшиеся в литейной форме из поселения Ильичевка (рис.50, 7) [Шаповалов, 1983/№ 620].

Категория: украшения.

Отдел: булавки. На территории ББК известны булавки двух типов.

Тип 1 – булавки с кольцевой головкой (тип У-18 по Е.Н. Черных). Найдены на поселении Леськи-3б (рис.113, 38) [Куштан, 2003а, с.155, рис.4, 3], в уроч. Гардашинка у пгт. Градизк (рис.118, 13) [Супруненко, Ткаченко, 1995, с.170, рис. на с.170], с. Диброва (рис.118, 12) [Археологический альманах, 1993, с.39, рис.48, 1]. Негативы булавок рассматриваемого типа представлены на негативах Завадовки (рис.115, 3) [Гершкович, Ключко, 1987, 111, рис.5, б], Солохи (рис.115, 8) [Лесков, 1987, с.149, рис.2. 1–3]. Е.Н. Черных такие булавки отнесены к типу У-18. Территория их распространения определена Поднепровьем, Правобережьем Украины, Северной Молдавией [Черных Е.Н., 1976, с.128–129, рис.53]. В.С. Бочкаревым [Бочкарев, 2010, с.171–180] обоснована необходимость разделения рассматриваемых украшений на два типа, различающихся по диаметру колец. Все булавки из памятников, на которых присутствуют материалы ББК, или найденные на ее территории (рис.113, 38; 115, 3, 8; 118, 12, 13), могут быть сопоставлены с булавками второго типа, характерной особенностью которых является головка-кольцо маленького диаметра.

Тип 2 – булавка с маленькой кольцевидной головкой и тремя валиками в верхней части стержня, найденная у г. Пивиха рядом с пгт. Градизк Полтавской обл. (рис.118, 15) [Супруненко, 1995, с. 169–170, рис. на с.169]. Подобные булавки найдены в курганах 11, 16 и 27 Гордеевского могильника, датированных С.С. Березанской и В.И. Ключко 1300–1100 гг. до н. э. С.С. Лысенко эти булавки датированы XV–XII вв. до н. э. За ними исследователями предложено закрепить название «булавки гордеевского типа» [Лысенко, 2006, с.5; Гошко, 2007, с.248–253; 2011, с.159; Березанська, Ключко, 2011, с.70, рис.20, 8; 28, 1, 2; 49, 1, 3; Berezanskaja, Kлючко, 1998].

Тип 3 – булавки с загнутой в кольцо петельчатой головкой и булавки с закрученной в спираль головкой (тип У-6/8 по Е.Н. Черных) присутствуют в материалах поселений Самовица-остров-1 (рис.90, 21) [Куштан, Деткин, 2000, с.71, рис.3, 7], Леськи-3б (рис.113, 37) [Куштан, 2003а, с.155, рис.4, 4]. Сводки таких украшений показывают их распространенность в ноических, сабашиновских, белозерских, белогрудовско-чернолесских, кизил-кобинских памятниках Украины, кобанских Северного Кавказа [Черных Е.Н., 1976, с.126–127; Шарафутдинова И.Н., 1987, с.72–73].

Отдел: пронизи. На поселениях ББК известны находки пронизей двух типов.

Тип 1 – цилиндрические трубочки-пронизи, свернутые из бронзовой пластины в один или полтора оборота. Присутствуют в Таранцево (рис.90, 13) [Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 20], Самовице-острове-1 (рис.90, 19) [Куштан, 2007/№ 864], Лоцманской Каменке (рис.113, 31) [Ромашко, 2001, с.171, рис.4, 5]. В Лоцманской Каменке найдена также бронзовая прямоугольная пластина с подогнутыми краями – заготовка пронизи (рис.113, 32) [Ромашко, 2001, с.171, рис.4, 4].

Тип 2 – многовитковые спиралевидные пронизи, изготовленные из металлической полосы или проволоки. Такие украшения найдены на поселениях Леськи-3б (рис.113, 26) [Куштан, 2003а, с.155, рис.4, 7] и Самовица-остров-1 (рис.90, 20) [Куштан, 2007/№ 864].

Отдел: подвески и браслеты. На территории ББК известны находки подвесок трех типов.

Тип 1 – браслеты и височные подвески в виде кольца, изготовленного из круглой в сечении проволоки. Ввиду сложности их функциональной дифференциации по размерам, Е.Н. Черных предложено рассматривать их в рамках типов У-30 и У-32 [Черных Е.Н., 1976, с.130, 131]. Такие украшения найдены на поселениях Николаевка [Привалова, Привалов, 1987, с.105], Чикаловка (рис.50, 15) [Шарафутдинова И.М., 1964, с.162, рис.6, 8], Самовица-остров-1 (рис.90, 17, 18) [Куштан, Деткин, 2000, с.71, рис.3, 8], Бажаны-1 [Ковалева И.Ф., 1969/101] и Богуслав-1 (рис.90, 16), в погребении участка А Днепростроя (могила 35) (рис.124, 3) [Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.26, 3]. Рассматриваемые изделия широко распространены в культурах позднего бронзового века Восточной Европы [Покровська, Петровська, 1961, с.143, рис.11, 4; Березанская, 1972, с.87, 88, рис.29, 6–9; Черных Е.Н., 1976, с.130, 131; Кубышев, Черняков, 1986, с.151, рис.5, 1–4, 31–33, 41–51; 8, 26; Отрощенко, Шевченко, 1987, с.134, рис.6–8 и др.], чем объясняется закрепление в литературе термина «височные кольца белозерского облика» [Отрощенко, Шевченко, 1987, с.141, 142; Черных Е.Н., 1976, с.130, 131].

Тип 2 – спиральные височные кольца с петлей на внешнем витке (тип У-34 по Е.Н. Черных). В литературе эта разновидность украшений иногда определяется как «подвески белогрудовского типа» [Лысенко С.С., 2001, с.119–121]. На территории ББК они известны по находкам в погребении участка А Днепростроя (могила 35) (рис.124, 2) [Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.26, 2], на берегу Каховского водохранилища [Бокий, 1968, с.124, рис.2, 1, 2].

Тип 3 – колоколовидные подвески (тип У-26 по Е.Н. Черных). Несколько подвесок выявлено в погребении у с. Лукьяновки (рис.124, 4) [Шарафутдинова И.Н., 1982, с.72, рис.26, 6–9], отнесенном нами к ББК [Ромашко, 1999а, с.123–124]. Такие подвески отливались в литейной форме Завадовской мастерской (рис.115, 1) [Гершкович, Ключко, 1987, с.108, рис.4, б] и форме, найденной в окрестностях г. Славянск [Татаринов, 1979, с.265, рис.4, 4].

Отдел: фибулы. Отдел представлен смычковой фибулой из погребения у с. Лукьяновка (рис.124, 5) [Шарафутдинова И.Н., 1982, рис.26, 7].

Отдел: пуговицы. На поселениях заключительного этапа позднего бронзового века, содержащих материалы ББК, пуговицы найдены в Бузовке (рис.113, 29, 30) [Ромашко, 1995б, рис.12, 9, 20] и Леськах-3б (рис.113, 27) [Куштан, 2003а, с.155, рис.4, 8].

Отдел: бляхи. Использование племенами ББК разнотипных бронзовых блях подтверждается находками негативов на литейных формах.

Литейная форма с негативом круглой в плане бляхи с ободком по внешнему краю и петлей-ушком на внутренней стороне найдена на поселении Глубокое Озеро-2 (рис.89, 12). Я.П. Гершковичем бляха в типологическом отношении сопоставлена с бляхой из поселения Саргары [Аванесова, 1991, рис.55, 8]. По его мнению, по размерам она отлична от блях, распространенных в сабашиновской культуре [Гершкович, 1998, с. 78, рис.13, 3]. В.И. Ключко нам указаны и иные аналогии, которые, как он считает, свидетельствуют о том, что традиция изготовления таких блях связана с Карпатским регионом периода ВгА1. Исследователь полагает, что оттуда вместе с валиковой керамикой они постепенно распространяются на территорию Украины, что, например, подтверждается их находками в кургане 37 Гордеевского могильника [Березанська, Ключко, 2011, с.36, рис.73, 4], кургане 2/7 могильника Печера Винницкой обл. [Ключко, Потупчик, Слюсарська, 2011, рис.1, 1], в «Комплексе Козименка» из Ровенской обл. [Ключко, 2011б, с.252, рис.8, 12–16]. Но это не исключает и правомерность интерпретации, предложенной Я.П. Гершковичем, так как бляха происходит из постсрубного культурного слоя, в котором представлена керамика заключительного этапа позднего бронзового века восточного облика.

Отдел: бусы. Известняковая литейная форма для отливки круглых бус или подвесок найдена на поселении Чикаловка (рис.50, 8) [Шарафутдинова И.М., 1964, с.164, рис.6, 11].

Группа: изделия из железа.

Категория: предметы вооружения.

Отдел: ножи. Типология железных ножей из памятников ББК, разработана С.И. Берестневым [Берестнев, 1994, с.133; Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99].

Тип 1 – черенковый нож с почти прямым лезвием и приподнятым острием найден на поселении Любовка [Берестнев, 2001, рис.101, 13].

Тип 2 – нож с горбатой спинкой, прямым лезвием и широким пропорционально коротким черенком найден на поселении Таранцево (рис.90, 23) [Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 26].

Тип 3 – ножи с короткими лезвиями подтреугольной формы и пропорционально длинными, сужающимися к концам черенками. Два ножа рассматриваемого типа найдены на поселении Таранцево (рис.90, 24, 25) [Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 24, 25].

Группа: изделия из камня.

Категория: орудия труда.

Отдел: топоры. Найденные на поселениях ББК топоры по способу крепления к топорищу относятся к привязным и проушным.

Привязные топоры-молоты выявлены в поселении Чикаловка (рис.48, 15) [Шарафутдінова І.М., 1964, с.164, рис.7, 5], «позднесабатиновском» горизонте Ильичевки (рис.49, 4, 6) [Шаповалов, 1976, с.165, рис.7, 15; 1983/№ 620], V горизонте Безыменного-2 (рис.98, 4–6) [Горбов, Мимоход, 1999, рис.12, 4; 13, 2, 4], Орехово-Донецком-4 (рис.112, 2) [Горбов, Усачук, 2001, с.37, рис.14, 3]. Они типологически не отличаются от распространенных в срубной и других культурах позднего бронзового века Восточной Европы [Городцов, 1905, табл.ХІ, 3; Обыденнов, 1976, с.113, рис.1, 2; Археологический альманах, 1993, с.20, 30–32, рис.25, 2; 28, 3; 29, 2–4; 30, 2–4; 31, 1–3; 32, 1–3; 33, 1–3; 34, 10; Татаринев, 1993, табл.4, 1–13; Ромашко, 1995а, с.127, рис.6, 2 и др.].

Обломки проушных топоров представлены в материалах Богуслава-1, Червонохиженцев-2 (рис.88, 35) [Куштан, 2002, рис.2, 2], Ильичевки (рис.49, 5, 7) [Шаповалов, 1983/№ 620], Шоссейного (рис.88, 34) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.146, рис.7, 2], Орехово-Донецкого-4 (рис.112, 7) [Горбов, Усачук, 2001, с.37, рис. 14, 1], Волковки (рис.112, 12) [Осташков, 1995, с.44; Куштан, 2007/№ 864]. По форме они близки топорам ямно-катакомбного времени. Характер сработанности сколов свидетельствует о длительном вторичном использовании орудий.

Отдел: зернотерки. На некоторых поселениях ББК найдены обломки крупных каменных орудий с зашлифованными поверхностями, предположительно зернотерок. Целых орудий или крупных, определимых обломков, известно относительно немного (рис.49, 9, 19; 89, 8; 98, 1; 111, 19; 112, 1, 4, 6, 9, 10) [Кривцова-Гракова, 1949, с.85; Шарафутдінова І.М., 1964, с.161; Шаповалов, 1976, с.135; 1983/№ 620; Привалова, 1983, с.309–310; 2000, с.107; Ромашко, 1985, рис.2, 12; Привалова, Привалов, 1987, с.102–103; Супрун, 1999, с.70–76; Горбов, Мимоход, 1999, с.27, 31, рис.6, 3; Горбов, Усачук, 2001, с.37, рис.14, 4; 15, 1, 7–9].

Отдел: мотыги. На поселении Старая Ласпа найдено плоское гранитное орудие, которое, как считает О.Я. Привалова, могло использоваться как мотыга (рис.57, 5) [Привалова, 2000, с.107, рис.1, 5].

Отдел: абразивы. Различаются абразивы пассивного и активного действия.

Пассивные абразивы более массивны, представляют собой плиты мелкозернистых песчаников и гранитов с зашлифованной рабочей поверхностью (рис.50, 6; 89, 5, 10; 98, 3, 7; 111, 14). Для большинства абразивов активного действия характерна аморфность. У таких инструментов рабочую поверхность составляют одна, реже две грани. На некоторых экземплярах из Богуслава-1 (рис.49, 2; 89, 4), Таранцево [Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 18], Ильичевки (рис.49, 1, 3) [Шаповалов, 1983/№ 620], Бузовки (рис.111, 15, 17) [Ромашко, 1995б, рис.12, 17, 18], сохранились следы заточки каких-то тонких инструментов – шильев, проколок, игл.

К активным абразивам относятся и оселки. По форме и системе подвешивания они разделяются на три типа.

Тип 1 – прямоугольные или подквадратные в сечении привязные оселки с узким желобком-пазом в верхней части изделия (рис.97, 6, 7) [Гершкович, 1993/№ 739; Горбов, 1995, с.62, рис.1, 4].

Тип 2 – прямоугольные в плане и сечении абразивы (рис.89, 3, 6, 7, 21; 112, 3, 8, 11, 13) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.144; рис.7, 7; Берестнев, 1994, с.133; рис.8, 16–18; Горбов, Усачук, 2001, с.37, 40, рис.14, 2; 15, 2, 4, 6]. Один из абразивов из Таранцево имеет отверстие в верхней части.

Тип 3 – ромбической в плане формы (рис.89, 9) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с.146, рис.7, 1].

Отдел: растиральники или терочки. Тщательно изготовленный круглый в плане, цилиндрический в сечении кварцитовый растиральник найден в хозяйственной яме жилища № 6 поселения Богуслав-1 (рис.89, 2). В памятниках ББК известны также растиральники шаровидной и прямоугольной формы (рис. рис.89, 11; 97, 5; 112, 5) [Горбов, Мимоход, 1999, с.27, рис.2, 2; Куштан, 2002, рис.2, 1; Ромашко, 2001, с.171, рис.3, 11].

Отдел: отбойники. К этой разновидности орудий отнесены песчаниковые и гранитные брусочки овальной или прямоугольной в сечении формы со следами ударов на поверхности (рис.49, 8, 11, 13; 57, 4; 88, 22, 24–27, 32, 33; 97, 8, 9; 111, 18; 112, 14, 15) [Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100; Ковалева И.Ф., 1969/101; 1972, с.332–336; Шаповалов, 1976, с.165; Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 19; Осташков, 1995, с.44; Куштан, 1999, с.17–19; 2007/№ 864; Ковалева, 1969/101; Привалова, Привалов, 1987, с.103; Ромашко, 2002, рис.4, 3, 4].

Отдел: тесла. Каменное тесло найдено в кладке помещения № 29 Безыменного-2 (рис.98, 2) [Горбов, Мимоход, 1999, с.27, рис.2, 1].

Отдел: наковальни. К ним наковальням отнесены плоские камни с грубо оббитыми краями круглой, подквадратной или каплевидной в плане формы (рис.49, 12, 14; 57, 3; 88, 28, 30, 31; 111, 20; 112, 16) [Привалов, Привалова, 1987, с.104; Привалова, 1983, с.309–310; 2000, с.107, рис. 1, 6; Куштан, 2007/№ 864; Ромашко, 1995, рис.15, 16].

Отдел: песты-скипетры. Песты-скипетры и их обломки присутствуют на поселениях Богуслав-1, Чикаловка, Белозорье, Червонохиженцы-2, Ушкалка (рис.48, 10–13; 116, 2) [Шарафутдинова И.М., 1964, с.164, рис.7, 1; 1982, рис.53, 4; Куштан, 1999, с.17–19; 2002, рис.2, 3]. Несколько пестов-скипетров найдены при случайных обстоятельствах в окрестностях с. Шаховка и Маячка (рис.116, 4) Полтавской обл. [Рудинський, 1928, с.42, табл.ІІ, 37; Ткаченко, 2003, с.90], с. Яремовка Харьковской обл. [Сибилев, 1930, табл.LXXXIV, 9], с. Чапаевка Черкасской обл. [Палагута, 1997, с.105, рис.1, 2], г. Мариуполь и Донецк (рис.116, 1, 3) [Археологический альманах, 1993, с.22, рис.11, 5, 10]. По типологии, предложенной Н. Боровкой и Е.Н. Савой [Boroffka, Sava, 1998, p.17–113], большая часть рассматриваемых изделий относится к типу Ia. Экземпляр из Маячки – сопоставим с типом Vб.

Отдел: ступки. Три каменные ступки на поддоне происходят из Северо-Восточного Приазовья (рис.116, 6–8) [Археологический альманах, 1993, с.34, рис.37, 4–6].

Отдел: гладильники-утюжки. Эти изделия присутствуют в Николаевке [Привалова, Привалов, 1987, с.102–103; 1988, рис.10, 11], Ильичевке (рис.48, 14) [Шаповалов, 1976, рис.7, 17], Зливках [Швецов, 1987, с.433], Биланах-1 (рис.48, 16) [Супруненко, Шерстюк, 2006а, с.56, рис.67, 5]. Еще одно изделие найдено у с. Красный Оскол (рис.115, 5) [Шарафутдинова И.Н., 1972, с.69, рис.2, 5; 1982, с.134, рис.54, 5].

Отдел: ложила-гальки. В качестве ложилок носителями ББК иногда использовались гальки. Такое орудие найдено в жилище № 7 Богуслава-1 (рис.89, 1).

Отдел: прясла. Каменное прясло найдено в позднесабаатиновском горизонте Ильичевки (рис.49, 10) [Шаповалов, 1983/№ 620].

Группа: изделия из кремня.

Изделия из кремня относительно немногочисленны, но выявлены на многих поселениях ББК. При их классификации использована функциональная и морфолого-типологическая схема, разработанная Д.Я. Телегиным для кремня мезо-неолитической эпохи [Телегин, 1978, с.35–70] и определения А.В. Колесника и Я.П. Гершковича кремневых орудий из постсрубных горизонтов Дибровы и Глубокого Озера-2 [Колесник, Гершкович, 2001, с.107, 109–110]. В сводку включены только изделия, отнесенные Д.Я. Телегиным к группе Б.

Категория: орудия труда.

Отдел: скребки и скребла. Концевые, двойные концевые, конце-боковые, боковые скребки на отщепах и пластинах единичными экземплярами или небольшими сериями представлены в Богуславе-1 (рис.50, 3–5; 89, 13, 14, 20, 21, 24), Лоцманской Каменке (рис. 113, 7, 13, 14) [Ромашко, 2001, рис.4, 2, 8, 13], Диброве, Глубоком Озере-2 [Колесник, Гершкович, 2001, с.107, 109–110, рис.4, 1, 2, 4, 8, 9; 5, 3, 7, 9, 10; 8, 7].

Отдел: серпы. Серия заготовок, незаконченных и готовых серпов и типологически близкий им нож, представлена в коллекции кремневых изделий Дибровы [Колесник, Гершкович, 2001, с.107, рис.8, 2, 3, 6–8]. Кремневые серпы из других памятников с материалами ББК, известны преимущественно в позднейших поликультурных горизонтах лесостепных поселений (рис.89, 18, 23, 25; 113, 2–6, 9–11) [Шаповалов, 1976, рис.8, 21; 1983/№ 620; Привалова, Привалов, 1987, с.104; Клименко, Цимбал, 1991, с.26, рис.9; Осташков, 1995, с.44; Ромашко, 1995, рис.12, 15; Куштан, Деткин, 2000, с.70, рис.2, 2; Куштан, 2002, рис.2, 4; 2007/№ 864; Гаврилук, 2003, с.79].

Отдел: отбойники. Представительные серии отбойников, соответственно 13 и 7 экземпляров, выявлены на поселениях Диброва и Глубокое Озеро-2 [Колесник, Гершкович, 2001, с.107, 110].

Отдел: топоры. Плоский кремневый топор с перехватом, изготовленный из валунной галки, найден в постсрубном слое Глубокого Озера-2 [Колесник, Гершкович, 2001, с.110, рис.10, 2].

В коллекциях Дибровы и Глубокого Озера-2 единичными экземплярами представлены также крупная провертка, резцевидное орудие, мелкие дисковидные изделия на отщепах [Колесник, Гершкович, 2001, с.107, 110, рис.4, 3].

Категория: предметы вооружения. Наконечники стрел и дротиков, отличаются тщательной обработкой, что свидетельствует об особых требованиях, предъявляемых к этим изделиям.

Отдел: наконечники стрел. Из комплексов ББК происходят наконечники стрел двух типов.

Тип 1 – черенковые наконечники стрел с треугольной головкой найдены на поселениях Белозерский лиман-1 (рис.97, 11) [Кривцова-Гракова, 1949, с.85, рис.32, 4] и Самовица-остров-1 (рис.113, 8) [Куштан, 2007/№ 864].

Тип 2 – листовидные наконечники стрел найдены в Таранцево (рис.89, 15) [Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 9] и постсрубном слое Глубокого Озера-2 [Колесник, Гершкович, 2001, с.110, рис.9, 6]. По форме они сопоставимы с типами 18А, 5А и 29А по классификации Д.Я. Телегина [Телегин, 1978, с.49].

Отдел: наконечники дротиков. Представлены в Таранцево (рис.89, 16) [Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 14], Голубовке (рис.89, 17) [Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99], Диброве [Колесник, Гершкович, 1996, с.12, рис.1, 1, 2; 2001, с.107, рис.9, 1, 15], Глубоком Озере-2 [Колесник, Гершкович, 2001, с.110, рис.9, 2], Богуславе-1 (рис.50, 1, 2); Орехово-Донецком-4 [Горбов, Усачук, 2001, с.37].

По классификации Д.Я. Телегина возможно соотнесение этих изделий с типом 1А. Представляется справедливым замечание Д.Я. Телегина о том, что для мезо-неолитической эпохи дифференциация кремневых наконечников стрел, дротиков и ножей по размерам крайне условна [Телегин, 1978, с.49]. Условной она остается и при определении функционального назначения рассматриваемых изделий как разновидностей оружия заключительного этапа позднего бронзового века.

В группу изделий из камня условно включены культовые предметы, выточенные из кусков мела, найденные на святилище № 2 Богуслава-1 (рис.85, 11) и позднесабатиновском горизонте Ильичевки (рис.44, 6) [Шаповалов, 1983/№ 620].

Группа: изделия из кости и рога.

Категория: орудия труда.

Отдел: лопаты. Изготавливались из лопаток крупного рогатого скота или лошади и, вероятно, являлись обязательной разновидностью домашнего инвентаря. Например, на поселении Богуслав-1 они найдены в четырех из восьми жилищ горизонта ББК (рис.46, 18; 86, 11–13).

Отдел: мотыги. В позднесабатиновском и финальном срубном горизонтах поселения Ильичевка и на поселениях Николаевка и Богуслав-1 присутствуют орудия, изготовленные из рогов оленя и заостренных трубчатых костей копытных животных (рис.45, 19, 21, 24, 26, 27; 86, 1, 3) [Шаповалов, 1983/№ 620; Привалов, Привалова, 1987, с.104–105]. Согласно устоявшемуся в литературе мнению, подобные орудия использовались в качестве мотыг [Тереножкин, 1961, с.92, рис.61, 3; 64, 1; 65, 1–5; Лесков, 1970, с.42, рис.34, 6–8; Березанская, 1990, с.38, рис.8, 3].

Отдел: струги и скобели. К отделу относятся орудия из ребер крупного рогатого скота (рис.57, 17; 86, 2) [Шаповалов, 1983/№ 620; Привалова, 2000, с.107; Усачук, 2000, с.110, рис.2, 1].

Отдел: «штампы» на лопатках животных или «разбивальники» овчин. Лопатки крупных животных с прорезанными по суставному краю зубцами представлены в Чикаловке (рис.46, 7) [Шарафутдінова І.М., 1964, рис.6, 6], Ильичевке (рис.46, 1–6; 86, 14) [Шаповалов, 1976, с.165, рис.7, 18; 1983/№ 620], Николаевке [Привалова, Привалов, 1987, с.104], Широкой Балке-2, Глубоком озере-2, Безыменном-2 и других поселениях [Панковський, 2003, с.134–144].

Отдел: скребки-диски. Скребки дисковидной формы из трубчатых костей животных найдены на Ильичевке (рис.47, 2, 4) [Шаповалов, 1983/№ 620].

Отдел: скребки на третьих копытных фалангах лошадей. Третьи копытные фаланги с характерными признаками сработанности кромки кости происходят из Ильичевки (рис.46, 11) [Шаповалов, 1983/№ 620], Безыменного-2 [Усачук, 1989, с.125–127], Песчанки (рис.57, 6) [Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100]. Представительна серия таких орудий в Богуславе-1 (рис.46, 8–10; 86, 17–19).

Отдел: тупики. Тупики из нижних челюстей крупного рогатого скота и лошади известны на многих поселениях ББК (рис.48, 7–9; 57, 10, 21; 86, 4–7; 97, 23; 111, 13) [Даниленко, 1958/1г; Шаповалов, 1976, с.160; 1983/№ 620; Швецов, Цимиданов, Дубовская и др., 1984/102; Привалова, Привалов, 1987, с.104; 1988, рис.10, 10; Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 1; Усачук, 1994а, с.63–64; Осташков, 1995, с.44; Привалова, 2000, с.107; Усачук, 2000, с.110, рис.2, 2; Ромашко, 2002, с.95, рис.4, 1; Куштан, 2007/№ 864; Горбов, Мимоход, 1999, с.31].

Отдел: лошила. Представлены лошилами из ребер (рис.44, 30–34; 45, 9, 23–25, 28; 86, 16; 111, 5) [Шаповалов, 1983/№ 620; Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 2; Усачук, 1989, с.125–127; Горбов, Усачук, 2001, с.37, рис. 14, 10] и трубчатых костей животных (рис.57, 12, 16; 111, 12, 21) [Усачук, 2000, с.110, рис.1, 2, 3; Ромашко, 1995, рис.15, 10, 11].

Отдел: «коньки». «Коньки», изготовленные из плюсовых, реже пястных костей лошади (рис.57, 11, 18; 87, 1–5) [Даниленко В.М., 1958/1г.; Привалова, Привалов, 1987, с.105; 1988; Панковський, Усачук, 1996, с.33–37; Усачук, 2000, рис.2, 3] в бронзовом веке получают распространение на огромной территории от Поволжья до Дуная. Основные разновидности коньков систематизированы А.Н. Усачуком и В.Б. Панковским, результатом чего стало выделение двух типов – с удаленными краями дистального конца и сохраняющих естественную форму кости [Панковський, Усачук, 1996, с.35].

Отдел: трубочки. В ряде комплексов ББК присутствуют различной длины костяные трубочки с обрезанными и залощенными краями (рис.47, 24–28, 30, 33; 87, 21) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980, с.107, рис.6, 9; Привалов, Привалова, 1981/82; Шаповалов, 1983/№ 620; Привалова, Привалов, 1987, с.105; Буйнов, Дегтярь, 1988/60; Березанская, 1990, табл. VI; Гершкович, 1993/№ 739].

Отдел: «намотки для ниток». Таранные кости крупных копытных животных с поперечными пропилами на боковых гранях или нарезками на внутренней нижней поверхности (рис.57, 7; 88, 3, 4) [Усачук, 2000, рис.1, 1] по аналогам античного времени иногда рассматривают в качестве основы для намотки ниток [Усачук, Бровендер, 1993, с.181, рис.5, 1].

Отдел: четырехшипные орудия из таранной кости. Экземпляр такого орудия найден в верхнем стратиграфическом горизонте святилища № 1 поселения Богуслав-1 (рис.88, 1) [Ромашко, 2011, с.101, рис.1, 1]. Н.К. Качаловой аналогичный предмет, найденный на Лукьяновском поселении, назван четырехзубой «кошкой» [Качалова, 1974, с.8, рис.5, 9].

Отдел: проколки, шилья, иглы, кочедыки. Кость была основным материалом, из которого изготавливались эти орудия. Наиболее часто использовались расколотые вдоль трубчатые кости животных. В качестве крупных проколов иногда применялись приостренные путовые кости лошади и грифельные кости копытных животных (рис.44, 28, 36–41; 45, 1–8, 14–18, 20, 22; 57, 14, 15; 87, 6–19; 111, 6–11) [Березанская, 1990, табл. VI; Шарафутдінова І.М., 1964, рис.6, 1, 2; Осташков, 1995, с.44; Куштан, 2007/№ 864; Шаповалов, 1976, с.166; 1983/№ 620; Березанская, Цвек, Ключко и др., 1994, рис.47, 8, 13, 14, 18; Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 3, 4; Усачук, 1996, с.24; Горбов, Мимоход, 1999, с.29, рис.5, 4; Привалова, Привалов, 1987, с.104; Горбов, Усачук, 2001, с.37, рис. 14, 9; Ромашко, 1995б, рис.12, 7; 15, 12, 16].

Отдел: упоры. Метаподии с пробитой или просверленной спинкой обнаружены на поселениях Николаевка [Привалова, Привалов, 1987, с.105] и Богуслав-1 (рис.88, 14). Упором,

вероятно, является и орудие из Богуслава-1, изготовленное из дистального конца бедренной кости крупного рогатого скота (рис.47, 1).

Отдел: молотки. В качестве молотков, вероятно, использовались метаподии со сквозными отверстиями. Такое орудие найдено в верхнем горизонте поселения Таранцево (рис.88, 13) [Берестнев, 1994, с.133, рис.8, 5].

Отдел: пробойники. На поселении Богуслав-1 найден обломок орудия, рабочая часть которого представляет собой ровный срез трубчатой кости крупного животного, покрытый с внешней стороны сколами (рис.45, 30), свидетельствующими об его использовании при обработке каких-то достаточно твердых материалов, например, дерева.

Отдел: штампы. Выполнены на торцевой части обрезков ребер и расколотых вдоль костей животных. Плоский рабочий край расчленен пропилами (рис.45, 11–13; 87, 22, 23) [Шаповалов, 1983/№ 620; Привалова, Привалов, 1987, с.104; Гершкович, 1993/№ 739].

Отдел: прясла. Изготовленные из кости прясла представлены двумя типами.

Тип 1 – трапециевидные в сечении, вырезанные из эпифизов животных (рис.44, 26; 46, 13–16; 87, 24; 124, 11, 14; 125, 8) [Шарафутдинова Г.М., 1964, с.166, рис.6, 5; Ковалева И.Ф., Ромашко, Андросов, 1979, с.25–44, рис.2, 10; 3, 10; Радзіевська, Шрамко Б.А., 1980, с.107, рис.6, 8; Шаповалов, 1983/№ 620; Марина, Ромашко, 1985/52; Березанская, 1990, табл. VI; Клименко, 1999, с.88, рис.1, 7].

Тип 2 – круглые или овальные в плане плоские изделия со сквозным отверстием в центре (рис.47, 5, 6) [Шаповалов, 1983/№ 620].

Категория: предметы вооружения. Включает наконечники стрел и детали составных древков.

Отдел: наконечники стрел. По способу крепления к древку разделяются на две группы – втульчатые и черешковые. К первой отнесены наконечники типов 1 и 2, ко второй – типов 3–5.

Тип 1 – пулевидные со скрытой втулкой. Представлен экземпляром из «позднесабатиновского» горизонта поселения Ильичевка (рис.47, 13) [Шаповалов, 1983/№ 620]. Судя по находкам на поселении Капитаново-1 в Подонцовье [Чередни-ченко, 1970, с.233, рис.2, 4], наконечники типа 1 принимаются на вооружение срубными племенами Украины уже на ранних этапах культуры. Широкое распространение они получают в культурах позднего бронзового–раннего железного веков [Тереножкин, 1961, рис.71, 20; 1976, с.31, рис.7, 37, 38, с.44, рис.17, 14; Лесков, 1970, рис.29; Шарафутдинова Э.С., 1980, с.55, табл. XXXIII, 6; Черняков, 1985, с.86, рис.41, 8; Ромашко, 1990/№ 697; Колотухин, 1996, рис.33, 2, 3 и др.].

Тип 2 – трехгранные со скрытой втулкой и острыми концами граней. Присутствуют в материалах Чикаловки (рис.47, 14, 15) [Шарафутдинова И.Н, 1964, с.166, рис.6, 3, 4]; Ильичевки (рис.88, 19) [Шаповалов, 1976, с.166, рис.8, 15] и Николаевки (рис.57, 20) [Привалова, Привалов, 1987, с.105; 1988, рис.13, 1]. Достаточно полный перечень аналогов наконечникам типа 2 в культурах эпохи бронзы Евразии содержится в работах В.И. Ключко, посвященных вопросу происхождения наконечников стрел скифского времени [Ключко, 1982, с.80–81, рис.1; 2006, с.155, рис.73].

Тип 3 – овально-шестигранные в сечении с треугольной головкой и клинообразным оформлением невыделенного черешка. Два экземпляра таких наконечников найдены в Ильичевке (рис.47, 8, 10) [Шаповалов, 1983/№ 620].

Тип 4 – черешковые с листовидной, расширяющейся в нижней части головкой, имеющей треугольное, овальное, овально-шестигранное или ромбическое сечение. Найдены на поселениях Ильичевка (рис.47, 9, 11, 12; 88, 18) [Шаповалов, 1976, рис.7, 22] и Безыменное-2 (рис.97, 17) [Горбов, 1995, с.59, рис.1, 8]. По способу оформления черенка возможно выделение трех видов: вид 4/1 – наконечники с прямоугольными в сечении черешками (рис.47, 9; 88, 18), вид 4/2 – с овальными (рис.47, 11, 12), вид 4/3 – с круглыми (рис.97, 17). Наконечники типа известны во многих культурах позднего бронзового–раннего железного веков [Мелюкова, 1961, с.24, рис.10, 1–5; Тереножкин, 1961, с.94, рис.66, 1, 4, 5, 16–18; 1976, с.78, рис.43, 3–5; Братченко, 1969, с.224, рис.11, 12, рис.12, 1; Лесков, 1970, с.35, 36, рис. 29, 9, 10; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с.153, рис.70, 3; 79, 13; Костюков, Епифанов, Нелин, 1995, с.169, рис.26, 11; Пятых, 2006, рис.1, 8–10].

Тип 5 – с треугольной, ромбической в сечении головкой и приостренными концами боковых граней. Представлен двумя видами. Вид 5/1 отличается наличием ложного и расположенного ниже шиловидного черешка. Такой наконечник происходит из поселения Ильичевка (рис.47, 7) [Шаповалов, 1976, рис.7, 21]. Вид 5/2 характеризуется шестигранным в сечении, уплощенным в нижней части черенком. Пять экземпляров собраны на поселении Студенок-6 (рис.47, 16–20) [Буйнов, 1994, с.8, рис.2, 1–5]. Близкие по форме типу 5 наконечники стрел известны в памятниках позднего бронзового века широких географических рамок [Кривцова-Гракова, 1949, с.124, рис.49, 5; Сальников, 1967, с.55, 108, 109; Шарафутдинова Э.С., 1980, с.55, табл.XXXIII, 1, 2; Косарев, 1981, с.197, 108, рис.38, 4; 61, 16, 1; Бровендер, 1994, с.6; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис.56, 12, 15, 16; Ляхов, 1994, с.84–92; Пятых, 2006, рис.1, 8–10;]; Колев, 2002, с.156, рис.7, 7, 8;].

Отдел: детали составных древков стрел. К предметам вооружения относится деталь составного древка, называемого в археологической литературе «яблочко» [Клочко, 1982, с.80, 81; Отрошенко, 1986, с.143; Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1992, с.42], «вток» [Памятники срубной культуры, 1993, с.115; Горбов, 1995, с.60], «ушко» [Медведев А.Ф., 1966, с.50; Черненко, 1981, с.23; Шарафутдинова И.Н., 1982, с.138]. В некоторых энциклопедических изданиях эта деталь определена термином «пята или пятка», «ушком» же называется вырез на пяте, служащий для упора тетивы [Попенко, 1996, с.298, 390]. В материалах ББК втоки или пяты представлены двумя разнотипными экземплярами с одинаковым ушком, но разной формой насада на древко.

Тип 1 – пята со скрытой втулкой из поселения Ильичевка (рис.47, 21) [Шаповалов, 1976, рис.7, 20].

Тип 2 – черешковая пята из помещения № 5 поселения Безыменное-2 (рис.97, 16) [Горбов, 1995, с.60, рис.1, 3].

А.Ф. Медведев отмечает, что и втульчатые и черешковые пяты, появившись в позднем бронзовом веке, оказались столь рациональными, что использовались на протяжении тысячелетий вплоть до позднего средневековья [Медведев, 1966, с.50, табл.11, 11–14].

Отдел: детали составных луков. В позднеسابатиновском горизонте поселения Ильичевка присутствуют обломки двух изделий (рис.47, 22, 23), которые Т.А. Шаповалов считает роговыми обкладками концов луков [Шаповалов, 1983/№ 620].

Категория: предметы конской упряжи. Включает отделы: псалии, наносник и бляхи-пуговицы.

Отдел: псалии. По особенностям морфологии подразделяются на восемь типов.

Тип 1 – псалий со щитком каплевидной формы найден на поселении Поляны-1 (рис.48, 2). Вдоль краев приостренной части изделия расположены планки, имеющие по три сквозных отверстия. В центре диска находится большое круглое отверстие, у края – малое. Еще одно отверстие вырезано в торцевой части псалия и имеет выход на внутренней стороне щитка [Радзіевська, Шрамко Б.А., 1980, с.107, рис.6, 12].

Тип 2 – представлен обломком псалия из Чикаловки (рис.48, 3), имеющим изогнутый орнаментированный стержень с тремя овальными отверстиями в одной плоскости (сохранилось два) и маленьким отверстием, размещенным перпендикулярно к крайнему.

Тип 3 – стержневидные псалии с тремя сквозными овальными отверстиями, расположенными в разных плоскостях. Боковые меньше центрального, пересекаются небольшими круглыми отверстиями со вставленными в них штырями. Два относительно хорошо сохранившихся псалия, вероятно составляющие пару, найдены в позднеسابатиновском горизонте поселения Ильичевка (рис.48, 4, 5).

Тип 4 – представлен обломком псалия с двумя пересекающимися под прямым углом отверстиями – круглым малым и овальным большим. Он найден в позднеسابатиновском горизонте Ильичевки (рис.48, 6).

Тип 5 – представлен обломком псалия из поселения Шолохово. Окончание псалия отделено от стержня кольцевым выступом, орнаментированным гравированными горизонтальными линиями и крестами, в углы которых вписаны круги. На конце псалия в одной плоскости просверлено два отверстия, имеющие следы сработанности. Отверстия расположены на месте скола, оставшегося от бокового выступа-«кулачка». Вероятно, в процессе эксплуатации он сломался, и вместо него для крепления ремней и были высверлены отверстия (рис.57, 19)

[Ромашко, 2002, с.95–96, рис.4, 2]. Фрагментированность изделия затрудняет его типологическое определение. Вероятно, его следует рассматривать в качестве разновидности псалиев типа Скельки, выделенных Х.-Г. Хюттелем по находкам в Скельках и Воинской Гребле. Их характерной особенностью является наличие выделенного окончания, диаметр которого меньше, чем диаметр стержня, и одного бокового выступа-«кулачка» [Hüttel, 1981, s.112, taf.13, 125, 126].

Тип 6 – стержневидные псалии с тремя отверстиями в разных плоскостях. Боковые отверстия маленькие круглые, центральное – большое овальное. Тип представлен обломком псалия с сохранившимися центральным и боковым отверстиями из верхнего слоя Ушкалки. Поверхность изделия покрыта врезным орнаментом (рис.97, 22). Я.П. Гершковичем псалий сопоставлен с псалиями разновидности Циокловина-Хохле [Гершкович, 1998, с.84, рис.9, 3; Hüttel, 1981, s.79–80, taf.7, 64, 65].

Тип 7 – стержневидные псалии с тремя отверстиями, расположенными в одной плоскости. Боковые маленькие круглые, центральные большие овальные. По классификации К.Ф. Смирнова они соответствуют типу V [Смирнов К.Ф., 1961, с.65–67]. В комплексах ББК они представлены тремя экземплярами. Псалий из Усова озера изготовлен из расколотой вдоль трубчатой кости крупного копытного животного, средняя часть стержня утолщена. Изделие неокончено. Боковые отверстия сквозные, центральное недосверлено (рис.88, 11) [Березанская, 1990, с.51, рис.10, 2]. Псалий из Зливок изготовлен из рога [Швецов, 1985/132]. Еще один роговой стержневидный псалий с утолщенными концами и средней частью происходит из поселения Старая Игрень. Изделие не закончено – недосверлены намеченные с двух сторон отверстия. Крайние отверстия круглые, центральное, судя по трем расположенным в ряд углублениям, планировалось мастером как овальное (рис.111, 1) [Ромашко, 1985, с.94, рис.1, 9].

Тип 8 – представлен изделиями из Безыменного-2 (рис.97, 21) [Горбов, 1995, рис.1, 9] и Глубокого Озера-2 (рис.88, 12) [Гершкович, 1998, рис.9, 2], выполненными на отрезках трубчатых костей животных. Однотипность этих псалиев отмечена Я.П. Гершковичем [Гершкович, 1998, с.75, 78]. По системе расположения и конфигурации отверстий они подобны псалиям типа 6.

По мнению В.Н. Горбова, заготовкой псалия является незаконченное изделие из клыка кабана, найденное на поселении Безыменное-2. В центральной части клыка просверлены два сквозных отверстия и намечено третье (рис.97, 18) [Горбов, 1996, с.14, рис.1, 10].

Отдел: наносники. Представлен одним экземпляром (рис.111, 2), из поселения Старая Игрень [Ромашко, 1985, с.84, рис.1, 10]. В плане он напоминает пропеллер с овальными равновеликими лопастями и утолщением в центральной части. По краям утолщения расположены два сквозных отверстия. Внешняя заполированная поверхность изделия орнаментирована высверленными в определенной системе неглубокими ямками. На одной из лопастей орнамент состоит из поперечных, чередующихся рядов ямок, на второй – из четырех пересекающихся окружностей. Предложенное нами [Ромашко, 1985, с.90–97] определение функционального назначения изделия как псалия не является единственным. Д.П. Куштаном оно отнесено к категории восьмерковидных застежек [Куштан, 2007/№ 864]. Российскими археологами игренское и подобные ему изделия интерпретируются как деталь конского снаряжения – наносник [Папин, Шамшин, 1999, с.141–144; Вальчак, 2001, с.30–32], – с чем, вероятно, следует согласиться.

Категория: украшения.

Отдел: застежки. Представлены двумя разнотипными экземплярами.

Тип 1 – роговое изделие из Безыменного-2, имеющее вид изогнутого, расширенного в центральной части стержня с грибовидным и уплощенным окончаниями. В центральной части изделия расположено два отверстия – овальное и перпендикулярное ему круглое меньшего диаметра (рис.97, 20). В.Н. Горбовым предмет интерпретирован как миниатюрный роговой молоток [Горбов, 1995, с.60, 62, рис.1, 1]. Это вызвало возражение со стороны других исследователей, определивших функциональное назначение изделия как застежки [Гершкович, 1998, с.75].

Тип 2 – костяная, круглая в сечении, овальная в плане застежка с односторонней прямоугольной выемкой. Найдена на поселении Студенок-6 (рис.47, 31) [Буйнов, 1994, рис.2, 19]. Может быть сопоставлена с застежками, бытующими в культурах Евразии среднего бронзового –

раннего железного веков [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг, В.В. 1992, с.130, рис.57, 9; Костюков, Епимахов, Нелин, 1995, с.156–207, рис.26, 10].

Отдел: пуговицы.

Тип 1 – круглые в плане конические в сечении. Найдены на поселениях Безыменное-2 (рис.97, 19) [Горбов, 1995, с.59, рис.1, 2] и Глубокое Озеро-2 (рис.88, 17) [Гершкович, 1998, с.75, рис.9, 1].

Тип 2 – неправильно-овальной формы. Один экземпляр происходит из Безыменного-2 (рис.97, 24) [Горбов, 1995, с.75, рис.1, 5].

Отдел: подвески. Плоская подвеска трапециевидной формы с сегментовидным навершием, в центре которого расположено маленькое круглое отверстие, происходит из «финального срубного» горизонта Ильичевки (рис.47, 32) [Шаповалов, 1976, с.165, рис.7, 19]. Прямые аналогии неизвестны.

Категория: игральные или гадальные наборы. Комплексы ББК характеризуются почти полным отсутствием предметов, которые возможно было бы рассматривать в качестве детских игрушек или атрибутов игр. Исключение составляют астрагалы мелкого рогатого скота со спиленными и заполированными боковыми гранями, известные в материалах Богуслава-1 (рис.46, 12; 88, 2, 6–10), Чикаловки [Шарафутдінова І.М., 1964, с.166], Старой Ласпы (рис.57, 8, 9) [Привалова, 2000, с.107, рис.1, 11; Усачук, 2000, с.110, рис.1, 4, 5] и Орехово-Донецкого-4 [Горбов, Усачук, 2001, с.37].

Проведенная систематизация вещевого комплекса ББК формирует значительную часть необходимого информационного блока, создающего предпосылки для решения методами археологического исследования ряда вопросов, связанных с установлением основных направлений хозяйственной деятельности и уровня технологического развития богуславско-белозерских племен, абсолютной и относительной хронологии, динамики культурных и экономических связей, и, в конечном итоге, этнокультурного и историко-культурного развития населения Левобережной Украины на заключительном этапе позднего бронзового века.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
Статистические таблицы

Таблица 3.1.

**Топографические характеристики урочищ, занятых поселениями
лесостепного варианта богуславско-белозерской культуры**

Этапы ББК	Номер по списку	Памятник	Бассейн реки	Топографические группы								Место урочища в долино-речном ландшафте и его высота над уровнем стояния воды	
				1		2		3	4		5		
				Правый берег	Левый берег	Правый берег	Левый берег	Плакор	Правый берег	Левый берег	Балка		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
ББ2	11	Бузовка	р. Орель								+		возвышенный участок поймы (1-1,5 м)
	13	Гупаловка	р. Орель								+		пойменная дюна (4 м)
	14	Довбний остров-3	р. Орель								+		пойменная дюна
	19	Котовка-1	р. Орель								+		низкая дюна
	20	Котовка-2	р. Орель		+								склон I террасы
	21	Кохановка	р. Орель							+		+	склон балки и участок поймы
	22	Краснополье	р. Орель								+		высокая островная дюна
	24	Лоцманская Каменка	р. Днепр			+							осыпь коренного берега (10 м)
	27	Осиповка	р. Орель								+		возвышенный участок поймы
	34	Старая Игрень	р. Днепр		+								высокий прирусловый вал I надпойменной террасы (6-10 м)
	40	Дроновка	р. Северский Донец							+			дюны
	57	Рай-Стародубовка	р. Северский Донец			+							мыс высокого берега

Продолж. Табл. 3.1.

	70	Глубокое Озеро-1	р. Северский Донец								+		дюна
	77	Орехово- Донецкое-4	р. Северский Донец		+								I надпойменная терраса
	84	Хитцы	р. Удай										?
	86	Ницаха	р. Ворскла		+								мыс I надпойменной террасы (7,5 м)
	88	Волковка	р. Се- ребрянка (л. Медянки, л. Тясьмина, п. Днепра)		+								мыс надпойменной террасы
	89	Леськи-3а	р. Днепр							+			возвышенный участок поймы
	90	Леськи-3б	р. Днепр							+			возвышенный участок поймы
	93	Самовица- остров-1	р. Днепр							+			возвышенный участок поймы
	104	Давыдово- Никольское	р. Северский Донец			+							мыс надпойменной террасы
	106	Залинейное	р. Орель			+							холм-останец коренного берега (12 м)
	125	Веселое-1	р. Великий Бурлук (п. Северского Донца)	+									мыс I надпойменной террасы
	136	Борькин ручей	р. Северский Донец		+								боровая терраса
	ББ1	6	Бажаны-1	р. Самара								+	
7		Бажаны-2	р. Самара		+								I надпойменная терраса
8		Бажаны-4	р. Самара								+		дюны
9		Богуслав-1	р. Самара		+								прирусловый вал I надпойменной террасы (8 м)
10		Богуслав-2	р. Самара								+		пойменный мыс-останец I надпойменной террасы (4 м)
138		Морозовс- кое (ст. Ароматная)	р. Малая Терновка		+								I надпойменная терраса (4-5 м)
26		Озерное	р. Самара								+		островная дюна

Продолж. Табл. 3.1.

ББ1	28	Павловка-2	р. Бычок																	+		останцы коренного берега		
	32	Петропавловка-2	р. Самара																				И надпойменная терраса	
	33	Самарское-1	р. Бычок																			+	дюна	
	35	Хорошее-2	р. Самара																				склон высокого коренного берега	
	39	Брусовка-2	р. Северский Донец																				склон террасы (4 м)	
	41	Зливки	р. Северский Донец																				+	дюна
	42	Ильичевка	р. Северский Донец																					мыс I надпойменной террасы (5 м)
	48	Крестище-1	р. Долина (л. Сухой Торец)																					мыс берега (15 м)
	49	Крестище-2	р. Долина (л. Сухой Торец)																					мыс берега (7 м)
	56	Новоселовка (Краснолиманский р-н)	р. Нетриус																				+	терраса
	62	Старый Караван	р. Северский Донец																					мысообразный участок I надпойменной террасы (7 м)
	67	Ямполь	р. Северский Донец																					?
	68	Диброва	р. Северский Донец																					мысообразный участок I надпойменной террасы
	69	Глубокое озеро-2	р. Северский Донец																				+	«днище ложбины боровой террасы»
	71	Хировка (Чернолесское городище)	р. Чернолесская (п. Ингульца)																					высокий мыс берега
72	Озеро Клешни Второе-1	р. Северский Донец																					мысообразный участок I надпойменной террасы (3,5 м)	

Продолж. Табл. 3.1.

ББ1	109	Липцы-1	р. Харьков (л. Уды, п. Северского Донца)			+						возвышенный участок берега
	110	Луговое	р. Мерла						+			дюна
	111	Любовка	р. Мерла	+								высокая надпойменная терраса
	113	Новодо- новка-1	р. Северский Донец		+							I надпойменная терраса
	115	Рубежное-2 (Харьковс- кой обл.)	р. Северский Донец			+						правый берег
	116	Снежков- ка-7	р. Северский Донец		+							мысообразный участок I надпойменной террасы (7 м)
	118	Студенок-6	р. Северский Донец		+							мыс I надпойменной террасы
	119	Сухая Гомольша	р. Сухая Гомольша (п. Гомольши, п. Мжи)		+							I надпойменная терраса
	120	Терновая-1	р. Уды (п. Северского Донца)						+			пойма
	121	Таранцево (Тымчен- ки-2)	Р. Мжа							+		мыс большого возвышенного пойменного участка
	122	Горбанщина (Тым- ченки-3)	Р. Мжа							+		дюна
	123	Хотомля-1	Р. Мжа		+							мыс I надпойменной террасы (7 м)
	124	Циркуны	р. Харьков							+		пойма
	126	Голубовка-3	р. Великий Бурлук	+								высокий мыс надпойменной террасы
	132	Клешня-3	р. Северский Донец		+							высокая надпойменная терраса
	133	Шоссейное	р. Северский Донец		+							мыс I надпойменной террасы (4-4,5 м)
	137	Мерефа-4	Р. Мжа							+		пойменная дюна
	136	Борькин ручей	р. Северский Донец		+							боровая терраса

Продолж. Табл. 3.1.

прото-ББ	5	Александрополь	р. Самара			+						высокий холм-останец коренного берега (35 м)
	6	Бажаны-1	р. Самара							+		дюна (3 м)
	7	Бажаны-2	р. Самара			+						I надпойменная терраса
	8	Бажаны-4	р. Самара							+		дюны
	9	Богуслав-1	р. Самара			+						прирусловый вал I надпойменной террасы (8 м)
	10	Богуслав-2	р. Самара							+		пойменный мыс-останец I надпойменной террасы (4 м)
	12	Васильевка (Днепропетровская обл.)	р. Самара			+						крутой склон берега (7-8 м)
	15	Знаменовка	р. Самара							+		дюны
	16	Иваново-Яризовка	р. Самара							+		возвышенный участок поймы
	23	Левонтовка	р. Самара			+						склон надпойменной террасы
	25	Мало-Николаевка-2	р. Самара			+						склон I надпойменной террасы
	29	Павлоград	р. Самара							+		мыс (3 м)
	30	Перещепино	р. Орель							+		дюна (4-4,5 м)
	134	Лобойковка-1	р. Орель			+						мыс надпойменной террасы
	31	Песчанка	р. Подпольная			+						возвышенный участок берега (7-8 м)
	41	Зливки	р. Северский Донец							+		дюна
	42	Ильичевка	р. Северский Донец			+						мысообразный участок боровой террасы (5 м)
	65	Щурово	р. Северский Донец			+						мысообразный участок берега
66	Усово озеро	Р. Северский Донец							+		дюна	
83	Низы-2	р. Псел							+		возвышенный участок поймы	

Таблица 3.2.

**Топографические характеристики урочищ, занятых поселениями
степного варианта богуславско-белозерской культуры**

Этапы ББК	Номер по каталогу	Памятник	Бассейн реки	Топографические группы								Место урочища в долино-речном ландшафте и его высота над уровнем стояния воды	
				1		2		3	4		5		
				Правый берег	Левый берег	Правый берег	Левый берег	Плакор	Правый берег	Левый берег	балка		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
ББ1	2	Верхне-тарасовка	р. Днепр			+							край террасы (7 м)
	3	Белозерский лиман-1	р. Днепр				+						высокий берег
	4	Белозерский лиман-2	р. Днепр				+						высокий берег
	17	Капуловка-4	р. Днепр			+							пологий склон террасы
	18	Капуловка-6	р. Днепр			+							низкий участок берега
	36	Шолохово	р. Базавлук		+								мыс i надпойменной террасы (2-2,5 м)
	37	Безыменное-2	р. Безыменная				+					+	мыс, образованный глубокой промоиной (6-10 м)
	38	Безыменное-1	р. Безыменная				+					+	склон балки
	43	Камышеватая-5	р. Камышеватая			+						+	мыс берега балки
	44	Камышеватая-8	р. Камышеватая			+						+	мыс берега балки
	45	Камышеватая-14	р. Камышеватая			+						+	мыс берега балки
	46	Камышеватая-16	р. Камышеватая			+						+	мыс берега балки

Продолж. Табл. 3.2.

ББ1	59	Рубежное (Донецкой обл.)	р. Грузская (л. Казенного Торца)		+										площадь поселения ограничена с двух сторон ручьем и оврагом
	60	Славянск	р. Бахмут												?
	64	Шевченко-1	р. Волчья			+									Возвышенный участок берега
	129	Ушкалка	р. Днепр			+									участок береговой террасы (5-8 м)
	130	Федоровка	р. Днепр			+									Возвышенный участок берега
прото-ББ	131	Михайловка	р. Днепр			+									участок берега
	1	Васильевка-1 (Запорожская обл.)	р. Днепр			+									участок береговой террасы (4-5 м)
	31	Песчанка	р. Подпольная (л. Самары,)			+									возвышенный участок берега (5-6 м)
	36	Шолохово	р. Базавлук		+										мыс I надпойменной террасы (2-2,5 м)
	37	Безыменное-2	р. Безыменная				+						+		мыс, образованный глубокой промоиной (6-10 м)
	38	Безыменное-1	р. Безыменная				+						+		склон балки
	43	Камышеватая-5	р. Камышеватая			+								+	мыс берега балки
	44	Камышеватая-8	р. Камышеватая			+								+	мыс берега балки
	45	Камышеватая-14	р. Камышеватая			+								+	мыс берега балки
	46	Камышеватая-16	р. Камышеватая			+								+	мыс берега балки
	47	Клиновое	Безымянный ручей (приток р. Клиновья, бассейн Северского Донца)										+		участок поймы
	50	Мариуполь (Ляпинская Балка)	б. Ляпинская Балка									+		+	мысообразный выступ берега балки
	51	Николаевка	р. Мокрая Волноваха (п. Кальмиуса)				+								I надпойменная терраса, у подножья холма
	52	б. Юрина	б. Юрина (бассейн Кальмиуса)											+	возвышенные склоны балки
	53	б. Тарама	б. Юрина (бассейн Кальмиуса)											+	возвышенные склоны балки

Продолж. Табл. 3.2.

прого-ББ	54	Новоазовск (Широкая Балка-2)	б. Широкая													+	Склон балки	
	55	Новоселовка-1 (г. Енакиево)	б. Рассоховская (бассейн р. Корсунки, п. Крынки, п. Миуса)														+	I надпойменная терраса
	58	Романовка	р. Кривой Торец (п. Казенного Торца)															?
	59	Рубежное (Донецкой обл.)	р. Грузская (л. Казенного Торца)													+		мыс, образованный ручьем и оврагом
	61	Старая Ласпа	р. Кальмиус	+														I надпойменная терраса
	63	Стыла	б. Щучья (бассейн р. Сухая Волноваха, л. Мокрой Волновахи, п. Кальмиуса)														+	невысокий мыс

Таблица 3.3.

**Расположение богуславско-белозерских поселений
различных топографических групп относительно берегов рек (в %)**

Этапы ББК	Варианты ББК	Топографические группы							
		1		2		3	4		5
		Правый берег	Левый берег	Правый берег	Левый берег	Плакор	Правый Берег	Левый Берег	Балка
ББ2	Лесостепной	4,5	22,8	18,2	-	-	18,2	31,8	4,5
		27,3		18,2		-	50,0		4,5
ББ1	Лесостепной	5,6	32,5	15,5	4,2	1,4	7,0	33,8	-
		38,1		19,7		1,4	40,8		-
	Степной	12,0	12,0	41,0	-	-	-	-	35,0
		24,0		41,0		-	-		35,0
прого-ББ	Лесостепной	9,5	42,9	4,8	-	-	14,1	28,7	-
		52,4		4,8		-	42,8		-
	Степной	5,5	5,5	16,7	-	-	-	5,6	66,7
		11,0		16,7		-	5,6		66,7

Таблица 3.4.
Качественные и количественные характеристики сооружений лесостепного варианта богуславско-белозерской культуры

Тип сооружения	Этапы ББК	Жилища и хозяйственные постройки	Площадь, кв. м	Глубина, м	Ориентация	Количество камер	Оформление входа		Оформление пола				Нары-лежанки	«Стопки»	Облицовка стен камнем	Очаг							
							Простой	Коридор	Ровный	Корытообразный	Омазки глиной	Выкладки				Тип очага	Глина	Глиняные валки	Песчано-глиняная масса	Камень	Размеры в м	Глубина, в м	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
1	Б52	Осиповка, ж. № 2 (1)	25	1,2 от современной поверхности	В-3	1	+	Простой	+	Корытообразный						1					круглый, диаметр 0,5		
1		Лоцманская Каменка, ж. № 1 (2)	ок. 60	на 0,1 углублено в материк	ССЗ-ЮЮВ	1		+	Коридор	+						1					круглый, диаметр 0,5		
1	Б51	Старая Игрень, ж. № 1 (3)	сохр. 16,8	0,7 от современной поверхности	СВ-ЮЗ	1		+								2					овальный, 1 x 0,8		0,15
1		Богуслав-1, ж. № 1 (12)	125	1,8 от современной поверхности	В-3	1	+	+	Коридор	+						4					разрушен		
1	Б51	Богуслав-1, ж. № 3 (13)	70	1,75 от современной поверхности	СВ-ЮЗ	1	+			+						1					овальный, 0,9 x 0,7		
1		Богуслав-1, ж. № 5 (14)	88	1,8 от современной поверхности	ССЗ-ЮЮВ	1	+	+	Коридор	+						4		+			разрушен	+	
1		Шоссейное, ж. № 2 (15)	21	0,8	С-Ю	1	+		?						4		+			аморфный			

Продолж. Табл. 3.4.

2	Усово озеро, ж. № 14 (52)	68	0,75 от современной поверхности	С-Ю	1	+												овальный, 1,3 x 0,8 круглый, диаметр 1,4	0,5
3	Бузовка, ж. № 1 (11)	31,5	на 0,1 углублено в материк	ССВ- ЮЮЗ	1	+												овальный, 1,2 x 0,75	
3	Орехово- Донецкое-4 пом. № 5 (79)	13	на 0,25 углублено в материк	СВ-ЮЗ	1	+													
3	Таранцево, ж. № 2 (21)	74	1,15 от современной поверхности	С-Ю	1	+												овальный, 0,7 x 0,3	0,3
3	Таранцево, ж. № 3 (22)	47	1 от современной поверхности.	СЗ-ЮВ	1	+												круглый, диаметр 0,55	
3	Таранцево, ж. № 5 (23)	75	1,1 от современной поверхности	СВ-ЮЗ	1	+												овальный, 1,1 x 0,75	
3	Шоссейное, ж. № 5 (24)	35	0,2	В-3	1	+												аморфный	
3	Шоссейное, ж. № 8 (25)	121	0,7	СЗ-ЮВ	1		+												
3	Усово озеро, ж. № 12 (53)	34	1,3 от современной поверхности	В-3	1	+												овальный, 2 x 1,25 круглый, диаметр 1,1	
4	Богуслав-1, ж. № 6 (76)	150	1,5 от современной поверхности	СЗ-ЮВ	1	+												аморфная	
4	Любовка, ж. № 1 (77)	213	1,6-1,8 от современной поверхности	С-Ю	1	+												круглый, диаметр 0,8	

Продолж. Табл. 3.4.

4	прото-б5		Студенок-6, ж. № 1 (54)	96	1,2 от современной поверхности	СВ-ЮЗ	1	+											1 1 3	круглый круглый овальный	
4			Ильичевка, х/п. № 2 (55)	30	1,1 от современной поверхности	СЗ-ЮВ	1	+													
4			Усово озеро, ж. № 8 (56)	107	1-0,8 от современной поверхности	С-Ю	1	+	+	+									1	овальный, 1,9 x 1,5	
4			Чикаловка, ж. № 4 (84)	63	0,8 от современной поверхности	СВ-ЮЗ	1	+											нес- колько		
5			Орехово- Донецкое-4, пом. № 1 (5)	8,8	на 0,2-0,3 углублено в материк	СЗ-ЮВ	1	+													
5			Орехово- Донецкое-4, пом. № 4 (6)	51- 57	на 0,3-0,4 углублено в материк	С-Ю	1	+		+									2	овальный, 2,13 x 1,93	?
5			Волковка, ж. № 1 (7)	50			1	+											1	?	
5			Волковка, ж. № 2 (8)	84			1	+											2	?	?
5			Волковка, ж. № 3 (9)	60- 84			1	+											2	?	?
5			Дроновка, ж. № 9 (10)	69,6	1-1,1 от современной поверхности	В-3	1	+											4	овальный, 0,6 x 0,8	+
5			Ильичевка, ж. № 12 (26)	48	0,9 от современной поверхности	СЗ-ЮВ	1	+		+									1	круглый, диаметр 0,7	
5			Ильичевка, ж. № 13 (27)	67	1,35 от современной поверхности	СЗ-ЮВ	1	+		+									4	круглый, диаметр 1	+
																			1	круглый, диаметр 0,35	-
																			1	круглый, диаметр 0,35	-
																			1	круглый, диаметр 0,35	-

Таблица 3.5.
Качественные и количественные характеристики сооружений степного варианта богуславско-белозерской культуры

Тип сооружения	Этапы БК	Жилища и хозяйственные постройки	Площадь, кв. м	Глубина, м	Ориентация	Количество камер	Оформление входа		Оформление пола				Нары-лежанки	«Столики»	Облицовка стен камнем	Очаг							
							Простой	Коридор	Ровный	Корытообразный	Обмазки глиной	Выкладки				Тип очага	Глина	Линяные валки	Песчано-меловая масса	Камень	Размеры в м	Глубина, в м	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
1	Б51	Белозерский лиман-1, ж. № 1 (29)	200	?	СЗ-ЮВ	1	+						+			4				+			
1		Камышевское-8, ж. № 1 (30)		на 0,2-0,3 углублено в грунт		1	+									4		+			+		разрушен разрушен овалный, 0,3 x 0,22 разрушен
1	прото-Б5	Николаевка, х/п. № 3 (58)	10	на 0,7 углублено в материк	С-Ю	1	+																
5		Песчанка, ж. № 1 (60)	36	0,9 от современной поверхности	СВ-ЮЗ	1	+							+		2							круглая, диаметр 1,3 x 1,15

Таблица 3.6.

**Удельный вес типов сооружений лесостепного варианта
богуславско-белозерской культуры (в %)**

Этапы ББК	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5
ББ2	23,1	15,4	15,4	-	46,1
ББ1	42,1	5,3	26,3	10,5	15,8
прото-ББ	66,7	4,8	4,8	19,0	4,7
Всего:	47,2	7,5	15,1	11,3	18,9

Таблица 3.7.

**Удельный вес типов сооружений степного варианта
богуславско-белозерской культуры (в %)**

Этапы ББК	Тип 1	Тип 5	Тип 6	Тип 7	Тип 8
ББ1	14,3	-	28,6	14,3	42,8
прото-ББ	5,9	5,9	52,9	11,8	23,5
Всего:	6,7	3,3	43,4	13,3	33,3

Таблица 3.8.

**Качественные и количественные характеристики погребений
богуславско-белозерской культуры**

Номер по списку	Памятник						Форма ямы		Размеры ямы в м	Глубина	Обрядность			Ориентация	Сопровождающий инвентарь
	Место-положение	Группа	Курган	Погребение	Положение в насыпи	Грунтовое	Прямоугольная	Овальная, круглая			Кремация	Скорченное на боку	Вытянутое		
1	Верхняя Маевка	14	4	3	вп.					1,3		Л		ВЮВ	сосуд
2	Николаевка	1	1	18	вп.					0,6		Л		В	сосуд,
	Николаевка	1	3	4	вп.		+	1,6x0,95	1,3			П		СВ	костяное прясло
3	Осиповка			32		+								ЮВ	сосуд
	Осиповка			51		+							+	ЮЗ	сосуд
4	Троицкое	1	13	5	вп.			+	1,55x0,95	1,05		Л		ВЮВ	костяное прясло
5	Чернетчина		2	8	вп.					0,47		П		Ю	сосуд
6	Безыменное-2			1		+						П		ЮЗ	сосуд
7	Зливки					+	+								-
8	Клиновое			1		+									обломок сосуда, руда
9	Кременевка		2	10	вп.										сосуд
10	Рай-Стародубовка			1		+						П		В	костяное прясло
11	Атманай		4	9	вп.		+	1,7x1,2	1,35			П		ВЮВ	височные кольца
12	Днепрострой (А)		35	1	осн.							Л	+	В	сосуд, бронзовые подвески
13	Кичкас-2		9	Д	вп.								+	В	сосуд
14	Лукияновка		+	1	осн.		+	3,1x2,75	1					В	сосуд, бронзовые фибула и подвески
15	Солонцы (г. Комсомольск)	4	7	2	вп.		+							СЗЗ	костяное прясло, раковина «беззубки»

Продолж. Табл. 3.8.

16	Залинейное			1		+		+	диаметр 0,35	0,4	+				сосуд-урна и обломки горшков сосуд сосуд обломок сосуда сосуд
				2		+		+	диаметр 0,27	0,5	+				
				3		+			1,2x1	0,5	+				
				4		+		+	диаметр 0,2	0,45	+				
				5		+		+	диаметр 0,35	0,4	+				
17	Червоный Шлях			1		+	+	?	1	+	П	-	Ю	сосуд, костяные пронизи, проколка, прясло, абразив	

Таблица 3.9.

**Отпечатки зерновок на керамике памятников позднего бронзового века
Приорелья, Присамарья и Северского Донца**

Памятник, культурно-хронологический горизонт	Количество проанализированных отпечатков	Пшеница двузернянка (Triticum dicoccum Schübl L.)	Пшеница карликовая (Triticum compactum Horst L.)	Пшеница мягкая (Triticum aestivum Schübl L.)	Ячмень пленчатый (Hordeum vulgare L.)	Ячмень голозерный (Hordeum vulgare L.)	Рожь (Secale cereale L.)	Просо обыкновенное (Panicum miliaceum L.)	Дикорастущие злаки	Горох (Pisum sativum L.)	Конопля (Cannabis sativum L.)	Не определены
Приорелье												
Залинейное	68	1	1	-	4	1	1	45	2	2	-	-
Бузовка	80	1	-	-	5	-	2	36	1	-	1	-
Всего:	148	2	1	-	9	1	3	81	3	2	1	-
Присамарье												
Павлоград - срубная (БМСК)	2	-	-	-	-	-	-	?	-	-	-	2
- постсрубная (ББК)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Богуслав-1 - срубная (БМСК)	3	-	-	-	-	-	-	?	-	-	-	3
- постсрубная (ББК)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего:	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5
Северский Донец												
Диброва - срубная (БМСК)	5	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-
- постсрубная (ББК)	26	-	-	-	-	-	-	26	-	-	-	-
- бондарихинская	238	5	-	2	9	-	-	215	-	-	-	7
Всего:	269	5	-	2	9	-	-	246	-	-	-	7

Продолж. Табл. 3.10.

Лось	-	-	0,4	-	-	-	0,8	-	-	-	-	-
Сайга	-	-	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Волк	3,5	-	0,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ласка	-	-	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Выдра	-	-	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Бобр речной	-	-	0,4	-	3,3	-	-	-	-	-	-	-
	Журавлев, 2001	Журавлев, 2001	Журавлев, 2001	Журавлев, 2001	Журавлев, 2001	Журавлев, 2011	Ромашко, 1982					

Продолж. Табл. 3.12.

прото-ББ (вт. пол. XIII- нач. XII вв. до н.э.)															
Богуслав-1	6,0	7,2	25,0	3,6	1,2	9,6	2,4	2,4	2,4	2,4	2,4	1,2	1,2	1,2	1,2
Всего:		38,2				21,6						15,4			1,2
Ильичевка	0,8	1,9	46,7	8,8	0,8	12,6	0,4	12,6	5,0			—	—	0,8	0,4
Всего:		49,4				40,2						8,8			0,4
Песчанка	—	8,9	66,6	15,6	—	—	—	20,0	13,3			—	—	—	4,4
Всего:		75,5				48,9						22,2			4,4
Николаевка	—	+	+	+	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+
Всего:		37,9				32,8						5,1			?

Продолж. Табл. 3.13.

Богуслав-1	30,9	39,6	12,1	—	10,0	30,5	6,5	3,9	3,9	1,3	17,4	—	—	—	3,5	—	0,9	1,3	0,4	0,9	0,4	1,7	—						
Всего:	82,6		—		73,5																			7,4				1,7	—
Ильичевка	47,6	13,8	4,2	2,7	25,5	16,7	—	—	6,2	—	13,8	—	—	—	—	0,7	—	—	—	—	—	—	—	—					
Всего:	68,3		2,7		62,2																			4,1				2,0	—
Таранцево	+	+	+	—	+	+	—	+	+	—	—	—	—	—	+	+	—	—	+	—	—	+	—	—					
Всего:	48,0-50,0		—		30,0-35,0																			15,0-20,0				+	—
Лихачевка	29,4	20,7	13,8	—	10,4	25,9	1,7	—	12,1	—	13,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—					
Всего:	63,9		—		63,9																			—				—	—
Богуслав	55,6	5,0	1,2	—	32,1	13,6	—	—	—	—	8,7	—	—	—	—	2,6	—	1,2	—	1,2	1,2	1,2	—	—					
Всего:	61,8		—		54,4																			6,2				1,2	—
Ильичевка	45,0	1,1	4,5	—	29,0	10,6	—	—	—	—	6,4	—	—	—	—	—	—	2,6	—	0,8	0,4	0,8	—	—					
Всего:	50,6		—		46,0																			3,8				0,8	—
Песчанка	15,6	6,7	2,2	—	8,9	2,2	—	—	—	—	9,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—					
Всего:	24,5		—		20,1																			4,4				—	—
Николаевка	+	+	—	—	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	+	—	—	+	—	+	—					
Всего:	62,1		—		52,4																			9,7				—	—

БЫ (XII-XI вв. до н. э.)

прото-БВ (вл. пол. XIII - нач. XII вв. до н. э.)

Таблица 3.14.

Типы керамики богуславско-белозерской культуры

Группа посуды без выделенной шейки.				
Лесостепной вариант ББК			Степной вариант ББК	
ББ1	ББ2	ББ3	ББ1	ББ1
Отдел Б Подотдел I-Б Тип I-Б1				
1, 2, 4, 6	1, 2, 4, 5, 7	1	1, 2	3
Отдел Б Подотдел I-Б Тип I-Б2				
1, 4	2, 3, 5, 6	4		7
Отдел Б Подотдел II-Б Тип I-Б1				
1, 3-6	1-3, 5	2, 3, 5	2, 6	3-5

Продолж. Табл. 3.14.

Отдел Б Подотдел II-Б Тип II-Б2				
1, 2	2	2		
Отдел М Подотдел I-М Тип I-М1				
1-3	1, 3		4	4, 5
Отдел М Подотдел I-М Тип I-М2				
	1			
Отдел М Подотдел II-М Тип II-М1				
	1-4			
Отдел СТ Тип СТ1				
	1, 2			

Продолж. Табл. 3.14.

Отдел МС Подотдел I-М Тип I-МС1				
1, 2	1,3	2, 4, 5	5	1,6
Отдел МС Подотдел II-МС Тип II-МС1				
1			2	
Группа посуды с с намечающейся или ложной шейкой				
Отдел БВ Подотдел I-БВ Тип I-БВ1				
1, 4, 5	2, 3, 4, 6, 7		1, 2	6, 7

Продолж. Табл. 3.14.

Отдел БВ Подотдел II-БВ Тип II-БВ1				
1-4	1, 3, 4		1, 3, 5, 6	2, 3, 6
Группа посуды с выделенной шейкой.				
Отдел Г Подотдел I-Г Тип I-Г1				
1-5	1, 3, 6		1, 6	5, 6
Отдел Г Подотдел I-Г Тип I-Г2				
1, 4	1, 2, 4		3	1, 4

Продолж. Табл. 3.14.

Отдел Г Подотдел I-Г Тип I-Г3				
1, 2, 4, 6, 8, 13, 17	1-7, 9, 11, 15-17	1, 2, 6, 12, 14	1, 5, 7, 9, 14, 17	1, 6, 9, 13, 15, 17

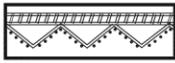
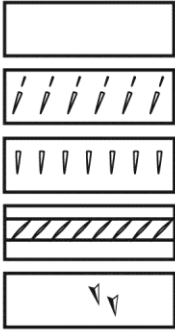
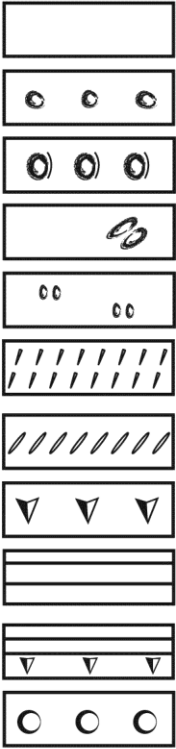
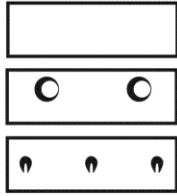
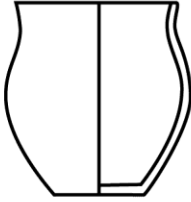
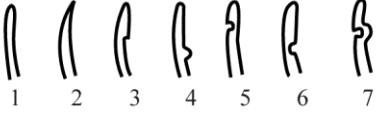
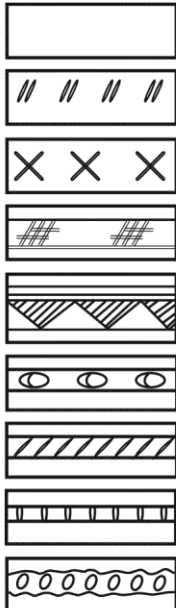
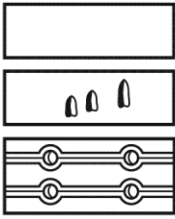
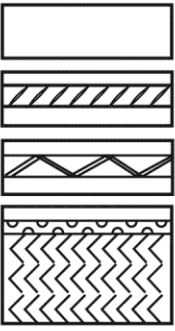
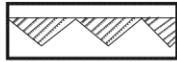
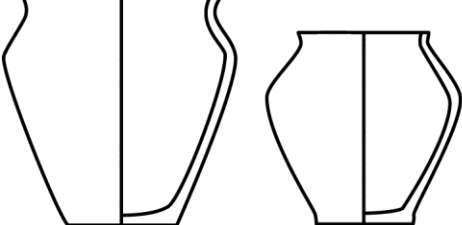
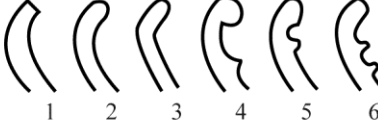
Продолж. Табл. 3.14.

<p>Отдел Г Подотдел I-Г Тип I-Г4</p>				
<p>1-3, 6</p>	<p>1, 3-5, 7-9</p>	<p>1, 7, 10</p>		

Продолж. Табл. 3.14.

<p>Отдел Г Подотдел I-Г Тип I-Г5</p>				
<p>1-2</p>	<p>1, 3-5, 7-9</p>	<p>1, 4</p>		<p>1, 6</p>
<p>Отдел Г Подотдел I-Г Тип I-Г6</p>				
	<p>1-4</p>	<p>1</p>	<p>1</p>	

Продолж. Табл. 3.14.

				
Отдел Г Подотдел I-Г Тип I-Г7				
	1-3	1, 4-6		7
				
				
Отдел Г Подотдел II-Г Тип II-Г1				
2, 4, 5	1, 3, 6		3, 5	
				
				

Продолж. Табл. 3.14.

Отдел Г Подотдел II-Г Тип I-Г2				
1	2			
Отдел Г Подотдел II-Г Тип II-Г3				
	1	2, 3		
Отдел Г Подотдел III-Г Тип III-Г1				
3	1, 2			
Отдел Г Подотдел III-Г Тип III-Г2				
5, 6	1, 3, 4		2	1, 2
Отдел Г Подотдел КР Тип КР1				
		1	1	1

Отдел КР Тип КР2				
		1, 2		
Отдел КР Тип КР3				
		1-3		4
Отдел К Тип К1				
1	2-4	1	1	1

Продолж. Табл. 3.14.

Отдел К Тип К2				
1	2	1, 3	2	4, 5
Отдел К Тип К3				
	3, 4	1, 2, 4		2-4
Отдел В				
1-3			4	
Отдел Ч				
1, 3	3	2	3	3
Отдел КП				
1, 3	3	2	3	3

ПРИЛОЖЕНИЕ Л
Список иллюстраций

Рис.1. Карта богуславско-белозерских поселений этапа прото-ББ. *I – поселения:* 1 – Васильевка-1; 5 – Александрополь; 6 – Бажаны-1; 7 – Бажаны-2; 8 – Бажаны-4; 9 – Богуслав-1; 10 – Богуслав-2; 12 – Васильевка; 15 – Знаменовка; 16 – Иваново-Яризовка; 23 – Левонтовка; 25 – Мало-Николаевка; 29 – Павлоград; 30 – Перещепино; 31 – Песчанка; 36 – Шолохово; 37 – Безыменное-2; 38 – Безыменное-1; 41 – Зливки; 42 – Ильичевка; 43 – Камышевская-5; 44 – Камышевская-8; 45 – Камышевская-14; 46 – Камышевская-16; 47 – Клиновое; 50 – Мариуполь (Ляпинская Балка); 51 – Николаевка; 52 – б. Юрина; 53 – б. Тарама; 54 – Новоазовск (Широкая Балка-2); 55 – Новоселовка-1 (г. Енакиево); 58 – Романовка; 59 – Рубежное (Донецкой обл.); 61 – Старая Ласпа; 63 – Стыла; 65 – Щурово; 66 – Усово озеро; 83 – Низы-2; 85 – Чикаловка; 87 – Белозорье (Пионерское); 91 – Липовское; 92 – Мошны; 99 – Артюховка-6; 100 – Безлюдовка-1; 101 – Безлюдовка; 105 – Добрянское; 107 – Клугино-Башкировка; 133 – Тополи; 112 – Мерефа; 114 – «Песочин-Мобиль»; 117 – Сомовка; 118 – Студенок-6; 126 – Голубовка-3; 127 – Чугуев-2; 128 – Шпаковка (Поляны-1); 134 – Лобойковка-1; 136 – Борькин ручей

Рис.2. Карта богуславско-белозерских поселений этапа ББ1. *I – поселения;* 2 – Верхняя Тарасовка; 3 – Белозерский лиман-1; 4 – Белозерский лиман-2; 6 – Бажаны-1; 7 – Бажаны-2; 8 – Бажаны-4; 9 – Богуслав-1; 10 – Богуслав-2; 17 – Капуловка-4; 18 – Капуловка-6; 26 – Озерное; 28 – Павловка-2; 32 – Петропавловка-2; 33 – Самарское-1; 35 – Хорошее-2; 36 – Шолохово; 37 – Безыменное-2; 38 – Безыменное-1; 39 – Брусовка-2; 41 – Зливки; 42 – Ильичевка; 43 – Камышевская-5; 44 – Камышевская-8; 45 – Камышевская-14; 46 – Камышевская-16; 48 – Крестище-1; 49 – Крестище-2; 56 – Новоселовка (Краснолиманский р-н); 59 – Рубежное (Донецкой обл.); 60 – Славянск; 62 – Старый Караван; 64 – Шевченко-1; 66 – Усово озеро; 67 – Ямполь; 68 – Диброва; 69 – Глубокое озеро-2; 71 – Хировка (Чернолесское городище); 72 – Озеро Клешни Второе-1; 73 – Озеро Клешни Второе-4; 74 – Черниково Озеро-2; 75 – Клешня-1; 76 – Темино; 78 – Биланы-1; 79 – Бельск-5; 80 – Лихачевка; 81 – Максимовка; 82 – Малая Рублевка-1; 86 – Ницаха; 92 – Мошны; 93 – Самовица-остров-1; 94 – Сахновка; 95 – Суботовское городище; 96 – Чапаевка-8; 97 – Червонохиженцы-2; 98 – Андреевка; 102 – Богодухов-1; 103 – Васищево; 108 – Коломак; 109 – Липцы-1; 111 – Любовка; 113 – Новодоновка-1; 115 – Рубежное-2 (Харьковской обл.); 116 – Снежковка-7; 118 – Студенок-6; 119 – Сухая Гомольша; 120 – Терноватая-1; 121 – Таранцево (Тымченки-2); 122 – Горбанщина (Тымченки-3); 123 – Хотомля-1; 124 – Циркуны; 129 – Ушкалка; 130 – Федоровка; 131 – Михайловка; 132 – Клешня-3; 134 – Шоссейное; 135 – Суботов (резиденция Б. Хмельницкого); 136 – Борькин ручей; 137 – Мерефа-4; 138 – Морозовское (ст. Ароматная); 139 – Заозерное-1

Рис.3. Карта богуславско-белозерских поселений этапа ББ2. *I – поселения:* 11 – Бузовка; 13 – Гупаловка; 14 – Довбний остров-3 (Гупаловка-5); 19 – Котовка-1; 20 – Котовка-16; 21 – Кохановка; 22 – Краснополье; 24 – Лоцманская Каменка; 27 – Осиповка; 34 – Старая Игрень; 40 – Дроновка; 57 – Рай-Стародубовка; 70 – Глубокое озеро-1; 77 – Орехово-Донецкое-4; 84 – Хитцы; 86 – Ницаха; 88 – Волковка; 89 – Леськи-3а; 90 – Леськи-3б; 93 – Самовица-остров-1; 104 – Давыдово-Никольское; 106 – Залинейное; 110 – Луговое; 125 – Веселое-1; 136 – Борькин ручей

Рис.4. Карта домовых ландшафтов и ландшафтов домовых форм богуславско-белозерской культуры этапа прото-ББ. *I – постройки типа I:* 42 – Богуслав-1, ж. № 2; 43 – Богуслав-1, х/п № 4; 44 – Ильичевка, ж. № 6а; 45 – Ильичевка, ж. № 8; 46 – Ильичевка, ж. № 9; 47 – Ильичевка, ж. № 10; 48 – Ильичевка, ж. № 11; 49 – Ильичевка, х/п № 1а; 50 – «Песочин-Мобиль», ж. № 6; 51 – «Песочин-Мобиль», ж. № 7-7А; 58 – Николаевка, х/п № 3; 80 – Чикаловка, ж. № 1; 81 – Чикаловка, ж. № 2; 82 – Чикаловка, ж. № 3; 83 – Чикаловка, ж. № 5; *II – постройки типа 2:* 52 – Усово озеро, ж. № 14; *III – постройки типа 3:* 53 – Усово озеро, ж. № 12; *IV – постройки типа 4:* 54 – Студенок-6, ж. № 1; 55 – Ильичевка, х/п № 2; 56 – Усово озеро, ж. № 8; 84 – Чикаловка, ж. № 4; *V – постройки типа 5:* 57 – Ильичевка, ж. № 7; 60 – Песчанка, ж. № 1; *VI – постройки типа 6:* 61 – Николаевка, ж. № 5; 62 – Николаевка, х/п № 4; 63 – Безыменное-2, пом. № 7Б; 64 –

Безыменное-2, пом. № 10; 65 – Безыменное-2, пом. № 15; 66 – Безыменное-2, пом. № 16; 67 – Старая Ласпа, ж. № 2; 59 – Старая Ласпа, х/п; 68 – Стыла, ж. № 1; VII – *постройки типа 7*: 69 – Клиновое, ж. № 1; 70 – Старая Ласпа, ж. № 1; VIII – *постройки типа 8*: 71 – Безыменное-2, пом. № 11–12; 72 – Безыменное-2, пом. № 13–13а–14; 73 – Николаевка, ж. № 1; 74 – Николаевка, ж. № 3–4

Рис.5. Карта домовых ландшафтов и ландшафтов домовых форм богуславско-белозерской культуры этапа ББ1. I – *постройки типа 1*: 12 – Богуслав-1, ж. № 1; 13 – Богуслав-1, ж. № 3; 14 – Богуслав-1, ж. № 5; 15 – Шоссейное, ж. № 2; 16 – Шоссейное, ж. № 3; 17 – Шоссейное, ж. № 4; 18 – Шоссейное, ж. № 6; 19 – Шоссейное, ж. № 7; 29 – Белозерский лиман, ж. № 1; 30 – Камышеватое-8, ж. № 1; II – *постройки типа 2*: 20 – Богуслав-1, ж. № 7; III – *постройки типа 3*: 21 – Таранцево, ж. № 2; 22 – Таранцево, ж. № 3; 23 – Таранцево, ж. № 5; 24 – Шоссейное, ж. № 5; 25 – Шоссейное, ж. № 8; IV – *постройки типа 4*: 76 – Богуслав-1, ж. № 6; 77 – Любовка, ж. № 1; V – *постройки типа 5*: 26 – Ильичевка, ж. № 12; 27 – Ильичевка, ж. № 13; 28 – Диброва, ж. № 1; VI – *постройки типа 6*: 31 – Безыменное-2, пом. № 3; 32 – Безыменное-2, пом. № 6; 33 – Безыменное-2, пом. № 22; 34 – Безыменное-2, пом. № 27; VII – *постройки типа 7*: 35 – Безыменное-2, пом. № 17; 36 – Безыменное-2, пом. № 23–23а; VIII – *постройки типа 8*: 37 – Безыменное-2, пом. № 1–8а–8б; 38 – Безыменное-2, пом. № 2; 39 – Безыменное-2, пом. № 19–20–21; 40 – Безыменное-2, пом. № 24–24а–26; 75 – Безыменное-2, пом. № 25; 41 – Безыменное-2, пом. № 29

Рис.6. Карта домовых ландшафтов и ландшафтов домовых форм богуславско-белозерской культуры этапа ББ2. I – *постройки типа 1*: 1 – Осиповка, ж. № 2; 2 – Лоцманская Каменка, ж. № 1; 3 – Старая Игрень, ж. № 1; II – *постройки типа 2*: 4 – Орехово-Донецкое-4, пом. № 2; 78 – Орехово-Донецкое-4, пом. № 3; III – *постройки типа 3*: 11 – Бузовка, ж. № 1; 79 – Орехово-Донецкое-4, пом. № 5; V – *постройки типа 5*: 5 – Орехово-Донецкое-4, пом. № 1; 6 – Орехово-Донецкое-4, пом. № 4; 7 – Волковка, ж. № 1; 8 – Волковка, ж. № 2; 9 – Волковка, ж. № 3; 10 – Дроновка, ж. № 9

Рис.7. Карта святилищ и жертвенников срубной и богуславско-белозерской культур: I – *святилища типа 1*; II – *святилища типа 2*; III – *святилища типа 3*; IV – *святилища типа 4*; V – *жертвенники типа 1*; VI – *жертвенники типа 2*; VII – *жертвенники типа 3*; VIII – *жертвенники типа 4*. *Святилища*: 1, 3 – Богуслав-1; 2 – Усово озеро; 4 – Безыменное-2; 5 – Капитаново-1. *Жертвенники*: 6, 7, 9–11 – Ильичевка; 8 – Капитаново-1; 12, 16, 17 – Усово озеро; 13, 14 – Богуслав-1; 18–20 – Безыменное-2

Рис.8. Карта погребальных памятников богуславско-белозерской культуры: I – *подкурганые могильники с погребениями, совершенными по обряду ингумации*; II – *грунтовые могильники с погребениями, совершенными по обряду ингумации*; III – *грунтовые могильники с трупосожжениями*; IV – *подкурганые погребения, совершенные по обряду ингумации*; V – *грунтовые погребения, совершенные по обряду ингумации*; VI – *грунтовые погребения с преднамеренным помещением в могилу отдельных частей скелета*. 1 – Верхняя Маевка: п. № 9, к. 4, гр. 18; 2 – Николаевка: п. № 18, к. 1; п. № 4, к. 3; 3 – Осиповка: п. № 32; п. № 51; 4 – Троицкое: п. № 5, к. 13, гр. 1; 5 – Чернетчина: п. № 8, к. 2; 6 – Безыменное-2: Южное святилище; 7 – Зливки; 8 – Клиновое; 9 – Кременевка: п. № 10, к. 2; 10 – Рай-Стародубовка: п. № 1; 11 – Акманай: п. № 9, к. 4; 12 – Днепрострой (участок А): к. 35; 13 – Кичкас: п. Д, к. 9; 14 – Лукьяновка; 15 – Солонцы (г. Комсомольск): п. № 2, к. 7, гр. 4; 16 – Залинейное; 17 – Червоный Шлях: п. № 1, 18 – Шоссейное, уровень пола ж. № 5

Рис.9. Карта распространения лесов в I тыс. н. э. в границах современной Украины [Генсерук, Шевченко, Бондарь и др., 1981]

Рис.10. Пример рядовой планировки богуславско-белозерского поселка. Усово озеро (1–7, 9, 13 – жилища срубной культуры; 10, 12, 14 – жилища богуславско-белозерской культуры): а – *площадь раскопов и траншей*; б – *водоем*; в – *погребения*; г – *зольник*; д – *лес*; е – *кустарник*; ж – *пойма*; з – *срубные и богуславско-белозерские жилища*; и – *бондарихинские жилища*; к – *хозяйственные постройки*; л – *культовые места* [Березанская, 1990]

Рис.11. Пример уличной планировки богуславско-белозерского поселка. Богуслав-1 (8 – жилище срубной культуры; 1–7, 9, 10 – жилища богуславско-белозерской культуры): а – *площадь раскопов и шурфов*; б – *жилища и хозяйственные постройки*; в – *площадь всрытая при раскопках курганов*; г – *трансформаторная будка и ее ограда*; д – *фундамент овчарни*; е – *застроенная*

площадь; ж – озеро; з – заболоченные участки поймы; и – грунтовые дороги; к – местоположение нераскопанных жилищ; л – ЛЭП; м – лесопосадка

Рис.12. Пример круговой планировки богуславско-белозерского поселка. Ильичевка (I–XII – жилища; № 1, 1а, 2 – хозяйственные постройки): а – абашевско-многоваликовый горизонт; б – раннесрубный горизонт; в – I сабашиновский горизонт; г – II сабашиновский горизонт; д – финальный срубный горизонт; е – участок с бондарихинскими материалами [Шаповалов, 1976; 1983/№ 620]

Рис.13. Пример круговой планировки богуславско-белозерского поселка. Залинейное: а – погребения; б – определяемое по скоплениям культурных остатков местоположение жилищ [Ромашко, 1995б]

Рис.14. Постройки типа 1. Жилище № 3 поселения Богуслав-1

Рис.15. Постройки типа 2. Жилище № 7 поселения Богуслав-1

Рис.16. Постройки типа 3. Жилище № 2 поселения Таранцево [Берестнев, 1994]

Рис.17. Постройки типа 4. Жилище № 6 поселения Богуслав-1

Рис.18. Постройки типа 4. Жилище № 12 поселения Ильичевка [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.19. Постройки типа 5. Жилище № 7 поселения Ильичевка [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.20. Постройки типов 6–8. План центральной части поселения Безыменное-2 с реконструкциями стен жилищ: а – площадь раскопа; б – котлованы с облицованными камнем стенами; в – котлованы без облицовки стен; г – лесопосадка [Горбов, 1997]

Рис.21. Реконструкция построек домовой формы I: 1 – постройки типа 1 (по метрическим характеристикам ж. № 3 поселения Богуслав-1); 2 – постройки типа 2 (по метрическим характеристикам ж. № 7 поселения Богуслав-1)

Рис.22. Реконструкция построек домовой формы I: 1 – постройки типа 3 (по метрическим характеристикам ж. № 2 поселения Таранцево); 2 – постройки первой разновидности типа 4 (по метрическим характеристикам ж. № 6 поселения Богуслав-1)

Рис.23. Реконструкция построек домовой формы I: 1 – постройки второй разновидности типа 4 (по метрическим характеристикам ж. № 1 поселения Любовка-1)

Рис.24. Реконструкция построек домовой формы I: 1 – постройки третьей разновидности типа 4 (по метрическим характеристикам ж. № 12 поселения Ильичевка); 2 – постройки типа 5 (по метрическим характеристикам ж. № 7 поселения Ильичевка)

Рис.25. Реконструкция построек домовой формы II: 1 – постройки типа 6 (по метрическим характеристикам пом. № 27 поселения Безыменное-2); 2 – постройки типа 7 (по метрическим характеристикам пом. № 2 поселения Безыменное-2)

Рис.26. Реконструкция построек домовой формы II: 1 – постройки типа 8 (по метрическим характеристикам пом. № 19–20–21 поселения Безыменное-2)

Рис.27. Керамика этапа прото-ББ (банки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 2 (ж. № 2), 4, 5 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт), 3 (культурный слой); Поляны-1: 6–8 (зольник) [Радзіевська, Шрамко Б.А., 1980]; Чикаловка: 9 (ж. № 5) [Куштан, 2006]; Ильичевка: 10–25 (ж. № 6а), 26–28 (х/п № 1а), 29–34 (ж. № 7) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.28. Керамика этапа прото-ББ (банки, банковидные сосуды). Лесостепной вариант. Ильичевка: 1–17 (ж. № 8), 18–23 (ж. № 9), 24–32 (ж. № 10) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.29. Керамика этапа прото-ББ (банки, банковидные сосуды). Лесостепной вариант. Ильичевка: 1–18 (ж. № 7), 19–29 (х/п № 2) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.30. Керамика этапа прото-ББ (банковидные сосуды). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 2 (ж. № 9), 3, 5 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт), 4 (ж. № 2); Поляны-1: 6 (зольник) [Радзіевська, Шрамко Б.А., 1980]; Чикаловка: 7 (ж. № 2), 8 (ж. № 3), 9 (ж. № 5), 20 (культурный слой) [Куштан, 2006]; Голубовка: 10 [Берестнев, 1979]; Ильичевка: 11–19 (ж. № 6а), 23–27 (ж. № 7) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Усово озеро: 21, 22 (ж. № 12) [Березанская, 1990]

Рис.31. Керамика этапа прото-ББ (банки, банковидные сосуды, горшки). Лесостепной вариант. Ильичевка: 1, 17, 19–21 (ж. № 8), 22, 23 (ж. № 9), 2–10, 24–26 (ж. № 10), 11–16, 18, 27, 28 (ж. № 11) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.32. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1–5 (ж. № 2), 6 (ж. № 9); Чикаловка: 8 (ж. № 2), 9 (ж. № 4), 10 (культурный слой) [Куштан, 2006]; Усово озеро: 11,

12 (ж. № 12) [Березанская, 1990]; Голубовка: 13, 14 [Берестнев, 1979]; Ильичевка: 15–17 (ж. № 6а), 18–21 (х/п № 1а), 22–27 (ж. № 7), 28 (х/п № 2) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Поляны-1: 7, 29 (зольник) [Радзієвська, Шрамко, 1980]

Рис.33. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 8 (ж. № 2), 2–6, 24 (святилище № 1, нижний стратиграфический горизонт), 7 (культурный слой); Чикаловка: 9–13 (ж. № 2), 14, 15 (ж. № 4), 16 (ж. № 5) [Куштан, 2006]; Ильичевка: 17–21(ж. № 6а), 22, 23 (х/п № 1а) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.34. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Лесостепной вариант. Павлоград: 1–6 (культурный слой); Богуслав-1: 7, 8 (ж. № 2); Поляны-1: 9 (зольник) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980]; Чикаловка: 10 (ж. № 3), 11, 12 (ж. № 4), 13 (культурный слой) [Куштан, 2006]; Ильичевка: 14–17 (ж. № 6а), 18 (х/п № 2), 19 (ж. № 8), 20 (ж. № 11) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.35. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Лесостепной вариант. Ильичевка: 1–5, 16–19 (ж. № 7), 6 (х/п № 2); 7–11, 20 (ж. № 8); 12–14 (ж. № 6а); 15 (х/п № 1а), 21 (ж. № 9), 22, 23 (ж. № 11) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.36. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Лесостепной вариант. Павлоград: 1–6 (культурный слой) [Ромашко, 1995а]; Богуслав-1: 7 (ж. № 2), 8–11 (святилище № 1, нижний стратиграфический горизонт); Червонохиженцы-2: 12 [Куштан, 2002]; Поляны-1: 13 (зольник) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980]; Чикаловка: 14 (ж. № 2), 15 (ж. № 3); 16 (ж. № 5); 17 (культурный слой) [Куштан, 2006]; Низы-2: 18, 19 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]

Рис.37. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1–3 (ж. № 2), 4 (культурный слой), 5 (святилище №1, нижний стратиграфический горизонт); Поляны-1: 6 (зольник) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980]; Чикаловка: 28 (ж. № 2), 7 (ж. № 5), 8 (культурный слой) [Куштан, 2006]; Усово озеро: 9 (ж. № 10), 10 (ж. № 12) [Березанская, 1990]; Низы-2: 11, 12 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]; Голубовка: 13, 14 [Берестнев, 1979]; Ильичевка: 15–16 (ж. № 6а), 17–20 (х/п № 1а), 21–25 (ж. № 7), 26, 27 [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.38. Керамика этапа прото-ББ (горшки, острорезервные сосуды, кубки на поддоне). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 11 (святилище № 1, нижний стратиграфический горизонт), 14, 15, 17 (ж. № 2); Ильичевка: 1, 2 (х/п № 2), 21 (ж. № 6а), 22 (ж. № 7), 3, 19 (ж. № 8), 4–9, 23 (ж. № 10), 10 (ж. № 11) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Чикаловка: 12 (ж. № 4), 18 [Куштан, 2006]; Низы-2: 13 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]; Усово озеро: 16 (ж. № 8) [Березанская, 1990]; Поляны-1: 20 (зольник) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980]

Рис.39. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 2 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт), 3 (ж. № 2); Червонохиженцы-2: 4 [Куштан, 2002]; Чикаловка: 5 (ж. № 5) [Куштан, 2006]; Усово озеро: 6 (ж. № 8) [Березанская, 1990]; Голубовка: 7 [Берестнев, 1979]; Ильичевка: 8–10 (ж. № 6а), 11 (х/п № 1а), 12, 13 (ж. № 7), 14 (х/п № 2), 15 (ж. № 10) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.40. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Лесостепной вариант. Лобойковка-1: 1–11; «Песочин-Мобиль»: 12–24 [Шрамко І.Б., Корохіна, 2007]

Рис.41. Керамика этапа прото-ББ (сосуды, украшенные многоваликовыми композициями). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1–3 (ж. № 2), 4 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Червонохиженцы-2: 5, 6 [Куштан, 2002]; Чикаловка: 7–11 (ж. № 2), 12 (ж. № 3), 13 (ж. № 4), 14 (ж. № 5) [Куштан, 2006]; Ильичевка: 15 (х/п № 1а), 16 (ж. № 7), 17, 18 (х/п № 2), 19 (ж. № 8) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.42. Керамика этапа прото-ББ (горшки, миски, миски-сковороды). Лесостепной вариант. Чикаловка: 14 (ж. № 2), 7 (ж. № 3), 1, 15 (ж. № 4), 23 (ж. № 5) [Куштан, 2006]; Голубовка: 2 [Берестнев, 1979]; Ильичевка: 3, 8, 16, 18 (ж. № 6а), 4, 5, 9, 19, 20, 24 (ж. № 7), 6 (ж. № 8), 16 (ж. № 9), 11 (ж. № 11) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Усово озеро: 10 (ж. № 12) [Березанская, 1990]; Богуслав-1: 12 (ж. № 2); Поляны-1: 13, 22 (зольник) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980]; Низы-2: 17 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]; Павлоград: 21 (культурный слой) [Ромашко, 1995а]

Рис.43. Керамика этапа прото-ББ (кубки, черпаки, вазы). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1–3 (ж. № 2), 4 (ж. № 9), 5 (культурный слой); Чикаловка: 6 (ж. № 2), 7, 8 (ж. № 3), 23, 24 (ж. № 5) [Куштан, 2006]; Низы-2: 9, 10 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]; Ильичевка: 11, 12 (ж. № 6а), 13–16

(ж. № 7), 18 (ж. № 9), 17, 19 (культурный слой рядом с ж. № 9), 20–22 (ж. № 11) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.44. Изделия из глины (1–5, 7–24, 25, 27), мела (6) и кости (26, 28–41) этапа прото-ББ. Лесостепной вариант. Ильичевка: 1, 3, 6–12, 16–24, 30–35, 37, 40 [Шаповалов, 1983/№ 620]; Чикаловка: 2, 4, 5, 13, 14, 26, 27, 38, 39 [Шарафутдінова І.М., 1964; 1982]; «Песочин-Мобиль»: 15, 25 [Шрамко І.Б., Корохіна, 2007]; Богуслав-1: 29, 36 (ж. № 2); Усово озеро: 28, 41 [Березанская, 1982]

Рис.45. Изделия из кости и рога (1–31) этапа прото-ББ. Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1–3, 9, 29–31 (ж. № 2); Ильичевка: 4–8, 10–28 [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.46. Изделия из кости (1–18) этапа прото-ББ. Лесостепной вариант. Ильичевка: 1–6, 11, 14, 15 [Шаповалов, 1983/№ 620]; Чикаловка: 7 [Шарафутдінова І.М., 1964; 1982]; Богуслав-1: 8–10, 12, 17, 18 (ж. № 2); Поляны-1: 13 (зольник) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980]; Усово озеро: 16 [Березанская, 1990]

Рис.47. Изделия из кости и рога (1–33) этапа прото-ББ. Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1 (ж. № 2); Ильичевка: 2–13, 21–23, 25, 27–30, 32 [Шаповалов, 1983/№ 620]; Поляны-1: 26 (зольник) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980]; Чикаловка: 14, 15 [Шарафутдінова І.М., 1964]; Усово озеро: 24, 33 (ж. № 8) [Березанская, 1982]; Студенок-6: 16–20, 31 [Буйнов, 1994]

Рис.48. Изделия из кости, рога (1–9) и камня (10–17) этапа прото-ББ. Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 8, 13; Поляны-1: 2 [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980]; Чикаловка: 3, 11, 15 [Шарафутдінова І.М., 1964; 1982]; Ильичевка: 4–7, 9, 14 [Шаповалов, 1983/№ 620]; Биланы-1: 16 [Супруненко, Шерстюк, 2007]; Червонохиженцы-2: 12 [Куштан, 2002]; Белозорье: 10 [Куштан, 1999]

Рис.49. Изделия из камня (1–19) этапа прото-ББ. Лесостепной вариант. Ильичевка: 1, 3–7, 9, 10, 19 [Шаповалов, 1983/№ 620]; Белозорье: 13 [Куштан, 1999]; Чикаловка: 15–18 [Шарафутдінова І.М., 1964]; Богуслав-1: 2, 11, 12, 14 (ж. № 2); Богуслав-2: 8

Рис.50. Изделия из камня (6–8), кремня (1–5), бронзы (9–20) этапа прото-ББ. Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1–5, 10 (ж. № 2); Белозорье: 6 [Куштан, 1999]; Ильичевка: 7 [Во́чкаrev, Leskov, 1980], 11, 13, 16–20 [Шаповалов, 1983/№ 620]; Чикаловка: 8, 9, 14, 15 [Шарафутдінова І.М., 1964]; Поляны-1: 12 (зольник) [Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980]

Рис.51. Материалы поселения заключительного этапа позднего бронзового века Зелена Горница-4: 1–37 [Телиженко, Супрун, 2004]

Рис.52. Керамика этапа прото-ББ (банки, банковидные сосуды, горшки). Степной вариант. Песчанка: 1–6, 13–16 [Тесленко, Ромашко, Феценко и др., 2007/100]; Клиновое: 7, 8 [Татаринов, 1993]; Николаевка: 9, 10, 17–20, 22–24 [Привалова, Привалов, 1987]; Безыменное-2: 11, 12, 21, 25 (яма № 3 из пристройки пом. № 5) [Горбов, Мимоход, 1999]

Рис.53. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Степной вариант. Песчанка: 1–5, 7, 8, 14, 16–18 [Тесленко, Ромашко, Феценко и др., 2007/100]; Николаевка: 6, 9–13, 21–23, 25, 26 [Привалова, Привалов, 1987]; Клиновое: 19, 20, 24 [Татаринов, 1993]; Широкая Балка-2: 15 [Горбов, 1993]

Рис.54. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Степной вариант. Песчанка: 1, 2, 10, 15, 20 [Тесленко, Ромашко, Феценко и др., 2007/100]; Николаевка: 3–5, 11, 12, 16–18, 21 [Привалова, Привалов, 1987]; Безыменное-2: 6–8 (пом. № 7б), 14 (яма 3 из пристройки пом. № 5), 19 [Горбов, 1995; Горбов, Мимоход, 1999]; Старая Ласпа: 9, 13 [Привалова, 2000]; Ушкалка: 22 (нижний стратиграфический горизонт по И.Н. Шарафутдиновой) [Шарафутдінова І.Н., 1982]

Рис.55. Керамика этапа прото-ББ (горшки). Степной вариант. Николаевка: 1–6 [Привалова, Привалов, 1987]; Безыменное-2: 7 [Горбов, 1995]

Рис.56. Керамика этапа прото-ББ (кубки, черпаки, вазы, корчаги, кубки на поддоне, острореберные горшки, миски-сковороды). Степной вариант. Песчанка: 1, 2, 18, 19 [Тесленко, Ромашко, Феценко и др., 2007/100]; Николаевка: 3–9, 14–17, 20 [Привалова, Привалов, 1987]; Ушкалка: 10, 11 (нижний стратиграфический горизонт по И.Н. Шарафутдиновой) [Шарафутдінова І.Н., 1982]; Безыменное-2: 12 [Горбов, 1996], 21 [Горбов, 1995]; Широкая Балка-2: 13 [Горбов, 1996]

Рис.57. Изделия из глины (1), кости (6–21), камня (2–5) и бронзы (22) этапа прото-ББ. Степной вариант. Николаевка: 1, 2, 10, 11, 20 [Привалова, Привалов, 1987; Список памятников археологии Украины. Донецкая область, 1988]; Широкая Балка-2: 14, 15 [Горбов, Мимоход, 1999];

Шолохово: 19 [Ромашко, 2002]; Песчанка: 4, 6 (ж. № 1) [Тесленко, Ромашко, Фещенко, 2007/100]; Старая Ласпа: 3, 5, 7–9, 12, 13, 16–18, 21, 22 [Привалова, 2000; Усачук, 2000]

Рис.58. Керамика этапа ББ1 (банки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 2, 13, 14 (ж. № 1), 3, 4, 15–17 (ж. № 3), 5, 6 (ж. № 7), 7 (ж. № 10), 8–12 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Лихачевка: 18–29 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Червонохиженцы-2: 30 [Куштан, 2002]

Рис.59. Керамика этапа ББ1 (банки). Лесостепной вариант. Таранцево: 3 (ж. № 2), 1, 2, 4–6 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Васищево: 7–9 [Кривцова-Гракова, 1955]; Горбанщина: 10 (верхний стратиграфический горизонт); Студенок-6: 11–17; Новоодоновка: 18–20; Тополи: 21; Липцы: 22; Снежковка-7: 23–26 [Берестнев, 2001]

Рис.60. Керамика этапа ББ1 (банки, банковидные сосуды). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1 (ж. № 1); Таранцево: 2 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Ильичевка: 3–8 (ж. № 13), 9–29 (верхний стратиграфический горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.61. Керамика этапа ББ1 (банки, банковидные сосуды). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 6, 7, 9–12 (ж. № 1), 13 (ж. № 3), 8 (ж. № 5), 1–3 (ж. № 7), 4, 5 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Лихачевка: 14–17 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Васищево: 18 [Кривцова-Гракова, 1955]; Горбанщина: 19–21 (верхний стратиграфический горизонт); Липцы: 22 [Берестнев, 2001]; Ильичевка: 23–25 (ж. № 12), 26–33 (ж. № 13) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.62. Керамика этапа ББ1 (банки, банковидные сосуды, горшки). Лесостепной вариант. Любовка-1: 1 (ж. № 1) [Берестнев, 2001]; Ильичевка: 2–7, 21–27 (финальный срубный горизонт), 17 (бондарихинский горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Клешня-3: 8–10 [Теліженко, Черних С.О., 2006]; Богуслав-1: 18, 19 (ж. № 1), 11, 20 (ж. № 3), 12–15 (ж. № 7), 16 (подъемный материал)

Рис.63. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 2, 25–28, (ж. № 1), 3–7, 29 (ж. № 3), 8, 9, 30 (ж. № 5), 10, 11 (ж. № 6), 12, 13 (ж. № 7), 14, 15 (ж. № 10); 17–24, 31 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Богуслав-2: 16 (культурный слой)

Рис.64. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Лихачевка: 1–3 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Таранцево: 4–9 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Горбанщина: 10 (верхний стратиграфический горизонт); Студенок-6: 11–15; Новоодоновка: 16; Тополи: 17, 18; Снежковка-7: 19–21; Любовка-1: 22 (ж. № 1) [Берестнев, 2001]; Ильичевка: 23, 24 (ж. № 12); 25–29 (ж. № 13), 30–33 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.65. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 5, 8, 9 (ж. № 1), 1, 2 (ж. № 5), 3, 4 (ж. № 7), 10 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт), 6, 7 (культурный слой); Лихачевка: 11, 12 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Червонохижницы-2: 13–15 [Куштан, 2002]; Таранцево: 16–20, 29, 30 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Ницаха: 21 [Ковпаненко, 1967]; Васищево: 22 [Кривцова-Гракова, 1955]; Суботовское городище: 23–28 [Тереножкин, 1961]

Рис.66. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Горбанщина: 1–4 (верхний стратиграфический горизонт); Студенок-6: 5–7; Новоодоновка: 8, 9; Липцы: 10, 11; Любовка-1: 13, 14; Снежковка-7: 17 [Берестнев, 2001]; Биланы-1: 12 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]; Глубокое озеро-2: 15, 16 [Гершкович, 1998]; Ильичевка: 18, 19 (ж. № 12), 20–24 (ж. № 13), 25–30 (финальный срубный горизонт), 31–33 (бондарихинский горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.67. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Клешня-3: 1–8, 23, 24 [Теліженко, Черних С.О., 2006]; Богуслав-1: 9 (ж. № 7), 10 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Лихачевка: 11, 25 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Суботовское городище: 12 [Тереножкин, 1961]; Студенок-6: 13–15; Липцы: 16, 17 [Берестнев, 2001]; Биланы-1: 18–20 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]; Ильичевка: 21, 22 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.68. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 9, 10 (ж. № 3), 8 (ж. № 5), 1 (ж. № 6), 3–5, 25 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт), 2, 6, 7 (культурный слой); Лихачевка: 11–13 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Чикаловка: 14 (культурный слой) [Куштан, 2006]; Ильичевка: 15, 16 (ж. № 13), 19–24 (финальный срубный горизонт), 17 (бондарихинский горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Клешня-3: 18 [Теліженко, Черних С.О., 2006]

Рис.69. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 2 (ж. № 1), 3–5, 23 (ж. № 3), 6 (ж. № 5), 7–9 (ж. № 6), 10–12 (ж. № 7), 13 (ж. № 10), 15–21 (святилище № 1 верхний стратиграфический горизонт), 14, 22 (культурный слой); Лихачевка: 24–27 [Горбов, Литвиненко, 1998]

Рис.70. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Червонохижницы-2: 1, 2 [Куштан, 2002]; Таранцево: 6 (ж. № 2), 3–5, 7, 8 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Горбанщина: 9–12 (верхний стратиграфический горизонт); Студенок-6: 13, 14; Новодоновка: 15; Тополи: 16; Липцы: 17; Снежковка-7: 18; Любовка-1: 20 [Берестнев, 2001]; Биланы-1: 19 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]; Диброва: 21 (ж. № 1); Глубокое озеро-2: 22 [Гершкович, 1998]; Ильичевка: 23–27 (ж. № 12), 28 (ж. № 13); 29–31 (финальный срубный горизонт), 32 (бондарихинский горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.71. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1 (ж. № 1), 2–4, 10 (ж. № 3), 5 (ж. № 5), 6, 7 (ж. № 6), 8, 9 (ж. № 7), Лихачевка: 11, 12 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Любовка-1: 18 (ж. № 1) [Берестнев, 2001]; Ильичевка: 14 (ж. № 13), 15 (финальный срубный горизонт), 16 (бондарихинский горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Клешня-3: 17 [Телиженко, Черних С.О., 2006]; Чикаловка: 13 [Куштан, 2006]

Рис.72. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1–3 (ж. № 1), 6 (ж. № 3), 4 (ж. № 5), 5 (культурный слой); Лихачевка: 7 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Таранцево: 8, 9 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Чикаловка: 10 (культурный слой) [Куштан, 2006]; Ницаха: 11 [Ковпаненко, 1967]; Васищево: 12 [Кривцова-Гракова, 1955]; Суботовское городище: 13 [Тереножкин, 1961]; Биланы-1: 14 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]; Любовка-1: 15 [Берестнев, 2001]; Диброва: 16 (ж. № 1) [Гершкович, 1998]; Ильичевка: 17–20 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.73. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 2 (ж. № 1), 3–6, 17, 18 (ж. № 3), 7–9 (ж. № 5), 10, 11 (ж. № 6); 12 (ж. № 7). 13, 14 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт), 15, 16 (культурный слой); Богуслав-2: 19 (сборы); Лихачевка: 20 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Червонохиженцы-2: 21, 22 [Куштан, 2002]; Васищево: 23–26 [Кривцова-Гракова, 1955]; Горбанщина: 27, 28 (верхний стратиграфический горизонт); Студенок-6: 29, 30; Новодоновка: 31; Любовка-1: 33 (ж. № 1) [Берестнев, 2001]; Биланы-1: 32 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]; Ильичевка: 34, 35 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.74. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Черниково озеро-2: 1–13, 15; Клешня-1: 14, 16–29 [Супрун, 1999]

Рис.75. Керамика этапа ББ1 (банки, горшки, цедилки). Лесостепной вариант. Темино: 1–9 [Супрун, Черных Е.А., Прынь, 2000]; Клешня-1: 10–16 [Телиженко, Манько, Ковалева В.А., 1999]

Рис.76. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Шоссейное: 1–16 (ж. № 4) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984]

Рис.77. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Шоссейное: 1–16 (ж. № 5); 17–25 (ж. № 6) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984]

Рис.78. Керамика этапа ББ1 (банки, горшки). Лесостепной вариант. Шоссейное: 1–4, 6–8, 10 (ж. № 7), 9, 11, 16–27 (ж. № 8) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984]. Керамика малобудковского типа. Шоссейное: 12–15 (хозяйственная яма в ж. № 7) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984]

Рис.79. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1–3 (ж. № 1), 4, 5, 9 (ж. № 3), 6, 7 (ж. № 6), 8 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Лихачевка: 11–16, 30 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Таранцево: 17, 19, 20 (ж. № 2), 10 (ж. № 5), 18, 21 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Чикаловка: 23 [Куштан, 2006]; Васищево: 24 [Кривцова-Гракова, 1955]; Новодоновка: 22, 25; Любовка-1: 26, 27 (ж. № 1) [Берестнев, 2001]; Ильичевка: 28 (финальный срубный горизонт); 29 (бондарихинский горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.80. Керамика этапа ББ1 (горшки). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 2 (ж. № 1), 3 (ж. № 6); Богуслав-2: 4 (сборы); Лихачевка: 5–9 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Таранцево: 12 (ж. № 2), 10, 11 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Биланы-1: 13 [Супруненко, Шерстюк, 2006а]

Рис.81. Керамика этапа ББ1 (горшки, корчаги). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 2, 4, 5 (ж. № 1), 10 (ж. № 3), 6, 19 (ж. № 5), 3 (ж. № 7), 7 (ж. № 8, обломок попал в котлован из ж. № 7), 9 (святилище № 1, нижний стратиграфический горизонт), 20 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Богуслав-2: 8; Лихачевка: 11, 17 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Горбанщина: 12 (верхний стратиграфический горизонт); Новодоновка: 18 [Берестнев, 2001]; Биланы-1: 13, 14 [Супруненко, Шерстюк, 2006а; 2007]; Ильичевка: 15, 21 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Клешня-3: 16 [Теліженко, Черних С.О., 2006]

Рис.82. Керамика этапа ББ1 (сосуды, украшенные многоваликовыми композициями, кубки на поддоне, остросереберные сосуды). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1–3, 6 (ж. № 1), 4, 5, 12, 14, 15 (ж. № 3), 7–10 (ж. № 5), 16–19 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Ильичевка: 22, 23 (ж. № 12), 11, 13 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Лихачевка: 20 [Горбов, Литвиненко, 1998]; Таранцево: 21 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]

Рис.83. Керамика этапа ББ1 (миски-сковороды, миски). Лесостепной вариант. Богуслав-1: 1, 2, 4 (ж. № 3), 3, 23 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт), 5, 6 (святилище № 2); Таранцево: 7–9, 16–19 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Горбанщина: 10, 11, 20 (верхний стратиграфический горизонт); Студенок-6: 15, 21, 22; Снежковка-7: 24, 25; Любовка-1: 26 (ж. № 1) [Берестнев, 2001]; Ильичевка: 12 (ж. № 13), 13, 14 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.84. Керамика этапа ББ1 (кубки, кубковидные сосуды). Лесостепной вариант (1–14, 16–29). Богуслав-1: 1, 2, 17 (ж. № 1), 3 (ж. № 3), 4, 27, 28 (ж. № 6), 5–7 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Таранцево: 9 (ж. № 2), 8, 10–14 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Ильичевка: 16 (ж. № 13), 18–20, 24 (финальный срубный горизонт), 21–23 (бондарихинский горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Клешня-3: 25, 26, 29 [Теліженко, Черних С.О., 2006]. Керамика студенокского типа. Диброва: 15 (ж. № 1) [Гершкович, 1998]

Рис.85. Изделия из глины (1–10, 12–35) и мела (11) этапа ББ1. Лесостепной вариант. Черниково озеро-2: 1–7 [Супрун, 1999]; Таранцево: 21, 22, 25, 33 (ж. № 2), 29 (ж. № 4), 34 (ж. № 5), 8, 9, 12–15, 17–19, 23, 30, 32, 36 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Шоссейное: 10, 26, 27 [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984]; Самовица-остров-1: 20 [Куштан, Деткін, 2000]; Сахновка: 24 [Кухаренко, 1963]; Богуслав-1: 16 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт), 11 (святилище № 2), 28, 31 (ж. № 7), 35 (культурный слой)

Рис.86. Изделия из кости и рога (1–19) этапа ББ1. Лесостепной вариант. Ильичевка: 1, 2, 5, 14 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Таранцево: 6, 16 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Максимовка: 4 [Даниленко В.Н., 1958/1г]; Богуслав-1: 10, 11, 15 (ж. № 3), 12 (ж. № 1), 3, 9, 13, 18, 19 (ж. № 7), 7, 8 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт), 17 (святилище № 2)

Рис.87. Изделия из кости (1–24) этапа ББ1. Лесостепной вариант. Ильичевка: 7, 8, 22 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Черниково озеро-2: 20 [Супрун, 1999]; Максимовка: 5 [Даниленко В.Н., 1958/1г]; Таранцево: 14, 18 (ж. № 2) [Берестнев, 1994]; Богуслав-1: 15, 19, 21 (ж. № 1), 9, 10, 23 (ж. № 3), 3 (ж. № 5), 4 (ж. № 6), 1, 2, 11–13, 16, 17 (ж. № 7), 6, 24 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт)

Рис.88. Изделия из кости, рога (1–20), камня (21–35) этапа ББ1. Лесостепной вариант. Богуслав-1: 7, 8, 10, 22, 24, 25 (ж. № 1), 3, 4, 6, 9, 14, 26, 27, 29 (ж. № 3), 32, 33 (ж. № 6), 2 (ж. № 7), 1, 5, 28, 30, 31 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт), 20 (святилище № 2); Ильичевка: 15, 16, 18, 19 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Глубокое озеро-2: 12, 17 [Гершкович, 1998]; Усово озеро: 11 [Березанская, 1990]; Таранцево: 13, 23 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Шоссейное: 34 (ж. № 4), 21 [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984]; Червонохиженцы-2: 35 [Куштан, 2002]

Рис.89. Изделия из камня (1–12) и кремня (13–26) этапа ББ1. Лесостепной вариант. Богуслав-1: 20, 21 (ж. № 1), 3, 14, 19, 26 (ж. № 3), 2 (ж. № 6), 1, 4, 5, 10 (ж. № 7), 13, 24, 25 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Таранцево: 6, 7, 15, 16, 22 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Шоссейное: 9 (ж. № 4) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984]; Черниково озеро-2: 8 [Супрун, 1999]; Червонохиженцы-2: 11, 18 [Куштан, 2002];

Голубовка: 17 [Берестнев, 2001]; Глубокое озеро-2: 12 [Гершкович, 1998]; Ильичевка: 23 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]

Рис.90. Изделия из бронзы (1–22) и железа (23–25) этапа ББ1. Лесостепной вариант. Самовица-остров-1: 1, 6, 7, 14, 17–22 [Куштан, Деткин, 2000]; Богуслав-1: 2, 12, 16 (ж. № 1), 8 (святилище № 1, верхний стратиграфический горизонт); Ильичевка: 10 (финальный срубный горизонт) [Шаповалов, 1983/№ 620]; Таранцево: 4, 13, 23–25 (верхний стратиграфический горизонт) [Берестнев, 1994]; Клешня-1: 11 [Супрун, 1999]; Шоссейное: 3 (ж. № 4) [Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984]; Червонохиженцы-2: 9 [Куштан, 2002]; Усово озеро: 5, 15 [Березанская, 1990]

Рис.91. Керамика этапа ББ1 (банки, банковидные сосуды, горшки). Степной вариант. Безыменное-2: 1, 2, 7, 8 [Горбов, 1995; 1996], 14 (яма № 29) [Горбов, Мимоход, 1999]; Белозерский лиман-1: 3, 4, 16–18 [Кривцова-Гракова, 1949; 1955]; Белозерский лиман-2: 5, 9, 19–22 [Гаврилюк, 2003]; Михайловка: 6 [Шарафутдинова И.Н., 1982]; Шолохово: 10–13, 15, 23 [Ромашко, 2002]; Ушкалка: 24 (верхний стратиграфический горизонт по И.Н. Шарафутдиновой, горизонт В по Я.П. Гершковичу) [Шарафутдинова И.Н., 1982; Гершкович, 1998]; Капуловка: 25 (сборы А.В. Бодянского) [Дровосекова, 2002]

Рис.92. Керамика этапа ББ1 (горшки). Степной вариант. Белозерский лиман-1: 12–15 [Кривцова-Гракова, 1949; 1955]; Шолохово: 16 [Ромашко, 2002]; Верхняя Тарасовка: 1–3 [Гершкович, 1998]; Капуловка: 4–7, 17, 18 (сборы А.В. Бодянского) [Дровосекова, 2002]; Ушкалка: 8 (верхний стратиграфический горизонт по И.Н. Шарафутдиновой, горизонт В по Я.П. Гершковичу) [Шарафутдинова И.Н., 1982; Гершкович, 1998]; Михайловка: 9, 10, 19 [Шарафутдинова И.Н., 1982]; Безыменное-2: 11 [Горбов, 1995]

Рис.93. Керамика этапа ББ1 (горшки). Степной вариант. Белозерский лиман-1: 1, 10–15 [Кривцова-Гракова, 1949; 1955]; Белозерский лиман-2: 2, 3, 25 [Гаврилюк, 2003]; Шолохово: 4–6, 16 [Ромашко, 2002]; Капуловка: 7, 24 (сборы А.В. Бодянского) [Дровосекова, 2002]; Ушкалка: 8, 18 (верхний стратиграфический горизонт по И.Н. Шарафутдиновой) [Шарафутдинова И.Н., 1982]; Безыменное-2: 9 (жертвенник Северо-восточного святилища) [Горбов, Мимоход, 1999], 21, 22 [Горбов, 1995], 23 [Горбов, 1996]; Верхняя Тарасовка: 17 [Гершкович, 1998]; Федоровка: 19 [Шарафутдинова И.Н., 1982]; Михайловка: 20 [Шарафутдинова И.Н., 1982]

Рис.94. Керамика этапа ББ1 (горшки). Степной вариант. Безыменное-2: 1 (пом. № 45) [Горбов, Мимоход, 1999], 13 [Горбов, 1995]; Белозерский лиман-1: 2–4, 14–17 [Кривцова-Гракова, 1949]; Белозерский лиман-2: 5–8, 18 [Гаврилюк, 2003]; Шолохово: 9 (культурный слой) [Ромашко, 2002]; Верхняя Тарасовка: 10, 11 [Гершкович, 1998]; Федоровка: 12 [Шарафутдинова И.Н., 1982]

Рис.95. Керамика этапа ББ1 (горшки, цедилки). Степной вариант. Белозерский лиман-2: 1, 2, 20 [Гаврилюк, 2003]; Шолохово: 3, 4 [Ромашко, 2002]; Ушкалка: 5 (горизонт В по Я.П. Гершковичу) [Гершкович, 1998]; Капуловка: 17 (сборы А.В. Бодянского) [Дровосекова, 2002]; Безыменное-2: 6–12, 18, 19 [Горбов, 1995]; Верхняя Тарасовка: 13–16, 21 [Гершкович, 1998]

Рис.96. Керамика этапа ББ1 (кубки, кубковидные сосуды, корчаги, кубки на поддоне, острореберные сосуды, миски-сковороды). Степной вариант. Белозерский лиман-1: 1, 5, 21, 24, 30 [Кривцова-Гракова, 1949; 1955]; Белозерский лиман-2: 25–27 [Гаврилюк, 1949; 1955]; Шолохово: 2–4, 28 [Ромашко, 2002]; Верхняя Тарасовка: 6–9 [Гершкович, 1998]; Капуловка: 10–12 (сборы А.В. Бодянского) [Дровосекова, 2002]; Ушкалка: 13–15, 29 (верхний стратиграфический горизонт по И.Н. Шарафутдиновой, горизонт В по Я.П. Гершковичу) [Шарафутдинова И.Н., 1982; Гершкович, 1998]; Безыменное-2: 16 (пом. № 19), 17–20, 22, 23, 31 [Горбов, 1995]

Рис.97. Изделия из глины (1–4), кости (16–24), камня (5–9), кремня (10–15) этапа ББ1. Степной вариант. Безыменное-2: 1 (пом. № 24), 2 (пом. № 30), 3 (пом. № 25), 5, 6, 16–21, 24 [Горбов, 1995; 1996; Горбов, Мимоход, 1999]; Шолохово: 4, 8–10, 12–15, 23 [Ромашко, 2002]; Ушкалка: 7 (горизонт Б по Я.П. Гершковичу), 22 (горизонт В) [Гершкович, 1993/№ 739; 1998]; Белозерский лиман-1: 11 [Кривцова-Гракова, 1949]

Рис.98. Изделия из камня (1–7) и бронзы (8–14) этапа ББ1. Степной вариант. Безыменное-1: 14 [Горбов, 1995]; Безыменное-2: 1, 3 (ж. № 5, хозяйственная яма № 3), 7 (хозяйственная яма № 29), 4 (пом. № 19), 5, 6 (пом. № 25), 2, 12 [Горбов, 1995; Горбов, Мимоход, 1999]; Белозерский лиман-1: 8–11, 13 [Кривцова-Гракова, 1949]

Рис.99. Керамика этапа ББ2 (банки и миски-сковороды). Лесостепной вариант. Бузовка: 1, 2 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 3 [Ромашко, 1983; 1995б]; Лоцманская Каменка: 4, 5 (ж. № 1) [Ромашко, 2001]; Орехово-Донецкое-4: 6 (ж. № 4), 7–16 [Горбов, Усачук, 2001]; Леськи-3б: 18 [Куштан, 2003а]; Старая Игрень: 17, 19 (ж. № 1) [Ромашко, 1985]

Рис.100. Керамика этапа ББ2 (горшки). Лесостепной вариант. Бузовка: 1–3 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 4–6 [Ромашко, 1983; 1995б]; Осиповка: 7–13 [Беляев, 1977]; Лоцманская Каменка: 14–21 (ж. № 1) [Ромашко, 2001]; Старая Игрень: 22, 23 (ж. № 1) [Ромашко, 1985]; Орехово-Донецкое-4: 24–30 [Горбов, Усачук, 2001]

Рис.101. Керамика этапа ББ2 (горшки). Лесостепной вариант. Бузовка: 1 (ж. № 1), 2, 3 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 4, 5 [Ромашко, 1983; 1995б]; Осиповка: 6–8, 10; Гупаловка: 9 [Беляев, 1977]; Старая Игрень: 11, 12 (ж. № 1) [Ромашко, 1985]; Леськи-3а: 13 [Куштан, 2003а]; Давыдово-Никольское: 14–16 [Пробейголова, 2009]

Рис.102. Керамика этапа ББ2 (горшки). Лесостепной вариант. Бузовка: 1–3, 13, 14 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 4–6, 15 [Ромашко, 1983; 1995б]; Старая Игрень: 7, 16 (ж. № 1) [Ромашко, 1985]; Лоцманская Каменка: 8 (ж. № 1) [Ромашко, 2001]; Леськи-3а: 9, 10, 17; Леськи-3б: 11, 18 [Куштан, 2003а]; Орехово-Донецкое-4: 12, 19, 20 [Горбов, Усачук, 2001]; Давыдово-Никольское: 21–23 [Пробейголова, 2009]

Рис.103. Керамика этапа ББ2 (горшки). Лесостепной вариант. Залинейное: 1, 2 [Ромашко, 1983; 1995б]; Осиповка: 4–6, 8; Гупаловка: 3, 7 [Беляев, 1977]; Старая Игрень: 10, 11, 13 (ж. № 1), 12, 14 [Ромашко, 1985]; Леськи-3а: 15 [Куштан, 2003а]; Орехово-Донецкое-4: 16–18 [Горбов, Усачук, 2001]; Лоцманская Каменка: 9 (ж. № 1) [Ромашко, 2001]. Керамика бондарихинской культуры. Орехово-Донецкое-4: 19 [Горбов, Усачук, 2001]

Рис.104. Керамика этапа ББ2 (горшки). Лесостепной вариант. Бузовка: 7 (ж. № 1), 1–6, 8–10 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 11, 12 [Ромашко, 1983; 1995б]; Лоцманская Каменка: 13 (ж. № 1) [Ромашко, 2001]; Старая Игрень: 14 (ж. № 1) [Ромашко, 1985]; Леськи-3а: 15; Леськи-3б: 16–18 [Куштан, 2003а]; Орехово-Донецкое-4: 19, 21 [Горбов, Усачук, 2001]. Керамика бондарихинской культуры. Орехово-Донецкое-4: 20 [Горбов, Усачук, 2001]

Рис.105. Керамика этапа ББ2 (горшки, цедилки). Лесостепной вариант. Леськи-3а: 21; Леськи-3б: 7, 8, 22 [Куштан, 2003а]; Орехово-Донецкое-4: 11, 13 [Горбов, Усачук, 2001]; Давыдово-Никольское: 14, 15 [Пробейголова, 2009]; Бузовка: 16 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 17–19 [Ромашко, 1983; 1995б]; Лоцманская Каменка: 20 (ж. № 1) [Ромашко, 2001]. Позднетшинская керамика. Леськи-3а: 1–5; Леськи-3б: 6, 9, 10 [Куштан, 2003а]. Керамика бондарихинской культуры. Орехово-Донецкое-4: 12 [Горбов, Усачук, 2001]

Рис.106. Керамика этапа ББ2 (горшки). Лесостепной вариант. Залинейное: 3–4 [Ромашко, 1983; 1995б]; Орехово-Донецкое-4: 5–8 [Горбов, Усачук, 2001]; Давыдово-Никольское: 9–13 [Пробейголова, 2009]. Керамика бондарихинской культуры (1, 2, 6, 7). Бузовка: 1 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 2 [Ромашко, 1983; 1995б]; Орехово-Донецкое-4: 6, 7 [Горбов, Усачук, 2001]

Рис.107. Керамика этапа ББ2 (кубки, кубковидные сосуды, корчаги, черпаки). Лесостепной вариант. Ницаха: 1–3 [Ковпаненко, 1967]; Бузовка: 4, 8–10 (ж. № 1), 5–7, 11–13 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 14–19 [Ромашко, 1983; 1995б]; Гупаловка: 20–22; Старое Можарово: 27 [Ромашко, 1995б]; Лоцманская Каменка: 23–26 [Ромашко, 2001]

Рис.108. Керамика этапа ББ2 (кубки, кубковидные сосуды, корчаги). Лесостепной вариант. Осиповка: 1–4 (ж. № 2); Гупаловка: 5–8 [Беляев, 1977]; Старая Игрень: 9, 10 (ж. № 1), 11, 13 [Ромашко, 1985]; Леськи-3а: 12, 26; Леськи-3б: 14, 15 [Куштан, 2003а]; Лоцманская Каменка: 25 (ж. № 1) [Ромашко, 2001]; Орехово-Донецкое-4: 16–24 [Горбов, Усачук, 2001]

Рис.109. Керамика этапа ББ2 (кубки, кубковидные сосуды, корчаги). Лесостепной вариант. Орехово-Донецкое-4: 1–17 [Горбов, Усачук, 2001]; Давыдово-Никольское: 18–22 [Пробейголова, 2009]

Рис.110. Изделия из глины (1–32, 34–38) и камня (33) этапа ББ2. Лесостепной вариант. Бузовка: 1–11, 14, 15, 17 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 12, 13 [Ромашко, 1983; 1995б]; Орехово-Донецкое-4: 19, 20, 23, 24, 26–38 [Горбов, Усачук, 2001]; Лоцманская Каменка: 22 [Ромашко, 2001]; Леськи-3а: 16 [Куштан, 2003а]; Леськи-3б: 21, 25 [Куштан, 2003а]; Волковка: 18 [Осташков, 1995; Куштан, 2007/№ 864]

Рис.111. Изделия из кости, рога (1–13, 21) и камня (14–20) этапа ББ2. Лесостепной вариант. Лоцманская Каменка: 3 [Ромашко, 2001]; Бузовка: 8, 14–17 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 7, 11, 12, 20, 21 [Ромашко, 1983; 1995б]; Старая Игрень: 19 (ж. № 1), 1, 2 [Ромашко, 1985]; Волковка: 4, 9, 10, 13, 18 [Осташков, 1995; Куштан, 2007/№ 864]; Орехово-Донецкое-4: 5, 6 [Горбов, Усачук, 2001]

Рис.112. Изделия из камня (1–16) этапа ББ2. Лесостепной вариант. Орехово-Донецкое-4: 1–4, 6–11, 13–15 [Горбов, Усачук, 2001]; Лоцманская Каменка: 5 [Ромашко, 2001]; Волковка: 12, 16 [Осташков, 1995; Куштан, 2007/№ 864]

Рис.113. Изделия из камня (1), кремня (2–15), бронзы (16–39) этапа ББ2. Лесостепной вариант. Старая Игрень: 1 [Мізін, 1970; Ромашко, 1995а]; Рай-Стародубовка: 2–5 [Клименко, Цымбал, 1991]; Бузовка: 9, 19, 21, 28–30 [Ромашко, 1982; 1995б]; Залинейное: 20, 22 [Ромашко, 1983; 1995б]; Лоцманская Каменка: 7, 13–15, 31, 32 [Ромашко, 2001]; Самовица-остров-1: 6, 8 [Куштан, Деткін, 2000]; Волковка: 10–12, 23 [Осташков, 1995; Куштан, 2007/№ 864]; Орехово-Донецкое-4: 16–18 [Горбов, Усачук, 2001]; Леськи-За: 25, 33 [Куштан, 2003а]; Леськи-Зб: 24, 26, 27, 34–39 [Куштан, 2003а]

Рис.114. Литейные мастерские. Завадовка: 1–8 [Во́карев, Leskov, 1980; Гершкович, Ключко, 1987]

Рис.115. Литейные мастерские. Завадовка: 1–5 [Во́карев, Leskov, 1980; Гершкович, Ключко, 1987]; Вязовок: 7 [Кривцова-Гракова, 1955; Во́карев, Leskov, 1980]; Солоха: 8 [Лесков, 1967; Во́карев, Leskov, 1980]; Харьковский исторический музей: 6 [Татаринов, 1993]

Рис.116. Изделия из камня (1–8) и бронзы (6–14). Мариуполь: 1 [Археологический альманах, 1993]; Ушкалка: 2 (ж. № 6, горизонт Б по Я.П. Гершковичу) [Шарафутдинова И.Н., 1982]; Донецк: 3 [Археологический альманах, 1993]; Маячка Полтавской обл.: 4 [Ткаченко, 2003]; Красный Оскол: 5 [Шарафутдинова И.Н., 1982]; Мариуполь (уроч. Красная горка): 6 [Археологический альманах, 1993]; Кривая Коса Донецкой обл.: 7 [Археологический альманах, 1993]; коллекция Александровской гимназии: 8 [Археологический альманах, 1993]; Балаклея Донецкой обл.: 9 [Татаринов, 2003; Ключко, 2006]; Новопокров Донецкой обл.: 10 [Археологический альманах, 1993]; Полтавская обл.: 11 [Черных Е.Н., 1976]; Чернухи Полтавской обл.: 12 [Приймак, Супруненко, 1995]; Адамовка Донецкой обл.: 13 [Археологический альманах, 1993]; г. Енакиево (пос. Ольховатка) Луганской обл.: 14 [Археологический альманах, 1993]

Рис.117. Изделия из бронзы (1–13). Стецовка: 1 [Куштан, 2003]; Запорожская обл.: 3 [Ляшко, 1986]; Шеховцовка Белгородской обл.: 4 [Тихонов, 1978]; Вовчик Полтавской обл.: 5 [Кулатова, 1989]; Широкая Балка Донецкой обл.: 6 [Археологический альманах, 1993]; Черкасская обл.: 7 [Куштан, 2003]; Хитцы Полтавской обл.: 8 [Кулатова, 1989]; Бельск Полтавской обл.: 9 [Ключко, 2006]; Харьков: 10 [Ключко, 2006]; Богородничное Донецкой обл.: 11 [Археологический альманах, 1993]; Градизк Полтавской обл.: 2, 12 [Ткаченко, 1995]; Гладковщина Черкасской обл.: 13 [Куштан, 2003]; Градизк Полтавской обл.: 14 [Супруненко, Ткаченко, 1995]; Обуховка Днепропетровской обл.: 15 [Черных Е.Н., 1976]

Рис.118. Изделия из бронзы (1–15). Милорадово Полтавской обл.: 1 [Філоненко, 2002]; Игреньский п-в Днепропетровской обл.: 2 [Кривцова-Гракова, 1955]; Романково (г. Днепродзержинск): 3 [Черных Е.Н., 1976]; Раздольное Донецкой обл. (курган 1): 4 [Гершкович, 1998]; Калиберда: 5 [Ключко, 2006]; Толокнянка Донецкой обл.: 6 [Археологический альманах, 1993]; Козинцы: 7 [Ключко, 2006]; Стецовка Черкасской обл.: 8, 9 [Куштан, 2003]; Хмельна: 10 [Ключко, 2006]; Петровка: 11 [Ключко, 2006]; Диброва Донецкой обл.: 12 [Археологический альманах, 1993]; уроч. Гардащинка у пгт. Градизк Полтавской обл.: 13, 14 [Супруненко, Ткаченко, 1995]; Пивиха около пгт. Градизк Полтавской обл.: 15 [Супруненко, 1995]; Обуховка Днепропетровской обл.: 16 [Черных Е.Н., 1976]; Днепропетровский национальный исторический музей: 17 [Кривцова-Гракова, 1955]; Запорожская обл.: 18 [Черных Е.Н., 1976; Ключко, 2006]; Петровское Харьковской обл.: 19 [Шрамко Б.А., 1962]; Красновка: 20; Ялта: 22; Славянский р-н Донецкой обл.: 14, 21 [Археологический альманах, 1993]

Рис.119. Восточноевропейские кинжалы с листовидным клинком. *I* – *ингуло-красномайцкие* (1–9); *II* – *сосново-мазинские* (10–13); *III* – *богуславские* (14–17). Ингульский клад: 1;

Красномаяцкая мастерская: 2–4; Лозовской клад: 5–9; Сосново-Мазинский клад: 10–13; хут. Шевцовка: 14; с. Вовчик: 15; Запорожская обл.: 16; поселение Богуслав-1: 17 (ж. № 2)

Рис.120. Святилище типа 2. Богуслав-1 (святилище № 1) [Ромашко, 1993]

Рис.121. Святилище типа 3. Безыменное-2 (Северо-восточное святилище) [Горбов, Мимоход, 1999]

Рис.122. Святилище типа 4. Капитаново-1 [Отрощенко, Бровендер, Пряхин, Беседин, 1996]

Рис.123. Жертвенники типа 2. Усово озеро: 1 (жертвенник из ж. № 9), 3 (жертвенник святилища) [Березанская, 1990]; Богуслав-1: 2 (жертвенник святилища № 2), 4 (жертвенник святилища № 1) [Ромашко, 1993]

Рис.124. Богуславско-белозерские погребения. Участок А Днепростроя: 1–3 (могила 35) [Шарафутдинова И.Н., 1982]; Лукьяновка: 4–7 [Шарафутдинова И.Н., 1982]; Атманай: 8, 9 (п. № 9, к. 3) [Отрощенко, Шевченко, 1987]; Николаевка: 10–12 (п. № 18, к. 1), 13, 14 (п. № 4, к. 3) [Ковалева И.Ф., Ромашко, Андросов, 1979]; Троицкое: 15, 16 (п. № 5, к. 13, гр. 1) [Марина, Ромашко, 1985]

Рис.125. Богуславско-белозерские погребения. Верхняя Маевка: 1, 2 (п. № 9, к. 4, гр. 18) [Ковалева И.Ф., Волкобой, Марина и др., 1977; Костенко, 1977]; Безыменное-2: 3, 4 (погребение из площади «Южного святилища») [Горбов, Мимоход, 1999]; Чернетчина: 5, 6 (п. № 8, к. 2) [Беляев, 1984]; Рай-Стародубовка: 7, 8 (п.из поселения) [Клименко, 1981; 1999]; Кременевка: 9 (п. № 10, к. 2) [Гаврилюк, Гершкович, 1982]; Осиповка: 12 (п. № 32), 10, 11 (п. № 51) [Беляев, 1981]

Рис.126. Богуславско-белозерские погребения. Могильник Залинейное: 1 – план могильника, 2, 6–8 (п. № 1), 3, 9 (п. № 2), 5, 11 (п. № 3), 10 (п. № 4), 4, 12 (п. № 5) [Ромашко, 1983; 1995б]

ПРИЛОЖЕНИЕ М
Иллюстрации

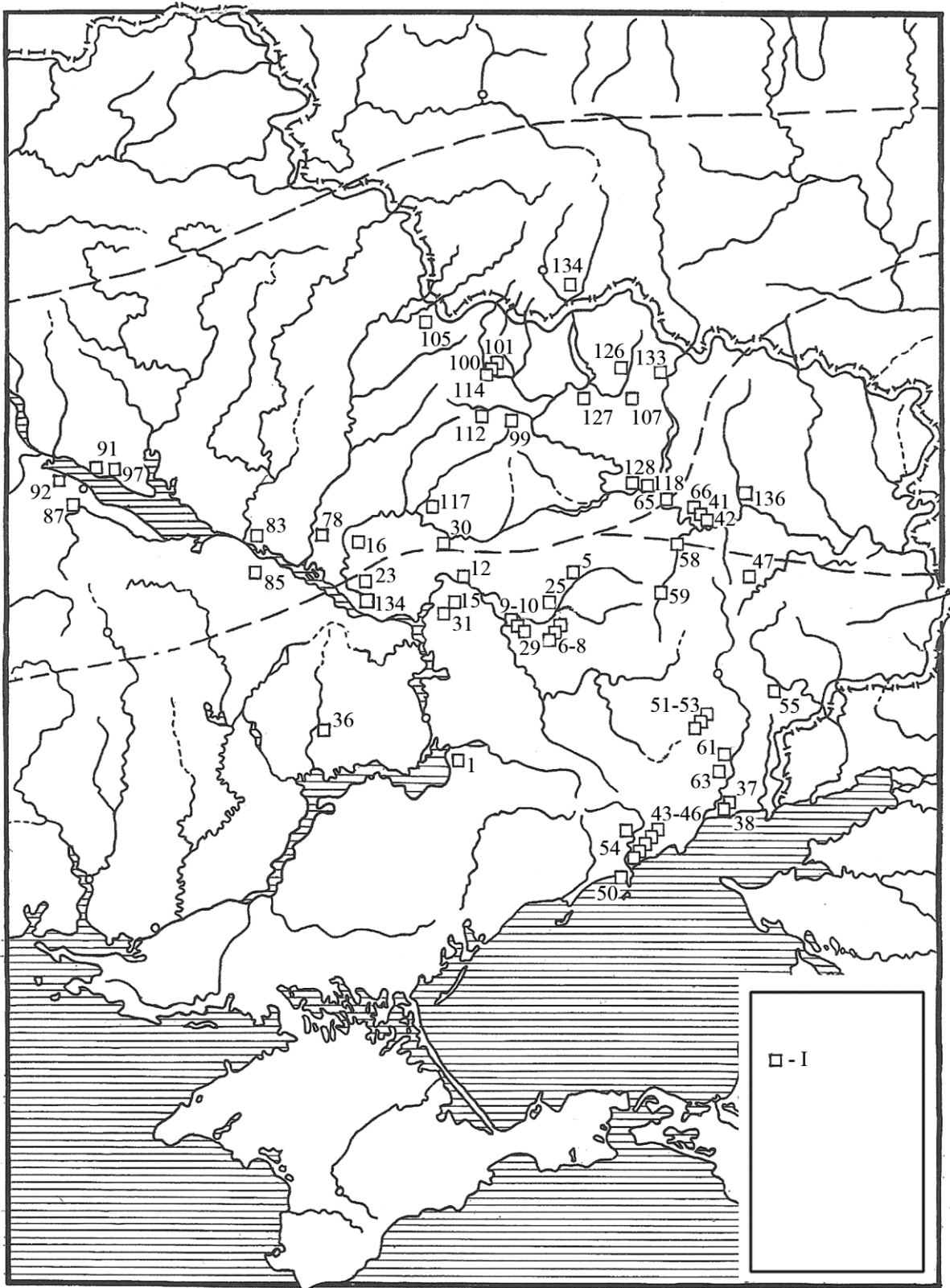

Рис. 1

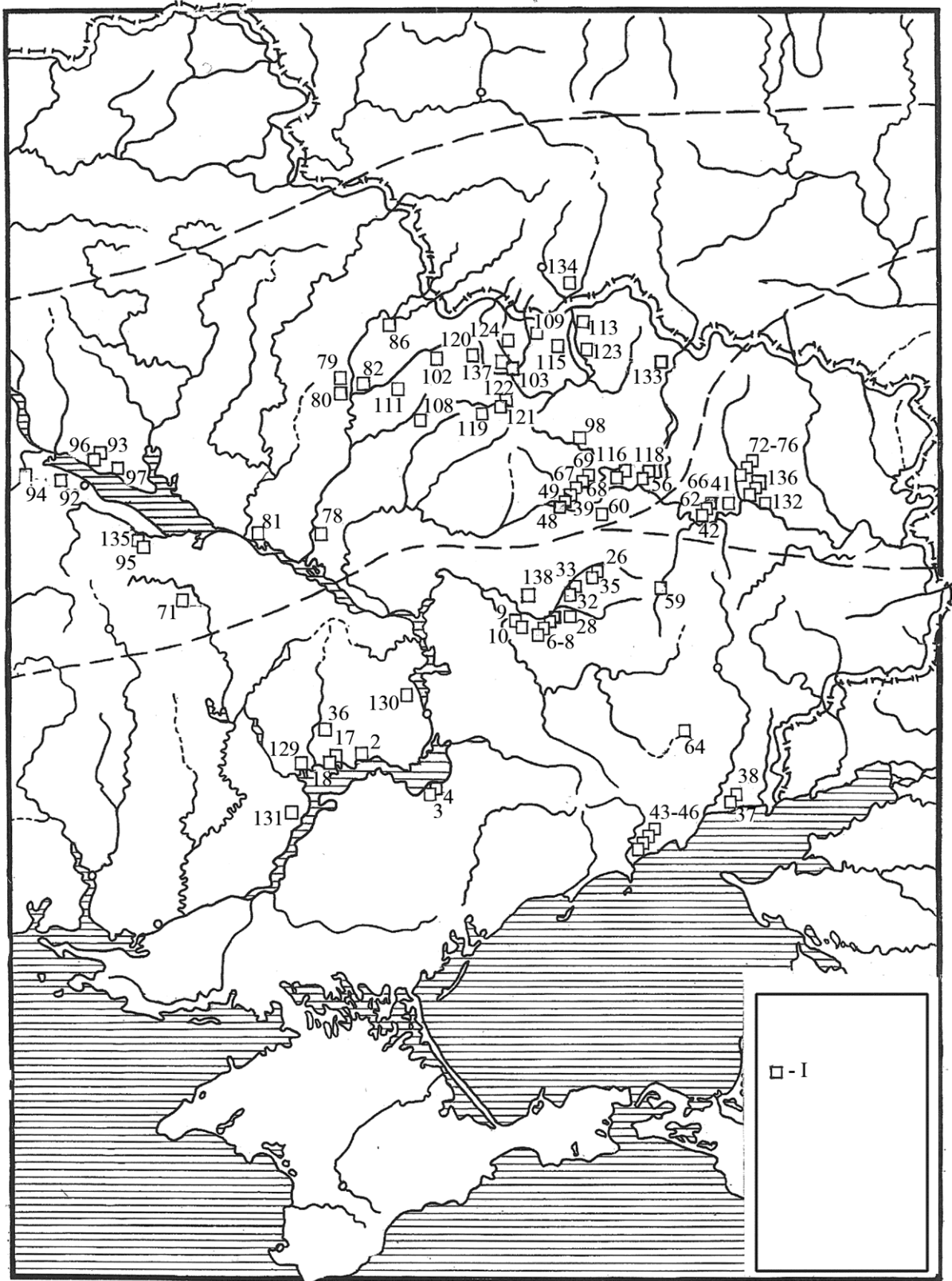

Рис. 2

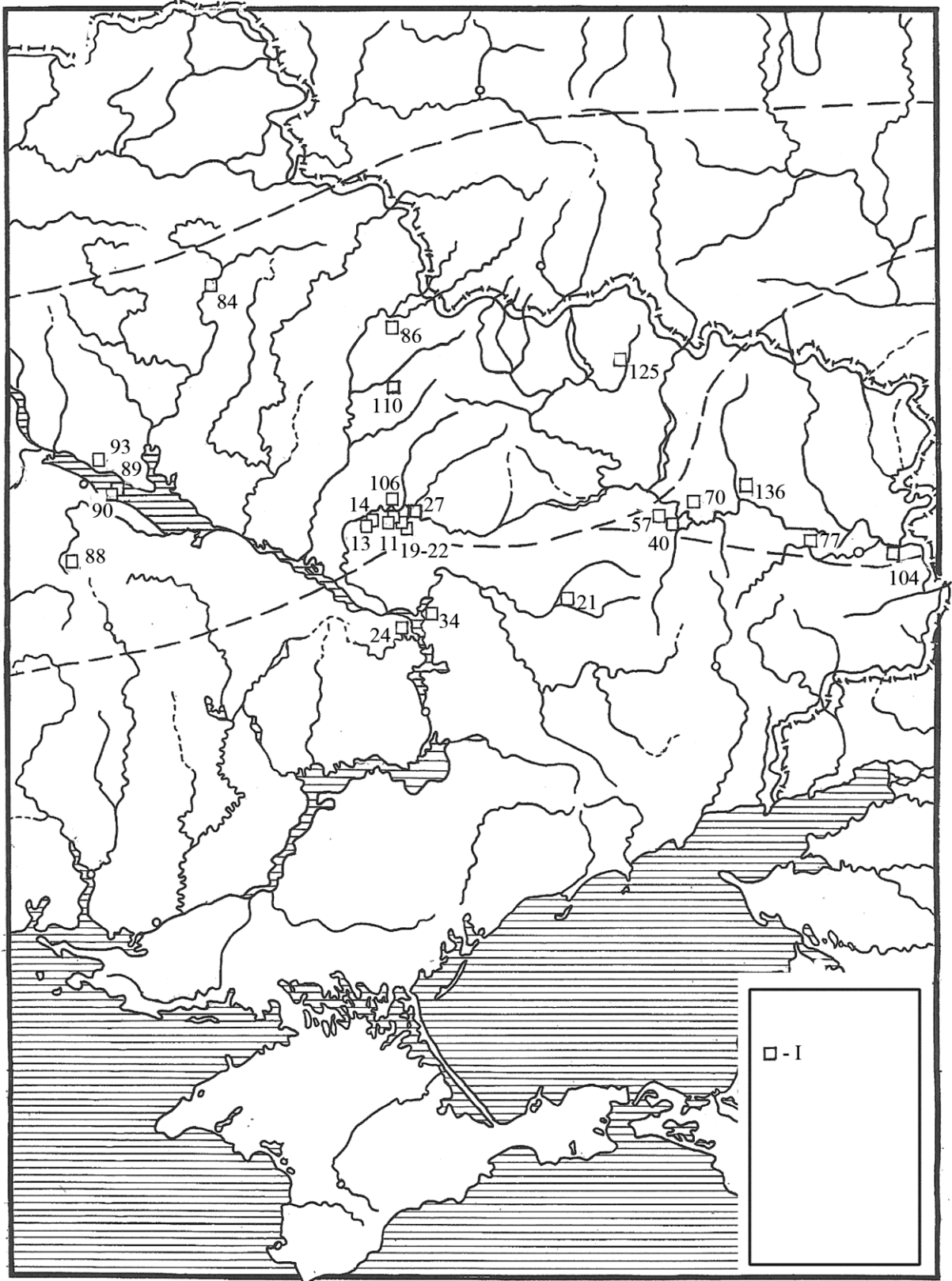

Рис. 3

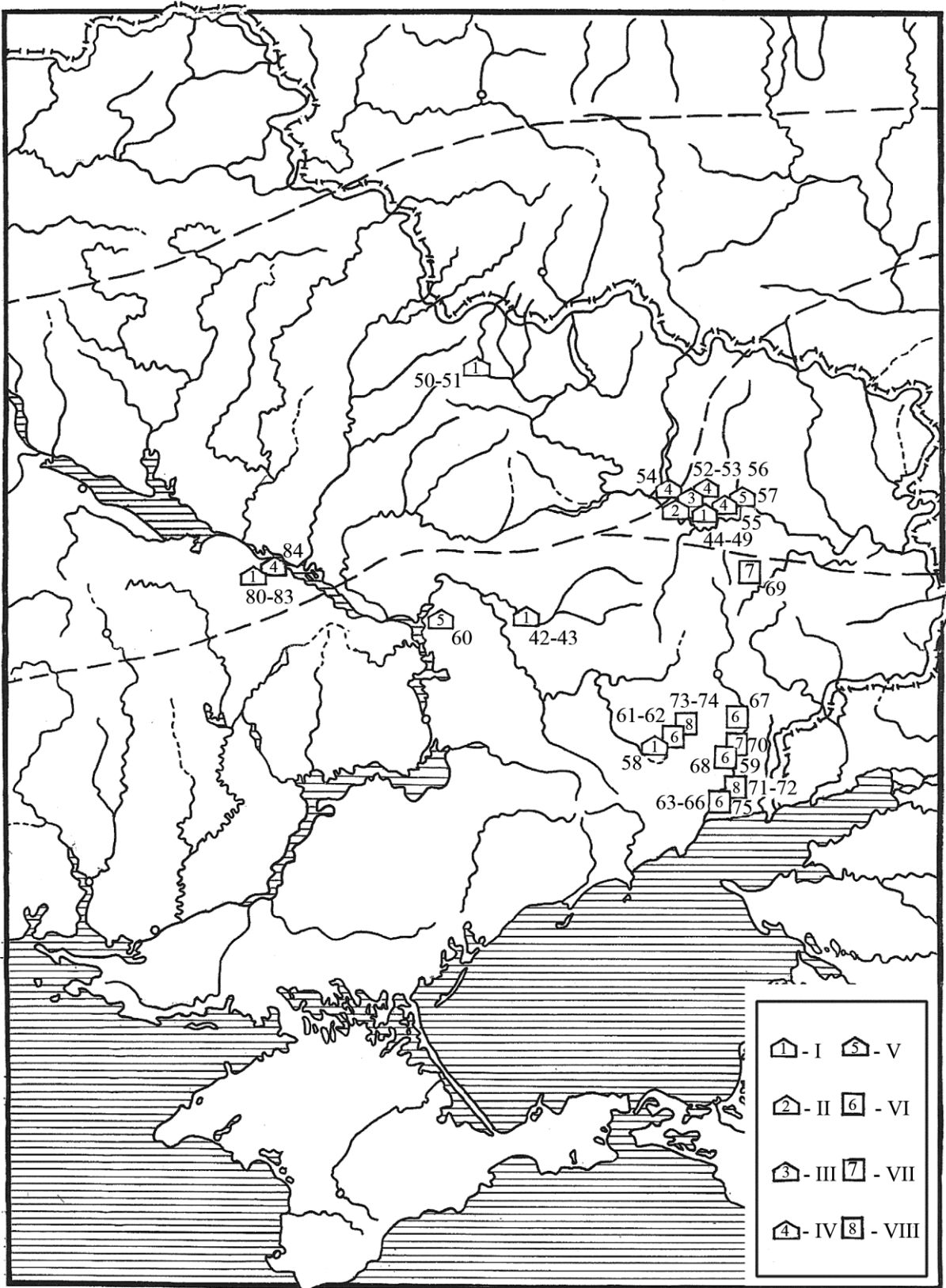

Рис. 4

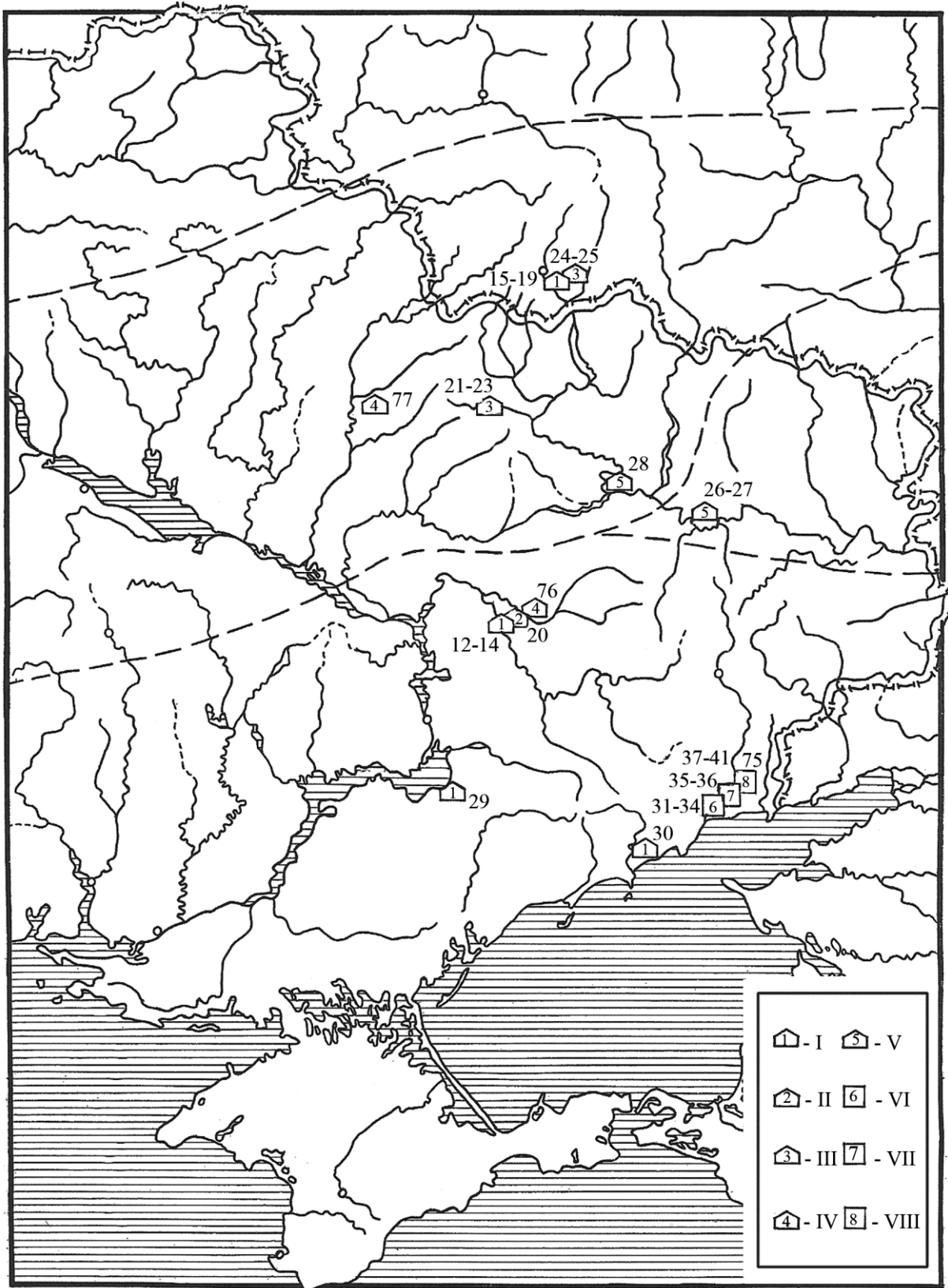

Рис. 5

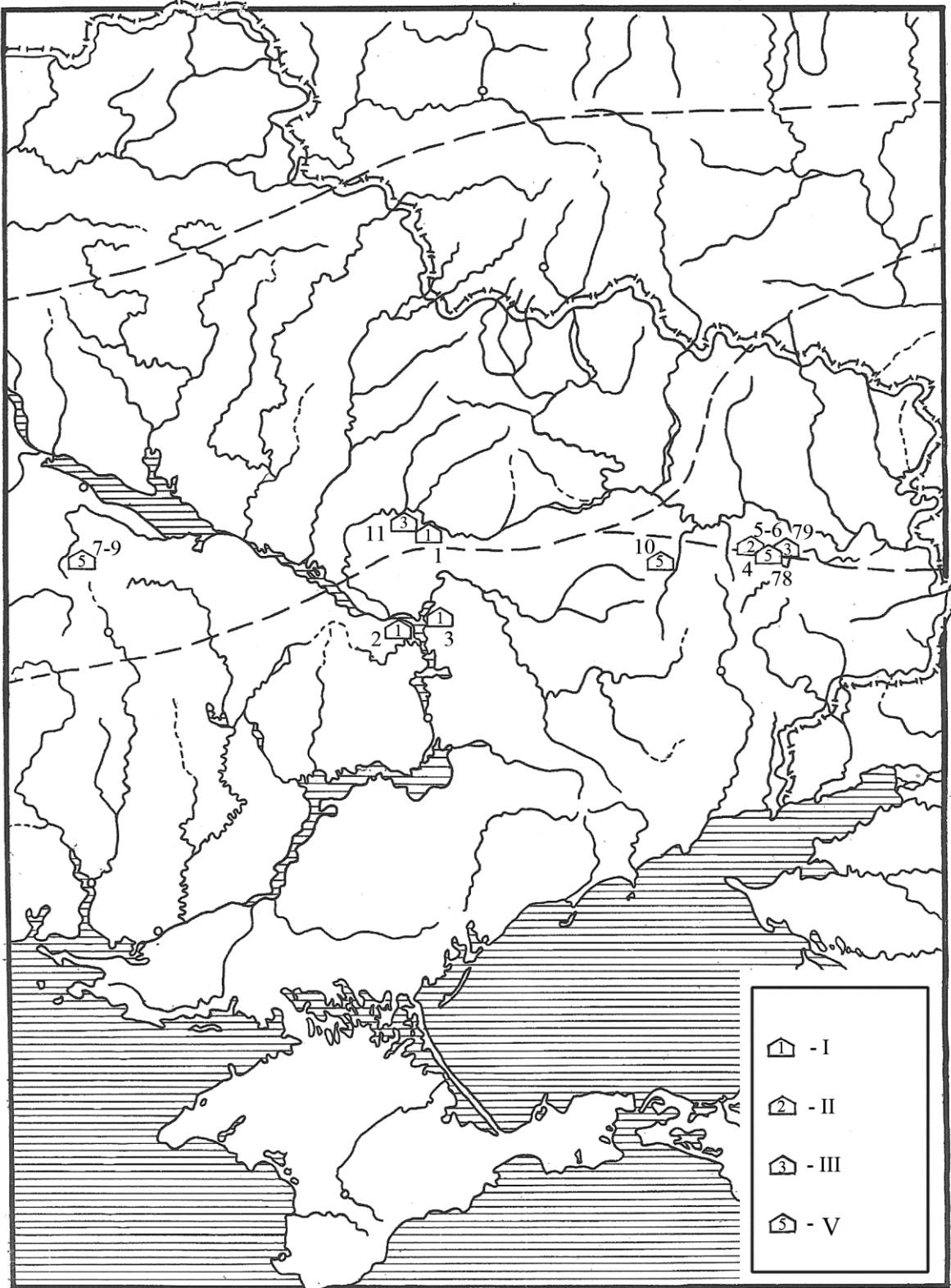

Рис. 6

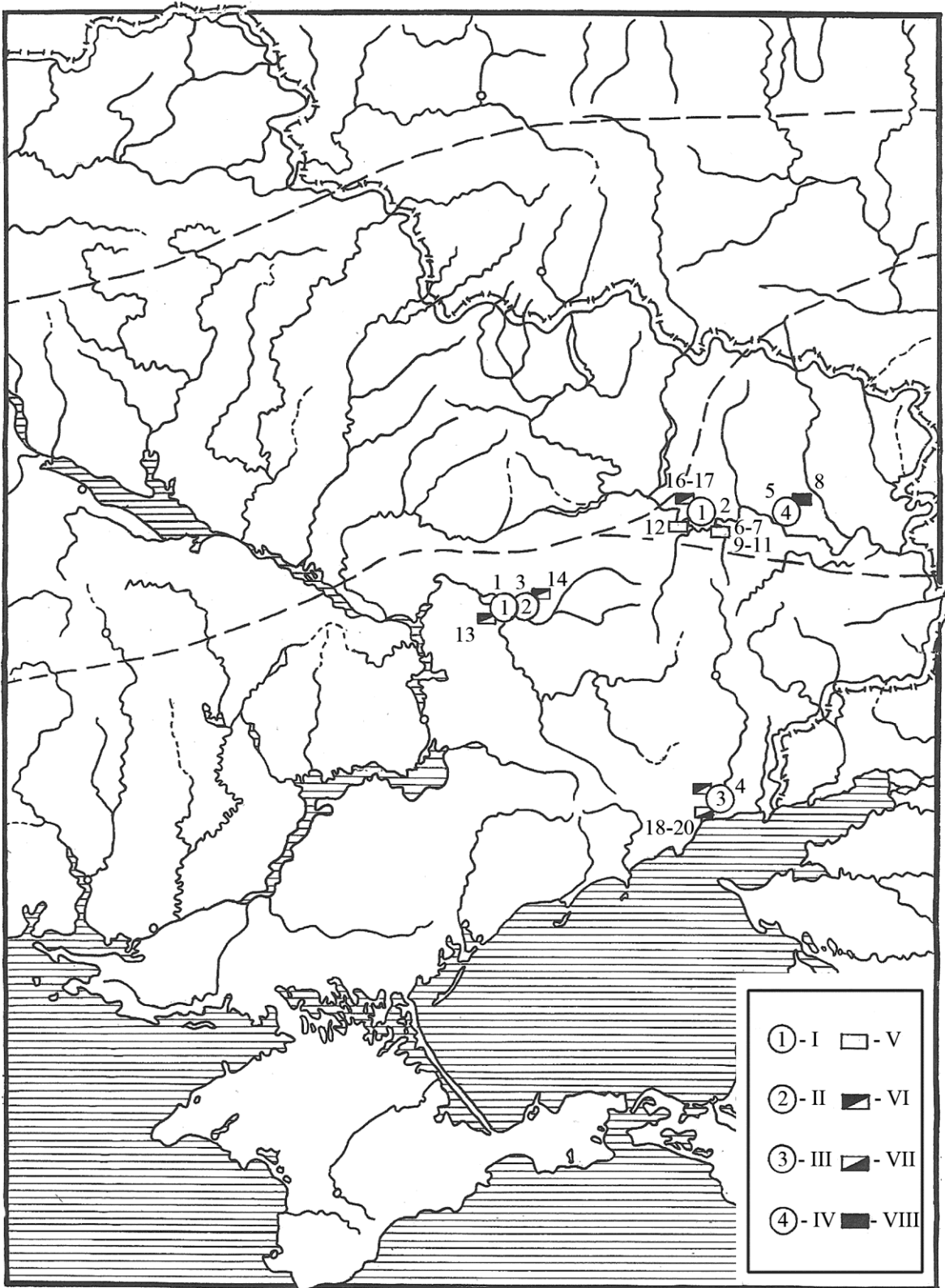

Рис. 7

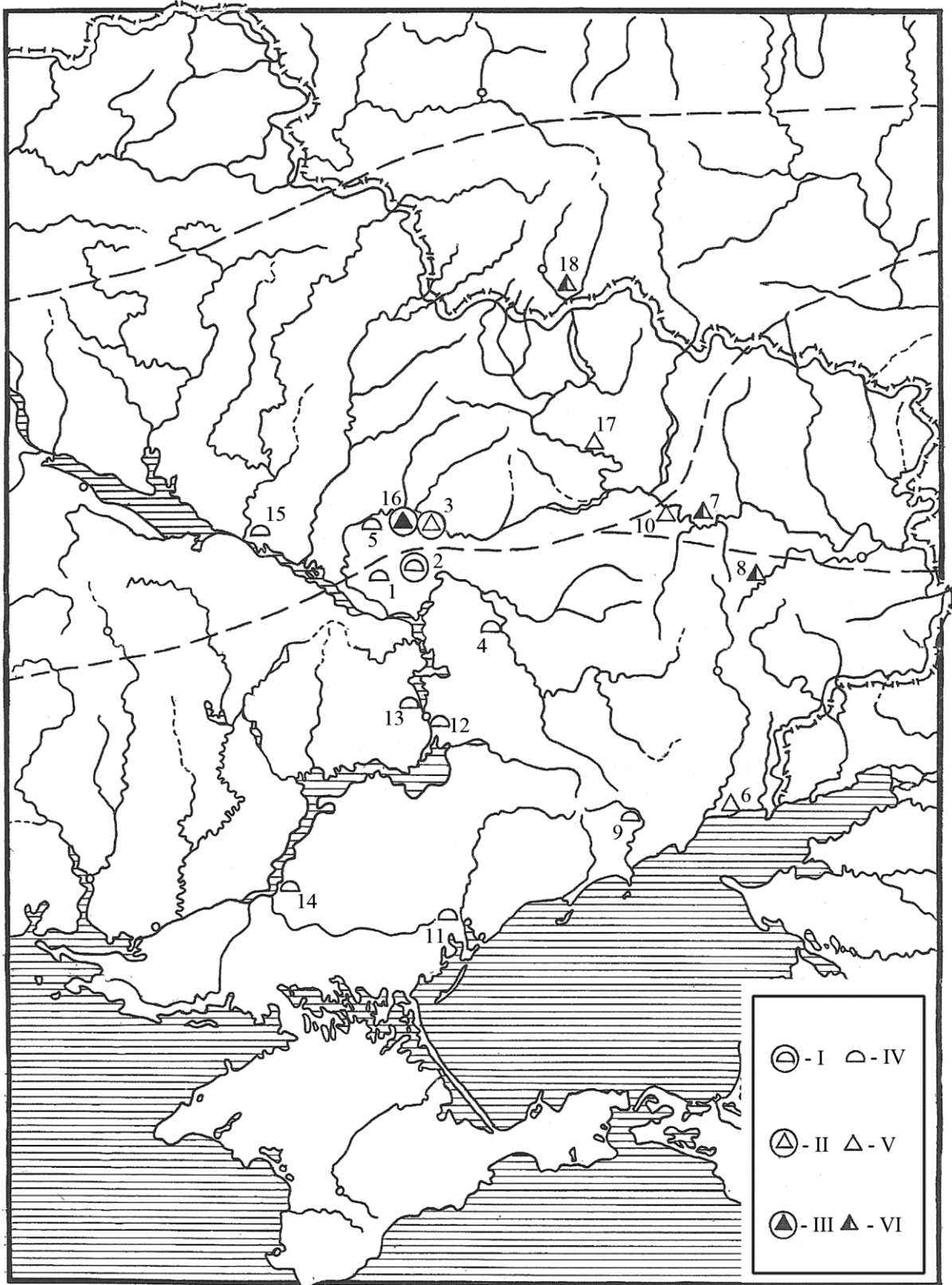

Рис. 8

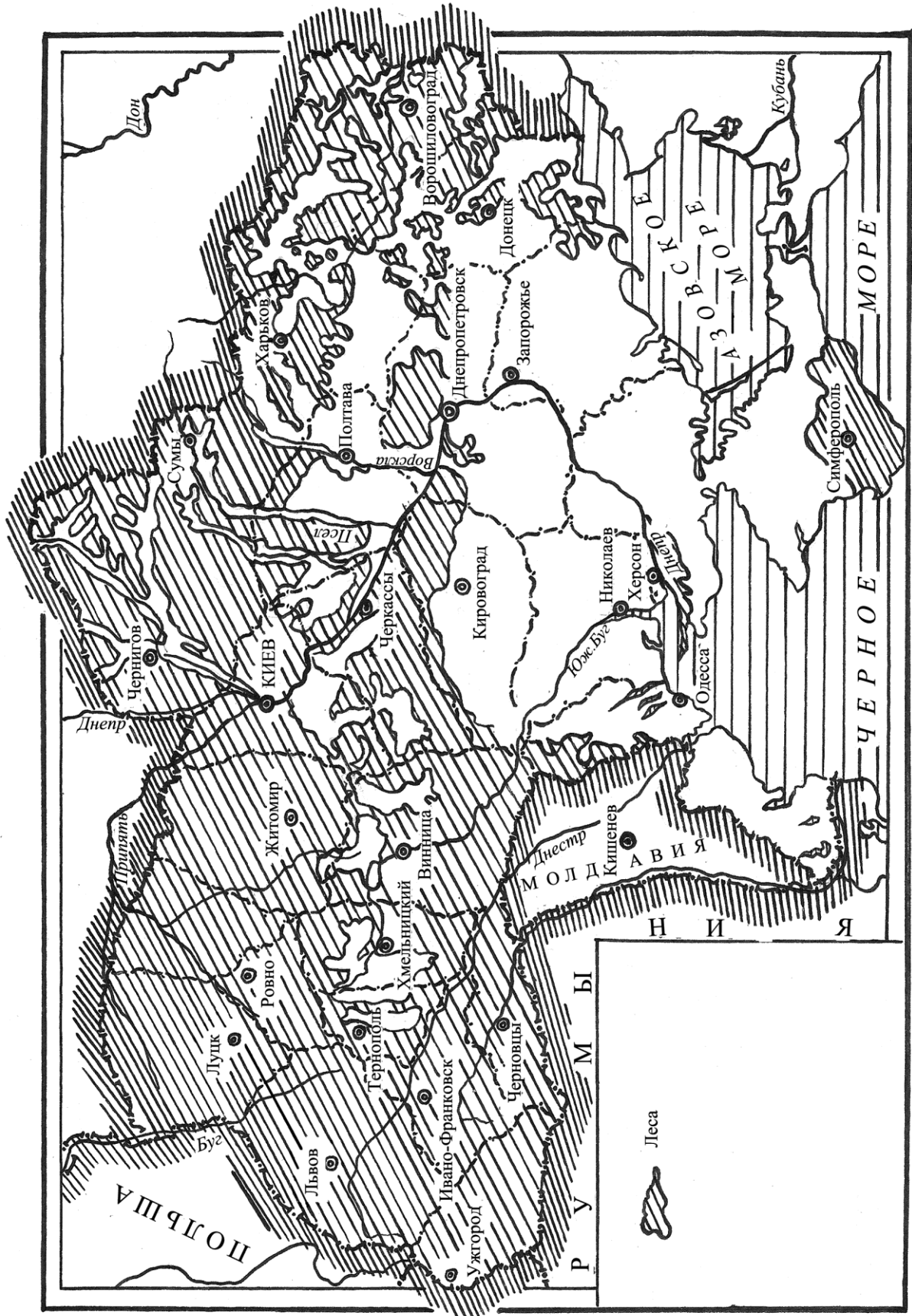
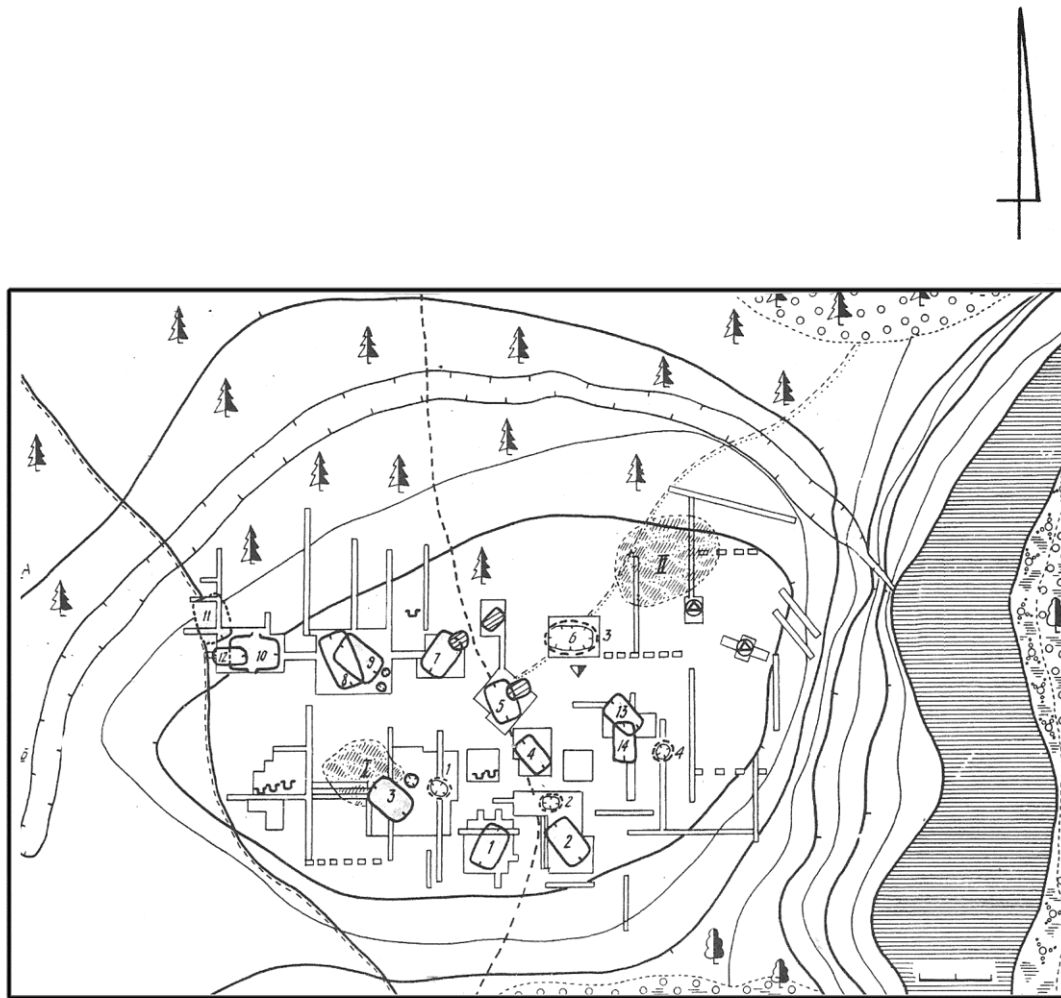

Рис. 9

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	а		б		в		г		д		е		ж
	з		и		к		л						

Рис. 10

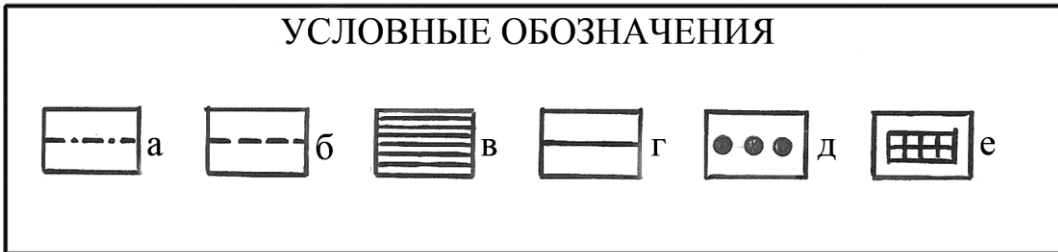
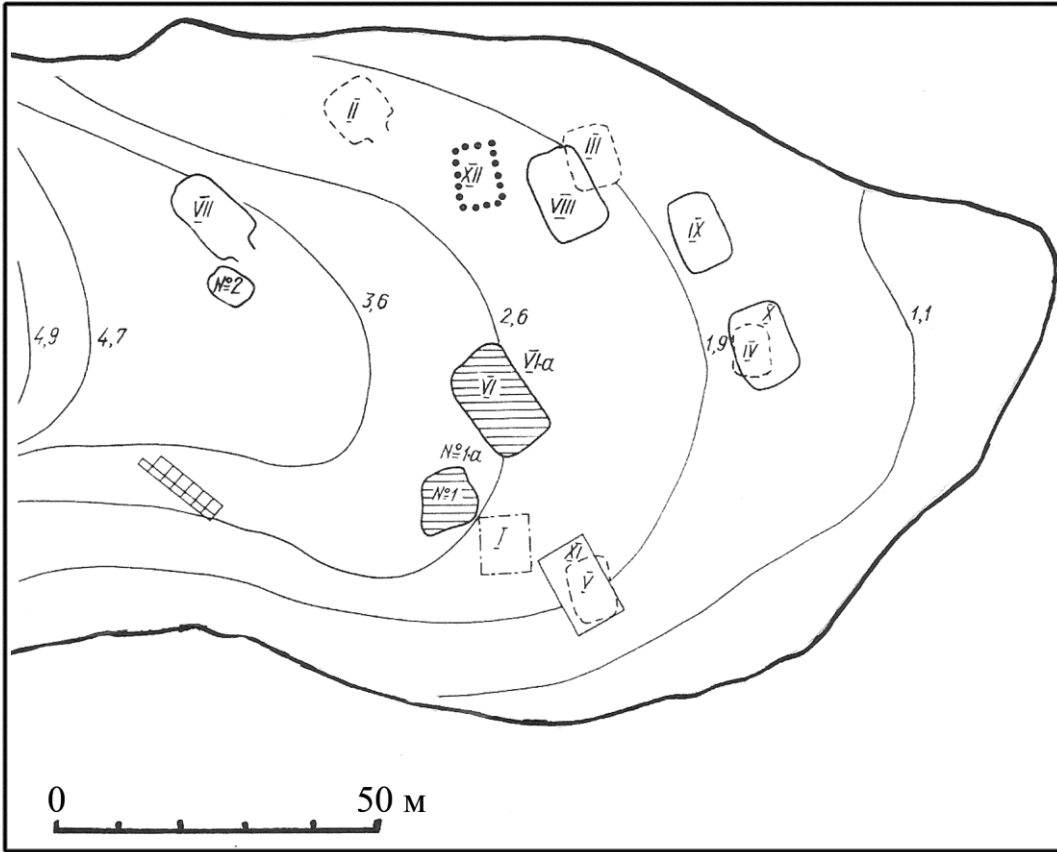

Рис. 12

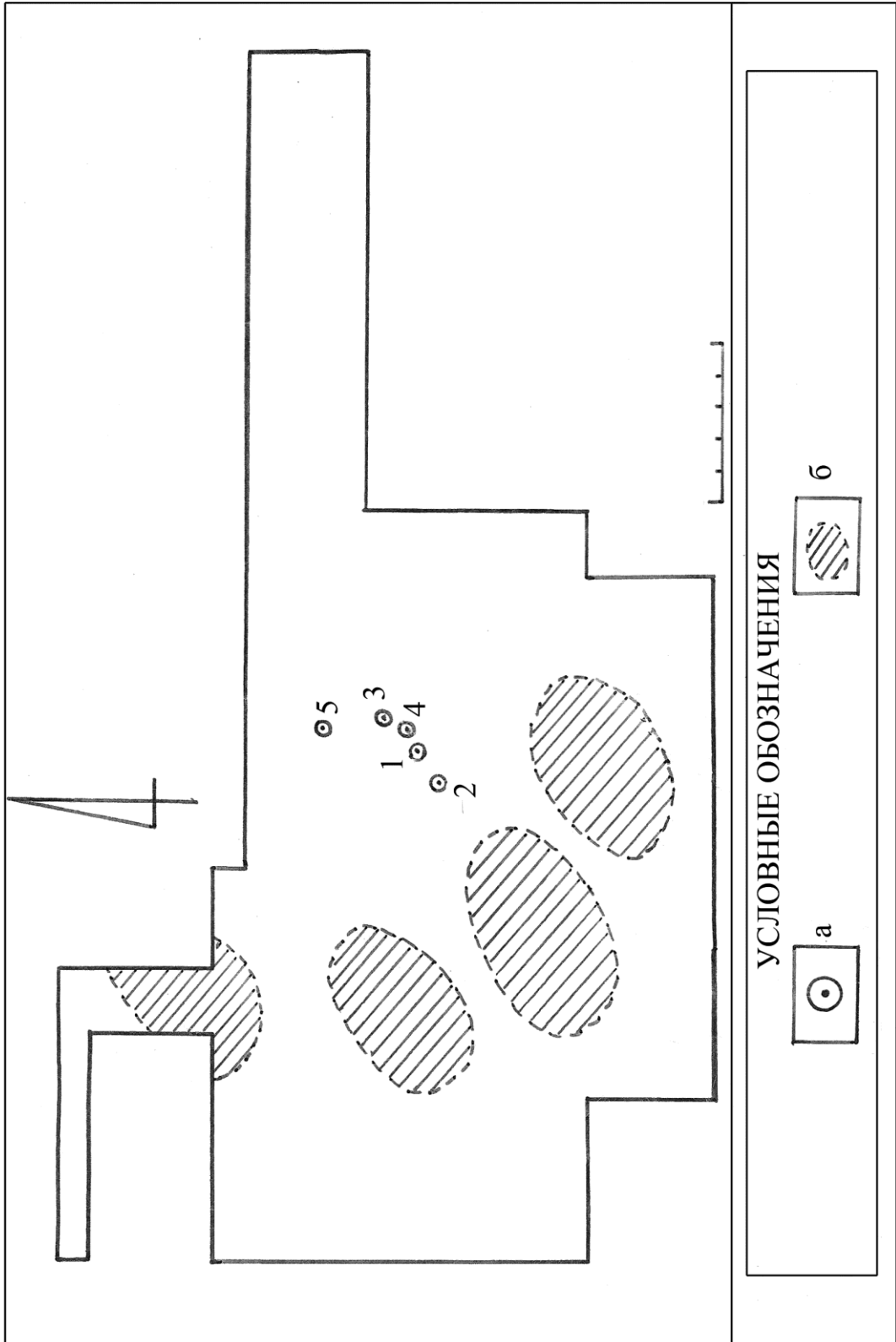

Рис. 13

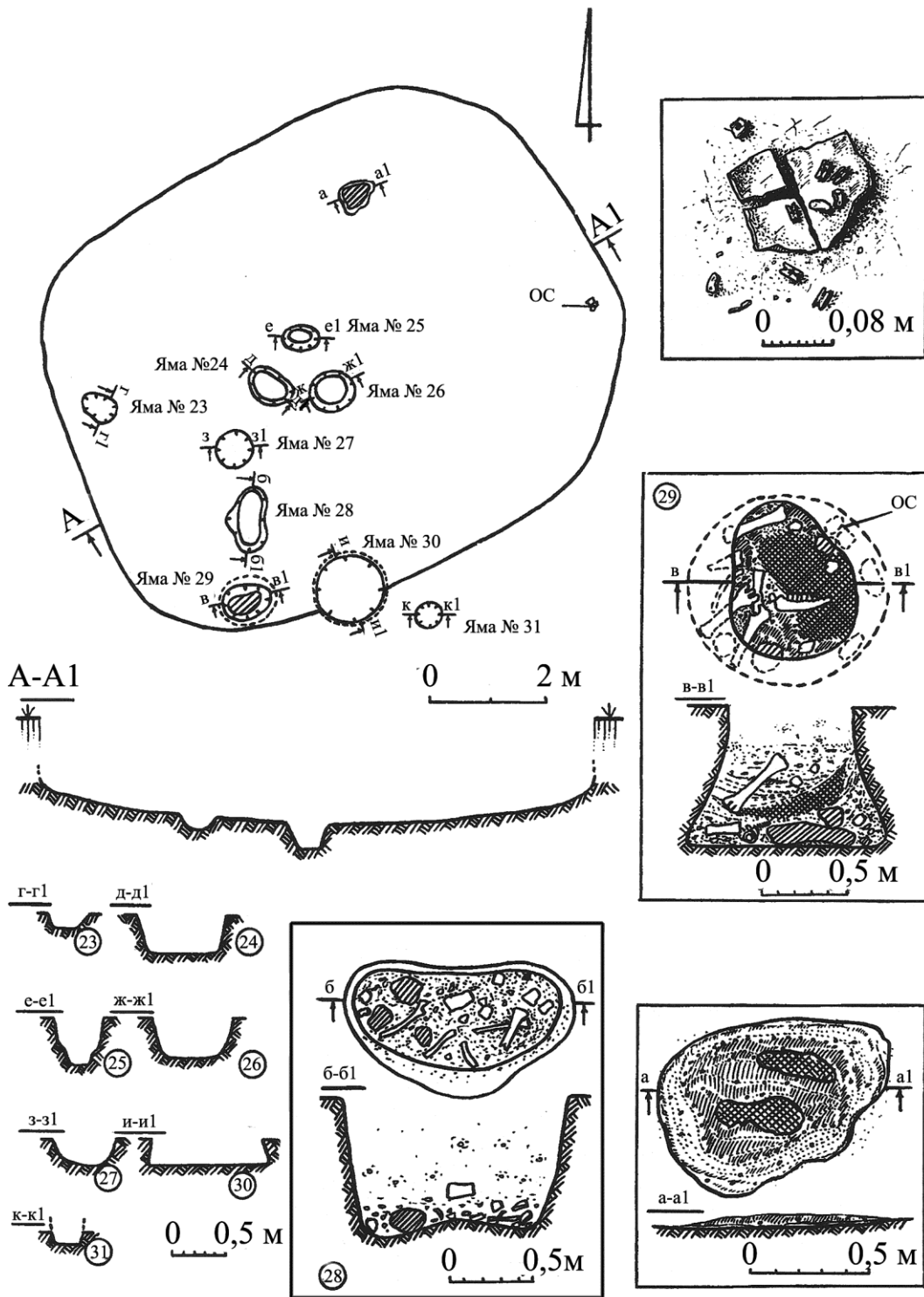

Рис. 14

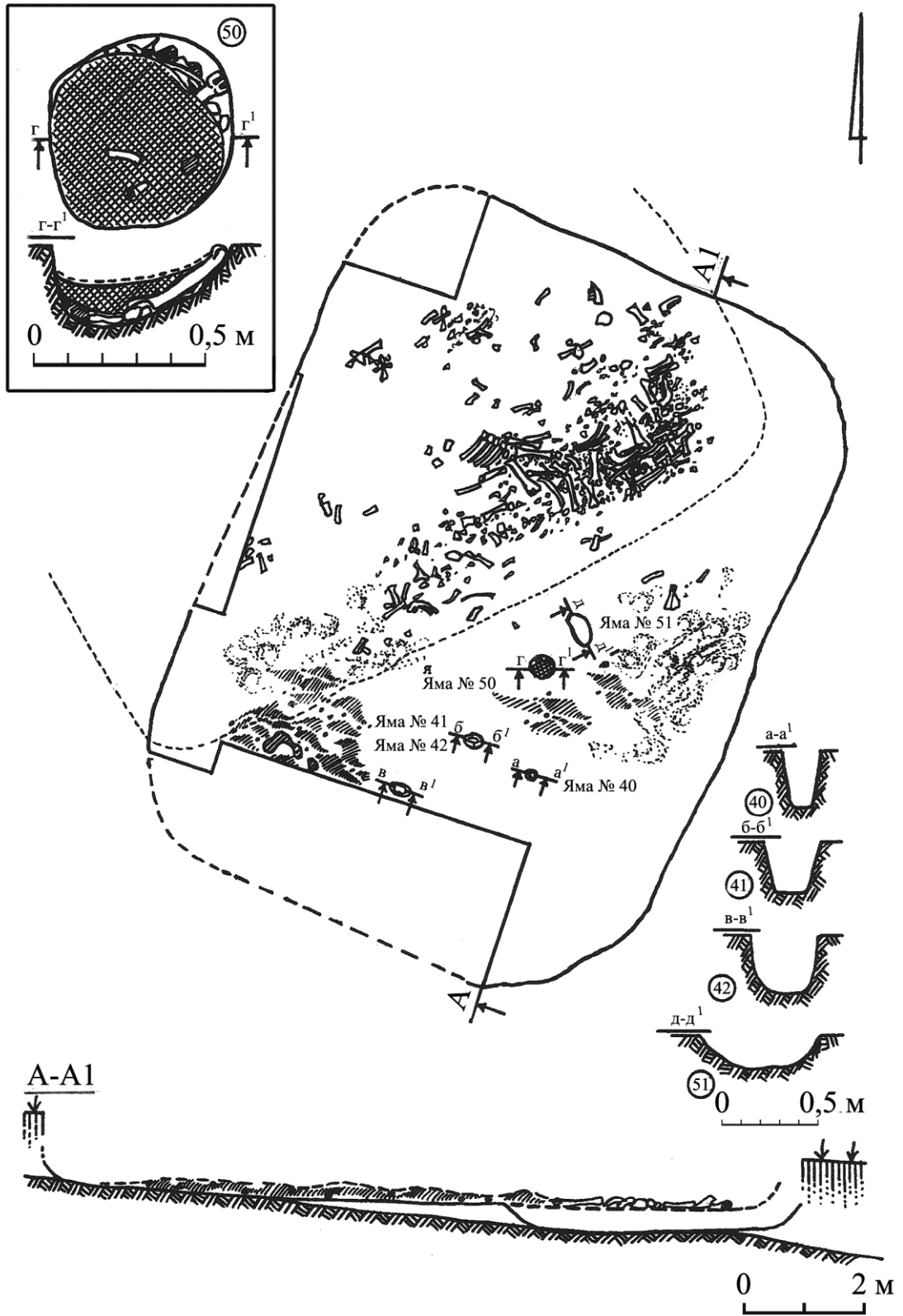

Рис. 15

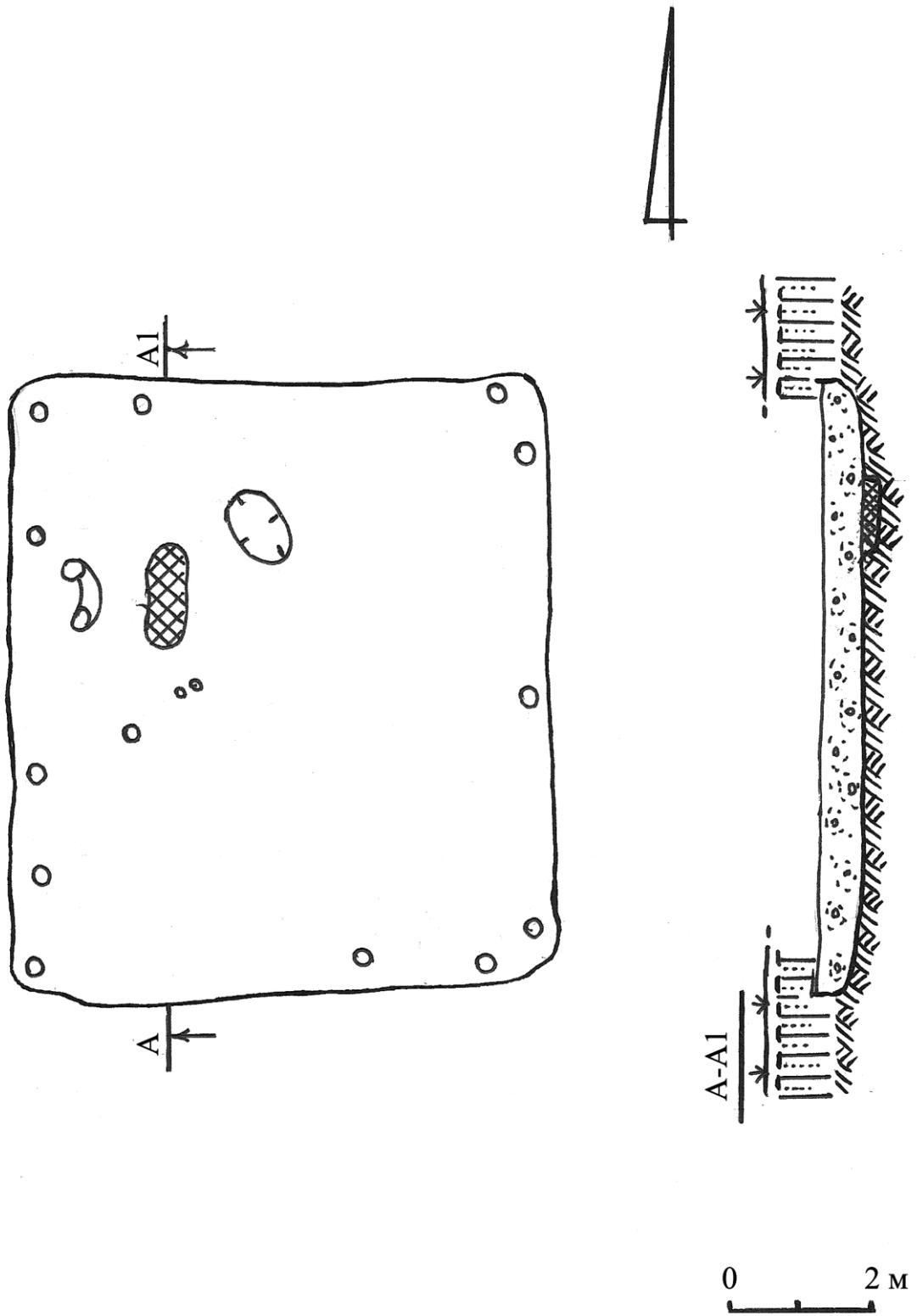

Рис. 16

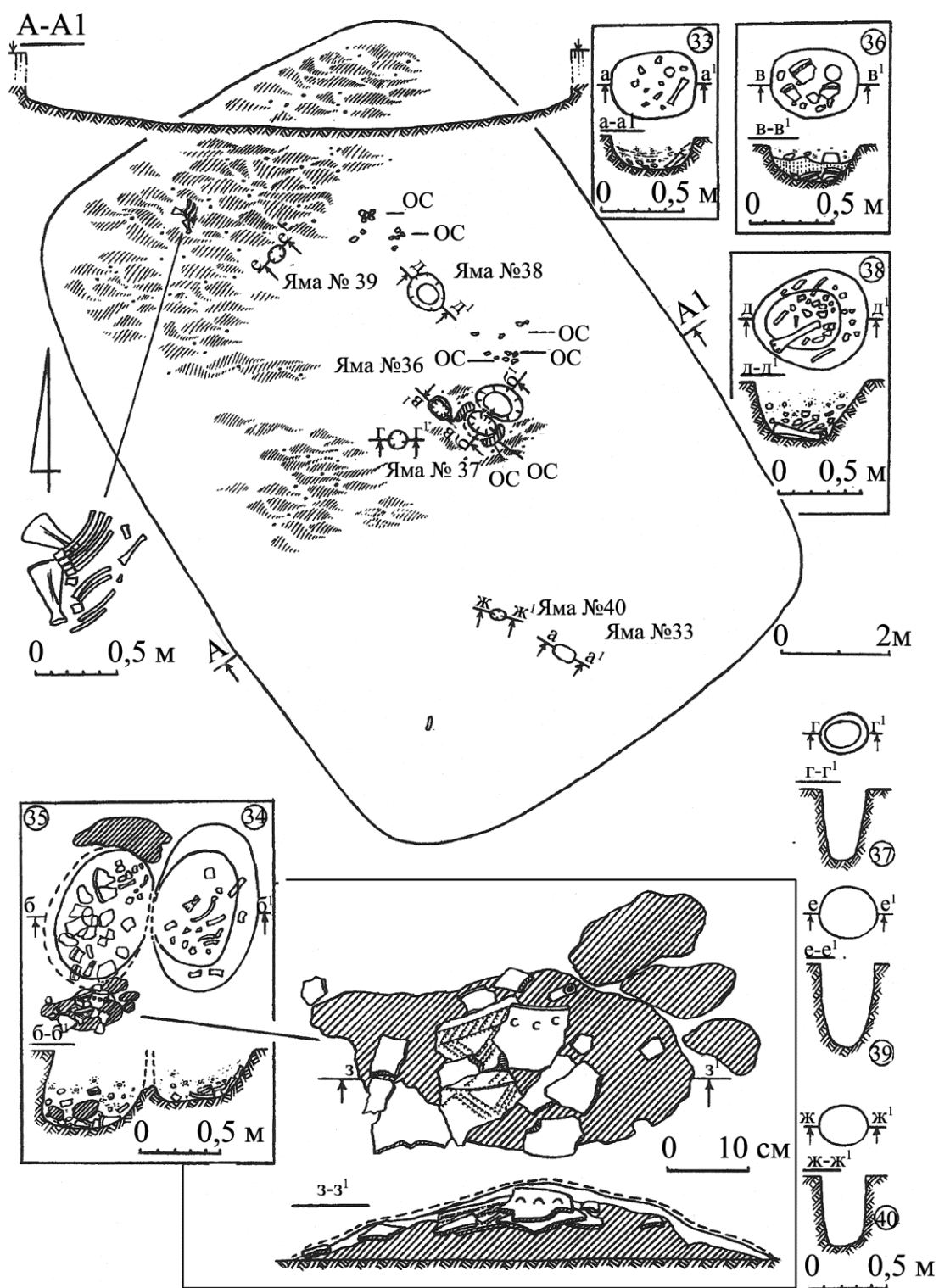

Рис. 17

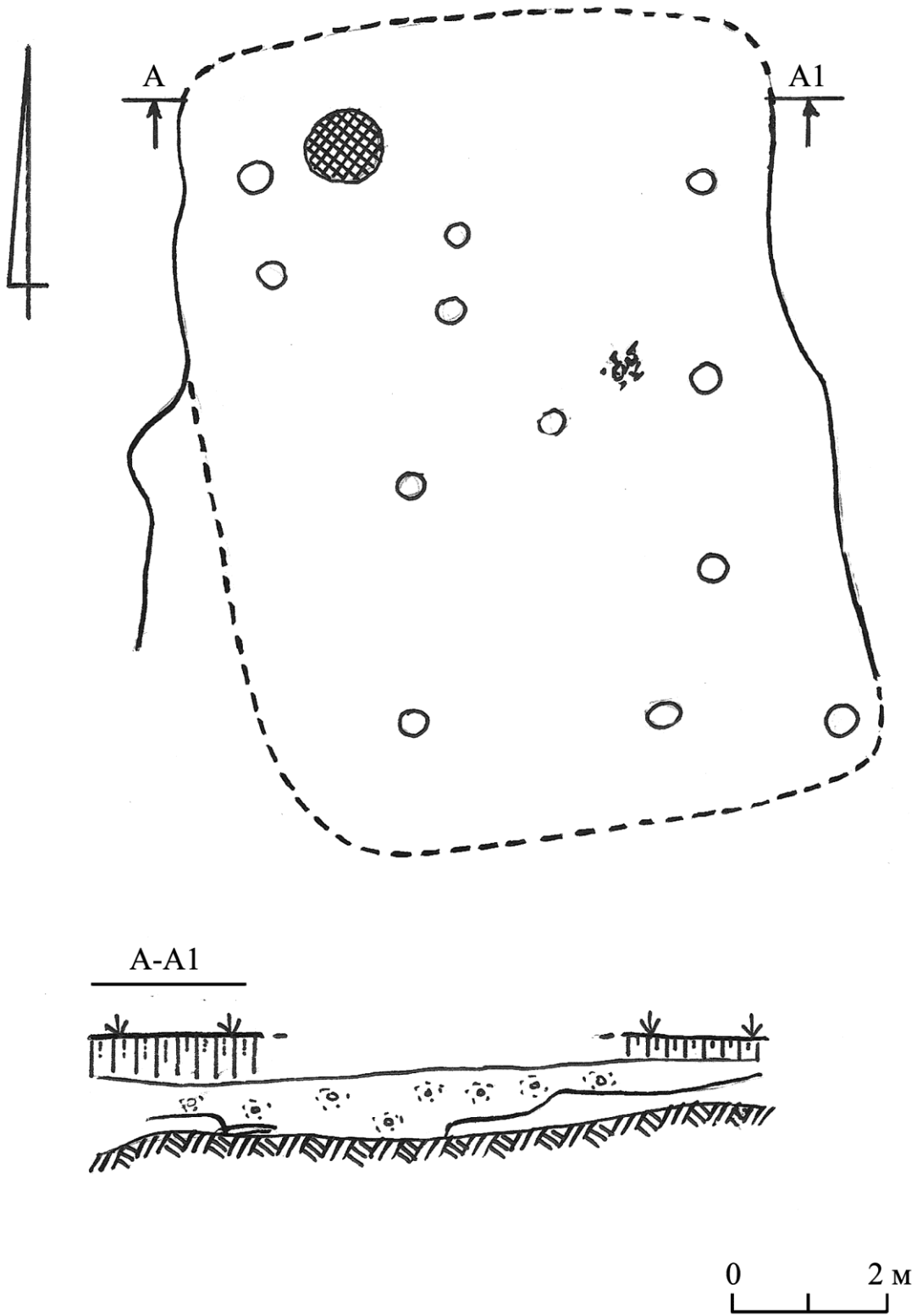

Рис. 18

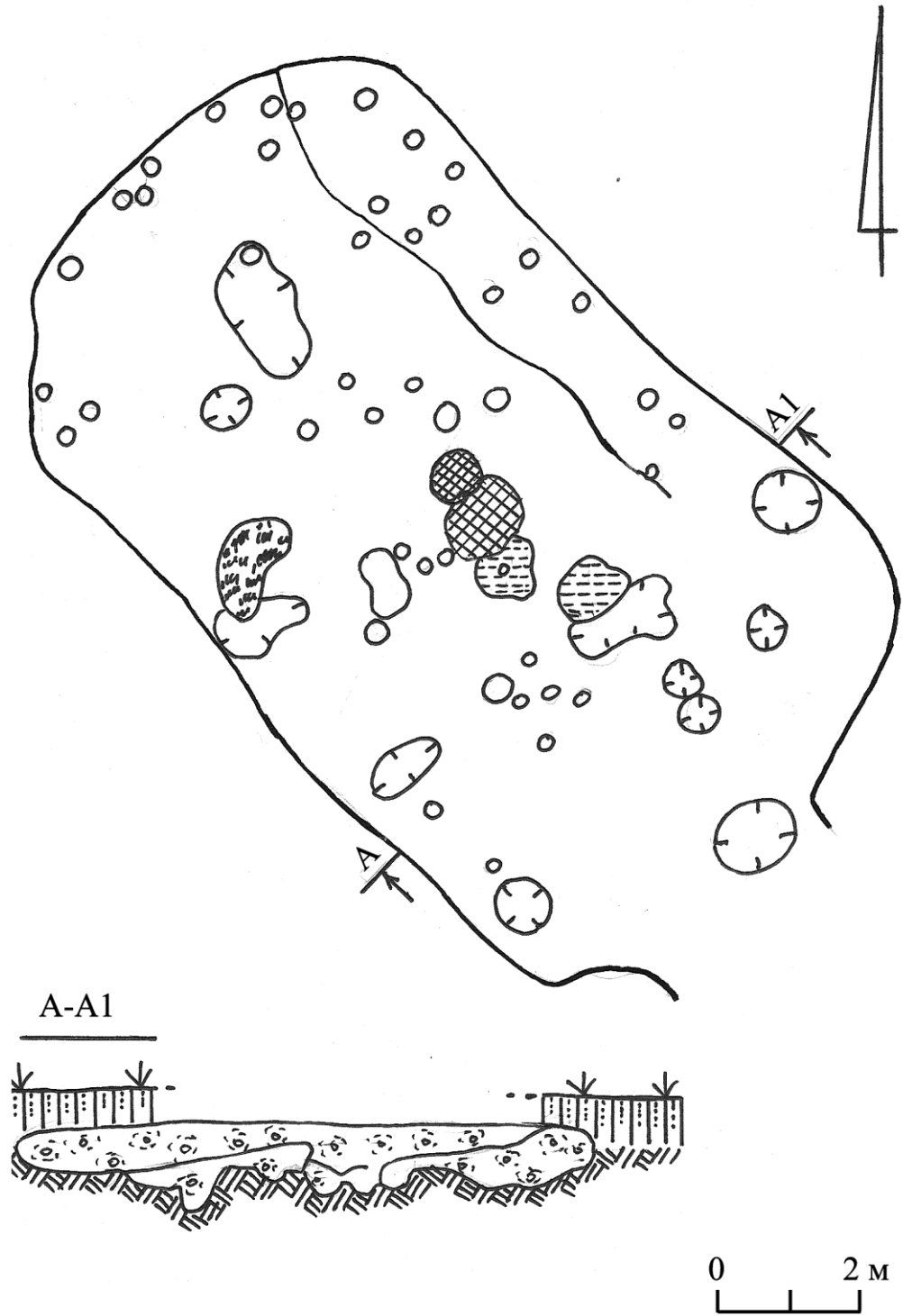

Рис. 19

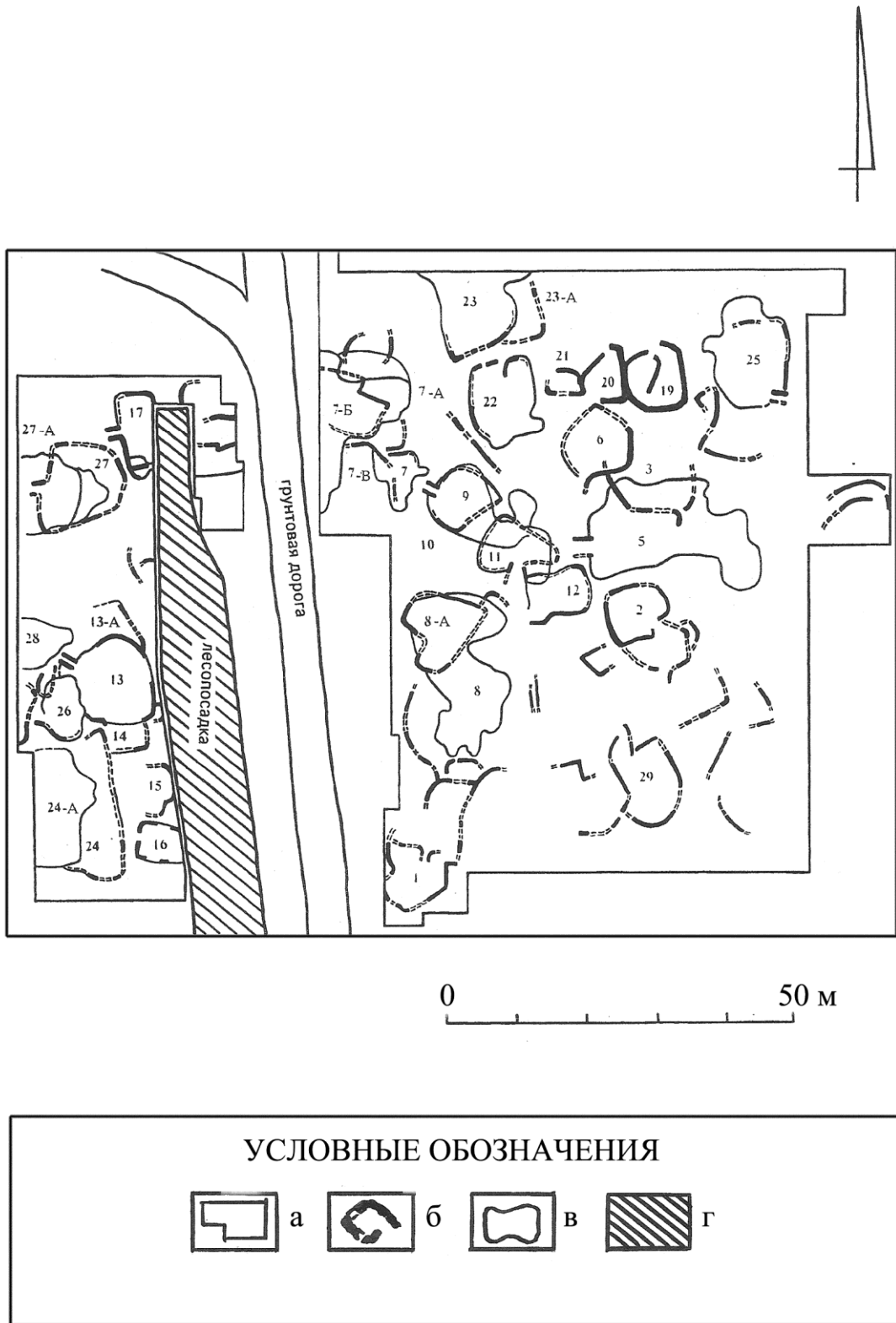

Рис. 20

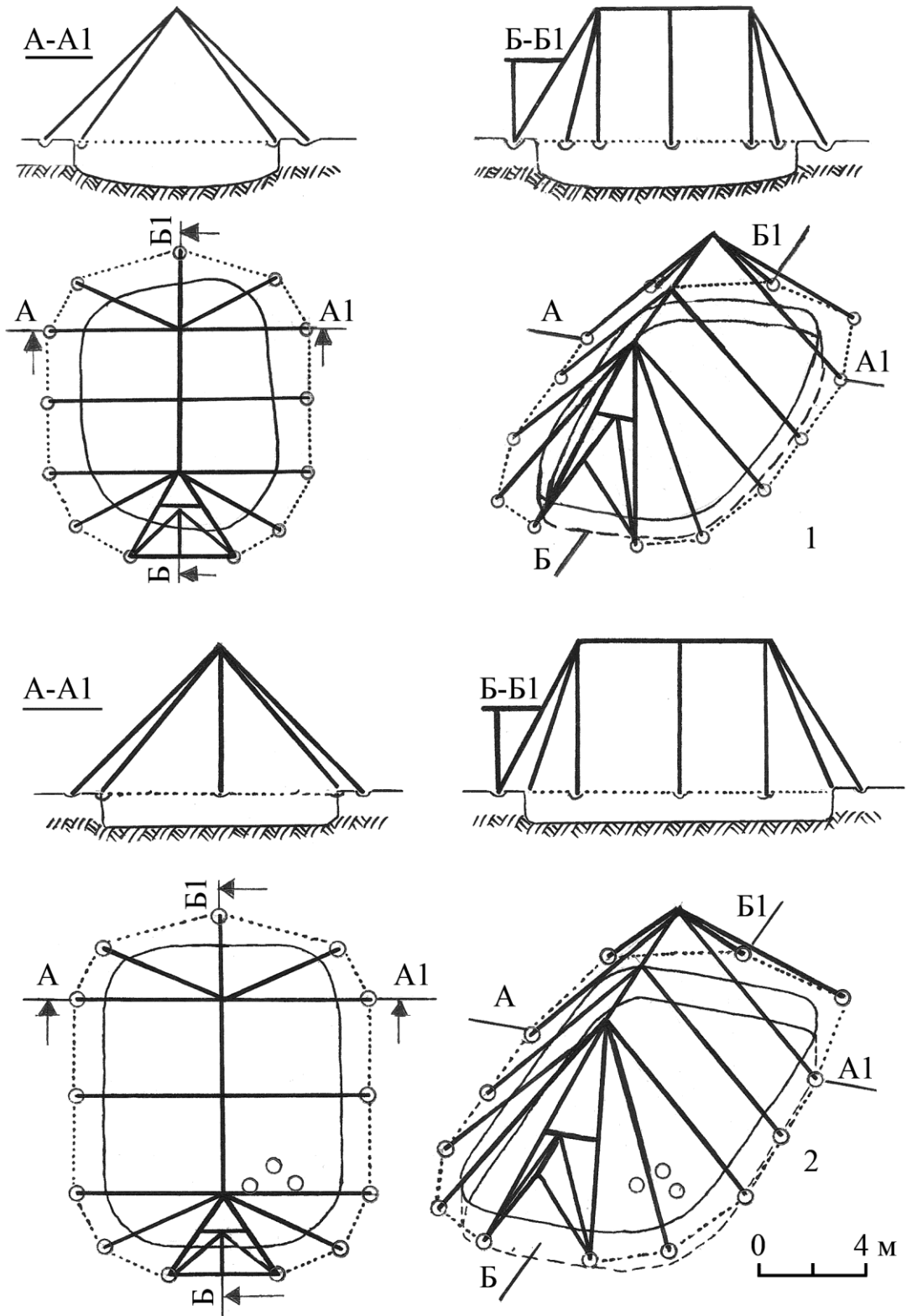

Рис. 21

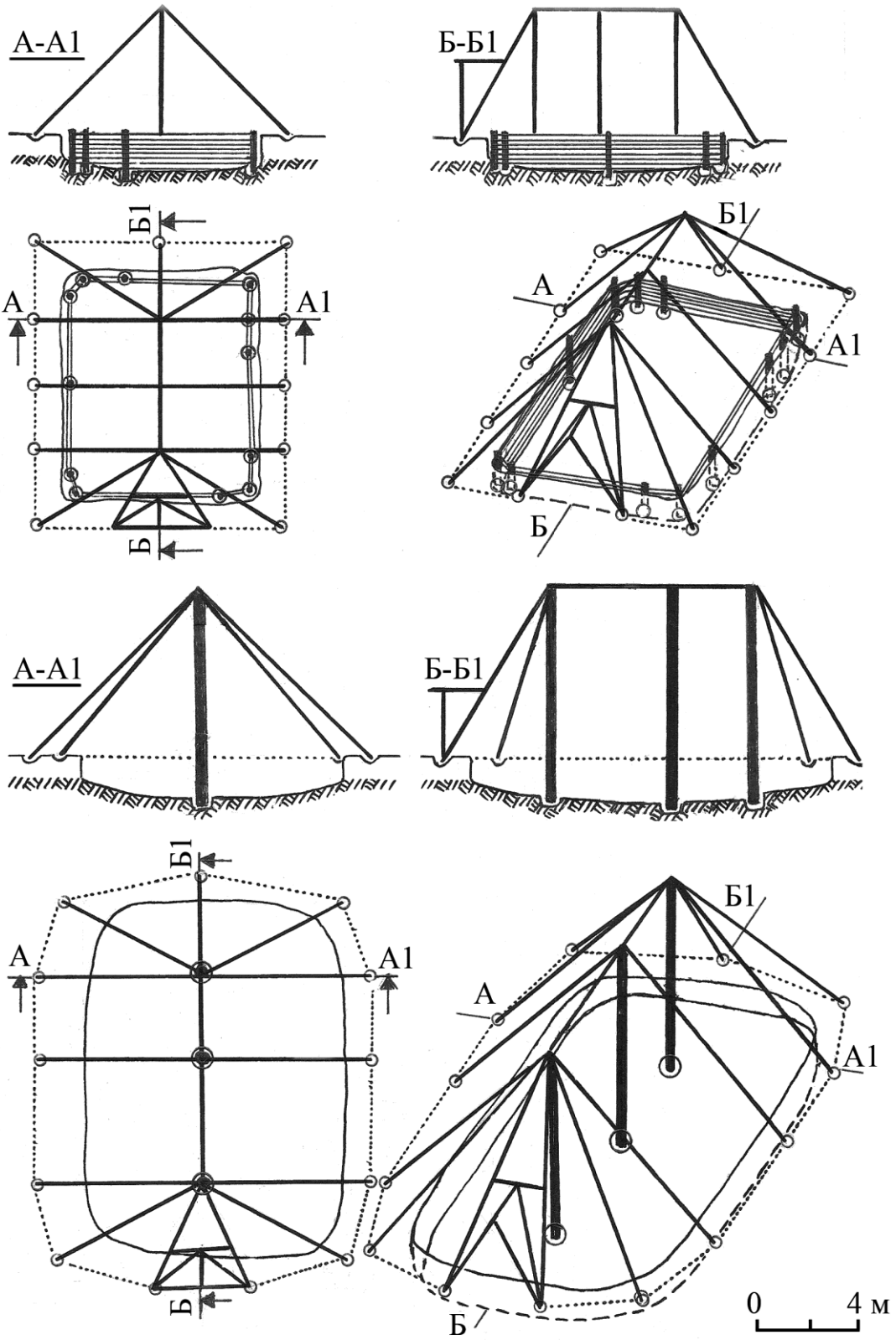

Рис. 22

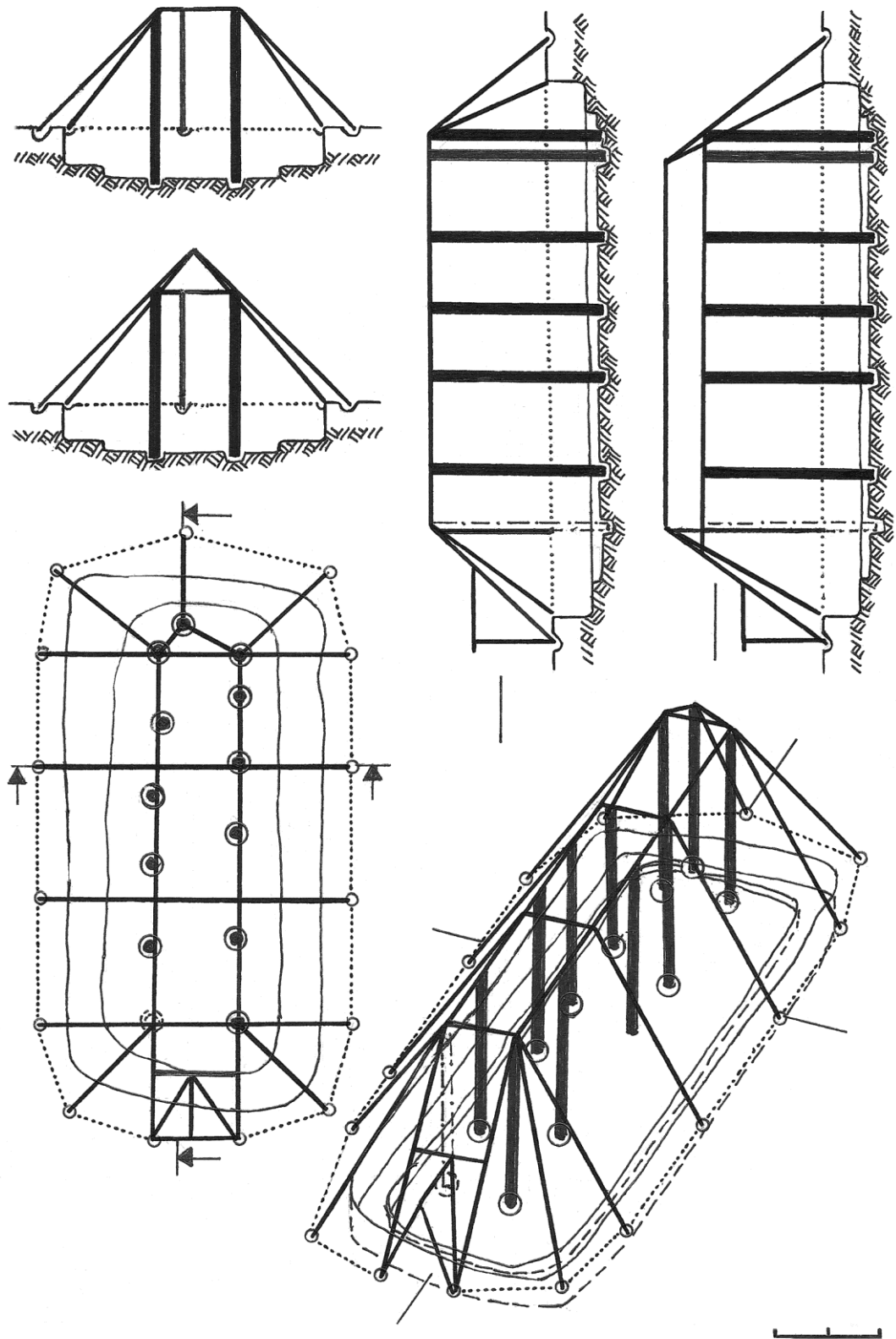

Рис. 23

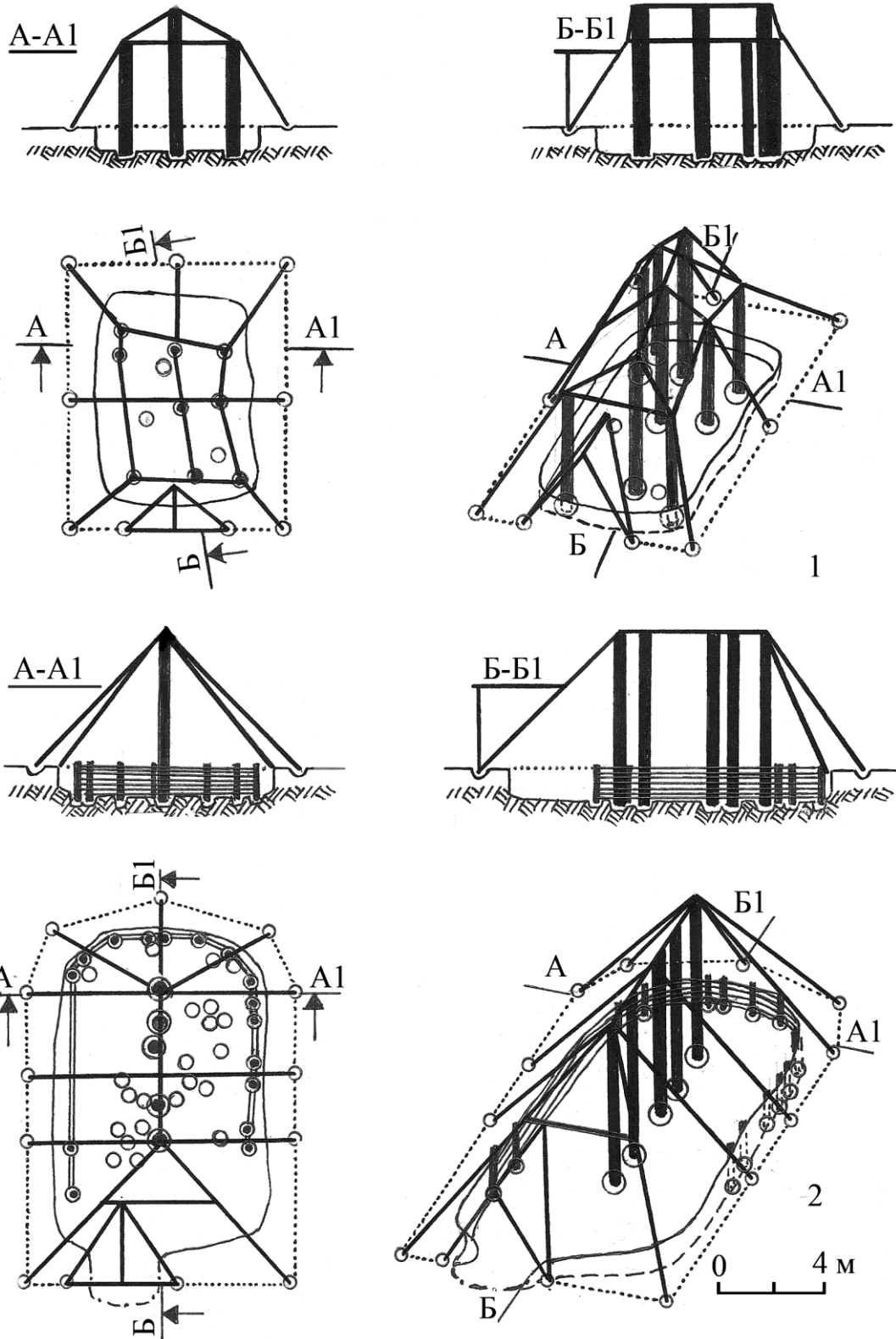

Рис. 24

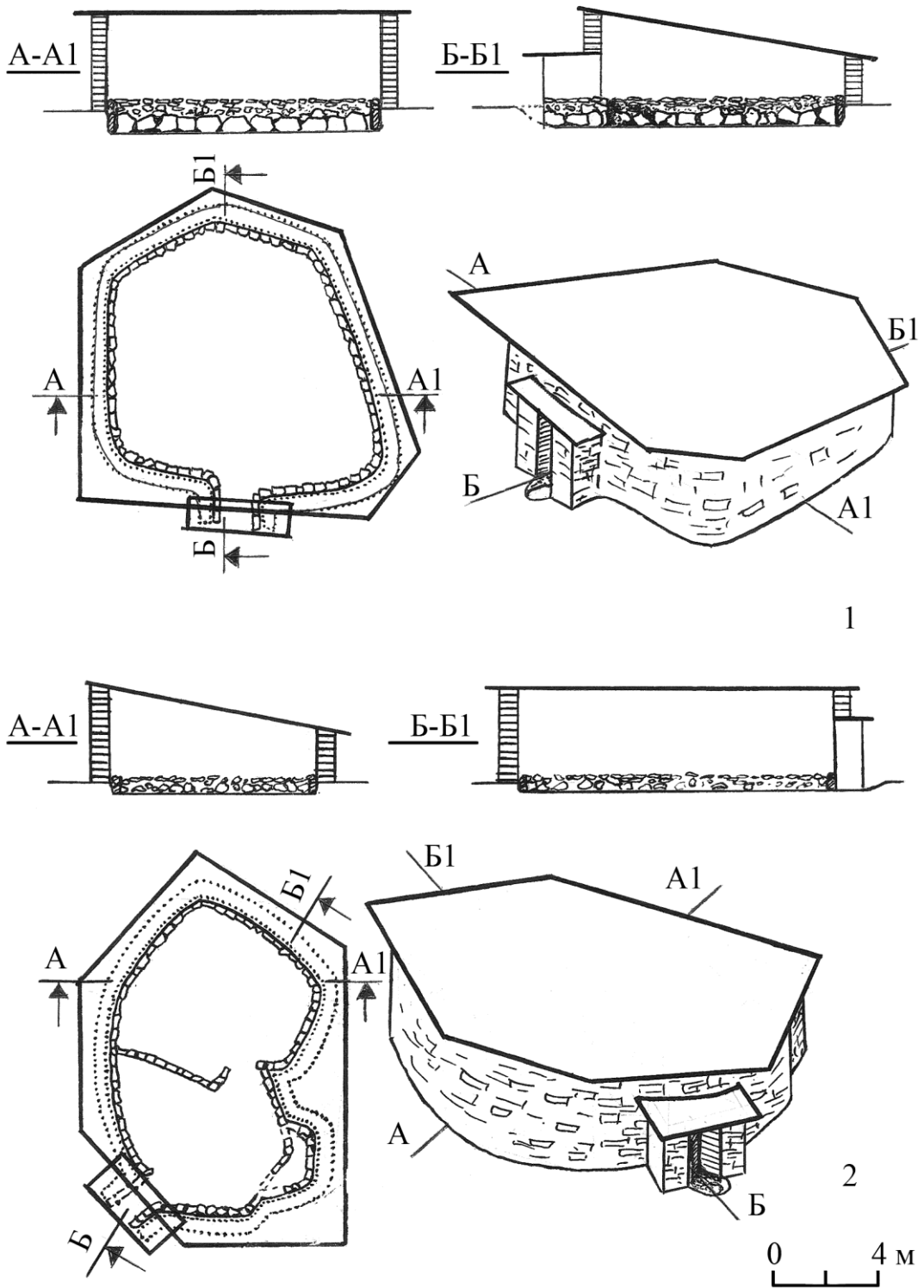

Рис. 25

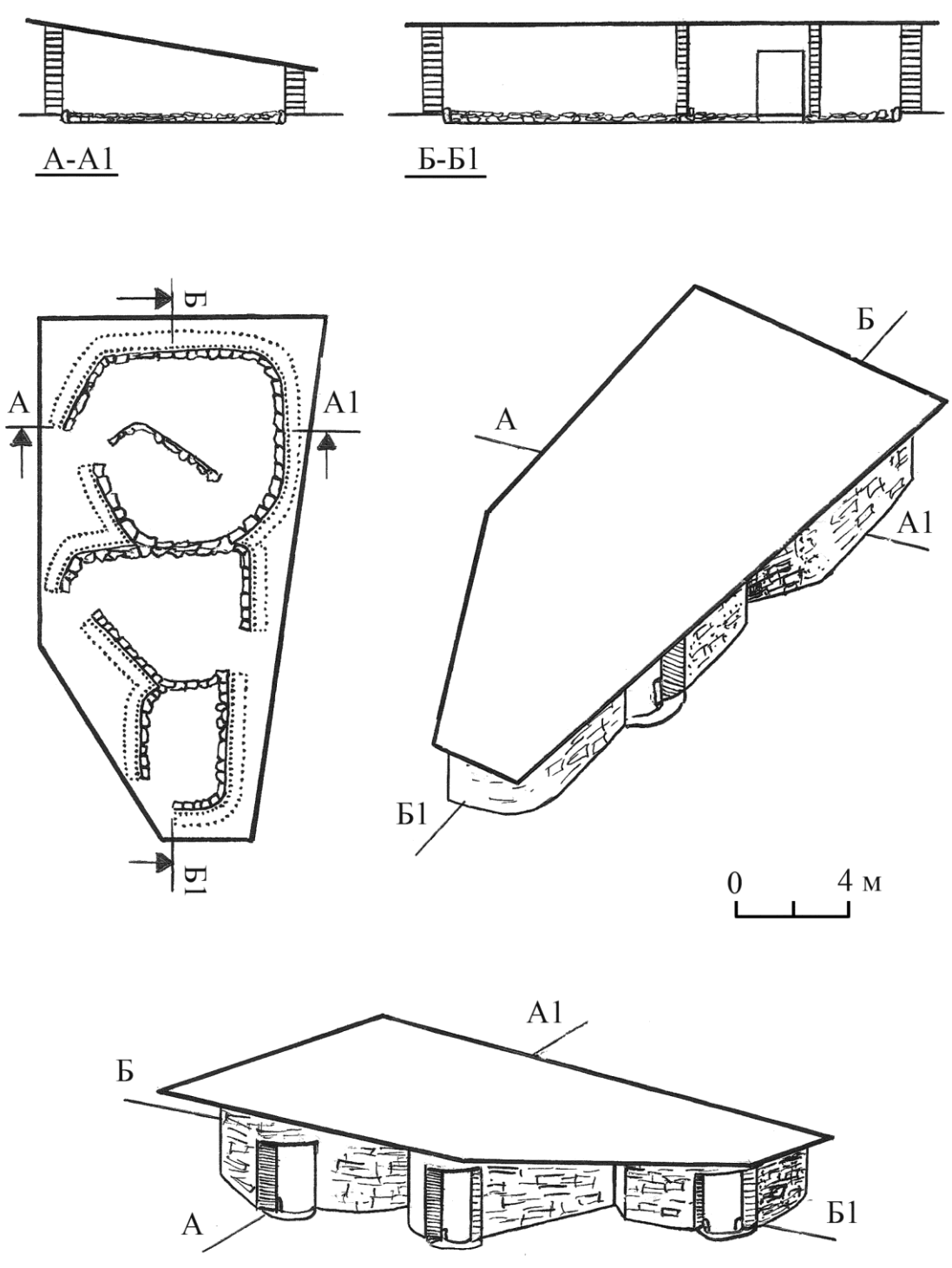

Рис. 26

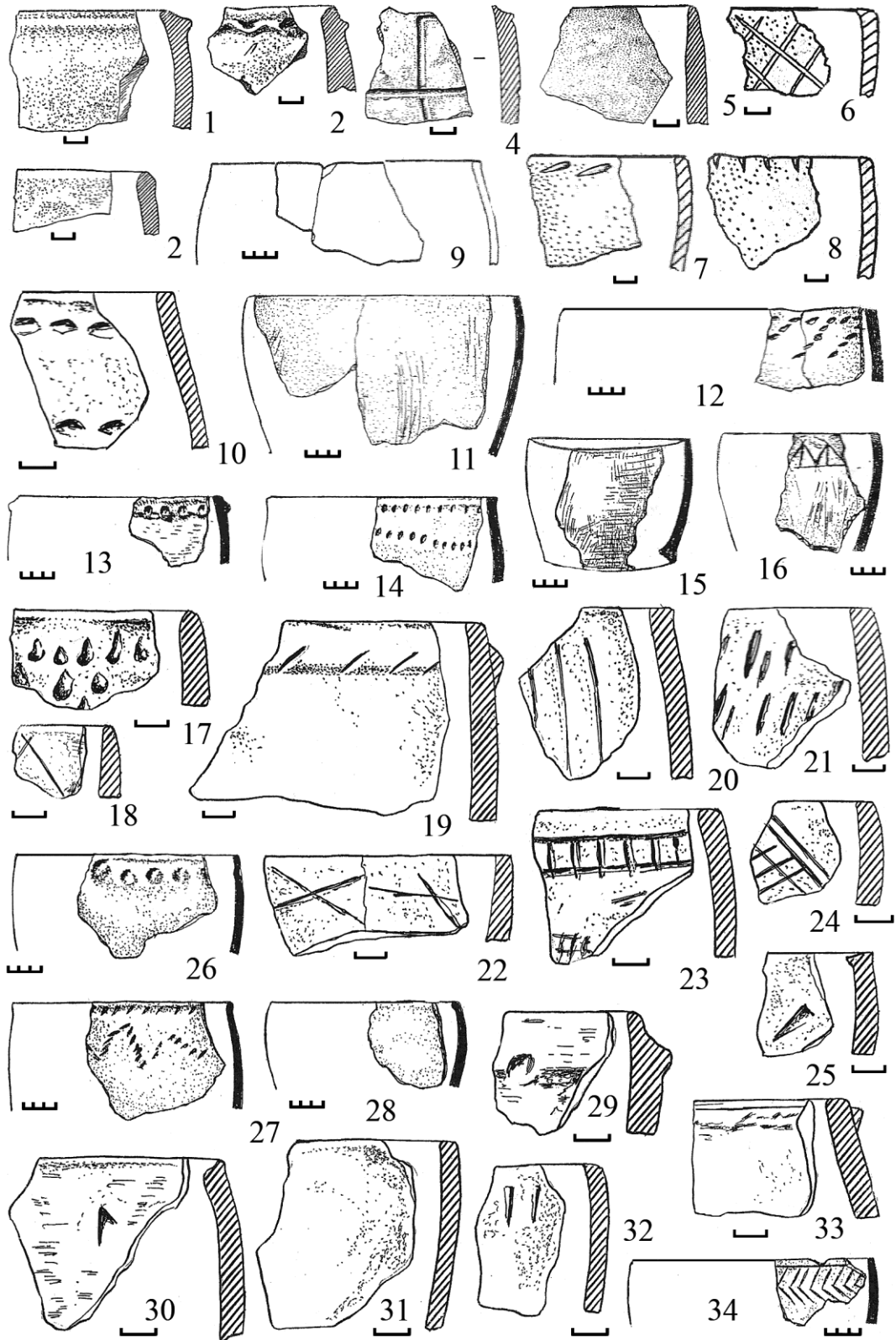

Рис. 27

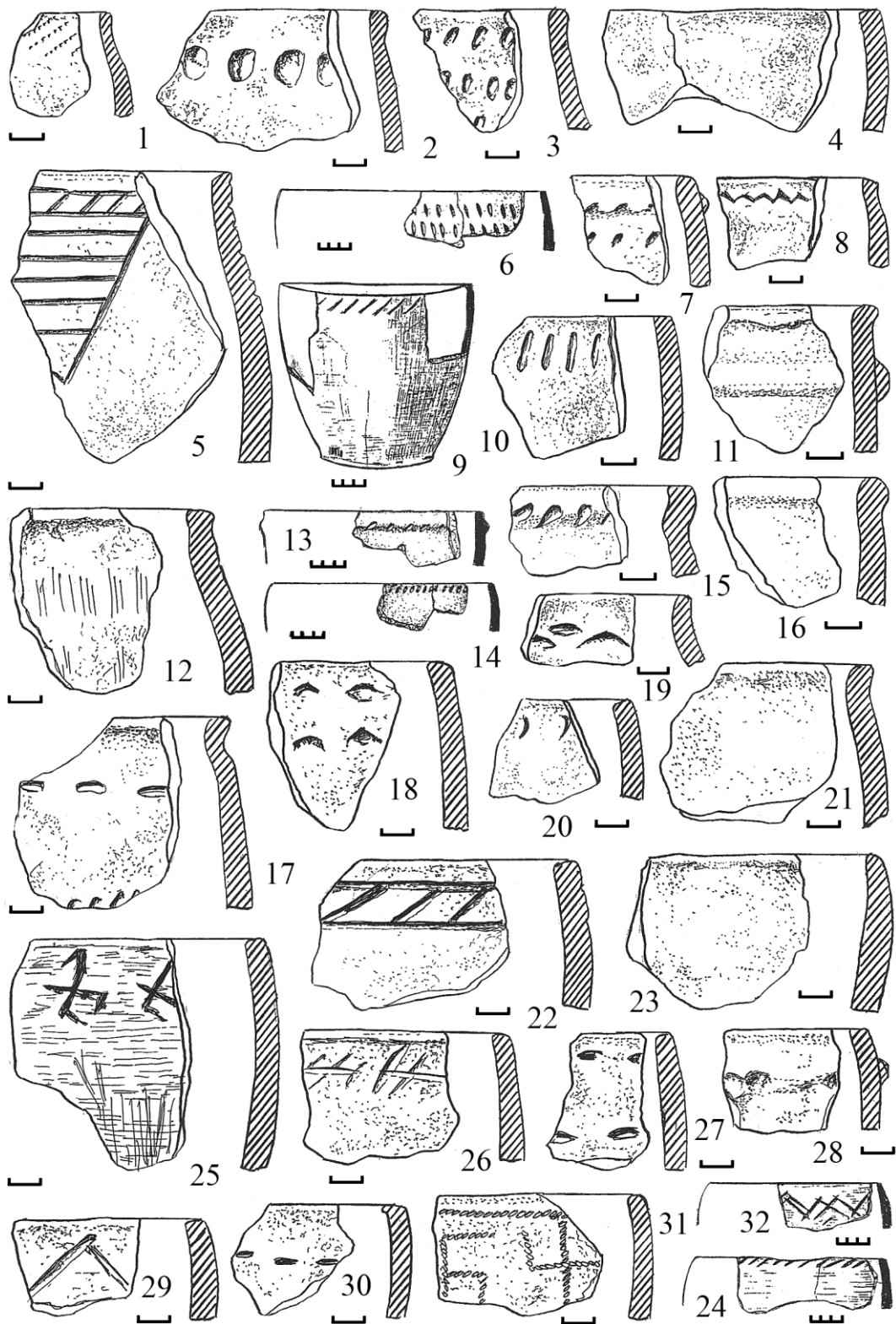

Рис. 28

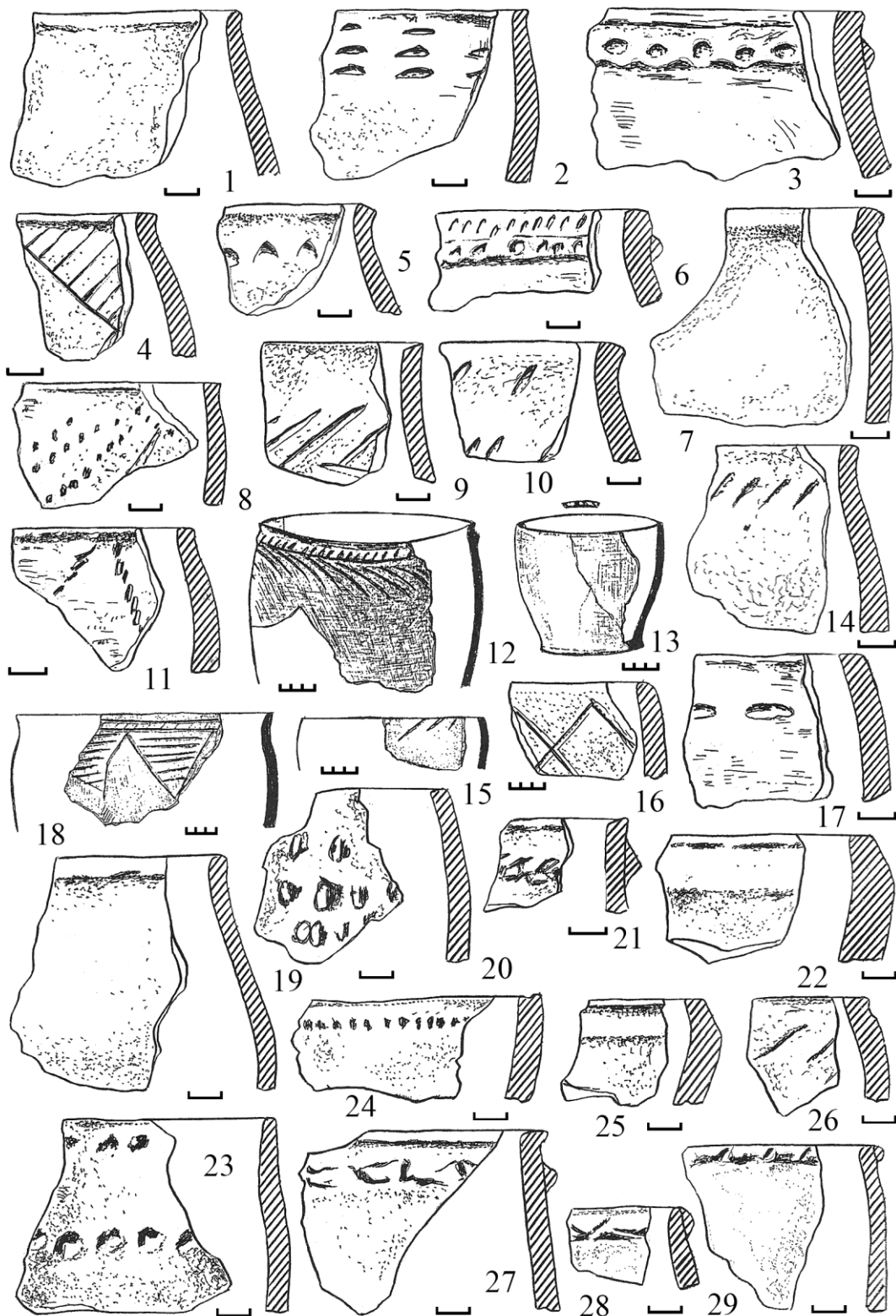

Рис. 29

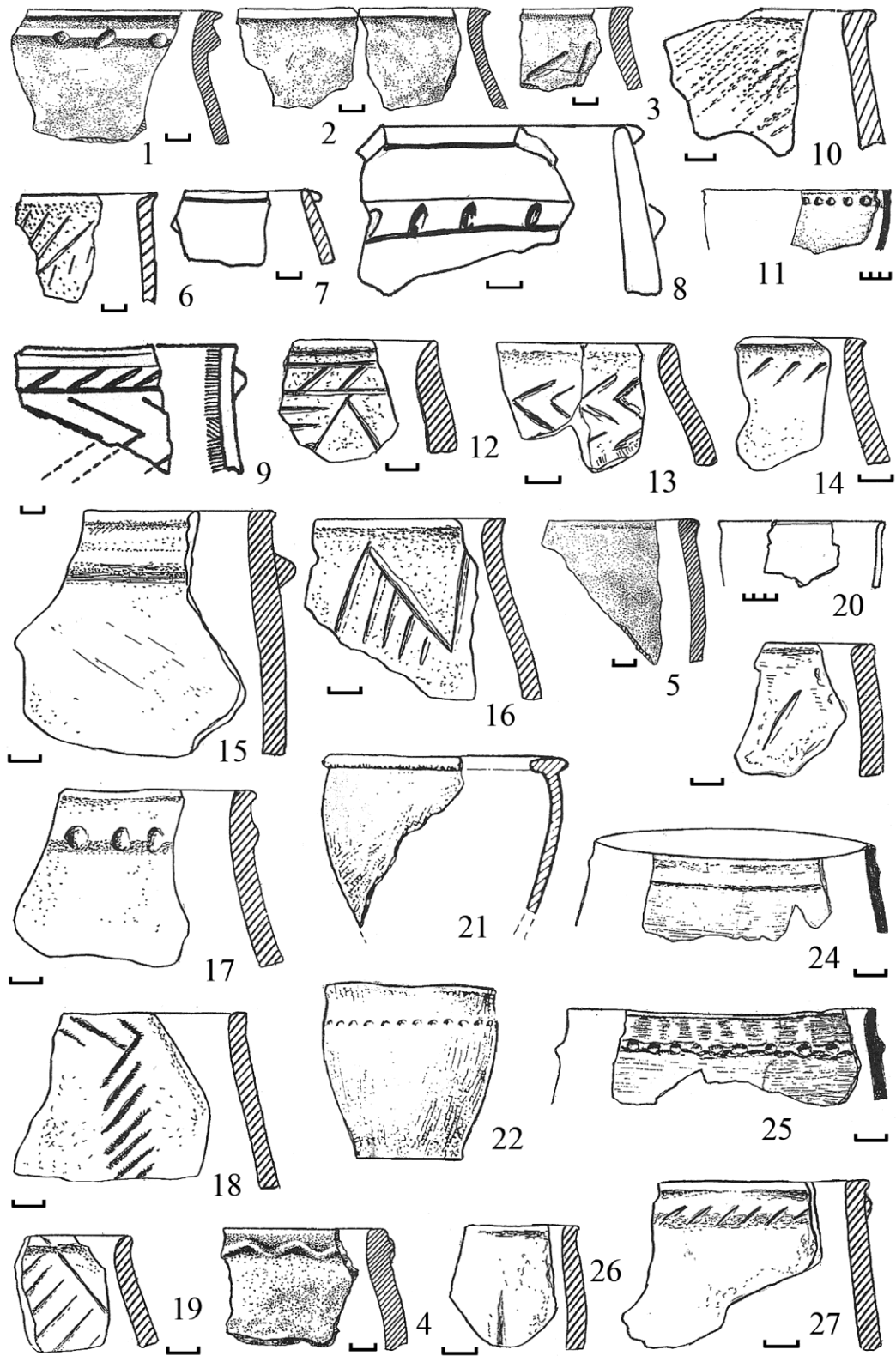

Рис. 30

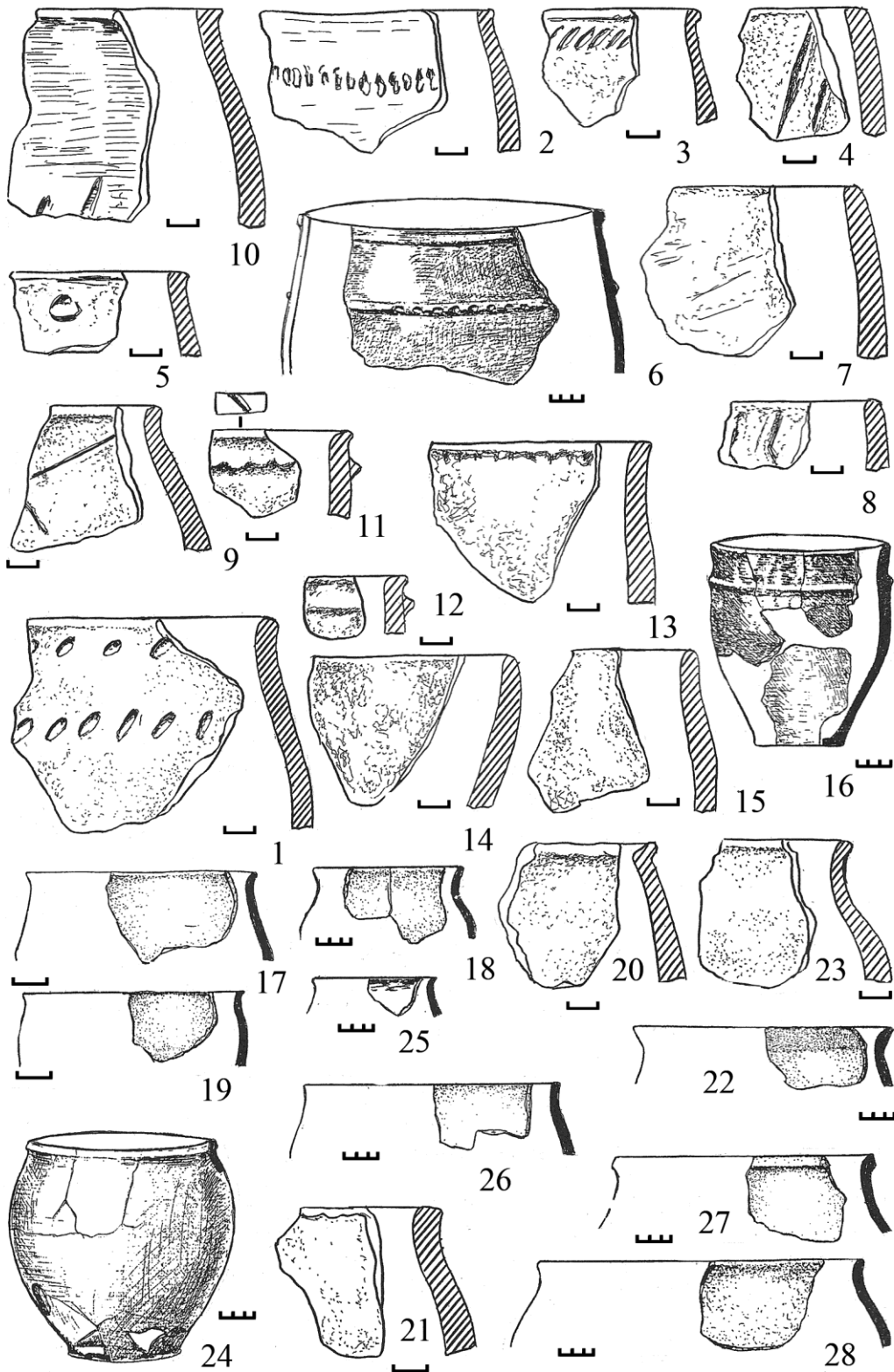

Рис. 31

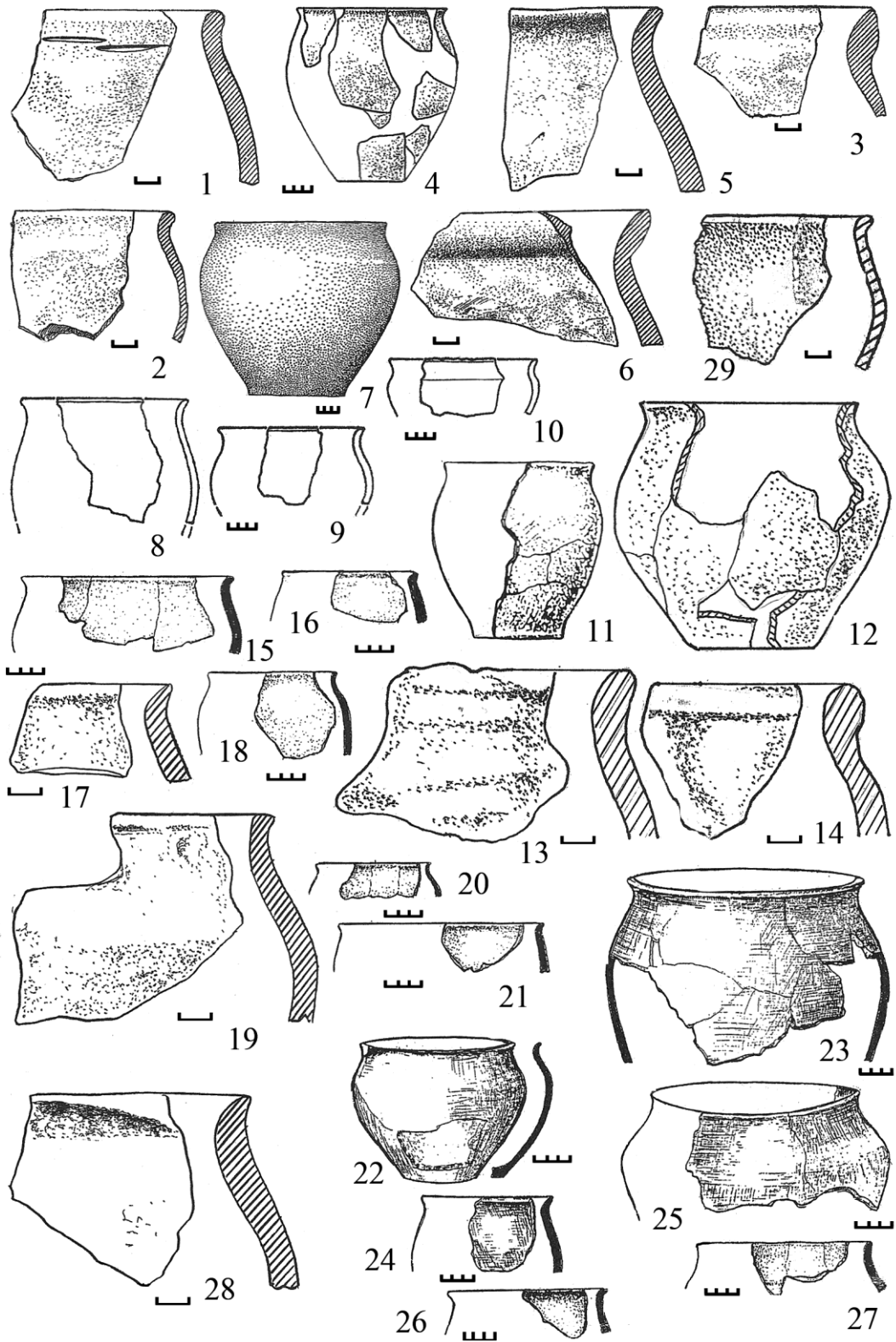

Рис. 32

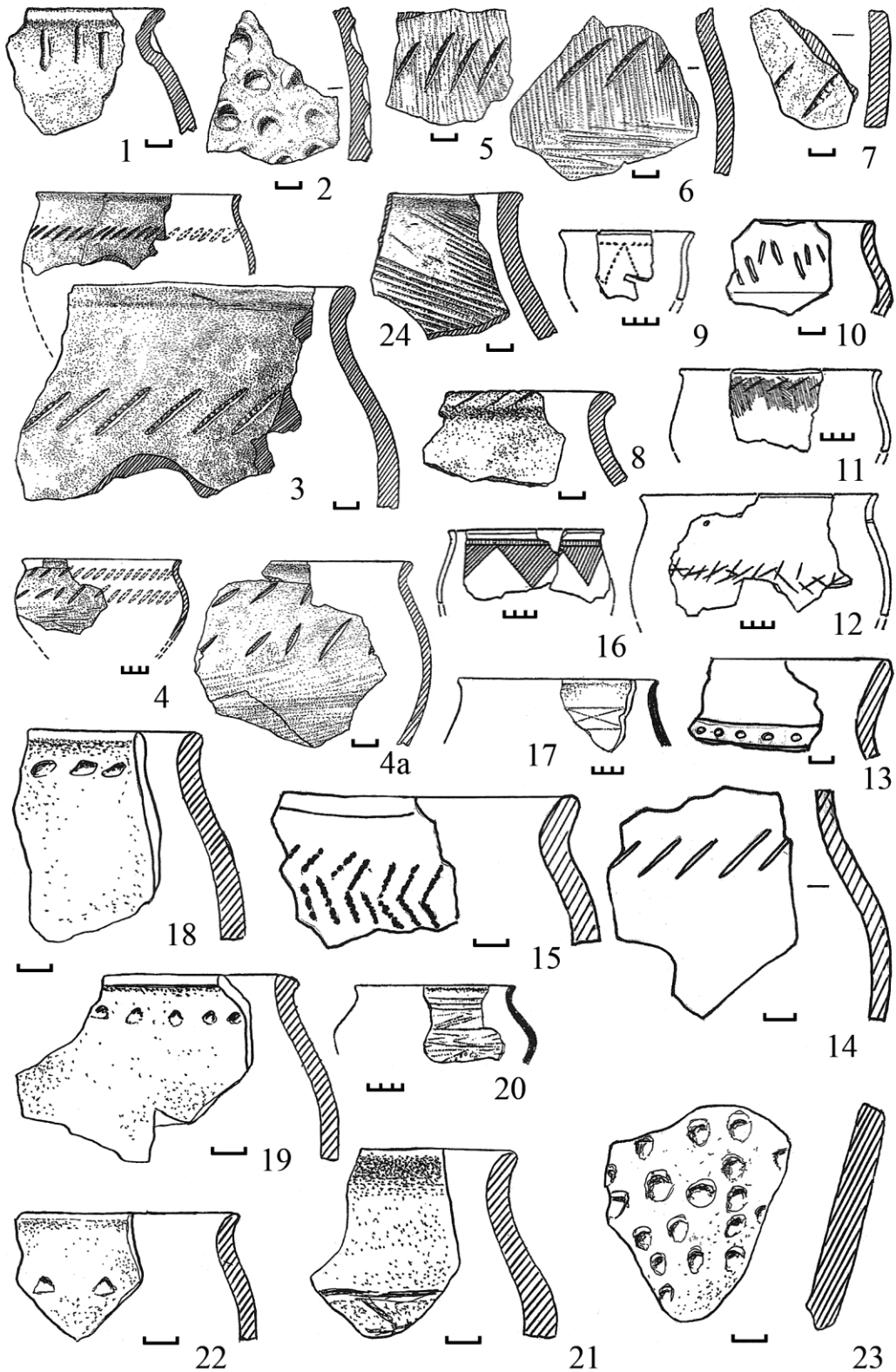

Рис. 33

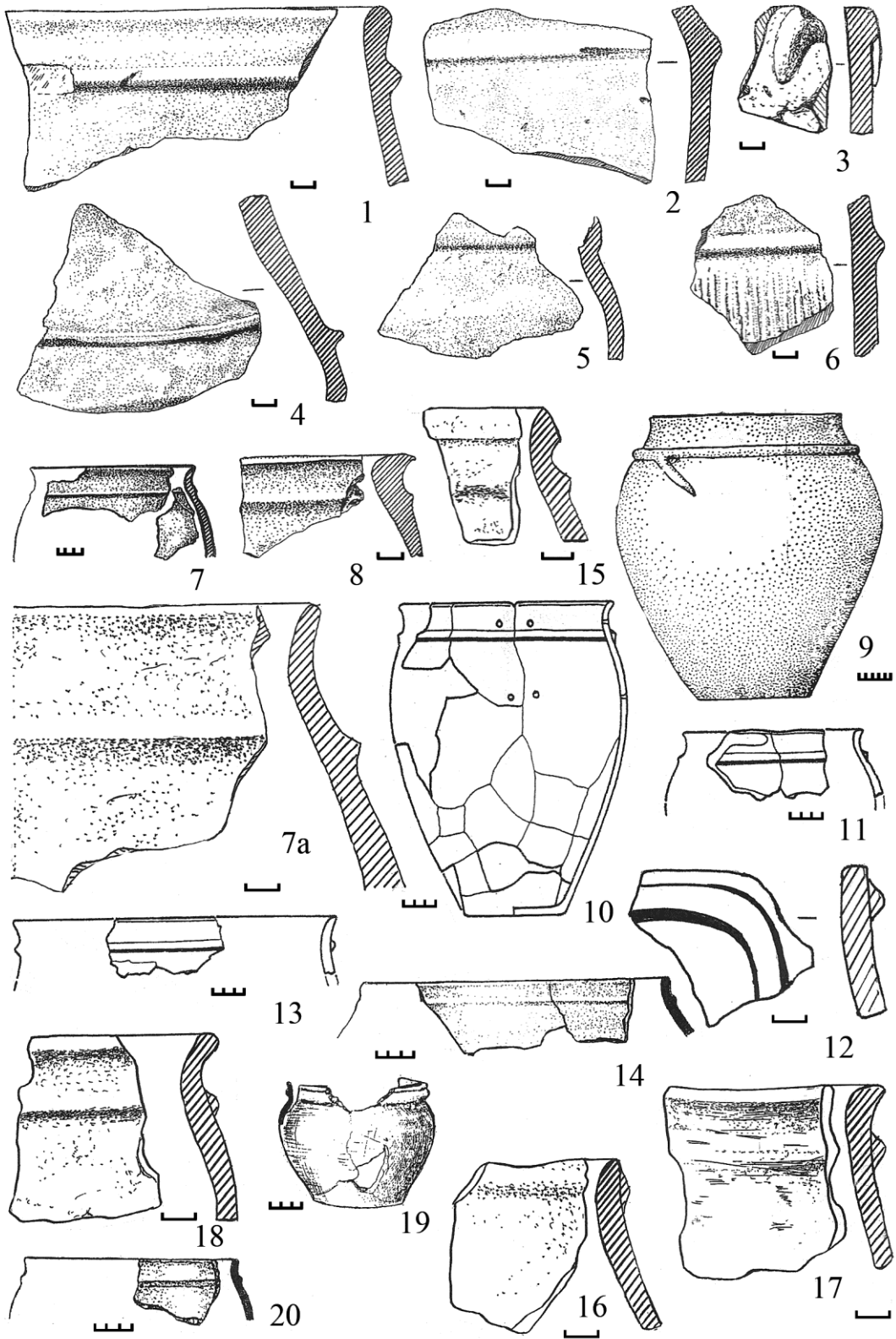

Рис. 34

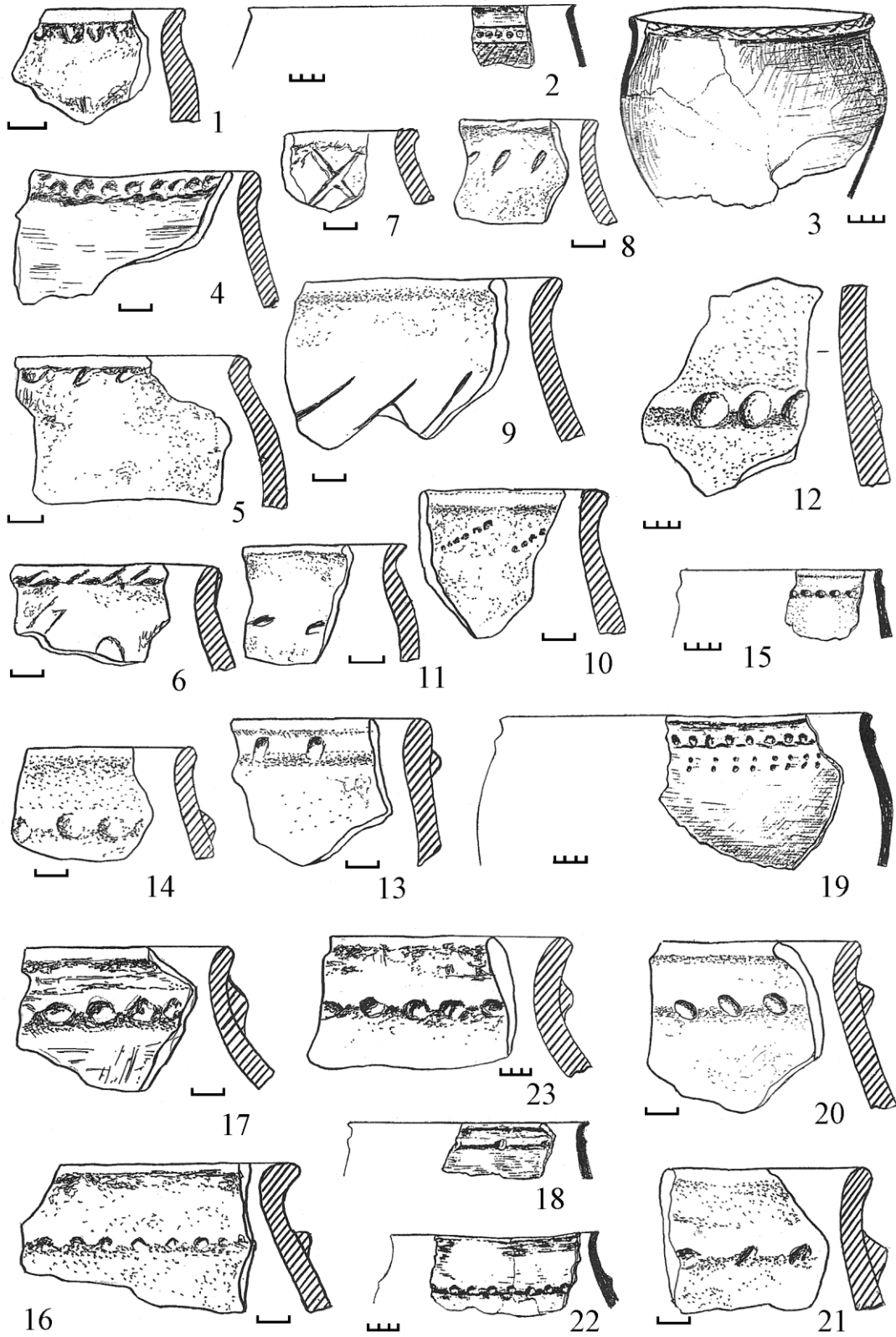

Рис. 35

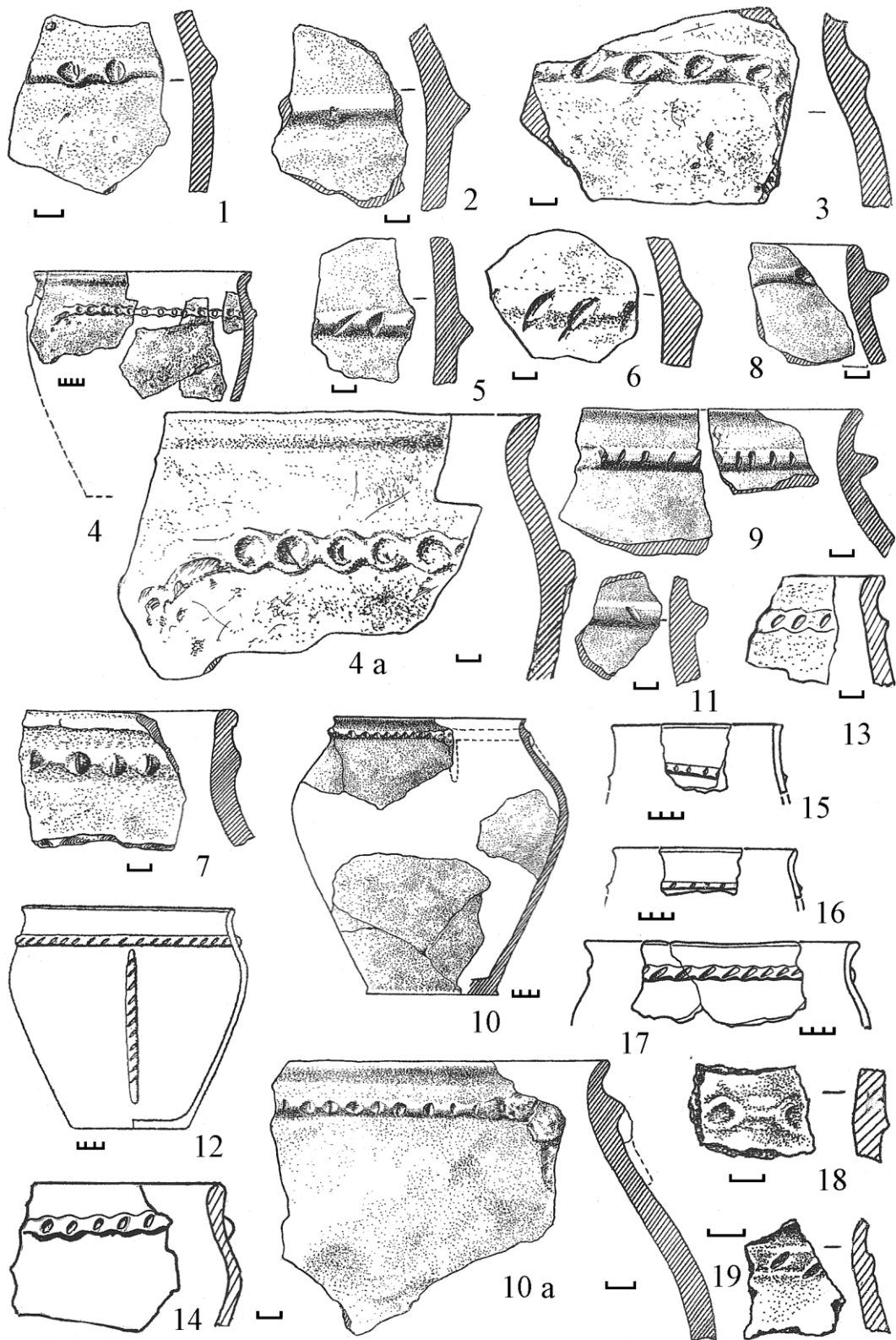

Рис. 36

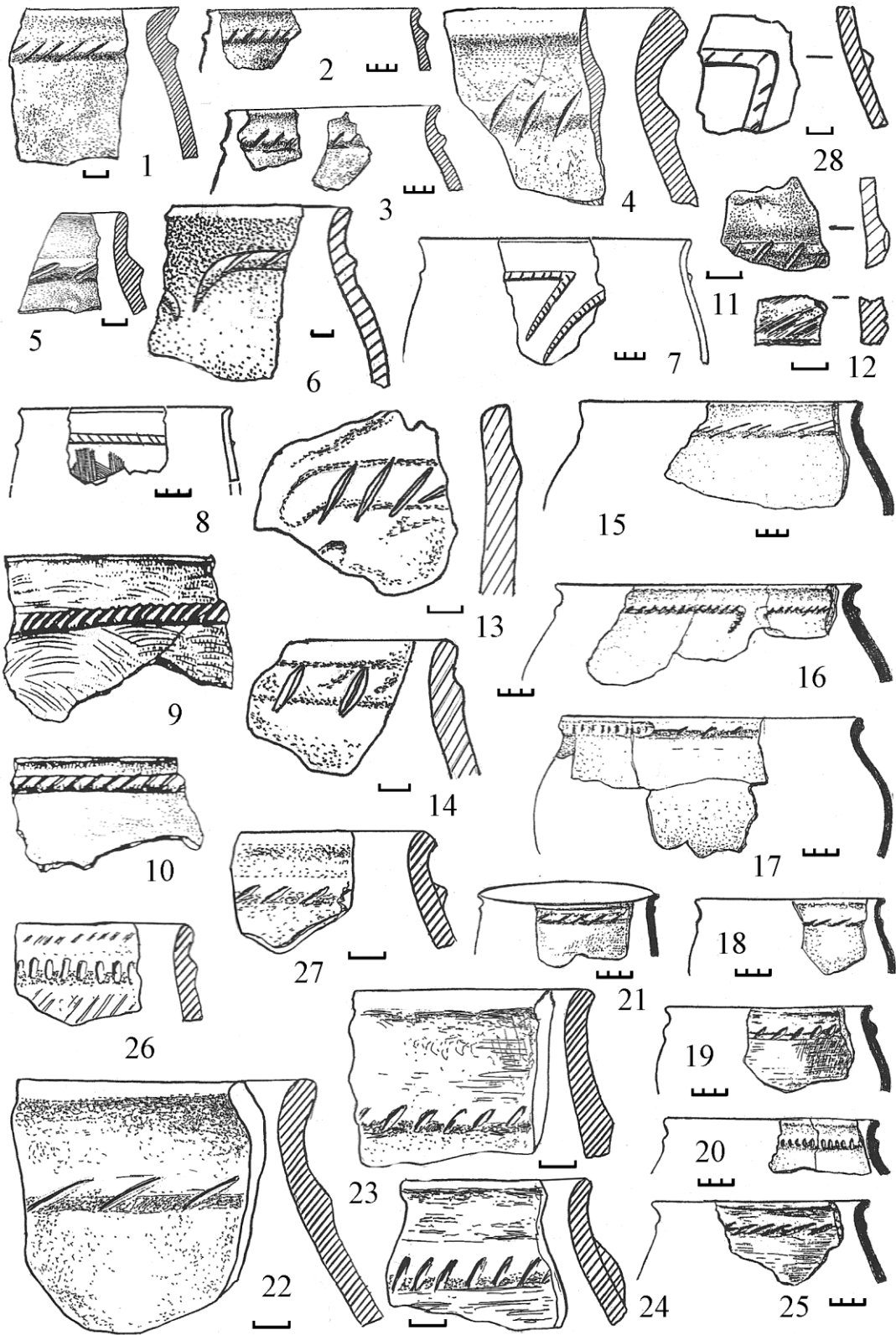

Рис. 37

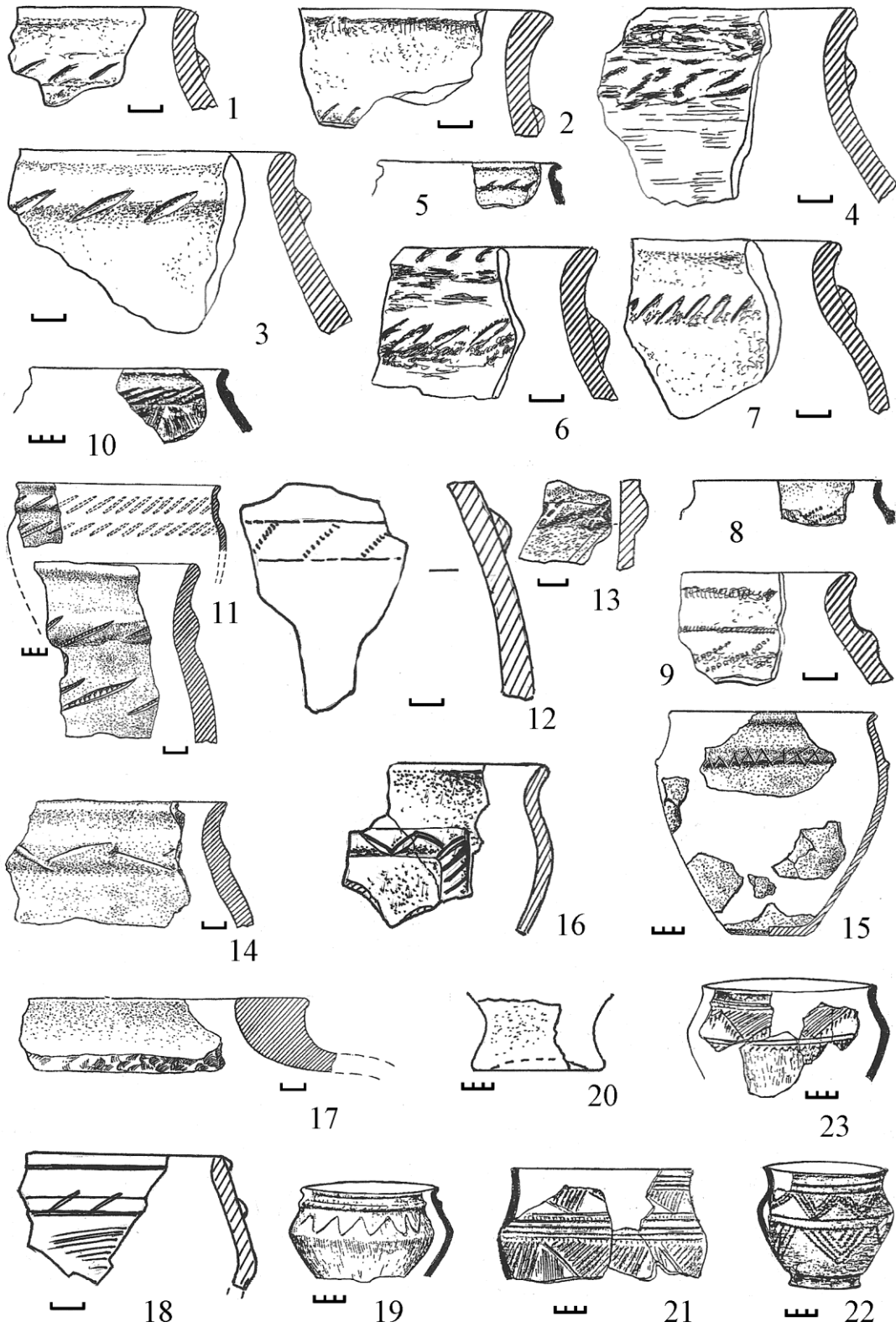

Рис. 38

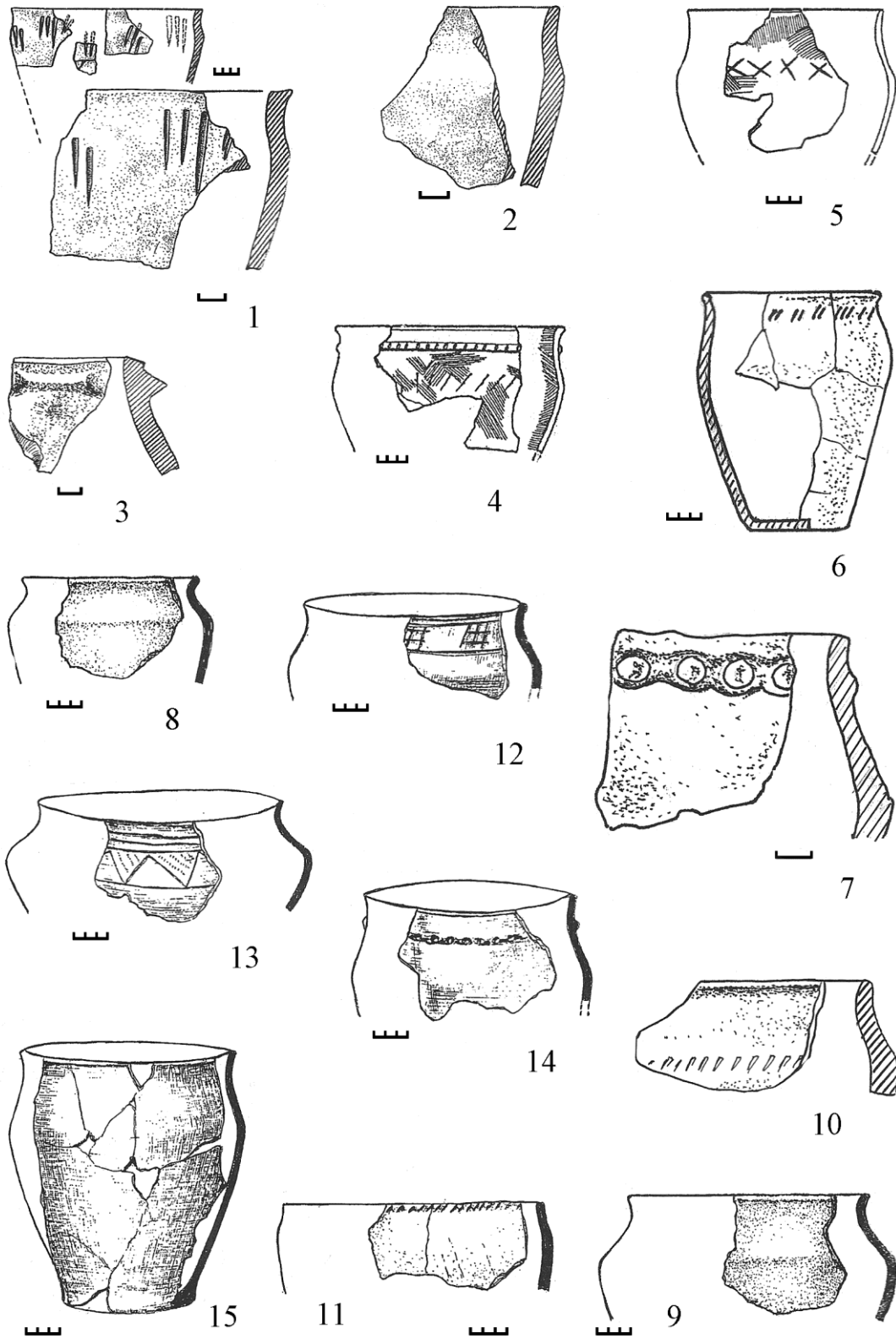

Рис. 39

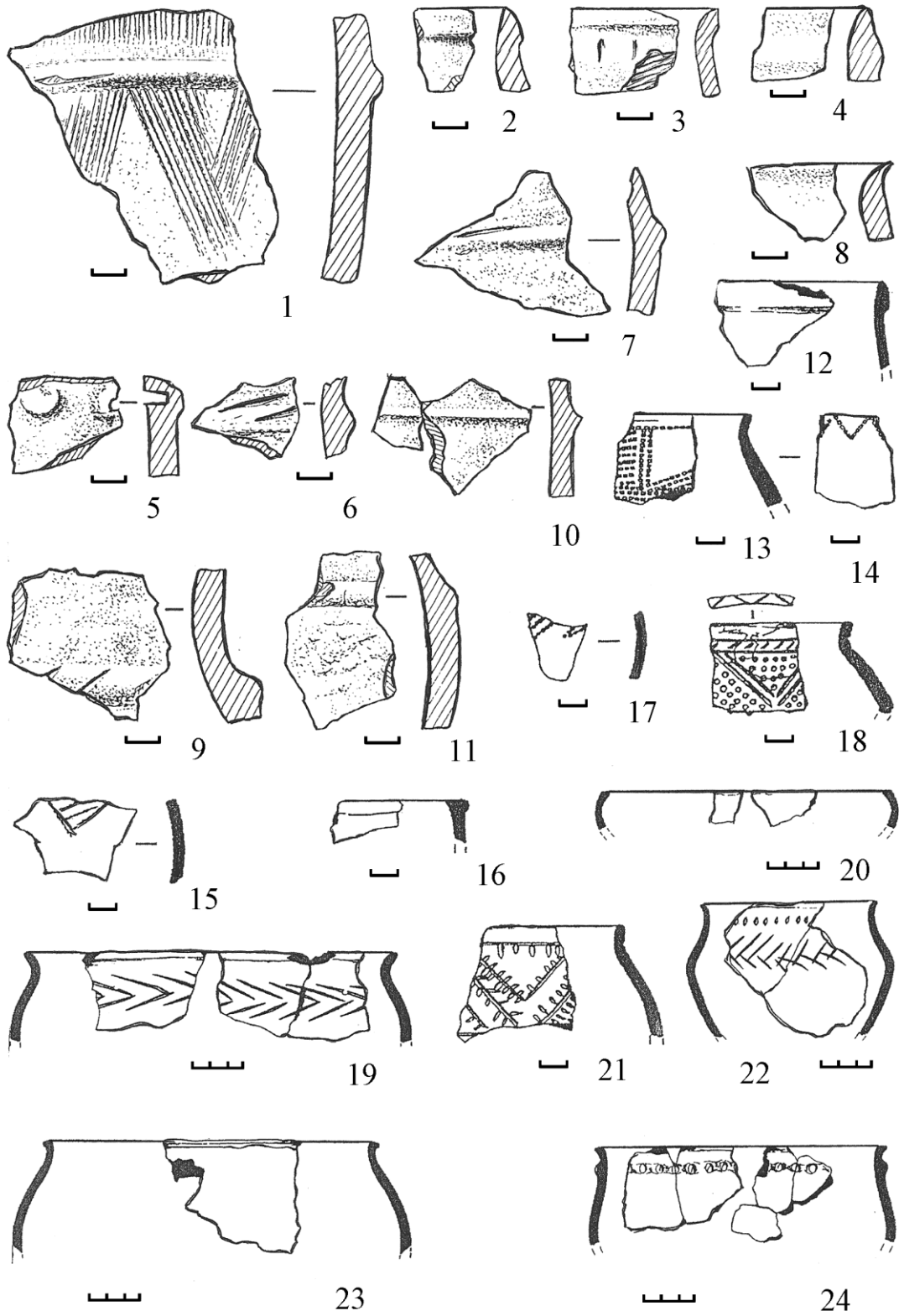

Рис. 40

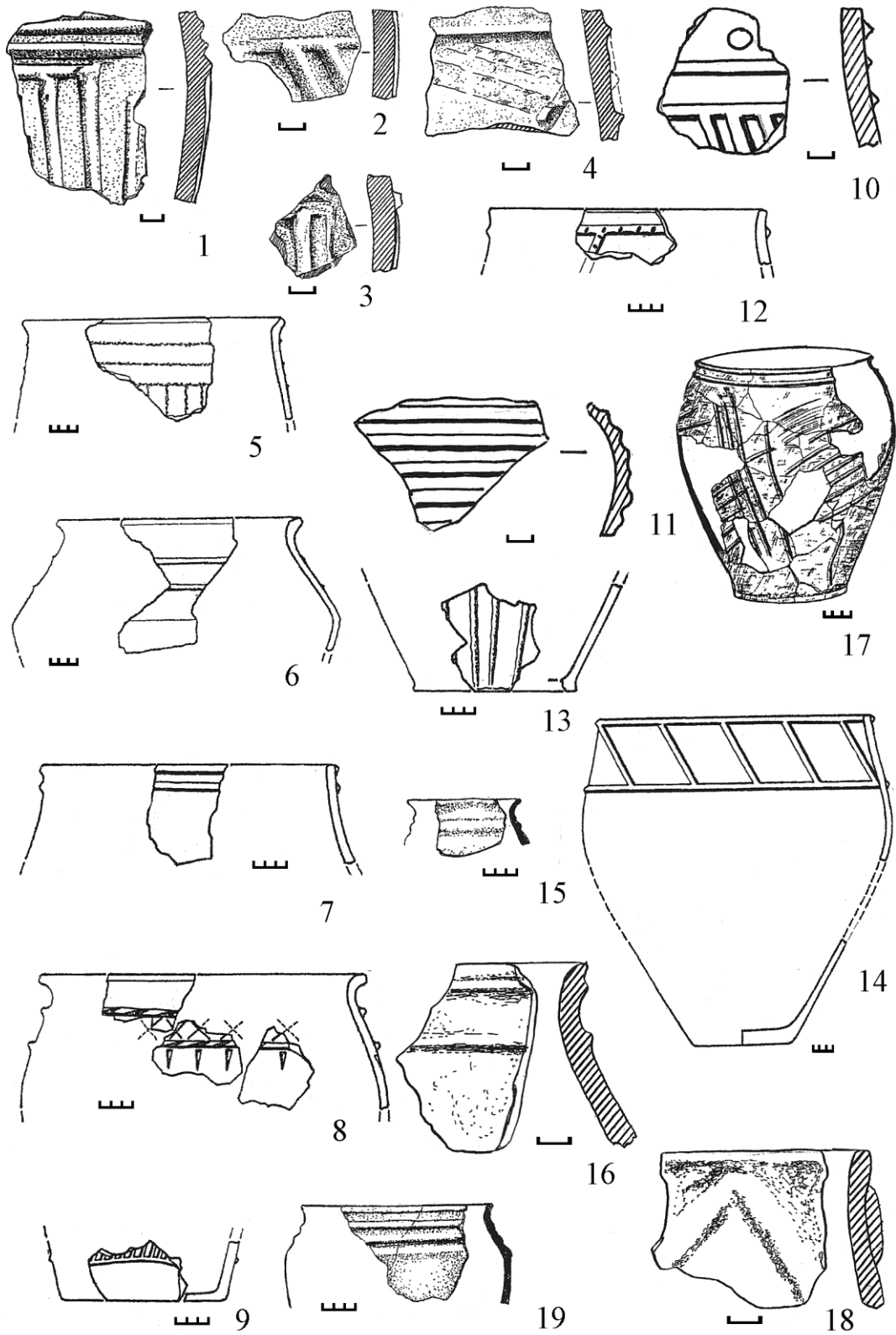

Рис. 41

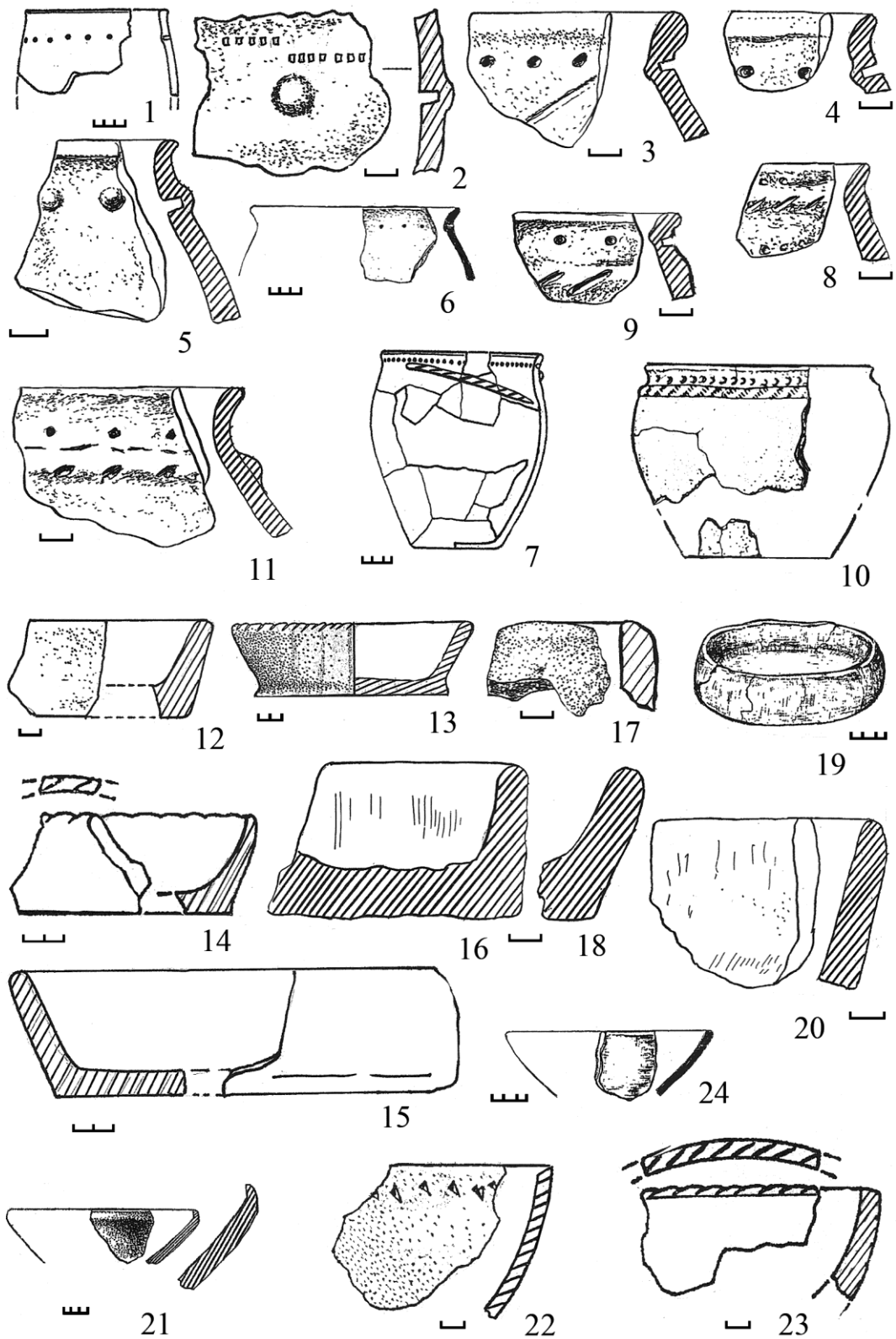

Рис. 42

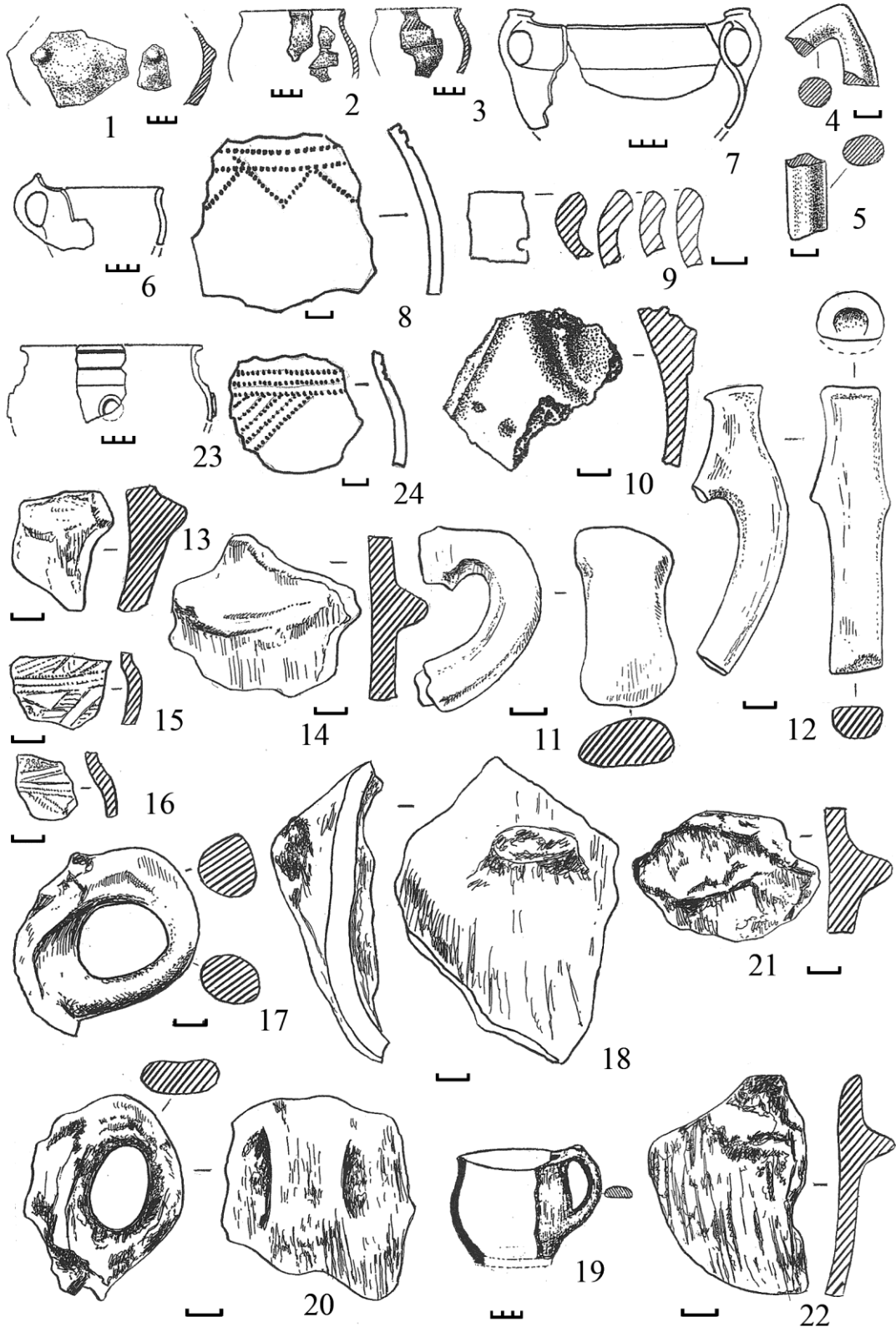

Рис. 43

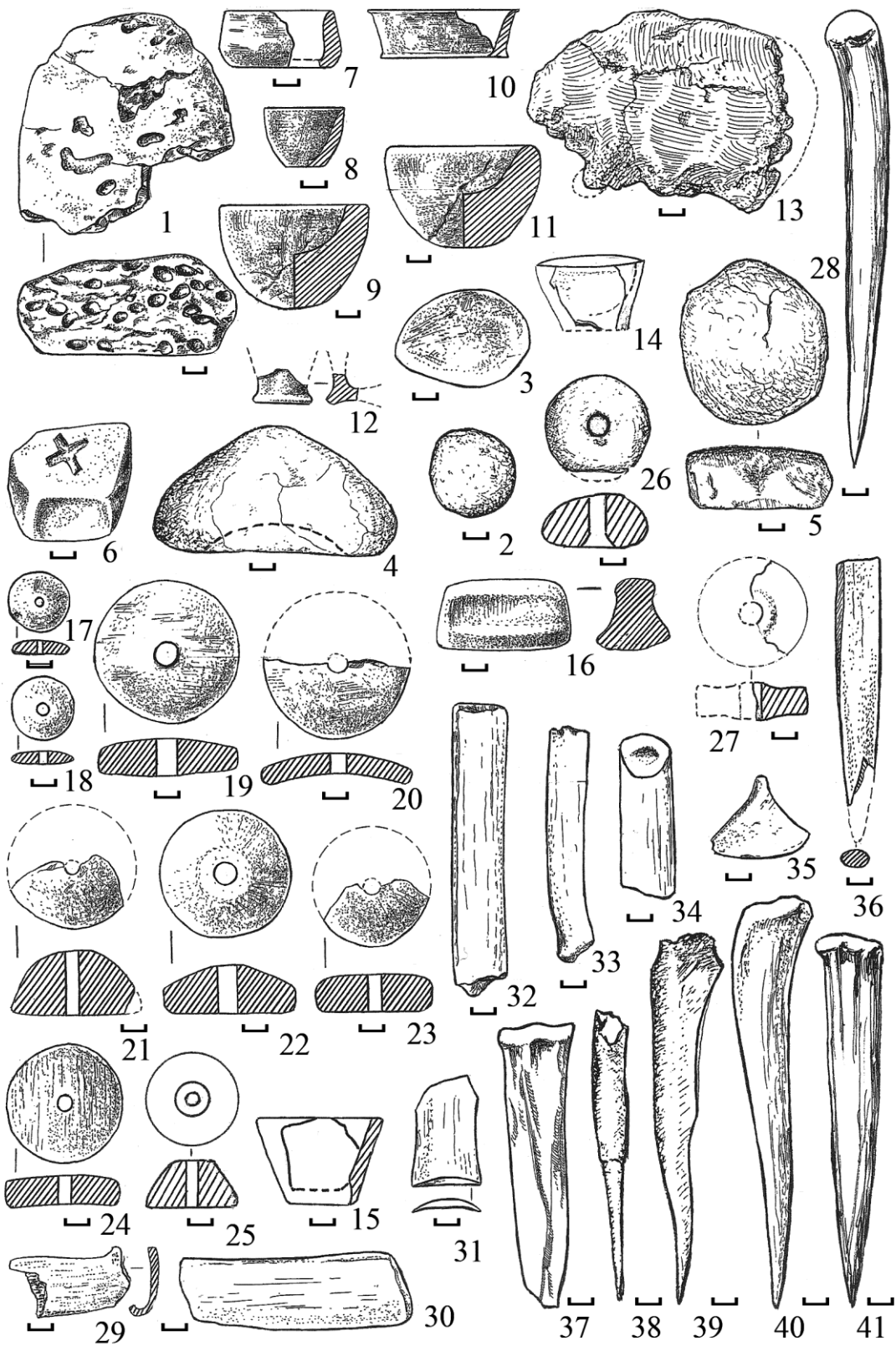

Рис. 44

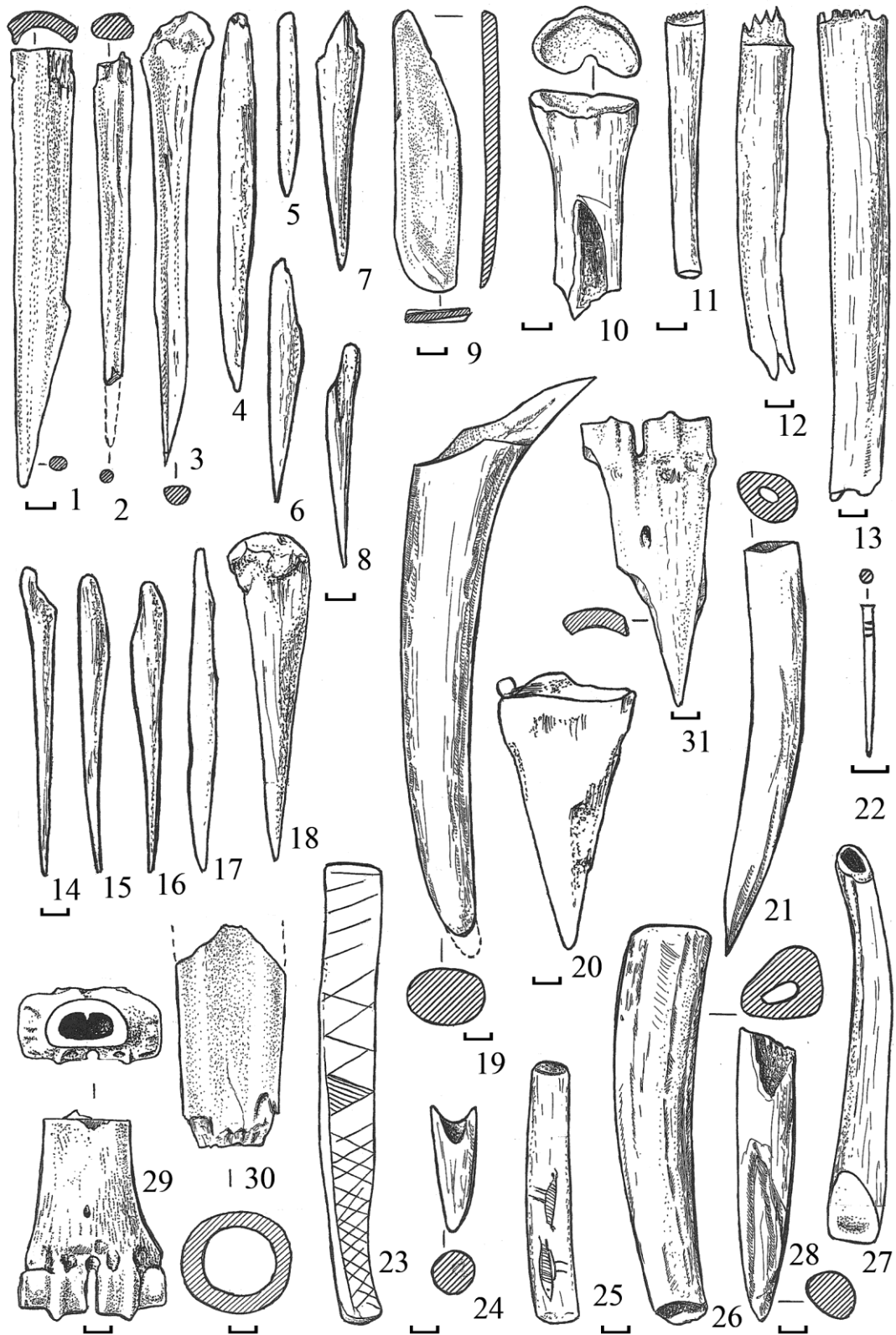

Рис. 45

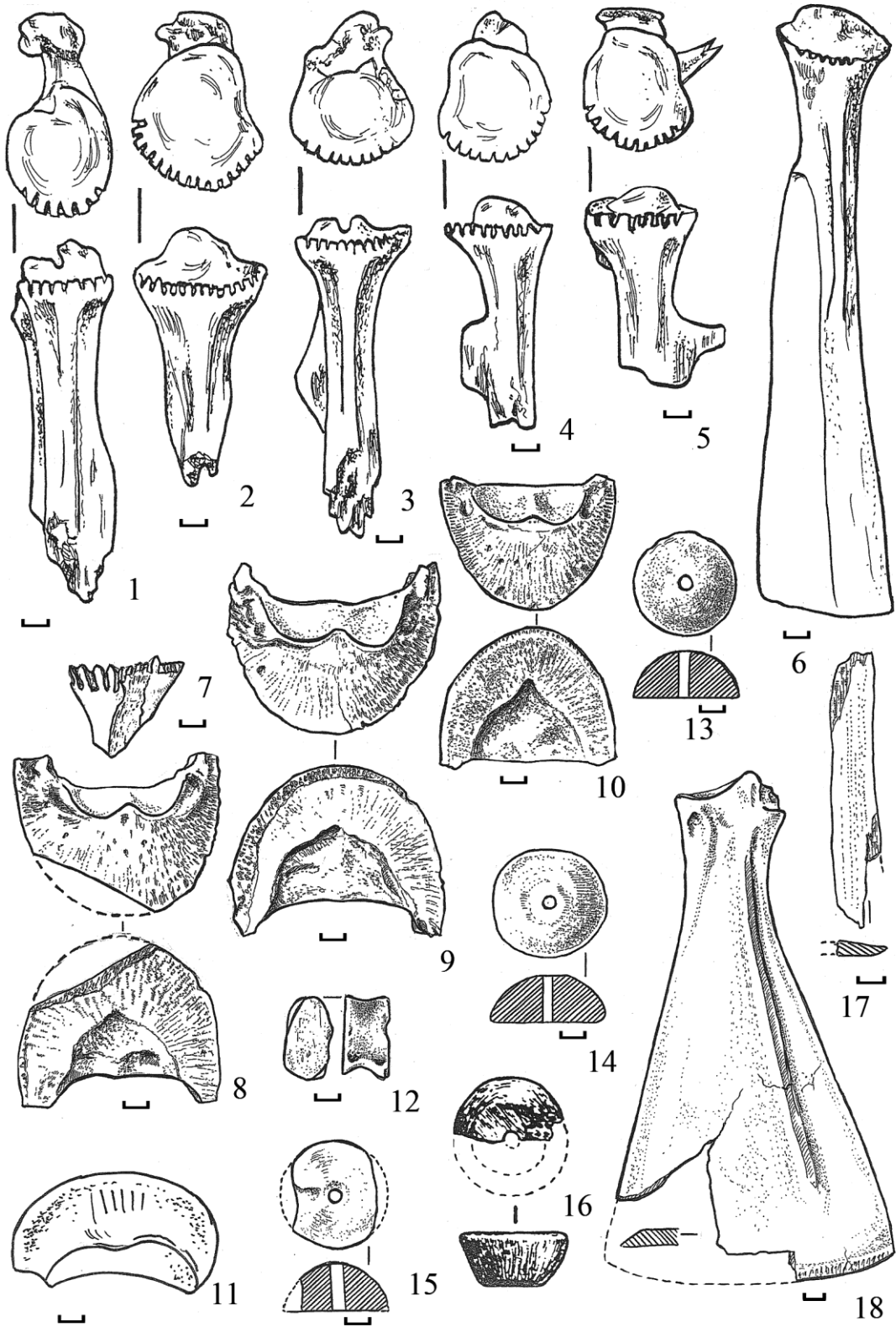

Рис. 46

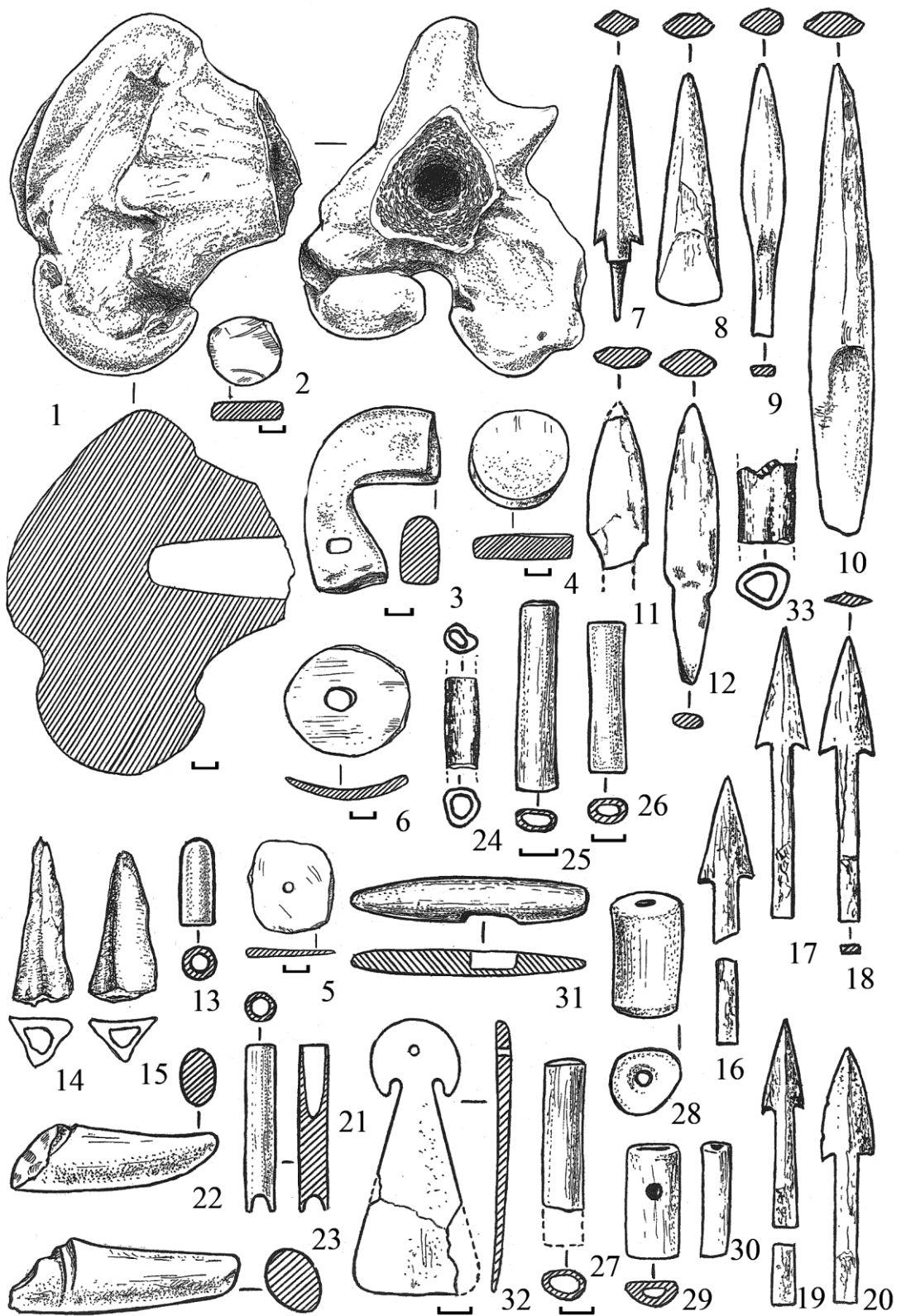

Рис. 47

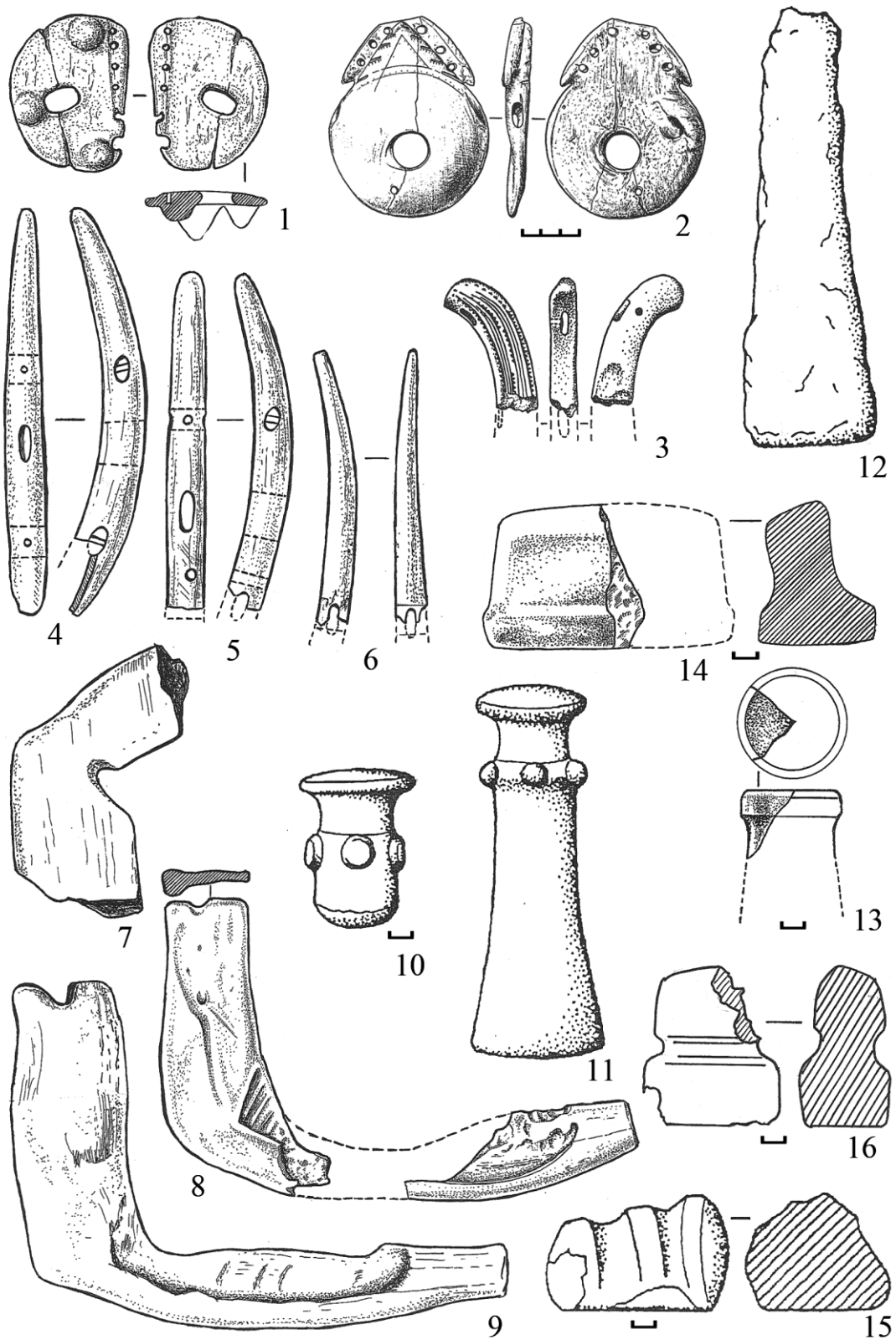

Рис. 48

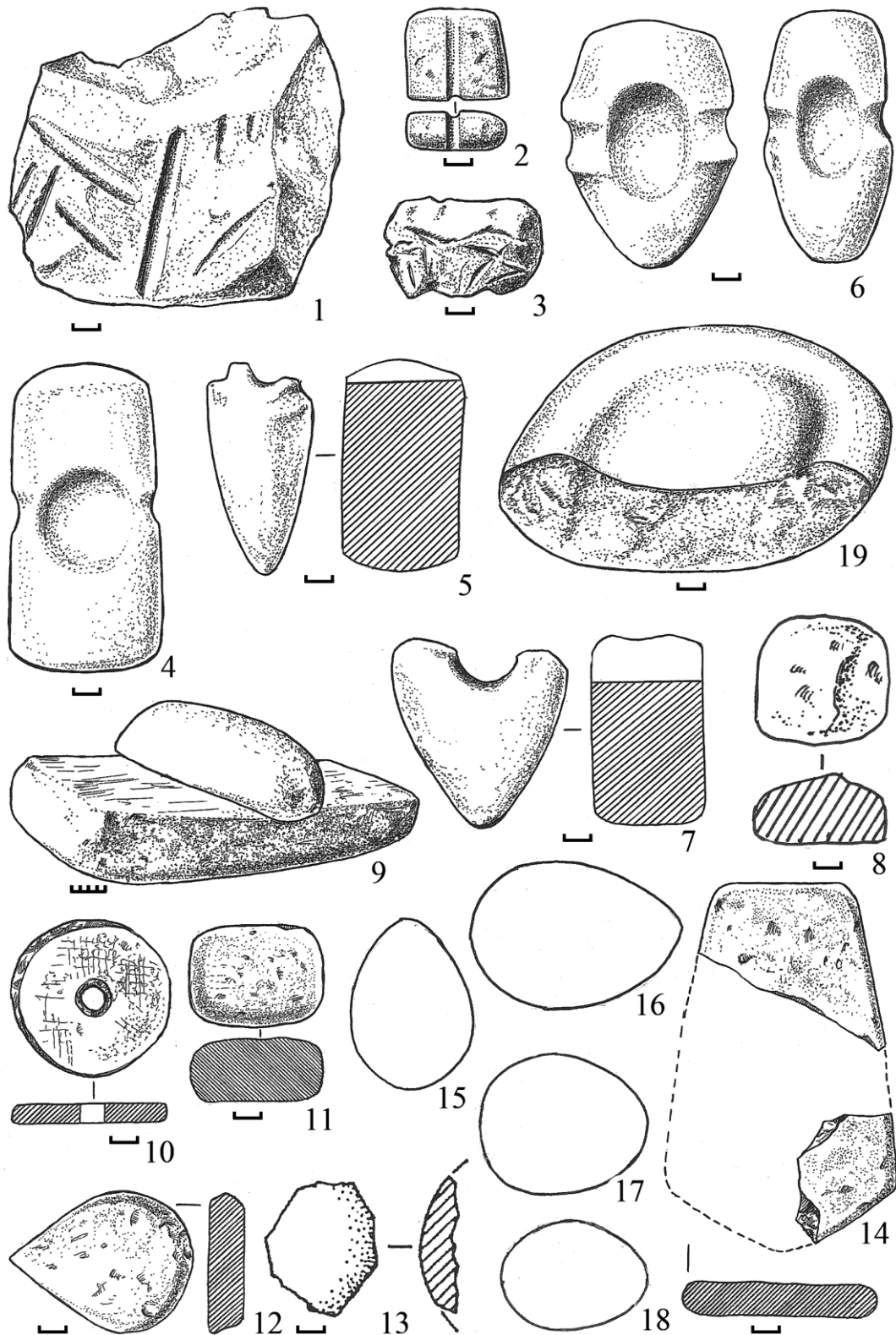

Рис. 49

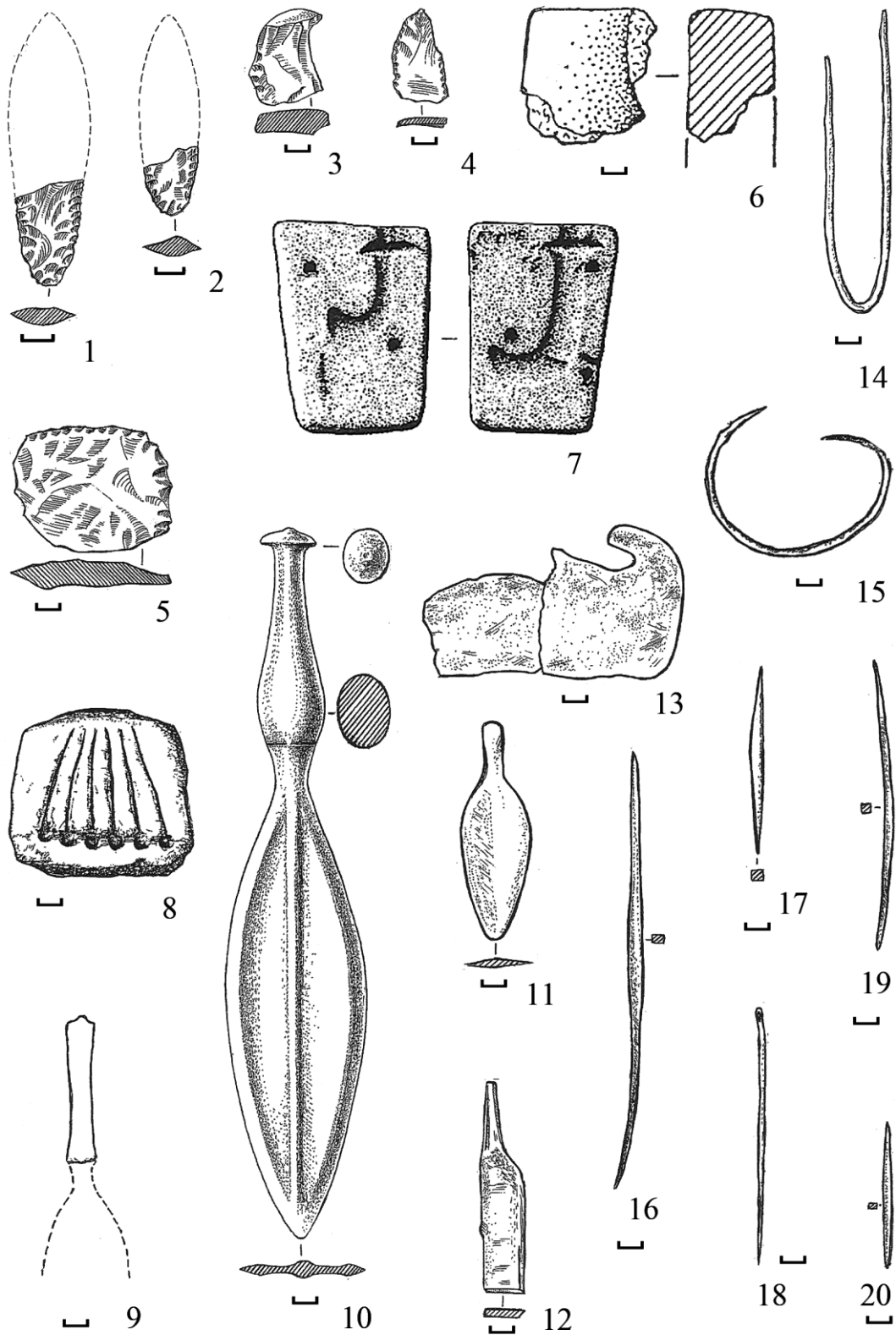

Рис. 50

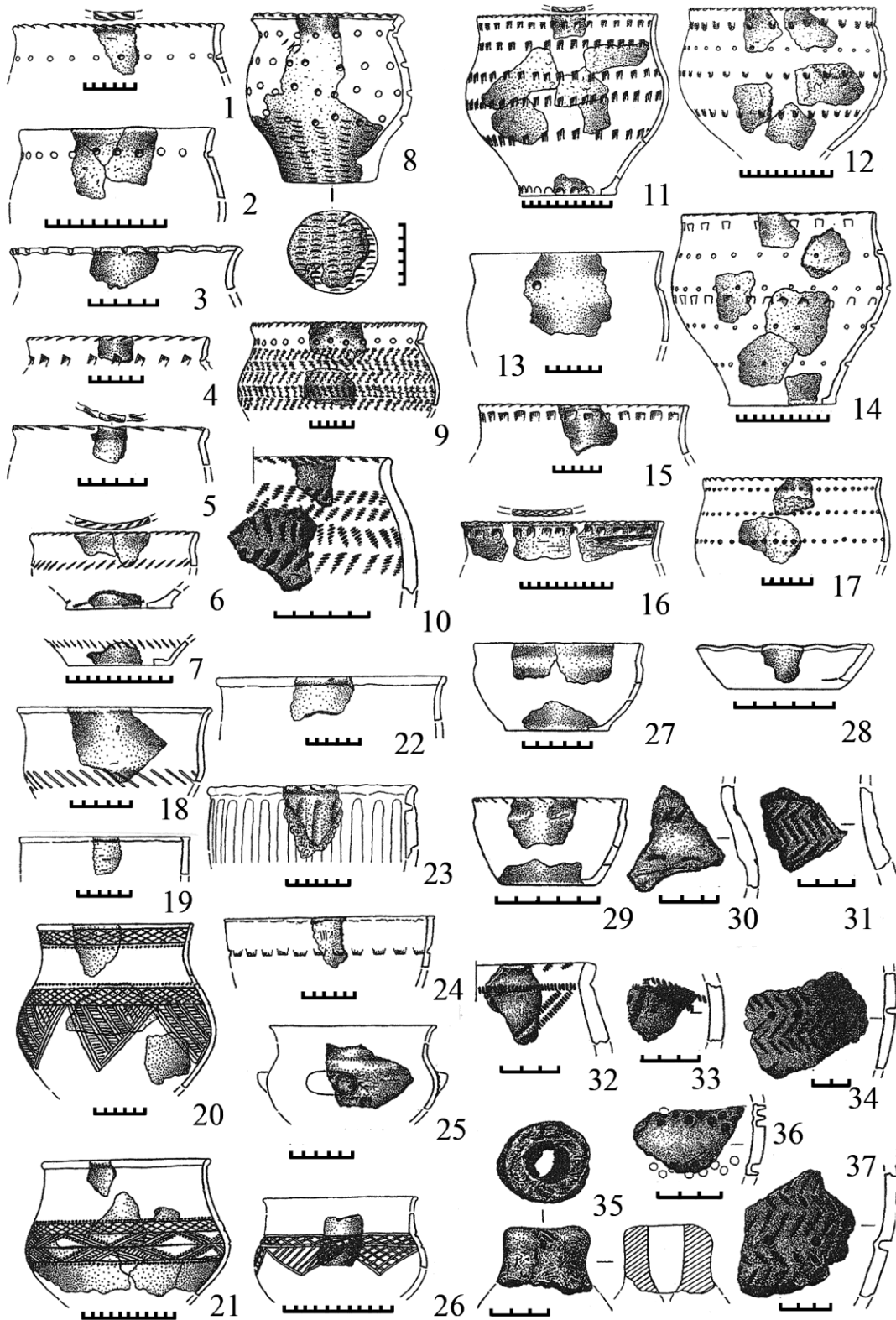

Рис. 51

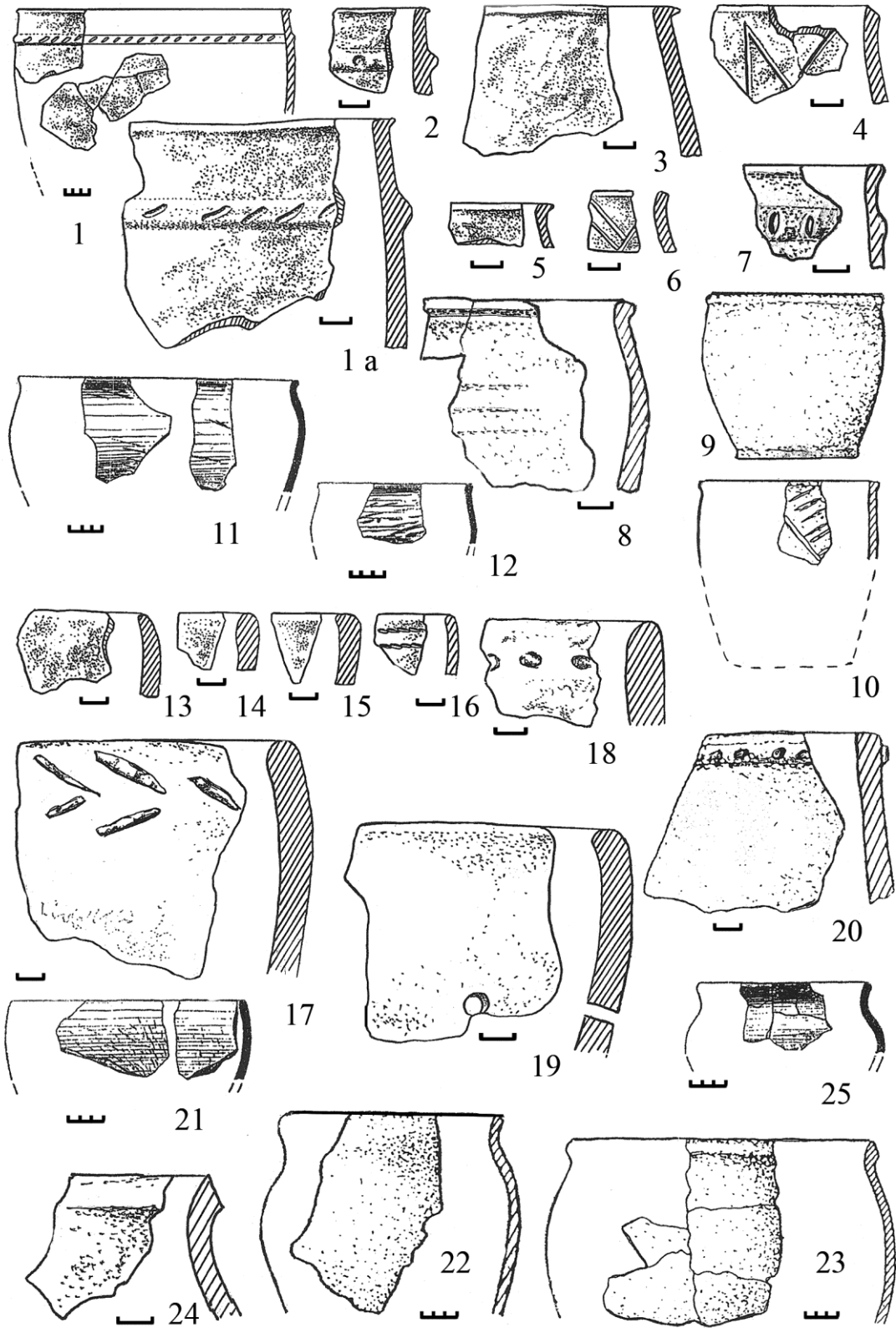

Рис. 52

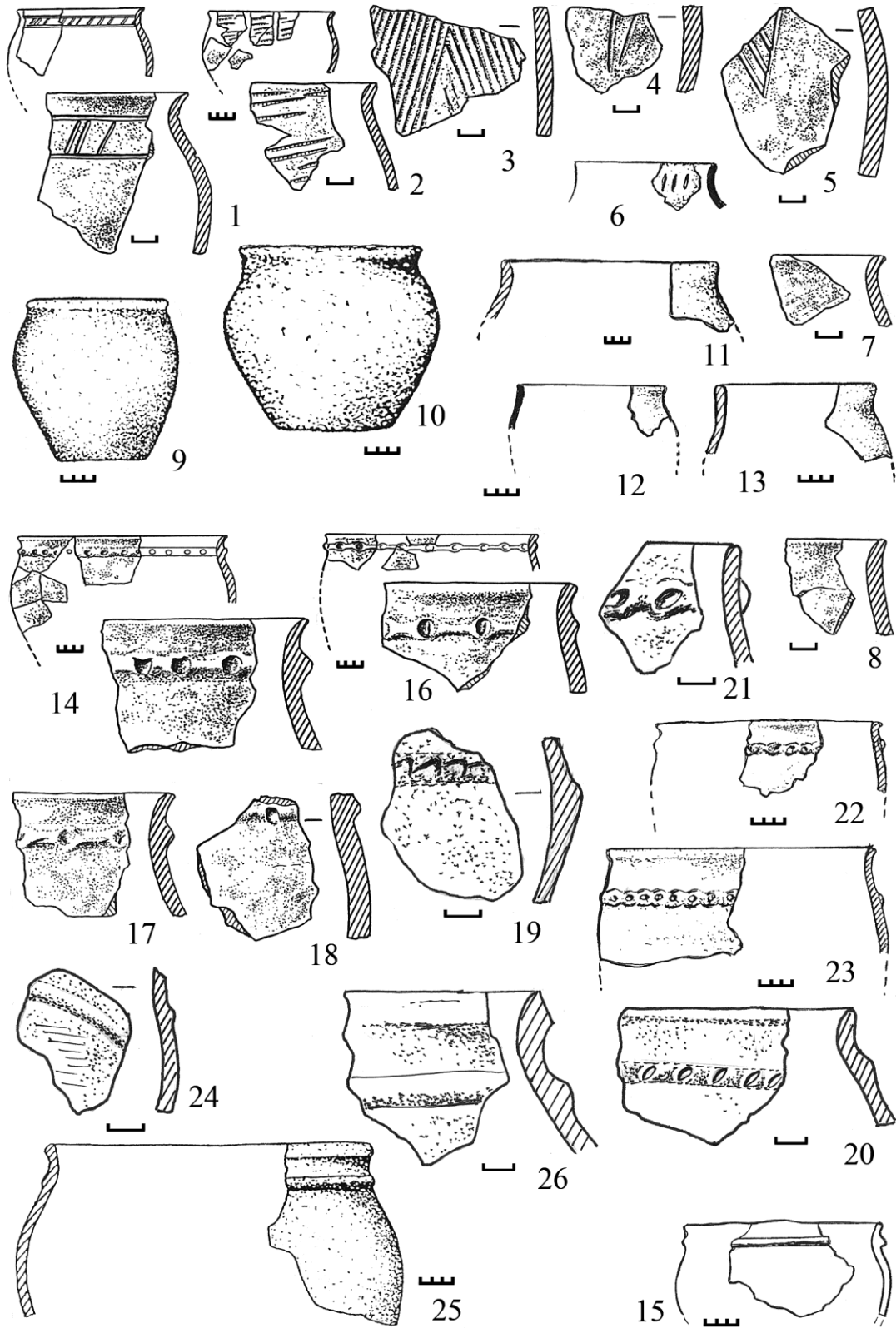

Рис. 53

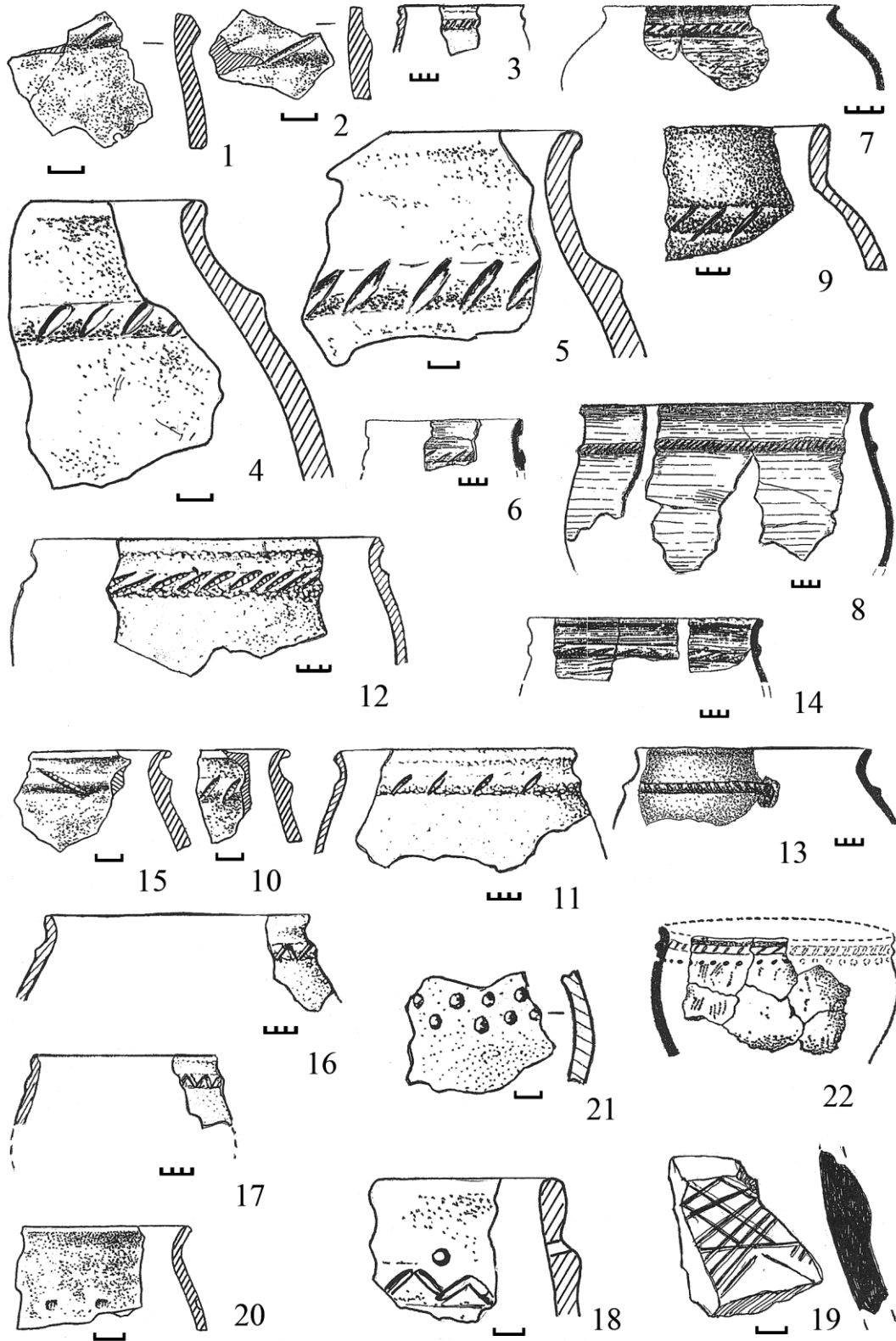

Рис. 54

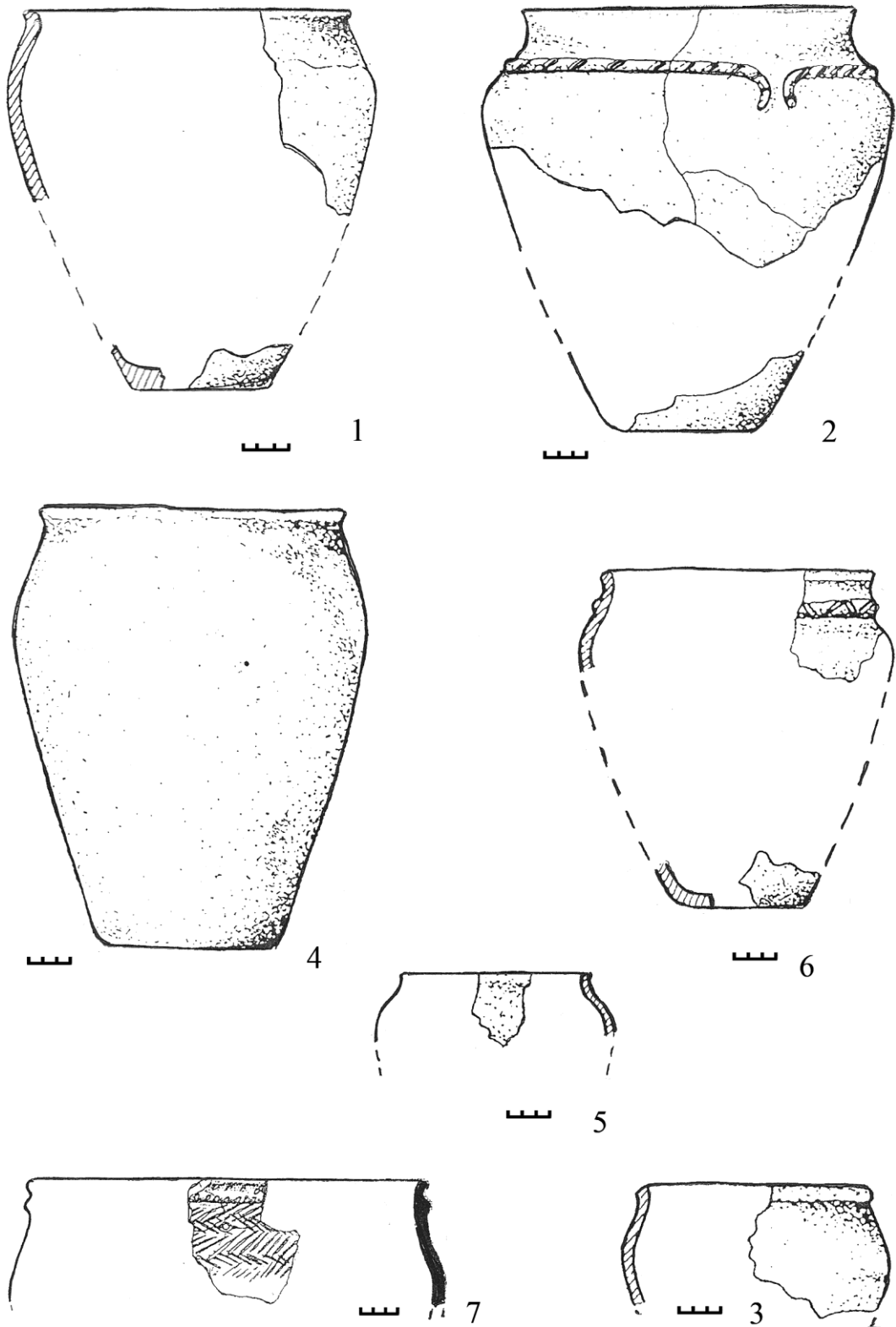

Рис. 55

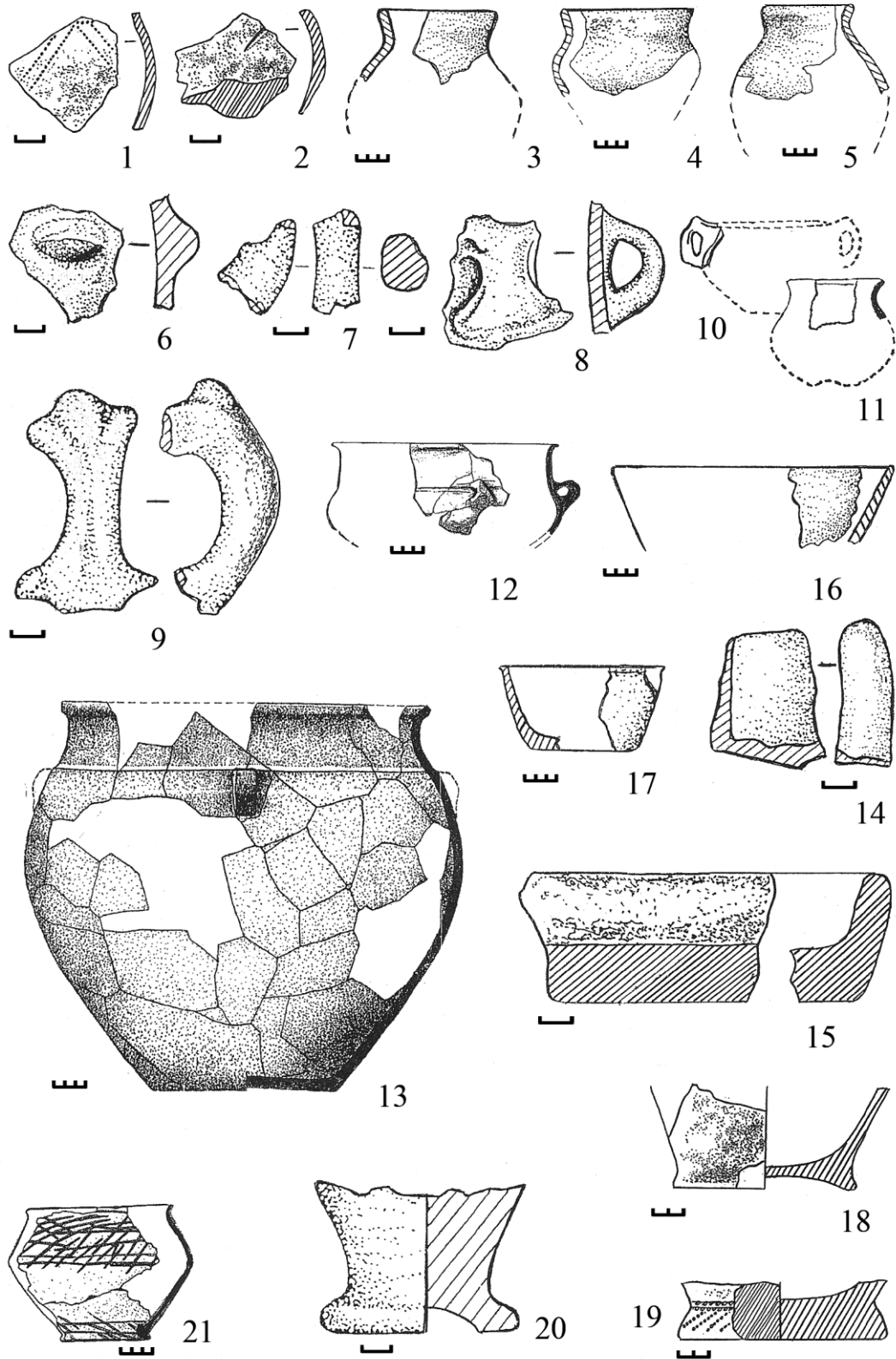

Рис. 56

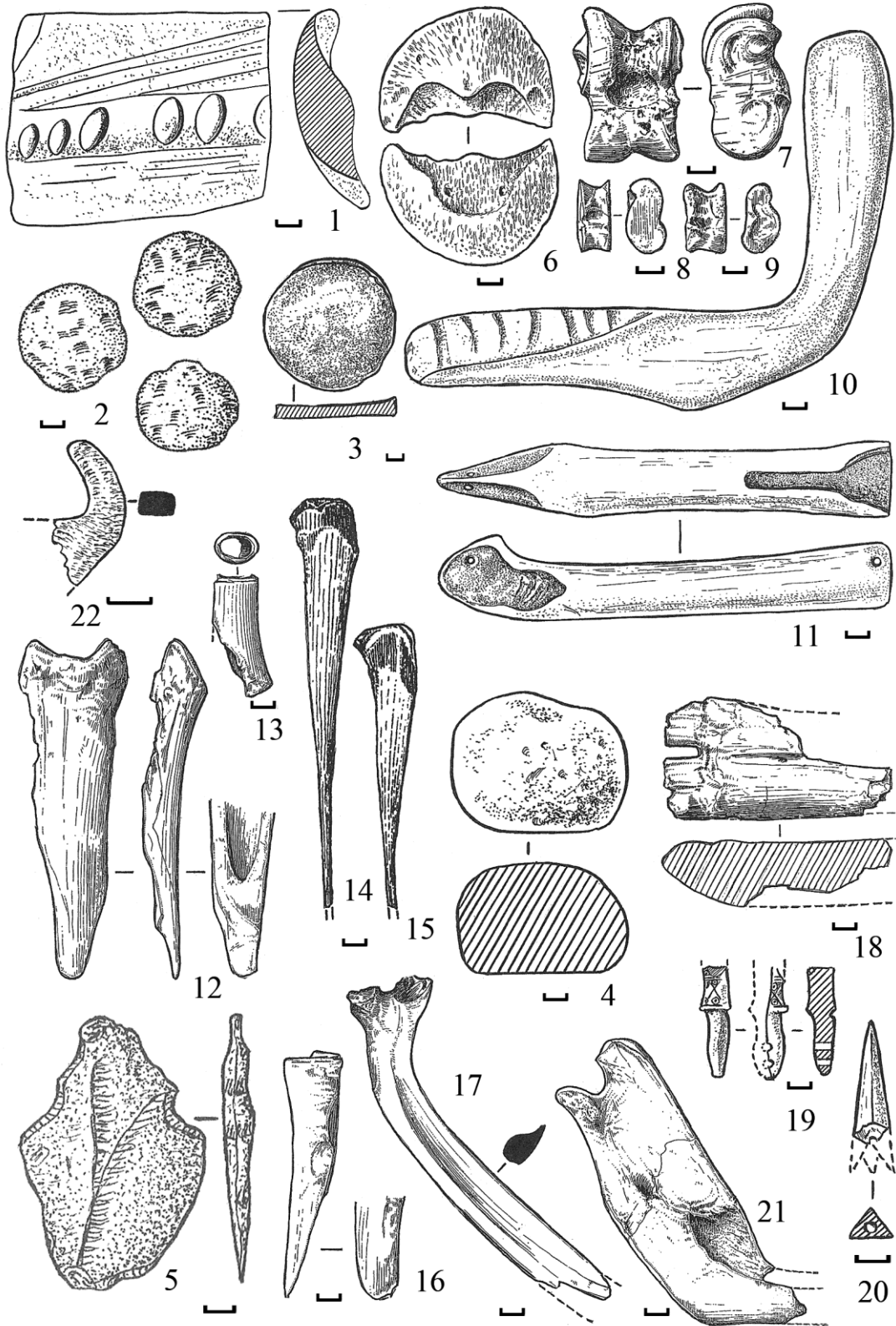

Рис. 57

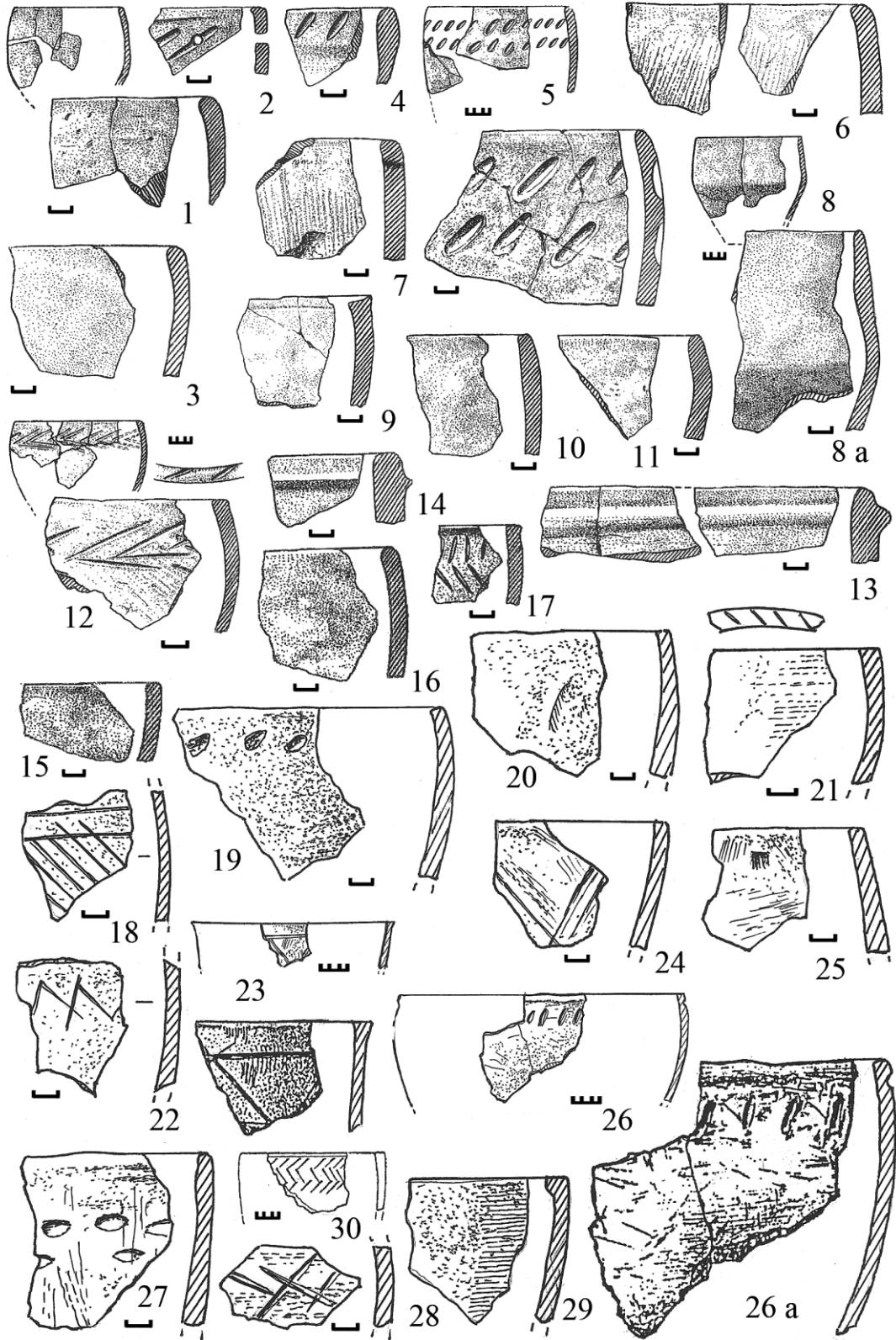

Рис. 58

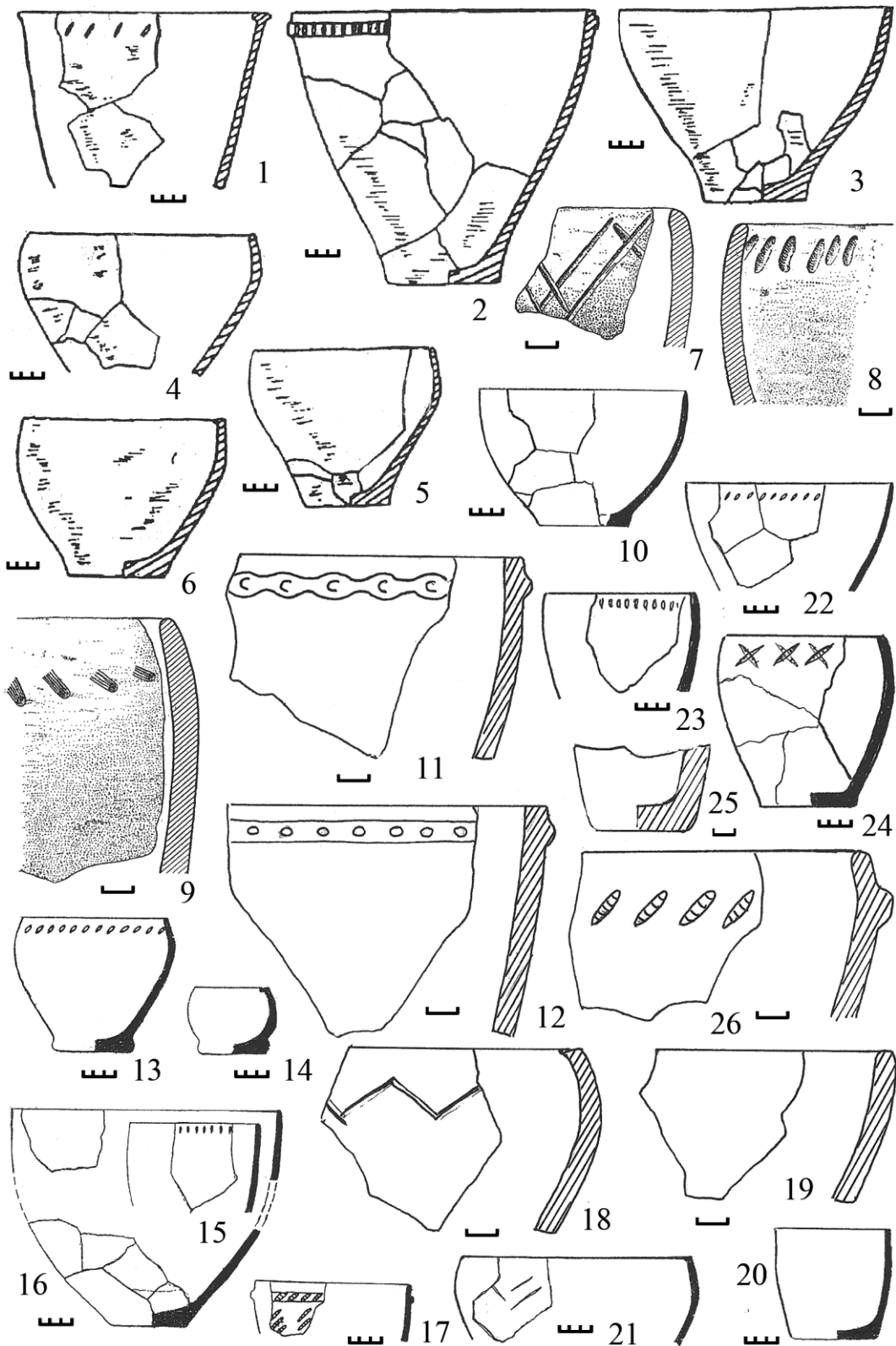

Рис. 59

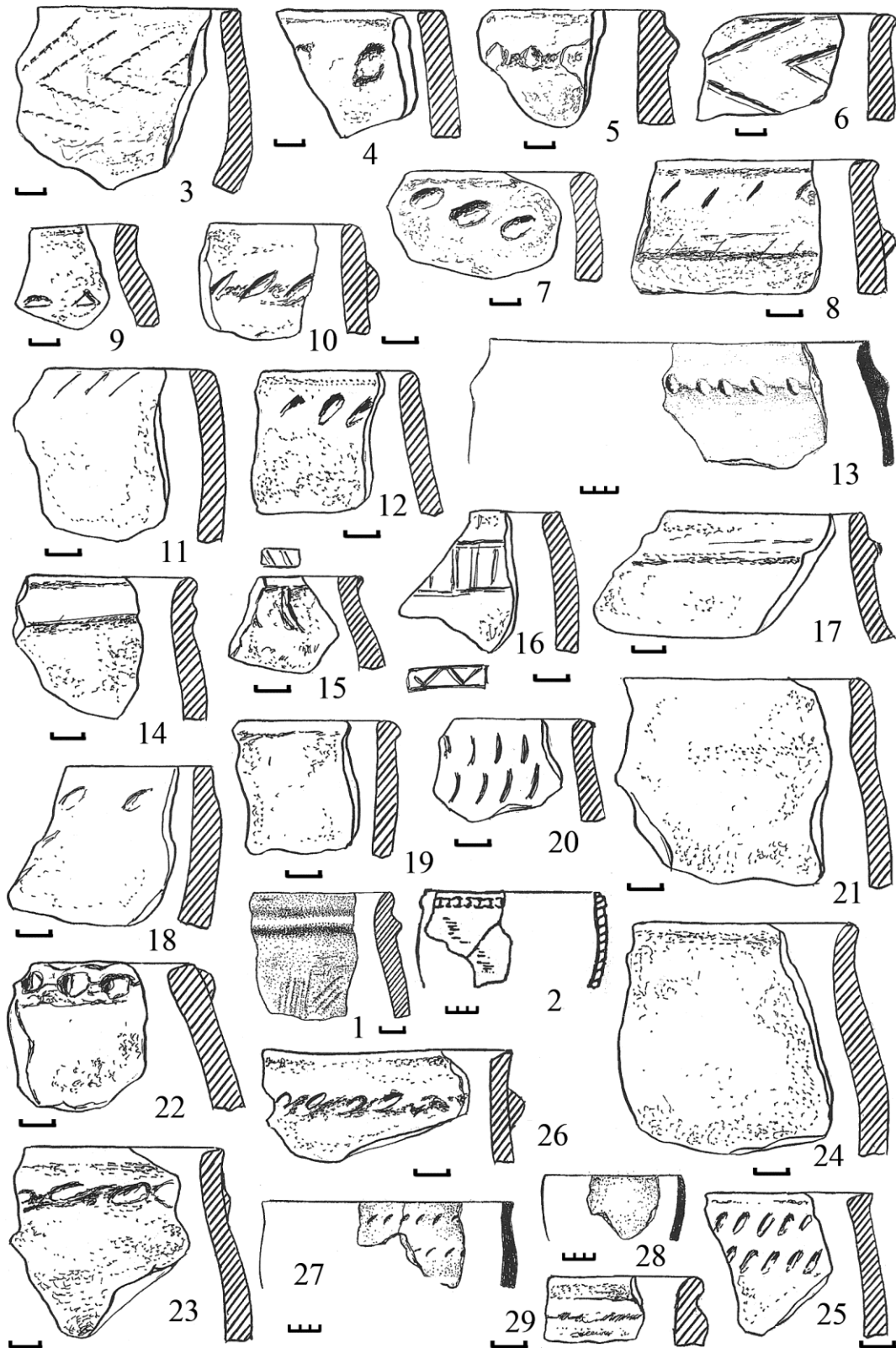

Рис. 60

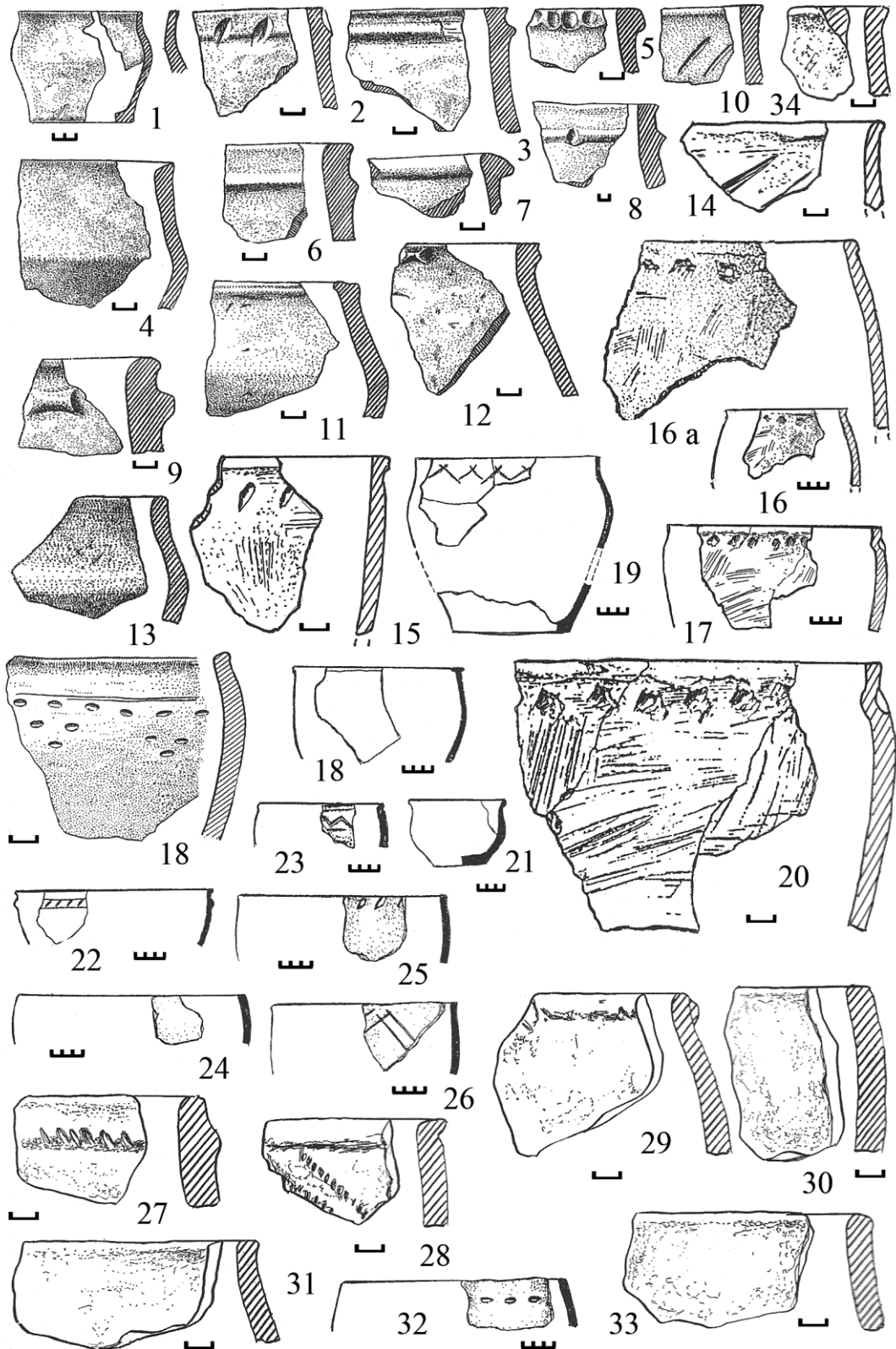

Рис. 61

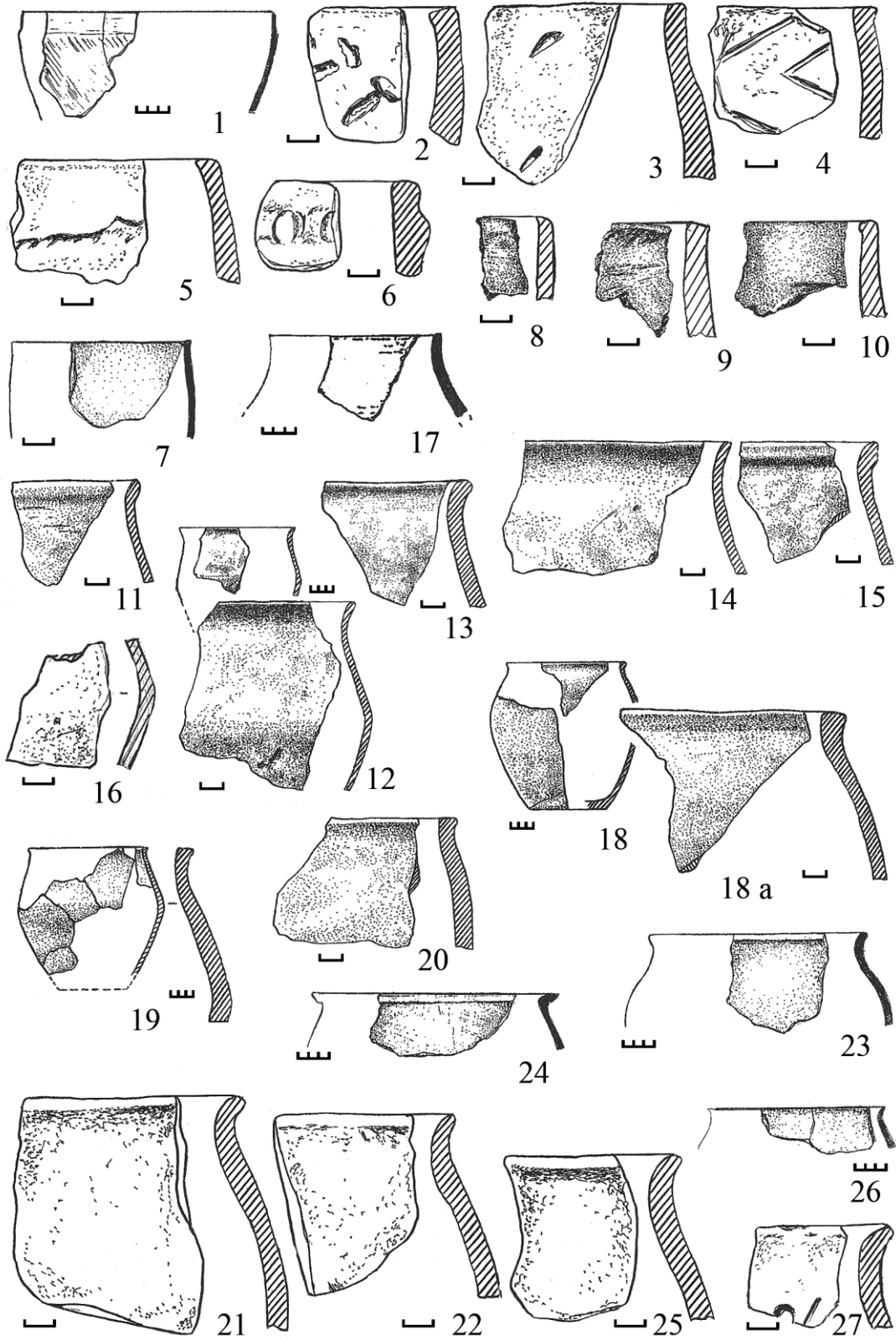

Рис. 62

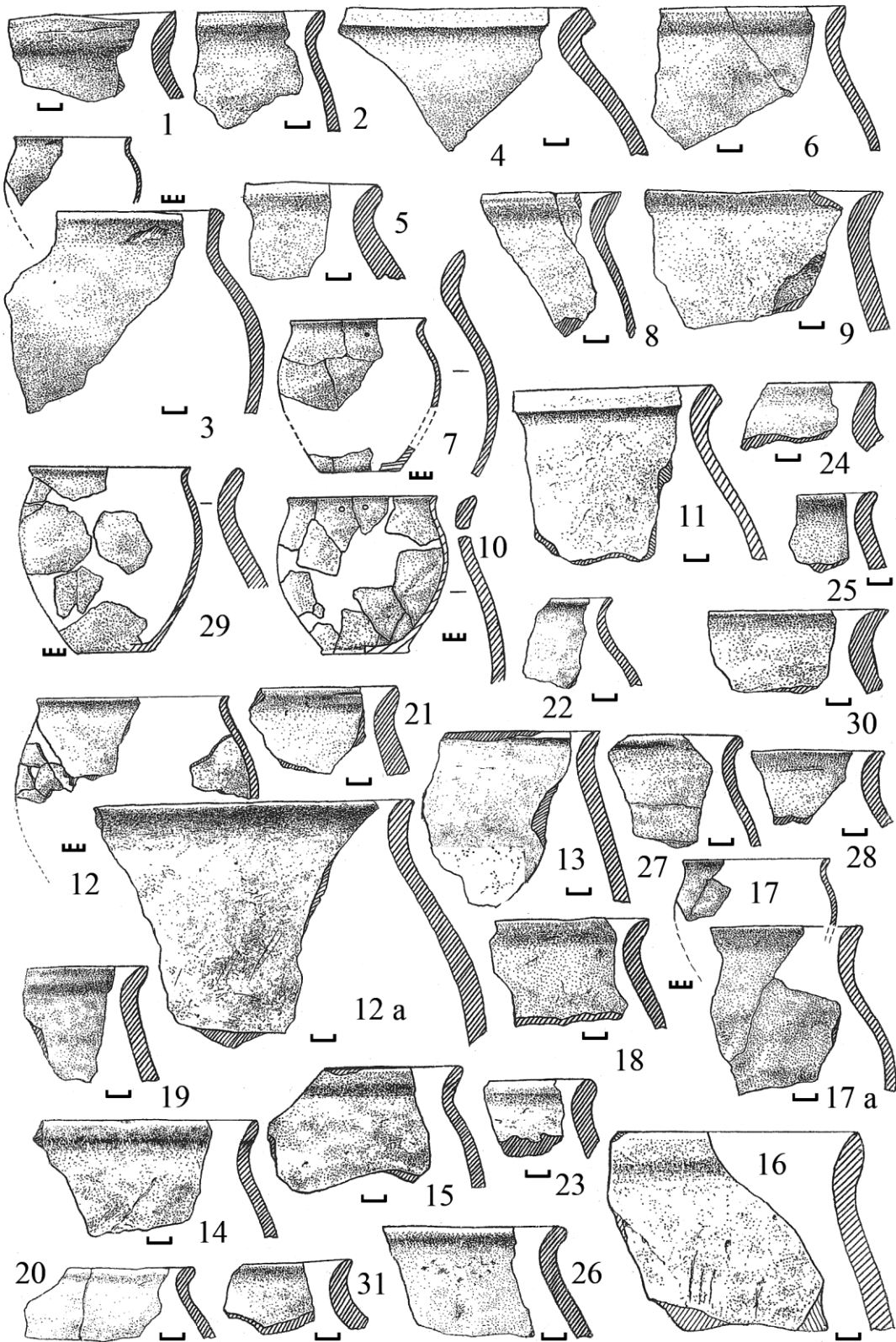

Рис. 63

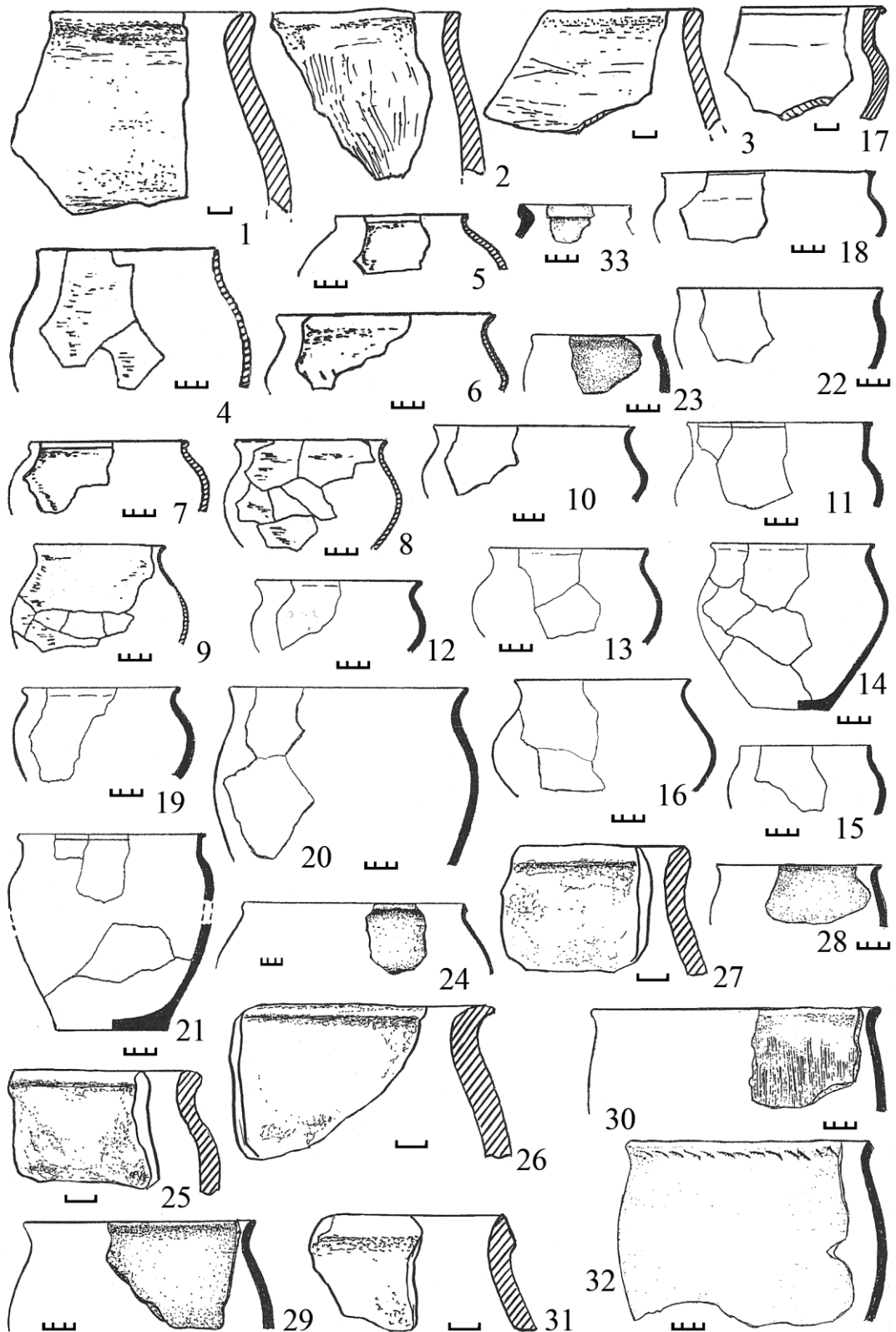

Рис. 64

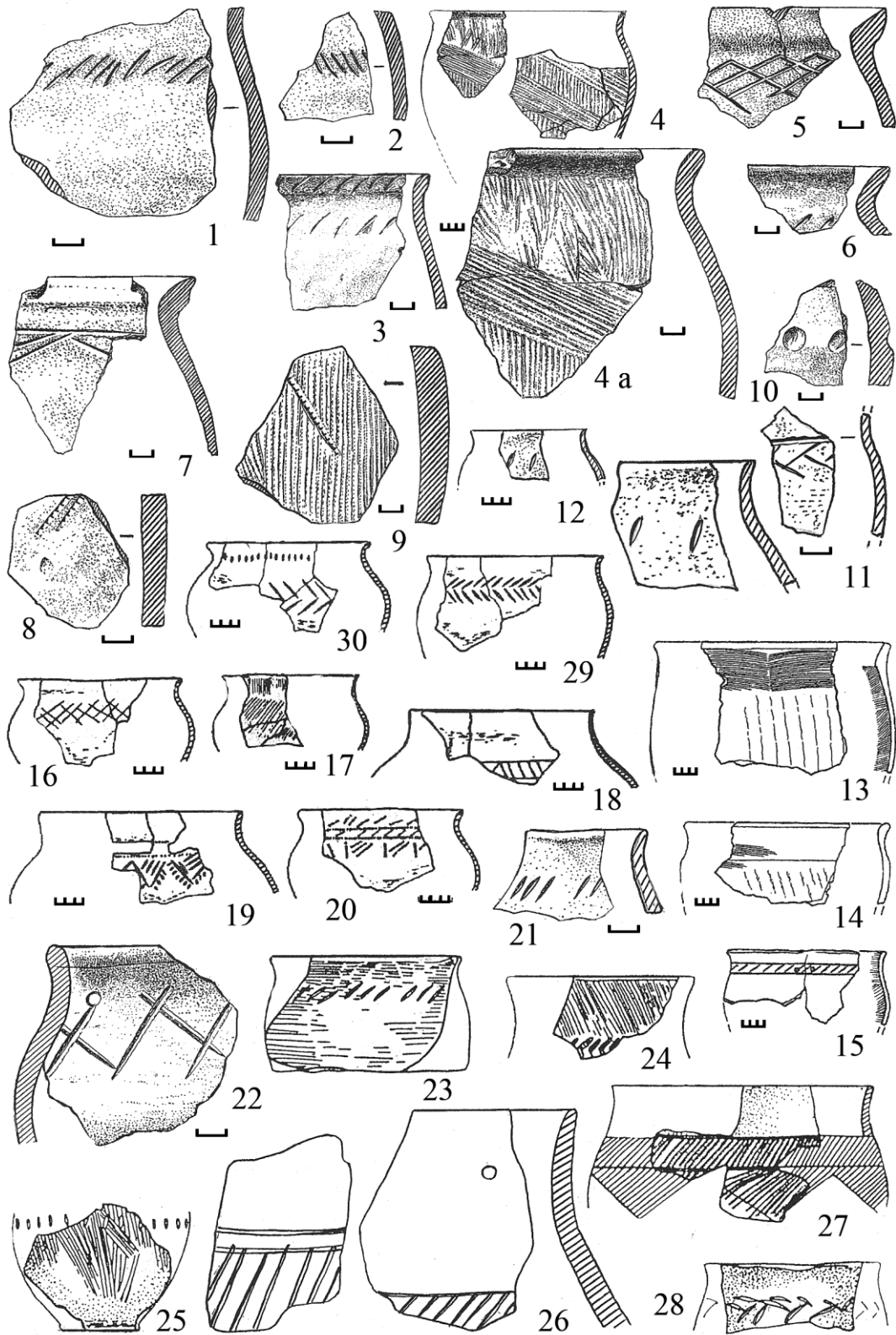

Рис. 65

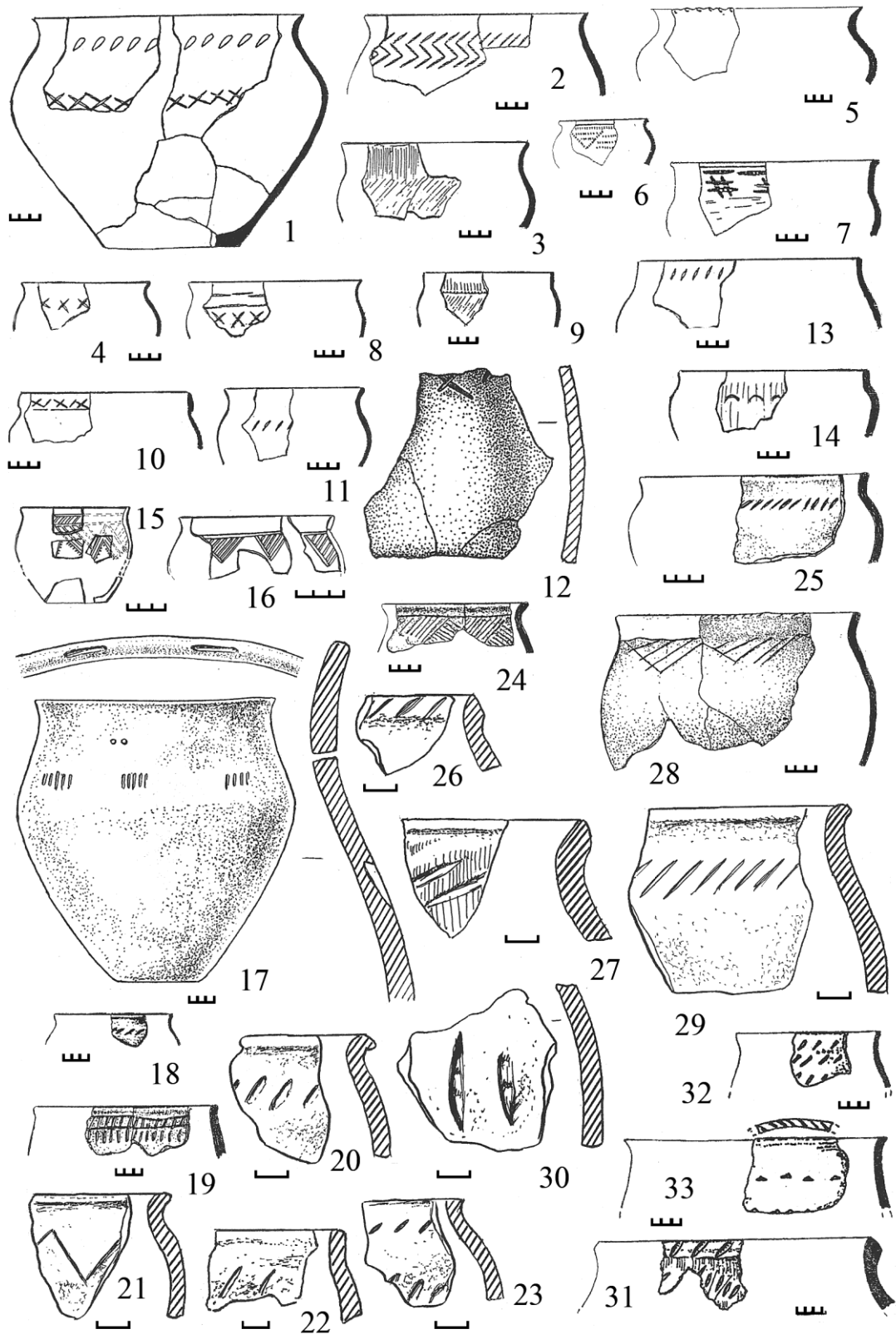

Рис. 66

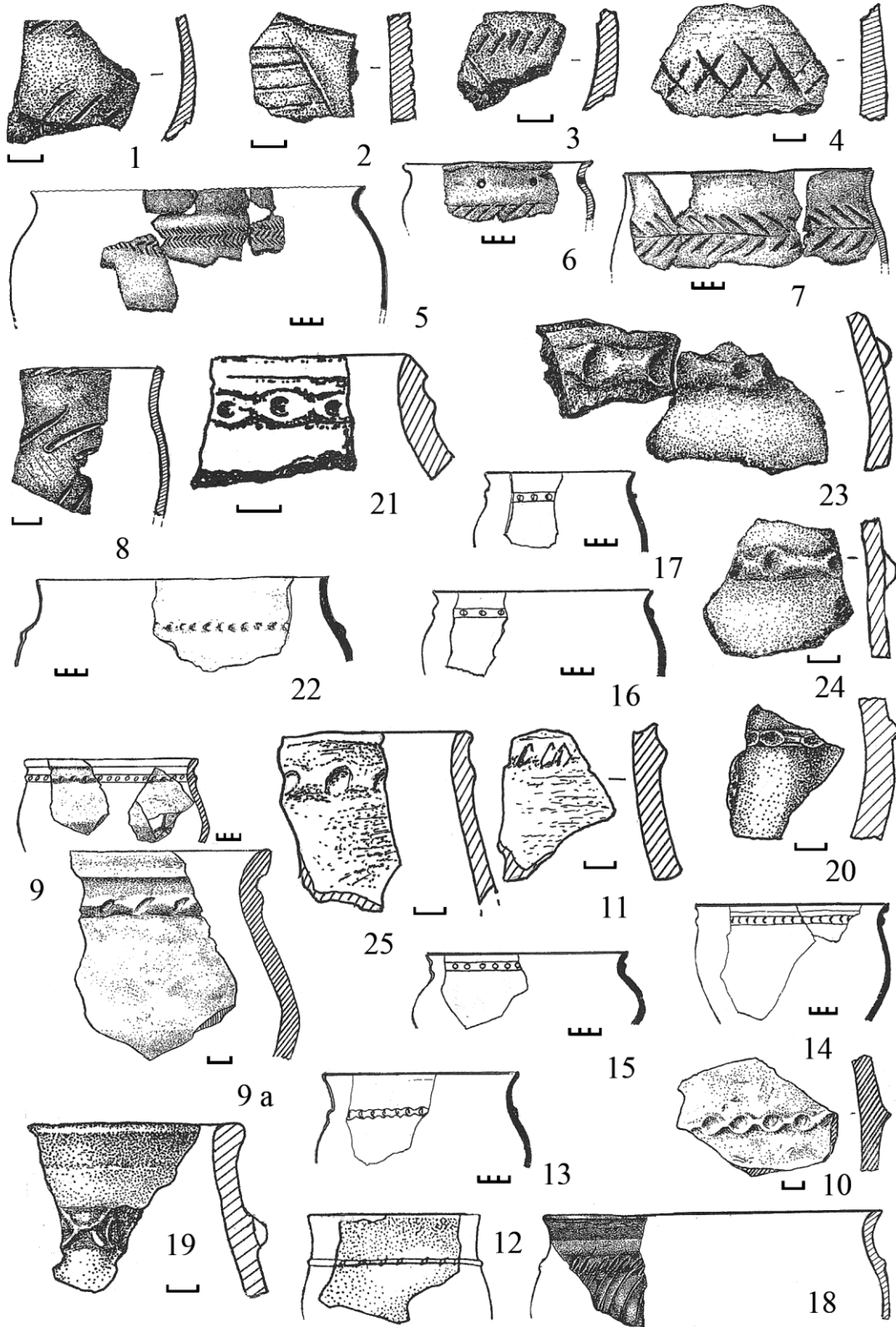

Рис. 67

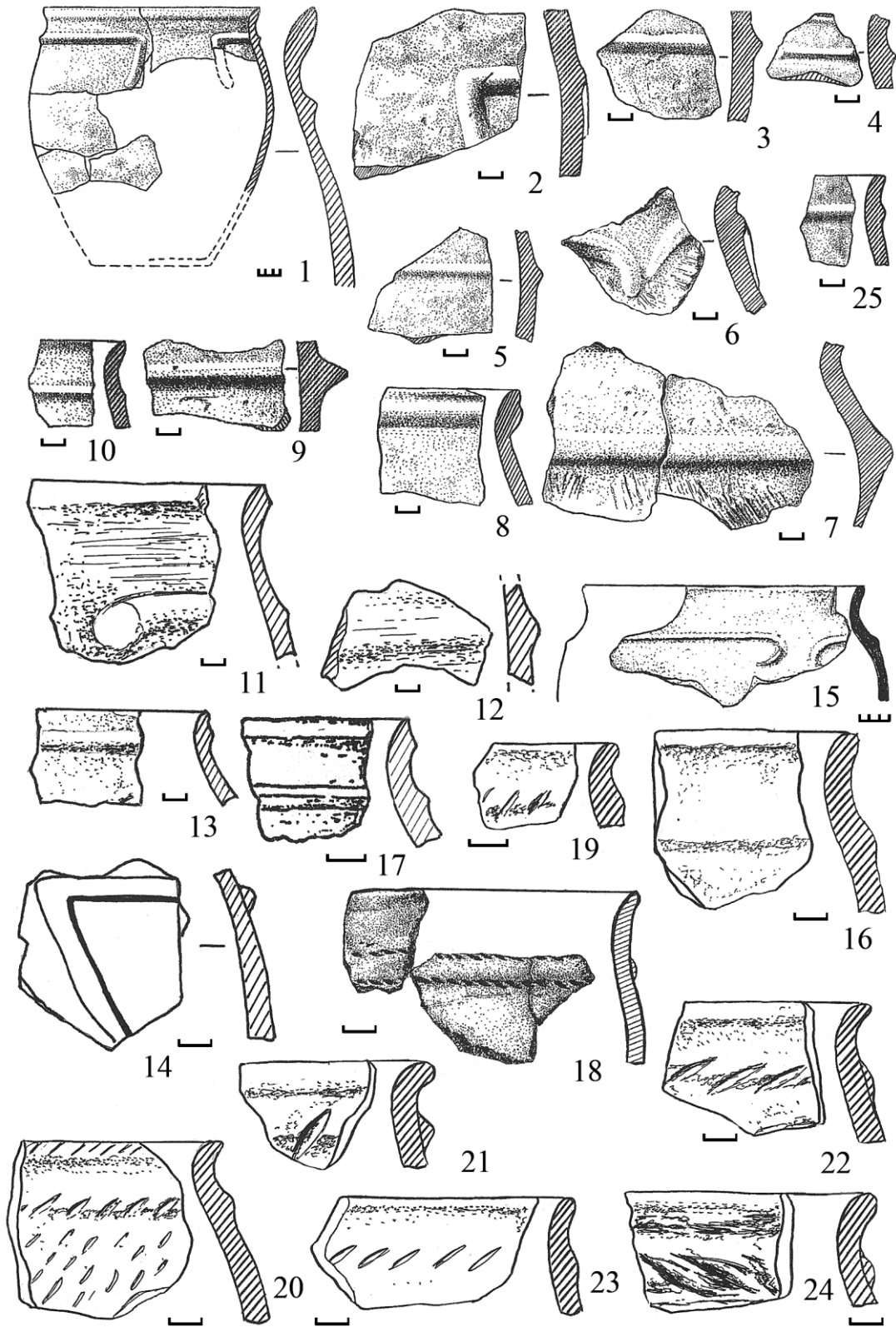

Рис. 68

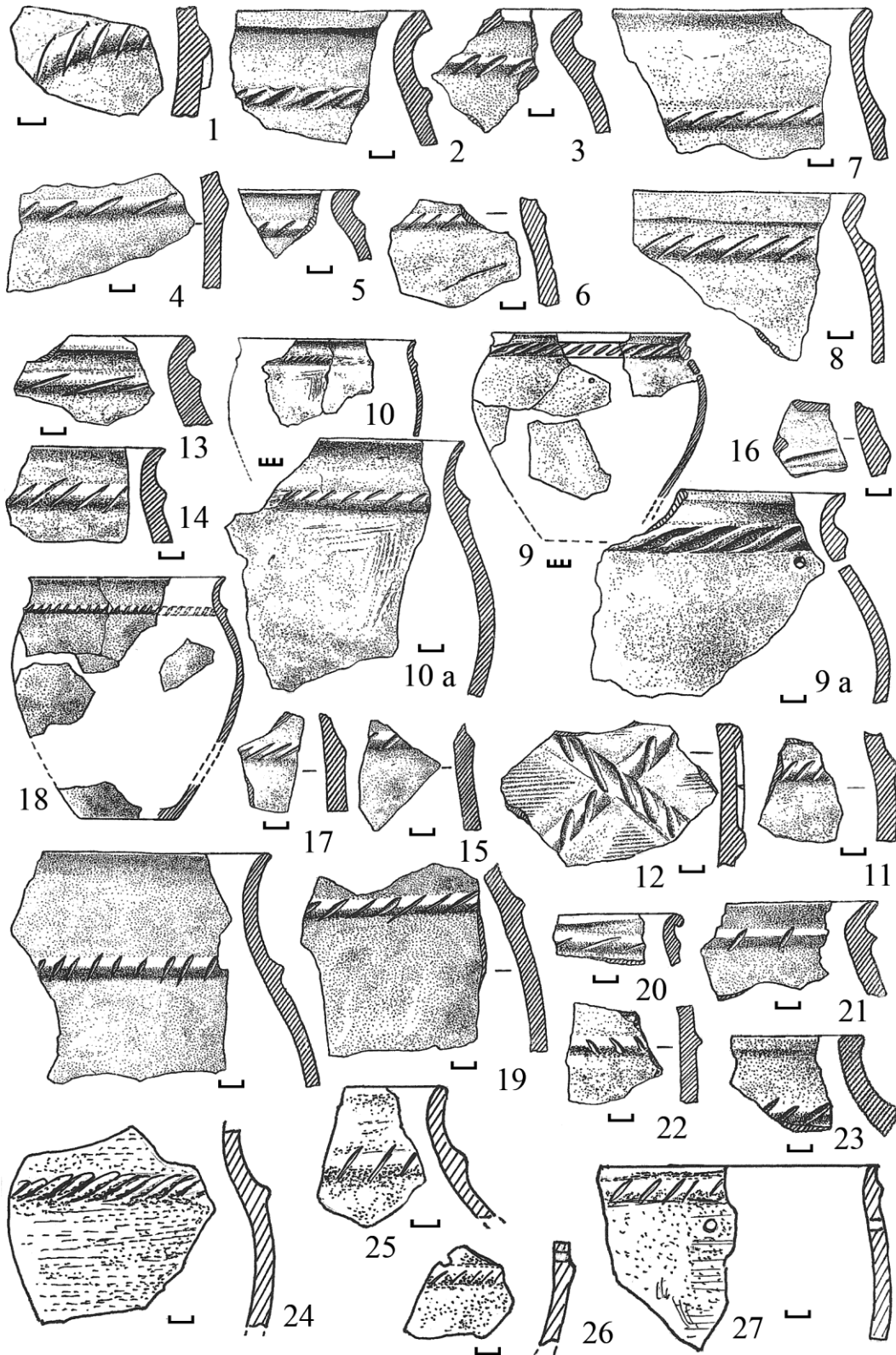

Рис. 69

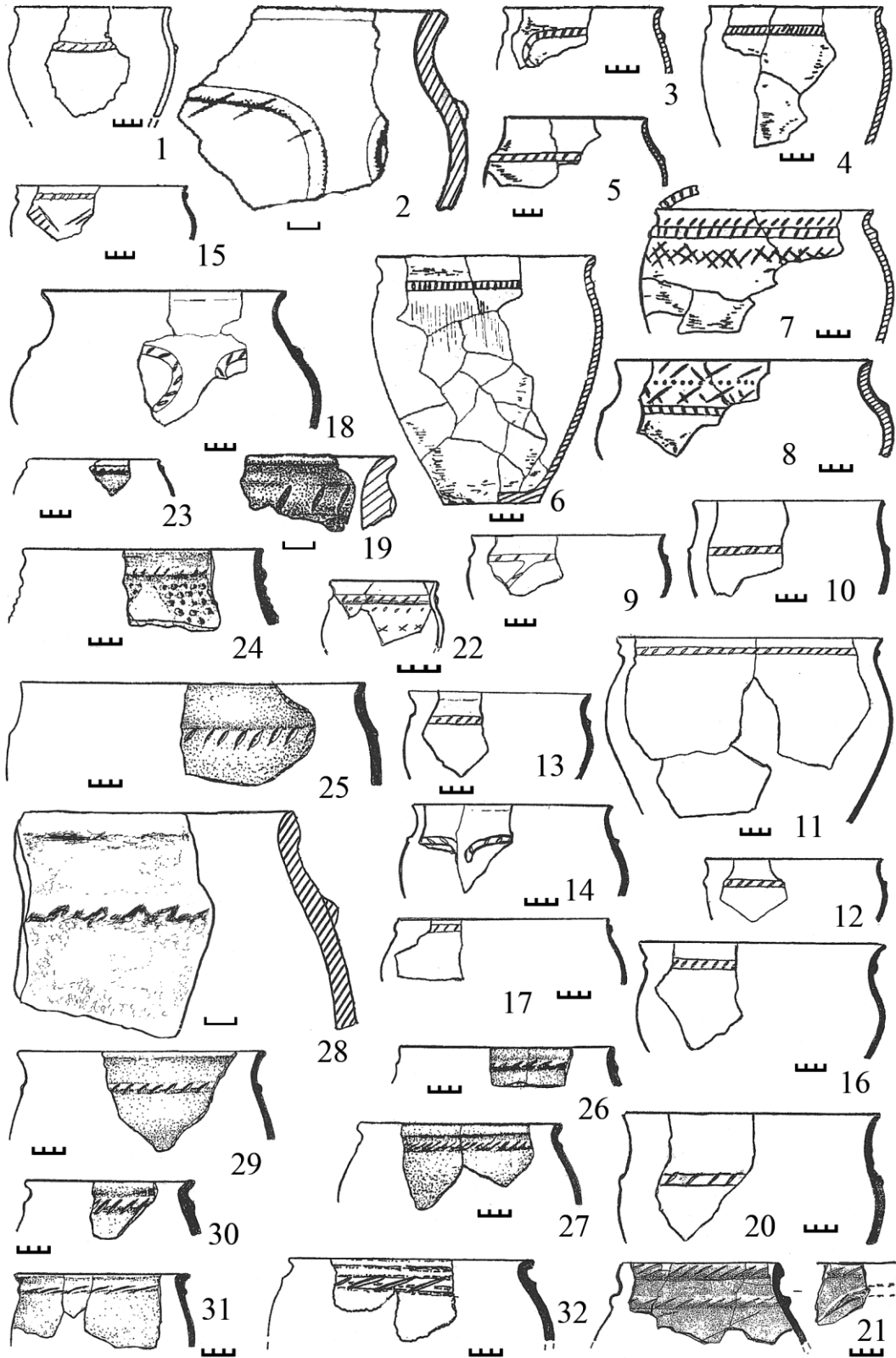

Рис. 70

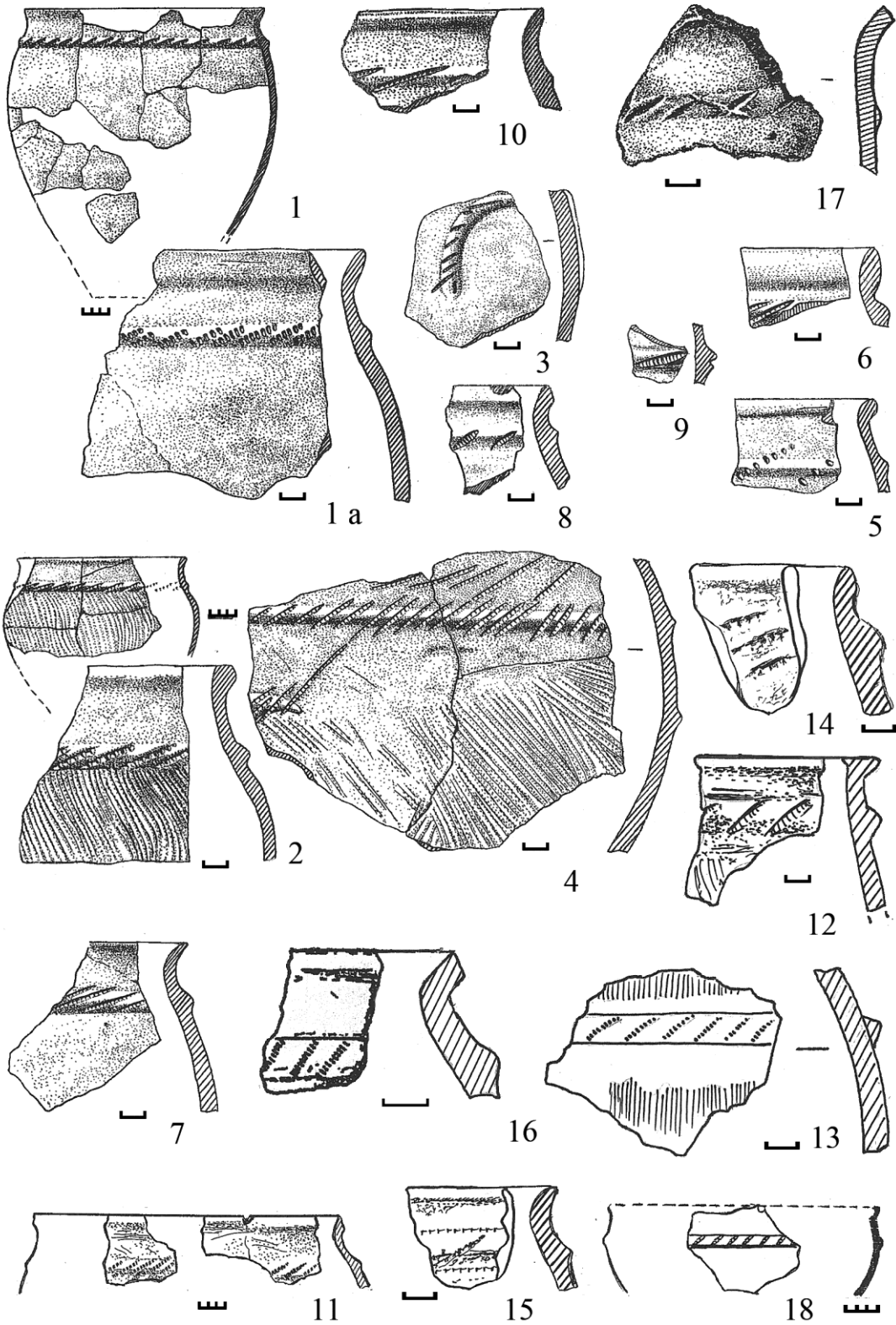

Рис. 71

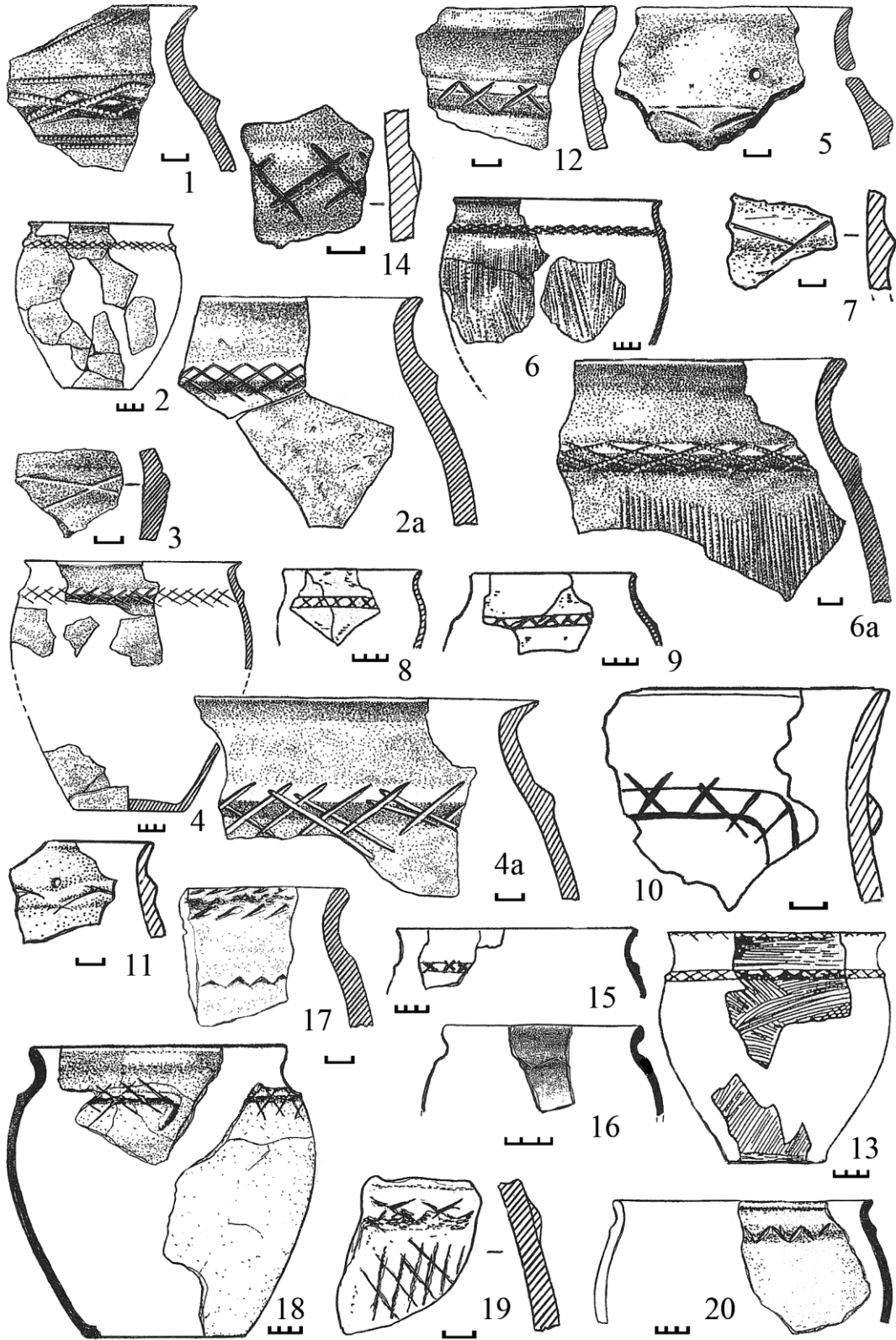

Рис. 72

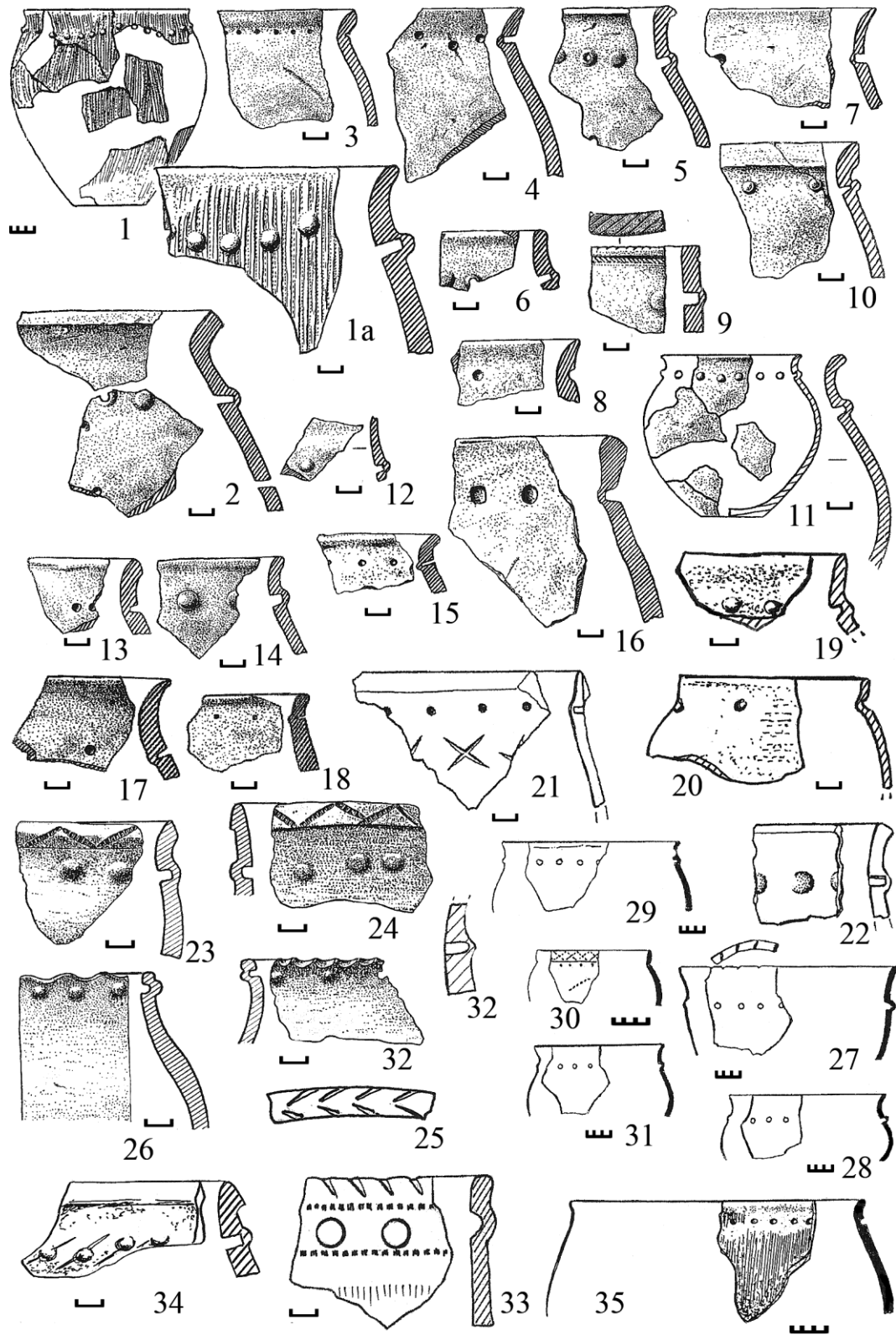

Рис. 73

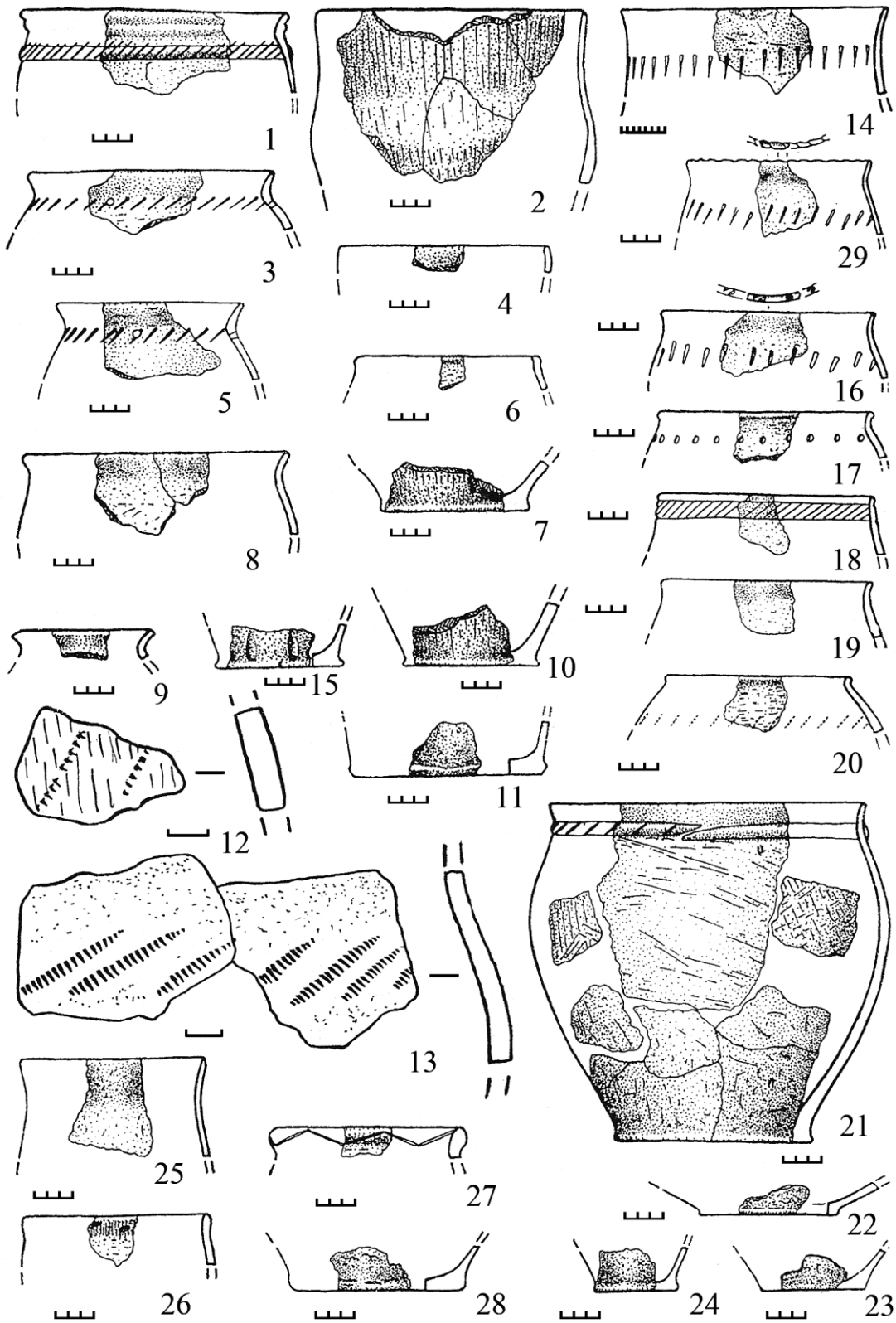

Рис. 74

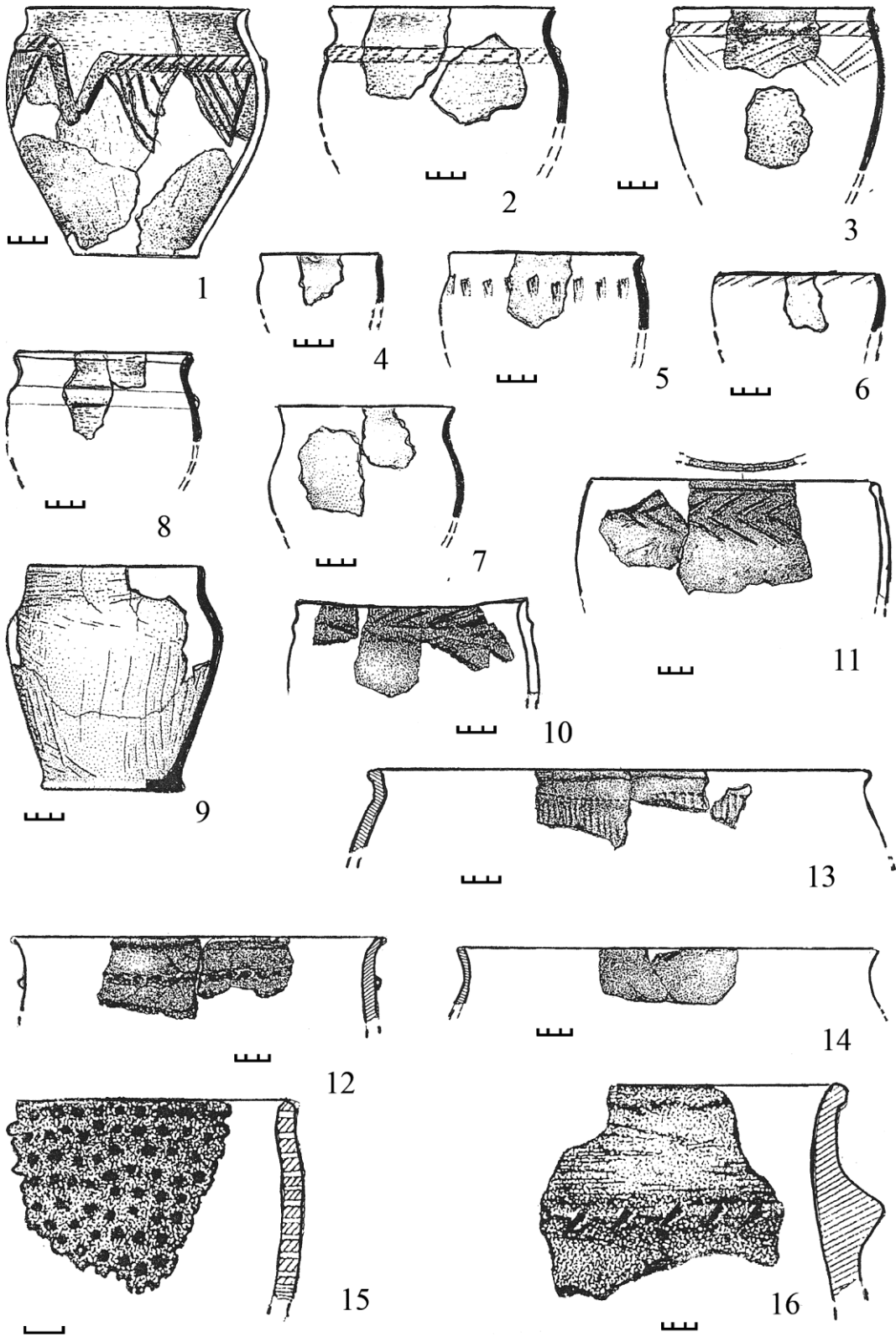

Рис. 75

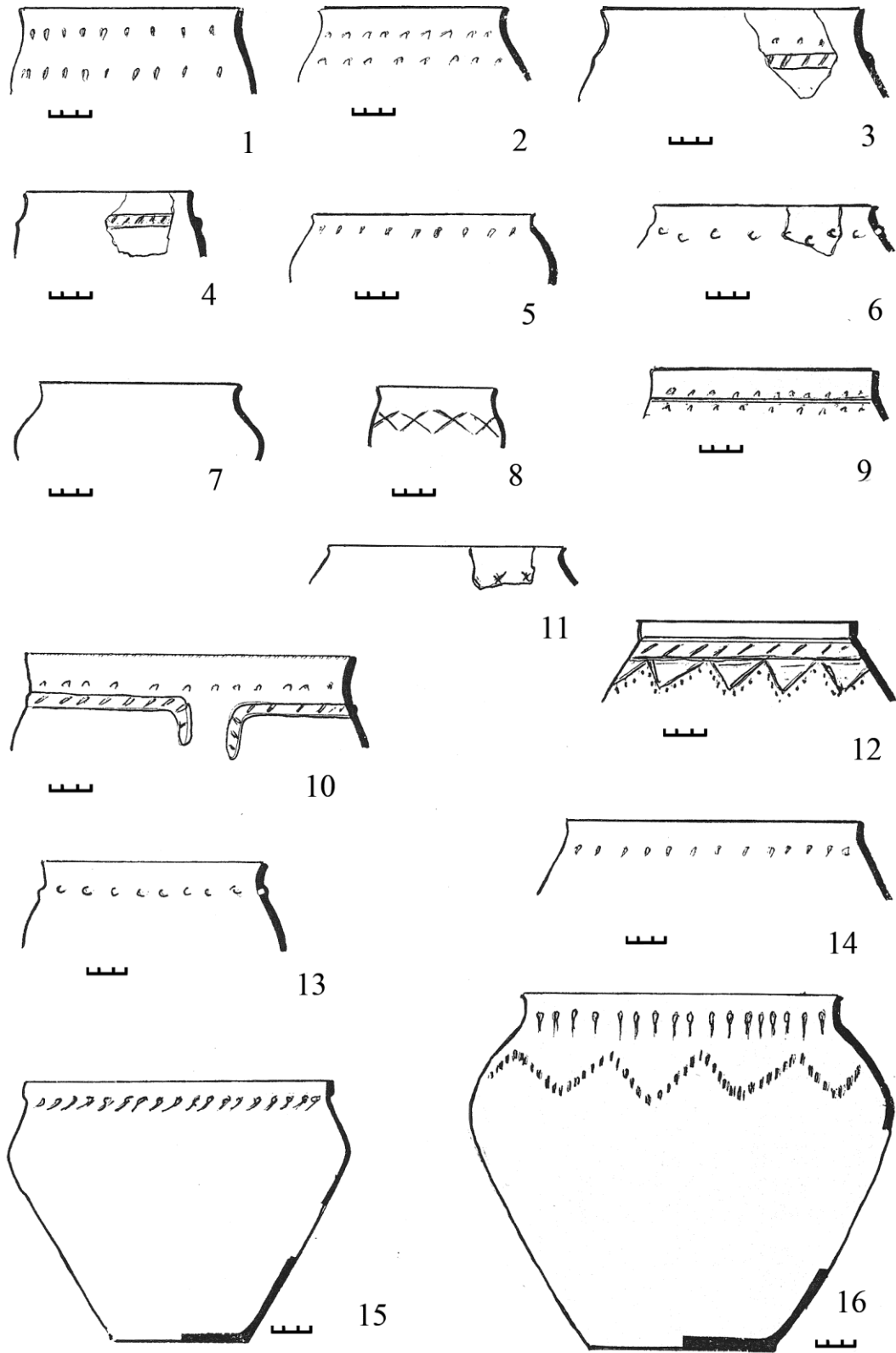

Рис. 76

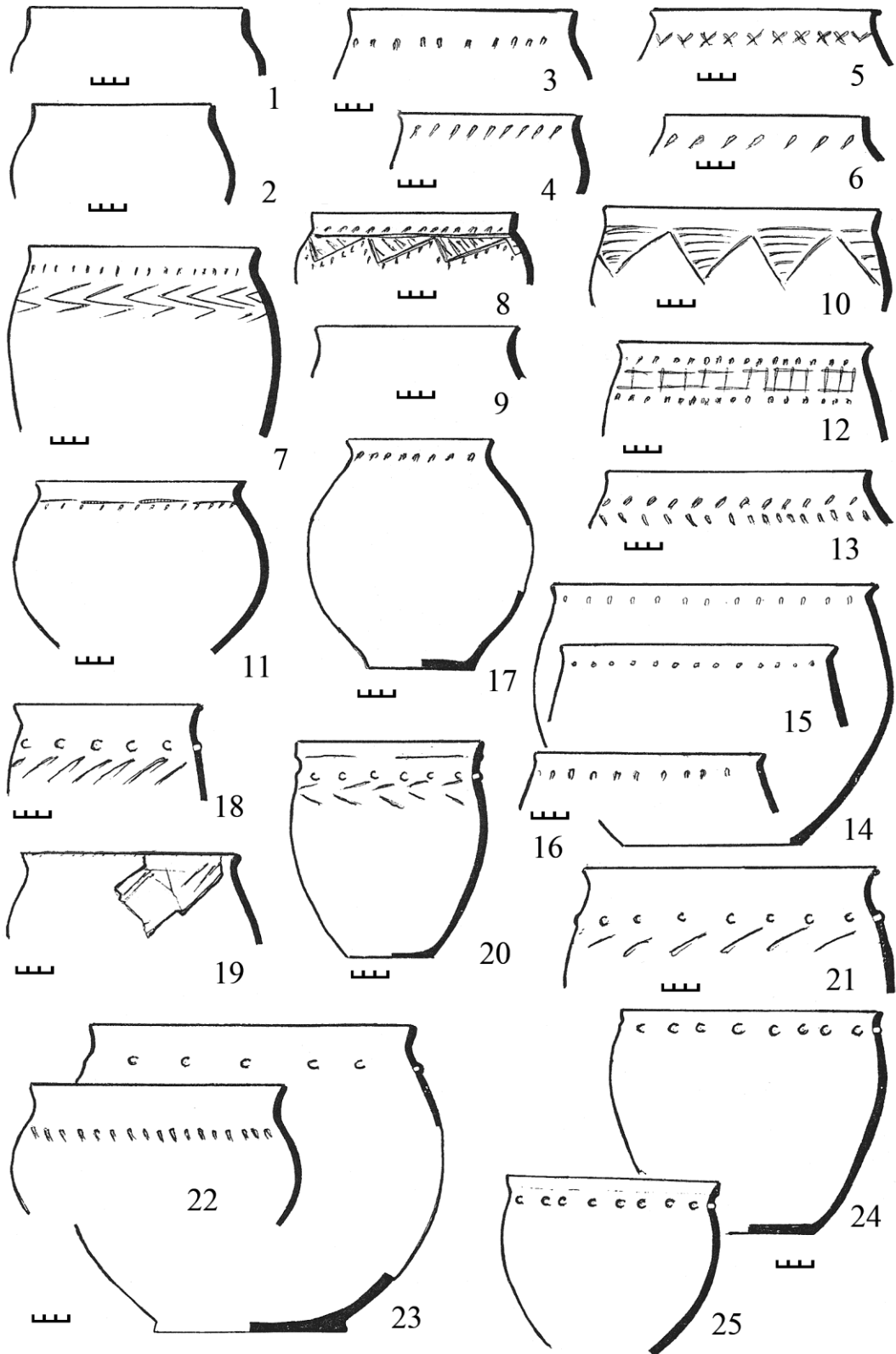

Рис. 77

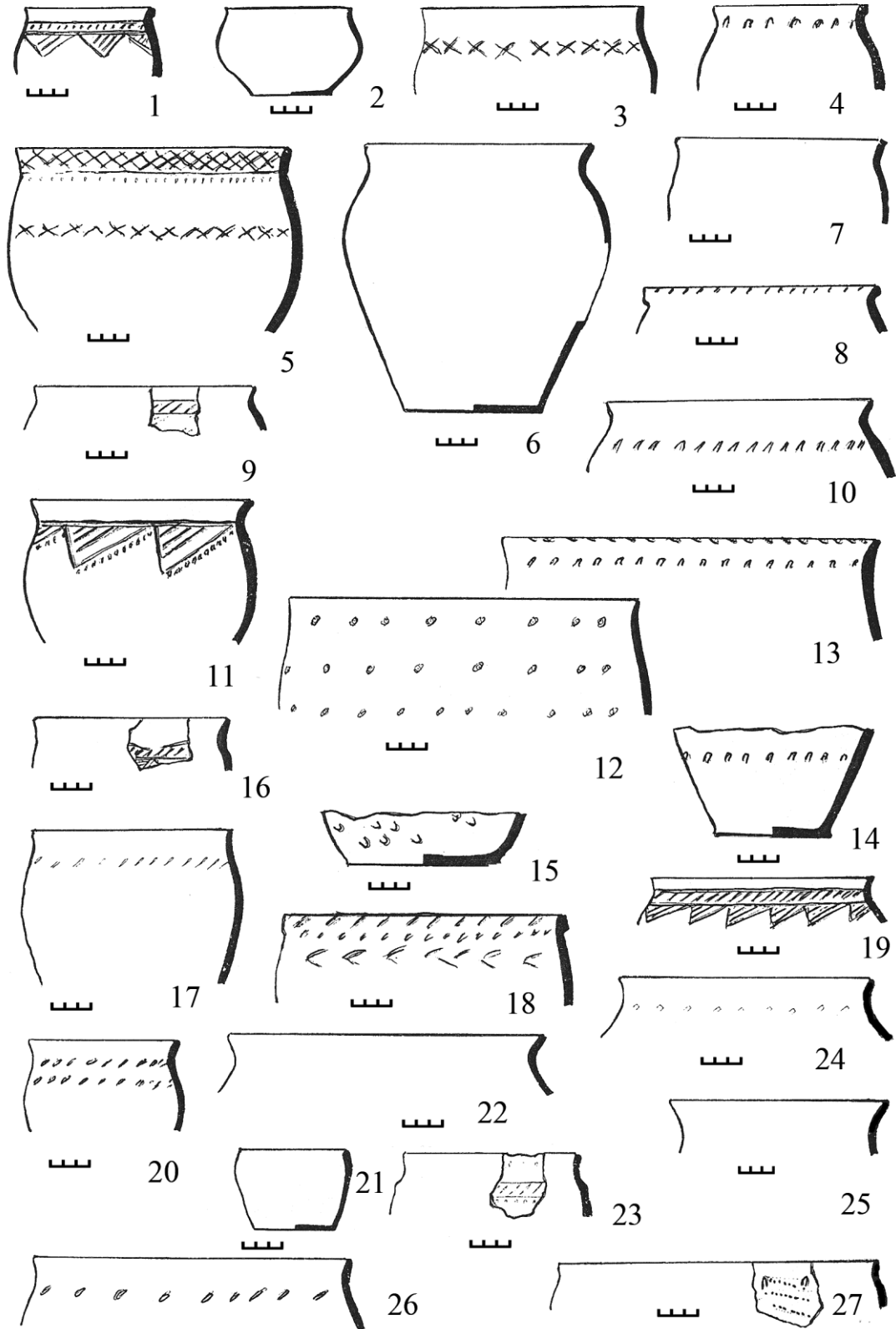

Рис. 78

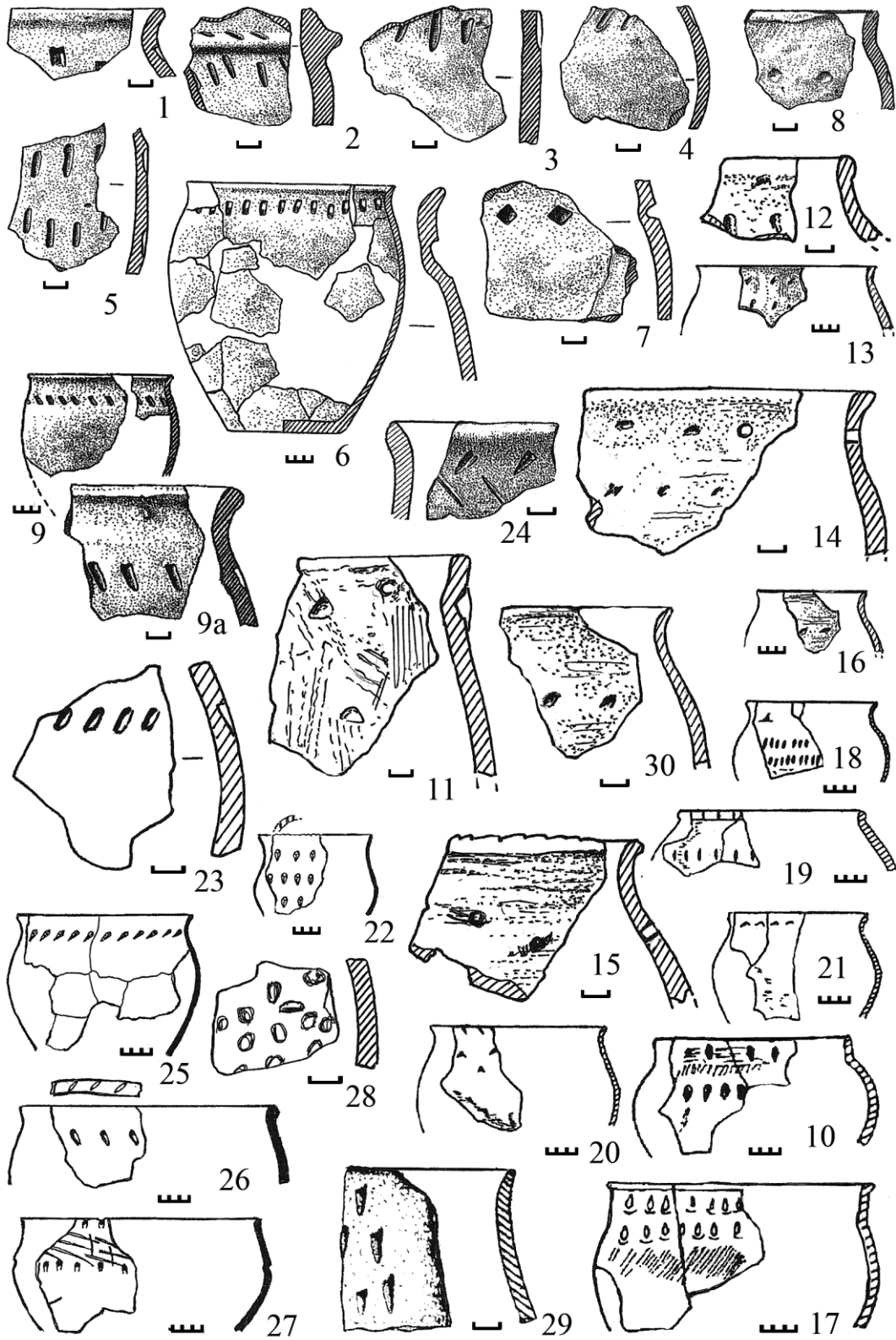

Рис. 79

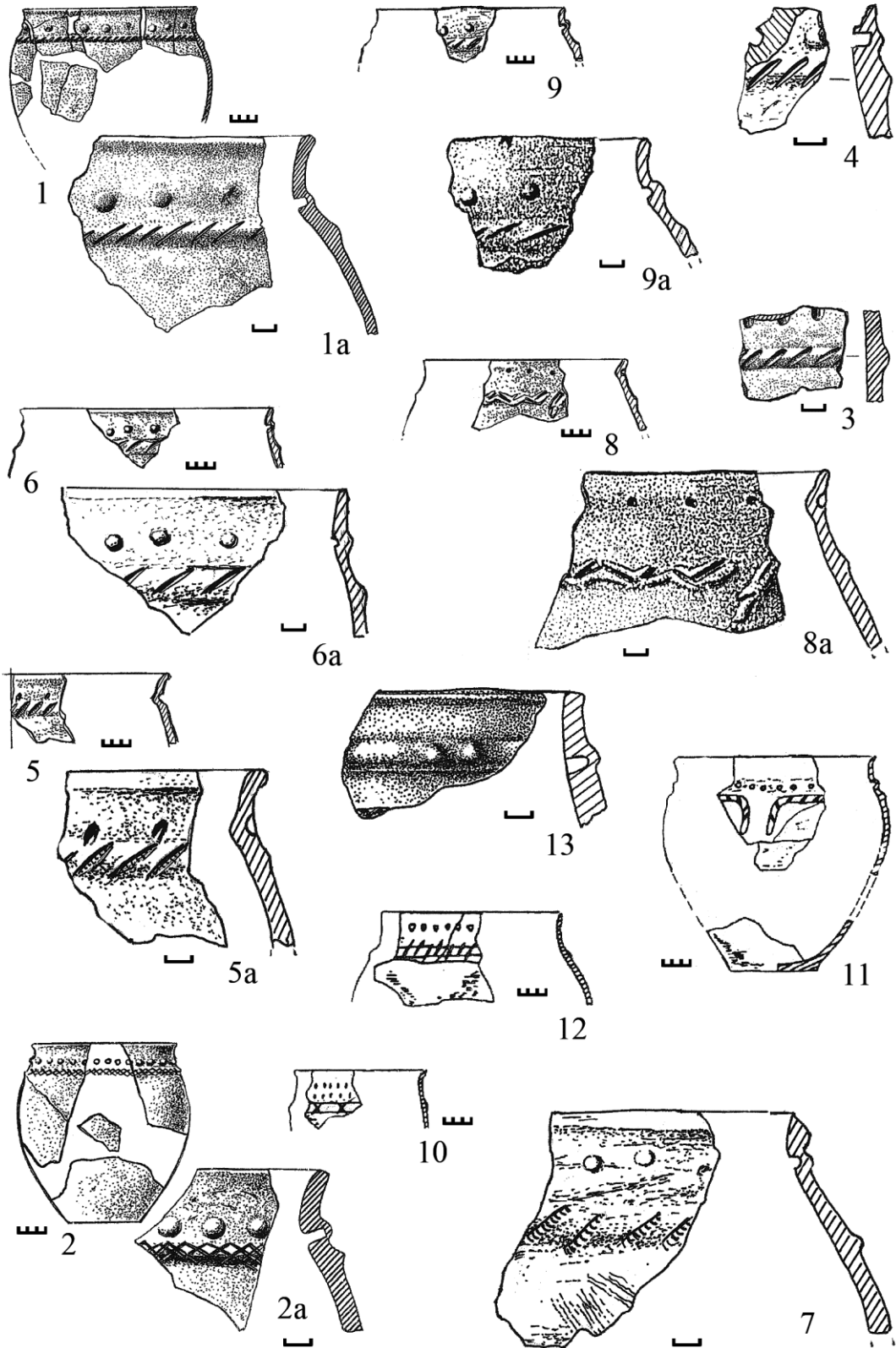

Рис. 80

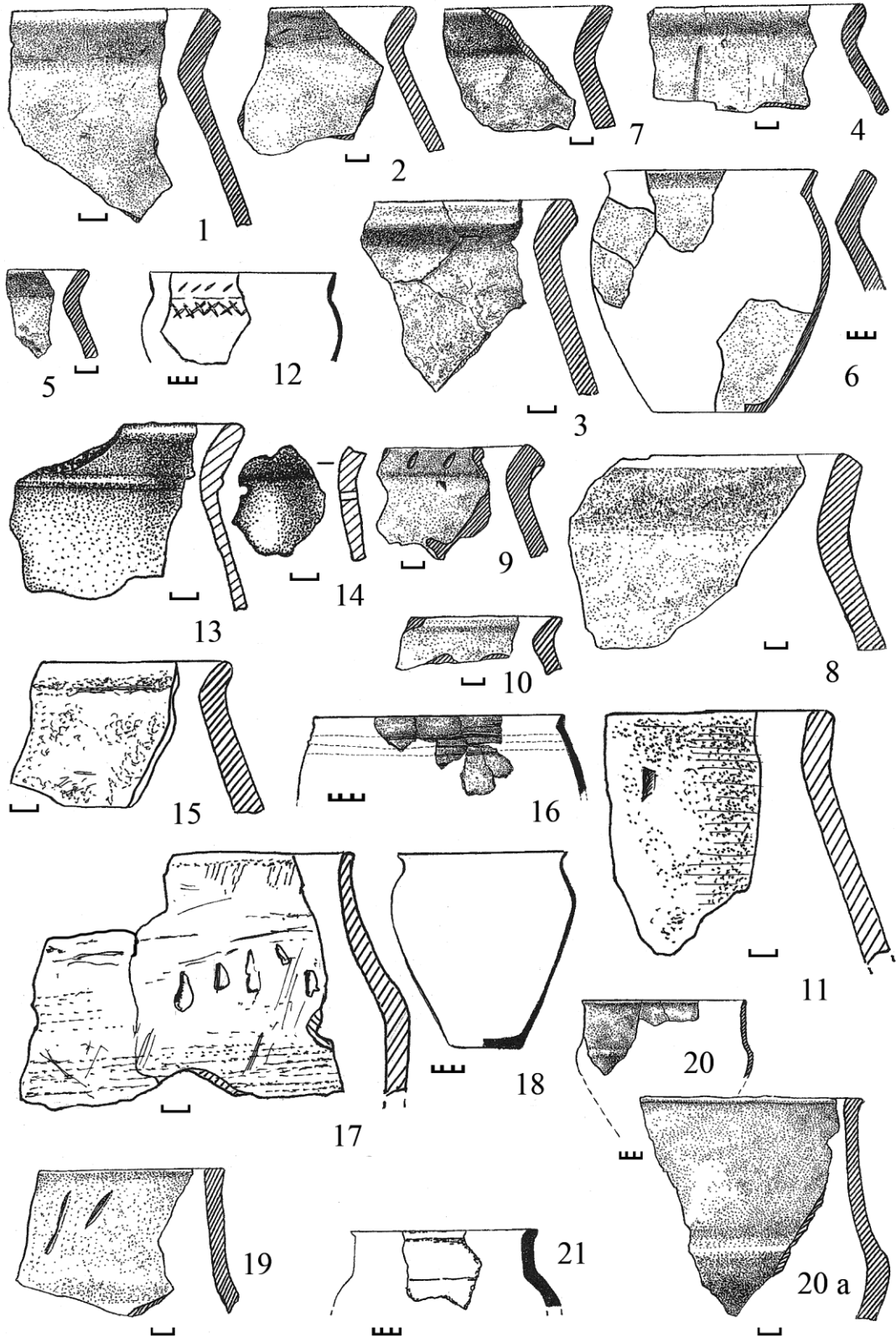

Рис. 81

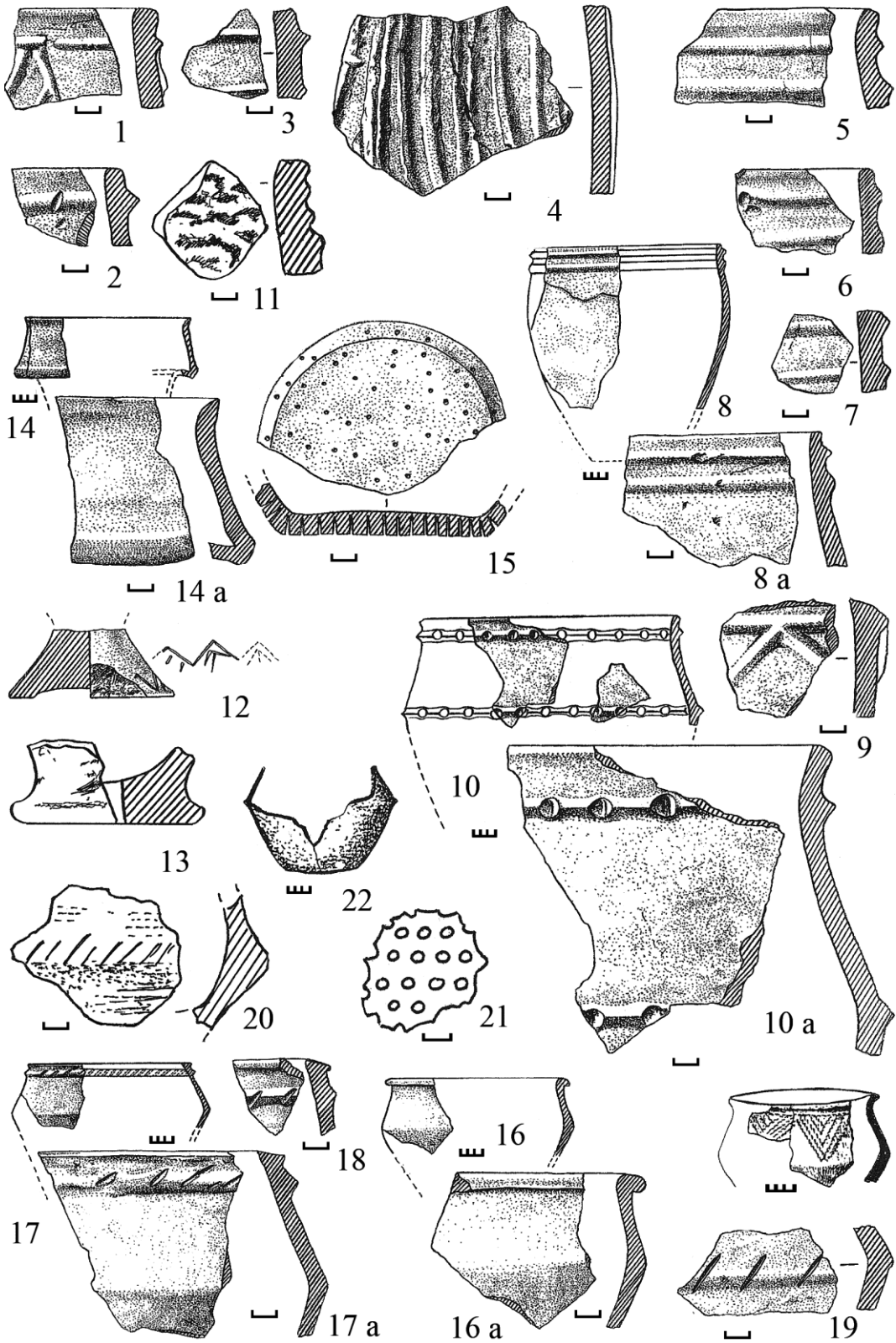

Рис. 82

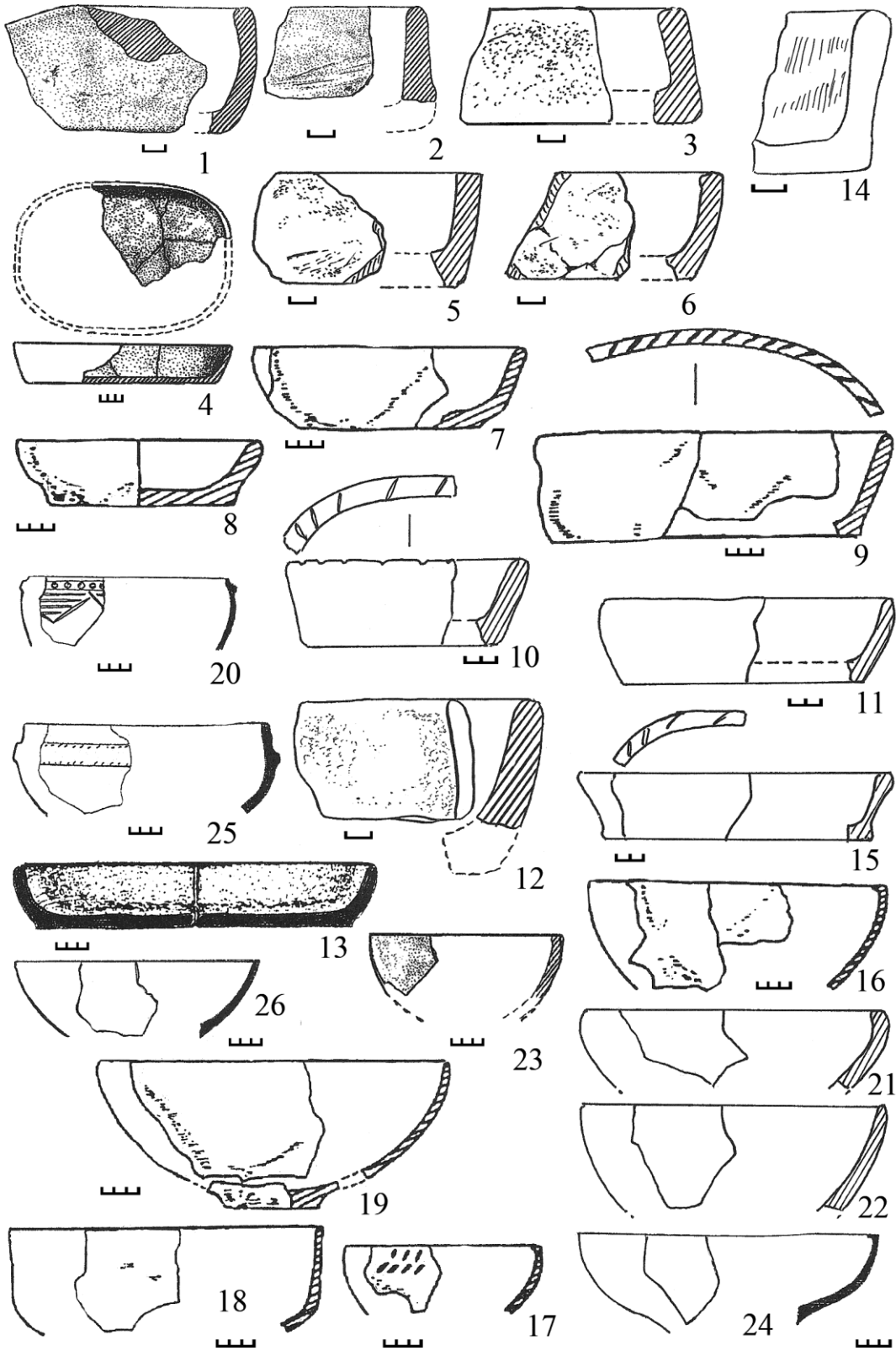

Рис. 83

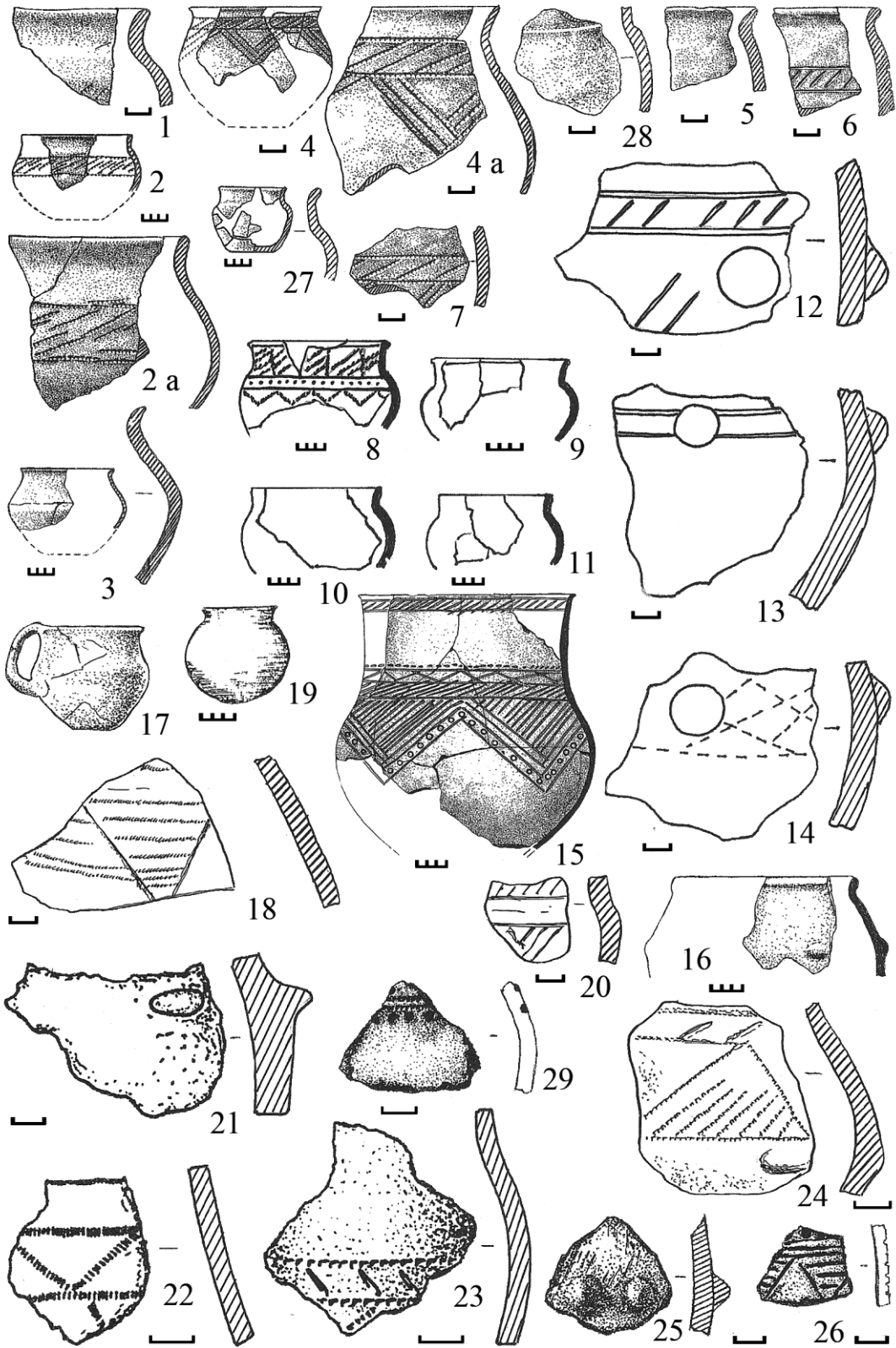

Рис. 84

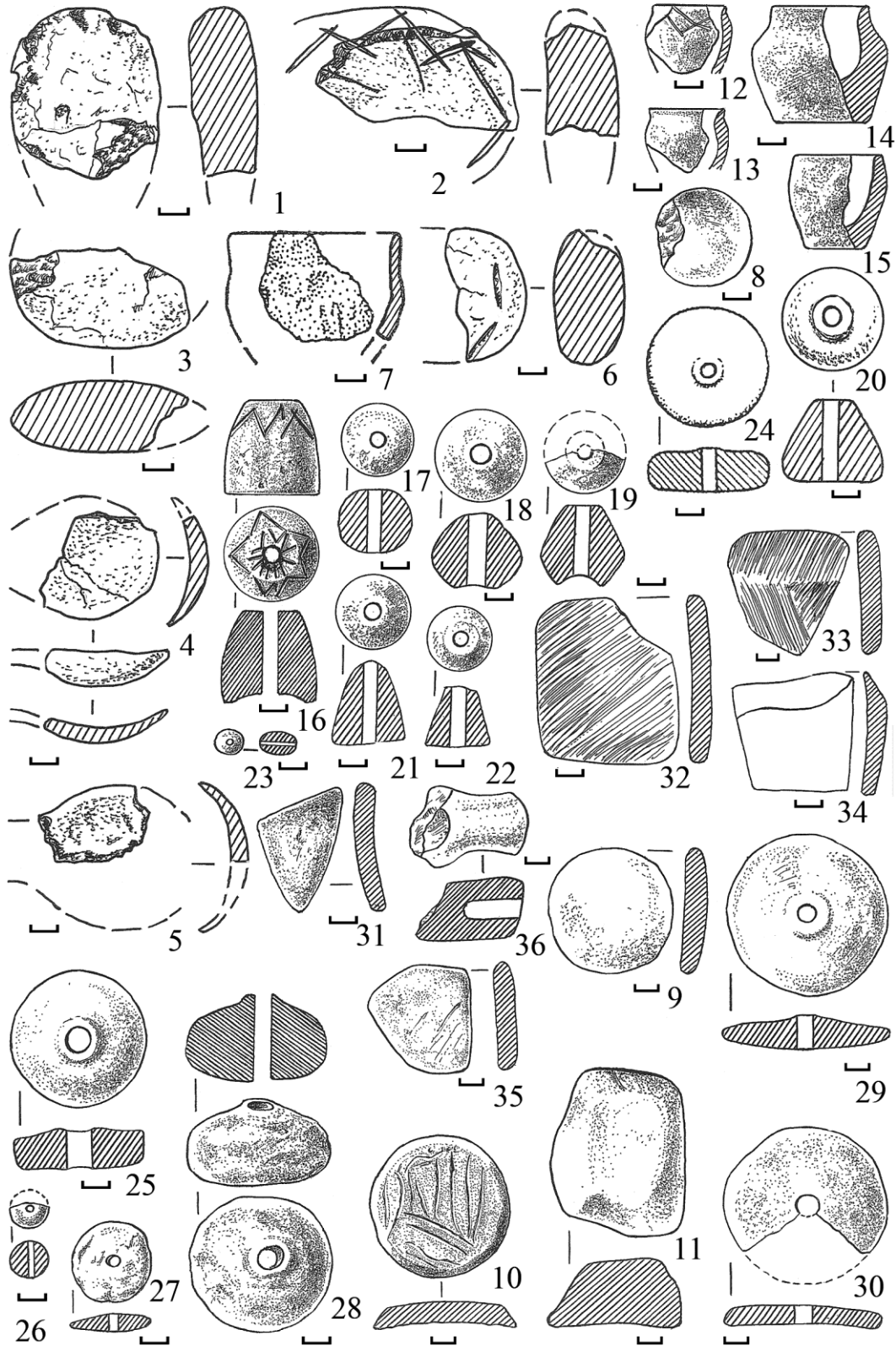

Рис. 85

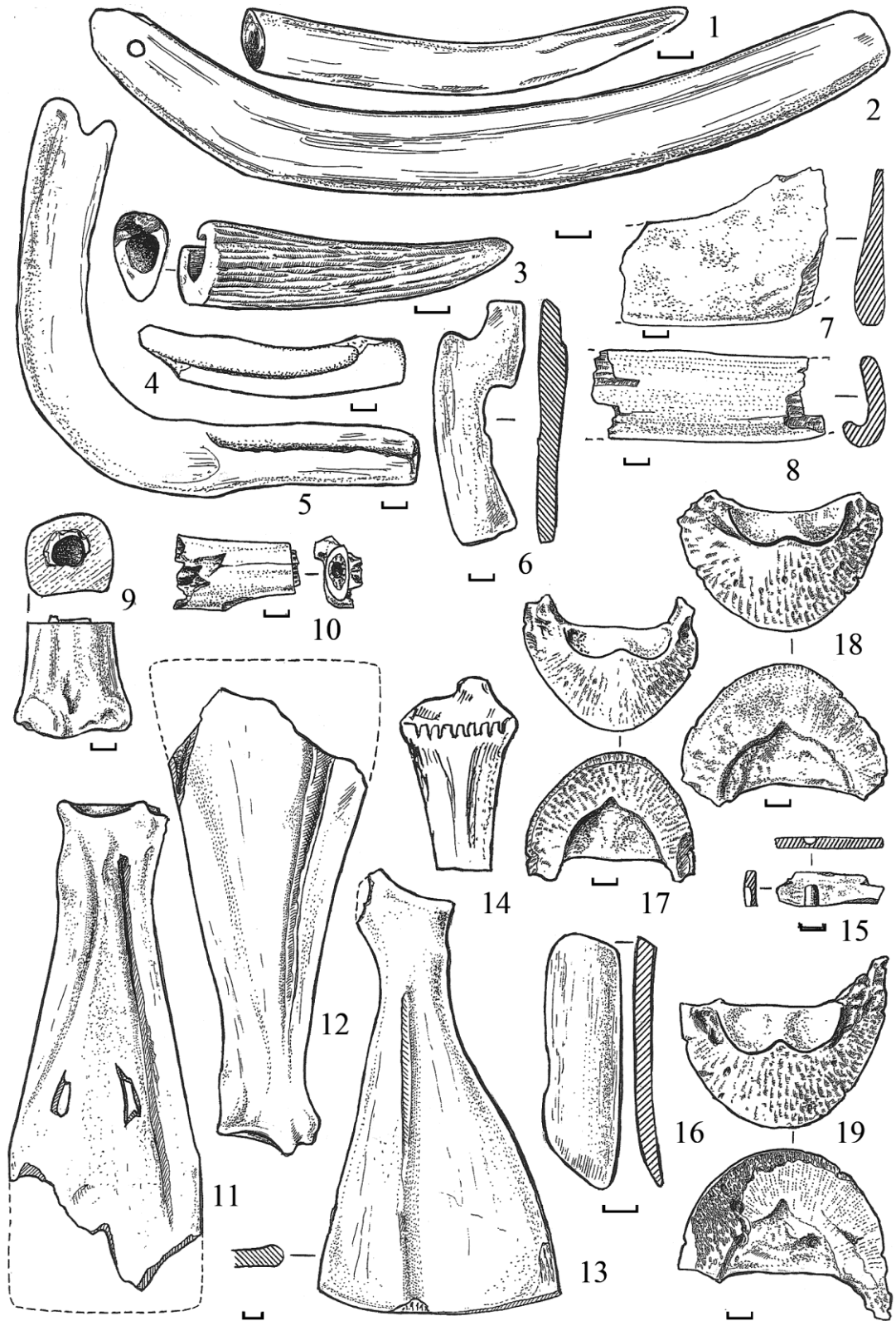

Рис. 86

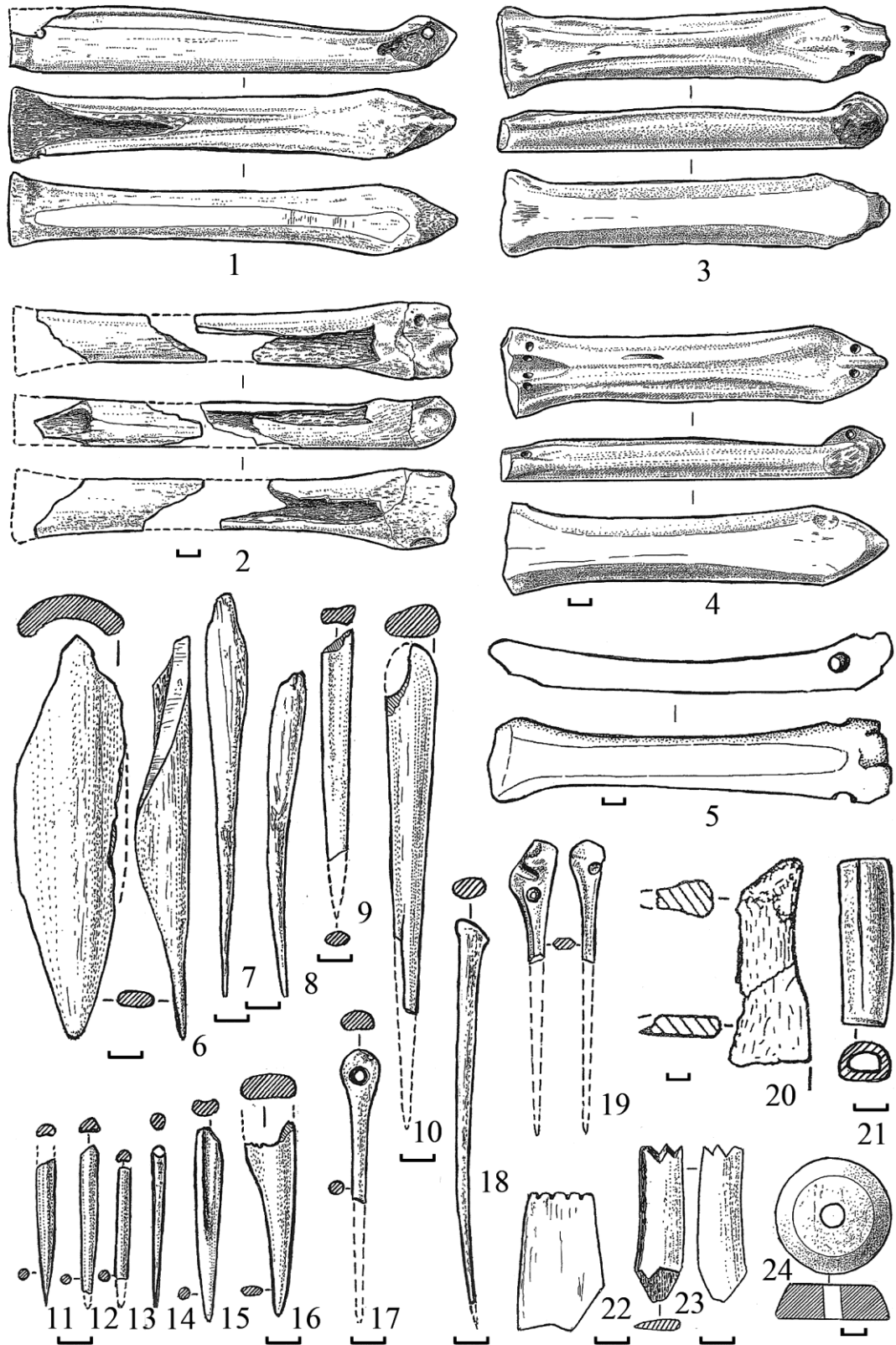

Рис. 87

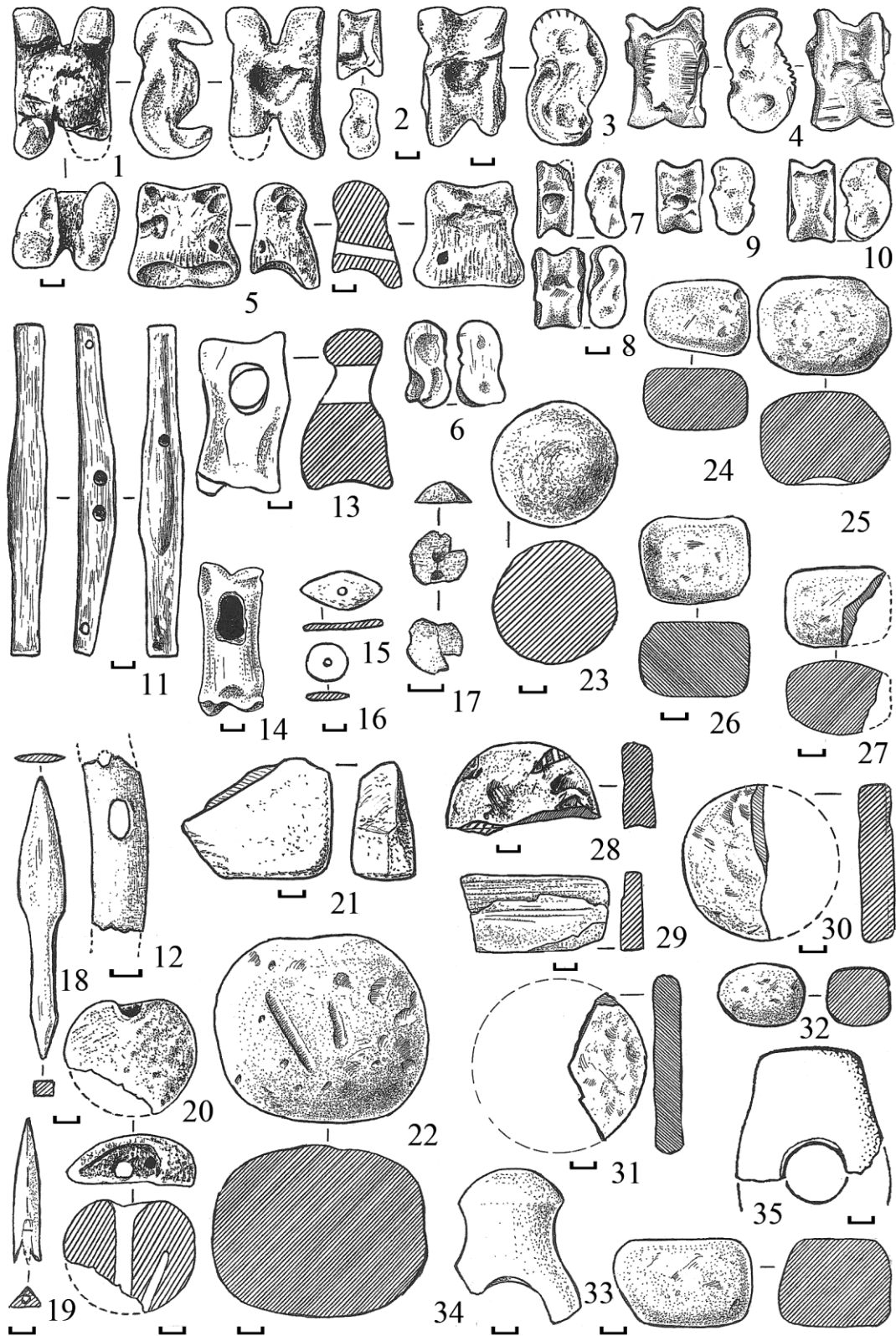

Рис. 88

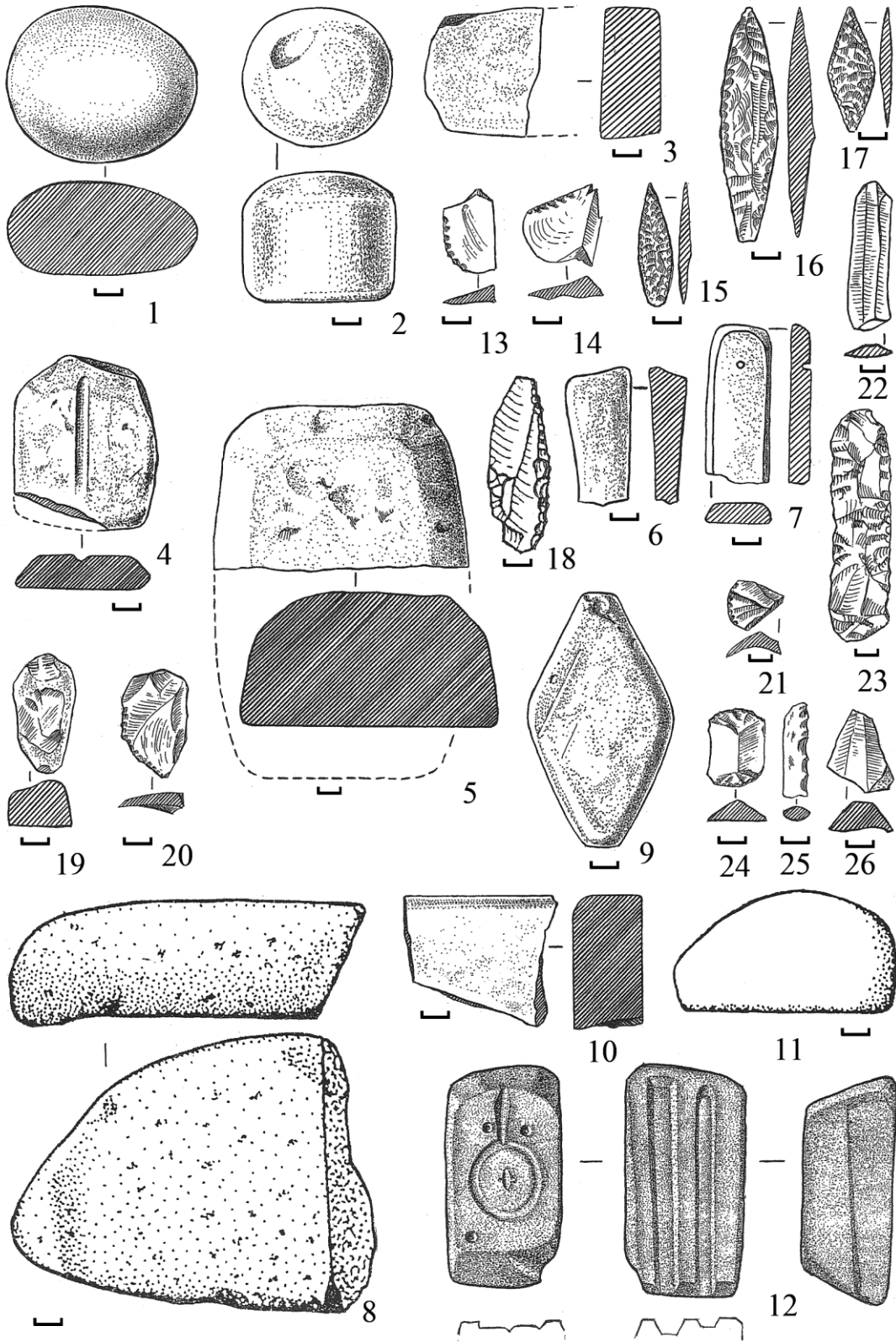

Рис. 89

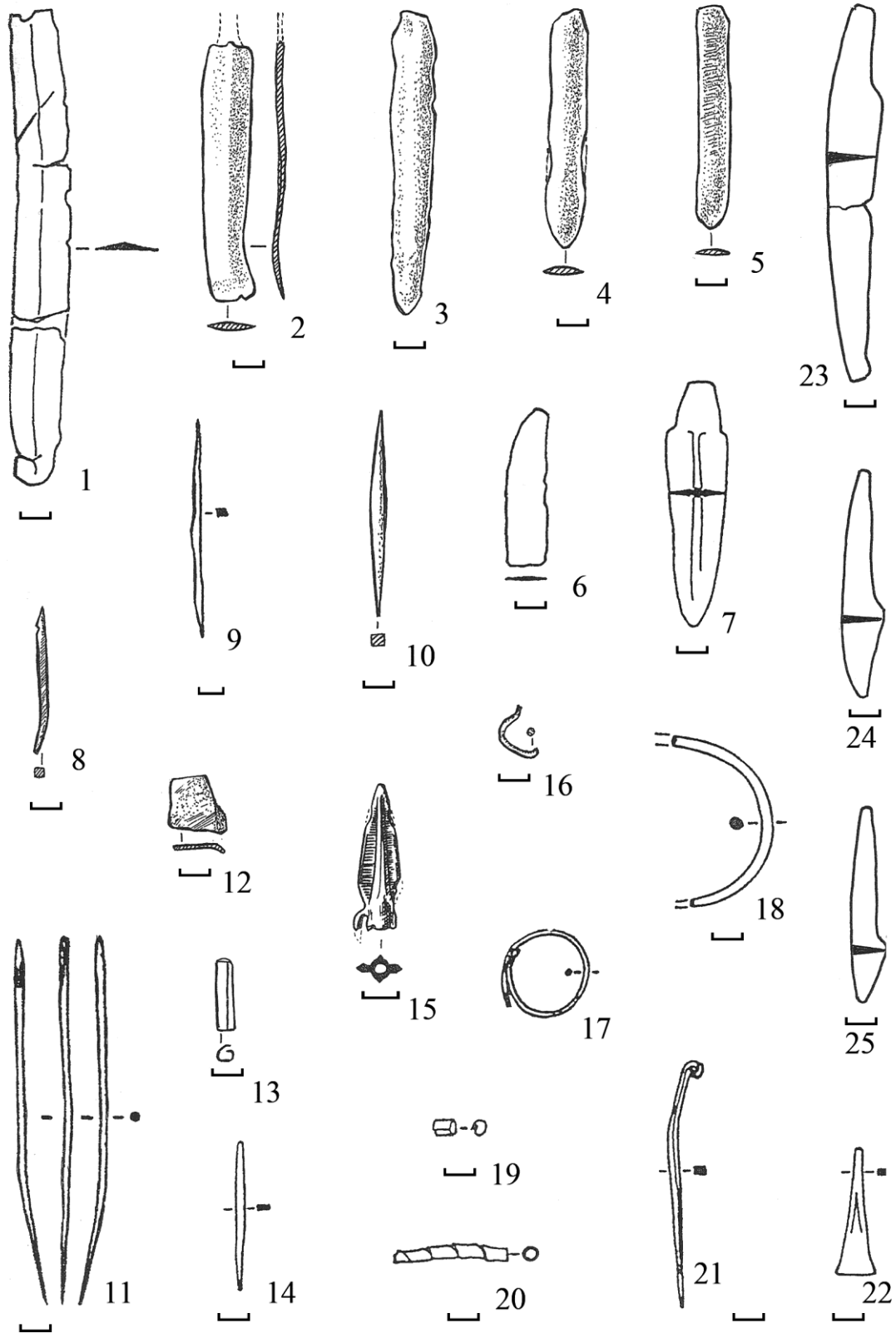

Рис. 90

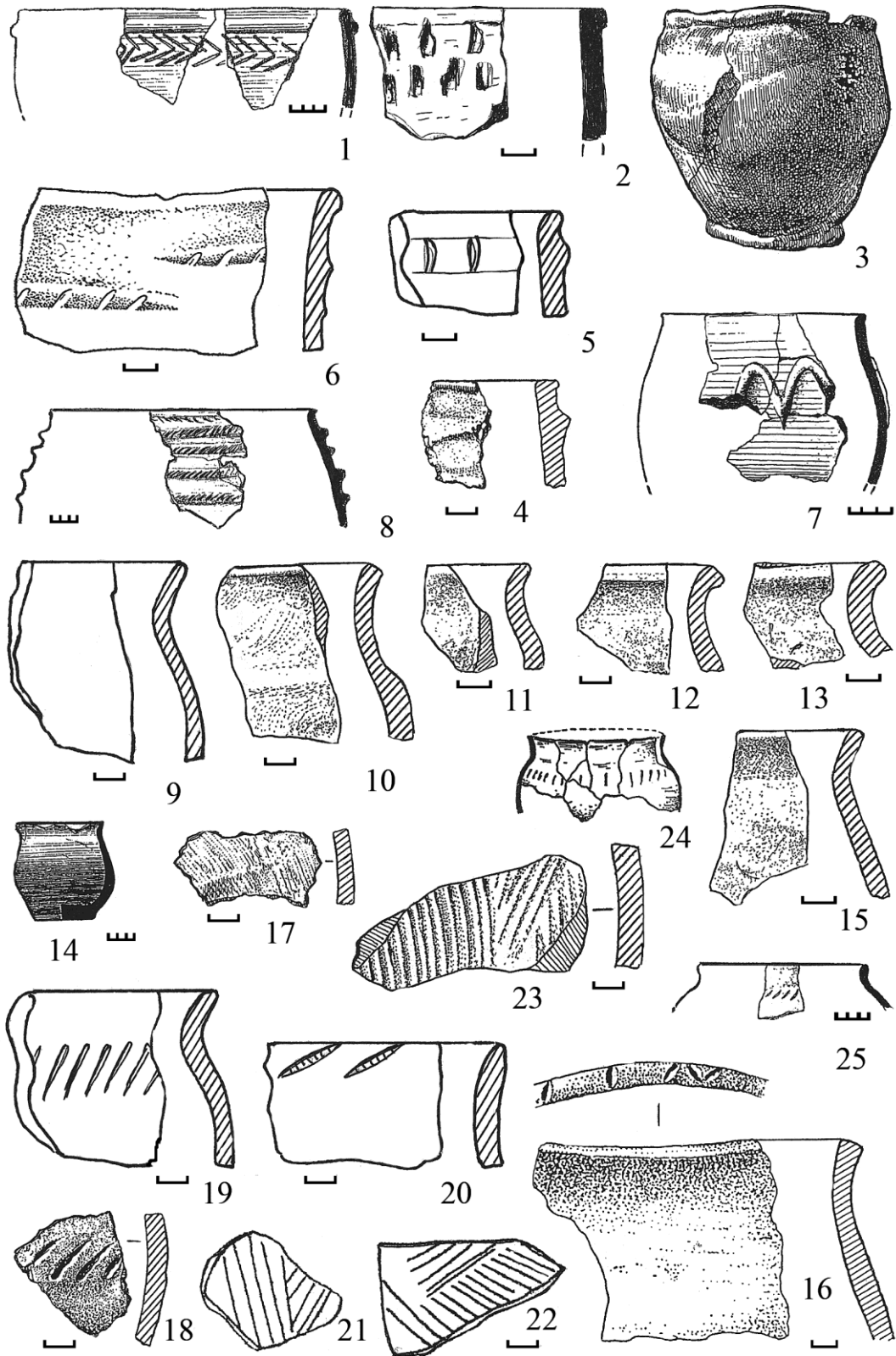

Рис. 91

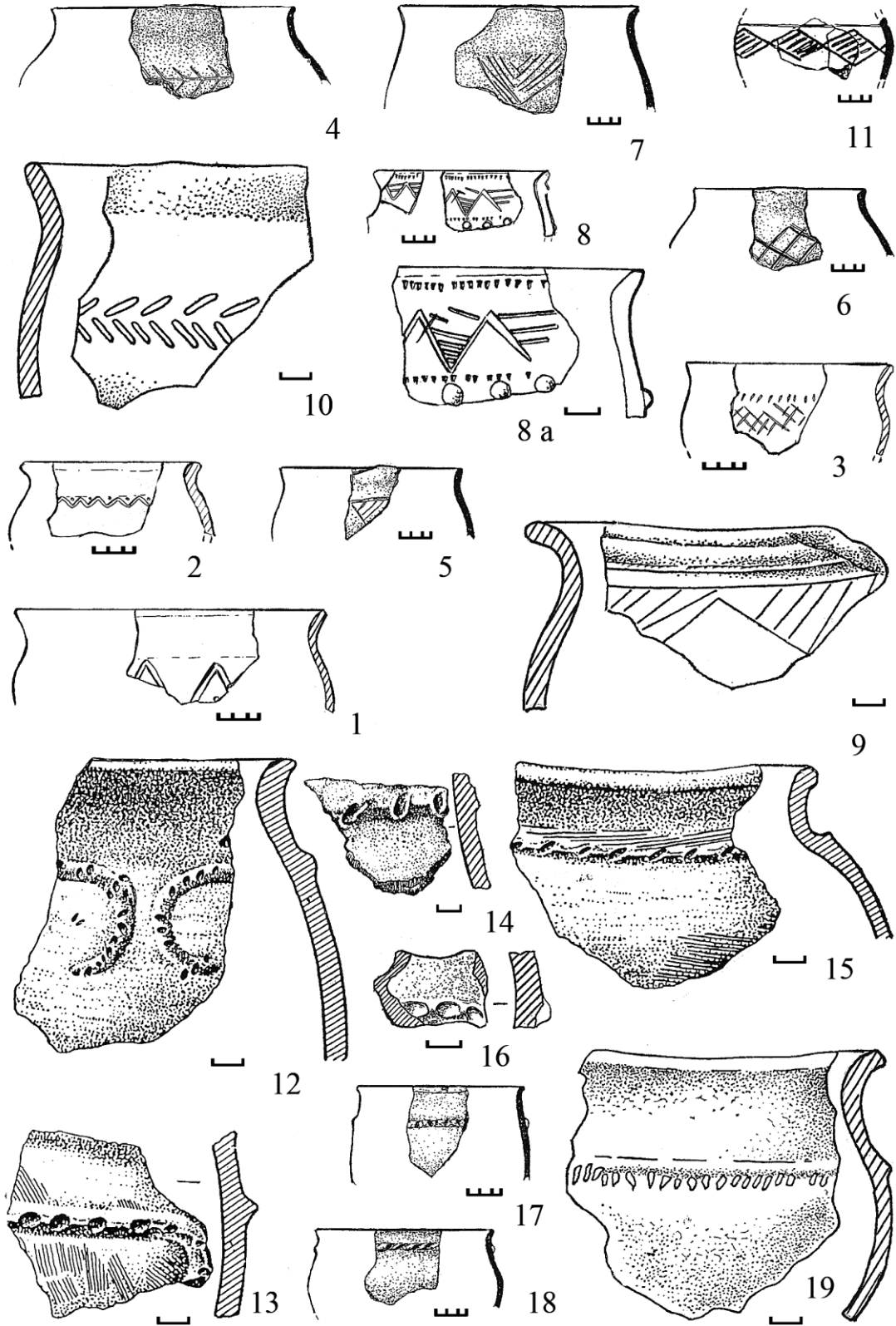

Рис. 92

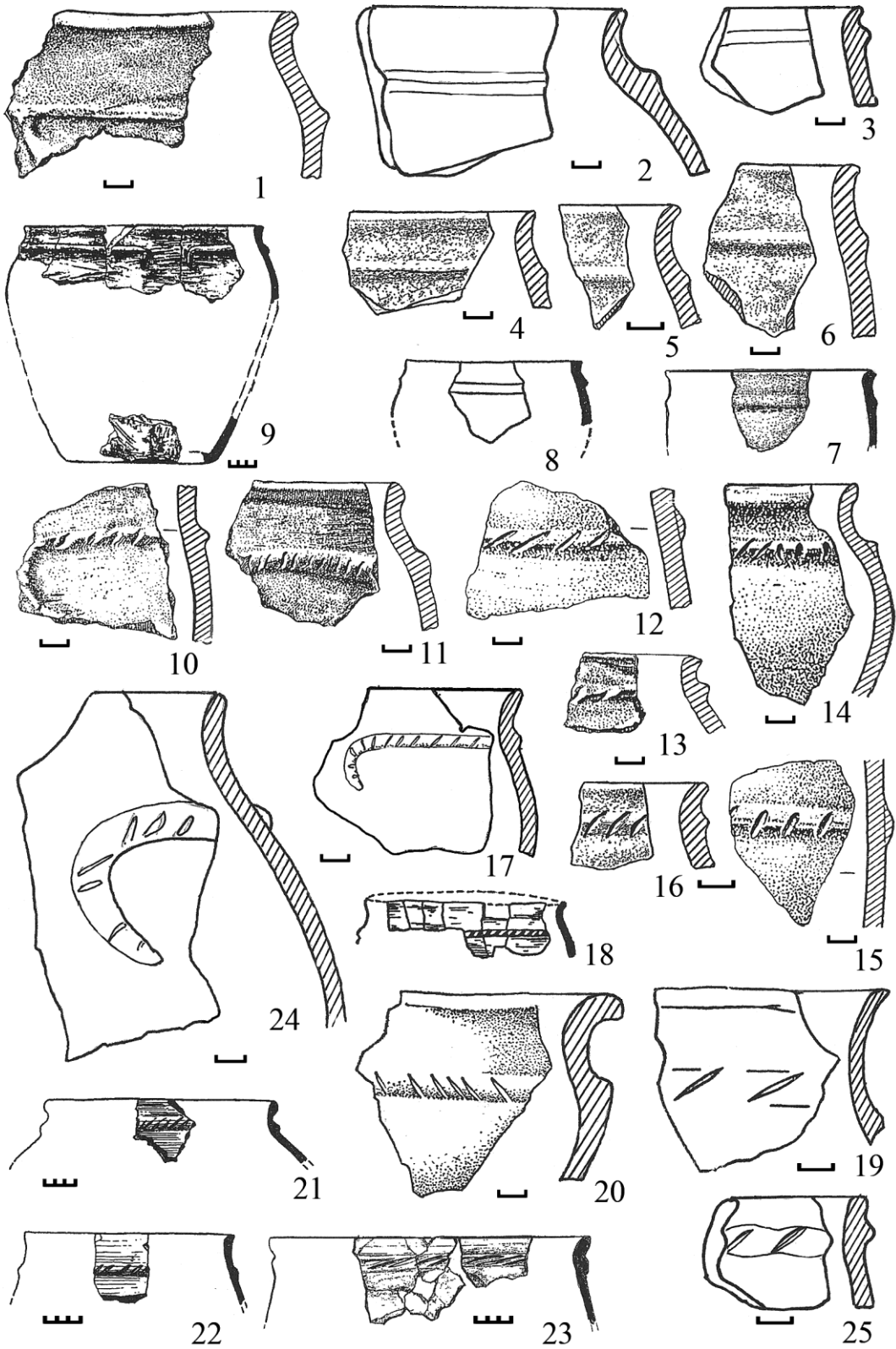

Рис. 93

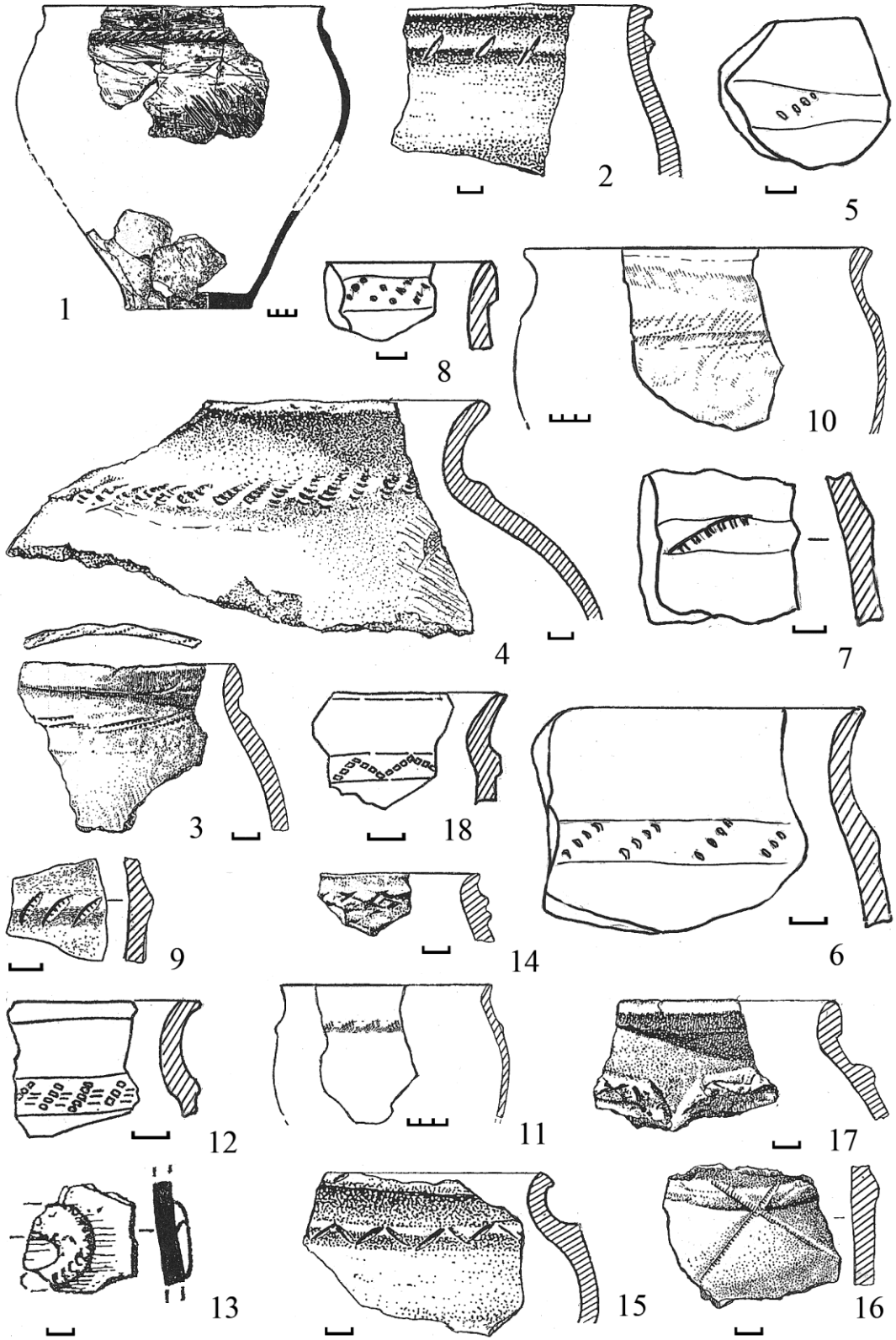

Рис. 94

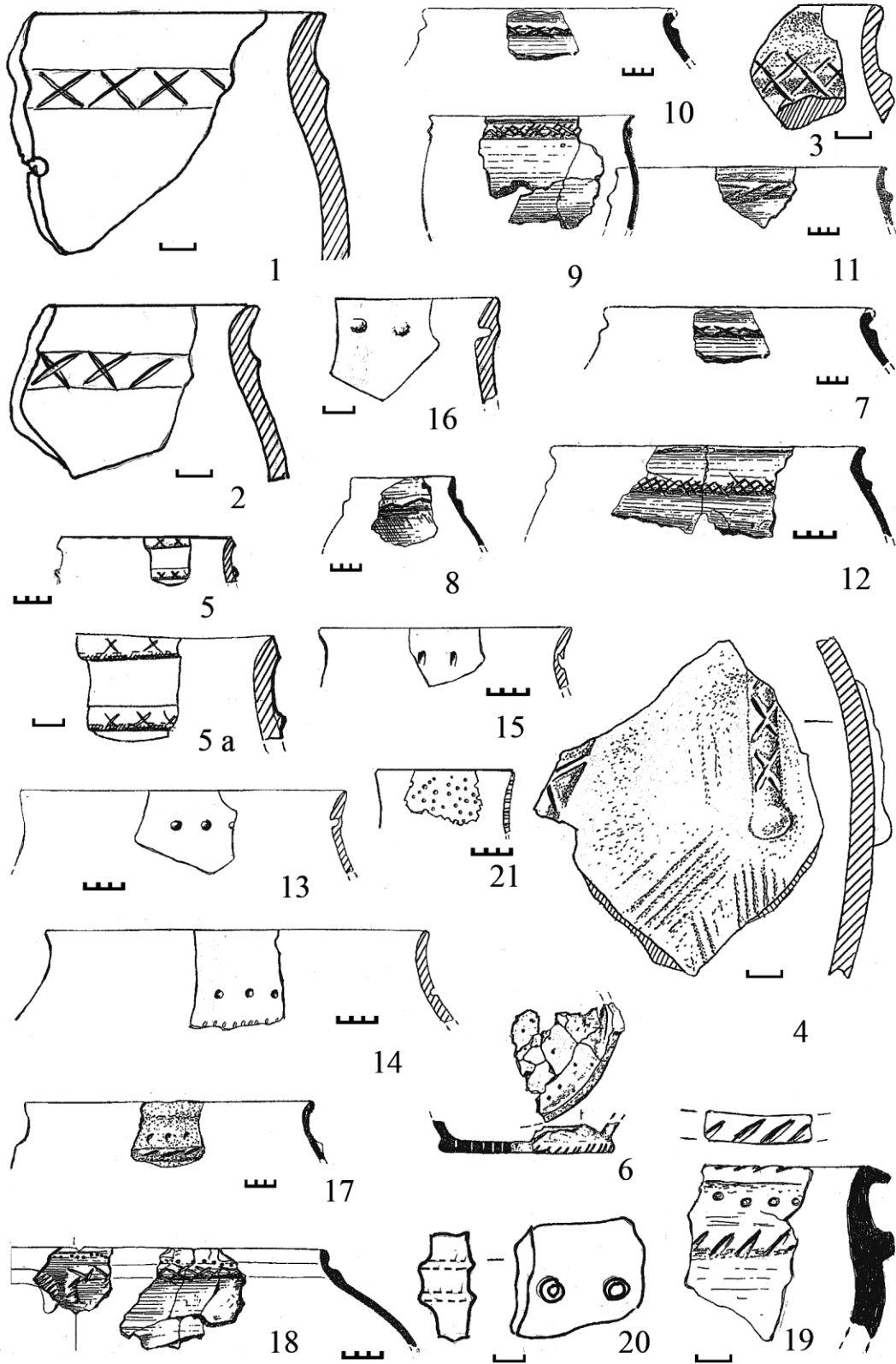

Рис. 95

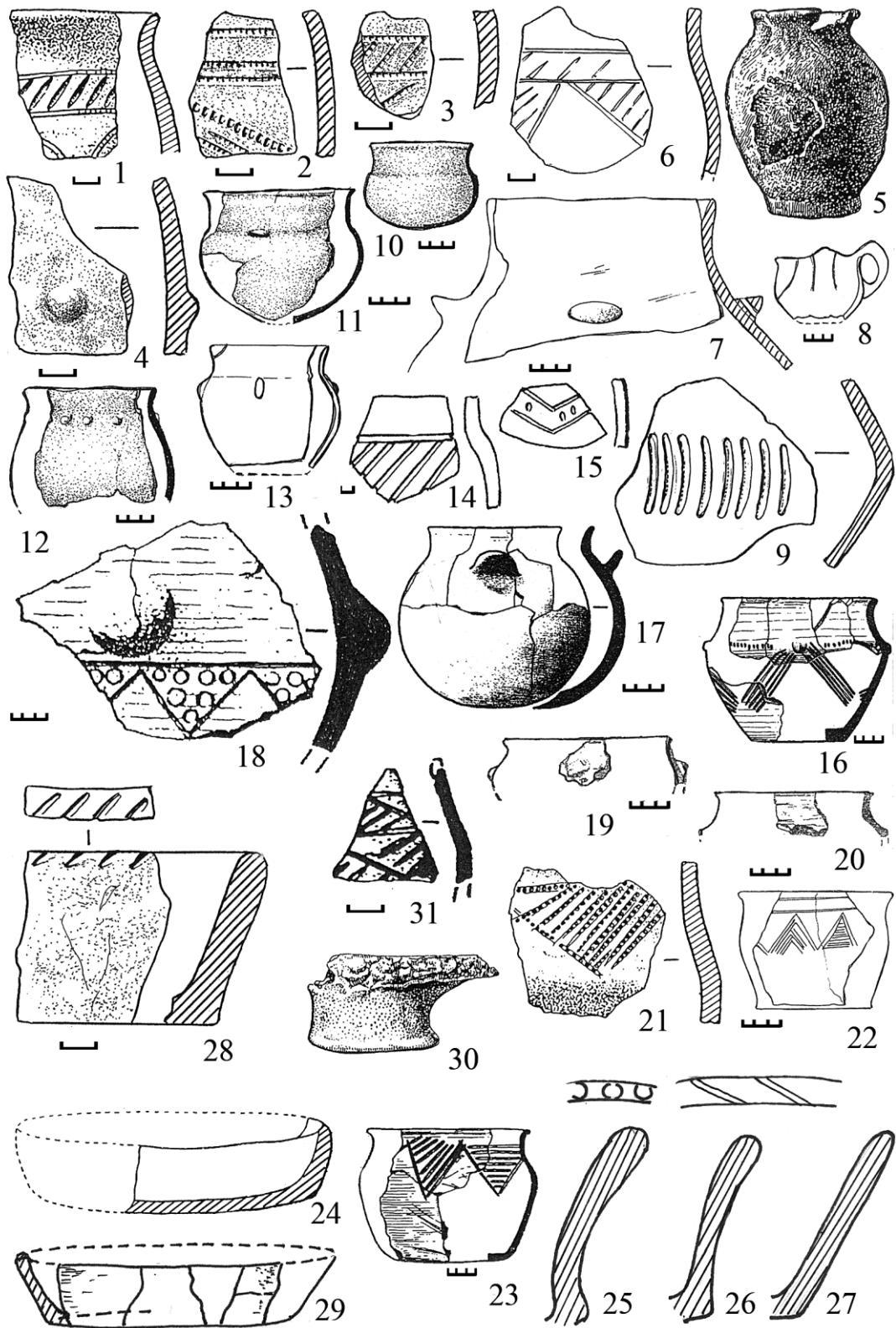

Рис. 96

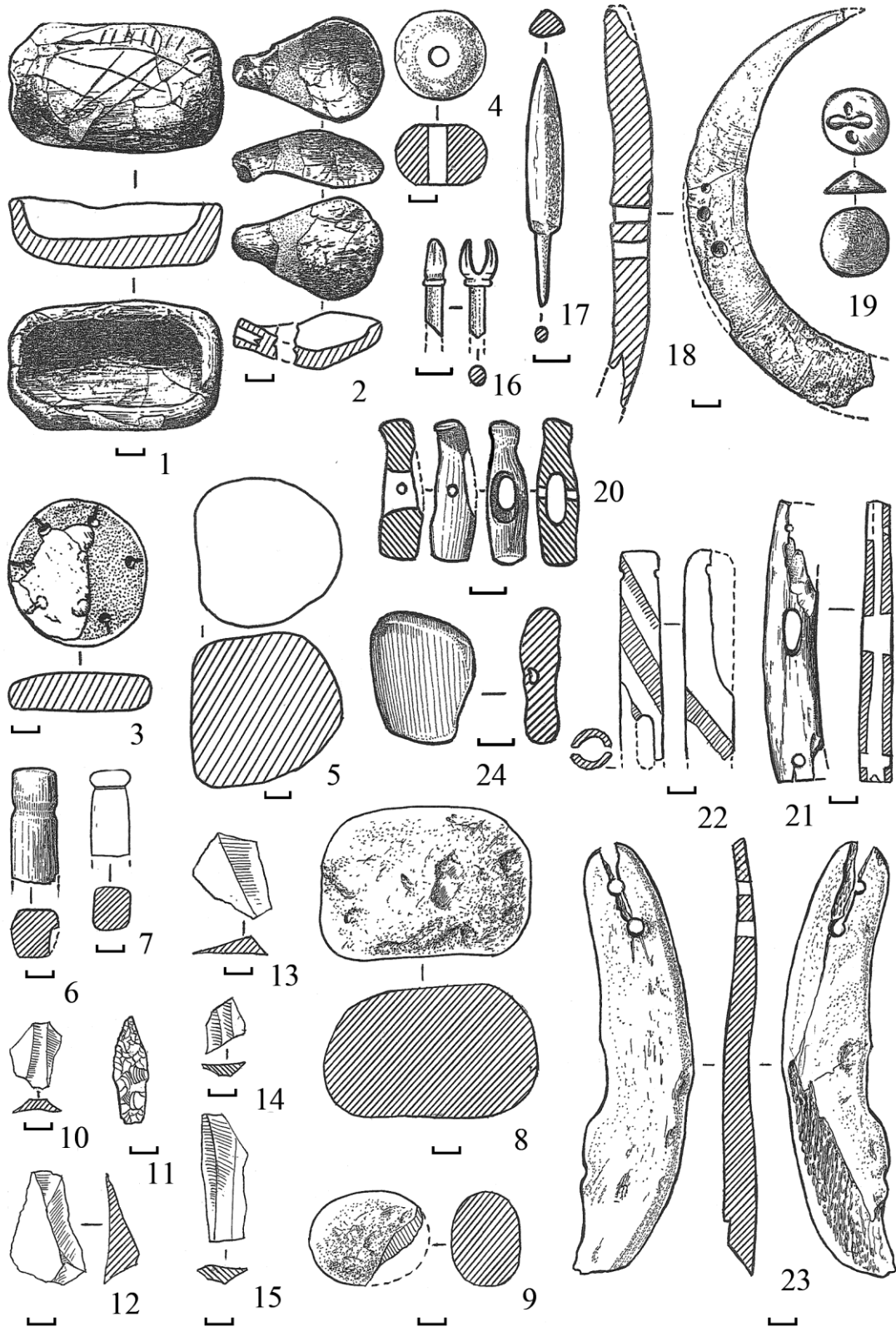

Рис. 97

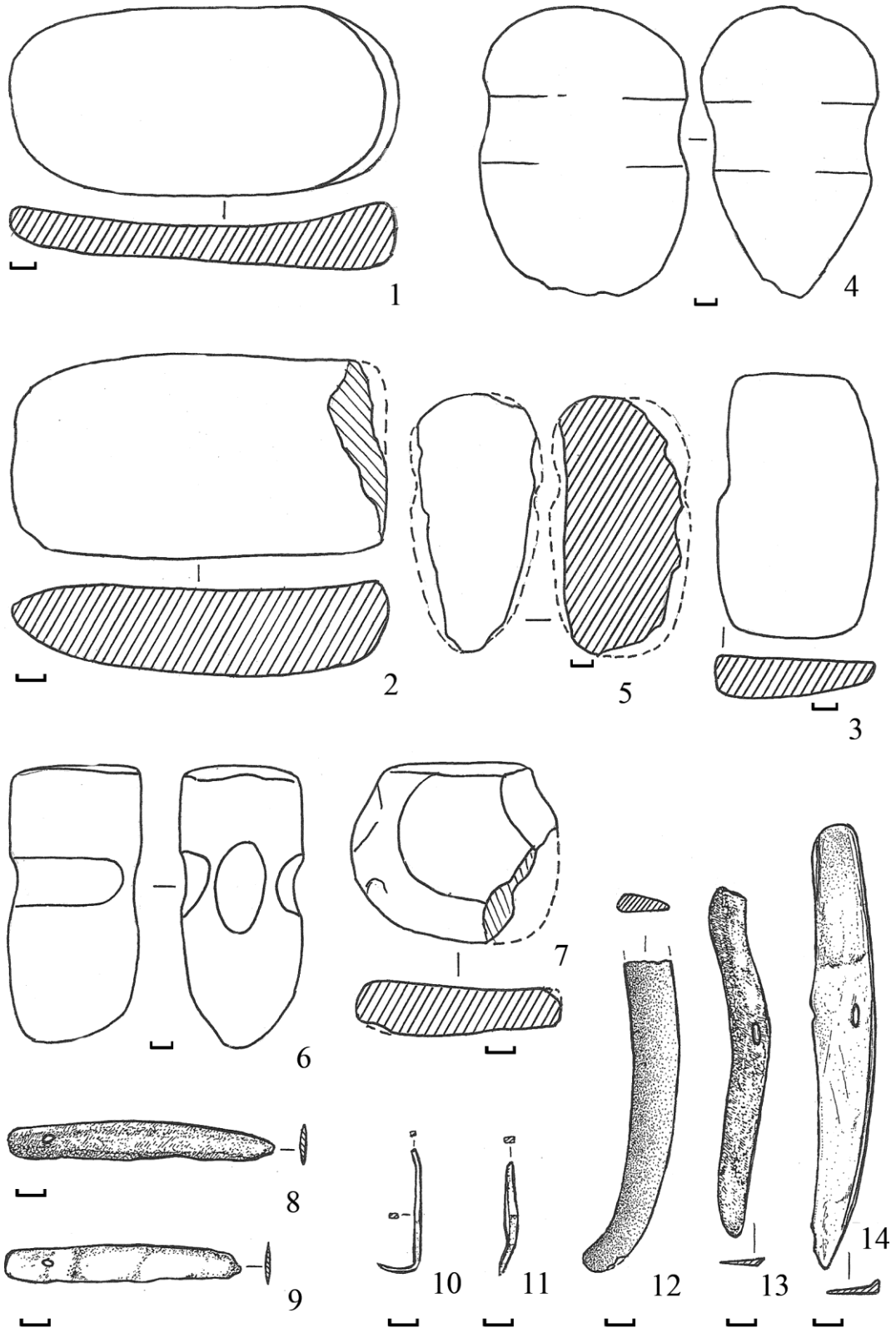

Рис. 98

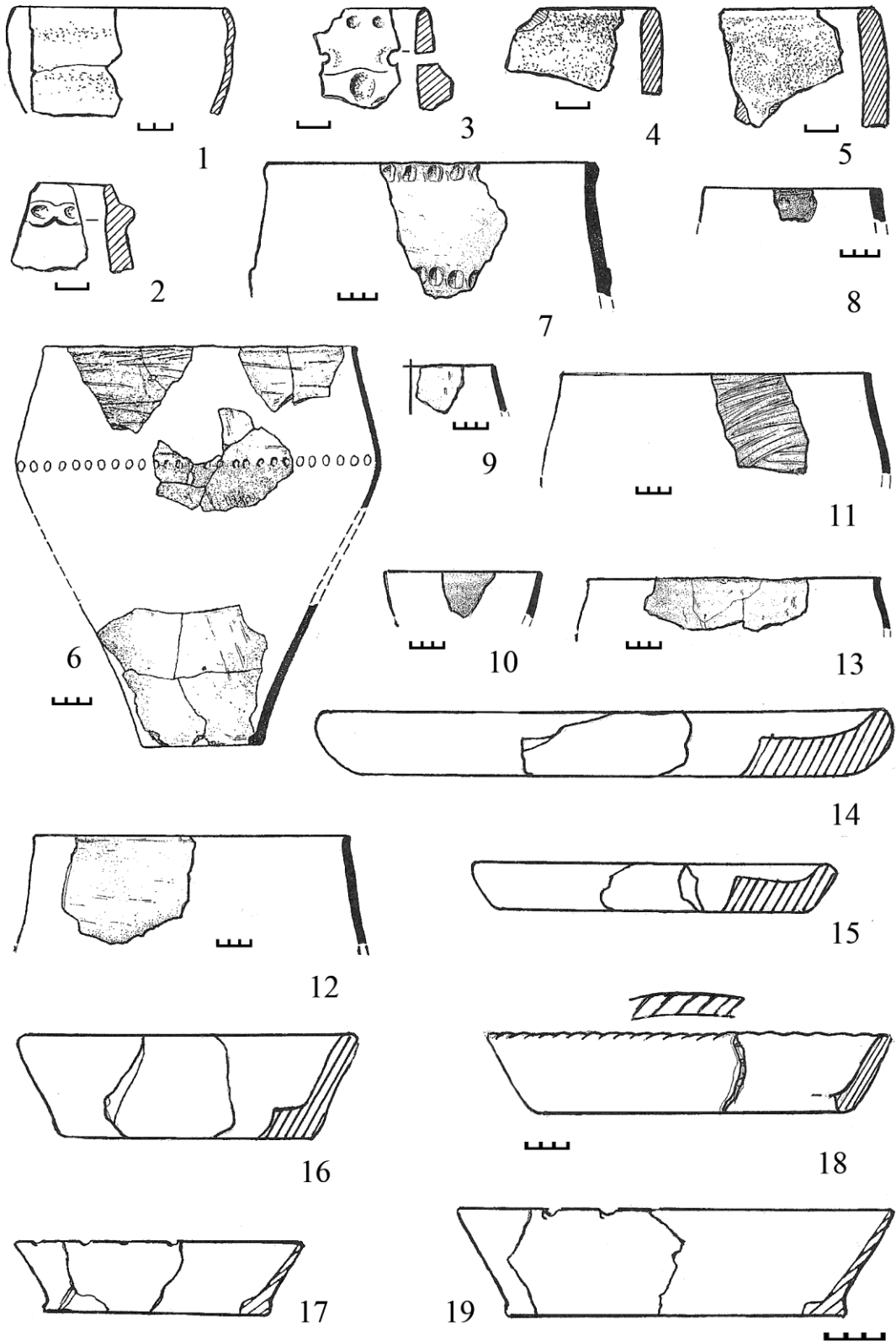

Рис. 99

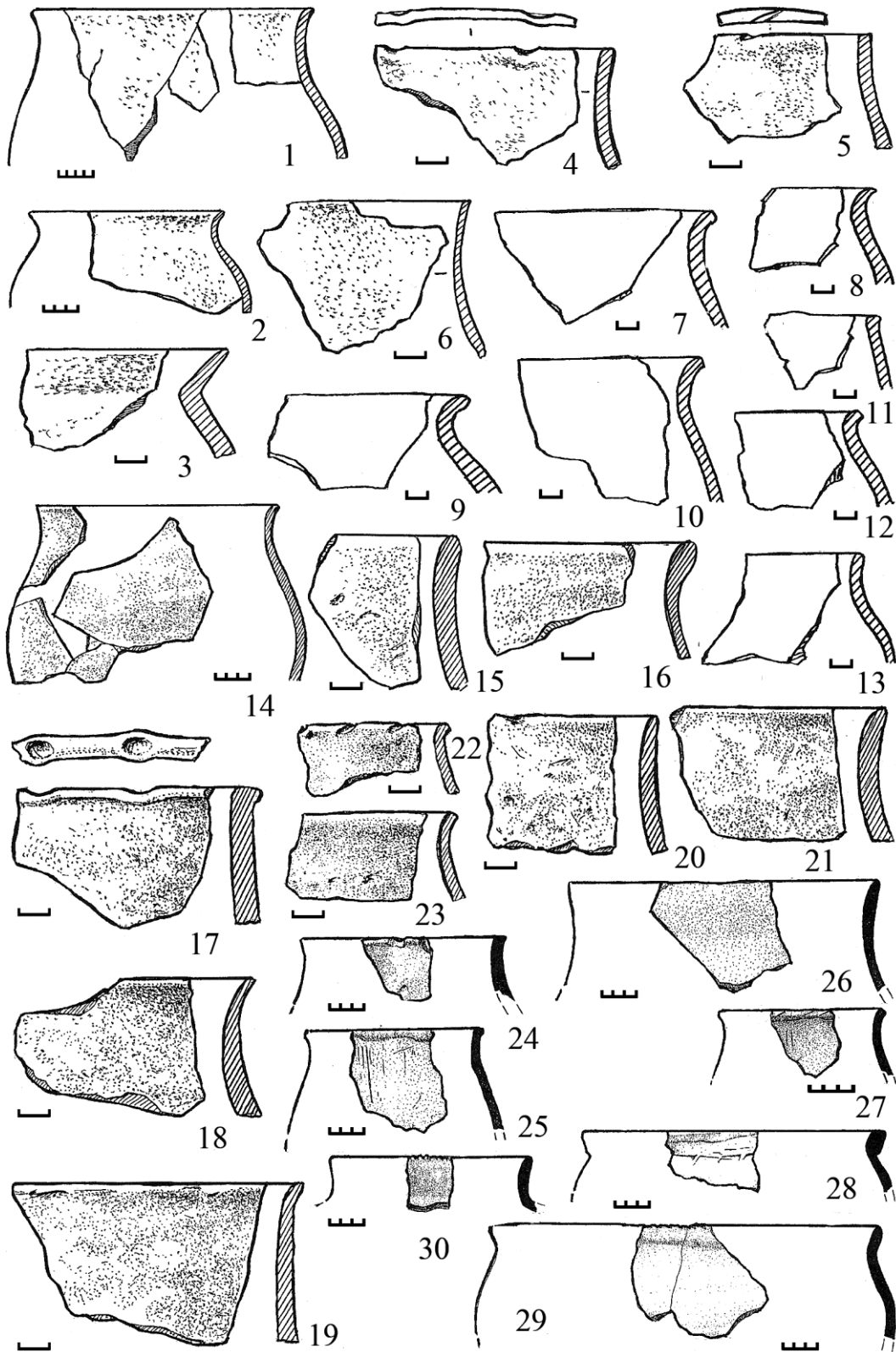

Рис. 100

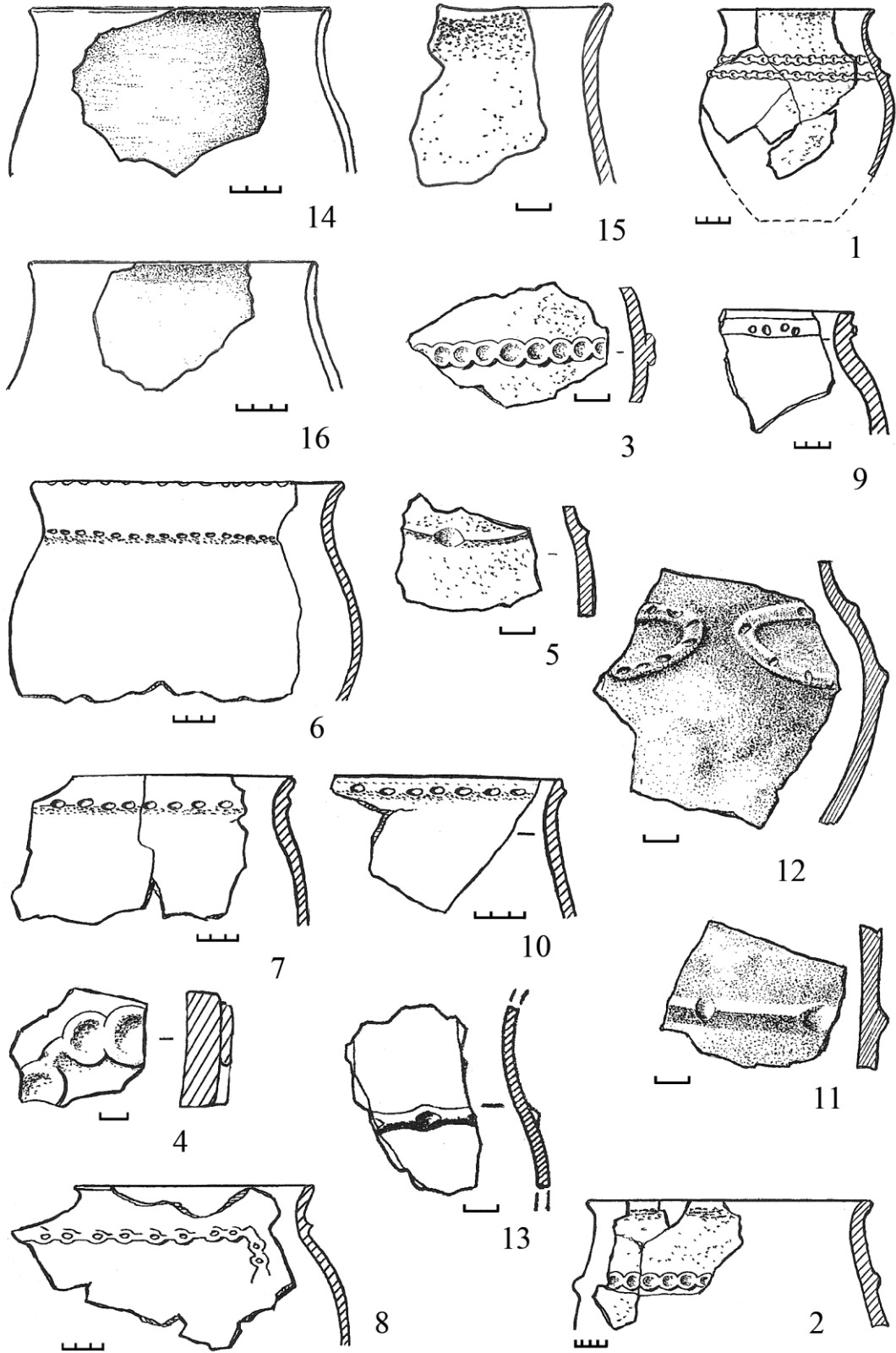

Рис. 101

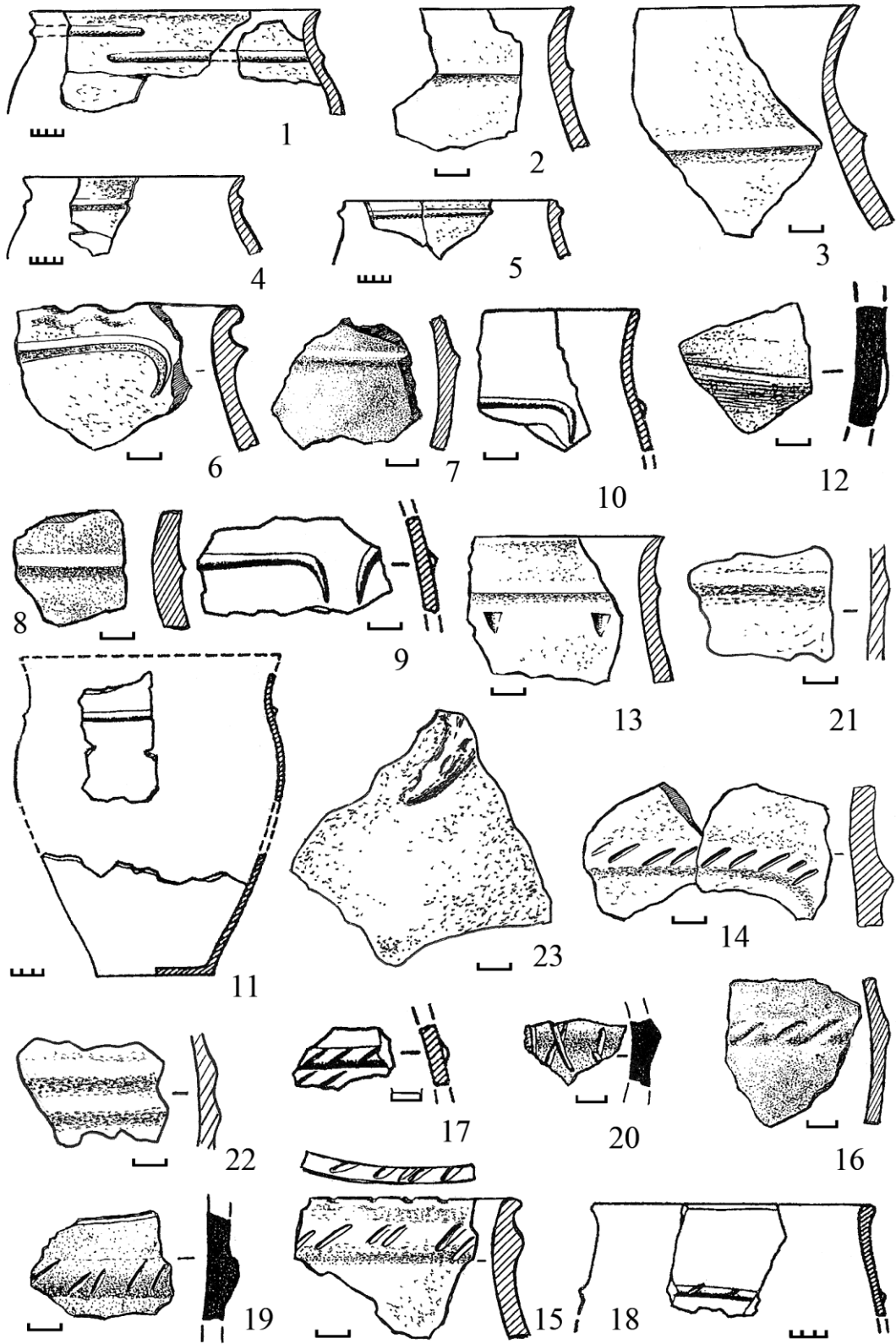

Рис. 102

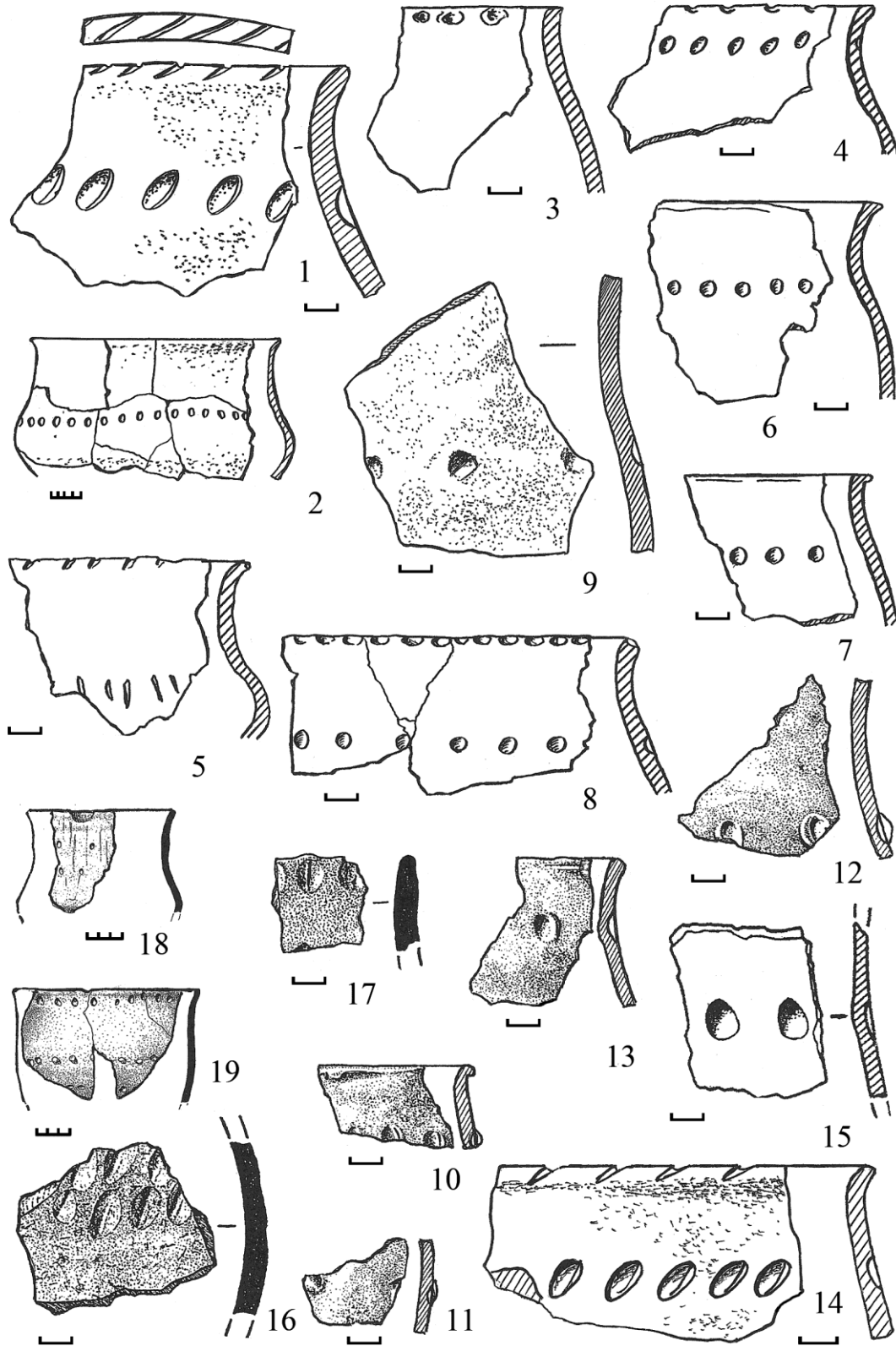

Рис. 103

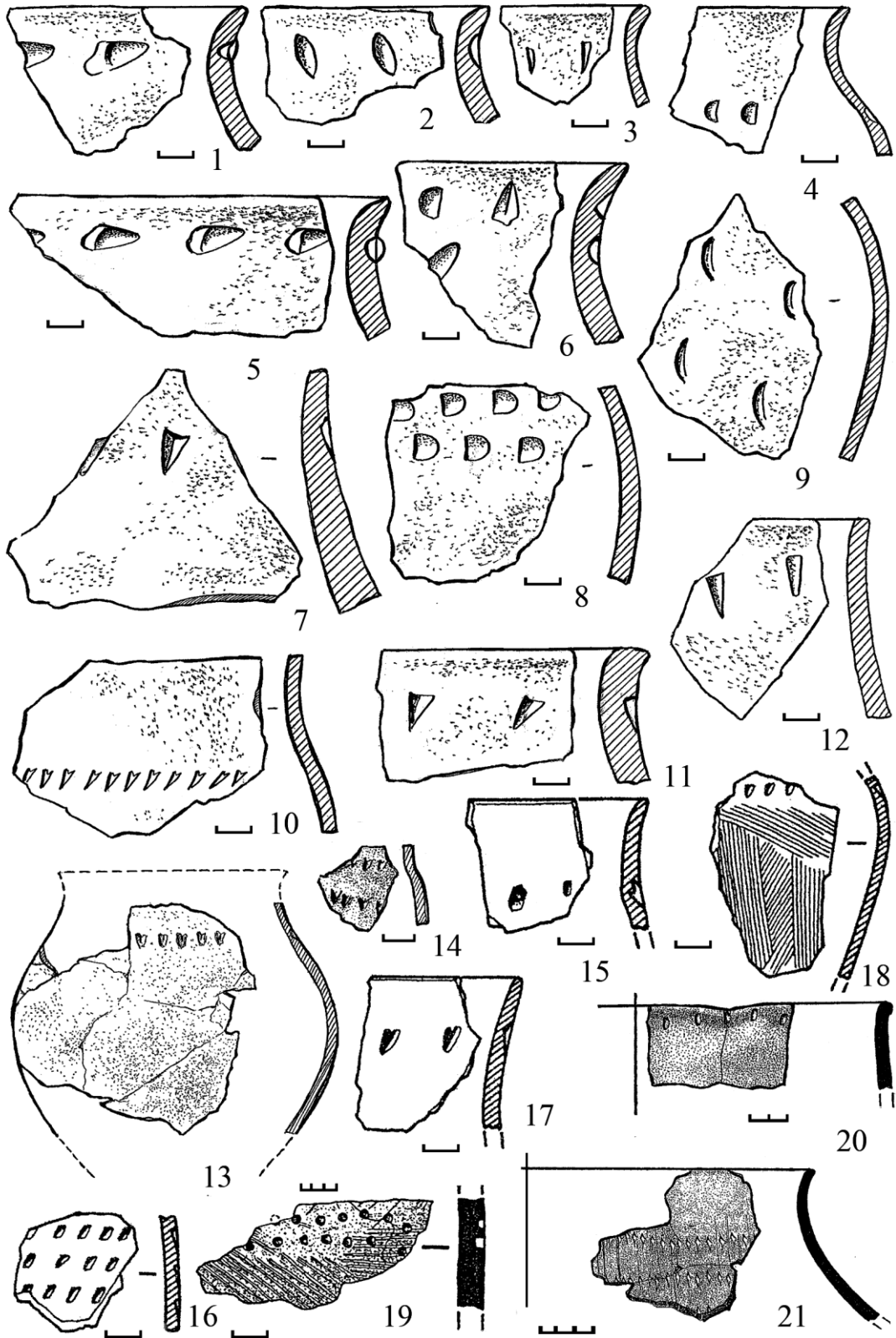

Рис. 104

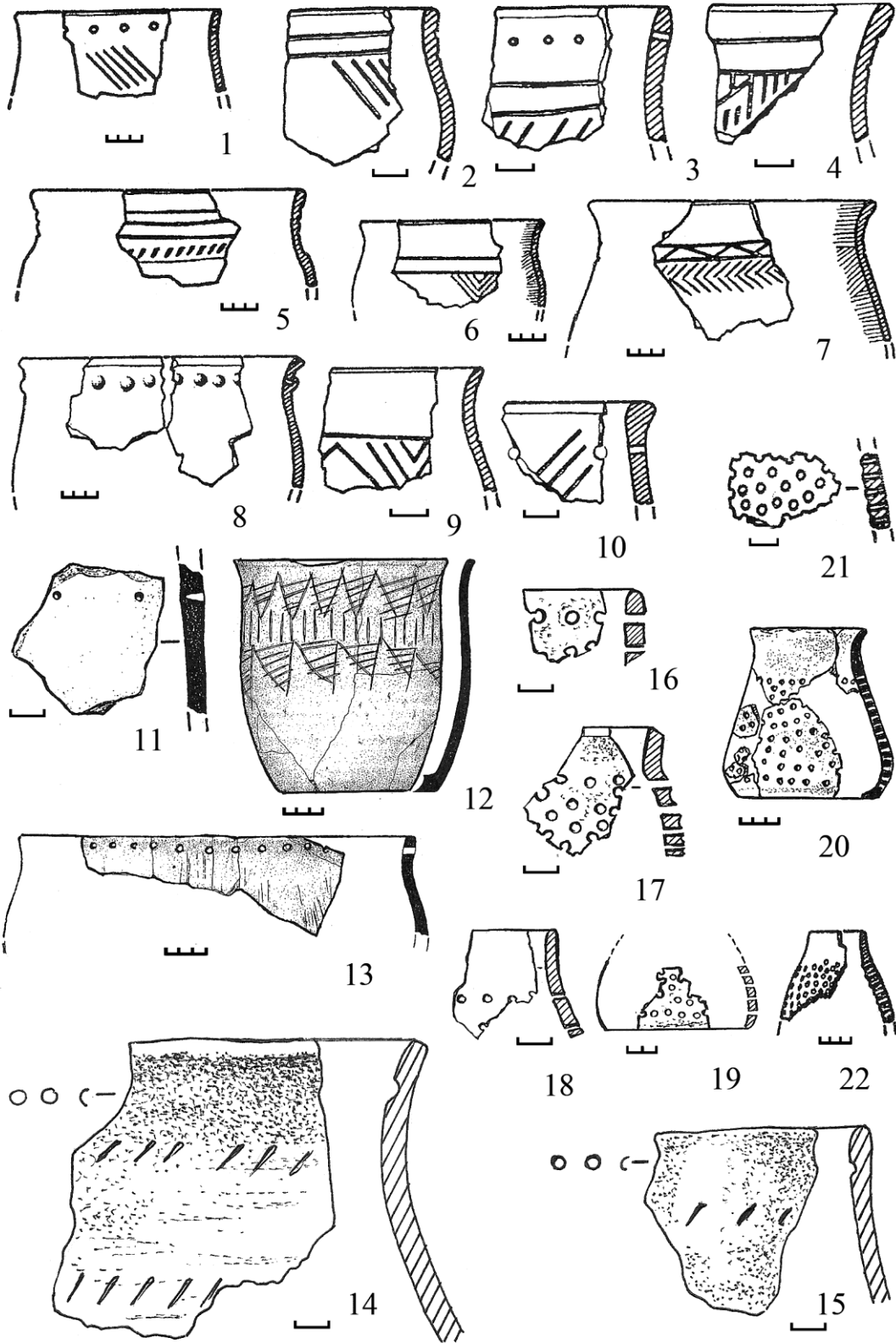

Рис. 105

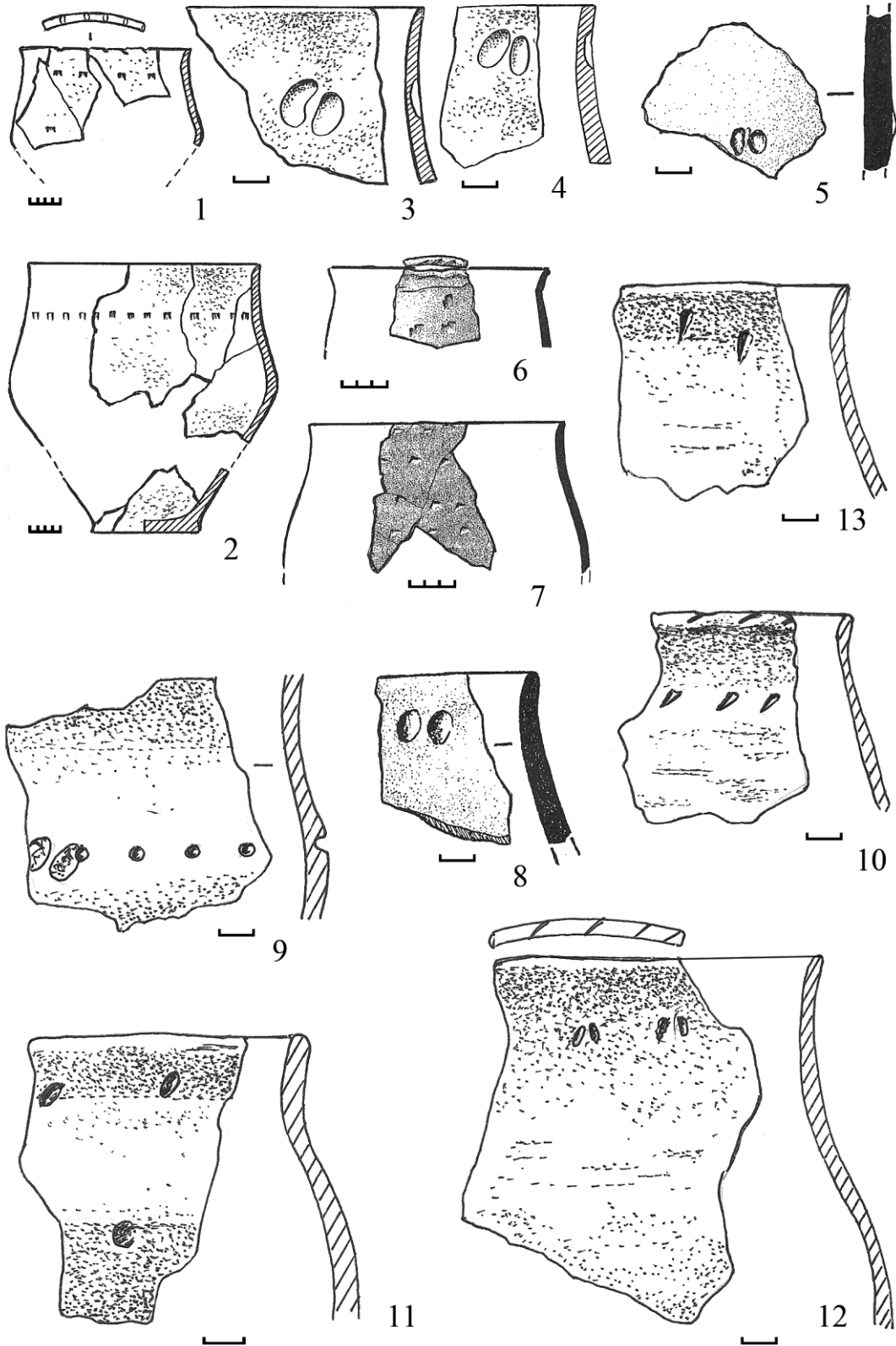

Рис. 106

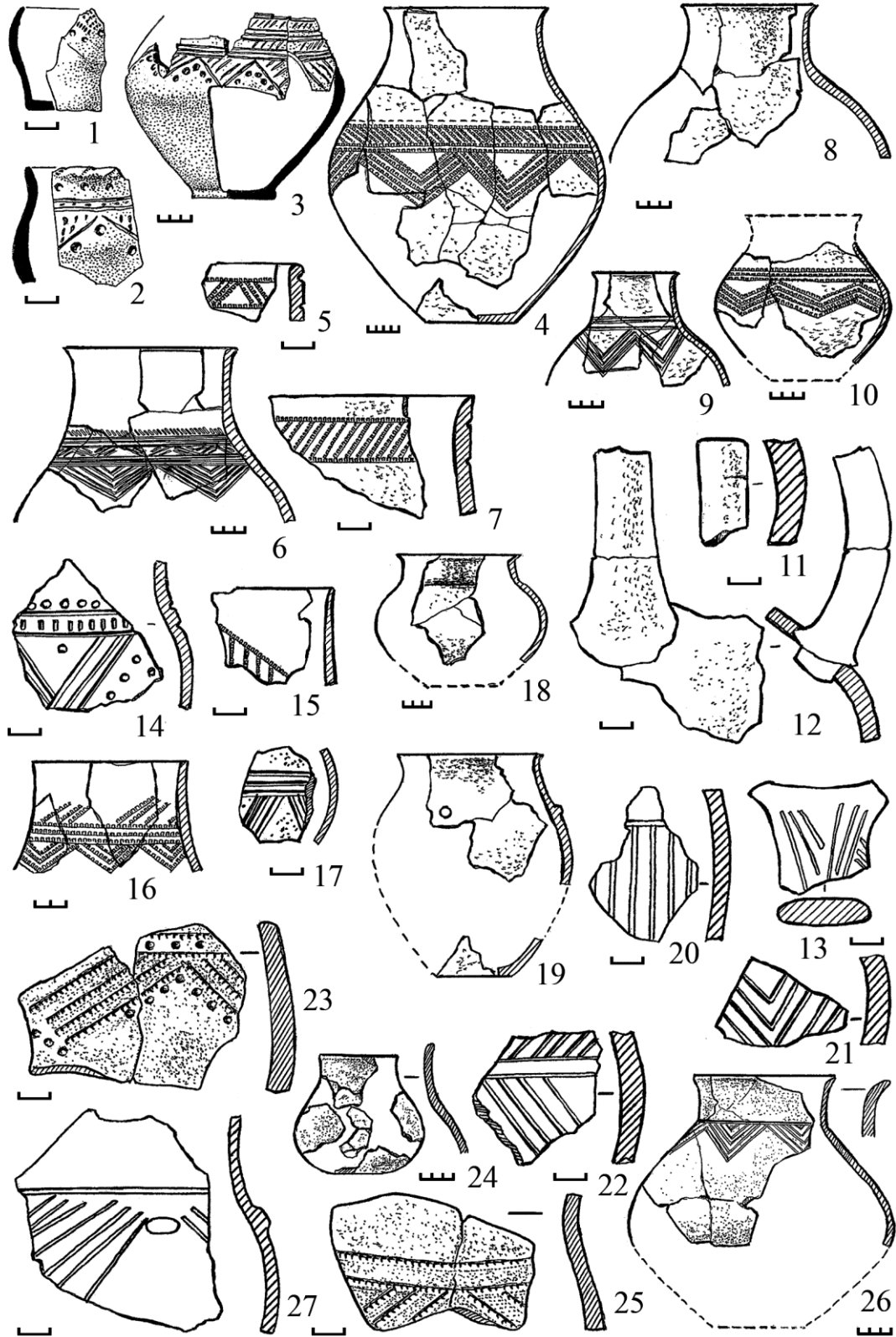

Рис. 107

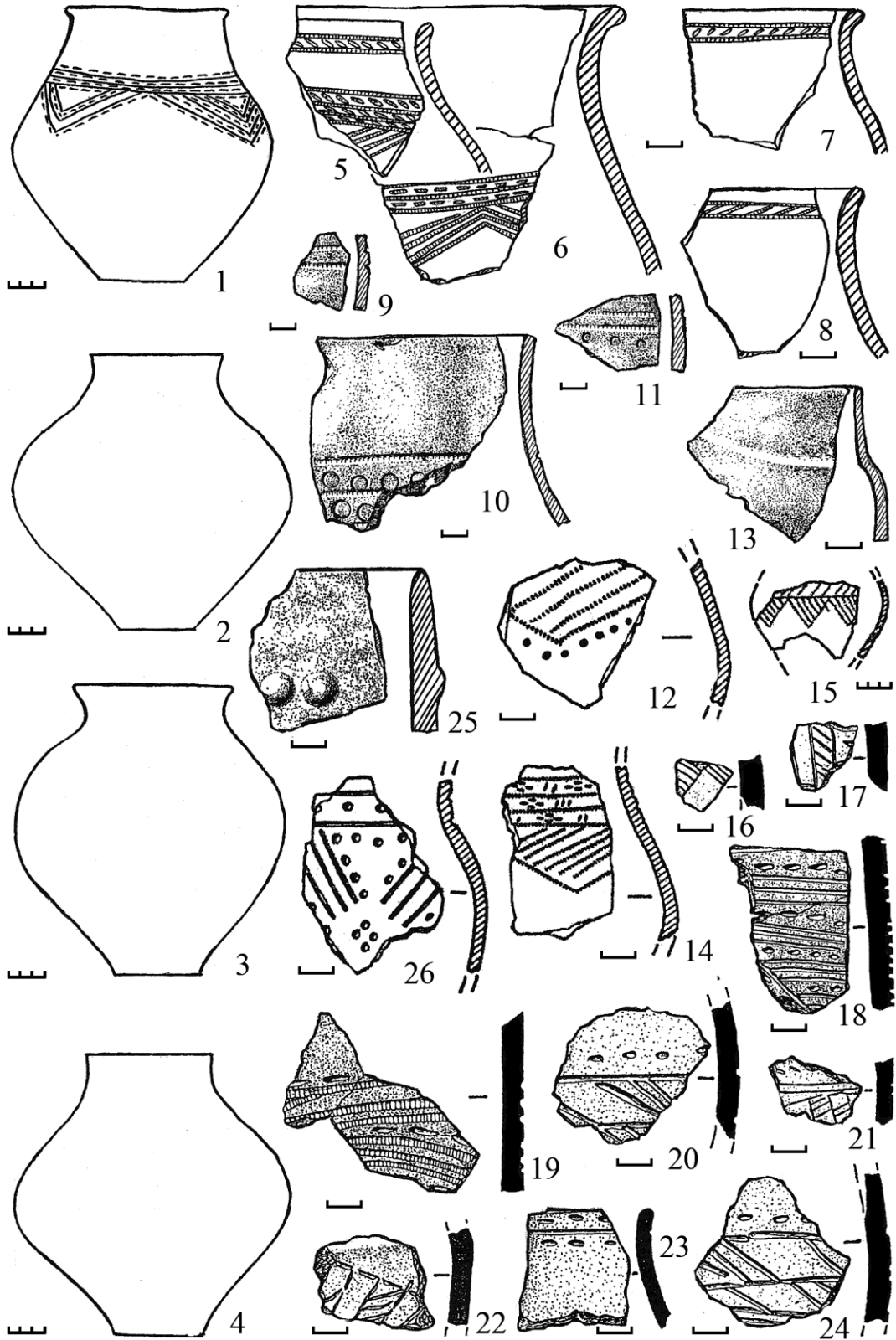

Рис. 108

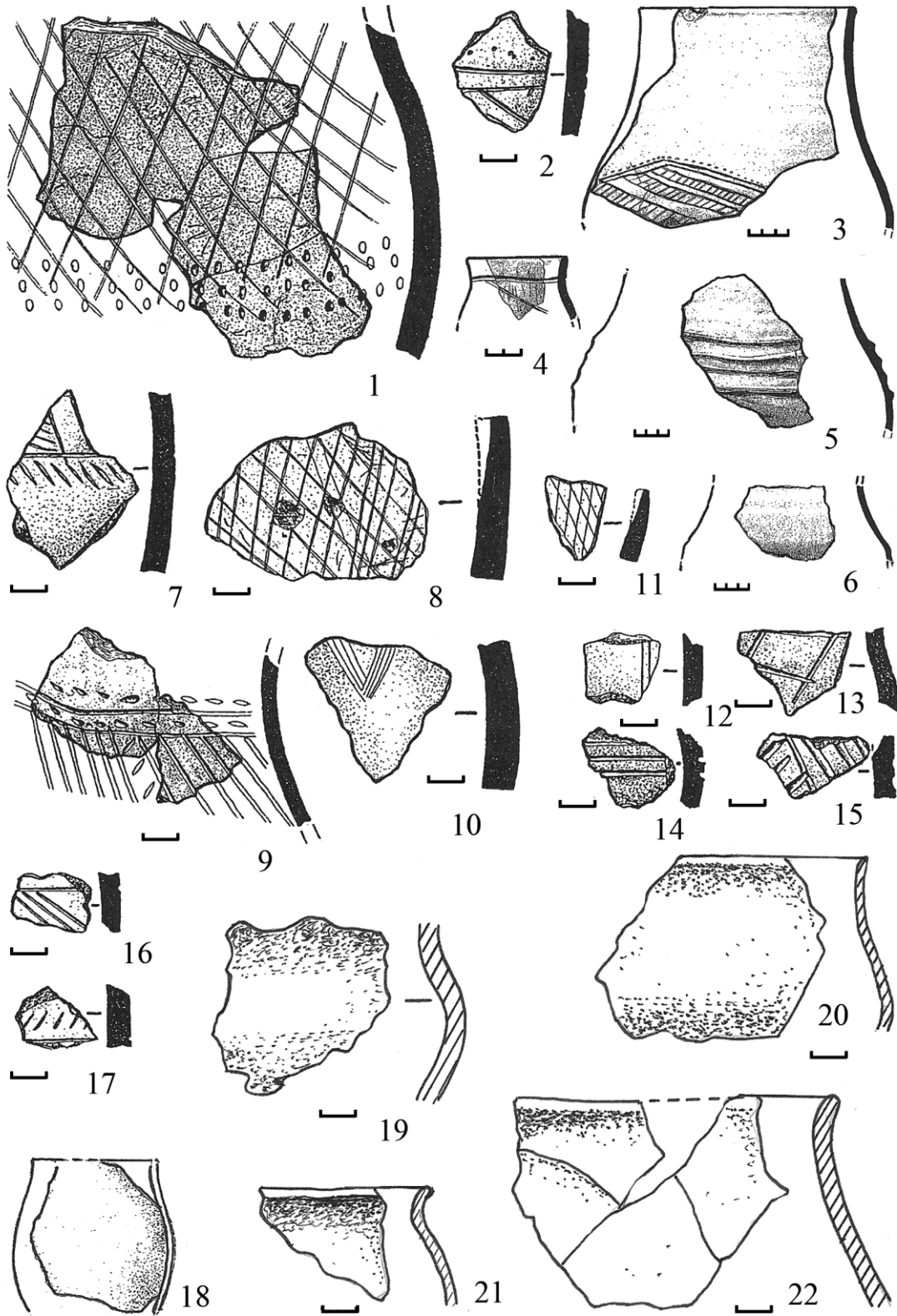

Рис. 109

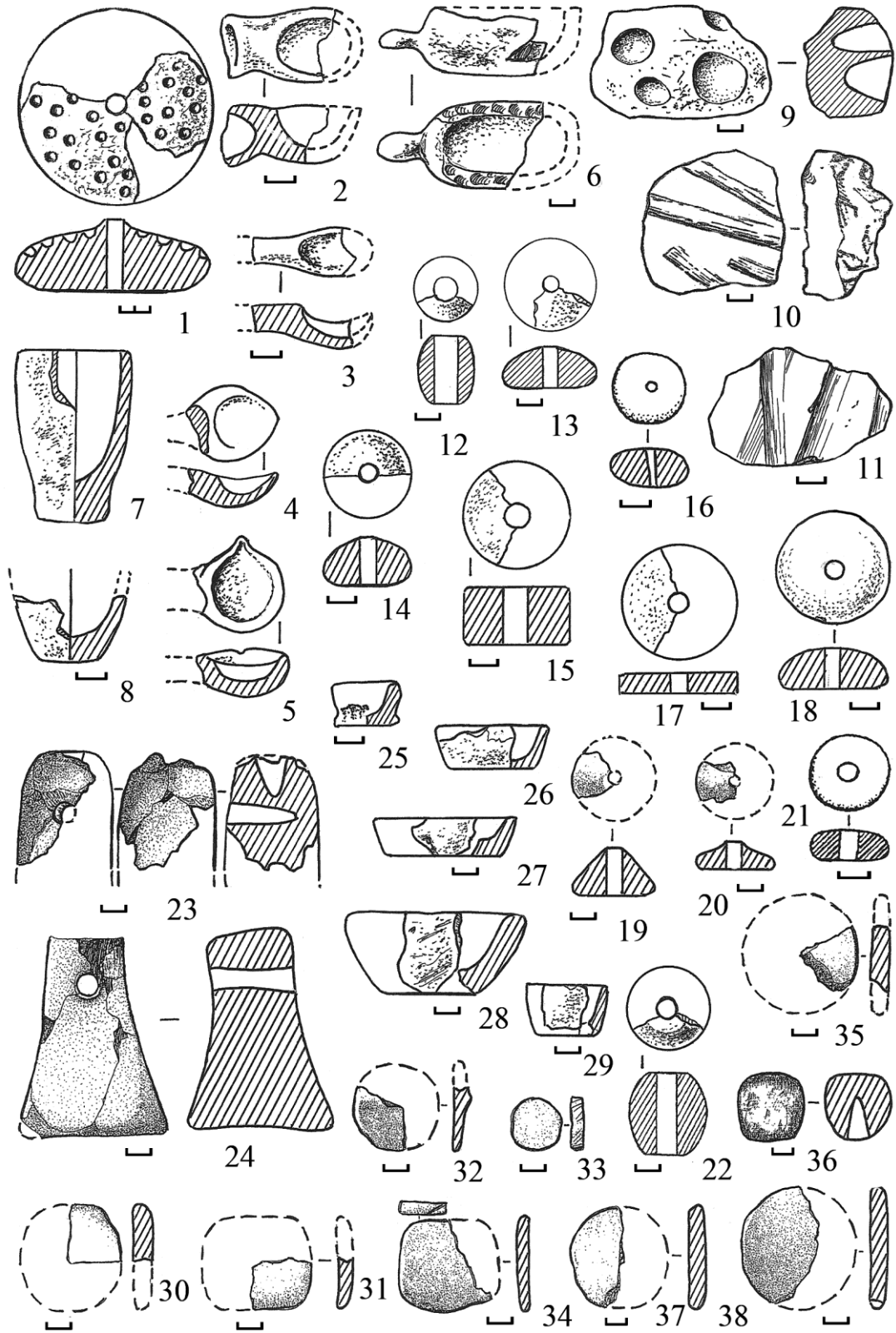

Рис. 110

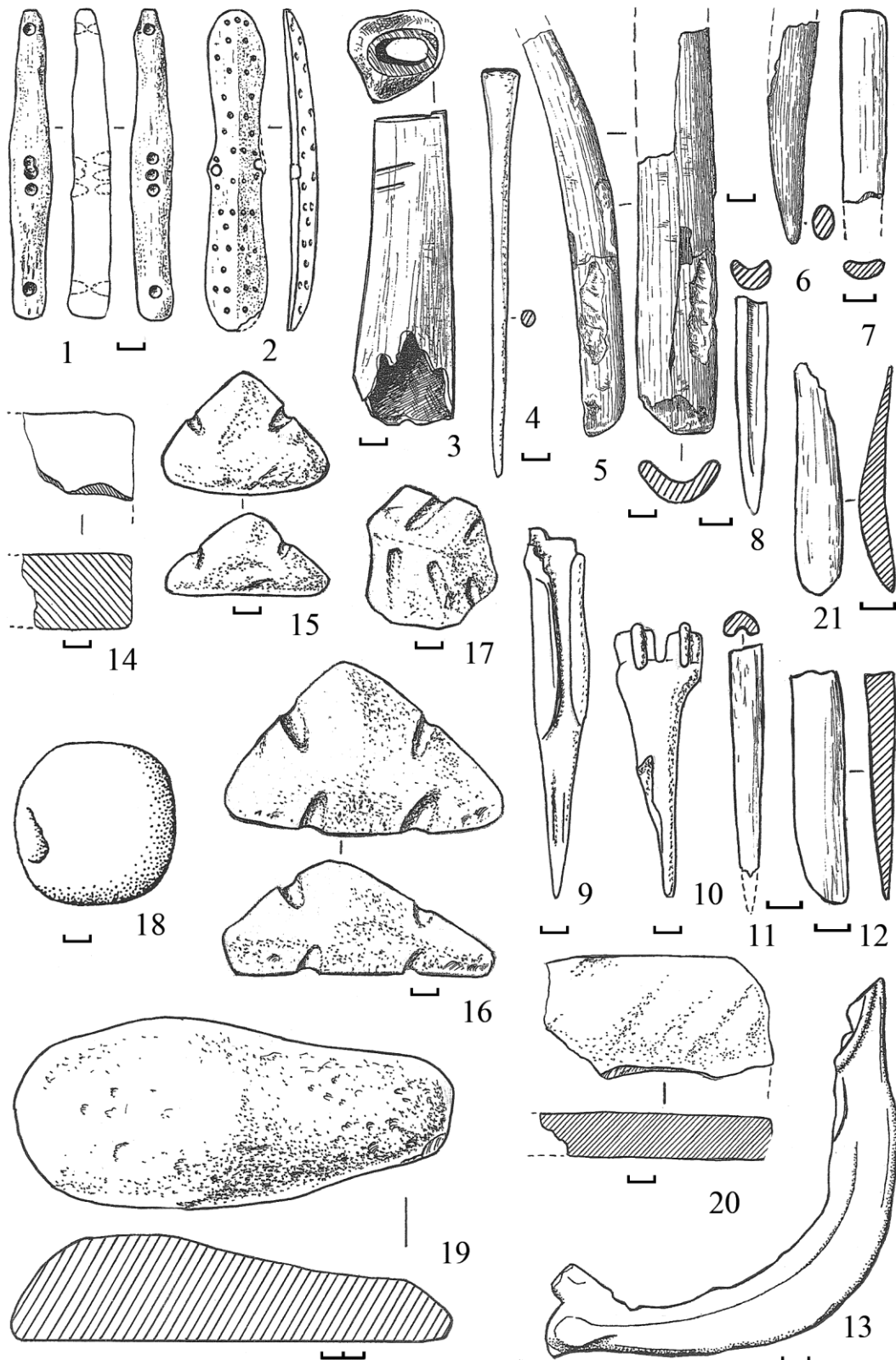

Рис. 111

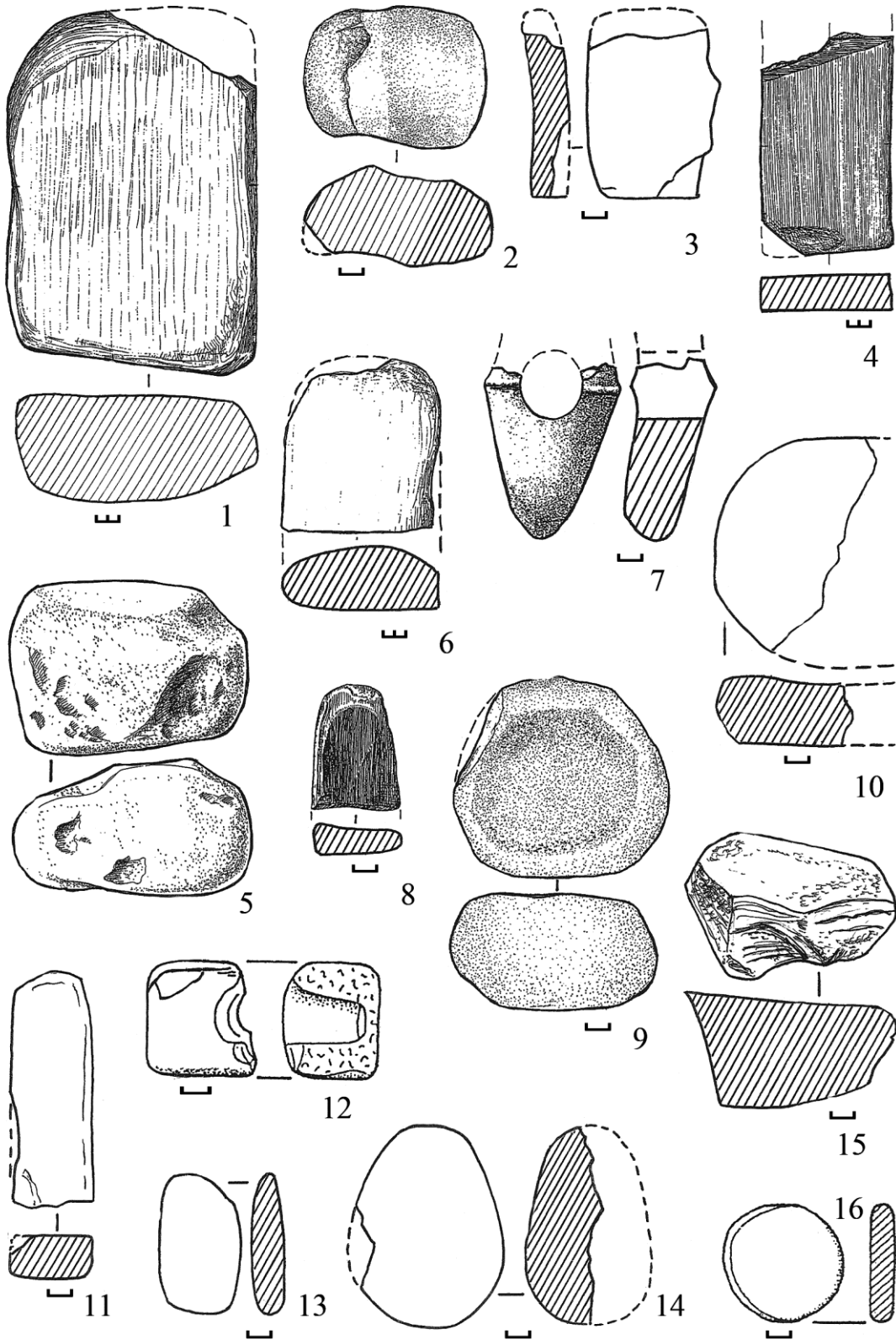

Рис. 112

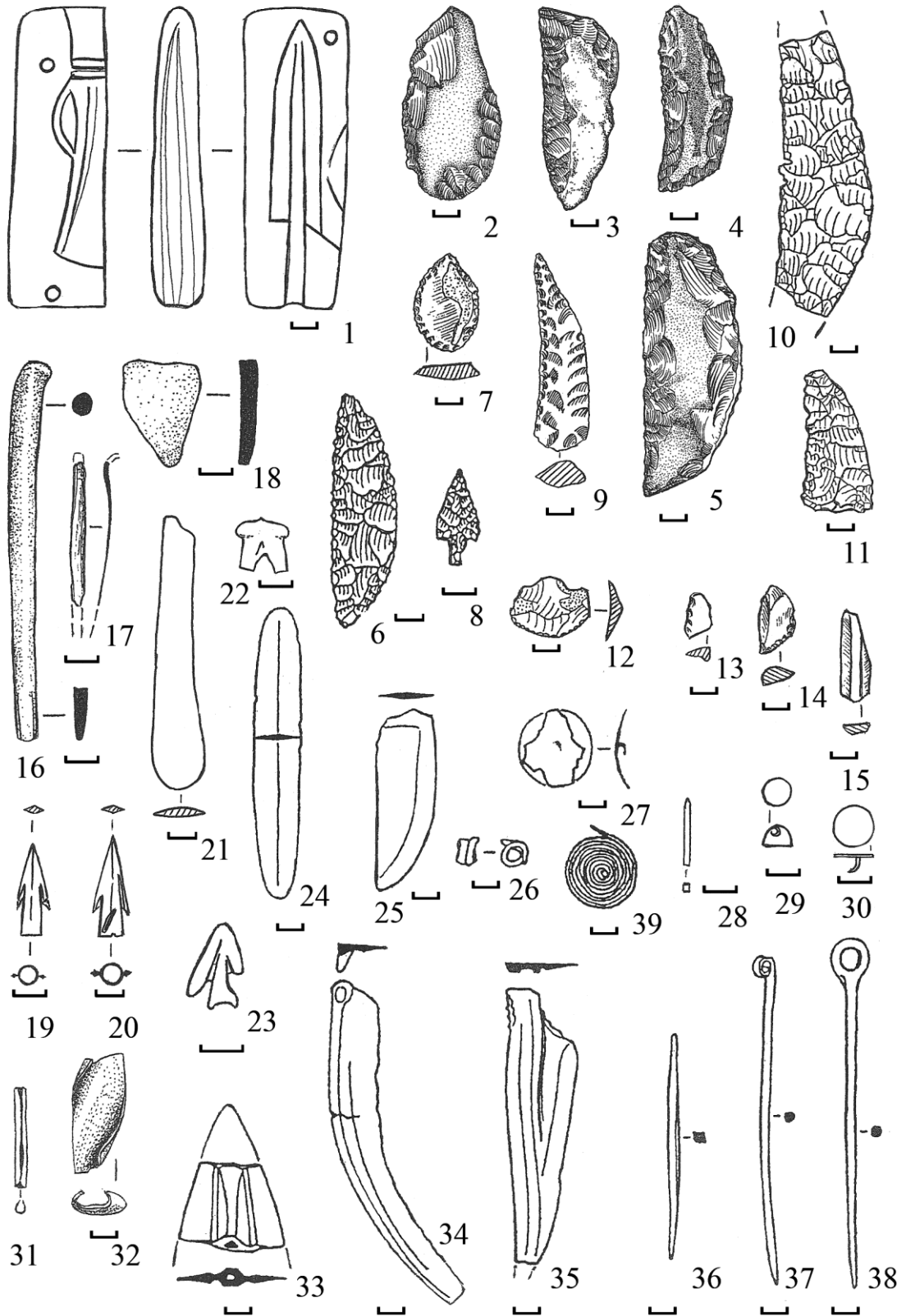

Рис. 113

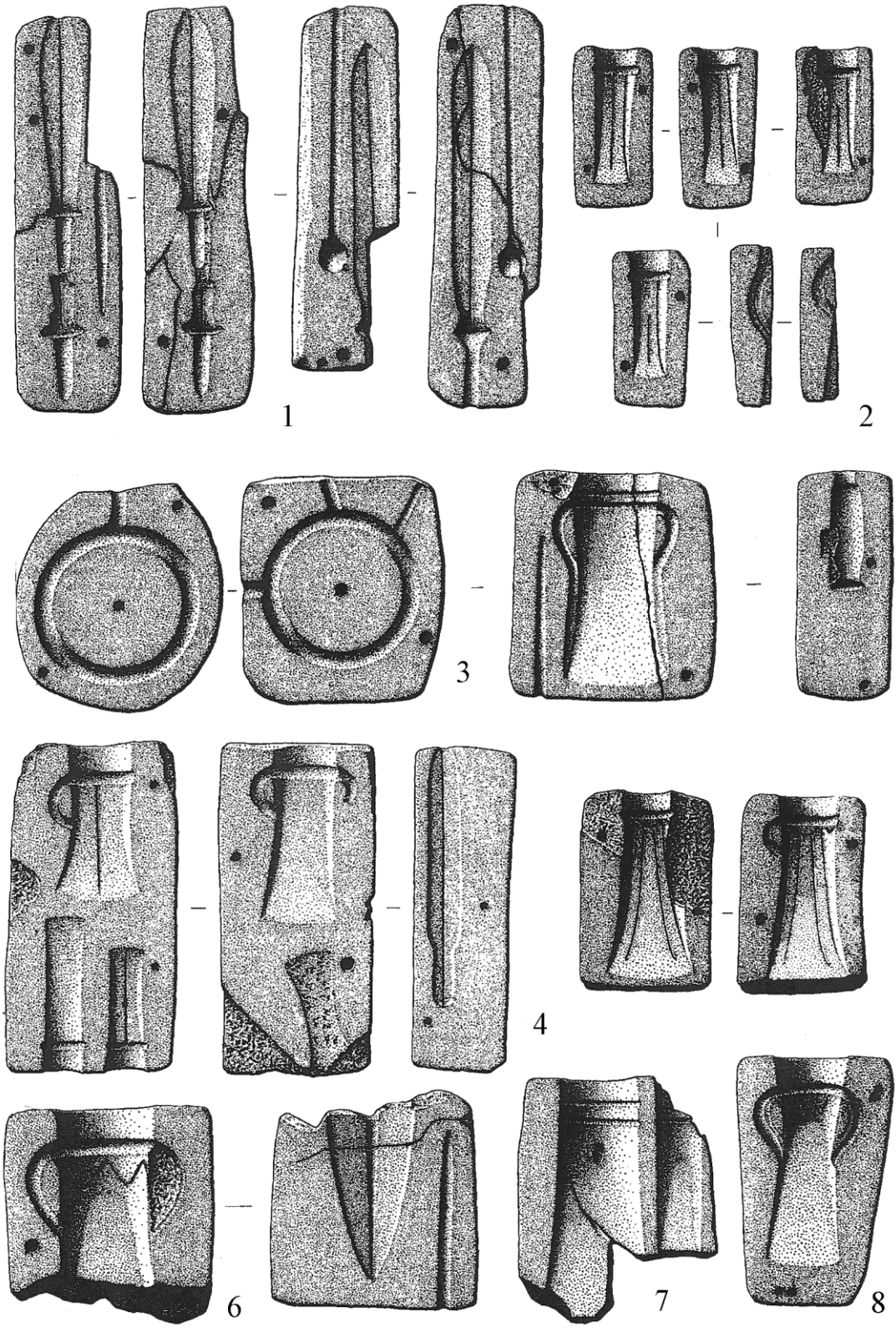

Рис. 114

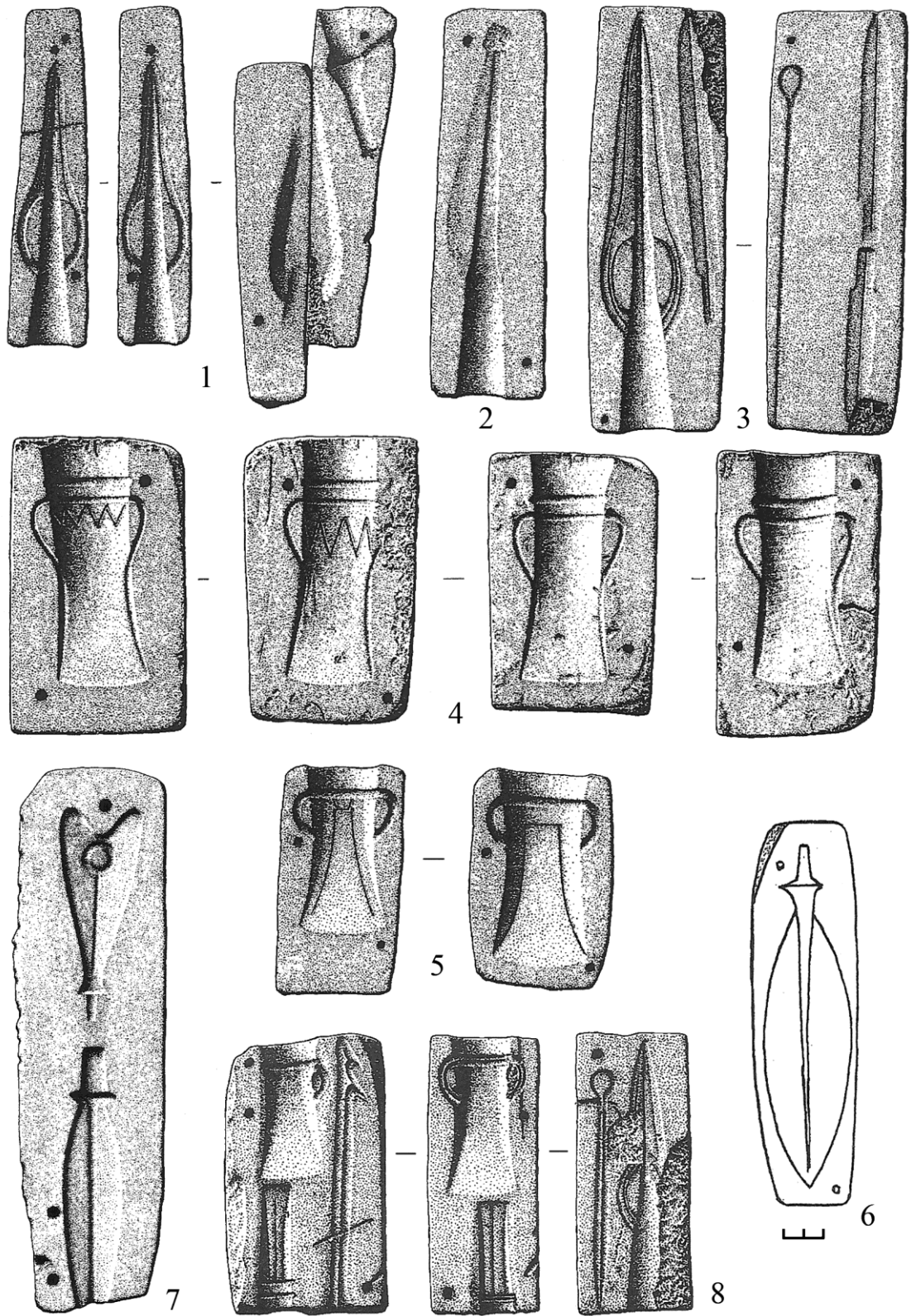

Рис. 115

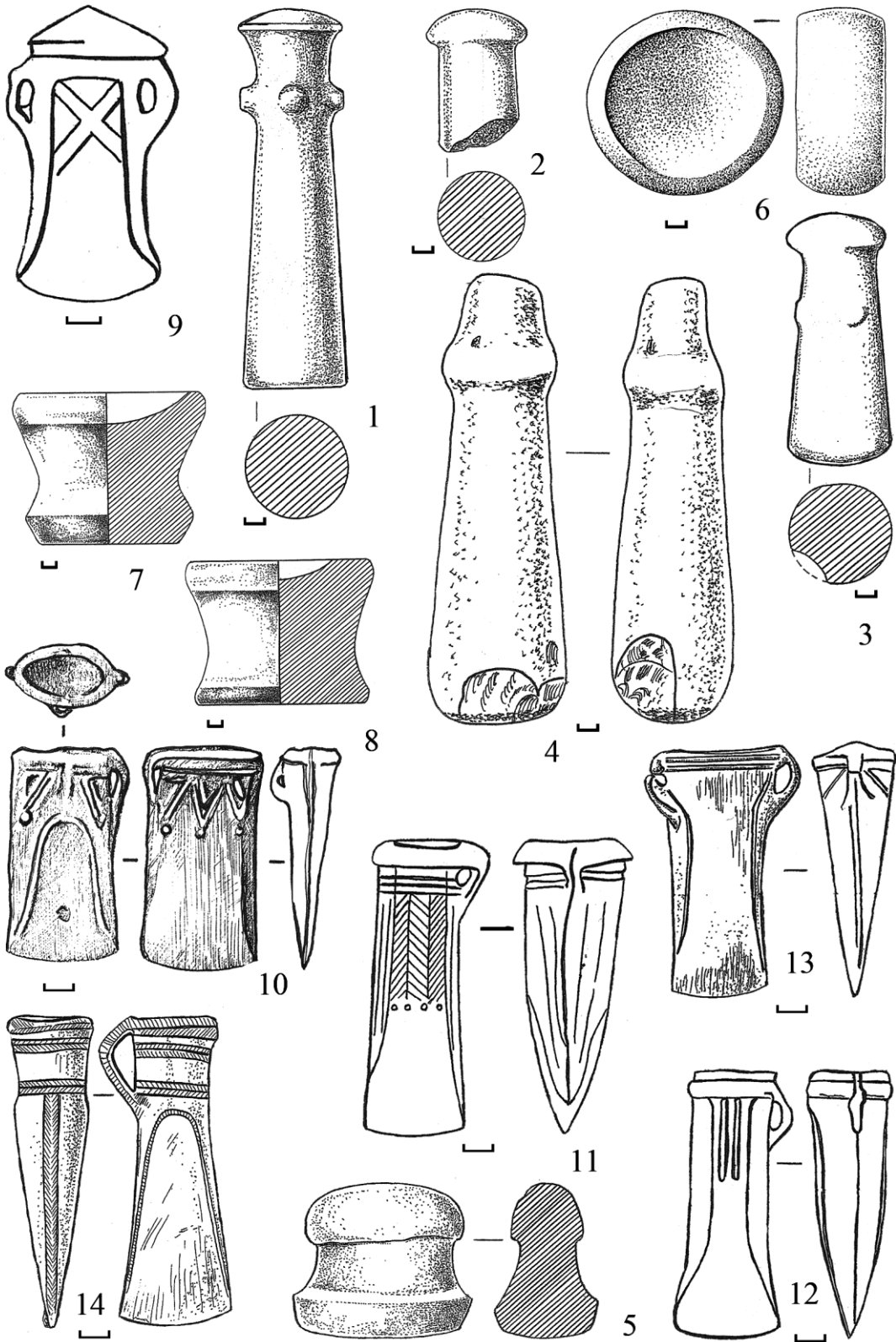

Рис. 116

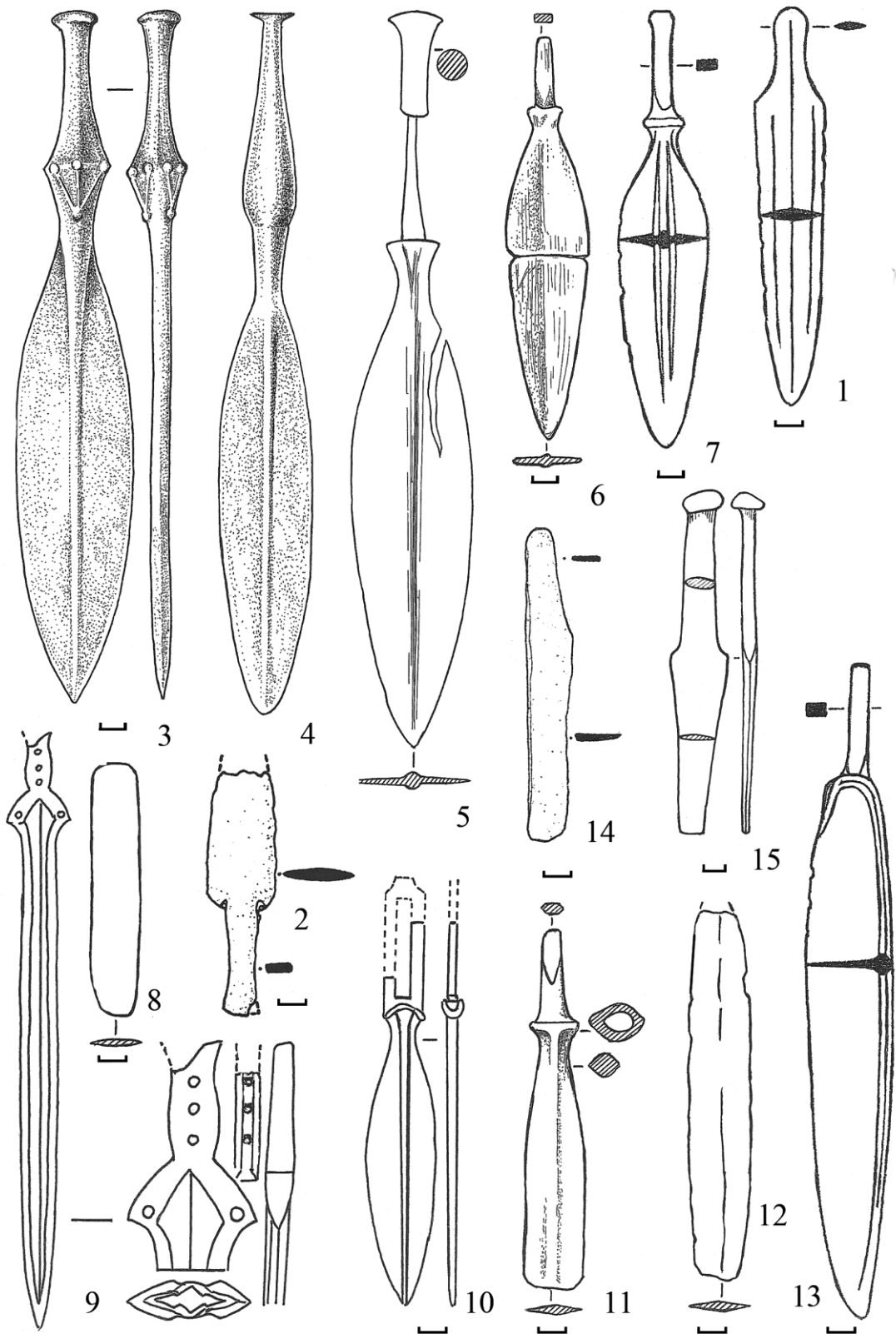

Рис. 117

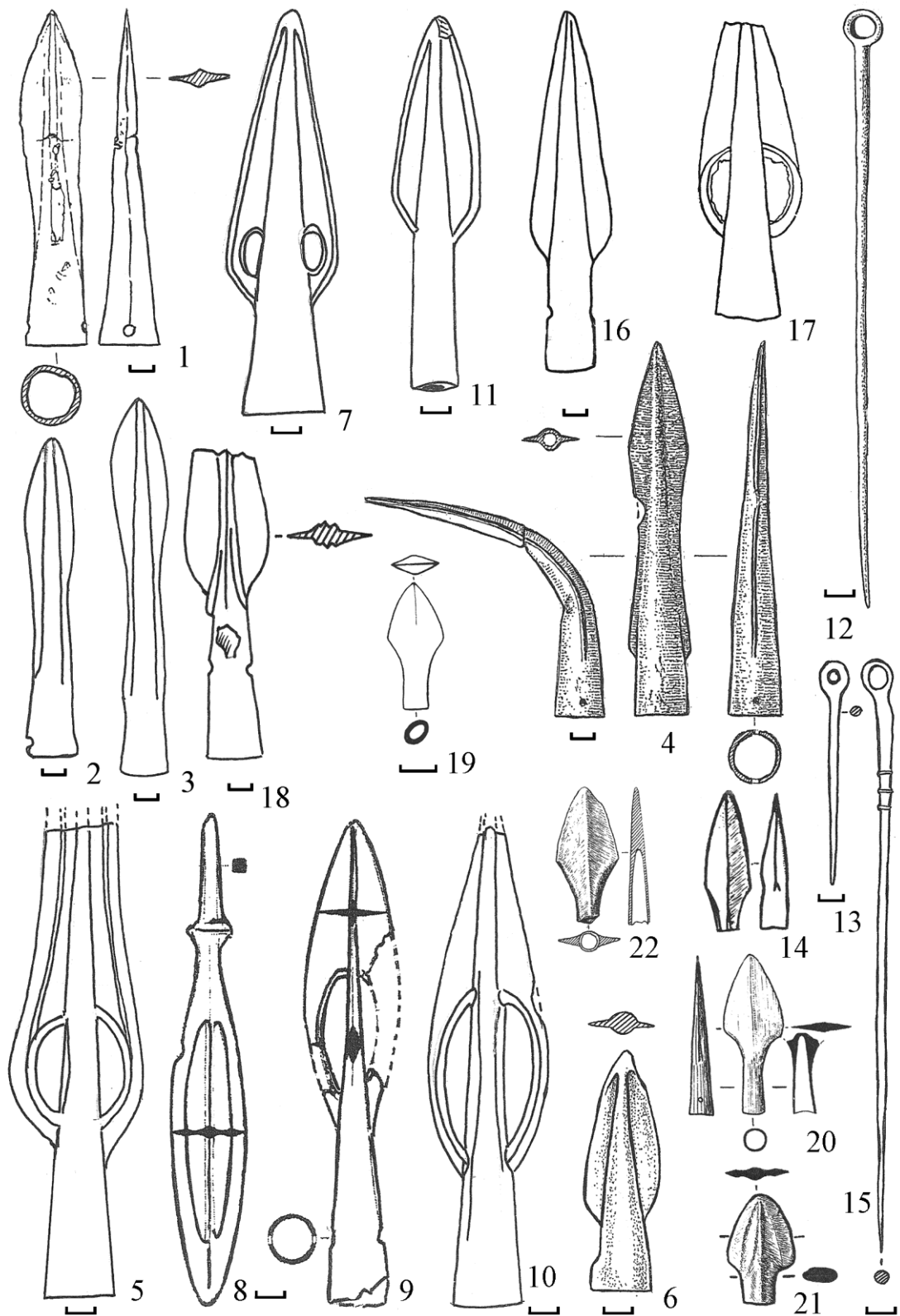

Рис. 118

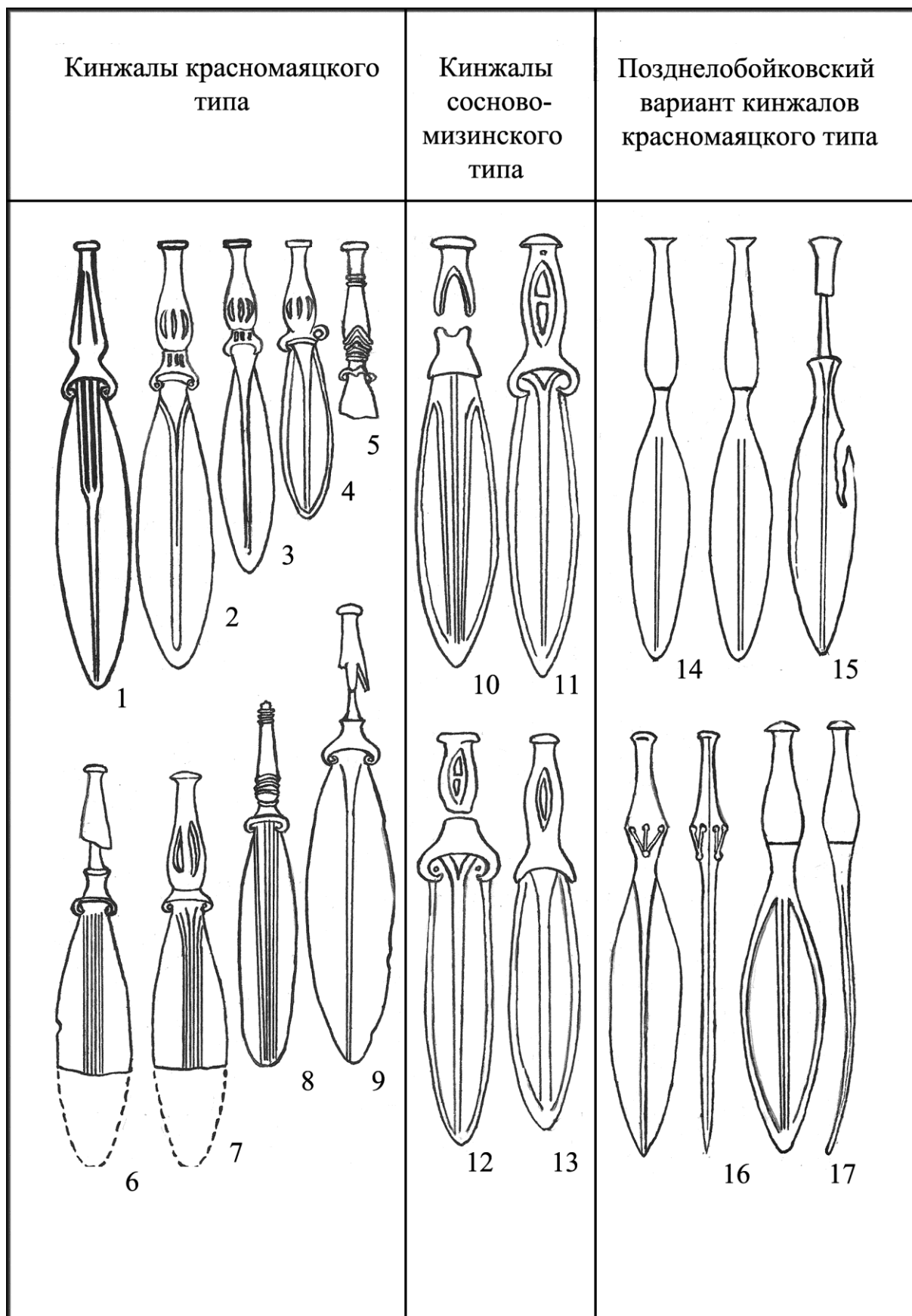

Рис. 119

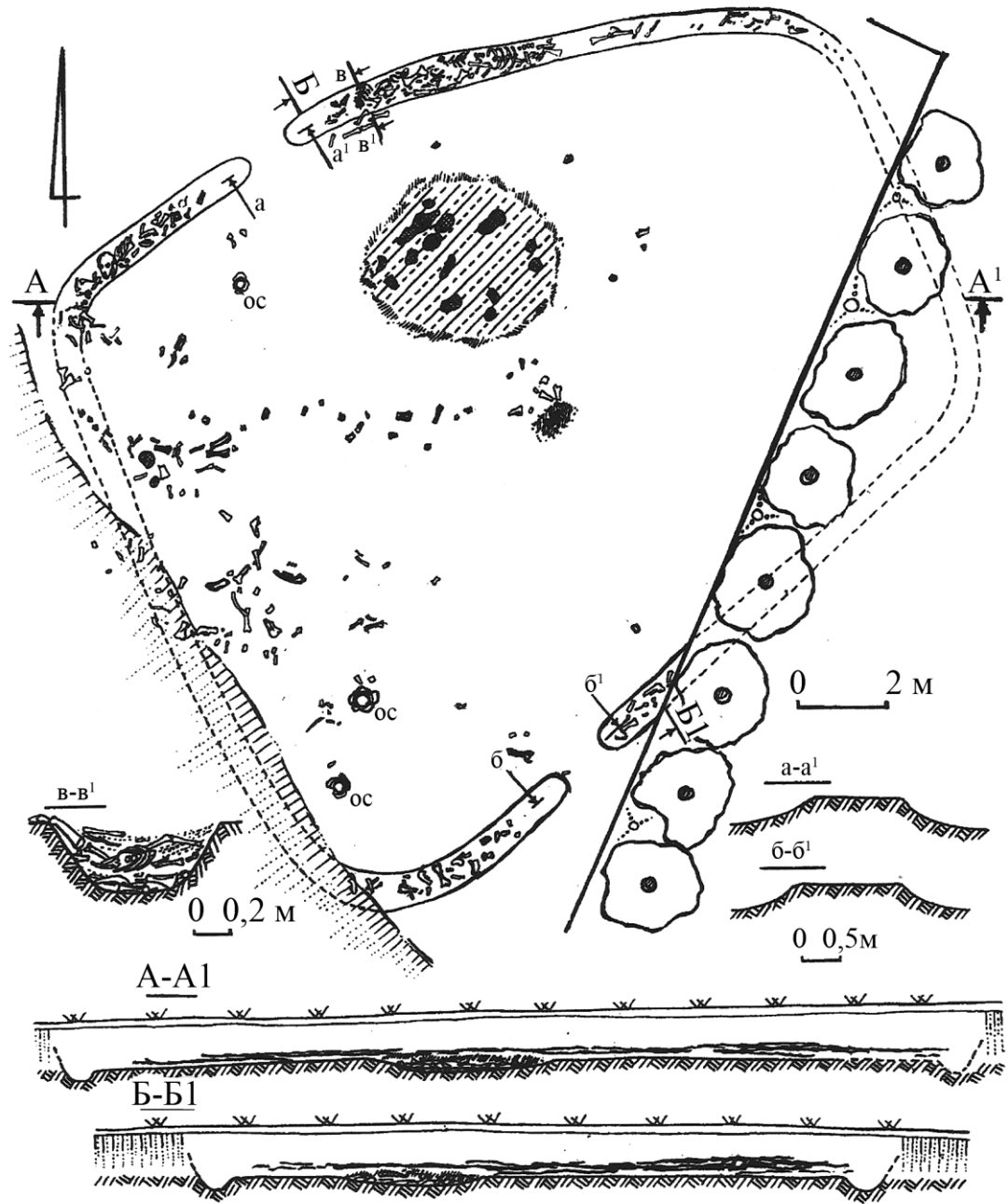

Рис. 120

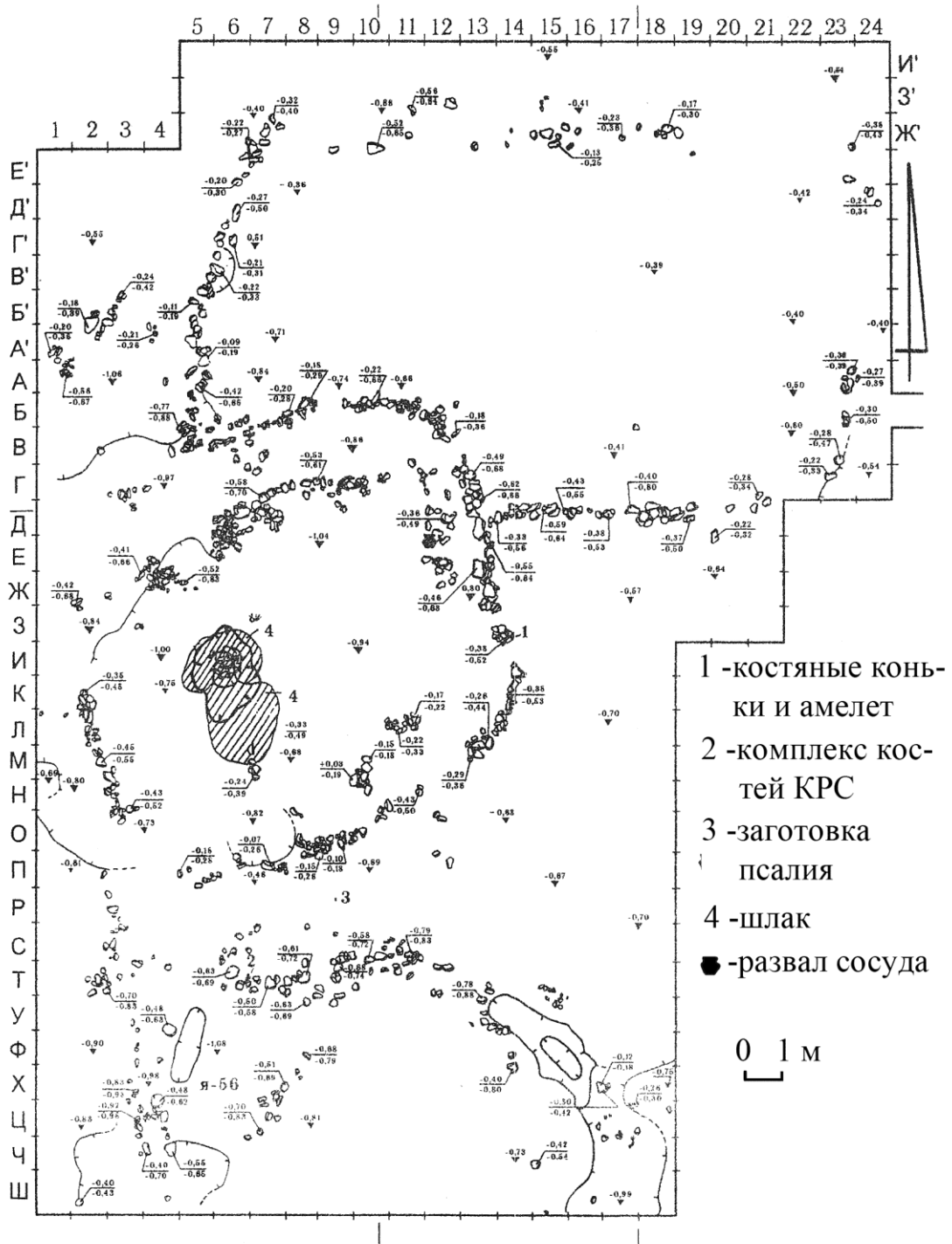

Рис. 121

Рис. 122

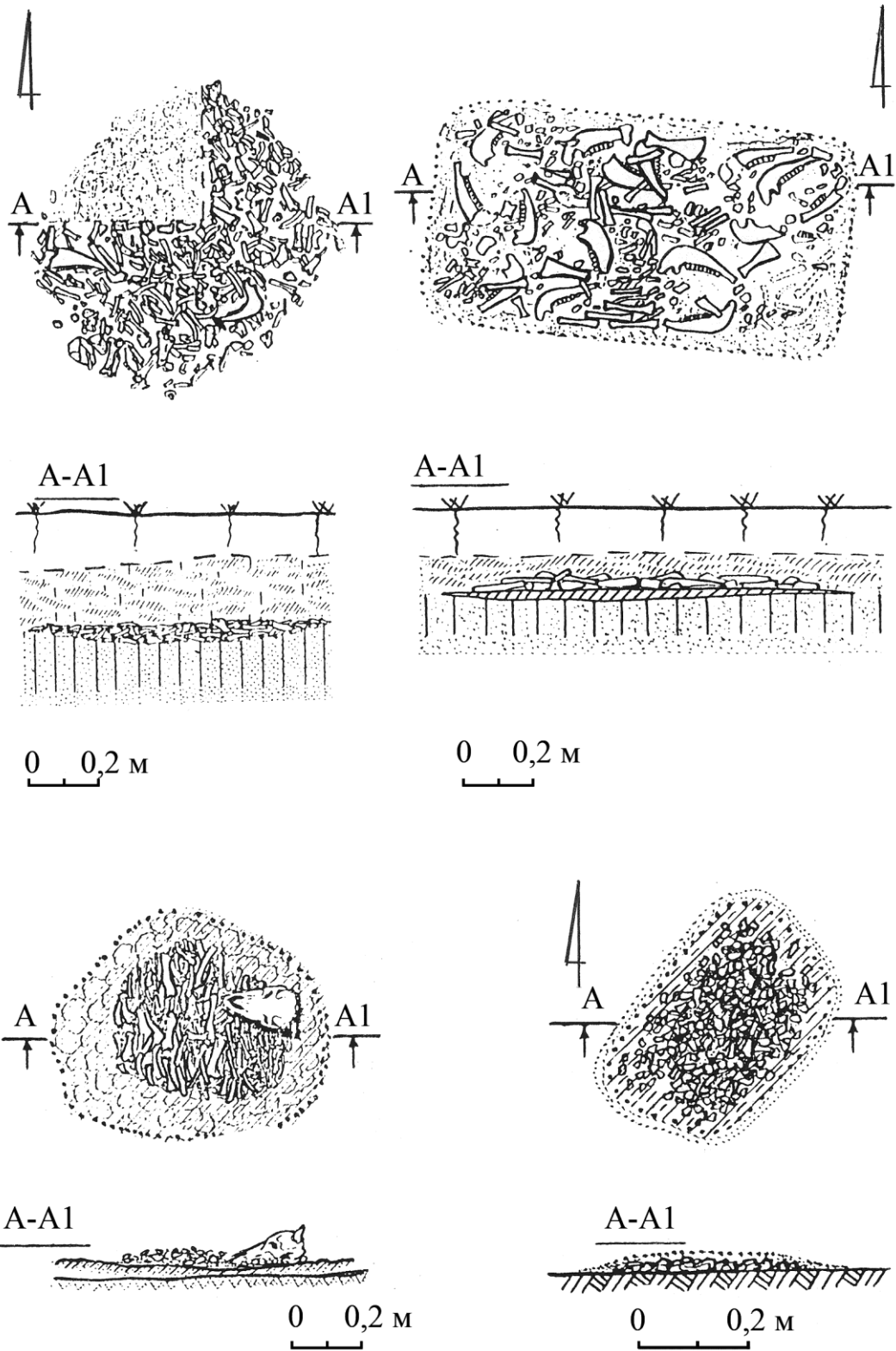

Рис. 123

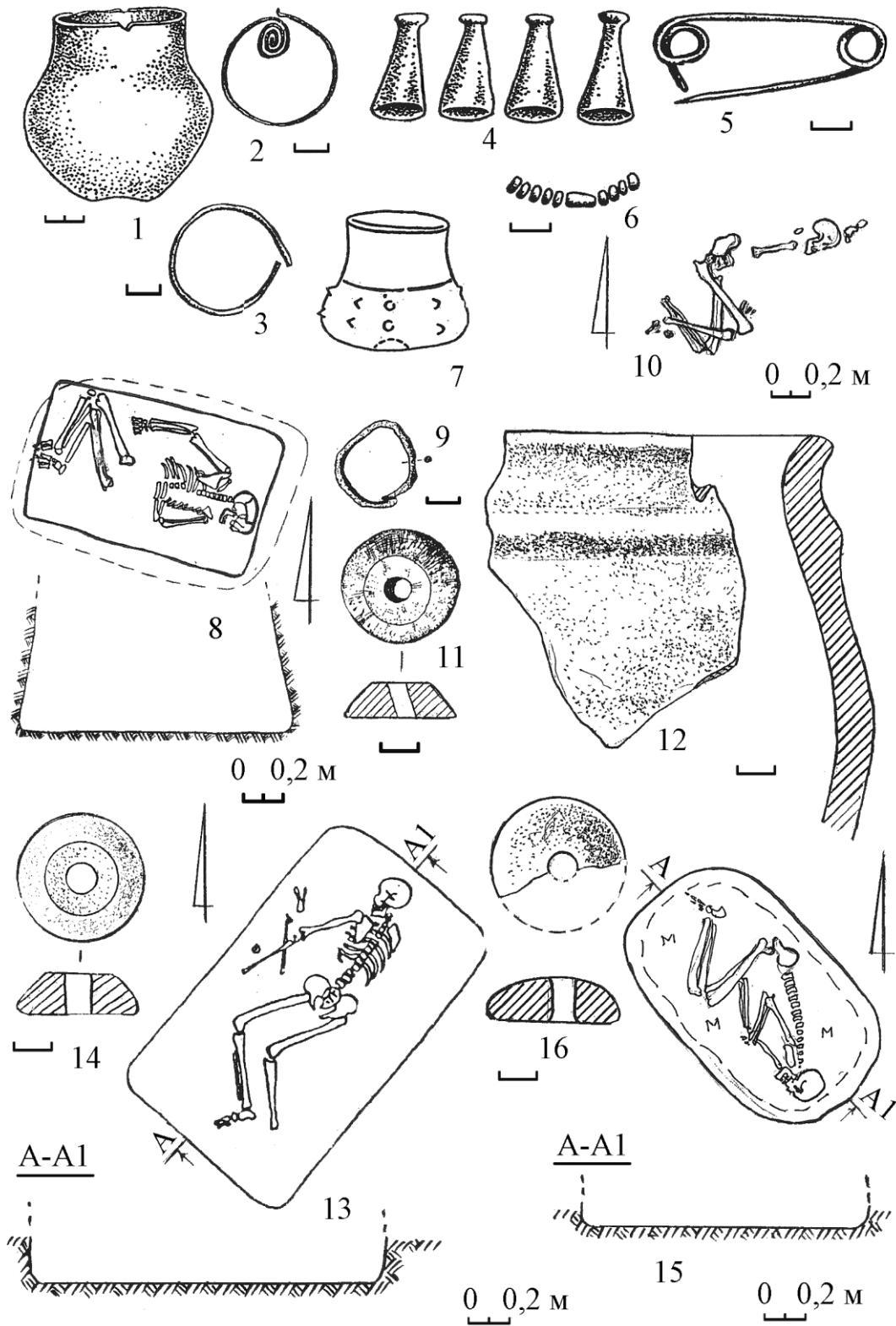

Рис. 124

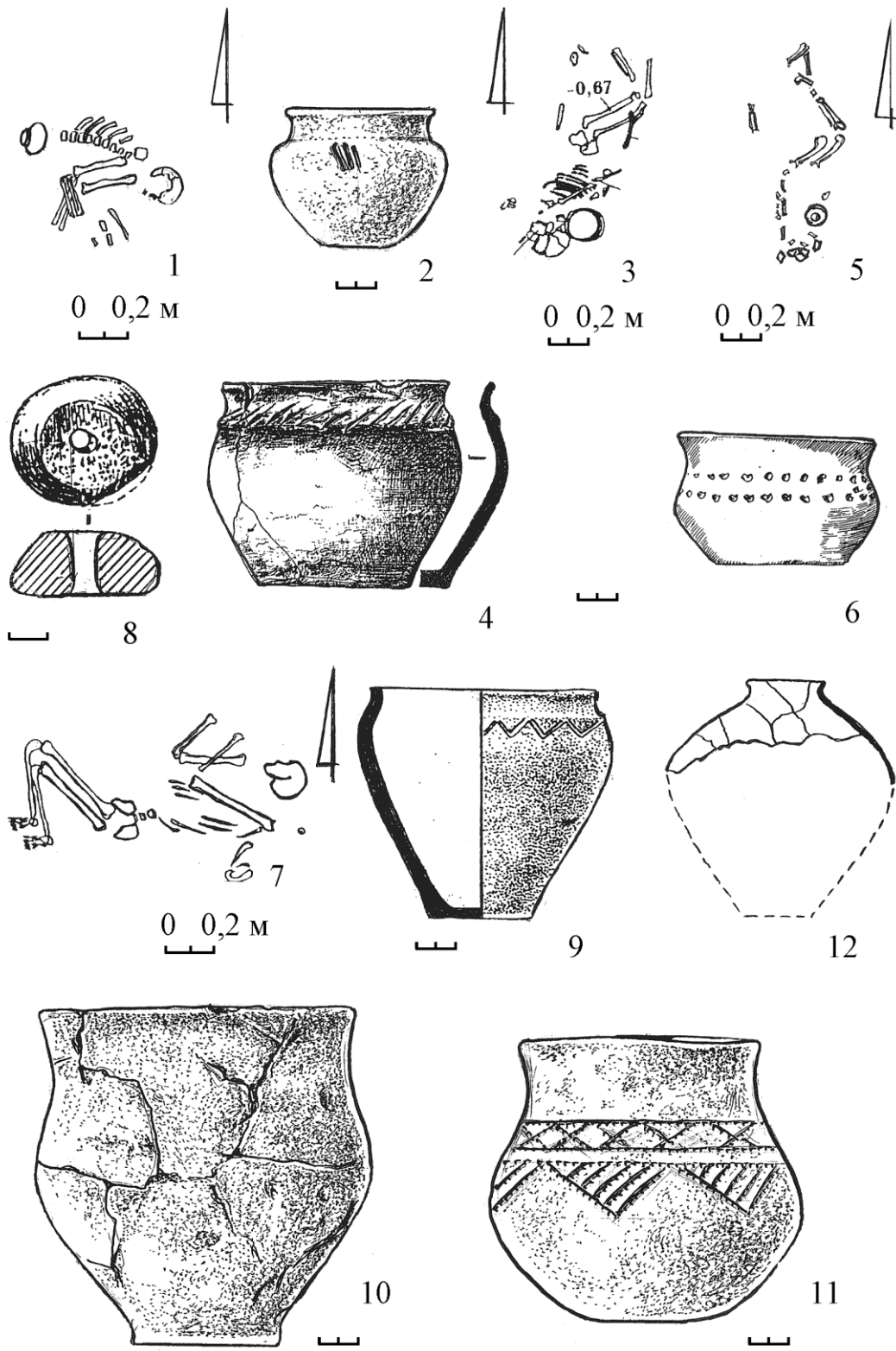

Рис. 125

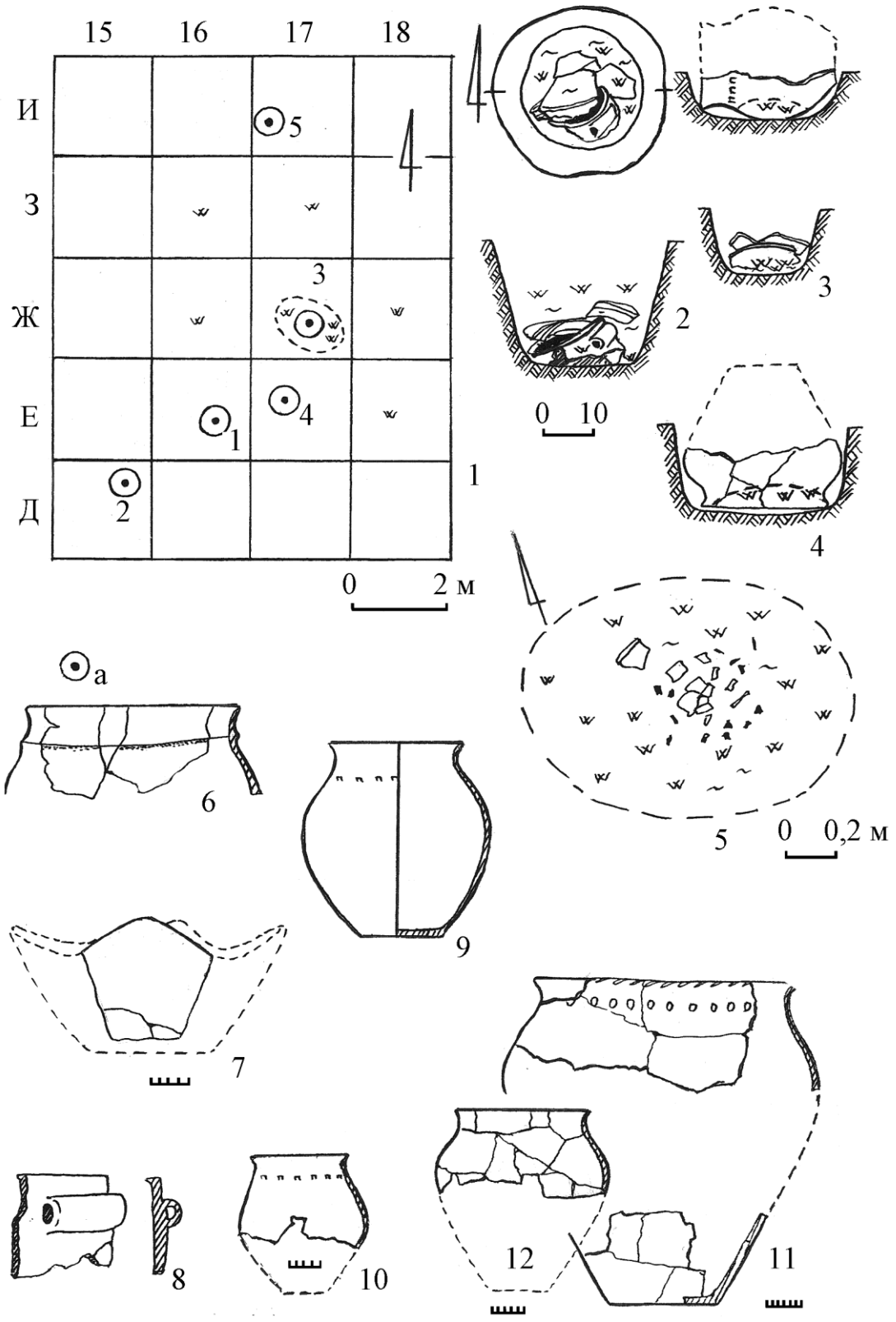

Рис. 126

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ, ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Источники

Боплан, 1990. – Боплан Г.Л. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансильванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і ведення воєн / Г.Л. Боплан ; [перекл. з фр. Я.І. Кравця, З.П. Борисюк]. – К. : Наук. думка ; Кембрідж (Мас.) : Укр. наук. ін-т, 1990. – 256 с. []

Воссоединение Украины с Россией, 1953. – Воссоединение Украины с Россией : Документы и материалы : в 3 т. Т.1: 1620–1647 / АН СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 585 с.

Геродот. – Геродот. История : в 9 кн. / Геродот ; [пер. Г.А. Стратановского]. – Л.; Наука, 1972. – 600 с. (Серия : «Памятники исторической мысли»).

Книга большому чертежу, 1950. – Книга большому чертежу / [ред. К.Н. Сербина]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 229 с.

Ригведа. – Ригведа. Мандалы I–IV / [отв. ред. П.А. Гринцер, издание подготовлено Т.Я. Елизаренковой]. – М. : Наука, 1989. – 767 с.

Страбон. – Страбон. География: в 17 кн. / Страбон; [под общей редакцией С.Л. Утченко ; пер. Г.А. Стратановского]. – М.: Наука, 1964. – 944 с. (Серия : «Классики науки»)

Литература

Абаев, 1981. – Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов / В.И. Абаев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.) : тр. междунар. симпозиума по этническим проблемам истории Центр. Азии в древности (II тысячелетие до н. э.), (Душанбе, 17–22 октября 1977 г.) ; [редкол. : М.С. Асимов и др.]. – М.: Наука, 1981. – С.84–89.

Аванесова, 1975. – Аванесова Н.А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы / Н.А. Аванесова // Тр. Самарканд. гос. ун-та. Материалы по археологии Узбекистана. Новая серия. – 1975. – Вып.270. – С.27–60.

Аванесова, 1991. – Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР : (По металлическим изделиям) / Н.А. Аванесова ; АН УзССР, Ин-т археол. ; [под. ред. А.А. Аскарлова]. – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Авдусин, 1980. – Авдусин Д.А. Полевая археология : учеб. пособие / Д.А. Авдусин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. школа, 1980. – 335 с.

Агапов, 1976. – Агапов С.А. Деревянные погребальные сооружения срубной культуры на территории Куйбышевской области / С.А. Агапов // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) : сб. науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т; [редкол. : Е.И. Медведев, С.Г. Басин, Е.М. Кубарев и др.]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышГПИ, 1976. – С.69–70.

Агапов, Васильев, 1976. – Агапов С.А. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье / С.А. Агапов, И.Б. Васильев // Очерки истории и культуры Поволжья. Тр. Средневожской археологической экспедиции / Куйбышев. гос. ун-т. – Куйбышев : Типогр. им. Мяги, 1976. – Вып.2. – С.113–135.

Агапов, Васильев, Кузьмина и др., 1983. – Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневожской археологической экспедиции) / С.А. Агапов, И.Б. Васильев, О.В. Кузьмина, А.П. Семенова // Культуры бронзового века Восточной Европы : межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол.: С.Г. Басин (гл. ред.) и др.]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышГПИ, 1983. – С.6–58.

Агульников, 2002. – Агульников С.М. Погребальные комплексы позднеسابатиновского-раннебелозерского времени в Прутско-Днестровском междуречье / С.М. Агульников // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.–V в. н. э.) : материалы докл. III междунар. конф., (Тирасполь, 5–8 ноября 2002 г.) / М-во просвещения Приднестров. Молдав. Республики, Приднестров. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко ; Приднестров. НЦ Рос. Академии естеств. Наук ; НИЛ «Археология» Приднестров. гос. ун-та; [редкол. : Е.В. Яровой (отв. ред.) и др.]. – Тирасполь, 2002. – С.176–181.

Агульников, 2005. – Агульников С.М. Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья / С.М. Агульников // *Revista arheologică / Academia de ştiinţe a Moldovei, Institutul patrimoniului cultural, Centrul de arheologie. Serie nouă.* – Chişinău, 2005. – Nr. 1. – P.77–91.

Агульников, Паша, Попович, 2009. – Агульников С.М. Святилище позднего бронзового века на поселении Ла Юрт (Капланы-I) / С.М. Агульников, В.И. Паша, С.С. Попович // *Старожитності степового Причорномор'я і Криму : матеріали конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 100-річчя з дня народження Б.М. Гракова)* / Запоріж. нац. ун-т ; Запоріж. ОКМ ; [редкол. : П.П. Толочко (гол. ред.) та ін.]. – Запоріжжя : Вид-во ЗНУ, 2009. – Т.XV. – С.5–13.

Акулов, Бойцова, 1996. – Акулов А.Г. Опыт раскопок сооружений с грунтовой архитектурой на поселении Капитаново 1 / А.Г. Акулов, М.А. Бойцова // *Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи : тез. докл. и материалы рос.-укр. науч. конф. и второго укр.-рос. полевого семинара, (с. Капитаново Луганской обл., Украина, 12–13 июля 1996 г. ; г. Воронеж, РФ, 30 сентября–2 октября 1996 г.)* / Региональный совет по комплексной программе отделения РАН «Ранние об-ва : взаимодействие со средой, природа и история», Комитет по науке и высшей шк. админ. Воронеж. обл. РФ, НАН Украины, Ин-т археол. – Воронеж, 1996. – Вып.2. – С.64–66.

Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993. – Алексеев А.Ю. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность / А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова, С.Р. Тохтасьев ; Публикации информац.-исслед. ин-та «Ермаков» ; Малая серия; [изд. серии А.О. Большаков]. – СПб : Информ.-исслед. ин-т «Ермаков», 1993. – Вып.1. – 121 с.

Андрієнко, 1974. – Андрієнко В.П. Основні культові обряди та споруди у племен лісостепової скіфії (VII–V ст. до н. е.) / В.П. Андрієнко // *Вісник ХДУ.* – 1974. – № 104. – Вип.8. – С.89–96.

Андросов, Марина, Завгородний, 1991. – Андросов А.В. Энеолитический курган у села Богуслав в Присамарье / А.В. Андросов, З.П. Марина, Д.П. Завгородний // *Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; редкол. : [И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.].* – Д. : Изд-во ДГУ, 1991. – С.4–19.

Анфимов, 1961. – Анфимов Н.В. Протомеотский могильник у с. Николаевского / Н.В. Анфимов // Сборник материалов по археологии Адыгеи : Тр. Адыгейского н.-и. ин-та языка, л-ры, ист. и эконом. (Сер. Археол.) ; [отв. ред. Н.В. Анфимов]. – Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1961. – Вып.2. – С.103–126.

Ардзинба, 1982. – Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии / В.Г. Ардзинба ; АН СССР, Ин-т востоковедения ; [отв. ред. В.В. Иванов]. – М. : Наука, Гл. ред. восточ. л-ры, 1982. – 252 с.

Артамонов, 1933. – Артамонов М.И. Донская экспедиция ГАИМК / М.И. Артамонов // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. – № 1, 2. – С.51–55.

Артамонов, 1950. – Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов / М.И. Артамонов // ВДИ. – 1950. – № 2. – С.37–47.

Артамонов, 1972. – Артамонов М.И. Скифское царство / М.И. Артамонов // СА. – 1972. – № 3. – С.56–67.

Артюшенко, 1970. – Артюшенко А.Г. Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде (по данным споро-пыльцевого анализа) / А.Г. Артюшенко // Очерки растительности лесостепи и степи Украины по данным споро-пыльцевого анализа : сб. науч. тр. ; [отв. ред. Д.К. Зеров]. – К. : Наук. думка, 1970. – С.142–170.

Арутюнов, Бентцин, Вайнхольд, 1989. – Арутюнов С.А. Введение / С.А. Арутюнов, У. Бентцин, Р. Вайнхольд // Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (АН СССР) ; Центр. ин-т истории (ГДР) ; [под общей ред. Ю.В. Бромлея, Г. Штробаха, отв. ред. С.А. Арутюнов]. – М. : Наука, 1989. – Вып.3. – С.5–14.

Археологический альманах, 1993. – Археологический альманах. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области / В.Ю. Выборный, В.Н. Горбов, С.М. Дегерменджи, О.Р. Дубовская, В.Ф. Клименко, М.Н. Ключнев, А.В. Колесник, В.А. Косиков, Д.П. Кравец, Э.Е. Кравченко, С.В. Кузьминых, В.К. Кульбака, Р.А. Литвиненко, В.А. Подобед, С.И. Постников, О.Я. Привалова, Р.И. Саенко, С.И. Татаринов, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, А.В. Шамрай,

М.Л. Швецов, А.Г. Щепко / АН Украины, Ин-т археол. ; Донец. упр. культуры ; Донец. ОКМ ; [редкол. : А.В. Колесник (гл. ред.) и др.]. – Донецк, 1993. – № 1. – 235 с.

Археология Венгрии, 1986. – Археология Венгрии : в 2 т. Т.2: Конец II тысячелетия до н. э.–I тысячелетие н. э. ; отв. ред. С.В. Титов, И. Эрдели. – М. : Наука, 1986. – 250 с.

Атлас почв Украинской ССР, 1979. – Атлас почв Украинской ССР / Н.М. Бреус, В.Л. Дусановский, В.А. Джамаль, В.П. Кузьмичев, В.Д. Кисель, Д.И. Ковалишин и др. / Южное отделение ВАСХНИЛ ; Укр. НИИ почвоведения и агрохимии им. А.Н. Соколовского ; под ред. Н.К. Крупского и Н.И. Полупана. – К. : Изд-во «Урожай», 1979. – 159 с.

Ахтырцев А.Б., Ахтырцев Б.П., Пряхин, 1996. – Ахтырцев А.Б. Палеопочвенный покров Доно-Донецкого региона в эпоху бронзы / А.Б. Ахтырцев, Б.П. Ахтырцев, А.Д. Пряхин // Доно-Донецкий регион в системе древностей восточноевропейской степи и лесостепи : тез. докл. и материалы науч. конф., (Воронеж, 30 сентября–2 октября 1996 г.) / Регион. совет по комплексной программе отделения РАН «Ранние об-ва : взаимодействие со средой, природа и история», Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1996. – С.78–82.

Балагурі, 1961. – Балагурі Е.А. Дослідження могильника пізньобронзового часу біля с. Островець Станіславської області / Е.А. Балагурі // Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття і Волині : зб. наук. пр. / Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича. – 1961. – № 3. – С.42–51.

Балагурі, 1968. – Балагурі Е.А. Поселення культури Ноа біля с. Острівець Івано-Франківської області / Е.А. Балагурі // Археологія. – 1968. – Т.21. – С.136–146.

Балагури, 1985. – Балагури Э.А. Культура Ноа / Э.А. Балагури // Археология Украинской ССР : в 3 т. Т.1 : Первобытная археология / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : Д.Я. Телегин (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1985. – С.481–489.

Балонов, 1987. – Балонов Ф.Р. Святилища скифской эпохи в Адыгее (интерпретация курганов на р. Уль) / Ф.Р. Балонов // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология / АН СССР, Сибир. отд., Ин-т истории, филологии и

философии ; [отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин]. – Новосибирск : Наука, Сибир. отд., 1987. – С.38–45.

Баумгартен, 1989. – Баумгартен К. Жилище / К. Баумгартен // Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (АН СССР) ; Центр. Ин-т истории (ГДР) ; [под общей ред. Ю.В. Бромлея, Г. Штробаха, отв. ред. С.А. Арутюнов]. – М. : Наука, 1989. – Вып.3. – С.36–42.

Белинский, Березин, Калмыков, 2000. – Белинский А.Б. Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края / А.Б. Белинский, Я.Б. Березин, А.А. Калмыков // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа : тез. докл. науч. конф. – Кисловодск: ГУП «Наследие», 2000. – С.15–18.

Беляев, 1977. – Беляев О.С. Розкопки поселення доби бронзи поблизу с. Йосипівка / О.С. Беляев // Археологія. – 1977. – Вып.22. – С.40–48.

Беляев, 1980. – Беляев А.С. Поздний период эпохи бронзы пограничья степи и лесостепи в Днепровском Левобережье : автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археологія» / А.С. Беляев : Ин-т археологии АН УССР. – К., 1980. – 18 с.

Беляев, 1981. – Беляев О.С. Поховання зрубної культури і раннього залізного віку Йосипівського могильника / О.С. Беляев // Археологія. – 1981. – Вып.36. – С.67–70.

Беляев, 1984. – Беляев О.С. Нові дані про бондарихінську культуру / О.С. Беляев // Археологія. – 1984. – Вып.46. – С.73–79.

Беляев, Кравец, 1976. – Беляев А.С. Раскопки на р. Орель / А.С. Беляев, И.В. Кравец // АО 1975 года. – М. : Наука, 1976. – С.304.

Берг, 1947. – Берг Л.С. Климат и жизнь / Л.Г. Берг ; Гос. изд-во географ. л-ры. – 2-е перераб. и допол. изд. – М.: География, 1947. – 356 с.

Березанська, 1956. – Березанська С.С. Поселення раннього залізного віку в Житомирській області / С.С. Березанська // АП УРСР. – Т. VI. – 1956. – С.48–51.

Березанская, 1957. – Березанская С.С. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма / С.С. Березанская // КСИИМК. – 1957. – Вып.67. – С.28–35.

Березанська, 1957а. – Березанська С.С. Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі / С.С. Березанська // Археологія. – 1957. – Т.ХІ. – С.87–94.

Березанская, 1959. – Березанская С.С. Поселение срубной культуры на р. Оскол / С.С. Березанская // КСИА АН УССР. – 1959. – Вып.8. – С.85–90.

Березанская, 1960. – Березанская С.С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине / С.С. Березанская // СА. – 1960. – № 1. – С.26–41.

Березанська, 1964. – Березанська С.С. Кераміка білогрудівської культури (За матеріалами розкопок біля с. Собковка) / С.С. Березанська // Археологія. – 1964. – Т.ХVІ. – С.49–75.

Березанская, 1967. – Березанская С.С. Тшинецко-комаровская культура на Северной Украине / С.С. Березанская // СА. – 1967. – № 2. – С.120–136.

Березанська, 1970. – Березанська С.С. Нове джерело до розуміння зольників білогрудівського типу / С.С. Березанська // Археологія. – 1970. – Т.ХХІV. – С.20–31.

Березанская, 1972. – Березанская С.С. Средний период бронзового века на Северной Украине / С.С. Березанская ; АН УССР, Ин-т археол.; [отв. ред. А.И. Тереножкин]. – К. : Наук. думка, 1972. – 266 с.

Березанская, 1974. – Березанская С.С. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре / С.С. Березанская ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Ю.Н. Захарук]. – К. : Наук. думка, 1974. – 174 с.

Березанская, 1976. – Березанская С.С. Лебедовская культура эпохи бронзы в Лесостепной Украине / С.С. Березанская // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол.: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Д.Л. Телегин]. – К.: Наук. думка, 1976. – С.190–221.

Березанская, 1977. – Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы (середина и вторая половина II тыс. до н. э.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / С.С. Березанская; Ин-т археологии АН УССР. – К., 1977. – 45 с.

Березанская, 1982. – Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы / С.С. Березанская ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Н.Н. Чередниченко]. – К. : Наук. думка, 1982. – 207 с.

Березанская, 1985. – Березанская С.С. Белогрудовская культура / С.С. Березанская // Археология Украинской ССР : в 3 т. Т.1 : Первобытная археология / АН УССР, Ин-т археол. ; редкол. ; [Д.Я. Телегин (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1985.– С.499–512.

Березанская, 1987. – Березанская С.С. Абашевская культура на территории Украины / С.С. Березанская // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол.; [отв. ред. И.И. Артеменко]. – К. : Наук. думка, 1987. – С.26–37.

Березанская, 1989. – Березанская С.С. О культовых сооружениях на поселениях срубной культуры Северского Донца / С.С. Березанская // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе : тез. докл. областной науч.-практ. семинара, (Донецк, 19–21 апреля 1989 г.) / Донец. областное отделение Укр. фонда культуры ; Донец. областное упр. культуры ; Донец. областная орг. УООПИК ; Донец. ОКМ ; Донец. областная станция юных туристов ; [редкол. : А.В. Колесник, С.М. Дегерменджи, О.Р. Дубовская, М.Л. Швецов]. – Донецк, 1989. – С.118–120.

Березанская, 1990. – Березанская С.С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце / С.С. Березанская ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. В.В. Отрощенко]. – К.: Наук. думка, 1990. – 156 с.

Березанская, 1997. – Березанская С.С. Сравнительная характеристика сабатиновской и срубной культур на территории Украины / С.С. Березанская // Сабатиновская и срубная культуры : проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху бронзы : тез. докл. I-го Всесоюзного полевого семинара 10–18 сентября 1990 г. (К.– Николаев–Южноукраинск) / НАН Украины, Ин-т археол. ; Днепропетр. гос. ун-т ; Производственное объединение «Южноукраинская атомная электростанция» ; [сост. и ред. В.Н. Ключинцев]. – Херсон : «Борисфен-Полиграфсервис», 1997. – С.4–6.

Березанская, 1998. – Березанская С.С. КМК – культура или керамический стиль / С.С. Березанская // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК) : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; [отв. ред. Г.Н. Тощев]. – Запорожье, 1998. – С.60–65.

Березанская, 2001. – Березанская С.С. Материалы бондарихинской культуры на поселении Усово озеро / С.С. Березанская // Доба бронзи Доно-Донецького регіону : матеріали 5-го укр.-рос. польового археол. семінару (с. Капітанове, Луганської обл., 26 липня 1999 р.) / ІА НАН України ; Донбас. гірничо-металург. ін-т ; Вороніж. держ. ун-т ; [редкол.: Ю.М. Бровендер, В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхін]. – К. : Вороніж, 2001. – С.11–15.

Березанська, Драгунова, 1970. – Березанська С.С. Поховання білогрудівської культури поблизу м. Біла Церква / С.С. Березанська, М.І. Драгунова // Археологія. – 1970. – Вип.23. – С.217–218.

Березанська, Клочко, 2011. – Березанська С.С. Гордіївський могильник / С.С. Березанська, В.І. Клочко // Гордіївський могильник / Упр. культури і туризму Вінниц. облдержадмін. ; Вінниц. ОКМ ; НДЦ «Рятівна археологічна служба» ; ІА НАН України ; за ред. В.І. Клочко. – Вінниця : ТОВ «Вістка», 2011. – С.7–113.

Березанская, Титенко, 1952. – Березанская С.С. Поселение предскифского времени в с. Собковка / С.С. Березанская, Г.И. Титенко // КСИА АН УССР. – 1952. – Вып.1. – С.78–84.

Березанская, Цвек, Клочко В.И. и др., 1994. – Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине / Березанская С.С., Цвек С.В., Клочко В.И., Ляшко С.Н. / АН Украины, Ин-т археол. ; [отв. ред. И.Т. Черняков]. – К. : Наук. думка, 1994. – 189 с.

Березанская, Чередниченко, 1985. – Березанская С.С. Срубная культура / С.С. Березанская, Н.Н. Чередниченко // Археология Украинской ССР : в 3 т. Т.1 : Первобытная археология / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : Д.Я. Телегин (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1985. – С.462–473.

Березовець, Березанська, 1961. – Березовець Д.Т. Поселення і могильник епохи бронзи біля с. Нижній Рогачик / Д.Т. Березовець, С.С. Березанська // АП УРСР. – 1961. – Т.Х. – С.40–45.

Берестнев, 1979. – Берестнев С.И. Некоторые особенности развития срубной культуры в лесостепном междуречье Днепра и Дона / С.И. Берестнев // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы : тез. докл. науч. конф., (Донецк, 3–6 декабря 1979 г.) / АН УССР, Ин-т археол., Донец. НЦ; Донец. областная орг.УООПИК, Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.А. Моруженко (отв. ред.) и др.]. – Донецк, 1979. – С.57–58.

Берестнев, 1980. – Берестнев С.И. Поселення зрубної культури Таранцеве на Харківщині / С.И. Берестнев // Вісник ХДУ. – 1980. – № 201. – Вип.12. – С.100–107.

Берестнев, 1981. – Берестнев С.И. Раскопки курганов в Харьковской области / С.И. Берестнев // АО 1980 года. – М. : Наука, 1981. – С.230–231.

Берестнев, 1994. – Берестнев С.И. Поселение Таранцево и вопрос о населении Днепровского Левобережья в начале раннего железного века / С.И. Берестнев // СА. – 1994. – № 3. – С.121–138.

Берестнев, 1997. – Берестнев С.И. Исследование многослойного поселения на р. Мже / С.И. Берестнев // Древности 1996 : Харьковский историко-археологический ежегодник / Харьк. ист.-археол. об-во; [редкол. : В.И. Кадеев (гл. ред.) и др.]. – Х. : Изд-во «Бизнес Информ», 1997. – С.153–154.

Берестнев, 1997а. – Берестнев С.И. Поселение эпохи бронзы Снежковка-7 на Северском Донце / С.И. Берестнев // Древности 1996 : Харьковский историко-археологический ежегодник / Харьк. ист.-археол. об-во ; [редкол. : В.И. Кадеев (гл. ред.) и др.]. – Х. : Изд-во «Бизнес Информ», 1997. – С.84–95.

Берестнев, 2001. – Берестнев С.И. Восточнoукраинская Лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.) / С.И. Берестнев ; НАН Украины, Ин-т археол. ; [отв. ред. Я.П. Гершкович]. – Х. : ПФ Амет, 2001. – 264 с.

Бессонова, 1983. – Бессонова С.С. Религиозные представления скифов / С.С. Бессонова ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. А.С. Русяева]. – К. : Наук. думка, 1983. – 139 с.

Бибикова, 1970. – Бибикова В.И. Фауна из поселения у с. Кирово / В.И. Бибикова // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы) : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. А.М. Лесков]. – К. : Наук. думка, 1970. – С.97–111.

Бидзиля, Вознесенская, Недопако и др., 1983. – История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э.–III в. н. э.) / В.И. Бидзиля, А.Г. Вознесенская, Д.П. Недопако, С.В. Паньков ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Б.А. Колчин]. – К. : Наук. думка, 1983. – 111 с.

Бобринский, 1988. – Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды / А.А. Бобринский // Проблемы изучения археологической керамики : межвуз. сб. науч. ст. / Куйбышев. гос. ун-т ; [редкол.: А.А. Бобринский (отв. ред.) и др.]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышГУ, 1988. – С.5–21.

Бодянський, 1952. – Бодянський О.В. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947–1948 рр. / О.В. Бодянський // АП УРСР. – 1952. – Т.IV. – С.165–176.

Бойков, 1988. – Бойков А.А. Разведки в левобережье Хопра / А.А. Бойков // Исследования памятников археологии Восточной Европы : межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. пед. ин-т ; [редкол.: А.Т. Синюк (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГПИ, 1988. – С.88–97.

Бойс, 1987. – Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / М. Бойс ; АН СССР, Ин-т востоковедения ; [отв. ред. и автор послесловия Э.А. Грантовский, пер. с англ. и примечания И.М. Стеблин-Каменского]. – М. : Наука, Гл. ред. восточ. л-ры, 1987. – 302 с.

Бокий, 1968. – Бокий Н.М. Новые находки на Кировоградщине / Н.М. Бокий // АИУ 1967 года : Информационные сообщения / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. П.П. Толочко]. – К. : Наук. думка, 1968. – Вып.2. – С.193–206.

Болтрик, 1999. – Болтрик Ю.В. Переправы Нижнего Днепра в скифское время / Ю.В. Болтрик // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) III Граковские чтения : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т; Моск. гос. ун-т ; НАН Украины, Ин-т археол. ; Запорож. ОКМ ; Упр. культуры

Запорож. облгосадмин. ; Запорож. науч. об-во им. Я. Новицкого ; Центр охраны и исследований памятников археологии Упр. культуры Полтав. облгосадмин. ; [редкол. : П.П. Толочко (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1999. – С.45–47.

Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. – Бонгард-Левин Г.М. От Скифии до Индии. Древние арии : мифы и история / Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский. – М. : Мысль, 1983. – 203 с.

Бондарец, 1990. – Бондарец О.В. К вопросу о культурно-исторических общностях / О.В. Бондарец // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца : тез. докл. науч.-практ. конф., (Луганск, ноябрь 1990 г.) / Луган. упр. культуры; ОКМ ; Областная орг. УООПИК ; НПК «Археолог» при Ин-те археол. АН УССР ; Центр.-Донец. экспедиция ; [редкол. : К.И. Красильников, А.Ф. Горелик, С.Н. Санжаров и др.]. – Луганск, 1990. – С.3–4.

Борзенкова, 1992. – Борзенкова И.И. Изменения климата в кайнозое / И.И. Борзенкова ; [под. ред. М.И. Будыко]. – СПб : Гидрометиздат, 1992. – 247 с.

Борисов, 1975. – Борисов А.А. Климаты СССР в прошлом, настоящем и будущем / А.А. Борисов ; М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1975. – 432 с.

Бородулин, 1978. – Бородулин В.Г. Исследования Харьковского исторического музея / В.Г. Бородулин // АО 1977 года. – М. : Наука, 1978. – С.301–302.

Бочкарев, 1990. – Бочкарев В.С. Факторы развития металлообрабатывающего производства южной половины Восточной Европы в эпоху поздней бронзы / В.С. Бочкарев // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа) : краткие тез. докл. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Б.В. Латынина / Гос. Эрмитаж ; [редкол. : Н.Г. Кершнер-Горбунова, Н.К. Качалова]. – Л., 1990. – С.4–5.

Бочкарев, 1991. – Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культуригенеза эпохи поздней бронзы / В.С. Бочкарев // Социогенез в историческом аспекте: материалы методол. семинара / АН СССР, ИИМК ; [редкол. : В.М. Массон (отв. ред.) и др.]. – СПб, 1991. – С.24–27.

Бочкарев, 2010. – Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы / В.С. Бочкарев ; ИИМК РАН, Волгоград. областная обществ. орг. «Волго-Донское археологическое общество», Некоммерческое партнерство «Южархеология». – СПб : «Инфо Ол», 2010. – 231 с.

Бочкарев, Лесков, 1978. – Бочкарев В.С. О хронологическом соотношении памятников эпохи бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом / В.С. Бочкарев, А.М. Лесков // Древние культуры Поволжья и Приуралья : науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол.: С.Г. Басин, И.Б. Васильев, Н.К. Качалова и др.]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышПИ, 1978. – Т.221. – С.23–26.

Братченко, 1969. – Братченко С.Н. Багатошарове поселення Лівенцовка на Дону / С.Н. Братченко // Археологія. – 1969. – Т.22. – С.216–217.

Братченко, 1977. – Братченко С.Н. К вопросу о сложении бабинской культуры многоваликовой керамики / С.Н. Братченко // Вильнянские курганы в днепровском Надпорожье : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Д.Я. Телегин]. – К. : Наук. думка, 1977. – С.21–42.

Брей, Трамп, 1990. – Брей У. Археологический словарь / У. Брей, Д. Трамп ; [ред. Н.Е. Медведева, пер. с англ. Г.А. Николаева]. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

Бровендер, 1990. – Бровендер Ю.М. Новые сведения о домостроительстве у племен срубной культуры на Северском Донце / Ю.М. Бровендер // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца : тез. докл. науч.-практ. конф., (Луганск, ноябрь 1990 г.) / Луган. упр. культуры ; ОКМ ; Областная орг. УООПИК ; НПК «Археолог» при Ин-те археол. АН УССР ; Центр.-Донец. экспедиция ; редкол. : [К.И. Красильников, А.Ф. Горелик, С.Н. Санжаров и др.]. – Луганск, 1990. – С.49–51.

Бровендер, 1993. – Бровендер Ю.М. Поселение срубной культуры у с. Лиман в Северско-Донецком левобережье / Ю.М. Бровендер // Древние культуры Подонцовья : сб. науч. тр. / Восточноукр. гос. ун-т; Луган. областной археол. Координац. совет ; [редкол. : С.Н. Санжаров (отв. ред.) и др.]. – Луганск : Ред.-изд. отд. облупр. по печати, 1993. – Вып.1. – С.148–174.

Бровендер, 1994. – Бровендер Ю.М. О хронологии некоторых костяных изделий срубной КИО / Ю.Б. Бровендер // Проблемы хронологии культур энеолита–бронзового века Украины и Юга Восточной Европы : тез. докл. междунар. науч. конф., (Днепропетровск, 25–28 апреля 1994 г.) / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д., 1994. – С.4–7.

Бровендер, 1996. – Бровендер Ю.М. Материалы картографирования бытовых памятников срубной культуры в среднем Подонцовье / Ю.М. Бровендер // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи : тез. докл. и материалы рос.-укр. научн. конф. и второго укр.-рос. полевого семинара, (с. Капитаново Луганской обл. Украина, 12–13 июля 1996 г. ; г. Воронеж, РФ, 30 сентября–2 октября 1996 г.) / Регион. совет по комплексной программе отделения РАН «Ранние общества: взаимодействие со средой, природа и история» ; Комитет по науке и высшей шк. админ. Воронеж. обл. РФ; НАН Украины, Ин-т археол. – Воронеж, 1996. – Вып.2. – С.55–60.

Бровендер, 1998. – Бровендер Ю.М. Относительная хронология построек покровской срубной культуры поселения Капитаново-1 / Ю.М. Бровендер // Доба бронзи Доно-Донецького регіону : матеріали 4-го укр.-рос. польового археол. семінару, (с. Капітанове, Луганської обл., 14 липня 1998 р.) / ІА НАН України, Центр.-Донец. археол. експедиція ; Вороніз. держ. ун-т ; [редкол. : Ю.М. Бровендер, В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхін]. – К. ; Воронеж, 1998. – С.16–31.

Бровендер, 2001. – Бровендер Ю.М. Итоги исследований поселений срубной общности в среднем течении Северского Донца / Ю.М. Бровендер // Доба бронзи Доно-Донецького регіону : матеріали 5-го укр.-рос. польового археол. семінару, (с. Капітанове, Луганської обл., 26 липня 1999 р.) / ІА НАН України ; Донбас. гірничо-металург. ін-т ; Вороніз. держ. ун-т ; [редкол. : Ю.М. Бровендер, В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхін]. – К. : Воронеж, 2001. – С.18–23.

Бровендер, 2005. – Бровендер Ю.М. Картамышский производственный комплекс Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы (некоторые итоги исследований) / Ю.М. Бровендер // Проблеми гірничої археології : матеріали II-го міжнар. Картамиського польового археол. семінару, (с. Новозванівка

Попаснянського р-ну Луганської обл., 21–25 липня 2003 р.) / ІА НАН України, Донбас. держ. техн. ун-т ; Вороніз. держ. ун-т ; [за заг. ред. П.П. Толочко, В.М. Дорофєєва]. – Алчевськ : Вид-во ДонбасДТУ, 2005. – С.11–30.

Бровендер, 2007. – Бровендер Ю.М. Техногенний участок рудника Червонэ озеро-1 Картамышского археологического микрорайона (некоторые итоги исследований) / Ю.М. Бровендер // Проблеми гірничої археології : матеріали V-го міжнар. Картамиського польового археол. семінару, (с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл., 15–16 липня 2006 р.) / Донбас. держ. техн. ун-т ; Вороніз. держ. ун-т ; Укр.-рос. НЛ «Металургія та металообробка Доно-Донецького регіону за доби бронзи» ; Донбас. відділ Східноукр. філії ІА НАН України ; [наук. ред. Ю.М. Бровендер]. – Алчевськ : Вид-во ДонбасДТУ, 2007. – С.33–68.

Бровендер, 2010. – Бровендер Ю.М. О времени прекращения функционирования Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы / Ю.М. Бровендер // Проблемы истории и археологии Украины : материалы VII Междунар. науч. конф., (Харьков, 28–29 октября 2010 г.) / Харьк. нац. ун-т ; Харьк. областное ист.-археол. об-во. – Х. : ООО «НТМТ», 2010. – С.15.

Бровендер, 2010а. – Бровендер Ю.М. Поселение Червонэ озеро-3 Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы / Ю.М. Бровендер // Донецкий археологический сборник / Донец. нац. ун-т; [гл. ред. Р.О. Литвиненко]. – Донецк : Вид-во ДонНУ, 2010. – № 13/14. – С.203–221.

Бровендер, 2011. – Бровендер Ю.М. О времени прекращения функционирования Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы / Ю.М. Бровендер // Проблеми гірничої археології : матеріали VIII-го міжнар. Картамиського польового археол. семінару, (с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл., 15–16 липня 2009 р.) / Донбас. держ. техн. ун-т ; Вороніз. держ. ун-т ; Укр.-рос. НЛ «Металургія та металообробка Доно-Донецького регіону за доби бронзи» ; Донбас. відділ Східноукр. філії ІА НАН України ; [наук. ред. Ю.М. Бровендер]. – Алчевськ : ДонбасДТУ, 2011. – С.134–138.

Бровендер, Загородняя, 2007. – Бровендер Ю.М. Формально-типологический анализ орудий металлопроизводства бережновско-маевской срубной культуры /

Ю.М. Бровендер, О.Н. Загородняя // Проблемы гiрничої археологiї : матерiали VI-го мiжнар. Картамиського польового археол. семiнару, (с. Новозванiвка Попаснянського р-ну Луганської обл., 17 липня 2007 р.) / Донбас. держ. техн. ун-т; Воронiз. держ. ун-т ; Укр.-рос. НЛ «Металургiя та металообробка Доно-Донецького рeгiону за доби бронзи» ; Донбас. вiддiл Схiдноукр. фiлiї IA НАН України ; [наук. ред. Ю.М. Бровендер]. – Алчевськ : Вид-во ДонбасДТУ, 2007. – С.52–68.

Бровендер, Загородняя, 2011. – Бровендер Ю.М. Раскопки поселения Червонэ озеро 1 Картамышского комплекса горно-металургических памятников эпохи бронзы / Ю.М. Бровендер, О.Н. Загородняя // АДУ 2010 року : зб. наук. пр. / IA НАН України ; [редкол. : Д.Н. Козак (гол. ред.) та iн.]. – К. ; Полтава : IA НАН України, 2011. – С.47–48.

Бровендер, Загородняя, Ключнева, 2008. – Бровендер Ю.М. Исследование памятников Картамышского археологического микрорайона в Донбассе / Ю.М. Бровендер, О.Н. Загородняя, И.Н. Ключнева // АДУ 2008 року : зб. наук. пр. / IA НАН України ; [редкол. : Д.Н. Козак (гол. ред.) та iн.]. – К. : ВД «Академперiодика» ; IA НАН України, 2009. – С.12–14.

Бруяко, 2005. – Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.) / И.В. Бруяко ; Высшая Антропологическая Школа ; [отв. ред. В.М. Массон]. – Кишинев : Высшая Антропологическая Школа, 2005 (Tipogr, «Business-Elita»). – 358 с. – (Сер. «Археологические источники Восточной Европы»).

БСЭ, 1970, т.1. – Большая советская энциклопедия : в 30 т. – 3-е изд. – Т.1. – М. : Советская энциклопедия, 1970. – 608 с.

Буйнов, 1977. – Буйнов Ю.В. О погребальном обряде племен бондарихинской культуры / Ю.В. Буйнов // СА. – 1977. – № 4. – С.208–216.

Буйнов, 1977а. – Буйнов Ю.В. Исследование памятников предскифского периода в бассейне Северского Донца / Ю.В. Буйнов // АО 1976 года. – М. : Наука, 1977. – С.273–274.

Буйнов, 1979. – Буйнов Ю.В. Поселення бондарихiнської культури / Ю.В. Буйнов // Вiсник ХДУ. – 1979. – № 182. – Вип.11. – С.84–97.

Буйнов, 1980. – Буйнов Ю.В. Про господарство племен бондарихінської культури / Ю.В. Буйнов // Вісник ХДУ. – 1980. – Вип.12. – № 201. – С.93–100.

Буйнов, 1981. – Буйнов Ю.В. Бондарихинская культура : автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / Ю.В. Буйнов ; Ин-т археологии АН УССР. – К., 1981. – 19 с.

Буйнов, 1985. – Буйнов Ю.В. Исследования в Харьковской области / Ю.В. Буйнов // АО 1983 года. – М. : Наука, 1985. – С.262–263.

Буйнов, 1987. – Буйнов Ю.В. Работы Северско-Донецкой экспедиции / Ю.В. Буйнов // АО 1985 года. – М. : Наука, 1987. – С.310–311.

Буйнов, 1989. – Буйнов Ю.В. О происхождении бондарихинской культуры позднего бронзового века / Ю.В. Буйнов // Проблемы археологии Сумщины : тез. докл. областной науч.-практич. конф., (апрель 1989 г.) / Сум. КМ ; Сум. областной орг. УООПИК ; [редкол. : В.С. Терентьев (отв. ред.) и др.]. – Сумы, 1989. – С. 40–41.

Буйнов, 1992. – Буйнов Ю.В. Грунтовой могильник срубной культуры у с. Червоный Шлях на Харьковщине / Ю.В. Буйнов // История и археология Слободской Украины : тез. докл. и сообщений всеукр. конф., посвященной 90-летию ХП АС / Харьк. гос. ун-т; УООПИК ; [отв. ред. В.В. Кравченко]. – Х., 1992. – С.91–92.

Буйнов, 1994. – Буйнов Ю.В. О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа / Ю.В. Буйнов // Древности 1994 : Харьковский историко-археологический ежегодник ; [редкол. : В.И. Кадеев (гл. ред.) и др.]. – Х. : Изд-во «Бизнес Информ», 1994. – С.6–14.

Буйнов, 1994а. – Буйнов Ю.В. Хронология и периодизация бондарихинской культуры / Ю.В. Буйнов // Проблемы хронологии культур энеолита-бронзового века Украины и Юга Восточной Европы : тез. докл. междунар. науч. конф., (Днепропетровск, 25–28 апреля 1994 г.) / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д., 1994. – С.7–9.

Буйнов, 1999. – Буйнов Ю.В. Об этнокультурных взаимосвязях племен бондарихинской и срубной культур / Ю.В. Буйнов // Вісник ХДУ. – Х., 1999. – Вип.31. – С.6–16.

Буйнов, 2000. – Буйнов Ю.В. Пам'ятки мар'янівської культури в Лівобережній Лісостеповій Україні / Ю.В. Буйнов // Вісник ХДУ. – 2000. – Вип.32. – № 485. – С.4–12.

Буйнов, 2001. – Буйнов Ю.В. О марьяновской линии развития Левобережной Лесостепной Украины и Полесья бронзового века / Ю.В. Буйнов // Проблемы истории и археологии Украины : материалы междунар. науч. конф., посвященной 10-летию независимости Украины, (Харьков, 16–18 мая 2001 г.) / Харьк. областное ист.-археол. об-во ; Харьков. нац. ун-т ; [редкол. : В.Ф. Мещеряков (отв. ред.) и др.]. – Х., 2001. – С.15–16.

Буйнов, 2004. – Буйнов Ю.В. Бондарихинская и лебедовская культуры: проблема этнических связей / Ю.В. Буйнов // Вісник ХНУ. – Х., 2004. – Вип.36. – С.145–158.

Буйнов, 2004а. – Буйнов Ю.В. Итоги раскопок поселения Студенок-5 и некоторые вопросы генезиса бондарихинской культуры / Ю.В. Буйнов // Древности 2004 : Харьковский историко-археологический ежегодник / Харьков. ист.-археол. об-во ; редкол. : [В.И. Кадеев (гл. ред.) и др.]. – Х. : НМЦ «МД», 2004. – С.141–153.

Буйнов, 2005. – Буйнов Ю.В. Бондарихинская и чернолесская культуры: проблема взаимосвязей / Ю.В. Буйнов // Древности 2005 : Харьковский историко-археологический ежегодник / Харьков. ист.-археол. об-во ; [редкол. : В.И. Кадеев (гл. ред.) и др.]. – Х. : НМЦ «МД», 2005. – С.246–254.

Буйнов, 2005а. – Буйнов Ю.В. Культурные комплексы поселения бондарихинской культуры у с. Родной Край на Харьковщине / Ю.В. Буйнов // Проблеми дослідження пам'яток Східної України : матеріали II-ї Луган. міжнар. іст.-археол. конф., присвяченої 85-річчю Луган. ОКМ / Упр. культури і мистецтв Луган. облдержадмін. ; ОКМ; ІА НАН України ; Східноукр. філія ІА НАН України ; Східноукр. нац. ун-т ; Луган. нац. пед. ун-т ; [редкол. : В.В. Отрощенко (гол. ред.) та ін.]. – К. : Шлях, 2005. – С.110–112.

Буйнов, 2006. – Буйнов Ю.В. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры / Ю.В. Буйнов // РА. – 2006. – № 2. – С.39–50.

Буйнов, 2006а. – Буйнов Ю.В. Поселення малобудківського типу біля с. Тимченки в басейні р. Сіверський Донець / Ю.В. Буйнов // Археологія. – 2006. – № 1. – С.42–47.

Буйнов, 2006б. – Буйнов Ю.В. Поховальні пам'ятки та обряд племен бондарихінської культури / Ю.В. Буйнов // Археологія. – 2006. – № 4. – С.60–68.

Буйнов, 2008. – Буйнов Ю.В. Студенокская группа памятников финального этапа позднего бронзового века / Ю.В. Буйнов // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко / НАН Украины, Ин-т археол. ; Гос. предприятие «Научно-исследовательский центр «Охранная археологическая служба» ; Харьк. нац. ун-т ; [отв. ред. С.И. Посохов]. – Х. : Курьер, 2008. – С.42–55.

Буйнов, 2008а. – Буйнов Ю.В. Материалы позднего бронзового века из поселения Великая Тополяха-1 на Северском Донце / Ю.В. Буйнов // Вісник ХНУ. – Х., 2008. – Вип.40. – № 816. – С.7–19.

Буйнов, 2009. – Буйнов Ю.В. К вопросу об этногенезе племен бондарихинской культуры / Ю.В. Буйнов // Вісник ХНУ. – Х., 2009. – Вип. 41. – № 852. – С.7–17.

Буйнов, Берестнев, 1978. – Буйнов Ю.В. Исследования в бассейнах Мжи и Северского Донца / Ю.В. Буйнов, С.И. Берестнев // АО 1977 года. – М. : Наука, 1978. – 302–313.

Буйнов, Грубник-Буйнова, Воловик и др., 1979. – Буйнов Ю.В. Новые данные о памятниках бондарихинской культуры / Ю.В. Буйнов, Л.П. Грубник-Буйнова, С.И. Воловик, Е.Н. Петренко // АО 1978 года. – М. : Наука, 1979. – С.309–310.

Буйнов, Дьяченко, Шрамко Б.А., 1978. – Буйнов Ю.В. Работы на новостройках Харьковской обл. / Ю.В. Буйнов, А.Г. Дьяченко, Б.А. Шрамко // АО 1977 года. – М. : Наука, 1978. – С.303–304.

Буйнов, Кузьменко, 1989. – Буйнов Ю.В. Опыт периодизации памятников бондарихинской культуры методом многомерного статистического анализа / Ю.В. Буйнов, А.С. Кузьменко // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР : тези доп. XX Республік. конф., (Одеса, жовтень 1989 р.) / ІА АН УРСР ; Одес. КМ ; Одес. археол. т-во ; [редкол. : П.П. Толочко (відп. ред.) та ін.]. – К. : Наук. думка, 1989. – С.30–31.

Буйнов, Михеев, 1989. – Буйнов Ю.В. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине / Ю.В. Буйнов, В.К. Михеев // Вісник ХДУ. – 1989. – Вип.23. – № 343. – С.87–95.

Бунятян, 1994. – Бунятян К.П. Класифікація та типологія скотарства / К.П. Бунятян // Теорія та практика археологічних досліджень : зб. наук. пр. / ІА АН України ; [відп. ред. В.Ф. Генінг, К.П. Бунятян]. – К. : Наук. думка, 1994. – С.73–101.

Бураков, 1961. – Бураков А.В. Поселення епохи бронзи біля с. Зміївка / А.В. Бураков // АП УРСР. – Т.Х. – 1961. – С.26–39.

Буров, 1993. – Буров Г.М. Археологические памятники в бассейне р. Волчьей (по данным 1952–1955 гг.) / Г.М. Буров // Древности степного Причерноморья и Крыма : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; [редкол. : Г.Н. Тощев, Г.И. Шахров, Г.И. Шаповалов]. – Запорожье : Изд.-полиграф. комплекс «Запоріжжя», 1993. – Т.IV. – С.231–249.

Бучинский, 1963. – Бучинский И.Е. Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем / И.Е. Бучинский. – К. : Госсельхозиздат, 1963. – 307 с.

Вальчак, 1998. – Вальчак С.Б. Предметы эпохи поздней бронзы – раннего железа из коллекций Восточной Украины и их аналогии / С.Б. Вальчак // АЛЛУ – Полтава : ВЦ Археологія, 1998. – № 1–2. – С.19–22.

Вальчак, 2001. – Вальчак С.Б. Загадочные пластины позднебронзового века на днепровском Левобережье / С.Б. Вальчак // АЛЛУ – Полтава : ВЦ Археологія, 2001. – № 2. – С.30–32.

Вальчак, Момонтов, Сазонов, 1996. – Вальчак С.Б. Ранние памятники черноморского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология / С.Б. Вальчак, В.И. Момонтов, А.А. Сазонов // Историко-археологический альманах : сб. науч. тр. / Армавир. КМ ; [редкол. : Р.М. Мунчаев (отв. ред.) и др.]. – Армавир ; М., 1996. – Вып.2. – С.23–44.

Ванчугов, 1977. – Ванчугов В.П. Работы Балтского отряда Причерноморской экспедиции / В.П. Ванчугов // АО 1976 года. – М. : Наука, 1977. – С.275–276.

Ванчугов, 1978. – Ванчугов В.П. Работы Балтского отряда Причерноморской экспедиции / В.П. Ванчугов // АО 1977 года. – М. : Наука, 1978. – С.306.

Ванчугов, 1979. – Ванчугов В.П. Раскопки у с. Зализничное / В.П. Ванчугов // АО 1978 года. – М. : Наука, 1979. – С.312.

Ванчугов, 1981. – Ванчугов В.П. Поселение конца позднего бронзового века Ялпуг IV в нижнем Подунавье / В.П. Ванчугов // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья : сб. науч. тр. / АН УССР, ОАМ ; [отв. ред. П.О. Карышковский]. – К. : Наук. думка, 1981. – С.91–102.

Ванчугов, 1981а. – Ванчугов В.П. Раскопки поселения позднего бронзового века Балта в Южном Побужье / В.П. Ванчугов // Древности Северо-Западного Причерноморья : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : Г.Г. Мезенцева (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1981. – С.71–83.

Ванчугов, 1987. – Ванчугов В.П. Памятники тудоровского типа в Северо-Западном Причерноморье (к вопросу о белозерской культуре) / В.П. Ванчугов // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. И.И. Артеменко]. – К. : Наук. думка, 1987. – С.114–131.

Ванчугов, 1990. – Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблемы формирования белозерской культуры / В.П. Ванчугов; АН УССР, ОАМ ; [отв. ред. Э.А. Балагури]. – К. : Наук. думка, 1990 . – 165 с.

Ванчугов, 1997. – Ванчугов В.П. Погребальный обряд белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья / В.П. Ванчугов // Археология и этнология Восточной Европы. Материалы и исследования : сб. работ, посвященных 60-летию В.В. Станко / Одес. гос. ун-т ; [редкол. : С.А. Булатович (отв. ред.) и др.]. – О. : МП «Гермес», 1997. – С.154–167.

Ванчугов, 2000. – Ванчугов В.П. Проблема погребального обряда сабатиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье / В.И. Ванчугов // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали та дослідження : зб. наук. робіт, присвячених 135-річчю Одес. держ. ун-ту ім. І.І. Мечникова / Одес. держ. ун-т. – О. : Изд-во «АстроПринт», 2000. – С.39–56.

Ванчугов, 2008. – Ванчугов В.П. Деревянные гробницы белозерской культуры / В.П. Ванчугов // Краткие сообщения Одесского археологического общества /

НАН Украины, ОАМ ; Одес. археол. об-во ; [отв. ред. С.Б. Охотников, В.Г. Петренко]. – О. : «Печатный дом», «Фаворит», 2008. – С.91–97.

Ванчугов, Загинайло, Кушнир и др., 1991. – Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье / В.П. Ванчугов, А.Г. Загинайло, В.Г. Кушнир, В.Г. Петренко ; АН УССР, ОАМ ; [отв. ред. В.Н. Станко]. – К. : Наук. думка, 1991. – 97 с.

Ванчугов, Раллев, 1999. – Ванчугов В.П. Проблемы реконструкции поселения поздней бронзы Вороновка II / В.П. Ванчугов, А.Б. Раллев // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя) : тез. доп. наук. конф. / Дніпропетр. держ. ун-т ; Незалежний Благодійний фонд «Нова ідеологія» ; Дніпропетр. обласна держадмін. ; [редкол.: І.Ф. Ковальова (відп. ред.) та ін.]. – Д. : «Нова ідеологія», 1999. – С.106–109.

Ванчугов, Субботин, 1989. – Ванчугов В.П. Васильевский могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья / В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья : сб. науч. ст. / АН УССР, ОАМ ; [редкол. : Т.Л. Самойлова (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1989. – С.54–65.

Ванчугов, Субботин, 1992. – Ванчугов В.П. Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья / В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья : сб. науч. ст. / АН УССР, ОАМ ; [редкол. : Т.Л. Самойлова (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1992. – С.54–65.

Ванчугов, Тощев, Черняков, 1985. – Ванчугов В.П. Землянки позднебронзового века в Нижнем Подунавье / В.П. Ванчугов, Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья : сб. науч. ст. / АН УССР, ОАМ ; [редкол. : Г.А. Дзис-Ройко (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1985. – С.22–27.

Ванчугов, Черняков, 1984. – Ванчугов В.П. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа / В.П. Ванчугов, И.Т. Черняков // Ранний железный

век Северо-Западного Причерноморья : сб. науч. тр. / АН СССР, ОАМ ; [отв. ред. И.Т. Черняков]. – К. : Наук. думка, 1984. – С.5–24.

Ванчугов, Черняков, 1991. – Ванчугов В.П. Металлические наконечники стрел сабастиновской и белозерской культур / В.П. Ванчугов, И.Т. Черняков // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур : сб. науч. ст. / АН СССР, ОАМ ; [отв. ред. В.П. Ванчугов]. – К. : Наук. думка, 1991. – С.24–37.

Варфоломеев, 1988. – Варфоломеев В.В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки / В.В. Варфоломеев // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей : межвуз. сб. науч. тр. / Башкир. гос. ун-т ; Челяб. гос. ун-т ; [редкол. : Г.Б. Зданович (отв. ред.) и др.]. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1988. – С.80–99.

Васильев, Колев, Кузнецов, 1986. – Васильев И.Б. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия / И.Б. Васильев, Ю.И. Колев, П.Ф. Кузнецов // Древние культуры Северного Прикаспия : межвуз. сб. науч. тр. / Куйб. гос. пед. ин-т ; [редкол.: Н.Я. Мерперт (отв. ред.) и др.]. – Куйбышев : КуйбышГПИ, 1986. – С.108–149.

Васильев, Кузнецов, Семенова, 1993. – Васильев И.Б. Периодизация культур бронзового века Волго-Уральского региона / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии : тез. докл. науч. конф. / РАН, ИИМК; [отв. ред. В.М. Массон, В.С. Бочкарев]. – СПб, 1993. – С.66–68.

Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. – Васильев И.Б. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова / Самар. гос. ун-т ; [отв. ред. Н.Я. Мерперт]. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1994. – 208 с.

Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985. – Васильев И.Б. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья / И.Б. Васильев, О.В. Кузьмина, А.П. Семенова // Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации) : межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол. : С.Г. Басин (отв. ред.) и др.]. – Куйбышев : Типогр. им. В.П. Мяги, 1985. – С.60–94.

Веклич, 1987. – Веклич М.Ф. Проблемы палеоклиматологии / М.Ф. Веклич ; АН УССР, Отделение географии Ин-та геофизики им. С.И. Субботина. – К. : Наук. думка, 1987. – 190 с.

Викторова, 1960. – Викторова В.Д. Из истории населения юго-западной Башкирии в эпоху бронзы / В.Д. Викторова // Из истории Урала : сб. науч. ст. ; [отв. ред. Ф.П. Быстрых]. – Свердловск : Свердлов. книжное изд-во, 1960. – С.64–71.

Виленкин, Никитин, 1968. – Виленкин В.А. Сумская лесостепная область западных отрогов Средне-Русской возвышенности / В.А. Виленкин, В.Н. Никитин // Физико-географическое районирование Украинской ССР / Киев. гос. ун-т ; под ред. В.П. Попова, А.М. Маринича, А.И. Ланько. – К. : Изд-во КГУ, 1968. – С. 339–348.

Виноградов, 1982. – Виноградов Н.Б. Кулевичи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье / Н.Б. Виноградов // КСИА АН СССР. – 1982. – Вып. 169. – С.94 – 99.

Виноградова, Кузьмина, 1986. – Виноградова Н.М. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы / Н.М. Виноградова, Е.Е. Кузьмина // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока : сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения ; под ред. Б.А. Литвинского. – М. : Наука, 1986. – С.126–151.

Вовк, 1995. – Вовк Х. Студії з української етнографії та антропології / Х. Вовк. – К. : «Мистецтво», 1995. – 336 с.

Войтович, 2002. – Войтович В.М. Українська міфологія / В.М. Войтович. – К. : Либідь, 2002. – 664 с.

Волкобой, 1979. – Волкобой С.С. Срубные погребения с трупосожжением в Орельско-Самарском междуречье / С.С. Волкобой // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [отв. ред. И.Ф. Ковалева]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1979. – С.98–103.

Волкобой, 1980. – Волкобой С.С. Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье / С.С. Волкобой // Курганы Степного Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [отв. ред. И.Ф. Ковалева]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1980. – С.69–75.

Воловик, 1986. – Воловик С.И. Исследования в бассейне Мжи / С.И. Воловик // АО 1984 года. – М. : Наука, 1986. – С.224–25.

Воловик, 1991. – Воловик С.И. Пам'ятки малобудківського етапу бондарихінської культури у басейні Ворскли / С.И. Воловик // Пам'ятки археології Полтавщини. До 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею : зб. наук. ст. / Полтав. обласне упр. культури ; Полтав. КМ ; [редкол. : О.Б. Супруненко (відп. ред.) та ін.]. – Полтава : Красноград. межрайтипогр., 1991. – С.15–21.

Воловик, 1993. – Воловик С.И. Поселение эпохи бронзы у поселка Лагери на Северском Донце / С.И. Воловик // РА. – 1993. – № 3 – С.177–187.

Воловик, 1996. – Воловик С.И. Бондарихинская культура (проблема происхождения) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / С.И. Воловик ; Ин-т археологии АН СССР. – М., 1996. – 33 с.

Воловик, 1997. – Воловик С.И. Могильники и погребальный обряд малобудковского населения / С.И. Воловик // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Дмитрия Ивановича Багалея : тез. докл. науч. конф., (Харьков, 16–18 апреля 1997 г.) / Харьк. областное ист.-археол. об-во ; Харьк. областная гос. админ. ; Харьк. гор. испол. ком. ; [редкол. : В.И. Кадеев (отв. ред.) и др.]. – Х. : АО «Бизнес Информ», 1997. – С.10.

Волошко, Татаринев, Копыл, 1978. – Волошко В.И. Разведка памятников по рекам Бахмут и Жеребец / В.И. Волошко, С.И. Татаринев, А.Г. Копыл // АО 1977 года. – М. : Наука, 1978. – С.308–309.

Воронов, 2003. – Воронов В.И. Джерелознавство історії України : курс лекцій / В.И. Воронов ; Дніпропетр. нац. ун-т. – Д. : Вид-во ДНУ, 2003. – 336 с.

Вуд, 1981. – Вуд Дж. Солнце, луна и древние камни / Дж. Вуд ; [под ред. А.А. Гурштейна ; пер. с англ. П.С. Гурова]. – М. : Изд-во «Мир», 1981. – 268 с.

Вязьмітина, Покровська, 1956. – Вязьмітина М.І. Поселення VII–VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботина / М.І. Вязьмітина, Є.Ф. Покровська // АП УРСР. – 1956. – Т. VI. – С.38–51.

Габуев, Малашев, 2007. – Габуев Т.А. Элементы погребального обряда Брутского городища / Т.А. Габуев, В.Ю. Малашев // Северный Кавказ и мир кочевников в

раннем железном веке / РАН, Ин-т археол. ; [ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев]. – М. : ТАУС, 2007. – С.458–471.

Гаврилюк, 1979. – Гаврилюк Н.А. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени / Н.А. Гаврилюк // Памятники древних культур Северного Причерноморья : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. В.Д. Баран]. – К. : Наук. думка, 1979. – С.20–40.

Гаврилюк, 1996. – Гаврилюк Н.О. Археологічна культура / Н.О. Гаврилюк // Словник-довідник археології / ред., уклад. та кер. автор. колективу Н.О. Гаврилюк, [наук. ред. Ю.В. Павленко]. – К. : Наук. думка ; Гол. п-во РВО «Поліграфкнига», 1996. – С.16–17.

Гаврилюк, 1996а. – Гаврилюк Н.О. Матеріальна культура / Н.О. Гаврилюк // Словник-довідник археології / [ред., уклад. та кер. автор. колективу Н.О. Гаврилюк, наук. ред. Ю.В. Павленко]. – К. : Наук. думка ; Гол. п-во РВО «Поліграфкнига», 1996. – С.156.

Гаврилюк, 1999. – Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н. э. / Н.А. Гаврилюк ; НАН Украины, Ин-т археол. ; [отв. ред. Б.А. Шрамко]. – Х. : Изд-во ПТФ, 1999. – 424 с.

Гаврилюк, 2003. – Гаврилюк Н.О. Нове поселення доби бронзи на Білозерському лимані / Н.О. Гаврилюк // АДУ 2001–2002 років : зб. наук. пр. / ІА НАН України ; [редкол. : Н.О. Гаврилюк (гол. ред.) та ін.]. – Вип.5. – К. : ІА НАН України; Шлях, 2003. – С. 77–80.

Гаврилюк, Гершкович, 1982. – Гаврилюк Н.А. О погребениях финального этапа бронзового и раннего железного веков в бассейне р. Кальмиус в Северном Приазовье / Н.А. Гаврилюк, Я.П. Гершкович // Материалы по хронологии археологических памятников Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Д.Я. Телегин]. – К. : Наук. думка, 1982. – С.67–71.

Галкин, 1975. – Галкин Л.Л. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов / Л.Л. Галкин // СА. – 1975. – № 3. – С.186–192.

Гамкрелидзе, Иванов В.В., 1984. – Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и

протокультуры : в 2-х ч. Ч.1–2. / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов ; Тбилис. гос. ун-т. – Тбилиси : Изд-во ТбилГУ, 1984. – 1328 с.

Гарден, 1983. – Гарден Ж.-К. Теоретическая археология / Ж.-К. Гарден; [вступит. ст. и ред. Я.А. Шера; пер. с фр. Л.А. Лавлинской и Л.Е. Трошиной]. – М. : Прогресс, 1983. – 295 с.

Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. – Генинг В.Ф. Синташта : в 2 т. Т.1. / В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг ; Урал. отделение РАН; Челябин. гос. ун-т; [отв. науч. ред. В.И. Матюшенко]. – Челябинск : Южно-Уральское книжное изд., 1992. – 407 с.

Генинг В.В., Кубышев, 1990. – Генинг В.В. Черная Долина в эпоху бронзы. Вторая курганная группа у с. Новокаменка / В.В. Генинг, А.И. Кубышев. – К., 1990. – 38 с. – (Препринт / АН УССР, Ин-т зоологии им. И.И. Шмальгаузена; 90. 7).

Генсерук, Цемко, Гайдарова, 1981. – Генсерук С.А. Использование низкопродуктивных земель в УССР / С.А. Генсерук, В.П. Цемко, Л.И. Гайдарова ; АН УССР, Совет по изучению производит. сил УССР ; [отв. ред. В.П. Мертенс]. – К. : Наук. думка, 1981. – 234 с.

Генсерук, Шевченко, Бондарь и др., 1981. – Комплексное лесохозяйственное районирование Украины и Молдавии / С.А. Генсерук, С.В. Шевченко, В.С. Бондарь, Ю.Р. Шеляг-Сосонко, Я.В. Коваль, В.Т. Зайцев, Ю.П. Кравчук ; АН УССР, Совет по изучению производит. сил УССР. – К. : Наук. думка, 1981. – 360 с.

Герасименко, 1997. – Герасименко Н.П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеографического изучения археологических памятников) / Н.П. Герасименко // Археологический альманах : сб. науч. ст. / НАН Украины, Ин-т археол. ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Краматор. эконом.-гуманит. ин-т ; Донец. областная орг. УООПИК ; [редкол.: А.В. Колесник (гл. ред.) и др.]. – Донецк : ООО «Китис», 1997. – № 6. – С.3–64.

Герасименко, Гершкович, 1996. – Герасименко Н.П. К палеоэкологии бассейна Северского Донца в эпоху поздней бронзы / Н.П. Герасименко, Я.П. Гершкович // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской

степи и лесостепи : тез. докл. и материалы рос.-укр. науч. конф. и второго укр.-рос. полевого семинара, (с. Капитаново Луганской обл. Украина, 12–13 июля 1996 г. ; г. Воронеж, РФ, 30 сентября–2 октября 1996 г.) / Регион. совет по комплексной программе отделения РАН «Ранние общества: взаимодействие со средой, природа и история» ; Комитет по науке и высшей шк. Админ. Воронеж. обл. РФ ; НАН Украины, Ин-т археол. – Воронеж, 1996. – Вып.2. – С.70–72.

Герасименко, Горбов, 1996. – Герасименко Н.П. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья / Н.П. Герасименко, В.Н. Горбов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): материалы междунар. конф. : в 2-х ч. Ч.2. / Донец. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАНУ ; НАН Украины, Ин-т археол. ; ИИМК РАН ; Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.47–49.

Гершкович, 1989. – Гершкович Я.П. К вопросу о памятниках «обиточненского» типа / Я.П. Гершкович // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР : тези доп. XX Республік. конф., (Одеса, жовтень 1989 р.) / ІА АН УРСР ; Одес. КМ ; Одес. археол. т-во ; [редкол.: П.П. Толочко (відп. ред.) та ін.]. – К. : Наук. думка, 1989. – С.52–53.

Гершкович, 1990. – Гершкович Я.П. К вопросу о появлении чернолесской керамики на поселениях бондарихинской культуры в бассейне Северского Донца / Я.П. Гершкович // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца : тез. докл. науч.-практ. конф., (Луганск, ноябрь 1990 г.) / Луган. упр. культуры ; ОКМ ; Областная орг. УООПИК ; НПК «Археолог» при АН УССР, Ин-т археол. ; Центр.-Донец. экспедиция ; [редкол.: К.И. Красильников, А.Ф. Горелик, С.Н. Санжаров и др.]. – Луганск, 1990. – С.57–59.

Гершкович, 1993. – Гершкович Я.П. Сабатиновская культура Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Приазовья : автореф. дис. ... канд. іст. наук : спец. 07.00.04 «Археология» / Я.П. Гершкович ; Ин-т археологии НАН Украины. – К., 1993. – 15 с.

Гершкович, 1995. – Гершкович Я.П. О характере заселения Среднего Подонцовья в эпоху поздней бронзы / Я.П. Гершкович // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона : материалы укр.-рос. полевого археологического семинара, (с. Капитаново, 13–14 июля 1995 г.) / НАН Украины, Ин-т археол. ; Центр.-Донец. археол. экспедиция ; Воронеж. гос. ун-т ; [отв. ред. В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхин]. – Луганск, 1995. – С.37–38.

Гершкович, 1997. – Гершкович Я.П. Происхождение и эволюция сабастиновского керамического комплекса / Я.П. Гершкович // Археологический альманах : сб. науч. ст. / НАН Украины, Ин-т археол. ; Упр. культуры Донец. облгосадминистр. ; Донец. ОКМ ; Краматор. эконом.-гуманит. ин-т, Донец. областная орг. УООПИК ; [редкол. : А.В. Колесник (гл. ред.) и др.]. – Донецк : ООО «Китис», 1997. – № 6. – С.125–144.

Гершкович, 1998. – Гершкович Я.П. Этнокультурные связи в эпоху бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье) / Я.П. Гершкович // Археологический альманах : сб. науч. ст. / НАН Украины, Ин-т археол. ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Краматор. эконом.-гуманит. ин-т ; Донец. областная орг. УООПИК ; [редкол. : А.В. Колесник (гл. ред.) и др.]. – Донецк : ООО «Китис», 1998. – № 7. – С.61–92.

Гершкович, 2002. – Гершкович Я.П. Новокиївське поселення / Я.П. Гершкович // Археологічна збірка Херсонської обласної інспекції охорони пам'яток / Херсон. обласна інспекція по охороні пам'яток історії та культури, відділ археології ; [відп. ред. М.П. Оленковський]. – Херсон, 2002. – № 2. – С.83–87.

Гершкович, 2002а. – Гершкович Я.П. Парадоксы в историографии сабастиновской культуры / Я.П. Гершкович // Stratum plus. – 2001–2002. – № 2. – С.598–607.

Гершкович, 2003. – Гершкович Я.П. Взаємодії населення степу та лісостепу України за доби пізньої бронзи / Я.П. Гершкович // Археологія. – 2003. – № 3. – С.32–40.

Гершкович, 2004. – Гершкович Я.П. Феномен зольников белогрудовского типа / Я.П. Гершкович // РА. – 2004. – № 4. – С.104–113.

Гершкович, 2005. – Гершкович Я.П. Спеціалізовані виробничі ділянки та металообробка Суботівського городища / Я.П. Гершкович // Проблеми гірничої археології : матеріали II-го міжнар. Картамиського польового археол. семінару, (с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл., 21–25 липня 2003 р.) / ІА НАН України ; Донбас. держ. техн. ун-т ; Вороніз. держ. ун-т ; за загальною ред. П.П. Толочко, В.М. Дорофєєва. – Алчевськ : Вид-во ДонбасДТУ, 2005. – С.74–76.

Гершкович, 2005а. – Гершкович Я.П. Центральноазиатский компонент на юге восточной Европы в заключительный период позднего бронзового века / Я.П. Гершкович // Вестник Международного института Центральноазиатских исследований. – 2005. – Вып. 2. – С.21–27.

Гершкович, 2007. – Гершкович Я.П. Суботовское городище в свете новых исследований / Я.П. Гершкович // Ранній залізний вік Євразії : до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна : тез. доп. міжнар. наук. конф., (16–19 травня 2007 р.) / ІА НАН України, Нац. іст.-культ. заповідник «Чигирин» ; [редкол.: С.А. Скорий (відп. ред.) та ін.]. – К. ; Чигирин, 2007. – С.58–60.

Гершкович, 2009. – Гершкович Я.П. Днепровокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья / Я.П. Гершкович // Stratum plus. – 2005–2009. – № 2. – С.578–590.

Гершкович, Антипина, Лебедева и др., 2005. – Гершкович Я.П. Комплексные исследования поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Северского Донца / Я.П. Гершкович, Е.Е. Антипина, Е.Ю. Лебедева, В.Б. Панковский, А.Н. Усачук, Д.А. Шевченко // АДУ 2003–2004 років : зб. наук. праць / ІА НАН України ; [редкол.: Н.О. Гаврилук (гол. ред.) та ін.]. – Запоріжжя : Дике поле, 2005. – С.95–99.

Гершкович, Журавлев, 1999. – Гершкович Я.П. Животноводство населения Сабатиновской культуры Нижнего Поднепровья (по материалам Новокиевского поселения) / Я.П. Гершкович, О.П. Журавлев // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму : зб. наук. праць / Запоріз. держ. ун-т ; Запоріз. ОКМ ; [редкол. : П.П. Толочко (гол. ред.) та ін.]. – Запоріжжя : Вид-во ЗДУ, 1999. – Т.VII. – С.49–75.

Гершкович, Клочко В.И., 1987. – Гершкович Я.П. Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Завадовской литейной

мастерской) / Я.П. Гершкович, В.И. Клочко // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. И.И. Артеменко]. – К. : Наук. думка, 1987. – С.104–114.

Гершкович, Клочко В.И., Евдокимов Г.Л., 1987. – Гершкович Я.П. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабастиновских памятников Поднепровья / Я.П. Гершкович, В.И. Клочко, Г.Л. Евдокимов // СА. – 1987. – № 2. – С.142–158.

Гетманский, 1986. – Гетманский С.А. К вопросу о реконструкции срубных жилищ (постройки 7 и 42 Мосоловского поселения) / С.А. Гетьманский // Археологические памятники эпохи бронзы Лесостепи : межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол.: А.Д. Пряхин (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1986. – С.104–112.

Гольмстен, 1928. – Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губ. / В.В. Гольмстен // Труды секции археологии / Российская ассоциация НИИ обществ. Наук ; Ин-т археол. и искусствоведения. – М., 1928. – Т.IV. – С.125–137.

Гончарова, 1996. – Гончарова Ю.В. К вопросу о классификации дисковидных псалий с шипами эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы / Ю.В. Гончарова // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга : Археологические изыскания / РАН, ИИМК ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 1996. – Вып.34. – С.36–43.

Горбенко, 2007. – Горбенко К.В. Исследование поселения «Дикий сад» в 2006 г. / К.В. Горбенко // АДУ 2005–2007 років : зб. наук. пр. / ІА НАН України ; [редкол. : Н.О. Гаврилюк (гол. ред.) та ін.]. – К. ; Запоріжжя : ІА НАН України ; Дике поле, 2007. – С.139–144.

Горбенко, 2008. – Горбенко К.В. Археологічні дослідження степового городища доби фінальної бронзи «Дикий сад» / К.В. Горбенко // Краткие сообщения Одес. археол. об-ва / НАН України, ОАМ ; Одес. археол. об-во ; [отв. ред. С.Б. Охотников, В.Г. Петренко]. – О. : «Печатный дом», «Фаворит», 2008. – С.85–90.

Горбенко, 2008а. – Горбенко К.В. Раскопки укрепленного поселения Дикий сад эпохи поздней бронзы в 2007 г. / К.В. Горбенко // АДУ 2008 року : зб. наук. пр. / ІА

НАН України ; [редкол. : Д.Н. Козак (гол. ред.) та ін.]. – К. : ВД „Академперіодика”; ІА НАН України, 2008. – С.26–30.

Горбенко, Гребенников, Смирнов А.И., 2009. – Горбенко К.В. Степная Троя Николаевщины: Очерк / К.В. Горбенко, Ю.С. Гребенников, А.И. Смирнов. – Николаев : Изд-во Ирины Гудым, 2009. – 32 с.

Горбов, 1988. – Горбов В.Н. Исследования поселения бронзового века в Приазовье / В.Н. Горбов // АО 1986 года. – М. : Наука, 1988. – С.269–270.

Горбов, 1990. – Горбов В.Н. Новый тип памятников позднего бронзового века в Северо-Западном Приазовье / В.Н. Горбов // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца : тез. докл. науч.-практ. конф., (Луганск, ноябрь 1990 г.) / Луган. упр. культуры ; ОКМ ; Областная орг. УООПИК ; НПК «Археолог» при АН УССР, Ин-т археол. ; Центр.-Донец. экспедиция ; [редкол.: К.И. Красильников, А.Ф. Горелик, С.Н. Санжаров и др.]. – Луганск, 1990. – С.59–61.

Горбов, 1991. – Горбов В.Н. Некоторые итоги исследования срубных памятников в Северо-Восточном Приазовье / В.Н. Горбов // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.–V в. н. э.): материалы междунар. конф., (Кишинев, 10–14 декабря 1990 г.) / АН ССРМ, Центр новостроечных археол. исследований АН УССР ; Республ. ассоциация молодых ученых и специалистов ; [редкол.: Е.В. Яровой (отв. ред.) и др.]. – К., 1991. – С.121–122.

Горбов, 1993. – Горбов В.Н. Поселенческие комплексы Приазовья в системе синхронизации западного и восточного кругов культур валиковой керамики / В.Н. Горбов // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: тез. докл. науч. конф. / РАН, ИИМК ; [отв. ред. В.М. Массон, В.С. Бочкарев]. – СПб, 1993. – С.90–93.

Горбов, 1994. – Горбов В.Н. О верхней границе существования срубной культуры в Приазовье / В.Н. Горбов // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений, (Саратов, октябрь 1994 г.) / ИИМК РАН ; Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1994. – С.70–74.

Горбов, 1995. – Горбов В.Н. К проблеме атрибуции поселения на Белозерском лимане / В.Н. Горбов // Конвергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы : материалы конф. и дискуссии, (Саратов, 21–25 августа 1995 г.) : в 2-х ч. Ч.2. / ИИМК РАН, Саратов. гос. ун-т ; [редкол.: В.С. Бочкарев (отв. ред.) и др.]. – СПб, 1995. – С.52–72.

Горбов, 1995а. – Горбов В.Н. Сабатиновская культура: возвращаясь к культурным индикаторам / В.Н. Горбов // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы : материалы конф. (Саратов, 21–25 августа 1995 г.) / ИИМК РАН ; Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : В.С. Бочкарев (отв. ред.) и др.]. – СПб, 1995. – Вып.25. – С.87–90.

Горбов, 1996. – Горбов В.Н. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий / В.Н. Горбов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): материалы междунар. конф. : в 2-х ч. Ч.2. / Донец. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАН Украины ; НАН Украины, Ин-т археол. ; ИИМК РАН ; Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.13–21.

Горбов, 1997. – Горбов В.Н. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века / В.Н. Горбов // Археологический альманах : сб. науч. ст. / НАН Украины, Ин-т археол. ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Краматор. экон.-гуманит. ин-т ; Донец. областная орг. УООПИК ; [редкол. : А.В. Колесник (гл. ред.) и др.]. – Донецк : ООО «Китис», 1997. – № 6. – С.145–161.

Горбов, 2004. – Горбов В.Н. «Атлет» бронзового века / В.Н. Горбов // Медицина в художніх образах. – Донецьк : Норд-прес, 2004. – Вип.3. – С.28–31.

Горбов, Кабанова, 2011. – Горбов В.Н. Дослідження поселення бронзового віку Комишувата XIV у Південно-Східному Приазов'ї / В.Н. Горбов, Є.В. Кабанова // АДУ 2010 року : зб. наук. пр. / ІА НАН України ; [редкол. : Д.Н. Козак (гол. ред.) та ін.]. – К. ; Полтава : ІА НАН України, 2011. – С.83.

Горбов, Кабанова, Усачук и др., 1999. – Горбов В.Н. Валик на керамике позднего бронзового века: поиск назначения / В.Н. Горбов, Е.В. Кабанова, А.Н. Усачук, И.А. Чубатенко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) III Граковские чтения : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; Москов. гос. ун-т ; НАН Украины, Ин-т археол. ; Запорож. ОКМ ; Упр. культуры Запорож. облгосадмин. ; Запорож. науч. об-во им. Я. Новицкого ; Центр охраны и исследований памятников археологии Упр. культуры Полтав. облгосадмин. ; [редкол. : П.П. Толочко (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1999. – С.71–78.

Горбов, Литвиненко, 1998. – Горбов В.Н. К вопросу о населении бассейна р. Ворскла в конце бронзового века / В.Н. Горбов, Р.А. Литвиненко // Проблеми археології Подніпров'я : зб. наук. пр. / Дніпропетр. держ. ун-т ; [редкол. : І.Ф. Ковальова (відп. ред.) та ін.]. – Д. : Вид-во ДДУ, 1998. – С.69–79.

Горбов, Мимоход, 1999. – Горбов В.Н. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья : сб. науч. тр. / НАН Украины, Ин-т археол. ; Донец. Гл. упр. образования ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донбассгражданпроект ; Донец. Об-во любителей старины ; Союз казачьих орг. Украины ; Донец. Центр «Українські студії» ; [редкол. : А.Д. Пряхин (науч. ред.), А.Н. Усачук (отв. ред.) и др.]. – Донецк : Укр. культуролог. центр, 1999. – С.24–69.

Горбов, Подобед, 1996. – Горбов В.Н. О хронологической позиции памятников камышеватского типа / В.Н. Горбов, В.А. Подобед // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): материалы междунар. конф. : в 2-х ч. Ч.2. / Донец. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАН Украины ; НАН Украины, Ин-т археол. ; ИИМК РАН ; Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.96–99.

Горбов, Привалова, 1989. – Горбов В.Н. Поселения срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / Горбов В.Н., Привалова О.Я. // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе : тез. докл. областной науч.-практ.

семинара (Донецк, 19–21 апреля 1989 г.) / Донец. областное отделение Укр. фонда культуры ; Донец. областная орг. УООПИК ; Донец. областное отделение Укр. фонда культуры ; Донец. областное упр. культуры ; Донец. областная орг. УООПИК ; Донец. ОКМ ; Донец. областная станция юных туристов ; [редкол. : А.В. Колесник, С.М. Дегерменджи, О.Р. Дубовская, М.Л. Швецов]. – Донецк, 1989. – С. 35–38.

Горбов, Усачук, 1990. – Горбов В.Н. Бондарихинское поселение на Северском Донце / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини : тез. доп. третього областного наук.-практ. семінару, (Полтава, квітень 1990 р.) / Полтав. КМ ; УТОПІК ; Полтав. обласна орг. ; Лубен. КМ ; [редкол. : Г.П. Білоус (відп. ред.) та ін.]. – Полтава, 1990. – С.120–122.

Горбов, Усачук, 1993. – Горбов В.Н. О некоторых орудиях гончарного производства в эпоху бронзы / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического об-ва / Одес. археол. об-во ; ОАМ АН Украины ; [редкол. : С.Б. Охотников (отв. ред.) и др.]. – О. : Гортипогр. Одес. упр. по печати, 1993. – С.38–41.

Горбов, Усачук, 2000. – Горбов В.Н. Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-II / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий : сб. науч. тр. / НАН Украины, Ин-т археол. ; Донец. областное Об-во любителей древностей ; Упр. по делам архитектуры и строительства при Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Донец. Главное Упр. образования ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.Н. Усачук (отв. ред.) и др. ; В.Н. Горбов (рук. проекта)]. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000.– С.97–100.

Горбов, Усачук, 2001. – Горбов В.Н. Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // Донецкий археологический сборник / Донец. нац. ун-т ; [гл. ред. П.В. Добров]. – Донецк, 2001. – Вып.9. – С.15–45.

Горбов, Усачук, 2001а. – Горбов В.Н. Раннесрубно-многоваликовый горизонт поселения Раздольное в Приазовье / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // Археологический

альманах : сб. науч. ст. / НАН Украины, Ин-т археол. ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Royal Museums of Art and History, Brussels ; Моск. гос. ун-т ; Краматор. экон.-гуманит. ин-т ; Гл. упр. образования и науки при Донец. облгосадмин. ; [редкол. : А.В. Колесник (гл. ред.) и др.]. – Донецк : ООО «Лебедь», 2001. – № 10. – С.155–196.

Горбунов, 1986. – Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья : учеб. пособ. к спецкурсу / В.С. Горбунов ; Башкир. гос. пед. ин-т. – Уфа : Изд-во БашГПИ, 1986. – 95 с.

Горбунов, 1989. – Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье : учеб. пособ. по спецкурсу / В.С. Горбунов ; Куйбышев. гос. пед. ин-т ; Башкир. гос. пед. ин-т ; [отв. ред. Н.Я. Мерперт]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышГПИ, 1989. – 135 с.

Горгунг, 1986. – Горнунг В.В. Из предистории образования общеславянского языкового единства / В.В. Горгунг ; АН СССР, Отделение литературы и языка, Советский комитет славистов. V междунар. съезд славистов, (София, сентябрь 1963 г.). – М. : Изд-во АН СССР, 1986. – 144 с.

Городцов, 1905. – Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. 1901 / В.А. Городцов // Тр. XII АС. – М., 1905. – Т. I. – С.174–225.

Городцов, 1907. – Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. 1903 / В.А. Городцов // Тр. XII АС. – М., 1907. – Т. III. – С.211–365.

Городцов, 1910. – Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте / В.А. Городцов. – М. : Изд-во Моск. Археол. Ин-та, 1910. – 474 с.

Городцов, 1927. – Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР / В.А. Городцов // Большая советская энциклопедия : в 62 т. ; под общ. ред. Н.И. Бухарина, В.В. Куйбышева, М.П. Покровского и др.; [гл. ред. О.Ю. Шмидт]. – 1-е изд. – Т. 7: Больница–Буковина. – М.: АО «Советская энциклопедия», 1927. – С.610–626.

Городцов, 1928. – Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре / В.А. Городцов // Труды секции археологии / Рос. ассоциация НИИ обществ. наук ; Ин-т археол. и искусствоведения. – М., 1928. – Т. II. – С. 46–60.

Гошко, 2007. – Гошко Т.Ю. Гордіївські шпильки / Т.Ю. Гошко // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Від неоліту до киммерійців : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; ІА НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.]. – Луганськ : Вид-во СНУ ім. В.Даля, 2007. – Вип. 7. – С. 248–253.

Гошко, 2011. – Гошко Т.Ю. Металеві вироби з Гордіївки / Т.Ю. Гошко // Гордіївський могильник / Упр. культури і туризму Вінниц. облдержадмін. ; Вінниц. ОКМ ; НДЦ «Рятівна археологічна служба» ; ІА НАН України ; за ред. В.І. Клочко. – Вінниця : ТОВ «Вістка», 2011. – С. 151–236.

Граков, 1971. – Граков Б.Н. Скифы. Научно-популярный очерк / Б.Н. Граков ; Моск. гос. ун-т ; под ред. В.Л. Янина. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 170 с.

Граков, 1977. – Граков Б.Н. Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы) / Б.Н. Граков ; Моск. гос. ун-т ; под ред. В.Л. Янина. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – 232 с.

Граков, Тереножкин, 1958. – Граков Б.Н. Субботовское городище (раскопки 1955 г.) / Б.Н. Граков, А.И. Тереножкин // СА. – 1958. – № 2. – С. 164–178.

Гребенников, 1994. – Гребенников Ю.С. Культовое помещение на поселении «Дикий сад» / Ю.С. Гребенников // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одес. археол. об-ва; [отв. ред. С.Б. Охотников]. – О. : Гортипогр. Одес. упр. по печати, 1994. – С. 26–29.

Грязнов, 1953. – Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичев на Дону: (Из работ в зоне строительства Волго-Донского канала) / М.П. Грязнов // КСИИМК. – 1953. – Вып. L. – С. 137–148.

Грязнов, 1965. – Грязнов М.П. О кельтеминарском доме / М.П. Грязнов // Новое в советской археологии / АН СССР, Ин-т археол. ; [редкол. : Е.И. Крупнов (отв. ред.) и др.]. – МИА. – 1965. – № 130. – С. 99–103.

Гусева, 1977. – Гусева Н.Р. Индуизм. История формирования. Культовая практика / Н.Р. Гусева. – М. : Гл. ред. вост. л-ры, 1977. – 327 с.

Давня історія України, 1997. – Давня історія України : в 3 т. Т.1. : Первісне суспільство / С.С. Березанська, В.М. Гладилін, М.І. Гладких, Н.С. Котова, В.О. Круц, С.І. Круц, В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамакін, В.Н. Станко, П.П. Толочко; НАН України, ІА ; [редкол. тому : В.Н. Станко (відп. ред.) та ін.]. – К. : Наук. думка, 1997. – 558 с.

Даль, 1989, т. I. – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Факсимильное изд.] : в 4-х т. Т.I / В.И. Даль. – М. : Изд-во «Русский язык», 1989. – 698 с.

Даль, 1991, т. IV. – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Факсимильное изд.] : в 4-х т. Т.IV / В.И. Даль. – М. : Изд-во «Русский язык», 1991. – 683 с.

Даниленко В.М., 1956. – Даниленко В.М. Дослідження пам'яток підгорцевського та бобрицького типів / В.М. Даниленко // АП УРСР. – Т.VI. – 1956. – С.5–17.

Даниленко В.Н., 1974. – Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование / В.М. Даниленко ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. О.Г. Шапошникова]. – К. : Наук. думка, 1974. – 176 с.

Даниленко Т.А., 1985. – Даниленко Т.А. Костяной инвентарь поселения Ботай / Т.А. Даниленко // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья : межвуз. сб. науч. тр. / Башкир. гос. ун-т ; [редкол. : С.Я. Зданович (отв. ред.) и др.]. – Челябинск : Изд-е Башкир. ун-та (подготовил Челябин. ун-т), 1985. – С.34–47.

Дараган, 2010. – Дараган М.Н. Геоинформационный анализ трансформации поселенческих структур в начале раннего железного века в Среднем Поднепровье: состояние проблемы и перспективы исследования / М.Н. Дараган // Археология и геофизика / Ин-т археол. РАН. – М., 2010. – С.85–113.

Дараган, Кашуба, Разумов, 2010. – Дараган М. Геоинформационный анализ чернолесской фортификации (10–9 вв. до н. э., Правобережье Среднего Днестра): Поиск объяснительной модели / М. Дараган, М. Кашуба, С. Разумов // Revista arheologică / Academia de ştiinţe a Moldovei, Institutul patrimoniului cultural, Centrul de arheologie. Serie nouă. – Chişinău, 2010. – vol.V. – nr.2. – P.91–128.

Дворниченко, 1969. – Дворниченко В.В. Памятник эпохи поздней бронзы – Обиточная-20 / В.В. Дворниченко // КСИА АН СССР. – 1969. – Вып.115. – С.98–102.

Дворниченко, 1990. – Дворниченко В.В. К вопросу о происхождении стрел «новочеркасского» типа (по материалам коллекции П.Д. Дубягина из Волго-Уральской пустыни) / В.В. Дворниченко // Проблемы скифо-сарматской археологии / АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. А.И. Мелюкова]. – М. : Наука, 1990. – С.48–50.

Дебец, 1948. – Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / Г.Ф. Дебец // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – М. ; Л. – 1948. – Т.4. – 392 с.

Дегерменджи, Татаринов, Ковалева Л.Г. и др., 1977. – Дегерменджи С.М. Исследования памятников неолита и бронзы на р. Донец / С.М. Дегерменджи, С.И. Татаринов, Л.Г. Ковалева, В.И. Волошко // АО 1976 года. – М. : Наука, 1977. – С.288–289.

Демченко, 1968. – Демченко М.А. Харьковская лесостепная область юго-западных отрогов Среднерусской возвышенности / М.А. Демченко // Физико-географическое районирование Украинской ССР / Киев. гос. ун-т ; под ред. В.П. Попова, А.М. Маринича, А.И. Ланько. – К. : Изд-во КГУ, 1968. – С. 348–353.

Дергачев, 1973. – Дергачев В.А. Памятники эпохи бронзы / В.А. Дергачев // Археологическая карта Молдавской ССР / Akad. Nauk Mold. SSR, In-t istorii; [Red. Kol.: P.P. Vîrnâ, N.A. Ketraru]. – Кишинев : Штиинца, 1973. – Вып.3. – 126 с.

Дергачев, 1982. – Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975–1976 гг.) / В.А. Дергачев; АН Молдав. ССР, Отдел этнографии и искусствоведения ; [отв. ред. С.С. Березанская]. – Кишинев : Штиинца, 1982. – 139 с.

Дергачев, 1986. – Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Анализ и характеристика культурных групп) / В.А. Дергачев ; АН Молдав. ССР, Отдел этнографии и искусствоведения ; под ред. А.И. Мелюковой. – Кишинев : Штиинца, 1986. – 222 с.

Дергачев, 1991. – Дергачев В.А. О понятии «контактная зона» / В.А. Дергачев // Археологические культуры и культурная трансформация: материалы метод. семинара ЛОИА АН СССР / Ин-т археол. АН СССР, Ленинград. отделение; [отв.

ред. В.М. Массон, В.Н. Боряз, М.В. Аникович]. – Л., 1991. – Археологические изыскания. – № 1. – С.76–82.

Дергачев, 1997. – Дергачев В.А. Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато–Данубио–Нордионтийского региона / В.А. Дергачев. – Кишинэу : Типогр. АН, 1997. – 104 с.

Дергачев, 2010. – Дергачев В.А. Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья / В.А. Дергачев ; АН Республики Молдова, Ин-т культурного наследия. Вып. 1 : Одноушковые кельты с арковидными фасками ; [отв. ред. М.Т. Кашуба]. – Кишинэу: Типогр. АН, 1997. – 104 с.

Дергачев, Бочкарев, 2002. – Дергачев В.А. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы / В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев ; Высшая антропол. шк.; Ин-т Археол. и Этнографии АН Республики Молдова ; [отв. ред. В.М. Массон]. – Кишинев : Высш. Антропол. Шк., 2002, (Типогр. «Biznes-Elita»). – 348 р.

Добровольский, 1950. – Добровольський А.В. Талькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини / А.В. Добровольський // Археологія. – 1950. – Т.4. – С.163–170.

Докучаев, 1953. – Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь / В.В. Докучаев. – М. : Изд-во Сельскохозяй. л-ры, 1953. – 151 с.

Дремов, 1992. – Дремов И.И. Вишневое – поселение покровского времени в Саратове / И.И. Дремов // Археология восточноевропейской степи: сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1992 – Вып.3. – С.74–86.

Дремов, 2000. – Дремов И.И. Эволюция религиозных представлений древних индоевропейцев Поволжья / И.И. Дремов // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии : материалы междунар.й науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына (1900–1972), (Саратов–Энгельс, 14–18 мая 2000 г.) / Саратов. гос. ун-т, Саратов. областной музей краевед., Энгельс. КМ. – Саратов, 2000. – С.121–125.

Дровосекова, 2002. – Дровосекова О.В. Материалы эпохи энеолита и бронзового века из с. Капуловка Днепропетровской области / О.В. Дровосекова // Старо-

житності Степового Причорномор'я і Криму : зб. наук. пр. / Запоріж. держ. ун-т; Запоріж. ОКМ ; [редкол. : П.П. Толочко (гол. ред.) та ін.]. – Запоріжжя : Вид-во ЗДУ, 2002. – Т.Х. – С.131–154.

Дубинец, 1996. – Дубинец О.В. К вопросу о выделении хронологических горизонтов на поселении Ильичевка / О.В. Дубинец // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век) : Материалы международной конф. : в 2-х ч. Ч.2 / Донец. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАН Украины; Ин-т археол. НАН Украины ; ИИМК РАН ; Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.53–58.

Дубинець, 2003. – Дубинець О.В. Комплекси заключного періоду доби бронзи поселення Іллічівка на Сіверському Дінці / О.В. Дубинець // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т; ІА НАН України ; [відп. ред. С.М. Санжаров]. – Луганськ : Вид-во СНУ, 2003. – Вып.1. – С.278–288.

Дубовская, 1978. – Дубовская О.Р. Поселение эпохи поздней бронзы близ села Провалье / О.Р. Дубовская // Древние культуры Поволжья и Приуралья : науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол. : С.Г. Басин, И.Б. Впасилев, Н.КА. Качалова и др.]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышПИ, 1978. – Т.221. – С.94–96.

Дубовская, 1993. – Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черноголовской культуры / О.Р. Дубовская // Археологический альманах : сб. науч. ст. / НАН Украины, Ин-т археол. ; Донец. областное упр. культуры ; Донец. ОКМ ; [редкол. : А.В. Колесник (гл. ред.) и др.]. – 1993. – № 2. – С.137–160.

Дьяченко, 1992. – Дьяченко А.Н. Поселение Ерзовка I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья / А.Н. Дьяченко // Археология Восточно-Европейской степи : сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1992. – Вып.3. – С.115–126.

Дьяченко, 1993. – Дьяченко А.Н. Новый памятник энеолита и бронзы в Нижнем Поволжье / А.Н. Дьяченко // Археология Доно-Волжского бассейна :

межвуз. сб. науч. работ / Воронеж. гос. пед. ин-т ; [редкол. : А.Т. Синюк (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорПИ, 1993. – С.19–29.

Евдокимов В.В., 1982. – Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай / В.В. Евдокимов // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана : сб. науч. тр. / Караганд. гос. ун-т; [редкол.: В.В. Евдокимов (отв. ред.) и др.]. – Караганда : Изд-во КарГУ, 1982. – С.3–20.

Евдокимов В.В., Варфаламеев, 2002. – Евдокимов В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана : учеб. пособие / В.В. Евдокимов, В.В. Варфоломеев ; Караганд. гос. ун-т; [отв. ред. В.Г. Ломан]. – Караганда : Изд-во КарГУ, 2002. – 138 с.

Евдокимов В.В., Ломан, 1982. – Евдокимов В.В. Поселение Копы I / В.В. Евдокимов, В.Г. Ломан // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана : сб. науч. тр. / Караганд. гос. ун-т ; [редкол. : В.В. Евдокимов (отв. ред.) и др.]. – Караганда : Изд-во КарГУ, 1982. – С.20–41.

Евдокимов Г.Л., 1987. – Евдокимов Г.Л. Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка / Г.Л. Евдокимов // Древнейшие скотоводы степей юга Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : О.Г. Шапошникова (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1987. – С.107–126.

Евдокимов Г.Л., 1999. – Евдокимов Г.Л. Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника / Г.Л. Евдокимов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) III Граковские чтения : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т; Моск. гос. ун-т ; НАН Украины, Ин-т археол. ; Запорож. ОКМ ; Упр. культуры Запорож. облгосадмин. ; Запорож. науч. об-во им. Я. Новицкого ; Центр охраны и исследований памятников археологии Упр. культуры Полтав. облгосадмин. ; [редкол. : П.П. Толочко (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1999. – С.99–103.

Евдокимов Г.Л., Рассемакин, 1988. – Евдокимов Г.Л. Два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины / Г.Л. Евдокимов, Ю.Я. Рассемакин // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины : сб. науч. ст. /

АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : О.Г. Шапошникова (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1988. – С.79–92.

Екимов, 1986. – Екимов Ю.Г. Памятники киммерийского времени в лесостепном Подонье / Ю.Г. Екимов // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской Лесостепи : межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол. : А.Д. Пряхин (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1986. – С.124–133.

Екимов, 1992. – Екимов Ю.Г. Поселение поздняяковской культуры под Тулой / Ю.Г. Екимов // Археологические памятники Среднего Поочья : сб. науч. тр. / М-во культуры РФ ; Комитет по вопросам культуры и искусств администрации Рязан. обл. ; Научно-производ. центр по охране и использованию памятников истории и культуры ; [редкол. : В.П. Челепов (отв. ред.) и др.]. – Рязань, 1992. – С.62–75.

Екимов, Беседин, 1980. – Екимов Ю.Г. К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в Лесостепном Подонье / Ю.Г. Екимов, В.И. Беседин // Археология Восточноевропейской лесостепи : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т; [редкол. : А.Д. Пряхин (науч. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1980. – С.79–94.

Елизаренкова, 1989. – Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры (Приложение) / Т.Я. Елизаренкова // Ригведа. Мандалы I–IV / [отв. ред. П.А. Гринцер, изд. подготовлено Т.Я. Елизаренковой]. – М. : Наука, 1989. – С. 426–543.

Елисеев, 1994. – Елисеев В.Ф. О двух планировочных принципах в каменном домостроительстве эпохи поздней бронзы степного Побужья / В.Ф. Елисеев // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э.–V в. н. э. : материалы Междунар. археол. конф. (10–14 октября 1994 г.) / Приднестр. гос.-корпорат. ун-т им. Т.Г. Шевченко ; [редкол. : Е.В. Яровой (отв. ред) и др.]. – Тирасполь, 1994. – С.128–129.

Елисеев, 1997. – Елисеев В.Ф. Некоторые вопросы домостроительства эпохи поздней бронзы в степном Побужье / В.Ф. Елисеев // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху бронзы : тез. докл. I-го Всесоюзного полевого семинара 10–18 сентября 1990 г. (К.–Николаев–Южноукраинск) / НАН Украины, Ин-т археол. ; Днепропетр. гос. ун-т ; Производ. Объедине-

ние «Южноукраинская атомная электростанция» ; [составитель и ред. В.Н. Ключинцев]. – Херсон : «Борисфен-Полиграфсервис», 1997. – С.42–43.

Елисеев, Ключинцев, 1997. – Елисеев В.Ф. О роли окружающей среды в домостроительстве позднего периода эпохи бронзы в Северном Причерноморье / В.Ф. Елисеев, В.Н. Ключинцев // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху бронзы : тез. докл. I-го Всесоюзного полевого семинара 10–18 сентября 1990 г. (К.–Николаев–Южноукраинск) / НАН Украины, Ин-т археол. ; Днепрпетр. гос. ун-т ; Производ. объединение «Южноукраинская атомная электростанция» ; [составитель и ред. В.Н. Ключинцев]. – Херсон : «Борисфен-Полиграфсервис», 1997. – С.91–93.

Журавлев, 2001. – Журавлев О.П. Osteологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья / О.П. Журавлев ; НАН Украины, Ин-т археол. – К. : ВД «Академпереодіка», 2001. – 200 с.

Журавлев, 2013. – Журавлев О.П. Osteологические материалы из поселения эпохи бронзы Среднего Присамарья / О.П. Журавлев // Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) ; Днепрпетр. нац. ун-т ; НАН Украины, Ин-т археол. ; [науч. ред. Я.П. Гершкович]. – К.: Видавничий Дім «Скіф», 2013. – С.301–347.

Заставный, 1994. – Заставный Ф.Д. Географія України : навч. посіб. у 2-х кн. Кн.2 / Ф.Д. Заставный ; [ред. М.П. Парцей]. – Львів. : Вид-во «Світ», 1994. – 471 с.

Зах, 1995. – Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе / В.А. Зах ; РАН, Сибир. отделение, Ин-т проблем освоения севера ; [отв. ред. А.В. Матвеев]. – Новосибирск : Наука, Сибир. изд. ф-ма РАН, 1995. – 96 с.

Захарова, 1994. – Захарова Е.Ю. Этническая принадлежность населения срубной культурно-исторической общности (изучение проблемы в отечественной археологии) / Е.Ю. Захарова // Срубная культурно-историческая область : материалы III Рыковских чтений, (Саратов, октябрь 1994 г.) / ИИМК РАН ; Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1994. – С.19–23.

Зданович Г.Б., 1988. – Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей / Г.Б. Зданович ; Урал. ун-т ; [науч. ред. М.Ф. Косарев]. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. – 182 с.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 2002. – Зданович Г.Б. «Страна городов» Южного Зауралья и некоторые аспекты освоения степей в эпоху бронзы / Г.Б. Зданович, Д.Г. Зданович // *Stratum plus*. 2001–2002. – № 2. – С. 486–502.

Зеленин, 1991. – Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1991. – 511 с.

Золотун, 1974. – Золотун В.П. Развитие почв юга Украины за последние 50–45 веков : автореф. дис. ... докт. сельскохоз. наук / В.П. Золотун; АН УССР. – К., 1974. – 74 с.

Иваницкий, 2005. – Иваницкий В.Р. Срубные черты на бондарихинской керамике поселения Клешня Первая-1 / В.Р. Иваницкий // *Матеріали та дослідження з археології Східної України : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; ІА НАН України; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.].* – Луганськ : Вид-во СНУ, 2005. – Вып.4. – С.274–278.

Иваницкий, 2010. – Иваницкий В.Р. Предварительные результаты исследования многослойного поселения Борькин ручей / В.Р. Иваницкий // *Материалы и исследования по археологии Восточной Украины : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т; ІА НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.].* – Луганськ : Вид-во СНУ, 2010. – Вып.10. – С.200–212.

Иванов В.В., 2003. – Иванов В.В. Хеттская мифология / В.В. Иванов // *Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т.1: А-К ; [редкол. : С.А. Токарев (гл. ред.) и др.].* – 2-е изд. – М. : «Советская энциклопедия», 2003. – С. 590–592.

Иванов И.В., 1985. – Иванов И.В. Изменения климата южной Украины в голоцене / И.В. Иванов // *Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепрпетр. гос. ун-т [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.].* – Д. : Изд-во ДГУ, 1985. – С.27–32.

Иванов И.В., 1989. – Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны как индикатор изменения климатических условий в голоцене / И.В. Иванов // *Палеоклиматы*

позднеледниковья и голоцена : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т географии ; [отв. ред. Н.А. Хотинский]. – М. : Наука, 1989. – С.68–75.

Иванов И.В., 1996. – Иванов И.В. Бронзовый век евразийских степей. Его место в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена и в историческом процессе / И.В. Иванов // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века : материалы Междунар. науч. конф., (Волгоград, 15–17 апреля 1996 г.) / Волгоград. гос. пед. ин-т ; ИИМК РАН; [науч. ред. А.В. Кияшко]. – Волгоград : Перемена, 1996. – С.90–97.

Иванов И.В., Васильев, 1995. – Иванов И.В. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене / И.В. Иванов, И.Б. Васильев ; Ин-т почвоведения и фотосинтеза РАН, Пущино ; Ин-т археологии и истории Поволжья, Самара ; Самар. гос. пед. ун-т ; [отв. ред. Н.Ф. Хабаров]. – М. : Изд-во ИНТЕЛЛЕКТ, 1995. – 264 с.

Иванова, 2004. – Иванова С.В. Сабатиновская культура – срубная культура, контакты на западе степного Причерноморья / С.В. Иванова // Археологические памятники Оренбуржья : сб. науч. ст. / Оренбург. гос. пед. ун-т ; [отв. ред. Н.Л. Моргунова]. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2004. – Вып. VI. – С.38–45.

Изотова, 1994. – Изотова М.А. Поселение Ивановка и его место в системе памятников эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья / М.А. Изотова // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья : тез. докл. междунар. конф., посвященной 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова : в 2-х ч. Ч.2 / Запорож. гос. ун-т; Моск. гос. ун-т ; Крым. филиал Ин-та археол. АН Украины ; Запорож. КМ ; ГИКЗ «Каменная Могила» ; [редкол. : Г.Н. Тощев (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1994. – С.67–69.

Изотова, 1994а. – Изотова М.А. Сравнительно-статистический анализ керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья / М.А. Изотова // Срубная культурно-историческая область : материалы III Рыковских чтений, (Саратов, октябрь 1994 г.) / ИИМК РАН ; Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1994. – С.75–79.

Изотова, 1997. – Изотова М.А. Культурные комплексы на поселениях поздней бронзы Нижнего Поволжья / М.А. Изотова // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей : материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), (г. Энгельс, Саратовской обл., 12–17 мая 1997 г.) / Энгельс. КМ ; Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Саратов. обл. ; Саратов. гос. ун-т ; [науч. ред. А.И. Юдин]. – Саратов : Изд-во СарГПИ, 1997. – С.91–93.

Изотова, 1999. – Изотова М.А. Особенности финала эпохи поздней бронзы степной и юга лесостепной зон Поволжья / М.А. Изотова // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) III Граковские чтения : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; Моск. гос. ун-т ; Ин-т археол. НАН Украины ; Запорож. ОКМ ; Упр. культуры Запорож. облгосадмин. ; Запорож. науч. об-во им. Я. Новицкого ; Центр охраны и исследований памятников археологии Упр. культуры Полтав. облгосадмин. ; [редкол. : П.П. Толочко (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1999. – С.115–116.

Изотова, 2001. – Изотова М.А. Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ивановка / М.А. Изотова // Нижневолжский археологический вестник / Волгоград. гос. ун-т, НИИ археол. Нижнего Поволжья ; [редкол. : А.С. Скрипкин (отв. ред.) и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. – Вып.4. – С.58–69.

Изотова, Малов, 1992. – Изотова М.А. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища / М.А. Изотова, Н.М. Малов // Археология Восточноевропейской степи : сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1992. – Вып.3. – С.96–115.

Изотова, Малов, Слонов, 1993. – Изотова М.А. Классификация форм керамики и периодизация поселений поздней бронзы Нижнего Поволжья / М.А. Изотова, Н.М. Малов, В.Н. Слонов // Археологические вести : сб. науч. ст. / Саратов. научно-технолог. центр «Волга» ; НПСТ «АРХАЙОС» ; [редкол. : А.Н. Захариков, А.Д. Матюхин, А.И. Юдин (отв. за вып.)]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1993. – Вып.1. – С.110–126.

Ильинская, 1960. – Ильинская В.А. Поселение комаровской культуры у с. Мошны / В.А. Ильинская // КСИА АН УССР. – 1960. – Вып.10. – С.48–58.

Ильинская, 1961. – Ильинская В.А. Бондарихинская культура бронзового века / В.А. Ильинская // СА. – 1961. – № 1. – С.26–45.

Іллінська, 1966. – Іллінська В.А. Про походження і етнічні зв'язки племен скіфської культури Посульсько-Донецького Лісостепу / В.А. Іллінська // Археологія. – 1966. – Т.ХХ. – С.58–92.

Ильинская, 1969. – Ильинская В.А. Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры / В.А. Ильинская // СА. – 1969. – № 2. – С.95–105.

Ильинская, 1975. – Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.) / В.А. Ильинская ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Г.Т. Ковпаненко]. – К. : Наук. думка, 1975. – 223 с.

Ильинская, 1977. – Ильинская В.А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном / В.А. Ильинская // Скифы и сарматы : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т археол. ; [редкол. : А.И. Тереножкин (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1977. – С.73–95.

Ильюков, 1979. – Ильюков Л.С. Курганы бронзового века на Миусском полуострове / Л.С. Ильюков // СА. – 1979. – № 1. – С.132–144.

Ильюков, 2000. – Ильюков Л.С. Каменные утюжки эпохи поздней бронзы / Л.С. Ильюков // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. / Азов. КМ ; [ред. совет : А.А. Горбенко (председатель), В.Я. Кияшко (науч. ред.) и др.]. – Азов, 2000. – Вып.16. – С. 237–240.

Ильюков, Флеров, 1980. – Ильюков Л.С. Поселения позднебронзового века в Северо-Восточном Приазовье / Л.С. Ильюков, В.С. Флеров // Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона : межвуз. сб. науч. тр. / Ростовский-на-Дону пед. ин-т ; [редкол. : К.Ф. Смирнов (отв. ред.)]. – Ростов-на-Дону : Изд-во РостПИ, 1980. – С.55–60.

Йеттмар, 1986. – Йеттмар К. Религии Гиндукуша / К. Йеттмар ; [отв. ред. А.Л. Грюнберг, пер. с нем. К.Д. Цивиной]. – М. : Гл. ред. восточ. л-ры изд-ва «Наука», 1986. – 524 с.

Калинин, Халиков, 1954. – Калинин И.Ф. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. / И.Ф. Калинин, А.Х. Халиков // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / АН СССР, ИИМК ; под ред. А.П. Смирнова. – МИА. – 1954. – № 42. – С.157–246.

Калмыков, Потапов, 2004. – Калмыков А.А. Погребение из могильника Золотаревка I и некоторые вопросы генезиса черногоровской культуры / А.А. Калмыков, В.В. Потапов // Старожитності степового Причорномор'я і Криму : зб. наук. пр. / Запоріж. держ. ун-т ; Запоріж. ОКМ ; [редкол. : П.П. Толочко (гол. ред.) та ін.]. – Запоріжжя, 2004. – Т.ХІ. – С.103–108.

Каравайко, 2007. – Каравайко Д.В. Юхнівська культура : автореф. дис. ... канд. іст. наук : спец. 07.00.04 «Археологія» / Д.В. Каравайко ; Ін-т археології НАН України. – К., 2007. – 20 с.

Качалова, 1974. – Качалова Н.К. Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры / Н.К. Качалова // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж; под ред. А.М. Микляев. – Л.: Изд-во «Аврора», 1974. – Вып.16. – С.5–18.

Качалова, 1976. – Качалова Н.К. Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья / Н.К. Качалова // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) : сб. науч. ст. / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол. : Е.И. Медведев, С.Г. Басин, Е.М. Кубарев, Г.И. Матвеева, И.Б. Васильев]. – Куйбышев, 1976. – С.58–61.

Качалова, 1977. – Качалова Н.К. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре / Н.К. Качалова // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж ; под ред. Б.Б. Пиотровского. – Л. : Изд-во «Аврора», 1977. – Вып.18. – С.23–28.

Качалова, 1978. – Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья / Н.К. Качалова // СА. – 1978. – № 3. – С.69–79.

Качалова, 1985. – Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья / Н.К. Качалова // Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации) : межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол. : С.Г. Басин (отв. ред.) и др.]. – Куйбышев : Типогр. им. В.П. Мяги, 1985. – С.28–59.

Качалова, 1989. – Качалова Н.К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья / Н.К. Качалова // СА. – 1989. – № 1. – С.33–47.

Качалова, 1996. – Качалова Н.К. Нурские памятники в системе древностей степей Евразии конца бронзового–начала раннежелезного века / Н.К. Качалова // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века : материалы междунар. науч. конф. (Волгоград, 15–17 апреля 1996 г.) / [науч. ред. А.В. Кияшко]. – Волгоград : Перемена, 1996. – С.52–56.

Качалова, Васильев, 1989. – Качалова Н.К. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья / Н.К. Качалова, И.Б. Васильев // СА. – 1989. – № 2. – С.212–224.

Кашуба, Гольцева, 1991. – Кашуба М.Т. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) / М.Т. Кашуба, Н.В. Гольцева // СА. – 1991. – № 1. – С.197–209.

Кеменцеи, 1993. – Кеменцеи Т. Культура полей погребальных урн / Т. Кеменцеи // Археология Венгрии. В 2 т. Т.2 : Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э.–I тысячелетие н. э. ; [отв. ред. С.В. Титов, И. Эрдели]. – М. : Наука, 1986. – С.52–71.

Кениг, 2010. – Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов) / А.В. Кениг ; Автономное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия» Ин-т археол. и этногр. Сибирского отделения РАН ; Сургутский гос. пед. ун-т ; [отв. ред. И.Г. Глушков]. – Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Изд-во АМБ, 2010. – 128 с.

Килейников, 1984. – Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения / В.В. Килейников // Эпоха бронзы Восточноевропейской лесостепи : межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол. : А.Д. Пряхин (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1984. – С.108–123.

Килейников, 1988. – Килейников В.В. Ремесло и домашнее производство у населения донской лесостепной срубной культуры / В.В. Килейников // Исследования памятников археологии Восточной Европы : межвуз. сб. науч. тр. /

Воронеж. гос. пед. ин-т ; [редкол. : А.Т. Синюк (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГПИ, 1988. – С.97–110.

Килейников, 1989. – Килейников В.В. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы / В.В. Килейников // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи : межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. пед. ин-т ; [редкол. : А.Т. Синюк (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГПИ, 1989. – С.119–126.

Килейников, 1996. – Килейников В.В. Трасологический анализ каменных орудий труда с рудника Червоноэ озеро / В.В. Килейников // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век) : материалы междунар. конф. : в 2-х ч. Ч.2 / Донец. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАН Украины ; Ин-т археол. НАН Украины; ИИМК РАН ; Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.3–4.

Килейников, 1997. – Килейников В.В. Костяные орудия с рудника Червоно Озеро Картамышского рудопроявления / В.В. Килейников // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Археология восточноевропейской лесостепи : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол. : А.Д. Пряхин (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1997. – Вып.10. – С.103–105.

Килейников, 2005. – Килейников В.В. Новые трасологические данные об орудиях труда с памятников Картамышского рудопроявления в Подонцовье / В.В. Килейников // Проблеми гірничої археології : матеріали II-го міжнар. Картамиського польового археол. семінару, (с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл., 21–25 липня 2003 р.) / ІА НАН України ; Донбас. держ. техн. ун-т ; Вороніз. держ. ун-т ; за загальною ред. П.П. Толочко, М.Ф. Дорофєєва. – Алчевськ : Вид-во ДонбасДТУ, 2005. – С.30–35.

Килейников, 2009. – Килейников В.В. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье / В.В. Килейников // Археология Восточноевропейской лесостепи : сб. науч. тр. / Гос. образов. учреждение высшего профес. образования «Воронежский государственный университет» ; НЦ по

историографии отечественной археологии ; [редкол. : И.Е. Сафонов (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд.-полиграф. центр ВорГУ, 2009. – С.96–113.

Килейников, Екимов, 1996. – Килейников В.В. Каменные, керамические и костяные орудия с поселения Садовое VI / В.В. Килейников, Ю.Г. Екимов // Археологические исследования высшей педагогической школы. (К 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета) : сб. науч. тр. / НСК Археология, Воронеж. пед. ун-т ; [редкол. : А.Т. Синюк (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГПИ, 1996. – С.155–161.

Кириков, 1959. – Кириков С.В. Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII–XIX вв.). Степная зона и лесостепь / С.В. Кириков ; АН СССР, Ин-т географии ; [отв. ред. А.Н. Формозов]. – М. : Наука, 1959. – 175 с.

Кириков, 1979. – Кириков С.В. Человек и природа восточноевропейской Лесостепи в X–начале XIX веков / С.В. Кириков ; АН СССР, Ин-т географии ; [отв. ред. Ю.А. Исаков]. – М. : Наука, 1979. – 182 с.

Кириков, 1983. – Кириков С.В. Человек и природа степной зоны / С.В. Кириков ; АН СССР, Ин-т географии ; [отв. ред. Ю.А. Исаков]. – М. : Наука, 1983. – 123 с.

Кислый, 1993. – Кислый А.Е. Кромлехи и каменные оградки срубной культуры на Керченском полуострове / А.Е. Кислый // Древности степного Причерноморья и Крыма : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; Запорож. ОКМ ; [редкол. : Г.Н. Тощев, Г.И. Шахров, Г.И. Шаповалов]. – Запорожье : Изд.-полиграф. комплекс «Запоріжжя», 1993. – Вып.IV. – С. 162–176.

Классификация в археологии, 1990. – Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник / Е.М. Колпаков, В.С. Бочкарев, И.О. Васкул, Л.Б. Вишняцкий, Е.В. Власова, А.А. Ковалев, Н.Н. Чесноков, О.В. Шаров ; библиография Л.М. Всеиов ; Ин-т археол. АН СССР ; [ред. В.С. Бочкарев]. – М. : Наука, 1990. – 156 с.

Клейн, 1982. – Клейн Л.С. Археологические источники : учеб. пособие / Л.С. Клейн ; Ленинград. гос. ун-т. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 119 с.

Клименко, 1981. – Клименко В.Ф. Исследования в Донецкой и Харьковской областях / В.Ф. Клименко // АО 1980 года. – М. : Наука, 1981. – С.255–256.

Клименко, 1996. – Клименко В.Ф. Погребения с трупосожжениями у срубных племен Северо-Восточного Приазовья / В.Ф. Клименко // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век) : материалы междунар. конф. : в 2-х ч. Ч.1 / Донец. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАН Украины ; Ин-т археол. НАН Украины, ИИМК РАН ; Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.93–96.

Клименко, 1999. – Клименко В.Ф. Поселения срубной культуры на Донетчине / В.Ф. Клименко // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя) : тез. доп. наук. конф. / Дніпропетр. держ. ун-т ; Незалеж. благод. фонд «Нова ідеологія» ; Дніпропетр. обласна держадмін. ; [редкол. : І.Ф. Ковальова (відп. ред.) та ін.]. – Д. : «Нова ідеологія», 1999. – С.86–88.

Клименко, Литвиненко, 2001. – Клименко В.Ф. Грунтовой могильник эпохи бронзы у с. Крейдянка на Северском Донце / В.Ф. Клименко, Р.А. Литвиненко // Проблемы археологии и архитектуры : в 2 т. Т.1. «Археология» / ИА НАН Украины ; Донбас. гос. акад. строительства и архитектуры ; Упр. градостроительства и архитектуры Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Гл. упр. образования и науки при Донецкой облгосадмин. ; Донец. областное об-во любителей древностей ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества; Донец. ОКМ ; Донец. нац. ун-т ; [редкол. : П.В. Добров, Н.Е. Беспалов, В.А. Носков, Е.Е. Кузьмина, А.Д. Пряхин, Х.А. Бенаи, В.И. Ежов, Г.И. Лаврин, В.И. Кравец, А.А. Мирошниченко ; рук. проекта В.Н. Горбов, О.В. Чемакин]. – Донецк ; Макеевка : Журнал «Донбасс», 2001. – С.46–52.

Клименко, Цимбал, 1975. – Клименко В.Ф. Работы Енакиевского отряда / В.Ф. Клименко, В.И. Цимбал // АО 1974 года. – М.: Наука, 1975. – С.289–291.

Клименко, Цимбал, 1991. – Клименко В.Ф. Древности родного края. Историко-краеведческий очерк / В.Ф. Клименко, В.И. Цимбал ; Енакиев. гор. отдел нар. образования. – Донецк : РИО Донец. областное упр. по печати, 1991. – 39 с.

Клочко В.И., 1979. – Клочко В.И. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII–VII вв. до н. э. / В.И. Клочко // Памятники древних культур Северного Причерноморья : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. В.Д. Баран]. – К. : Наук. думка, 1979. – С.40–46.

Клочко В.И., 1982. – Клочко В.И. К вопросу о происхождении скифских наконечников стрел / В.И. Клочко // Материалы по хронологии археологических памятников Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Д.Я. Телегин]. – К. : Наук. думка, 1982. – С.80–83.

Клочко В.И., 1990. – Клочко В.И. «Народи моря» та Північне Причорномор'я / В.И. Клочко // Археологія. – 1990. – № 1. – С.10–17.

Клочко В.И., 1992. – Клочко В.И. Восточная граница (на Левобережной Украине) влияния круга лужицкой культуры / В.И. Клочко // *Ziemie Polskie we wczesnej epoce zelaza i ich powiazania z innymi terenami: Materialy z konf. (Rzeszów, 17–20. 09. 1991 r.)* / Muzeum okręgowе w Rzeszowie ; [red. S. Czopek]. – Rzeszów, 1992. – С.183–188.

Клочко В.И., 2006. – Клочко В.И. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.) / Клочко В.И. ; М-во культури і туризму України, III пам'яткоохоронних досліджень. – К. : АртЕк, 2006. – 336 с.

Клочко, 2011. – Клочко В.И. Бузький торговельний шлях / В.И. Клочко // Гордіївський могильник / Упр. культури і туризму Вінниц. облдержадмін. ; Вінниц. ОКМ; НДЦ «Рятівна археологічна служба»; ІА НАН України ; за ред. В.И. Клочко. – Вінниця : ТОВ «Вістка», 2011. – С.114–123.

Клочко, 2011а – Клочко В.И. Висновки. «Гордіївський феномен» та сучасна археологія пізнього періоду бронзової доби Правобережної України / В.И. Клочко // Гордіївський могильник / Упр. культури і туризму Вінниц. облдержадмін. ; Вінниц. ОКМ ; НДЦ «Рятівна археологічна служба» ; ІА НАН України ; за ред. В.И. Клочко. – Вінниця : ТОВ «Вістка», 2011. – С.275.

Клочко, 2011б. – Клочко В.І. Нові знахідки речей та комплексів гордіївського типу на Вінничині / В.І. Клочко // Гордіївський могильник / Упр. культури і туризму Вінниц. облдержадмін. ; Вінниц. ОКМ ; НДЦ «Рятівна археологічна служба» ; ІА НАН України ; за ред. В.І. Клочко. – Вінниця : ТОВ «Вістка», 2011. – С.250–258.

Клочко В.І., Ковалюх, Мотзенбеккер, 1998. – Клочко В.І. Хронологія Суботівського городища / В.І. Клочко, М.М. Ковалюх, І. Мотзенбеккер // «Музейні читання» : матеріали міжнар. наук. конф., присвяченої 90-літтю від дня народження О.І. Тереножкіна (Музей історичних коштовностей України, 3 лютого 1998 р.) / М-во культури і мистецтв України ; Музей іст. коштовностей України. – К., 1998. – С.96–98.

Клочко В.І., Козыменко, 2011. – Клочко В.І. Наш недавний бронзовий век / В.І. Клочко, А.В. Козыменко ; науч. ред. В.І. Клочко. – К. : «Гене́за», 2011. – 192 с.

Клочко, Потупчик, Слюсарська, 2011. – Клочко В.І. Могильник Печера / В.І. Клочко, М.В. Потупчик, К. Слюсарська // Гордіївський могильник / Упр. культури і туризму Вінниц. облдержадмін. ; Вінниц. ОКМ ; НДЦ «Рятівна археологічна служба» ; ІА НАН України ; за ред. В.І. Клочко. – Вінниця : ТОВ «Вістка», 2011. – С.141–150.

Клюшинцев, 1981. – Клюшинцев В.Н. Поселения сабатиновского типа в степном Побужье / В.Н. Клюшинцев // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР : тез. докл. республ. конф. молодых ученых (Киев, апрель 1981 г.) ; [редкол. : В.Ф. Генинг (отв. ред.), Д.Я. Телегин, С.С. Березанская и др.]. – К. : Изд-во ИА АН УССР, 1981. – С. 45–46.

Клюшинцев, 1990. – Клюшинцев В.Н. Каменные орудия с поселений сабатиновской культуры / В.Н. Клюшинцев // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья : тез. докл. и сообщений науч.-практ. ист.-краевед. конф. : в 2-х ч. Ч. II: Археология / Одес. областная орг. УООПИК ; Одес. охранный археол. центр ; Белгород-Днестр. КМ АН УССР ; [редкол. : В.П. Ванчугов (отв. ред.) и др.]. – Белгород-Днестровский, 1990. – С.40–41.

Клюшинцев, 1993. – Клюшинцев В.Н. Поселения сабаатиновской культуры Степного Побужья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / В.Н. Клюшинцев ; Ин-т археологии НАН Украины. – К., 1993. – 16 с.

Клюшинцев, 1997. – Клюшинцев В.Н. Культурный ландшафт и поселения эпохи поздней бронзы (постановка проблемы) / В.Н. Клюшинцев // Сабаатиновская и срубная культуры : проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху бронзы: тез. докл. I-го Всесоюзного полевого семинара 10–18 сентября 1990 г. (К.–Николаев–Южноукраинск) / ИА НАН Украины ; Днепропетр. гос. ун-т ; Производственное объединение «Южноукраинская атомная электростанция» ; [сост. и ред. В.Н. Клюшинцев]. – Херсон : «Борисфен-Полиграфсервис», 1997. – С.94–97.

Клюшинцев, 1997а. – Клюшинцев В.Н. Сабаатиновская культура в Побужье (поселения и жилища) / В.Н. Клюшинцев // Сабаатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху бронзы : тез. докл. I-го Всесоюзного полевого семинара 10–18 сентября 1990 г. (К.–Николаев–Южноукраинск) / НАН Украины, Ин-т археол. ; Днепропетр. гос. ун-т ; Производственное объединение «Южноукраинская атомная электростанция» ; [сост. и ред. В.Н. Клюшинцев]. – Херсон : «Борисфен-Полиграфсервис», 1997. – С.49–52.

Ковальова І.Ф., 1972. – Ковальова І.Ф. Розвідка горішньої течії р. Самара / І.Ф. Ковальова // АДУ 1969 року : Інформаційні повідомлення / АН УРСР, Ін-т археол. ; [відп. ред. Є.В. Максимов]. – К., 1972. – Вип.IV. – С.332–336.

Ковалева И.Ф., 1981. – Ковалева И.Ф. Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда) : учеб. пособие / И.Ф. Ковалева ; Днепропетр. гос. ун-т. – Д. : Изд-во ДГУ, 1981. – 78 с.

Ковалева И.Ф., 1983. – Ковалева И.Ф. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (по материалам культур бронзового века Левобережной Украины) : учеб. пособие / И.Ф. Ковалева ; Днепропетр. гос. ун-т. – Д. : Изд-во ДГУ, 1983. – 107 с.

Ковалева И.Ф., 1984. – Ковалева И.Ф. Нео-энеолитический могильник «Госпитальный Холм» / И.Ф. Ковалева // Проблемы археологии Поднепровья

III–I тыс. до н. э. : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1984. – С.25–43.

Ковалева И.Ф., 1989. – Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины) : учеб. пособие / И.Ф. Ковалева ; Днепропетр. гос. ун-т. – Д. : Изд-во ДГУ, 1989. – 89 с.

Ковалева И.Ф., 1990. – Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчи́ков / И.Ф. Ковалева // Исследования по археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1990. – С.59–71.

Ковалева И.Ф., Андросов, Шалобудов и др., 1987. – Ковалева И.Ф. Исследование курганов группы «Долгой могилы» у с. Терны в Приорелье / И.Ф. Ковалева, А.В. Андросов, В.Н. Шалобудов, Г.И. Шахров // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1987. – С.5–27.

Ковальова І.Ф., Волкобой, 1976. – Ковальова І.Ф. Маївський локальний варіант зрубної культури / І.Ф. Ковальова, С.С. Волкобой // Археологія. – 1976. – № 20. – с.3–21.

Ковалева И.Ф., Волкобой, Марина и др., 1977. – Ковалева И.Ф. Исследования курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары / И.Ф. Ковалева, С.С. Волкобой, З.П. Марина, В.А. Лихачев, В.А. Попцов // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1977. – С.8–113.

Ковалева И.Ф., Ромашко, Андросов, 1979. – Ковалева И.Ф. Срубные курганные могильники среднего Присамарья / И.Ф. Ковалева, В.А. Ромашко, А.В. Андросов // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1979. – С.25–44.

Ковалева И.Ф., Ромашко, Никулкин и др., 1983. – Ковалева И.Ф. Могильники эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье / И.Ф. Ковалева,

В.А. Ромашко, И.В. Никулкин, В.Н. Яремака // Древности Степного Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1983. – С.3–18.

Ковальченко, 2003. – Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко ; РАН, Отделение историко-философских наук. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003. – 486 с.

Ковпаненко, 1957. – Ковпаненко Г.Т. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки / Г.Т. Ковпаненко // Археологія. – 1957. – Т.ХІ. – С.95–105.

Ковпаненко, 1967. – Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі / Г.Т. Ковпаненко ; АН УРСР, Ін-т археол.; [відп. ред. О.І. Тереножкін]. – К. : Наук. думка, 1967. – 187 с.

Ковпаненко, 1975. – Ковпаненко Г.Т. Бронзовый меч с Бельского городища / Г.Т. Ковпаненко // СА. – № 4. – С.47–61.

Кожин, Мартин, 1989. – Кожин П.М. Плетение / П.М. Кожин, А. Мартин // Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (АН СССР) ; Центр. ин-т истории (ГДР) ; под общей ред. Ю.В. Бромлея, Г. Штробахы, отв. ред. С.А. Арутюнов. – М. : Наука, 1989. – Вып.3. – С.139–144.

Козачок, 1991. – Козачок Н.Л. Памятники эпохи бронзы на о. Хортица / Н.Л. Козачок // Древности степного Причерноморья и Крыма : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; Запорож. ОКМ ; [редкол. : Г.Н. Тощев, Г.И. Шахров, Г.И. Шаповалов]. – Запорожье, 1991. – Вып.ІІ. – С.82–94.

Козенкова, 1968. – Козенкова В.И. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии / В.И. Козенкова // Археолого-этнографический сборник / Чечено-ингушский НИИ ИЯЛ ; под ред. В.Б. Виноградова. – Грозный, 1968. – Вып.2. – С.9–38.

Козенкова, 1975. – Козенкова В.И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) / В.И. Козенкова //

Скифский мир : сб. науч. ст. / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : А.И. Тереножкин (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1975. – С.52–73.

Козенкова, 1977. – Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант / В.И. Козенкова ; [отв. ред. Н.Л. Членова] // САИ. – 1977. – Вып.В2-5. – 87 с. (Археология СССР; [под общ. ред. Б.А. Рыбакова]).

Колев, 1988. – Колев Ю.И. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века / Ю.И. Колев // Проблемы изучения археологической керамики : межвуз. сб. науч. ст. / Куйбышев. гос. ун-т ; [редкол. : А.А. Бобринский (отв. ред.) и др.]. – Куйбышев: Изд-во КуйбышГУ, 1988. – С.103–118.

Колев, 1991. – Колев Ю.И. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье / Ю.И. Колев // Древности Восточноевропейской Лесостепи : межвуз. сб. науч. тр./ Самар. гос. пед. ин-т ; [редкол. : Н.Я. Мерперт (отв. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во СамПИ, 1991. – С.162–206.

Колев, 2000. – Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье / Ю.И. Колев // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / РАН, Самар. НЦ ; [ред. книги Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий; редкол. : П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во Самар. НЦ РАН, 2000. – С.242–301.

Колев, 2002. – Колев Ю.И. Комплексы позднего бронзового века поселения Григорьевка I в Самарской области / Ю.И. Колев // Вопросы археологии Поволжья : сб. науч. ст. / Самар. гос. пед. ун-т ; Ин-т истории и археологии Поволжья ; Самар. НЦ РАН ; [редкол. : А.А. Выборнов (отв. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во СамГПУ, 2002. – Вып.2. – С.151–166.

Колев, 2008. – Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века : характеристика культуры и проблемы исследования / Ю.В. Колев // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья : сб. науч. ст. / Самар. ОИКМ ; Самар. гос. ун-т ; [редкол. : Д.А. Сташенков (отв. ред.) и др.]. – Самара : «Глагол», 2008. – С.208–240.

Колев, Ластовский, Момонов, 1995. – Колев Ю.И. Многослойное поселение эпохи неолита–позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок (предварительная публикация) / Ю.И. Колев, А.А. Ластовский, А.Е. Момонов // Древние культуры лесостепного Поволжья : сб. науч. тр. / Самар. гос. пед. ун-т, Ин-т истории и археол. Поволжья ; [редкол. : И.Б. Васильев (отв. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1995. – С.50–110.

Колев, Седова, 2004. – Колев Ю.И. Погребальный комплекс заключительного этапа эпохи бронзы с территории поселения Шигоны III / Ю.И. Колев, М.С. Седова // Вопросы археологии Урала и Поволжья : сб. науч. тр. / Самар. гос. ун-т; Самар. гос. пед. ун-т, Ин-т истории и археол. Поволжья ; Самар. ОИКМ ; [редкол. : Д.А. Сташенков (отв. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2004. – Вып.2. – С.211–222.

Колесник, Гершкович, 1996. – Колесник А.В. Кремнеобрабатывающий комплекс поселений поздней бронзы в бассейне Северского Донца / А.В. Колесник, Я.П. Гершкович // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век) : материалы междунар. конф. : в 2-х ч. Ч.2 / Донец. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАН Украины ; Ин-т археол. НАН Украины, ИИМК РАН, Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.8–13.

Колесник, Гершкович, 2001. – Колесник А.В. Традиция кремнеобработки в эпоху поздней бронзы в Донбассе и Северо-Восточном Приазовье / А.В. Колесник, Я.П. Гершкович // Археологический альманах : сб. науч. ст. / Ин-т археол. НАН Украины ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Royal Museums of Art and History, Brussels ; Моск. гос. ун-т ; Краматор. экон.-гуманит. ин-т ; Гл. упр. образования и науки при Донец. облгосадм. ; [редкол. : А.В. Колесник (гл. ред.) и др.]. – 2001. – № 10. – С.97–118.

Колотухин, 1990. – Колотухин В.А. Поселение Бурун-Эли в Северо-Западном Крыму / В.А. Колотухин // Древности степного Причерноморья и Крыма : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; [редкол. : Г.Н. Тощев, Г.И. Шахров, Г.И. Шаповалов]. – Запорожье : Изд-во «Коммунар», 1990. – Вып.1. – С.137–144.

Колотухин, 1996. – Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы–начале железного века (Этнокультурные процессы) / В.А. Колотухин ; НАН Украины, Крым. филиал Ин-та археол. – К. : Изд-во «Южногородские ведомости», 1996. – 158 с.

Колтухов, Кислый, Тощев, 1994. – Колтухов С.Г. Курганные древности Крыма / С.Г. Колтухов, А.Е. Кислый, Г.Н. Тощев ; Крым. филиал Ин-та археол. АН Украины ; Запорож. гос. ун-т ; [отв. ред. В.Л. Мыц]. – Запорожье, 1994. – Вып.І. – 122 с.

Комарова, Мартин, 1989. – Комарова Г. Вязание / Г. Комарова, П. Мартин // Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (АН СССР) ; Центр. ин-т истории (ГДР) ; под общей ред. Ю.В. Бромлея, Г. Штробаха, отв. ред. С.А. Арутюнов. – М. : Наука, 1989. – Вып.3. – С.22–24.

Копыл, Татаринев, 1975. – Копыл А.Г. Работы в Харьковской и Донецкой областях / А.Г. Копыл, С.И. Татаринев // АО 1974 года. – М. : Наука, 1975. – С.357–358.

Копыл, Татаринев, Меценко, 1976. – Копыл А.Г. Работы Артемовского отряда / А.Г. Копыл, С.И. Татаринев, В.И. Меценко // АО 1975 года. – М. : Наука, 1976. – С.341.

Копылов, 1994. – Копылов В.П. О транспортных сухопутных коммуникациях, проходящих через дельту Дона в скифское время / В.П. Копылов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья : тез. докл. междунар. конф., посвященной 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова: в 2-х ч. Ч.2 / Запорож. гос. ун-т ; Моск. гос. ун-т ; Крым. филиал Ин-та археол. АН Украины ; Запорож. КМ ; ГИКЗ «Каменная Могила» ; [редкол. : Г.Н. Тощев (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1994. – С.89–91.

Корохіна, 2009. – Корохіна А.В. До походження бондарихінської культури / А.В. Корохіна // Археологія. – 2009. – № 3. – С.13–18.

Корякова, Кузьминых, Бельтикова, 2011. – Корякова Л.Н. Переход к использованию железа в Северной Евразии / Л.Н. Корякова, С.В. Кузьминых,

Г.В. Бельтикова // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии : Материалы Круглого стола (Санкт-Петербург, 23–24 июня 2011 г.) / ИИМК РАН ; Гос. Эрмитаж ; [редкол. : А.Ю. Алексеев, В.А. Алекшин (отв. ред.), В.С. Бочкарев (отв. ред.), М.Т. Кашуба, И.Н. Медведская, Ю.Ю. Пиотровский, К.В. Чугунов]. – СПб, 2011. – С.10–16.

Косарев, 1981. – Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири / М.Ф. Косарев ; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Ю.С. Гришин] – М. : Наука, 1981. – 280 с.

Косарев, 1981а. – Косарев М.Ф. Условия сложения культур бронзового века в Западной Сибири / М.Ф. Косарев // Вопросы археологии Урала : сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т ; [редкол. : В.Е. Стоянов (отв. ред.) и др.]. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1981. – Вып.15. – С.78–80.

Косарев, 1984. – Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности / М.Ф. Косарев ; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Ю.С. Гришин]. – М. : Наука, 1984. – 245 с.

Костенко, 1977. – Костенко В.И. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ / В.И. Костенко // Курганские древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. : сб. науч. тр. / Днепрпетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1977. – С.114–137.

Костюков, Епимахов, Нелин, 1995. – Костюков В.П. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье / В.П. Костюков, А.В. Епимахов, Д.О. Нелин // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Материалы и исследования по археологии Волго-Уралья : межвуз. сб. науч. тр. / Самар. гос. пед. ун-т ; Ин-т истории и археол. Урал. отделения РАН ; Ин-т истории и археол. Поволжья ; [редкол. : И.Б. Васильев (отв. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1995. – С.156–207.

Кошкарева, 1989. – Кошкарева В.Л. Изменение климата голоцена в приенисейской Сибири (по палеокарпологическим данным) / В.Л. Кошкарева // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т географии ; [отв. ред. Н.А. Хотинский]. – М. : Наука, 1989. – С.96–98.

Кравец, 1990. – Кравец Д.П. К вопросу о культурной принадлежности кремневых луновидных вкладышей серпов / Д.П. Кравец // Проблемы исследования

памятников археологии Северского Донца : тез. докл. науч.-практ. конф., (Луганск, ноябрь 1990 г.) / Луган. упр. культуры ; ОКМ ; Областная орг. УООПИК ; НПК «Археолог» при Ин-те археол. АН УССР ; Центр.-Донец. экспедиция ; [редкол. : К.И. Красильников, А.Ф. Горелик, С.Н. Санжаров и др.] – Луганск, 1990. – С.72–73.

Кравченко, 2004. – Кравченко Е.А. Матеріали доби пізньої бронзи з поселення Уч-Баш / Е.А. Кравченко // Археологія. – 2004. – № 4. – С.52–66.

Краткая географическая энциклопедия. – Краткая географическая энциклопедия : в 5 т. Т.4 / под ред. А.А. Григорьева. – М. : «Советская энциклопедия», 1964. – 448 с.

Кременецкий, 1991 – Кременецкий К.В. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины / К.В. Кременецкий / АН СССР, Ин-т географии ; [отв. ред. А.А. Величко]. – М. : Изд-во «Печатник», 1991. – 193 с.

Кривцова-Гракова, 1948 – Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник / О.А. Кривцова-Гракова // Тр. ГИМ : Археологический сборник ; под ред. А.Я. Брюсова ; отв. ред. Н.Л. Рубинштейн. – 1948. – Вып.17. – С.55–172.

Кривцова-Гракова, 1949. – Кривцова-Гракова О.А. Поселение бронзового века на Белозерском лимане / О.А. Кривцова-Гракова // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXVI – С.76–85.

Кривцова-Гракова, 1955. – Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / О.А. Кривцова-Гракова ; АН СССР, ИИМК ; [отв. ред. К.Ф. Смирнов]. – МИА. – 1955. – № 46. – 166 с.

Крис, 1989. – Крис Х.И. Кизил-кобинская культура предгорного Крыма / Х.И. Крис // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / [отв. ред. тома А.И. Мелюкова]. – М. : Наука, 1989. – С.29–32. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).

Крыжицкий, 1982. – Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья / С.Д. Крыжицкий ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. В.А. Анохин, Т.А. Трегубова]. – К. : Наук. думка, 1982. – 166 с.

Круглов, Подгаецкий, 1935. – Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства

/ А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий // Известия ГАИМК. – М. ; Л. : ОГИЗ, Гос. соц.-экон. изд., 1935. – Вып.119. – 176 с.

Крушельницька, 1985. – Крушельницька Л.І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза) / Л.І. Крушельницька; АН УРСР, Ін-т суспільних наук ; [відп. ред. Є.В. Черненко]. – К. : Наук. думка, 1985. – 162 с.

Кубышев, Черняков, 1986. – Кубышев А.И. Грунтовой могильник белозерской культуры у села Чернянка (Херсонская обл.) / А.И. Кубышев, И.Т. Черняков // СА. – 1986. – № 3 – С.139–157.

Кудлай, 2000. – Кудлай Ю.В. Календарные свойства архитектуры срубного кургана у села Заможное / Ю.В. Кудлай // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий : сб. науч. тр. / Ин-т археол. НАН Украины ; Донец. областное Об-во любителей древностей ; Упр. по делам архитектуры и строительства при Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Донецкое Гл. Упр. образования ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.Н. Усачук (отв. ред.) и др. ; В.Н. Горбов (рук. проекта)]. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000.– С.93–94.

Кузнецова, Скупова, 1987. – Кузнецова Л.В. Постников овраг – археологический памятник камня–средневековья / Л.В. Кузнецова, Т.Ю. Скупова // Археологические исследования в Среднем Поволжье : межвуз. сб. науч. ст. / Куйбышев. гос. ун-т ; [редкол. : Г.И. Матвеева (отв. ред.) и др.]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышГУ, 1987. – С.3–29.

Кузьмина, 1961. – Кузьмина Е.Е. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области / Е.Е. Кузьмина // Вопросы археологии Урала. Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете (Свердловск, 1–7 февраля 1961 г.) : Итоги полевых исследований на Урале в 1960 г. / Урал. гос. ун-т, Урал. филиал науч.-техн. совета по гуманитар. наукам при МВ и ССО РСФСР ; [редкол. : В.Ф. Генинг (отв. ред.), А.К. Матвеев, В.Е. Стоянов] – Свердловск, 1961. – Вып.2. – С.9–15.

Кузьмина, 1964. – Кузьмина Е.Е. Андроновское поселение и могильник Шандаша / Е.Е. Кузьмина // КСИА АН СССР. – 1964. – Вып.98. – С.100–106.

Кузьмина, 1974. – Кузьмина Е.Е. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы / Е.Е. Кузьмина // В глубь веков: Археологический сборник / АН Казахской ССР, Ин-т истории, археол. и этнографии ; [отв. ред. К.А. Акишев]. – Алма-Ата : «Наука» Казахской ССР, 1974. – С.16–24.

Кузьмина, 1980. – Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалях Евразийских степей / Е.Е. Кузьмина // КСИА АН СССР. – 1980. – Вып.161. – С.8–21.

Кузьмина, 1986. – Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / Е.Е. Кузьмина ; АН Киргизской ССР, Ин-т истории ; [отв. ред. В.П. Мокрынин]. – Фрунзе : Изд-во «Илим», 1986. – 133 с.

Кузьмина, 1987. – Кузьмина Е.Е. О западных связях андроновских племен / Е.Е. Кузьмина // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. И.И. Артеменко]. – К. : Наук. думка, 1987. – С.48–69.

Кузьмина, 1988. – Кузьмина Е.Е. Две зоны развития домостроительных традиций в Старом Свете / Е.Е. Кузьмина // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей : межвуз. сб. науч. тр. / Башкир. гос. ун-т ; Челябин. гос. ун-т ; [редкол. : Г.Б. Зданович (отв. ред.) и др.]. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1988. – С.31–45.

Кузьмина, 1989. – Кузьмина Е.Е. Относительная хронология культур абашевской КИО / Е.Е. Кузьмина // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР : тези доп. XX Республіканської конф., (Одеса, жовтень 1989 р.) / ІА АН УРСР; ОАМ ; Одеське археол. товариство ; [редкол. : П.П. Толочко (відп. ред.) та ін.]. – К. : Наук. думка, 1989. – С.118–119.

Кузьмина, 1994. – Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии ? / Е.Е. Кузьмина ; РАН ; М-во культуры РФ ; Рос. ин-т культурологи ; [отв. ред. М.Н. Погребова]. – М. : МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. – 464 с.

Кузьмина, 2008. – Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг / Е.Е. Кузьмина ; Рос. ин-т культурологи ; [отв. ред. М.Н. Погребова]. – М. : Летний сад, 2008. – 558 с.

Кулатова, 1989. – Кулатова И.Н. Разведки в Лубенском районе Полтавской области / И.Н. Кулатова // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины : тез. докл. и сообщений Второго областного науч.-практ. семинара, (Полтава, 18–19 мая 1989 г.) / Полтав. областное упр. культуры ; Полтав. КМ ; Полтав. областная организация УООПИК ; [редкол. : А.П. Белоус, П.К. Бондаревский и др.]. – Полтава, 1989. – С.54–58.

Кухаренко, 1963. – Кухаренко Ю.В. Раскопки у с. Сахновки / Ю.В. Кухаренко // Славяне накануне образования Киевской Руси / под ред. Б.А. Рыбакова. – МИА. – 1963. – № 108. – С.243–250.

Кушнир, 1991. – Кушнир В.Г. Пути развития скотоводства в Северном Причерноморье / В.Г. Кушнир // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.–V в. н. э.) : материалы междунар. конф., (Кишинев, 10–14 декабря 1990 г.) / АН МССР ; Центр новостроечных археол. исследований АН УССР ; Республ. ассоциация молодых ученых и специалистов ; [редкол. Е.В. Яровой (отв. ред.) и др.]. – К., 1991. – С.87–88.

Кушнір, 1998. – Кушнір В.Г. Народознавство Одещини / В.Г. Кушнір ; Одес. держ. ун-т ; Комітет з питань національностей і міграцій Одес. облдержадмін. ; Одес. ін-т удосконалення учителів ; Одес. т-во «Південна громада» ; [відп. ред. В.Н. Станко]. – О. : Вид-во «Гермес», 1998. – 252 с.

Куштан, 1999. – Куштан Д.П. Поселення доби пізньої бронзи Піонерське на Черкащині / Д.П. Куштан // АБУ 1998–1999 років : зб. наук. пр. / НАН України, ІА ; [редкол. : Д.Н. Козак, Н.О. Гаврилюк]. – К. : ІА НАНУ, Шлях, 1999. – С.17–19.

Куштан, 2002. – Куштан Д.П. Матеріали доби пізньої бронзи з поселення Червонохиженці-2 на Черкащині / Д.П. Куштан // АБУ 2000–2001 років : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [редкол. : Н.О. Гаврилюк (гол. ред.) та ін.]. – К.: ІА НАНУ, Шлях, 2002. – С.28–30.

Куштан, 2003. – Куштан Д.П. Нові знахідки бронзових виробів із Середнього Подніпров'я / Д.П. Куштан // АБУ 2001–2002 років : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [редкол. : Н.О. Гаврилюк (гол. ред.) та ін.]. – К. : ІА НАНУ, Шлях, 2003. – С.29–31.

Куштан, 2003а. – Куштан Д.П. Поселення доби пізньої бронзи біля с. Леськи на Черкащині / Д.П. Куштан // АБУ 2001–2002 років : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [редкол. : Н.О. Гаврилюк (гол. ред.) та ін.]. – К. : ІА НАНУ, Шлях, 2003а. – С.154–157.

Куштан, 2005. – Куштан Д.П. Восточные элементы в керамическом комплексе поселения поздней бронзы Мошны на Черкащине / Д.П. Куштан // Проблеми дослідження пам'яток Східної України : матеріали II-ї Луган. міжнар. іст.-археол. конф., присвяченої 85-річчю Луган. ОКМ / Упр. культури і мистецтв Луган. облдержадмін. ; Луган. ОКМ ; ІА НАН України ; Східноукр. філія ІА НАН України ; Східноукр. нац. ун-т ; Луган. нац. пед. ун-т ; [редкол. : В.В. Отрощенко (гол. ред.) та ін.]. – К. : Шлях, 2005. – С.104–106.

Куштан, 2005а. – Куштан Д.П. Дослідження багатошарового поселення у с. Шарин на Уманщині / Д.П. Куштан // На пошану Софії Станіславівни Березанської : зб. наук. пр. / НАН України, ІА ; [відп. ред. В.В. Отрощенко]. – К. : Шлях, 2005. – С.112–117.

Куштан, 2006. – Куштан Д.П. Проблема культурної атрибуції Чикалівського поселення доби пізньої бронзи / Д.П. Куштан // Матеріали та дослідження з археології Східної України : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; ІА НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.]. – Луганськ : Вид-во СНУ, 2006. – Вип. 5. – С.259–272.

Куштан, 2010. – Куштан Д.П. Фінальнобронзовий горизонт багатошарового поселення-замчища Б. Хмельницького у Суботові / Д.П. Куштан // Археологічні пам'ятки Фастівщини : матеріали та дослідження. До 75-річчя від дня народження Надії Михайлівни Кравченко / Фастів. держ. КМ ; [гол. ред. Т.В. Неліна]. – Прес-музей, № 26–27 (за 2007 р.). – Фастів, 2010. – С.58–64.

Куштан, Деткін, 2000. – Куштан Д.П. Матеріали пізньої бронзи з острова Самовиця / Д.П. Куштан, А.В. Деткін // АДУ 1994–1996 років : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. [редкол. : Н.О. Гаврилюк (гол. ред.) та ін.]. – К., 2000. – С.69–71.

Л.Л., 2003. – Л.Л. Вара / Л.Л. // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т.2 : А-К ; [редкол. : С.А. Токарев (гл. ред.) и др.]. – 2-е изд. – М. : «Советская энциклопедия», 2003. – С.215.

Ларенок, 1998. – Ларенок П.А. Памятники эпохи бронзы у с. Носова и с. Таврия (по материалам инвентаризации памятников археологии 1990–1991) / П.А. Ларенок // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции : Каталог. Курганы Северо-Восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области) ; [ред. Ларенок В.А.]. – Ростов-на-Дону : ЦОП Коралл-Микро, 1998. – Вып. III. – С.54–56.

Ларенок, 2000. – Ларенок В.А. Планиграфия и архитектура Мокро-Чалтырского поселения / В.А. Ларенок // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий : сб. науч. тр. / Ин-т археол. НАН Украины ; Донец. областное Об-во любителей древностей ; Упр. по делам архитектуры и строительства при Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Донец. Гл. Упр. образования ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.Н. Усачук (отв. ред.) и др. ; В.Н. Горбов (рук. проекта)]. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000.– С.26–28.

Латышев, 1926. – Латышев В.В. Раскопки Н.И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. / В.В. Латышев // Сообщения ГАИМК. – Л, 1926. – Т.1 – С.200–206.

Лебедева, 2013. – Лебедева Е.Ю. Заключение об исследовании методом флотации культурных слоев и заполнений жилищ поселений эпохи бронзы Среднего Присамарья / Е.Ю. Лебедева // Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры); Днепропетр. нац. ун-т; НАН Украины, Ин-т археол.; [науч. ред. Я.П. Гершкович]. – К.: Видавничий Дім «Скіф», 2013. – С.300.

Левинский, Романчук, 2006. – Левинский А.Н. Памятник культуры Сахарна-Солончень на Левобережье Днестра (Рашков-Млыны) / А.Н. Левинский, А.А. Романчук // Revista arheologică / Academia de ştiinţe a Moldovei, Institutul

patrimoniului cultural, Centrul de arheologie. Serie nouă. – Chișinău, 2006. – Vol. II. – Nr.1–2. – S.328–333.

Левицкий, 2002. – Левицкий О.Г. Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье – о диалоге миров / О.Г. Левицкий // Северное Причерноморье от энеолита к античности : сб. науч. тр. / Приднестр. гос. ун-т ; [отв. ред. Н.А. Кетрару]. – Тирасполь, 2002. – 344 с.

Лесков, 1967. – Лесков А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы / А.М. Лесков // Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР / АН УССР, Ин-т археол. ; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. А.М. Лесков, Н.Я. Мерперт]. – К. : Наук. думка, 1967. – С.143–178.

Лесков, 1967а. – Лесков А.М. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья / А.М. Лесков // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР / АН УССР, Ин-т археол. ; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. А.М. Лесков, Н.Я. Мерперт]. – К. : Наук. думка, 1967. – С.7–19.

Лесков, 1970. – Лесков А.М. Кировское поселение / А.М. Лесков // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы) : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. А.М. Лесков]. – К. : Наук. думка, 1970. – С.7–59.

Лесков, 1971. – Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья / А.М. Лесков // Проблемы скифской археологии / АН СССР ; Ин-т археол. ; [отв. ред. П.Д. Либеров и В.И. Гуляев]. – МИА. – 1971. – № 177. – С.75–91.

Лесков, 1975. – Лесков А.М. Предскифский период на Украине : автореф. дис. ... докт. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / А.М. Лесков ; Ин-т археологии АН СССР. – М., 1975. – 46 с.

Либеров, 1961. – Либеров П.Д. Поселение у хуторов Воиновки и Шведовки на р. Осколе / П.Д. Либеров // КСИА АН УССР. – 1961. – Вып. II. – С.53–58.

Либеров, 1962. – Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца / П.Д. Либеров // Лесостепные культуры скифского времени / АН СССР, Ин-т археол. ; под ред. А.И. Мелюковой. – МИА. – 1962. – № 113. – С.5–85.

Либеров, 1964. – Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы / П.Д. Либеров ; АН СССР, Ин-т археол.. – М. : Наука, 1964. – 208 с.

Литвиненко, 1990. – Литвиненко Р.А. О курганном обряде в эпоху средней и поздней бронзы Донеччины / Р.А. Литвиненко // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца : тез. докл. науч.-практ. конф., (Луганск, ноябрь 1990 г.) / Луган. упр. культуры ; ОКМ ; Областная орг. УООПИК ; НПК «Археолог» при Ин-те археол. АН УССР ; Центр.-Донец. экспедиция ; [редкол. : К.И. Красильников, А.Ф. Горелик, С.Н. Санжаров и др.] – Луганск, 1990. – С.80–83.

Литвиненко, 1993. – Литвиненко Р.А. Курганный могильник Возрождение-II на Донеччине / Р.А. Литвиненко // РА. – 1993. – № 3. – С.188–197.

Литвиненко, 1994. – Литвиненко Р.А. Керамический комплекс погребений покровского горизонта донецкой лесостепи / Р.А. Литвиненко // Срубная культурно-историческая область: Материалы III Рыковских чтений, (Саратов, октябрь 1994 г.) / ИИМК РАН ; Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1994. – С.51–56.

Литвиненко, 1995. – Литвиненко Р.А. Памятники покровского типа на Северском Донце / Р.А. Литвиненко // Археологические вести / РАН Ин-т истории матер. культуры. – СПб, 1995. – Вып.4. – С.73–82.

Литвиненко, 1998. – Литвиненко Р.А. Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики / Р.А. Литвиненко // Доба бронзи Доно-Донецького регіону : матеріали 4-го укр.-рос. польового археол. семінару, (с. Капітанове, Луганської обл., 14 липня 1998 р.) / ІА НАН України, Центр.-Донец. археол. експедиція ; Воронізі. держ. ун-т ; [редкол. : Ю.М. Бровендер, В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхін]. – К. : Воронеж, 1998. – С.46–52.

Литвиненко, 1999. – Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья : сб. науч. тр. / Ин-т археол. НАН Украины ; Донец. Гл. Упр. образования ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донбассгражданпроект ; Донец. Об-во любителей старины ; Союз казачьих орг. Украины ; Донец. Центр «Українські студії» ; [редкол. : А.Д. Пряхин (науч.

ред.), А.Н. Усачук (отв. ред.) и др.]. – Донецк : Український культурологічний центр, 1999. – С.4–23.

Литвиненко, 2005. – Литвиненко Р.О. До проблеми псаліїв, бойових колісниць і воїнів колісничих у бабінській культурі / Р.О. Литвиненко // Археологія. – 2005. – № 4. – С.37–52.

Литвинский, Окладников, Рамов, 1962. – Литвинский Б.А. Древности Кайрак-Кумов (Древняя история Северного Таджикистана) / Б.А. Литвинский, А.П. Окладников, В.А. Рамов В.А. // Труды АН Таджикской ССР ; Ин-т истории, археол. и этнографии им. Ахмада Дониша. – Душанбе : Изд-во АН ТаджССР, 1962. – Т.33. –406 с.

Ломейко, Скарбовенко, 2004. – Ломейко П.В. Следы погребальных огненных ритуалов в средневожских памятниках срубной культуры / П.В. Ломейко, В.А. Скарбовенко // Вопросы археологии Урала и Поволжья : сб. науч. тр. / Самар. гос. ун-т ; Самар. гос. пед. ун-т, Ин-т истории и археол. Поволжья ; Самар. ОИКМ ; [редкол. : Д.А. Сташенков (отв. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2004. – Вып.2. – С.155–162.

Лопатин, 1992. – Лопатин В.А. Постройки срубных поселений степного Заволжья / В.А. Лопатин // Археология Восточное-Европейской степи : сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1992. – Вып. 3. – С.55–74.

Лопатин, 1996. – Лопатин В.А. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья / В.А. Лопатин // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году : сб. науч. тр. / Админ. Саратов. обл., упр. культуры ; Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры ; [науч. ред. А.И. Юдин]. – Саратов : ТОО «Орион», 1996. – С.140–158.

Лукьяшко, 1999. – Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону / С.И. Лукьяшко // Донские древности : сб. науч. тр. / М-во культуры Ростов. обл., Азов. КМ ; [ред. совет : А.А. Горбенко (председатель) и др.]. – Азов : Азов. КМ, 1999. – Вып.7. – 240 с.

Лысенко С.Д., 2004. – Лысенко С.Д. Феномен Субботовського городища / С.Д. Лысенко // Матеріали та дослідження з археології Східної України : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; ІА НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.]. – Луганськ : Вид-во СНУ, 2004. – Вип.3. – С.249–267.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С., 2007. – Лысенко С.Д. Жилище белогородовського горизонту с поселення Малополовецкое-13 / С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Від неоліту до киммерійців : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; ІА НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.]. – Луганськ : Вид-во СНУ, 2007. – Вип.7. – С.254–262.

Лысенко С.С., 2001. – Лысенко С.С. Подвески белогородовського типу / С.С. Лысенко // «Музейні читання» : матеріали наук. конф. (Київ, грудень 2000 р.) ; [відп. ред. Ж.Г. Арустамян] – К. : Музей іст. кошт. Укр., 2001. – С.116–125.

Лысенко С.С., 2006. – Лысенко С.С. Прикраси населення України доби пізньої бронзи : автореф. дис. ... канд. іст. наук : спец. 07.00.04 «Археологія» / С.С. Лысенко ; Ін-т археології НАН України. – К., 2006. – 20 с.

Ляхов, 1994. – Ляхов С.В. Погребения эпохи поздней бронзы из Букатовских курганов / С.В. Ляхов // Срубная культурно-историческая область : Материалы III Рыковских чтений, (Саратов, октябрь 1994 г.) / ИИМК РАН ; Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1994. – С.84–92.

Ляшко, 1986. – Ляшко С.Н. Бронзовый кинжал срубной культуры из фондов Запорожского краеведческого музея / С.Н. Ляшко // СА. – 1986. – № 1. – С.248–250.

Макаревич, 1940. – Макаревич М.Л. Археологічні дослідження в с. Білий Камінь / М.Л. Макаревич // Трипільська культура / АН УРСР, Ін-т археол. – К. : Вид-во АН УРСР, 1940. – Т.1 – С.463–465.

Маковельский, 1960. – Маковельский А.О. Авеста / А.О. Маковельский ; АН Азербайджан. ССР, Сектор философии. – Баку : Изд-во АН Азербайджан. ССР, 1960. – 144 с.

Максимов, 1959. – Максимов Е.В. Памятники зарубинецкого типа в с. Субботове / Е.В. Максимов // КСИА АН УССР. – 1959. – Вып.9. – с.29–42.

Малов, 1987. – Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи позднего бронзового века в Поволжье (по материалам поселений) / Н.М. Малов // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС : тез. докл. Всесоюз. конф. – Суздаль, 1987. – М.: Наука, 1987. – С.159–160.

Малов, 1992. – Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья / Н.М. Малов // Археология Восточно-Европейской степи : сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1992. – Вып.3. – С.22–54.

Малов, 1994. – Малов Н.М. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) / Н.М. Малов // Срубная культурно-историческая область : Материалы III Рыковских чтений, (Саратов, октябрь 1994 г.) / ИИМК РАН ; Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1994. – С.8–13.

Мамонтов, 1979. – Мамонтов В.И. Памятники срубной культуры Волго-Донского междуречья / В.И. Мамонтов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы : тез. докл. науч. конф., (3–6 декабря 1979 г.) / Ин-т археол. АН УССР ; Донец. НЦ АН УССР ; Донец. областная орг. УООПИК ; Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.А. Моруженко (отв. ред.) и др.]. – Донецк, 1979. – С.67–68.

Мамонтов, 1991. – Мамонтов В.И. К вопросу об исторических судьбах срубного населения / В.И. Мамонтов // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья : тез. Вторых Рыковских чтений / Ин-т истории и археол. уральского отделения АН СССР ; Саратов. гос. ун-т ; [отв. ред. Н.М. Малов]. – Саратов, 1991. – С.25–28.

Марина, 1998. – Марина З.П. Погребения ямной культуры днепровского Левобережного Предстепья с изделиями из металла / З.П. Марина // Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1998. – С.47–57.

Марина, Ромашко, Попков, 1998. – Марина З.П. Срубные курганы у с. Дубовики на р. Чаплинке / З.П. Марина, В.А. Ромашко, М.В. Попков // Проблемы

археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [отв. ред. И.Ф. Ковалева]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1998. – С.79–95.

Марина, Ромашко, Фещенко, 1986. – Марина З.П. Курганы эпохи бронзы Среднего Присамарья / З.П. Марина, В.А. Ромашко, Е.Л. Фещенко // Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1986. – С.4–36.

Мартынов, Шер, 1989. – Мартынов А.И. Методы археологического исследования: учеб. пособие / А.И. Мартынов, Я.А. Шер. – М. : Высш. школа, 1989. – 223 с.

Мартынюк, Зданович С.Я., 1985. – Мартынюк О.И. Погребальные памятники позднего бронзового века в Кокчетавской области / О.И. Мартынюк, С.Я. Зданович // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья : межвуз. сб. науч. тр. / Башкир. гос. ун-т ; [редкол. : С.Я. Зданович (отв. ред.) и др.]. – Челябинск : Изд-во Башкир. ун-та (подготовил Челябин. ун-т), 1985. – С.142–152.

Марченко, Доманский, 1991. – Марченко К.К. Комплекс вещественных находок на античном поселении Куцуруб I / К.К. Марченко, Я.В. Доманский // Археологический сборник. Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии / Гос. Эрмитаж; под ред. Б.Б. Пиатровского. – Л. : Изд-во «Искусство», 1991. – Вып.31. – С.57–76.

Массон, 1958. – Массон В.М. Проблема древней Бактрии и новый археологический материал / В.М. Массон // СА. – 1958. – № 2. – С.49–65.

Массон, 1985. – Массон В.М. Северная Бактрия / В.М. Массон // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / [отв. ред. тома Г.А. Кошеленко]. – М. : Наука, 1985. – С.250–272. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).

Матвеев, 1991. – Матвеев Ю.П. Поздний этап доно-волжской абашевской культуры в доно-волжском междуречье / Ю.П. Матвеев // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья : тез. Вторых Рыковских чтений / Ин-т истории и археол. уральского отделения АН СССР ; Саратов. гос. ун-т ; [отв. ред. Н.М. Малов]. – Саратов, 1991. – С.27–28.

Матвеев, Екимов, 1980. – Матвеев Ю.П. Поселение эпохи бронзы Рыкань-2 / Ю.П. Матвеев, Ю.Г. Екимов // Археология Восточноевропейской лесостепи : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол. : А.Д. Пряхин (науч. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1980. – С.94–102.

Матвеева, Васильев, 1972. – Матвеева Г.И. Новые памятники срубной культуры в Башкирии / Г.И. Матвеева, Н.Б. Васильев // СА. – 1972. – № 3. – С.244–258.

Материальная культура, 1989. – Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (АН СССР); Центр. ин-т истории (ГДР) ; под общей ред. Ю.В. Бромлея, Г. Штробаха, отв. ред. С.А. Арутюнов. – М. : Наука, 1989. – Вып.3. – 224 с.

Махнева, 1996. – Махнева О.О. Поселення епохи пізньої бронзи в Сакському районі Криму / О.О. Махнева // Археологія. – 1996. – № 1. – С.84–91.

Махно, 1961. – Махно Є.В. Розкопки могильника і поселень поблизу с. Каїри / Є.В. Махно // АП УРСР. – 1961. – Т.Х. – С.131–154.

Махно, Шарафутдінова І.М., 1972. – Махно Є.В. Могильник епохи пізньої бронзи поблизу хутора Компанійці на Дніпрі / Є.В. Махно, І.М. Шарафутдінова // Археологія. – 1972. – № 6. – С.70–81.

Махортых, 2005. – Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья / С.В. Махортых ; Ин-т археол. НАН Украины ; Киев. нац. ун-т ; Об-во археологии и антропологии. – К. : Шлях, 2005. – 380 с.

Медведев А.П., 2000. – Медведев А.П. К проблеме этнокультурной принадлежности населения срубной общности / Медведев А.П. // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи : материалы междунар. науч. конф. (г. Воронеж, РФ, 16–18 ноября 2000 г.) / Регион. совет по комплексной программе отделения РАН «Ранние общества: взаимодействие со средой, природа и история» ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2000. – С.35–39.

Медведев А.Ф., 1966. – Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрела. Самострел VIII–XIV вв. / А.Ф. Медведев ; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред.

А.Л. Монгайт] // САИ. – Вып.ЕІ-36. – М.: Наука, 1966. – 184 с. (Археология СССР ; под общ. ред. Б.А. Рыбакова).

Медведская, 1980. – Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II–первой половины I тысячелетия до н. э. / И.Н. Медведская // СА. – 1980. – № 4. – С.23–37.

Мельниковська, Симонович, 1975. – Мельниковська О.М. Розкопки в с. Комарівці на Посейм'ї / О.М. Мельниковська, Е.О. Симонович // Археологія. – 1975. – № 15. – С.75–87.

Мелюкова, 1961. – Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода лесостепной Молдавии / А.И. Мелюкова // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье / АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. К.Ф. Смирнов]. – МИА. – 1961. – № 96. – С.5–52.

Мелюкова, 1961а. – Мелюкова А.И. Работы в Поднестровье в 1958 г. / А.И. Мелюкова // КСИА АН СССР. – 1961. – Вып.8. – С.113–124.

Мелюкова, 1972. – Мелюкова А.И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии / А.И. Мелюкова // СА. – 1972. – № 1. – С.57–72.

Мелюкова, 1979. – Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир / А.И. Мелюкова ; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. М.Г. Мошкова]. – М. : Наука, 1979. – 256 с.

Мелюкова, 1989. – Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне / А.И. Мелюкова // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / [отв. ред. тома А.И. Мелюкова]. – М. : Наука, 1989. – С.16–29. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).

Мелюкова, 1989а. – Мелюкова А.И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья / А.И. Мелюкова // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / [отв. ред. тома А.И. Мелюкова]. – М. : Наука, 1989. – С.51–67. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).

Мерперт, 1958. – Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья / Н.Я. Мерперт // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. А.П. Смирнов]. – МИА. – 1958. – № 61. – Т.II. – С.45–156.

Мерперт, 1962. – Мерперт Н.Я. Срубная культура Южной Чувашии / Н.Я. Мерперт // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. А.П. Смирнов]. – МИА. – № 111. – Т.IV. – 1962. – С.7–21.

Мерперт, Пряхин, 1979. – Мерперт Н.Я. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь / Н.Я. Мерперт, А.Д. Пряхин // Археология восточноевропейской лесостепи : межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол. : А.Д. Пряхин (науч. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1979. – С.3–21.

Мізін, 1970. – Мізін В.О. Знахідка ливарної матриці на поселенні пізньої бронзи під Дніпропетровськом / В.О. Мізін // Археологія. – 1970. – Вип.23. – С.214–216.

Мильков, 1951. – Мильков Ф.Н. Лесостепной ландшафт и его зональное подразделение / Ф.Н. Мильков // Известия АН СССР : сер. географ. – 1951. – № 5. – С.3–14.

Мильков, 1964. – Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР / Ф.Н. Мильков. – М. : Изд-во социально-экон. л-ры «Мысль», 1964. – 325 с. (Географ. серия).

Мильков, 1967. – Мильков Ф.Н. Основные проблемы физической географии СССР : учеб. пособ. для студентов геогр. спец. ун-тов / Ф.Н. Мильков. – М. : Изд-во «Высшая школа», 1967. – 251 с.

Мильков, 1978. – Мильков Ф.Н. Долиноречные ландшафтные системы / Ф.Н. Мильков // Известия Всесоюзного географического об-ва. – 1978. – Т.110. – Вып.4. – С.289–296.

Мильков, 1986. – Мильков Ф.Н. Физическая география = Physical geography: Учение о ландшафте и географическая зональность / Ф.Н. Мильков. – Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1986. – 326 с.

Мимоход, 1996. – Мимоход Р.О. Культурный комплекс на поселенні зрубної культури у Північно-Східному Надазов'ї / Р.О. Мимоход // Матеріали IV міжнар. археол. конф. студентів та молодих вчених / Нац. ун-т «Києво-Могилянська академія». – К. : Соборна Україна, 1996. – С.124–126.

Мимоход, 1999. – Мимоход Р.А. Строительные жертвоприношения в жилищах со столбовой конструкцией на поселениях срубной культуры / Р.А. Мимоход //

Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) III Граковские чтения : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; Моск. гос. ун-т ; Ин-т археол. НАН Украины ; Запорож. ОКМ ; Упр. культуры Запорож. облгосадмин. ; Запорож. науч. об-во им. Я. Новицкого ; Центр охраны и исследований памятников археологии Упр. культуры Полтав. облгосадмин. ; [редкол. : П.П. Толочко (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1999. – С.175–181.

Мимоход, 2000. – Мимоход Р.А. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики / Р.А. Мимоход // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий : сб. науч. тр. / Ин-т археол. НАН Украины ; Донец. областное Об-во любителей древностей ; Упр. по делам архитектуры и строительства при Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Донец. Гл. Упр. образования ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.Н. Усачук (отв. ред.) и др. ; В.Н. Горбов (рук. проекта)]. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000.– С.86–93.

Митрофанова, 1960. – Митрофанова В.Н. Янохинское поселение срубной культуры на р. Осколе / В.Н. Митрофанова // КСИА АН УССР. – 1960. – Вып.9. – С.63–66.

Митрофанова, Телегин, Шмаглий, 1962. – Митрофанова В.Н. Обследование памятников неолита и бронзы в районе Днепродзержинского водохранилища в 1959 г. / В.Н. Митрофанова, Д.Я. Телегин, Н.М. Шмаглий // КСИА АН УССР. – Вып.12. – 1962. – С.94–99.

Михеев, Моруженко, Шрамко, 1975. – Михеев В.К. Исследования в бассейне р. Мерлы / В.К. Михеев, А.А. Моруженко, Б.А. Шрамко // АО 1974 года. – М. : Наука, 1975. – С.324–325.

Мовша, 1993. – Мовша Т.Г. Взаємовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту-ранньобронзового віку / Т.Г. Мовша // Археологія. – 1993. – № 3. – С.36–51.

Мовша, 1998. – Мовша Т.Г. Зв'язки трипілья-кукутені зі степовими енеолітичними культурами (До проблеми індо-європеїзації Європи) / Т.Г. Мовша //

Записки наукового товариства ім. Т.Г. Шевченка. Археологічна комісія ; [ред. тому М. Бандрівський, Л. Крушельницька, О. Купчинський]. – Львів, 1998. – Т.СХХХV. – С.111–153 (Праці Археологічної комісії).

Мовша, 2000. – Мовша Т.Г. К проблеме взаимодействия древних земледельцев трипольско-кукутенской общности с носителями культур понтийских степей / Т.Г. Мовша // Проблемы археологии Поднiпров'я : зб. наук. пр. / Дніпропетр. нац. ун-т ; [редкол. : І.Ф. Ковальова (відп. ред.) та ін.]. – Д. : Вид-во ДНУ, 2000. – С.29–53.

Молодин, Пряхин, 2005. – Молодин В.И. К выделению производственных зон эпохи бронзы на пространствах евразийской Степи и Лесостепи / В.И. Молодин, А.Д. Пряхин // Проблемы гірничої археології : матеріали II-го міжнар. Картамиського польового археол. семінару, (с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл., 21–25 липня 2003 р.) / Ін-т археол. НАН України ; Донбас. держ. техн. ун-т ; Вороніз. держ. ун-т. – Алчевськ : Вид-во ДонбасДТУ, 2005. – С.7–10.

Молодцов, 1997. – Молодцов Б.А. Памятники эпохи бронзы у с. Харьевка / Б.А. Молодцов // АДУ 1993 року : зб. наук. пр. / Ін-т археол. НАН України ; [відп. ред. М.Ю. Відейко]. – К, 1997. – С.85–89.

Монгайт, 1973. – Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: в 2 т. Т.1: Каменный век / А.Л. Монгайт. – М. : Наука, 1973. – 355 с.

Монгайт, 1974. – Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: в 2 т. Т.2: Бронзовый и железный века / А.Л. Монгайт. – М. : Наука, 1974. – 406 с.

Морозов, 1983. – Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры / Ю.А. Морозов // Поселения и жилища древних племен Южного Урала : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т истории, языка и л-ры ; под ред. А.Х. Пшеничука и В.А. Иванова. – Уфа : БФАН СССР, 1983. – С.19–40.

Моруженко, 1989. – Моруженко А.А. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы / А.А. Моруженко // СА. – 1989. – № 1. – С.33–52.

Мыськов, 1991. – Мыськов Е.П. Раннесрубные памятники Нижнего Поволжья и проблема их формирования / Е.П. Мыськов // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья : тез. Вторых Рыковских чтений / Ин-т истории

и археол. уральского отделения АН СССР ; Саратов. гос. ун-т ; [отв. ред. Н.М. Малов]. – Саратов, 1991. – С.28–30.

Мыськов, 1992. – Мыськов Е.П. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье / Е.П. Мыськов // Археология Восточно-Европейской степи : сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1992. – Вып.3. – С.86–96.

Нейштадт, 1957. – Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене / М.И. Нейштадт ; АН СССР, Ин-т географии ; [отв. ред. Е.М. Лавренко]. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 404 с.

Никитина, 1974. – Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н. э.–первой половине I тыс. н. э. / Г.Ф. Никитина // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.–I тысячелетии н. э. / АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. В.В. Седов]. – М. : Наука, 1974. – С.5–131.

Николаева, 1978. – Николаева Н.А. О соотношении «многоваликовых» и раннесрубных погребений Донеччины / Н.А. Николаева // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол. : С.Г. Басин, И.Б. Васильев, Н.К. Качалова и др.]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышПИ, 1978. – Т.221. – С.29–30.

Никулице, 1981. – Никулице И.Т. Гальштатское поселение в Ханском микрорайоне / И.Т. Никулице // Археологические исследования в Молдавии (1974–1976 гг.) : сб. науч. тр. / АН Молдавской ССР, Отдел этнографии и искусствоведения ; [редкол. : Т.А. Щербакова (отв. ред.) и др.]. – Кишинев : «Штиинца», 1981. – С.71–88.

Обыденнов, 1976. – Обыденнов М.Ф. Новые стоянки черкаскульской культуры эпохи поздней бронзы в Башкирии / М.Ф. Обыденнов // СА. – 1976. – № 4. – С.111–120.

Обыденнов, Обыденнова, 1992. – Обыденнов М.Ф. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической области / М.Ф. Обыденнов, Г.И. Обыденнова ; под ред. А.Х. Халикова. – Самара : Изд-во СарГУ, 1992. – 172 с.

Оленковський, 1993. – Оленковський М.П. Археологічна карта Нижньодніпровського регіону. Пам'ятки середньої та пізньої бронзи / М.П. Оленковський ; Херсон. обласне упр. культури ; [відп. ред. серії М.П. Оленковський]. – Херсон, 1993. – Вип.4. – 83 с.

Оленковський, 2004. – Оленковський М.П. Археологічні пам'ятки Білозерського району Херсонської області. Каталог-довідник / М.П. Оленковський ; Херсон. обласна інспекція по охороні пам'яток історії та культури, Відділ археол. – Херсон : Айлант, 2004. – 76 с.

Оленковський, 2005. – Оленковський М.П. Археологічні пам'ятки Горностаївського району Херсонської області / М.П. Оленковський ; Херсон. обласна редколегія тому «Зводу пам'яток історії та культури України» ; Херсон. обласне відділення конгресу укр. інтелегенції (обласний громад. орган охорони археол. спадщини). – Херсон, 2005. – 68 с.

Оленковський, 2007. – Оленковський М.П. Археологічні пам'ятки Бериславського району Херсонської області. Археологічна карта / М.П. Оленковський ; Херсон. обласна редколегія тому «Зводу пам'яток історії та культури України» ; Херсон. обласне відділення конгресу укр. інтелегенції (обласний громад. орган охорони археол. спадщини). – Херсон : Айлант, 2007. – 108 с.

Оленковський, 2007а. – Оленковський М.П. Археологічні пам'ятки Цюрупинського району Херсонської області. Археологічна карта / М.П. Оленковський ; Херсон. обласна редколегія тому «Зводу пам'яток історії та культури України» ; Херсон. обласне відділення конгресу укр. інтелегенції (обласний громад. орган охорони археол. спадщини). – Херсон : Айлант, 2007. – 113 с.

Ольховский, Отрощенко, 1991. – Ольховский В.С. Курганное святилище эпохи бронзы в Крыму / В.С. Ольховский, В.В. Отрощенко // Древности степного Причерноморья и Крыма : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; Запорож. ОКМ ; [редкол. : Г.Н. Тоцев, Г.И. Шахров, Г.И. Шаповалов]. – Запорожье : Изд-во «Коммунар», 1991. – Вып.2. – С.111–125.

Осташков, 1995. – Осташков В.Є. Нова пам'ятка праслов'янської культури / В.Є. Осташков // Древние культуры и цивилизации Восточной Европы : материалы

3-ей междунар. археол. конф. студентов и молодых ученых (Одесса, февраль 1995 г.). – О., 1995. – С.44.

Отрощенко, 1973. – Отрощенко В.В. Про деякі кістяні знаряддя праці доби пізньої бронзи / В.В. Отрощенко // Археологія. – 1973. – № 1. – С.77–81.

Отрощенко, 1975. – Отрощенко В.В. Новый курганный могильник белозерского времени / В.В. Отрощенко // Скифский мир : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. А.И. Тереножкин (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1975. – С.193–206.

Отрощенко, 1976. – Отрощенко В.В. Погребения с трупосожжением срубной культуры Нижнего Поднепровья / В.В. Отрощенко // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Д.Л. Телегин]. – К. : Наук. думка, 1976. – С.172–190.

Отрощенко, 1978. – Отрощенко В.В. Могильники степного Поднепровья (2-я половина II тысячелетия до н. э.) / В.В. Отрощенко // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол. : С.Г. Басин, И.Б. Васильев, Н.К. Качалова и др.]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышПИ, 1978. – Т.221. – С.84–85.

Отрощенко, 1981. – Отрощенко В.В. Срубная культура Степного Поднепровья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / В.В. Отрощенко ; Ин-т археологии АН УССР. – К., 1981 – 22 с.

Отрощенко, 1982. – Отрощенко В.В. О каменных изваяниях у племен срубной культуры / В.В. Отрощенко // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. В.Д. Баран]. – К. : Наук. думка, 1982. – С.5–18.

Отрощенко, 1985. – Отрощенко В.В. Белозерская культура / В.В. Отрощенко // Археология Украинской ССР : в 3 т. Т.1 : Первобытная археология / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. Д.Я. Телегин (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1985.– С.519–526.

Отрощенко, 1986. – Отрощенко В.В. Белозерская культура / В.В. Отрощенко // Культуры эпохи бронзы на территории Украины / С.С. Березанская, В.В. Отро-

щенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова ; АН УССР, Ин-т археол. – К. : Наук. думка, 1986. – С.117–152.

Отрощенко, 1990. – Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) / В.В. Отрощенко // Обряды и верования древнего населения Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : В.М. Зубарь (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1990. – С.5–17.

Отрощенко, 1991. – Отрощенко В.В. К вопросу о хозяйстве племен белозерской культуры / В.В. Отрощенко // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.–V в. н. э.) : материалы междунар. конф., (Кишинев, 10–14 декабря 1990 г.) / АН ССРМ, Центр новостроеч. археол. исследований АН УССР ; Республ. ассоциация молодых ученых и специалистов ; [редкол. : Е.В. Яровой (отв. ред.) и др.]. – К., 1991. – С.127–128.

Отрощенко, 1993. – Отрощенко В.В. Клейноди зрубного суспільства / В.В. Отрощенко // Археологія. – 1993. – № 1. – С.101–109.

Отрощенко, 1994. – Отрощенко В.В. До уточнення хронології синташтинської культури / В.В. Отрощенко // Проблемы хронологии культур энеолита–бронзового века Украины и Юга Восточной Европы : тез. докл. междунар. науч. конф., (Днепропетровск, 25–28 апреля 1994 г.) / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д., 1994. – С.39–41.

Отрощенко, 1994а. – Отрощенко В.В. О двух линиях развития культур племен срубной общности / В.В. Отрощенко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья : тез. докл. междунар. конф., посвященной 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова : в 2-х ч. Ч.2 / Запорож. гос. ун-т ; Моск. гос. ун-т ; Крым. филиал Ин-та археол. АН Украины ; Запорож. КМ ; ГИКЗ «Каменная Могила» ; [редкол. : Г.Н. Тощев (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1994. – С.150–153.

Отрощенко, 1994б. – Отрощенко В.В. О погребениях черногоровского типа в Нижнем Подонье / В.В. Отрощенко // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. : сб. науч. тр. / Азов. КМ ; под ред. В.Я. Кияшко. – Азов, 1994. – Вып.13. – С.103–117.

Отрощенко, 1995. – Отрощенко В.В. Пути обмена – пути миграций / В.В. Отрощенко // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона : материалы укр.-рос. полевого археол. семинара, (с. Капитаново, 13–14 июля 1995 г.) / Ин-т археол. НАН Украины ; Центр.-Донец. археол. экспедиция, Воронеж. гос. ун-т ; [отв. ред. В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхин]. – Луганск, 1995. – С.18–19.

Отрощенко, 1997. – Отрощенко В.В. К вопросу о покровской срубной культуре / В.В. Отрощенко // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей : материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), (г. Энгельс, Саратовской обл., 12–17 мая 1997 г.) / Энгельс. КМ ; Дирекция охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Саратов. обл. ; Саратов. гос. ун-т ; [науч. ред. А.И. Юдин]. – Саратов : Изд-во СарГПИ, 1997. – С.70–72.

Отрощенко, 1999. – Отрощенко В.В. До питання про фінал культур зрубної спільності / В.В. Отрощенко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) III Граковские чтения : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; Моск. гос. ун-т ; Ин-т археол. НАН Украины ; Запорож. ОКМ ; Упр. культуры Запорож. облгосадмин. ; Запорож. науч. об-во им. Я. Новицкого ; Центр охраны и исследований памятников археологии Упр. культуры Полтав. облгосадмин. ; [редкол. : П.П. Толочко (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1999. – С.191–194.

Отрощенко, 2001. – Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко ; НАН України, Ін-т археол. – К. : Вид-во КНУ, 2001. – 288 с.

Отрощенко, 2003. – Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности / В.В. Отрощенко // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол.: А.Д. Пряхин (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : ВорГУ, 2003. – Вып.17. – С.68–96.

Отрощенко В.В., 2005. – До проблеми етнічної ідентифікації населення зрубної та андронівської спільнот / В.В. Отрощенко // Кам'яна доба України. До 85-річчя Д.Я. Телегіна : зб. наук. ст. / НАН України, Ін-т археол. ; [редкол. : Л.Л. Заліз-

няк (гол. ред.), В.О. Манько (відп. ред.) та ін.]. – К. : Шлях, 2005. – Вип.7. – С.222–225.

Отрощенко, 2009. – Отрощенко В.В. Найпізніші поховання бережнівсько-маївської зрубною культури / В.В. Отрощенко // Проблеми гірничої археології : матеріали VII-го міжнар. Картамиського польового археол. семінару, (с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл., 15–16 липня 2008 р.) / Донбас. держ. техн. ун-т ; Вороніз. держ. ун-т ; Укр.-рос. НЛ «Металургія та металообробка Доно-Донецького регіону за доби бронзи» ; Донбас. відділ Східноукр. філії Ін-ту археол. НАН України ; [наук. ред. Ю.М. Бровендер]. – Алчевськ : ДонбасДТУ, 2009. – С.114–126.

Отрощенко, Болтрик, 1982. – Отрощенко В.В. Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области / В.В. Отрощенко, Ю.В. Болтрик // Материалы по хронологии археологических памятников Украины : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Д.Я. Телегин]. – К. : Наук. думка, 1982. – С.38–46.

Отрощенко, Бровендер, Пряхин и др., 1996. – Отрощенко В.В. Украинско-российская экспедиция по изучению Капитановского археологического микрорайона памятников эпохи бронзы (итоги работ 1995–1996 гг.) / В.В. Отрощенко, Ю.М. Бровендер, А.Д. Пряхин, В.И. Беседин // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи : тез. докл. и материалы рос.-укр. научн. конф. и второго укр.-рос. полевого семинара, (с. Капитаново Луганской обл. Украина, 12–13 июля 1996 г. ; г. Воронеж, РФ, 30 сентября–2 октября 1996 г.) / Регион. совет по комплексной программе отделения РАН «Ранние общества : взаимодействие со средой, природа и история» ; Комитет по науке и высшей школе админ. Воронеж. области РФ ; Ин-т археол. НАН Украины. – Воронеж, 1996. – Вып.2. –С.4–10.

Отрощенко, Шевченко, 1987. – Отрощенко В.В. О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры / В.В. Отрощенко, Н.П. Шевченко // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. И.И. Артеменко]. – К. : Наук. думка, 1987. – С.131–144.

Палагута, 1997. – Палагута И.В. Находки на размытых поселениях эпохи бронзы в зоне затопления Кременчугского водохранилища / И.В. Палагута // АДУ 1993 року : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [відп. ред. М.Ю. Відейко]. – К., 1997. – С.104–105.

Памятники срубной культуры, 1993. – Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье / Л.Л. Галкин, И.И. Дремов, Б.Ф. Железняков и др. ; [науч. ред. Н.К. Качалова] // САИ. – Вып.В1-10. – Т.1. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1993. – 200 с.

Панковский, 1999. – Панковский В.Б. Функционально-типологический анализ костяного инвентаря поселения Ильичевка / В.Б. Панковский // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) III Граковские чтения: сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; Моск. гос. ун-т ; Ин-т археол. НАН Украины ; Запорож. ОКМ ; Упр. культуры Запорож. облгосадмин. ; Запорож. науч. об-во им. Я. Новицкого ; Центр охраны и исследований памятников археологии Упр. культуры Полтав. облгосадмин. ; [редкол. : П.П. Толочко (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1999. – С.196–201.

Панковский, 2000. – Панковский В.Б. Подходы к изучению специализации и организационных форм косторезного и кожевенного производства в эпоху поздней бронзы / В.Б. Панковский // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий : сб. науч. тр. / Ин-т археол. НАН Украины ; Донец. областное Об-во любителей древностей ; Упр. по делам архитектуры и строительства при Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Донец. Гл. Упр. образования ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.Н. Усачук (отв. ред.) и др. ; В.Н. Горбов (рук. проекта)]. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000.– С.95–97.

Панковський, 2003. – Панковський В.Б. Про призначення «зубчастих лопаток» / В.Б. Панковський // Археологія. – 2003. – № 3. – С.134–144.

Панковский, Усачук, 1996. – Панковский В.Б. Костяные «коньки» поселения Безыменное II / В.Б. Панковский, А.Н. Усачук // Северо-Восточное Приазовье в

системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век) : материалы междунар. конф. : в 2-х ч. Ч.2 / Донец. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАН Украины ; Ин-т археол. НАН Украины ; ИИМК РАН ; Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.33–37.

Папин, Шамшин, 1999. – Папин Д.В., Шамшин А.Б. Материалы переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа в лесостепном алтайском Приобье / Д.В. Папин, А.Б. Шамшин // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. конф. (Барнаул, 24–27 марта 1999 г.) ; под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. – Барнаул : Изд-во АлГУ, 1999. – С.141–144.

Патрушев, Халиков, 1982. – Патрушев В.С. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник) / В.С. Патрушев, А.Х. Халиков ; АН СССР, Казан. филиал, Ин-т языка, л-ры и истории им. Ибрагимова ; [отв. ред. : Е.Н. Черных]. – М. : Наука, 1982. – 277 с.

Пашкевич, 2000. – Пашкевич Г.А. Земледелие в степи и лесостепи Восточной Европы в неолите–бронзовом веке (палеозтноботанические свидетельства) / Г.А. Пашкевич // *Stratum plus*. – 2000. – № 2. – С.404–418.

Пеляшенко, Буйнов, 2009. – Пеляшенко К.Ю. Охоронні дослідження на поселеннях доби бронзи завод Комсомолець та Мерефа 4 на Харківщині / К.Ю. Пеляшенко, Ю.В. Буйнов // АДУ 2008 року : зб. наук. пр. / Ін-т археол. НАН України ; [редкол. : Д.Н. Козак (гол. ред.) та ін.]. – К. : ВД «Академперіодика» ; ІА НАН України, 2009. – С.223–227.

Петрунь, 1962. – Петрунь В.Ф. Раскопки в урочище близ с. Ильинка Одесской обл. в 1946–1947 гг. / В.Ф. Петрунь // Материалы по археологии Северного Причерноморья / ОАМ ; Одес. гос. ун-т ; [редкол. : А.Г. Сальников (отв. ред.) и др.]. – О. : Книжное изд-во, 1962. – Вып.4. – С.150–161.

Петрунь, 1967. – Петрунь В.Ф. Петрография и некоторые проблемы материала каменных литейных форм эпохи бронзы Северного Причерноморья / В.Ф. Петрунь // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР / Ин-т археол. АН УССР ;

Ин-т археол. АН СССР ; [отв. ред. А.М. Лесков, Н.Я. Мерперт]. – К. : Наук. думка, 1967. – С.185–194.

Петрунь, 1991. – Петрунь В.Ф. Археолого-петрографическая характеристика обработанного камня из поселения Вороновка II / В.Ф. Петрунь // Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье / В.П. Ванчугов, А.Г. Загинайло, В.Г. Кушнир, В.Г. Петренко ; АН УССР, ОАМ ; [отв. ред. В.Н. Станко]. – К. : Наук. думка, 1991. – С.70–77.

Петрунь, 1997. – Петрунь В.Ф. Краткое заключение о результатах камерального и полевого исследования камня археологических комплексов срубного времени Безыменное I и II / В.Ф. Петрунь // Археологический альманах : сб. науч. ст. / Ин-т археол. НАН Украины ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Краматор. экон.-гуманит. ин-т ; Донец. областная орг. УООПИК ; [редкол. : А.В. Колесник (гл. ред.) и др.]. – Донецк : ООО «Китис», 1997. – № 6. – С.161–162.

Пидопличко, 1963. – Пидопличко И.Г. Современные проблемы и задачи изучения истории фаун и среды их обитания / И.Г. Пидопличко // Природная обстановка и фауны прошлого / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. И.Г. Пидопличко]. – К. : Изд-во АН УССР. – 1963. – Вып.1. – С.9–30.

Пикуль, 1967. – Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане / М.И. Пикуль ; Дагестан. филиал АН СССР, Ин-т истории, языка и л-ры. – Махачкала, 1967. – 175 с.

Писларий, 1971. – Писларий И.А. Новые памятники эпохи бронзы в среднем течении Северского Донца / И.А. Писларий // АИУ 1968 года : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. [отв. ред. П.П. Толочко]. – К. : Наук. думка, 1971. – С.131–132.

Писларий, 1983. – Писларий И.А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины : автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / И.А. Писларий ; Ин-т археологии АН СССР. – М., 1983. – 22 с.

Писларий, Гераськова, Дубовская и др., 1979. – Писларий И.А. Исследование Северодонецкой экспедиции / И.А. Писларий, Л.С. Гераськова, О.Р. Дубовская,

А.И. Смирнов, Р.В. Орел, В.Г. Самойленко // АО 1978 года. – М. : Наука, 1979. – С.388–389.

Плешивенко, 1996. – Плешивенко А.Г. Курганы у села Малокатериновка / А.Г. Плешивенко ; Запорож. ОКМ ; Областная инспекция по охране памятников истории и культуры. – Запорожье, 1996. – 163 с.

Погребова, 1960. – Погребова Н.Н. Пересадовское поселение на Ингуле / Н.Н. Погребова // СА. – 1960. – № 4. – С.76–90.

Погребова, Елагина, 1962. – Погребова Н.Н. Работы в Тигуло-Березанском районе в 1959 г. / Н.Н. Погребова, Н.Г. Елагина // КСИА АН СССР. – 1962. – Вып. 89. – С.6–14.

Подобед, Усачук, Цимиданов, 2010. Подобед В.А. Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Древности Сибири и Центральной Азии : сб. науч. тр. / Горно-Алтайский гос. ун-т ; под ред. В.И. Соенова. – Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. – № 3 (15). – С. 14–33.

Покровська, Петровська, 1961. – Покровська Е.Ф. Поселення кінця епохи бронзи біля с. Велика Андрусівка / Е.Ф. Покровська, Е.О. Петровська // Археологія. – 1961. – Т.ХІІ. – С.129–144.

Полидович, Цимиданов, 1994. – Полидович Ю.Б. О наиболее поздних погребениях срубной культуры / Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов // Проблемы хронологии культур энеолита–бронзового века Украины и Юга Восточной Европы : тез. докл. междунар. науч. конф., (Днепропетровск, 25–28 апреля 1994 г.) / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д., 1994. – С.44–46.

Полин, Симоненко, 1990. – Полин С.В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья / С.В. Полин, А.В. Симоненко // Исследования по археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1990. – С.76–95.

Пономарев, 1994. – Пономарьев А.П. Українська етнографія: курс лекцій / А.П. Пономарьев ; [гол. ред. С. Головка]. – К. : Вид-во «Либідь», 1994. – 315 с.

Попандопуло, Шмакова, 1999. – Попандопуло З.Х. Курганные могильники у сел Овчарное и Новоукраинка Вольнянского района / З.Х. Попандопуло, О.А. Шмакова // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму : зб. наук. пр. / Запоріж. держ. ун-т ; Запоріж. ОКМ ; [редкол. : П.П. Толочко (гол. ред.) та ін.]. – Запоріжжя : Вид-во ЗГУ, 1999. – Т.VII. – С.155–171.

Попенко, 1996. – Попенко В.Н. Холодное оружие. Энциклопедический словарь / В.Н. Попенко. – М. : Изд-во «Богучар», 1996. – 479 с.

Попова, 1960. – Попова Т.Б. Памятники срубной культуры в окрестностях села Быково / Т.Б. Попова // Древности нижнего Поволжья. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции / АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов]. – МИА. –1960. – № 78. – Т.2. – С.269–281.

Посредников, 1994. – Посредников В.А. Материалы разведки поселения Богдановская Балка (Донецкий кряж, срубное и салтовское время) / В.А. Посредников // Донецкий археологический сборник : сб. науч. тр. / Донец. гос. ун-т ; [науч. ред. В.А. Посредников]. – Донецк : Аверс Ко ЛТД, 1994. – Вып.5. – С. 125–140.

Посредников, Зарайская, 1993. – Посредников В.А. Материалы курганов у с. Огородное (Северное Приазовье) / В.А. Посредников, Н.П. Зарайская // Донецкий археологический сборник : сб. науч. тр. / Донец. гос. ун-т ; [науч. ред. В.А. Посредников]. – Донецк : Аверс Ко ЛТД, 1993. – Вып.4. – С.82–178.

Посредников, Кравец, 1992. – Посредников В.А. В вопросе об обряде кремации у срубных племен Донбасса / В.А. Посредников, Д.П. Кравец // Донецкий археологический сборник : сб. науч. тр. / Донец. гос. ун-т ; [науч. ред. В.А. Посредников]. – Донецк : Аверс Ко ЛТД, 1992. – Вып.1. – С.47–56.

Потапов, 1993. – Потапов В.В. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры / В.В. Потапов // РА. – 1993. – № 3. – С.218–221.

Потапов, 1997. – Потапов В.В. Погребения XII–X вв. до н. э. в Волго-Донских степях (к проблеме отбора источников) / В.В. Потапов // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей : материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), (г. Энгельс, Саратовской обл., 12–17 мая 1997 г.) / Энгельс. КМ ; Дирекция охраны,

реставрации и использования памятников истории и культуры Саратов. обл. ; Саратов. гос. ун-т ; [науч. ред. А.И. Юдин]. – Саратов : Изд-во СарГПИ, 1997. – С.128–130.

Потапов, 1998. – Потапов В.В. Погребения белозерского хронологического горизонта в бассейне Нижнего Дона и Северо-Восточном Приазовье / В.В. Потапов // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы : тез. докл. VII Донской археол. конф., (Ростов-на-Дону, 22–26 ноября 1998 г.) / [редкол. : В.Я. Кияшко, В.А. Ларенок, В.В. Потапов]. – Ростов-на-Дону, 1998. – С.61–63.

Потапов, 2000. – Потапов В.В. Жилища поселения Вареновка III / В.В. Потапов // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий : сб. науч. тр. / Ин-т археол. НАН Украины ; Донец. областное Об-во любителей древностей ; Упр. по делам архитектуры и строительства при Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Донец. Гл. Упр. образования ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.Н. Усачук (отв. ред.) и др. ; В.Н. Горбов (рук. проекта)]. – Донецк : Изд-во «Східний видавничий дім», 2000. – С.23–26.

Потапов, 2010. – Потапов В.В. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / В.В. Потапов ; Ин-т археологии РАН. – М., 2010. – 25 с.

Потемкина, 1979. – Потемкина Т.М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье / Т.М. Потемкина // СА. – 1979. – № 2. – С.19–31.

Потемкина, 1982. – Потемкина Т.М. О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье / Т.М. Потемкина // КСИА АН СССР. – 1982. – Вып.169. – С.44–53.

Потемкина, 1985. – Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья / Т.М. Потемкина; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. В.П. Шилов]. – М. : Наука, 1985. – 376 с.

Потемкина, 2001. – Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии / Т.М. Потемкина // Мировоззрение древнего населения Евразии : сб. науч. ст. / РАН, Ин-т археол. ; [отв. ред. М.А. Дэвлет]. – М. : Старый сад, 2001. – С.166–256.

Привалов, 1999. – Привалов А.И. Охранные исследования поселения Старая Ласпа / А.И. Привалов // Літопис Донбассу (Додаток до Археологічного альманаху) / Упр. культури Донец. облдержадмін. ; Донец. ОКМ ; [редкол. : Т.В. Ілляшенко, О.В. Колесник, Т.П. Койнап, Г.П. Ковальчук, Т.Ю. Тимофеева]. – Донецьк, 1999. – Вип.7. – С.31–35.

Привалова, 1976. – Привалова О.Я. Работы Донецкого краеведческого музея / О.Я. Привалова // АО 1975 года. – М. : Наука, 1976. – С.379–380.

Привалова, 1983. – Привалова О.Я. Исследования в Донецкой области / О.Я. Привалова // АО 1981 года. – М. : Наука, 1983. – С.309–310.

Привалова, 2000. – Привалова О.Я. Староласпинское поселение эпохи поздней бронзы / О.Я. Привалова // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий : сб. науч. тр. / Ин-т археол. НАН Украины ; Донец. областное Об-во любителей древностей ; Упр. по делам архитектуры и строительства при Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Донец. Гл. Упр. образования ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.Н. Усачук (отв. ред.) и др. ; В.Н. Горбов (рук. проекта)]. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000.– С.105–107.

Привалова, Привалов, 1987. – Привалова О.Я. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье / О.Я. Привалова, А.И. Привалов // Древнейшие скотоводы степей юга Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : О.Г. Шапошникова (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1987. – С.94–108.

Приймак, Супруненко, 1995. – Приймак В.В. 9. Кельт (Наш каталог) / В.В. Приймак, О.Б. Супруненко // ПАЗ : зб. наук. пр. / Центр охорони та досліджень

пам'яток археології управління культури Полтав. облдержадмін. ; за ред. О.Б. Супруненко. – Полтава : ПКМ, 1995. – Вип.3. – С. 169.

Пробейголова, 2008. – Пробейголова А.С. Раскопки поселения поздней бронзы у с. Давыдово-Никольское в 2007–2008 гг. / А.С. Пробейголова // АДУ 2008 року : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [редкол. : Д.Н. Козак (гол. ред.) та ін.]. – К. : ВД «Академперіодика» ; ІА НАН України, 2008. – С.243–244.

Пробейголова, 2009. – Пробейголова А.С. Матеріали фінала епохи бронзи с поселення Давыдово-Никольское на Северском Донце / А.С. Пробейголова // Проблеми гірничої археології: матеріали VII-го міжнар. Картамиського польового археол. семінару, (с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл., 15–16 липня 2008 р.) / Донбас. держ. техн. ун-т ; Вороніз. держ. ун-т ; Укр.-рос. НЛ «Металургія та металообробка Доно-Донецького регіону за доби бронзи» ; Донбас. відділ Східноукр. філії Ін-ту археол. НАН України ; [наук. ред. Ю.М. Бровендер]. – Алчевськ : ДонбасДТУ, 2009. – С.126–132.

Прокофьев, Потапов, 2000. – Прокофьев Р.В. Поселение Малаховский Ерик II в дельте Дона / Р.В. Прокофьев, В.В. Потапов // Донская археология / Ростов. гос. ун-т ; [отв. ред. В.Е. Максименко]. – 2000. – № 1. – С.45–55.

Пряхин, 1973. – Пряхин А.Д. Древнее население Песчанки / А.Д. Пряхин ; [науч. ред. Е.Н. Черных]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1973. – 175 с.

Пряхин, 1976. – Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности / А.Д. Пряхин / Воронеж. гос. ун-т ; [науч. ред. Н.Я. Мерперт]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1976. – 168 с.

Пряхин, 1993. – Пряхин А.Д. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы : в 2 т. Т.1. / А.Д. Пряхин. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1993. – 108 с.

Пряхин, 1996. – Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы : в 2 т. Т.2. / А.Д. Пряхин. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1996. – 176 с.

Пряхин, 2004. – Пряхин А.Д. Изучение проблематики эпохи бронзы Доно-Донецкого региона на современном этапе развития археологии / А.Д. Пряхин // Археология восточноевропейской лесостепи. Отечественная археология XX века

(исследователи, история исследований) : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол. : А.Д. Пряхин (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 2004. – Вып.18. – С.28–54.

Пряхин, Беседин, 1988. – Пряхин А.Д. Воронежская культура средней бронзы / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1988. – С.90–109.

Пряхин, Бровендер, 1995. – Пряхин А.Д. Бескурганские могильники в площади Капитановского и Мосоловского поселений срубной культурно-исторической общности / А.Д. Пряхин, Ю.М. Бровендер // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона : материалы укр.-рос. полевого археол. семинара, (с. Капитаново, 13–14 июля 1995 г.) / Ин-т археол. НАН Украины ; Центр.-Донец. археол. экспедиция ; Воронеж. гос. ун-т ; [отв. ред. В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхин]. – Луганск, 1995. – С.24.

Пряхин, Матвеев, 1987. – Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Донская лесостепная срубная культура : становление, этапы развития // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС : тез. докл. Всесоюз. конф. – Суздаль, 1987. – М. : Наука, 1987. – С. 209–210.

Пряхин, Матвеев, 1988. – Пряхин А.Д. Курганы эпохи бронзы Побитюжья / А.Д. Пряхин, В.Ю. Матвеев ; [науч. ред. М.Ф. Косарев]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1988. – 206 с.

Пряхин, Сафонов, 2003. – Пряхин А.Д. Изучение и оценка памятников эпохи бронзы Доно-Донецкого региона во второй половине XIX–первой половине XX вв. / А.Д. Пряхин, И.Е. Сафонов // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол. : А.Д. Пряхин (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : ВорГУ, 2003. – Вып.17. – С.10–35.

Пряхин, Тихонов, 1979. – Пряхин А.Д. Донская лесостепная срубная культура / А.Д. Пряхин, Б.Г. Тихонов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы : тез. докл. науч. конф., (3–6 декабря 1979 г.) / Ин-т археол. АН УССР ; Донец. НИЦ АН УССР ; Донец. областная орг. УООПИК ; Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.А. Моруженко (отв. ред.) и др.]. – Донецк, 1979. –С.64–66.

Пушкарев, 1975. – Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л.Н. Пушкарев ; АН СССР, Ин-т истории СССР ; [отв. ред. Л.В. Черепнин]. – М. : Наука, 1975. – 281 с.

Пятых, 2006. – Пятых Г.Г. Изделия из камня и кости в срубной культуре Заволжья / Г.Г. Пятых // Вопросы археологии Поволжья / Самар. гос. пед. ун-т, Ин-т истории и археол. Поволжья ; [редкол. : И.Н. Васильева (отв. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во «Научно-технический центр», 2006. – Вып.4. – С.358–365.

Раевский, 1985. – Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. / Д.С. Раевский ; АН СССР, Ин-т востоковедения ; [отв. ред. Е.В. Антонова]. – М. : Наука, 1985. – 255 с.

Радзієвська, Шрамко Б.А., 1980. – Радзієвська В.Е. Нові археологічні пам'ятки на Харківщині / В.Е. Радзієвська, Б.А. Шрамко // Археологія. – 1980. – Вип.49. – С.100–108.

Раунер, 1981. – Раунер Ю.Л. Динамика экстримумов увлажнения за исторический период / Ю.Л. Раунер // Известия АН СССР. Сер. географ. – 1981. – № 6. – С.5–22.

Рафалович, Черняков, 1982. – Рафалович И.А. Комратское поселение эпохи бронзы / И.А. Рафалович, И.Т. Черняков // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья : сб. науч. тр. / АН УССР, ОАМ ; [редкол. : Г.А. Дзис-Райко (отв. ред.) и др.]. – К. ; Наук. думка, 1982. – С.53–66.

Рах, 1989. – Рах Х.Ю. Поселение / Х.Ю. Рах // Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (АН СССР) ; Центр. ин-т истории (ГДР) ; под общей ред. Ю.В. Бромлея, Г. Штробаха, отв. ред. С.А. Арутюнов. – М. : Наука, 1989. – Вып.3. – С.144–146.

Романчук, 2002. – Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата / А.А. Романчук // Stratum plus. – 2001–2002. – № 3. – С.8–117.

Ромашко, 1978. – Ромашко В.А. Памятники предскифской эпохи в Орельско-Самарском междуречье / В.А. Ромашко // Курганные древности Степного

Поднепровья III–I тыс. до н. э. : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1978. – С.70–77.

Ромашко, 1979. – Ромашко В.А. Новые киммерийские памятники в материалах экспедиции ДГУ / В.А. Ромашко // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1979. – С.104–110.

Ромашко, 1980. – Ромашко В.А. К вопросу о генезисе киммерийских памятников днепровского Левобережья / В.А. Ромашко // Курганы степного Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетровский государственный университет ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1980. – С.76–82.

Ромашко, 1982. – Ромашко В.А. Поселение финальной бронзы–раннего железного века у с. Бузовка Днепропетровской области / В.А. Ромашко // Древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1982. – С.54–59.

Ромашко, 1983. – Ромашко В.А. Поселение и могильник начала I тыс. до н. э. у с. Залинейное на Харьковщине / В.А. Ромашко // Древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1983. – С.54–60.

Ромашко, 1984. – Ромашко В.А. Некоторые особенности погребального обряда чернолесской культуры Левобережья Днестра / В.А. Ромашко // Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1984. – С.106–110.

Ромашко, 1985. – Ромашко В.А. Об одном из типов псалиев рубежа II–начала I тысячелетия до н. э. / В.А. Ромашко // Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1985. – С.90–97.

Ромашко, 1986. – Ромашко В.А. Природно-климатические условия и хозяйственная деятельность населения пограничья Степи и Лесостепи Левобережной Украины на рубеже II–I тыс. до н. э. / В.А. Ромашко // Проблемы

археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1986. – С.120–136.

Ромашко, 1993. – Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины / В.А. Ромашко // Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1993. – С.79–91.

Ромашко, 1994. – Ромашко В.А. Культурные места Богуславского поселения позднего бронзового века / В.А. Ромашко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья : тез. докл. междунар. конф., посвященной 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова : в 2-х ч. Ч.2 / Запорож. гос. ун-т ; Моск. гос. ун-т ; Крым. филиал Ин-та археол. АН Украины ; Запорож. КМ ; ГИКЗ «Каменная Могила» ; [редкол. : Г.Н. Тошев (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1994. – С.161–163.

Ромашко, 1995. – Ромашко В.А. Новая находка дисковидного псаля в Присамарье / В.А. Ромашко // Регіональні та загальні в історії : тез. міжнар. наук. конф., присвяченої 140-річчю від дня народження Д.І. Яворницького та 90-літтю XIII Археол. з'їзду, (Дніпропетровськ, листопад 1995 р.) / Дніпропетр. обласний виконавчий комітет ; Дніпропетр. держ. історичний музей ім. Д. Яворницького ; Дніпропетр. держ. ун-т ; [ред.-упорядн. В.М. Бекетова]. – Д. : Пороги, 1995. – С.64–65.

Ромашко, 1995а. – Ромашко В.А. Павлоградское поселение эпохи бронзы (к вопросу о территории распространения и культурной принадлежности памятников обиточненского типа) / В.А. Ромашко // Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1995. – С.114–134.

Ромашко, 1995б. – Ромашко В.А. Поздний бронзовый век в пограничье Лесостепи и Степи Левобережной Украины (XII–X вв. до н. э.) : учеб. пособ. / В.А. Ромашко ; Днепропетр. гос. ун-т. – Д. : Изд-во ДГУ, 1995. – 91 с.

Ромашко, 1996. – Ромашко В.А. К вопросу о так называемом «исходе» срубников из лесостепной зоны / В.А. Ромашко // Міжнародні зв'язки народів Європи. Секції III–IV : матеріали наук. конф., (Запоріжжя, 1–2 листопада 1996 р.) /

Запоріж. держ. ун-т ; [редкол. : Ф.Г. Турченко (відп. ред.) та ін.]. – Запоріжжя : «Тандем У», 1996. – С.150–152.

Ромашко, 1996а. – Ромашко В.А. К выделению нового типа кинжалов позднего бронзового века / В.А. Ромашко // Древности 1996 : Харьковский историко-археологический ежегодник / Харьк. ист.-археол. об-во ; [редкол. : В.И. Кадеев (гл. ред.) и др.]. – Х. : Изд-во «Бизнес Информ», 1996. – Вып.3. – С.46–51.

Ромашко, 1996б. – Ромашко В.А. О контактной зоне культур валиковой керамики В.А. Ромашко // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): материалы междунар. конф. : в 2-х ч. Ч.2 / Донец. гос. ун-т; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАН Украины ; Ин-т археол. НАН Украины ; ИИМК РАН ; Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.66–69.

Ромашко, 1997. – Ромашко В.А. К вопросу о «чернолесской» керамике Левобережной Украины / В.А. Ромашко // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Дмитрия Ивановича Багалея : тез. докл. науч. конф., (Харьков, 16–18 апреля 1997 г.) / Харьк. областное ист.-археол. об-во ; Харьк. областная гос. админ. ; Харьк. гор. испол. ком. ; [редкол. : В.И. Кадеев (отв. ред.) и др.]: – Х. : АО «Бизнес Информ», 1997. – С.19–20.

Ромашко, 1997а. – Ромашко В.А. Поселение эпохи бронзы у села Богуслав / В.А. Ромашко // Сабатиновская и срубная культуры : проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху бронзы: тез. докл. I-го Всесоюз. полевого семинара 10–18 сентября 1990 г. (К.–Николаев–Южноукраинск) / Ин-т археол. НАН Украины ; Днепропетр. гос. ун-т ; Производств. объединение «Южноукраинская атомная электростанция» ; [сост. и ред. В.Н. Ключинцев]. – Херсон : «Борисфен-Полиграф-сервис», 1997. – С.61–62.

Ромашко, 1998. – Ромашко В.А. «Чернолесская» столовая посуда культур позднего бронзового века Левобережной Украины / В.А. Ромашко // Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1998. – С.79–95.

Ромашко, 1999. – Ромашко В.А. О погребальном обряде позднесрубных племен Украины / В.А. Ромашко // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя) : тез. доп. наук. конф. / Дніпропетр. держ. ун-т ; Незалежний Благод. фонд «Нова ідеологія» ; Дніпропетр. обласна держадмін. ; [редкол. : І.Ф. Ковальова (відп. ред.) та ін.]. – Д. : «Нова ідеологія», 1999. – С.37–39.

Ромашко, 1999а. – Ромашко В.А. Погребальный обряд позднесрубных племен Украины: критерии отбора источников, региональные особенности / В.А. Ромашко // Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепрпетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1999. – С.119–138.

Ромашко, 2000. – Ромашко В.А. Домостроительство племен срубно-белозерской культуры Украины (типология, реконструкция домовых форм, маркировка домовых ландшафтов и ландшафтов домовых форм) / В.А. Ромашко // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий : сб. науч. тр. / Ин-т археол. НАН Украины ; Донец. областное Об-во любителей древностей ; Упр. по делам архитектуры и строительства при Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Донец. Гл. Упр. образования ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. гос. ун-т ; [редкол. : А.Н. Усачук (отв. ред.) и др. ; В.Н. Горбов (рук. проекта)]. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000.– С.19.

Ромашко, 2000а. – Ромашко В.А. Типология сооружений срубно-белозерской культуры Украины / В.А. Ромашко // Проблемы археологии Поднепровья : сб. науч. тр. / Днепрпетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДНУ, 2000. – С.134–142.

Ромашко, 2001. – Ромашко В.А. Жилище белозерской культуры поселения Лоцманская Каменка в Надпорожье / В.А. Ромашко // Вісник ДНУ. – 2001. – Вип.6. – С.169–177.

Ромашко, 2001а. – Культурно-хронологическая интерпретация понятия «поздний бронзовый век» в украинской археологии (к вопросу о месте срубной и срубно-белозерской культур в периодизации эпохи бронзы) / В.А. Ромашко //

Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы», (23–28 апреля 2001 г.) / Ин-т археол. РАН; ИИМК РАН ; Ин-т истории и археол. Поволжья ; Самар. гос. пед. ун-т ; Самар. гос. ун-т ; Самар. ОИКМ ; [редкол. : Ю.И. Колев (отв. за выпуск) и др.]. – Самара : Изд-во ООО „НТЦ”, 2001. – С.50–52.

Ромашко, 2001б. – Ромашко В.А. Опыт реконструкции домовых форм срубно-белозерской культуры Украины / В.А. Ромашко // Проблемы археологии и архитектуры : в 2 т. Т.1. «Археология» / Ин-т археол. НАН Украины ; Донбас. гос. академия строительства и архитектуры ; Упр. градостроительства и архитектуры Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Гл. упр. образования и науки при Донец. облгосадмин. ; Донец. областное об-во любителей древностей ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. ОКМ ; Донец. нац. ун-т ; [редкол. : П.В. Добров, Н.Е. Беспалов, В.А. Носков, Е.Е. Кузьмина, А.Д. Пряхин, Х.А. Бенаи, В.И. Ежов, Г.И. Лаврин, В.И. Кравец, А.А. Мирошниченко ; рук. проекта В.Н. Горбов, О.В. Чемакин]. – Донецк ; Макеевка : Журнал «Донбасс», 2001. – С.132–145.

Ромашко, 2002. – Ромашко В.А. Поселение позднего бронзового века у. с. Шолохово на р. Базавлук / В.А. Ромашко // Проблеми археології Подніпров'я : зб. наук. пр. / Дніпропетр. нац. ун-т ; [редкол. : І.Ф. Ковальова (відп. ред.) та ін.]. –Д. : Вид-во ДНУ, 2002. – С.91–99.

Ромашко, 2002а. – Ромашко В.А. Приочажные столбовые ямы в жилищах позднего бронзового века Левобережной Украины / В.А. Ромашко // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.– V в. н. э.) : материалы докл. III междунар. конф., (Тирасполь, 5–8 ноября 2002 г.) / М-во просвещения Приднестр. Молдавс. Республики, Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко ; Приднестр. НЦ Рос. Академии естественных наук ; НИЛ «Археология» Приднестр. гос. ун-та ; [редкол. : Е.В. Яровой (отв. ред.) и др.]. – Тирасполь, 2002. – С.167–169.

Ромашко, 2006. – Ромашко В.А. Стационарные культовые комплексы ираноязычных племен позднего бронзового века Украины (по материалам срубной и срубно-белозерской культур) / В.А. Ромашко // АЛЛУ. – Полтава : ВЦ «Археологія», 2006. – № 2. – С.7–11.

Ромашко, 2007. – Ромашко В.А. Археологические исследования в Нижнем Присамарье / В.А. Ромашко // АДУ 2005–2007 років : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [редкол. : Н.О. Гаврилюк (гол. ред.) та ін.]. – К. ; Запоріжжя : ІА НАН України; Дике поле, 2007.– с.322–326.

Ромашко, 2007а. – Ромашко В.А. Результаты исследования поселений позднего бронзового века в окрестностях местонахождения Лобойковского клада / В.А. Ромашко // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Від неоліту до кіммерійців : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; Ін-т археол. НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.]. – Луганськ : Вид-во СНУ ім. В.Даля, 2007. – Вип.7. – С.209–216.

Ромашко, 2011. – Ромашко В.А. З приводу призначення так званих «кішок» / В.А. Ромашко // Археологія. – 2011. – № 1. – С.101–104.

Ромашко, 2011а. – Ромашко В.А. К вопросу о генезисе срубно-белозерской культуры / В.А. Ромашко // Проблеми гірничої археології : матеріали VIII-го міжнар. Картамиського польового археологічного семінару, (с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл., 15–16 липня 2009 р.) / Донбас. держ. техн. ун-т ; Вороніз. держ. ун-т; Укр.-рос. НЛ «Металургія та металообробка Доно-Донецького регіону за доби бронзи» ; Донбас. відділ Східноукр. філії Ін-ту археол. НАН України ; [наук. ред. Ю.М. Бровендер]. – Алчевськ : ДонбасДТУ, 2011. – С.151–172.

Ромашко, 2013. – Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) / В.А. Ромашко ; Днепропетр. нац. ун-т ; НАН Украины, Ін-т археол. ; [науч. ред. Я.П. Гершкович]. – К. : Видавничий Дім «Скіф», 2013. – 589 с.

Ромашко, Калагина, 1991. – Ромашко В.А. Новая находка карасукского кинжала в Поднепровье / В.А. Ромашко, Г.Н. Калагина // СА. – 1991. – № 1. – С.267–268.

Ромашко, Марина, 1993. – Ромашко В.А. Розкопки поселень доби пізньої бронзи на р. Самара / В.А. Ромашко, З.П. Марина // АДУ 1992 року : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [редкол. : Д.Н. Козак, В.І. Клочко, М.Ю. Відейко, Г.М. Тощев]. – К., 1993. – С.120–121.

Ромашко, Скорый, 2009. – Ромашко В.А. Близнец-2 : скифський аристократический курган в Дніпровском правобережном Надпорожжє / В.А. Ромашко, С.А. Скорый / Днепропетр. нац. ун-т ; Ін-т археол. НАН України ; [науч. ред. С.С. Бессонова]. – Д. : Пороги, 2009. – 251 с.

Рудинський, 1928. – Рудинський М.Я. Археологічні збірки Полтавського музею / М.Я. Рудинський // Збірник, присвячений 35-річчю Музею. – Полтава, 1928. – Т.1. – С.29–62.

Русанова, 1992. – Русанова И.П. Культурные места и языческие святилища славян VI–XIII вв. н. э. / И.П. Русанова // РА. – 1992. – № 1. – С.50–67.

Русанова, 2002. – Русанова И.П. Истоки славянского язычества : Культурные сооружения Центральной и Восточной Европы I тыс. до н. э.–I тыс. н. э. / И.П. Русанова ; Ін-т археол. РАН ; Буковин. центр археол. исследований при Черновиц. нац. ун-те ; [отв. ред. Л.П. Михайлина]. – Черновцы : Прут, 2002. – 172 с.

Рыбаков, 1979. – Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия: Историко-географический анализ / Б.А. Рыбаков ; АН СССР, Ін-т археол. ; [отв. ред. Д.Б. Шелов]. – М. : Наука, 1979. – 248 с.

Рыбаков, 1981. – Рыбаков Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков ; АН СССР, Ін-т археол. – М. : Наука, 1981. – 601 с.

Рыбалова, 1961. – Рыбалова В.Д. О связях Правобережной степной Украины с центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа / В.Д. Рыбалова // Исследования по археологии СССР : сб. ст. в честь проф. М.И. Артамонова / Ленинград. гос. ун-т ; [отв. ред. В.Ф. Гайдукевич]. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1961. – С.80–95.

Рыбалова, 1974. – Рыбалова В.Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму / В.Д. Рыбалова // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж ; под ред. А.М. Микляева. – Л. : Изд-во «Аврора», 1974. – Вып.16. – С.19–49.

Рыков, 1927. – Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье / П.С. Рыков // Известия Нижневолж. Ин-та краеведения им. М. Горького. – Саратов, 1927. – Т.2. – С.77–100.

Рыков, 1936. – Рыков П.С. Очерки истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам) / П.С. Рыков. – Саратов : Саратовское краевое изд-во, 1936. – 152 с.

Сабанеев, 1984. – Сабанеев Л.П. Рыбы России. Жизнь и ловля (ужение) наших пресноводных рыб : в 2 т. Т.2 / Л.П. Сабанеев. – М. : «Физкультура и спорт», 1984. – 575 с.

Сазонов, 1996. – Сазонов А.А. К вопросу о связях племен Закубанья и Подонья в эпоху поздней бронзы–начала раннего железа / А.А. Сазонов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век) : материалы международной конф. : в 2-х ч. Ч.1 / Донец. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАН Украины, Ин-т археол. НАН Украины ; ИИМК РАН ; Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.237–240.

Сальников, 1959. – Сальников К.В. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии / К.В. Сальников // Башкирский археологический сборник / АН СССР, Башкир. НЦ центр, Ин-т истории, языка и л-ры ; [ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев]. – Уфа : Типогр. РУ № 11, 1959. – С.30–46.

Сальников, 1967. – Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала / К.Ф. Сальников ; АН СССР, Уфим. ин-т истории, языка и л-ры ; [предисл. О.Н. Бадера]. – М. : Наука, 1967. – 408 с.

Самойленко, 1991. – Самойленко Л.Г. Курганні поховання бронзового віку поблизу селища Голубівський Луганської області / Л.Г. Самойленко // Поховальний обряд давнього населення України : сб. наук. пр. / М-во вищої і середньої освіти УРСР, Навч.-метод. кабінет з вищої освіти ; Київ. держ. ун-т ; [укл. : М.М. Бондар, Ю.В. Бондар (відп. за вип.), Ю.В. Павленко, М.О. Чмихов та ін.]. – К. : НМК ВО, 1991. – С.134–150.

Санжаров, 1988. – Санжаров С.И. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями / С.И. Санжаров // СА. – 1988. – № 1. – С.140–159.

Санжаров, 1997. – Санжаров С.Н. Керамический комплекс покровской культуры на территории Восточной Украины / С.Н. Санжаров // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей : материалы междунар. науч. конф., посвященной 100 летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), (г. Энгельс, Саратовской обл., 12–17 мая 1997 г.) : в 2-х ч. Ч.2 / Энгельс. КМ ; Комитет по ист.-культ. наследию при правительстве Саратов. обл. ; Саратов. гос. ун-т ; [науч. ред. И.И. Дремов]. – Саратов : Изд-во СарГПИ, 1997. – С.95–99.

Санжаров, 2005. – Санжаров С.Н. Абашевская керамика поселений Северского Донца и проблемы ее интерпретации / С.Н. Санжаров // На пошану Софії Станіславівни Березанської : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [відп. ред. В.В. Отрощенко]. – К. : Шлях, 2005. – С.157–176.

Санжаров, 2007. – Санжаров С.Н. Перебойное ознро – поселение раннего этапа эпохи поздней бронзы на Северском Донце / С.Н. Санжаров // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Від неоліту до кіммерійців : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; Ін-т археол. НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.]. – Луганськ : Вид-во СНУ, 2007. – Вип.7. – С.184–190.

Санжаров, Литвиненко, Черных Е.А. и др., 2003. – Санжаров С.Н. Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы / С.Н. Санжаров, Р.А. Литвиненко, Е.А. Черных, А.В. Прынь // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; Ін-т археол. НАН України ; [відповідальний ред. С.М. Санжаров]. – Луганськ : Вид-во СНУ, 2003. – Вып.1. – С.122–161.

Сарианиди, 1962. – Сарианиди В.И. Культовые здания поселения анауской культуры / В.И. Сарианиди // СА. – 1962. – № 1. – С.44–56.

Сарианиди, 1972. – Сарианиди В.И. Раскопки Тиля-тепе в Северном Афганистане. Материалы к археологической карте Афганистана / В.И. Сарианиди ; АН СССР, Ин-т археол. ; М-во культуры Афганистана. – М. : Наука, Гл. ред. восточ. л-ры, 1972. – 96 с.

Сафонов, 2001. – Сафонов И.Е. Раскопки В.А. Городцова курганов эпохи бронзы в Изюмском уезде летом 1901 г. (по архивным материалам) / И.Е. Сафонов // Бронзовый век Восточной Европы : характеристика культур, хронология и периодизация : материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы», (23–28 апреля 2001 г.) / Ин-т археол. РАН ; ИИМК РАН ; Ин-т истории и археол. Поволжья ; Самар. гос. пед. ун-т ; Самар. гос. ун-т ; Самар. ОИКМ ; [редкол. : Ю.И. Колев (отв. за выпуск) и др.]. – Самара : Изд-во ООО „НТЦ”, 2001. – С.11–18.

Сафронов, 1978. – Сафронов В.А. К вопросу о времени сложения срубной культуры, южной и западной экспансии ее племен / В.А. Сафронов // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол. : С.Г. Басин, И.Б. Василев, Н.К. Качалова и др.]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышПИ, 1978. – Т.221. – С.26–29.

Свешніков, 1952. – Свешніков І.К. Розкопки в с. Костянці на полі Ліствящина / І.К. Свешніков // АП УРСР. – 1952. – Т.IV. – С.131–139.

Свешніков, 1964. – Свешніков І.К. Пам'ятки голіградського типу на Західному Поділлі / І.К. Свешніков // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині : зб. наук. ст. / АН УРСР, Ін-т суспільних наук ; [відп. ред. М.Ю. Смішко]. – К. : Наук. думка, 1964. – Вип.5. – С.40–66.

Седов, 1965. – Седов В.В. Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье / В.В. Седов // СА. – 1965. – № 4. – С.52–62.

Седова, 1993. – Седова М.С. О некоторых принципах типологизации построек срубной культуры / М.С. Седова // Археологические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. / Самар. гос. ун-т ; [редкол. : Г.И. Матвеева (отв. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1993. – С.68–78.

Седова, 2000. – Седова М.С. Поселения срубной культуры / М.С. Седова // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / РАН, Самар. НЦ ; [ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий ; редкол. : П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во Самар. НЦ РАН, 2000. – С.209–241.

Секерська, 2001. – Секерська О.П. Скотарство та полювання в господарстві пізньосабатинівського поселення Дрімалівка / О.П. Секерська // Археологія. – 2001. – № 4. – С.119–123.

Семенов, Коробкова, 1983. – Семенов С.А. Технология древнейших производств. Мезолит–энеолит / С.А. Семенов, Г.Ф. Коробкова; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. А.Н. Рогачев]. – Л. : Наука, 1983. – 255 с.

Семенова, 1983. – Семенова А.П. Погребальный обряд срубных племен лесостепного Заволжья / А.П. Семенова // Культуры бронзового века Восточной Европы : межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол. : С.Г. Басин (гл. ред.) и др.]. – Куйбышев : Изд-во КуйбышГПИ, 1983. – С.59–80.

Семенова, 2000. – Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры / А.П. Семенова // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / РАН, Самар. НЦ ; [ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий; редкол. : П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.]. – Самара : Изд-во Самар. НЦ РАН, 2000. – С.152–208.

Серебряная, 1982. – Серебряная Т.А. О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене / Т.А. Серебряная // Развитие природы СССР в позднем плейстоцене и голоцене = Evolution of the environment at the USSA territory during late pleistocene and holocene: сб. ст. / АН СССР, Комиссия по изучению четвертичного периода ; Ин-т географии ; [редкол. : А.А. Величко (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1982. – С.108–124.

Сибилев, 1930. – Сибилев Н.В. Археологические разведки 1927–1929 гг. : Разгадка одной из тайн микролитов / Н.В. Сибилев // Стародавності Ізюмщини. – Ізюм, 1930. – Вип.4. – 26 с.

Симоненко, 2003. – Симоненко А.В. Еще раз о рвах в погребальном обряде сарматов / А.В. Симоненко // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [редкол. : В.Д. Баран (відп. ред.) та ін.]. – К. : ВД «Академперіодика» НАН України, 2003. – С.148–157.

Синицын, 1949. – Синицын И.В. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья / И.В. Синицын // СА. – 1949. – Т.ХІ. – С.195–224.

Синицын, Фисенко, 1972. – Синицын И.В. Поселение срубной культуры Гуселка II в окрестностях Саратова / И.В. Синицын, В.Н. Фисенко // Античный мир и археология : межвуз. сборник / [редкол. : В.Г. Борухович (отв. ред.) и др.]. – Саратов, 1972. – Вып.1. – С.12–28.

Синюк, 1981. – Синюк А.Т. Стоянка Копанице 2 / А.Т. Синюк // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи : сб науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол. : А.Д. Пряхин (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1981. – С.104–114.

Синюк, 1996. – Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона / А.Т. Синюк ; Воронеж. гос. пед. ун-т. – Воронеж : Изд-во ВорГПУ, 1996. – 350 с.

Словник гідронімів України, 1979. – Словник гідронімів України / [укл. І.М. Железняк, А.П. Корепанова, Л.Т. Масенко, А.П. Непокупний, В.В. Німчук, Є.С. Отін, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко] / АН УРСР ; Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні ; Укр. ономастична комісія. – К. : Наук. думка, 1979. – 781 с.

Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984. – Смирнов А.С. Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца / А.С. Смирнов, А.Н. Сорокин // СА. – 1984. – № 4. – С.138–149.

Смирнов К.Ф., 1959. – Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области / К.Ф. Смирнов // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции) / АН СССР, ИИМК ; [отв. ред. Е.И. Крупнов]. – МИА. – 1959. – № 60. – С.206–322.

Смирнов К.Ф., 1960. – Смирнов К.Ф. Быковские курганы / К.Ф. Смирнов // Древности Нижнего Поволжья / АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Е.И.Крупнов, К.Ф. Смирнов]. – МИА. – 1960. – № 78. – С.169–268.

Смирнов К.Ф., 1961. – Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей / К.Ф. Смирнов // СА. – 1961. – № 1. – С.46–72.

Смирнов К.Ф., 1964. – Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / К.Ф. Смирнов ; [отв. ред. М.Г. Мошкова]. – М. : Наука, 1964. – 379 с.

Смирнов К.Ф., Кузьмина, 1977. – Смирнов К.Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К.Ф. Смирнов, Е.Е. Кузьмина; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Н.Я. Мерперт]. – М. : Наука, 1977. – 82 с.

Смирнов К.Ф., Попов, 1969. – Смирнов К.Ф. Сарматское святилище огня / К.Ф. Смирнов, С.А. Попов // Древности Восточной Европы / АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Л.А. Евтюхова]. – МИА. – 1969. – № 169. – С.210–216.

Смирнова, 1965. – Смирнова Г.И. Раннеголиградский комплекс Магалы / Г.И. Смирнова // КСИА АН СССР. – 1965. – Вып.105. – С.109–118.

Смирнова, 1969. – Смирнова Г.И. Поселение Магалы – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н. э.) / Г.И. Смирнова // Древние фракийцы в Северном Причерноморье / АН СССР, Ин-т археол. ; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая ; [отв. ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова]. – МИА. – 1969. – № 150. – С.7–34.

Смирнова, 1972. – Смирнова Г.И. Новые исследования поселения Магала / Г.И. Смирнова // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж. – Л. : Изд-во «Аврора», 1972. – Вып.14. – С.12–31.

Смирнова, 1976. – Смирнова Г.И. Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна / Г.И. Смирнова // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж ; [ред. М.Б. Шукин]. – Л. : Изд-во «Аврора», 1976. – Вып.17. – С.18–34.

Смирнова, 1976а. – Смирнова Г.И. Магала I и некоторые вопросы хронологии позднекомаровской культуры в Прикарпатье / Г.И. Смирнова // Энеолит и бронзовый век Украины : исследования и материалы / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Д.Я. Телегин]. – К. : Наук. думка, 1976. – С.118–134.

Смирнова, 1985. – Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР / Г.И. Смирнова // СА. – 1985. – № 4. – С.33–62.

Смирнова, 1990. – Смирнова Г.И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тыс. до н. э.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / Г.И. Смирнова ; Ин-т археологии АН УССР. – К., 1990. – 39 с.

Смоленский, 2008. – Смоленский Н.И. Теория и методология истории : учеб. пособие / Н.И. Смоленский ; Моск. гос. ун-т. – М. : Изд. центр «Академия», 2008. – 272 с.

Снесарев, 1981. – Снесарев А.Е. Этнографическая Индия / А.Е. Снесарев ; АН СССР, Ин-т востоковедения ; [отв. ред. Л.Б. Алиев]. – М. : Наука, Гл. ред. восточ. л-ры, 1981. – 277 с.

Сорокин В.С., 1962. – Сорокин В.С. Жилища поселения Тасты-Бутак / В.С. Сорокин // КСИА АН СССР. – 1962. – № 91. – С.51–55.

Сотникова, 2008. – Сотникова С.В. Мир, состоящий из частей (опыт реконструкции андроновских представлений о мире) / С.В. Сотникова // История и практика археологических исследований: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР, проф. А.А. Спицына (Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г.) / Санкт-Петербург. гос. ун-т ; ИИМК РАН ; Гос. Эрмитаж ; Ин-т археол. РАН ; Ин-т археол. и этнографии СО РАН. – СПб. : ИД С-Петербург. гос. ун-та, 2008. – С.358–361.

Спиридонова, 1991. – Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене / Е.А. Спиридонова ; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Н.О. Бадер]. – М. : Наука, 1991. – 142 с.

Список памятников археологии Украины. Донецкая область, 1988. – Список памятников археологии Украины. Донецкая область / УООПИК ; Ин-т археол. АН УССР ; Донец. КМ ; [составители О.Я. Привалова, А.И. Привалов ; отв. ред. Д.Я. Телегин]. – К. : Укр. об-во охраны памятников, 1988. – 110 с.

Стадник, 2011. – Стадник А.И. Слой эпохи поздней бронзы на поселении Заозерное 1 / А.И. Стадник // Матеріали та дослідження з археології Східної України : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; Ін-т археол. НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.]. – Луганськ : Вид-во СНУ, 2011. – Вип.11. – С.262–271.

Старо-Оскольский район, 1941. – Старо-Оскольский район // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. : Краткие отчеты и сведения / АН СССР, ИИМК ; [под. ред. В.В. Гольмстен]. – М. ; Л., 1941. – С.166–169.

Супрун, 1999. – Супрун А.В. Новые памятники бондарихинской культуры в среднем течении Северского Донца / А.В. Супрун // Древности Северского Донца : сб. науч. ст. – Луганск : Изд-во «Шлях», 1999. – Вып.3. – С.70–76.

Супрун, 1999а. – Супрун А.В. Новое погребение бондарихинского времени с территории Среднего Подонечья / А.В. Супрун // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя) : тез. доп. наук. конф. / Дніпропетр. держ. ун-т ; Незалежний Благод. фонд «Нова ідеологія» ; Дніпропетр. обласна держадмін. ; [редкол. : І.Ф. Ковальова (відп. ред.) та ін.]. – Д. : «Нова ідеологія», 1999. – С.94–96.

Супрун, Черных Е.А., Прынь, 2000. – Супрун А.В. Результаты археологических разведок в Кременском районе Луганской области в 1999 г. / А.В. Супрун, Е.А. Черных, А.В. Прынь // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии : материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына (1900–1972), (Саратов–Энгельс, 14–18 мая 2000 г.) / Саратов. гос. ун-т ; Саратов. областной музей краеведения ; Энгельс. КМ. – Саратов, 2000. – С.145–147.

Супруненко, 1995. – Супруненко О.Б. 10. Шпилька (Наш каталог) / О.Б. Супруненко // ПАЗ : зб. наук. пр. / Центр охорони та досліджень пам'яток археології упр. культури Полтав. облдержадмін. ; за ред. О.Б. Супруненко. – Полтава : ПКМ, 1995. – Вип.3. – С.169–170.

Супруненко, 2007. – Супруненко О.Б. Кургани поблизу с. Солонці на Нижньому Пслі. Старожитності околиць Комсомольська / О.Б. Супруненко ; Ін-т археол. НАН України, Центр пам'ятокознавства НАН України і УТОПК ; ДП «Науково-дослідний центр «Охоронна археологічна служба України» ; Центр охорони та досліджень пам'яток археології упр. культури Полтав. облдержадмін. ; [наук. та відп. ред. Д.Н. Козак]. – К. ; Полтава : Вид-во ПП «Друкарня «Гротеск», ВЦ «Археологія», 2007. – Ч.V. – 142 с.

Супруненко, Ткаченко, 1995. – Супруненко О.Б. 7. Ніж (Наш каталог) / О.Б. Супруненко, О.М. Ткаченко // ПАЗ: зб. наук. пр. / Центр охорони та досліджень пам'яток археології упр. культури Полтав. облдержадмін. ; за ред. О.Б. Супруненко. – Полтава : ПКМ, 1995. – Вип.3. – С. 168.

Супруненко, Шерстюк, 2006. – Супруненко О.Б. Курган зрубного часу поблизу с. Волошине на Полтавщині / О.Б. Супруненко, В.В. Шерстюк // АДУ 2004–

2005 років : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. НАН ; [редкол. : Н.О. Гаврилюк (гол. ред.) та ін.]. – К. ; Запоріжжя : Дике Поле, 2006. – С.39–44.

Супруненко, Шерстюк, 2006а. – Супруненко О.Б. Нові археологічні дослідження на Кременчуччині / О.Б. Супруненко, В.В. Шерстюк ; Ін-т археол. НАН України ; Центр пам'яткознавства НАН України і Укр. т-ва пам'яток історії та культури ; ДП «Науково-дослідний центр «Охоронна археологічна служба України» ; Центр охорони та досліджень пам'яток археології упр. культури Полтав. облдержадмін. ; [відп. ред. Д.Н. Козак]. – К. ; Полтава: Вид-во „Фірма Техсервіс”, ВЦ «Археологія», 2006. – 146 с.

Сымонович, 1966. – Сымонович Э.А. Ингульский клад / Э.А. Сымонович // СА. – 1966. – № 1. – С.127–142.

Татаринов, 1977. – Татаринов С.И. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе / С.И. Татаринов // СА. – 1977. – № 4. – С.192–207.

Татаринов, 1979. – Татаринов С.И. Металлообработка в эпоху поздней бронзы на Среднем Донце / С.И. Татаринов // СА. – 1979. – № 4. – С.258–265.

Татаринов, 1980. – Татаринов С.И. Железодельный горн бондарихинской культуры / С.И. Татаринов // СА. – 1980. – № 3. – С.280–283.

Татаринов, 1980а. – Татаринов С.И. Работы Артемовской экспедиции / С.И. Татаринов // АО 1979 года. – М. : Наука, 1980. – С.343–345.

Татаринов, 1986. – Татаринов С.И. Исследование на среднем Донце / С.И. Татаринов // АО 1984 года. – М. : Наука, 1986. – С.314–315.

Татаринов, 1988. – Татаринов С.И. Сезонные жилища горняков-металлургов эпохи бронзы у сел. Пилипчатино в Донбассе / С.И. Татаринов // СА. – 1988. – № 4. – С.96–102.

Татаринов, 1993. – Татаринов С.И. Древний металл Восточной Украины. Очерки реконструкции горного дела, металлургии и металлообработки в эпоху бронзы : учеб. пособ. / С.И. Татаринов; [отв. ред. Т.И. Папучая]. – Артемовск : Гортипогр. Донец. облуправления по печати, 1993. – 154 с.

Татаринов, 2003. – Татаринов С.И. Древние горняки-металлурги Донбасса / С.И. Татаринов. – Славянск : Изд-во «Печатный двор», 2003. – 132 с.

Телегін, 1956. – Телегін Д.Я. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці / Д.Я. Телегін // АП УРСР. – 1956. – Т.VI. – С.75–84.

Телегин, 1959. – Телегин Д.Я. Оскольская экспедиция 1955–1956 гг. / Д.Я. Телегин // КСИА АН УССР. – 1959. – Вып.8. – С.72–79.

Телегін, 1961. – Телегін Д.Я. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я / Д.Я. Телегін // Археологія. – 1961. – Т.12. – С.3–15.

Телегин, 1978. – Телегин Д.Я. К методике составления типолого-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи / Д.Я. Телегин // Орудия каменного века : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : Д.Я. Телегин (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1978. – С.35–70.

Телиженко, Манько, Ковалева В.А., 1999. – Телиженко С.А. Исследования многослойного памятника Озеро Клешни Второе-1 в Кременском районе Луганской области в 1997 году / С.А. Телиженко, В.А. Манько, В.А. Ковалева // Древности Северского Донца : сб. науч. ст. – Луганск : Изд-во «Шлях», 1999. – С.19–43.

Телиженко, Супрун, 2004. – Телиженко С.А. Исследование многослойного памятника Зелена Горница-4 / С.А. Телиженко, А.В. Супрун // Матеріали та дослідження з археології Східної України : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; Ін-т археол.ї НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.]. – Луганськ : Вид-во СНУ, 2004. – Вип.3. – С.188–228.

Теліженко, Черних Є.О., 2006. – Теліженко С.А. Матеріали пізнього енеоліту–середньовіччя з багатощарової пам'ятки Клешня-3 / С.А. Теліженко, Є.О. Черних // Матеріали та дослідження з археології Східної України : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; Ін-т археол. НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.]. – Луганськ : Вид-во СНУ, 2006. – Вип.5. – С.91–121.

Тереножкин, 1952. – Тереножкін О.І. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області / О.І. Тереножкін // Археологія. – 1952. – Т.7. – С.110–135.

Тереножкин, 1961. – Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье / А.И. Тереножкин ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. С.Н. Биби-ков]. – К. : Изд-во АН УССР, 1961. – 245 с.

Тереножкін, 1964. – Тереножкін О.І. Поховання епохи бронзи біля с. Солонець / О.І. Тереножкін // Археологія. – 1964. – Т.16. – С.202–205.

Тереножкин, 1965. – Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода / А.И. Тереножкин // СА. – 1965. – № 1. – С.63–85.

Тереножкин, 1976. – Тереножкин А.И. Киммерийцы / А.И. Тереножкин; АН СССР, Ин-т археол. – К. : Наук. Думка, 1976. – 222 с.

Техов, 1977. – Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника) / Б.В. Техов ; АН Грузин. ССР, Юго-осетин. НИИ ; [отв. ред. В.И. Марковин]. – М. : Наука ; Гл. ред. восточ. л-ры, 1977. – 249 с.

Тихонов, 1978. – Тихонов Б.Г. Металлургия лесостепных племен Волги и Дона / Б.Г. Тихонов // Проблемы советской археологии : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т археол. ; [редкол. : В.В. Кропоткин, Г.Н. Матюшин, Б.Г. Петерс]. – М. : Наука, 1978. – С.86–93.

Тихонов, Екимов, 1983. – Тихонов Б.Г. Тавровское поселение заключительного этапа эпохи бронзы / Б.Г. Тихонов, Ю.Г. Екимов // Древние памятники на территории Восточной Европы : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. пед. Ин-т ; [редкол. : А.Т. Синюк (отв. ред.) и др.]. – Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1983. – С.138–144. (Известия Воронеж. ордена «Знак Почета» гос. пед. ин-та. Том.227-й)

Ткаченко, 1995. – Ткаченко О.М. 6. Ніж ; 8. Ніж (Наш каталог) / О.М. Ткаченко // ПАЗ : зб. наук. пр. / Центр охорони та досліджень пам'яток археології упр. культури Полтав. облдержадмін. ; за ред. О.Б. Супруненко. – Полтава : ПКМ, 1995. – Вип.3. – С.167–170.

Ткаченко, 2003. – Ткаченко О.М. Кам'яний товчач з околиці с. Маячка у Новосанжарському районі Полтавської обл. / О.М. Ткаченко // АЛЛУ. – Полтава : ВЦ «Археологія», 2003. – 2 (12)/2002–1 (13)/2003. – С.90.

Трубачев, 1981. – Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: источники, интерпретация, реконструкция / О.Н. Трубачев // ВЯ. – 1981. – № 2. – С.3–21.

Трубникова, 1953. – Трубникова И.В. Поселение эпохи бронзы у дер. Воскресенской (из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС) / И.В. Трубникова // КСИИМК. – 1953. – Вып.Л. – С.21–30.

Трубникова, 1958. – Трубникова И.В. Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе / И.В. Трубникова // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / АН СССР, ИИМК ; [отв. ред. А.П. Смирнов]. – МИА. – 1958. – № 61. – Т. II. – С. 181–202.

Турчанинов, 1971. – Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы / Г.Ф. Турчанинов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1971. – 122 с.

Уварова, 1900. – Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. Графини Уваровой / П.С. Уварова // МАК. – М. : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. – Вып. VIII. – 381 с.

Усачук, 1985. – Усачук А.Н. Исследования поселения бондарихинской культуры / А.Н. Усачук // Археология и краеведение в школе : тез. докл. обл. семинара «Археология и краеведение в школе», (Донецк, 15–18 марта 1985 г.) / Донец. гос. ун-т ; Областной отд. народн. образования ; Областная орг. Об-ва охраны памятников истории и культуры ; Областная станция юных туристов. – Донецк, 1985. – С. 26–27.

Усачук, 1989. – Усачук А.Н. Новые данные о костяных орудиях ремесленного производства срубной культуры / А.Н. Усачук // Проблемы охраны и исследования памятников в Донбассе : тез докл. областного науч.-практ. семинара (Донецк, 19–21 апреля 1989 г.). – Донецк, 1989. – С. 125–127.

Усачук, 1993. – Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения у с. Проказино / А.Н. Усачук // Древние культуры Подонцовья : сб. науч. тр. / Восточноукр. гос. ун-т ; Луган. областной археол. координ. Совет ; [редкол. : С.Н. Санжаров (отв. ред.) и др.]. – Луганск : РИО облуправления по печати, 1993. – С. 135–147.

Усачук, 1994. – Усачук А.Н. К вопросу о различии срубного и сабатиновского косторезного производства / А.Н. Усачук // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья : тез. докл. междунар. конф., посвященной 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова / Запорож. гос. ун-т ; Моск. гос. ун-т ; Крым. филиал Ин-та археол. АН Украины ; Запорож. КМ ; ГИКЗ «Каменная Могила» ; [редкол. : Г.Н. Тощев (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1994. – Ч. 2. – С. 184–186.

Усачук, 1994а. – Усачук А.Н. Костяные орудия кожевенного производства срубных поселений Северо-Восточного Приазовья / А.Н. Усачук // Срубная культурно-историческая область : материалы III Рыковских чтений, (Саратов, октябрь 1994 г.) / ИИМК РАН ; Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1994. – С.63–69.

Усачук, 1996. – Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий срубного поселения Безыменное-II / А.Н. Усачук // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век): материалы международной конф. : в 2-х ч. Ч.2 / Донец. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; Донец. областной Дворец детского и юношеского творчества ; Донец. НЦ НАН Украины ; Ин-т археол. НАН Украины ; ИИМК РАН ; Донец. областная орг. УООПИК ; [гл. ред. В.Н. Горбов]. – Донецк, 1996. – С.21–27.

Усачук, 1996а. – Усачук А.Н. К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века / А.Н. Усачук // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века : материалы междунар. науч. конф. (Волгоград, 15–17 апреля 1996 г.) / [науч. ред. А.В. Кияшко]. – Волгоград : Перемена, 1996. – С.66–71.

Усачук, 1997. – Усачук А.Н. Трасологический анализ костяных орудий из случайных находок в бассейне Волги / А.Н. Усачук // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей : материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), (г. Энгельс, Саратовская обл., 12–17 мая 1997 г.) / Саратов. гос. ун-т ; [науч. ред. А.И. Юдин]. – Саратов : Изд-во СарГПИ, 1997. – С.81–84.

Усачук, 2000. – Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Староласпинского поселения эпохи поздней бронзы / А.Н. Усачук // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий : сб. науч. тр. / Ин-т археол. НАН Украины ; Донец. областное Об-во любителей древностей ; Упр. по делам архитектуры и строительства при Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Донец. Гл. Упр. образования ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. гос. ун-т ;

[редкол. : А.Н. Усачук (отв. ред.) и др. ; В.Н. Горбов (рук. проекта)]. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000.– С.107–110.

Усачук, 2001. – Усачук А.М. Конструктивные особенности планок щитковых плалиев / А.М. Усачук // Проблемы археологии и архитектуры : в 2 т. Т.1. «Археология» / Ин-т археол. НАН Украины ; Донбас. гос. академия строительства и архитектуры ; Упр. градостроительства и архитектуры Донец. облгосадмин. ; Донбассгражданпроект ; Гл. упр. образования и науки при Донец. облгосадмин. ; Донец. областное об-во любителей древностей ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества ; Донец. ОКМ ; Донец. нац. ун-т ; [редкол. : П.В. Добров, Н.Е. Беспалов, В.А. Носков, Е.Е. Кузьмина, А.Д. Пряхин, Х.А. Бенаи, В.И. Ежов, Г.И. Лаврин, В.И. Кравец, А.А. Мирошниченко ; рук. проекта В.Н. Горбов, О.В. Чемакин]. – Донецк ; Макеевка : Журнал «Донбасс», 2001. – С.105–111.

Усачук, 2005. – Усачук А.М. Трасологічний аналіз найдавніших псаліїв Північного Причорномор'я / А.М. Усачук // Археологія. – 2005. – № 4. – С.78–85.

Усачук, Бровендер, 1993. – Усачук А.Н. Изделия из кости поселения у с. Лиман / А.Н. Усачук, Ю.М. Бровендер // Древние культуры Подонцовья : сб. науч. тр. / Восточноукр. гос. ун-т ; Луган. областной археол. координ. совет ; [редкол. : С.Н. Санжаров (отв. ред.) и др.]. – Луганск : РИО облуправления по печати, 1993. – С.175–186.

Усманова, Филанович, Кошеленко и др., 1985. – Усманова З.И. Маргиана / З.И. Усманова, М.И. Филанович, Г.А. Кошеленко // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / [отв. ред. тома Г.А. Кошеленко]. – М. : Наука, 1985. – С.226–242. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).

Фабриціус, 1927. – Фабриціус І.В. Червоні роки 1917–1927 / І.В. Фабриціус. – Літопис музею / Херсон. іст.-краєзн. музей. – Херсон, 1927. – Вип.8. – 17 с.

Фабриціус, 1929. – Фабриціус І.В. Кучугурна рекогносціровка / І.В. Фабриціус // Літопис музею 1927–28 рр. / Херсон. іст.-краєзн. музей. – Херсон, 1929. – Вип.9. – С.32–38.

Федоров, 1968. – Федоров Г.Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции / Г.Б. Федоров // АО 1967 года. – М. : Наука, 1968. – С.286–287.

Федоров, 1969. – Федоров Г.Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции / Г.Б. Федоров // АО 1968 года. – М. : Наука, 1969. – С.391–392.

Филатов, 2011. – Филатов Д.В. Исследования поселения Розановка 1 / Д.В. Филатов // АДУ 2010 року : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [редкол. : Д.Н. Козак (гол. ред.) та ін.]. – К. ; Полтава : ІА НАН України, 2011. –С.356.

Філоненко, 2002. – Філоненко Л.К. Наконечник списа доби пізньої бронзи з Милорадового у Поворсклі / Л.К. Філоненко // АЛЛУ. – Полтава : ТОВ «Фірма «Техсервіс», 2002. – № 1. – С.64.

Фоменко, Ключинцев, 1987. – Фоменко В.Н. О работе Явнинского отряда / В.Н. Фоменко, В.М. Ключинцев // АО 1985 года. – М. : Наука, 1987. – С.423–424.

Формозов, 1984. – Формозов А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла / А.А. Формозов // СА. – 1984. – № 4. – С.238–241.

Халиков, 1980. – Халиков А.Х. Приказанская культура / А.Х. Халиков ; [отв. ред. О.Н. Бадер] // САИ. – 1980. – Вып.В1-24. – 129 с. (Археология СССР; под общ. ред. Б.А. Рыбакова).

Хоркин, 1999. – Хоркин Д.А. Производственно-ритуальная постройка на срубном поселении Усть-Курдюм под Саратовым / Д.А. Хоркин // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья : сб. тез. докл. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова, (Москва, 20–24 апреля 1999 г.) / Гос. ист. музей ; Ин-т археол. РАН ; Моск. гос. ун-т ; [отв. ред. И.В. Белоцерковская]. – М. : ГЦ МПП, 1999. – С.29–30.

Хотинский, 1977. – Хотинский Н.А. Голоцен северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. К X Конгрессу INQUA (Великобритания, 1977) / Н.А. Хотинский ; АН СССР, Ин-т географии ; [отв. ред. М.И. Нейштадт]. – М. : Наука, 1977. – 199 с.

Хотинский, 1989. – Хотинский. Н.А. Дискуссионные проблемы реконструкции и корреляции голоцена / Н.А. Хотинский // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т географии ; [отв. ред. Н.А. Хотинский]. – М. : Наука, 1989. – С.12–17.

Цимиданов, 2001. – Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа / В.В. Цимиданов // Археологический альманах : сб. науч. ст. / Ин-т археол. НАН Украины ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Royal Museums of Art and History, Brussels ; Моск. гос. ун-т ; Краматор. экон.-гуманит. ин-т, Гл. упр. образования и науки при Донец. облгосадмин. ; [редкол. : А.В. Колесник (гл. ред.) и др.]. – Донецк, 2001. – № 10. – С.215–248.

Цимиданов, 2001а. – Цимиданов В.В. Кремация в срубной культуре как статусный знак / В.В. Цимиданов // Проблемы истории и археологии Украины : материалы междунар. науч. конф., посвященной 10-летию независимости Украины, (Харьков, 16–18 мая 2001 г.) / Харьк. областное ист.-археол. об-во ; Харьк. нац. ун-т ; [редкол. : В.Ф. Мещеряков (отв. ред.) и др.]. – Х., 2001. – С.40–41.

Цимиданов, Кравченко, 1993. – Цимиданов В.В. Раскопки поселения у г. Мариуполь / В.В. Цимиданов, Э.Е. Кравченко // АДУ 1992 року : зб. наук. пр. / Ин-т археол. НАН України [редкол. : Д.Н. Козак, В.І. Клочко, М.Ю. Відейко, Г.М. Тощев]. – К., 1993. – С.140–141.

Цимиданов, Чаур, 1997. – Цимиданов В.В. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности / В.В. Цимиданов, Н.А. Чаур // Древности Подонцовья : сб. археол. и ист.-философ. ст. ; [редкол. : В.А. Манько (науч. ред.) и др.]. – Луганск : Изд-во «Осирис», 1997. – Вып.6. – С.50–61.

Чалый, 1983. – Чалый В.В. Новые поселения срубной культуры в Нижнем Подонье / В.В. Чалый // СА. – 1983. – № 1. – С.282–285.

Чемякин, Епимахов, 2004. – Чемякин Ю.П. Материалы по конской упряжи периода поздней бронзы Зауралья / Ю.П. Чемякин, А.В. Епимахов // Археологический альманах. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности : сб. науч. ст. / Ин-т археол. НАН Украины ; Упр. культуры Донец. облгосадмин. ; Донец. ОКМ ; Моск. гос. ун-т ; Воронеж. гос. ун-т ; [отв. ред. А.Н. Усачук]. – Донецк : ООО «Алекс», 2004. – № 15. – С.106–110.

Чередниченко, 1970. – Чередниченко Н.Н. Поселение срубной культуры на Луганщине / Н.Н. Чередниченко // СА. – 1970. – № 1. – С.230–238.

Чередніченко, 1972. – Чередніченко М.М. До питання про міграцію зрубної культури / М.М. Чередніченко // Матеріали XV наук. конф. ІА АН УРСР, присвяченої 50-річчю утворення СРСР (Результати польових археологічних досліджень 1970–1971 рр. на території України) / АН УРСР, Ін-т археол. – О. : 1972. – С.149–151.

Чередніченко, 1976. – Чередніченко М.М. Характерні риси зрубних поселень Подоння / М.М. Чередніченко // Археологія. – 1976. – Вип.20. – С.22–30.

Чередніченко, 1977. – Чередніченко М.М. Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я / М.М. Чередніченко // Археологія. – 1977. – Вип.22. – С.3–21.

Чередніченко, 1986. – Чередніченко Н.Н. Срубная культура / Н.Н. Чередніченко // Культуры эпохи бронзы на территории Украины / С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередніченко, И.Н. Шарафутдинова ; АН УССР, Ин-т археол. – К. : Наук. думка, 1986. – С.44–83.

Чередніченко, 1997. – Чередніченко Н.Н. О культурном и хронологическом взаимоотношении срубной и сабатиновской культур / Н.Н. Чередніченко // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху бронзы : тез. докл. I-го Всесоюзного полевого семинара 10–18 сентября 1990 г. (К.–Николаев– Южноукраинск) / Ин-т археол. НАН Украины ; Днепропетр. гос. ун-т ; Производств. объединение «Южноукраинская атомная электростанция» ; [сост. и ред. В.Н. Ключинцев]. – Херсон : «Борисфен-Полиграфсервис», 1997. – С.28–29.

Чередніченко, Фиалко, 1988. – Чередніченко Н.Н. Погребение жрицы из Бердянского кургана / Н.Н. Чередніченко, Е.Е. Фиалко // СА. – 1988. – № 2. – С.149–166.

Черненко, 1981. – Черненко Е.В. Скифские лучники / Е.В. Черненко ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин]. – К. : Наук. думка, 1981. – 167 с.

Черниенко, 1990. – Черниенко Ю.А. К характеристике домостроительства в степном Днестро-Пруто-Дунайском междуречье в эпоху поздней бронзы /

Ю.А. Черниенко // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья : тез. докл. и сообщений науч.-практ. ист.-краевед. конф. ; в 2-х ч. Ч.2 / Одес. областной координ. совет по ист. краеведению ; Одес. областная орг. УООПИК ; Одес. охранный археол. центр ; Белгород-Днестров. КМ ; ОАМ АН УССР. – Белгород-Днестровский, 1990. – С.111–112.

Черниенко, 1991. – Черниенко Ю.А. О принципах формальной классификации помещений сабастиновских поселений Северо-Западного Причерноморья / Ю.А. Черниенко // Проблемы археологии Северного Причерноморья : материалы юбилейной конф., посвященной 100-летию основания Херсонского музея древностей / Херсон. областное упр. культуры, Отдел охраны памятников истории и культуры ; Херсон. областной гос. архив ; Херсон. КМ ; [редкол. : А.В. Гаврилов (отв. ред.) и др.]. – Херсон, 1991. – С.60–64.

Черниенко, 1994. – Черниенко Ю.А. Домостроительство населения сабастиновской культуры / Ю.А. Черниенко // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э.–V в. н. э. : материалы Междунар. археол. конф. (10–14 октября 1994 г.) / Приднестров. гос.-корпор. ун-т им. Т.Г. Шевченко ; [редкол. : Е.В. Яровой (отв. ред) и др.]. – Тирасполь, 1994. – С.125–127.

Черников, 1960. – Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / С.С. Черников / АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. М.П. Грязнов]. – МИА. – 1960. – № 88. – 271 с.

Черных Е.Н., 1970. – Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е.Н. Черных ; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Н.Я. Мерперт]. – МИА. – 1970. – № 172. – 180 с.

Черных Е.Н., 1976. – Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР / Е.Н. Черных ; АН СССР, Ин-т археол. – М. : Наука, 1976. – 302 с.

Черных Е.Н., 1978. – Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии / Е.Н. Черных ; БАН, Археол. ин-т. – София : Изд-во БАН, 1978. – 387 с.

Черных Е.Н., 1978а. – Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР / Е.Н. Черных // СА. – 1978. – № 4. – С.53–82.

Черных Е.Н., 1981. – Черных Е.Н. Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы / Е.Н. Черных // СА. – 1981. – № 1. – С.19–26.

Черных Е.Н., 1983. – Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии / Е.Н. Черных // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья : сб. науч. ст. / Башкир. гос. ун-т (подготовлен Челяб. гос. ун-том); [редкол. : Г.Б. Зданович (отв. ред.) и др.]. – Уфа : Изд-во БашГУ, 1983. – С.81–99.

Черных Е.Н., 2007. – Черных Е.Н. Евразийское ядро культур в позднем бронзовом веке и «триада эпох» / Е.Н. Черных // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Від неоліту до кіммерійців : зб. наук. пр. / Східноукр. нац. ун-т ; Ін-т археол. НАН України ; [редкол. : С.М. Санжаров (гол. ред.) та ін.]. – Луганськ : Вид-во СНУ, 2007. – Вип.7. – С.133–142.

Черных Е.Н., Агапов, Кравцов и др., 1991. – Черных Е.Н. О работах Волго-Уральской комплексной экспедиции в 1989–90 гг. / Е.Н. Черных, С.А. Агапов, А.Ю. Кравцов, С.В. Кузьминых, Е.Ю. Лебедева, Н.Л. Моргунова, Л.Б. Орловская, Т.О. Тенейшвили // Археологические открытия Урала и Поволжья : сб. науч. ст. / АН СССР, Урал. отд., Удмурд. ин-т истории языка и л-ры ; [редкол. : Л.А. Ноговицын (отв. ред.) и др.]. – Ижевск : Изд-во Удмурд. ин-та истории яз. и лит, 1991. – С.159–167.

Черных Е.Н., Кузьминых, Лебедева и др., 1999. – Черных Е.Н. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие) / Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Е.Ю. Лебедева, С.А. Агапов, Л.Б. Орловская, Т.О. Тенейшвили Т.О., Д.В. Вольков // РА. – 1999. – № 1. – С.77–102.

Черняков, 1965. – Черняков И.Т. Краснояцкий клад литейщика / И.Т. Черняков // КСОИГАМ 1963 года. – О., 1965. – С.87–123.

Черняков, 1975. – Черняков И.Т. Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / И.Т. Черняков ; Ин-т археологии АН УССР. – К., 1975. – 29 с.

Черняков, 1977. – Черняков И.Т. Киммерийские курганы близ устья Дуная / И.Т. Черняков // Скифы и сарматы : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. : А.И. Тереножкин (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1977. – С.29–36.

Черняков, 1984. – Черняков И.Т. Керамика позднебронзового века из поселения Молога II / И.Т. Черняков // Новые археологические исследования на Одесчине : сб. науч. тр. / АН УССР, ОАМ ; [редкол. : Г.А. Дзис-Райко (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1984. – С.48–56.

Черняков, 1985. – Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. / И.Т. Черняков ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. И.Н. Шарафутдинова]. – К. : Наук. думка, 1985. – 170 с.

Черняков, 2002. – Черняков И.Т. К истории развития вооружения II тыс. до н. э. в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье / И.Т. Черняков // Карпати в давнину. – Ужгород, 2002. – С. 39–60.

Черняков, Ванчугов, Кушнир, 1986. – Черняков И.Т. Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья / И.Т. Черняков, В.П. Ванчугов, В.Г. Кушнир // СА. – 1986. – № 2. – С.47–55.

Чивилев, 2005. – Чивилев В.А. Археологический комплекс эпохи финальной бронзы поселения Карамышево 2 левобережья р. Воронеж / В.А. Чивилев // Проблеми дослідження пам'яток Східної України : матеріали II-ї Луганської міжнар. іст.-археол. конф., присвяченої 85-річчю Луган. ОКМ / Упр. культури і мистецтв Луган. облдержадмін. ; Луган. ОКМ ; Ін-т археол. НАН України ; Східноукр. філія ІА НАН України ; Східноукр. нац. ун-т ; Луган. нац. пед. ун-т ; [редкол.: В.В. Отрощенко (гол. ред.) та ін.]. – К. : Шлях, 2005. – С.116–117.

Чижикова, 1987. – Чижикова Л.Н. Жилище / Л.Н. Чижикова // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая ; [отв. ред. К.В. Чистов]. – М. : Наука, 1987. – С.223–231.

Чижов, 1961. – Чижов М.П. Український лісостеп. Фізико-географічний нарис / М.П. Чижов. – К. : Радянська школа, 1961. – 204 с.

Чмихов, Черняков, 1988. – Чмихов М.О. Хронологія археологічних пам'яток епохи міді-бронзи на території України: навчальний посібник / О.М. Чмихов, І.Т. Черняков ; Київ. держ. ун-т ; [ред. Л.А. Безродна]. – К. : УМК ВО, 1988. – 180 с.

Чубатенко, Горбов, 1994. – Чубатенко И.А. Данные о росте специализации керамического производства срубного населения Приазовья / И.А. Чубатенко, В.Н. Горбов // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений, (Саратов, октябрь 1994 г.) / ИИМК РАН ; Саратов. гос. ун-т ; [редкол. : Н.М. Малов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во СарГУ, 1994. – С.57–62.

Шапарова, 2001. – Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. Около 1000 статей / Н.С. Шапарова. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Русские словари», 2001. – 624 с.

Шаповалов, 1975. – Шаповалов Т.А. Разведки поселений эпохи бронзы на р. Кривой Торец / Т.А. Шаповалов // АО 1974 года. – М. : Наука, 1975. – С.372.

Шаповалов, 1976. – Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце / Т.А. Шаповалов // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы / АН УССР, Ин-т археол. ; [редкол. С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Д.Л. Телегин]. – К. : Наук. думка, 1976. – С.150–172.

Шаповалов, 1985. – Шаповалов Т.А. К вопросу о планировке жилищ срубной культуры бассейна Северского Донца / Т.А. Шаповалов // Археология и краеведение в школе : тез. докл. обл. семинара «Археология и краеведение в школе», (Донецк, 15–18 марта 1985 г.) / Донец. гос. ун-т ; Областной отдел народ. образования ; Областная орг. об-ва охраны памятников истории и культуры ; Областная станция юных туристов. – Донецк, 1985. – С.22–23.

Шаповалов, Духин, 1977. – Шаповалов Т.А. Разведки поселений эпохи бронзы на Северском Донце / Т.А. Шаповалов, А.И. Духин // АО 1976 года. – М. : Наука, 1977. – С.388–389.

Шаповалов, Клименко, Духин, 1978. – Шаповалов Т.А. Исследование поселения эпохи бронзы у с. Старый Караван / Т.А. Шаповалов, В.Ф. Клименко, А.И. Духин // АО 1977 года. – М. : Наука, 1978. – С.399.

Шапошникова, 1970. – Шапошникова О.Г. Багатошарове поселення поблизу с. Роздольне на р.Кальміус / О.Г. Шапошникова // Археологія. – 1970. – Вип.ХХІІІ. – С.142–151.

Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986. – Шапошникова О.Г. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) / О.Г. Шапошникова, В.Н. Фоменко, Н.Д. Довженко ; [отв. ред. И.И. Артеменко] // САИ. – 1986. – Вып.ВІ-3. – 159 с. (Археология СССР ; под общ. ред. Б.А. Рыбакова).

Шарафутдінова І.М., 1961. – Шарафутдінова І.М. Нові пам'ятки епохи пізньої бронзи в Нижньому Подніпров'ї / І.М. Шарафутдінова // АП УРСР. – 1961. – Т.Х. – С.12–25.

Шарафутдінова І.М., 1964. – Шарафутдінова І.М. Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука / І.М. Шарафутдінова // Археологія. – 1964. – Вип.ХVІІ. – С.153–169.

Шарафутдінова І.Н., 1968. – Шарафутдінова І.Н. К вопросу о сабатиновской культуре / И.М. Шарафутдінова // СА. – 1968. – № 3. – С.16–34.

Шарафутдінова І.М., 1972. – Шарафутдінова І.М. Кам'яні праски епохи пізньої бронзи / І.М. Шарафутдінова // Археологія. – 1972. – № 5. – С.68–72.

Шарафутдінова І.М., 1973. – Шарафутдінова І.М. Бронзоліварна майстерня з с. Гологурів на Київщині / І.М. Шарафутдінова // Археологія. – 1973. – № 12. – С.61–70.

Шарафутдінова І.Н., 1982. – Шарафутдінова І.Н. Степное Поднепровье в эпоху бронзы / И.Н. Шарафутдінова ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. С.С. Березанская]. – К. : Наук. думка, 1982. – 160 с.

Шарафутдінова І.Н., 1986. – Шарафутдінова І.Н. Сабатиновская культура / И.Н. Шарафутдінова // Культуры эпохи бронзы на территории Украины / С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдінова ; АН УССР, Ин-т археол. – К. : Наук. думка, 1986. – С.83–116.

Шарафутдінова І.Н., 1987. – Шарафутдінова І.Н. Бронзовые украшения сабатиновской культуры: (к вопросу о контактах) / И.Н. Шарафутдінова //

Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины : сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. И.И. Артеменко]. – К. : Наук. думка, 1987. – С.69–86.

Шарафутдинова И.Н., Балушкин, 1997. – Шарафутдинова И.Н. Поселение Виноградный Сад и проблема сабастиновской культуры / И.Н. Шарафутдинова, А.М. Балушкин // Сабатиновская и срубная культуры : проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху бронзы : тез. докл. I-го Всесоюзного полевого семинара 10–18 сентября 1990 г. (К.–Николаев–Южноукраинск) / Ин-т археол. НАН Украины ; Днепрпетр. гос. ун-т ; Производств. объединение «Южноукраинская атомная электростанция» ; [сост. и ред. В.Н. Ключинцев]. – Херсон : «Борисфен-Полиграфсервис», 1997. – С.35–36.

Шарафутдинова Э.С., 1976. – Шарафутдинова Э.С. К характеристике погребального обряда позднесрубной культуры (Нижний Дон и сопредельные территории) / Э.С. Шарафутдинова // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) : сб. науч. ст. / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол. : Е.И. Медведев, С.Г. Басин, Е.М. Кубарев, Г.И. Матвеева, И.Б. Васильев]. – Куйбышев, 1976. – С.63–65.

Шарафутдинова Э.С., 1980. – Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) / Э.С. Шарафутдинова ; [отв. ред. М.П. Грязнов] // САИ. – 1980. – Вып. VI-II. – 128 с. (Археология СССР ; под общ. ред. Б.А. Рыбакова).

Шарафутдинова Э.С., 1983. – Шарафутдинова Э.С. Время появления раннесрубных памятников на Нижнем Дону / Э.С. Шарафутдинова // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа : сб. науч. тр. / Ростов. гос. ун-т ; [отв. ред. В.Я. Кияшко]. – Ростов-на-Дону : Изд-во РостГУ, 1983. – С.29–34.

Шарафутдинова Э.С., 1985. – Шарафутдинова Э.С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья / Э.С. Шарафутдинова // Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации) : межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. гос. пед. ин-т ; [редкол. : С.Г. Басин (отв. ред.) и др.]. – Куйбышев : Типогр. им. В.П. Мяги, 1985. – С.146–183.

Шарафутдинова Э.С., 1991. – Шарафутдинова Э.С. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье / Э.С. Шарафутдинова // СА. – 1991. – № 1. – С.184–196.

Шарафутдинова Э.С., 1995. – Шарафутдинова Э.С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце / Э.С. Шарафутдинова // Донские древности : сб. науч. тр. / Азов. КМ; [редакционный совет : А.А. Горбенко (председатель) и др.]. – Азов, 1995. – Вып.4. – С.93–115.

Шарафутдинова Э.С., Каминский, 1988. – Шарафутдинова Э.С. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье / Э.С. Шарафутдинова, В.Н. Каминский // СА. – 1988. – № 4. – С.214–221.

Швец, 1978. – Швец Г.И. Многовековая изменчивость стока Днепра / Г.И. Швец. – Л. : Гидрометеиздат, 1978. – 82 с.

Швецов, 1987. – Швецов М.Л. Исследование Зливкинского многослойного памятника / М.Л. Швецов // АО 1985 года. – М. : Наука, 1987. – С.433–434.

Шилов, 1975. – Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья / В.П. Шилов ; АН СССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. В.С. Сорокин]. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1975. – 208 с.

Шмаглий, Черняков, 1970. – Шмаглий Н.М. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра / Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков // Материалы по археологии Северного Причерноморья / АН УССР, Ин-т археол., ОАМ ; [редкол. : П.О. Карашковский (отв. ред.) и др.]. – 1970. – Вып.6. – Ч.1. – С.5–115.

Шнитников, 1957. – Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария / А.В. Шнитников // Записки географического об-ва СССР. Новая серия. – М. ; Л., АН СССР, 1957. – Т. 16. – 337 с.

Шнитников, 1969. – Шнитников А.В. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Очерки / А.В. Шнитников ; АН СССР, Географ. об-во ; [отв. ред. С.В. Колесник]. – Л. : Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. – 245 с.

Шовкопляс, 1956. – Шовкопляс І.Г. Середньостогівська експедиція 1949–1951 рр. / І.Г. Шовкопляс // АП УРСР. – 1956. – Т.VI. – С.29–36.

Шостакович, 1934. – Шостакович Б.В. Иловые отложения озер и периодические колебания в явлениях природы / Б.В. Шостакович // Записки Государственного гидрологического института. – 1934. – Т.13. – С.95–140.

Шрамко Б.А., 1954. – Шрамко Б.А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северского Донца / Б.А. Шрамко // КСИИМК. – 1954. – Вып.54. – С.105–115.

Шрамко Б.А., 1957. – Шрамко Б.А. Новые памятники предскифского времени на Северском Донце / Б.А. Шрамко // КСИИМК. – 1957. – Вып.67. – С.17–27.

Шрамко Б.А., 1962. – Шрамко Б.А. Древности Северского Донца / Б.А. Шрамко ; Харьк. гос. ун-т ; [отв. ред. В.Э. Гриневич]. – Х. : Изд-во ХГУ, 1962. – 404 с.

Шрамко Б.А., 1972. – Шрамко Б.А. Походження племен раннього залізного віку на території лісостепового Лівобережжя України / Б.А. Шрамко // Питання історії народів СРСР / Харьк. держ. ун-т ; [відп. ред. С.М. Королівський]. – Х. : Вид-во ХДУ, 1972. – Вип.14. – С.153–161.

Шрамко Б.А., 1972а. – Шрамко Б.А. Работы в бассейнах Ворсклы и Северского Донца / Б.А. Шрамко // АО 1971 года. – М. : Наука, 1972. – С.328–329.

Шрамко Б.А., 1975. – Шрамко Б.А. Новые исследования Бельского городища / Б.А. Шрамко // АО 1974 года. – М. : Наука, 1975. – С.374–375.

Шрамко Б.А., 1983. – Шрамко Б.А. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей / Б.А. Шрамко // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж ; под ред. Б.Б. Пиотровского. – Л. : Изд-во «Искусство», 1983. – № 23. – С.72–92.

Шрамко Б.А., 1983а. – Шрамко Б.А. Археология раннего железного века Восточной Европы : учеб. пособ. / Б.А. Шрамко; Харьк. гос. ун-т. – Х. : РИГ ХГУ, 1983. – 133 с.

Шрамко Б.А., 1984а. – Шрамко Б.А. Обработка кожи в Скифии / Б.А. Шрамко // Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н. э. : сб. науч. тр. / Днепропетр. гос. ун-т ; [редкол. : И.Ф. Ковалева (отв. ред.) и др.]. – Д. : Изд-во ДГУ, 1984. – С.142–156.

Шрамко Б.А., 1987. – Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) / Б.А. Шрамко ; АН УССР, Ин-т археол. ; [отв. ред. Е.В. Черненко]. – К. : Наук. думка, 1987. – 183 с.

Шрамко І.Б., Корохіна, 2007. – Шрамко І.Б. Охоронні дослідження поселення із матеріалами доби бронзи–раннього заліза «Пісочин-Мобіль» / Шрамко І.Б., А.В. Корохіна // АДУ 2005–2007 років : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т археол. ; [редкол. : Н.О. Гаврилюк (гол. ред.) та ін]. – К. ; Запоріжжя : ІА НАН України ; Дике поле, 2007. – С.436–439.

Штаерман, 2003. – Штаерман Е.М. Лары / Е.М. Штаерман // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т.2 : К-Я ; [редкол. : С.А. Токарев (гл. ред.) и др.]. – 2-е изд. – М. : «Советская энциклопедия», 2003. – С. 38–39.

Штаерман, 2003а. – Штаерман Е.М. Пенаты / Е.М. Штаерман // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т.2 : К-Я ; [редкол. : С.А. Токарев (гл. ред.) и др.]. – 2-е изд. – М. : «Советская энциклопедия», 2003. – С. 299–300.

Щапова, 1988. – Щапова Ю.Л. Естественнонаучные методы в археологии : учеб. пособие / Ю.Л. Щапова ; Моск. гос. ун-т. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 151 с.

Щетенко, 1999. – Щетенко А.Я. Литейные формы эпохи поздней бронзы с поселения Теккем-депе (Южный Туркменистан) / А.Я. Щетенко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) III Граковские чтения : сб. науч. тр. / Запорож. гос. ун-т ; Моск. гос. ун-т ; Ин-т археол. НАН Украины ; Запорож. областно. Музей ; Упр. культуры Запорож. облгосадмин. ; Запорож. науч. об-во им. Я. Новицкого ; Центр охраны и исследований памятников археологии Упр. культуры Полт. облгосадмин. ; [редкол. : П.П. Толочко (отв. ред.) и др.]. – Запорожье, 1999. – С.271–278.

Щетенко, 1999а. – Щетенко А.Я. О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы / А.Я. Щетенко // От Балкан до Гималаев. Время цивилизаций. – Stratum Plus. – 1999. – № 2. – С.323–335.

Щепинский, 1985. – Щепинский А.А. Кеми-обинская культура / А.А. Щепинский // Археология Украинской ССР : в 3 т. Т.1 : Первобытная археология / [редкол. : Д.Я. Телегин (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1985.– С.331–336.

Энеолит СССР, 1982. – Энеолит СССР / [отв. ред. тома В.М. Масон, Н.Я. Мерперт]. – М. : Наука, 1982. – 359 с. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Т.II. – Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон (1–86 т, четыре дополн. т.). Т.II (IA). – СПб, 1890–1907. – 954 с.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Т.XI. – Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон (1–86 т, четыре дополн. т.). Т.XI. – СПб, 1890–1907. – 466 с.

Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, Т.2. – Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат: 7-е перераб. изд. (Т.1–55, 57, 58, дополн. т.). Т.2. – М, [1910]. – 1948. – 688 с.

Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, Т.10. – Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат: 7-е перераб. изд. (Т.1–55, 57, 58, дополн. т.). Т.10. – М, [1910]. – 1948. – 708 с.

Эрман, 1980. – Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы / В.Г. Эрман ; Ленинград. гос. ун-т ; [отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин]. – М. : Наука, Гл. ред. восточ. л-ры, 1980. – 232 с.

Юдин, 2001. – Юдин А.И. Алексеевское городище в г. Саратове / А.И. Юдин // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах / М-во культуры РФ, Упр. по ист.-культ. Наследию ; [отв. ред. А.И. Юдин]. – Саратов : Изд-во «Научная книга», 2001. – Вып.4. – С.22–80.

Яворницький, 1990. – Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків : в 3 т. Т.1. / Д.І. Яворницький; АН УРСР, Археографічна комісія, Ін-т історії ; [редкол. : П.С. Сохань (голова) та ін.]. – К. : Наук. думка, 1990. – 578 с. (Пам'ятки історичної думки України).

Agulnikov, 1996. – Agulnikov S. Necropola culturii belozerka de la Cazaclia / S. Agulnikov // Bibliotheka tracologica / Institutul Român de Tracologie. – București, 1996. – XIV. – 115 p.

Berezanskaja, Kločko, 1998. – Berezanskaja S.S. Das Gräberfeld von Gordeevka / S.S. Berezanskaja, V.I. Kločko // Archäologie in Eurasien / Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien–Abteilung. – Berlin, 1998. – Band 5. – 87 s.

Bočkarev, Leskov, 1980. – Bočkarev V.S. Jund- und Spätbronzezeitliche Gußformen in nördlichen Schwarzmeergebiet / V.S. Bočkarev, A.M. Leskov // Prahistorische Bronzefunde / International Union of Prehistoric and Protohistoric Sciences; International Council for Philosophy and Humanistic Studies. – München : C.H.Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1980. – Abt. 19. – Band 1. – 97 s.

Boroffka, Sava, 1998. – Boroffka N. Zu den steinernen «Zeptern/Stössel-Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens / N. Boroffka, E. Sava // Archäologische mitteilungen aus Iran und Turan / Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien–Abteilung, Aussenstelle Teheran. – Berlin, 1998. – Band 30. – P.17–113.

Bukovski, 1976. – Bukovski Z. Elementy wschodnie w kulturze lyzyckiej u schyłku epoki Szazu / Z. Bukovski; Zakład Narodowy im. Ossolinskich. – Wrocław-Warsawa-Krakow – Gdansk, 1976. – 183 s.

Černych, Antipina, Lebedeva, 1998. – Černych E.N. Produktionsformen der Urgesellschaft in den Steppen Osteuropas (Ackerbau, Viehzucht, Erzgewinnung und Verhüttung) / E.N. Černych, E.E. Antipina, E.Ju. Lebedeva // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe: Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v. Chr.). (Südosteuropa – Schriften; Band 20) (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa; Band 12). Südosteuropa – Gesellschaft, München. Hrsg. Von B. Hänhard und J. Machnik.– Rahden / Westf. : Leidorf, 1998. – P.233–252.

Dragomir, 1967. – Dragomir J.T. Un nou depozit de obiecte de bronz descoperit la Băleni în sudul Moldovei / J.T. Dragomir // Danubius. Istorie-etnografie. – Vol.I. – Galați 1967. – P.89–105.

Florescu, 1961. – Florescu A.C. Depozitul de bronz de la Ulmi-Liteni / A.C. Florescu // Arheologia Moldovei. – 1961. – T.1. – P.115–127.

Gerškovič, 1999. – Gerškovič J.P. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres / J.P. Gerškovič // Archäologie in Eurasien. – Verlag Marie Leidorf GmbH, Rahden/West, 1999. – Band 7. – 103 s.

Gershkovich, 2003. – Gershkovich Ya.P. Farmers and Pastoralists of the Pontic Lowland during the late Bronze Age / Ya.P. Gershkovich // Prehistoric steppe adaptation and the horse / M. Levine, C. Renfrew and K. Boyle (Eds.). – Cambridge, McDonald Institute monograph, 2003. – P.307–317.

Gimbutas, 1965. – Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe / M.Gimbutas. – Paris ; London : Mouton & Co., 1965. – 681 p.

Hüttel, 1981. – Hüttel H.-G. Bronzezeitliche trensen in Mittel – und Osteuropa / H.-G. Hüttel // Prähistorische bronzefunde. – München : C.H.Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1981. – Abt. 16. – Band 2. – 209 s.

Kločko, 1993. – Kločko V.I. Weapons of the tribes the Northern Pontic zone in the 16th–10th centuries B.C. / V.I. Kločko // Baltic-Pontic Studies / Adam Mickiewicz university; Eastern institute ; Institute of prehistory. – Poznan, 1993. – Vol.1. – 137 p.

Kločko, 1998. – Kločko V.I. Die Süd- und Westbeziehungen der Ukraine rechts des Dneprs im 2. und frühen 1. Jahrtausend v. Chr / V.I. Kločko // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe: Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v. Chr.). (Südosteuropa – Schriften; Band 20) (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa; Band 12). Südosteuropa – Gesellschaft, München. Hrsg. Von B. Hähnard und J. Machnik. – Rahden / Westf. : Leidorf , 1998. – P.343–351.

Kločko, 2001. – Kločko V.I. Weapons of Societies of the Northern Pontic culture circle : 5000–700 B.C. / V.I. Kločko // Baltic-Pontic Studies / Adam Mickiewicz university ; Eastern institute; Institute of prehistory. – Poznan, 2001. – Vol.10. – 376 p.

Klocho, Kovaliukh, Skripkin, Motzenbecker, 1998. – Klocho V.I. The chronology of the Subotov settlement / V.I. Klocho, N.N. Kovaliukh, V.V. Skripkin, I. Motzenbecker // Radiocarbon. – 1998. – Vol.40. – № 2. – P.667–673.

Kostrzewski, Chmielewski, Tazdzewski, 1965. – Kostrzewski J. Pradzieje Polski / J.Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Tazdzewski; Zakład Narodowy im. Ossolińskich in Wrocław. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1965. – 428 s.

Levițki, 1994. – Levițki O. Cultura Hallstattului canelat la rasarit de Carpati. – Bibliotheca Thracologica / O. Levițki ; Ministerium învățământului, Institutul Român de Tracologie ; Bibliotheca Thracologica. – București, 1994. – VII. – 256 p.

Levițki, 2000. – Levițki O. Tradiții Hallstattiene în producția ceramică culturii Bilozerka / O. Levițki // Thraco-Dacica / Academia Română, Institutul Român de Tracologie. – București, 2000. – T.XXI. – Nr. 1–2. – p.177–209.

Leskow, 1981. – Leskow A.M. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen) / A.M. Leskow // Prähistorische bronzefunde. – München : C.H.Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1981. – Abt.XX. – Band 5. – 128 s.

Metzner-Nebelsick, 2005. – Metzner-Nebelsick C. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Hordeevka am Südlichen Byg im Spannungsfeld seiner auswärtigen Bezüge / C. Metzner-Nebelsick // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. – Band 121. – Bonn, 2005. – S.293–315.

Morintz, 1978. – Morintz S. Contribuții arheologice la istoria Tracilor Timpurii / S. Morintz // Epoca bronzului în spațiul Carpato-Balcanic / Academia de Științe Sociale și Politice a Republicii Socialiste România. Institutul de Arheologie București. – București : Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1978. – T.1. – 153 p.

Morintz, 1980. – Morintz S. Über Abstammung der Thraker // Actes der Congress international de Thracologie, (septembrie 1976) / S. Morintz / Academia RSR. – T.1. – București, 1980. – P.49–56.

Mozolics, 1985. – Mozolics A. Bronze aus Ungarn. Depotfundhorizonte von Aranyos, Kurd und Gyermely / A. Mozolics. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985. – 524 s.

Müller-Karpe, 1959. – Müller-Karpe H. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen / H. Müller-Karpe // Römisch-Germanische Forschungen. – Berlin : Gruyter & Co, 1959. – Band 22. – 334 s.

Otroščenko, 1998. – Otroščenko V.V. Die Westbeziehungen der Belozerka-Kultur / V.V. Otroščenko // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v. Chr.) ; [herausgegeben von B. Hänsel, J. Machnik]. – München : Rahden / West, 1998. – S.353–360. (Südosteuropa-schriften, band 20. Prähistorische archäologie in südosteuropa, Band 12).

Otroshenko, 2003. – Otroshenko V.V. Radiocarbon chronology of the bilozerka culture – based on barrows near the village of zapovitne (the «Stepnoy» cementery) / V.V. Otroshenko // Baltic Pontic Studies / Adam Mickiewicz university ; Eastern institute; Institute of prehistory. – Poznan, 2003. – vol.12. – S.336–364.

Palwal, 1969. – Palwal A.R. Kafirs Cult of the Dead / A.R. Palwal // Afghanistan. – 1969. – XXII. – 2. – S.20–43.

Patek, 1968. – Patek E. Die Urnenfelderkultur in Transdanubien / E. Patek. – Budapest, Akadémiai Kiado, 1968. – 260 p.

Petrescu-Dîmbovița, 1977. – Petrescu-Dîmbovița M. Depozitele de brozuri din Romania / M. Petrescu-Dîmbovița // Biblioteca de archeologie XXX. – București : Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1977 – 390 p.

Romashko, 2004. – Romashko V. Topography of the Frame-Belozerka culture settlements of Ukraine / V. Romashko // The Use of Living Space in Prehistory : Papers from a session held at the EAA 6th Annual Meeting in Lisbon, 2000. – BAR International Series, 2004. – P.111–117.

Romashko, Skorÿi, 2011. – Romashko V., Skorÿi S. Aristocratic Burial-Mound Bliznets-2 on the West Bank of the Dnieper above the Rapids / V. Romashko, S. Skorÿi // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. – 2011. – 17. – p.169–224.

Sulimirski, 1931. – Sulimirski T. Kultura Wysocka / T. Sulimirski. – Krakow, 1931. – 203 s.

Sulimirski, 1936. – Sulimirski T. Zagadnienie ekspansji kultury łużyckiej na Ukraine / T. Sulimirski // Wiadomości archeologiczne. – Lwów, 1936. – 14. – S.3–15.

Taufer, 1999. – Taufer M. Ein Scheibenknebel aus Džarkutan (Süduzbekistan) / M. Taufer // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. – Berlin, 1999. – Band 31. – S.69–142.

Vančugov, 1996. – Vančugov V.P. Das Ende Bronzezeit im nördlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur / V.P. Vančugov // Eurasia antiqua / Deutsches archäologisches institut. – Berlin, 1996. – Band 2. – S.287–309.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Андриенко, 1970/77. – Андриенко В.П. Отчет о раскопках и разведках на территории Харьковской и Полтавской обл. (г. Богодухов, Харьковской обл., Першотравневий, Лозовський р-н) / В.П. Андриенко ; Донец. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1970/77. – 16 с., 25 табл.

Беляев, 1980/№ 590. – Беляев А.С. Поздний период эпохи бронзы пограничья степи и лесостепи в Днепровском Левобережье : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 «Археология» / А.С. Беляев. – К., 1980. – НА ІА НАНУ. – № 590 – 214 с.

Берестнев, 1979/109. – Берестнев С.И. Отчет о разведках и раскопках на территории Харьковской и Полтавской областей в 1979 г. / С.И. Берестнев ; Харьк. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1979/109. – 28 с., 63 табл.

Берестнев, 1983/№ 61:84-7/99. – Берестнев С.И. Срубная культура лесостепного Левобережья Украины : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 «Археология» / С.И. Берестнев. – М., 1983. – Российская государственная библиотека. Отдел диссертаций. – № 61:84-7/99. – 311 с.

Берестнев, 1987/102. – Берестнев С.И. Отчет о работах новостроечной экспедиции Харьковского госуниверситета им. А.М. Горького в 1987 г. / С.И. Берестнев ; Харьк. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1987/102. – 48 с., 120 табл.

Берестнев, 1988/211. – Берестнев С.И. Отчет о работах Новостроечной экспедиции Харьковского государственного университета в 1988 г. / С.И. Берестнев ; Харьк. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1988/211. – 28 с., 162 рис.

Берестнев, 1995/29. – Берестнев С.И. Отчет о раскопках поселения Горбанщина (Тымченки 3) в 1995 г. / С.И. Берестнев ; Харьк. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1995/29. – 21 с., 36 рис.

Берестнев, 1996/18. – Берестнев С.И. Отчет о раскопках поселения Горбанщина (Тымченки 3) в 1996 г. / С.И. Берестнев ; Харьк. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1996/18. – 26 с.

Бородулин, 1976/52. – Бородулин В.Г. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 1976 г. / В.Г. Бородулин ; Харьк. ист. музей. – НА ІА НАНУ. – 1976/52. – 21 с., 2 табл.

Бровендер, 2000/№ 810. – Бровендер Ю.М. Поселения срубной общности в среднем течении Северского Донца : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.04 «Археологія» / Ю.М. Бровендер. – К., 2000. – НА ІА НАНУ. – № 810 – 486 с.

Буйнов, 1981/№ 600. – Буйнов Ю.В. Бондарихинская культура: дис. ... канд. іст. наук : 07.00.06 «Археологія» / Ю.В. Буйнов. – К., 1981. – НА ІА НАНУ. – № 600. – 246 с.

Буйнов, Дегтярь, 1987/101. – Буйнов Ю.В. Отчет о разведках и раскопках на территории Харьковской обл. в 1987 г. / Ю.В. Буйнов, А.К. Дегтярь ; Харьк. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1987/101. – 25 с., 39 табл.

Буйнов, Дегтярь, 1988/60. – Буйнов Ю.В. Отчет о работе Северско-Донецкой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1988 г. / Ю.В. Буйнов, А.К. Дегтярь ; Харьк. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1988/60. – 21 с., 39 табл..

Воловик, 1984/77. – Воловик С.И. Отчет об археологических разведках в Харьковской области в 1984 г. / С.И. Воловик ; Харьк. Дворец детского и юношеского творчества. – НА ІА НАНУ. – 1984/77. – 15 с., 28 табл.

Гершкович, 1989/192. – Гершкович Я.П. Отчет о работах Донецко-Луганской экспедиции в 1989 г. (раскопки поселения поздней бронзы у с. Диброва и кургана у с. Чернухино Перевальского р-на Ворошиловградской обл. / Я.П. Гершкович ; Ін-т археол. НАН України. – НА ІА НАНУ. – 1989/192. – 22 с., 44 табл.

Гершкович, 1993/№ 739. – Гершкович Я.П. Сабатиновская культура Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Приазовья : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.04 «Археология» / Я.П. Гершкович. – К., 1993. – НА ІА НАНУ. – № 739. – 413 с.

Голубчик, Яровой, 2005/162. – Голубчик Л.Н. Отчет о проведении археологических разведок на территории Днепропетровской обл. в 2005 г. / Л.Н. Голубчик, А.Г. Яровой ; ДООІКЦ. – НА ІА НАНУ. – 2005/162. – 38 с., 16 рис.

Горбов, Усачук, 1986/46. – Горбов В.Н. Отчет о работе Новоазовской экспедиции в 1986 г. / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества. – НА ІА НАНУ. – 1986/46. – 27 с., 32 табл.

Горбов, Усачук, 1987/96. – Горбов В.Н. Отчет о полевых исследованиях Новоазовской экспедиции в 1987 г. / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества. – НА ІА НАНУ. – 1987/96. – 20 с.

Горбов, Усачук, 1992/81. – Горбов В.Н. Отчет о полевых исследованиях Новоазовской археологической экспедиции в 1992 г. / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества. – НА ІА НАНУ. – 1992/81. – 10 с., 42 табл.

Горбов, Усачук, 1993/136. – Горбов В.Н. Отчет о полевых исследованиях Новоазовской археологической экспедиции за 1993 г. / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества. – НА ІА НАНУ. – 1993/136. – 8 с., 68 табл.

Горбов, Усачук, 1996/50. – Горбов В.Н. Отчет о работе Новоазовской археологической экспедиции в 1996 г. / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества. – НА ІА НАНУ. – 1996/50. – 18 с.

Горбов, Усачук, Гриб, 1988/201. – Горбов В.Н. Отчет о полевых исследованиях Новоазовской экспедиции в 1988 г. / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук, В.К. Гриб ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества. – НА ІА НАНУ. – 1988/201. – 36 с., 52 табл.

Горбов, Усачук, Клименко и др., 1991/41. – Горбов В.Н. Отчет о полевых исследованиях Новоазовской археологической экспедиции в 1991 г. / В.Н. Горбов,

А.Н. Усачук, В.Ф. Клименко, В.К. Гриб ; Донец. областной дворец детского и юношеского творчества. – НА ІА НАНУ. – 1991/41. – 24 с., 67 табл.

Даниленко, 1958/1г. – Даниленко В.Н. Археологические работы в районе с. Максимовка на Черкашине / В.Н. Даниленко ; Ин-т археол. АН УССР.– НА ІА НАНУ. – 1958/1г. – 13 с., 9 табл.

Дегерменджи, Кузин, Подобед и др. 1993/32. – Дегерменджи С.М. Отчет об археологических исследованиях на территории Донецкой области в 1993 г. / С.М. Дегерменджи, В.И. Кузин, В.А. Подобед, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов ; Донец. ОКМ. – НА ІА НАНУ. – 1993/32. – 27 с., 66 рис.

Дегерменджи, Полидович, Цимиданов, 1994/111. – Дегерменджи С.М. Отчет о разведках в Добропольском и Краснолиманском р-нах Донецкой области в 1994 г. / С.М. Дегерменджи, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов ; Донец. ОКМ. – НА ІА НАНУ. – 1994/111. – 13 с., 20 рис.

Дегтярь, Буйнов, 1985/122. – Дегтярь А.К., Буйнов Ю.В. Отчет о раскопках у с. Сухая Гомольша Готвальдского района Харьковской области в 1985 г. / А.К. Дегтярь, Ю.В. Буйнов ; Харьк. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1985/122. – 14 с., 27 табл.

Клименко, 1978/74а. – Клименко В.Ф. Исследование поселения у с. Райстародубовка Славянского района Донецкой обл. / В.Ф. Клименко ; Енакиев. гор. отдел народного образования. – НА ІА НАНУ. – 1978/74а. – 6 с., 4 рис.

Клочко В.І., Гершкович, Мотзенбеккер, 1995/108. – Клочко В.І., Гершкович Я.П., Мотзенбеккер І. Звіт про розкопки Суботівського городища у 1994–1995 рр. / В.І. Клочко, Я.П. Гершкович, І. Мотзенбеккер ; Ин-т археол. НАН Украины ; Германский археол. ин-т. – НА ІА НАНУ. – 1995/108. – 62 с., 27 рис.

Ковалева И.Ф., 1963–1964/20. – Ковалева И.Ф. Отчет об археологическом обследовании реки Орели в 1963–1964 гг. / И.Ф. Ковалева ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1963–1964/20. – 52 с., 27 табл.

Ковалева И.Ф., 1965/59. – Ковалева И.Ф. Археологическая разведка долины р. Орели в 1965 г. / И.Ф. Ковалева ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1965/59. – 22 с., 16 табл.

Ковалева И.Ф., 1969/101. – Ковалева И.Ф. Археологическая разведка верхнего течения р. Самары в 1969 г. / И.Ф. Ковалева ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1969/101. – 30 с., 13 табл.

Ковалева И.Ф., 1987/№ 653. – Ковалева И.Ф. История населения пограничья Лесостепи и Степи в позднем энеолите–бронзовом веке: дис. ... д-ра. ист. наук : 07.00.04 «Археология» / И.Ф. Ковалева. – К., 1987. – НА ІА НАНУ. – № 653. – 608 с.

Ковалева И.Ф., Ромашко, Шалобудов, 1991/137. – Ковалева И.Ф. Археологические исследования в Днепропетровской области в 1991 г. / И.Ф. Ковалева, В.А. Ромашко, В.Н. Шалобудов ; Днепропетр. гос. ун-т.– НА ІА НАНУ. – 1991/137. – 113 с., 326 рис.

Колесник, Горбов, Усачук, 1991/165. – Колесник А.В. Отчет о работах экспедиции Донецкого областного краеведческого музея и областной организации об-ва охраны памятников в 1991 г. / А.В. Колесник, В.Н. Горбов, А.Н. Усачук, В.А. Подобед В.А. ; Донец. ОКМ ; Донец. областной орг. об-ва охраны памятников. – НА ІА НАНУ. – 1991/165. – 67 с., 116 рис.

Куштан, 1996/36. – Куштан Д.П. Звіт про археологічні розвідки в зоні Кременчуцького водосховища за 1996 рік / Д.П. Куштан ; Археол. інспекція упр. культури Черкас. облдержадм. – НА ІА НАНУ. – 1996/36. – 38 с., 68 рис.

Куштан, 1998/74. – Куштан Д.П. Звіт про рятивні археологічні розкопки та розвідки за 1998 рік / Д.П. Куштан ; Археол. інспекція упр. культури Черкас. облдержадм. – НА ІА НАНУ. – 1998/74. – 32 с., 94 рис.

Куштан, 2000/20. – Куштан Д.П. Звіт про розкопки могильника черняхівської культури Черкаси-Центр та розвідки на території Черкаської області за 2000 рік / Д.П. Куштан ; Археол. інспекція упр. культури Черкас. облдержадм. – НА ІА НАНУ. – 2000/20.

Куштан, 2007/№ 864. – Куштан Д.П. Населення південної частини лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.04 «Археология» / Д.П. Куштан. – К., 2007. – НА ІА НАНУ. – № 864 – 397 с.

Левицький, 1946/35. – Левицький І.Ф. Археологічні дослідження на території м. Харкова та в його околицях в 1946 р. (короткий звіт) / І.Ф. Левицький ; Ін-т археол. АН УССР. – НА ІА НАНУ. – 1946/35. – 20 с., 9 рис.

Левицький, 1948/17. – Левицький І.Ф. Мерешанське поселення / І.Ф. Левицький ; Ін-т археол. АН УССР. – НА ІА НАНУ. – 1948/17. – 82 с.

Литвиненко, 1994/№ 750. – Литвиненко Р.А. Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток) : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.04 «Археологія» / Р.А. Литвиненко. – К., 1994. – НА ІА НАНУ. – № 750. – 345 с.

Литвиненко, 2009/№ 879. – Литвиненко Р.А. Культурне коло Бабіне (за матеріалами поховальних пам'яток) : дис. ... д-ра іст. наук : 07.00.04 «Археологія» / Р.А. Литвиненко. – К., 2009. – НА ІА НАНУ. – № 879. – 798 с.

Марина, Ромашко, 1985/52. – Марина З.П. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства орошения в колхозе Кирова Павлоградского района Днепропетровской области в 1985 г. / З.П. Марина, В.А. Ромашко ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1985/52. – 43 с., 20 табл.

Марина, Ромашко, 1986/52. – Марина З.П. Отчет об археологических исследованиях в зоне орошения к-за им. Ульянова Павлоградского р-на, к-за им. Котовского и с-за им. 50 лет ВЛКСМ на площадях подработки шахт Западного Донбасса / З.П. Марина, В.А. Ромашко ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1986/52. – 76 с., 46 табл.

Моруженко, 1974/68. – Моруженко А.А. Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о разведке и раскопках в 1974 г. / А.А. Моруженко ; Донец. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1974/68. – 29 с., 65 табл.

Моруженко, 1977/87. – Моруженко А.А. Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого государственного университета о разведке и раскопках в 1977 г. / А.А. Моруженко ; Донец. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1977/87. – 19 с.

Отрощенко, 1981/№ 590. – Отрощенко В.В. Срубная культура Степного Поднепровья : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 «Археология» / В.В. Отрощенко. – К., 1981 – НА ІА НАНУ. – № 590. – 319 с.

Отрощенко, 2002/№ 818. – Отрощенко В.В. Історія племен зрубної спільності : дис. ... докт. іст. наук : 07.00.04 «Археологія» / В.В. Отрощенко. – К., 2002. – НА ІА НАНУ. – № 818 – 672 с.

Полидович, 1991/78а. – Полидович Ю.Б. Отчет о раскопках поселения Глубокое озеро-1 у с. Ямполь Донецкой области в 1991 г. / Ю.Б. Полидович ; Донец. ОКМ.– НА ІА НАНУ. – 1991/78а. – 15 с., 23 табл.

Постников, 1991/44. – Постников С.Н. Отчет о проведении археологических разведок в окрестностях г. Енакиево в 1991 г. / С.Н. Постников ; Енакиев. гор. отдел народного образования. – НА ІА НАНУ. – 1991/44. – 7 с., 16 табл.

Привалов, Привалова, 1981/82. – Привалов А.И. Раскопки поселения эпохи бронзы на р. Сухая Волноваха в 1981 г. / А.И. Привалов, О.Я. Привалова ; Донец. ОКМ. – НА ІА НАНУ. – 1981/82. – 5 с., 6 табл.

Привалова, Привалов, Дегерменджи, 1982/99. – Привалова О.Я. Отчет археологической экспедиции Донецкого краеведческого музея в урочище Макри-Хая у с. Стылы, Старобешевского р-на Донецкой обл. / О.Я. Привалова, А.И. Привалов, С.М. Дегерменджи ; Донец. ОКМ.– НА ІА НАНУ. – 1982/99. – 10 с.

Пузаков, 1955/14а. – Пузаков Е.В. Отчет о разведках Харьковского государственного исторического музея в бассейне Северского Донца в 1955 г. / Е.В. Пузаков ; Харьк. ист. музей. – НА ІА НАНУ. – 1955/14а. – 53 с.

Пузаков, 1959/21. – Пузаков Е.В. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Северского Донца в 1959 г. / Е.В. Пузаков ; Харьк. ист. музей. – НА ІА НАНУ. – 1959/21. – 13 с., 9 табл.

Ромашко, 1989/237. – Ромашко В.А. Отчет об археологических исследованиях Самарского отряда в 1989 г. / В.А. Ромашко ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1989/237. – 112 с., 446 рис.

Ромашко, 1990/97. – Ромашко В.А. Отчет об археологических исследованиях в пределах горного отвода шахты Западно-Донбасская 6/42 в 1990 г. / В.А. Ромашко ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1990/97. – 74 с., 161 рис.

Ромашко, 1990/№ 697. – Ромашко В.А. Предскифский период в пограничье Лесостепи и Степи днепровского Левобережья (XII–начало VII вв. до н. э.) : дис. ...

канд. ист. наук : 07.00.06 «Археология» / В.А. Ромашко. – К., 1990. – НА ІА НАНУ. – № 697. – 253 с.

Ромашко, 1999/35. – Ромашко В.А. Археологические исследования многослойного поселения в зоне строительства правобережного автодорожного подхода к Южному мосту через р. Днепр в 1999 г. / В.А. Ромашко ; Днепропетр. нац. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1999/35. – 23 с., 14 рис.

Ромашко, Андросов, 1990/97. – Ромашко В.А. Отчет об археологических исследованиях в пределах горного отвода шахты Западно-Донбасская 6/42 в 1990 г. / В.А. Ромашко, А.В. Андросов ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1990/97. – 76 с.

Ромашко, Марина, 1992/86. – Ромашко В.А. Отчет о раскопках поселений эпохи бронзы в Среднем Присамарье в 1992 г. / В.А. Ромашко, З.П. Марина ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1992/86 – 30 с., 19 рис.

Ромашко, Марина, 1993/71. – Ромашко В.А. Отчет о раскопках поселения позднего бронзового века у с. Богуслав в Среднем Присамарье / В.А. Ромашко, З.П. Марина ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1993/71. – 33 с.

Ромашко, Тесленко, Векленко та ін., 2004/б. н. – Ромашко В.А. Звіт про розвідки пам'яток археології у Новомосковському та Павлоградському районах Дніпропетровської області у 2002–2003 рр. / В.А. Ромашко, Д.Л. Тесленко, В.О. Векленко, О.Г. Яровий О.Г. ; Дніпропетр. держ. ун-т ; ДОЦОІКЦ. – Архів Дніпропетровського обласного центру з охорони історико-культурних цінностей. – 2004/б. н.

Ромашко, Тесленко, Фещенко, 2008/51. – Ромашко В.А. Отчет об археологических разведках в с. Лобойковка Петриковского р-на Днепропетровской обл. в 2008 г. / В.А. Ромашко, Д.Л. Тесленко, Е.Л. Фещенко ; Днепропетр. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 2008/51. – 14 с.

Татаринов, Копыл, Колесник и др., 1976/107. – Татаринов С.И. Отчет об археологических разведках и раскопках Артемовской экспедиции в 1976 г. / С.И. Татаринов, А.Г. Копыл, А.В. Колесник, С.М. Дегерменджи ; Артемов. КМ ; Донец. ОКМ. – НА ІА НАНУ. – 1976/107. – 57 с., 47 табл.

Телегин, 1954/26. – Телегин Д.Я. Отчет о раскопках многослойного поселения в с. Ушкалка Херсонской обл. в 1954 г. / Д.Я. Телегин ; Ин-т археол. АН УССР. – НА ІА НАНУ. – 1954/26. – 31 с.

Телегин, Ковалева, Беляев, 1970/41. – Телегин Д.Я. Отчет о работе археологической экспедиции «Днепр-Донбасс» в 1970 г. / Д.Я. Телегин, И.Ф. Ковалева, А.С. Беляев, О.В. Чаплинская ; Ин-т археол. АН УССР. – НА ІА НАНУ. – 1970/41. – 79 с., 39 табл., 113 рис.

Телегин, Пузаков, Михеев, 1959/3а. – Телегин Д.Я. Отчет о разведках археологических памятников в зоне строительства Печенежского водохранилища на р. Северский Донец в 1959 г. / Д.Я. Телегин, Е.В. Пузаков, В.К. Михеев ; Ин-т археол. АН УССР. – НА ІА НАНУ. – 1959/3а. – 31 с., 26 табл.

Тесленко, Ромашко, Фещенко и др., 2007/100. – Тесленко Д.Л. Отчет о раскопках памятников археологии в с. Песчанка Новомосковского р-на Днепропетровской обл. / Д.Л. Тесленко, В.А. Ромашко, Е.Л. Фещенко, А.Г. Яровой, В.В. Свистунов, А.Н. Рыбалка ; Днепропетр. нац. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 2007/100. – 33 с., 106 рис.

Фещенко, Ромашко, Тесленко, 2010/б. н. – Фещенко Е.Л. Отчет об исследовании памятников археологии в окрестностях г. Терновка Павлоградского р-на Днепропетровской обл. в 2010 г. / Е.Л. Фещенко, В.А. Ромашко, Д.Л. Тесленко ; Днепропетр. нац. ун-т.– НА ІА НАНУ. – 2010/б. н. – 66 с., 120 рис.

Цимиданов, 1989/178. – Цимиданов В.В. Отчет об исследовании Краснолиманской археологической экспедиции у с. Новоселовка Краснолиманского района и в Марьинском районе Донецкой области в 1988 г. / В.В. Цимиданов ; Донец. ОКМ. – НА ІА НАНУ. – 1989/178. – 7 с., 104 рис.

Чередниченко, 1973/№ 543. – Чередниченко Н.Н. История срубных племен Подонья (XVI–IX вв. до н. э.) : дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.06 «Археология» / Н.Н. Чередниченко. – К., 1973. – НА ІА НАНУ – № 543. – 322 с.

Шаповалов, 1983/№ 620. – Шаповалов Т.А. Периодизация эпохи бронзы бассейна Северского Донца (по материалам Ильичевского поселения) : дис ... канд.

ист. наук : 07.00.06 «Археология» / Т.А. Шаповалов. – К., 1983. – НА ІА НАНУ – № 620. – 246 с.

Шаповалов, Кравец, 1985/88. – Шаповалов Т.А. Отчет о разведках на северо-западе Донецкой области в 1985 г. / Т.А. Шаповалов, Д.П. Кравец ; Донец. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1985/88. – 43 с., 26 табл.

Швецов, 1983/58. – Швецов М.Л. Отчет об археологических исследованиях могильника у хут. Зливки в 1983 г. / М.Л. Швецов ; Донец. областная станция юных туристов.– НА ІА НАНУ. – 1983/58. – 19 с., 27 табл.

Швецов, 1985/132. – Швецов М.Л. Отчет об археологических исследованиях многослойного памятника «Зливки» у с. Ильичевка Краснолиманского района Донецкой обл. / М.Л. Швецов; Донец. областная станция юных туристов. – НА ІА НАНУ. – 1985/132. – 13 с., 31 табл.

Швецов, Котова, 1986/163. – Швецов М.Л. Дополнение к отчету об исследованиях на Зливках в 1986 г. / М.Л. Швецов, Н.С. Котова ; Донец. областная станция юных туристов. – НА ІА НАНУ. – 1986/163. – 29 с.

Швецов, Цимиданов, Дубовская и др., 1984/102. – Швецов М.Л., Цимиданов В.В., Дубовская О.Р., Кравец Д.П. Отчет о полевых исследованиях многослойного поселения «Зливки» / М.Л. Швецов, В.В. Цимиданов, О.Р. Дубовская, Д.П. Кравец ; Донец. областная станция юных туристов ; Донец. ОКМ. – НА ІА НАНУ. – 1984/102. – 77 с.

Шрамко Б.А., 1971/46. – Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-Славянской экспедиции Харьковского государственного университета им. А.М. Горького / Б.А. Шрамко ; Харьк. гос. ун-т. – НА ІА НАНУ. – 1971/46. – 25 с., 89 табл.

Яровой, 2006/78. – Яровой А.Г. Отчет о проведении разведок памятников археологии в пойме р. Орель на территории Днепропетровского, Магдалиновского р-нов Днепропетровской обл. в 2006 г. / А.Г. Яровой ; ДОЦОІКЦ. – НА ІА НАНУ. – 2006/78. – 18 с., 65 рис.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВУ – Археологічні відкриття в Україні, К.: ІА НАН України
- АДУ – Археологічні дослідження в Україні, К.: ІА АН УРСР / ІА НАН України
- АИУ – Археологические исследования в Украине, К.: ИА АН УССР
- АлГУ – Алтайский государственный университет, Барнаул
- АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України, Полтава
- АН СССР – Академия наук СССР
- АН ССРМ – Академия наук ССР Молдовы
- АН ТаджССР – Академия наук Таджикской ССР
- АН УзССР – Академия наук Узбекской ССР
- АН Украины – Академия наук Украины
- АН УССР – Академия наук Украинской ССР
- АО – Археологические открытия, М.: ИА АН СССР
- АП УРСР – Археологічні пам'ятки Української РСР, К.: ІА АН УРСР
- АС – Археологический съезд
- БАН – Болгарская академия наук
- БашГПИ – Башкирский государственный педагогический институт, Уфа
- БашГУ – Башкирский государственный университет, Уфа
- БСЭ – Большая советская энциклопедия
- БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР, Уфа
- ВД – Видавничий дім
- ВДИ – Вестник древней истории
- ВолГУ – Волгоградский университет
- ВорГПИ – Воронежский государственный педагогический институт
- ВорПИ – Воронежский педагогический институт
- ВорГПУ – Воронежский государственный педагогический университет
- ВорГУ – Воронежский государственный университет
- ВУАК – Всеукраїнська Академія наук
- ВГУ – Восточноукраинский государственный университет, Луганск

ВЯ – Вопросы языкознания

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГИМ – Государственный исторический музей, М.

ДГУ – Днепропетровский государственный университет

ДДУ – Дніпропетровський державний університет

ДНУ – Дніпропетровський національний університет

ДОКМ – Донецький обласний краєзнавчий музей

ДонГУ – Донецкий государственный университет

ДонбасДТУ – Донбаський державний технічний університет

ДОЦОІКЦ – Дніпропетровський обласний центр з охорони історико-культурних цінностей

ДП – Державне підприємство

ЗДУ – Запорізький державний університет

ЗНУ – Запорізький національний університет

ИА АН УРСР – Інститут археології Академії наук Української РСР, К.

ИА АН УССР – Інститут археології Академії наук Української ССР, К.

ІА НАНУ – Інститут археології Національної академії наук України, К.

ИД – Издательский дом

ИИМК РАН – Інститут історії матеріальної культури Російської академії наук

ГИКЗ – Государственный историко-культурный заповедник

КарГУ – Карагандинский государственный университет

КГУ – Киевский государственный университет

КМ – краєведческий музей

КНУ – Київський національний університет

КСИА АН СССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР, М.; Л.

КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР, К.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, М; Л.

КуйбышГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт

КуйбышПИ – Куйбышевский педагогический институт

КуйбышГПУ – Куйбышевский государственный педагогический университет

КуйбышГУ – Куйбышевский государственный университет

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛГПУ – Луганский государственный педагогический университет

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии

МАК – Материалы по археологии Кавказа, М.

МАКС і МВ – Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, М; Л.

МОИП – Московское об-во испытателей природы, М.

НА ІА НАНУ – Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України, К.: ІА АН УРСР

НАН України, НАНУ – Національна академія наук України

НИИ – научно-исследовательский институт

НИЛ – Научно-исследовательская лаборатория

НЛ – Наукова лабораторія

НЦ – Научный центр

ОАМ – Одесский археологический музей НАН Украины

ОИКМ – Областной историко-краеведческий музей

ОКМ – областной краеведческий музей

ООО – Общество с ограниченной ответственностью

ПАЗ – Полтавський археологічний збірник

ПСК – Покровская срубная культура

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология, М.

РАН – Российская академия наук, М.

РостГУ – Ростовский государственный университет

РИО – Редакционно-издательский отдел

РостПИ – Ростовский педагогический институт

СА – Советская археология, М.

САИ – Свод археологических источников, М.

СамГПИ – Самарский государственный педагогический институт

СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет

СарГПИ – Саратовский государственный педагогический институт

СарГУ – Саратовский государственный университет

СНУ – Східноукраїнський національний університет, Луганск

ТбилГУ – Тбилисский государственный университет

УООПИК – Украинское Общество охраны памятников истории и культуры

УТОПИК – Українське товариство охорони пам'яток історії та культури

УрГУ – Уральский государственный университет, Свердловск

ХГУ – Харьковский государственный университет

ХДУ – Харківський державний університет

ХНУ – Харьковский национальный университет.

ЧелГУ – Челябинский государственный университет.